

ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Институт истории
естествознания
и техники
в воспоминаниях
сотрудников

Институт истории естествознания
и техники имени С.И. Вавилова
Российской академии наук

ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Институт истории
естествознания
и техники
в воспоминаниях
сотрудников

Москва
2022

УДК 93(092)
ББК 78.5
П 90

Путь в профессию: Институт истории естествознания и техники в воспоминаниях сотрудников / Фандо Р.А. – отв. ред.; Илизаров С.С. – автор идеи, составитель, редактор. – М.: «Янус-К», 2022. – 920 с.

ISBN 978-5-8037-0857-5

В книге собраны тексты воспоминаний сотрудников Института истории естествознания и техники разных поколений, начиная с 1930-х годов, когда существовал Институт истории науки и техники АН СССР (1932–1938), от которого ведет свое происхождение ИИЕТ РАН, и до настоящего времени. Данное издание, содержащее свыше 180 мемуарных текстов, продолжает и развивает проект, который был реализован в 2008 г. в виде книги из сорока воспоминаний старшего на то время поколения историков науки и техники, работавших в ИИЕТ.

Книга адресована как специалистам в области истории и историографии истории науки и техники, а также истории науковедения, так и всем, кого интересует развитие истории науки как области знаний и сферы профессиональной деятельности.

На обложке – фотография здания по адресу: Старопанский переулок, дом 1/5, в котором Институт истории естествознания и техники размещался в 1966 – 2007 годах.

A journey to the profession: Institute for the History of Science and Technology in the recollections of its staff / R.A. Fando, Exec.; idea, compilation and editing by S.S. Ilizarov. – М.: Yanus-K, 2022. – 920 p.

This book is a collection of memoirs of different generations of the Institute for the History of Science and Technology («ИИЕТ») staff members from the 1930s when its predecessor, the first Institute for the History of Science and Technology («ИИТ», 1932–1938), existed to this day. This publication that comprises more than 180 memoir texts continues and further pursues the project, which in 2008 culminated in a book consisting of forty memoirs of the then older generation of historians of science and technology who had worked at the Institute.

This publication is addressed to the professionals in the history and historiography of science and technology and in the history of science studies as well as to everyone interested in the development of history of science as a knowledge area and a professional sphere.

Cover photograph: the building at 1/5 Staropanskii pereulok that hosted the Institute for the History of Science and Technology in 1966-2007.

© С.С. Илизаров, 2022
© ИИЕТ РАН, 2022

ISBN 978-5-8037-0857-5

ИСТОРИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ ВСПОМИНАЮТ

Идея инициативного сбора воспоминаний историков науки и техники – сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР – зарождалась во второй половине 1970-х гг. История ИИЕТ тогда никем не изучалась, не был собран даже первичный фактический материал, и событийная хронологическая канва не выстраивалась. В нескольких обзорных публикациях упоминались организации – центры изучения истории научно-технических знаний, существовавшие до 1953 г., но причинно-следственные связи между ними, обстоятельства их возникновения и исчезновения оставались не прояснены, а фамилии ряда главнейших участников историко-научного процесса 1920-х–1930-х гг. находились под строжайшим запретом¹⁾.

В конце семидесятых годов в Институте началась подготовка к очередному Международному конгрессу по истории науки, и я был привлечен к работе над справочной брошюрой об Институте. За библиографическую часть работы отвечала О.А. Лежнева, а нами обоими по поручению директора Института С.Р. Микулинского руководил И.А. Федосеев, возглавлявший сектор истории геолого-географических наук²⁾. Для написания связной истории ИИЕТ информации не хватало, и по подсказке и рекомендации заведующего сектором истории СНТР С.В. Шухардина меня удостоил беседой–воспоминаниями Б.Г. Кузнецов, который начал свою карьеру историка науки еще в 1930-х гг. и был последним директором Института истории науки и техники АН СССР, окончательно прекратившего свое существование 5 мая 1938 г. Эта встреча, проходившая в актовом зале в помещении ИИЕТ в Старопанском переулке, оказалась исключительно важной для понимания трагичности нашей истории, но мало что давала в практическом выражении, поскольку имена создателя и первого директора Института истории науки и техники Н.И. Бухарина и иже с ним оставались «не печатными». Это был первый в моей жизни и потому

---

1) Первая фундаментальная историографическая публикация появилась только в 1979 г. Это была статья историка-архивиста М.С. Бахраковой, ставшей к тому времени мастером социальной истории науки, «Из истории развития историко-научных исследований» (Вопросы истории естествознания и техники. 1979. Вып. 61–63. С. 34–47). Написание статьи инициировал директор ИИЕТ С.Р. Микулинский. К сожалению, автор не стал развивать этот материал в монографию, увлеченный подготовкой публикации историко-научных работ В.И. Вернадского.

2) Институт истории естествознания и техники (Краткий обзор) / Составители С.С. Илизаров, О.А. Лежнева; Редактор И.А. Федосеев. М.: Наука, 1981. – 131 с.; То же на англ. языке. – 139 с.

несовершенный опыт интервьюирования историка науки. Так сложилось, что историографическое направление в целом и история ИИЕТ как его центральное звено стали для меня одним из основных направлений работ.

Благодаря тому, что, начиная с 1993 г., ИИЕТ оказался участником работ по программам «Наука–Москве» и «Москва–науке» в соответствии с Постановлением Правительства Москвы и Президиума РАН «О работах Российской академии наук для Москвы и поддержке ученых московских учреждений Академии», появилась возможность приобретения аудио- и видеозаписывающей техники. Это позволило наряду с изучением документального материала приступить к активному интервьюированию историков науки. Часть записанных бесед удалось опубликовать, другие сохранились в расшифровке и в аудио-видео записях.

В 2008 г. в ходе выполнения проекта «Российские историки науки: коллективный автопортрет (просопографическое исследование на материале устно-мемуарных источников)», поддержанного РГНФ, возникла идея проведения коллективного интервьюирования на заданную тему. В контексте подготовки празднования 55-летнего юбилея ИИЕТ РАН данная идея оказалась более чем уместна и получила общую поддержку. В итоге, в апреле 2008 г. удалось провести «круглый стол», на который были приглашены сотрудники ИИЕТ РАН старшего поколения, то есть те, кому исполнилось на тот момент семьдесят и более лет. Им было предложено рассказать в свободной форме о том, как «Я [имярек такой-то] пришел в ИИЕТ в ... году и мои первые впечатления».

К нам на заседание, проходившее в помещении отдела (на улице Обручева, д. 30а, комната 202), в среду 23 апреля пришли 23 сотрудника из числа тех, кто попал в выборку. Мы проводили полную запись всех выступлений на видео и аудиоаппаратуру.

Потребовалось достаточно много дополнительных усилий, чтобы дописать на видео и аудио автобиографические рассказы тех коллег, которые по разным причинам не смогли прийти на заседание Круглого стола. В явной форме отказались тогда от участия в проекте только четыре человека, один из которых трудился в Санкт-Петербургском филиале.

Далее проведенные записи расшифровывались, тексты проходили авторизацию, в ходе которой не только выправлялась устная речь: в ряде случаев (как это обычно и бывает) текст трансформировался радикально.

Были сомнения, каким образом группировать материал при издании. В итоге мы пришли к решению, что Круглый стол, проходивший 23 апреля с 15 до 21 часа, будет представлен текстами, помещенными в той последовательности, как они звучали в реальном времени³⁾. Выступления тех коллег, которые записывались позже, при публикации в сборнике располагались в алфавитной последовательности.

Во время проведения заседания возникла еще одна идея – дать фото-портреты участников, относящиеся хронологически ко времени их прихо-

---

3) Это тем более справедливо, что первым высказался коллега, ведущий научный сотрудник нашего отдела, который тогда назывался Информационно-аналитический центр «Архив науки и техники» – Игорь Алексеевич Апокин; для него это стало последним в жизни публичным выступлением.

да в ИИЕТ. Итогом всей этой довольно трудоемкой, но очень увлекательной работы стала небольшая книга в 14 печатных листов с воспоминаниями на заданную тему сорока сотрудников Института старшего поколения⁴).

Когда начинался проект, то мы не детализировали и почти не задавали каких-либо наводящих вопросов. Делалось это сознательно, дабы излишне формализованные задачи не довели над процессом воспоминания. Каждый из участников Круглого стола попытался вспомнить и поведать об обстоятельствах своего прихода в ИИЕТ. Всех занимал вопрос – это случайность или закономерность?

Глубина памяти о событиях и способность ее активизировать у всех разная. Кто-то пришел в ИИЕТ свыше полувека тому назад (таких 8 человек), другие – сорок и более лет тому назад (10 человек); бóльшая часть сотрудников имела стаж работы в ИИЕТ порядка тридцати и более лет, но среди ветеранов были и такие, кто пришел в Институт всего несколько лет тому назад. У каждого был свой путь и своя протяженность дороги в ИИЕТ. Как ни странно, но представительная часть сотрудников, имеющих наибольший стаж работы, оказалась в Институте в результате чтения объявлений о приеме в аспирантуру, публиковавшихся в газете «Вечерняя Москва».

Практически все участники Круглого стола отмечали приход в Институт как счастливое событие в своей жизни. Вот несколько высказываний:

– «...в моей жизни 1955 год был самый счастливый» (Н.А. Григорьян).
 – «Я благодарен судьбе за то, что она привела меня на Старопанский» (В.М. Орел).

– «...мне повезло. Все 55 лет учебы и работы в ИИЕТ я каждый день и каждый час радуюсь жизни, потому что все это время у меня была интересная работа и добрые друзья» (З.К. Соколовская).

– «...какая-то счастливая звезда вела меня в этот Институт. Я благодарна судьбе, что попала сюда...» (Г.И. Любина).

– «Мое первое незабываемое впечатление – это атмосфера необыкновенной свободы, проявлявшейся в выборе тем исследований, в открытости обсуждения их результатов, в возможности свободного посещения разных научных мероприятий и просто в общении между собой сотрудников и т.п.» (И.В. Шульгина).

– «Мне в жизни повезло. Я всегда любил Институт и людей, в нем работающих» (В.А. Волков).

– «Я рад и горд, что являюсь одним из старейших сотрудников Института» (В.А. Есаков).

– «Эти годы фактически не ушли. Они в душе, в благодарной памяти. Они надежная опора, которая позволяет жить в сложные периоды бытия, работать» (К.В. Манойленко).

– «Я счастлива, что работаю в этом Институте...» (И.В. Лерман).

– «Больше всего в ИИЕТ мне нравится общая обстановка культуры» (А.Г. Назаров).

4) «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. (Материалы Круглого стола 23 апреля 2008 г.) / авторы–составители: С.С. Илизаров, М.В. Мокрова. М.: Янус-К, 2008. – 224 с. В проекте на разных стадиях принимали участие И.Р. Гринина, А.А. Жидкова, М.А. Помелова, Н.А. Ростовская.

– «В ИИЕТ существует познавательная доброжелательность» (Г.Г. Дюментон).

– «Каждый шел своим, неповторимым путем, приобщаясь к историко-научным исследованиям. Из этой неповторимости в конечном счете сложился уникальный научно-исследовательский коллектив. Кто бы и что бы сейчас ни говорил про Институт, такого «сгустка» высококвалифицированных специалистов – историков знания – нет нигде в мире» (Д.Н. Трифонов).

Каждая из этих фраз – свидетельств признания любви к ИИЕТ – могла бы стать эпиграфом к книге об Институте. Пожалуй, особенно напряженно этот мотив звучит в устах тех ветеранов, кто пришел к нам, имея за плечами многолетний жизненный и трудовой путь:

– «Признаюсь Вам как на духу, я счастлив, что последние годы жизни я работаю в этом Институте – это была моя мечта» (Б.Н. Кантемиров).

– «Я не устаю благодарить судьбу за то, что я здесь, в Институте истории естествознания и техники. Приход сюда после Армии позволил мне обрести не то, что вторую молодость, но какие-то дополнительные жизненные силы и энергию. Иначе бы я зачахла, это точно» (В.Л. Пономарева).

Все участники Круглого стола отмечали сложность вхождения в профессию, специфику работы историка науки. Все вспоминали с любовью и благодарностью своих учителей и старших коллег, которые когда-то вводили их в бескрайний мир истории знаний.

Высказывания наших ветеранов, умудренных жизненным и профессиональным опытом, с полным правом можно рассматривать как своеобразную экспертную оценку прошлого. В абсолютном большинстве это скорее эмоциональные суждения о личностных качествах своих учителей, да еще окрашенные субъективным ситуационным восприятием. Качественная экспертная оценка творческого наследия предшествующего поколения историков науки и техники, оценка их вклада в развитие и преумножение историко-научных знаний и методов предполагает исследование, а не субъективное суждение. Тем не менее, даже простая частотность упоминаний имен позволяет зафиксировать ядро, составляющее ныне классическое историко-научное наследие. Вот те, кого вспоминали участники Круглого стола 2008 года чаще всего: Л.Я. Бляхер, Г.В. Быков, А.Н. Вяльцев, В.П. Зубов, И.И. Канаев, Б.М. Кедров, Э. Кольман, А.В. Кольцов, Х.С. Коштоянц, Б.Г. Кузнецов, В.И. Кузнецов, Н.К. Ламан, О.А. Лежнева, Л.Е. Майстров, С.Р. Микулинский, Г.Е. Павлова, С.А. Погодин, И.Б. Погребынский, Л.С. Полак, Б.Е. Райков, Б.А. Розенфельд, С.Л. Соболев, Ю.И. Соловьев, А.С. Федоров, И.А. Федосеев, Н.А. Фигуровский, А.А. Чеканов, Ю.М. Шейнин, С.В. Шухардин, М.Г. Ярошевский...

За прошедшее после 2008 года время произошло множество разных событий. Из сорока участников проекта «Я пришел в ИИЕТ...» двадцать шесть покинули этот мир и только пять продолжают трудиться в ИИЕТ. Сам Институт изменился радикально. За период с июня 2015 г. по февраль 2021 г. Институт пережил административную катастрофу, в ходе которой научный состав сократился более чем в два раза. Но до этих событий Ю.М. Батурину, возглавлявшему Институт с 2010 по 2015 гг. удалось реализовать давнюю идею В.М. Орла и 13 декабря 2011 г. Постановлени-

ем Президиума РАН конституировалась как начальная дата основания ИИЕТ – 28 февраля 1932 года.

28 февраля 2012 г. в Президентском зале Президиума РАН состоялось представительное юбилейное собрание, посвященное 80-летию ИИЕТ РАН.

Летом прошлого 2021 года в ходе обсуждения плана мероприятий по подготовке к предстоящему 90-летию ИИЕТ я предложил актуализировать старый 2008 года проект, но с тем, чтобы участие в нем приняли **все** ныне работающие сотрудники. Директор Института Р.А. Фандо поддержал это предложение и издал распоряжение, в котором каждому вменялось в объеме до 10 000 знаков подготовить текст о себе с рассказом на тему: «Я пришел в ИИЕТ в ... году и мои первые впечатления (об институте, коллегам, учителях, условиях работы и т.п.)». Кроме этого, при желании, предлагалось описать свои представления о профессии «историк науки». Подготовленный текст предлагалось также сопроводить своей фотографией, по времени соотносимой с поступлением на работу в ИИЕТ. В нынешних условиях буквальное воспроизведение опыта 2008 года – проведение интервью с аудио- и видеозаписью, последующей расшифровкой и авторизацией текстов оказалось невозможным.

Тексты стали поступать с ноября 2021 г. и, по обыкновению, процесс их подготовки и представления затянулся на довольно долгий срок; небольшая по числу часть сотрудников уклонилась от участия в проекте.

Начиная новый проект, было также принято решение, что все тексты, вошедшие в издание 2008 года, войдут в новую книгу с минимальной, но необходимой редактурой. По мере реализации проект постепенно стал усложняться. Нельзя было не воспользоваться благоприятными обстоятельствами и не постараться максимально расширить число участников и соответственно общую панораму истории Института. Сначала возникла идея пригласить к участию тех, кто когда-то в разное время работал в ИИЕТ, но по различным причинам и обстоятельствам его покинул. Собирались соответствующие адреса и проводилась рассылка – приглашение с пояснением задач, сроков, объема и проч. К сожалению, большая часть тех, кто недавно и несправедливо был уволен из Института, уклонились от участия в подготовке книги воспоминаний. Следующая и более сложная в исполнении задача заключалась в том, чтобы в различных ранее опубликованных текстах, главным образом интервью и воспоминаниях, подобрать соответствующие нашим задачам фрагменты. Довольно сложным оказался процесс корректной адаптации интервью, создававшихся двумя участниками коммуникативного процесса – респондента и интервьюера – и превращения его в связанный авторский нарратив мемуарного характера. В ряде случаев пришлось пойти на контаминацию двух различных и, как правило, разновременных текстов. Насколько эти опыты оказались удачны, заинтересованный читатель, особенно тот, кто захочет воспользоваться публикуемыми текстами как историческим источником, может произвести самостоятельную проверку, обратившись к указанным изначальным изданиям или архивным документам. В результате удалось собрать и подготовить тексты воспоминаний об ИИЕТ 182 участников. По отношению к текстам никаких вмешательств, так сказать, цензур-

ного характера или искажающих смысл авторского высказывания, не допускалось. В силу того, что некоторые авторы путали мемуарный жанр с научной статьей с соответствующим ссылочным аппаратом, приходилось все сноски снимать, либо размещать их в самом тексте. Ни одному автору, представившему текст, не было отказано в публикации, кроме одного случая, когда в очерке содержался пошлый выпад в адрес здравствующего человека и на предложение поправить одну строку последовал категорический отказ.

Еще на начальной стадии было принято решение о принципах группировки материала. Самый демократичный – алфавитный – принцип в силу значительного числа авторов не подходил. Поэтому материал группировался по времени прихода того или иного лица в ИИЕТ. Постепенно по мере сбора текстов стало понятным, что очерки воспоминаний логически собираются в хронологические блоки. Они совпадали с периодизацией существования ИИЕТ (с 1953 г. по настоящее время) и тех учреждений, которые ему предшествовали. Внутри этих блоков материал размещался по хронологии поступления в Институт. Так естественным образом все собранные тексты оказались распределены по восьми группам.

В первом разделе имеются четыре очерка – Т.И. Райнова, Б.Г. Кузнецова, П.Д. Дузя и В.В. Данилевского. Все они поступили в ИИИТ АН СССР в московский период, то есть в 1936–1938 гг., хотя у Т.И. Райнова были договорные отношения с этим Институтом и в предшествующие годы, а у В.В. Данилевского, которого не допускали в ИИИТ, когда тот размещался в Ленинграде, опыт работы в области истории техники восходил к 1920-м гг.

Во втором блоке удалось собрать девять очерков тех, кто работал в Институте истории естествознания АН СССР, существовавшем с 1944/45 г. по 1953 г. Раздел начинается с текста Б.Г. Кузнецова, в котором рассказывается об обстоятельствах создания ИИЕ. Только для него сделано исключение – в книге имеются два отдельных текста Б.Г. Кузнецова, – человека, имеющего огромные, несоизмеримые ни с кем другим (кроме В.И. Вернадского) заслуги перед отечественной историей науки. Но и сами по себе эти тексты имеют важное смысловое значение. Далее по хронологии идут очерки Б.Е. Райкова, В.П. Зубова, А.П. Юшкевича, Н.А. Фигуровского, Ю.И. Соловьева, О.А. Лежневой, В.А. Есакова и А.В. Кольцова. Нет необходимости пояснять, что все эти люди своими трудами оставили неизгладимый след в историографии истории науки.

Третий блок воспоминаний объединяет тексты историков науки и техники первого десятилетия существования ИИЕТ АН СССР. Хронологически это 1953–1962 гг. С определенной долей условности данный период может быть назван как период Н.А. Фигуровского, который сначала как заместитель по научной работе, а с 1956 г. как директор фактически был и административным и научным лидером. Из поступивших в Институт в 1950-е гг. четырнадцати авторов текстов, продолжают творческую деятельность четверо: А.И. Еремеева, Г.П. Матвиевская, Н.Г. Сухова (все трое поступали в ИИЕТ в 1954 г.) и Е.М. Сенченкова, пришедшая в Институт в 1956 г.

В следующем, четвертом разделе размещено сорок очерков за период 1963–1974 гг. Это время, когда во главе ИИЕТ был Б.М. Кедров. В пятом – тридцать шесть текстов авторов, которые поступили в Институт в период с 1974 по 1986 гг., когда его возглавлял С.Р. Микулинский. По сути, это был единый этап в истории ИИЕТ. Тогда удалось провести реформирование Института в ходе которого открывались принципиально новые исследовательские направления по изучению общих проблем развития науки и техники, научного творчества, социологических проблем, системного анализа науки, истории и теории организации научной деятельности и др.; именно здесь зарождалось и формировалось отечественное науковедение. В результате ИИЕТ оказался на протяжении четверти века ведущим центром гуманитарной научной и философской мысли, а сам Институт становился уникальным по кадровому составу и широте проводимых исследований центром истории и теории науки и научной деятельности. Успешность и результативность «Проекта ИИЕТ» шестидесятых–восьмидесятых годов XX века определялись тем, что во главе института образовался интеллектуально мощный и сплоченный тандем «Кедров–Микулинский».

После вынужденного ухода в 1986 г. С.Р. Микулинского с поста директора, ИИЕТ в 1987–1988 гг. возглавил выписанный из Минска философ В.С. Степин. Вскоре он был избран членом-корреспондентом АН СССР и покинул Институт, уведя с собой в Институт философии наиболее мощную в интеллектуальном отношении группу профессионалов в области методологии и философии науки, и тем самым «Проекту ИИЕТ» был нанесен непоправимый урон. В 1988–1991 гг. директором ИИЕТ был член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда Н.Д. Устинов, незадолго до этого назначенный в Институт из НПО «Астрофизика», где он являлся генеральным директором и генеральным конструктором. Между Н.Д. Устиновым и следующим директором, недолгое время исполнявшим обязанности руководителя Института, был философ и историк техники Б.И. Козлов. В этот, шестой по счету специфический период существования ИИЕТ попало двадцать три текста воспоминаний.

После С.Р. Микулинского последним директором, стремившимся активизировать деятельность ИИЕТ и поддерживать сколько-нибудь перспективные инициативы, был В.М. Орел. Период его руководства Институтом пришелся на 1994–2004 годы. В этом седьмом по счету разделе помещены двадцать очерков.

С добровольным уходом в 2004 г. В.М. Орла с поста директора ИИЕТ РАН завершается историческая часть и начинается современный восьмой период, который здесь представлен тридцатью семью текстами воспоминаний.

Собранные вместе под одной обложкой воспоминания разных поколений историков науки и техники различаются полнотой и детальностью повествования, глубиной саморефлексии, информационной ценностью и эмоциональной составляющей. Но все вместе они помогают осознанию значимости того дела, к служению которому разными путями каждого из нас привела судьба.

* * *

Настоящим изданием не завершается процесс активизации памяти общества историков науки и техники. Апрельский Круглый стол 2008 года, собравший ветеранов ИИЕТ, вкупе с общим развитием историографического, то есть рефлексивного восприятия процесса эволюции истории науки как области знаний и деятельности, в определенной мере оказали непосредственное воздействие на то, что за прошедшее время появилась целая библиотека мемуаров историков науки⁵⁾. Можно не сомневаться, что если и не все, то все-таки значимая часть участников нашего общего проекта окажется подвигнута на написание полномасштабных воспоминаний о себе, о своем пути в историю науки, о том, как он пришел в ИИЕТ...

Р.С. Каждый масштабный проект не может быть реализован без участия многих. Так и в данной книге в процессе сбора информации об авторах, коммуникации с ними, согласовании и т.п. значимую помощь оказали Н.А. Ащеулова, Ю.В. Бельчич, В.А. Герович (США), А.Б. Кожевников (Канада), Е.В. Минина, Е.Ф. Синельникова, О.А. Соколова, Р.А. Фандо, С.В. Шалимов, Т.И. Юсупова и др. Сложная и трудоемкая работа по поиску, сканированию и обработке опубликованных текстов, ранее выходивших интервью и воспоминаний была выполнена И.Р. Грининой. Первым и восторженным читателем всех публикуемых текстов стала Н.А. Ростовская, благодаря которой грамматических ошибок, опечаток и проч. стало несравненно меньше.

Отрадно, что эту книгу издает замечательное издательство «Янус-К» (руководитель В.Н. Балаболин), публиковавшее в 2008 году сборник «Я пришел в ИИЕТ...» и с которым продолжается наше творческое сотрудничество уже три десятилетия.

Сердечная благодарность всем помощникам и всем участникам нашего общего дела.

С.С. Илизаров

---

5) Отмечу наиболее значимые издания в хронологической последовательности их выхода: *Фигуровский Н.А.* «Я помню...». Автобиографические записки и воспоминания / Сост., статья, примечания С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 2009. – 604 с.; *Кирсанов Владимир.* Избранные труды. Воспоминания коллег и друзей. Стихи. Рисунки / Сост. Н.В. Вдовиченко, О.А. Хазанова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. – 232 с.; *Райков Б.Е.* На жизненном пути: автобиографические очерки / Отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Коло, 2011. Кн. 1. – 848 с.; Кн. 2. – 664 с.; *Колчинский Э.И.* Так вспоминается... СПб.: Нестор-История, 2014. 572 с.; *Историографические чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского (1919–1991) // История науки: источники, памятники, наследие: Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники / Сост. Е.В. Минина; ред. Ю.М. Батурич, С.С. Илизаров, И.Н. Юркин.* М.: Янус-К, 2016. С. 293–338; «Ничто на Земле не проходит бесследно...»: Воспоминания о Владимире Михайловиче Орле / авторы-составители Ю.В. Бельчич, Н.П. Иващенко, Р.А. Фандо. М.: Янус-К, 2016. – 288 с.

1930-е годы

Институт истории науки и техники

1936 год

РАЙНОВ
Тимофей Иванович

После так называемой «народной школы» я учился на земской стипендии в городе Болграде, в мужской классической гимназии, которую окончил в 1909 году с золотой медалью. Земская стипендия вместе с частными уроками начиная с 14-летнего возраста, дала мне возможность окончить гимназию. В 1909 г. поступил в бывший С.Петербургский университет на физико-математический факультет, но скоро перешел в бывший Политехнический институт по инженерно-строительному отделению. Не окончил его вследствие отсутствия настоящего интереса к технике, но усвоив некоторые физико-математические познания, через 2 года вернулся в Университет, где учился на Историко-филологическом и юридическом факультете. В Университете я работал главным об-

разом у академика А.С. Лаппо-Данилевского по вопросам методологии истории. В 1915 г. я сдал государственный экзамен по юридическому факультету.

Научно-исследовательской работой начал заниматься еще в Университете (с 1910 г.). В первые годы сосредоточивался преимущественно на вопросах психологии научного мышления и истории философии. В частности, моя тогда напечатанная монография о теории искусства Канта в связи с его теорией науки давала бы мне повод к специализации по истории философии. Но мое расхождение с тогдашним руководством философской кафедры СПб Университета в лице неокантианцев проф. А.И. Введенского и проф. И.И. Лапшина в отношении к Канту закрыло для меня возможность оставления при Университете. Даже государственные экзамены я должен был держать (экстерном) по юридическому факультету из нежелания иметь дело с руководством философской кафедры.

Некоторое время по окончании университета я занимался литературной работой и частными уроками. Затем в 1916 г. был призван на военную службу в качестве нестроевого (по состоянию зрения). В конце 1917 г. я был освобожден от военной службы по болезни глаз и уехал к жене, служившей земским врачом в бывшей Херсонской губернии. Переболев там в 1918 г. сыпным тифом и менингитом, я в 1919 г., с утверждением советской власти в крае, занялся преподаванием обществознания на Высших Педагогических курсах в городе Кривой Рог. На этой работе я провел годы 1919–1923 (март), после чего переехал в Москву.

Целью переезда было намерение возобновить занятия научной работой, бывшее почти невозможным в 1919–23 гг. в провинции. В мае 1923 г. я поступил в качестве научного сотрудника в Библиотеку Социалистической, впоследствии – Коммунистической Академии, где обилие научной литературы дало мне возможность пополнить свое образование и возобновить свои научные занятия. Здесь я сперва в качестве Заведующего Отделом, а потом – консультанта руководил библиографической работой библиотеки до конца 1935 г.

В этой библиотеке в основном (а по совместительству временно и в некоторых других учреждениях) я проработал с 1923 по 1935 год включительно. Помимо руководства библиографической работой, давшей между прочим большую библиографию по Урало-Кузнецкому Комбинату (издана Госпланом СССР) и библиографию итогов 1-й пятилетки (издана ВСНХ СССР), в это время я почти исключительно занимался историей науки, работая здесь по преимуществу над вопросами, связывающими историю науки в России с общей историей науки.

С 1929 г. по 1935 г. я работал, главным образом, над историей представлений о природе в России с XI по XVII век включительно. В 1936 г. эта работа отлилась в большую книгу, которая была написана по договору с бывшим Институтом истории науки и техники АН СССР.

Переезд Института истории науки и техники из Ленинграда в Москву позволил мне оставить в 1936 г. работу в Библиотеке Коммунистической Академии и перейти в названный Институт. Однако, после его ликвидации в апреле 1937 г. я опять потерял связь с постоянным организационным центром по истории науки и принужден был возвратиться к работе в библиотеках. С 1936 г. я состою консультантом научной Библиотеки Мос-

ковского государственного университета, с 1938 г. – консультантом Всесоюзной библиотеки им. Ленина.

Моя научная работа, сосредоточенная преимущественно на вопросах истории науки III–XVIII вв. в России и на Западе, велась с 1937 г. по сие время в организационной связи с Академией наук, главным образом по Институту истории. Для этого Института я написал ряд работ по линии «Всемирной истории». Для Комиссии по истории Академии наук я написал свое исследование о русском естествознании 2-й половины XVIII в. и Ломоносове. «Вестник Академии наук» открыл свои страницы для публикации ряда моих работ по истории науки в XVIII в.

С 1939 г. начали устанавливаться более тесные связи с научными учреждениями Московского государственного университета. Институт механики и математики принял к изданию мою работу о русской математике XV века. Институт Географии – очерк истории русских географических познаний до XVII в. Наконец, осенью 1939 года и весной 1940 г. по предложению кафедры истории Средних веков на Историческом факультете МГУ я прочел часть факультативного курса истории науки III–XVIII вв. в связи с общей историей культуры в эту эпоху.

Причем (попеременно через год) посвящал их то истории восточной, то истории западной науки в Средние века. Эти курсы я продолжал и потом и во время эвакуации в Ташкенте (в Средне-Азиатском государственном университете). Еще в 1939 г. я, углубляя свои знания по восточной науке, занимался в Москве специально научными идеями аль-Бируни и Омар-Хайяма. Во время эвакуации эти занятия расширились, я напечатал в Ташкенте книжку о науке Узбекистана в IX–XI вв. и статью о науке 1917–1942 гг. в Узбекистане. Все эти востоковедные работы и некоторые (неизданные) другие открыли мне двери Института востоковедения АН СССР, в который я вошел с 1942 г., продолжая заниматься там наукой и философией советской Средней Азии.

С 1942 по 1948 г. (январь) я работал в качестве старшего научного сотрудника в Институте востоковедения АН СССР, изучая историю науки в Средней Азии IX–XI вв. (Фараби, Бируни). За эти годы я написал книгу о Фараби (еще не издана) и статью об этапах развития идейных движений на Ближнем Востоке в III–XV вв. (в печати). В те же годы я работал по совместительству в Институте философии АН (по истории естествознания) и в Институте истории естествознания АН СССР (всего 2 года), напечатав или подготовив к печати ряд работ по истории русской и частью западноевропейской науки.

С 1943 г. я работаю в Фундаментальной библиотеке ОН АН СССР, сперва в качестве консультанта по востоковедению, а с 1948 г. в качестве заведующего сектором востоковедения. Я сосредоточил свою работу в ФБОН как месте, где, кроме востоковедных занятий, могу вести работу по истории русской книги I трети XIX в., начатую с 1948 г. и уже давшую в качестве подготовительного этюда монографию о «Мемуарах» АН в 1809–1830 гг.

Текст подготовлен путем контаминации по: Райнов Т.И. Curriculum Vitae (май 1940 г.) и Автобиографии (декабрь 1948 г.), (архивный документ).

1936 год

КУЗНЕЦОВ
Борис Григорьевич

Когда Академия наук переехала из Ленинграда в Москву, я продолжал работать над энергетическими прогнозами, но все дальше уходил от энергетики. Вскоре я написал прогнозную статью для подготавливаемого А.М. Горьким издания «Две пятилетки», и Горький попросил меня совсем перейти в редакцию этого издания. Но Кржижановский решительно воспротивился. Однако, когда в Москву переехал Институт истории науки и я решил перейти туда, Глеб Максимилианович согласился и на прощанье долго говорил мне о своих собственных историко-научных интересах, в частности о статье, в которой введено понятие энергетических порогов. «Впрочем, — добавил он, — ты ведь сам всегда выбираешь дорогу. Помнишь, как я тебе подарил на день рождения книжку

Киплинга «Кот, который ходит сам по себе». Подарил с намеком: ты и есть такой кот. Но мир науки так же тесен, как и мир в целом, а у нас с тобой склонность бродить по этому миру. Мы еще встретимся в энергетической области». Эта фраза Кржижановского оказалась пророческой. В начале войны я работал над проблемой мобилизации энергетических ресурсов Урала на нужды обороны. Но с середины 30-х годов я уже не проводил ни одного дня без чтения физической литературы и без размышлений о том, что прочел (за вычетом пребывания в армии, хотя и там размышления не прекратились – об этом расскажу позже). Примерно в 1935 г. А.Ф. Иоффе в одной беседе рассказал мне о своих встречах и беседах с Эйнштейном. Я к этому времени уже проштудировал несколько физических (тогда еще новых) учебников, и кое-что еще даже писал об идеях Эйнштейна. Но в рассказе Иоффе я почувствовал образ Эйнштейна, и это было для меня некоей «встречей на пути в Дамаск», хотя я, слава богу, никогда не был Савлом – гонителем относительности и, к сожалению, не превратился в ее апостола Павла. Впрочем, когда я рассказал обо всем этом Леониду Инфельду и произнес именно эту фразу, он мне ответил: «У Эйнштейна вообще не было апостолов. У него были только ученики. Ими являются все физики, а может быть, станут и вообще все люди. Я был в Принстоне его спутником, но не думал стать евангелистом. Нечего и Вам жалеть, что не стали апостолом. Быть учеником Эйнштейна – это уже достаточно хорошо». Тут мне придется забежать несколько вперед в связи с замечанием Инфельда и попытаться определить: в чем состоит главное, что сохранилось на всю жизнь из уроков Кржижановского и всего «энергетического периода» моей жизни? Я получил очень большую, как теперь бы сказали, информацию, или приращение тезауруса, от окружения Кржижановского. И, конечно, от него самого. Но есть и другое, что я также получил от всего окружения, но от самого Кржижановского в наибольшей мере и что отражало его очень яркую индивидуальность, его неповторимость в истории техники, науки и культуры. Это было воздействие на интуицию, на то, что не вмещается в логические дедукции и что определяет *ценность информации* – это понятие введено сравнительно недавно. Глеб Максимилианович передал мне в некоторой мере рецепторную активность сознания, желание и способность творческого усвоения получаемой информации, интенсивность перехода к иным, уже не содержащимся в полученном, в данной информации, ассоциациям и проблемам. Отсюда, быть может, извилистость творческого пути, повороты и переходы, которые, впрочем, никогда не были «тушинскими переплетами» – изменениями прежним интересам. И, конечно, здесь была важна не только информация, но и живое общение, стиль разговора, эмоциональный аккомпанемент беседы. Кржижановский сам обладал активностью и интуитивной независимостью мышления и воспитывал ее в других. Его логика часто включала интуитивные и парадоксальные пассажи. И в его окружении (именно поэтому это не было «школой» в традиционном смысле) было немало «котов, которые ходят сами по себе». Но таких «котов» он по преимуществу и любил.

В конце 30-х годов на одном из заседаний Президиума Академии наук СССР, когда рассматривался вопрос о назначении нового директора Института истории науки, В.Л. Комаров сказал: «Мы должны выбрать одно-

го из тех, имена которых связаны с определенными фундаментальными идеями и представлениями о науке. Например, имя Владимира Ивановича Вернадского связано с идеей науки, которая служит двигателем всей человеческой культуры в целом. Имена, которые не ассоциируются с фундаментальными идеями, кажутся мне неприемлемыми...». Какая же общая идея ассоциируется сейчас с его собственным именем? Пожалуй, идея цельности Науки с большой буквы, примата общенаучных идей и интересов по отношению к отраслевым и частным, примата ее длительных задач по отношению к быстропреходящим, единства науки и научной политики, единства производственного, социального и культурного эффекта науки. Отсюда интерес к структуре науки, к ее исходным определениям, к ее истории, к ее прогнозам, к ее общему воздействию на жизнь людей. Отсюда и характерные для В.Л. Комарова организационные принципы, которые были сами частью науки, результатом высокого интеллектуального напряжения, результатом подлинно научного анализа, некоторой прикладной гносеологии. Этот достаточно своеобразный, именно гносеологический, основанный на изучении законов самого познания подход можно было видеть во всех общеакадемических начинаниях В.Л. Комарова как президента Академии наук, председателя ее Редакционно-издательского совета, редактора «Вестника Академии наук», председателя Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны и директора Института истории естествознания Академии наук. Во всех этих ипостасях он оставался мыслителем, глубоко и напряженно продумывающим наиболее интегральные пути науки. Комаров не раз говорил, что Академия наук должна соответствовать своему названию, часто появлявшемуся в XVIII в. – быть социететом наук, именно социететом не учреждений, а самих наук, полем центристемительных, интегрирующих сил.

Я познакомился с Комаровым на похоронах его предшественника – А. Карпинского. Покойного я совсем почти не знал и вряд ли обмолвился с ним больше чем несколькими словами. Помню только удивительно доброе лицо и ласковый взгляд, которым он обводил присутствовавших на заседаниях в Академии. И еще помню забавную историю. Карпинского возила в Ленинграде маленькая белая лошадь, запряженная в столь же маленький экипаж. В Москве его уговорили сесть в автомобиль, который тут же налетел на фонарный столб, после чего Карпинский счел новый для него вид транспорта достаточно безопасным и уже ездил в машине. Познакомил нас с В.Л. Комаровым очень близкий ему человек, В.М. Гальперин, мой многолетний, недавно умерший друг, который был тогда заместителем Комарова в «Вестнике Академии наук», ученым секретарем Редакционно-издательского совета, а потом, во время войны, Ученым секретарем Комиссии по мобилизации ресурсов Урала.

Я начал довольно часто ходить к Комарову иногда по редакционным делам вместе с В.М. Гальпериным, иногда один, а подчас без всяких дел. Комаров мне часто рассказывал о своих путешествиях на Восток для изучения тамошних растений, я незадолго до этого тоже много ездил по России, и мы делились впечатлениями о Сибири и Дальнем Востоке. Потом беседы принимали более общий характер. Несмотря на разницу в возрасте, установилась и росла эмоциональная близость. Комаров мне излагал свое научное кредо, но я говорю сейчас и об эмоциональном кредо, потому

что гуманизм Комарова выражался не только в логических конструкциях, но в нем чувствовалась, именно чувствовалась, большая любовь к людям, причем любовь активная, переходившая из эмоций в размышления о том, как сделать людей более счастливыми. И всегда за этими ощущениями и размышлениями стояла наука, тоже в значительной мере как эмоциональный образ, как объект не только мышления, но и чувства, как объект самой чистой любви. Когда я сейчас слышу или думаю о гуманизме науки, мне всегда вспоминаются эти предвоенные беседы с В.Л. Комаровым. У него была какая-то очень единая ненависть к фашистам как к палачам культуры, знания, рациональной мысли и как к палачам людей. Ведь в мировоззрении Комарова человек был мыслящим человеком, антиинтеллектуализм и убийства для него были эквивалентными преступлениями.

Именно такой ученый мог решать грандиозные, подлинно научные и вместе с тем народнохозяйственные задачи. Для этого понадобилась и тяга к интеграции науки, и высокий гуманистический интерес к эффекту науки, Комаров создал в Свердловске упоминавшуюся уже Комиссию по мобилизации ресурсов Урала. И тут выявились совершенно неожиданные возможности ассоциированной науки в смысле ее беспрецедентного ускорения. Один ее фарватер состоял в создании все новых видов оружия. Другой – в комплексе геологических, технологических, энергетических и связанных с ним исследований. В первый год войны пришлось эвакуировать значительную часть промышленности на Восток. Буквально каждый день на Урал прибывали сотни демонтированных заводов и должны были возникнуть без малейшего промедления десятки новых отраслей промышленности. Для них нужно было в течение нескольких недель, а чаще дней и даже часов, определить, каковы должны быть новые источники энергии, новые транспортные условия, новые источники водоснабжения, новые сырьевые базы и новые технологические процессы, иногда принципиально новые, казалось, требовавшие многолетних исследований. А потом нужно было все это реализовать. И тут произошло чудо, над объяснением которого и сейчас бьются историки экономического развития. Через несколько месяцев, во всяком случае не позже чем через год, эвакуированная промышленность уже работала. И тут сыграли огромную роль темпы научных исследований, над объяснением которых придется еще немало подумать историкам науки. В частности, подумать над ролью интуиции в научных исследованиях. Мне думается, что и историки войны вспоминают о ней, размышляя над ролью интуиции в тактике и в оперативном искусстве. Мне с моими старыми друзьями по Госплану, Институту энергетики и электрификации и Энергетическому институту Академии наук В.И. Вейцем и А.Е. Пробстом пришлось заняться энергетикой Урала, но работа была настолько комплексной, что все время нужно было совещаться с геологами (чаще всего с ними), химиками, металлургами. И тут особенно велика была роль И.П. Бардина, который был заместителем Комарова. Это был человек фантастической экономической и технологической интуиции, который мгновенно с поражающей всех точностью и правильностью указывал оптимальное решение. А ведь такие указания он давал ежечасно. Потом, уже после войны, когда Иван Павлович был вице-президентом Академии наук и мы вспоминали о прошлом, он с такой же точностью (хотя, конечно, уже не с такой поспешностью) определил роль

В.Л. Комарова. У И.П. Бардина была интуиция и на людей. Он не беседовал с Комаровым перед войной, но заговорил о научном мышлении Владимира Леонтьевича, о его стремлении объединить науки для того, чтобы облегчить людям жизнь. А война, как это ни парадоксально звучит, объединила эти тенденции и усилила их во много раз. Она потребовала новых форм соединения различных дисциплин и потребовала этого уже не во имя облегчения, а во имя спасения человеческих жизней.

Теперь – новая полоса моего общения с Комаровым. С середины 1942 г. я служил в армии. Встретились мы вновь уже в Москве осенью 1944 г., когда я был в штабе инженерных войск. В ноябре Комаров побывал у Сталина и договорился о создании Института истории естествознания Академии наук, на следующий день – 22 ноября – Совет Министров утвердил состав Ученого совета, куда вошел В.Л. Комаров в качестве директора Института, я – в качестве его заместителя и ряд очень крупных ученых, занимавшихся историей в целом и историей и философией науки (В.П. Волгин, В.А. Обручев, Л.С. Берг, Н.Д. Зелинский, А.М. Деборин, С.И. Вавилов и другие). В.Л. Комаров не ходил в институт, занявший всего две комнаты в помещении Библиотеки общественных наук на улице Фрунзе, и даже заседания Ученого совета происходили у него дома, в особняке на Пятницкой. Но он был подлинным руководителем историко-научных работ в Академии наук, причем, важно подчеркнуть, в том же смысле, что и руководителем оборонных экономических работ в Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. И там, и здесь речь шла о Науке с большой буквы, об интеграции науки. В первом случае о ее интеграции для определенных и крайне фундаментальных практических нужд, во втором – о ее интеграции для решения фундаментальных проблем истории познания. В то время существовали комиссии по истории науки в отделениях Академии наук (комиссия по истории физики, которой руководил Т.П. Кравец, была очень активной) и соответственно Институт истории естествознания не имел секторов. Само создание института означало интеграцию историко-научных исследований. Переход от комиссий (работа их постепенно замерла) и переход к системе секторов института продолжил такую интеграцию.

Для меня институт был возвратом к первой любви. Еще на первом курсе, сдавая аналитическую геометрию, я в математической читальне взял как-то вместо занятого в это время учебника книгу «Парадоксы бесконечности» Больцано и надолго забросил учебник. Позднее в Энергетическом институте я дружил с сотрудниками находившегося в том же здании Математического института имени Стеклова (особенно с В.Д. Купрадзе, а затем с Н.Е. Кочиным), часто заходил к Н.Н. Лузину (он мне рассказывал о теории множеств, и я сейчас не забыл этих рассказов) и даже одолел «Физику» Аристотеля, переведенную В.Ф. Карповым. Я был не то чтобы верен моей первой любви, но и не забывал о ней, а именно поэтому мне мои последующие увлечения не кажутся слишком хаотическими. Но теперь некоторая действительная хаотичность стала в какой-то мере обязательной. Перефразируя одну прочитанную в книге Ларисы Рейснер фразу, я даже мог бы сказать: «Если у Вас слишком много различных научных склонностей, то еще не все потеряно: Вы можете стать историком науки». Таким образом, для меня не все было потеряно и я в

порядке служебной обязанности мог ходить к В.Л. Комарову и беседовать с ним в соответствии со склонностями.

Однако пора перейти к предшествующему периоду, до образования Института истории естествознания, т.е. к военным годам.

С Владимиром Ивановичем Вернадским я встречался во второй половине 30-х годов довольно часто, иногда почти каждую неделю. Мы жили рядом: я на Трубниковском переулке, а он – на Дурновском, соединившем памятную старым москвичам Собачью площадку со Спасо-Песковским переулком, продолжением которого служит Трубниковский. Дурновский переулок был одним из самых тихих приарбатских переулков. Летом здесь движение было таким незначительным, что сквозь булыжник пробивалась трава. Сразу же после войны мне пришлось жить в первом этаже двухэтажного домика, где за десять лет до этого я так часто поднимался на второй этаж и входил в кабинет Владимира Ивановича. Эти посещения вспоминались каждый раз, когда я возвращался домой на Дурновский переулок, где Вернадского больше уже не было. Сейчас нет и переулка. Но воспоминания о беседах 30-х годов сохранились значительно лучше, чем некоторые другие. Вероятно, потому, что после войны мои интересы оказались более близкими к идеям Вернадского и я чаще задумывался о них и о его образе в целом. При каждом воспоминании меня всякий раз поражал энциклопедизм этого мыслителя. Термин «мыслитель» вместо более обычного «ученый» (кстати, Л. Ландау – об этом недавно напомнил В.Л. Гинзбург – говорил, что он понимает, что такое «ученый кот», но не понимает, что такое просто «ученый») кажется более подходящим для Вернадского, чем для многих его коллег. Впрочем, для него больше, чем для других, подходит и термин «энциклопедизм».

Как-то раз я спросил Вернадского, кого, по его мнению, имел в виду Чехов, говоря от лица героя «Скучной истории», что у него хорошая научная репутация потому, что он «не ищет славы в спорах с дураками». Он высказал предположение о повинных в таких спорах двух ученых своего поколения и далее прибавил, что разнообразие интересов и поводов для выступлений не вредит репутации ученого, если все они вытекают из некоторой единой общей идеи. «Себя, – сказал он, – я не считаю человеком с разнообразными интересами, просто мне подчас приходится уходить достаточно далеко, чтобы ответить на исходные, профессиональные вопросы, которые нужно задавать природе, а такой уход увлекает, и начинаешь размышлять о мироздании в целом».

Меня тогда особенно интересовали беседы об истории естествознания. В первой половине 30-х годов я еще не был профессиональным историком науки, хотя уже читал курс истории энергетики в Московском энергетическом институте. Колоссальная историко-научная эрудиция Вернадского, его библиотека, раскрывшая передо мной необозримое море литературы (я тогда познакомился с работами Эмиля Мейерсона и – немного позже – Александра Койре), и, главное, беседы с самим Вернадским подготовили меня к переходу из Энергетического института Академии наук в Институт истории естествознания. Но уже тогда, в этих беседах, я почувствовал (а понял как следует только много позже, да и то еще не в полной мере) нечто новое, чего тогда в книгах еще не было.

Уже в конце XIX в. были ученые – по преимуществу профессиональные физики, экспериментаторы и теоретики, – которые своими историко-научными трудами заслонили и сделанные ими физические открытия, и свои философские идеи. О физических трудах Маха и Дюэма почти забыли, об их философских идеях помнят, но потеряли к ним интерес, а «Историю механики» Маха и тем более историко-научные трактаты Дюэма читают и сейчас.

Читают, но не находят того, что я почувствовал в трудах и в беседах Вернадского и что понял только сейчас – неизбежности и необходимости *выхода из содержания науки в ее историю*. У историков науки XIX в. и даже самого конца XIX в. этого еще не было. Содержание самой науки считалось окончательно утвержденной в своих основах истиной, и история науки говорила об ошибочных или справедливых с современной точки зрения концепциях, присваивая их авторам титул «предшественников» в зависимости от степени их приближения к наконец обретенной истине. Сейчас все это изменилось. Содержание современной науки само стало противоречивым и динамичным, вечные скрижали оказались относительными, современная наука неизбежно становится объектом исторического познания, или, лучше сказать, самопознания.

В этом – особенность неклассической науки. Но ведь Вернадский начал свои историко-научные исследования до создания новой релятивистской и квантовой науки. К тому же исходные геологические, геохимические и био-геохимические идеи первой четверти (да, впрочем, и второй четверти) века еще не получили своего современного явно неклассического обоснования и преобразования. Все дело в том, однако, что новые идеи уже стучались в дверь и Вернадский слышал этот стук, причем интуиция его не обманывала, она сама была связана с историко-научными интересами.

Беседы с Вернадским были для меня необычайно интересными еще и потому, что они перемежались с не столь частыми и не так долго продолжавшимися беседами с А.Е. Ферсманом. Ферсман (вместе с С.И. Вавиловым) был рецензентом и фактическим редактором моих «Очерков истории русской науки», вышедших, насколько я помню, в самом конце 30-х годов. Разговоры о книжке быстро сменились другими – о Вселенной, о земной коре, о зависимости народнохозяйственного планирования от геохимических прогнозов. Я еще не так далеко ушел от госплановских времен, прошло всего несколько лет после десятилетия плана ГОЭЛРО, я хорошо знал о связи этого плана с работами Комиссии естественных производительных сил, о деятельности В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана в 20-е годы, чтобы не быть увлеченным совершенно блестящим монологом Александра Евгеньевича о связи технической реконструкции с геохимией и с астрохимией, позволяющей вывести закономерности возникновения элементов в небесных телах. Изумительный темперамент ученого (его недаром называли «шаровой молнией») усиливал эмоциональный эффект разговора.

Я думаю, что если бы было возможным подсчитать общее число часов моих бесед с Вернадским, то не меньше половины оказалось бы посвященным введенному им понятию ноосферы. Владимир Иванович не знал тогда, что Тейар де Шарден независимо от него и позже него ввел то же понятие и дал ему такое же название. Речь идет о том, что наряду с атмосфе-

рой, гидросферой и литосферой на Земле существует сфера, обязанная своим возникновением человеческому разуму. Но у Тейара де Шардена, который был антропологом, центром тяжести концепции ноосферы была проблема «феномена человека», а у Вернадского – проблема космической эволюции и роли жизни и сознания, которую сейчас, в дни когда пишу эти строки, я обсуждаю в Брюсселе с И. Пригожиным и его группой.

Почти пятьдесят лет тому назад, когда было еще так далеко до современных понятий, связанных сейчас с отношением человека к природе, у нас с Вернадским возникали некоторые споры о ноосфере. Как-то я спросил его, не надоели ли ему мои попытки объяснить собеседнику его собственные идеи. «Но ведь в таких попытках и состоит научное сотрудничество», – ответил Вернадский. В пароксизме самокритики я рассказал ему, как за несколько лет до этого Г.М. Кржижановский подарил мне ко дню рождения (чуть ли не к двадцатипятилетию – увы, как давно это было и как быстро прошло!) книжку Киплинга «Кот, который ходит сам по себе», подчеркнув этим подарком мою явную непринадлежность к какой бы то ни было научной группе. «В наши дни, – ответил Вернадский, – каждый, кто принадлежит к *научной* школе, должен быть «котом, который ходит сам по себе». Ведь наука входит в эпоху, когда все в ней становится динамичным, относительным, спорным, меняющимся». Для Вернадского было крайне характерно «преднеклассическое» (если можно употребить столь неуклюжий термин) отношение к научному мышлению. В таком отношении не было ни грана субъективизма или агностицизма. Вернадский был совершенно убежден в объективной истинности того, что он внес в науку, и вообще всех научных истин, подтвержденных опытом и связью с общими принципами, не выдвинутыми *ad hoc* (сейчас бы мы сказали: обладающих «внешним оправданием» и «внутренним совершенством», но тогда еще не было этих эйнштейновских терминов, они появились в 1949 г.). Но столь же совершенно он был убежден в том, что наука будет конкретизировать, обобщать, уточнять все, что ею найдено, и в целом идти дальше и дальше. Он был убежден в необратимой трансформации науки. Отсюда – такой интерес к ее истории.

Теперь мне хочется подвести некоторый личный итог воспоминаниям о встречах с Вернадским и подчеркнуть в этой фразе два слова: *теперь* и *личный*. «Теперь» – это значит через полстолетие, после всех иных встреч – реальных, о которых говорится в этой книге, воображаемых («Калиостро»), внутренних диалогов с авторами при чтении книг (хочу помянуть добрым словом Библиотеку имени В.И. Ленина и Иностранную библиотеку в Москве, Национальную библиотеку в Париже и многие другие библиотеки) и внутренних диалогов с моими читателями (хочу помянуть таким же добрым словом издательства, особенно «Науку», и многие журналы – русские и зарубежные). «Личный» – это значит относящийся к смыслу моей индивидуальной жизни. Я этого не сделал во вводном очерке, потому что такой итог связан с критериями, высказанными в одном из разговоров с Вернадским. Однажды В.Л. Комаров, зная о моих частых встречах с Владимиром Ивановичем, попросил передать ему одну просьбу. Речь шла о просьбе занять какой-то дополнительный пост в Академии наук. «Вы знаете, – ответил мне Вернадский, – я предпочитаю отказаться ввиду страха смерти. Но не в обычном смысле, а в смысле боязни не

успеть в течение оставшейся жизни сделать то, что уже задумано». «А в каком возрасте должна появиться такая боязнь?» – спросил я. «Чем раньше, тем лучше, хорошо бы до тридцати лет, но главное – сохранить ее до смерти». Тогда, в 30-е годы, я еще не очень представлял себе, что предстоит сделать в жизни. Меня еще тянуло к экономическим проблемам, к электрификации, к научно-техническим прогнозам. Но я уже начинал понимать, что такие прогнозы требуют очень длительной собственно научной подготовки, уже несколько лет читал учебники физики и математики и даже раскрыл страницы статей Эйнштейна. Гуманитарное мое прошлое и уже не просто гуманитарный, а гуманистический подтекст статей Эйнштейна направили мою мысль на общую историю науки. И вот в идеях Вернадского и в беседах с ним (отчасти в книгах, которые я уносил из дома на Дурновском переулке) я встретил Фундаментальную науку, которая не держит возле себя свою историю как бедную родственницу, а сама стремится стать своей историей, нуждается в самопознании, меняет не только семантику диалога человека с природой, но и синтаксис такого диалога, его логические корни. И тут-то я и почувствовал тот «страх смерти», о котором говорил Вернадский, тут-то (как он рекомендовал – раньше тридцати лет) и появились замыслы, которые, к счастью, сохранились поныне.

Публикуется по: Б.Г. Кузнецов. Встречи. М., 1984. С. 28–39.

1937 год

ДУЗЬ
Петр Дмитриевич

В начале 1930-х гг. я, будучи уже инженером и работая в секторе обороны Госплана СССР, серьезно стал заниматься, и не только по долгу службы, вопросами экономики промышленности. Интерес к этим вопросам меня и потом никогда не оставлял, но тогда перевесила другая страсть. Увлёкся авиационной техникой, а с ней и ее историей – областью науки, в то время в нашей стране только-только становившейся на ноги; а за ней открывалась уходящая в даль веков история воздухоплавания...

В 1933 г. я перешел на работу на кафедру истории авиационной техники Московского авиационного института, которой вскоре стал заведовать. Защитил в МАИ кандидатскую диссертацию, получил звание доцента. Одновременно работал старшим научным со-

трудником в Институте истории науки и техники (ИИИТ) Академии наук СССР. Такое совмещение тогда отнюдь не возбуждалось.

Сейчас я не могу припомнить с абсолютной точностью, когда и где именно состоялась моя первая встреча с В.И. Вернадским. Очевидно, произошло это вскоре после 1935 г., когда Вернадский переехал из Ленинграда в Москву. Эта встреча была неизбежна, можно сказать, предопределена. Ведь Владимир Иванович стоял у истоков ИИИТ. Еще в 1921 г. по его инициативе в Российской академии наук была создана Комиссия по истории науки, философии и техники, бессменным председателем которой он был без малого 10 лет. На ее базе впоследствии и был создан ИИИТ. И хотя Вернадский потом формально отошел от непосредственного административного руководства институтом (с 1930 г. директором ИИИТ стал академик Н.И. Бухарин), его моральный авторитет среди сотрудников института был непререкаем. Помню, что не раз во время встреч с Владимиром Ивановичем я слышал от него слова о том, что главным делом своей жизни он считает не минералогию, не геохимию и даже не биогеохимию, а историю науки!

В дневниках В.И. Вернадского есть такая запись: «25 января 1938 г. Были из Института истории науки и техники Кузнецов и парторг Дузь. Оба – желающие работать, но малообразованные и самоуверенные. Настаивали на том, чтобы я стал во главе института. Решительно отказался – но помочь всячески готов. Придется ехать в президиум академии. Они говорят, что иначе сегодня их закроют».

Профессор Борис Григорьевич Кузнецов – мой старый товарищ, дорогой мне человек, видный историк науки и философ, известный особенно своими трудами, посвященными теории относительности, жизни и творчеству Галилея, М.В. Ломоносова, Альберта Эйнштейна... Он умер на 82-м году жизни.

Начало 1938 г. в судьбе ИИИТ стало роковым. Директор института Н.И. Бухарин уже более года, если мне не изменяет память, как был арестован и находился под следствием, вот-вот должен был начаться печально знаменитый процесс над ним и его «сообщниками». Сотрудники института, во главе которого долгое время стоял такой матерый «враг народа», конечно же, не могли чувствовать себя в безопасности, и, действительно, репрессии затронули часть из них, а над ИИИТ нависла угроза полного разгрома и закрытия (что, увы, вскоре и произошло). В этих критических условиях, пытаюсь спасти положение, мы с Б.Г. Кузнецовым и обратились за помощью к Вернадскому, прося его стать во главе института.

Отзыв Владимира Ивановича обо мне и Б.Г. Кузнецове как о людях «малообразованных и самоуверенных, скажу откровенно, был справедлив. Уверен, что и покойный Борис Григорьевич присоединился бы здесь ко мне, окрасив свое отношение к этим словам Вернадского неповторимым остроумием, добрым юмором, которые так органично в нем сочетались... Не будем забывать, что мы были тогда сравнительно молоды, а молодости, как известно, свойственна самоуверенность. Думалось и говорилось тогда, наверно, так: дескать, «наша» все равно возьмет! Это что касается судьбы ИИИТ. Увы, «наша» не взяла... Бывший более чем на 40 лет старше каждого из нас, Владимир Иванович был не просто умудрен жизнью – это был подлинный Мудрец с большой буквы, и он, конечно, прекрасно

видел прорехи и просто провалы в нашем образовании. Что ж, как говорится, век живи – век учись.

С Н.И. Бухариным лично я не был знаком (в ИИИИТ я работал по совместительству, а основное место моей работы было связано с МАИ, где я заведовал кафедрой истории авиации). Сохранилось одно яркое воспоминание: выступление Бухарина с докладом о международном положении на собрании в московском Доме ученых. Председательствовала вдова М. Горького М.Ф. Андреева. Огромное впечатление произвели высокая культура докладчика, широчайшая эрудиция, яркая образная речь... ИИИИТ располагался тогда в доме по улице Фрунзе, 11, в котором размещался также Институт государства и права, возглавлявшийся Вышинским. Наш Институт Вышинский не любил. Рассказывали, что уже после ареста Бухарина генпрокурор в минуты раздражения восклицал: «Здесь развеяется бухаринское знамя!» Думаю, что к закрытию ИИИИТ Вышинский также приложил руку...

После ликвидации ИИИИТ у меня, как и у Б.Г. Кузнецова, все же не было чувства полной безнадежности, заброшенности, тем более отверженности от истории науки и техники. Так или иначе, но творчество в этих областях продолжалось; да, оно тормозилось, и тормозилось очень чувствительно, но остановить его полностью насильем сверху, административными и прочими гонениями было невозможно...

Продолжалась и борьба за возрождение ИИИИТ. В качестве временной, переходной меры при Президиуме Академии был создан под председательством Г.М. Кржижановского Комитет по истории науки и техники. В нем состояли академики С.И. Вавилов, А.Н. Крылов, В.Ф. Миткевич, В.И. Вернадский и др. Из молодежи в состав комитета вошли Б.Г. Кузнецов, А.А. Зворыкин. По предложению Владимира Ивановича я был назначен заместителем председателя комитета.

О.Ю. Шмидт, сменивший Г.М. Кржижановского на посту вице-президента Академии, по сути, ничего не сделал для восстановления ИИИИТ. Более того, мои и моих молодых коллег хлопоты по этому делу причиняли ему «неудобства», а с течением времени стали раздражать все больше. А мне «по должности» приходилось бывать по этому вопросу, например, и у П.Н. Поспелова, бывшего тогда заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Вскоре последовало «возмездие». Комитет по истории науки и техники был О.Ю. Шмидтом попросту ликвидирован, и по его же прямому распоряжению я был из Академии наук уволен, лишен академической квартиры и с семьей буквально вышвырнут на улицу. Правда, народный суд в части, лишившей меня жилья, распоряжение Шмидта отменил, но было уже поздно: квартирный вопрос я разрешил сам; конечно, это стоило больших волнений и зря потраченного времени.

Книга, о которой я рассказывал Вернадскому, называлась «Паровой двигатель в авиации». В основу ее легли материалы моей защищенной ранее кандидатской диссертации и частично курс лекций по истории авиационной техники, который в 1932–1939 гг. я читал студентам МАИ. В архивах действительно пришлось поработать основательно, временами уставал неимоверно, но зато как было интересно, сколько было больших и малых, ожидаемых и неожиданных открытий! Например, обнаружил ценнейшие

сведения об изобретателе первого самолета А.Ф. Можайском, испытывавшем свою машину за двадцать лет до американцев братьев Райт.

В 1932 г. на торжественном заседании ИИИИТ, посвященном 75-летию со дня рождения К.Э. Циолковского, академик А.Н. Крылов отметил, что у нас в России еще в конце прошлого века капитан А.Ф. Можайский построил аэроплан. Оказывается, Крылов знал Можайского и слушал его лекции в Военно-морском училище в Петербурге. Меня заинтересовало это заявление Крылова, и я начал поиски материалов о Можайском в Военно-историческом архиве в Ленинграде. В течение трех лет я просмотрел в этом архиве сотни дел, но дела об изобретении Можайского обнаружить не удалось. (Над своим летательным аппаратом он работал в глубокой тайне, строя его для нужд военного ведомства). Тогда я стал искать людей, близко знавших Можайского. По свидетельству В.А. Семковского, бывшего начальника Воздухоплавательного отдела Главного инженерного управления, все материалы о Можайском в 1917 г. были переданы в электротехнический фонд Военно-исторического архива, так как Воздухоплавательная комиссия существовала при Электротехническом комитете Главного инженерного управления. В делах электротехнического фонда я обнаружил дело «О действиях Можайского». Оно содержало подлинные докладные записки Можайского, заключения специалистов, запись о том, что Можайский заказал двигатели в Англии фирме «Хересгоф», содержались данные о патенте на аэроплан. В Бюро патентов был обнаружен патент на самолет А.Ф. Можайского. По письму президента Академии наук В.Л. Комарова из Лондонской фундаментальной библиотеки были высланы экземпляры журнала «Engineering» за 1881 г., в котором было приведено описание «двигателей для аэроплана капитана русского флота А.Ф. Можайского». Так шаг за шагом с большим трудом я собирал материалы о Можайском, чтобы опубликовать о нем сначала статью в «Вестнике инженеров и техники» за 1938 г., затем раздел в книгах «Паровой двигатель в авиации» и «История воздухоплавания и авиации в СССР».

Еще несколько слов о книге «Паровой двигатель в авиации». Она была подписана к печати 14 октября 1939 г. (как раз в этот день я и был у Владимира Ивановича) и вышла в свет в том же году в Оборонгизе, но под грифом вполне мирного учреждения – Отделения истории и философии АН СССР. Книга имела подзаголовок «Опыт историко-технического исследования» и была утверждена Главным управлением учебными заведениями Народного комиссариата авиационной промышленности в качестве учебного пособия для втузов НКАП. Не могу не вспомнить здесь с благодарностью о ценнейшей помощи, оказанной мне видными учеными, профессорами и академиками – Н.А. Рыным, А.В. Квасниковым, Л.К. Рамзиным, А.Н. Крыловым, М.В. Кирпичевым, Б.Н. Юрьевым... Никогда не изгладятся из памяти встречи с милейшим С.А. Чаплыгиным, на которого, кстати сказать, «вывел» меня не кто иной как Вернадский (Сергей Алексеевич и Владимир Иванович были большими друзьями).

Что же касается фотографии К.Э. Циолковского (в книге она помещена на с. 142), то ее история с несколько трагикомическим оттенком такова. Собирая материал для будущей книги, я посетил Константина Эдуардовича в Калуге незадолго до его кончины (в книге «Паровой двигатель в авиации» ему посвящены два раздела). Встреча была очень интересной, но

меня поразила аскетическая, если не сказать бедная, обстановка, в которой он жил. Прощаясь, я попросил у Циолковского фотографию. Мою просьбу он уважил. На фото Циолковский был изображен сидящим возле своего рабочего стола, но так, что сам он был виден почти целиком. Простая, я бы сказал, типично крестьянская одежда, а на ногах вместо туфель или домашних тапочек – калоши, подвязанные отчетливо видными на фотографии веревочками, доходившими до колен. В издательстве мне заявили, что в таком виде фотографию публиковать нельзя и, как минимум, веревочки надо «снять», что и было сделано. Фото подретушировали, «подновили» и калоши, которые после этого стали смахивать на лакированные туфли, в которых иди хоть куда то ли на свидание, то ли в Большой театр...

Встреча с Владимиром Ивановичем в августе 1940 г. мне хорошо запомнилась. Я навестил Вернадского в академическом санатории Узкое (тогда расположенном за чертой Москвы), где он имел обыкновение проводить лето с Наталией Егоровной, своей супругой. Но на этот раз Вернадский был один. Незадолго до этого Наталия Егоровна упала и со сложным переломом бедра была увезена из Узкого в Кремлевскую больницу, где и находилась на излечении.

В Узкое я приехал с женой Олей. Ольга Александровна была моложе меня на 7 лет. Она окончила летную школу и вместе с В.С. Гризодубовой работала пилотом Гражданского воздушного флота в отряде А.Е. Голованова, впоследствии Главного маршала авиации. Одно время была командиром экипажа пассажирского самолета, летавшего из Москвы в города Среднего Поволжья (Саратов, Куйбышев) и Северного Кавказа. Помню, рассказывала мне, как некоторые пассажиры не без опаски шутили, что чувствуют себя героями, так как очень рискуют, доверяя свои жизни женщине, к тому же такой молодой и хрупкой на вид, и не знают, долетят ли благополучно до места назначения. Но обходилось, слава Богу, без аварий... Познакомились мы в летной школе, где Оля была инструктором и учила меня летать (на первых порах на знаменитом «кукурузнике»).

Помню, был чудесный летний день. Вернадского мы застали у крыльца балкончика, о чем-то беседующим с С.А. Чаплыгиным. Поздоровались, остановились рядом. Внезапно от легкого белого пиджака Владимира Ивановича отскочила пуговица. Оля сбегала в дом (Вернадские жили на первом этаже) за иголкой и ниткой, Владимир Иванович снял пиджак, и пуговица тут же была пришита к положенному ей месту...

В Узкое я привез с собой рукопись первого тома давно задуманного мною большого исследования по истории отечественного воздухоплавания и авиации, которое, по моим прикидкам, «тянуло» по меньшей мере на три книги. Работа над первым томом к этому времени была в основном завершена, я готовил его к публикации, после чего намеревался вынести книгу на защиту в качестве докторской диссертации. Рукопись я привез в Узкое не случайно, мне искренне хотелось порадовать Владимира Ивановича – ведь к этой работе он имел самое непосредственное отношение. В свой замысел я давно посвятил Вернадского, он полностью одобрил его и при встречах интересовался, как подвигается моя работа. Неоценимой была его помощь в поиске архивных материалов. Помню, например, что в Ленинград я поехал с написанным им рекомендательным письмом к директору Архива Академии наук. В значительной мере благодаря этому

письму я легко получил доступ к богатым фондам академического архива. Но только этим дело не ограничивалось. Приведу такой пример.

Хорошо известно, что много лет Владимир Иванович отдал изучению творчества М.В. Ломоносова, которому он посвятил несколько трудов, ныне считающихся классическими. Естественно, что он настойчиво «выводил» меня на Ломоносова. Помню, как во время одного из разговоров я полушутя-полусерьезно выразил свое недоумение тем, каким образом Ломоносову удавалось достигать крупных научных результатов, когда ему минуло 50 лет, ведь он был уже такой старый... Услышав это, Владимир Иванович буквально подпрыгнул на стуле и вскричал: «Петр Дмитриевич, как вы можете так говорить! Как раз тогда, когда ученый переходит за 50-летнюю черту своей жизни, утихомириваются ранее обуревавшие его страсти и он вступает в золотой период ясного, ничем не замутненного творческого подъема!». И на Ломоносова Вернадский меня-таки «вывел». Благодаря его советам и опять же рекомендациям, мне удалось разыскать в Ленинграде уникальнейшие документы, однозначно свидетельствовавшие, что Ломоносову принадлежала первая в истории воздухоплавания технически обоснованная! модель геликоптера (вертолета), предназначенная для подъема измерительных приборов в высокие слои атмосферы. Модель демонстрировалась Ломоносовым собранию российских академиков, сама же идея геликоптера высказана была еще Леонардо да Винчи. Все это нашло отражение в моей рукописи, а потом и книге. Порадовало Владимира Ивановича и то, что в этой работе я уделил большое внимание аэродинамическим исследованиям Д.И. Менделеева.

В рукописи будущей книги мною впервые, как принято говорить, «вводилось в оборот» множество архивных материалов. Позволю себе перечислить только основные архивохранилища, в которых я работал. Это были: в Ленинграде – Центральный военно-исторический архив, Центральный государственный архив народного хозяйства, Центральный государственный военно-морской архив, Архив Академии наук СССР; в Москве – архив Государственного исторического музея, Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, Центральный государственный военно-исторический архив. В общей сложности мною было просмотрено более 20 000 документов, чертежей и проектов и опрошено несколько десятков человек – авиаторов, ученых, авиаконструкторов, чиновников, живых свидетелей и героев беспримерного взлета воздухоплавания и авиации во второй половине XIX – начале XX вв. Очень помог мне тогда Константин Евгеньевич Вейгелин, крупнейший представитель историков воздухоплавания и авиации старшего поколения, знавший лично многих деятелей отечественной авиации старой России. Как раз в это время одновременно с моими в Оборонгизе готовились к изданию его «Очерки по истории летного дела». Однако доступа к военным архивам он, к сожалению, не имел...

Можно сказать, что в ту памятную встречу Владимир Иванович благословил меня и мою будущую книгу. И поначалу действительно все шло хорошо. Оборонгиз принял рукопись к публикации, и книга начала печататься в одной из типографий Киева. И вот когда, можно сказать, дело почти уже было сделано и с чистой совестью можно было поднимать бокал шампанского, грянула война. Киев был взят немцами, и весь уже отпечатанный тираж книги погиб. Мне успели переслать два сигнальных экземпляра.

В конце 1940 г. Институтом экономики АН СССР был издан сборник «Производительность труда в промышленности СССР». Книга была подготовлена коллективом авторов под руководством крупнейшего нашего экономиста, члена-корреспондента АН УССР, впоследствии директора Института экономики союзной академии, моего еще со времени аспирантуры большого друга, которого три года тому назад проводил я в последний путь, Павла Алексеевича Хромова. В сборнике была напечатана моя статья, в которой рассматривалась производительность труда в каменноугольной промышленности СССР. Книга была встречена благожелательно: в январе 1941 г. в газете «Труд», в мае в журнале «Политическая и социально-экономическая литература» были на нее опубликованы в целом вполне положительные рецензии. И вот 20 июня, как всегда просматривая дома только что пришедшие газеты, я к ужасу своему обнаруживаю на второй странице «Правды» редакционную статью под названием «О порочной книге и либеральных рецензентах». Как вы догадываетесь, статья была посвящена нашей книге. Основной «криминал» сборника «Правда» усматривала в подмене лозунга XVIII съезда ВКП(б) о необходимости догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по объему общественного производства на душу населения (цитировались соответствующие места из доклада И.В. Сталина съезду) лозунгом догнать и перегнать эти страны в области производительности труда занятого в промышленности работника. В общем, статья правильно схватывала суть авторской концепции, как верно было и то, что под развитыми капиталистическими странами нами имелись в виду прежде всего США, от которых – и это было доказано и показано в книге на большом статистическом материале – в области производительности труда СССР отставал прямо-таки катастрофически. Ни одна фамилия в статье не называлась, однако если учесть постраничные сноски, то больше всего доставалось П.А. Хромову, мне и А.А. Аракеляну. Прочитав статью, я тотчас позвонил Хромову. Спрашиваю: «Павел, что будем делать?» Он смеется (статью тоже уже прочитал): «Разве тебе не ясно, что делать? Будем собираться в дорогу...». Конечно, нам было бы не до смеха, если бы через день не началась война. На время она спасла меня от дальней дороги.

Сразу после начала войны с Германией я подал заявление с просьбой направить меня на фронт. В военных инстанциях было получено разрешение на формирование отдельного кавалерийского казачьего эскадрона, чем я и занялся. Эскадрон был сформирован довольно быстро, скаковых лошадей я раздобыл на московском ипподроме, в чем очень помог мне симпатичный парень и отличный наездник Саша Бондаревский. На правах комэска я взял себе под седло знаменитого вороного жеребца по кличке «Манифик», что в переводе с французского означает «Великолепный». С ним я и прошел по дорогам войны.

Накануне отправки в район боевых действий в первых числах июля 1941 г. я вновь приехал в Узкое, чтобы попрощаться с Вернадским. На этот раз он был вместе с Наталией Егоровной. Время было военное, и свидание наше было скоротечным. Я сказал Владимиру Ивановичу, что если мне суждено погибнуть, то пусть он не забудет о моей рукописи и, по возможности, позаботится о ее дальнейшей судьбе. Вернадский обещал ис-

полнить мою просьбу. На прощание мы с Владимиром Ивановичем обнялись, и я отбыл в Москву. Больше я его уже не видел...

Ольга Александровна меня одного на фронт не отпустила и поехала добровольцем вместе со мной. С сентября 1941 г. она служила в медсанбате, располагавшемся по соседству с эскадронам, которым я командовал. Однако хлебнуть полной мерой военного лихолетья нам не довелось – не знаю вот только, к худу или добру.

В сентябре 1941 г. в ходе одного из боев в районе Волоколамска Оля получила травму и попала в госпиталь. Немецкие войска стояли уже у стен города. Узнав о ранении жены, я прискакал в Волоколамск, разыскал госпиталь, в котором она находилась. Но к Оле меня не пропустили, попросили подождать в приемной. Я подчинился. Через несколько минут в приемную вошли трое вооруженных кагэбистов. Один из них мне заявил: «Ваша жена вела в госпитале контрреволюционную пропаганду, говорила, что у нас большие потери на фронте. Мы должны ее арестовать и передать дело в трибунал». Я понял, что над Олей нависла угроза смерти: ведь в то время даже за анекдот могли расстрелять – и расстреливали. Надо было действовать немедленно, и я довольно решительным тоном заявил кагэбистам, что жена моя – военнослужащая, и они не имеют права на ее арест. В противном случае, добавил я, вызову сюда казачий эскадрон и отобью жену силой. Договорились, что я возьму Олю с собой и отвезу ее в воинскую часть, где она служила. Разумеется, своего обещания я не сдержал. На своем быстроногом «Манифике» я, не теряя ни минуты, тут же умчал Олю в Москву, где спрятал ее на другой квартире и вскоре эвакуировал в Свердловск. Оля была спасена.

Но история эта имела продолжение. Кагэбисты написали о происшедшем в дивизию, где я служил, и вскоре я попал в лапы к «своим» особистам. Те, недолго думая, арестовали меня и засадили в яму (в буквальном смысле), исполнявшую роль тюрьмы. Началось следствие по моему «делу». Но особистов ждало разочарование. Компромат все не находился, и один из них сказал как-то мне: «О вас все нами опрошенные отзываются только хорошо». В яме я насмотрелся, как связывали и бросали в грузовую машину приговоренных к расстрелу людей. На груди у меня плакал инженер из МВТУ Экстер. За анекдот его приговорили к смертной казни. Вскоре маска спала со звериного и трусливого лица особистов. Когда в начале октября 1941 г. в районе Вязьмы мы попали в окружение, первыми бежали с фронта в Москву особисты и комиссар дивизии Логинов.

Расстрелять меня не успели. Был получен приказ командующего 32-й армией о назначении меня командиром армейской авиаразведки. Пришлось особистам освобождать меня от ямы. Но как раз в этот день начался тяжелый бой, и я остался в своем эскадроне.

Несколько месяцев спустя после того, как мне со своей частью чудом удалось выйти из окружения в районе Вязьмы – Сычевки, меня вызвали в штаб Западного фронта, где сообщили, что меня отзывают в Москву. Здесь меня перевели в систему Военно-воздушных сил и назначили начальником курса в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. Одновременно я стал также членом редколлегии и ответственным секретарем журнала «Вестник воздушного флота». Вскоре, переждав в Свердловске опасное время, вернулась в Москву Оля.

Превосходно владевшая английским, она поступила в Институт иностранных языков.

Владимира Ивановича в Москве уже не было, с лета 1941 г. он проживал с семьей в эвакуации в Боровом Казахской ССР. Не было и С.А. Чаплыгина и многих других добрых моих знакомых. Мой интерес к истории отечественной авиации не пропадал, я надеялся, что первый том все-таки увидит свет после окончания войны, и собирал материал для второго. Попутно в газете «Сталинский сокол» публиковались моя исторические очерки, сыгравшие в моей судьбе роковую роль.

В конце 1943 г. я был арестован органами госбезопасности. Мне предъявили обвинение в том, что в «Сталинском соколе» я возвеличивал, поднимал на щит авиаторов и конструкторов, которые в годы гражданской войны эмигрировали, либо стали белогвардейцами и врагами советской власти. Особенно «подвел» меня Сикорский, которому в «Сталинском соколе» я посвятил отдельный очерк...

Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский, человек, бесспорно, гениальный, – моя любовь с дней моей молодости. В упоминавшемся первом томе я посвятил много страниц геликоптеру, тяжелым многоместным самолетам, в том числе знаменитому «Илье Муромцу», сконструированным Сикорским накануне и в годы Первой мировой войны и составившим гордость и славу русского авиастроения. В 1918 г. Сикорский эмигрировал из России, после краткого пребывания во Франции переехал в США, где первое время бедствовал, буквально перебиваясь с хлеба на воду. В 1923 г. вместе с несколькими эмигрантами из России организовал в Америке русскую (!) авиастроительную компанию «Сикорски Аэроинжиниринг корпорейшн» с начальным капиталом в несколько сот (!) долларов.

Во время обыска у меня на квартире была обнаружена весьма криминальная, с точки зрения «органов», фотография 1913 г. На ней были изображены Сикорский и Николай II. Оба стояли на площадке фюзеляжа «Русского витязя» Сикорского рядом с пилотской кабиной. Напомню, что потом, когда началась война, царь наградил Сикорского за боевые заслуги именными часами.

Прошло немного времени и эта фотография стала фигурировать на следствии в качестве «вещественного доказательства» моих якобы родственных связей с семьей Романовых, о которых я «преступно умалчивал», будучи скрытым врагом народа и советской власти. Я смеялся в лицо следователям, но тем более это их бесило и тем упорнее настаивали они на своей «версии». Наконец, мне было предъявлено обвинение в том, что я являюсь военным министром тайной антисоветской организации «Освобождение России». Я отвечал следователям, что название этой «организации» вообще слышу от них впервые. В ходе следствия я тяжело заболел, попал в больницу Бутырской тюрьмы, с трудом выжил.

ОСО осудило меня на 5 лет лагерей, за которыми последовали 8 лет ссылки. В 1953 г., после смерти Сталина, я подал ходатайство о реабилитации, поддержанное академиком Юрьевым. Мне было отказано. Недавно в КГБ удалось познакомиться с моим «делом». В нем я обнаружил заключение начальника 10-го управления МВД полковника Сухова. В нем говорилось, в частности, что «Дузь клеветнически утверждал, что казаки приреспублики советской властью и политика советского правительства изоби-

ловала репрессиями и казнями». Очевидно, это было одно из «оснований» полученного мною отказа.

В неволе работал в авиаконструкторском бюро, возглавлявшемся ранее репрессированным А.Н. Туполевым, которого, после его освобождения, сменил на посту главного конструктора также репрессированный Роберт Людвигович Бартини. За 13 лет жизни в неволе завершил работу над вторым томом «Истории воздухоплавания и авиации в СССР», хронологически охватывающим период Первой мировой войны. Книга выходила трижды (1960, 1986 и 1989 гг.), последние два издания были мною обновлены, дополнены. Что же касается первого тома, рукопись которого в августе 1940 г. держал в руках В.И. Вернадский, то его «хождения по мукам» продолжают по сию пору.

В 1944 г., т.е. на следующий год после моего ареста, Оборонгиз все же издал книгу тиражом 2000 экземпляров, но издал анонимно, без указания фамилии автора: «под редакцией В.А. Попова» (главный редактор издательства), как было указано на титульном листе.

Понятно, что за это «второе издание» своего предисловия Сергей Алексеевич никакой ответственности не несет, хотя бы потому, что в 1942 г. он скончался. Во втором предисловии высокий военный чин настоятельно рекомендует «личному составу Военных Воздушных Сил Красной Армии прочитать настоящую книгу, изучить героическое прошлое нашей авиации и в своей работе подражать замечательным людям, жизнь и деятельность которых здесь описана». Подпись: «Главный инженер Военных Воздушных Сил Красной Армии генерал-полковник инженерно-авиационной службы А.К. Репин». И снова об авторе – ни слова. Наконец, и обширное предисловие «От издательства» столь же безлично-анонимно. Отсюда и нелепости, вроде, например, такой: «Позднейшие исследования, несомненно, обнаружат новые материалы, и тогда можно будет серьезнее обосновать некоторые наши (?!) утверждения».

После моего освобождения мои недоброжелатели, которым мой выход на волю действительно был очень «неудобен», стали распускать слухи, что якобы я не являюсь автором книги, что она не моя. Естественно, я начал борьбу за восстановление справедливости и вскоре, по решению суда, авторство мое было подтверждено. 30 сентября 1956 г. (в год моей официальной реабилитации) «Промышленно-экономическая газета» опубликовала следующее сообщение: «Государственное научно-техническое издательство «Оборонгиз» настоящим извещает, что автором изданной в 1944 году под редакцией В. Попова книги «История воздухоплавания и авиации в СССР. Период до 1914 г.» объемом 50 печатных листов является кандидат технических наук П. Дузь». К сожалению, на этом дело замерло, и только в 1979 г., после вмешательства высоких инстанций, была переиздана треть книги (17 печатных листов). Сейчас я пробиваю полное ее издание, с 1989 г. рукопись лежит в издательстве Академии наук, но, увы, пока только лежит, и одному Богу известно, как сложится ее судьба.

Правда, эту «крепость» мне удалось одолеть, хотя также не без идиотских издержек, с несколько иной стороны. В 1958 г. я все же «защитил» эту книгу, как и замышлял 20 лет тому назад, на степень доктора технических наук. Увы, бюрократическое колесо продолжало вращаться с большим скрипом, и только в 1990 г., спустя более 30 лет (!), ВАК, нако-

нец, утвердил меня в этой степени. Сказалось и то, что, пока я был в неволе, к книге, как и к некоторым другим моим трудам, успели прилепиться разные «доброхоты»: они стали беззастенчиво растаскивать их по своим конурам, присваивая себе авторство, защищая диссертации. Они-то, после моего освобождения, и вставляли мне, как могли, палки в колеса. В 1971 г., работая заведующим сектором в Центральном НИИ Госплана РСФСР, я защитил в МГУ диссертацию на степень доктора экономических наук и в следующем году был утвержден. Так к 85-му году жизни я стал дважды доктором, а сейчас подумываю о том, не пойти ли мне и на «третий вираж»...

Я был арестован 8 сентября 1943 г. после того, как прилетел в Москву из 16-й Воздушной армии, где я находился по заданию командования ВВС, изучая массированные действия нашей авиации во время битвы на Курской дуге. Оля очень волновалась, ждала меня... Студентка 2-го курса ИНЯЗа, она фактически осталась без средств к существованию. Вероятно, еще до моего ареста за ней была установлена слежка. Среди работников посольства США у нас были хорошие знакомые. А вскоре после моего ареста она как-то сказала подруге: «Если бы я могла надеть шапку-невидимку, то пошла бы в Кремль и убила Сталина. Он посадил моего мужа, невинного человека». Подруга донесла, и Олю осудили «за намерения к террору». Она попала на 15 лет за Воркуту в Абезь – в концлагерь особо строгого режима. У заключенных там не было фамилий – одни номера на спинах арестантских курток. Потом ее перевели в район Караганды. Здесь она приглянулась начальнику лагеря Черниченко, который упорно склонял ее к сожительству. Получив отпор, он поставил ее работать ассенизатором. Оле не оставалось ничего другого, как подчиниться. Но в знак своеобразного, я бы сказал, чисто женского протеста, выходя на работу, она надевала чудом сохранившееся у нее свое единственное белое платье...

Когда в 1948 г. я был освобожден из заключения и сослан, то неоднократно писал в ГУЛАГ запросы о судьбе жены. Ответ был один: О.А. Дузь умерла. Четыре года я все ждал ее. В 1952 г. женился вторично, у меня родилась дочка Леночка, в которой я души не чаял. В 1957 г., когда дочери было уже 5 лет, а я с семьей жил в Москве, внезапно мне позвонил домой мой старый приятель, Олин и мой давний общий знакомый, и попросил срочно приехать к нему на квартиру. Вхожу и вижу: сидит в его рабочем кабинете моя Оля, изможденная и больная, одетая буквально в рубище. Я слишком сильно любил Олю и не мог оставить ее в беде. Вернулся к ней, мы снова стали жить вместе. Но прошлое уже не вернулось. Десять лет каторжных работ на лесоповале для женского организма не могли пройти и не прошли бесследно. Оля часто и подолгу болела и в 1983 г., не дожив до 70-летнего возраста, умерла, умерла, в сущности, еще молодой...

Вот так коммунистический тоталитаризм, потаенное звериное нутро которого еще много десятилетий тому назад пронизательно разглядел Владимир Иванович Вернадский, искалечил мою жизнь и загубил самого дорогого мне человека. Столько лет прошло с тех пор, но я все никак не могу прийти в себя от этого страшного удара, не могу примириться с временной смертью жены – и никогда с этим не примирюсь! И не прощу!..

Сейчас я профессор кафедры экономики и управления машиностроительной промышленностью Московского открытого университета. Работы много. Дипломники, лекции, спецкурсы, отчеты... Времени на все уходит порядочно, и, признаться, часто сильно устаю. Между тем именно сейчас меня все больше влечет к спокойной, сосредоточенной научной работе, к тишине рабочего кабинета, к библиотекам, архивам, рукописям. Часто с сожалением и завистью вспоминаю дни своей молодости, когда все это было у меня в избытке...

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4. С. 69–81.

1937 год

ДАНИЛЕВСКИЙ
Виктор Васильевич

Я окончил в 1916 г. Полтавскую I гимназию и поступил по конкурсному экзамену в том же 1916 г. в Харьковский Технологический институт (год смерти отца, когда я остался без всяких средств к жизни). Учился и одновременно зарабатывал себе на жизнь уроками, случайною чертежною работою и т.д. С этого времени, когда мне исполнилось восемнадцать лет, началась моя совершенно самостоятельная жизнь. Все время, крайне нуждаясь, учился и работал без всяких перерывов вплоть до июля месяца 1919 года, проживая в Харькове. Усиленно интересуясь историей, слушал лекции по истории в Харьковском университете на Истфаке.

Во время учебы в Технологическом институте в 1916 г. принимал участие в работе политического Красного Креста. В 1916 г.

принимал участие в студенческих демонстрациях против войны. С 1917 по 1919 гг. непрерывно был старостой своего курса и работал в выборных студенческих организациях (Совет старост, студенческое Химико-техническое общество). В мае 1917 г. призывался в Армию, но был освобожден на 1 год по слабости здоровья. В 1918 г., после прихода Советской власти, получил полное освобождение от призыва на военную службу. В 1918–1919 гг. работал делопроизводителем Совета студенческих старост, а затем уполномоченным по заготовке и закупке реактивов для нужд лабораторий Технологического института. В 1919 г. с приходом белых в Харьков в июле месяце, был мобилизован вместе с другими студентами Института, но, прослужив менее месяца, уже в августе лежал в сыпном тифе. Закупорка сосудов (осложнения после сыпняка) привела к потере левой ноги. С тех пор – костыли мой вечный спутник. (Ампутация была произведена так отвратительно, что образовались свищи, начался периостит и т.д. – нога не заживала с 1915 по 1925 или 1926 гг.). В результате, до сего времени не мог перейти на протез. После десятимесячного лежания в больнице, попытался приступить к учебе. Но сил было слишком мало. Уехал к матери, работавшей народной учительницей в селе Ярьески Полтавской губернии. Здесь в 1920 г. в народном университете прочитал первый цикл лекций по истории техники. Работал преподавателем технологии и физики в Социально-экономической и затем Агрономической профшколе с. Ярьески до осени 1922 г., когда возвратился в Харьков кончать Институт, что и выполнил в 1923 году в ноябре месяце, получив звание инженера-химика (по временному удостоверению инженера-технолога). После приезда в Харьков осенью 1922 г., жил безвыездно в Харькове до осени 1932 г. После возвращения в Харьков, в 1922 г. осенью служил в 5-ой Харьковской артиллерийской школе РККА, где числился по строевой части химико-лаборантом до марта месяца 1923 г. По окончании Технологического института все время стремился к научной работе и с 1923 по 1926 гг. работал в институте ретортником на опытном газовом заводе, проектировал лабораторный газовый завод, вел анализы в лабораториях и т.д. (проф. Гундар, проф. Кузнецов и др.). В 1928 г. работал практикантом на заводах ВУКС в Харькове. В начале 1924 г. получил направление в Химкомбинат, где и работал инженером в 1924 и 1925 гг. на II заводе им. Артема и на фабрике «Здоровье трудящимся». Во время работы на производстве был активным общественником, входил в редколлегию заводской стенной газеты и т.д. В 1924 г. женился на Александре Андреевне Красновой, дочери рабочего, родом из г. Симферополя, умершего еще до войны, около 1910 года.

По мере моего знакомства с литературой по истории техники усиленно возрастал мой интерес к истории техники. С 1924 г. начал писать и печатать свои работы в виде статей в журналах и отдельных изданий, постепенно все полнее переключаясь на историю техники. С 1926 г. начал работать в Музеях (Всеукраинский I социальный музей, зав. отделом производительных сил, 1925–1927 гг.).

В 1928 г. и далее начал преподавать историю техники в вузах (Харьковский сельскохозяйственный институт, Полиграфический институт Харьковского института народного образования, Институт по повышению квалификации педагогов, Институт экономики). В 1929 г. начал работу по организации Украинского технического музея, в 1930–31 гг. работал зам.

директора этого Музея по научной части. К этому времени уже было напечатано много моих работ по истории техники. В январе 1931 г. родилась моя дочь Алла. 6 июня 1931 г. Квалификационная комиссия Наркомпроса УССР утвердила меня в ученом звании профессора истории техники. В это время моей работой заинтересовался акад. Н.Я. Марр, по инициативе которого я был проведен в действительные члены Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде и получил от акад. Н.Я. Марра предложение переехать в Ленинград, что и сделал в 1932 г.

С 1932 г. по настоящее время живу непрерывно в Ленинграде. Работая в ГАИМК, числясь действительным членом Академии с 1 октября 1931 г. по 15 февраля 1937 г., когда подал рапорт о том, что отказываюсь от дальнейшей работы в виде моего полного перехода на работу по истории техники, подвергавшуюся в ГАИМК со времени отхода от работы, а затем смерти Н.Я. Марра усиленному гонению со стороны руководства.

Одновременно с работой в ГАИМК, все время принимал участие в работах по истории техники при Комакадемии. С 1932 г. по настоящее время напечатал много работ по истории техники. Под моим руководством были проведены по моей кафедре исторической технологии в ГАИМК большие исследования древних бронзовых и золотых изделий с целью установления древних центров разработки олова и золота, выполненные по договорам с Золотразведкой, Редметразведкой, Никельоловоразведкой. В 1933–1936 гг. особенно усиленно вел работу по мобилизации технического опыта прошлого для социалистического строительства (работы по олову и золоту, работы по исследованию древнего водоснабжения и т.д.). В процессе этой работы встречал непрерывное сопротивление со стороны и.о. председателя ГАИМК Кипарисова, нашедшее свое наиболее яркое проявление в срыве им в 1936 г., несмотря на все мои усилия, работ по никельоловоразведке, в срыве экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма, что неоднократно публично было мною опротестовано.

Особенно много трудностей испытал при проведении работы по изучению военноинженерных памятников Крыма, проводимой под моим руководством по договору ГАИМК и ВИА, которые форменным образом саботировались Кипарисовым. В результате мне пришлось взять на себя безвозмездно основную часть работы, не числящейся в моих планах по ГАИМКу, и выполнить ее, что нашло лучшую оценку в благодарности мне в приказе командования ВИА РККА в декабре 1936 г.

За последние годы мне пришлось приобрести опыт экспедиционной работы (экспедиция Музея Днепростроя 1932 г., Крымские экспедиции ГАИМК 1934–1935 гг.). В частности, был начальником Феодосийской экспедиции 1935 г. ГАИМК, Крымской экспедиции ГАИМКа и ВИА РККА 1935/36 гг.

Все результаты экспедиционных работ обработаны и изложены в рукописях, представленных к печати и принятых Археологическим комитетом ГАИМК.

Параллельно с научно-исследовательской работой по истории техники докапиталистических обществ, в ГАИМК вел такую же работу, но по истории капиталистической техники, что нашло свое отражение в моих «Очерках по истории техники XVIII–XIX вв.», а также в ряде публикаций в отдельных сборниках и журналах.

В 1934 г. назначен КВТО руководителем кафедры истории техники Ленинградского Металлического завода-втуза им. Сталина, где работаю по настоящее время. В январе 1936 г. ВКВТО назначен зав. кафедрой истории техники Ленинградского Государственного института, где работа была развалена Гарбером, разоблаченным в дальнейшем как контрреволюционер-террорист. Меня послали в ЛИИ, вопреки моему желанию, настаивая на необходимости дать крепкое руководство кафедре. В январе 1936 г. я был утвержден ВКВТО как зав. кафедрой истории техники ЛИИ, но директор ЛИИ – Евдокимов – не хотел снять Гарбера и более полугода по ВКВТО я был заведующим, а фактически в ЛИИ оставался заведующим Гарбер вплоть до его ареста, и последующих трех месяцев. Только арест и разоблачение Гарбера разрешили вопрос. За короткий срок мне удалось организовать курс и успешно читать его. Много пришлось поработать, так как после Гарбера осталось совершенно пустое место, в смысле даже кабинета, хотя и существовавшего ряд лет до моего приказа, но представлявшего всего лишь пустую комнату. В настоящее время курс истории техники в ЛИИ обеспечен многими пособиями и т.д. Проведенная среди 105 моих слушателей анкета дала самую высокую оценку постановки курса.

Вплоть до июня 1936 г. двери ИИНИТа были полностью закрыты для меня, т.к. руководство того времени относилось враждебно ко мне. Со снятием старого руководства я вошел сразу в Институт, где работаю и в настоящее время, как старший научный сотрудник.

С 1929 г. начал работать по истории техники на территории СССР, все более полно переключаясь на эту работу. Последние годы научно-исследовательская работа по этой тематике является для меня основной. Заканчиваю в эти дни монографию об И.И. Ползунове и его машине, основанную исключительно на первоисточниках, собранных мною в 1929–1937 гг. В то же время накопил множество материалов по истории техники на территории СССР, обеспечивающих разработку ряда других последующих монографий, в первую очередь о жизни и делах К.Д. Фролова и по истории техники Колываново-Воскресенских заводов. Работу о Ползунове буду защищать как докторскую диссертацию.

Только после того, как много лет поработал над исследованиями по истории техники, я стал публиковать критические статьи и рецензии, вскрывшие политические и научные недостатки работ многих авторов, что, конечно, вызвало с их стороны далеко не улучшение отношений ко мне. Но я полагаю, что этим смущаться не приходится, и считал, и считаю необходимым критиковать то, что выходит из печати по моей специальности, критиковать так, как оно того заслуживает.

Все время веду общественную работу. Работал в 1930–32 гг. председателем Выставочного Комитета и товарищем, председателя организационного комитета VI Менделеевского съезда. В 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. все время был председателем Профбюро, затем профоргом Института исторической технологии ГАИМК. В настоящее время работаю председателем Комиссии Ленинградского Индустриального института по юбилею 100-летия первой железной дороги общественного пользования в России.

Почти всю свою научно-исследовательскую и педагогическую работу отдал истории техники и хочу продолжать отдавать все свои силы этой ра-

боте. Считаю наиболее целесообразным сосредоточиться на истории техники СССР.

В состав моей семьи теперь входят жена и дочь шести лет. Должен отметить, что работать приходится в тяжелых условиях, я очень часто болею; приходится зачастую работать до одурения, что ведет просто к несчастным случаям. Так, например, исключительно вследствие переутомления, я упал в мае месяце 1937 г. во время работы в Архиве и сломал ногу (бедро ранее ампутированной ноги). Но трудности не пугают, и я буду продолжать все свои силы отдавать науке.

В партиях никогда не состоял. Ни под судом, ни под следствием никогда не был. Также никогда не подвергался арестам или репрессиям. За все время работы никогда не имел никаких служебных взысканий.

Публикуется по: В.В. Данилевский. Краткая автобиография. 25 сентября 1937 г. (архивный документ).

1940-е – 1953 гг.

Институт истории естествознания

1945 год

КУЗНЕЦОВ
Борис Григорьевич

Мне хотелось бы рассказать о некоторой последовательности в организации института, о некоторых подробностях, которые мало кому известны, а некоторым, может быть, и совсем неизвестны.

Прежде всего, мне представляется, что эти подробности, эти детали, некоторые персональные характеристики, некоторые воспоминания, о которых я буду говорить, позволяют проиллюстрировать один важный для настоящего времени вывод, который сводится к тому, что тот подъем исследований в области истории науки, который произошел на исходе войны и сразу после войны, что тот подъем, который вылился, в частности, в организацию Института истории естествознания 22 ноября 1945 года, связан не с какими-либо случайными или преходящими обстоятельствами, а

вытекает из основной глубокой и длительной объективной тенденции в развитии самой науки.

В одной из своих последних статей В.Л. Комаров, основатель института, писал, что в будущем, может быть, историографы будут удивлены, почему во время тяжелой войны, когда решались коренные проблемы существования человечества и цивилизации, почему в этот период наблюдался такой большой интерес к прошлому культуры и науки в нашей стране. И В.Л. Комаров отвечает на этот вопрос: дело в том, что эта война была войной не только за настоящее и не только за будущее; она была в известном смысле и войной за прошлое человечества, которое вооруженный фашизм хотел вычеркнуть из памяти людей. Эти прогрессивные тенденции разума и свободы, которые с такой большой ясностью и силой выражаются в истории науки, – они были уже твердо на идейном вооружении антифашистской борьбы.

И вот несомненно, что этот большой интерес к культурному прошлому человечества и к материализованным в истории науки идеям свободной мысли и свободного творчества, возросший интерес к истории, к культуре, к прошлому культуры – он характерен был для этой войны. И это несомненно, что в последние годы войны (и не только в последние) ученые (и не только ученые, но и широкие круги, уверенные в победе) задумывались над тем, как будет развиваться после победы культура, как будет развиваться наука; и, если смотреть вперед, естественно, мысль обращается к прошлому, продолжением которого является зримое будущее.

В конце войны, в 1944 г., группа старых русских ученых обратилась к Комарову с письмом. В этом письме говорилось, что современное положение в науке настоятельно требует систематических исследований в области истории естествознания. Мне кажется, что, если я сейчас перечислю, кто подписал, кто был инициатором этого письма, станет несколько яснее, откуда растет, какие исторические корни, какие идейные истоки этого интереса к истории естествознания.

Это письмо было подписано Н.Д. Зелинским, Н.А. Морозовым, В.А. Обручевым и В.И. Вернадским. Вот четыре крупных мыслителя, крупных ученых подписали это письмо, и, мне кажется, если проследить, – а мы сейчас можем это сделать, – чем руководствовался каждый из них, какие были идейные истоки у каждого подписавшего это письмо, мы пойдем глубже и точнее, каковы идейные истоки расцвета, развития, подъема истории естествознания и техники в нашей стране.

В самом деле, Н.Д. Зелинский, что им руководило? Я думаю, что тут мне не нужно пускаться в догадки, потому что было очень много бесед, много разговоров и до организации института, и после его организации, и Н.Д. Зелинский более или менее систематически изложил ту систему взглядов, которая привела его к большому интересу и к той инициативе в области истории естествознания.

Н.Д. Зелинский считал, что правильная традиция русской химической школы – Менделеева и Бутлерова – заключается в том, чтобы идти от быстро накапливающегося эмпирического материала, а в органической химии этот эмпирический материал накапливался уже в XIX столетии с колоссальной скоростью; для того чтобы его систематизировать, обобщить, нужно обязательно возвращаться к тем коренным традициям и ко-

ренному противоречию в истории химии, которые были в XIX веке. Н.Д. Зелинский, может быть, в еще большей степени, чем Н.С. Курнаков, связывал эти конкретные проблемы с коренными разногласиями химии XIX в. Подобно тому, как Н.С. Курнаков исходил в своей теории из ее практических применений к противоречиям XIX века, к контрроверзам атомистики всей науки XIX в., подобно этому Н.Д. Зелинский всегда считал, что колоссальный материал в области органической химии может быть систематизирован и обобщен только с оглядкой на историю, на тенденцию, на развитие коренных химических идей.

Совсем другие корни этого интереса к истории науки были у В.А. Обручева. В.А. Обручев принадлежал к тому направлению, важному направлению в науке, в котором обобщение идей было связано органически. Без этого нельзя было, без изучения того, что было сделано раньше. Ведь в геологическом изучении такой громадной территории, которая была объектом научных интересов Обручева, нельзя сделать хорошего обобщения, если не обратиться к опыту предшественников, составляющему целую громадную эпоху не только в геологическом изучении нашей страны, но и в теоретической геологии. Работа В.А. Обручева и называлась «История геологического изучения Сибири», и тут история переходила в саму науку; история геологии переплеталась с обобщениями в области геологии и с прикладными выводами.

Я думаю, что трудно найти мыслителя, как В.А. Обручев, у которого интерес к истории науки так органически сочетался с достижениями в самой науке. Это проистекало из всей биографии ученого, из всего его жизненного и творческого пути, из его интересов и методов, которыми он шел в своей науке, и всем этим объясняется то обстоятельство, что он, наряду с Зелинским, написал это письмо Комарову о необходимости создать такой институт.

Затем В.И. Вернадский, известный своими геохимическими работами. У него всегда было стремление от биохимических и геохимических исследований идти к более универсальным обобщениям. И характерно, что В.И. Вернадский от проблем биохимии и проблем геохимии переходил к таким большим обобщениям, как идея правизны и левизны, как идея симметричности и несимметричности пространства. Ведь недаром он читал и перечитывал с большим интересом философские работы XVII–XVIII веков, недаром собрал лучшую специальную библиотеку по истории науки в нашей стране. И характерно, что Вернадский и его предшественник Пьер Кюри были так тесно связаны. Тут была тесная связь проблем геохимии с большими обобщениями физическими, даже медицинскими, с интересом к геометрии, к ее истории, к проблеме пространства и времени в целом. Для В.И. Вернадского вопрос иначе не мог стоять. Поэтому В.И. Вернадский был инициатором работы Комиссии по истории науки в нашей стране, и он, все время возвращаясь к этой мысли, варьировал организационные формы этой работы. Одно время он хотел создать в Москве так называемый Дом Ломоносова–Менделеева; потом он пришел к мысли о том, что лучше создать такой институт обычной структуры, который был бы небольшим научным автономным учреждением.

Дальше – Морозов. Н.А. Морозов сыграл большую роль в организации нашего института. Правда, его подписи не было под этим письмом, но

он обсуждал его, он им интересовался. Он просто заболел и не мог подписать это письмо Комарову. Что для него было характерным – это то, что он был величайшим романтиком науки. Он был не только ученым, но он был влюблен в науку. А любить науку, не интересуясь ее историей, нельзя. И были у него такие большие психологические корни его интересов к истории естествознания.

И вот эти четыре старых ученых написали это письмо В.Л. Комарову. Для В.Л. Комарова это письмо не было неожиданностью. Для самого Комарова – как он об этом неоднократно говорил – решающим было следующее, он подчеркивал две вещи: во-первых, он как геоботаник, в сущности говоря, обладал таким же методом, как и Обручев в геологии; в геоботанических работах он опирался на исследования предшествующих поколений геоботаников; он во много раз усилил эмпирическую базу своих геоботанических обобщений. Поэтому для него история науки, анализ того, что было сделано его предшественниками в смысле изучения флоры Сибири и Дальнего Востока, были его непосредственной работой. Комарова как геоботаника без исторического исследования прошлого нельзя себе совершенно представить. Кроме того, для него как крупного общественного деятеля была очень важна эта гуманистическая функция истории науки, которая стояла для него на первом плане.

Получив это письмо, В.Л. Комаров 21 ноября был уже у председателя Совнаркома, и после разговора со Сталиным он пришел и тут же продиктовал запись этой беседы. Она более или менее известна, потому что ее публиковали в то время не раз. Одним из пунктов этой беседы было предложение, которое внес в правительство Комаров от своего имени и от имени тех четырех академиков, которые направили ему незадолго до этого письмо с предложением об организации Института истории естествознания. 22 ноября было решение Совнаркома. В этом решении говорилось:

«Для изучения истории мирового и отечественного естествознания, разрешить Академии наук СССР организовать в ее составе Институт истории естествознания. Утвердить состав Ученого совета этого института: В.Л. Комаров (директор института), Н.А. Морозов, В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, С.И. Вавилов, А.М. Деборин, В.А. Обручев, А.Н. Крылов, В.П. Волгин, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, академик Л.А. Орбели, Л.С. Берг, Х.С. Коштоянц, Б.Г. Кузнецов (заместитель директора), Т.И. Райнов, Г.Ф. Александров, В.И. Светлов».

Когда В.Л. Комаров прочитал этот утвержденный состав, он сказал: «У меня такое впечатление, что мне хочется повторить реплику старого жреца Колхаса из оперетты «Прекрасная Елена», когда он смотрит на богатые приношения. Он говорит: «Цветы, цветы, цветы, слишком много цветов»». Перефразировав эту реплику, Комаров разъяснил, что он имеет в виду. Будут ли члены Совета ходить на заседания. Опасения, которые тревожат руководителей Института до сих пор перед каждым заседанием. Они не оправдались. Нужно сказать, что этот первый состав Ученого совета собирался на свои заседания, которые происходили в квартире Комарова, аккуратно, без опоздания.

Дальше, после организации института, стали комплектовать кадры. Нужно сказать, что комплектование кадров института происходило без предвзятых идей, без предварительной методологии анкетно-биографи-

ческих исследований: кто должен заниматься историей естествознания, должны ли это быть естествоиспытатели, философы, физики, математики и т.д., т.е. какое они должны иметь образование для того, чтобы иметь честь быть приглашенными в этот институт. Прежде всего, приглашали главным образом работников уже не очень молодых, знания которых были почерпнуты не только в тех учебных заведениях, которые они окончили, но и во всей их последующей научной работе. Пригласили сотрудников самых разнообразных профилей, самого разнообразного, так сказать, научного происхождения. Одновременно были приглашены и первые сотрудники Института. Среди них были А.П. Юшкевич, В.П. Зубов, Т.И. Райнов, Т.Ф. Бедретдинова, затем были приглашены биологи – П.А. Новиков, С.Л. Соболев, из механиков появился И.Н. Веселовский, из энергетиков у нас был Арбузов первое время, но он в институте не работал.

Надо сказать, что очень важно было комплектование и вспомогательных сотрудников.

В общем, институт стал уже собирать кадры, они росли, и я вижу с большим удовольствием, что эти товарищи, которые появились у нас, мало изменились за эти 15 лет. В наш актив уже вошли Д.Д. Иваненко и Н.А. Фигуровский (который тогда еще не знал, что его ждет, и бестрепетно входил в это учреждение на улице Фрунзе). После него стали подбираться у нас и другие сотрудники, весьма ценные. Это был уже тогда сильный научный коллектив.

Вопрос о направлении, о плане работ, об основных темах, об основных проблемах работы института был предметом больших и детальных бесед и разговоров, которые, как правило, не носили официального характера; мы тогда советовались со всеми, кто только мог оказать нам помощь в этом деле. Я помню, когда было 220-летие Академии наук и когда съехались все, сначала в Москву, а потом в Ленинград, то разговор об организации этого института и о его деятельности происходил почти беспрерывно. Например, вспоминаю интересную беседу о направлении работ института, которая происходила с участием покойного Я.И. Френкеля и приехавшего тогда на юбилей Академии наук Фредерика Жолио-Кюри. И вот Жолио-Кюри, в частности, настаивал на том, что крайне важно направить исследовательскую мысль на изучение физических проблем биологии. Для него вообще был характерен интерес к физическим проблемам биологии, и он говорил, что это новое многообещающее направление должно быть как-то поддержано историческим анализом того, как развивались эти идеи. Я.И. Френкель считал, что нужно заниматься главным образом проблемами поля – как развивалась проблема поля магнитного и гравитационного. И вместе с тем тогда уже теория элементарных частиц показывала, что в этом лежит будущее всей физики, и тогда он и Д.Д. Иваненко считали, что, наряду с изучением теории поля, нужно поставить изучение истории атомистики.

И вот мы сформулировали в первом плане научно-исследовательских проблем такую вещь, как две основные проблемы: история атомистики с начала концепции и до самого последнего времени и история, которую долго не знали, как назвать, – история гравитации, электромагнитного и прочих полей, – пока С.И. Вавилов не сказал: «Напишите просто – исто-

рия континуума, у вас будут две проблемы: история атомистики и история континуума, к этому привлекаются и химические проблемы, и вы сможете изучать совместно с химией и математику. И третья проблема – проблема жизни».

Таким образом первыми направлениями в исследовательских замыслах института были большие проблемы. Потом они были дополнены другими темами меньшего охвата.

И вот так оно и началось.

Самым важным было продолжение: у нас было некоторое наследство, из всего наследства, которое мы получили, самым главным было «Научное наследство» – первый том, который в известной мере был подготовлен уже перед войной. Во время войны, в 1941–1942 гг., в академической корреспонденции занимала большое место переписка, куда послать «Научное наследство», и вот в 1942 г. в Академию наук шли телеграммы, куда направить статью «Пьер из Марикура», – в Казань, в Свердловск, в Среднюю Азию и т.д. Это характерно и это тогда производило на многих очень большое впечатление. Иван Павлович Бардин тогда говорил: «Вы очень уверены в близкой победе в войне, если вы занимаетесь тем, куда направить статью «Пьер из Марикура»».

Так был создан первый план работы института.

Вероятно, потому что был уже известный опыт, так как институт продолжал традицию, он отказался тогда от того, что делало большинство вновь организованных институтов по истории науки и техники, так как за последние десять лет каждый новый институт, который организовали на пепелище предыдущего, делал так. Нужно заниматься историей науки и техники, поэтому нужно составить план из 20 тем, лучше 30 или еще больше, охватить всю науку и технику, заказать все. Но мы тогда считали, что это дело будущего и что надо к этому подойти, разрабатывая сначала те «белые пятна», без выяснения которых такая большая сводная работа не могла иметь места. Сейчас мы продвинулись в этом отношении и сейчас могут быть новые задачи.

Разрешите ограничиться этими небольшими воспоминаниями, а не оценками. Мне хотелось рассказать товарищам, которые не знают, напомнить товарищам, которые забыли о дате, которую мы отмечаем не как юбилейную, а как естественную дату, естественную для историографии нашей страны. Поэтому я не касался ни комиссий, ни Комиссии истории техники, ни тех многочисленных учреждений, без которых Институт не мог бы возникнуть и существовать, а остановился на одной строчке истории нашей дисциплины.

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4. С. 133–137.

1945 год

РАЙКОВ
Борис Евгеньевич

Занимаясь педагогической работой по методике естествознания, я еще до революции стал интересоваться историей естественных наук, первоначально в педагогическом разрезе. Так возникли мои статьи, посвященные истории преподавания естествознания, начиная с основания русской школы в XVIII в. Заглянул я и в эпоху более древнюю, именно, в историю русской образованности в допетровской Руси, и еще раньше – в XVI и в XV вв. Таково было происхождение моей статьи «Естествознание в книжном обиходе и школьном обучении Древней Руси», написанной накануне революции и напечатанной в «Журнале Мин[инистерства] нар[одного] просвещения» в 1916 г. Интерес к этой тематике у меня сохранился надолго и я думал, что когда-нибудь я вернусь к ней. И

действительно, после революции, получив возможность печатать мои статьи в основанном мною в 1918 г. журнале «Естествознание в школе», я написал в 1920–1925 гг. целую серию статей, носивших исследовательский характер, по истории учебного естествознания в России XIX века. Занимаясь этой тематикой, я постоянно соприкасался с положением естественных наук в России и мог заметить, как много белых пятен в их истории на нашей родине.

Я довел мое изложение до 70-х годов XIX века, но затем пришлось прервать эту работу, так как наступило тревожное для меня время моей борьбы с Наркомпросом за правильную постановку естествознания в русской школе. Воздвигнутое против меня на этой почве политическое преследование надолго отвлекло меня от научных вопросов. Я позволил вовлечь себя в полемику, веря, по наивности, в существование у нас общественного мнения и надеясь на помощь моих единомышленников. Но все это оказалось грустным недоразумением. Одолели тёмные силы, и я и сам скатился под гору и увлек в своем падении группу доверившейся мне хорошей молодежи. Когда последствия катастрофы 1930 года несколько сгладились, и я почувствовал под собой какую-то, хотя еще довольно зыбкую, почву, моей первой мыслью было – вернуться к прерванной научной работе.

Каким же образом я мог осуществить это дело, будучи прикреплен к Медгоре, далеко от Ленинграда, и не имея к тому же права жить там? Согласие Эрнеста Мартыновича Буртнека на мои периодические, хотя и недолгие отлучки в Ленинград открывало мне к этому дорогу. Но для того, чтобы осуществить мой план, надо было еще заручиться возможностью получать книги из центральных библиотек Ленинграда с правом пользоваться ими в Медвежьей Горе, так как невыносимо было думать что-нибудь сделать в Ленинграде во время кратких наездов туда. Кроме того, надо было получить право работать в ленинградских архивах, не состоя ни в каком ученом учреждении. Поэтому я прежде всего обратился в начале 1935 г. к моему старому знакомому – Владимиру Леонтьевичу Комарову, который занял теперь важный пост президента Академии наук, с просьбой облегчить мне в провинциальных условиях возможность пользоваться сокровищами Библиотеки Академии наук.

Поясню, что в России есть только три основных библиотеки, в которых можно найти если не все, то большинство книг, напечатанных в России, и многие заграничные издания: Библиотека АН СССР в Ленинграде, Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Ленинская (быв. Румянцевская) в Москве. Для XVIII в., в котором я наиболее нуждался, академическая библиотека была, пожалуй, самой важной. Но эта библиотека книг на дом не отпускала, как и Публичная, тем более в провинцию. Комаров, который бывал тогда на своей старой квартире в Ботаническом саду, принял меня очень ласково, расспрашивал о моей жизни в лагерях и постарался сделать для меня все возможное. Он переговорил с директором Библиотеки АН, которым был тогда юрист Яковкин, очень любезный и приятный человек, и я получил совершенно исключительную льготу, особенно в моем положении человека, не состоящего на академической службе и даже лишённого права жительства в Ленинграде, а именно – брать из библиотеки на руки книги в неограниченном коли-

честве с правом увозить их в Медвежью Гору и возвращать по мере использования. Не было сделано даже изъятия для редких книг XVIII в. как русских, так и иностранных. Если принять во внимание, что такие книги, как правило, не выпускают дальше читального зала, то не трудно оценить, какое замечательное дело сделал для меня покойный Владимир Леонтьевич. Вечная память этому благородному, честному и отзывчивому человеку! Давая такое разрешение, чуждое всякого формализма и продиктованное, во-первых, доверием ко мне, а во-вторых, сочувствием моему положению, Комаров открыл для меня возможность научной работы в Медгоре. Достаточно сказать, что я получал на руки и увозил в Медвежку даже такие редкие книги, как диссертация Каспара Фридриха Вольфа «Theologia generationis», издания 1759 года, и второе немецкое издание этой книги 1774 г., все сочинения Палласа и мн. др.

Практически это выглядело таким образом. Я приезжал в Библиотеку с чемоданом, наполнял его книгами, заранее заказанными по списку, и в тот же вечер увозил чемодан в Медвежью Гору. Там на досуге, в свободное от лабораторных занятий время, я прорабатывал привезенный материал, делал конспекты, выписки, переводы и проч[ее], а моя жена, Антонина Николаевна, переписывала эти записи на моей старой пишущей машинке «Ремингтон», которая чудом уцелела от погрома и в 1935 г. также перекочевала в Медвежью Гору. Времени у меня было достаточно, принимая во внимание, что работа в лаборатории заканчивалась в два часа дня, а все вечера оставались свободными, так как никаких собраний и заседаний у нас не полагалось. Затем я увозил книги в Ленинград и тем же порядком наполнял чемодан новой порцией книг. Таким образом, я проработал множество источников, в том числе и на латинском языке, что требовало большого терпения и значительной затраты времени. То, чего не нашлось в академической Библиотеке, надо было искать в Публичной библиотеке, которая по некоторым отделам была богаче, чем БАН (иностранная научная литература XVIII в.). Получать оттуда книги на руки я не мог и не пытался этого делать, так как у меня ведь в ту пору не было сколько-нибудь значительного научного имени. Приходилось прорабатывать книги на месте, в читальных залах библиотеки. По счастью, Публичная библиотека открыта с утра и до позднего вечера, не исключая и праздников. Я забирался туда при открытии и сидел до конца, уходя только на час для обеда в какую-то столовую на Невском. Выходило, таким образом, по 12–13 рабочих часов в сутки, притом в очень напряженном темпе. Но тогда я был здоров и очень вынослив, несмотря на мои 55 лет, и такой режим мне был по плечу, хотя практиковать его долго было, разумеется, невозможно.

Другим местом такой усиленной, я бы сказал, судорожной, работы, были архивы: они по праздникам закрыты, а в будни открыты ограниченное время. Кроме того, там существуют различные затяжные процедуры по выдаче документов. Особенно трудно пришлось при работе в Центральном государственном Архиве на б[ывшей] Сенатской площади (ЦГИАЛ). Поначалу меня туда вовсе не пустили. Когда я подал прошение о разрешении мне работать в этом архиве, оно возбудило сомнение, так как адрес был указан иногородний и к тому же довольно странный. Отделом ЦГИАЛ, который был мне нужен, заведовала тогда некая Михайлович, особа адми-

нистративного вида, жена того самого политпросветработника Михайловича, который в 1928 г. так неприлично ревизовал вместе с Бенкеном мою Биостанцию. Вероятно, этой даме была известна моя фамилия, и я получил категорический отказ, без объяснения причин.

Однако я не сдался и обратился к Сергею Ивановичу Вавилову, который был тогда директором Оптического института и депутатом Ленинградского Совета. Он написал в Архив бумагу как депутат, и только после этого двери архива раскрылись передо мной. Но меня обязали все мои записи сдавать служащим для цензуры, и только после этого они выдавались мне на руки.

Таковы были условия моей научной работы, начиная с 1935 года и вплоть до отъезда моего из Медгоры в конце 1941 года, то есть в течение семи лет. По своим заметкам я подсчитал, что за это время я сделал не менее 150 выездов в Ленинград, среди которых были и более длительные — на время отпусков, которые я тоже проводил в Ленинграде. Количество проработанных мною за это время источников, вероятно, составляет несколько тысяч. Многие были на иностранных языках, преимущественно на немецком и латинском. По счастью, классическая гимназия дала мне довольно хорошее знание латинского языка.

Хорошо, что у меня было где останавливаться в Ленинграде: моя дочь Наташа жила в это время со своим мужем, инженером Ломакиным, и двумя маленькими дочками в Ленинграде и имела достаточно просторную квартиру на Лесном проспекте, д. 61, где я имел спокойный и всегда доступный приют.

Первая тема, которую я начал прорабатывать, выросла из упомянутой выше моей статьи об естествознании в Древней Руси. Работая тогда над этим материалом, я заметил, что важнейшими мировоззренческими вопросами древнерусской письменности, кроме вопроса о спасении души, были вопросы космологического порядка: о форме земли, об отношении ее к солнцу, о планетах солнечной системы и т[ому] под[обное]. Просматривая еще раньше памятники этой письменности, особенно по XVII веку, я много находил материала по этим вопросам и убедился, что естественно-исторический материал не только никем литературно не обобщен, но даже как следует не изложен, так как древней письменностью занимались преимущественно филологи или историки-гуманитары. Я еще тогда решил заняться им более основательно, но отложил это до более подходящего времени. Теперь это подходящее время наступило.

В результате моей работы в течение первых трех лет после моего поселения на территории санатория я и написал большое исследование о проникновении на Русь идей Коперника о вращении Земли вокруг Солнца и о борьбе этой новой и революционной когда-то идеи с устаревшей системой Птолемея, которой придерживались наши церковные предания. Кроме того, я нашел много данных об астрологических представлениях и верованиях Древней Руси, пришедших в русскую письменность из Византии и с латинского Запада. Таким образом, составила книга объемом около 20 печ[атных] листов, которой я дал заглавие «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России». Заглавие это слишком мудрёное для среднего русского читателя, лучше было бы озаглавить книгу «Из истории естествознания в древней Руси».

Помню, что когда эта работа появилась в печати, некоторые мои старые знакомые удивлялись: каким образом Райков, просидев несколько лет в лагерях, ни с того, ни с сего занялся историей астрономии? Уж не рехнулся ли он? А между тем, эта тема была тесно связана с моей предшествующей работой еще в дореволюционное время. Удивлялись также, откуда автор взял время для такой работы, и как вообще возможно написать исследовательскую работу по первоисточникам в глухой провинции, живя даже не в городе, а в поселке? Но написать книжку – это одно, а напечатать ее – это совсем другое, особенно на такую малоинтересную тему. Притом автор книжки не только не обладал достаточной известностью в научных кругах, но был политически опорочен. Вот тогда-то и пришел мне на помощь один из лучших и благороднейших людей, каких я только знал в жизни – Сергей Иванович Вавилов. С В.Л. Комаровым мы были многолетними знакомыми: он работал у меня на Биостанции в качестве руководителя экскурсий, знал я и его жену, Надежду Викторовну, которая также работала на Биостанции. А Сергей Иванович был физик, а не биолог, и к педагогике не имел прямого отношения. Впервые он увидел меня, когда я пришел к нему как к депутату с жалобой на самоуправство мадам Михайлович. Тем не менее, когда я обратился к нему вторично в 1937 году и принес ему в Оптический институт рукопись моей книги, он согласился ознакомиться с ней. С бьющимся сердцем я пришел к нему за ответом и услышал: «Книга замечательная, а еще замечательнее условия, при которых вы ее написали. Ее надо непременно напечатать, а чтобы дело прошло гладко, я сам возьму на себя ее редакцию». Вот каким образом случилось, что эта работа вышла в издательстве Академии наук под редакцией С.И. Вавилова. Он тогда еще не был президентом Академии наук, но играл большую роль в издательстве. Во избежание каких-либо придинок, он не посылал рукопись по инстанциям на отзыв, но прямо отправил ее в издательство с приказанием набирать, притом без всякого формального договора с автором. Договор со мной был заключен задним числом, когда книга была уже отпечатана.

На фоне современного формализма, когда заведомо ценную книгу месяцами и даже годами маринуют, прежде чем она дойдет до типографии, этот случай, конечно, весьма редкий. Никаких редакторов от издательства, вычитчиков, монтировщиков и т.д., через руки которых в настоящее время проходит книга, тогда и в помине не было, и я имел дело только с одним техническим редактором – покойным Яковицким. Гонорар же за книгу был для меня полным сюрпризом – я и не предполагал, что мне за нее что-нибудь заплатят, лишь бы напечатали! Я уверен, что если бы эту мою первую большую историческую работу не удалось выпустить в свет, то, вероятно, мой пыл в значительной степени остыл бы, и, может быть, я даже не стал бы продолжать это дело.

Отсюда видно, какую роль сыграли в моей жизни С.И. Вавилов и В.Л. Комаров. Недаром большой портрет Вавилова висит у меня в кабинете, и я часто вглядываюсь в него, когда пишу.

Вторая большая историческая тема, за которую я принялся во время моего пребывания в Медвежьей Горе, – это работа о русских биологах-эволюционистах.

Как я попал на эту тему? Изучая, в связи с первой темой, русскую старопечатную литературу XVIII века по естествознанию и перечитывая многократно библиографический труд Сопикова, который был моей настольной книгой, я и наткнулся на изданную в России в 1778 году анонимную книжку под названием «О перерождении животных». Заглавие меня заинтересовало. Ведь в XVIII веке, при господстве взглядов Линнея, ни о каких «перерождениях», то есть изменениях, речи не было. А тут какой-то неизвестный автор что-то такое написал на ту тему. Я выписал книжку из Библиотеки Академии наук. Оказалось, что в ней, действительно, речь идет об изменчивости животных под влиянием внешних условий – тема совершенно новая для XVIII в. Но я с огорчением увидел, что это перевод с немецкого. Значит, не русский автор написал, а немецкий, причем даже имя этого немецкого автора не было указано, так же как не было дано и немецкого заглавия книжки. Все же я решил поискать в немецких библиографических справочниках XVIII века, не найдется ли там книжки под сходным названием. Начал просматривать замечательный по полноте немецкий библиографический справочник Энгельмана по старой зоологической литературе. В самом деле, нашел там под 1775 годом книжку «Von der Abartung der Thiere», но даже вспыхнул от волнения, когда увидел, что там же указана и фамилия автора – Affanassey Kawersniew aus Russland. Значит, книжка написана русским автором, а в русском переводе вышла анонимно. Целый ряд загадок: кто же такой Каверзнев, почему он скрыл свое имя, кто перевел книжку на русский язык? и т.д. Тут я почувствовал себя в роли охотника, идущего по звериному следу. Оказалось, что был такой малоизвестный автор в XVIII веке Афанасий Каверзнев, пчеловод по специальности, и что он имел отношение к Вольному экономическому обществу, но больше о нем ничего не известно. Этот охотничий след повел меня в Центральный гос[ударственный] исторический архив, где хранятся дела Вольного экономического общества и куда меня сперва не хотела пускать Михайлович. Наконец, я просматриваю описи дел в архиве и – о радость! – имеется целый ряд дел, относящихся к Афанасию Каверзневу, который был, как оказалось, отправлен в Германию от Вольного экономического общества, учился в Лейпциге и, действительно, напечатал там искомую книжку об изменчивости животных. Таким образом, мне удалось восстановить по архивным документам главные обстоятельства жизни Каверзнева, выяснить историю написания этой книжки, показать ее значение как первой попытки русского автора дать эволюционное освещение происхождению домашних животных и т.д. Таким образом, мне очень повезло: выяснилась литературно-историческая загадка, которая оставалась нераскрытой в течение 160 лет, и к тому же отыскался первый русский трансформист до Дарвина. Можно себе представить, как все это окрылило меня и скрасило мое пребывание в Медвежьей Горе!

Изучая жизнь и деятельность Афанасия Каверзнева, а еще ранее, до революции – деятельность академика Зуева, я убедился, насколько мы слабо знаем научные мнения и взгляды русских биологов XVIII века. Подвергались детальному изучению лишь самые крупные фигуры, вроде Ломоносова или Эйлера, рядовые же работники оставались в тени и частью вовсе остались неизвестными последующим поколениям. Даже та-

кие выдающиеся ученые, работавшие в России, как Паллас и Вольф, и те не имеют полных биографий, освещающих их работу на русской почве.

Кроме того, занимаясь Каверзневым, я мог убедиться, что общепринятый взгляд на биологические установки XVIII века, якобы всецело покрываемый афоризмом Линнея: «видов столько, сколько их вышло из рук Творца!», – обязателен отнюдь не для всех учёных XVIII века, и что идея развития, которая так явно сквозит у Каверзнева, не чужда и другим биологам того времени. Между тем, в литературе по истории биологии, очень скудной в то время, господствовал взгляд, что первым трансформистом до Дарвина был один Ламарк на пороге XIX века, а до него символом веры в биологии была идея о постоянстве видов.

Под влиянием этих впечатлений и соображений мне и пришло в голову просмотреть с этой точки зрения труды наиболее видных биологов XVIII века, трудившихся в России. Для начала я взял Каспара Фридриха Вольфа, сочинения которого на латинском языке не были изданы и хранились в рукописном виде в Архиве Академии наук, а также работы Палласа, которые хотя и были напечатаны в свое время, но по редкости своей были мало доступны русским авторам. Таков путь, который привел меня к изучению наследия этих достаточно забытых в то время авторов. Например, Вольфом после Бэра, заглянувшего в его рукописи в 40-х годах, никто из русских исследователей не занимался. Таким образом, от Каверзнева я пришел к Вольфу и Палласу, как его современникам, а от этих последних – к изучению русских биологов-эволюционистов XIX века. Вот та цепная реакция, которая началась от Каверзнева и привела меня, в конце концов, к Богданову и его школе.

Результаты этой достаточно трудоемкой работы дали даже больше, чем я ожидал. Вольф оказался подлинным трансформистом XVIII века, а у Палласа я нашел в его второстепенных работах, на которые мало обращали внимания, мысли такого же порядка. Кроме того, я заметил, что Паллас под влиянием условий своей работы в царской России оказался менее принципиальным, чем Вольф, и в случае надобности мог отходить от своего трансформизма и занимать в этих вопросах довольно двусмысленную позицию. Перебирая более второстепенных ученых, работавших в России на пороге XIX столетия, я наткнулся на совершенно неизвестного в литературе энтомолога Михаила Таушера, работавшего частным образом у одного из русских вельмож того времени, причём он оказался подлинным трансформистом до Дарвина.

Мне показалось важным и интересным обобщить этот материал для русских читателей. Таким образом, возник замысел написать большой сводный труд о русских трансформистах до Дарвина, первый том которого был обработан мною за период с 1936–1941 г. Материалы же по этой теме составили уже в то время 10 объемистых папок, которые и по сей час сохранились у меня, несмотря на дальнейшие превратности моей судьбы.

Эти превратности, о которых я надеюсь рассказать ниже более подробно, состояли в том, что мне пришлось после начала Отечественной войны, осенью 1941 года, спешно оставить Медвежью Гору и эвакуироваться с семьей в г. Архангельск, бросив на произвол судьбы все мое имущество, кроме заветной корзины, в которую и были уложены упомянутые десять папок с рукописями. Приключения этой корзины будут изложены

в одной из последующих глав моих воспоминаний, а теперь я обращусь к более подробному описанию того отрезка времени в моей жизни, который связан с моим пребыванием в Медвежьей Горе на медицинской работе в Тубсанатории.

***

Остановлюсь сперва на моей научной работе по истории естествознания в России. За архангельский период я не мог пользоваться литературой предмета, подобно тому, как это было в Медвежьей Горе, и потому нового фактического материала к моей теме у меня не прибавилось. Но я привел в порядок тот материал, который был уже собран за время пребывания в Карелии. Он, по счастью, уцелел, так как был вывезен мною во время эвакуации в заветной корзине из древесной щепы, а затем был дополнен материалом, который я выкопал из подвала сожженного в Медвежьегорске дома.

Сохранившиеся таким удивительным образом данные я обработал, систематизировал, комментировал и в результате получилась книга объемом около 18 [печатных] листов, которую я назвал «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина». Туда вошли научные биографии академиков XVIII века Палласа и Каспара Фридриха Вольфа, забытого медика-философа начала XIX века Кайданова, открытого мною эволюциониста-биолога конца XVIII в. Афанасия Каверзнева и оригинального ученого энтомолога, путешественника по югу России, совершенно неизвестного в нашей литературе Михаила Таушера.

Эту пеструю, на первый взгляд, группу людей связывало и объединяло одно важное обстоятельство, а именно: все они были первыми в России трансформистами, то есть такими учеными, которые отказались от взгляда на постоянство видов и признали изменчивость живых существ во времени. А эта мысль, утверждение которой обычно приписывается Ламарку и Дарвину, была огромным идеологическим сдвигом в развитии биологических наук. Таким образом, я показал в этой своей первой работе по истории биологии, что вопреки обычному мнению, у нас в России были свои трансформисты до Дарвина и даже до Ламарка.

Почему этот материал был до появления моей работы неизвестен в науке и явился новостью для русских биологов? Потому что выведенные мною на сцену лица изложили свои взгляды в таких сочинениях, которые были мало доступны или даже вовсе недоступны русским исследователям, особенно более молодого возраста. Паллас, Вольф, Кайданов писали по латыни, языке, которым мало кто владеет, кроме филологов, и которого молодое поколение не знает. Кроме того, та работа Вольфа, в которой он наиболее ясно излагал свои эволюционные воззрения, «*Objecta meditationum pro theoria monstrorum*», никогда не была напечатана и хранится в Архиве Академии наук в рукописном виде; не существовало даже хотя бы краткого изложения ее содержания. Прочитать латинские труды этих ученых и отыскать в них мысли об изменчивости животных – это был такой труд, перед которым отступили наши исследователи-биологи. Таушер и Каверзнев писали по-немецки, то есть на более доступном для биологов языке, но эти ученые вообще не были известны в литературе, и обратиться к их работам, частью анонимным, было также недоступной задачей. Не

буду говорить о своих качествах как ученого, но мне, кроме всего, помогло, во-первых, знание латинского языка, которое дала мне столь яростно поносимая у нас классическая школа, а, во-вторых, почти тюремный досуг, который я имел в течение семи лет в Медвежьей Горе. К этому надо прибавить дружеское содействие двух президентов нашей Академии наук – В.Л. Комарова и С.И. Вавилова, без которого я и шагу не мог сделать.

Вот такое редкое стечение обстоятельств и дало мне возможность закончить в Архангельске мою первую большую работу по истории биологии, которую я назвал «Очерки по истории эволюционной идеи в России». Как я уже упоминал, эта работа была переписана на пишущей машине, на желтой оберточной бумаге во время войны, под аккомпанемент вражеской бомбардировки. Было изготовлено в переплетенном виде два экземпляра этой работы. Один экземпляр я представил в Москву в виде докторской диссертации, а второй экземпляр лично передал академику В.Л. Комарову прося его просмотреть работу и дать ей путевку в жизнь. Никогда не забуду этого визита к нему на квартиру, летом 1944 года. Он жил тогда на Пятницкой ул. в уютном, хорошо обставленном особняке, опекаемый своей доброй и милой женой Надеждой Викторовной, которая работала когда-то у меня на биостанции в Детском селе лаборанткой и была тогда сильной брюнеткой, а теперь – с белоснежными волосами, но все с таким же свежим розовым лицом. Комаров никого не принимал у себя на дому, но для меня было сделано исключение. Я преподнес ему рукопись своей книги и извинился за ее неказистый вид – истинное дитя военного времени. «Этой книгой я, в сущности, Вам обязан, Владимир Леонтьевич», – сказал я при этом. – Ведь если бы Вы не устроили мне возможность пользоваться академической библиотекой во время моего Медвежьегогорского сидения, эта работа никогда не была бы написана». Надежда Викторовна взяла рукопись в руки, перелистала, посмотрела рисунки. «Ну, вот и хорошо, – сказала она, – я почитаю Владимиру Леонтьевичу вслух из вашей рукописи, и мы постараемся ее продвинуть». Я не видел Комарова уже лет 6. Мне показалось, что он очень изменился и постарел со времени нашего последнего свидания в Ленинграде. В движениях, в разговоре чувствовалась наступающая старческая дряхлость, хотя он держался еще бодро и был очень словоохотлив.

Обещание свое он исполнил. Через несколько месяцев я получил уведомление, что рукопись поступила в издательство Академии наук и будет печататься. Однако это дело затормозилось надолго. В.Л. Комаров умер, и рукопись попала не только в чужие, но и враждебные мне руки. Была даже сделана попытка снять эту мою работу [с издания], но об этом я расскажу в следующем томе моих воспоминаний, посвященных ленинградскому периоду моей жизни, начиная с 1945 года.

Судьба второго экземпляра этой моей рукописи на оберточной бумаге была другая. Я представил ее в качестве докторской диссертации в Гос[ударственный] педагогический институт им. Ленина в Москве, преобразованный из 2-го Московского университета (2-го МГУ). Директором этого института был в то время проф. Нечаев. Совет педагогического факультета утвердил рукопись к защите и назначил официальными оппонентами доктора биологических наук проф. В.Ф. Натали (зоолога), доктора педагогических наук проф. Е.Н. Медынского и профессора-физиолога

С.Н. Белоусова. Однако защитить эту работу публично мне не пришлось, так как оппоненты, ввиду достоинств этой работы, вошли в Ученый совет Института с представлением о присуждении мне докторской степени без защиты диссертации. Ученый совет 25 июля 1944 года постановил единогласно: присвоить такому-то ученою степень доктора педагогических наук и войти в ВАК ВКВШ с ходатайством об утверждении настоящего решения (протокол № 19 Ученого совета от 25 июля 1944 г.). ВАК утвердил это решение 3 марта 1945 года (протокол № 5 за подписью председателя С. Кафтанова). Таким образом, еще находясь в Архангельске, я получил искомую степень и вместе с тем горячие поздравления моих сотоварищей по Педагогическому институту.

В том же году, еще до отъезда в Ленинград я имел из Москвы известие, что 8 сент[ября] 1945 года я был избран действительным членом Академии педагогических наук. Я не просил об этом, не представлял своей кандидатуры, все это произошло не только без моего участия, но и без моего ведома. Случилось же это таким образом. При организации АПН в марте 1944 года в число педагогов первого набора был введен известный ленинградский химик-методист В.Н. Верховский, мой старый товарищ по работе. Он-то и выдвинул мою кандидатуру, когда речь зашла о дальнейшем расширении АПН. Написанное им представление подписали, кроме того, еще профессора В.А. Догель (зоолог) и П.А. Знаменский (физик), и в таком виде оно было послано в Москву.

В тексте этого представления я был назван «крупнейшим в настоящее время ученым в области методики естествознания» и другими лестными для меня наименованиями, но особенно любопытно, что там было такое место: «В [19]25–30 гг. в период осужденных историческим постановлением ЦК ВКП(б) педагогических извращений и прожектерства Б[орис] Е[вгеньевич] усиленно против них боролся, отстаивая в печати и в устных выступлениях то направление, которое принято в преподавании естествознания в настоящее время. На этой почве недоброжелателями Б[ориса] Е[вгеньевича] было выдуманно политическое дело, он был арестован и осужден на 10 лет». Это представление оканчивалось фразой, что Б.Е. Райков «особенно нужен АПН для дальнейшего развертывания ее плодотворной деятельности». В результате я и был избран 8 сент[ября] 1945 г. в число действительных членов Академии. Избрание было единогласным, несмотря на то, что в представлении было ясно сказано, что я был осужден на большой срок по политическому обвинению.

Это дает некоторое представление о том, как педагогическая общественность в лице своих крупнейших представителей относилась к недавнему еще периоду господства комплексной педагогики. Я был рад этому избранию как общественному воздаянию за перенесенные мною испытания.

Суеверные люди говорят, что одна беда ведет другую. Есть даже поговорка: «Пришла беда – отворяй ворота!». Но то же самое можно сказать и о счастливых событиях. Они тоже приходят иногда пачками и как бы притягивают друг друга. Таким годом счастливых событий был для меня 1945 год. Кроме перечисленного, я получил в том же году еще одну радостную весть, а именно: я был зачислен старшим научным сотрудником вновь основанного в Москве Института истории естествознания. Этот Ин-

ститут был открыт в 1944 году по инициативе президента АН В.Л. Комарова, а после смерти Комарова заботу об этом учреждении взял на себя С.И. Вавилов, именно ему я и был обязан [тем], что при подборе кадров был включен в состав нового учреждения. Об этом С.И. Вавилов любезно уведомил меня телеграммой да сверх того еще поздравил меня с избранием в Академию педагогических наук.

В приказе по Академии наук о моем назначении кроме того указано, что я откомандировываюсь на постоянную работу в Ленинград. Для меня это было очень важно, так как Институт находился в Москве, а я переводился из Архангельска на службу в Ленинград, следовательно, получил законное право бывать в Институте истории естествознания только наездами, 1–2 раза в месяц, а в остальное время работать в Ленинграде на дому. Зарплата же переводилась мне в Ленинград по почте. Такой порядок продолжался в течение 10 лет (1945–1955), до открытия в Ленинграде филиала Института. Отсюда видно, какую роль С.И. Вавилов, помимо всего прочего, сыграл в моей жизни. О моей работе в Институте истории естествознания я надеюсь рассказать в десятом томе моих воспоминаний.

Несколько слов о Самуиле Львовиче Соболе.

Упомяну еще об одном «последействии», которое оказалось, однако, холостым выстрелом. А именно. Поднятая в связи с моим увольнением кампания дошла и до Академии наук, президентом которой был в то время Сергей Иванович Вавилов. Последний отличался от Кафтанова, примерно, так, как белый гриб отличается от волнушки. Поэтому Президиум решил, что надо запросить обо мне Институт истории естествознания Академии наук, в котором я состоял на службе. Институт же поручил дать отзыв обо мне старшим научным сотрудникам Н.А. Новикову и С.Л. Соболю. Отзыв был таков, что вопрос был снят с очереди и больше не ставился. Таким образом, я сохранил мою единственную службу, которая у меня оставалась после моего увольнения из Института Герцена и из филиала АПН.

Самуил Львович Соболев тогда только недавно познакомился со мной, но он знал меня по моим работам. Я успел до этого сделать несколько докладов в Институте истории естествознания и напечатал упомянутую выше книгу по истории эволюционной идеи до Дарвина, которую Кафтанов запретил. Так что Соболев мог судить о моем удельном весе. При дальнейшей моей работе мы близко с ним сошлись и сделались друзьями. Теперь он умер – еще сравнительно не старым ученым, и я всегда с глубоким чувством вспоминаю об этом благородном человеке и прекрасном научном работнике. Я редко встречал людей так глубоко преданных науке и так правдиво и честно относящихся к своей работе. Истина была для него дороже всего, и он не шел ради нее ни на какие компромиссы. Среди евреев встречаются иногда такие энтузиасты научной правды, по типу приближающиеся к Спинозе. Он был горд, ни перед кем не вилял и не лебезил, никому не угождал, и потому советская действительность обернулась к нему мачехой. Несмотря на то, что он был лауреатом Сталинской премии, он до конца жизни не мог добиться от академического начальства даже удобной квартиры, и жил с женой, дочерью, зятем и внуком в двух маленьких комнатах в коммунальной квартире на Садово-Кудринской. Я часто у него бывал и видел, что он даже не имел отдельного кабинета для своих науч-

ных занятий и работал в комнате, которая была одновременно и супружеской спальней и детской. Между книгами висели женские платья и валялись игрушки. Книгами были заняты все стены до самого потолка, но у хозяина не было ни шкафа, ни шифоньерки, где бы он мог держать свои рукописи. Увидав однажды в моем кабинете на Мойке два шкафа для бумаг, он сказал с горечью: «Как я Вам завидую».

Квартиру ему много раз обещали, но всегда находился кто-нибудь более «достойный». Такая же история произошла и с Музеем микроскопа, созданным С.Л. по своей инициативе путем непрерывных настойчивых усилий. Он собрал в этом музее большое число старинных микроскопов, начиная с XVII века, изучил их, описал и выставил для публичного обзора. В материальном отношении эта выставка ему ничего не давала – это было дело «для души».

Это собрание помещалось на территории Биологического отделения Академии наук на Большой Калужской ул. (теперь проспект Ленина). Но помещение понадобилось для других целей, и Соболя с его музеем попросту выселили. Экспонаты были сложены в ящики и хранились где-то под спудом. Я видел, как болезненно отзывалось это на учредителя и организатора музея. Директору Института истории естествознания, где он работал до смерти, много раз обещали раздобыть помещение для музея – но все оставалось по-прежнему. Так ценятся у нас плоды частной инициативы ученых!

Будь это квартира самого третьестепенного политического деятеля, для нее место тотчас бы нашлось. А отношение Академии наук к музею Соболя? Кажется, она могла бы радоваться, что нашелся человек, который заботится об умножении наших научных богатств. Куда там...

Приведу эпизод, в котором я принимал самое близкое участие. Соболев узнал, что в Ленинграде у одного врача хранится старинный «зеркальный» микроскоп, и решил приобрести его для музея. Он просил меня побывать у этого врача и купить микроскоп. Я заплатил за него 1000 руб. и перевел долг на Соболя. В ближайшую поездку в Москву я привез ему, к его великой радости, этот тяжелый микроскоп, которого не было в его музее. Но бухгалтерия Академии отказалась уплатить по счету эту ничтожную для нее сумму. Год или два Соболев добивался этого, но ему отвечали, что он мог купить микроскоп в магазине по безналичному расчету...

В молодости основной работой Соболя было руководство биологическим отделом первого издания БСЭ (в красном переплете). Он написал туда много хороших статей, подбирал опытных сотрудников, редактировал их статьи, словом, тратил на это массу времени, получая за это очень скудное вознаграждение. Зато биологический отдел БСЭ в 1-ом издании стоит на должной научной высоте и не идет ни в какое сравнение с биологией 2-го издания БСЭ. Это второе издание попало, по несчастью, в руки лысенковцев в лице Ивана Александровича Полякова, ловкого дельца, а не ученого, который привлек к работе по энциклопедии Фейгенсона, Алексеева, Дворянкина, Нуждина, Студицкого, словом, всю якобы мичуринскую компанию, укрывшуюся под крылом Трофима Денисовича. Они писали тенденциозные, часто безграмотные статьи, которые и печатались в БСЭ для поучения советского населения на многие годы, потому что энциклопедии издаются не на короткий срок, а на десятки лет.

Таким образом, БСЭ по отделу биологии совершенно испакощена этими сотрудниками. Фактически ею нельзя пользоваться, к тому же там пропущены многие серьезные русские ученые, в то время как балеринам и кинорежиссерам отведено солидное место. Достаточно было хорошо протанцевать или выпустить удачный кинофильм, чтобы попасть в БСЭ, в то время как десятки крупных ученых не удостоивались этой чести.

Каково было Соболю смотреть на это, сидя в одной комнате с выше-названным Поляковым, который отнюдь не по заслугам получил место ученого секретаря Института истории естествознания. Таким образом, Соболю был совершенно отстранен от участия в энциклопедии, потратив на первое издание добрый десяток лет своей жизни.

Любимой работой С.Л. было редактирование и снабжение примечаниями полного собрания сочинений Дарвина в русском переводе. Он работал медленно, но основательно, так что его примечания и комментарии к тексту во многих случаях были ценнее того, что появлялось в самой Англии. Это в особенности относится к переписке Дарвина. Соболю поставил себе целью собрать все письма Дарвина, где бы они ни хранились. Он разыскивал их по всем странам мира и с удивительным искусством разбирал трудный для чтения почерк Дарвина. Таким образом, он собрал и расшифровал такое эпистолярное наследие великого биолога, которого нет и на его родине.

Этой работе Соболю отдал, по крайней мере, 20 лет своей жизни и занимался ею до самой смерти. Я не знаю, удалось ли ему завершить этот труд и издать его в виде приложения к сочинениям Дарвина. Кажется, не удалось. Если это так, то это одна из самых трагических страниц в жизни этого замечательного человека.

Остается добавить, что лично мне Соболю сделал очень много добра. Достаточно сказать, что он был ответственным редактором первых трех томов моей монографии «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», редактировал и многие мои отдельные статьи – всегда тщательно, нелицеприятно и со знанием дела. Кроме того, он защищал меня от нападок разных неблагоприятных личностей вроде А.Е. Гайсиновича, М.С. Плисецкого и др., которые из зависти и недоброжелательства нападали на мои работы, стараясь умалить их значение. Соболю в этих случаях выступал очень решительно и авторитетно на собраниях и в печати, и делал это гораздо лучше меня, как заинтересованного лица. Так, например, он очень веско и остроумно отбил недоброкачественное нападение Л.Ш. Давиташвили, который обвинил меня в том, что я просто «выдумал» Афанасия Каверзнева как эволюциониста. Об этом эпизоде я расскажу подробнее ниже.

Как человек горячий, вспыльчивый и очень самолюбивый, Соболю мог быть иногда не совсем правым, но он всегда действовал бескорыстно и по собственному разумению, а не по чьему-либо подказу. Умирая, он завещал сжечь его тело в крематории, что и было исполнено. Урна с его прахом хранится. Мир его праху!

***

... у меня, помимо педагогики, уже давно была и другая жизнь, а именно – моя научная работа. Научная деятельность, которой я занимался с увлечением, а не по обязанности, заполняла, по крайней мере, половину моей психики; а когда педагогика отпала – и вторую половину. Поэтому, когда моя педагогическая ладья разбилась, я не потонул, а выбрался на сухой берег, где нашел и дружеский прием, и утеху для души. Дружеский прием мне оказали настоящие ученые, такие как В.Л. Комаров и С.И. Вавилов, а утехой для души были для меня мои занятия историей русской науки. Вместо жалких вышлесков педагогической современности передо мной встали благородные тени Палласа, Вольфа, Бэра и других корифеев естествознания, которые успокаивали мои чувства и вдохновляли мой ум. Близкое знакомство с ними оказало на меня живительное действие, а все эти педагогические дразги стали казаться мне жалкими и ненужными. Я замкнулся в работу по изучению и описанию их научных подвигов, а на педагогике решил поставить крест.

С тех пор прошло много лет, и я вижу, что поступил правильно и по отношению к себе лично, и по отношению к моей родине. Мне удалось издать за это время ряд больших исторических сочинений, по содержанию гораздо более ценных, чем мои педагогические труды вместе взятые. Когда выяснилось, что научный путь не отрезан для меня, как путь педагогический, то я с большим удовольствием оставил дурно пахнущий советский педагогический зверинец с его жалким населением и стал вдыхать чудесный аромат старинных библиотечных зал и архивных хранилищ. Жалею только, что я вступил туда только на второй половине моего жизненного пути, а не с самого начала моей творческой деятельности.

Таким образом, последние десятилетия моей жизни носят до известной степени двойственный характер. Моя педагогическая работа и научная деятельность в области истории естествознания протекали одно время параллельно, как бы не смешиваясь. Но потом педагогическая струя замутилась и под конец совсем иссякла. Этот процесс и описан мною с фактической стороны в девятом томе моих воспоминаний.

Но если бы не протекала рядом другая струя, то я иссяк бы вместе с первой. Но эта другая животворная струя не иссякла, но расширилась и заняла под конец и русло первой.

Этот оживляющий и оздоравливающий процесс, без сомнения продливший мою жизнь, я хочу описать в десятом и последнем томе моих воспоминаний.

Публикуется по: Райков Борис Евгеньевич (1880–1966). На жизненном пути: автобиографические очерки. Кн. 2 / отв. ред. Н.П. Копанева; вступ. ст. К.В. Манойленко и др.; примеч. А.Г. Абайдулова и др. СПб., 2011. С. 247–254, 340–344, 461–464, 515–516.

1945 год

ЗУБОВ
Василий Павлович

Свою работу в Институте истории естествознания я начал в марте 1945 г. Уже с самого начала основная тема моих исследований определилась как история атомистических идей в естествознании и в математике средневековья. К концу 1945 г. мною были написана статья «Из истории средневековой атомистики», представляющая собою первую попытку заметить основные проблемы и пути к их разрешению. Статья напечатана в 1947 г. в I томе «Трудов» Института.

Дальнейшим существенным этапом в моей работе была научная командировка в Ленинград летом 1946 г. В течение месяца, проведенного там, я выявил ряд редких первоисточников, совершенно необходимых для дальнейшей работы: сочинение Ричарда

Суисета «Калькулятор», трактат Альвара Томаса «О тройном виде движения» и др.

Полные ротокопии этих трудов были получены Институтом в конце 1946 г. так что углубленная работа над ними стала возможной лишь в 1947 г.

На основе собранных в Москве и Ленинграде материалов в 1946 г. были написаны следующие статьи, имеющие войти в будущем как глава в подготовляемую монографию: 1) «Первые шаги калориметрии» и 2) «Из истории атомистических концепций движения». Вторая работа ещё не вполне закончена в момент написания отчета, а первая получит существенные дополнения после присылки ротокопий (микрофильмов) двух сочинений, найденных мною в 1947 г. в Библиотеке Академии Наук в Ленинграде (Лаврентия Майюлуса и Арнольда из Виллановы).

В процессе изучения книги Суисета «Калькулятор» мне пришлось полностью переписать этот латинский трактат с раскрытием аббревиатур, т.е. фактически подготовить его издание. Трактат до настоящего времени не исследован всесторонне ни у нас, ни за границей.

Работа над темой привела меня в 1947 г. к изучению сочинения Э. де Клава, атомиста XVII в., сочинения которого остались недоступными автору двухтомной истории атомистики, К. Лассвицу. В экземпляре одного из сочинений оказались вшиты листы с записями современника де Клава, Франсуа Анри, издателя сочинений Гассенди. О де Клаве мною написана в 1947 г. специальная статья.

В 1947 г. мною написана также новая глава монографии, посвященная истории атомистических представлений XII в. (Вильгельм Конхезий и Партрская школа). В ней подняты некоторые принципиальные вопросы, связанные с концепцией т.н. «Ренессанса XII в.», развиваемой некоторыми зарубежными учеными.

На совещании по истории естествознания, состоявшемся в декабре 1946 г., мною был прочитан доклад «Концепции Дюэма в свете новейших исследований по истории естествознания», в котором я подверг критическому анализу историко-научные концепции Дюэма. Я принимал также участие в подготовке упомянутого совещания, получив за эту работу благодарность президента Академии С.И. Вавилова. В том же 1946 г. мною были исследованы две русские рукописи по механике первой четверти XVIII в. Обе представляют перевод одного и того же сочинения и потому особенно интересны для историка русской научной терминологии. Акад. А.И. Соболевский ошибочно полагал, что оригинал написан на латинском языке. Мне удалось найти оригинал и сличить с ним оба перевода, а также выяснить условия, в которых оба перевода возникли.

С февраля 1946 г. я веду в качестве редактора подготовку к печати т. II «Научного наследства». С 1946 г. я руковожу также работой по учету архивных источников, относящихся к истории естествознания.

Моя командировка в Армению и Грузию, преследовавшая в основном эти цели, была плодотворной и в другом отношении. Она показала необходимость тесного контакта между исследователями средневекового периода в истории науки наших братских республик и теми исследователями, которые подобно мне преимущественно заняты историей античной и западноевропейской средневековой науки. Изучение поднятых мною вопро-

сов, как мне кажется, диктуется не только необходимостью противопоставить нашу советскую концепцию концепциям зарубежных медиевистов, но и насущными интересами истории нашего отечественного естествознания.

Публикуется по: Зубов В.П. Краткий научный отчет за 1945–1947 гг. (архивный документ).

1945 год

ЮШКЕВИЧ
Адольф-Андрей
Павлович

В 1930-е гг. началась массовая подготовка инженерных кадров, необходимых для ускорения индустриализации Советского Союза и укрепления его военной мощи. Естественно, выросла потребность и в привлечении новых преподавателей высшей математики. Многие мои университетские товарищи уже с 1929 г. работали в одном из наиболее престижных вузов, где кафедрой ведал тогда А.Я. Хинчин – Московском Высшем Техническом Училище (в то время называвшемся несколько иначе). С осени 1930 г. приступил здесь к педагогической работе и я.

Около двух лет я работал также редактором в Государственном Техничко-Теоретическом издательстве ГТТИ), где главным редактором был М.Я. Выгодский, энергично содействовавший изданию

литературы по истории математики, в том числе переводов классических трудов Кавальери, Кеплера, Ньютона, Эйлера и т.д., а также книг по истории математики Г.Г. Цейтена, хрестоматии Г. Вилейтнера и др. Я проработал издательским редактором около двух лет, и эти занятия существенно расширили мои познания не только в области истории математики, но и в самой математике, т.к. мне довелось готовить к печати и книги по некоторым разделам, не входившим в университетские программы. В ГТТИ вышли под моей редакцией и с обширным послесловием «Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых» Л. Карно (1933); за этим последовал мой перевод «Анализа бесконечно малых» Лопиталья (1935), а затем перевод «Геометрии» Р. Декарта с приложением двух мемуаров П. Ферма и избранной переписки между обоими учеными (1938), опять-таки с моими послесловиями. С 1934 г., однако, активность ГТТИ в этой сфере ослабевает, так как Выгодский был по неизвестной мне причине исключен из ВКП(б) (слава Богу, что не репрессирован) и должен был оставить пост главного редактора. А с 1937 г. началось мое многолетнее сотрудничество в Большой Советской Энциклопедии.

В 1938 г. мне исполнилось 32 года; кандидатскую степень мне присвоили без защиты диссертации, и я был уже доцентом. Пора было подумать о защите докторской диссертации. Более всего меня привлекала история оснований анализа, но С.А. Яновская, учитывая идеологическую обстановку в стране, более рекомендовала выбрать какую-либо тему из истории математики в России. Отдельные вопросы рассматривались многими авторами, а компетентный сжатый обзор наиболее важных открытий за 1725–1863 гг. опубликовал в 1921 г. А.В. Васильев. В 1938 г. первую докторскую диссертацию у нас (о математике древнего Вавилона) защитил Выгодский (Яновской докторскую степень присудили почему-то без защиты). Я выбрал сюжет «Математика в России XVIII века» и представил свою довольно пухлую диссертацию Ученому Совету Математического факультета МГУ в апреле 1940 г. Защита прошла благополучно, в том же году я получил в МВТУ профессию. Публикации по этой тематике могли быть напечатаны уже только после окончания Второй мировой войны.

К истории математики в России я смог вернуться только после окончания Второй мировой войны, и то не сразу. Сразу после нападения в июне 1941 г. Германии на Советский Союз я обратился с просьбой зачислить меня в армию. Мне в этом отказали, указав, что я принесу больше пользы в подготовке нужных армии инженеров, выпускаемых МВТУ, где я тогда же стал руководителем кафедры высшей математики. Училище в октябре 1941 г. было эвакуировано в г. Ижевск. Впрочем, пребывание в этом крупном индустриальном центре продолжалось недолго. После поражения гитлеровских армий под Сталинградом и в Курской битве можно было уверенно ожидать недалекого полного разгрома нацистского режима в Германии. В 1943 г. МВТУ возвратилось в Москву.

Несмотря на серьезные трудности, Академия наук продолжала свою деятельность в области истории науки. В 1943 г. в Ленинграде была создана весьма квалифицированная Комиссия по истории физико-математических наук, председателем которой в течение ряда лет был С.И. Вавилов (1891–1951), сам активно занимавшийся историей науки, в частности, творчеством Ньютона. По его предложению я перевел «Всеобщую ариф-

метику», т.е. алгебру Ньютона, в 1948 г. изданную в основанной Вавиловым же серии «Классики науки».

Как известно, Сергей Иванович был крупный физик, человек необыкновенно широкого образования, в том числе и гуманитарного, хорошо знавший латынь, а не только новые иностранные языки, человек, чрезвычайно интересовавшийся историей науки вообще, физики – в особенности, и специально – историей Академии наук. Он был членом комиссии по истории физико-математических наук при Президиуме Академии (он очень, вообще говоря, сочувственно относился к работам в этой сфере), а когда скончался Алексей Николаевич Крылов, бывший долгое время председателем комиссии, он стал ее председателем. Вот, кажется, на этой почве мне и пришлось с ним начать встречаться.

Заседания комиссии проходили в Ленинграде, хотя Академия уже находилась в Москве в своей главной части. Заседания комиссии проходили довольно регулярно (я не помню, с какой частотой, раз ли в две недели или раз в месяц), когда Сергей Иванович приезжал в Ленинград. В них принимали участие – я помню не всех участников, но из таких достаточно известных лиц – Владимир Иванович Смирнов, тогда член-корреспондент, а впоследствии академик, Торичан Павлович Кравец, член-корреспондент (Смирнов был математиком, Кравец – физиком), профессор астрономии Наум Ильич Идельсон и еще некоторые лица. Мне кажется, Родион Осиевич Кузьмин приходил, член-корреспондент Академии. А секретарем был Моисей Израилевич Радовский, чрезвычайно активный организатор. Он помогал Сергею Ивановичу и как секретарь этой комиссии, и затем помогал Сергею Ивановичу Вавилову также в издании серии «Классиков науки», в то время начатой.

Вот, я помню, меня несколько раз приглашали с докладами на эти заседания. В частности, я там докладывал о работах Ньютона по алгебре, работах Декарта и некоторых других. И мои поездки в Ленинград не только оставили в моей памяти очень яркий след, потому что заседания шли очень интересно, сам Сергей Иванович всегда очень заинтересованно и внимательно слушал, задавал многие вопросы, было ясно, что все это его действительно трогает, но он и выступал также со своими замечаниями очень ценными. И вот, я помню, он тогда предложил издать «Всеобщую арифметику» Ньютона и предложил мне сделать перевод этой книги с латыни. Через некоторое время – ну, правда, через порядочное время – книга эта вышла из печати.

Встречи в основном происходили на заседаниях этой комиссии. Там меня приятно радовала изысканная опять-таки вежливость манер, в несколько иной форме, может быть, чем у Ивана Георгиевича Петровского, но изысканная вежливость манер, предупредительность, внимание, а с другой стороны – глубокая эрудиция Сергея Ивановича.

В 1945 году при Академии наук был создан Институт истории естествознания. Директором его был сперва Владимир Леонтьевич Комаров, академик, он же президент Академии наук. Заместителем директора был Кузнецов Борис Григорьевич, историк науки. Я его знал немножко. Он мне предложил к ним поступить. Так как я был в это время занят в МВТУ, то я смог поступить только на полставки. С 1947 г. стали выходить труды ИИЕ, в первом томе которых появились три мои статьи о по-

нятии интеграла Коши, об академике Гурьеве и об алгебре Омара Хайяма, подготовленные в основном еще до войны.

Деловых других контактов у меня с Сергеем Ивановичем было не очень много. Ну, вот я скажу о немногих, которые я считаю подходяще вспомнить. Сергей Иванович в то время писал, или, вернее, готовил к изданию, «Оптические лекции» Ньютона, и у него возникали иногда некоторые историко-математические вопросы. Институт наш тогда занимал всего две комнатки на улице Фрунзе, в помещении бывшем Библиотеки общественных наук. И, собственно, собирались мы в одной комнате: там был и телефон, и стол директора, и стол Ученого секретаря – у нас была вообще очень маленькая еще группа. Директором тогда был член-корреспондент Коштойянец Хачатур Сергеевич, а заместителем директора был Николай Александрович Фигуровский, о котором мне придется еще сказать несколько слов. Фигуровский относился ко мне, как мне представляется до сих пор, не очень дружелюбно, по причинам, которые я могу оставить на его личной совести и которые я объяснять даже и для потомства не желаю. Это он показывал довольно отчетливо. Но все-таки приходилось ему терпеть, как-никак я все-таки был сотрудником. И вот, значит, как-то раз сидим мы все – телефонный звонок. Взял трубку Фигуровский. Он услышал чей-то там голос, встал даже со стула и сказал: «Адольф Павлович Юшкевич? Да, я сейчас позову». Потом, прикрывши трубку разговорную ладонью, сказал: «Вас к телефону спрашивает Сергей Иванович Вавилов». В комнате наступило абсолютное молчание, все разговоры были прекращены. Фигуровский тоже сел, и все почтительно ждали, что будет дальше. Словом, оказался совершенный пустяк: Сергею Ивановичу нужно было навести какую-то справку, касающуюся одной теоремы Декарта в его «Геометрии», а он знал, что я издавал «Геометрию» Декарта раньше. Ну, и, значит, он ко мне с этой справкой и обратился, потому что ему нужно было в каком-то примечании. Я ему дал быстрый ответ, и все быстро разъяснилось, но после этого разговора, как мне показалось, на некоторое время я несколько вырос в глазах Николая Александровича Фигуровского.

Второй эпизод был следующий. Вышло в связи с юбилеем Ньютона несколько книг о Ньюtone (было трехсотлетие со дня его рождения в сорок третьем году): вышел большой том, под редакцией Сергея Ивановича Вавилова, вышла биография, написанная Сергеем Ивановичем Вавиловым, и целый ряд других книг. И в «Трудах» института я написал такой критический обзор всей литературы, и я позволил себе сделать некоторые критические замечания той характеристики Ньютона, которую давал Сергей Иванович Вавилов. Вавилов настаивал на том, что Ньютон был прежде всего физиком, математика для него была делом второстепенным, вспомогательным средством. Ну, с моей точки зрения, дело обстояло не совсем так. Мне казалось, что математика в глазах Ньютона имела и самостоятельное большое значение и что Ньютон был в равной мере математиком и физиком.

В общем, вот примерно эти соображения я и высказал, в самой вежливой, конечно, форме, но все-таки в виде некоторого расхождения. Тут, значит, в редакции, или, вернее, в дирекции, произошло некоторое замешательство: как это так – наш сотрудник критикует президента Академии наук. И Коштойянец был встревожен этим обстоятельством, и Фигуров-

ский. Может быть, они боялись за судьбу издания «Трудов». Но я им сказал: «Знаете, что, ну, пошлемте этот текст Сергею Ивановичу – посмотрим, как он на него отреагирует». И вот, значит, прислали соответствующий текст с его надписью наверху. Я не могу процитировать текстуально (может быть, где-нибудь в архивах она и хранится), но она примерно звучала так, что, значит, рецензент не высшая инстанция, которая решает эти вопросы, но пусть, мол, высказывает свое мнение, какое он хочет. Ну, на этом дело успокоилось, и тогда эта рецензия увидела свет в том виде, в каком я ее дал.

Ну, тут произошла несколько для меня неловкая такая история. Дело в том, что я тогда еще, когда писал рецензию, не был знаком с Торичаном Павловичем Кравцом. Это был образованнейший человек, обаятельнейший человек, но в своей статье о Ньюtone в России в дореволюционное время (так сказать, о ньютоноведении, о влиянии) он допустил несколько фактических неточностей – ну, разумеется, простительных неточностей для человека, который все же был в основном физиком, а не историком науки. А я взял эти неточности так довольно отчетливо и подчеркнуто все выписал в своей рецензии. А потом, когда я познакомился с Торичаном Павловичем Кравцом немного спустя, я подумал: «Боже мой! Зачем я все это сделал? Такой милый, такой образованный, просто обаятельнейший человек. Ну, неужели надо было это сделать в такой недостаточно уважительной форме?» Потому что я просто их перечислил. Надо было как-то найти обороты речи другие, но я этого не выбрал, и меня немножко терзала совесть. Но Торичан Павлович ничуть не обиделся, он, так, преспокойно все это принял, и отношения у меня с ним были самые-самые приятные. И он бывал, когда приезжал в Москву, у меня гостем дома, и, когда я приезжал в Ленинград, я у него бывал. Это был человек исключительно интересный, исключительно памятный. С ним было у меня немало интересных бесед.

Памятью своей он меня просто поражал. Когда в декабре сорок седьмого, кажется, года состоялась первая конференция по истории естествознания (он приехал на нее из Ленинграда, он там проводил одно из заседаний), явилась и села в первом ряду послушать, о чем говорят, Мариэтта Сергеевна Шагинян. Она очень плохо слышала, сидела со слуховым своим аппаратом, внимательно слушала. В перерыве, значит, там стали прогуливаться по коридору (не помню, где это было, в каком помещении), и Торичан Павлович подошел к Мариэтте Сергеевне Шагинян, поздоровался с ней, представился и сказал, что «вы-то, конечно, меня не знаете, а я вот знаю ваши стихи уже много-много лет», и он ей прочитал наизусть от начала до конца какое-то стихотворение из какого-то ее сборника, напечатанного в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Шагинян была просто поражена, что вот вдруг физик, несколько интересующийся историей науки, вспоминает тридцать примерно пять лет спустя одно из ее первых стихотворений!

А еще любопытная была у меня беседа с Торичаном Павловичем по другому поводу. У меня одно время возникло желание переехать в Ленинград. Уж очень я люблю этот город, где я провел свои первые одиннадцать лет жизни и который мне до сих пор нравится больше всех других городов мира, вероятно: и больше Москвы, и больше Парижа. Мне просто хотелось там жить. Но для этого надо было, конечно, предпринять немало ша-

гов и сделать немалые усилия: менять квартиру и все прочее, и прочее. Я стал советоваться с Торичаном Павловичем. Он мне сказал: «Вы знаете, я вам не могу этого посоветовать, вам будет очень трудно вжиться в новую среду». Он говорит: «Ленинградцы – они имеют свой характер, несмотря на то, что их перетрясло. Вот вы знаете, ведь я не коренной ленинградец, и вот, когда я приехал...», не помню, откуда, «в двадцать седьмом году, то я совершенно отчетливо понял, что я попал в какую-то чужую среду, или, вернее, что я чужой для этой среды. И прошло по крайней мере лет десять, прежде чем меня стали признавать как равноправного сочлена ленинградского сообщества, что называется».

«Ну, – он говорит, – теперь, конечно, много перемешалось, а все-таки Ленинград остается Ленинградом и ленинградцы остаются ленинградцами, и вы, – говорит, – будете довольно долгое время себя чувствовать не в своей компании. Это вас тут любезно принимают – вас принимают любезно как гостя, как москвича. А так вы будете чужаком, поэтому я вам не рекомендую».

И я послушался его совета. Я потом много ездил в Ленинград, но остался москвичом, хотя никогда себя настоящим москвичом так и не почувствовал, потому что все-таки во мне слишком много сидит от Ленинграда и неволью – от Одессы, где я провел пять лет, выходит, – с двенадцати до семнадцати почти.

Вот, и третий случай с Сергеем Ивановичем Вавиловым, который свидетельствует о его принципиальности, я бы сказал, и справедливости. И я могу опять-таки это сказать свободно, потому что это будет не очень скоро все, если будет когда-нибудь, известно другим. Дело было в следующем. Я сказал, что ко мне Фигуровский относился не очень хорошо, по причинам, от меня не зависевшим, по своему, так сказать, складу характера. В какой-то мере – в какой-то мере – он, по-видимому, сумел внушить какую-то настороженность и Коштоянцу. Возможно, что он оперировал тем, что мой отец в свое время был подвергнут резкой критике в одном философском труде Ленина (а мой отец принадлежал к махистской группе философов, и в «Материализме и эмпириокритицизме» ему отведено несколько резко отрицательных высказываний). Так или иначе, произошло следующее. Когда я отредактировал очередной том «Трудов» (это был не первый, а какой-то – я не помню, третий или второй), вдруг Фигуровский мне сказал: «Вот вашу фамилию из членов редакции нам придется снять». Я говорю: «Почему?» – «Ну, – он говорит, – вы знаете...» Потом, значит, стал плести какую-то околесицу. В общем, «неудобно». «Ну, а что, – я спросил, – думает об этом Хачатур Сергеевич?» – «А Хачатур Сергеевич думает то же самое, что я». Я сказал: «Ладно, посмотрим».

А в это время проходило Общее собрание Академии наук. Тогда на Общее собрание Академии наук было гораздо проще попасть, чем сегодня, гораздо проще. Это было в Доме ученых. Вот шло это самое собрание, и во время перерыва я подошел к Сергею Ивановичу и сказал: «А вы знаете, Сергей Иванович, забавная история». – «Ну, какая?» Я вот ему рассказал, что, «вот, я отредактировал том «Трудов», а теперь меня из списка редакции исключают. Ну, правда, согласны оставить меня на обороте как одного из редакторов, но не в составе редакции». – «Да? – он сказал. – Хорошо, я поговорю».

Через день в институте ко мне подходит Коштоянц, или, вернее, зовет меня Коштоянц, и говорит: «Адольф Павлович, ну зачем вам нужно было обращаться к Сергею Ивановичу? Вы бы сказали мне, я бы немедленно все уладил. Ведь дело-то совершенно очевидное». Я сказал, что, «Хачатур Сергеевич, я тоже думаю, что дело совершенно очевидное, и я очень рад, что все уладилось, но Николай Александрович Фигуровский сказал мне, что он согласовал все с вами». На это я никакого ответа не получил. Вот это характеризовало Сергея Ивановича, как мне кажется, как человека благородного и принципиального, потому что в данном случае поведение и Фигуровского, и Коштоянца было отнюдь не принципиальным. Ну, Коштоянц скончался, мир праху его, тем не менее дело обстояло так.

Я вообще был задиристый немножко. Я помню одно заседание Ученого совета, на котором я позволил себе в адрес Коштоянца сказать следующее. Дело в том, что Коштоянц прибежал на несколько минут обычно, срочно звонил домой, спрашивал, что там делается дома, не забыли ли купить яйца, еще что-то такое, очень неотносящееся к науке, потом немножко говорил – и исчезал. Вот, и на одном из заседаний Ученого совета я себе позволил такое замечание, что я вообще не понимаю, как можно руководить институтом по телефону (потому что все-таки звонить в институт он звонил). Это было зафиксировано, и, вероятно, это запомнилось. Ну, не знаю. Человек умер – мир праху его.

Специалистов в истории математики у нас тогда было очень немного, и я считал нужным начинать исследования в различных направлениях с целью привлечения к разработке тех или иных из них молодых математиков. Разнообразие моих интересов содействовала также задуманная мною совместно с тогдашним директором Издательства физико-математической литературы Г.Ф. Рыбкиным (1903–1972) публикация серии сборников «Историко-математические исследования» (ИМИ), сперва как органа университетского семинара, позднее ставшего органом ИИЕТ. В изданных уже 30 сборниках было напечатано много сотен статей, разделов аспирантских диссертаций, архивных публикаций самого разнообразного содержания, а в качестве авторов выступили все или почти все отечественные историки математики, а также многие математики, – перечисление даже основных материалов, как и фамилий авторов, заняло бы слишком много места. Собственно редакционную работу проводил в основном я, не пропуская ни одного материала. Было немало авторов и из других стран. Таким образом, мне довелось сделаться на долгие годы *bonne a tout faire*, как говорят французы (прислужгой за все). Я стремился поддерживать любые оригинальные начинания.

Весной в 1952 г. по причинам, о которых я не хотел бы говорить, мне пришлось подать заявление об уходе из МВТУ, и я полностью перешел на работу в ИИЕТ. Естественно, что я продолжал исследования в уже названных направлениях, например, по истории математики и ее преподавания в России, некоторый итог которым подвел в довольно объемистой книге (1968), где изложение доведено до 1917 г. К этому отчасти примыкают мои занятия Эйлером, о которых я скажу далее. Но в нескольких случаях на мою тематику оказывали влияние и внешние обстоятельства. Так, в начале 50-х годов улучшились отношения у СССР с Китаем, и дирекция ИИЕТ решила опубликовать сборник статей по истории науки и

техники в этой стране. Меня попросили сделать доклад о древнекитайской математике. Тогда приезжал в Москву крупный историк Ли Янь, подаривший мне свою весьма ценную книгу по этому вопросу. Я располагал также книгами и статьями других китайских авторов; эту литературу мне переводили учащиеся в МГУ китайские студенты. Кроме того, имелись работы по данному вопросу на европейских языках (И. Миками, Дж. Нидема, Л. Вана и др.). Все это позволило мне подготовить нужные доклад и статью (1955). В древнем Китае изобрели интересные алгоритмы, о которых я ранее не знал. Тогда же в этой области с успехом стала работать ученица И.Г. Башмаковой Э.И. Березкина.

Немногим ранее, и опять-таки по внешнему поводу, я более серьезно обратился к так называемой арабской математике. В 1951 г. в Баку широко отмечалось 750-летие со дня рождения Насир ад-Дина ат-Туси, и меня пригласили сделать доклад о математике народов Средней Азии в IX–XV веках, опубликованный в том же году. Знакомство с соответствующей литературой и прежние занятия Хайямом подводили меня к более основательному изучению средневековой математики. В Баку тогда временно работал геометр Б.А. Розенфельд. Он рассказал мне, что из вышедшей в Иране книжки Т. Эрани узнал, что Хайям занимался теорией параллельных линий.

Омар Хайям был всемирно известен как замечательный поэт, но мало кто знал, что он являлся и выдающимся математиком. Розенфельд сперва использовал русский перевод его трудов, сделанный одним аспирантом, но потом изучил арабский язык. Мы совместно издали подробно комментированные трактаты этого ученого (1953). За этим последовало издание трудов Джемшида ал-Каши (1956). Много позднее мы опубликовали отдельную книжку по теории параллельных на средневековом Востоке (1983), после чего вышла на французском посвященная той же теме книга К. Жауиша (Jaouiche). В историю математики в Индии я не углублялся, хотя обнаружил в литературе вопроса весьма любопытные вещи, ранее известные только специалистам – например, некоторые разложения в бесконечные ряды, найденные в Индии в XV в. и вновь открытые в Европе на два столетия позднее. Наконец, исследования В.П. Зубова (1899–1963), также сотрудника ИИЕТ, о «калькуляциях» ученых Оксфорда (Суайнхед) и о «теории широт форм» (Н. Орем) привлекли мое внимание к натурфилософским учениям, предвосхищавшим новые математические дисциплины, возникшие в XVII в.; эти схоластические концепции XIV–XV вв. получили довольно широкое распространение в Европе той поры и оказали некоторое влияние на Галилея, Ньютона, Лейбница, в свое время не были развиты далее из-за недостаточно высокого уровня тогдашней алгебры, ограниченной философской ментальностью схоластов, и ряда других причин. В итоге я подготовил обобщающую «Историю математики в Средние века» (1957), переведенную с различными дополнениями на немецкий язык (1964) и вышедшую также в польском, румынском, чешском и японском переводах. Значительно расширенная глава об арабской математике была издана отдельно по-французски (1966). Арабская или, если угодно, арабоязычная математика привлекла во второй половине нашего столетия внимание очень многих ученых, особенно проживающих в среднеазиатских республиках, в частности Г.П. Матвиевской.

В середине 50-х годов я стал довольно часто выезжать за границу. Здесь мне хотелось бы вспомнить о моем участии в организованном английским медиевистом А. Кромби оксфордском симпозиуме 1961 г., посвященном историческому исследованию интеллектуальных, общественных и технических условий научных открытий и технических изобретений от древности до современности. Это был, пожалуй, самый интересный из симпозиумов, на которых мне довелось побывать, и вместе с тем один из самых представительных: в нем участвовали, не считая самого Кромби, крупнейшие историки науки Англии, Германии, Италии, США, Франции, а от ИИЕТ, кроме меня, В.П. Зубов, Б.Г. Кузнецов и др. При обсуждении вопросов истории науки и техники я выступил с кратким сообщением, в котором подытожил оригинальный вклад средневековых математиков. Все материалы симпозиума были опубликованы на английском языке в объемистом томе «Social Change» под ред. А. Кромби (1963). Книги такой давности легко забываются; мне кажется, что названная книга интересна и для читателей наших дней.

Занимаясь математикой Средних веков, я не переставал уделять внимание и истории математики в России. С.И. Вавилов задумал опубликовать на русском языке переписку Л. Эйлера с Хр. Гольдбахом, на языке оригинала изданную (с большими пропусками) академиком П.Н. Фуссом в 1843 г. К редактированию переписки были привлечены Н.Н. Лузин и я. Перевод был подготовлен, Лузин написал предисловие, но издание не состоялось из-за кончины как Лузина (1950), так вскоре и Вавилова (1951). Весьма любопытное предисловие Лузина я напечатал в XVI томе ИМИ (1965). Вскоре мне довелось вновь обратиться к этой переписке Эйлера.

Как известно, Л. Эйлеру, крупнейшему – после смерти Лейбница и Ньютона – математику XVIII в., принадлежит почетнейшая роль в истории как Санкт-Петербургской, так и Берлинской академий; в первой он работал с 1727 по 1741 гг. и вновь с 1766 по 1783 гг., во второй – в 1741–1766 гг., причем сохраняя самый тесный контакт с Петербургом. В 1956 г. исполнялось 250 лет со дня рождения Эйлера, и обе академии решили отметить эту памятную в истории науки дату различными согласованными мероприятиями. В 1955 г. я как секретарь нашего юбилейного комитета обсудил с моим немецким коллегой по данной работе К.-Р. Бирманом и другими нашими немецкими партнерами программу основных мероприятий. В следующем году я вторично приехал в Берлин (замечу, что это были первые мои поездки за рубеж после 1914 г.) на здешние юбилейные торжества. Главой советской делегации был П.С. Александров, произнесший очень яркую речь. К общему изумлению, когда к нему обратились с просьбой передать ее письменный текст для печати, он ответил, что такого не имеет. Очевидно, что уверенный в своей памяти, П.С. подготовил ее в вагоне поезда, которым ехала в Берлин наша делегация.

Перечисление всех публикаций, намеченных в ходе переговоров, было бы долгим, и я остановлюсь только на двух из них. Из Берлина Эйлер вел интенсивную переписку с Академией в Петербурге. Вместе с берлинским академиком, по специальности историком, Э. Винтером мы подготовили три тщательно комментированные тома этой переписки, всего около 1000 писем, изданных в Берлине (1959–1975); нам помогали при этом сотрудник Винтера П. Гофман и сотрудники ИИЕТ Т.Н. Кладо

(1889–1972) и Ю.Х. Копелевич. Тот же коллектив опубликовал на языке оригинала всю переписку Эйлера с Гольдбахом за 1729–1764 гг. (свыше 100 писем), некоторые примечания по теории чисел составили ленинградские математики А.А. Киселев и И.Г. Мельников. Хочу отметить, что во второй приезд в Берлин я много беседовал с двумя крупными немецкими историками, жившими в Федеративной Республике Германии – И.Э. Гофманом и К. Фогелем. Отношения с Фогелем у меня были и ранее отличные (он приезжал в Москву), а Гофмана я встретил впервые. Мне было известно, что Гофман состоял в партии нацистов, и я прямо спросил его: «Вы разделяли антисемитизм нацистов?» Он ответил мне, что в университетской среде Германии было, как правило, принято состоять в партии наци; это было почти обязательным. Что же касается антисемитизма, то Гитлер был в этом вопросе просто ненормальным, но что мог он, Гофман, сделать? Про себя я подумал, что вот Фогель, сидевший рядом, не был гитлеровцем. Больше с Гофманом я не встречался, но ряд лет мы переписывались и обменивались с ним своими трудами. В конце концов, с антисемитами и проявлениями антисемитизма мне приходилось встречаться, и напрямую, в своем собственном Отечестве. А Фогель был очень приятный человек, хорошо владел русским языком и знал нашу историко-математическую литературу.

Отношения ученых к истории соответствующих дисциплин были и остаются различными. Некоторые вовсе не интересуются историей науки, разве что анекдотами из жизни великих людей. Но еще в классической древности имелись ученые и философы, интересовавшиеся историей науки и серьезно занимавшиеся ею, например, в перипатетической школе Аристотеля (Эвдем Родосский, Теофраст Лесбосский). Очень многие математики интересовались историей своей науки в более узком или в более широком плане. Таковы были, например, М. Шаль, П.Л. Чебышев, Д. Гильберт, А.В. Васильев, В.Ф. Каган, Ж. Дьедонне, А.Н. Колмогоров и многие другие. Причины этого интереса были разные. М. Шаль, В.Ф. Каган (1869–1953) разрабатывали историю тех геометрических дисциплин, которые были предметом их занятий. Ф. Клейн придавал истории математики весьма важное педагогическое значение, как это показывают его известные «Элементарная математика с точки зрения высшей» и «Лекции о развитии математики в XIX столетии»; Дьедонне, выдающийся участник группы «Бурбаки», издал очерк истории функционального анализа, а со временем история математики стала вообще его второй специальностью и знакомство с нею он считал важным для более глубокого понимания ее сущности, ее основных понятий и ее эволюции. Ряд профессоров включали в педагогических и общеобразовательных целях исторические главы в свои университетские руководства; только для примера назову несколько имен: Б.В. Гнеденко (теория вероятностей), А.И. Маркушевич (1908–1979, теория Аналитических функций), В.В. Степанов (1889–1950, обыкновенные дифференциальные уравнения), С.П. Фиников (1882–1964, дифференциальная геометрия), Г.М. Фихтенгольц (1888–1959, курс анализа), И.Р. Шафаревич (алгебраическая геометрия), В.В. Степанов и т.д. Много исторических ссылок и сопоставлений в трудах Н.Н. Лузина, опубликовавшего и несколько статей по истории математики.

Д. Гильберт усматривал в истории математики средство выявления тенденций ее развития и особенно перспективных ее проблем, из которых 23 он сформулировал в 1900 г. на Международном математическом конгрессе в Париже. Что касается А.Н. Колмогорова, то, как мне представляется, он считал историю математики просто необходимой для глубокого понимания сущности этой науки и оценки ее роли как в формировании научного мировоззрения, так и ее социального статуса. В этом отношении представляет интерес его обширная энциклопедическая статья «Математика», издававшаяся четырежды в 1938–1988 гг. Подобно своему ближайшему другу П.С. Александрову, А.Н. был человеком очень широких интересов в философии, литературе, живописи, музыке; широких интересов и глубоких знаний.

Став редактором математического раздела 2-го издания БСЭ, А.Н. неизменно просил авторов, чтобы все статьи этого раздела содержали исторические обзоры. Мое сотрудничество в БСЭ, довольно случайное в ее 1-м издании, стало во 2-м издании регулярным, а с А.Н. оно началось со статьи «Знаки математические», подготовленной втроем: А.Н., И.Г. Башмаковой и мною (1952). Темы собственных работ А.Н. по истории математики были разнообразны: Ньютон и современное математическое мышление, Лобачевский и математическое мышление XIX века, бесконечность в математике, закон больших чисел и т.д. Много позднее мы вдвоем отредактировали три тома истории математики XIX века (1978–1987), продолживших три тома истории математики с древнейших времен до конца XVIII века, ранее изданных под моей редакцией (1970–1972). Все эти книги были коллективными трудами, а 4-й том первого из них готовится к печати. Совместно с Ф.А. Медведевым мы втроем издали русский перевод трудов Г. Кантора по теории множеств, причем А.Н. и я написали к нему послесловие. При обсуждении с А.Н. вопроса о содержании задуманных нами дальнейших томов серии, посвященной XIX веку, он сказал, что далее 40-х годов XX в. не пойдет, т.к. уже недостаточно знаком с новейшими достижениями математической мысли.

Считаю своим долгом сказать, что А.Н. Колмогоров, П.С. Александров и С.А. Яновская оказали мне существенную поддержку, когда в начале 1953 г. у меня были непродолжительные, но серьезные неприятности в ИИЕТ из-за антисемитской политики, которую начал тогда открыто проводить Сталин, используя для этого сфабрикованное с этой целью «дело врачей» – мнимых «убийц в белых халатах». Впрочем, довольно быстрое завершение моих неприятностей связано было более всего со смертью Сталина в марте того же года.

Из математиков старшего поколения мне довелось сотрудничать также с академиком В.И. Смирновым (1887–1974), очень живо интересовавшимся историей математики. Мы совместно подготовили математические главы для двух томов «Истории Академии наук СССР» за 1725–1917 гг. (1958, 1964); третий и последний том, для которого В.И. написал главу совместно с Е.П. Ожиговой, доведен до конца не был. Вместе с В.И. мы отредактировали аннотированный указатель всей известной тогда переписки Эйлера (2654 письма и 273 записки). Эта работа, вышедшая в 1967 г., потребовала тщательных архивных поисков, в которых участвовали еще несколько ленинградских ученых, а в ГДР – К.-Р. Бирман и архи-

вист Ф.-Г. Ланге. Когда несколько лет спустя Эйлеровская комиссия Швейцарского общества естествоиспытателей приступила совместно с ИИЕТ к изданию четвертой серии Полного собрания сочинений (Opera omnia) Эйлера, в которой предполагается опубликовать всю научную переписку великого математика, названный только что указатель в немецком переводе и с новыми найденными документами вышел в виде 1-го тома четвертой серии (Базель, 1975); в редакцию 1-го тома вошел также базельский профессор математики В. Габихт. Для той же серии вместе с проф. Р. Татоном (Париж) я подготовил V том, содержащий переписку Эйлера с Даламбером, Клеро и Лагранжем (1979), а вместе с А.Т. Григорьяном и покойными Э. Винтером и П. Костабелем – VI том серии, переписку с Мопертюи и королем Фридрихом (1986). В этом издании участвовал также секретарь Эйлеровской комиссии Э. Фельман (Базель). Подготовлены к печати еще два тома 4-й серии при моем участии, но мне неизвестно, когда они увидят свет. С этими занятиями были связаны несколько моих поездок в Базель и в Париж.

В молодые годы у меня было мало университетских друзей, с частью которых я некоторое время работал в МВТУ. С теми математиками и историками математики, которых я назвал ранее, у меня были добрые, иногда весьма доверительные отношения, но назвать их своими личными друзьями я не мог бы. Более тесные отношения у меня складывались с коллегами по ИИЕТ, особенно с Б.А. Розенфельдом (до его отъезда в США), с моими учениками Ф.А. Медведевым и С.С. Демидовым, который заменил меня в должности руководителя институтской группы историков математики. С последним, пожалуй, отношения можно назвать дружескими, несмотря на очень большую разницу лет. В МГУ я могу отнести к числу моих давних друзей И.Г. Башмакову, в Киеве – украинского академика А.Н. Боголюбова; у меня очень хорошие контакты в Санкт-Петербурге с Н.С. Ермолаевой и Ю.Х. Копелевич. Большое число добрых знакомых у меня в Германии: К.-Р. Бирман, покойный В. Гартнер, Г. Вуссинг, Э. Кноблах, В. Пуркерт, К. Райх, К. Скриба, М. Фолкертс, И. Шнайдер. У меня также немало личных знакомых во Франции. Я вторично (после 1914 г.) посетил Париж в 1960 г. и здесь в Институте истории науки познакомился с Александром Койре, в то время идейным руководителем французских историков науки (теперь названный Институт носит его имя). Уроженец Таганрога, в юности уехавший учиться за границу, он сохранял живой интерес к событиям на своей родине и следил за успехами истории науки в России. Еще до нашего знакомства он предложил избрать меня членом-корреспондентом Международной академии истории наук (1956), затем действительным членом (1960), в которой он занимал тогда пост Непременного секретаря. Раньше меня из России выбран был только А.В. Васильев. С Койре было немало интересных бесед на научные и общие темы, он познакомил меня со своей женой, также уроженкой России, и с рядом своих коллег: Р. Татоном, П. Костабелем, Сюзанной Башлар и др. У нас в ИИЕТ высоко ценили труды Койре. Из других интересных знакомств назову П. Дюгака, занимавшегося историей оснований анализа, арабиста Р. Рашеда, Ж. Домбра. Из других зарубежных знакомых я назову англичан А. Гратан-Гиннеса и А. Кромби, в США уже упоминавшегося Ч. Гиллиспи, Дж. Даубена и Д.Я. Стройка (которого я встречал еще в

Москве). Среди других знакомств назову еще Х. Вернета (Барселона), Л. Нового, И. Смолку и Я. Фолту (Прага). Все эти контакты были важны, они, как правило, расширяли горизонт известных мне исследований.

Что касается моих учеников, то я назову Гуссова; после окончания аспирантуры в 1951 г. он уехал на Дальний Восток. Заметный вклад в изучение творчества М.В. Остроградского внесла В.И. Антропова (1924–1991), которая, в частности, помогла при публикации обнаруженных мною в Париже работ и ранее неизвестных рукописей Остроградского. К сожалению, свободных вакансий в ИИЕТ не было, и она устроилась сперва в Туле, а затем в Таджикском университете. Успешно разрабатывал историю теории тригонометрических рядов (1966) рано скончавшийся А.Б. Паплаускас.

Мне хотелось бы добавить несколько слов о названных выше Медведеве и Демидове. Начиная с 1965 г., Медведев опубликовал несколько ценных книг по истории теории множеств и теории функций, затем обратился к истории нестандартного анализа. Что касается Демидова, он человек широких интересов. Начал он с диссертации, посвященной истории знаменитых 23 проблем Гильберта, а затем перешел к исследованиям в двух различных направлениях – по истории уравнений с частными производными, с одной стороны, и, с другой, по истории московской школы теории функций. В частности, он раскрыл роль в ее становлении выдающегося мыслителя П.А. Флоренского.

Хотя уже в XIX и начале XX веков русские ученые в отдельных случаях вели историко-математические изыскания, но научная школа в общепринятом смысле этого слова стала складываться у нас в 1920–30-е годы. Основных действующих лиц я уже называл. Теперь есть несколько крепких научных центров – в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Баку, Ташкенте и еще нескольких университетских городах. При этом поддерживаются регулярные плодотворные контакты с учеными Англии, Германии, Италии, Китая, США и ряда других стран. Мы находим поддержку со стороны многих коллег – математиков, механиков, астрономов, физиков... Я рад, что мог несколько содействовать успехам нашей историко-математической школы.

Текст подготовлен путем контаминации по: 1. Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 33–42; 2. Математики рассказывают. М., 2005. С. 294–300.

1947 год

ФИГУРОВСКИЙ
Николай
Александрович

1 июня 1947 г. я был освобожден от должности начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования СССР. Нельзя было не испытывать чувства облегчения. Я, кажется, становился свободным от административной работы, которая мне не особенно нравилась и отнимала все мое время, а я мечтал о научной работе. Наконец-то появились некоторые надежды полностью вернуться к исследованиям. Тем более, что в университете шли работы по конструированию центрифугальных седиментометрических весов и у меня были уже аспиранты. Правда, все это шло пока по линии Института физической химии АН СССР.

Так как я преподавал в МГУ историю химии, ко мне стали при-

смагиваться в Институте истории естествознания, который незадолго перед тем был организован и пока что имел весьма узкий круг квалифицированных сотрудников. Еще 16 января 1947 г. я был утвержден членом Ученого совета Института истории естествознания. Правда, этому содействовало мое выступление на Совещании по истории естествознания, созванном Институтом в конце декабря 1946 г.

Я интересовался этой областью уже давненько, хотя и не с точки зрения чисто научной. Еще в Горьком я прочитал в Университете курс лекций по истории химии. Правда, я знал в те времена историю химии очень поверхностно и лишь приступил к ее изучению по нескольким старым книжкам, которые были в моей библиотеке. Постепенно я копил фактический материал по истории химии и стал несколько разбираться в запутанных ситуациях развития химии в XIX в. Однако, конечно, как и всякий начинающий, я больше всего занимался древностью и куда меньше – новейшими периодами. Естественно, что мои первые курсы лекций весьма походили на курс лекций по истории медицины, читавшийся Ф. Рейсом в Медико-хирургической академии на Рождественке (где было Министерство высшего образования). Он читал этот курс дважды в неделю по 2 часа целый год и к концу года дошел только до Гиппократа. Нечто подобное получалось и с моими курсами.

Тем не менее, постепенно копился опыт, и приходилось переносить центр тяжести курса на более поздние периоды. Когда я в 1946 г. прочитал первый курс истории химии (72 часа), он также был в значительной степени ориентирован на древность. С этой болезнью начинающих историков науки связаны и мои первые научные работы по истории химии – «Происхождение и развитие русской химической терминологии» – тема доклада, прочитанного в декабре 1946 г. на Совещании по истории естествознания. Этот доклад и обратил на меня внимание некоторых деятелей по истории науки.

Все это было, конечно, хорошо, но я пока не чувствовал себя привязанным к настоящему месту, работая и в Академии наук в Институте физической химии, и членом Комиссии по истории химии, и в МГУ, и в Институте истории естествознания. Что-то надо было выбрать в качестве основной работы, было неясно. Но за меня все решило высокое начальство. 30 августа 1947 г. мне показали постановление ЦК КПСС о назначении меня заместителем директора Института истории естествознания к Х.С. Коштоянцу. Волей-неволей пришлось приступать к делу, хотя я, конечно, отнюдь не бросил университетскую работу, где шли интересные исследования о толщине сольватных оболочек, о центрифугальных седиментометрических весах и где у меня были уже аспиранты.

Институт истории естествознания был детищем войны. В конце войны, когда национально-патриотический подъем достиг апогея, стал проявляться широкий интерес к истории отечественной науки. Вначале это было чисто пропагандистское литературное направление. Появился ряд статей, в которых не просто подчеркивалась, а возвеличивалась (и, пожалуй, преувеличивалась) роль русской науки в развитии естествознания. Это направление довольно известно и до сих пор еще многим историкам науки и техники (шутили тогда: «Россия – родина слонов»).

Однако при организации Института удалось собрать небольшой коллектив сотрудников достаточно высокой квалификации и широкого образования. Первым директором был назначен Президент АН СССР В.Л. Комаров, его заместителем – Б.Г. Кузнецов (умер в 1984 г.), избранный из окружения Президента (как говорили тогда в АН – «из камарильи»). У него что-то не ладилось с зам. директорством, причины этого, впрочем, неясны, не будем здесь их касаться. В числе сотрудников Института были биологи С.Л. Соболев, П.А. Новиков, Б.Е. Райков. Кроме них, назову здесь А.П. Юшкевича, В.П. Зубова, О.А. Старосельскую, Л.Ш. Давиташвили, И.Н. Веселовского и несколько других. Коллектив был небольшой. Ученый совет Института заседал за круглым столом. Институт размещался в здании Фундаментальной библиотеки общественных наук на ул. Фрунзе, 11, по существу, в одной единственной комнате.

Надо, однако, сказать, что малочисленность сотрудников института совсем не сказывалась на продуктивности его работы. В то время историей естественных наук считали приличным заниматься многие видные ученые – академики, профессора, экспериментаторы и пр. Кроме них, внезапно в различных городах, особенно в Москве и Ленинграде, откуда-то появились до тех пор неведомые никому авторы историко-научных статей и даже книг (Елисеев, Безбородов, Ченакал, Раскин и множество других).

Но главное – в отделениях Академии наук как-то стихийно возникли комиссии по истории науки. Некоторые из них, например, Комиссия по истории химии, работали очень активно и даже продуктивно. Мне кажется, в этом сказалась старая закваска деятельности довоенного Института истории науки и техники и даже комиссии, возглавлявшейся в свое время В.И. Вернадским. Одним словом, наблюдалось явное оживление интереса к истории науки, прежде всего в России и куда меньше в СССР.

Приступив в такой обстановке к работе в качестве зам. директора Института истории естествознания, я мог надеяться, что работа пойдет успешно без особого напряжения, т.е. позволит мне продолжать начатые еще до войны мои экспериментальные исследования по физикохимии дисперсных систем и седиментометрическому анализу. В Университете у меня успешно работали аспиранты (Н.Н. Ушакова, В. Казанская). Вместе со мной стала работать Т.А. Комарова. По истории химии у меня был аспирант Г.В. Быков. Сам я очень интенсивно в это время писал и готовил к печати свою книгу «Седиментометрический анализ», которая вышла в 1948 г.

Таким образом, я твердо надеялся, что мне удастся совместить экспериментальную и историко-научную деятельность, и именно поэтому я сравнительно легко, без особых колебаний согласился занять должность зам. директора Института истории естествознания. Эти мои надежды оправдались в дальнейшем, однако лишь частично. Того, что было намечено в 1947 г., я полностью не выполнил. В значительной степени этому содействовало не мое совместительство или работа на два фронта, а разнообразная общественная работа, которой я оказался загруженным на много лет в самых различных учреждениях (и направлениях).

Моя замдиректорская служба сама по себе пока не требовала слишком много работы. Коллектив Института был маленький. Ученый совет, заседавший (умещавшийся) за круглым столом, собирался нечасто. Директор

института, чл.-корр. Х.С. Коштоянц, будучи биологом-экспериментатором, сам, подобно мне, раздваивался в своих занятиях и бывал в Институте далеко не ежедневно.

Работа моя состояла в составлении планов и отчетов, в беседе с многими ведущими сотрудниками по разным вопросам, в чтении поступавших рукописей книг и статей, в чисто административных делах, подписи переписки, ассигновок и чеков, разных ведомостей. Пожалуй, одной из трудных обязанностей было присутствие по средам на заседаниях Отделения истории АН СССР, в состав которого тогда входил наш институт. Отделением руководил академик-секретарь Б.Д. Греков. Обсуждались, естественно, главным образом чисто социально-исторические проблемы, которыми занимались институты Отделения истории. Иногда эти заседания были интересны для меня, иногда же скучны до предела. На этих заседаниях я познакомился со многими историками: Б.Д. Грековым, Н.М. Дружининым, И.И. Удальцовым, И.Э. Грабарем и многими другими. Особенно приятно было знакомство с М.Н. Тихомировым, симпатичным, скромным, внешне ничем не выдающимся человеком, но глубоким знатоком русских древностей. С ним я встречался не только на заседаниях Отделения истории АН СССР, но и дома. Мы жили в одном домике на Беговой улице.

Воспоминания об ученых, с которыми мне пришлось встретиться в Институте, писать трудно. Многие из них еще живы, многие – умерли. О живых, как известно, писать трудно. А о мертвых согласно латинской поговорке: *De mortuis – aut bene, aut nihil*. Все же, мне кажется, вкратце кое-что следует сказать. Сам Х.С. Коштоянц был видным физиологом и изучал, насколько я понимаю, физиологические функции протеинов, нуклеиновых кислот, отдельных аминокислот и тому подобное. Он был молодым и энергичным, не чуждался жизненных успехов. Как директор он должен был подавать пример научной активности в области истории биологии членам коллектива Института. И он в этом отношении оказался на высоте. Несмотря на занятость экспериментальными исследованиями, он написал «Историю физиологии», книгу, которая, я думаю, не потеряла своего значения и до сих пор. В Институт он приезжал не каждый день, иногда не бывал в Институте по неделям. В первое время я интересовал его главным образом с точки зрения качеств ученого. Он познакомился с моими сочинениями и, мне кажется, более или менее был удовлетворен. Он поручал мне работы по рецензированию законченных сотрудниками трудов, по редактированию разных книг. Вскоре мы с ним как-то разделили функции административного и научного характера и работали, в общем, дружно и доверительно.

Ученым секретарем Института был некто Иван Александрович Поляков. Это был внешне работоспособный, хотя и очень слабо подготовленный человек. Он сидел в Институте целыми днями, осуществлял связь Института с внешним миром по телефонам, был очень чувствителен к различным слухам и знал кое-что о тенденциях развития института и отношении к нему и к его отдельным работникам высокого начальства и пользовался этим при принятии соответствующих решений в дирекции. Он числился кандидатом биологических наук, но документы о получении им степени были у него не в порядке – какое-то удостоверение о защите (види-

мо, мнимой), полученное им во время войны в одной из среднеазиатских республик. Мне казалось, что он был в постоянной тревоге, что у него требуют формального подтверждения наличия у него степени.

В те времена был силен еще Т.Д. Лысенко, к которому примкнуло несколько недалеких в науке людей. И.А. Поляков был лысенковцем и выступал с соответствующими статьями. Сомнительность его положения и в этом отношении, и в его квалификационных делах привели к тому, что он вначале принужден был уйти из научных секретарей, а затем и совершенно «исчезнуть» из Института, так что о нем нет ни слуху, ни духу.

И.А. Поляков стремился быть авторитетным деятелем Института. Он был секретарем парторганизации, состоявшей тогда из 5 (кажется) человек. На партсобраниях он выступал с критикой, в том числе и меня, пытаюсь показать вид, что он «кое-что значит» в жизни Института. Но, в общем, в первые годы у нас с ним никаких конфликтов не было.

Среди ученых Института упомяну, прежде всего, давно покойного Самуила Львовича Соболя. Он был достаточно хорошо образованным биологом и упорно трудился. В конце 1940-х годов он был целиком занят исследованием о микроскопах XVIII и XIX вв. Он, прежде всего, собрал в Москве и в других городах несколько старинных микроскопов. В результате была создана довольно большая и интересная коллекция микроскопов, послужившая ему основой для написания книги по истории микроскопии. Соболев был скромным человеком в отличие от людей его круга, с которыми приходилось иметь дело. Умер он неожиданно рано.

Из других биологов упомяну о зоологе Павле Александровиче Новикове. Он был работяга, но по характеру был, пожалуй, менее энергичным, чем другие, и менее приспособленным к историко-научным исследованиям. Его нередко критиковали, главным образом, пожалуй, за его чисто фактологический подход к истории биологии. Он был незлобив, пожалуй, выглядел несколько забитым человеком, как некоторые биологи в «лысенковскую эпоху».

Более колоритной и интересной фигурой в области истории биологии был мой друг Борис Евгеньевич Райков, работавший в Ленинграде в Педагогическом институте и живший там же около Казанского собора. Он был, конечно, образованным биологом с огромным преподавательским стажем, много знал, умел пользоваться богатейшими ленинградскими архивами и очень много писал. Его сочинения, пожалуй, отразили его огромный педагогический опыт. Они написаны популярным и доступным языком, вместе с тем на хорошем научном уровне. О жизни и деятельности Б.Е. Райкова написана книга, вышедшая в Ленинграде в 1970 г., так что нет надобности повторять здесь опубликованные сведения.

В Институт Б.Е. Райков пришел уже в пожилом возрасте (он родился в 1880 г.), в 1948 г. ему было уже под 70. Тем не менее, он довольно часто приезжал в Москву и участвовал в различных заседаниях. Позднее он приезжал все реже и реже и, наконец, совсем перестал посещать Москву. Но энергия его сохранилась, он много сделал для организации и налаживания исследований в Ленинградском отделении Института.

По должности зам. директора, а затем директора Института я довольно часто бывал в Ленинграде и всегда старался посещать Б.Е. Райкова. Он жил в довольно обширной квартире, в его кабинете был всегда стро-

жайший порядок. Все материалы, нужные ему для работы, хранились у него в особых папках, и он сразу мог найти все, что ему было нужно (в отличие от нашего брата). Что поражало еще в его квартире – это библиотека русских и советских писателей. Я думаю, что такого подбора книг, как у Бориса Евгеньевича, трудно было найти в другом месте. Вспоминается также, что Б.Е. Райков, проводивший время своего отдыха на даче в районе «Лисий нос», делал там замечательные настойки и наливки из различных ягод.

Среди сотрудников Института в первые годы его существования были ученые, не принадлежавшие, собственно, к специалистам естественных наук. К их числу принадлежал Василий Павлович Зубов. Он был сыном известного профессора Московского университета П.В. Зубова – сотрудника Лугининской термической лаборатории. Дед его был видным московским купцом I гильдии. В.П. Зубов получил хорошее образование, знал языки и был специалистом по искусствоведению, прежде всего по истории архитектуры. Однако его научный кругозор оказался очень широким. Он занимался, в частности, древнерусской филологией, историей естествознания, в том числе физики, и другими областями. Первое время в Институте он выделялся своими энциклопедическими знаниями и вскоре выпустил несколько работ высокого научного значения.

С В.П. Зубовым я близко познакомился во время совместных поездок в заграничные командировки. Помню, во Флоренции, которую я увидел впервые, В.П. Зубов, который там был также впервые, рассказывал мне об архитектуре храмов и сооружений, о разных деталях их внешних украшений так, как будто он многократно их видел. То же самое было, когда мы с ним осматривали достопримечательности Рима. Я, например, до своей первой поездки в Италию никогда не предполагал, что в Риме есть Каракаллы и остатки других сооружений. В.П. Зубов объяснял мне их архитектуру, указывая на такие детали, на которые впервые их видящий не обращал бы никакого внимания.

Надо сказать, что В.П. Зубов умел трудиться, сидел в архивах и библиотеках, изучал даже то, что в молодости ему было совершенно не нужно, в частности вопросы развития естественных наук, древнерусские сочинения, историю античной философии и т.д. Писал он обо всем этом весьма квалифицированно. Он был отчасти, что называется, непрактичным человеком, жил очень скромно, хотя детство и юность провел, несомненно, в полном довольстве.

Из других сотрудников Института назову здесь Павла Митрофановича Лукьянова. Он много лет был профессором Менделеевского химико-технологического института, написал несколько учебников по технологии производства неорганических материалов. По его пособию по производству серной кислоты мне пришлось в студенческие годы готовиться к экзамену по химической технологии. Он прошел школу инженера-химика, работая много лет главным инженером Кинешемского анилзавода. В его характере и привычках сохранились некоторые черты старого царского спеца – инженера. Не во всех отношениях он был симпатичен мне. Однако работал он много и легко. Достаточно сказать, что в течение нескольких лет он написал огромное 6-томное (толстые тома) сочинение по истории ремесел и химических производств в дореволюционной России и ряд

других книг и множество статей. Он был знатоком своего дела, и этим объясняется его успех.

В последние годы своей жизни он по настоянию некоторых деятелей Института (во второй период его существования) пытался стать рупором интриги, которая велась против меня различными деятелями (Шухардин, Сокольский, Григорьян и др.), но после в этом, видимо, раскаивался и рассказал мне, как его принуждали «преследовать» меня.

Я, пожалуй, на этом ограничусь в воспоминаниях о первых сотрудниках Института – моих коллегах. Впрочем, может быть, я успею при наличии настроения написать о некоторых из них в приложении.

Вскоре после моего прихода в Институт его штат стал довольно быстро разрастаться. Пришло много новых сотрудников, преимущественно молодых, появилась аспирантура и докторантура. Дела стало прибавляться. Мне приходилось теперь иногда целые дни проводить в Институте, занимаясь разными делами. Быстро разрасталась и издательская деятельность Института. Рос его авторитет. Вначале Институт работал в тесном контакте с комиссиями по истории естественных наук при Отделениях АН СССР, затем постепенно эти комиссии ликвидировались, так как Институт, расширившись, мог уже выполнять исследования почти по всем отраслям естествознания.

Вторая моя общественная работа была в Комиссии по истории химии при Отделении химических наук. Я был связан с этой комиссией с 1945 и особенно с 1946 г. Выше говорилось о широком интересе к вопросам истории химии в России и в СССР к концу войны. Этот интерес проявился особенно у ряда видных химиков Академии наук СССР. Большим энтузиастом работы по истории химии был академик А.Е. Арбузов, который в те времена часто ездил в Москву и особенно увлекался историей Казанской школы химиков.

Вначале я присутствовал на заседаниях Комиссии по приглашению, слушал доклады о различных проектах, которые предлагались для расширения работы. Затем я все более и более втягивался в эту работу. С 1947 г. с самого начала я был введен полноправным членом комиссии, а в 1949 г. стал зам. Председателя комиссии. Работа в Комиссии по истории химии лишь частично перекрещивалась с моей основной работой – зам. директорством в Институте истории естествознания. Впрочем, Комиссия и ее председатель А.Е. Арбузов и, конечно, я были увлечены в те времена совещаниями по истории химии. Значительная их часть проводилась совместно с Институтом, а позднее – в здании Института истории естествознания.

Большим событием в жизни и деятельности Комиссии были два Всесоюзных совещания по истории химии. Первое Всесоюзное совещание по истории химии мы организовали в Москве, в аудитории Химического отделения АН 12 мая 1948 г. Это совещание прошло весьма успешно. После краткого вступительного слова А.Е. Арбузова в течение четырех дней было заслушано около 25 докладов, в том числе – А.Ф. Капустинского, С.З. Рогинского, Я.И. Герасимова, М.И. Усановича, Н.А. Измайлова, А.В. Думанского, Б.М. Кедрова, А.В. Скворцова (бывшего секретаря Д.И. Менделеева), О.Е. Звягинцева, С.И. Вольфковича, И.Н. Плаксина, Н.Ф. Ермоленко, А.С. Садыкова, Ю.С. Залкинда, А.Д. Петрова, Н.Д. Зелинского и два моих доклада. Я привел перечень (не всех) выступавших для того, что-

бы продемонстрировать, какие видные ученые интересовались в то время историей химии. Труды Совещания были изданы (1950).

Второе совещание было созвано в Ленинграде и прошло 21–26 апреля 1951 г. Оно, кажется, прошло еще успешнее. С докладами выступили также видные ученые, в том числе Б.А. Арбузов, А.Е. Арбузов, В.И. Есафов (Свердловск), А.Ф. Платэ, М.Ф. Шостаковский, А.Д. Петров, М.М. Дубинин, Х.С. Коштыяц, О.Е. Звягинцев, С.И. Вольфович, Н.А. Торопов, Ю.Г. Мамедалиев, С.Н. Данилов, Ю.С. Мусабеков и другие. Я, кажется, не выступал на этом совещании, но зато был ответственным редактором издания его трудов.

Помимо множества больших и малых совещаний по истории химии, Комиссия по истории химии оставила след и своей литературной деятельностью. Помимо изданий трудов двух Всесоюзных совещаний, Комиссия выпустила (под моей редакцией) книгу: «Новые материалы по истории открытия периодического закона Д.И. Менделеева» (1950). Из недр комиссии вышли известные монографии по истории химии А.Е. Арбузова и А.Ф. Капустинского, хотя под грифом Института, так как у Комиссии в те годы не было своих издательских планов. Таким образом, Комиссия по истории химии оставила довольно яркий след своей деятельности и, несмотря на затраты времени, которого требовала работа в Комиссии, я чувствую известное удовлетворение своей работой там.

Внимание к истории отечественной науки было в то время, пожалуй, общим во всей Академии наук. Президент АН СССР С.И. Вавилов был инициатором созыва сессии Общего собрания АН СССР, посвященного истории отечественной науки. Собрание это состоялось в Ленинграде 5–11 января 1949 г. Я принимал участие в подготовке этого собрания как член Комиссии Президиума АН (с 1 декабря 1948 г.). Собрание Академии наук вылилось в грандиозное мероприятие, на котором выступили с докладами виднейшие ученые. Труды этого Общего собрания АН изданы в 1949 г. Я выступал с докладом, а также в прениях.

Комиссия по истории химии фактически прекратила свое существование около 1954 г. в связи с реорганизацией Института истории естествознания.

Кроме этих сравнительно крупных общественных обязанностей, мне приходилось выполнять различные отдельные поручения, принимать участие в различных комиссиях. Так, я был зам. председателя Оргкомитета по созыву второго Всесоюзного совещания по истории химии в 1950 г. В том же году Министерство высшего образования создало Комиссию по разработке научного наследия Д.И. Менделеева, в которой и я принимал участие.

Наш Институт истории естествознания занимался только наукой. Исследования велись по общей истории естествознания и по истории отдельных естественных наук и математики. Конечно, сил было мало, и различные области истории естественных наук разрабатывались неравномерно. Отставала особенно история физики. Однако Институт время от времени выпускал очередные книги, причем некоторые из них – вполне удовлетворительные. Кажется, в 1952 г. две книги, выпущенные Институтком, были удостоены Сталинской премии (С.Л. Соболев и П.М. Лукьянов). К тому же в ряде отделений АН СССР довольно активно работали комиссии по

истории наук. Проводились Всесоюзные и частные совещания по истории отдельных наук, а в 1949 г. (январь) прошла специальная сессия Общего собрания АН СССР в Ленинграде по истории науки (см. Труды сессии).

Среди комиссий по истории науки при отделениях работала (очень неважно) Комиссия по истории техники при ОТН АН СССР. Мы о ней долгое время почти не слышали. Она ничего не выпускала, хотя имела штат научных работников. Впрочем, в 1952 г. Комиссия по истории техники провела Всесоюзное совещание довольно многолюдное, которое и привело к ее штатному расширению. Комиссия, насколько я вспоминаю, размещалась в здании Политехнического музея. Вначале ею руководил проф. Б.Н. Юрьев, а с 1952 г. чл.-корр. А.М. Самарин.

Среди техников, активно участвовавших в работе Комиссии по истории техники, была В.А. Голубцова – специалист по электротехнике (электроизоляции). Она была женой Г.М. Маленкова, ставшего с 1953 г. председателем Совета Министров СССР. Это была достаточно образованная, главное же весьма энергичная и инициативная женщина, широко известная до этого в качестве директора Московского энергетического института. И вот, однажды в августе 1953 г. (Почему отмечали 30-летие в 1984 г. в марте?) В.А. Голубцова позвонила мне по телефону и спросила, когда она могла бы приехать ко мне для переговоров. Мы договорились, и в один прекрасный момент к зданию Института (ул. Фрунзе, 11) подъехала важная правительственная машина. В.А. Голубцова обратилась ко мне (она, видимо, избегала обращаться к Х.С. Коштоянцу) с предложением объединить Институт с Комиссией по истории техники. Я был решительно против такого объединения. Мне казалось (да и теперь еще кажется), что история техники, да еще в тогдашнем состоянии, не просто осложнит работу Института, но и вызовет целую кучу осложнений в основных методах уже налаженной у нас работы. В.А. Голубцова после весьма учтвого разговора со мной уехала ни с чем.

Я, понятно, пошел к А.В. Топчиеву, рассказал ему обо всем. Он, будучи моим близким знакомым, почти другом, посоветовал мне, однако, отнестись к этому делу положительно и никоим образом не перечить В.А. Голубцовой. А.В. Топчиев был политиком, тут уж ничего не поделаешь. Х.С. Коштоянц был против объединения. Что было делать?

Недели через две В.А. Голубцова сделала второй визит ко мне. И пришлось сдать позиции. Я скрепя сердце согласился, полагая, что «пока суд да дело», пройдет некоторое время и, может быть, дело утрясется. Но не тут-то было. Кажется, через неделю после последнего визита В.А. Голубцовой, 1 сентября 1953 г. мне стало известно, что состоялось постановление Совета Министров СССР об объединении Института истории естествознания с Комиссией по истории техники. Вот что значит иметь дело с такими людьми.

Вскоре мы переехали из уютной комнаты на ул. Фрунзе, 11 в новое помещение – в Политехнический музей (Новая пл., 3), в отдельное, сравнительно обширное помещение. Вскоре был назначен директором академик А.М. Самарин. Я и В.А. Голубцова были назначены заместителями директора. В жизни Института началась новая эпоха, связанная с новыми, далеко не всегда разумными, инициативами вновь пришедших к нам сотрудников по истории техники.

Можно было бы закончить на этом описание событий в Институте в 1953–1954 гг. О деятельности Института можно судить по публикациям, объем которых быстро расширялся. Но мне хочется вспомнить некоторые детали. В.А. Голубцова как зам. директора оказалась очень заботливой хозяйкой. Вскоре в Институте появился прекрасно оборудованный зал заседаний, библиотечные шкафы хорошей работы, сделанные в мастерских Совета Министров. Издательская деятельность Института быстро расширялась. Началась серия «Трудов Института», возник временный сборник, заменявший журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Появились и некоторые нововведения, улучшившие и внешность, и культуру обстановки работы в Институте.

Но внутренняя жизнь в Институте осложнилась. В составе сектора по истории техники было мало квалифицированных работников, наоборот, появились люди – лодыри, которые поддерживали свое право на работу в Институте болтовней на собраниях, критиканты в принципе, мало понимающие в научной работе. Как известно, начавшие работу в новой области после ряда лет обыкновенной учрежденческой работы всегда начинают интерес к новому с «Адама», т.е. с древности. Настоящих нужных тем многие боялись. Занимались, например, работами по технике в древней Руси, изучали летописи, не будучи историками, занимались «историей русской печи» и тому подобными темами.

А.М. Самарин – металлург, никогда не занимался историей техники, не мог, конечно, сразу же поставить дело на нужный уровень. К тому же он скоро был назначен директором Института металлургии.

Поэтому собрания и заседания Ученого совета часто проходили в пустых разговорах. Некоторое время после ухода А.М. Самарина и.о. директора Института был И.В. Кузнецов, физик, увлекавшийся больше философией. Зам. директора по хозяйственной части был тяжелый человек – самовлюбленный и самонадеянный, но полуграмотный в буквальном смысле слова. Он выступал на собраниях с самой резкой критикой сочинений, выполненных людьми, которые ему не импонировали, при этом чудачил, например, говорил вместо «фрагменты» – «прагменты». Впрочем, подобных типов и кроме него было предостаточно. Один, например, предлагал уменьшить размеры строительного кирпича с тем, чтобы он мог удобно браться женской рукой, поскольку-де сейчас кирпичной кладкой на строительстве заняты преимущественно женщины (!) и прочее, прочее. Были, конечно, и серьезные работники. Но общим, пожалуй, их недостатком было то, что все они отстали от современного состояния науки и техники и нередко лишь переписывали только то, что находили в источниках. Покойный Президент АН СССР С.И. Вавилов говаривал про таких, что «они из двух книг делают третью». Тем не менее, работа постепенно шла и улучшалась. Многие издания, особенно статьи того времени, представляют и теперь определенный интерес.

Очень много внимания требовали аспиранты. В эти годы прошли у меня аспирантский стаж, успешно защитили Г.В. Быков, В.И. Кузнецов, Н.Н. Ушакова, Ю.И. Соловьев, В.А. Казанская, В.М. Башилова (в ЦАНИИ), Я.И. Турченко, Ю.С. Мусабеков и многие другие. Мне, конечно, все эти аспиранты дали далеко не даром. Приходилось много времени тратить на них, и если бы не Т.А. Комарова, которая в те же годы успешно защитила свою диссертацию, мне пришлось бы тяжело.

Однако к этому времени относятся и некоторые важные книжки. Так, вместе с Ю.И. Соловьевым была написана книга о А.П. Бородине (1950), подготовлены «Дневники» Д.И. Менделеева (вместе с М.Д. Менделеевой), «Очерк развития русского противогАЗа» Н.Д. Зелинского (1952), «Химия в Московском университете за 200 лет» (совм. с Г.В. Быковым и Т.А. Комаровой), «Избранные труды» Т.Е. Ловица (большое издание с очерком о деятельности Ловица), «Н.Н. Зинин» (вместе с Ю.И. Соловьевым), «Св.А. Аррениус» (тоже и др.).

Наш Институт сразу же после реорганизации 1953 г. вышел из подчинения Отделению истории АН и перешел в непосредственное подчинение Президиуму АН СССР. Поэтому мне как основному зам. директора приходилось очень часто посещать Президента, Вице-президента и Ученого секретаря АН СССР. Пожалуй, это было приятно. Президент АН С.И. Вавилов был, конечно, приятнейший человек, сохранивший все лучшие качества старого русского интеллигента-ученого.

Публикуется по: Фигуровский Н.А. «Я помню...». Автобиографические записки и воспоминания. М.: Янус-К, 2009. С. 494, 529, 495–496, 499–504, 506–508, 512–515, 517–518.

1948 год

СОЛОВЬЕВ
Юрий Иванович

В январе 1945 г. меня приняли на химический факультет МГУ (...)

Я учился с трудом. После войны и госпиталя, после сумбурной средней школы не был подготовлен к такому натиску знаний. И физически мне было тяжело. После занятий шел в метро «Охотный ряд», ехал до вокзала, затем электричкой до Люберец и пешком больше километра до дома. И все это в зимние дни с пургой и морозами. Часто возвращался домой поздно вечером, а утром – в обратный путь. И так каждый день. Не знал, что такое воскресенье – сидел за учебниками, даже в День победы в мае 1945 г. не вышел на улицу, мое упорство увенчалось успехом. Сдал экзамены и перешел на второй курс. (...)

На четвертом курсе я пришел к профессору В.А. Немилону и

попросил дать мне тему для дипломной работы. Специалист в области физико-химического анализа металлических сплавов, Немилев предложил мне изучить методами физико-химического анализа сплав сурьмы с висмутом. Я увлекся и, к удивлению моих сокурсников, весной 1948 г. защитил дипломную работу, сдал экзамены и закончил МГУ за четыре года.

Но что же дальше? Сажу на скамейке у входа на химический факультет. Греюсь на солнышке. В голове блаженная пустота. Проходит мимо грузный мужчина в кожаном пальто и говорит:

– Слышал я, что ты закончил досрочно университет. Это правда?

– Да, – отвечаю.

– Тогда приходи ко мне работать. Я – профессор Фигуровский.

– А где это? – спрашиваю.

– На улице Фрунзе, там, где библиотека общественных наук, – ответил он.

– А я на улице Фрунзе живу.

– Тем лучше для тебя.

Почему я оказался на улице Фрунзе? На третьем курсе мне приглянулась одна аспирантка. Стал за ней ухаживать. Мы поженились в 1947 г., и я переехал к ней на квартиру на улице Фрунзе, где прожил 24 года.

На следующий день после разговора с Н.А. Фигуровским я пришел по указанному адресу. В здании, где располагалась Библиотека общественных наук АН СССР, две комнаты принадлежали Институту истории естествознания. Совершенно не ведая, что это такое – история естествознания, я написал заявление, и меня зачислили младшим научным сотрудником.

Штат Института был небольшим. Возглавлял его тогда видный ученый Хачатур Сергеевич Коштоянц. Вел заседания свободно, с интересными комментариями. Казалось, что он приезжает в Институт отдыхать от основной работы. Ко мне относился доброжелательно. (...)

Начало моей работы в области истории науки совпало с зарождением «идеологического циклона», вызванного выступлением Сталина 7 апреля 1947 г. на обеде в честь финляндской правительственной делегации. Указание вождя вести борьбу с низкопоклонством перед иностранщиной послужило началом новой политической кампании. Победы на фронтах Отечественной войны породили понятную патриотическую эйфорию. Хотелось видеть победу нашего народа и на культурных, и на научных фронтах. Все это можно понять и оправдать в рамках здоровой объективности. К сожалению, появились желающие сделать из России «родину слонов». Не фактами, а словами стали они доказывать приоритет наших ученых в различных областях знаний. Борьба с космополитизмом в 1948–1949 гг., как девятый вал, захлестнула страну.

В январе 1949 г. я поехал в Ленинград на заседание сессии Общего собрания АН СССР, посвященное истории отечественной науки. Открывал сессию президент АН СССР академик С.И. Вавилов. Запомнились его слова: «Давно пришла пора отдать должное достижениям нашей науки, наших отечественных ученых». После доклада я близко подошел к С.И. Он разговаривал с академиком А.Е. Арбузовым. Остались в памяти его мягкая улыбка и печальные карие глаза... (Он, вероятно, уже знал, что его любимый брат Н.И. Вавилов умер в саратовской тюрьме). Можно представить, как тяжело было на душе у президента, но его должность

обязывала говорить ритуальные слова восхваления великому Сталину, система которого погубила его брата и держала всю страну в страхе.

Много тогда было шума, связанного с попыткой творить патриотическую историю с марксистских позиций, в духе указаний партии и ее вождя. Некоторым хотелось с пользой для себя оказаться на гребне новой политической волны. Среди таких назову историка техники В.В. Данилевского, «черноземный патриотизм» которого принес ему Сталинскую премию; но плохую память потомков.

С годами этот шум утих и, по существу, не дал реальных результатов. В то время многие авторы пользовались проверенным приемом: в предисловии к своей работе они цитировали то или иное «гениальное» высказывание вождя, а затем спокойно излагали материал, забыв о марксизме-ленинизме.

Разговоры о влиянии практики на развитие естественнонаучных знаний (что в принципе не вызывает сомнения) затихли, когда стали вникать в логику развития самой науки, понимать ее эстафетный характер, когда стали ценить научную школу и ее лидера как одного из «виновников» научного прогресса. Не случайно поэтому на полках наших библиотек читатель не найдет книгу под названием «Марксистская история науки», в которой был бы раскрыт механизм воздействия практики на историю естествознания. Любопытно, что единственные Сталинские премии по истории науки были присуждены в 1950 г. за чисто фактологические труды (С.Л. Соболев «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в.», П.М. Лукьянов «История химических промыслов и химической промышленности России»).

Крикливые выступления и призывы «патриотов» – пепел нашей истории, но не дай Бог было попасть в то время в жернова их критики. В полной мере испытал эти «жернова» мой давний друг из Ленинграда Наум Михайлович Раскин – прекрасный человек и знающий историк науки. Под руководством известного физика Т.П. Кравца он подготовил к изданию книгу «Документы по истории изобретения фотографии (переписка Ньепса, Дагерра и других лиц)», которая вышла в свет в 1949 г. Газета «Правда» опубликовала уничтожающую рецензию, после которой книгу арестовали. Только после смерти Сталина, по ходатайству АН СССР, эта книга в 1954 г. поступила в продажу.

Надо ли говорить, сколько здоровья унесла эта история у Т.П. Кравца и Н.М. Раскина. Для Торичана Павловича Кравца (1867–1955) наступили тревожные дни еще и потому, что он, по словам Н.М. Раскина, не исключал повторения тех событий, которые произошли с ним в августе 1922 г., когда его – профессора физики Московского института путей сообщения – арестовали и выслали в Сибирь на три года только за то, что он посмел критиковать А.В. Луначарского, который проповедовал в то время «революционную» идею о том, что в высшей школе главенствующую роль должно играть студенчество. От этой идеи он сам впоследствии отказался, но профессор, отвергавший ее с самого начала, пробыл в ссылке три года! Но кто тогда думал о людских переживаниях! Идеологический хлыст больно ударял по тем ученым, которые ценили и уважали столетние традиции международных научно-культурных связей и общения ученых различных стран, – особенно по тем, кто хотел эти традиции развивать в сво-

их работах. Но здесь возникали завалы непроходимых запретов. В те и последующие годы ни одна книга без просмотра ее цензором Главлита не выходила в свет. Главлитовские требования предписывали редакторам, что можно и что нельзя печатать. Иногда эти предписания граничили с абсурдом, но послушаться редактор не смел, ибо могла последовать «выдирка» из книги (что делалось в Главлите), а для редактора – выговор в приказе, а то и увольнение.

Автор, желавший видеть свою книгу изданной, скрепя сердце, соглашался с сокращениями. Вспоминаю такой случай. В 1952 г. мне (не знаю почему) дали на рецензию большую рукопись – учебник физической химии профессора В.А. Киреева. Я написал отзыв, в котором выразил недоумение, почему автор не упомянул основателей физической химии В. Оствальда, Я. Вант-Гоффа, С. Аррениуса, В. Нернста и других иностранных ученых. Через некоторое время Валентин Александрович позвонил и попросил к нему приехать. В квартире, заваленной книгами, почтенный профессор с бородкой взял мою рецензию и сказал:

– Неужели Вы думаете, что я не знаю заслуг иностранных ученых в создании и развитии физической химии? Все это было в первом варианте рукописи. Но редактор издательства категорично заявил: «Если вы не уберете иностранщину, учебник издавать не будем». Что мне оставалось делать? Как ни горько, но пришлось снять историческую часть.

Ушел от профессора со стыдом и плохим настроением, но это был полезный урок – не судить людей, и так униженных... Однажды я присутствовал на одном из заседаний методологического семинара в Институте физической химии АН СССР. Обсуждался вопрос о приоритете М.В. Ломоносова в создании физической химии, говорилось о том, что в учебниках надо приводить ломоносовское определение предмета физической химии. Встал академик А.Н. Фрумкин и, как обычно, спокойно тихим голосом сказал:

– Не надо преувеличивать роль отдельного ученого в создании столь сложной науки, как физическая химия. Что касается ее предмета, то я не могу точно определить, что такое физическая химия, но это не мешает мне работать в этой области уже более 30 лет.

Вернусь к тому времени, когда началась моя работа в Институте истории естествознания. Однажды я спросил Н.А. Фигуровского (он был тогда зам. директора):

– Что мне делать?

– Иди в библиотеку и читай труды по истории науки.

Через несколько дней мне в руки попались «Письма А.П. Бородине, вып. I–III» (М., 1927–1949). Начал читать эти письма и с интересом узнал, что великий композитор был химиком, учеником знаменитого русского ученого Н.Н. Зинина. Пришла дерзкая мысль: написать книгу о Бородине как химике. Рассказал об этом Н.А. Фигуровскому.

– Давай, попробуй, – сказал он. (Про себя, видимо, подумал: какого самонадеянного юнца взял на работу!)

Поставленная цель меня полностью поглотила. В библиотеке сидел дольше всех, а когда исчерпал опубликованную литературу о Бородине, поехал в Ленинград, где архивы открыли мне массу новых фактов из жизни и деятельности талантливого химика. В руках оказался материал, о ко-

тором никто не знал! Уже тогда я понял, как важно пополнять историю науки новыми данными. Вернувшись в Москву, сел писать книгу и довольно быстро ее закончил. Перепечатал рукопись и отдал читать Н.А. Он написал предисловие и сказал, что хорошо бы усилить музыкальную часть. В библиотеке мне кто-то сказал, что на Беговой улице живет музыковед, изгнанный из Киева, профессор И.Ф. Бэлза. Нашел его телефон, позвонил, рассказал о Бородине и попросил помочь. Тогда, видимо, редко раздавались звонки в квартире этого культурнейшего человека. Он любезно пригласил меня домой. Полистав рукопись, через несколько дней написал несколько страниц о значении Бородина в истории русской музыки. Почему И.Ф. Бэлза оказался тогда в черном списке, не знаю, но думаю, что связано это с роковым для многих музыкантов 1948 г., когда в феврале вышло постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

Нашего «Бородина» включили в план издания, и в 1950 г. вышла в свет моя первая книга, совместно с Н.А. Фигуровским.

Вскоре после выхода в свет «Бородина» Н.А. Фигуровский спросил:

– Будешь поступать в аспирантуру?

– Нет. Над диссертацией можно ведь работать и не будучи в аспирантуре.

Н.А. не стал возражать против такого варианта. И я, памятуя о моей дипломной работе, решил изучить историю возникновения и развития физико-химического анализа. К стыду своему, а может быть, и на пользу, не знал, что можно обратиться к ученикам основоположника физико-химического анализа академика Н.С. Курнакова, которые были свидетелями и участниками происходившего.

Я начал усердно добиваться поставленной цели. Поехал в Ленинград, в Архиве АН СССР стал изучать богатый личный фонд академика Н.С. Курнакова и его учеников. Передо мной оказались интереснейшие документы, которые никому не были известны. Два года работал в различных библиотеках и наконец сел писать диссертацию, которую в конце 1951 г. представил в Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова АН СССР. В феврале 1952 г. состоялась защита моей кандидатской диссертации. Оппонентами выступали профессора С.А. Погодин и Г.Б. Равич. Председательствовал на Ученом совете директор института, выдающийся ученый, академик И.И. Черняев (1893–1966). Предоставляя мне слово, он сказал:

– Молодой человек, Вам 20 минут для доклада.

Я волновался, о многом забыл, что хотел сказать, и закончил доклад через 15 минут. Стою и молчу. Илья Ильич удивленно оборачивается ко мне и говорит:

– Как, уже все?

– Да, – говорю.

Он одобрительно улыбнулся и предоставил слово оппонентам. Защита прошла успешно (только один член Ученого совета проголосовал против). С этого момента ИОНХ стал мне почти родным, и я рад, что в 1993 г. вышла моя книга, посвященная истории этого института с предисловием его директора академика Ю.А. Золотова.

Рано утром 5 марта 1953 г. радио сообщило о смерти Сталина. Это известие я принял спокойно, можно сказать, равнодушно. Расскажу, как хоронили «отца всех народов». Коллектив нашего института поручил Н.А. Фигуровскому как зам. директора и мне как участнику Великой Отечественной войны возложить венок. Утром с венком мы направились по безлюдной Моховой к Дому Союзов. Проход по улице около метро «Охотный ряд» был перекрыт грузовиками, на которых сидели угрюмые солдаты (как показалось, нерусского происхождения). Наша попытка пройти через этот кордон не увенчалась успехом. Но вот внимание солдат было чем-то отвлечено, и тогда Фигуровский говорит:

– Я пролезу под машиной, а ты бросай венок через верх.

Так и поступили. Грузный профессор пролез под грузовиком, а я, размахнувшись, перебросил венок. Подхватив его, Н.А. побежал к Дому Союзов, размахивая лапами пальто. В это время от Дома Союзов отъезжало несколько черных лимузинов. В центре улицы раздвинулись грузовики, и я пошел взглянуть, кто едет. Совсем близко проехали Маленков и Берия. На их серых, непроницаемых лицах не было и тени печали. Каганович зачем-то выскочил из машины и матом громко ругал охрану.

Прохладную политическую оттепель после осуждения культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956) я почувствовал главным образом в театрах и аудиториях, где выступали молодые поэты. Помню, с каким подтекстом произносились тогда монологи в спектакле «Три сестры» Чехова. Зал, понимая, замирал. Люди, еще пугаясь, освобождались от страха. Но недолго «капали весенние сосульки». Порушив культ личности Сталина, новый партийный лидер Хрущев сам заразился этой болезнью. В 1957 г. состоялось позорное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором был снят со всех должностей и отдан на поругание легендарный Г.К. Жуков. Помню, как генерал-лейтенант на партийном собрании клеймил маршала, четырежды Героя Советского Союза. Позже узнал, что многие «жуковцы» нашли «приют» в лагере на Потье как политические заключенные. Затем раздалась ругань в Манеже... Опять в фаворе был Лысенко, опять он обещал накормить страну и напоить ее жирным молоком. В газетах и журналах пропагандировалась его «теория наследственности». Знакомый из Одессы рассказывал, что блистательный физик Г. Гамов по поводу «теории» наследственности Лысенко, по которой изменения наследственности зависят от условий внешней среды, шутя говорил: «Если сын от отца – это гены, а если от соседа – это влияние внешней среды». Как и Сталин, Хрущев верил Лысенко и поддерживал его.

В 1959 г. Н.С. Хрущев решил реорганизовать Академию наук, разделив ее на несколько академий. Он предлагал выделить гуманитарные науки в отдельную академию, сократив часть институтов. Под сокращение попадал и наш институт, который пришлось защищать авторитетом крупнейших ученых. С этой целью я объехал академиков А.Н. Фрумкина, С.И. Вольфковича, И.И. Черняева и др., получил под письмом их подписи. Вместе с А.С. Федоровым и И.А. Федосеевым пошли на прием к президенту Академии наук А.Н. Несмеянову. Он принял нас; прочитав письмо, увидел, кто подписал, и сказал:

– Будем думать, как спасти институт.

Президент спас гуманитарные институты, но сам попал в немилость. Его независимое поведение, принципиальная позиция, отвергающая жесткую реорганизацию Академии наук, вызывали раздражение «наверху». В конце апреля 1961 г. состоялся неприятный для него разговор в кабинете первого секретаря ЦК КПСС. Недовольный Академией наук, в которой рождалась сильная оппозиция против Лысенко и его сторонников, недовольный ее президентом, Н.С. Хрущев в пылу раздражения сказал, что намерен ее распустить. Александр Николаевич ответил:

– Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а вы ее закроете.

В Президиум АН СССР поступило из ЦК КПСС предписание – освободить академика Несмеянова от занимаемой должности. Александру Николаевичу ничего не оставалось, как подать в отставку, что он и сделал 4 мая 1961 г.

После защиты кандидатской диссертации меня назначили заведующим сектором истории физико-математических и химических наук. В его состав входили В.П. Зубов, Б.Г. Кузнецов, Д.Д. Иваненко, А.П. Юшкевич. Каждый из них – яркая, талантливая, независимая личность. С Василием Павловичем Зубовым – историком науки высшего класса – у меня сложились доверительные отношения, особенно после того, как я в своих работах осветил термохимические исследования его отца – Павла Васильевича Зубова, замечательного ученого, известного нумизмата. Василий Павлович рассказывал, что помнит тот день, когда к ним в дом приезжал знаменитый В.Ф. Лугинин – основатель термохимической лаборатории Московского университета. В начале 1963 г. я смог подарить В.П. книгу «Владимир Федорович Лугинин. 1863–1911», написанную совместно с П.И. Старосельским.

В.П. Зубов и другие коллеги отнеслись к моему назначению спокойно и не унижали своим превосходством. Правда, был такой случай. Открываю заседание сектора и говорю: «В свете последнего постановления ЦК мы должны...» и т.д. и т.п. Д.Д. Иваненко листает рукопись и говорит:

– Юрий Иванович, не занимайтесь демагогией. Мы знаем все это, и, вообще, мы никому ничего не должны.

«Втык», полученный при всех, огорчил, но пошел на пользу. После этого я никогда не обращался к партийным документам. В 30-ти изданных мною книгах нет ни одной ссылки на работы Сталина и других руководителей партии. И не я один обходился без таких ссылок... В работах моих коллег Г.В. Быкова, С.А. Погодина, Д.Н. Трифонова читатель их также не найдет. В связи с этим вспоминаю такой поучительный случай. Мой большой друг, профессор из Ярославля, Юсуф Сулейманович Мусабеков (1910–1970) подготовил научную биографию известного французского ученого-химика А. Вюрца. Когда рукопись была в издательстве, во Францию приехал Н.С. Хрущев и произнес подготовленную ему речь. Ю.С. решил начать предисловие к книге выдержкой из этой речи. Я как ответственный редактор, подписывая рукопись в печать, сказал ему: «Юсуф Сулейманович, дорогой мой, ваша книга будет жить столетия, а Хрущева сменят другие. Советую снять цитату». Но он не решился это сделать. И книга вышла как раз в то время, когда Хрущева освободили от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС (1964 г.). Приведенная цитата воспринималась уже как ложка дегтя в бочке меда...

Среди моих коллег в области химии самой яркой фигурой был Георгий Владимирович Быков (1914–1982) – сплав разнообразных, иногда полярных качеств. Страстный рыбак, страстный мужчина, страстный шахматист, он везде добивался успеха. В дискуссии – бесстрашный боец, в работе проявлял упорство и огромное трудолюбие. По сути дела, он один вспахал большое поле отечественной истории органической химии, досконально изучив научное наследие А.М. Бутлерова, – автора основополагающей теории химического строения органических соединений. Но в жизни Г.В. был трудным человеком. Компромисса не любил и резал правду-матку, часто не думая о том, какой глубины рану нанесет.

В августе 1953 г. состоялась беседа жены Г.М. Маленкова, В.А. Голубцовой с Н.А. Фигуровским, в результате чего произошло слияние Института истории естествознания с Комиссией по истории техники. Решением Совета Министров наш ИИЕ был преобразован в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Новые кадры историков техники разбавили «густую кровь» нашего коллектива. Между «естественниками» и «техниками» началась скрытая и открытая борьба за власть. Я принимал в этом непосредственное участие, поскольку входил в состав партбюро.

Зато теперь конференц-зал ИИЕТ был обставлен удобными креслами, сделанными в мастерских Совмина, где знали, что здесь работает жена премьера... Ее черный ЗИМ останавливался на тротуаре около Политехнического музея, где теперь находился Институт, выходил человек в штатском, оглядывался и открывал дверь супруге главы советского правительства.

По сути – барыня, Валерия Алексеевна в Институте держалась скромно. Однажды рассказывала мне, как на своем дачном участке собирала белые грибы. На словах она была сторонницей демократизации духовной жизни страны, поначалу вроде бы нормально работала с директором Института профессором И.В. Кузнецовым. Однако под влиянием различных наговоров В.А. изменила свое отношение к И.В. и была, видимо, инициатором строгой проверки деятельности Института. В ИИЕТ нагрязнула парткомиссия, которая установила «массу» упущений и «преступлений» директора. Состоялось заседание РК КПСС с унижительной проработкой И.В. Ему вынесли строгий выговор с занесением в личное дело, затем последовало освобождение от занимаемой должности. Тяжко переживал он эти потрясения, приведшие к инфаркту.

Не ведала Валерия Алексеевна, что порожденное зло может вернуться бумерангом к человеку, который его запустил... Прошел год, и на июньском пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев разгромил «антипартийную» группу Маленкова–Молотова. Вместе с мужем В.А. перенесла немало лишений и унижений. А Хрущев, торжествуя победу, запустил свой бумеранг, который больно ударил его самого в 1964 г.

Работа над биографией Бородина породила во мне устойчивый интерес к этому жанру научной литературы. В зависимости от выбора героя, я привлекал тех или иных соавторов, которые помогали воссоздать образ ученых прошлых времен. В 1958 г. я задумал написать книгу о «химическом короле» первой половины XIX в., шведском ученом Якобе Берцелиусе. Весной 1959 г. рукопись была готова, и надо было подумать, как ее издать. Тогда мне пришла идея создать при ИИЕТ серию научно-биогра-

фической литературы. Прихожу к Н.А. Фигуровскому (он тогда был директором) и говорю ему об этом. Он согласился с идеей и попросил подготовить проект докладной записки в Президиум АН СССР. Летом 1959 г. Редакторско-издательский Совет АН СССР принял решение о создании научно-биографической серии. В конце 1960 г. издательство АН СССР отпечатало подготовленный мной проект, в котором отмечалось, что «Академия наук СССР приступила к изданию серии «Научно-биографическая литература», призванной освещать творческий путь виднейших деятелей отечественной и мировой науки и техники». Далее я приводил слова В.Г. Белинского: «Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище». Воссоздать живой облик ученого спустя несколько десятилетий (а то и столетий) после его смерти, правда, не так просто. Чтобы нарисовать портрет такого героя, требуется большой набор красок. Ведь надо раскрыть динамику его творчества, дать характеристику состояния науки его времени. Перед биографом, таким образом, стоит сложная задача создать не холодное мраморное изваяние, а полнокровный портрет ученого-человека. То, что осталось в опубликованных работах ученого и воспоминаниях о нем, позволяет только приоткрыть дверь в богатое царство неповторимой личности, оставившей нам золотую россыпь своих научных идей и открытий. Как передать радость общения с ним друзей и коллег? Как передать силу его воздействия на своих учеников, которым он внушал науку как чистую молитву разума?..

Одной из первых книг, изданных в этой серии, была «Якоб Берцелиус», написанная мною совместно с В.И. Куринным. Тогда же я вошел в состав редколлегии НБЛ под руководством академика А.Л. Яншина. Четкая работа во многом определялась бессменным Ученым секретарем редколлегии – Зинаидой Кузьминичной Соколовской – автором книги «400 биографий ученых» (1988) и хорошим моим другом.

Для работы над докторской диссертацией я выбрал тему, которая давно привлекала к себе внимание специалистов и по которой были опубликованы многочисленные статьи и монографии. Эта тема – история учения о растворах, важнейшего раздела физической химии. Чтобы не быть в плену чужих мнений, я не стал читать монографию академика П.И. Вальдена, посвященную истории учения о растворах, а начал собирать первичный материал. К тому времени у меня завязалась дружеская переписка с директором библиотеки и архива Шведской Академии наук доктором Арне Хольмбергом. Я попросил его прислать микроплёнку архива С. Аррениуса – автора теории электролитической диссоциации, лауреата Нобелевской премии. Он любезно выполнил мою просьбу. Боже мой, какие сокровища вскоре оказались у меня! В письме к А. Хольмбергу я указал, письма каких ученых меня интересуют. Через три месяца получил бандероль, а в ней большая катушка пленки – фотокопии 2170 неопубликованных писем С. Аррениуса и его многочисленных коллег, среди которых Нобелевские лауреаты И. Ван-дер-Ваальс, Я. Вант-Гофф, В. Нернст, В. Оствальд, М. Планк и многие другие.

Много новых данных удалось найти в Архиве АН СССР в Ленинграде и Москве, где я познакомился с его бессменным директором Б.В. Левшиным. В те времена он работал в подвальном помещении в одной комнате с другими сотрудниками Архива. Ему пришлось приложить немало усилий,

чтобы добиться решения о строительстве просторного здания для Архива Академии наук, где теперь находятся богатейшие фонды. (...)

Архивные материалы позволили более подробно осветить научную деятельность ученых, работавших в области физической химии. Среди них был и знаменитый Сванте Аррениус, научная биография которого вышла в свет в 1959 г. (написанная мною в соавторстве с Н.А. Фигуровским). Но особенно эти материалы пригодились для моей докторской диссертации «История учения о растворах», которую защитил 10 июня 1958 г. в Институте общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова АН СССР.

Опять председательствовал И.И. Черняев и опять я сделал краткий доклад. Оппонентами выступали член-корреспондент АН СССР А.Ф. Капустинский, профессор К.П. Мищенко (из Ленинграда) и профессор МГУ М.И. Шахпаронов. При обсуждении хороший отзыв дал член-корреспондент Я.К. Сыркин, к мнению которого в ИОНХе прислушивались. Защита прошла успешно, и 10 января 1959 г. мне была присуждена ученая степень доктора химических наук. «Черный» оппонент – профессор Н.А. Измайлов из Харькова – крупный специалист в области теории растворов – в своем отзыве написал такие лестные для меня слова: «Ю.И. Соловьев известен как выдающийся исследователь истории естествознания. Диссертация и другие работы Соловьева показывают его большую эрудицию как в вопросах истории естествознания, так и в вопросах физической химии. У меня нет никаких сомнений в том, что Ю.И. Соловьев вполне достоин присуждения ему степени доктора химических наук». Защита докторской диссертации расширила круг знакомых. (...)

Много теплых слов хочется сказать о профессоре Сергее Александровиче Погодине (1894–1983) – замечательном человеке и ученом. Он получил классическое образование, превосходно владел европейскими языками и латынью. Его научные работы отличались филигранной обработкой изученного материала. Большой знаток научного наследия М.В. Ломоносова и А. Лавуазье, С.А. опубликовал серию ценных статей об их творчестве. Разговаривать с ним было одно удовольствие, он охотно показывал редкие книги своей богатой библиотеки. Его доброе отношение к людям распространялось и на меня: почти все мои первые работы по истории химии рецензировал он, делал существенные замечания, но окончательное заключение всегда было положительным. Если С.А. был редактором книги, то можно было сразу сказать, что все в ней сделано добротнo. Примером может служить содержательная «История химии» известного итальянского химика и историка химии Микеле Джуа. Перевод с итальянского осуществил Г.В. Быков. Книга вышла в 1966 г. под редакцией С.А. Погодина с его многочисленными примечаниями и комментариями. Она быстро разошлась, и потребовалось второе ее издание, которое вышло в 1975 г. (...)

В 1965 г. ИИЕТ предпринял большую акцию: было решено подготовить многотомное издание, посвященное развитию науки и техники в СССР за 50 лет (1917–1967). По химии мы стали готовить три тома (физическая, неорганическая и органическая химия). Главным редактором был назначен академик Николай Михайлович Жаворонков (1907–1990), а я – его заместителем. Есть люди, вокруг которых создается теплый климат взаимоотношений. Таким характером обладал Николай Михайлович. Он был хорош собой: строен, живые глаза, шевелюра серебристых волос.

От паренька из крестьянской семьи Рязанской области прошел путь до академика-секретаря, члена Президиума АН СССР, директора ИОНХа. В то время мы часто встречались и разговаривали на разные темы. (...)

Книги к 50-летию памятли мне и тем, что познакомили меня с редактором издательства «Наука» Инессой Павловной Лоскутовой. Первоначально строптивая редакторша мне не понравилась, но потом мне все больше и больше нравились ее живые серые глаза, ее манера разговаривать, умение слушать собеседника и высококлассно работать над рукописью, превращая ее в книгу. Не раз убеждался, как благодарны были ей авторы книг, которые она редактировала. Так в мою жизнь вошла подвижная, тонко на все реагирующая и очень преданная женщина. С Инессой Павловной я прожил 22 года, не всегда легких, но наполненных радостью семейной жизни и совместной работы. (...)

Из опубликованных книг мне особенно дорога «История химии в России», прекрасно изданная в издательстве «Наука» в 1985 г. Я давно готовился к созданию этой книги. Опираясь на личный, более чем тридцатилетний опыт работы в области истории химии, а также на многочисленные исследования коллег – историков химии, можно было приступить к написанию обобщающего труда по истории химии в России. Преемственность научных школ, традиции в развитии научных идей, формирование и развитие различных направлений исследований русских химиков, создание научных центров – главные мотивы книги. В общую историю науки и культуры России история химии вписывается как ее неотъемлемая, органическая часть. Ломоносов и Менделеев, Зинин и Бутлеров, подобно Глинке и Чайковскому, Крамскому и Репину, Достоевскому и Толстому, создали не только для России, но и для всего человечества ценности непреходящего значения. Эти ценности вошли в золотой фонд современной цивилизации.

В 1989 г. я перешел работать в Архив Российской Академии наук, где возглавил Отдел по истории Академии наук. Здесь для меня открывались новые возможности дальнейшего изучения истории отечественной науки.

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 141–152.

1949 год

ЛЕЖНЕВА
Ольга Александровна

Косвенную, но очень важную роль в моем поступлении в Институт истории естествознания сыграл [профессор кафедры истории физики МГУ] З.А. Цейтлин. Работавший в Институте С.Л. Соболев, который жил тогда в квартире на одной лестничной площадке с З.А. Цейтлиным, попросил его найти физика для описания микроскопов. Цейтлин обратился к Наташе Лавровой, которая тогда кончала 5-й курс на кафедре истории физики. Она отказалась. Но мне сказала: «А ты знаешь, Оля, что существует Институт истории естествознания? Ты попробуй туда пойти, может, они тебя возьмут». И, действительно, я пришла и очаровала директора, заместителя и Ученого секретаря.

Фундаментальная библиотека общественных наук на улице

Фрунзе (ныне Знаменка) выделила для ИИЕ только две комнаты, младшие сотрудники работали в читальном зале, профессора – где считали нужным. В общем, академический стиль заседаний, общения существенно отличался от университетского – блеск, юмор.

Академический институт – учреждение, финансируемое государством, где работа шла по плану, который утверждался Президиумом Академии наук и соответствовал установкам ЦК КПСС. Чем выше статус ученого, тем больше у него было возможностей «удовлетворять свое любопытство за счет государства». Я цитирую по памяти выражение Л.А. Арцимовича. У меня такой возможности не было – не было собственного творческого пути. Делаю официальное заявление. Чтоб никто не говорил, что она разбрасывалась. Она не разбрасывалась. Ее разбрасывали.

Как и при определении темы кандидатской диссертации, установка была на историю отечественной науки. В Институте истории естествознания возник грандиозный замысел создания многотомной «Истории естествознания в СССР» начиная с древнейших времен. В.П. Зубову было поручено написать вводный историографический том. Он выполнил это с блеском: создал фундаментальный труд – образец историографического исследования. Я должна была написать историю физики в России до 1917 г. Но параллельно помогать Д.Д. Иваненко срочно готовить раздел физики для предназначенного к обсуждению макета книги «История естествознания в СССР. Том III. Развитие естествознания в советский период». Объем тома в целом 678 страниц. Текст раздела «Физика» 118 страниц, упомянуто около 300 советских физиков. Макет вышел в 1952 г., экземпляры нумерованные. Моя помощь заключалась в поисках первоисточников для проверки отдельных фактов. Дмитрий Дмитриевич относился к истории как к точной науке. Не знаю, кто и где обсуждал макет, но света он не увидел. Для меня это была очень трудная задача. Слишком велик был контраст между анализом деятельности одного ученого с ограниченной тематикой на протяжении полувека и синтезом идей и открытий десятков отечественных физиков и геофизиков за два столетия. Совершенно новой была для меня предыстория физики в России: практические достижения народа в технике, а также «книжная премудрость» в переведенных на русский язык трудах античных и средневековых авторов.

Надо вспомнить, что, когда я училась в школе, вместо истории преподавали обществоведение – последовательность революций, начиная с Великой Французской. Имена греческих философов мелькнули только в аспирантуре, в лекциях проф. О.В. Трахтенберга. По истории, собственно, физики в России было на что опереться, особенно если речь шла о выдающихся ученых. Прекрасный материал имелся в «Очерках по истории физики в России» (1949), авторы которых – ведущие профессора Московского университета. Но здесь тоже акцент на характеристиках знаменитых ученых, а обзоры не охватывали весь спектр тематики исследований. В процессе работы я знакомилась с появлявшимися дипломными работами и диссертациями учеников А.К. Тимирязева и П.С. Кудрявцева о менее известных русских физиках – Ф.Н. Шведове (В.В. Гречухин, Воркута), Д.А. Гольдгаммере (Э.А. Вебрас, Москва), А.И. Садовском (В.Ф. Максимов, Тамбов), П.А. Шилове и Р.А. Колли (Г.М. Тепляков, Тамбов). Чуть позже в такую работу включились ленинградцы – ученики К.К. Ба-

умгарта, в частности А.Н. Осиновский, много потрудившийся над созданием во Владимире Музея братьев Столетовых.

Из 11 авторов первых двух томов «Истории естествознания в России» трое были начинающими историками науки – И.В. Батюшкова, Ю.И. Соловьев и я. Причем геолог И.В. Батюшкова – единственная из нас – написала соответствующий раздел и в упомянутом макете, посвященном советскому периоду. При подготовке второго тома большим облегчением для меня было согласие П.С. Кудрявцева присоединиться к этой работе. Без моего ведома в оглавлении второго тома авторов объединили. Я была недовольна, и Н.А. Фигуровский выдал мне официальный документ о том, какие разделы написаны мною. Пользуюсь случаем, чтобы перечислить их: «Научные центры русской физики»; «Учение об электричестве и электромагнитная теория света»; «Акустика» (при участии О.П. Миридоновой); «Физика атмосферы» и «Физика моря». Другие разделы, относящиеся к геофизике, написал А.Е. Медунин. Он в то время работал над диссертацией по истории гравиметрии. Я не считаю «Физику» в «зеленых томах» шедевром. Но это шаг вперед по сравнению с университетскими «Очерками по истории физики в России». Там были именно отдельные очерки, а здесь систематическое изложение и существенно расширен круг проблем и героев повествования.

1953 год – год рождения ныне существующего Института. Меня, не спросив, назначили и.о. завсектором истории физико-математических наук. Я узнала об этом из приказа на доске объявлений. Так я стала первым заведующим сектора, в который дирекция включила сотрудников ИИЕ соответствующего профиля: А.П. Юшкевич, Б.Г. Кузнецов, Э.Я. Кольман, Д.Д. Иваненко, В.П. Зубов. И еще дирекция пригласила работать по совместительству Г.Ф. Рыбкина и, кажется, К.И. Рыбникова. Это была солидная компания. В общем, я сказала корифеям, что буду их защищать. Дирекция требовала, чтобы все ходили ежедневно на работу в Институт, как чиновники: помещение в то время уже было, столы дали...

Заведующим сектора я проработала полтора года: с октября 1953 г. до апреля 1955 г. По моей инициативе в Комиссию по распределению Министерства высшего образования была послана заявка на астронома. В результате к нам в сектор пришла талантливая выпускница МГУ А.И. Еремеева. И мы вырастили нужного нам специалиста. А с физфака МГУ я взяла уже пожилого П.И. Зюкова, который, можно сказать, полжизни посвятил изучению жизни и творчества Б.Б. Голицына. Моим помощником была Варвара Ивановна Антропова – в то время начинающий, а в дальнейшем известный историк математики – человек большого ума и очень трудной судьбы. В актив сектора при мне вошли Т.Н. Горнштейн, О.П. Миридонова, В.В. Стогов, У.И. Франкфурт; в аспирантуру были приняты Ф.А. Медведев и Л.А. Глебов.

А потом А.Т. Григорьян появился. Сначала в качестве Ученого секретаря Института. Его Н.А. Фигуровский пригласил. Оба работали раньше в Министерстве высшего образования. Ну, конечно, Григорьян – это голова, Григорьян – это вообще глыба. Он умел добиваться желательных решений в вышестоящих инстанциях, да и в международных организациях историков науки.

Когда я заведовала сектором и участвовала в проверке ленинградских организаций историков науки, то имела дело уже не с Сергеем Ивановичем Вавиловым, а с Владимиром Ивановичем Смирновым – новым председателем Комиссии по истории физико-математических наук. Прелестный человек. Кроме меня, проверку проводил очень строгий партийный человек, И.Г. Васильев – завсектором истории строительной техники. Я с большой симпатией относилась к ленинградцам еще со времен аспирантуры, но решал даже не Васильев, а мощная в то время дирекция ИИЕТ. А Сергея Ивановича Вавилова я только один раз слушала в Ленинграде, будучи еще аспиранткой, когда была в командировке. Он показался мне очень умным, четким, но суховатым руководителем. Я некий зуб имею на Сергея Ивановича Вавилова за его установку, чтобы только сложившиеся физики занимались историей физики. Я.Г. Дорфман, видимо, тоже так считал. В результате профессиональные физики, попав в Институт, занимались только историей своей отрасли. Понятно, что это способствует углубленному анализу логики рождения новых идей и открытий, но нужны и люди более широко ориентированные. Ведь невозможно раздуть штаты сектора, чтобы охватить весь спектр специальностей.

Какое-то время я продолжала работать над 2-м «зеленым томом», но тут вскоре в верхах возник новый зигзаг: наука в России – это уже никому не нужно, это все прошло. Пишите мировую историю электродинамики. Я и занималась этим, публиковала статьи, планировала монографию... Но от русской физики не отрывалась.

Приближалось 250-летие со дня рождения М.В. Ломоносова, и я с удовольствием приняла приглашение Н.А. Фигуровского участвовать в составлении сопроводительной статьи и комментариев к работам, по физике для тома «Избранные труды М.В. Ломоносова по химии и физике» (1961) в академической серии «Классики науки». Наградой мне было незабываемое путешествие в Архангельск – Холмогоры – Денисовку (Ломоносово): переход в темноте след в след за проводником по неустановившемуся льду через Северную Двину, искреннее гостеприимство, неиспорченные цивилизацией лица детей и взрослых, филигранное искусство косторезов.

Тут же вскоре Н.А. Фигуровский получил письмо от зам. главного редактора 2-го тома «Истории Академии наук» А.В. Предтеченского и заведующего Ленинградским отделением ИИЕТ П.П. Перфильева с просьбой поручить мне написать раздел «Физика» для этого тома. Первый том ленинградцы готовили своими силами (о физике писал А.А. Елисеев). Для второго пригласили Я.Г. Дорфмана – в то время тоже ленинградца. Но его текст редколлегия не удовлетворил. Я категорически отказалась знакомиться с этой рукописью и поехала в Ленинград работать в Архиве Академии наук.

Эта работа принесла мне гораздо большее удовлетворение, чем тексты для «зеленых томов». Речь шла об одном учреждении с ограниченным числом персонажей за 117 лет. Нужно было не обобщать огромный материал множества авторов, а исследовать ситуацию и высказать собственные соображения, свое понимание событий, в частности, о «конкуренции» физики и геофизики в трудах академиков и причинах крена в сторону геофизики. Работу рецензировали академики Н.Н. Андреев и А.А. Лебедев и

одобрили. Так что я довольна. Я считаю, что это удачная моя работа. Это была творческая работа. Я там определенную концепцию выявила. Концепция касалась как раз выбора между физической и геофизической тематикой. В регламенте Академии была предусмотрена одна, позднее две штатные единицы для академиков-физиков, включая геофизическую тематику. При этом России как необъятной стране с климатическим многообразием, в то время преимущественно аграрной, да и как морской державе, геофизические исследования были нужнее. А физика появлялась скорее за счет личной инициативы, как бы «по Арцимовичу». Ведь и Ленц был избран адъюнктом за свои геофизические исследования. Но потом на физику были выделены сверх штатных сумм деньги, и немалые (112390 рублей, при этом годовой бюджет физического кабинета составлял 2000 рублей), в надежде оснастить русский флот электродвигателями Якоби. Не получилось! И чуть позже непремный секретарь Академии наук К.С. Веселовский решил четко разделить труды – «на пользу науке» и «на пользу России».

Неудивительно, что избирали Г.И. Вильда, а затем М.А. Рыкачева, оба метеорологи. А когда Б.Б. Голицын – физик, работавший в Университете «на пользу науке», – был избран адъюнктом по физике, он увидел, что на штатную сумму физического кабинета эксперименты не развернешь, и быстро перешел на геофизическую тематику: «электрифицировал» сейсмологию, получив уже «на пользу России» соответствующие ассигнования. Эту финансовую подоплеку я и проанализировала.

В то время университеты больше старались вроде бы «на пользу науке». Ведь фактически от Э.Х. Ленца до П.П. Лазарева в Академии физики почти не было. Вернее, физика была поставлена на службу геофизике. В Академии наук на протяжении почти всего XIX века кабинет физики в основном был предоставлен геофизике.

В 1963 г. мне предложили быть Ученым секретарем редколлегии юбилейного издания «Развитие физики в СССР за 50 лет». Сначала эту работу предложили А.Н. Вяльцеву, но он отказался. Как фронтовик и член партии он мог работать «по Арцимовичу»: заниматься тем, что его интересовало. А мне он сказал: «Что Вы делаете? Надо писать монографии». А я дисциплинированный человек... Меня с этим заданием примирило то, что я работала с Л.С. Полаком, хотя формально его в Институте уже не было. Как и Д.Д. Иваненко и П.С. Кудрявцев, он был уволен в связи с запрещением совместительств. Работать с Львом Соломоновичем было и интересно, и приятно. А как он умудрился выкрутиться с предисловием! Там нет никакого подхалимажа. В начале «Введения» большая цитата из Тезисов ЦК КПСС к юбилею. И все.

Л.С. Полак очень много внес в эту работу. Самое сложное это была структура. Она непрерывно менялась, согласовывалась, перепечатывалась... Иногда из-за того, что не могли найти авторов. В общем, организационную работу мы с ним вместе делали. Он лучше ориентировался в подборе авторов. Я знала только университетских профессоров. При этом Полак напряженно работал в своем институте, а для меня это была основная работа. Я все время с ним советовалась. Иногда мы предлагали какого-то автора, а Арцимович возражал, а тот, кого он предлагал, – отказывался или, еще хуже, соглашался, а статью не давал. К тому же надо было все

время держать связь с В.А. Лешковцевым – Ученым секретарем Отделения общей и прикладной физики, который уже сам с Арцимовичем что-то решал. А я с ним разговаривала только один раз. Всего в оглавлении около 70 авторов, а переговоры велись и со многими другими. Конечно, и в секторе все помогали. В.П. Визгин и Л.А. Глебов читали поступающие статьи, высказывали свои соображения. А.И. Еремеева, которая тоже вместе с Полаком готовила том по истории астрономии, ездила в Ленинград разыскивать иллюстрации, в частности портреты репрессированных астрономов, и попутно разыскала для нашего тома портреты репрессированных физиков – В.К. Фредерикса, Ю.А. Круткова.

Ценно, что авторы дали уникальные, в том числе цветные иллюстрации, относящиеся к новейшим достижениям. Я рада, что четверо наших сотрудников участвовали в этих томах как авторы – А.В. Ахутин, Я.Г. Дорфман, И.М. Дунская и я. Я написала обзор работ по истории физики. С этого момента у меня появилась новая тематика – историографическая. Позже вариант этого обзора (уже не за 50, а за 60 лет советской власти) был опубликован на английском языке в Праге. Параллельно я одна и с Я.Г. Дорфманом, а потом с В.П. Визгиным публиковала в ВИЕТ историографические обзоры за последующие более короткие периоды.

Важно, что мы завершили эту работу в срок. 6 ноября 1967 г. в Большом театре С.Р. Микулинский вручил наши тома Президиуму Торжественного заседания в честь 50-летия Октября. Причем книги действительно были прямо из типографии.

В общем, эти тома съели несколько лет моей жизни, когда я еще была в хорошей творческой форме и потому докторскую я не сделала.

С этой юбилейной серией, с томом по истории астрономии связана известная история с А.И. Еремеевой. Она не выполнила приказ об изъятии из тома биографических сведений о репрессированных астрономах. Издательство сообщило об этом в дирекцию Института, ее хотели уволить. Но после настойчивых хлопот Георгия Владимировича Быкова ее от имени месткома перевели со штатной единицей в Астросовет (в дальнейшем она опубликовала несколько серьезных монографий по истории астрономии). Дело в том, что между 1963 и 1967 гг. хрущевская «оттепель» постепенно «подмораживалась». Мне Семен Романович тоже постепенно сокращал текст о репрессированных сотрудниках старого Института истории науки и техники и в итоге свел к одной глухой фразе. Правда, при этом он порекомендовал сохранить старые варианты. Портреты, привезенные Алиной Иосифовной и найденные в Москве, мы поместили, но в тексте об этих физиках не упоминалось! Действующие физики вообще склонны писать о более близких к ним временах, а не о 20–30-х годах.

После этого я наконец получила возможность поставить в план самостоятельно выбранную тему – «Сравнительный анализ развития физики в России и США. XVIII–XIX вв.», имея в виду и традиционный, и науковедческий подходы. Мне было интересно сравнить влияния событий в мировой физике, потребностей народного хозяйства, политического строя, научной политики государств. Применительно к России мне многое уже было ясно, и я погрузилась в американские материалы. В то время среди них не было обобщающих работ по истории физики в США. Там, как и у нас до середины XX в., исследования концентрировались на биографиях

выдающихся физиков. На XIII конгрессе историков науки я доложила о своих результатах по XVIII в. и первой половине XIX в. Параллелизма оказалось гораздо больше, чем контрастов. Диаметральные противоположные системы государственного устройства, финансирования не играли роли по сравнению с императивом прогресса мировой науки и некоторыми действительно совпадающими потребностями обеих стран, связанными с освоением огромных территорий.

Я имею в виду геофизический крен, пионерские работы по электромагнитному телеграфу. Параллелизм можно заметить и далее. Два гиганта: Менделеев и Гиббс – принципиальные прорывы на границе физики и химии; Яблочков – Лодыгин – Эдисон – электрическое освещение; Лебедев – Никольс – давление света.

Конечно, сравнения двух стран недостаточно для общих выводов, но работа в этом направлении мне кажется более перспективной для понимания движущих сил развития той или иной науки, чем простое накопление материала по отдельным странам. Работа моя затянулась. Я должна была отчитаться и представила машинописный текст объемом 440 страниц, но для печати еще не созревший. При обсуждении на дирекции секретарь партбюро С.В. Шухардин сказал, что тратить время на ее доводку нет смысла, так как тема совершенно неактуальна, напечатана такая работа все равно не будет...

Еще раньше я была назначена Ученым секретарем астрономической части «Энциклопедии истории естествознания» (ЭИЕ) и года два работала на этом поприще с Г.М. Идлисом. После смерти инициатора ЭИЕ Р.Я. Штейнмана руководство БСЭ отменило свое решение об издании этой энциклопедии. Особенно неприятно было, что не заплатили авторам за некоторые уже написанные статьи.

Еще одно направление, которым я занималась, это история электродинамики, которая вылилась, к сожалению, только в серию статей в «Трудах ИИЕТ», ВИЕТ, но после ликвидации «Трудов» возможности публикации статей резко сузились. И тут меня выручил М.Г. Ярошевский. Он приглашал меня на свои конференции, симпозиумы. Потом доклады публиковались в сборниках. Я находила в своем материале сюжеты по их профилю. В сборнике «Научное открытие и его восприятие» (1971) я осветила широкий спектр истолкований открытия Эрстедом, – как позже стало ясно, – магнитного поля тока. На конференции о роли дискуссии в развитии естествознания я сделала доклад «Гальвани и Вольты. Трагизм и благородство поединка». Увы, опубликованы были только тезисы, а статью из сборника выбросили, так как я отказалась снять свои соображения, которые не понравились редактору издательства. Он хотел оставить только конкретные аргументы спора, а дальнейшие судьбы ученых и науки его не интересовали. М.Г. Ярошевский меня не отстоял. Но он же рекомендовал полный текст этой статьи для сборника «The history of science: Soviet research» (т. 1), в серии «Problems of the contemporary world» (№ 114, 1985), изданного к очередному Международному конгрессу историков науки. Так что на английском она опубликована, но перевод неудачный, – без моего участия. Еще в сборнике «Человек науки» была помещена статья «Прошлое, настоящее, будущее в жизни и биографии творческой

личности». Там более широкая постановка вопроса, примеры не только из истории электродинамики.

К появлению такого направления, как науковедение, я отнеслась очень хорошо. Начал это в Киеве Г.М. Добров, у нас в Институте – Н.И. Родный. На Парижском конгрессе 1968 года я не только слушала Д. Прайса, но и выступала экспромтом по его докладу по поводу иных возможностей статистического подхода для более ранних эпох истории науки.

Но науковедение включает также экономические, социологические, психологические... аспекты. Ярошевский, я считаю, очень много сделал в этом направлении. А вот формальное теоретизирование, например в духе Б.С. Грязнова, я не воспринимаю. Когда укладывают живую науку в заранее заданную схему, какое отношение это имеет к реальному ходу событий? Схоластика. А примеров из истории науки можно подобрать под любую схему. Сколько угодно. Единственный из теоретиков, кто, кажется, вырвался из этой жесткой формализации, это Фейерабенд. Вспоминаю бесконечные схоластические споры о принципах периодизации. Какие из них истинно марксистские. Я считаю, что периодизация должна соответствовать задаче исследования. Можно периодизировать и по векам, и по персонам (от Ньютона до Эйнштейна), и по сменам парадигм и т.д. А лучше всего, когда периодизация выявляется в результате исследования, а не задается изначально. Из материала вытекает. Хочу, допустим, взять тему «Электродинамика XIX века». А рубеж, оказывается, был на 14 лет раньше.

Принципы научного исследования, я думаю, общие для всех наук: уважение к фактам, независимость от авторитетов, знание трудов предшественников. В общем, – общенаучные ценности и общечеловеческие, как, например, «не укради»... Что касается специально истории науки, то здесь так много жанров, что и требования к начинающему могут быть разные. Я думаю, необходимо владеть свободно хотя бы одним из трех языков – французским, английским, немецким, а читать на всех трех, при необходимости и на других. Иначе угрожают большие разочарования, даже если тема касается только отечественной науки. Нужно сочетать изучение первоисточников и литературы, искать архивные документы, а главное – работать головой и не подгонять результаты под заранее придуманные гипотезы.

К так называемой марксистской истории науки я отношусь так же, как и к диамату. Философы и историки пользовались ими, как дубинкой, нещадно колотя друг друга. Впрочем, и мне пришлось в диссертацию включить соответствующие пассажи. Я там, например, шеллингианца М.Г. Павлова покритиковала за идеализм, да. Я-то считаю, что идеалисты больше могут сделать. Они не скованы, у них воображение раскрепощенное. Для них интуиция играет большую роль. Развитие естествознания не обходится без гениев. Они понимали, что озарение – это не физико-химический процесс. И в Бога верили, как правило. А те, кто получил атеистическое воспитание, инстинктивно искали Его в альпинистских походах... И мне приходилось делать реверансы в сторону официальной идеологии. Но это пустяки по сравнению со школьным голосованием за расстрелы.

Вообще все долгие годы была заданность и тематическая, и идеологическая, и административная... Вот уже на рубеже 1970–80-х гг. вызывает меня С.Р. Микулинский и говорит: «На конгрессе в Румынии будет секция “Женщины в науке”. Подготовьте, пожалуйста, доклад». Я иду в

ВАК, считаю проценты женских защит от общего числа кандидатских и докторских диссертаций по разным естественнонаучным специальностям. Впервые в моей работе появляется статистика. Получена кустарным, но надежным методом. Еду на конгресс. Оказалось, румынский оргкомитет наметил мое выступление по телевидению. Поэтому, как только мы приехали, стали искать, а кто тут Лежнева. Ну я с одобрения начальства и высказалась на телевидении насчет того, как хорошо, что в Румынии женщины занимаются ответственной государственной работой: вот Елена Чаушеску – активный политический деятель... Там меня включили в комиссию «Женщины в истории естествознания, техники и медицины» Международного союза историков науки... К симпозиуму этой комиссии, который состоялся через два года в Веспреме – очаровательном старинном венгерском городке, – я разработала подробную структуру библиографии по теме «Женщины в истории естествознания» для всех времен и народов. Пришлось серьезно вникнуть в эту новую для меня тематику. Доклад на конгрессе опубликован в его трудах. А библиографическую схему я раздала участницам симпозиума. На этом новая линия моей деятельности завершилась. Реализация – т.е. наполнение схемы фактическим материалом – требовала серьезного финансирования. Тогда не было теперешних фондов, штаты в ИИЕТ и ИНИОН были фиксированные.

С моим переходом в область библиографии все было очень просто. Я как раз достигла пенсионного возраста и не уложились в однажды уже продленный срок с темой по сравнительному анализу развития физики в России и Америке. Дорфман меня недолюбливал. Может быть, он уловил мое разочарование, когда он неожиданно оказался во главе сектора истории физики и химии, специально сформированного для Л.С. Полака (в соответствии с законом Паркинсона!). Перечить директору, предложившему мне новую работу, в этой ситуации было нецелесообразно. Дело в том, что за несколько месяцев перед этим, по неизвестным мне причинам, С.Р. Микулинский предложил Л.В. Каминер уйти на пенсию. Группа осталась без руководителя, так как предложенная им кандидатура вызывала резкое неприятие. Сотрудницы обращались в партбюро, это тянулось долго, пока Микулинский не предложил эту работу мне. Я знала, что Любовь Вениаминовна мне поможет. И Наташа Лаврова – главный библиограф по истории астрономии в нашей стране. Большой опыт имели уже Л.Я. Павлова и П.В. Пильщикова. И в ИНИОН в то время понимали уникальность нашего фундаментального указателя, обслуживающего потребности не только историков естествознания, но и самих естествоиспытателей, науковедов, педагогов всех уровней, популяризаторов и т.д. Замдиректора ИНИОН И.А. Ходош оказывала материальную поддержку, оплачивая редакторов, машинисток. Новые же люди стали рассматривать группу как придаток к библиотеке. В последние годы усугубились трудности, связанные с тем, что я была в штате ИИЕТ, а мои библиографы в штате ИНИОН, для которого наша тематика как пограничная между общественными и естественными науками большого интереса не представляла.

При мне вышли пять томов (с 5-го по 9-й) библиографии «История естествознания. Литература, опубликованная в СССР», и первая часть 11-го.

Руководство группой мне было поручено приказом директора, но я не теряла связи с сектором истории физики: писала статьи, организовывала

конференции, участвовала в международных конгрессах, где центром притяжения историков физики всех стран всегда был Д.Д. Иваненко. К сожалению, из-за железного занавеса и «железной вуальки» мои личные контакты с коллегами из других стран в лучшем случае ограничивались лишь обменом оттисками, книгами. Особенно интересны и полезны мне были блестяще иллюстрированные издания известного энтузиаста истории физики и электротехники Берна Дибнера, шведского исследователя с теми же интересами Стига Экелёфа, японского историка физики XX века Тэту Хиросиге, историков творчества женщин-ученых Маргарет Росситер, Энн Хибнер Коблиц.

Я скакала по всем жанрам истории физики и выскочила на поле истории естествознания в целом: в библиографию и мимоходом в науковедение. Не могу сказать, что я удовлетворена итогами своей работы. Но все-таки, что смогла – сделала.

Я очень ценю сам факт, что (при моих начальных условиях) почти 50 лет проработала в уникальном для нашего профиля как по количеству сотрудников, так и по разнообразию специальностей академическом институте. Общение с ушедшими уже старейшими сотрудниками помогало профессиональному росту, расширяло кругозор. Без Института я никогда бы не увидела дома в Желязовой Воле, где рос Шопен, не ощутила бы, как почитают в Шотландии Вальтера Скотта и как отторгают в Англии Байрона, не насладились бы красками Беато Анжелико во Флоренции и Кандинского в Париже, не испытала бы шока при выходе из автобуса на зеленую лужайку с беломраморным квартетом в Пизе. Я уже не говорю об архитектуре, ритме, общей атмосфере каждого из великих и малых городов Европы, где проходили наши конгрессы и симпозиумы.

Публикуется в выдержках по: Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 125–137.

1951 год

ЕСАКОВ
Василий Алексеевич

Серьезно интересоваться и вести работу по истории науки я стал в университете после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И узнал об Институте и его перипетиях, – организации и реорганизации, – от своих преподавателей и товарищей.

Институт истории естествознания при АН СССР был воссоздан в 1945 году – год Победы нашего народа над фашизмом. Начался период в истории нашей страны, когда взгляды и понятия о мировом сообществе, о странах Европы, Америки и СССР, их роли в развитии культуры и науки начали постепенно изменяться. И тогда вновь возникали и укреплялись идеи создания новых структур науки, организации специальных учреждений по истории науки в нашей стране. В университетах делались попытки читать кур-

сы по истории науки. Многие российские ученые вели исследования в своих областях знания, но они носили несистематический характер. Требовались новые организационные перемены.

Итоги исследований прошлых лет и работа первых лет Института истории естествознания АН СССР, а также перспективы развития истории естествознания в СССР обсуждались на Всесоюзном совещании (1946 г.), а позднее на Общем собрании АН СССР (1949 г.).

После этих событий усилилось внимание к исследованиям в области истории науки и в особенности истории науки своей страны. Совершенствовалась организационная структура управления учреждений.

1951 год – год моего поступления на работу в Институт истории естествознания АН СССР. К тому времени я закончил географический факультет Московского университета им. М.В. Ломоносова и аспирантуру при нем, подготовив диссертацию на тему «Д.Н. Анучин и география в Московском университете (1860–1917 гг.)». Я и мой товарищ Я.Ф. Антошко были первыми аспирантами в МГУ на кафедре истории географии. Я ушел в АН СССР, мой товарищ остался на кафедре географического факультета МГУ.

В то время директором Института истории естествознания АН СССР являлся член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштоянц – крупный ученый–биолог. Однако Институту он уделял недостаточное внимание. Его заместителем был крупный историк науки, известный химик, профессор Московского университета Н.А. Фигуровский. Он по существу и занимался всей организационной и научной работой. Он и принимал меня в сотрудники Института, в котором уже работал мой знакомый по университету Ю.Н. Соловьев, ученик Николая Александровича.

Помнится, впервые я встретился с Н.А. Фигуровским при входе в здание Библиотеки гуманитарных наук АН СССР на улице Фрунзе, где Институт занимал лишь одну комнату для дирекции. Все сотрудники размещались в читальном зале. Нам пришлось разговаривать в прихожей, сидя на диване. Затруднений в решении о приеме на работу в Институт не возникло. Пришел в Институт убежденный историк науки, которых там явно недоставало. Институт и его сотрудники стали моим домом и моей жизнью на многие годы. В первые годы я вместе с И.В. Батюшковой (геологом) и В.Н. Федчиной выполняли работу и вели исследования в группе биологов. С теплом вспоминаю С.Л. Соболя и других старших коллег, которые помогали включиться в работу. Подружился с химиками и другими специалистами. Вспоминаются встречи с Б.Г. Кузнецовым, В.П. Зубовым, профессором-генералом Космодемьянским и др. Сдружился с С.Р. Микулинским, который пришел в Институт немного позднее меня. Помогал в подготовке защиты моей диссертации Ученый секретарь Института И.А. Поляков.

Жили дружно и интересно. Вместе с Микулинским готовили стенную газету с юмористическими иллюстрациями своих художников. Организовывали и принимали участие в совещаниях и конференциях и даже ездили за границу. Соловьев–Есаков–Микулинский были дружной троицей. Возникавшие вопросы обсуждали и решали сообща. Микулинский был старшим товарищем и более опытным в жизни, хорошо владел пером и редакторским ремеслом, в чем так помогал в подготовке моей первой книги к пе-

чати. Крепкая дружба с Семеном Микулинским и Юрием Соловьевым сохранилась долгие годы и оставила добрые товарищеские воспоминания.

В августе 1953 г. постановлением Совета Министров СССР (в то время председателем Совмина был Г.М. Маленков) после реорганизации историко-научных подразделений в АН СССР Институт истории естествознания объединился с Комиссией по истории техники. В новый Институт истории естествознания и техники пришли новые сотрудники. Директором Института Президиум АН СССР назначил академика А.М. Самарина. Его заместителями стали Н.А. Фигуровский и В.А. Голубцова. Последняя многое сделала для его благоустройства и формирования структуры Института. Она была в Институте недолго и оставила добрые впечатления. Я имел удовольствие разговаривать с В.А. Голубцовой, которая внимательно выслушивала и оперативно решала вопросы.

К тому времени я, уже кандидат географических наук, опубликовавший несколько статей, готовил к публикации монографию «Д.Н. Анучин и создание русской университетской географической школы», которая в 1955 г. вышла в свет. Первая моя статья о Н.М. Пржевальском «Великий русский исследователь Азии» опубликована в 1948 году в ГДР. Научная деятельность по истории географии проходила в новом Секторе истории геолого-географических наук, горной и металлургической науки и техники (с 1953 года) в содружестве с историками техники под руководством С.В. Шухардина. Он умело руководил подразделением, укреплял его новыми кадрами, создавал аспирантуру и пр. Группа историков наук о Земле также укреплялась, в ее состав входили новые люди (Г.С. Тихомиров, З.К. Новокшанова, Г.Д. Курочкин и др.). В 1954 г. пришел в Институт И.А. Федосеев, который в 1958–1961 гг. являлся его Ученым секретарем. Интерес к географическим наукам связал Ивана Андреевича с группой историков наук о Земле и со мной лично. Дружба с ним продолжалась многие годы. Общее стремление укрепления Института позволило вскоре организовать самостоятельный Сектор истории геолого-географических наук, к руководству которого был приглашен профессор Московского университета, известный ученый-географ и педагог, академик АПН РСФСР Б.П. Орлов. Он был и историком науки: для студентов геофака МГУ читал лекции о географических открытиях и исследованиях Земли. В свое время, будучи студентом, его лекции слушал и я. Позднее Борис Павлович выступал официальным оппонентом на моей защите кандидатской диссертации в МГУ. По существу, он был одним из первых учителей в области географии и истории науки. Так что наш сектор приобрел свое лицо и авторитет, расширил исследовательскую работу по истории географии, привлекая сотрудников Института географии АН и геофака МГУ и др. Историки наук о Земле стали активно проводить работу по пропаганде и организации исследований по истории геологии и географии. Она расширилась после организации Секции истории геолого-географических наук Советского национального общества историков естествознания и техники, работавшего при ИИЕТ АН СССР. Большой вклад в организацию ее работы внесли профессора Г.П. Горшков и Б.П. Орлов. Г.С. Тихомиров – секретарь Бюро Секции отвечал за публикацию материалов. В конце 1950-х гг. все доклады, прочитанные на заседаниях, выходили в свет. В это время в заседаниях Секции принимали участие не только молодые спе-

циалисты, но и уже заслуженные ученые. Так, академики Д.И. Щербаков и А.А. Григорьев изложили свои взгляды об основных направлениях развития геологии и географии (1957, 1958 гг.). Исследования по истории геологии и географии, проводившиеся в стране, обсуждались в Секторе истории геолого-географических наук Института. Сектор проводил большую работу по сплочению и укреплению его состава, по организации научной деятельности его сотрудников и актива Секции Национального объединения историков естествознания и техники. Он активно принимал участие в организации и проведении юбилейного года – 200-летия со дня рождения Александра Гумбольдта (1959 г.).

Тогда проводились широкие совещания и конференции по рассмотрению задач в области истории геологии и географии. Юбилейные торжества, посвященные А. Гумбольдту, проводились по всей стране. В Доме ученых АН СССР собрались советские ученые совместно с немецкими представителями, где обсуждалось творчество великого естествоиспытателя и географа. На собрании выступили академики Д.И. Щербаков, И.П. Герасимов и др. На Ученом совете ИИЕТ АН СССР – К.К. Марков, Б.П. Орлов, В.А. Есаков и др. К юбилею были изданы произведения ученого.

В 1961 г. после возвращения Б.П. Орлова в Московский университет, заведующим Сектором истории геолого-географических наук в Институте был назначен И.А. Федосеев – специалист в области гидрологии, опытный руководитель, уже приобщенный к истории естествознания и техники вообще, знавший в то время существующую обстановку.

Период деятельности Ивана Андреевича в Секторе явился наиболее плодотворным и весомым в истории Института. История наук о Земле продолжала активно развиваться с другими родственными организациями АН СССР и МГУ. Сотрудники Сектора вели плодотворные исследования, стали систематически принимать участие в международных конгрессах, публиковаться в зарубежных изданиях (журналах, энциклопедиях и т.п.), устанавливали широкие международные контакты.

Сектор стал ведущим центром по изучению истории геолого-географических наук в стране. В настоящее время Сектор вырос в Отдел истории наук о Земле, продолжая традиции прежних подразделений. Хотелось, чтобы его деятельность укреплялась и возрастала.

Я рад и горд, что являюсь одним из старейших сотрудников Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук и продолжаю работу и исследования своих учителей, ученых-географов Московского университета и институтов АН СССР (ныне – РАН).

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 155–159.

1952 год

КОЛЬЦОВ
Анатолий Васильевич

Зачатки интереса к истории науки, можно сказать без преувеличения, проявились уже в школьные годы. Школы были бедные. В нашей был шкаф с литературой, и поступали туда по разнарядке самые разнообразные книги. Системы не было. Я помню, до 15 лет я от корки до корки прочитал Чарльза Диккенса «Домби и сын», «Трех мушкетеров» Дюма, затем «Айвенго» Вальтера Скотта. Я полюбил эту английскую и французскую литературу... В этом шкафчике была литература и научно-популярная. Я сколько лет живу, все хочу выписать из библиотеки Академии наук и посмотреть одну из тех книг. Инициалов автора не помню, фамилия – Беркл. Называется «Герои и мученики науки». Я помню, от корки до корки ее читал. Там очерки о Джордано Бруно, о Галилее.

Это было чрезвычайно интересно. Потом была тоже популярная книжечка, автора не запомнил, – «Дети главной науки». О медицине. Также с большим интересом ее изучал. Так что любовь к чтению и к литературе как-то сама собой воспиталась. И были прекрасные учителя. Помню, когда мы изучали по истории культуру Средних веков, естественно, упоминался «Дон Кихот» Сервантеса. Я очень горевал, что в школьной библиотеке не было этой книги. Удалось получить ее и одолеть позднее.

Окончил я семилетку – шел 1942 год – в возрасте пятнадцати лет. Дальше продолжать образование?.. И отец сказал: «Будешь учителем начальной школы». Я сказал: «С удовольствием!». Педучилище находилось, и сейчас оно там находится, в старинном русском городе Белозерске, на расстоянии от родной деревни в 75 километров. Отец меня отвез в Белозерск. Поскольку я семилетнюю школу кончил по всем предметам на отлично, меня без экзаменов туда приняли. Я стал, как тогда говорили, не студент, а ученик Белозерского педучилища. Там я «Дон Кихота» первым делом прочитал и стал учиться. На берегу Белого озера – красивейшее озеро было – жил в общежитии. В пятнадцать лет впервые от родных оторвался, связи с домом нет: там дороги плохие, и помощи никакой. Голод хватил такой. Потом началась простуда на почве недоедания и истощения. Я чувствовал уже, что дело может плохо кончиться, и пришлось покинуть педучилище. Отец меня на лошадке полуживого привез обратно.

Я поступил в аннинскую среднюю школу. Она находилась от деревни на расстоянии 18 километров. Можно было каждую субботу бегать домой, пополнять запасы картошки и сухарей. Так я среднюю школу и закончил. Были замечательные учителя по всем дисциплинам. Литературу я также продолжал читать, но меньше, потому что загрузка в средней школе тогда невероятная была. После окончания аннинской средней школы я поступил в Вологодский педагогический институт на исторический факультет. С отличием его закончил через пять лет, в 1949 г. Во время учебы участвовал во всяких кружках и был рекомендован в аспирантуру. Осенью того же 1949 г. приехал в Ленинград и по конкурсу прошел в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории. Она помещалась в библиотеке Академии наук. Надо сказать, что, в отличие от наших времен, конкурс был очень большой. Но у меня все прошло удачно. В деревнях тогда не было преподавателей иностранных языков. И с языком у меня было слабовато. Но почему-то отнеслись ко мне очень снисходительно. Прослушали мои ответы по специальности и по всем другим дисциплинам, дали консультанта по языку, и он меня «дотянул». В результате я получил удовлетворительную оценку и был принят в аспирантуру.

Ленинградское отделение Института истории располагало очень крупными специалистами по всем отраслям исторической науки. Мне был руководителем выделен (тогда он был кандидатом, а потом доктором исторических наук) Ш.М. Левин – крупнейший специалист в области истории общественно-политической мысли России и революционного движения, человек исключительного образования, широкой культуры и таланта. И он рекомендовал мне тему: «Культурное строительство в СССР в годы первой пятилетки». Я погрузился в литературу и стал изучать газеты в Публичной библиотеке, а потом архивы. В процессе изучения этих газет я натолкнулся на материалы по истории Академии наук. В результате стал

выписывать, выписывать... Материалов настолько было много, что я сам тогда подошел к этой теме. Но тем не менее в диссертацию материалы по истории Академии наук не вошли, она была посвящена культурному строительству: народное образование, подготовка кадров интеллигенции, ликвидация неграмотности, искусство и литература в России и так далее. Диссертацию защитил раньше срока на полгода. Встал вопрос о работе. И тут мне тоже очень повезло. Освободилось место младшего научного сотрудника, и я стал младшим научным сотрудником. Я с огромным удовольствием стал работать. Шла работа над очерками по истории Ленинграда. И молодому сотруднику – мне двадцать–пять лет только исполнилось – дали тему о столыпинской аграрной политике, и я стал ею усиленно заниматься.

В один прекрасный день вызывают меня в управление кадров Ленинградского административно-хозяйственного управления Академии наук и говорят: «Есть предложение назначить вас ученым секретарем Комиссии по истории Академии наук».

В этой комиссии произошли неприятности с ученым секретарем Алексеем Александровичем Елисеевым. (Я об этом по просьбе редколлегии ВИЕТ написал статью). Я категорически не хотел переходить на административную работу, потому что в институте относились ко мне хорошо. Но мне сказали: «Нет. Государство на вас тратило деньги – надо отработать, вот вы и будете в Комиссии по истории Академии наук на административной должности, и зарплата у вас будет выше». И все. Меня даже и зарплата никакая не прельщала. В общем, было принято постановление Президиума, и я стал ученым секретарем Комиссии по истории Академии наук. Так началась моя деятельность в этой области.

Удивительное дело: в Комиссии был сильный коллектив квалифицированных специалистов, они должны были писать историю Академии наук, но вот не справились они с этой задачей, поскольку задача очень сложна и настолько тяжела, что трудно себе представить. К тому же их обвинили в незаконном получении гонораров. В моей статье я опроверг это все. И об этом же ранее писал Симон Семенович Илизаров. Вот так началась работа над историей Академии наук. Я не скажу, что испытывал большую бодрость. Ничего подобного не было.

Моим главным начальником был вице-президент Академии наук, крупнейший ученый, Вячеслав Петрович Волгин. Образованнейший человек. Когда утвердили меня, он вызвал меня и провел со мной беседу о том, что заниматься культурным строительством хорошо, но есть дела и поважнее. Я ему все объяснял, что опыта нет, не справлюсь. Он ничего не слушал, говорит: «Первый, второй и третий тома будете делать». И дает совершенно конкретные, «очень ценные» указания, как надо начинать работу, что должно входить в первый том – восемнадцатый век, что должно в девятнадцатый век. А я уже историю Академии наук этого периода знал. Вот так приступил я к работе.

По штату в Комиссии полагался заместитель главного редактора, доктор наук. Я нашел такого доктора. Им стал крупный историк Михаил Порфирьевич Шацкий, тоже из Ленинграда. Его утвердили. Он включился в работу, но потом пошел на повышение и отошел от этого. Пришлось нового искать. Нового нашел тоже я. Анатолий Васильевич Предтеченский

стал заместителем главного редактора Комиссии по истории Академии наук. Анатолий Васильевич – стилист замечательный, девятнадцатый век, культуру, общественно-политическую жизнь хорошо знал, музыкант, поклонник Сергея Васильевича Рахманинова и т.д. Вскоре Вячеслав Петрович Волгин отошел от дел. Его по возрасту не избрали вице-президентом. Вице-президентом стал Константин Васильевич Островитянов. Какое-то время всю администрацию в Комиссии по истории Академии наук я представлял. Но тут мне подвезло. Создали в сентябре 1953 г. наш родной институт. Первым директором был Александр Михайлович Самарин, потом появились Валерия Алексеевна Голубцова, Николай Александрович Фигуровский, Иван Васильевич Кузнецов. Я обратился за помощью в дирекцию. Стал подбирать авторский коллектив первого тома «Истории Академии наук»: хотя рукопись предшественниками была написана, но она не годилась, потому что писали неспециалисты. Должен физику историк физики писать, математику – историк математики и т. д. Был небольшой аппарат Комиссии по истории Академии наук. Собрали этот аппарат, составили план-проспект, а потом создали институт, сформировалось и Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники. Во главе его встал замечательный человек Борис Варфоломеевич Федоренко, хотя он не имел ученой степени, но был назначен исполняющим обязанности. И вот с ним мы стали работать и над историей Академии наук, и по формированию нашего Ленинградского отделения.

Было это в 1953 году, но помню, точно это было вчера. Вошли в состав Ленинградского отделения Музей Михаила Васильевича Ломоносова, Комиссия по истории Академии наук, и была Комиссия по разработке научного наследия Дмитрия Ивановича Менделеева, и еще Комиссия по истории физико-математических наук. Но что такое комиссия? Штат у них – один-два человека, а кто вне штата – на общественных началах продолжали работать.

Дали нам помещение. Размещались первоначально в главном здании Академии наук, как раз с окнами на Неву, только сиди и работай. Я помню, что когда формировали, то даже мелочи вызывали трудности: как разместить сотрудников, куда кого посадить. Я помню, что член Комиссии, отвечавший за историю физико-математических наук, Филипп Прокопьевич Отрадных был очень недоволен, что его в темную комнату посадили. Всех пришлось уговаривать и сплачивать коллектив. Борис Варфоломеевич Федоренко оказался замечательным организатором. Стали подбирать постепенно кадры. Дали нам штатные единицы. Надо создавать было партийную организацию. Набралось у нас пять членов партии. Я вступил в КПСС в 1947 г. Меня избрали секретарем партийной организации. И все переизбирали секретарем партийной организации в течение девяти лет – возможно, потому что я стремился по-хорошему относиться к людям. Ученого совета первоначально не было, а Борис Варфоломеевич Федоренко говорит: «Давайте будем проводить заседания и называть их «ученые собрания»». Все выступали с докладами на этих заседаниях, привлекали актив со стороны.

Мое пребывание в партии нашему учреждению принесло только пользу. Я вспоминаю сейчас: ни одного такого неблагоприятного поступка не было совершено. Как-то я пытался не идти на поводу и ладить с партий-

ным начальством, чтобы защитить здесь кадры. Всякое ведь бывало. Но один эпизод вспоминается. Когда готовилась к печати рукопись первого тома, долго не могли найти автора по истории анатомии и физиологии. Был такой выдающийся академик Константин Михайлович Быков, у него была дочь, безработная. Ее к нам направили, она стала работать. Посоветовались: «Чем ее занять?» – «Давайте ей поручим раздел (такой папаша!) физиологии – пусть напишет».

Она взялась и, в общем, написала неплохо. Но там была такая мысль, что уровень физиологии в России, в частности в Санкт-Петербурге, был выше, чем за границей, потому что здесь разрешали проводить упражнения на трупах. Вот так. Еще рукопись только, а меня уже вызывают в райком партии. Инструктор говорит: «Вот такое-то на вас пятно». Отвечаю: «Почему пятно?» – «А вот Россия над трупами разрешала издеваться». – «Нет, – я говорю, – ничего такого нет». – «Придется, значит... комиссию к вам направить».

Я, не производя никакого шума, пошел к секретарю по идеологии, а тот оказался человеком образованным. На этом дело закончилось в нашу пользу. Потом еще был тяжелый эпизод в жизни нашего учреждения. В 1958 г., в апреле месяце, скромнейшее учреждение – тридцати человек не было здесь – попало в газету «Ленинградская правда». Заметка называлась «Без учета требований жизни». Вот так. А что до этого произошло? Директором был хороший человек, крупный паразитолог, лауреат Государственной премии, Петр Павлович Перфильев. Он как-то не поладил с некоторыми сотрудниками и в результате решил уволить сразу трех членов партии. Среди них был известный историк техники Борис Николаевич Ржонсницкий, затем Степан Васильевич Жидкевич, биолог, и еще один был – слепой, слепой в прямом смысле – инвалид войны. Уволенные стали писать жалобы. Набрали комиссию из очень авторитетных людей и стали проверять. Обычные недостатки нашли, которых в других учреждениях больше. Но тем не менее вот появилась статья «Без учета требований жизни». Был заслушан доклад Петра Павловича Перфильева на заседании бюро райкома партии. Под диктовку Фигуровского я написал в «Ленинградскую правду», что меры приняты и так далее. А критика заключалась в том, что в институте нет кадров высокой квалификации, часто меняются темы, не развернуты исследования по истории техники в городе технического прогресса. Но я честно скажу, как на духу, я всю жизнь стремился это дело сгладить, чтобы на учреждение не падало и тени подозрения, и в молодом возрасте как-то это удавалось. Ну, и еще частично это объяснялось моей педантичностью и аккуратностью. Раньше была такая система: вот, предположим, приехал руководитель Сирии Шухри Куат. В Москве состоялся митинг. Никита Сергеевич Хрущев и Шухри Куат произносят речи. Звонок из райкома партии (как будто у нас тут Кировский завод): «Проведите митинг и давайте резолюцию с одобрением внешней политики партии». – «Пожалуйста»!

С теми, кто не уехал в отпуск, проводим митинг, моментально я резолюцию создаю. Ну, потом, к моему удовольствию, завели такое положение, что не может партийный руководитель избираться на длительный срок. Я ушел, пришли другие люди. Вот Людмила Николаевна Маркелова была, Юдифь Хаимовна Копелевич и др.

Между тем работа по истории Академии наук продолжалась. Я небольшой любитель ездить в командировки, но тогда я буквально неделями жил в Москве и собирал авторов, специалистов по всем проблемам. Родной московский институт помогал, очень здорово помогали, я им благодарен. Нашли авторов по истории физики, по истории математики, по истории, скажем, геолого-минералогических наук. И так сформировался коллектив специалистов, разработали для них инструкцию. Но одно дело – инструкция, а другое дело – писать. Еще при Вячеславе Петровиче Волгине состоялись заседания Комиссии по истории Академии наук, где заслушивались планы первого и второго томов. Вот представьте меня в таком возрасте – двадцать пять лет – в составе Комиссии сплошь академики и с ними члены-корреспонденты маститые, а мне надо им докладывать план работы по первому тому, потом проспект, который мы составили. Они обсуждают. Я как докладчик должен отвечать. Когда Владимир Михайлович Орел попросил меня написать об этом, я посмотрел стенограммы и сам удивился: как я в таком возрасте смог там отвечать? Короче говоря, по истории Академии наук развернулась работа, статьи стали поступать. Иван Васильевич Кузнецов очень помогал, Николай Александрович Фигуровский. Стали собирать статьи – нет главного редактора. Дирекция наша в Москве нашла и нового главного редактора – вице-президента Академии Константина Васильевича Островитянова. Попросили его быть главным редактором. Он сказал: «Комиссию надо ликвидировать, а вместо нее образовать редколлегию». Так была создана редколлегия. Первый том, посвященный восемнадцатому веку, был подготовлен. Здесь и я набрался нахальства и стал редактировать маститых ученых и следить, чтоб все было в порядке. Не все с этим соглашались. Редактирование – очень трудное дело, потому что не всем крупным естествоиспытателям присуще чувство стиля, умение хорошо писать. И мы редактировали их тексты. Том был подготовлен и в 1958 году вышел в свет. Том получил положительную оценку. Затем приступили к подготовке второго тома точно по такому же принципу. Тут я уже окреп – в том смысле, что опыт приобрел и редактирования, и всего прочего. В 1964 г. вышел второй том «Истории Академии наук». С третьим томом велась продолжительная работа. Здесь мы потерпели трагическую неудачу. Неудача заключалась в том, что третий том был посвящен советскому периоду, задевал интересы живых людей. Например, один академик говорит: «Почему такой-то упомянут десять раз, а я – один, и то в ссылке?». В результате рукопись третьего тома была подготовлена, но не утверждена. Когда решили остановить работу, главный редактор велел рукопись передать в Москву. Занялся ее доведением до конца Александр Аронович Гурштейн. Но ему тоже не удалось этого сделать по разного рода политическим и другим причинам. В результате рукопись оказалась в архиве нашего института. Это советский период, огромный том.

Вся моя жизнь связана целиком и полностью с институтом. Надо сказать, что руководство института лично ко мне относилось очень хорошо. Одно время я был руководителем Ленинградского филиала – тоже административным путем, силой назначен. Я, в общем, администрирование не люблю, но в течение пяти лет я был заведующим Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники. Работать было тяже-

ло, потому что как раз в то время шло сокращение штатов. Это было при Никите Сергеевиче Хрущеве. Очень тяжело. Приходилось сокращать... Установка Президиума: надо сократить на определенное количество человек. А это живых людей надо выгонять. Это шло очень тяжело. Вот, в частности, был такой эпизод. Зачислили по указанию тех же партийных органов инвалида Великой Отечественной войны Александра Михайловича Мурзина. Ну, бедный человек, техник он, слепой. Он, разумеется, работать не мог. Дирекция института тогда говорит: «Увольняй бездельника». «Увольняй!». Уволь, так шкуру снимут всякого рода партийные органы. Галина Евгеньевна Павлова была в то время Ученым секретарем. Советуюсь с ней: «Ну, что будем делать?». – «А вернем его в то учреждение, откуда он к нам попал, в ЦКТИ». Это Центральный котлотурбинный институт.

Сначала я пошел в обком партии с покорнейшей просьбой: «Такая-то обстановка, не можете ли вы устроить человека обратно? У нас тридцать пять человек, один бездельник – очень заметно. А где четыреста и миллионные бюджеты, там его никто не заметит». Отвечают: «Хорошо, поддержим».

Пошли с Галиной Евгеньевной, она была в таком тулупчике, необычайной красоты, к заместителю директора Центрального котлотурбинного института, долго сидели у него и убедили. Мурзина устроили. Это была выдающаяся победа. Вклад Галины Евгеньевны в это дело велик.

Был еще сотрудник – Вадим Борисович Вилинбахов. Не я брал его на работу. Петр Павлович Перфильев взял его в штат, потому что Вилинбахов оказался племянником уполномоченного Президиума по Ленинграду, а у уполномоченного Президиума была женщина-референт, всесильная, а Вилинбахов – ее племянник. Вот Петр Павлович Перфильев и взял его. Это теперь наше учреждение самостоятельное: мы ученые советы проводим, все рукописи утверждаем сами. А тогда надо было все в Москву. Рукопись написал – на Ученый совет, еще незнакомому попадет, неизвестно, как что пойдет; и отчитывались там. Вот я выступаю в Москве на Ученом совете по поводу Вилинбахова. А у Вилинбахова много работ по археологии. «Зачитайте, – говорят, – список работ». Я зачитываю: «...Археология: Адыгея, Кабардино-Балкария...» Говорят: «Простите, пожалуйста, у нас не институт археологии. Уволить!» Я говорю: «Затаскают, затаскают после этого».

Было принято решение. Это совершенно ужасная была система. Да еще совпало с общим увольнением. Как сейчас помню, заседание у уполномоченного Президиума Бориса Евсеевича Быховского. Речь шла о разных вопросах. Все директора разошлись, я один остался. Прошу: «Борис Евсеевич, не можете? Московская дирекция давит, вот надо уволить Вилинбахова. Надо найти ему место». – «Ну, помогу, – говорит, – Вилинбахов сын знакомого моего».

Долго я ожидал. Хотели Вилинбахова пристроить в библиотеку университета. Быховский направил туда одного своего сотрудника, профессора Терентьева. Не взяли. В конце концов Вилинбахова уволили, никуда не устроив. Пошли повсюду жалобы. В результате этих жалоб Семен Романович Микулинский сюда приехал, и с ним инструктор ЦК КПСС Кузьмин. Опять трясли все учреждение. И Вилинбахова вызывали для беседы, а он неустроенный. Вот это и есть неприятности. Мы же пытались

как-то помочь, а Кузьмин говорит: «Вы не играйте с нами в кошки-мышки!» Вот так. Ну какие тут кошки-мышки! Потом куда-то его все-таки пристроили на временную работу. Вот это все самым тяжелым было.

Я административной работы боюсь, как огня. Я по своей инициативе ушел в 1967 году, но, честно говоря, было недовольство и дирекции, и Семена Романовича Микулинского. Семена Романовича отношение ко мне было переменчиво. Но в конечном счете стало очень хорошим. К концу моего первого директорства стали развиваться науковедение и исследования по научно-технической революции. В Москве это хорошо: там большой институт, и не сожрут, грубо говоря, остальную тематику. А здесь, как это началось, говорят: «История Академии наук – это фактология, это никому не нужно... Вот надо науковедение. Мы рекомендации будем давать, как науку строить и научно-техническую революцию делать. Мы обгоним Японию!». И тогда я ушел и в 1967 г. стал заведующим сектором истории Академии наук.

Филиал возглавил Юрий Сергеевич Мелешенко, человек очень талантливый и организатор большой. Вскоре решили на базе нашего филиала создать Институт социально-экономических исследований, против которого я был категорически: «Создавайте институт, но не за наш счет!» Юрий Сергеевич Мелешенко скончался, а Отделение как самостоятельное учреждение закрыли. Остались здесь два подразделения: сектор истории Академии наук и Музей Михаила Васильевича Ломоносова. Получили они название ленинградских секторов Института истории естествознания и техники. Я считаю, что правильно поступил тогда: вместе с группой сотрудников мы решили никуда не бежать, а остаться именно при институте, и Семен Романович Микулинский очень нам помог в этом. В результате прошло какое-то время, и в 1975 г. был восстановлен снова филиал.

В 1972 г. Мелешенко скончался. На кладбище Микулинский говорит: «Вам придется возглавить эти сектора». И уже приказ в кармане привез. Ну что тут скажешь. Я и был заведующим вот в это тяжелое время. Но я просил, чтобы был помощником Борис Ильич Иванов. С ним связан один странный случай.

Раз я, находясь один в комнате, испытал подлинный страх. Люди все ушли на обед, куда-то разбежались, никого нет. Я один. Сажу за печкой (я за печкой с 1955 г. сажу!) и вдруг слышу: в коридоре какое-то движение происходит. А день был солнечный, осенний, редкий такой день был. Открываю дверь – что-то белое движется по коридору впереди меня. Что такое? Страшно стало! А поскольку дверь открыта и в другом кабинете дверь открыта, солнечные лучи по этому белому как-то сияют. Это белое движется. Я думаю: не рехнулся ли? Потихоньку, потихоньку подхожу – белое движется. Потом что оказалось? Холодильник. Стоял холодильник у нас в конце коридора, а такой богатырь, как Борис Ильич Иванов, нес этот холодильник на спине. И так равномерно двигался. Так я и тут испугался: вижу, что кто-то несет, и, если я крикну, он или упадет с холодильником, или холодильник разобьет, или холодильник его задавит. Вот такой случай был.

Конечно, тома истории Академии наук взяли много крови, много нервов, потому что авторы – замечательные ученые – не всегда исполнительные, а тут план, дирекция требует, чтобы все было выполнено в срок, а

если автор на стороне и не дает статьи, – значит, рукопись не готова: все это шло на нервах. И тем не менее я пришел к выводу, что одного этого для меня мало. Я имел свой собственный, индивидуальный план. Всякую свободную минуту я сидел в Архиве Академии наук. Там выписки делал. Собран был очень большой материал. В результате десять (в соавторстве три и семь моих) книг вышло у меня, за моей подписью по истории Академии наук. Книги получились суше, чем я сам, потому что не только тема, но и время было такое. Надо было обязательно начинать с январского пленума ЦК КПСС. Уже корректура идет, прошла уже, а состоялся пленум – надо вносить изменения. В двух последних книгах я более раскован, и уже там, как мне кажется, ближе к истине. Первая из них называется «Ленинградские учреждения Академии наук». Я попытался рассказать так, как было на самом деле. А последняя о воссоздании деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил.

Я не мыслю жизни без института.

Публикуется в выдержках по: Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 3. С. 70–81.

1953–1962 гг.

Институт истории
естествознания и техники

1953 год

СОКОЛОВСКАЯ
Зинаида Кузьминична

В 1953 г., Президиум АН СССР решил вопрос о слиянии академических подразделений – Института истории естествознания и Комиссий по истории техники, химических наук, геолого-географических наук, Комиссии по изданию трудов А.М. Бутлерова в одно учреждение, в результате чего в начале сентября и появился наш Институт истории естествознания и техники. Новый институт сразу же в газете «Вечерняя Москва» опубликовал объявление о приеме в аспирантуру. Это объявление решило дальнейшую судьбу всей моей жизни. Тогда уже заканчивался третий год моей работы по распределению после окончания факультета астрономо-геодезического приборостроения Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картогра-

фии (МИИГАиК) на заводе «Аэрогеоприбор». Мне было интересно там работать, так как еще будучи студенткой я заинтересовалась развитием конструкций точных приборов. Этому, безусловно, способствовало то, что в МИИГАиКе – этом старейшем московском институте – существовал небольшой музей инструментов, применяемых в разные периоды развития съемочных работ для картографирования обширных территорий России. На заводе я работала в нескольких подразделениях: в отделе главного конструктора – рассчитывала оптические схемы, в отделе главного технолога – ознакомилась с производством, в сборочном цехе – в отделе технического контроля исследовала качество готовых инструментов, рекомендуя некоторые из них на экспорт. На заводе меня заинтересовала, в ретроспективе, взаимозависимость повышения точностей результатов съемочных работ от совершенствования конструктивных решений основных узлов используемых приборов.

Поэтому, когда я увидела в «Вечерней Москве» объявление о приеме в аспирантуру в ИИЕТ, сомнений в том, что это – мое, не было. На следующий день я отправилась в Политехнический музей, в помещениях которого, в подъезде № 2, обосновывался тогда новый институт.

Первыми, кого я там встретила, были – референт директора Елизавета Ивановна Выборнова и библиограф, заведующая архивом Мария Давыдовна Эльман. В дальнейшем меня с ними много лет связывала искренняя дружба. Елизавета Ивановна была тогда, по существу, хозяйкой Института – умной, красивой, модно одетой, с прекрасно развитым чувством юмора. Мария Давыдовна – постарше, небольшого роста, очень уютная женщина с красивыми добрыми глазами. Почти через 30 лет я узнала, что Мария Давыдовна, оказывается, пишет стихи. В 1982 г. она была уже на пенсии, я пригласила ее на мой 55-летний юбилей. Она пришла в Институт и преподнесла мне поздравление в стихах.

Елизавета Ивановна и Мария Давыдовна были покровительницами всех «новичков», приходивших по объявлению узнать об аспирантуре. Они «болели» за нас во время вступительных экзаменов и потихоньку выдавали «тайны» об их результатах. Осенью 1953 г. в аспирантуру ИИЕТ были приняты 9 соискателей самых разных специальностей: Евгений Антонович Будрейко – химик, Николай Константинович Ламан – металлург, Евгений Михайлович Малов – специалист в области текстильного машиностроения, Наталья Михайловна Меркулова – механик, Платон Александрович Надаляк – специалист в области грузоподъемных машин, я – Новокшанова (Соколовская) – астрономо-геодезическое приборостроение, Ольга Игоревна Павлова – металлург, Виктор Николаевич Сокольский – авиация, ракетостроение, Софья Аркадьевна Соколова – железнодорожный транспорт. Мне кажется, что этот набор аспирантов – 1953 г. – оказался удачным: никто не «отсеялся», все написали вовремя и защитили диссертации, большинство осталось работать в ИИЕТ.

Хочу немного сказать об общественной жизни Института, которая в первые десятилетия, как говорится, была ключом. Какие великолепные вечера самодеятельности у нас проводились, как замечательно пела Клара Цезаревна Елагина под аккомпанемент Василия Павловича Зубова, как прелестно танцевала Наталья Германовна Рубайлова, какие великолепные

пироги с капустой на всю огромную компанию пекла Ольга Игоревна Павлова, каким великолепным тамадой во время этих застолий был Бонифатий Михайлович Кедров, на какие интересные экскурсии выезжали сотрудники Института, как активно проводились соревнования шахматистов и членов секции настольного тенниса с выездами в другие академические институты, с каким увлечением под руководством опытного закройщика-модельера трудились наши научные сотрудницы в кружке кройки и шитья, какая информативная, прекрасно иллюстрированная стенгазета «Историк науки и техники», освещавшая жизнь Института, регулярно выпускалась редколлегией, какие блистательные новогодние елки организовывали в Институте члены детской комиссии профкома! Много времени и сил отдавали профсоюзной работе председатели профкома, особенно Николай Константинович Ламан и Владимир Степанович Кухарчук, сколько времени и сил тратила на улучшение жилищных условий и «выбивание» в разных инстанциях квартир для сотрудников многолетний председатель жилищной комиссии профкома Софья Аркадьевна Соколова.

Очень важную роль в моей жизни сыграли Семен Викторович Шухардин – в руководимом им Секторе истории геолого-географических наук, горной и металлургической техники я проходила аспирантуру (1953–1956 гг.) и работала до 1961 г., когда стала Ученым секретарем ИИЕТ, и Александр Леонидович Яншин, который 40 лет был председателем редколлегии серии АН СССР «Научно-биографическая литература» (НБЛ), а я – ученым секретарем редколлегии (с 1961 г.). С какими замечательными учеными меня свела судьба за 47 лет работы в редколлегии! Через мои «секретарские руки» прошло около 700 рукописей. А это – более 600 авторов из почти 80 городов России и республик бывшего Советского Союза. Очень многие из них стали моими добрыми друзьями и помощниками. Так, Ю.И. Соловьев, например, написал для серии НБЛ 15 научных биографий, И.И. Шафрановский и А.Н. Боголюбов – по 11, В.М. Пасецкий – 9, В.С. Виргинский и Г.К. Цвєрава – по 8, Г.В. Быков – 7 книг.

Сердечная дружба связывала меня с Ниной Александровной Зиминной, которая заведовала фотолабораторией Института, а потом была референтом директора Института. К ней, в маленькую комнатку-лабораторию, несли свои радости и печали многие сотрудницы и сотрудники. Она участливо выслушивала всех и, умудренная житейским опытом, давала добрые дружеские советы. Нина Александровна объединяла нас не только в Институте, но собирала и у себя дома за хлебосольным столом.

Среди очень дорогих моему сердцу людей М.Г. Новлянская, Г.Е. Павлова, З.И. Упеник, В.Н. Федчина. О каждой из них я могу рассказать много хорошего. Я часто вспоминаю еще одного нашего сотрудника – бухгалтера Института Арама Григорьевича Бекжанова. Это был очень интеллигентный человек, никогда и ни на кого не повышавший голос. Первый вопрос, который он задавал всем, кто к нему приходил, был: «Чем могу помочь?» Иногда говорил: «Это трудно. Но надо подумать, что можно сделать», и никогда сразу, не разобравшись, не говорил «нет». Арама Григорьевича очень любили сотрудники, и многие представители старшего поколения вспоминают его до сих пор.

К сожалению, нет возможности здесь назвать всех, с кем довелось работать в ИИЕТ в разные годы и которые уже, увы, ушли из жизни. Я считаю, что мне повезло. Все 55 лет учебы и работы в ИИЕТ я каждый день и каждый час радуюсь жизни, потому что все это время у меня была интересная работа и добрые друзья. Потому что, несмотря на преклонный возраст, строишь планы на будущее и надеешься на их осуществление.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 22–25.

1954 год

ЕРЕМЕЕВА
Алина Иосифовна

Младшим научным сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР я стала в 1954 г. Я была направлена в него после окончания мехмата МГУ по заявке Института (видимо, первой за всю его историю!), поскольку в Секторе истории физико-математических наук ИИЕТ отсутствовала история астрономии. Инициатива в этом принадлежала известному историку физики Ольге Александровне Лежневой (1918–2008), исполнявшей тогда должность заведующей сектором.

Сектор был уникален по своему составу. В нем – в штате или по совместительству – работали настоящие корифеи истории науки. Недаром традиционный в те времена журнал учёта прихода сотрудников на работу шутливо был окрещен кем-то из них, – чуть ли

не профессором В.П. Зубовым, – «корифейником». Входя в сектор, он обычно вопрошал своим характерным «профессорским» слегка грассирующим голосом: «Ну, где тут корифейник?» – и расписывался в нём. И действительно, подлинным корифеем в истории естествознания был, прежде всего, сам Василий Павлович Зубов (1900–1963). Доктор искусствоведения, он получил мировую известность как выдающийся исследователь древнегреческой и средневековой европейской физики, знаток творчества Аристотеля и Леонардо да Винчи. Он открыл для нас целый ряд неожиданно ярких и глубоких мыслителей... европейского Средневековья, традиционно считавшегося беспросветно «тёмным» провалом в истории науки. Недостижимыми образцами для нас, немногих тогда молодых «эм-эн-эсов» (м.н.с. – младший научный сотрудник), были и другие штатные члены Сектора – маститые профессора «старого, классического закала» (прежде всего, их отличало полученное в дореволюционных российских классических гимназиях настоящее владение языками, у иных вплоть до латинского и греческого). Многие из них были не только выдающимися историками-исследователями, но и глубокими мыслителями-философами. Среди них историк математики Адольф Павлович Юшкевич (1906–1993); оригинальный не только историк физики, но и философ-аналитик доктор экономических наук Борис Григорьевич Кузнецов (1903–1984); знаток средневековой арабской математики и механики Борис Абрамович Розенфельд (1917–2008); философ, незаурядный (хотя и весьма неоднозначный) человек, Эрнст Яромирович Кольман (1892–1979).

Выдающимися личностями были и наши «совместители» (по своему участию в работе сектора также практически его сотрудники). Уникальный историк механики профессор МВТУ Иван Николаевич Веселовский (1892–1977) – специалист академического стиля и уровня, знаток науки Древнего мира и эпохи Возрождения, владевший более чем десятком иностранных языков, переведший с древнегреческого и латыни «Альмагест» Птолемея и великую гелиоцентрическую теорию Коперника. Ярким метеором вривался на заседания сектора со своей стремительной мыслью и речью всемирно известный физик-ядерщик Дмитрий Дмитриевич Иваненко (1904–1994), также отдававший часть своего таланта и времени истории науки...

Совершенно необычным был уже немолодого возраста тогда Ушер Ионович Франкфурт (1908–1982), имевший вид старорежимного, XIX века, немецкого профессора, «свободный художник в истории науки, в основном физики», практически живший в Библиотеке Ленина – его всегда можно было там встретить. Он ввел меня в хранилище ее Центрального справочного отдела, ориентируясь в нем намного лучше его сотрудников. Отголоском эпохи и культуры И.Н. Веселовского (уже по классическому гимназическому образованию) была историк физики XIX в. Ольга Андреевна Старосельская-Никитина (1885–1969). Образ этой маленькой интеллигентной женщины у меня всегда ассоциировался с И.Н. Веселовским; люди одной эпохи и уровня культуры, они лучше понимали друг друга и нередко приходили вместе.

После знаменитого XX съезда партии и начавшейся реабилитации «врагов народа» штат сектора пополнили новые и совершенно неповтори-

мые личности – с десятками лет тюрем и ссылок за плечами, но несломленные духом, не утратившие творческой энергии глубокого ума – бывшие до ареста ленинградцами. Прежде всего, это физик-прикладник и в не меньшей степени физик-теоретик, математик, механик, вскоре ставший доктором и профессором Лев Соломонович Полак (1908–2002) и широко известная в кругах ленинградской физической молодёжи 1920–30-х гг., особенно из Физтеха, Татьяна Николаевна Горнштейн (1904–1980) – философ и историк науки с европейской известностью, уже вскоре после освобождения защитившая докторскую диссертацию. В те же годы сектор пополнился ещё одним незаурядным человеком и крупным учёным, также представителем старшего по отношению к нам поколения, историком механики: в Секторе стал работать Иосиф Бенедиктович Погребысский (1906–1971), а также его дочка Лена Погребысская. Новым пополнением стал историк науки широкого профиля, математик и философ Леонид Ефимович Майстров (1920–1982), в дальнейшем сменивший на посту главного редактора замечательного полупериодического сборника «ИАИ» (Историко-астрономические исследования) его основателя, известного астронома П.Г. Куликовского (1910–2003) (ГАИШ МГУ). Весь этот элитный коллектив цементировал многолетний глава сектора (сменивший О.А. Лежневу, которая сосредоточилась на исследовательской работе) наш незабвенный и уникальный организатор науки (и, я бы сказала, организатор самого научного коллектива, игравший существенную роль в жизни всего Института) Ашот Тигранович Григорьян (1910–1997). Эта его роль была настолько важной и выдающейся, что его специализация – история механики (а в ряды историков механики он вступил со студенческих мехматовских лет) как-то отходила на второй план, оставаясь в тени его крупномасштабной организаторской деятельности. Именно ему были обязаны многие наши маститые, но по большей части беспартийные, профессора возможностью совершать без лишних проволочек научные поездки за рубеж, а наши новые сотрудники – достаточно быстрым осуществлением непростой процедуры реабилитации (помогала давняя широкая известность и высокий авторитет А.Т. Григорьяна в руководящих партийных кругах Академии наук СССР).

Из более молодых тогда выделялся с виду очень скромный и замкнутый, но глубокий исследователь в истории математики Фёдор Андреевич Медведев (1923–1994) – человек высочайшей принципиальности и гражданского мужества, что особенно проявилось в конфликтный период моего пребывания в институте... Была в секторе и своя достопримечательность – почти чеховский персонаж «двадцать два несчастья», уже в 50-е гг. немолодой Павел Иванович Зюков, неплохой историк физики XIX в., но настолько рассеянный, что вечно терял свою зарплату, хранившуюся им обычно между листами книг, которому я усердно помогала разбираться в хаосе его рукописей при подготовке им кандидатской диссертации о геофизике Б. Голицыне, друге великого физика-экспериментатора П.Н. Лебедева. Историю среднеазиатской механики средневековья представляла вскоре влившаяся в число сотрудников сектора ученица Б.А. Розенфельда Мира Михайловна Рожанская (1928–2014), ставшая впоследствии доктором наук. Брат ее мужа И.Д. Рожанский, дипломат по образованию, уже давно сотрудничал с Сектором, став автором книг, в том числе

выдающейся монографии об Анаксагоре (докторская диссертация). Сектор наполнялся новыми эмэнэсами: Лев (Анатольевич?) Глебов. Анатолий Медунин, Вяльцев – парторг сектора, позднее Володарский, Ахутин ... и «приведенный» в историю жизненными обстоятельствами в СССР (он не мог стать физиком-атомщиком: жена – испанка, хотя ее родители, коммунисты, были из детей, вывезенных из франкистской Испании!) ученик Л.С. Полака В.П. Визгин, ныне крупнейший, с мировой известностью отечественный историк физики XX в., теории относительности. Как-то в секторе появилась и представительница ортодоксальной марксистско-ленинской философии, не оставившая заметного следа в работе сектора, о которой у меня сохранилось лишь имя Таисия...

Большим другом (прежде всего моим – нас сблизила история астрономии) и соучастником секторских тем (в астрогеодезии) была Зинаида Кузьминична Новокшанова (ставшая затем Соколовской) (1927–2014), замечательный организатор и куратор академической серии научных биографий, человек большой души, любимица института, по своей принципиальности не уступавшая Ф.А. Медведеву (когда в ответ на негласный запрет Кедрова, уже в 70-е гг., моего приглашенного (!) доклада на конференции в ИИЕТ вместе со мной и еще одним сотрудником сектора, покинула заседание, на которое, узнав о ситуации, не пошел и приехавший в институт И.Н. Веселовский).

В общественной жизни института дружеские отношения связывали многих и с другими секторами, – меня, прежде всего, с сектором истории химии, с Зиной Шептуновой, но особенно близким мне по духу был один из руководителей нашего профкома Георгий Владимирович Быков, сыгравший ключевую роль в разрешении моего конфликта с дирекцией в 1967 г.

Близкие творческие контакты были у Сектора, прежде всего у меня, и с Ленинградским Отделением института – Н.И. Невской, Ю.Х. Копелевич, Е.П. Ожиговой, Г.П. Матвиевской. Первые трое представляли классическую по глубине исследований ленинградскую школу историков отечественной академической науки XVIII в., а Г.П. Матвиевская, защитившая в те годы кандидатскую в Москве по «Записным книжкам Л. Эйлера», освоила потом арабский язык, стала автором выдающихся книг по истории механики и математики средневекового Среднего Востока, членом АН Узб. ССР, участницей подготовки русского издания «Альмагеста». На противоположном «полюсе» человеческих качеств выделялись молодой тогда Паплаускас, вскоре ставший приближенным к директору, и профсоюзный месткомовский деятель Ламан (которого Полак называл не Ламаном, а... Ломаным).

В годы моей работы в ИИЕТ (1954–1967) жизнь в нем была ключом: сменилось пять директоров (начиная с Самарина, помнится, имевшего отношение к металлургии, через кого-то из философов, мелькнувшую Голубцову – жену Маленкова, добродушного «крупногабаритного» химика Н.А. Фигуровского, нехотя подписывавшего нам необходимые тогда разрешения на походы в Библиотеку им. Ленина своим забавным росчерком «НАФиг», и завершилось это новой «находкой» – на свою голову! – Б.Г. Кузнецова и А.Т. Григорьяна: к началу 60-х во главе ИИЕТ появился акад. Б.М. Кедров). Институт за это время трижды менял места, переехав

с Новой площади из здания Политехнического музея (где огромное во всю стену окно нашего сектора на 1-м этаже было в первый же год засажено мною ... огурцами), на Малую Лубянку, 12, 3-й этаж (лишь много лет спустя, издавая уникальную книгу воспоминаний узницы ГУЛАГа, я узнала, что под нами в 40-е гг. находились в подвале одиночные камеры НКВД, а на отдаленной от площади высокой стеной крыши соседнего с нами его главного здания – «Министерства любви», по Оруэллу, 1984 – выводили на прогулку заключенных, среди которых был и наш Л.С. Полак...). Последний при мне переезд был в Старопанский пер., 1/5, рядом со старинной Никольской ул. и Красной площадью. Наряду с научной работой, поездками в колхозы «на картошку», и даже летом по «Золотому кольцу», в институте действовал, и неплохо, драмкружок.

Откликались мы и на все внешние события, начиная с первого полета в космос Гагарина (1961). А в 1963-м, захваченные революционной борьбой «Острова свободы» и его легендарного главного героя Фиделя Кастро, мы с одной сотрудницей (Ларисой) из другого сектора, вопреки первоначальным опасениям Григорьяна – правильно ли это, – сбежали с Ученого совета в посольство Кубы и с большим букетом цветов, тепло принятые послом, поздравили кубинцев с разгромом американских вояк в заливе Плайя-Хирон. К нашему удивлению, этот визит был на следующий день даже отмечен в газете «Вечерняя Москва» и вполне успокоил моего зав. сектором. (Второй раз я посетила посольство Кубы уже в связи с кончиной ее неповторимого руководителя Фиделя Кастро). В том же 1963 г. – первая попытка поступить в аспирантуру для освобождения от потока научно-технической работы. Но уже после сдачи последнего вступительного экзамена (для чего мне пришлось даже немного раньше вернуться из Казахстана, куда я уехала вместо отпуска, так как мой муж Ф.А. Цицин, сотрудник ГАИШ, был назначен комиссаром целинного отряда от МГУ) я согласилась, по просьбе руководства института, уступить место в аспирантуре другому претенденту, А. Володарскому, не имевшему иной возможности попасть в ИИЕТ. Вторая попытка, в 1966 г., оказалась уже излишней и была заменена, по совету моего профессора из ГАИШ Б.А. Воронцова-Вельяминова, прямой защитой диссертации по только что вышедшей монографии «Вселенная Гершеля. Космологические и космогонические идеи и открытия» (1966).

Но были и примечательные «сбои». В стране к началу 60-х все сильнее проявлялось раздвоение в обществе, отрыв правящей партийной «верхушки» от народных «низов» и как следствие лицемерие на государственном уровне. На организованном, было, методологическом семинаре в ИИЕТ я в своем выступлении подняла болезненный вопрос о превращении нашей партии в «кормушку» (выделенное снабжение, мастерские, с чем мне и самой довелось столкнуться) и, хотя ссылалась при этом на те же опасения Ленина, семинар поспешили прикрыть. В конце эпохи правления Хрущева на собрании института после моего выступления против зарождения в стране нового культа, теперь уже Хрущева, меня один из наших сотрудников, А. Медунин, тихо предостерег: «У нас здесь представитель (райкома, что ли, не помню)», что для меня, разумеется, не имело значения: «Ну и что ж»!

Вот в такой обстановке, в атмосфере небывалого подъёма духа после перевернувшего все наше мировоззрение XX съезда партии (1956 г.), в Институте в середине 1960-х была начата подготовка юбилейной серии коллективных сборников о развитии науки в СССР за 50 лет советской власти. Мне была поручена организация подготовки астрономического тома «Развитие астрономии в СССР. 1917–1967» в качестве ответственного секретаря редколлегии. Редколлегию возглавил академик А.А. Михайлов, зам. гл. ред. стал д.ф.-м.н. Л.С. Полак.

К этому времени я опубликовала первую свою научно-популярную книгу «Выдающиеся физики мира» (1958, инициатива ее создания принадлежала Б.Г. Кузнецову), первую научную статью в Трудах института о Торричелли (1959), получила свои первые значительные и совершенно новые результаты по начатому (по совету Полака) исследованию научного наследия В. Гершеля (опубликовав первую статью об этом в журнале Британского астрономического общества, 1963 г.) и с энтузиазмом взялась за новое дело.

Прошло уже 10 лет со знаменитого, истинно судьбоносного XX съезда партии, когда двухчасовое чтение сенсационного письма Н.С. Хрущёва (читал его в Институте Э.Я. Кольман) действительно перевернуло для большинства из нас знакомый мир с головы на ноги. С эпохой «культы личности», запретов, слежки, полнейшей несвободы слова и духа, казалось, было покончено. Неизгладимое впечатление на меня в эти годы произвело процитированное А.П. Юшкевичем на одном из собраний в институте сформулированное кем-то кредо историка науки: «У историка не должно быть ни отца, ни матери, ни родины». Жесткая на первый взгляд, но очень глубокая мысль.

На предварительном инструктаже заместитель директора С.Р. Микулинский ориентировал нас на создание серьезных, аналитических книг по истории отечественной науки, с краткими биографиями и самих ученых.

И я, подбирая коллектив авторов, обращаясь к астрономам в различные обсерватории, ориентировала всех на создание настоящей, объективной, правдивой истории астрономии в нашей стране. А она была нелегкой. Наряду с бесспорными успехами ее при существенной, прежде всего, финансовой поддержке государства (новые обсерватории, инструменты, зарубежные командировки, экспедиции на солнечные затмения требовали немалых средств!) немногочисленное сообщество советских астрономов понесло, быть может, особенно ощутимые потери в мрачные 30-е годы политических и псевдо-политических репрессий. Но наиболее мрачными страницами стал разгром в конце 30-х гг. крупнейших тогда Ленинградских астрономических (академических) центров – Астрономического института (директор Б.В. Нумеров, 1891–1941) и Главной обсерватории страны, Пулковской (директор Б.П. Герасимович, 1889–1937).

Обо всем этом я узнавала постепенно, а тогда, в начале 60-х, известно мне было только о трагических судьбах Нумерова и Герасимовича.

Тем не менее, и эту сторону истории нашей астрономии, наряду с детальным освещением бесспорных больших успехов, предполагалось осветить, хотя бы кратко. В соответствующих статьях сборника просто сообщалось о трагической гибели оклеветанных учёных и в подстрочных при-

мечаниях я отмечала ключевую роль XX съезда партии в их полной реабилитации. И всё.

Но, увы, как выразился вскоре при встрече с автором в коридоре института И.Б. Погребынский, «произошел сбой на 23 километре» (профессор–спортсмен имел в виду XXIII съезд КПСС (29.03–8.04. 1966 г.), на котором после снятия Н.С. Хрущева в 1964 г. был дан «задний ход», откат в отношении партии к культуре личности Сталина. И на последовавшем инструктаже у тогдашнего идеолога страны члена ЦК КПСС П.Н. Демичева руководителям научных учреждений были даны новые руководящие же «разъяснения» о том, что никакого «культы» у нас не было – просто были допущены некие ошибки и просчёты. Этот инструктаж довел до сотрудников ИИЕТ наш тогдашний директор академик Б.М. Кедров (отец которого и сам пал жертвой сталинщины). Как выяснилось позднее, «инструкция» имела весьма общий характер. Но исполнители проявили рвение! Незамедлительно последовала категорическая «рекомендация» – не упоминать в готовившихся юбилейных сборниках о репрессиях вообще. Но наш астрономический том уже ушел в издательство в апреле 1966-го. Один из членов редколлегии, ташкентский академик и известный астроном В.П. Щеглов тут же поспешил заменить в статье своего сына, моего однокурсника П.В. Щеглова упоминание о тормозящем влиянии необоснованных арестов на астрономическое телескопостроение в стране расплывчатой фразой о влиянии «некоторых обстоятельств предвоенного периода».

Смириться с таким поворотом для меня как редактора–составителя было невыносимо, и весной 1967 г. началась неравная «схватка» непокорного м.н.с. с редакторами в издательстве (главным, его заместителем и специальным «контрольным») и с руководством института за сохранение в сборнике объективности в изложении истории. В этом противостоянии, борьбе мнений, убеждений и позиций автору удалось немного. Все мои попытки убеждать редакторов, а затем и заместителя директора С.Р. Микулинского (взявшего рукопись по сигналам из издательства «Наука» для контрольного прочтения и внесшего свою правку) в необходимости в серьезной книге по истории отражать, хотя бы кратко, и негативные стороны, и факты, причем с указанием на решающую роль самой партии в восстановлении справедливости на XX съезде, встречались словами: «Это сейчас не модно» (?!), «Читайте газеты».

Честной (но обреченной) была позиция зам. гл. ред. Юрия Ивановича Ефремова: «Человечество деградирует. Какая уж тут «идейность», «объективность» возможна, да и для кого она нужна; за границей наши недостатки раздувают и поэтому [?!] лучше уж самим молчать о них, авось кто подумает, что их сообщения – выдумка, а на самом деле у нас все о-кей [!] и вообще история – не наука...».

Были «накрыты» и мои отчаянные «партизанские» попытки восстанавливать зачеркнутое и даже тайно заменить пару страниц с вычеркнутым текстом. Тогда я попросила освободить меня от членства в редколлегии, заявив, что работу буду продолжать как сотрудник, но не хочу, чтобы мое имя было в книге, с тоном которой я не согласна. О ситуации рассказала (по совету П.Г. Куликовского) Л.С. Полаку, продемонстрировав страницы с правкой дирекции. Попросив меня уточнить еще раз у Мику-

линского, окончательна ли его правка, проведенная без согласования с редколлегией, Полак сказал, что если так, он тоже выйдет из редколлегии, и даже из ее физического тома.

Последовал острый разговор (17.04.67) с новым моим зав. сектором историком физики Я.Г. Дорфманом. К этому времени из нашего общего сектора истории физ.-мат. наук был выделен в самостоятельный, под его началом, сектор истории физики, куда включили и астрономию. Ему также было вверено проштудировать астрономический том и «вразумить» меня.

– Дорфман: «Прежде всего, я должен сказать, что искренне согласен с вычеркиванием «определенных мест» Микулинским. Например, о «разгроме кадров в Пулкове». – Подумаешь, погиб Герасимович, арестован и погиб Нумеров. Разве астрономия остановилась?!»

– Я: «Определенное направление работ – да! До 50-х гг...».

– Дорфман: «Видите ли, за границей такая обстановка реваншистская, с одной стороны, и циничная...».

– Я: «Хорошо! Но зачем брать с них пример?!».

– Дорфман (обратив внимание на мое дополнение в статье Щеглова слова об *известных* обстоятельствах): «Это что? Намек?!».

– Я: «Да. Ведь открыто нельзя».

И последовал взрыв! Удар версткой по столу! Обвинение в том, что я «не доросла до взрослого состояния!», что «с «девочками» (а мне было уже 35!) он не собирается говорить! Это (так писать, мол, юбилейную книгу) неприлично!!!» На что я, также доведенная до высокого градуса, резанула: «А я считаю, что историку, прежде всего, неприлично врать!!!». Дорфман резко вышел, оставив всех (дело было на собрании сектора) в оторопелом молчании. Но после его возвращения мы даже обменялись какими-то спокойными фразами...

На следующий же день, 18.04.1967 г. я была вызвана «на ковер». Все мои объяснения и доводы директору и его заместителю (был там и молчавший Паплаускас) пролетали мимо их ушей (я обвиняла и составителей биологического тома, назвав предательством ограничиться о трагической судьбе русского гения Н.И. Вавилова беззубой фразой «К сожалению, его деятельность рано оборвалась» – Простудился, что ли?). Приговор директора: «Мы не только выведем вас из редколлегии! С завтрашнего дня вы уволены (за дезорганизацию (?) работы, так как ложной (!??) информацией «заставили» Полака выйти из редколлегии, оповестив обо всем еще и А.А. Михайлова! А вдруг и он выйдет!)». Однако на закрытом партсобрании, где было рассмотрено мое «дело», без меня, разумеется, все завершилось тогда вынесением выговора «за отказ выполнить указания администрации».

Такая замена «казни» на выговор (!) случилась неспроста. В институте моя борьба задела многих. Еще в остром разговоре с Дорфманом прозвучали его вполне здравые и даже смелые мысли и признания, характерный и верный, даже честный штрих: «Ведь события 30-х, вернее, обстановка, захватила половину 50-летия! И виноват не один «тот, кто лежит у кремлевской стены» (Сталин)». Я: «Согласна!! «Я и себя считаю, отчасти, виновным в этом». Вот это верно! Так в чем вина? Вспоминаются и слова Л.Я. Бляхера – профессора-биолога – очень приятного, тихого, интелли-

гентного человека, сказавшего, что и он видит свою вину «в ту эпоху» в том, что молчал! Какие же выводы? – Пассивность, в том числе ученых, страшна! И не доводит до добра. Известно мне стало и о реакции другого сотрудника Плоткина (?) на мои призывы в кабинете директора (прямо обвинявшего меня, что я не советский человек, на что я отвечала: «Вы опоздали с этим на 30 лет») не скрывать исторической правды от читателя, от народа! Среди своих сотрудников он говорил об этом: «А ведь она права...».

Все всё понимали, сам директор, крупный философ, историк-исследователь творчества Менделеева, со своей собственной семейной травмой – судьбой отца... Многие даже сочувствовали мне. Но действовал, руководил большинством страх перед политизированной официальной идеологией, извращавшей заявленные гуманистические принципы построения нового общества и человека и превращенной в новую доктрину с ее религиозной нетерпимостью! Тогда ходил у нас сказанный кем-то некогда афоризм: «Плох тот строй, при котором, чтобы быть человеком, надо быть героем». Но впереди меня ожидала еще одна, последняя битва.

Еще осенью 1966-го прошла защита моей диссертации по монографии «Вселенная Гершеля», после которой на традиционном тогда устроенном нами банкете в ресторане гостиницы «Москва» (защищались мы вдвоем с астрономом Е.К. Страутом – он по истории изучения Луны), Б.М. Кедров даже произнес тост за наше будущее сотрудничество. Уже вскоре он настоял, чтобы свою активность я проявила в качестве вновь назначенного председателя жилищной комиссии месткома. Мое отчаянное сопротивление этому, как знала, роковому для меня назначению было безуспешным. Правда, в этом качестве мне удалось добиться получения однокомнатной квартиры для машинистки нашего сектора, ввиду ее тяжелых жизненных условий. Но затем последовал и почти предвиденный мною финал.

Весной 1967-го произошло новое столкновение на профсобрании по квартирному вопросу. Шел бой за квартиру, выделенную в АН для нашей машинистки, которую директор решил передать другому сотруднику, доктору наук, которому в АН отказали как человеку состоятельному и с менее тяжелыми жилищными условиями. Я как председатель жилкомиссии выступила с решительным протестом. Собрание было бурным и продолжалось не менее девяти (!) часов. За меня вступился Ф.А. Медведев. Директор демонстративно покинул зал, а возвратившись, припомнил мне все «грехи» по работе с томом по истории астрономии, обвинив меня в лицемерии: «Защищала репрессированных (которым был в свое время и обсуждаемый сотрудник-доктор), а сама!». Я: «Намерена приложить все усилия для дальнейших хлопот и за доктора, но считаю непорядочным использовать кандидатуру научно-технического сотрудника в качестве своего рода наживки». Последовавшее голосование, ожидаемо, было не в мою пользу. Мне даже пришлось успокаивать смущенных членов месткома, убеждая, что я понимаю их положение и ни о какой обиде с моей стороны не может быть и речи. И вдруг – нелепый заключительный «победный» аккорд – рука директора, протянутая мне уже в коридоре (где я звонила домой по телефону) со снисходительными словами: «Ну, давайте руку». Я опешила! – «Вы можете меня задавить, но руки вам подать я не могу: это было бы лицемерием. Мы же только что были на разных сторонах баррикады!» Сцена из гоголевского «Ревизора» – застывшее окружение приближен-

ных с растерянными улыбками, повисшая в воздухе рука и тихие слова директора: «Вас задавишь...». Но уже на следующий день по академии пронеслось: «В ИИЕТ м.н.с. не подал руки... академику!». А в директорском кабинете с белыми от гнева глазами: «Вы у нас работать не будете!». Тогда-то в секторе над моим столом и появился кадр из мультфильма «Каникулы Бонифация», где огромный (но добрый там!) лев Бонифаций протягивает лапу маленькому негритенку с бантиком, – почти сэлфи вчерашней сцены (эмэнесы и назывались нами между собой «неграми»). Ведь «ясно было и ежу»: смысл покровительственного жеста начальства – добить своей победой и унижить ершистого сотрудника, которого так и не удалось «приручить». Мой ответ директору: «Историю не брошу, заниматься ею можно только в Астросовете, где хотя бы есть Комиссия по истории астрономии (КИА), готова уйти туда, но для этого необходима штатная единица для перевода». Дальше – бой за единицу и даже за необходимую подпись директора в пришедшем из ВАКа дипломе кандидата наук. Дипломатическая позиция С.Р. Микулинского: на его звонок в Астросовет с предложением моей кандидатуры начали поступать по телефону запросы от его председателя: «Так переводите Еремееву или нет?» Зам. пред. Астросовета А.Г. Масевич заинтересовалась – опрометчиво – активным м.н.с. из ИИЕТ, да еще и со шт. единицей! Встреча у старого здания МГУ на Моховой с Г.В. Быковым и демонстрация мне заготовки покаянного якобы от меня письма директору и мой ответ: «Лучше в дворники!». Реакция Быкова: «Я так и знал, хотя вынужден был исполнить эту просьбу-предложение некоторых доброжелателей из ваших профессоров». Единицу отбить для меня Быкову удалось и, быть может, не без поддержки Микулинского, видевшего в этом разумный способ избавиться от этой...! Кстати, перевод в АС был официально обоснован – не называть же истинную причину (!) – решением дирекции «избавиться от многотемья» – закрыть в ИИЕТ само направление истории астрономии, якобы ввиду отсутствия нужных кадров... И этот запрет действовал последующие два десятка лет. Хотя... аспирант Володарский, занимавшийся древнеиндийской астрономией, стал сотрудником сектора, но теперь уже истории физики. В последующие годы в институте появился астроном А.А. Гурштейн (неправедно заваливший докторскую диссертацию Н.И. Невской; она защитилась позднее в другом институте).

В астрономическом томе удалось-таки сохранить пару (!) фраз – о трагической гибели Б.В. Нумерова и Б.П. Герасимовича (с. 65 и 315). Помогли помощь тогдашнего президента Комиссии № 41 («История астрономии») в МАС и КИА в Астросовете АН СССР П.Г. Куликовского, который сумел привлечь к ситуации внимание отечественной астрономической общественности, съехавшейся в Москву на очередной Пленум Астросовета, а также принципиальная позиция Л.С. Полака.

А 18 октября 1967 г. я получила от него экземпляр только что вышедшего из печати нашего юбилейного астрономического тома с лучшей для меня наградой – дарственной надписью: «Алине Иосифовне – в знак глубокого уважения и на добрую память о трудных заботах об этой книге, в которую Вы вложили так много души и сил» за подписью самого Л.С. Полака и одного из соавторов сборника, нашего выдающегося космолога А.Л. Зельманова.

Уже в августе 67-го я стала сотрудником Астросовета (переводом со штатной единицей и даже без перерыва стажа), а с 1970 – сотрудником Комитета по метеоритам АН СССР (участвуя в экспедициях и погрузившись в историю метеоритики). В 1989 вернулась в МГУ – в ГАИШ, где наряду с научной работой читаю пятикурсникам собственный курс истории и методологии астрономии. Но именно ИИЕТ оказался для меня школой жизни, определив весь мой дальнейший путь, результатом чего стали, помимо бесчисленных статей, 6 монографий (за 1982–2020 гг.) по истории метеоритики и астрономии (одна в соавторстве с Ф.А. Цициным). Последняя – о Б.П. Герасимовиче (2020), а также двухтомный курс лекций по истории астрономии (2013 и 2018 гг.). вошли в число победителей на конкурсе МГУ на лучшую монографию и лучший учебный курс.

1954 год

МАТВИЕВСКАЯ
Галина Павловна

В 1948 г. я окончила школу с золотой медалью и поступила на математико-механический факультет Ленинградского университета.

Историей математики я заинтересовалась, наверное, прежде всего потому, что было во мне семейное гуманитарное начало. Но интерес этот возник естественно, так как многие преподаватели при чтении математических курсов уделяли историческим моментам большое внимание. А кроме того, курс истории математики занимал тогда в университетской программе достойное место и читался по-настоящему. Дело завершалось экзаменом, так что предмет приходилось изучать как следует. Читал этот курс сначала Филипп Прокофьевич Отрадных, а позднее – Александр Данилович Александров.

Но специальностью моей история математики стала все же неожиданно. Так сложились обстоятельства. Именно в это время Владимир Иванович Смирнов начал заниматься рукописями Леонарда Эйлера, которые только что были возвращены в Архив Академии наук СССР из Швейцарии. Туда они были отправлены на время еще в 1910 г., когда разрабатывался проект издания полного собрания сочинений «Opera omnia» великого математика. После войны благодаря настойчивости С.И. Вавилова и других академиков эти бесценные рукописи вернулись в Ленинград. Они вызвали всеобщий интерес, так как приближался 250-летний юбилей Эйлера, который готовились торжественно отметить в 1957 г. Владимир Иванович был одним из инициаторов работы по изучению его рукописного наследия. С ним работал Глеб Константинович Михайлов из Москвы, специалист по теоретической механике. Они обнаружили много неопубликованных, никому не известных сочинений. Стало ясно, что огромный рукописный материал требует внимательного изучения, так как он может скрывать новые научные результаты, которые Эйлер получил, но никогда не публиковал, новые идеи, которые так и остались нереализованными. Ведь его творческая активность была беспрецедентной: он написал более 700 сочинений по разным отраслям точных наук.

Ознакомившись с огромным архивом Эйлера, Владимир Иванович увидел, что примерно половина рукописного материала относится к теории чисел. Внимание его привлекли записные книжки – 12 томов разного объема, куда ученый на протяжении всей жизни вносил заметки научного содержания. Здесь он фиксировал полученные результаты, проверял гипотезы, набрасывал планы дальнейших исследований. В общем это – более 2000 страниц, исписанных формулами с редкими комментариями на латинском языке. Нужно затратить много труда, чтобы в них хоть как-то разобраться.

Поскольку большая часть записей носит теоретико-числовой характер, Владимир Иванович решил привлечь к их исследованию кого-то из студентов, специализировавшихся по теории чисел. Таким студентом оказалась я.

Мне выпало великое счастье приобщиться к научным исследованиям под руководством этого замечательного ученого и человека. Сейчас В.И. Смирнов стал легендой для петербургских математиков, историков науки, работников Библиотеки Академии наук и академического архива. Его энциклопедические познания в математике сочетались с широкой образованностью в других областях науки и культуры. Он прекрасно знал общую историю, а историей науки занимался профессионально. При этом особенно важным он считал изучение архивных материалов, которое помогает, как он говорил, «сберечь следы Человека на песке времени». Он считал необходимым превратить Архив АН в серьезное научно-исследовательское учреждение и, став в 1948 г. председателем его Ученого совета, сделал очень много для того, чтобы это осуществилось.

Владимир Иванович был удивительным человеком, мудрым, справедливым, предельно доброжелательным и в то же время твердым и требовательным во всем, что касалось дела, которым он занимался. Я счастлива, что нам с Е.П. Ожиговой удалось подготовить книгу о нем, в которую вошли статьи о его научной деятельности и воспоминания многих людей, ра-

ботавших и общавшихся с ним. Книга вышла под редакцией академика О.А. Ладыженской в трудном 1994 году.

Моя работа с В.И. Смирновым началась в 1954 г., когда я поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР и стала, таким образом, историком математики. Тема диссертационной работы звучала так: «Неопубликованные рукописи Эйлера по теории чисел в Архиве АН СССР».

Чтобы заняться этой, не совсем обычной по тому времени темой, требовалось, прежде всего, большое желание. Оно у меня было. И еще необходимо было знание языков. Владимир Иванович сразу спросил: «А латынь будете учить?». Не колеблясь, я ответила: «Буду». В отношении иностранных языков я была достаточно смелой. Немецкий язык знала с детства. В Харькове посещала группу типа детского сада, где учили разговаривать и читать по-немецки. В школе и университете учила английский, немного французский. Знания были, конечно, не ахти какие. Впоследствии их пришлось совершенствовать по мере необходимости, когда нужно было для работы читать иностранную литературу. И латынь освоила, так как иначе было бы невозможно понять Эйлера! Он ведь писал в основном по-латыни. Занималась я ею на академической кафедре иностранных языков, потом сдавала экзамен кандидатского минимума. Конечно, знаю латынь недостаточно, чтобы читать, скажем, Цицерона, но математические тексты Эйлера понимаю. Владимир Иванович знал латынь превосходно. Рассказывал, что в студенческие годы подрабатывал уроками латинского языка и с удовольствием эти занятия вспоминает. Мне сказал, улыбаясь: «Латинские тексты читать – это вам не теорией чисел заниматься! Это гораздо труднее».

Вначале пришлось туго с немецким языком. Для подготовки к кандидатскому экзамену по истории математики Владимир Иванович предложил мне – как основной источник – четырехтомный немецкий курс истории математики Морица Кантора, по которому он сам в свое время изучал этот предмет. Теперь это сочинение считается классическим. Трудный текст иногда доводил меня до слез, но зато это была прекрасная школа: через некоторое время немецкие работы по истории математики я могла читать практически без словаря.

При Ленинградском отделении ИИЕТ в то время изучением рукописного наследия Эйлера занималась под руководством Владимира Ивановича целая группа сотрудников. Составлялись каталоги рукописных материалов, расшифровывалась и готовилась к публикации переписка Эйлера с учеными. Над этим трудились Татьяна Николаевна Кладо – замечательный исследователь, образованнейший человек, знаток иностранных языков. Очень активно работали молодые тогда латинисты Юдифь Ефимовна Копелевич и Татьяна Аркадьевна Красоткина (Лукина). А трудами Эйлера по теории чисел активно занялись ленинградские математики Андрей Алексеевич Киселев и Илья Григорьевич Мельников, а несколько позднее – Елена Петровна Ожигова, в то время уже защитившая кандидатскую диссертацию по теории чисел и преподававшая математику в военной академии. В 1964 г. она перешла на работу в ЛО ИИЕТ и до самой кончины в 1993 г. объединяла вокруг себя петербургских историков математики. Нас с ней прочно связывали общие научные интересы и большая

дружба. До сих пор не могу примириться с ее таким ранним и неожиданным уходом.

В работе над диссертацией я столкнулась с большими трудностями. Материал по теории чисел в записных книжках Эйлера оказался таким огромным, что сначала не знала, как к нему подступиться. Чувствовала себя, как человек, которого бросили в воду, чтобы он сам научился плавать. Но постепенно вошла в работу. Поняла, что прежде всего нужно из общего текста выбрать записи по теории чисел, расшифровать их и классифицировать. На это ушла уйма времени. Далее предстояло рассмотреть каждую заметку, выяснить, относится ли она к опубликованным сочинениям Эйлера или содержит ранее неизвестный результат. При этом следовало, как говорил Владимир Иванович, предельно внимательно относиться к каждому слову, каждой формуле и всегда помнить: это Эйлер!

Оказалось, что большая часть записей относится к разделу теории чисел, который носит название диофантова анализа. Их я и начала исследовать первыми. А когда все было написано, Владимир Иванович сказал: «Помилуйте, да этого вполне достаточно для диссертации. Кончайте, а остальным будете заниматься потом».

Когда работа была закончена, ее предстояло обсудить в Москве, в секторе ИИЕТ, в котором я числилась как аспирантка. Заведовал сектором Ашот Тигранович Григорьян. С ним, как и с Адольфом Павловичем Юшкевичем, я, конечно, была хорошо знакома. Других же сотрудников, перед которыми должна была выступить, встречала только изредка и знала совсем мало. Естественно, очень робела. Ведь это были такие известные ученые, как Василий Павлович Зубов, Борис Григорьевич Кузнецов, Лев Соломонович Полак, Эрнст Яромирович Кольман.

Когда я приехала для предзащиты, то после своего выступления услышала, что моя работа – это не диссертация, что диссертация предполагает решение крупной проблемы, имеющей идеологическое значение, а архив, неопубликованные рукописи – это не то, не годится. Говорили, что диссертант не виноват, что руководитель плохо поставил тему. Но он в Ленинграде, а я – здесь одна и не знаю, что ответить. Тогда ведь и под историю математики старались подвести идеологическую базу: конфликт между Кардано и Тартальей могли подать как проявление классовой борьбы. Конечно, к рукописному наследию Эйлера подойти с такой точки зрения очень трудно. В общем, натерпелась я большого страха. Я помню, что все были чрезвычайно серьезны и только Василий Павлович Зубов, слушая, веселился. В мою поддержку выступили он, Адольф Павлович, Ашот Тигранович и другие. При голосовании счет оказался в мою пользу и диссертацию рекомендовали к защите. Когда я рассказала Владимиру Ивановичу о происшедшем и добавила, что боюсь ехать на защиту, он засмеялся и сказал: «Не волнуйтесь, все будет хорошо. Это ведь болтовня, а надо дело делать!». Защитила я в Москве на Ученом совете ИИЕТ 30 декабря 1958 г. Все, действительно, кончилось хорошо.

В 1950-е годы коллектив ЛО ИИЕТ вместе с Музеем Ломоносова был совсем небольшим и возглавлял его Борис Варфоломеевич Федоренко. Ученым секретарем была Галина Евгеньевна Павлова, молодой кандидат исторических наук. Исследовательские темы касались в основном истории Академии наук и научной деятельности академиков – Л. Эйлера, М.В. Ло-

моносова, К.М. Бэра и других. Поэтому сотрудники в своей работе опирались на материалы Архива АН и проводили в его стенах большую часть времени. Можно сказать, что ЛО ИИЕТ было неотделимо от Архива АН. Например, его директор Георгий Алексеевич Князев – очень уважаемый, заслуженный человек, не покидавший Архива всю блокаду – читал нам, начинающим научным сотрудникам и аспирантам, курс архивного дела. Мы приходили в Архив, а он выезжал к нам на инвалидной коляске из своего кабинета и, не жалея времени, учил нас работе с документами. Тогда блокада Ленинграда еще хорошо помнилась; видимо, это накладывало на ленинградцев особый отпечаток.

У нас работали ученые, много сделавшие для создания истории Академии наук. Историки, профессор Анатолий Васильевич Предтеченский и другой Анатолий Васильевич – Кольцов, тогда еще совсем молодой человек, группа биологов под руководством профессора Бориса Евгеньевича Райкова, астроном Валентин Лукич Ченакал, физик Александр Алексеевич Елисеев, механик Алексей Петрович Мандрыка и др. Они объединяли вокруг себя других историков науки и техники, которых тогда в Ленинграде было много. На конференциях и заседаниях совета читались такие интересные доклады, что некоторые из них вспоминаются до сих пор.

Среди сотрудников ЛО ИИЕТ были люди незаурядные, талантливые, очень образованные. Например, Мария Григорьевна Новлянская, окончившая в свое время два факультета Высших женских Бестужевских курсов. В науку она пришла в далеко не молодом возрасте (кандидатскую диссертацию она защитила после 60-ти), но ее работы о географах XVIII в. – И.К. Кирилове, Ф.И. Страленберге, Д.Г. Мессершмидте заняли прочное место в историко-научной литературе. Подготовка к печати материалов экспедиции Мессершмидта, расшифровка трудночитаемого немецкого текста XVIII в., написанного готическим шрифтом, стоила ей потери зрения.

Дальше в судьбе наступил резкий поворот. К этому времени у меня уже были муж и дочь. В 1959 г. мы уехали в Ташкент. Мой муж Карим Рахимович Рахимов, по национальности узбек, был тогда аспирантом Института физиологии АН СССР и защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде. В аспирантуру он был направлен из Ташкента и должен был туда вернуться. Позднее он стал доктором биологических наук, профессором, заведовал лабораторией физиологии пищеварения Института физиологии АН УзССР. Он окончил Самаркандский университет, биологический факультет. Студенческую практику проходил в Ленинграде, в Институте физиологии. Там на него обратил внимание профессор Лобашов и рекомендовал его в аспирантуру.

Из Ленинграда я, естественно, уезжать не хотела, но меня официально «распределили» после окончания аспирантуры в Академию наук Узбекской ССР, в Ташкент. Тогда – в хрущевское время – республиканские академии расширялись, на них выделялись огромные средства, им нужны были кадры. Я стала одним из таких «кадров» и попала в Институт математики АН УзССР, который носил (и сейчас продолжает носить) имя Всеволода Ивановича Романовского, известного математика, одного из крупнейших специалистов по теории вероятностей и математической статистики. В свое время он закончил Петербургский университет, был учеником академика А.А. Маркова. Потом работал в Варшавском универси-

тете, перебазировавшемся с началом Первой мировой войны в Ростов-на-Дону, а в 1918 г. переехал в Ташкент и оставался там до конца жизни. Он был одним из основателей Ташкентского университета, создателем Ташкентской школы теории вероятностей.

Он умер за четыре года до моего приезда. Но в Ташкенте все математики, с которыми я потом работала долгие годы, были его учениками. Они его глубоко почитали. Мне довелось слышать от них много рассказов о нем как о замечательном человеке и ученом. Не без их влияния мы с Алексеем Николаевичем Боголюбовым написали книгу о В.И. Романовском для серии «Научно-биографическая литература». Она вышла в 1997 г. Учеником Романовского был и Сагды Хасанович Сираждинов, который стал моим шефом в работе по истории восточной математики. Незадолго до моего приезда он вернулся из Москвы, где проходил докторантуру у академика А.Н. Колмогорова, и был назначен директором Института математики АН УзССР. Вскоре его избрали членом-корреспондентом этой Академии, потом академиком; долгие годы он был ее вице-президентом. Умер он до перестройки, в 1986 г. Это был талантливый математик и интересный человек. Он поступил в Ташкентский университет, окончив школу в таджикском кишлаке, и в студенческие годы его опекал В.И. Романовский. У него он защитил кандидатскую диссертацию и был представлен им А.Н. Колмогорову.

К своим учителям Сагды Хасанович относился с огромным уважением. С Андреем Николаевичем встречался часто и тот, приезжая в Ташкент, бывал у него в гостях. Там и я познакомилась с Колмогоровым. С.Х. Сираждинов был человеком образованным, культурным, с широкими интересами. Свободно говорил по-французски. Очень интересовался историей Востока, историей культуры среднеазиатских народов. История математики его особенно интересовала. В этом мне, несомненно, повезло. Он предложил заняться историей математики средневекового Ближнего и Среднего Востока, или, как ее называют, «арабской» математикой.

Зная, что тема моей работы связана с Эйлером, он сказал: «Это, конечно, хорошо, но нам эта тема ни к чему. Нас интересуют арабские и персидские рукописи математического содержания, которые в большом количестве хранятся в Институте востоковедения и ждут, чтобы их начали изучать». Действительно, в Ташкенте имеется огромная коллекция восточных рукописей и среди них много сочинений по математике, астрономии и другим естественным наукам. Их в то время почти никто не исследовал.

Между прочим, так было везде. Именно по этой причине история средневековой математики долгое время оставалась изученной совершенно недостаточно. Для перевода восточного математического трактата требуется знание не только языка, но и математики, и еще – истории математики. Ведь лингвист, исследующий рукописи (арабист, китаист, специалист по санскриту), интересуется, естественно, прежде всего, сочинениями по литературе или истории, а математические оставляет без внимания. Ими занимались отдельные энтузиасты-любители – математики, физики и астрономы, которые выучили язык специально, чтобы познакомиться с содержанием этих трактатов.

Широкий интерес у историков естествознания к средневековым восточным научным документам возник только после Второй мировой войны.

Изучение сочинений на арабском и китайском языках, на санскрите дало очень любопытные результаты. Появились серьезные исследования, в которых пересматривались прежние, заниженные оценки истории науки в странах Востока в Средние века.

У нас основоположником и пропагандистом этого направления в истории математики стал Адольф Павлович Юшкевич. Под его влиянием китайской математикой занялась Эльвира Ивановна Березкина, а индийской – Александр Ильич Володарский. Он обратил особое внимание на важность изучения математики IX–XV вв. на Ближнем и Среднем Востоке и, в частности, в Средней Азии, поскольку этот период истории точных наук тогда по существу оставался «белым пятном». Его часто называют периодом «арабской математики», поскольку языком науки в то время был, главным образом, арабский язык. Адольф Павлович с успехом пропагандировал изучение этого языка и арабских рукописных сочинений по точным наукам, хранящихся в библиотеках нашей страны. Его поддержали многие и вскоре «арабская» тема приобрела немалую популярность среди историков математики. В Узбекистане это было само собой разумеющимся. Там уже в 1940-е годы Т.Н. Кары-Ниязов начал исследование астрономических трудов ученых школы Улугбека, процветавшей в Самарканде в XI в. С.Х. Сираждинову было ясно, что изучение рукописей сулит много интересного. Я оказалась в Ташкенте как раз вовремя. С.Х. Сираждинов направил меня на эту тему и очень решительно. Я должна была либо заняться ею, либо вообще бросить историю математики. А мне поступить так было жалко: я ведь уже стала историком, а это сильно затягивает!

Я согласилась и, таким образом, вступила в область востоковедения. Предстояло начать учиться арабскому языку.

Пришлось начать с нуля. Прежде всего С.Х. Сираждинов предложил собрать все, что есть в литературе, о развитии математики в Средней Азии с древнейших времен. Взялась я за дело с охотой, прочла множество русских и иностранных работ о Средней Азии, истории и истории культуры мусульманского Востока, о средневековой восточной математике. Уже через два года удалось сделать обзор этой литературы. Он вошел в мою первую книгу, которая вышла в 1962 г. под названием: «К истории математики Средней Азии IX–XV веков». Одновременно я начала изучение арабского языка. Это оказалось делом нелегким, потому что тогда в Ташкентском университете на филологическом факультете восточного отделения не было. Так что фактически пришлось стать самоучкой, хотя я и пыталась найти учителя.

Меня представили работавшему в то время в Ташкенте замечательному арабисту Юрию Николаевичу Завадовскому. Он был одним из тех, кто репатриировался после войны из-за границы в Советский Союз; многие из них оказались в Узбекистане. Он отнесся ко мне очень благожелательно, сказал, что готов был бы даже учить меня, но очень сильно загружен работой. «Правда, – заметил он, – я веду семинар по арабскому языку, но ходить туда не стоит: толку не будет». Тогда я обратилась в Институт востоковедения, к другому известному востоковеду – Альфреду Карловичу Арендсу. Он засмеялся: «Зачем Вам, математику, нужно учить арабский? Бросьте Вы это дело, не губите себя». Увидев, что я упорствую, задумался: «Ну, как мы можем Вам помочь?». Потом сказал: «Есть у нас один мо-

лодой человек, Толик Казибердов, репатриант из Сирии. Его родители – донские казаки, но сам он родился в Сирии и арабский язык ему родной. Он что-нибудь Вам посоветует». Толик выслушал меня и говорит: «Зачем Вы так все усложняете? Ну, язык как язык! Берите учебник и учите!». Это были замечательные слова, вселившие уверенность. Я потом всегда говорила, что если и был у меня учитель, то это Анатолий Лаврентьевич Казибердов. Он всю жизнь проработал в Институте востоковедения, был одним из ведущих сотрудников, защитил диссертацию по средневековой восточной философии...

Следуя умному совету, я взяла учебник арабского языка Ковалева и Шарбатова и принялась его штудировать. Труднее всего было вначале, когда учила алфавит. Повторяла его постоянно, даже сидя на ученых советах. Постепенно освоила арабскую графику, научилась писать и начала учить грамматику.

А потом – это было в 1961 г. – в Ташкент приехал в командировку Борис Абрамович Розенфельд, в то время уже ставший авторитетом как историк математики и «арабист». Адольф Павлович привлек его к этому делу, когда он жил в Баку и преподавал в университете геометрию. Борис Абрамович был человеком энергичным, смелым, с языками справлялся хорошо, и тема его очень заинтересовала. Он быстро освоил арабский язык в той мере, чтобы понимать математический текст. В Баку он опубликовал свои первые переводы. Потом переехал в Коломну, где у него появились первые ученики, а затем стал сотрудником ИИЕТ. Вместе с Адольфом Павловичем они начали объединять всех, кто проявлял интерес к «арабской» математике. Заслушивались доклады на заседаниях сектора и конференциях, представлялись к печати работы авторов из родных городов.

Появление Бориса Абрамовича в Ташкенте послужило для нас внушительным толчком. Когда Сираждинов познакомил меня с ним, он сразу спросил: «Арабский язык учите?». Я ответила: «Учу». Он сказал: «Распишитесь по-арабски». Я не была к этому готова, растерялась, но худо-бедно расписалась. Он посмотрел и говорит: «Пойдет. Я сейчас дам Вам текст, и Вы беритесь за его перевод. По ходу дела усовершенствуетесь». Так вот, с тех пор я твердо уверена, что самый лучший метод научить человека плавать – это просто бросить его в воду. Убедилась на собственном опыте.

Арабским текстом, который я получила, был изданный в Хайдарабаде «Трактат о соизмеримых и несоизмеримых величинах» неизвестного математика X–XI вв. Ибн ал-Багдади. Как и в других хайдарабадских изданиях, текст напечатан по рукописи, без всяких пояснений. Трактат представляет собой комментарий к X книге «Начал» Евклида, самой трудной книге этого сочинения. Чтобы сделать осмысленный перевод, мне потребовалось, прежде всего, разобраться в евклидовой теории квадратичных иррациональностей, изложенной с помощью геометрии. Кроме того, понять содержание оказалось нелегко, потому что в Средние века не существовало привычной для нас математической символики: вместо знаков математики употребляли слова. Нужно было, поэтому, сделанный перевод еще, так сказать, «перевести» на современный математический язык.

К счастью, по содержанию мой трактат оказался очень интересным. Билась я над ним долго, но, в конце концов, удалось хорошо понять его и

прокомментировать. А вот по форме перевод выглядел плохо. Сказывалось недостаточное знание грамматики. И здесь мне очень повезло: я познакомилась с арабистом, закончившим МГУ – Беллой Яковлевной Ошеревич, которая некоторое время работала в Институте философии АН УзССР, а позже переехала в Алма-Ату. Она заинтересовалась мной, посмотрела перевод, поохала, а потом дала мне несколько уроков и привела, таким образом, мой арабский язык в порядок.

О трактате Ибн ал-Багдади я сделала несколько докладов – в Ленинграде на конференции арабистов и в Москве на Международном конгрессе математиков в 1966 г. Потом перевод был опубликован.

За этим последовали другие арабские трактаты о теории квадратичных иррациональностей. Их переводы вошли в мою книгу «Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке», которая вышла в 1967 г.

Тема исследования оказалась настолько интересной, что захотелось выяснить, какой была судьба этого учения в Европе, куда арабская математическая литература проникла в XII в. Во время командировок в Москву и Ленинград я познакомилась с латинскими средневековыми сочинениями, которые хранятся в отделах редкой книги центральных библиотек. Этот материал вошел в вышедшую в 1971 г. книгу «Развитие учения о числе в Европе до XVII века» и в докторскую диссертацию («Учение о числе в Средние века»), которую я защитила в 1968 г.

В то время вопрос о характере «арабской» математики обсуждался очень широко и пересматривалась ее оценка. Раньше укоренилось мнение, что она носила сугубо прикладной характер, что арабы успешно разрабатывали новые вычислительные приемы, а что касается теоретического наследия древних греков, то они его вообще не освоили. Заслугу их в этом отношении видели в том, что они перевели труды греческих классиков на арабский язык, сохранив их таким образом от забвения, а затем передали их в Европу, где эти труды были осмыслены и послужили стимулом быстрого развития математической теории. Но после войны появились переводы на европейские языки неизвестных раньше арабских сочинений, которые опровергали эту точку зрения. Постепенно пробел в знаниях об «арабском» периоде истории математики стал заполняться и появилась возможность оценить его более справедливо. Это сделал А.П. Юшкевич в своей книге «История математики в Средние века», которая вышла в 1961 г. и много раз переиздавалась на разных языках.

Она вызвала большой интерес и явилась сигналом к расширению исследований. Моя работа шла в этом русле. Мне удалось показать, что ученые стран Ближнего и Среднего Востока не только хорошо поняли все тонкости античного учения о числе, но и существенно его развили.

Вообще, чтобы с толком изучать историю восточной науки, необходимо знать не только гражданскую историю, но также историю культуры и религии, религии ислама. Это касается как истории математики, так и астрономии, которой мне тоже пришлось заниматься очень основательно. Моя последняя книжка, вышедшая в Ташкенте, это «Очерки истории тригонометрии». По содержанию она большей частью астрономическая. Таким был характер математической науки того времени.

Могу сказать, что заниматься этими вопросами очень интересно. В течение сорока лет мне довелось работать с замечательными учеными-восто-

коведами, сотрудничать с ними в изучении и издании трудов классиков восточной науки – Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми, Абу Райхана Бируни, Абу Али ибн Сины, Улугбека. О таких людях, как астроном Владимир Петрович Щеглов, как арабист Павел Георгиевич Булгаков, можно было бы рассказать очень много.

А в Институте математики под руководством С.Х. Сираждинова на протяжении сорока лет разрабатывалась тема: «История математики в Средние века на Ближнем и Среднем Востоке, включая Среднюю Азию». Мы издали шесть научных сборников, «Математические трактаты» ал-Хорезми и многое другое. У нас были аспиранты. У меня девять человек защитили диссертации на степень кандидата физико-математических наук, двое из них потом стали докторами исторических наук, один – педагогических. Мы работали всегда в контакте с московским Институтом истории естествознания и техники, с Адольфом Павловичем и Борисом Абрамовичем. По существу, все мы составляли одну группу – все, кто работал над этой темой: в Москве, Ташкенте, Душанбе, Алма-Ате, Баку и в других городах. Нас было много и все друг друга хорошо понимали. Постоянно проводились конференции, семинары. С западными учеными были хорошие связи. И сделали мы все вместе немало полезного. А потом наступила новая эпоха, и все ушло в прошлое.

Новый период наступил и для меня: я оказалась в Оренбурге, где стала профессором пединститута, вскоре преобразованного в Оренбургский гос. педагогический университет, ОГПУ. Но фактически жила одновременно в Оренбурге и в Ташкенте, потому что ездила туда регулярно через три–четыре месяца. Это, конечно, давалось нелегко, но другого выхода не было. Там продолжала работать в Институте математики. Вместе с моей сотрудницей Р.И. Мухамедхановой написали книгу о нашем институте, которая вышла в Ташкенте в 2001 г. В 2000 г. меня избрали академиком Академии наук Узбекистана. В Оренбурге, помимо преподавания и руководства аспирантами, я занялась краеведением. Очень этому рада, потому что иначе было бы скучно.

Публикуется по: Архив истории науки и техники. Вып. III. М., 2007. С. 445–461.

1954 год

ПАВЛОВА
Галина Евгеньевна

В 1944 г. вернулся из эвакуации Ленинградский университет. Война еще не закончилась. Мы были первыми, кто после возвращения университета поступил на исторический факультет. Я должна сказать, что конкурса никакого не было. Принимали 300 человек, и мы были объединены с абитуриентами, которые поступали на юридический факультет. Там тоже не было конкурса, и нас, кто сдал экзамены, уговаривали перейти на юридический факультет. Здание истфака было еще занято под госпиталь, и занятия проходили на филфаке, часть помещений которого была также занята под госпиталь. Но потом война от Ленинграда отошла, и помещения стали освобождать. Вот так я поступила на исторический факультет. Это было в ноябре 1944 г.

Выбор моей профессии был предопределен. Моя сестра по своему складу гуманитарий, хотя и стала медиком. Она собиралась поступать на исторический факультет, на археологическое отделение, поэтому я уже была как бы приобщена к истории, которую она выбрала. А папа по каким-то соображениям считал, что я должна пойти в Оптико-механический институт, который был напротив нашего дома. Но случилось так, что я пошла по стопам сестры. В том, что она выбрала истфак, большое значение сыграла ее преподавательница истории Ксения Владимировна Рубец. Эта удивительная женщина работала в школе и одновременно в Эрмитаже, вела там занятия со школьниками, студентами. Она окончила Сорбонну в Париже, прекрасно знала французский, немецкий, английский языки. Она нам много рассказывала интересного. Короче говоря, она была высокого уровня культуры и образования, да и жила от нас недалеко.

Однажды, во время блокады, произошел такой эпизод. Все было ужасно, все голодали. К.В. Рубец по натуре была очень общительная и просила ее не забывать. Ее сын уехал в эвакуацию, а она осталась в Ленинграде. Мы иногда заходили к ней вместе с сестрой. Один раз мы пришли, а с собой у нас был коробок, а в нем 3–4 спички, чтобы использовать их при возвращении по темной лестнице. Она рассказала нам, что уже целую папку материалов собрала, чтобы потом написать книгу о блокаде. Когда мы собрались уходить, то выяснилось, что у Ксении Владимировны в доме нет ни одной спички. Мы отдали ей коробок. После блокады Ксения Владимировна написала книгу «Они учились в Ленинграде», где вспоминала этот эпизод: «Пришли сестры Павловы, Людмила и Галина, и после разговора о том о сём, выяснилось, что у меня нет ни одной спички. А у них был коробок с двумя или тремя спичками, и они мне его подарили. Представляете, какое это было богатство для меня?!» Это написано в этой книге, которая была издана в 50-е гг. К.В. Рубец пережила блокаду, работала в Эрмитаже, и я там с ней встречалась.

Когда я завершила учебу в университете, сестра, окончив медицинский, уехала в Карело-Финскую республику, где работала в одном приграничном городе заведующей больницей. А у нас после всех перипетий от трехкомнатной квартиры осталась только одна комната. Сестра должна была через три года вернуться обратно в Ленинград, так что мне во что бы то ни стало надо было остаться в Ленинграде, чтобы сохранить комнату. В это время по предложению Матвея Александровича Гуковского я стала проводить экскурсии по Эрмитажу, по Петровской галерее. Знания, полученные на истфаке, мне здоровогодились в моей экскурсионной деятельности. Я занималась XVIII веком и уже хорошо знала Петра I и его время. Мне кажется, что я нашла себя, окончив исторический факультет. И в выборе пути не последнюю роль сыграла К.В. Рубец.

Первым моим университетским учителем был Сигизмунд Натанович Валк. Об этом человеке надо сказать особо. Это был настоящий петербургский профессор. Именно такими я всегда представляла профессоров. Он был среднего роста, с бородкой, говорил сбивчиво, слегка заикался, немножко торопился, и не всегда мы могли уловить суть дела... Но это был добрейший человек. Я бывала у него дома. Он жил на Петроградской стороне. К сожалению, когда мы учились, у него скончалась жена, и он остался совершенно один. Детей у него не было. Что меня поразило, когда

я первый раз попала в его дом? Это старая петербургская квартира, во дворе, без лифта, большие лестничные пролеты. Если память мне не изменяет, он жил на 4-м этаже. В квартире длинный, длинный коридор, который был уставлен книжными шкапами. Это было море книг! И первое, что меня удивило, как он ориентируется в этом море? Я спросила (нас было несколько человек), есть ли у него какие-либо картотеки. Он ответил: «Нет, но я же сам собирал эту библиотеку, поэтому знаю каждую полку и могу любую книгу найти в течение 10–15 минут, да и то если мне надо лезть на стремянку». Его письменный стол был весь завален книгами, а еще была крутящаяся этажерка с подсобными книгами, которые ему были нужны каждый день для работы.

Сигизмунд Натанович Валк был человек очень скромный. Он ученик известного петербургского профессора А.С. Лаппо-Данилевского. Он нам излагал все, что сам по крохам собирал от своего учителя. Хотя достоинства С.Н. Валка были известны всем и в Ленинграде, и в Москве, он так и скончался, не получив даже звания члена-корреспондента. А по отзывам многих ученых, он был достоин звания академика. У него была масса трудов, он был ходячая энциклопедия по русской истории. У нас были спецсеминары по источниковедению, по историографии. И первое, что я помню, это была тема «Русская правда», по ней мы постигали азы источниковедения и историографии.

Случилось так, что с 3-го курса я перешла на другую кафедру. Сигизмунд Натанович болел, и ему было трудно вести занятия. И я перешла на кафедру Средних веков. Моим руководителем стал тоже очень известный ученый в Ленинграде, Москве и за рубежом Матвей Александрович Гуковский. Одновременно он был и директором Эрмитажа в Ленинграде. Он очень хорошо знал итальянский, английский, французский языки. По его предложению я стала специализироваться по истории Италии эпохи Возрождения.

Я писала у него дипломную работу, часто бывала у него дома. Он жил при Эрмитаже, в роскошной квартире. И вообще он был полной противоположностью С.Н. Валку. Это был очень жизнелюбивый человек, небольшого роста, спортивного склада, играл прекрасно в теннис, хотя тогда это не очень было модно. Словом, ничего в жизни ему было не чуждо. Он совмещал и науку, и любовь к жизни. Ходил в театр, кино, очень много рассказывал о своей жизни. Вот я у него, собственно, и заканчивала Ленинградский университет.

В 1949 г. я получила диплом с отличием. Сразу же после окончания университета меня рекомендовали в аспирантуру. Матвей Александрович был инициатором моего поступления в аспирантуру. Сдача госэкзаменов сочеталась со сдачей по специальности и по некоторым предметам уже в аспирантуру. Поэтому осенью мне предстояло сдать только французский язык, которым я занималась. Еще я изучала итальянский у преподавателя, поскольку все книги, которые нужны были для моей дипломной работы, а называлась она «Народная струя в культуре Флоренции XIV–XV вв.», – были на итальянском.

Но когда, после небольшого отдыха, я вернулась в университет, то оказалось, что Матвея Александровича Гуковского арестовали. Ему ввели жуткую статью, будто бы он расхищал картины Эрмитажа. Забрали его, его брата... И наша кафедра очень обеднела.

У нас на кафедре был очень хороший специалист по Франции – известный профессор А.Д. Люблинская. Она предлагала мне перейти к ней в аспирантуру, но я так растерялась и, хотя немного владела французским языком, заколебалась. Мне очень трудно было приходиться в комнату, где бывал Матвей Александрович, где у нас проходили семинары, где мы общались. Но тут я получила предложение... У нас был декан исторического факультета профессор Мавродин. Он узнал, что я осталась без руководителя, и сказал: «Я вам дам очень хорошую тему для кандидатской диссертации». Почему-то он предложил тему, которая меня обескуражила: «Русские казаки в Испании». Я говорю: «Знаете, я должна каким-то образом иметь связи с Испанией, с казаками. Но ни того, ни другого у меня нет». В общем, я как-то не очень решительно, но отказалась.

В университете был у нас известный профессор Семен Бенцианович Окунь, и он мне предложил заняться декабристами. Это было более реально для меня. Я его знала по лекциям. Это были артистические лекции. Он читал историю России с конца XVIII по первую половину XIX вв. Он был очень эффектный мужчина. Ходил в морской форме, так как во время войны он был на флоте не то корреспондентом, не то сотрудником одной из морских газет. На его лекции стекались со всех факультетов. Зал всегда был полный, особенно на лекциях об убийстве Павла I. Он так красочно все изображал, что все были в диком восторге и устраивали такие аплодисменты, что иной актер мог бы ему позавидовать. Хотя у него не было морского образования, но он был душой моряк. Он мне предложил изучать декабристов-моряков. Через некоторое время я стала заниматься исследованием жизни и творчества Николая Бестужева.

А еще у нас в университете был знающий профессор, историограф С.Л. Пештич. У него была неплохая работа по русской историографии. Он много работал в Архиве Военно-морского флота и видел там рукопись Николая Бестужева по истории российского флота. Но по оплошности он не записал ни фонда, ни дела, ничего. Пештич посоветовал мне покопаться в архиве и поискать ее, сказав при этом, что часть этой работы Бестужев опубликовал в журналах ещё до восстания декабристов.

Я работала в этом архиве долго и упорно. И вот среди массы документов мне все-таки посчастливилось найти эту рукопись. Работа Бестужева частично была опубликована в «Соревнователе просвещения». Остальная часть рукописи, а также его наброски, огромные фолианты с его собственноручными выписками из первоисточников, хранились в архиве. Это была интереснейшая работа; и сам его текст, и та подготовительная работа, которую Бестужев проводил прежде, чем написать работу по истории флота. Он был историографом российского флота; при «Морском Экипаже» у него была такая должность.

Я работала также в архиве Пушкинского дома, где хранится прекрасное собрание писем из Сибири Николая Бестужева. Там я нашла очень много интересного. И вот написала диссертацию и защитила ее немного раньше срока. Материал был очень ярким. Ну, конечно, мне Семен Бенцианович подсказывал кое-что. По отзывам специалистов, моя диссертация была оценена довольно высоко. Я, например, горжусь тем, что известный ученый И.С. Зильберштейн, собрание картин которого положило начало Музею частных коллекций при Пушкинском музее, специально при-

езжал, чтобы со мной познакомиться, поскольку у меня было много нового материала, а он готовил к изданию акварели Николая Бестужева. Он был хороший художник, и там в Сибири на каторге он рисовал всех товарищей по несчастью. А у Зильберштейна была прекрасная коллекция художественных произведений. Я у него была дома и видела его великолепное собрание И.Е. Репина (как он добывал эти произведения искусства – это другое дело). И.С. Зильберштейн человек очень образованный. Долгие годы он был главным редактором «Литературного наследства». В опубликованном «бестужевском» томе есть ссылки на мою диссертацию. Когда я защитилась, Семен Бенцианович Окунь мне порекомендовал опубликовать из диссертации одну главу совершенно нового материала. Это был 1952 год – очень трудное время, можно сказать, послевоенное. Но Окунь связался с Издательством Военно-морского флота. Я послала туда часть своей рукописи, и она попала к адмиралу Ивану Степановичу Исакову. Он автор многих литературных и исторических работ. Я, правда, с ним не была знакома, но разговаривала по телефону. У него были ампутированы обе ноги, и он работал только дома. Он жил в Москве, а я – в Ленинграде, поэтому нам встретиться не удалось. Короче говоря, мою главу и с моим предисловием издали в 1953 г. небольшой книжкой. Для меня было очень почетно и радостно, что моя работа не пропала даром. А когда книга вышла, И.С. Исаков через своего адъютанта предложил мне работать в так называемом «Морском атласе», где готовились морские и сухопутные карты. Там был большой коллектив, который вел эту огромную работу, а он был главным редактором. Но я тогда не могла принять это приглашение, у меня родился сын. В то время на работу историку было так же тяжело устроиться, как и сейчас. Там была очень хорошая зарплата, но, в общем, случилось так, что я не попала в картографы...

В эти годы С.Л. Пештич, о котором я уже говорила, был связан с коллективной работой по истории Ленинграда. Выходил как раз первый том, в котором была глава, написанная сотрудником ИИЕТ А.А. Елисеевым, но что-то там не заладилось, и мне предложили переписать эту работу. Я тогда была без работы и воспользовалась предложением. Я подготовила раздел по истории науки в Санкт-Петербурге в конце XVIII–1-й половине XIX вв. Раздел «Естественные науки в Ленинграде в первой половине XIX в.» был издан в 1-м томе «Истории Ленинграда» за двумя подписями – моей и Елисеева.

Потом, в 1954 г., я узнала, что создано Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР и туда набирают сотрудников. Я подала документы. У меня было несколько публикаций, в том числе по истории науки, и я была 1 октября 1954 г. зачислена младшим научным сотрудником в наш Институт. С того времени и до сего дня я являюсь свидетелем исторического развития нашего Института. Вот с тех пор и началась моя деятельность в области истории ломоносововедения, истории Академии наук. Какое-то время я занималась историей советской науки и участвовала в подготовке сборника «Организация науки в первые годы советской власти». Но поскольку я все-таки считала себя приверженцем XVIII–XIX веков, то я остановилась именно на этом времени.

Я начала работать в Институте в Музее М.В. Ломоносова. Это было уникальное научное и просветительское учреждение, оно тогда подчиня-

лось нашему Институту. Директором был Валентин Лукич Ченакал. Это была, конечно, незаурядная личность. Хотя тогда он не имел высшего образования, но был подлинный историк науки. На эту должность его пригласил Сергей Иванович Вавилов, который и был создателем этого музея. Имя Сергея Ивановича Вавилова носит теперь и наш Институт. И Ченакал был, правда, не с первого дня, до него был Р.И. Каплан-Ингель – архитектор, который вместе с С.И. Вавиловым организовывал Музей Ломоносова. Но все-таки потом, в связи со всякими пертурбациями тех лет, в 1953 г. он был отстранен. Я не знаю его дальнейшей судьбы, но во всяком случае, когда я пришла в Музей, директором был В.Л. Ченакал. Он был специалистом в области истории научных инструментов XVIII–XIX вв., опубликовал много статей, несколько книжек по академическим инструментам XVIII в. У него была книга об И.И. Беляеве, а также много других, которые были основаны только на архивных материалах. Он не признавал никаких компиляций, никаких переписываний из одной книжки в другую.

Архив Академии наук был за углом. Это было совершенно уникальное сочетание Архива и Ленинградского отделения ИИЕТ. В Москве еще не было Архива АН, была просто группа, которая работала в Президиуме (в подвале) и собирала документы текущих дел. А вся основная часть Архива была в Ленинграде.

И вот я окунулась в эту среду, где самое главное – работа в архиве, в библиотеке. Библиотека Академии наук от нас тоже в 5–10 минутах ходьбы, Музей Ломоносова помещается в Кунсткамере, а Архив буквально рядом, Библиотека на Менделеевской линии, а Главное здание, как оно называлось раньше, Президиума АН – это Университетская набережная, 5.

В этом здании у нас была одна роскошная комната, метров 50, где располагалось все Ленинградское отделение Института. Тогда его возглавлял, наверное, уже всеми забытый Борис Варфоломеевич Федоренко. Он был хороший организатор и своеобразный человек. Очень стремился к карьере, но не мешал работать. Затем я познакомилась с профессором Александром Игнатьевичем Андреевым, который в то время не был в большом почете, хотя был, конечно, ученым высшего класса. Андреев из той же плеяды, что и Валк, очень знающий и великолепно подготовленный историк во всех областях. С ним можно было консультироваться по любому вопросу в области истории и даже жизни. Он был очень доброжелательный, но у него не сложились отношения с Федоренко...

Самый яркий человек, с которым я тогда познакомилась, – это Анатолий Васильевич Предтеченский. Он был главным по составлению и подготовке первого тома «Истории Академии наук» (со времени основания Академии наук до 1803 г., т.е. принятия второго Устава Петербургской академии наук). Мне посчастливилось с ним проработать более десяти лет. Это был удивительный человек. В это время он тоже претерпел немало огорчений, потому что шли обвинения в космополитизме, обвинения в необъективном изложении истории. Эти гонения, конечно, очень сказались на профессорах старой – старой в лучшем смысле слова – дореволюционной школы. Хотя Анатолию Васильевичу тогда, я думаю, было немного более 60-ти. И он никогда не скупился поделиться и своими собственными воспоминаниями, и сведениями по истории Академии наук. И я попала именно в эту среду.

У нас было действительно много замечательных людей. Особенно мне повезло, что я попала в Музей Ломоносова, где была жива память о Ломоносове, как основателе отечественной науки. В этом отношении очень много сделал Сергей Иванович Вавилов. Собственно, он поднял на щит Ломоносова, он создал этот центр изучения научного наследия Ломоносова. И надо сказать, что вся академическая интеллигенция посещала наши заседания, которые проводились два раза в год: в день рождения и в день смерти Ломоносова. Эти заседания основал С.И. Вавилов, он привлекал к ним всех крупнейших ученых, не только занимающихся Ломоносовым, но и просто знающих историю науки. Это Владимир Иванович Смирнов – математик, академик, который заведовал кафедрой в Ленинградском университете; Торичан Павлович Кравец – великолепный ученый, член-корреспондент, И.Ю. Крачковский, Д.С. Лихачев, П.Н. Берков.

Сергей Иванович Вавилов переехал в Москву, но сохранились традиции, и заседания продолжались. Он всегда приветствовал участников. Заседания проходили в Музее, в том зале, где воссоздана обстановка Конференц-зала Академии наук XVIII в. Там круглый огромный стол, покрытый суконной скатертью, посередине на книжной подставке Академический устав 1747 г., а с другой стороны – Регламент 1803 г. Все усаживались за этим столом, кому не хватало места – в простенках. Собиралось всегда человек 50–60. Сделать доклад на таком заседании была большая честь. Я выступала на этих заседаниях несколько раз.

Когда я пришла работать в Музей Ломоносова, то А.И. Андреев и А.В. Предтеченский предложили мне участвовать в подготовке полного академического собрания сочинений Ломоносова. Но поскольку все тома были уже распределены между сотрудниками, оставался только VIII том, посвященный литературному наследию Ломоносова, где также были свои составители комментариев, а основные материалы поделены. И я стала работать над разделом «Иллюминации и надписи к ним Ломоносова».

Главным редактором VIII тома был Георгий Петрович Блок – выдающийся литературовед, ученый. Он – дальний родственник Александра Блока – петербургский интеллигент, удивительный человек, добрый, знающий. Я не очень разбиралась в таких, можно сказать, специальных вопросах, а он мне помог, подсказал, где найти в Эрмитаже необходимые гравюры-иллюстрации. Этот раздел я подготовила. Там было почти два печатных листа моих комментариев. Еще повезло, что мне предложили написать обзор всех ломоносовских заседаний, начиная с основания и до 1957 г. Так я приобщилась к Музею Ломоносова.

Потом ушел из Института Федоренко. Пришел новый директор – Петр Павлович Перфильев – выдающийся ученый-паразитолог, приятель профессора Б.Е. Райкова. Перфильев заведовал кафедрой в Военно-морской академии, но интересовался и историей паразитологии. Его пригласили заведовать нашим Ленинградским отделением Института.

В 1957 г. к нам в Отделение приехал директор Института Николай Александрович Фигуровский. Я его знала. Он приезжал и раньше, выступал в Музее с докладами. И он предложил мне стать ученым секретарем Ленинградского отделения. С 1957 г. по 1972 г. я работала ученым секретарем Ленинградского отделения Института. В этот период у меня появился большой круг знакомств, так как по характеру работы мне приходилось общаться со многими людьми.

Много было всего разного: приятного и не очень. Но во всяком случае, я работала в нашем филиале с большим удовлетворением без малого 18 лет, с 1954 г. до конца 1971 г., пройдя все ступени.

Первый директор Института А.М. Самарин к нам не приезжал, я его не видела. Потом был Иван Васильевич Кузнецов. Он к нам приезжал, много, пространно говорил, но был очень доброжелательный человек, никаких нам не чинил препятствий. Он был директором, по-моему, год с небольшим. Потом был Фигуровский. С ним у меня сложились хорошие отношения. После Фигуровского директором Института стал Б.М. Кедров. С Кедровым было работать очень тяжело. Он поставил нас в жуткое положение. Работу нашего Института заслушивал Президиум. Келдыш тогда был президентом. И Кедров на Президиуме заявил: «Чтобы мне успешно руководить Институтом, я прошу записать в распоряжение, которое будет подготовлено, что я могу уволить 12 человек». Он был такой человек, если ему было что-то нужно, то он своего добивался. И ему разрешили уволить. Конечно, все стали возражать. Кого увольнять? В Ленинградское отделение он «бросил», по-моему, 5 человек на увольнение. В Москве все-таки коллектив порядка 200 с лишним человек, а у нас 40 едва насчитывалось. И нам уволить 5 человек, это было сверхъестественно.

И тут началось. У нас, например, работала Галина Александровна Андреева, своеобразная женщина. Она была дружна с Н.А. Фигуровским и писала ему из Ленинграда письма. Не знаю, но каким-то образом ее письмо к Николаю Александровичу попало к Б.М. Кедрову, наверное, как к директору института.

Еще у нас работал такой А.М. Мурзин. К нам он пришел из какого-то теплоэнергетического института. Он был слепой, на фронте потерял зрение. Он был дружен с В.В. Данилевским, вместе с В.П. Зубовым готовил к изданию «Избранные труды» Г.В. Рихмана. И вот Кедров сказал: «Уберите Мурзина». Мы в ответ: «Куда мы его? Слепой человек. Пострадал на фронте». Кедров: «Пусть его берут на прежнюю работу». Мы с Анатолием Васильевичем Кольцовым три раза ходили туда, умоляли. Все-таки они благородно поступили, взяли его. И так со всеми остальными кандидатами на увольнение. Мы, по-моему, больше года с Анатолием Васильевичем устраивали всех уволенных. Потом был такой Ф.Н. Загорский, а также В.Б. Вилинбахов – очень строптивый молодой человек. Он тоже не вписался, и у него вечно были какие-то неприятности. К тому же он дружил с Г.А. Андреевой, вот Кедрову это, наверное, и не понравилось. Короче, с этим Вилинбаховым он нас замучил. Но Вилинбахов сам ушел. Был страшный скандал, о нас писали все газеты, мы не успевали отвечать – то в «Известиях», то в «Правде», походы в райком... А секретарем партийной организации была Макеева Валентина Николаевна – верный служака партии. Она большей частью предъявляла претензии по устройству уволенных мне как ученому секретарю. В общем, как-то мы выкрутились, но вот несколько человек все-таки пришлось уволить. Словом, с Кедровым было очень трудно работать. Но отчасти с С.Р. Микулинским то же самое. Я была еще в Ленинграде, а он был замдиректора, и Кедров ему многое поручал. А когда были все эти неприятности с увольнением, Микулинский говорил: «Да мы эту Павлову уберем, выгоним ее...».

Особенно на долгие годы запомнилась мне встреча с академиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Дело было в 1961 г., когда возникла идея пе-

рестройки Академии наук, и встал вопрос о том, что наш Институт должен выйти из системы Академии наук и перейти в ведение Министерства образования. От этого зависело очень многое, так как сразу менялся статус нашего Института, а именно: совсем другие зарплаты, другое обеспечение и с печатанием работ, и вообще это более низкий ранг...

Это был неприятный период в истории нашего Института, возникла угроза его существованию. Стали готовить письма в Президиум АН, в ЦК КПСС, чтобы нас оставили в Академии наук. Для этого нужна была поддержка видных ученых, которые могли дать характеристику работам нашего Института в Москве и филиала в Ленинграде. Мне позвонили и сказали, что нужно обязательно заручиться поддержкой у такого авторитетного ученого, как академик Иоффе. Я должна была к нему прийти и все объяснить, чтобы он подписал письмо. Несколько человек уже подписали, но главное – это было имя академика А.Ф. Иоффе. И тогда, я, пользуясь своим знакомством, а точнее, знакомством Ченакала с первым заместителем Иоффе, договариваюсь о встрече. Когда я пришла к Абраму Федоровичу Иоффе, к этому замечательному ученому, я не могла поверить, что смогу вот так запросто с ним разговаривать. Это был изумительный, конечно, уже пожилой и очень доброжелательный человек. Он встретил меня с улыбкой, встал, как полагается, поприветствовал, посадил, стал расспрашивать о нашем Институте.

Оказалось, что наш историк физики профессор Я.Г. Дорфман был его учеником. Они вместе работали в Баку. И он стал рассказывать о Дорфмане, что он очень способный человек, но очень ершистый, и поэтому испортил себе карьеру. Если бы он так не ершился, то уже был бы, наверное, академиком, потому что способности к физике у него необыкновенные.

Мы о разном поговорили с А.Ф. Иоффе: я посетовала на судьбу Института, и он без звука подписал письмо, заверив, что будет поддерживать нас во всех высших инстанциях. Он уже не работал в Физико-техническом институте, а был директором Института полупроводников. В то время как раз разворачивалось именно это направление, и он получил роскошный особняк на берегу Невы с видом на набережную.

Он рассказал мне, как жил и учился за границей, как начались на него гонения. Оказывается, он жил рядом со своей лабораторией, и как он говорил: «Когда началась при Сталине вся эта история борьбы с космополитизмом, возник так называемый еврейский вопрос, то первым делом закрыли кирпичной стеной мою дверь, которая выходила прямо в лабораторию, чтобы я там не появлялся. Около лаборатории поставили военную охрану, хотя работы продолжались, там были мои ученики, мои труды, библиотека. Я не мог туда попасть, потому что эта кирпичная стена отделяла мою квартиру от лаборатории, а охране не велено было меня пускать... Иногда мне все-таки удавалось их уговорить, чтобы взять хоть какие-то материалы. Я, конечно, не прекращал научную работу дома. А теперь я опять в почете...». Он называл мне фамилии философов, которые его смешивали с... Он их всех назвал и добавил: «А когда я получил институт, то они оказались моими лучшими друзьями. Все стали ко мне подходить. Но я такой человек, что не мог не подать им руки, потому что я воспитан по-другому. Другой бы отвернулся и ушел, но я по своей мягкотелости не могу им в глаза сказать то, что думаю. В общем, неважно... Я

очень рад, что мой помощник меня с вами познакомил». А это был такой Монус Самуилович Соминский. Он после смерти Абрама Федоровича эмигрировал в Израиль. Он, кажется, не был большим ученым-физиком, но он обеспечивал существование этого института, поддерживал и помогал академику Иоффе. А у нас с ним были тесные связи. Соминский был большой любитель старины, собирал антикварную мебель. А для Музея Ломоносова – с благословения С.И. Вавилова – была приобретена уникальная мебель XVIII – начала XIX вв. И он приходил к нам любоваться. И не он один. К нам специально приезжали даже из Москвы, например, артист Б.Н. Ливанов. А помещались мы в Мюнцкабинете бывшей Кунсткамеры, где прекрасный лепной потолок. В этом кабинете хранились монеты и медали, которые были собраны при Петре I и в более позднее время.

В филиале нашего Института на Университетской набережной тоже доводилось устраивать заседания, поскольку именно ученый секретарь должен был заниматься такой организационной подготовкой. Мы очень хорошо провели юбилей – 250-летие со дня рождения Ломоносова, который отмечался в 1961 г. У нас были и другие, очень интересные юбилеи. Например, 250 лет со дня рождения Леонарда Эйлера, когда нас посетила заместитель директора нашего института Валерия Голубцова – жена Г.М. Маленкова. Юбилей Л. Эйлера отмечался во всем мире. К нам должны были приехать много зарубежных ученых. Но главное, что перед этим юбилеем нам пришлось перезахоронить прах Эйлера. В свое время он был похоронен на Смоленском немецком кладбище. А оно было таким заброшенным, могилы не ухожены, кресты уничтожены, деревянные спилены во время блокады, а каменные растащили. А могила самого Эйлера в запустении. В общем, правительство приняло решение перезахоронить прах Л. Эйлера в некрополе Александро-Невской лавры. Это было поручено Ленинградскому отделению нашего Института.

Когда вскрыли могилу, там оказались останки не только Леонарда Эйлера, но и всей его семьи. Мы все останки сложили в гроб, а потом на автобусе повезли прах в Александро-Невскую лавру. Там проходила масса всяких экскурсий. Люди нас окружили и спрашивали, почему на этом историческом кладбище, на котором давно никого не хоронят, проходят похороны? Это вообще закрытое кладбище – памятник истории и искусства. И когда несли этот скромный гроб, все были в недоумении: нет народа, нет музыки, нет цветов. У нас была не очень приятная миссия, но мы ее достойно выполнили. И когда действительно приехало много гостей из-за рубежа, то нам было не стыдно: на могиле было большое надгробие, и состоялся митинг. Приезжали М.В. Келдыш, все руководство Академии наук (тогда был еще жив А.В. Топчиев), много других известных ученых.

Один раз был очень неприятный эпизод. Тогда директором был Бонифатий Михайлович Кедров. Это были 60-е гг. В Ленинградском университете был один доцент, он поехал в Америку. И там его не то завербовали, не то он сам перешел в стан врага, как тогда считалось. Ну, в общем, это было ЧП. Университет был в этом же Василеостровском райкоме, которому подчинялись и мы. Там сняли несколько человек. Но прошло – 3 месяца, этот доцент, кажется, его фамилия была Леонтьев, возвращается. И его нужно было куда-то устроить, поскольку он раскаялся. А у нас заведующим был тогда Анатолий Васильевич Кольцов. Он человек очень поря-

дочный, но осторожный в житейском отношении. Он был член партии, и райком для него был, как святыня. Он, наверное, был в отпуске. Это было летом. И вдруг мне звонит какой-то второй секретарь райкома и говорит, что из горкома партии пришло постановление, чтобы мы этого Леонтьева зачислили в Ленинградское отделение Института. Я говорю: «У нас есть директор в Москве – Бонифатий Михайлович Кедров. Почему вы обращаетесь ко мне? Я ученый секретарь и вопросов такого рода не решаю. Вы позвоните академику Кедрову, и если дадут ставку, дадут команду, то вряд ли наше отделение будет возражать». Через некоторое время он звонит и сообщает, что есть полная договоренность и его можно оформлять. Я спросила: «А на каком основании? Вы пришлите бумагу, что вы рекомендуете, или с визой нашего директора». В ответ я услышала: «Собственно, кто вы такая? Мы вас вызовем на бюро райкома и исключим из партии». Я говорю: «Вы знаете, вы меня можете вызывать, но я не член партии». В общем, на этом дело и кончилось. Так мы его и не зачислили, а Кедрову никто не позвонил.

А еще меня судьба свела с одним своеобразным человеком, я разбираю его архив. Это В.В. Данилевский. Он, собственно, поднял волну борьбы за псевдоприоритеты: «Россия – родина слонов». Он один из активных участников. Мне кажется, что он был обиженный жизнью человек, всегда какой-то хмурый, недоброжелательный к людям. Тогда у него уже, по-моему, не было одной ноги. Его привозили на наши ломоносовские заседания. Но мы ему должны быть благодарны, потому что он раскопал мозаичную фабрику Ломоносова в Усть-Рудице. По его инициативе были проведены раскопки, а Музей Ломоносова получил множество мозаик. Потом там была поставлена стела, все приведено в порядок, хотя там стояли наши ракетные установки. Это место облагородили только благодаря стараниям Виктора Васильевича Данилевского. После его смерти осталась очень большая библиотека. Его вдова позвонила в Институт и предложила часть книг передать нам. Книги мы взяли, а рукописи отдали в архив.

Также в архив сдал свой дневник и Борис Евгеньевич Райков. У него было 4 тома дневников. Он тоже пережил очень тяжелые времена и обо всем писал так, как было на самом деле. Он был в ссылке в Медвежье-горске. А у меня до сих пор хранится его бумажка, в которой сказано, что архив обязан выдать дневники по первому требованию Павловой. Я, конечно, с удовольствием бы познакомилась с его дневниками, но на работе у меня были другие интересы, а потом все это отошло в прошлое.

Отдельная полоса – это мои путешествия вместе с сотрудниками Института по зарубежным странам. Вот однажды, находясь в ГДР, мы присутствовали в шикарном дворце на приеме у Гротеволья в Берлине. Прием был на самом высоком уровне. У подъезда кричали: «Машина такого-то, машина такого-то!» Наша делегация, по-моему, была человек 6 из нашего Института и человек 6 – из Института географии. Эти географы – прожженные путешественники. Один из них был связан с немецкими учеными из Университета Гумбольдта, и он мне говорит: «Сейчас, Галина Евгеньевна, я вас представляю Отто Гротеволью». И так быстренько-быстренько меня за руку и к Гротеволью. Он стал ему что-то говорить по-немецки про меня. Я, конечно, ничего не понимала. А Гротеволь кивал, а потом пожал мне руку, и вот знакомство состоялось.

А потом был великолепный банкет, а Николай Александрович Фигуровский немножечко перебрал. А там стояли роскошные гортензии в горшках. Мы были вместе с моей близкой подругой Юдифью Ефимовной Копелевич... И вдруг Николай Александрович вырывается из группы и вытаскивает из горшка огромную гортензию. А там корни, и как тряхнул на всех, а мне... за пазуху. А я была в сером костюме. Стою вся в земле, трясу, с меня сыплется земля. Все смотрят, а я вообще не знаю, что делать. Фигуровский говорит: «А пусть эти немцы смотрят, я их всех...». Он ведь воевал. Это был 1958 год – юбилей Гумбольдта. Мы впервые выехали за рубеж. Это, знаете, была редкость. Там были шикарные приемы. Мы ходили в театр. В общем, мы окунулись в научную и культурную среду. Посмотрели и сравнили. У них только одно здание на Маркштадтплаце было разрушено. Его специально не восстанавливали – как напоминание о войне. Там полно товаров. А у нас – полная разруха и пустые магазины. Мы, конечно, были потрясены. Мы ездили в ГДР в составе делегации Академии наук, возглавлял ее академик Д.И. Щербаков – географ. Мы путешествовали по Восточной Германии. Побывали, конечно, в Дрездене. Он тогда был еще разрушенный. Картины в галерею наши уже передали, и мы смогли посмотреть.

В декабре 1971 г. я переехала в Москву. В то время в Институте ученым секретарем был В.В. Быков, очень симпатичный человек. Он посоветовал мне пойти в группу Ю.М. Шейнина, сказав, что там очень хороший коллектив и я не буду чувствовать себя одинокой. Я вспоминаю его с благодарностью, потому что там действительно были замечательные люди – Галина Ивановна Любина, Майя Семеновна Бастракова, Володя Кузаков, еще несколько человек и, конечно, Евгений Алексеевич Беляев. Потом Юлиан Михайлович заболел, и этой группой стал руководить Е.А. Беляев, но это было уже позднее. Затем нас, несколько человек, из этой группы «изымал» С.Р. Микулинский. Мы занимались не очень благодарной работой, составлением тома «Развитие науки за 50 лет советской власти». Им занимался буквально весь Институт, какие-то материалы мы писали. Короче говоря, почти 3 с лишним года мы работали, но так книга и не вышла в свет. Кроме того, я хотела бы сказать, что в Ленинграде велась подготовка 1-го и 2-го томов «Истории Академии наук». А вот с 3-м томом, посвященным истории Академии в XX в., была проблема. Том был сделан, но случилось так, что академик Николай Маркович Эмануэль очень заинтересовался, кто писал историю хим.-физики, и попросил прислать ему весь этот раздел. Он был человек честолюбивый. Когда он прочитал и нашел, что мало о нем говорится, он попросил на какое-то время этот раздел, чтобы посмотреть и дополнить. И в конце концов растащил весь том. Все авторы были академики, им хотелось, чтобы они вошли в историю... В общем, так наш 3-й том и погиб. И, конечно, это очень грустно. Вот и сейчас, в юбилей 275-летия со дня основания Академии наук, фундаментальной работы, которая раскрывала бы огромную научную деятельность Академии, как было задумано в 3-м томе, так и нет. Только два этих тома по «Истории Академии наук», которые были подготовлены А.В. Предтеченским – светлая ему память, – и при участии А.В. Кольцова.

Публикуется в фрагментах по: Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 157–180.

1954 год

СУХОВА
Наталья Георгиевна

Я попала в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР почти случайно. В 1954 году ИИЕТ АН СССР обратился в Ленинградский государственный университет с предложением направить в аспирантуру Института выпускников разных факультетов. Среди факультетов был назван и географический. Обычно студентов-географов распределяли учителями в школу, но на этот раз двум выпускницам географического факультета Ленинградского государственного университета предложили отправиться в Москву, в ИИЕТ АН СССР.

И я решила поехать в Москву. И только чуть позже поняла, что, возможно, мое решение было отчасти легкомысленное, так как Институт не обеспечивал жильем.

В Москве, в одной из комнат коммунальной квартиры жила моя тетя (сестра мамы), она и моя мама мое решение поддержали и ничуть не считали его легкомысленным. Но судьба распорядилась иначе. В Москве нам с сокурсницей сразу предложили работать в Ленинграде. И мы тотчас же вернулись и явились в Ленинградское отделение Института, которое тогда находилось в залах главного здания Академии наук (Университетская наб., д. 5). Оказалось, что имеются две вакантные должности: можно либо заниматься историей географии, либо стать помощником биолога Б.Е. Райкова. Я вызвалась заниматься, конечно, историей географии и 1 сентября 1954 г. была принята на должность младшего научного сотрудника в Ленинградское отделение ИИЕТ АН СССР. В Ленинградском отделении велась большая коллективная работа – первый том по истории Академии наук СССР. Вспоминаю, что вскоре мне предложили прочесть одну статью по истории географии Академии наук XVIII в. Я изучила ее и раскритиковала, может быть потому, что мне показалось, что в ней мало географии. Я тогда и не знала, что автором был А.И. Андреев – доктор географических [правильно: исторических – *ред.*] наук, который уже много лет занимался историей географии в России XVII–XVIII вв. Интересно, что А.В. Предтеченского и А.В. Кольцова не смутило мое «нахальное» мнение. Они предложили мне самой написать очерки для первого тома. И я написала, оба Анатолия Васильевича одобрили мое сочинение. Но по какой-то неизвестной причине, они не считали возможным поставить мое имя в качестве автора раздела «География». Они предложили А.И. Андрееву подписать мою работу, и он, естественно, отказался. В результате, в первом томе «История АН СССР» данный раздел не имеет автора. Между тем работы по созданию очерков для двух следующих томов продолжались. Я стала соавтором очерков по истории для второго тома (XIX век) и благодаря этому впервые узнала о заслугах в истории познания Восточной Сибири зоолога А.Ф. Миддендорфа. Его исследования привлекли мое внимание к истории изучения физической географии Восточной Сибири. Это стало поводом для знакомства с С.В. Обручевым – известным исследователем геологии и географии этой части Сибири, членом-корреспондентом Академии наук и директором Лаборатории геологии докембрия Академии наук (ЛАГЕД АН). Я познакомилась с С.В. Обручевым на выставке новых поступлений в БАН и сама предложила ему стать моим научным руководителем. Безо всяких формальностей и церемоний он ответил согласием; одновременно С.В. Обручев принял на себя редактирование моей первой самостоятельной книги «Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке», 1964 г. С.В. Обручев не только тщательно читал все части моей подготовительной работы, но и «чистые листы» книги, которые появились как раз в то время, когда я летом находилась в отпуске (не в Ленинграде). На основе этой книги я и защитила кандидатскую диссертацию, инициатором защиты был А.В. Кольцов. Между тем шла работа по подготовке и третьего тома «Истории АН СССР», посвященного советской эпохе. Том был создан, но возникли сложности с его редактированием. Статьи посылали на отзывы академикам (представителям разных наук), которые весьма критически относились к его содержанию. А.В. Кольцову приходилось много раз путешест-

вывать в Москву за этими отзывами. И все же работа была завершена и передана в издательство «Наука» в Ленинграде. Однако в феврале 1969 г. скончался главный редактор труда – академик К.В. Островитянов и уже ни один другой академик не решился взять на себя ответственность за этот труд.

Стоит вспомнить, что в 1955 году в Ленинградское отделение были приняты новые талантливые сотрудницы. Они знали в превосходстве иностранные языки. И по существу их дальнейшая деятельность оказалась важнейшим событием в работе Ленинградского отделения. Мне бы хотелось назвать имена этих замечательных сотрудниц, моих коллег: Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукина, Т.Н. Кладо. Ю.Х. Копелевич изучала архивные материалы Леонарда Эйлера, историю возникновения Петербургской Академии наук и академий мира, Т.А. Лукина в качестве помощницы по истории биологии Б.Е. Райкова занималась изучением архива знаменитого биолога Карла Бэра, и благодаря ей опубликованы с переводами на русский язык и комментариями четыре тома переписки Бэра – важнейший источник для изучения не только биографии ученого, но и деятельности Петербургской Академии наук и науки в Европе XIX в. Т.Н. Кладо переводила множество сочинений с разных языков для сотрудников отдела истории Академии наук, и важным вкладом стала расшифровка и перевод писем Александра фон Гумбольдта. Это была большая работа всего Института, в которой и мне посчастливилось участвовать. Сборник «Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России» (1962) был приурочен к столетию со дня смерти А. Гумбольдта (1769–1859) и готовился совместными усилиями АН СССР и Берлинской Академии наук. Российские исследователи занялись выявлением писем А. Гумбольдта в архивах страны; их фотокопии были переданы немецкой стороне; немецкие коллеги обещали разыскать письма российских корреспондентов А. Гумбольдта в хранилищах ГДР. Итогом работы должен был стать сборник писем на языке оригинала с переводом их на русский язык. Российские исследователи выполнили свою часть работы, а вот письма российских ученых и государственных деятелей А. Гумбольдту в немецких архивах не были обнаружены. Чтобы как-то выйти из положения, ИИЕТ ограничился изданием переводов писем, обнаруженных в архивах СССР. Я участвовала в поиске писем в архивах и рукописных фондах библиотек, занималась составлением примечаний к письмам и подготовкой рукописи к печати. Хотя подготовка к изданию готовилась в Ленинградском отделении (перевод всех писем был сделан Т.Н. Кладо, а примечания к письмам составляли Т.Н. Кладо, Т.А. Лукина и Н.Г. Сухова), издавать переписку решено было в Москве. В.А. Есаков подготовил для этой книги статью о научных связях А. Гумбольдта с Россией, З.К. Новошанова (в будущем Соколовская) составила расширенный указатель имен. Рукопись передали в издательство, однако, когда уже готовилась вторая корректура, оказалось, что в Москве нет сотрудника, который мог бы отвечать на возникавшие вопросы. В Москву командировали меня. Несмотря на сложности, которые возникали при подготовке второй корректуры, издание вышло в свет в 1962 году. Мне предложили также составить библиографию «Александр Гумбольдт в русской литературе», немец-

кие коллеги перевели аннотации на немецкий язык, и книга «Alexander von Humboldt in der russischen Literatur. Bibliographie von NG. Suchowa» увидела свет в Лейпциге в 1960 г.

Что хотелось пожелать? Так как содержание всех писем до сих пор широко не известно, а разнообразные юбилеи А. Гумбольдта отмечаются как в Германии, так и за ее пределами, полезно было бы все-таки опубликовать всю сохранившуюся переписку (и не только на русском языке).

1954 год

ЧЕСНОВА
Лариса Васильевна

Мое решение связать свою творческую судьбу с ИИЕТ, поступить в его аспирантуру, было несколько необычным. Событие это произошло в 1954 г., после окончания Биолого-почвенного факультета МГУ (Кафедра энтомологии).

Несмотря на то, что я получила рекомендацию в аспирантуру Ученого совета факультета, я не могла стать аспиранткой кафедры. Семейные обстоятельства, связанные с профессией мужа, не давали мне возможности принимать участие в длительных экспедициях, которые были необходимы.

В момент моих раздумий о дальнейшем пути решающую роль сыграла беседа с членом-корреспондентом АН Х.С. Коштойнцем и тот конструктивный совет, даже наставление, которое я от него получила. Тогда Х.С. Коштойнец

был заведующим Кафедрой физиологии животных МГУ. Напомню, что Коштоянц был одним из первых директоров Института истории естествознания, да к тому же патриот истории науки. Зная по факультету меня, мою склонность к работе с литературными источниками, определенное пристрастие к историко-научным работам, он по-дружески, но весьма серьезно посоветовал поступать в аспирантуру ИИЕТ (будучи членом Ученого совета факультета, Коштоянц был осведомлен о том, что я имела направление в аспирантуру). Добрый и мудрый совет Х.С. Коштоянца я выполнила.

Сдав экзамены, я стала аспиранткой Института, а в 1957 г., после окончания аспирантуры, была зачислена в его штат на должность младшего научного сотрудника. Осенью 1958 г. я защитила кандидатскую диссертацию по актуальной в те годы теме, связанной с развитием прикладной энтомологии в России (конец XIX в. – время коренных реформ в сельском хозяйстве). В 1962 г. диссертация в виде монографии была издана в издательстве «Наука», а в 1967 г. переведена (без моего ведома) на английский язык и издана в Иерусалиме.

Вспоминая те далекие, но вместе с тем такие близкие годы моего знакомства с коллективом Института, вступления в «Научное братство» историков науки, задумываешься о главном. Какие же мотивы, стимулы способствовали моему стойкому увлечению этой весьма нетрадиционной областью знаний? Что же содействовало моей привязанности к Институту, ставшему для меня *Alma Mater*? Несмотря на то, что я была выпускницей МГУ, не университет, не Кафедра энтомологии, а именно ИИЕТ стал моей *Alma Mater*! Думается, что главная причина, вызвавшая мое многолетнее пристрастие к истории науки, заключалась в той особой атмосфере, которая была создана членами коллектива Института. Ведь хорошо известно, что «дух» научного учреждения «зарождается и живет» не в его стенах, не в бумагах и бесчисленных программах, а в умах и характерах его наставников, истинных лидеров-учителей. Такая обстановка и окружила меня в Институте.

Я сразу же попала как бы в другой мир. Замечу, что определенная дистанция, существовавшая подчас между студентами и преподавателями факультета МГУ, была чужда коллективу Института.

Сложившейся обстановке, безусловно, способствовала благоприятная социо-политическая ситуация, «навеянная» временем хрущевской оттепели. Это были годы, когда АН проявляла благоприятное отношение к истории науки. В ИИЕТ как бы суммировались те внешние факторы, о которых я упомянула, и внутренние, выстроенные самими истинными создателями истории науки как самостоятельной отрасли знания. В результате это привело к формированию в Институте «научного сообщества» ярких, талантливых личностей, которые гармонично сочетали в себе дар исследователя с завидным умением объединять вокруг себя начинающих свой путь в науке аспирантов, молодых сотрудников. Все мы следовали тем профессиональным навыкам и высоким морально-этическим принципам, которые они постарались в нас «вложить».

В небольшом выступлении нельзя упомянуть всех, кто отличался своими исследовательскими талантами, высокой эрудицией. Однако среди них ярко блистали имена таких биологов, как С.Л. Соболев, Л.Я. Бляхер.

Среди физиков и математиков выделялись Б.Г. Кузнецов, А.П. Юшкевич, В.П. Зубов, несколько позже Л.С. Полак. Много энергии и таланта в развитие нового направления – истории психологии научного творчества – вложил М.Г. Ярошевский. Список «творцов истории науки» во всех ее ипостасях можно продолжить. Но кажется, что многие из неназванных ученых «на слуху» до сих пор у поколения продолжателей их традиций. Подчеркну, что вскоре главным дирижером основных инициатив, начинавший Института стал Б.М. Кедров. При нем особенно отчетливо в нашем научном сообществе проявлялась склонность к независимому оригинальному стилю мышления, к неординарным выводам и обобщениям.

Наверное, тот заряд творческой и организационной энергии, которую коллектив получал от своих формальных и «неформальных» лидеров, способствовал успешному развитию деятельности Института по ряду направлений. Так, в те годы широкую, городскую известность получили регулярно проводимые Институтом Методологические семинары. Нам повезло каждый месяц слушать глубокие по содержанию и увлекательные по форме доклады по широким и достаточно сложным проблемам методологии истории науки и техники. Мне особенно запомнились обстоятельный и в то же время увлекательный по нетрадиционной подаче материала доклад В.И. Кузнецова; необыкновенной эрудицией, свободной подачей фактов, событий – доклады В.П. Зубова, касавшиеся развития науки античности и средневековья.

Тогда же возникла традиция приглашать с докладами в Институт известных ученых для сообщений о своих поездках на съезды, международные конгрессы, на которых наряду с современными проблемами поднимались вопросы, касающиеся истории науки. Впечатлениями о таких форумах делились с институтской аудиторией члены-корреспонденты АН СССР Х.С. Коштыянец и Ю.И. Полянский, профессор П.А. Генкель и многие другие.

Активную деятельность тогда же вело Советское Национальное объединение историков науки, техники и философии. Каждая секция этой научно-общественной организации объединяла и объединяет историков науки по специальностям. Я выполняла функции ученого секретаря Секции историков биологии. Хорошо помню, как многолюдна была аудитория наших заседаний. На них выступали академики М.С. Гиляров, А.А. Имшенецкий, профессор А.Е. Гайсинович и многие другие. Доклады делали наши уважаемые коллеги из Ленинграда, Киева, Львова и других городов, республик.

Весьма неординарно проходили у нас и заседания Ученых советов. Кроме текущих научно-организационных вопросов, в повестку дня каждого заседания совета включался проблемный доклад. Их темы были, как правило, широки и интересовывали многих. Помню, как строгий, суровый, категоричный в своих суждениях Г.В. Быков, выступая на заседании Ученого совета с обоснованием разработанной им методолого-теоретической концепции в химии, вступил в острую дискуссию–полемику с эрудитом Б.Г. Кузнецовым. Этот научный спор двух «асов» запомнился, думаю, всем присутствующим надолго...

Возвращаясь снова к анализу той плеяды великих тружеников, создателей истинной истории науки и техники, хочется рассказать о каждом.

Но в рамках и так затянувшегося выступления это невозможно. И здесь приходишь к мысли, что вклад этих лидеров в нашу область знания достаточно известен. Другое дело – их личностно-психологические качества. Интересно их отношение к жизни во всех ее проявлениях, наконец, характер взаимоотношений с молодым поколением. Об этом позволю себе сказать несколько слов, описав свои впечатления о том, что особенно памятно...

Мне, как историку биологии, хочется поделиться с коллегами тем, как я воспринимала и понимала всю глубину личности Л.Я. Бляхера. Ведь в нем, по существу, симбиотически «уживались» два характера, две натуры. С одной стороны, Леонид Яковлевич всегда производил впечатление несколько замкнутого, педантичного, очень досконального исследователя. В то же время он с большим вниманием и даже заботой относился к нам, молодежи. Л.Я. Бляхер очень серьезно подходил к выбору нами тематики исследований, аккуратно прочитывал наши рукописи, давая весьма дельные замечания по всему спектру биологических наук. Был очень объективен при обсуждении наших трудов. Все это так. Но, с другой стороны, Л.Я. Бляхер надежно скрывал такие свойства своего характера, как любовь к поэзии, даже некоторую восторженность, проявлявшуюся по отношению к истинному искусству, архитектуре. Здесь присутствовал даже определенный романтизм! Эта вторая натура Л.Я. Бляхера полностью раскрылась передо мной во время нашей с ним командировки в Ленинград. После окончания всех наших научных дел Л.Я. Бляхер предложил мне, к моему удивлению, «побродить» по Северной Пальмире, заглянуть в музеи. Как много мне дали эти две «прогулки»! А что стоила наша поездка в Царское Село! Как много стихотворений знал Л.Я. Бляхер! Как вдохновенно он читал А.С. Пушкина! Передо мной в эти дни открылся «другой» Л.Я. Бляхер.

Не могу также забыть предельно сердечного и деликатного отношения Леонида Яковлевича ко мне во время моих семейных горестей...

Несколько слов о Б.Г. Кузнецове... На фоне серого обыденного житейского быта 1950–1960-х гг. Борис Григорьевич являл собой образец необыкновенной эlegantности и в одежде, и в манере общения с коллегами, отличался высочайшей воспитанностью! Каждая его встреча с молодежью, частые беседы с нами всегда сочетали неподдельный интерес и знание истории науки с искрометным юмором. Его изящные остроты и меткие характеристики, которые он давал всем – и коллегам, и друзьям, и «сильным мира сего», заслуживают большего удивления, восхищения, чем содержание записных книжек профессиональных сатириков – И. Ильфа и Е. Петрова.

В его творчестве удивительным образом переплетались и тематика, и сам жанр повествования. Ведь наряду с широко известным капитальным трудом, посвященным жизни и анализу творчества А. Эйнштейна, Борис Григорьевич примерно в эти же годы создает бестселлер о графе Калиостро. Его герой, путешествуя на машине времени, встречался и беседовал с великими мыслителями разных эпох и времен. Увлекательной познавательности этой книги может позавидовать сам Дэн Браун.

Несколько нарушая хронологию своих воспоминаний, напомним о роли М.Г. Ярошевского, который не только способствовал развитию нового направления в истории науки и техники, но и сумел благодаря таким

личностным качествам, как доброжелательность, особенно чуткое внимание к молодому поколению, открытость своих научных устремлений, выстроить крепкий коллектив единомышленников. О, сколько новаторских идей М.Г. Ярошевский воплотил в жизнь! В созданных им коллективных монографиях принимали авторское участие историки науки всех специальностей. А какие диспуты среди сотрудников он организовывал! Вот их тематика: «Роль дискуссий в науке», «Школы в науке»... Замечу, что сам феномен «Научная школа» наиболее широко был разработан М.Г. Ярошевским и его коллегами.

В заключение – о Б.М. Кедрове, директорство которого можно смело назвать «золотым периодом» в жизни ИИЕТ. Бонифатий Михайлович был истинным демократом и талантом! Его одаренность проявлялась во всем: легкость создания им прекрасных трудов, неповторимая манера взаимоотношений со всеми сотрудниками, несмотря на их возраст и занимаемое положение. Одинаково увлекательными были и его научные выступления, и речи на торжественных мероприятиях. Эпиграммы, экспромты «на злобу дня» рождались им «походя». Помню, как на одном банкете по случаю защиты нашей сотрудницей диссертации Бонифатий Михайлович в адрес одного Ученого секретаря Института – строгого, требовательного молодого человека по имени Альгирдас, со смехом произнес: «Почему Альгирдас? Может быть, вернее «Альгир-нетс»?». Последовал хохот присутствующих, а затем аплодисменты.

Очень сближало нас совместное участие в международных конгрессах по истории науки и в нашей стране, и за рубежом. Душой этих мероприятий были всегда Б.М. Кедров и его милейшая супруга, филолог Эрика Яковлевна.

Вспоминать можно еще и еще...

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 26–31.

1955 год

ГРИГОРЬЯН
Норавард Андреевна

Я пришла в Институт 6 октября 1955 года. Я считаю, что в моей жизни 1955-й год был самый счастливый, потому что тогда я защитила кандидатскую в 1-м Московском медицинском институте, а потом не знала, куда деваться на Кафедре истории медицины Первого Московского (сейчас это называется Московская медицинская академия имени Ивана Михайловича Сеченова). Естественно, я знала всех профессоров-историков медицины. Был такой очень известный историк медицины, замечательный человек Павел Васильевич Заблудовский. Он читал курс истории медицины в Институте усовершенствования врачей (этот Институт сейчас называется Университет последипломного образования). Он мне сказал: «Нора Андреевна, Вы по физиологии защищали диссертацию,

Ваше место в Институте истории естествознания и техники». Я говорю: «Я первый раз слышу об этом институте, где он находится?» Он мне объяснил, где этот Институт, и сказал: «Идите туда». Я пришла. Это был 12-й подъезд, начало октября 1955 года. Поднимаюсь по лестнице, смотрю, какой-то мужчина спускается, очень знакомое лицо. Смотрю, думаю, откуда я знаю этого человека. Это оказался Ашот Тигранович Григорьян. И тут я поняла, в чем дело. Почему они меня сразу приняли; они думали: я – Григорьян и он – Григорьян.

Я догадалась, что это Ашот Тигранович. Откуда я его помню? Я его видела, он в свое время был начальником Главного управления вузами – высшими учебными заведениями Министерства образования, тогда на ул. Жданова (сейчас – Рождественка). Дело в том, что, когда я училась в Первом Московском медицинском институте, у меня были трудности с общежитием. Я, естественно, каждый год ездила в Баку и бывала в своей школе. И когда спрашивали, что у меня, как у меня дела, я говорила: «У меня все хорошо, только я не могу попасть в общежитие». И мой любимый учитель армянского языка и литературы, Вардан Вардапетян, такой высокий красавец, он мне говорит: «Мой ученик в Москве очень высокую должность занимает. Я ему напишу письмо». И он написал письмо на таком великолепном красивом армянском языке Ашоту Тиграновичу, представляете? И вот я Ашота Тиграновича запомнила вот с этим письмом и с этой улицы Жданова. Вот так я попала в свой родной Институт истории естествознания. Попала я в великолепный сектор Истории биологии. Конечно, у меня в Медицинском институте был учитель – Феодосий Романович Бородулин. Но здесь, в ИИЕТ, я тоже встретила великолепных учителей, которых я до сих пор помню, всю жизнь буду им благодарна: это Леонид Яковлевич Бляхер и Самуил Львович Соболев. Хотя заведующим сектором был Иван Александрович Поляков. Он был очень странный, не буду говорить о странностях. Леонид Яковлевич открыл мне путь в большую науку. Он так приглядывался ко мне, наверное, месяца два–три. Посмотрел, кто я, что я, что меня интересует, а потом он мне сказал: «Нора Андреевна, Вы знаете, вот был очень известный казанский физиолог Самойлов. Займитесь им». Он мне подарил книгу «Самойлов. Избранные труды» (1946 г., издание «АН СССР»). И он написал на латинском языке: «Будущему биографу Самойлова» и подарил вот эту великолепную книгу. И вот я считаю, что он мне открыл путь в историю отечественной физиологии. Самуил Львович был великолепный человек. Он мне сразу сказал: «Нора Андреевна, я Вас прошу, будьте моим помощником». А он был председателем Секции истории естествознания Московского общества испытателей природы – МОИП. Он мне сказал: «Вот я председатель, у меня нет помощника». Попросил, чтобы я стала Ученым секретарем. Естественно, я согласилась. Мы проводили великолепные заседания ежемесячно с приглашением известных биологов, химиков, медиков, историков науки. Я помню заседание, посвященное памяти академика Н. Д. Зелинского. Причем, на наше заседание пришла жена Зелинского с сыном. Потом я помню хорошее заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Германа Гельмгольца (1972). Я помню профессора Дорфмана Якова Григорьевича. Я подхожу к Якову Григорьевичу, говорю: «Нам нужен докладчик «Гельмголец как физик». Он мне говорит: «Нора Андреевна, я Гельмголь-

цем никогда не занимался». Я говорю: «А вот Борис Григорьевич Кузнецов писал о нем». – «Ну, знаете, Нора Андреевна, не сравнивайте меня с Кузнецовым, он может на все темы писать». Кстати, он жаловался мне, что все, кто с ним в знаменитом Ленинградском Физтехе работали, стали академиками и член-коррами, а его не избрали. Он был очень обижен.

Что я могу сказать о нашем Институте, в котором я работаю уже 53 года? Я считаю, что наш Институт – один из лучших институтов в системе Академии наук. У нас были такие великолепные ученые, профессора, о которых надо говорить и писать всегда с великой благодарностью и любовью. У нас были Василий Павлович Зубов, Адольф Павлович Юшкевич. Был такой замечательный 1955-й год, когда исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Ивана Михайловича Сеченова, отца русской физиологии. Сейчас не принято почему-то, а вот раньше отмечали круглые даты со дня смерти выдающихся ученых. И я участвовала в организации разных мероприятий, посвященных этой дате. Причем, в связи с 50-летием смерти, Первому Московскому медицинскому институту было присвоено имя И.М. Сеченова, был поставлен памятник перед зданием Института. Полуэктов переулок на Кропоткинской был переименован в переулок Сеченова. Была учреждена Государственная премия и т.д. И сегодня я с грустью могу сказать, что Музей-кабинет Сеченова в 1-м Медицинском находится в ужасном положении. Я написала письмо на имя ректора Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова академика М.А. Пальцева: «Что же это такое? Ваш Институт носит имя Сеченова, а Музей-кабинет Сеченова в жутком состоянии, просто вандализм. Стыдно!» Да, и вот в связи с этим я запомнила одно заседание в нашем Институте: был великолепный Ученый совет, посвященный 50-летию смерти Сеченова, на который приехал профессор из Граца, потому что в свое время в 60-х годах XIX в. Сеченов работал в лаборатории в Граце. Делал прекрасный доклад академик Леон Абгарович Орбели, только что освобожденный от опалы. После него делал доклад Хачатур Седракович Коштоянц, который был первым директором нашего Института. И профессор из Граца. Вот это мне запомнилось. А потом, в декабре месяце 1955 г., я не помню точно, какая-то была дата, связанная с Л. Эйлером, из Германии приехала очень большая делегация немецких ученых. Возглавлял делегацию такого небольшого роста профессор, я просто не помню сейчас фамилии, кажется, Э. Винтер.

Мы летели в Ленинград самолетом, и помню, что день был очень плохой, снег шел, и ветер был. И мы долго сидели в аэропорту. И Адольф Павлович всех пригласил в ресторан и всех угостил. Вы знаете, Адольф Павлович удивительный человек. Он всегда, когда в коридоре встречал, за руку здоровался и спрашивал: «Как Вы себя чувствуете, Нора?» Почему-то он меня Норой звал. Я помню еще, Адольф Павлович в 1968 г., когда был очередной Международный Конгресс по истории науки в Париже, нам всем дал билеты на метро. Если бы не Адольф Павлович, мы не знали бы, что такое французское метро. Вот у нас были такие удивительные профессора, удивительные ученые. А Леонид Яковлевич Бляхер и Самуил Львович Соболев, когда наступало 8-е марта, они нас приглашали в ресторан, дарили нам очень красивые чашки, угощали. Ну, о цветах я уже не говорю, это обычно. Я хочу сказать о том, что, конечно, наш уникальный Институт – великолепный. Я помню ученые советы, которые были празд-

никами науки в годы, когда директором Института был Бонифатий Михайлович Кедров. С Кедровым связано вот что: я устраивала в МОИПе какое-то заседание, я уже не помню на какую тему. На него нужно было за месяц подать заявку. Месяц прошел, и естественно, Бонифатий Михайлович забыл, а мне из этого Общества звонят: где ваш Кедров, аудитория ждет его. Я прихожу: «Бонифатий Михайлович, аудитория...». – «Да ну, я же все забыл». Потом пришел. Он часа три делал доклад и отвечал на вопросы. У меня очень яркие воспоминания, и я счастлива, что пришла в Институт и до сих пор работаю в нашем Институте. Я всех люблю.

Я хочу еще сказать про Голубцову Валерию Алексеевну. Значит, случилось так, что я совершила, можно сказать, хулиганский поступок. Это 1955–1956 год. И.о. директора был такой Сорокин, кандидат наук. Я не знаю, кто-нибудь помнит его или нет? Почему-то написали, чтобы назначить его то ли директором, то ли заместителем. А у нас была такая сотрудница Христина, такая красивая была. Мы с ней информацию с доски о назначении его директором перенесли в туалет. И, по-видимому, эта Христина сказала ему, что это сделала я. В этот же день он написал, что у меня кончилась прописка, я увольняюсь. Я, значит, без прописки, не знаю, что мне делать. Тогда, по-моему, была директором Валерия Алексеевна Голубцова, жена Г.М. Маленкова. Ее очень охраняли, чтобы никто не попал к ней на прием. Я каким-то образом попала к ней. Она сидит, значит, термос с кофе, бутерброды с икрой, с севрюгой. Я говорю: «Валерия Алексеевна, я в таком положении, не знаю, что мне делать. Кончилась моя прописка. Дайте мне справку, что я аспирантка, меня быстро пропишут». Она мне говорит: «Мы ложных справок не выдаем». Тогда я говорю: «Ну, как-нибудь помогите мне, чтобы я прописалась». Она говорит: «Мы помогаем академикам и членам-корреспондентам». Я ей говорю: «Ну, Вы же понимаете, я не могу быть ни академиком, ни членом-корреспондентом». И с этим я ушла. Но я вам говорю – это личное. Она на Ученом совете говорила ученым: «Садитесь, Вы ничего не понимаете». Это вот в моем присутствии было. Такая была командирша, тетка такая противная.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 17–21.

1955 год

КОПЕЛЕВИЧ
Юдифь Хаимовна

Я закончила Ленинградский университет в 1947 г. Потом была аспирантура. Тема – «Поздние сатиры Ювенала». Латынь. Где-то в 1948–1949 гг. появилась маленькая статья «О рукописях Плиния-младшего» – моя первая публикация. Диссертацию писала в основном летом, когда ребенка забирали с детсадом на дачу. И вот за несколько лет – в течение летних месяцев – я написала эту диссертацию. Защитилась в 1955 г.

Работала я разно. Я работала в 27-й женской школе, на Васильевском острове. Меня взяли в Университет на пол-ставки. Но в Университете опять были сокращения... И в это время меня встречает на Пушкинской площади Борис Варфоломеевич Федоренко (директор тогдашнего Отделения Института истории естест-

вознания и техники) и говорит: «Мне про Вас говорили, что Вы латинистка, а нам очень нужны такие специалисты». В общем, я рискнула. Я даже не уволилась еще из школы, одно время на двух работах работала. И поступила, конечно, очень-очень правильно. Потому что это – то самое место, где я могла в наибольшей степени с интересом и с пользой работать.

С Архивом я уже была знакома. Там был такой Наум Михайлович Раскин, и я переводила ему... Когда я поступила в ИИЕТ на работу, я перевела статьи по химии одного химика XVIII века – на целый том, он у меня на полке стоит. А там – что характерно для того времени! – написано: две статьи перевела такая-то, а некоторые – Копелевич. Не остальные, а – некоторые. Все дело в одном слове. Тогда переводы вообще часто печатали без фамилий. Это зависело от директора Института. В то время был Н.А. Фигуровский. Тогда, например, работала Татьяна Николаевна Кладо – блестящий специалист – очень много переводила, и все это печаталось без ее фамилии.

В это время в Институте уже начали подготовку к юбилею Эйлера. В 1957 г. было 250 лет со дня рождения Леонарда Эйлера. Это был Международный праздник с центром именно в Петербурге. Эйлеристика началась в 1911 году, когда математики различных стран, в том числе России, задумали издание «Opera omnia», т.е. полного собрания сочинений Эйлера. А я была – младший научный сотрудник, немного знающий латынь, но не имеющий понятия об Эйлере!

О том, что будет юбилей Эйлера и будет он отмечаться очень пышно, причем в России, – это заранее было известно. Надо было найти людей, которые могут переводить Эйлера. И меня включили в их число. Я была не одна. Была еще Татьяна Николаевна Кладо. Французский она знала лучше меня, а латынь, пожалуй, я знала не хуже ее. Мы обе были туда подключены, как переводчицы. Постепенно это дело разворачивалось, и Адольф Павлович Юшкевич был очень рад, что появились такие люди, которые могут работать в этой области. Я даже не могу сказать, кто первый высказал предложение – создать именно здесь, в Ленинграде, аннотированный указатель переписки Эйлера.

Мы начали письмо за письмом переводить... Потом нам начали присылать письма, которые хранились за границей, услышав, что у нас готовится такая книга. И мы довольно много писем Эйлера получили из-за границы. Я считаю, что это лучшее из всего, в чем я участвовала. Книга вышла в 1959 году – немножко, я помню, опоздала к юбилею...

Но уже к 1957 г. мы выпустили книгу «Эйлер. Письма к ученым». В общем, этой книгой мы были втянуты в эйлеристику, и эта книга научила меня читать разные почерки. У меня этого навыка не было. Для того чтобы научиться читать разные почерки, надо прочитать тысячи писем. Вот тут я их и прочитала.

Сидели, сидели в Архиве вплоть до закрытия. Или выписывали литературу к себе в Институт. Работали всем коллективом: Татьяна Николаевна Кладо, Татьяна Аркадьевна Лукина, я...

Потом издали второй том корреспонденции Эйлера, и там большую роль сыграла Анжела Юрьевна Шафран из Архива. Владимир Иванович Смирнов – математик, академик. Он нам комментировал переписку Эйле-

ра с Бернулли. Помогал также Адольф Павлович Юшкевич. Помощники были. Мы привлекали многих – кого могли, и книжка вышла неплохая.

Я постаралась воспользоваться теми статьями и книгами, которые уже переводились на русский язык. Я переводила, как могла, и знала, что меня будет проверять Адольф Павлович Юшкевич или академик Смирнов...

Работая над письмами Эйлера, я, естественно, не могла не заинтересоваться историей нашей Академии. Я читала то, что есть: Пекарского и прочие книги. Солидные. И убедилась, что сейчас, когда я перелистала весь XVIII век в Архиве, многое можно написать иначе, полнее, лучше. Не взяться ли мне за это?

Меня очень поддержал Анатолий Васильевич Кольцов (он был заведующий нашим сектором). И тогда я ему сказала: «Анатолий Васильевич, что если я возьмусь написать об основании нашей Петербургской академии наук?» Мы тогда готовились к юбилею 1974 года – 250 лет Академии. А этот разговор был, наверное, в 1967 г. В это время у нас дома произошло важное событие: мы купили новую пишущую машинку. Когда я писала по Эйлеру, то перепечатывала все институтская машинистка, а тут я поняла, что надо все делать самой. И я решила приняться за эту тему. Кольцов это одобрил. Я начала работать по истории всех академий, которые были. У меня было убеждение, что нельзя писать историю нашей Академии, не зная истории других. И как это все у них начиналось по сравнению с нами и в каком отношении это было с нами. Я стала все это читать и конспектировать. Я так этим увлеклась, что, наверное, пять общих тетрадей-конспектов сделала на эти темы. Когда Адольф Павлович спросил: «Как у Вас дела с историей нашей Академии?» – «Я еще не вылезла из истории зарубежных». Я показала ему тетради, и он сразу сказал: «Так надо две книги сделать. Одну – про зарубежные академии, другую, потом, – про нашу».

Идея была такая хорошая, и я с огромным удовольствием писала книгу – прежде всего потому, что я сама раньше про это ничего не знала. Это было для меня откровением. Так в 1974 г. появилась книга «Возникновение научных академий».

Но появилась она тоже не без трудностей. До издательства книга попала в руки москвичей, и кто-то сказал: «Эта книга – аполитична». Делали замечания, что, мол, мало социальной стороны этого дела и тому подобное.

Но тут мой издательский редактор Сидоренко – прекрасный был парень! (он умер) – говорит: «Да что за проблемы! Давайте, например, поместим портрет Ломоносова», хотя Ломоносов к основанию Академии никакого отношения не имел. И, знаете, такими нехитрыми приемами книгу спасли. Вышла эта книга, и я принялась за следующую – «Основание Петербургской академии наук». С большим энтузиазмом...

Проблем с публикациями не было. Особенно на наши темы. История науки имела «зеленую улицу». И уже потом я занялась научными биографиями. У нас в Институте есть серия «Научные биографии». Когда я занималась историей нашей Академии, мне встретился Кратценштейн, и я увидела, насколько он интересен. Поняла, что можно книжку о нем написать, и поговорила с Зинаидой Кузьминичной Соколовской, которая активно меня поддержала.

Открытие Гольдбаха так началось. Мне кое-что понадобилось для Эйлера. Но когда я увидела эту грудку томов – весь его архив в РГАДА – его письма, дневники... Вся его жизнь, вся его деятельность лежит там в Архиве. И я поняла, что он мне очень интересен. Это до нашей Академии, это – период начала XVIII века. Я этот период знала плохо. Благодаря Гольдбаху я очень многое узнала. Адольф Павлович сказал тогда: «Можно написать о Гольдбахе. Давайте, я напишу математическую часть, а Вы – биографическую». Вот такую книгу мы и написали, я очень этому рада.

Следующим был Кратценштейн. Сам по себе он очень интересен. Это человек, изумительно любознательный. Он не удержался в России, потому что атмосфера была затхлая. Он вообще любил перемену мест. Но есть его переписка с Миллером, когда он уехал в Данию, есть одно замечательное место – в книжке об этом написала – но, если можно будет, я напишу еще маленькую статью куда-нибудь: Ломоносов и Кратценштейн. В моей книге есть такой эпизод. Миллер переписывался с Кратценштейном. Миллер послал ему речь Ломоносова «О свете и цвете» на Публичном собрании, которая его восхитила, и послал ее Кратценштейну с такой припиской: «Вы не получили ее раньше, потому что она была известна только на русском языке, и наши академики не могли ее прочитать и не могли ее понять». А в следующем письме Кратценштейн пишет, что он в восторге от этой речи, ему стало ясно, что Ломоносов понял в этой проблеме – о цвете и свете – больше, чем Ньютон. И сам Ломоносов это так же понимал. Он пишет, что обязательно напишет об этом в своем учебнике, который сейчас готовит. Я все время думала, где бы достать этот учебник?.. Некогда этим заняться.

Гильденштедт появился случайно. Я как-то увидела два тома описания его путешествия на немецком языке и захотела их прочесть. И читала, и конспектировала, и он меня очень заинтересовал как человек. Молодой врач, красавец, шлялся по России, голодал, болел... Побывал везде – на Кавказе, путешествовал по Тереку. Интересовался Россией, ее хозяйством главным образом. Мне показалось, что о нем мало знают и надо о нем написать.

Он мог быть врачом в Германии, может быть, хорошим врачом. Но здесь – он понимал – что будет участвовать в исследовании неизвестной страны, где он увидит массу новых растений, неизвестных науке животных. До этого уже была Камчатская экспедиция, которая многое не успела сделать. И если бы не случайная болезнь, он, наверное, многого бы достиг. Знаете, он ведь умер, заразившись, когда лечил кого-то в доме Эйлеров. Возможно, дифтерит.

Кроме того, наконец недавно вышла в свет коллективная монография «Советско-германские научные связи времени Веймарской республики». Эта работа начиналась, когда была еще ГДР, у них был Институт истории науки. Потом, когда рухнула Берлинская стена, наши москвичи, которые возглавляли эту работу, бросили ее, а мне было очень жалко, потому что было вложено много труда и интересные люди участвовали. Особенно один немец много работал, Рихтер, который несколько раз приезжал сюда, работал в библиотеках... Мне казалось, что невозможно, чтобы все это пропало и что это неоправданно, потому что тема не утратила своей актуальности. И если раньше ее главный стимул был показать, что люди мо-

гут вместе работать в науке, невзирая на разницу политических систем, то сейчас речь идет просто о полезности научных связей в любой ситуации. Кое-что осталось от прежней книги, а остальное – я взяла на себя обязательства организовать завершение этой книги, привлекла новых людей, и она должна выйти. По-моему, она будет полезна.

И все же самая важная моя книга – история академий. Без нее не было бы всего остального. Когда я писала о нашей Академии, я могла все сравнивать, как это было за рубежом и почему у нас было иначе. Без этой возможности сравнивать я не могла бы ее написать. Просто повторять то, что есть у Пекарского, не имело смысла.

В моей биографии было очень много случайного. Единственное, что всегда я имела в виду, – что надо учитывать не только то, что интересно мне, но интересно нашему российскому читателю, которому не чужда наука вообще. Очень много людей интересуются историей физики, химии, но историей науки вообще – таких людей немного. И вот мне хотелось написать такое, что может заинтересовать этих людей. Интерес иногда возникал случайно. Зацепка за какой-нибудь эпизод, за какое-нибудь упоминание в письме.

Я бы не сказала, что я образец в культуре исследования. Я довольно средний в этом отношении человек. Я бы сказала о себе, что мне очень свойственно сомнение. Вот если что-то вызывает у меня сомнение, я буду копать, копать... Я сталкиваюсь иногда с исследователями, которые, если найдут что-то, что им нравится, что отвечает каким-то их представлениям, они это схватят, не сомневаясь, что это так. А я – пойду искать, где это сказано, чем это подтверждено... Конечно, это затрудняет работу, но я считаю это своим большим, врожденным, хорошим качеством.

Чувство ответственности, может быть, свойственно моей натуре. А может, это в том, какое чувство у меня возникает каждый раз, когда я вижу какую-нибудь халтуру. И каждый раз говорю себе: «Я бы постаралась этого избежать...». Я этому специально не училась. Но я довольна, что за долгую жизнь и опыт написания довольно многих сочинений я не утратила этого чувства. И до сих пор я, бывает, вижу какой-нибудь ляпсус в книге, который я должна была видеть в рукописи и, бывает, что я видела и сказала автору, а он не обратил внимания. Я очень эти вещи переживаю, глубоко... Будь у меня больше времени, я была бы более осторожной и более бережлива. Ну не получается иногда: хочешь одно, а получается – не совсем так.

Я бы сказала, что эту культуру я приобрела, но в недостаточной степени, надо, чтобы было ее больше, надо было строже всякий раз доводить дело до конца, когда что-то мне не нравилось. Эталоном в этом плане был наш выдающийся латинист – покойный Яков Маркович Боровский. Все, написанное им, мне не хотелось проверять. А про других думала: «Надо бы это проверить!». В области истории науки, конечно, есть такие примеры. Андреев был таким... Гнучева... Те, кто писали обобщающие книги. Пекарский... Он написал очень много и, конечно, не был тщателен в каждой мелочи, иначе бы не написал так много. Но во всяком случае читаешь и ему доверяешь.

Я поздно начала заниматься языками. Если бы я пришла в этот Институт, уже зная немецкий, французский, английский... итальянский!..

Начинающим историкам науки хотелось бы пожелать, во-первых, чтобы они начали с чтения хорошей литературы по истории науки. К нам приходят люди, которые ничего не читали. Во-вторых, чтобы они обязательно изучали языки. И если они не будут получать наслаждение от профессиональной деятельности, то пусть уходят. Всегда можно уйти. И чем раньше ты начал, тем больше у тебя времени и возможностей для перемены специальности.

Публикуется в выдержках по: Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 4. С. 93–115.

1955 год

МАНОЙЛЕНКО
Ксения Викторовна

Эти годы фактически не ушли. Они в душе, в благодарной памяти. Они надежная опора, которая позволяет жить в сложные периоды бытия, работать.

При составлении настоящих заметок, в моих мыслях неотвязно присутствуют слова Л.А. Орбели (1882–1958), сказанные им на торжественном собрании Академии наук СССР в связи с празднованием 75-летия со дня его рождения. Академик отмечал: «Мы очень любим говорить о влиянии среды. Но ведь на человека влияет не столько физическая среда, сколько общественная среда, сколько то воздействие, которое оказывают люди, с которыми приходится сталкиваться, встречаться и работать». Справедливость этих слов очевидна. Доброе влияние научное, человеческое я испытывала и испытываю многие годы в

Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН – в прошлом Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР. Мне посчастливилось встретить, работать, сотрудничать со многими замечательными людьми и не только в Ленинграде, но еще в Москве, Киеве, Одессе.

Окончив аспирантуру и защитив в январе 1955 года диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук по сугубо экспериментальной ботанической теме, я столкнулась с трудной проблемой – устройством на работу. Помощь пришла со стороны профессора Зои Александровны Чижевской, известного ботаника, моего руководителя по диссертационной работе. С ее рекомендацией и по ее ходатайству я могла пройти собеседование относительно трудоустройства у двух ученых – доктора биологических наук Е.Н. Синской (1892–1965), соратницы Н.И. Вавилова (ВИР), и действительного члена Академии педагогических наук профессора Б.Е. Райкова (1880–1966) в ЛО ИИЕТ АН СССР. Оба нуждались в помощниках. Я оказалась перед выбором. Обстоятельства сложились так, что первая беседа состоялась с Б.Е. Райковым. Она стала решающей для меня.

Историк науки, автор многочисленных трудов по методике естествознания, эволюционной биологии, обратил мое внимание на особенности труда в его области знания, обрисовал задачи и детали предстоящей работы. Я выразила свое желание работать в историко-научном направлении и приняла условие Б.Е. Райкова – пройти испытательный срок, выполнить поисково-справочную работу по теме «Жизнь и труды В.В. Половцова». Произошла принципиальная смена научного пространства моей служебной деятельности. От непосредственных занятий с растением в лабораторных и полевых условиях его обитания я переходила к занятиям в архивах, библиотеках, к сбору материалов историко-научного характера. Пройдя испытательный срок, я была принята на должность младшего научного сотрудника в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР. Это знаковое событие, по прошествии десятилетий могу сказать – счастливое, произошло 9 мая 1955 года, в день десятилетия нашей Победы в Великой Отечественной войне. В ту пору это был обычный трудовой день, и я смогла познакомиться с сотрудниками ЛО института, возглавляемого тогда Б.В. Федоренко. Особо запомнилась беседа с А.В. Кольцовым. Его приветливость, готовность облегчить мое вхождение в новую среду – все это я встретила в тот первый рабочий день. Годы спустя я постоянно ощущала внимание А.В. Кольцова (1927–2000), крупного ученого, признанного авторитета в области истории Академии наук.

Далее начались трудовые будни, заполненные поиском архивных документов, составлением библиографических справок, реферированием литературы по теме Б.Е. Райкова «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина». Еженедельные встречи с ним по понедельникам на городской квартире (Мойка, 48), а летом на его даче в Лисьем Носу, давали мне многое. Всякий раз, помимо текущих заданий, я уносила с собой новые знания из истории биологии, о ее творцах, методические советы, ощущение мощной душевной силы Б.Е. Райкова, несмотря на все перипетии его сложного жизненного пути. Перед моим мысленным взором до сих пор его

кабинет, заполненный редкими книгами, воодушевленный, мудрый человек, его неспешная беседа, нередко с уроками бытия.

Вскоре, параллельно с этой работой, я приступила к самостоятельным исследованиям по вопросам истории физиологии растений. Моими «героями» того периода стали А.Ф. Баталин, С.П. Крашенинников, Н.Ф. Леваковский, К. Линней, Д.Н. Нелюбов. Выходили публикации. Постоянные контакты с видными учеными Ленинградского отделения Института – И.И. Канаевым, П.П. Перфильевым, А.В. Предтеченским, Б.Е. Райковым, подвижниками своего дела, изучение материалов научной деятельности ботаников XIX–XX веков, фокусировались в моем сознании, являлись собой блестящие примеры для собственного научного труда, ко многому обязывали.

Запомнились заседания группы истории биологии ЛО ИИЕТ АН СССР, руководимой с 1955 по 1966 гг. Заслуженным деятелем науки РСФСР профессором Б.Е. Райковым. В состав группы входили Н.Н. Банина, И.И. Канаев, Т.А. Лукина, К.В. Манойленко, П.П. Перфильев.

Иван Иванович Канаев (1893–1984) включился в работу группы в 1957 году, это был известный специалист в области проблем общей биологии, генетики, физиологии высшей нервной деятельности. Глубокий знаток живописи, исследователь творчества Ж. Бюффона, Ф. Гальтона, И.В. Гете, Ж. Кювье, человек исключительной эрудиции и деликатности, достоинства и долга, он был отзывчив и доброжелателен к сотрудникам. Запомнились беседы с ним в Институте и у него на квартире на улице Голя. Из окон одной из его комнат хорошо был виден золотой купол Исаакиевского собора.

Группа Б.Е. Райкова сыграла важную роль в объединении ученых, работавших в других учреждениях Ленинграда, проявлявших интерес к истории биологии – Е.Г. Бобров, О.В. Казакова, П.А. Новиков, П.В. Терентьев, Г.В. Федорова. В зале заседаний Ленинградского отделения – Таможенный переулок, дом 2, собирались ученые, учителя, студенты. Забота о сохранении памяти о прошлом науки, без которого, по утверждению В.И. Вернадского, не может быть настоящего, живой интерес, исследовательские и общественные задачи здесь шли рядом. Это можно видеть из тематики докладов тех лет, подготовленных и опубликованных на их основе статей. С успехом прошли заседания в память 250-летия со дня рождения Карла Линнея (1957), 150-летия К.Ф. Рулье (1964), 150-летия К. Бэра.

Совсем недавно, работая над темой «Бэрские награды в Академии наук», я, естественно, обратилась к трудам Б.Е. Райкова и Т.А. Лукиной, посвященным К.М. Бэру. Еще раз, на расстоянии времени, убедилась в масштабности проведенной ими работы. Впечатляет вклад Т.А. Лукиной (1917–1999) в разработку эпистолярного наследия выдающегося естествоиспытателя XIX века, востребованного сегодня.

Среди сотрудников Ленинградского отделения существовали благожелательные отношения. Уже тогда сложилось убеждение, что всех нас объединяет сходство научных принципов, жизненных установок, всего мироощущения. Это убеждение подтвердилось и укрепилось после кончины Б.Е. Райкова в 1967 году, когда группу биологов в ЛО возглавил

К.М. Завадский (1910–1977), известный эволюционист, автор фундаментальных работ по вопросам вида и видообразования.

1967 год оказался переломным и для научной деятельности всего коллектива. ЛО ИИЕТ возглавил видный ученый, специалист в области технических наук, философ, профессор Юрий Сергеевич Мелешенко (1921–1972). Прекрасный организатор, энергичный и волевой, он способствовал взаимодействию секторов отделения, разработке проблем прогресса в живой природе и технике.

В состав группы историков биологии, теперь сектора, вошли новые исследователи. Возник Сектор истории и теории эволюционного учения, руководимый К.М. Завадским. В составе сектора работали Т.М. Аверьянова, Я.М. Галл, И.И. Канаев, Э.И. Колчинский, Н.В. Константинова, Т.А. Лукина, К.В. Манойленко, З.М. Рубцова, Л.Н. Хахина. Сектор, сохранив традиции райковского периода, расширил тематику исследовательских тем, привлек к участию в действовавшем многие годы семинаре биологов-эволюционистов, историков науки, философов. В сотрудничестве с сектором находились А.Б. Георгиевский (позднее, с конца семидесятых годов, его заведующий), А.С. Мамзин и др.

Вскоре сектор К.М. Завадского стал координационным центром в стране в области исследования проблем развития эволюционной теории. По этой тематике им было проведено несколько всесоюзных симпозиумов и совещаний.

Память удерживает особо значимый период в моей деятельности – подготовку и проведение первого Всесоюзного симпозиума по эволюционной физиологии растений. Симпозиум состоялся в Ленинграде в 1974 году, он собрал, объединил и стимулировал усилия ученых на разработку эволюционных аспектов в физиологии растений. В работе симпозиума приняли участие около 200 человек из 25 городов страны. Это был настоящий праздник науки, осуществленный под руководством К.М. Завадского. Именно этот ученый, Заслуженный деятель науки РСФСР создал научную школу историков эволюционной теории. Нельзя забыть энтузиазм тех лет работы в секторе. Именно в этот период на путях изучения истории физиологии растений в аспекте задач эволюционной теории сложились плодотворные научные контакты с Ленинградским университетом, с заведующим кафедрой физиологии растений, автором многих работ по гормональной системе растений, профессором В.В. Полевым (1931–2001).

Усилиями сотрудников сектора, но уже после кончины К.М. Завадского, был подготовлен и в 1983 году вышел в свет капитальный труд «Развитие эволюционной теории в СССР» (1917–1970-е годы). Ответственные редакторы С.Р. Микулинский и Ю.И. Полянский. Редактор-соавнитель Э.И. Колчинский.

На всех этапах деятельности сектор поддерживал тесные, дружественные контакты с московскими коллегами, дорожил ими, понимая, что историки науки Москвы и города на Неве связаны единством целей, общей ответственностью за развитие историко-биологического знания.

Сохраняю благодарность, теплые воспоминания о профессорах Л.Я. Бляхере, С.Р. Микулинском, С.Л. Соболе, которые неизменно целый ряд лет проявляли доброе внимание к моей работе.

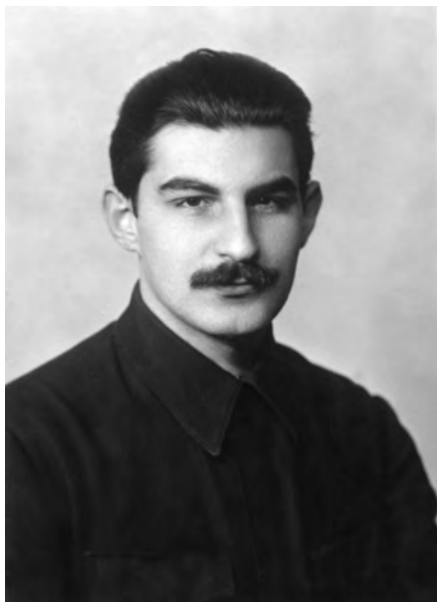
Трудно поставить точку, многие стороны деятельности остались в тени, но сказано главное. Это был интересный труд, поиск новых фактов, их объективный анализ, написание историко-проблемных работ и научных биографий.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН сохраняет традиционные направления исследований, соединяя их с требованиями нового времени, актуальными задачами развития науки и общества.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 177–181.

1955 год

МИРЗОЯН
Эдуард Николаевич

В 1953 г. я окончил Биолого-почвенный факультет МГУ. И сразу же получил предложение поступить в аспирантуру Философского факультета МГУ. В эти годы активно развивались исследования по философским вопросам естествознания, и университет был заинтересован в привлечении к этой работе физиков, химиков, биологов... Я с интересом относился к так называемым общественно-политическим дисциплинам и принял предложение. Написал заявление, на котором наш преподаватель по диалектике кратко изложил свою рекомендацию. С этой рекомендацией я пришел на философский факультет и прежде всего попросил программу аспирантского вступительного экзамена по философии. Убедившись, что значительное место в ней отведено

истории философии, я решил отложить экзамен на год, чтобы подготовиться получше (хотя меня успокаивали относительно исхода экзамена).

Чтобы не терять год, я устроился на работу в Издательство Академии наук. Оно только что переехало в особняк в Подсосенском переулке. Шел ремонт, кабинет, где состоялась моя беседа с директором издательства Назаровым, еще не был окончательно оборудован. Посмотрев мои документы, директор сказал: «Чтобы стать настоящим редактором, надо начинать с азов издательского дела. Советую вам несколько месяцев поработать корректором». Я принял этот совет, и в последующие годы, когда стал приходить в свое Издательство уже как автор, всегда с благодарностью вспоминаю и этот совет, и приобретенный корректорский опыт.

Мои дальнейшие планы нарушил случай. Из объявления в «Вечерней Москве» я узнал, что существует Институт истории естествознания и техники, и что объявлен прием в его аспирантуру – в частности, по истории биологии. Не колеблясь, я направился к зданию Политехнического музея, где в 1954 г. располагался ИИЕТ АН СССР. Нашел отдел кадров. Оттуда меня предварительно, прежде чем выдать мне для заполнения формальные бумаги, направили на собеседование в Сектор истории биологических наук, к его заведующему.

Так я познакомился с профессором Соболев Самуилом Львовичем. После короткой с ним беседы я был допущен к экзаменам. Основное время я затратил на подготовку к экзамену по истории биологии, штудировав доступные источники и составляя конспекты прочитанного. И, конечно, пытался составить представление о той области знания – истории науки, – где собирался работать. Экзамен по истории биологии я сдавал в ИИЕТ, принимал у меня экзамен директор Института Иван Васильевич Кузнецов. Все прошло благополучно. В марте 1955 г. я был официально зачислен в очную аспирантуру Института. С этого момента и по сегодняшний день моя жизнь и работа неразрывно связаны с ИИЕТ.

Яркое впечатление произвел на меня семинар по философии для аспирантов ИИЕТ. Вел его профессор Эрнст Яромирович Кольман – человек нестандартной судьбы, личность неординарная, сложная и противоречивая. Нас, аспирантов, поражал объем его знаний. Математик, историк науки, философ, он умел остро – благо наступило время «оттепели» – ставить вопросы истории и философии естествознания и техники. По существу, благодаря работе семинара под его руководством аспиранты исподволь вводились, – еще не начав самостоятельную научную работу, – в избранную область знания.

Большое влияние оказал на меня коллектив ученых, работающих в Институте. В Секторе истории биологических наук мы, аспиранты, имели возможность общаться с профессорами Самуилом Львовичем Соболев, Леонидом Яковлевичем Бляхером, Павлом Александровичем Новиковым, Ниной Александровной Базилевской; на заседания в Институт приходили профессор Алексей Дмитриевич Некрасов, член-корреспондент АН СССР Хачатур Седракович Коштоянц (в 1946–1953 гг. директор ИИЕ). Будучи в командировке в Ленинграде, я познакомился в ЛО ИИЕТ с замечательным человеком, историком эволюционной идеи в России академиком АПН РСФСР Борисом Евгеньевичем Райковым. Труды этих ученых по разным

разделам истории биологии служили незаменимой школой для начинающего историка биологии.

Выдающиеся историки естествознания работали и в других секторах Института – прежде всего в области истории физико-математических и химических наук (А.П. Юшкевич, Б.Г. Кузнецов, В.П. Зубов, И.Д. Рожанский, И.Б. Погребысский, П.М. Лукьянов, С.А. Погодин, Г.В. Быков, В.И. Кузнецов, Ю.И. Соловьев и др.).

Ученые, работавшие в ИИЕТ в 1950–1960-е годы, высоко подняли планку, и я понимал: чтобы подняться до уровня профессионала в области истории естествознания, нужно отдать избранному делу всю жизнь.

Наша страна и весь мир менялись, и наука играла в этом процессе определяющую роль. Перед историками науки и техники встала задача исследовать предпосылки, ход и последствия явления, получившего название современной научно-технической революции. Работы сотрудников Института – и историков естествознания, и историков техники – широко обсуждались и печатались. Для аспирантов и молодых научных сотрудников участие в этих обсуждениях было хорошей школой.

Старшее поколение внимательно к нам, аспирантам, присматривалось. В научном сообществе существовало убеждение, что прежде, чем заняться историей науки, следует поработать практически в самой науке. Дружная семья аспирантов и молодых научных работников Института, при поддержке дирекции, организовала ежегодные конференции, которые стали для нас хорошей школой, позволили опубликовать свои первые небольшие тексты историко-научного и историко-технического содержания, а также выслушать замечания и советы опытных старших коллег. Их доброжелательное и товарищеское отношение к нам помогало становлению нового поколения настоящих профессионалов своего дела. Все это выяснилось позже, а пока мы готовились к серьезному испытанию – к защите кандидатских диссертаций.

Защита проходила, как и сейчас, в два основных этапа. Предзащита состоялась в Секторе истории биологических наук. Заседание вел Леонид Яковлевич Бляхер, с 1955 г. возглавлявший наш сектор. С.Л. Соболев, Н.А. Базилевская, П.А. Новиков одобительно отозвались о моей работе. Добрые слова я услышал и от моего научного руководителя профессора Борисенко Ефима Яковлевича, заведующего кафедрой разведения сельскохозяйственных животных Тимирязевской сельскохозяйственной академии (кстати сказать, экзамен по специальности мне как аспиранту пришлось сдавать в ТСХА). В марте 1959 г. в ИИЕТ состоялась моя защита. В те годы в Институте работало два Ученых совета: Ученый совет ИИЕТ и Ученый совет ИИЕТ по защите диссертаций. Согласно существовавшей процедуре, решение диссертационного совета ИИЕТ затем тайным голосованием утверждалось Ученым советом ИИЕТ.

Заседание диссертационного совета ИИЕТ вел на моей защите профессор Юшкевич Адольф Павлович, выдающийся историк науки, математик и историк математики. Это была первая защита по истории биологии в Институте, и члены Ученого совета очень внимательно выслушали выступления моих официальных оппонентов. Их имена пользовались заслуженной известностью: профессор Боголюбский Сергей Николаевич,

член-корреспондент Казахской Академии наук, один из ближайших учеников академика А.Н. Северцова, специалист по эволюционной морфологии животных и по проблеме происхождения домашних животных, и профессор Витт Владимир Оскарович, историк по базовому образованию, заведующий кафедрой коневодства ТСХА, автор блестящей монографии по истории русского коннозаводства. Оба оппонента весьма положительно отозвались о моей диссертации. Яркую речь произнес профессор С.Л. Соболев, выступили в поддержку и другие ведущие сотрудники Сектора истории биологических наук. В 1961 г. диссертация в виде небольшой монографии увидела свет и получила хорошие отзывы. К этому времени я был уже полностью поглощен работой над новой книгой «Индивидуальное развитие и эволюция», в процессе которой судьба позволила мне близко познакомиться с выдающимся биологом, учеником академика А.Н. Северцова, в те годы старейшим профессором Московского университета Борисом Степановичем Матвеевым. В моей жизни он сыграл большую роль, взяв на себя труд ответственного редактора монографии «Индивидуальное развитие и эволюция», а позже – ознакомившись и поддержав мою докторскую диссертацию.

Сразу после защиты, по рекомендации Института (куда я был официально зачислен в штат с 1 апреля 1958 г.), я был введен распоряжением Президиума АН СССР в состав Оргкомитета по подготовке юбилейного Общего собрания Академии наук, посвященного памяти Ч. Дарвина и Ж.-Б. Ламарка. Так началось мое близкое знакомство и тесное деловое общение с академиком Евгением Никаноровичем Павловским, возглавлявшим Оргкомитет. Ученый с мировым именем, блестящий организатор науки, директор большого Зоологического института АН СССР в Ленинграде, генерал-майор медицинской службы, Евгений Никанорович приложил максимум усилий, чтобы в непростые 1950-е годы, когда Т.Д. Лысенко (кстати, тоже член упомянутого Оргкомитета, как и его оппонент академик И.И. Шмальгаузен) все еще сохранял свое негативное влияние, достойно отметить юбилейные даты, связанные с именами двух гениальных биологов. Юбилейное заседание Академии прошло в конференц-зале Московского университета (на Ленинских горах), его вел президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов. С докладом выступил Е.Н. Павловский. Когда после окончания заседания опустел конференц-зал, уехали иностранные гости, разошелся президиум, Евгений Никанорович тепло поблагодарил меня за работу. А вскоре в наш Институт пришло письмо из Академии – Президиум АН СССР вынес мне благодарность; не сомневаюсь, что инициатором был Е.Н. Павловский. Замечу, что Евгений Никанорович высоко ценил нашу область знания и сам работал как историк науки, опубликовав несколько монографических исследований. Мне известно, в том числе со слов самого Евгения Никаноровича, что он решительно выступал за сохранение ИИЕТ в системе Академии наук.

Аспирантура многое мне дала; общение с историками науки – профессионалами высокого класса, первые научные доклады, первые небольшие публикации, наконец, первая монография, участие в научной жизни своего сектора и всего Института – все это позволило накопить первый – самый трудный, как тогда казалось, – опыт. Вскоре выяснилось, однако,

что вхождение в новую специальность – ведь историков науки и техники университеты не готовили, – может продолжаться годы. В ИИЕТ происходили перемены, задачи усложнялись, проблемное поле расширялось, возрос интерес к теории развития научного знания, к вопросам психологии научного творчества и организации науки. Для меня наступил новый этап овладения специальностью. Очень скоро новый опыт пришлось использовать практически. Но это уже другая история.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 111–115.

1955 год

УВАРОВА
Лидия Ивановна

Конец войны я встретила в Саратове и вместе со всеми вышедшими на улицы людьми пережила непередаваемое чувство радости, гордости и восторга. В этот же день с полевой почты в Екатериновку вернулось мамино письмо отцу: «Не доставлено за выбытием адресата». Стало совершенно очевидным, что папа погиб. На самом же деле, как оказалось, он воевал еще до 10 мая, их часть освобождала Прагу. Отец был контужен – при разрыве снаряда засыпан землей. В общем, домой приехал совсем больной человек.

В августе 1945 года я поехала в Москву на преддипломную практику, после которой вернулась в Саратов. Где-то в пути заразилась тифом. С температурой 39° защищала дипломный проект. Дирекция Саратовского автодорожного института (САДИ) пред-

ложила мне стать ассистентом кафедры деталей машин. Шесть лет я работала на этой кафедре.

В эти годы развертывала свою работу Комиссия по истории техники. В частности, она подготавливала Всесоюзные совещания, на одно из которых меня командировала дирекция САДИ. На этом совещании я впервые увидела А.Н. Самарина, В.А. Голубцову, С.В. Шухардина.

В этот приезд в Москву я побывала на кафедрах истории техники Горного института, МВТУ, МЭИ. Мне важно было понять, что это такое – история техники, какова ее проблематика. Сначала обратилась к секретарю Комиссии С.В. Шухардину, а он говорит: «Мы еще и сами не знаем, что к чему. Я попрошу Анатолия Алексеевича Зворыкина, и он вам расскажет». А.А. Зворыкин – он работал в Горном институте – выбрал пустую аудиторию и, прохаживаясь туда-сюда, в течение двух часов рассказывал мне об истории техники.

Это не было лекцией – просто рассказ. Я записала все моменты, которые он считал главными, нужными. Записи не сохранились, но, конечно, это были методологические вопросы, поскольку конкретика определялась темой.

Много интересного о состоянии изучения истории техники я узнала в МВТУ от старшего лаборанта кафедры – Галины Ивановны.

На кафедре истории техники МЭИ я познакомилась с профессором Л.Д. Белькиндом, доцентами И.Я. Конфедератовым и Я.А. Шнейбергом, инженером С.А. Гусевым, аспирантами О.Н. Веселовским, М.Д. Богаровой, А.И. Сызранцевой и лаборанткой. Я пришла на заседание кафедры, меня встретили очень радушно, выслушали и предложили помощь в изучении истории техники. С конца 1951 до середины 1952 года профессор Белькинд пересылал мне в Саратов главы книги, которую кафедра подготовила в качестве будущего учебника.

В 1952 году МЭИ объявил прием в аспирантуру. На кафедре истории техники было одно место, на которое поступило несколько заявлений. Свое отпускное время я использовала для подготовки к вступительному экзамену по английскому языку, причем благодаря помощи Я.А. Шнейберга получила возможность консультироваться на кафедре иностранного языка МЭИ. К экзамену по истории техники я была готова, поскольку весь год изучала материалы кафедры, к экзамену по философии – тоже: закончила двухгодичный институт марксизма-ленинизма. Получив свои 15 баллов, я вернулась в Саратов и продолжала работать на кафедре деталей машин вплоть до получения из МЭИ официального извещения о зачислении в аспирантуру.

Когда стали выбирать тему для диссертации, произошло небольшое недоразумение. Назначенный моим руководителем Л.Д. Белькинд предложил мне заняться историей электрических осветителей. Это никак не вписывалось ни в мое образование, ни в мое научное направление. Я предложила другую тему: исследование третьего звена развитой системы машин – передачи от двигателя к рабочей машине. История третьего звена нигде не разрабатывалась. Уже занимались историей станков, историей двигателей, но историю передачи никто не изучал. В связи с изменением направления диссертационной работы возникла необходимость в новом научном руководителе. Пришлось направить письмо в Министерство

высшего образования, и руководителем моей работы был назначен доцент Иван Яковлевич Конфедератов. Так я начала учиться в аспирантуре. Одновременно был решен вопрос о моей педагогической работе. Заместитель директора МЭИ профессор В.А. Кириллин разрешил мне совмещать учебу в аспирантуре с преподаванием. В осеннюю экзаменационную сессию я стала ассистентом кафедры деталей машин Всесоюзного заочного энергетического института (ВЗЭИ), а через месяц – старшим преподавателем этой кафедры.

Работая на кафедре истории техники МЭИ, я имела возможность наблюдать, как создавалось трехтомное издание: «История электротехники», «История теплотехники», «История гидротехники». Работа проходила четко, авторский коллектив был весьма компетентный, председателем комиссии по созданию трехтомника была В.А. Голубцова. К сожалению, вышли только два тома.

Дело двигалось к защите, и тут возникли сложности. Выяснилось, что МЭИ – колоссальный институт, с таким известным именем – не имеет права принимать к защите диссертации по механическим специальностям. Чтобы защищать работу о передаче механической энергии от двигателя к рабочей машине, я должна искать Совет по этому профилю. Тогда Иван Яковлевич Конфедератов обратился к профессору Г.А. Шаумяну в МВТУ и попросил заслушать меня на его кафедре, чтобы потом, если они согласны, институт получил для меня разрешение защищаться у них. Кафедра Шаумяна заслушала меня, одобрила и дала согласие. Тогда МЭИ написал письмо в министерство: в связи с тем, что Энергетический институт не имеет права приема диссертаций по механическим специальностям, кафедра просит дать мне возможность защищаться в МВТУ. В ответ пришло письмо: «Только что организован Институт истории естествознания и техники Академии наук, имеющий право защиты кандидатских и докторских диссертаций, куда и следует направить работу Л.И. Уваровой». Это был 1955 год. Я в 1952 г. поступила в аспирантуру, а в 1955, день в день, защитила диссертацию. В это время ученым секретарем ИИЕТ был Ашот Тигранович Григорьян, а директором – Иван Васильевич Кузнецов. Тогда было строго со сроками защиты. Если вы не укладываетесь вовремя, то прерывается стаж. Это имело очень важное значение. И когда я сказала об этом Григорьяну, мою защиту поставили на ближайшем Совете.

Оппонентом был В.И. Прокофьев, профессор из МВТУ, чьими книгами мы теперь пользуемся. Он доктор технических наук. Вторым оппонентом был доцент кафедры сопротивления материалов Энергетического института. Голосование было единогласным. Защита затянулась, и мы торопились домой, потому что дочь до восьми часов вечера была в детском саду одна.

На следующий день после защиты было распределение аспирантов МЭИ. На мою кандидатуру было несколько заявок: Саратовский автодорожный институт требовал моего возвращения, Энергетический заочный – готов был принять у себя, Институт истории естествознания и техники просил направить к ним. Председатель комиссии сказал: «Нет, мы решим иначе. Нам сейчас очень нужен инспектор в Отдел политехнических вузов и университетов, тем более что придется работать с Фурцевой. Мы предлагаем Вам этот вариант». При этом, однако, нигде никто ни ком-

наты, ни общежития не обещал. Я решила остаться в ИИЕТ – в истории техники уже было кое-что наработано, было с чего начинать.

Итак, историко-техническую подготовку я получила на кафедре истории техники МЭИ. Четкость и систематичность работы кафедры, ее еженедельные тематические заседания были для меня не только уроком, но и образцом методического и методологического подхода к теме. Я была свидетелем обсуждения кандидатских диссертаций – и поэтапного, и перед защитой. Учеба в аспирантуре была для меня настоящей школой исследовательской работы. В человеческом плане в Энергетическом институте большую роль сыграл Я.А. Шнейберг. Он помогал устроить дочку в детский сад, поддержал на заключительном этапе диссертационной работы, давал советы в выборе первых самостоятельных шагов в качестве кандидата наук.

Руководителем моей диссертационной работы был доцент Иван Яковлевич Конфедератов, чей вклад в историю техники общеизвестен. Его работа «История теплоэнергетики» в течение многих лет была образцом историко-технического исследования. Ряд методологических положений, высказанных И.Я. Конфедератовым, широко используется историками техники. Лев Давидович Белькинд был образцом русского интеллигента: он был хорошо образован, владел несколькими иностранными языками, был весьма корректным, отзывчивым и скромным человеком. Меня поражали его познания в истории. В МЭИ профессора Белькинда не просто уважали – его почитали. В последние годы своей жизни, после того как в МЭИ ликвидировали кафедру истории техники, он работал профессором-консультантом в ИИЕТ. Его здесь должным образом не оценили. Как-то на одном из заседаний зашел разговор о том, что методические вопросы по истории техники не разработаны. Я тогда сказала: «У нас же есть человек, который может в этом помочь». Решили послушать Льва Давидовича. Он принес свои записи, они у него были в обычных школьных тетрадках. На каждой из них были наклеены переводные картинки – они, видимо, давали ему возможность ориентироваться, где что находится. Белькинд выступил. Я не помню его выступления, я только видела, как тетрадки переходят из рук в руки членов Ученого совета. Все это происходило в нашем зале. Вдруг слышу реплику одного, ныне покойного, человека: «Вы подумайте, прийти с тетрадочками!» Эти слова сказал очень уважаемый и авторитетный в ИИЕТ человек. Белькинд тоже их слышал, и, думаю, он это перенес по-своему. Я очень пожалела о своем предложении и до сих пор переживаю этот эпизод.

Первым заметным событием в мою бытность в ИИЕТ была подготовка доклада к Международному конгрессу в 1956 г. в Италии. Институт был центром сбора и рецензирования докладов. Всего было представлено 400 докладов, из которых отобрали 58. На конгресс поехали Н.А. Фигуровский и А.Т. Григорьян. Ряд докладов вызвал интерес участников этого конгресса, и Международный союз пригласил несколько человек во Францию.

До этого за рубежом я была только в туристической автомобильной поездке по Польше и Чехословакии в 1959 г. Поездка во Францию состоялась в 1960 году. Нам многое рассказали и показали. Программу посещения поручили составить В.П. Зубову. От поездки осталось очень приятное

впечатление. В составе группы были А.Т. Григорьян, В.П. Зубов, Л.Я. Бляхер, И.А. Федосеев, А.П. Юшкевич, С.Л. Соболев, А.А. Дорогов, В.А. Есаков, Г.Е. Павлова, Н.Н. Стоскова, З.К. Новокшанова. Мы не делали никаких докладов – только общение, но общение целенаправленное. В последний день историки техники совместно с французскими коллегами провели своеобразный семинар. Переводчиком был специалист, воевавший в составе эскадрильи «Нормандия – Неман».

Кого мы мало знаем, как человека – это А.П. Юшкевича. В Институте он не отличался общительностью, а для историков техники вообще был мало доступен. Между тем за рубежом этот удивительный человек первым был готов оказать любую помощь. Там он – душа общества, на все отзовется, любому поможет.

В 1961 г. Дирекция ИИЕТ направила в Президиум АН СССР (по его запросу) шесть молодых кандидатов наук. Вопрос был поставлен достаточно жестко: по тем кандидатам наук, которых предложит ИИЕТ, Президиум будет судить об институте в целом. Дирекция командировала шесть человек – Э.И. Березкину, Буданова, Э.Н. Мирзояна, З.К. Новокшанову, В.Н. Сокольского и меня. Всех пугал, конечно, жесткий режим – работать в Президиуме нужно было с девяти утра и до пяти вечера. Отпуск – 24 дня, а не 36, как для кандидатов в научных учреждениях. Новых сотрудников приглашали на работу в Научно-организационный отдел Президиума АН СССР. Новая система организации академических исследований в основном была связана с работой этого отдела. Из шести человек двое согласились на новую работу – я и Э.И. Березкина, которая, впрочем, по причинам личного характера так и не смогла к ней приступить. Таким образом, в НОО Президиума приняли меня одну.

Всех сманивали оформлением на должность старшего научного сотрудника. Когда я пришла, В.А. Филиппов и два его зама очень мило меня встретили, сказали: «Ну, чем Вас сманивать? Вы уже старший научный сотрудник, издали книгу... Но мы знаем – Вам жить негде». Я говорю: «Да. Жить мне негде».

Я тогда жила в комнате в пятикомнатной квартире, где размещались пять семей. Это был знаменитый дом на улице Дмитрия Ульянова, третий Дом научных работников АН–ДНР-3. В ту пору академики не претендовали на квартиры в этом доме. Он был на улице последним, за ним – только поле. Через два года после перехода в НОО Президиум выделил мне двухкомнатную квартиру в «хрущевской» пятиэтажке на улице Ферсмана.

Когда в 1966 г. я вернулась из Президиума (у меня там не было времени следить за литературой), первое, что я сделала, – просмотрела работы последних пяти лет. И я увидела, что философы взяли всю историческую начинку, которую историки техники добывали с таким трудом, и изложили этот материал в соответствии со своими задачами. Вышли прекрасные работы. А труды историков техники на их фоне поблекли. И более того, к ним стали относиться косо – историков обвиняли в фактографии. Но без этих работ не появились бы исследования по философии техники.

Когда, поработав в Президиуме, я вернулась в Институт, меня направили в сектор научно-технической революции. Это было новое научное направление. И вдруг меня вызывает Б.М. Кедров (при этом присутствова-

ли С.Я. Плоткин – секретарь парторганизации и Ю.М. Шейнин). Б.М. Кедров: «Мы зачислили Вас по сектору научно-технической революции, но Вам надо бы работать в секторе организации науки. Вы же знаете эти вопросы, а мы об организации науки знаем только теоретически». Я не хотела заниматься вопросами организации науки. Минут сорок меня обрабатывали. Улучив момент, я подошла к Ю.М. Шейнину и говорю: «Вот у Чеканова с Шухардиным уже плохие отношения. Вы тоже хотите испортить отношения с Шухардиным? Настаивайте!» Он оказался не из настойчивых, и таким образом я осталась у Семена Викторовича.

Я, кстати, не понимаю, почему А.А. Чеканов не сошелся с С.В. Шухардиным. Никак не понимаю. Шухардин был большой организатор, да и человек отличный, хороший во всех отношениях. Что их разъединяло, я не знаю. Все поменялось в 1962 г., когда стали появляться новые структурные подразделения: сектор научно-технической революции, сектор организации науки, сектор психологии науки и др. Исследования по многочисленным разделам техники свели в один сектор истории техники. Все отраслевые сектора ликвидировали. Сектор истории строительного дела передали в Строительную академию. Сотрудников – историков техники поразбросали по другим секторам. Я не знаю, как все произошло. Сектор научно-технической революции возглавил Шухардин. А сектор истории техники должен был возглавлять А.А. Чеканов. Но здесь встал вопрос о том, не сделать ли заведующим Н.К. Ламана. Николай Константинович был в секторе научно-технической революции. Он был правой рукой Семена Викторовича.

Здесь было много зарубежных научных командировок, а также поездок по линии научного туризма. Много интересного: общая работа с Чехословакией, командировка в порядке обмена в Словацкую академию наук, поездка в Италию на Конгресс по истории и философии науки и др.

Я участвовала в работе конгрессов и симпозиумов. Первая научно-техническая зарубежная поездка была организована немного странно. Для участия в работе симпозиума в Варшаве и Катовицах создали официальную делегацию, одновременно сформировали большую группу по линии научного туризма, а я и кто-то еще получили приглашения от Союза польских инженеров. Программы были разные, но участие в симпозиуме предусматривалось для всех. Я получила место в отеле «Париж», официальная делегация – в какой-то другой гостинице, а туристская группа – в третьей. Ко мне прикрепили переводчика и машину, и я ездила по Западной Польше и читала лекции. Поездка совпала с 50-летием Советской власти, поэтому темой выступлений были достижения СССР за 50 лет. Правда, все встречи перерастали в беседы по разным актуальным вопросам, порою чисто житейского характера.

В отделе историографии и источниковедения я оказалась потому, что Семен Викторович Шухардин умер, не успев доделать работу «К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о науке и технике», которую ИИЕТ вел совместно с Институтом марксизма-ленинизма. Меня вызвал директор и сказал: «Срочно нужно эту работу закончить, потому что Институт марксизма-ленинизма свою часть сделал и мы задерживаем издание». Мне пришлось доводить до конца работу, порученную Семену Викторовичу.

Сочинения Энгельса анализировала Н.Н. Стоскова, Маркса – А.А.Кузин, а анализ трудов Ленина поручили Семену Викторовичу. В дальнейшем в работе над этим изданием принимали участие сотрудники нашего Института: Е.А. Беляев, С.С. Илизаров, Н.И. Макешин, Н.С. Пышкова, Г.А. Фирсова. Они и стали ядром нового сектора – историографии и источниковедения, в состав которого вошла и я.

Позднее дирекция неоднократно предлагала мне возглавить сектор НТР. Первым об этом заговорил еще С.Р. Микулинский. После Микулинского некоторое время обязанности директора исполнял В.И. Кузнецов. Он тоже предложил: «Вам нужно возглавить этот сектор». О том же говорил со мной и Ю.С. Воронков. На все предложения я отвечала, что готова работать в секторе (и действительно, две или три совместных работы я с ними написала), но организационно прошу меня оставить в секторе историографии.

Темы моих работ «вырастали» из знаний, полученных в процессе педагогической и исследовательской деятельности, по мере появления актуальных вопросов, требующих рассмотрения. Так, оказавшись в секторе историографии и источниковедения, я решила разобраться – что же такое научно-техническая документация. Поэтому написала и опубликовала в «Архиве истории науки и техники» большую статью, посвященную разбору видов документации. «Машинное производство как предмет историко-технического исследования» я написала, когда возникла необходимость в историографических работах. Монография «Наука как производительная сила общества» явилась результатом анализа большого числа докладов и публикаций философов, историков, экономистов по этой проблеме. То есть в зависимости от событий, которые происходили в истории науки, я пыталась излагать свое видение тех или иных вопросов.

Работая над статьей для монографии «Москва научная», я – уже не в первый раз – изучала труды П.К. Худякова. Так родилась мысль рассказать о научной деятельности этого многогранного ученого. А когда я выяснила, что себе в помощники Худяков пригласил А.П. Гавриленко, мне ничего не оставалось делать, как писать о творчестве Александра Павловича Гавриленко – первого выборного директора МТУ.

Наиболее серьезная из моих работ – «Научный прогресс и разработка технических средств». Она была актуальной, как «яичко к Христову дню». Не было еще определения «разработки»; я это определение предложила. В это время вокруг «разработки» был бум, который сопровождался довольно большой путаницей и смешением понятий. Помочь разобраться в многочисленных технических статьях по этой проблеме мог исторический подход, поэтому мне пришлось проанализировать процесс создания технических средств с момента их возникновения на эмпирической основе и довести рассмотрение вопроса до разбора сущности и структуры разработки как деятельности в современных условиях. Работа интересовала техников. Книге была присуждена бронзовая медаль ВДНХ. Но квалификационная работа по истории техники в технических советах не признается. Чтобы стать доктором технических наук, надо предложить теорию проблемы, провести эксперимент, дать проект и внедрить в производство. В сборнике материалов одной из годовых конференций я писала о том, почему произошла трансформация технико-исторических исследований.

Подавляющее большинство кандидатов технических наук изменили технической направленности исследований и защищали диссертации на степень доктора исторических, философских или экономических наук. Из моей монографии можно было сделать историческую работу. Это я поняла, когда занялась научно-технической документацией. По существу, разработанная документация – конгломерат научно-технических документов. Но здесь посыпались другие события.

Я иногда думаю, что не все решает труд. Я сломала ногу, потом руку, потом перенесла тяжелую операцию. За этот период резко ухудшилось здоровье мужа. Затем его смерть, болезнь и смерть дочери...

В истории каждой отрасли техники можно обнаружить весьма содержательные работы – в энергетике, металлургии, машиностроении, горном деле и т.п. Если же говорить об отечественной истории техники, разрабатывавшейся в нашем институте, можно назвать пять томов истории техники разных периодов. Редакционную коллегию серии «Очерки истории техники в России» возглавлял академик И.И. Артоболевский, но организационную работу проводили заведующие соответствующими секторами и ведущие научные сотрудники – А.А. Чеканов, В.И. Остольский, Б.А. Розентрер и др. Основанные на архивных материалах, документах и литературных источниках, «Очерки» могли быть опорой для дальнейших разработок. Затем – работа «Человек. Наука. Техника», которая подготавливалась совместно с чехами. Но из-за того, что у чехов произошла какая-то неприятность, нельзя было указать авторов, и мы своих авторов сняли. Книга вышла безымянной. Она и без редактора, и без авторов. Правда, эта работа относится скорее к изданиям о научно-технической революции.

Из теоретических работ по истории техники – их было немного – нужно отметить работу С.В. Шухардина «Основы истории техники», в которой рассматривались такие принципиальные вопросы, как место истории техники в системе наук, принципы периодизации истории техники, методологические вопросы историко-технических исследований. Методологическим вопросам истории техники посвящена работа Ю.С. Мелещенко «Техника и закономерности ее развития».

Мне очень нравились работы науковедческие. Они были полезны для общего развития исследований в институте...

Каждый отрезок истории Института отмечен какими-то внутренними конфликтами. Например, не могу понять, что случилось с Б.М. Кедровым, который был директором двух институтов, а остался заведующим отдела. Или – что такого сделал С.Р. Микулинский, что вдруг весь Институт на него навалился. С чего бы это? Поскольку я не вхожу в эти круги, не могу ничего на этот счет сказать.

Для развития истории техники в нашем Институте наиболее благоприятными, пожалуй, были 1950–70-е годы, когда сотрудники стремились проводить исследования на основе первоисточников. Правда, эти работы были чаще всего отраслевыми, но наполненными хорошо проверенными фактами. Уничтожив отраслевые сектора и разбросав историков техники по разным институтским и внеинститутским подразделениям, дирекция, с одной стороны, способствовала формированию новых научных направлений, а с другой – утрате основ историко-технических исследований, в частности пополнения первоисточников.

Нынешний директор сделал хороший «ход конем», учредив Годичную конференцию с докладами всех научных сотрудников. Сейчас уже возникли некоторые затруднения с темами докладов. Раньше на Годичную конференцию выносили только главные, интересные, самые содержательные работы. Но зато активизировалась научная деятельность.

Что касается истории техники, то здесь наблюдается расширение области исследования в результате обращения к новейшим техническим объектам. Но расширение сферы исследования нередко сопровождается отступлением от исторического подхода к изучаемому предмету. Вероятно, настало время обратиться к решению методологических проблем историко-технических исследований. Целесообразно рассмотреть вопрос о предмете исследования и его изменениях, об эволюции исследовательских задач, о формировании концепции развития на основе осознания современных достижений техники во всех ее проявлениях (материальном, деятельностном, предметном, теоретическом, знаковом и символическом), о методах и средствах доказательности историко-технического знания.

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 1. С. 109–116, 121–129.

1956 год

СЕНЧЕНКОВА
Евгения Михайловна

Прежде чем я узнала о существовании нашего Института, в моей жизни были столь крутые виражи, за которыми никак нельзя было угадать, что судьба приведет меня к нему. Когда я родилась, вряд ли кто-то из моих родных – крестьян по линии матери (ей было тогда 40 лет) и 60-летнего отца – слесаря Подольского механического завода, знал о существовании Академии наук и научных работников. Уже в четырехлетнем возрасте произошел первый и самый недобрый поворот в моей жизни – репрессия родителей в связи с событиями, которые произошли в начале 1930-х гг. на ПМЗ и были направлены, как их оценивают теперь, на «демократизацию партийной и государственной жизни» (Огонек. 1989. № 23. С. 11). Пятеро детей остались фактически сиротами. Я оказа-

лась на руках сестры–восьмиклассницы с врожденным пороком сердца, которая вынуждена была оставить школу и искать работу.

Когда досрочно освободили маму, отца уже не было в живых. Через две недели мы похоронили сестру, у меня был обнаружен туберкулез, к тому же надо было уезжать за 101 км. Но тут – добрый зигзаг судьбы. Друзья отца помогли маме попасть на прием к «всесоюзному старосте» М.И. Калинину, с которым в годы работы на Путиловском заводе в Питере отец «делал революцию» (их станки стояли рядом). Отъезд был отменен, возвращена часть родительского дома. Будучи религиозным человеком, мама тогда же повесила рядом с иконами портрет Калинина и всегда молилась о его здоровье. Затем судьба подарила мне очень доброго отчима, который помог вылечить меня. Школу я окончила с серебряной медалью.

Решила поступать на биофак МГУ, но при собеседовании по наивности рассказала без утайки свою биографию. Мне вернули документы, сказав, что не прошла собеседование. Сроки приема документов в вузы были упущены. По причине недобора у меня согласились принять проверочные экзамены по математике и физике на физико-математическом факультете МГПИ им. В.И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет), и я стала студенткой физмата. Успешно сдав все «зачеты» за первое полугодие, я, однако, вступила затем в такой конфликт с теоремой Каши по математическому анализу, что, несмотря на все уговоры декана, добилась у ректора согласия перевести меня на другой факультет.

Мой приход на факультет естествознания (ныне он именуется химии и биологии) произошел в трудное для биологии время пресловутой победы академика Г.Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Из преподавания был изъят курс генетики, а также уволены некоторые профессора, зачисленные в менделисты и вейсманисты. Сокращение лекционных часов по некоторым биологическим дисциплинам компенсировали увеличением занятий по химии и аграрным знаниям. Чтение курсов по растениеводству, животноводству и почвоведению объясняли необходимостью организации пришкольных участков по биологии с уголками животных и с делянками растений (именно такой интересный участок был в моей подольской школе под руководством учителя К.Н. Кадникова). Не зря говорят: нет худа без добра. Такая «перестройка» работы факультета и, в частности, усиление курсов по физической и аналитической химии оказали мне потом большую услугу при подготовке и защите докторской диссертации в Институте физической химии РАН. Нелишним стало и дополнительное постижение аграрных наук. Вряд ли в каком-либо другом вузе я могла бы получить такой комплекс добротных знаний. Правда, генетику и некоторые другие пробелы в биологии пришлось добирать позже путем самообразования.

После окончания МГПИ с красным дипломом меня направили на работу научным сотрудником в Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева. Удивительный мир – работники музеев, особенно этого музея, по которому прокатилась волна лысенковщины и к 1952 г. превратила его экспозицию в руины. Красивый особняк на Малой Грузинской улице, обустроенный с 1934 г. под Биомузей усилиями его директора М.М. Завадовского, к началу 1950-х годов представлял внутри жалкое зрелище. Залы были пусты, стены после спешной ликвидации экспозиции обшарпаны, но все экспонаты аккуратно сохранены в здании фондов.

Люди работали в основном на одном энтузиазме. Зарплата была очень низкой. Надо было не только сохранить экспонаты, но и строить новую экспозицию с учетом новых требований, с которыми профессионалы нередко не желали соглашаться. Составление и обсуждение новых тематико-экспозиционных планов нередко протекало весьма бурно, но никогда это не выливалось в личную неприязнь. Наоборот, подсказывали друг другу, где можно заполучить научные новинки, как оформить их в виде экспонатов, каким путем искать исторические материалы и т.д.

После пятилетнего бездействия Музея в 1954 г. был открыт первый зал ботаники, а в 1955 г. – зал дарвинизма, где я провела первую экскурсию. Работа в Биомузее дала мне очень многое, в том числе приобщила к поиску историко-научных материалов для экспозиции и умению использовать их в музейном деле. Но особенно сдружила с людьми на все оставшиеся годы. Уже более 30 лет – я постоянный член Ученого совета Музея и всегда прихожу в его стены, как в родной дом, хотя за прошедшие полвека сменилось уже четыре директора и не одно поколение сотрудников, да и сама я стала почти живым экспонатом, выступая с воспоминаниями на его юбилеях.

Казалось бы, работа с историко-научными материалами должна была прямиком привести меня в ИИЕТ, но в моей жизни произошел новый вираж, который, наоборот, направил меня из Москвы. Ежедневно я вставала в 6 часов утра, чтобы затем к 9 часам добраться из Подольска электричкой, метро и троллейбусом в Музей. В дороге обычно читала и нередко специальную литературу. Однажды в электричке сидящий рядом сосед, увидев у меня книгу, спросил: «А вы – физиолог растений?» Я подтвердила. В ответ услышала, что мой собеседник доктор биологических наук А.С. Морозов – руководитель биохимической лаборатории переработки кормов Всесоюзного института животноводства, которая находится в Дубровицах – пригороде Подольска, и что в нее объявлен прием в аспирантуру, а я как подольчанка им весьма подошла бы.

Я согласилась и, сдав все экзамены на «отлично» без конкурентов, стала ждать зачисления в аспирантуру. Но тут очередной жизненный поворот, удержавший меня в Москве. Из армии демобилизовался родственник директора, и его срочно пристроили на мое место, а мне сказали, что у меня нет сельскохозяйственного образования. Конечно, было обидно за потраченные зря усилия и время, но, значит, не судьба. Между тем у А.С. Морозова не сложились отношения с директором, отчасти и из-за навязанного ему аспиранта. Увидев в газете объявление о приглашении в ИИЕТ АН СССР биолога на должность старшего научного сотрудника, он подал заявление и был принят, а затем сообщил мне о том, что Институт объявил набор в аспирантуру. Так мне стало известно о существовании Института истории естествознания и техники, аспиранткой которого я стала осенью 1956 г.

За годы учебы в аспирантуре я поняла, что мир академического института не сравним с миром моей прежней работы в Музее, где все дела и жизнь небольшого коллектива работников были у всех на виду, и в части производственных отношений всем все было понятно. В новой жизни многое было иным. В частности, было непонятно, почему созданная по инициативе директора Института И.В. Кузнецова при Секторе истории

биологии группа по истории сельскохозяйственных наук после смены директора стала быстро расформировываться, хотя некоторые сотрудники активно противостояли этому. Ведь программа работы группы определялась государственными и партийными постановлениями об усилении внимания сельскому хозяйству и решением руководства Академии наук об активной помощи агронауке. К тому же тематика группы была не нова, а возрождала работу Секции истории агрикультуры, созданной в 1932 г. академиком Н.И. Вавиловым в стенах нашего Института. Из сектора поочередно были уволены Т.И. Синица, А.С. Морозов и Л.В. Сазанова. Остался лишь четвертый член группы – инвалид Великой Отечественной войны П.Н. Скаткин, которому, однако, пришлось и вместо истории рыбоводства в нашей стране изучать историю биологических основ искусственного рыбозаведения.

Лишь спустя много лет стало понятно, какими непростыми путями влияли на тематику работы ИИЕТ противники изучения истории агронаук, желавшие тогда, в 1950-х годах, утвердиться представлениям о новаторстве только лысенковской агроботаники, до которой якобы настоящей агронауки не было. В Институте таким представлениям не пытались противостоять даже в 1980-е годы, когда на волне «перестройки» созданная в год столетия со дня рождения Н.И. Вавилова в третий раз проблемная группа истории агронаук с моим участием попыталась наладить это направление исследований. Однако силы оказались неравными. Как и в предыдущих случаях, группа проработала лишь четыре года. Обо всех попытках по налаживанию историко-агронаучных исследований в нашем Институте, начиная с 1932 г., и их ликвидации я рассказала в очерке «Отверженность важного начинания Н.И. Вавилова (К 75-летию первой в России институализации истории агронаук)» специального выпуска «Известий ТСХА» (2007. № 5. С. 160–178) к 120-летию со дня рождения академика. Поэтому здесь не буду о том повторяться.

Осмысление событий, которые описаны в названном очерке, пришло спустя много лет, а в аспирантские годы думалось лишь об одном – поскорее написать и защитить диссертацию. Именно тогда, уйдя полностью в старую литературу о фотосинтезе растений до начала XX в. и, особенно, в архивные документы, я поняла: это – мое. Держать в руках старинный документ, а в нем увидеть то, что хотела или даже не ожидала отыскать – это словно найти маленький клад. Овладеть источниковедением по истории ботаники мне очень помогла А.А. Щербакова, многое дали консультации у профессоров Н.А. Базилевской, А.И. Купцова, А.П. Бердышева и других коллег. Я очень любила работать в архивах Ленинграда и там не раз получала поддержку старейшего историка биологии Б.Е. Райкова, особенно когда случались какие-то коллизии с копированием документов в Архиве Академии наук.

Именно архивные поиски документов о деятельности исследователей фотосинтеза растений XIX в. вывели меня на богатый фонд, связанный с жизнью и творчеством первого академика-фитофизиолога А.С. Фаминцына, а затем и на неизвестные данные биографии создателя хроматографии М.С. Цвета. Знакомство с документами фонда А.С. Фаминцына в Архиве АН позволило мне осознать, насколько биологи середины XX в. мало знали об этом основоположнике школы отечественных физиологов

и биохимиков растений. Более того, насколько незаслуженно была опорочена его деятельность только потому, что с ним резко дискутировал К.А. Тимирязев.

Некоторыми советскими философами А.С. Фаминцын был назван «плоским эволюционистом», «поющим с голоса немецких мракобесов», «проникнутым раболепием перед иностранными авторитетами», «фитопсихологом» и даже «реакционером-клерикалом и лжеученым». Особенно в этих определениях изощрялся профессор ТСХА Г.В. Платонов в своей книге «Мировоззрение К.А. Тимирязева» (1952), удостоенной Сталинской премии. Уже в одном из своих аспирантских выступлений на заседании сектора в защиту Фаминцына от того же Платонова я получила «щелчок по носу» со стороны заведующего сектором С.Л. Соболя, который дал мне понять, что еще не доросла до такой критики. Однако мне все же удалось напечатать затем на эту тему статью в «Ботаническом журнале» (1960) при содействии его редактора академика В.Н. Сукачева, и теперь ее признают первой публикацией по пересмотру отношения к оценке личности Фаминцына.

Интересом к изучению творчества этого замечательного воспитателя первых фитофизиологов нашей страны я заразила зам. директора Института физиологии растений АН СССР профессора Б.П. Строгонова. Особенно его впечатлила копия найденного мною царского рескрипта о создании для избранного в 1884 г. академика А.С. Фаминцына лаборатории, которая затем в советские годы превратилась в ЛАБИФР, а при переезде Академии наук в Москву на ее основе был создан ИФР. Я подсказала, как скопировать множество интересных архивных документов, связанных с жизнью и творчеством академика. Некоторые из них затем были включены в книгу об ИФРе (1967), но в основном использованы в книге Строгонова о Фаминцыне (1996). Кроме того, я предложила свою помощь в создании стенда с материалами о создании Института. Эта тема так увлекла Бориса Петровича, что он добился организации Кабинета по истории ИФРа, а при входе в Институт появился портрет Фаминцына как его основоположника.

Совместно с филиалом нашего Института в Ленинграде было проведено заседание, посвященное памяти Фаминцына, и опубликован сборник (1981). После всех этих мероприятий и тесной связи с лабораторией фотосинтеза ИФР, участия в ее заседаниях и изданиях у меня появилось много друзей из физиологов растений, которые стали более благосклонно относиться к истории науки. При участии сотрудников ИФРа мною был собран и издан нашим Институтом сборник «Проблемы физиологии растений. Исторические очерки» (1969), а потом появился ряд аспирантов по истории физиологии растений. Так мне удалось уже в начале своей работы более тесно сблизить два академических института на основе интереса к истории науки. Позже аналогичную работу мне довелось провести в Институте физической химии РАН.

Поначалу очень хорошо складывались мои дела и в нашем Институте. Еще будучи аспиранткой, я по предложению и.о. директора Института Н.А. Фигуровского смогла подготовить к печати по одной из глав диссертации книгу «К.А. Тимирязев и учение о фотосинтезе». После завершения аспирантуры осенью 1959 г. у Института не было должностных

единиц, и ни одного из трех окончивших аспирантуру не могли принять на работу. Мне предложили ждать. Дирекция выполнила обещание, и 25 января 1960 г. я стала научным сотрудником ИИЕТ. Немало помог Институт и в получении моей семьей постоянного места жительства в Москве на ул. Дм. Ульянова.

Оказалось, что в соседнем подъезде того же дома жил Н.А. Фигуровский, к которому я изредка заходила что-либо уточнить в его богатой библиотеке по истории химии. Во время одной из таких бесед он рассказал мне о случайной встрече в санатории с женщиной, которая назвалась племянницей М.С. Цвета, но точную ее фамилию он не запомнил. И начался мой поиск этой женщины. О том, как он проходил и какими богатыми находками закончился через полгода, я рассказала в сборнике, изданном к 100-летию со дня рождения Н.А. Фигуровского (М., 2001. С. 17–23). После этого случая подумала: если уволят из Института, пойду помогать работать следственным органам.

Конечно, в ряду моих производственных дел можно было бы назвать еще многие приятные события, но, к сожалению, трудовая жизнь складывается не только из них. Приятно то, что за годы работы в Институте я смогла издать более 200 публикаций, подготовить пять кандидатов и одного доктора по истории наук. Неприятно то, что из пяти монографий (ныне шестая в издательстве) Институт помог мне напечатать только две, с 30-летним интервалом. Первой стала упомянутая выше книга аспирантских лет по одной из глав кандидатской диссертации (1961), а вторая монография «Рождение идеи и метода адсорбционной хроматографии» (1991) появилась лишь через семь лет после рекомендации к печати рукописи «Рождение и развитие хроматографии в XX в.» (объем 20 а.л.), от которой пришлось безвозвратно отрубить вторую половину, потому что для публикации дали только 10 авторских листов.

До сих пор остаются замороженными завершенные рукописи, начиная с кандидатской диссертации о становлении учения о фотосинтезе до начала XX в. (17 а.л.), затем «Развитие учения о фотосинтезе растений в XX веке» (30 а.л.), «История открытия фотосинтеза растений» (12 а.л.) и «Развитие хроматографии в XX веке» (10 а.л.), а также неплановая работа «Голгофа аграрной науки в СССР (1930–1940-е годы)» (7 а.л.), не считая юбилейных сборников, посвященных памяти Н.И. Вавилова и А.Т. Болотова. Некоторые из них я не раз заявляла в редподготовку, но заявки так и остались на бумаге, а самая большая и содержательная рукопись о развитии учения о фотосинтезе в XX веке, рекомендованная рецензентами в качестве докторской диссертации, по инициативе парторга и профорга Сектора истории биологии была снята с обсуждения сектором. В 1971 г. дирекция отобрала ее у меня как собственность Института и сдала в Архив без обсуждения. Вот почему свою следующую докторскую работу мне пришлось готовить втайне и защищать через 30 лет вне ИИЕТ и не по истории биологии, а по истории химии. Тут я особо признательна институтским историкам химии, благодаря которым стала возможной эта защита.

Особо хотелось бы вспомнить заведующего Сектором истории биологии Леонида Яковлевича Бляхера, который немало способствовал многим аспирантам в умении владения словом. По его правке текста или при об-

суждении рукописей я училась корректному языку историка науки. Запомнилось, например, с какой иронией он относился к слову «ученый» (говорил, что еще никто не определил, какого человека следует называть ученым) и всегда предлагал пользоваться словом «исследователь». Обычно очень сдержанный и казавшийся сухим и суровым, он иногда удивлял меткими шутками, в частности, называл рабочий день в Институте во вторник «большим базарным днем», а в четверг – «малым».

Как-то я с обидой пожаловалась Л.Я. Бляхеру на свою загрузку коллективными трудами: «Почему некоторые занимаются только своими темами, а у меня – то том к 50-летию СССР, то два тома «Истории биологии» и сборники, а теперь три тома «Энциклопедии по истории науки»?». Давая понять, что в этом вопросе от него мало что зависит, и зная критику в те годы крестьян, радеющих больше за свои огороды, а не за общие земли, он отшутился: «Да потому, что они вскапывают свои приусадебные участки, а вы у нас – ударник колхозных полей». Какие уж после этого обиды. Тогда только директор Института С.Р. Микулинский определял, кому поручать коллективные труды, а кому возделывать свой «приусадебный участок».

В Институт я пришла с твердым убеждением, которое полностью оправдывало себя на прежнем месте работы: хочешь преуспеть в профессии – работай не за страх, а на совесть. Я по натуре – трудоголик, и мне всегда было жалко времени, потерянного на разных общественных собраниях. Если учесть, что я родилась на стыке двух знаков зодиака «девы» и «весов», то по первому из них я – человек педантичный, скрупулезный, старающийся докопаться до сути и все раскладывающий по полочкам. Возможно, в силу этих моих черт Микулинский и поручал мне больше, чем другим, работу над коллективными темами сектора, тогда как индивидуальные темы других сотрудников затем обычно становились их монографиями. При этом он не пускал дело на самотек и иногда, чтобы убедиться, что я беру даты жизни для именных указателей не «с потолка», он просил назвать источник, где я выискала даты малоизвестных фамилий, и лишь проверив, успокаивался – все точно. Меня такое отношение не коробило. Наоборот, я знала, что пользуюсь доверием в выполнении поручений дирекции, и никогда ее не подводила.

Однако иногда надо мной довлело созвездие «весов», побуждавшее скрупулезно взвешивать меру добра и зла своих и чужих поступков, что порой очень мешало жить. Так возникло мое противление семилетним партийным взысканиям, побуждавшим меня к уходу из Института, неприятие трехкратного снятия меня с конкурса на должность старшего научного сотрудника при рекомендации сектора, а также неправомерного увольнения из Института. Возможно, в этом противостоянии частично повинна и моя «дурная наследственность» от родителей и, особенно, от отца с его боевым характером и способностью без оглядки на возраст и партийную дисциплину ввязываться в любую драку «за правое дело», причем не столько свое, сколько – других.

К счастью, теперь не 1930-е годы прошлого века, и некоторые проявления такой наследственности позволяют мне нормально жить и работать. Жаль, что такая возможность не всегда была в прошлом. Конечно, хочется опубликовать хотя бы некоторые ранее нереализованные рукописи, ко-

которые не очень сильно устарели и требуют небольшой доработки, а призыв поделиться воспоминаниями иногда даже рождает мысль заняться мемуарами. Кстати, на последней переаттестации именно к этому меня побуждал председатель аттестационной комиссии. Действительно, некоторые страницы из истории ИИЕТ сохранила не только память, но и документы, а возможный автор очередного романа «Коллеги-2» мог бы почерпнуть из них интересные факты.

В заключение хочется сказать не для красного словца: если бы мне предложили выстроить жизнь заново в части выбора профессии, я бы вновь, несмотря ни на что, желала быть историком науки. Поэтому я очень благодарна своему ангелу-хранителю, если таковой существует, за то, что ему пришлось немало потрудиться, чтобы ранее я вольно или невольно не свернула с пути к этой цели и более полувека связана с ней.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 93–102.

1958 год

ТРИФОНОВ
Дмитрий Николаевич

Волею судеб в июне 1957 г. я оказался редактором в издательстве Академии наук под началом Виктора Ильича Перельмана, заведующего редакцией химии. Именно он обучил меня азам редакторского дела, что так пригодилось впоследствии. Он дал мне первое задание: отредактировать сборник работ выдающегося русского химика прошлого столетия Г.И. Гесса «Термохимические исследования» для серии «Классики науки». Ответственным редактором этой книги был Анатолий Федорович Капустинский – один из ведущих термохимиков страны. Не могу сказать, что полученное задание вызвало во мне энтузиазм, но постепенно я втянулся, увлекся и в статьях Гесса обнаружил некоторые существенные моменты, на которые сам Капустинский ранее не обратил внимания.

Надо сказать, что это произвело на него впечатление. «Вам бы, может, стоило заняться историей химии», – сказал Капустинский (а был он в то время еще и председателем Секции истории химии Национального объединения историков естествознания и техники). Позже я узнал, что Капустинский рекомендовал меня Николаю Александровичу Фигуровскому, – тогда директору Института истории естествознания и техники. Вот так я и был зачислен в Институт в должности младшего научного сотрудника 1 сентября 1958 г. в Сектор истории химии, которым руководил только что ставший доктором наук Юрий Иванович Соловьев.

Я бы хотел подробнее рассказать о человеке, который в моем становлении как исследователя сыграл огромную роль. Тесное научное сотрудничество с ним – правда, были и не простые периоды – продолжалось более четверти века. Речь идет о Бонифатии Михайловиче Кедрове.

Его имя я впервые услышал, когда учился на пятом курсе. Н.А. Фигуровский, читавший лекции по истории химии, предложил мне подготовить реферат по книге Кедрова «Атомистика Дальтона». Собственно, вопрос стоял так: будет написан реферат, зачет по истории ставится автоматически. Реферата я не написал. Не я один: почти все студенты, которым были предложены темы рефератов, предпочли сдавать зачет.

Как я с ним познакомился?

Однажды – это было, если не изменяет память, весной 1958 г. – Перельман обратил мое внимание на плотного высокого осанистого человека, поднимавшегося по лестнице на второй этаж издательства. «Знаете, кто это?» – спросил Перельман. Я не знал. «Это – Кедров». К тому времени мне уже было известно, что Бонифатий Михайлович много работал над историей периодического закона. Перельман представил меня Кедрову. Не помню в деталях нашего разговора. Только вопрос, который я задал: «Где писал Менделеев о возможном существовании элементов тяжелее урана?». Поразила точность ответа: Кедров назвал не только все статьи, по и страницы этих статей, воспроизведенных в первом томе вышедшего в серии «Классики науки» сборника работ Менделеева о периодическом законе. «А почему это вас интересует?». Тут я рассказал Кедрову о своем интересе к редкоземельным элементам.

Видимо, он взял меня на заметку. Как выяснилось впоследствии, та штатная единица, на которую я был зачислен в ИИЕТ, принадлежала Комиссии по изучению жизни и деятельности Д.И. Менделеева и изданию его трудов. Комиссию возглавлял академик А.В. Топчиев, но научным ее лидером был Б.М. Кедров.

Именно Кедров дал мне стимул для исследований в области истории и теории периодической системы элементов, что я считаю главным делом своей жизни. Именно Кедров создал в Институте проблемную группу «История учения о периодичности», руководство которой передал мне (после докторской защиты) в 1973 г. В группу входили А.Н. Вяльцев (по моему мнению, один из самых выдающихся и оригинальных историков науки в Институте), А.Н. Кривомазов, Ю.И. Лисневский, В.П. Мельников, Г.А. Хакимбаева. Это был очень продуктивный период в творческом отношении: за 10 лет своего существования группа опубликовала 10 монографий и сборников и более 50 статей, причем многие историко-научные темы были поставлены и разработаны впервые.

Мне всегда казалось, что «главная книга» Бонифатия Михайловича еще впереди; он не успел ее написать. Вот что поразительно: многие его труды посвящены истории менделеевского учения о периодичности – что к ним можно добавить? Но в 1977–1979 гг. он пишет и одну за другой издает три монографии под общим названием «Прогнозы Д.И. Менделеева в атомистике». Мне не удалось ознакомиться с ними в рукописях: книги же явились для меня откровением. Новые архивные документы, иной угол зрения, необычная трактовка, казалось бы, хорошо изученных проблем – и все это в сочетании с удивительной свежестью изложения.

История размещения редкоземельных элементов в системе захватила меня всецело. Собственно, моя кандидатская диссертация была посвящена теме «Эволюция представлений о месте редкоземельных элементов в периодической системе».

Были времена, – далекие 1950-е гг., – когда кандидатские степени по разным специальностям присуждал Ученый совет Института. Потом эту практику отменили, и года три историкам науки фактически защищаться было негде. В 1963 г. были созданы специализированные советы по отдельным наукам, в том числе по химии. Мне выпала честь первой защиты диссертации на химическом совете. Защита состоялась 29 октября 1963 г.

Хочу немного сказать о своих оппонентах.

Юрий Сергеевич Скляренко был сотрудником Института геохимии и аналитической химии. С ним я познакомился при редактировании упомянутого сборника. Он написал несколько примечаний к моей первой книге. Мы поддерживали дружеские отношения вплоть до его преждевременной смерти в 1967 г.

Немногие из теперешних сотрудников Института знали Сергея Александровича Погодина. До Ю.И. Соловьева он возглавлял сектор истории химии. Погодин не был профессиональным историком науки, но его историко-химическая эрудиция была бесподобна. Человек «дооктябрьского» воспитания и образования, он знал историю многих проблем до мельчайших подробностей. Даже в самом тривиальном исследовании умел отыскать рациональное зерно. «Это в высшей степени интересная работа», – такой была его любимая фраза. В 1966 г. его грубо (увы, не могу подобрать более лояльного слова) уволили по сокращению штатов, мотивируя недостаточной публикаторской активностью. Да, у Погодина было немного печатных работ по истории химии, но с его уходом изучение этой самой истории в Институте потеряло очень многое. Он иногда приходил в Институт, давал консультации работникам библиотеки, был ответственным редактором нескольких книг по истории химии. «Что я теперь? – грустно шутил он. – Скорая энциклопедическая помощь...».

По материалам диссертации я подготовил книгу «Редкоземельные элементы и их место в периодической системе», опубликованную в 1966 г.

Круг исследований значительно расширился после создания группы «История учения о периодичности»: радиоактивность, изотопия, атомная и ядерная физика. Как бы ни складывались впоследствии мои отношения с сотрудниками группы, я до сих пор вспоминаю с особой теплотой ту великолепную творческую атмосферу, которая царилла в нашем маленьком коллективе на протяжении нескольких лет. Четверо из сотрудников за это время защитили кандидатские диссертации.

Пожалуй, ближе всех был мне Анатолий Николаевич Вяльцев, человек нестандартного мышления. Многие его предложения и идеи не воспринимались всерьез, но исключительно потому, что он облачал их уж в слишком «идеалистическую» форму без необходимого прагматизма. Но на поверку-то они почти всегда оказывались здоровыми. Я не встречал (да и не встречу, наверно) человека, который обладал бы такой же эрудицией в области истории радиоактивности, атомной и ядерной физики, элементарных частиц, как Анатолий Николаевич. Спорить с ним было захватывающе интересно, но убедить в чем-то – трудно: но то не была непоколебимая убежденность упрямства, а кредо человека, твердо отстаивающего определенную точку зрения.

В 1975 г. в Институте началась подготовка к созданию «фолианта», посвященного 60-летию Советской власти: нужно было собрать материалы, рассказывающие об успехах науки и техники. Образовали Специальную проблемную группу из числа наиболее квалифицированных сотрудников. Каждому надлежало написать главу, освещающую определенный период. Попал в эту группу и Вяльцев, но, очевидно, со своим образом мышления не мог вписаться в общий стиль. Это мероприятие так ничем и не закончилось, но активной работе в группе периодичности Вяльцев уже не мог уделять достаточно времени.

Ветеранам Института есть что вспомнить. Пусть лучше они найдут возможность поделиться своими воспоминаниями, чем унесут их с собой. Ведь каждое из них – это не только памятный «слепок» с большого куска жизни, но и урок. Особенно для тех, кто лишь недавно приобщился к изучению истории знаний. Очень нелегко выбрать форму воспоминаний: обо всем не расскажешь, а ведь за три с лишним десятилетия было очень много и радостных, и печальных событий. Не раз судьба Института оказывалась под вопросом. Да и в настоящее время кто из нас способен предвидеть ближайшее будущее?

Каждый шел своим, неповторимым путем, приобщаясь к историко-научным исследованиям. Из этой неповторимости в конечном счете сложился уникальный научно-исследовательский коллектив. Кто бы и что бы сейчас ни говорил про Институт, такого «сгустка» высококвалифицированных специалистов–историков знания – нет нигде в мире.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 203–207.

1961 год

КУЗАКОВ
Владимир
Константинович

Я все время думаю, что существуют случайность и необходимость вместе как две категории. Теперь я понял, что есть только необходимость, только. Потому что там, где мы видим якобы случайность, если собрать все факты и их сложить, то, оказывается, это необходимо. Как-то, в свое время – Семен Романович Микулинский обычно бегал по коридору: руку засунув, несетя куда-то, – я его остановил и сказал: «Семен Романович, у меня есть такая идея, взять и проинтервьюировать всех наших сотрудников на предмет, как они попали в наш Институт, случайно или нет». Он подумал-подумал, потом побежал дальше. Вечером звонок. «Я, – говорит, – подумал, что ты сказал. Не надо этого делать. Окажется, что больше половины попали слу-

чайно. Не надо этого делать. Все». Но тем не менее, потом однажды как-то вечером звонок тоже. Он говорит: «Вот к нам присылают какого-то Волобуева. Узнай у своих знакомых историков, что это такое, будут ли какие-то проблемы от этого». Я позвонил Ковальченко, позвонил Лельчуку... Они говорят: «Ой, ой, ой. Не надо, успокойте своего директора. Все будет в порядке». Тогда мне Семен Романович говорит: «Ну все, все. Я успокоился». Потом через некоторое время мне Волобуев говорил: «Иду по коридору, смотрю – Сектор истории математики, Сектор истории техники, куда меня вообще запихали?» То же самое примерно говорил мне Мераб Мамардашвили в свое время: «Я иду, никак не могу понять, где я нахожусь».

Вот иногда Семен Романович (мы с ним были в очень хороших отношениях) ко мне приезжал в деревню на дачу. Мы с ним собирали грибы, ягоды. И вот однажды он на одной из безымянных речек: «Слушай, – он говорит, – чего тебе делать в Секторе истории техники? Вот я сейчас создаю сектор, его будет возглавлять Грязнов Борис Семенович. Вот переходи». Я согласился тут же. Перешел в этот сектор и был очень доволен. А перед тем как я пришел в Институт (я говорю о случайном и необходимом), я окончил исторический факультет университета в 1961 г., и мне было предложение пойти в Исторический музей, но я понял: если я пойду туда, я стану археологом. Тогда дома я никогда не буду находиться по многу месяцев в году. И потом мне было предложение поступить в музей Рублева, но я подумал-подумал: что-то нет. А потом мне звонит мой отец, с которым я говорил о том, что мне надо куда-то поступить. Позволь, – говорит (а они дружили с Борисом Григорьевичем Кузнецовым еще со студенческой скамьи и с Александром Сергеевичем Федоровым тоже с Ленинграда еще). Потом звонок. Борис Григорьевич говорит, слушай, приходи туда-то, туда-то, на Малую Лубянку, тогда там был Институт. Я туда пришел, и Борис Григорьевич и Александр Сергеевич меня приняли оба, поговорили. Вот, хочешь пойти к Зубову Василию Павловичу, а я тогда еще не знал, кто такой Зубов. Подумал, подумал, потом говорю: да, я туда пойду. Но попал я к Сокольскому Виктору Николаевичу и занимался историей артиллерии. Он меня долгое время как бы «пас». Приходил ко мне домой, я к нему приходил домой, мы с ним ездили в Ленинград, ездили в командировки. Я помогал ему издавать его книжку «Ракеты на твердом топливе». Он, кстати, мне ее не подарил, не написал. Но это ладно уже. Мы с ним дружили до самого конца его дней. Потом я перешел к Чеканову Андрею Александровичу, очень оригинальному человеку. Ко мне он тоже очень хорошо относился. Я в секторе дружил с Всеволодом Осиповичем Остольским. Тоже у него часто был дома, он ко мне приходил домой. Очень оригинальные, интересные люди.

А потом я попал в Сектор общей истории естествознания и методологии историко-научных исследований, там был совсем другой климат, совсем другая обстановка. По-моему, на второй год, как я туда попал, я выступил с докладом о том, как я трансформировался после исторического факультета университета (где я занимался идеологической борьбой Новгорода Великого и Москвы в конце XV века), что со мной произошло, то есть какая метаморфоза со мной произошла в нашем Институте. Это было, кстати, очень любопытно, моя трансформация. Я очень долго боялся, как

я вообще впишусь в этот сектор, где Гайденко, где Рожанский, где Витя Визгин, где Володя Черняк. Но потом как-то, само собой пришло такое понимание, что в общем-то, как мне потом Гайденко сказала: «У Вас знание своего, у них – своего. Вы со временем как-то адаптируетесь к этому». Так это и произошло потом.

Я был в очень хороших отношениях и до сих пор, до последних лет я дружил с Гачевым. У меня много книжек, им подаренных. Он ко мне приезжал в деревню. И Витя Визгин, с которым я дружу до сих пор, ко мне очень часто приезжал в деревню и жил у меня в деревне. Эта обстановка, моя трансформация постепенная, я не говорю, что это, быть может, рост, но что-то я все время приобретал. Потом, со временем, я что-то, конечно, и терял в этом секторе.

Я помню, что у меня были очень любопытные отношения с Бонифатием Михайловичем Кедровым. У нас тогда работал Страут Евгений Карлович. Он занимался историей Луны. И вот я его приобщил к археологическим раскопкам. И мы с ним часто в будни ездили под Дмитров, копать одно городище. Но мы не знали тогда, что буквально недалеко от той дороги, по которой мы идем с лопатой через плечо, на даче жил Бонифатий Михайлович Кедров, который нас все время засекал там, но нам ничего об этом не говорил. Абсолютно не говорил. Мы ездили туда почти все лето. И вот однажды мне Мара, жена Кедрова, сказала: «Слушай, а ты знаешь, интересная такая история. Бонифатий мне говорит: что там делают наши сотрудники, двое, Страут и Кузаков? Куда-то ходят с лопатами. Что они там делают? Ты мне скажи. Я ему передам хотя бы». Я ей сказал. Ну и что, – потом, через некоторое время, он сказал: «Ладно, пусть делают, что хотят, лишь бы только выполняли плановую тему и писали, что надо».

Потом с ним была такая еще любопытная история. Была подготовка к конгрессу, я был включен в какую-то комиссию. Бонифатий Михайлович долго не ходил в Институт, пришел и устроил всем разнос. Якобы – это не готово, то не готово, то плохо. И кто-то ему капнул, что вот, там еще в комиссии Кузаков. Он выскочил из кабинета взбешенный: «Ты?» Я говорю: «Я». – «Пиши заявление об уходе». Говорю: «Пожалуйста». Написал заявление об уходе, пошел к Александру Сергеевичу Федорову. Несу ему. «Что это такое? А как мне потом разговаривать с твоим отцом?» Я говорю: «А это уже Ваше дело личное, как». Он говорит: «Нет, нет, нет». Пошел к Бонифатию, поговорил там минут 10. Бонифатий выходит, улыбается. «Ну что? – говорит, – Будешь уходить из Института?» – «Нет, не буду уходить из Института». Потом вышла моя первая книжка «Естественнонаучные представления Древней Руси». Семен Романович мне тогда сказал: «Знаешь, несколько странная тема. Ну ладно. Я направлю эту книжку (он ее сам прочитал) в Ленинград». Тогда он направил ее, а у меня до сих пор эта рецензия есть: Лихачева, Панченко и Лурье. Они написали: «Да, мы не против издания этой книжки». Когда Семен Романович получил эту рецензию, на следующий день он мне звонит и говорит: «Вот скажи, пожалуйста, а почему редактор этой книжки Борис Григорьевич Кузнецов, а не кто-нибудь другой?» Я говорю: «Кто?» Он молчит. Он молчит, я тоже промолчал. Но он этого не забыл. Он несколько лет потом подряд вспоминал, что редактором этой книжки, которая хороший отзыв получила у Лихачева, у Панченко, был Борис Григорьевич.

Я, конечно, очень доволен, что я работаю в этом Институте. Я как пришел в него, так из него и не уходил. Ну не знаю, как получится дальше. Но я говорю о том составе и о последних сотрудниках, которые со мной постоянно. После того, как сектор расформировали, пришел к нам директор, Степин... Ушел Степин в Институт философии и забрал наших сотрудников. Мы с Витей Визгиным как-то у меня в деревне говорили, сидели неделю. Он мне сказал: «Ты знаешь, а все уже согласились, ты один остался только. Что же ты один останешься? Я, Володя, был вынужден подписать, что я тоже должен уйти». А потом выяснилось, что он со мной со вторым говорил по счету человеком только. Вот так все они туда.

А потом была «история» с тем, что мы называем историографией. С той темой, которую я разрабатывал еще в университете. И когда, я помню, первый раз сказал Семену Романовичу, что я буду заниматься историографией истории, он сказал: «Это же история и есть?» – «Нет», – говорю, – это совсем другое в моем понимании». – «Ну объясни». Я помню, Тимофеев тогда, когда был завсектором, мне сказал: «Ну объясни, что это такое». Пошел к нам в библиотеку, чтобы взять литературу по историографии. Там тогда ее не было. Потом я связал Семена Романовича с Ковальченко. И это все, так сказать, закрутилось потом, так что историография, что мы сейчас понимаем на самом деле, что это такое, своего рода философское воззрение.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 83–87.

1962–1974 гг.

Институт истории
естествознания и техники

1962 год

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
Ольга Андреевна

Я в Институт попала совершенно случайно. Никаких намерений и даже представлений у меня об Институте не было. В 1959 г. вместе с Борисом Григорьевичем Кузнецовым мы были в туристической поездке по Китаю. Он с удивлением смотрел, как я бросаюсь на всякие неведомые вещи: то туда, то сюда, круг интересов был крайне разношерстным. По окончании университета я уже несколько лет работала в Министерстве геологии в поисковой экспедиции Треста № 1, занимавшейся разведкой месторождений редкоземельных и редких металлов. Вся такая засекреченная, а тут проснулся интерес к истории Китая, и вообще ко всяким неожиданностям. Расскажу короткую байку, не имеющую отношения к Институту, но имеющую отношение к Борису Григорьевичу. С

нами вместе путешествовали горьковские преподаватели педвуза, в том числе преподаватель марксизма-ленинизма. Когда мы посещали колхоз, или косторезную фабрику, или еще что-нибудь, сначала руководитель предприятия перед нами отчитывался, а потом просил «старшего брата» (это мы) давать ему («младшему брату») рекомендации. Этот наш партийный деятель во всех случаях давал рекомендации. Я очень бесилась и по глупости ехидничала. Борис Григорьевич был хорошо наученный жизнью человек, пытался меня аккуратно останавливать. Потом дело дошло, так сказать, до горячего. Я, естественно, разозлила этого человека, и он стал меня учить. Тогда Борис Григорьевич вступился и с особой увесистостью произнес, что, исходя из его партийного и научного опыта, может сказать, что Ольга Андреевна – настоящий «советский человек». На этой почве мы и познакомились. Потом изредка общались. И однажды он говорит: «Знаете, что, Лелечка, – он так меня называл, – при Вашем систематическом стремлении к безделью, по-моему, Вам пора заняться научной работой. У нас объявляется прием в аспирантуру». И он привел меня пред светлы очи заведующего Сектором истории географии Ивана Андреевича Федосеева и Ашота Тиграновича Григорьяна, секретаря партийной организации Института. «Только я Вас очень прошу, сами ничего не говорите», – предупредил меня Б.Г. Кузнецов. Ну, я, как исправная девочка, сидела перед А.Т. Григорьяном и И.А. Федосеевым, набравши в рот воды. Борис Григорьевич все очень красиво изложил, на что, соответственно, и Ашот Тигранович, и Иван Андреевич благосклонно посмотрели. Он же придумал мне руководителя – Дмитрия Михайловича Лебедева, известного историка географии, очень дотошного и добросовестного человека, который знал архивы, как никто. У него фундаментальные исследования по истории географии России в XVI–XIX веках. Но у меня с ним не сложилось. К архивной работе я была тогда не готова. Мне интереснее было движение мысли, то, как работал, к примеру, И.М. Забелин. И вот, когда я с планом прихожу к Дмитрию Михайловичу, он говорит – это план докторской диссертации. И дальше все два года обучения происходил стандартный разговор. Я ему о том, что на любую тему можно написать диплом и курсовую, кандидатскую и докторскую диссертацию. Вопрос, как это сделать. А он – «Нет и все». Потом только я поняла, что он шел к подобной теме всю жизнь, а тут какая-то фитюлька пришла и хочет мысли искать всюду, для него это было совершенно неприемлемо. Короче говоря, когда пришел последний год аспирантского срока, я поняла, что надо что-то делать. Я к этому времени немножко подучила французский язык (у меня ведь тема была «Французская географическая школа на рубеже XIX – XX веков»), набрала материал, в принципе все было, но с руководителем сдвинуться дальше предложений по плану никак не могла. Я перестала к нему ходить и написала, что могла. Как смогла написать, так и написала.

Б.Г. Кузнецов чувствовал, что подвел меня в каком-то роде: «Лелечка, что же делать?». Я ему: «Борис Григорьевич, ну что делать, пишу, как пишу, что будет, то будет». «Да, – говорит, – добросовестность – это тяжелый недостаток». А дальше я очень обязана Ивану Андреевичу Федосееву. Срок у меня кончается, работа готова, но руководителя нет. Я ее выложила на стол: «Смотрите». В секторе посмотрели: «Давай, выходи на

защиту». Я говорю: «Ну а как же без руководителя?». А Д.М. Лебедев официально отказался, посмотрел рукопись и сказал: «Я этим руководить не могу». Иван Андреевич говорит: «Придется выходить без руководителя». Так я и вышла на защиту без руководителя. Конечно, в ВАКе ее послали к «черным» рецензентам. Все прошло нормально, я так и не знаю, кто ее писал, но рецензия была хорошая. Хочу сказать, что вот эта готовность и желание помочь в Институте были всегда.

И еще, здесь уже шла речь о С.Р. Микулинском... Я с ним много работала. И тоже случайно. Когда у меня кончился аспирантский срок, в Секторе истории географии не было вакансий. Но в Институте тогда создали Сектор организации науки, и меня туда зачислили. Проработала я в этом секторе несколько лет и выпустила книжку о сети научных учреждений в Соединенных Штатах. И хотя какую-то географическую сторону для себя я нашла, но мне это было не очень интересно. Все равно хотелось заниматься тем, чем я хотела заниматься. Тут мне повезло, потому что С.Р. Микулинский предложил заняться серией «Научное наследство». Работала с большим удовольствием, хотя тоже была абсолютно к этому не готова. После пяти начальных томов, которые вышли сразу после войны, следующие пятнадцать (с 5-го по 20-й тома) были сделаны при моем участии. Должна сказать, что С.Р. Микулинский всегда читал все абсолютно от корки до корки. Причем, у нас тома были колоссальных объемов. В частности, только перевод древнеармянской лекарственной энциклопедии под названием «Ненужное для неучей» составил 90 авторских листов убористого текста. Причем, комментарий шел петитом, иначе мы вообще не влезли бы и в этот объем. Надо отдать ему должное, с ним можно было спорить. Если он доверял, то давал возможность работать, как ты считаешь нужным, как можешь. Это был трудоголик высшей марки, человек, который хорошо понимал, чем он занимается и чем он хочет заниматься. Конечно, после отсидки за то, что мальчишкой попал в плен, он был человеком со сломанным хребтом. Наверное, ему было труднее многих. Но то, что он делал, он делал с душой и полной выкладкой, с большой преданностью делу. Поэтому мне кажется, что это был большой и очень плодотворный период в истории нашего Института.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 37–39.

1962 год

ВОЛОДАРСКИЙ
Александр Ильич

Я, Володарский Александр Ильич, родился 11 июня 1938 г. в городе Баку. В Баку я окончил школу, в 1960 г. окончил математический факультет Азербайджанского государственного университета. В 1962 г. я поступил в аспирантуру нашего Института. Мне повезло. В 1950–1955 годы на кафедре геометрии Азербайджанского университета профессором был Борис Абрамович Розенфельд. Собственно говоря, он приехал в Баку как чистый геометр. До этого никогда не занимался ни историей геометрии, ни тем более историей арабской математики. Но получилось так, что, будучи знаком с Адольфом Павловичем Юшкевичем, он услышал рассказ Адольфа Павловича, когда знаменитый арабист Крачковский сказал, что проще математика научить арабскому языку, чем

профессионала-арабиста математике. И вот в 1951 г., буквально через год после приезда, Борис Абрамович уже начал читать курс истории математики и даже написал первую статью о математических работах Туси, который в тринадцатом веке работал в Марагинской обсерватории, находящейся ныне на территории Азербайджана, и в каком-то смысле он считался национальным математиком. Буквально месяц от месяца Борис Абрамович расширял свои восточные исследования и даже взял себе двух учеников. Я поступил в АГУ в сентябре 1955 г., а в начале 1955 г. Борис Абрамович уехал из Баку, но о нем сохранились легенды. Начертательную геометрию нам читал его аспирант по истории арабской науки. И буквально с первой же лекции, а начертательная геометрия у нас была в первом семестре, мы уже все знали, что такое история арабской средневековой математики. На втором курсе нам читали курс дифференциальных уравнений, учебников было очень мало. Время было такое. И как-то мой одноклассник Лева Маркович отозвал меня в сторонку, показывает учебник, в котором после основного курса В.В. Степанова был очень большой исторический очерк, написанный Адольфом Павловичем. «Ты знаешь фамилию Юшкевича?» – спросил Лева Маркович. Я говорю: «Нет, первый раз слышу». И он, как всякий бакинец, поднял пальцы вверх и говорит: «А кто ты такой после этого?». Я действительно осознал все свое ничтожество, раз я не знал, кто такой Юшкевич. Это была еще одна встреча с историей математики. Вообще-то в Бакинском университете математиков, по крайней мере, готовили в качестве учителей для школы, поэтому у нас на четвертом и пятом курсах был огромный цикл педагогических дисциплин, таких как педагогика, история педагогики. Целый семестр мы изучали методику преподавания математики, наконец, в весеннем семестре четвертого курса у нас вообще была практика в школе. А вот на пятом курсе у нас была внеклассная работа. Мы организовывали различные экскурсии, посетили трубопрокатный завод в Сумгаите; это называлось профориентацией. И вот как-то наш руководитель принес десятый том «Историко-математических исследований». Там как раз был русский перевод древнекитайского текста, сделанный Э.И. Березкиной.

Так я еще раз виртуально повстречался с А.П. Юшкевичем, который был одним из редакторов этого издания, и впервые встретил фамилию Эльвиры Ивановны Березкиной, с которой позднее проработал много лет. На распределении десять человек получили назначение в Россию инженерами в почтовый ящик в системе Комитета по радиоэлектронике. И вот нам сообщают: «Вы все едете в Московскую область, в город Кунцево». 1 августа 1960 г. мы приступили к работе и стали жителями Московской области. А 18 августа 1960 г. Москва расширила свои границы до кольцевой дороги, и такие города как Кунцево, Тушино, Бабушкин, Перово вышли из состава Московской области и стали соответствующими районами Москвы. Уезжая в Москву, я получил от мамы единственное напутствие: «Учись, сынок». Вот это «Учись» я пронес через всю жизнь. Где-то в начале сентября сотрудники, с которыми я работал, говорят: «Знаешь, тебе не мешало бы походить в Московский университет на семинары, подтянуться, подучиться». Я сказал «конечно». И я стал ходить на семинары. Как-то, в ноябре шестидесятого года, я приехал в счастливейший для себя понедельник к шести часам и понял, что ошибся по времени: семинар, на

который я хотел пойти, начинался в семь. У меня был целый час, ну, думаю, пойду куда-нибудь, посижу, в перерыве выйду. Я пошел на семинар по истории математики, а он продолжался без перерыва полтора часа, выходить мне было неудобно. Обычно семинар вели трое. Руководили сначала С.А. Яновская, М.Я. Выгодский, А.П. Юшкевич. Потом стали А.П. Юшкевич, К.А. Рыбников, И.Г. Башмакова. Они очень долго были втроем. Сейчас – С.С. Демидов и И.А. Тюлина, она – историк механики. И вот А.П. Юшкевич, который тогда вел семинар, обращается к Розенфельду и показывает в мою сторону, мол, «кто это?». Розенфельд подходит ко мне: «Привет, где Вы работаете?». Я говорю: «В почтовом ящике». И с изумлением слышу: «Очень хорошо. Так, а что Вы кончали?». Мне неловко было в стенах Московского университета говорить, что я кончал периферийный, провинциальный Бакинский университет, но пришлось ответить. Отношение ко мне мгновенно изменилось, и он стал подробно расспрашивать о своих бывших сослуживцах, которые там работали. И дальше он мне задал вопрос, который перевернул всю мою жизнь: «Диссертацию хочешь?». У меня отвисла челюсть, расширились глаза. Конечно же, хотел, но даже в самых сокровенных снах я не мог это слово для себя произнести. Я говорю: «А что мне надо делать?». Он отвечает: «А ничего. Ходи в библиотеку, начитывай литературу и приходи на наш семинар раз в неделю по понедельникам, будешь заниматься у меня историей арабской средневековой математики». И я остался. На следующий день я уже пошел в Ленинскую библиотеку, где начал вплотную штудировать литературу по истории математики. Конечно, все было страшно интересно. И потом, когда я приходил на семинар, там было пиршество мысли, пиршество ума. Каждый друг перед другом хотел показать свои знания, свое умение, свое искусство. Все серьезно готовились к семинару. Через неделю меня спросили на работе: «Почему Вы по понедельникам ходите такой нарядный, отутюженный, отглаженный, начищенный, надеваете накрахмаленную белую рубашку?». Я говорю: «Я иду на семинар по истории математики. И буду поступать в аспирантуру». Мнение обо мне на работе резко изменилось: как? он не хочет работать на оборону? он манкирует, он симулирует, он выбрал непонятно что, даже не математику, а какую-то историю. Когда я им сказал, что я буду заниматься арабской математикой в Средние века, – все, я потерял в их глазах даже тот хрупкий вес, который у меня тогда был. Прошло два года, это те года, которые я должен был отработать по распределению. Как-то после семинара меня подзывает Адольф Павлович и говорит: «Я слышал, Вы хотите поступать в аспирантуру к Розенфельду?». Я говорю: «Да». – «Будете заниматься арабской математикой?». Я говорю: «Да». «Вы знаете, я бы Вам не советовал. Не потому, что это не интересно. Но у нас в стране, в Закавказье, в Средней Азии, по крайней мере два десятка людей занимаются арабской математикой. У нас есть Березкина, единственная, которая занимается китайской математикой. А вот Индией у нас никто не занимается. Вы не хотели бы заняться Индией?». – «Вы знаете, Адольф Павлович, мне все равно». – «Ну, если Вам все равно, я рекомендовал бы пойти в аспирантуру ко мне». Я говорю: «Но эти два года я с Борисом Абрамовичем консультировался. Как я с ним буду договариваться?». – «Ну, это Вас не должно беспокоить. Это я беру на себя. Вы знаете, если Вы, приступив к занятиям

индийской математикой, поступите в аспирантуру ко мне, то Вам тогда придется поступать в аспирантуру в Академию наук, в Институт истории естествознания и техники». В июне 1962 г. Адольф Павлович привел меня на Малую Лубянку, дом 12, третий этаж, познакомить с руководством Института. И.о. директора в июне 1962 г. был Александр Сергеевич Федоров. Но когда я уже в октябре стал сдавать экзамены, директором стал Б.М. Кедров. Так я попал в Институт.

С моей точки зрения нашему Институту повезло: в те годы у нас был уникальный тандем – Кедров и Микулинский. Кедров тогда никого и ничего не боялся. Отец репрессирован, родной брат репрессирован. Он трехлетним сидел на коленях у Ленина. Но он рассказывал, что у него дома был узелок, и вот с тридцать седьмого по пятьдесят третий годы – шестнадцать лет – он каждый день ждал, что его арестуют и тут же расстреляют.

В 1967 г. было 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции и советской власти. Нашему Институту совместно с каждым Отделением поручили писать историю советской науки, одиннадцатитомное сочинение. Это было года за три до юбилея. Собрали Ученый совет, и Кедров говорит: «Мы должны организовать группу по подготовке к написанию этой работы. Руководителем предлагаю Микулинского». Встает Ашот Тигранович Григорьян и говорит: «Бонифатий Михайлович, ну, вот я кого отдам из своего сектора? Вы думаете, самого лучшего? Нет, самого плохого. Я думаю, так же поступят все остальные. Созданная группа будет абсолютно неинтересна, абсолютно бесплодна. Поэтому Вы лучше Микулинского сделайте заместителем директора, поручите ему, чтобы он курировал не группу, а весь Институт». Кедрову это предложение понравилось.

Они постоянно конфликтовали – Кедров и Микулинский. Когда Микулинский стал директором, Кедров предпочел сидеть дома. В его распоряжении была великая труженица Таня Гаврилова, она ему все печатала, ему было очень удобно: никуда не ходить, ни во что не вмешиваться. Он чувствовал себя комфортно, потому что до этого нужно было ходить в Отдел науки. В наши годы Отделом науки руководил Трапезников, а потом стал Рудольф Григорьевич Яновский. А непосредственным куратором нашего Института был Дмитрий Прохорович Грибанов. Он курировал наш Институт, а потом пошел заместителем директора в Институт философии.

Что касается моих впечатлений об Институте, то хотя я входил в состав Сектора истории физмат. наук, все-таки на первое место я бы поставил тогдашний Сектор химии. Там были доктора наук: Фигуровский, Погодин, Соловьев, Кузнецов Владимир Иванович, Быков, Трифонов, Шамин. Кедров был химиком по образованию. Это я только докторов назвал, причем не всех. Это было пиршество, самый сильный сектор. А потом наступила катастрофа. И не только в Секторе истории химии.

Были и другие: я крайне высоко ставил Шухардина Семена Викторовича. Он скончался в 63 года... Очень я любил Федосеева Ивана Андреевича. Сектор истории физмат. наук был очень мощный: Погребысский, Борис Григорьевич Кузнецов, Юшкевич, Лежнева. Я полгода всего работал вместе с Zubовым, и я не так много с ним общался, я в основном слушал.

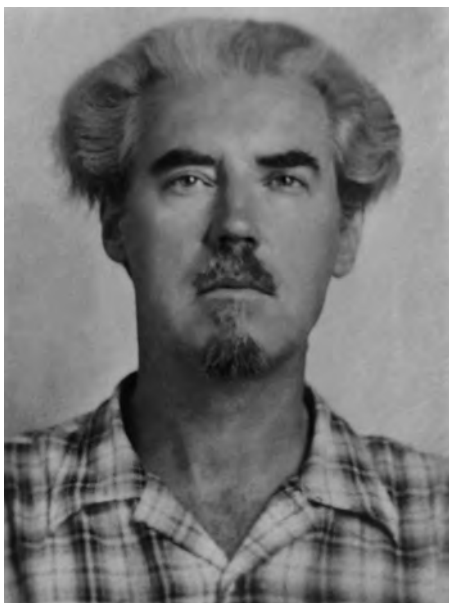
В заключение о Розенфельде. Его не обидел мой уход к Юшкевичу. Все было нормально. Юшкевич нашел для него необходимые слова. Розенфельд был у меня оппонентом по диссертации. Более того, Борис Аб-

рамович был оппонентом у моей жены по кандидатской диссертации. Мы с женой с первого курса учились вместе в Баку, вместе распределялись, вместе работали в «почтовом ящике». Нас пять лет учили одному, а когда мы пришли в «почтовый ящик», мой математический ум никак не мог соответствовать инженерному мышлению, железкам. Жена оказалась способной: через год у нее вместе с ее начальником была уже опубликована статья в открытой печати. Но я сам ушел из «почтового ящика» и ее увел. Она стала преподавать в Московском университете на кафедре педагогики, позднее – факультет психологии. Когда она подготовила кандидатскую диссертацию по педагогике на примере геометрии, я спросил Бориса Абрамовича, может ли он быть ее оппонентом. – «А почему бы нет». Позднее он так объяснил свое решение: «Вы единственная супружеская пара, у каждого из которых я был оппонентом. Вот эта уникальность и заставила меня не задумываться».

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 149–154.

1962 год

ПЛАХОТНИК
Александр
Филиппович

В конце 1950-х гг., в перерыве между плаваниями, я впервые зашел в 9-й подъезд Политехнического музея, где в то время размещалось подразделение нашего Института под названием, которого, как говорится, и нарочно не придумаешь – «Сектор истории геолого-географических наук, горного дела и металлургии». Заведующий столь импозантным сектором, ныне покойный Семен Викторович Шухардин, ознакомившись с моими тогда еще очень незрелыми записками по истории океанографии, берущими начало от лекций в Военно-морском училище, все же нашел в них, кажется, какую-то «сермяжную правду» и пригласил меня сначала сделать доклад на заседании сектора, а затем, после оживленного и очень полезного для меня обсуж-

дения, опубликовал его в двух выпусках выходивших в те годы «Трудов» нашего Института (1961 и 1962 гг.). Можно сказать, что уже тогда я стал сотрудником нашего Института на общественных началах. Поэтому очень естественно произошло мое вхождение в коллектив Института. Перед последним моим плаванием Семен Викторович предложил мне подать заявление на конкурс. И вот, облетев половину окружности земного шара, из Москвы в восточную часть Берингова моря пришла радиограмма, подписанная Зинаидой Кузьминичной Новокшановой, бывшей тогда Ученым секретарем Института: «Поздравляем с избранием на должность старшего научного сотрудника». Вернувшись в Москву, я сдал дела в Рыбохозяйственном институте и по переводу с 1 июля 1962 г. был зачислен в ИИЕТ.

Начался второй период моей жизни, уже полностью посвященный истории изучения природы океанов и морей. Далеко не сразу я обрел собственное лицо историка науки. Сначала я отказался от простого фиксирования выявляемых мною в литературных источниках занимательных эпизодов и попытался объяснить закономерности историко-научного процесса, просвечивающие сквозь череду фактов. Но и это, примерно к концу 1960-х гг., перестало меня полностью удовлетворять, и в моем творческом сознании произошел коренной перелом. С тех пор меня поражает и удивляет, что за последние 36 лет в Институте ни разу не было специального обсуждения на Ученом совете очень важного, на мой взгляд, вопроса, а именно – проблемы доведения истории той или иной отрасли знаний до современности с последующим поиском путей прогнозирования ее дальнейшего развития. Если кто-нибудь из наших коллег пожелает взвалить на свои плечи это чрезвычайно трудное, но такое нужное для современной науки дело, то спрашивается – как ему быть? Как следует модифицировать саму методику работы историка науки или техники применительно к последним десятилетиям нашего времени?

А ведь модифицировать надо, поскольку, когда мы – историки развития знаний – дотягиваем свое историческое изучение до последних десятилетий, на нас буквально обрушивается лавина исходных данных, в которых мы теряемся и пока что не умеем строго обоснованно отделить только то, что нам нужно. Мне, пришедшему в историю науки из практической отраслевой науки, не потерявшему связи с ней и по сей день, остро ощущающему, чем именно историк науки может быть полезен тем, кто работает в науке сегодня, данная проблема особенно близка. Поэтому я подробнее остановлюсь на ней, иллюстрируя изложение фактами из истории своей отрасли знаний, доводимой до современности.

Например, я захотел проследить развитие знаний о морском ветровом волнении за последние десятилетия. Попалась мне работа о режиме волнения какой-либо конкретной акватории моря, океана. Я ее безоговорочно включаю в свое историческое исследование. Затем встречаю работу, посвященную в основном развитию методики измерения волнения в океанах и морях. У меня нет сомнения в необходимости учесть и эту работу. Но вот попадается работа, в которой рассматривается один из приемов решения определенного класса задач гидродинамического анализа, причем проиллюстрировать этот прием автор пожелал на примере анализа развития ветрового волнения. Я уже в смятении. С одной стороны, чутье историка подсказывает мне, что здесь имеет место новый важный этап в разви-

тии знаний об изучаемом природном явлении, умолчать о котором никак нельзя. Но, с другой стороны, я отчетливо сознаю, что я уже вторгаюсь в область, мне недостаточно знакомую, что этот источник мне подвернулся чисто случайно (увидел я слова «волнение океанов и морей», скажем, в реферативном журнале или еще где – вот и ухватился за него!), что в полной мере литературой в данной области я не владею и владеть – по своему образованию и опыту работы – не могу и проследить закономерности этого нового этапа в развитии знаний о ветровом волнении, который я интуитивно почувствовал, не в состоянии.

Подобные «смуты» душевного состояния, когда я невольно «вползал» в области современного научного знания, в которых в лучшем случае был дилетантом, стали преследовать меня все чаще и чаще. Все острее стала ощущаться необходимость обретения путеводной нити в океане современного научного знания. В конце концов я ее обрел, читая труды философов-наукovedов, в особенности безвременно скончавшегося Эрика Григорьевича Юдина. На мое счастье, последним местом работы этого замечательного ученого был Отдел наукovedения нашего Института, что позволило мне консультироваться с ним. Делал я это всегда с большим наслаждением. И не только потому, что мой консультант был человеком исключительно много знающим и обаятельным, но и благодаря моей, идущей со студенческих времен, склонности к философии. Тогда лекции по истмату меня не особенно интересовали, но зато диамат очень увлекал. Дело дошло даже до того, что я возмечтал стать профессиональным философом. С этой целью я явился в тогдашний Институт истории, философии и литературы (МИФЛИ – был такой в 1930-х гг. в Москве, в Сокольниках) в кабинет декана филфака. Внимательно выслушав мою запальчивую юношескую речь, что без серьезного занятия диаматом я жить не могу, он сказал мне примерно следующее: «Закончив вуз по конкретной специальности, получив навыки профессиональной работы и в то же время сохранив склонность к философии, можно обрести много увлекательного для себя и полезного для дела от синтеза таких отраслей знаний». Его слова глубоко врезались мне в память, став исходной позицией при выработке научного кредо моей дальнейшей творческой жизни.

Главные результаты своей работы в качестве историка науки я вижу в моих публикациях за время работы в ИИЕТ. Что касается моего научного кредо, если коротко его выразить, – это необходимость а ряде случаев включать в работу историка науки этап, близкий к ее современному развитию. По моему глубокому убеждению, – это насущная необходимость. В нашем Институте (хотя он и академический, и тем самым должен решать фундаментальные проблемы науки) не стоит отстраняться и от помощи науке отраслевой, которой важно знать тенденцию развития своих научных исследований хотя бы на обозримое будущее: это сразу делает осознанными многие планируемые мероприятия, позволяет наиболее рационально использовать отпускаемые на отраслевые научные исследования силы и средства. Сегодня именно в таком плане историк науки может оказать отраслевой науке огромную (без преувеличения) помощь. Нам достаточно, фигурально выражаясь, только протянуть до сегодняшнего дня цепочку выявленных закономерностей развития данной конкретной науки, а уж затем вместе с коллегами по базовому образованию и опыту предшест-

вующей научной деятельности попытаться экстраполировать эти закономерности на будущее. Дело очень трудное, и, судя по литературе, с которой я знаком, мало кто отваживался на это. Ведь по мере приближения к современности к изучению одного и того же объекта подключается все большее число различных наук, каждая из которых, в соответствии со своими задачами и методами, вычлняет из данного объекта свою часть, становящуюся предметом ее изучения.

При попытке довести историю своей отрасли знания до современности я выработал следующую последовательность действий: 1) четко сформулировать предмет исследования хотя бы двух смежных отраслей знаний, изучающих заинтересовавший меня объект (область знания, которую я считаю своей, и другую, для понимания задач, методов и предмета которой у меня еще хватает эрудиции); 2) работая над банком данных развития знаний об интересующем объекте, уверенно размежеваться со знаниями в смежной отрасли знаний и создать труд по истории «своей» области знаний вплоть до современности; используя выявленные закономерности, попытаться спрогнозировать пути развития этой отрасли хотя бы на ближайшее будущее; 3) в перспективе – привлечь внимание специалистов других отраслей знаний, изучающих тот же объект, к работе над историей их области, чтобы, синтезируя их и свои результаты, можно было бы создать полную, всестороннюю историю изучения данного объекта.

По своему образованию и опыту предшествующей работы я специалист в области изучения физических характеристик океанов, морей – их ветрового волнения, приливов, течений и т.п., а также физических процессов, протекающих в атмосфере над океанами и морями. Если сказать точнее, – специалист по физической океанографии и морской климатологии. Из всех наук, претендующих сейчас на изучение в какой-то мере океанов и морей и атмосферы над ними, я могу назвать геофизику, да и то не всю, а лишь две из трех составляющих ее частей: физику океана, моря – океанологию и физику атмосферы – метеорологию. В третьей части геофизики – физике твердой оболочки Земли, литосферы – я не могу считать себя компетентным (к счастью, в моей работе сведения в этой области практически не нужны).

Уже на втором десятилетии работы в Институте, достигнув четкого размежевания географического и геофизического изучения природы Земли, я выполнил, доведя до современности, историко-научные исследования по указанным проблемам. Здесь могу назвать работы: «Взаимодействие океана и атмосферы. История изучения» (1978); «Изменчивость физических явлений и свойств океана. История изучения» (1984). Более того, знание закономерностей взаимодействия океана и атмосферы в северных полярных широтах тесно связано с ледовым прогнозированием на трассе Северного морского пути, – а это уже острая социальная проблема! Я много лет работал над выявлением цикличности во взаимосвязи геофизического и географического подходов к изучению ледовой обстановки в Арктике на протяжении последнего столетия. Убежден, что эта работа в новом, доселе никогда не использовавшемся науковедческом аспекте может улучшить дальнейшее ледовое прогнозирование; результат этой работы – большая статья в географической серии «Известий РАН» (1997. Вып. 6) под названием «Триггерный характер связи геофизики и

географии при изучении взаимодействия океана и атмосферы в высоких широтах».

Уверенно действовать в таком направлении я мог, лишь имея за плечами необходимую базу в области конкретного (в данном случае – географического и смежного с ним – геофизического) науковедения, а также разработки на тему рефлексии географических и смежных с ними отраслей знаний. Сначала я попытался представить себе «географию природы» в целом, в системном плане. Кажется, получилось удачно. Об этом моя статья «Классификационная модель физической географии» в ежегоднике «Системные исследования» (1978). Затем были книги «Структура наук об океане» (1981), «Человек и гидросфера (история взаимодействия)» (в соавт. с И.А. Федосеевым, 1985), статья «Проблемы взаимодействия человека и Мирового океана» в сборнике «Науки в их взаимосвязи. История. Теория. Практика» (1988).

Одновременно формировалась и совершенствовалась моя концепция четкого размежевания географического и геофизического изучения одних и тех же объектов природы Земли вообще, океанов и морей в частности. Задумал и отработывал я эту концепцию с надеждой на ее использование не только для теоретически обоснованного доведения своих историко-научных исследований до современности, но и для столь же обоснованного решения тех проблем современной науки, которые, на мой взгляд, в этом нуждаются. Здесь мне хотелось бы упомянуть и юбилейную – к 300-летию Российского военно-морского флота – историко-научную публикацию: «История изучения морей российскими учеными до середины XIX в.» (1996). Выполнив ее в географическом аспекте, я тем не менее попытался наметить пути разработки этой же темы и в геофизическом плане, чтобы хоть в отдаленном будущем, но все же получить полную, разностороннюю разработку данной проблемы.

За последние годы мне удалось кое-что сделать по созданию принципиальных основ практического применения концепции четкого размежевания географического и геофизического изучения одних и тех же объектов. В частности, я опубликовал три, на мой взгляд, основополагающие статьи: две в физико-географическом плане – «Попытка построения теоретической модели структуры физической географии» в сборнике «География и природные ресурсы» (1994. Вып. 3) и «Некоторые проблемы рефлексии физической географии» в «Известиях Русского географического общества» (1995. Вып. I) и одну – в общенаучном плане: «Структура отрасли знания как предмет теоретического осмысления» в «Вестнике РАН» (1995. Вып. 6).

Мне осталось только пояснить, в чем состоит сама сущность производимого мною размежевания изучения одних и тех же природных объектов с позиции географии и геофизики.

Как известно, сразу познать какой-либо природный объект во всем многообразии его как внутренних, так и внешних связей невозможно. Наши исследовательские усилия лишь этапы на пути к такому всеобъемлющему познанию. Поскольку специфика природных объектов на Земле такова, что все присущие им связи в основном сводятся к обмену между такими объектами веществом и энергией, а также к вещественно-энергетическим трансформациям внутри каждого из них, то, на мой взгляд, перво-

очередной задачей при попытке познать специфику любого земного природного объекта является выяснение присущих такому объекту противоположно направленных связей как бы «на себя» и «от себя», фигурально выражаясь, конечно. Связями любого земного объекта «на себя» можно считать типичные связи, обеспечивающие происходящую в нем самом трансформацию вещества и энергии. Когда фундаментальные естественные науки – общая физика, химия, геология, общая биология – пытаются более детально познать соответствующую их профилю сторону какого-либо объекта на Земле, как можно более глубоко проникнуть в его сущность, они, как я полагаю, именно этим и занимаются: стараются разобраться в происходящих внутри каждого объекта процессах трансформации вещества и энергии такого объекта «на себя».

А коль скоро это так, то и интересующая меня наука – геофизика, это, как известно, конкретизация общей физики применительно к специфическим земным условиям, а физика моря, океана – конкретизация задач и методов геофизики применительно к физическим явлениям и процессам, происходящим в океанах и морях (эту науку еще называют «физической океанологией»), – также область знания, основная задача которой – познать изучаемые объекты в их связях «на себя».

Теперь обратимся к выяснению свойственных любому природному объекту верхних оболочек Земли связей «от себя».

Таковыми связями можно считать его связи с другими природными объектами, обеспечивающие обмен веществом и энергией между ними, иначе говоря, – все самые разнообразные внешние связи интересующего нас объекта с другими (как ближними, так и дальними) объектами, составляющими его окружение. Изучение связей такого типа является главной задачей современной системы наук, составляющих физическую географию.

Попытаюсь показать это на конкретном примере. Возьмем в качестве примера хотя бы такую физическую характеристику вод океанов и морей, каковой является морское ветровое волнение. Физико-океанограф изучает его в связи с ветром, вызвавшим это волнение, исследует рельеф дна на мелководьях, создающий заваливание гребней волн, морские течения, лед в море и т.д. Иначе говоря, физико-океанограф, как и всякий географ, рассматривает данное природное явление через призму разнообразия многочисленных сложных процессов обмена веществом и энергией между этим и другими явлениями. Однако вполне правомерно изучение ветрового волнения в качестве разновидности механического трения одной поверхности о другую, в данном случае воздуха о водную поверхность, т.е. через призму одного из разделов общей физики – механики. В таких случаях ученый пытается построить более строгие формулы, описывающие детали происходящих в его рамках процессов трансформации вещества и энергии. Для выяснения наиболее характерных черт изучаемого явления (как это всегда делается физиками) используются методы не только математического, но и лабораторного моделирования. Так, например, изучается кинематика морского ветрового волнения – форма движения частиц воды по волновым орбитам, а также некоторые стороны его динамики – зарождение, развитие и затухание волнения, энергетика ветровых волн и др. В общем, и для специалиста в области общей физики, пришедшего к изучению природы океанов и морей и таким образом превратившегося в

физика-океанолога, в изучении данного природного явления непочатый край работы. Никаких затруднений он при этом не испытывает: четко, прямо-таки прозрачно просматривается, – относится тот или иной абзац данного труда к изучению рассматриваемого природного явления в его связях «от себя» либо «на себя»! В этом я сам неоднократно убеждался, читая разнообразные источники – основу сведений для моей историко-научной работы.

Мои соображения имеют отношение к работе как историка географии, так и специалиста-географа сегодняшнего дня, изучающего конкретные проблемы этой науки. Примером может служить моя публикация в журнале «География и природные ресурсы» (1994. № 3), где мои теоретические концепции ориентированы на помощь географам в решении экологических проблем. Особо хочу подчеркнуть, что такая четкость необходима для построения алгоритма машинной сортировки исходных данных. Это находка как для дальнейшего усовершенствования работы историка науки, пожелавшего довести ее до современности, так и для представителя науки сегодняшнего дня, решающего свои животрепещущие проблемы. Попытаюсь доказать и то, и другое.

Всем ясно, что чем больше исходного фактического материала привлекается к историко-научному изысканию, тем результативнее становится такое исследование: яснее прослеживаются закономерности развития данной отрасли знаний; среди большого массива информации легче различить отдельные, нехарактерные для этого исторического процесса «выбросы», которые при малом запасе знаний смогли бы повлиять на окончательные выводы, и т.п. А как получить больше исходного материала? На мой взгляд, это главная забота историков науки, работающих с исходными научными данными последних десятилетий. Ведь возможности человека выписывать вручную огромное количество накопившейся информации весьма ограничены. У двух людей одинаковой специальности по одному и тому же вопросу могут сложиться различные мнения, ибо один из них сумеет одолеть существенно большее количество источников для своих выводов, нежели второй. Основной критерий объективности любого научного вывода – его точная воспроизводимость при совпадении исходных данных, методов их обработки и анализа, а также квалификации работников – в такой обстановке не может быть реализован.

Исправить это положение можно, на мой взгляд, только с помощью машинной техники, благо мы живем в пору ее стремительного развития. Достаточно переложить «на плечи» машины тяжкий, изнурительный труд по выборке из обширнейшего массива информации только той, которая отражает исследование объектов в их связях «от себя», построив на основании этого историю географического изучения интересующего нас объекта. Потом с помощью машины построить историю геофизического изучения и, синтезировав обе «цепочки» прослеживания исторической закономерности, получить историю изучения интересующего нас объекта с наиболее возможной на сегодняшний день степенью достоверности.

Это, конечно, пока мечта. Но ведь что же еще освещает путь творческому человеку, если не его мечта?! Хочу еще раз упомянуть о своей статье, которая была опубликована в «Вестнике РАН» (1995. Вып. 6). Я там выдвинул идею все той же машинной сортировки исходного материала-

ла для экспертизы по направлениям объективной, теоретически обоснованной модели структуры этой отрасли современных знаний. Необходимость такой помощи диктуется признанием самих разработчиков методов современных экспертных оценок, что такие оценки продолжают оставаться в своей основе глубоко субъективными. В этой статье я в общенаучном плане предлагаю размежевать разнокачественные знания об одном и том же объекте изучения и тем самым помочь научным экспертам дополнительным гораздо более объективным способом работы.

Наконец, в журнале «География в школе» (1997. № 7) опубликована моя статья «Физическая география в “окружении” других естественных наук». И мне хочется верить, что тем самым я смог внести свой посильный вклад в оказание методической помощи учителям средних школ.

Хотя мне уже идет девятый десяток, я не могу сказать, что исчерпал свой творческий потенциал. Прежде всего, намереваюсь систематически углублять свои знания в смежной отрасли знаний – физической океанологии. Уж очень заманчиво, не дожидаясь, пока среди физиков-океанологов появятся желающие проследить закономерности развития этой отрасли знаний за последние десятилетия (с середины 70-х гг. и до конца века), – сделать это самому! Ведь наш общий учитель, основоположник физики моря как науки, академик В.В. Шулейкин смог в своих блестящих исторических обзорах по развитию физики моря протянуть цепочку представлений до середины 70-х гг. С тех пор, к сожалению, никто этим не занимался. Ужасно хочется, если хватит сил, к этим публикациям Шулейкина добавить анализ развития физики моря за последнюю четверть века! Если удастся осуществить эту заветную мечту, то откроется возможность, – синтезировав данные о развитии знаний географических с данными знаний геофизических, – впервые получить представление об общем развитии знаний о физических явлениях и свойствах морских и океанских вод с той степенью глубины и широты, которая вообще возможна на современном уровне научного развития. Есть у меня еще ряд задумок конкретно-научно-исследовательского плана, осуществление которых опять же будет работать на историю науки. В общем, дел впереди – хоть отбавляй!

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1. С. 162–178.

1963 год

КРИЦМАН
Виктор Абрамович

При завершении обучения в МХТИ те, кто интересовался научной работой, могли выбрать выполнение не дипломного проекта, а дипломной научной работы (а я даже был председателем научного студенческого общества факультета химической технологии топлива). Моей темой стало изучение синтеза и реакционной способности оксидов органических соединений. Результаты этой работы оказались настолько интересны, что их позже опубликовали в научном журнале, а меня рекомендовали после окончания МХТИ для исследовательской работы.

Но дальше опять вмешалось мое происхождение, которое имело определяющее значение для тогдашних отделов кадров различных организаций. Теперь, спустя четыре десятилетия, я прочел в русском Интернете такой анек-

дот: сотрудник отдела кадров одной организации звонит своему коллеге из другой организации и спрашивает: «Как, вы евреев на работу берете?» – «Берем», – отвечает тот. – «А где берете?». Тогда же все было по-другому. Евреев, окончивавших вузы, было довольно много, а интересных мест для работы и занятий наукой – гораздо меньше, чем желающих туда попасть. Я собирался в НИИ для продолжения научной работы. Хочу заметить, что мне никогда прямо не говорили о причине отказа от распределения в научно-исследовательский институт, но отклоняли мою кандидатуру «в связи с отсутствием места», хотя я был второй или третий по оценкам среди окончивших факультет в 1963 г., а те, кто закончили институт хуже, но имели другую национальность, получали места гораздо лучше, чем я. В результате меня распределили в проектный институт. За два года работы в нем я стал довольно квалифицированным проектировщиком, но всю жизнь посвятить этому делу мне было неинтересно. Я хотел продолжать исследовательскую работу по органической химии и стремился поступить в аспирантуру в Институт органической химии (ИОХ) АН СССР. Для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру нужно было иметь представление об истории органической химии. В то время в очень популярном среди советских химиков-органиков учебнике по органической химии румынского профессора К. Неницеску после предисловия были разделы по истории вопроса, ими я сразу увлекся, почище чем детективом. Я решил заняться историей химии, хотя пока не знал, где и как мог бы это сделать. Я даже не знал о существовании ИИЕТ. Тогда я взял московский телефонный справочник, нашел ИИЕТ, позвонил в дирекцию и сказал секретарю тематику предполагаемой мной научной работы. Секретарь посоветовала мне обратиться к сотруднику сектора истории химии Г.В. Быкову. После нашего разговора в институте он мне порекомендовал написать реферат для поступления в аспирантуру по теме «Механизмы органических реакций и химическая кинетика. Исторический аспект». После прочтения моего реферата Быков заметил, что история механизмов реакций освещена неплохо, а вот развитие химической кинетики – недостаточно. Изучением этой проблемы я и стал заниматься в аспирантуре института. После защиты кандидатской диссертации по теме «История химической кинетики органических реакций» в 1968 г. я написал и опубликовал пять монографий, связанных с историей химической кинетики, и защитил в 1990 г. докторскую диссертацию: «История химической кинетики. Общие проблемы».

Моим попыткам продвинуться к защите докторской диссертации препятствовали, во-первых, постоянное противодействие «нашего дорогого» Ю.И. Соловьева, а во-вторых, по рекомендации Д.Н. Трифонова, тесно связанного с педагогическим процессом, с начала 1970-х гг. я стал составителем «Книг для чтения по неорганической химии». В этих «Книгах» историко-химические знания вводились в преподавание химии в 7–8-м (первая книга) и в 9-м (вторая книга) классах большинства средних школ СССР. В качестве авторов статей для этих учебных пособий я привлекал главным образом сотрудников сектора истории химии нашего института. Важность этих книг для школьников страны неоднократно подчеркивалась в отзывах учителей, приходивших в издательство «Просвещение», и в рецензиях в педагогической литературе. Эти пособия для учащихся за

два десятилетия выдержали три издания, а их тираж приблизился к трем миллионам экземпляров. Они были переведены и на языки народов СССР.

В конце 1970-х гг. мне предложили в издательстве «Педагогика» стать составителем «Энциклопедического словаря юного химика», ответственным редактором которого стал известный химик-органик и тогдашний министр просвещения СССР М.А. Прокофьев. Кто такой составитель коллективного учебного пособия? Это человек, который создает книгу многих авторов, – от оглавления и подбора авторов статей до публикации. Естественно, что составитель вместе с ответственным редактором по существу возглавляет многочисленный коллектив, работающий над созданием учебного пособия, но очень большую работу он должен проводить сам.

За создание этих пособий я был удостоен звания «Отличник просвещения СССР», награжден медалями ВДНХ и дипломами многих книжных конкурсов.

Г.В. Быков был ученым, преданным истории химии, чувствовал ответственность за научное руководство. Внимательно читал все написанные мной разделы диссертации, обсуждал дальнейшие направления исследований, помог мне остаться в институте и заниматься научной работой. В то время это было совсем нелегко. Быкову удалось убедить дирекцию, доказав, что если оставить меня в ИИЕТ, то в секторе истории химии появится сотрудник, который будет заниматься историей химии, а не просто, как иные, ходить два раза в неделю «отмечаться» в «присутственные дни», а в остальное время устраивать свои дела, зарабатывая деньги редактированием книг в издательствах или написанием статей в популярных журналах, заниматься интригами для скорейшего повышения зарплаты или просто воспитанием детей. К сожалению, тогда такое положение дел не было редкостью, например: в секторе истории химии работал «научный сотрудник», который за 15 лет не выполнил ни одной плановой темы, а когда его решили выгнать с работы за «кипучее безделье» (как характеризовался похожий на него один из героев романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»), он обратился к известному советскому военачальнику с просьбой «защитить его от преследований». И что же вы думаете? Не помогло? Помогло, да еще как! После звонка в дирекцию «научный сотрудник» остался в ИИЕТ и продолжал бездельничать еще десять лет до своей кончины.

За все, что Г.В. Быков сделал для меня как научный руководитель, я ему признателен. Как человек он был мне не очень интересен. В нем были смешаны требовательность к систематическому изучению первоисточников зачастую с заданной односторонней их интерпретацией и стремлением во что бы то ни стало доказать приоритет российских ученых, независимость от господствующей коммунистической идеологии (он единственный из ведущих сотрудников сектора истории химии не был членом КПСС), кажущаяся личная скромность и громадное самомнение. Невозможность признать иную точку зрения в науке отличала его от западных историков науки. Такое же мнение высказывали читавшие его труды европейские и американские историки химии, которые обсуждали со мной в 1990-е гг. на различных конгрессах работы Г.В. Быкова, зная, что я его ученик.

Но эта неоднозначность Быкова как историка химии сыграла положительную роль в моем формировании как специалиста по истории науки: я стремился не быть рабом заранее заданной точки зрения, быть многосторонним и не отвергать «сходу» историко-научные концепции, обоснованные другими исследователями. Может быть, поэтому всемирно известный ученый, директор Института истории естествознания Мюнхенского университета, член многих престижных академий, профессор Менсо Фолкертс после анализа моих научных работ, выполненных в его институте и в Институте истории науки и техники Немецкого музея, написал, что «квалификация доктора естествознания по истории химии Виктора Крицмана полностью соответствует уровню научного сотрудника, получившего образование и защитившего две научных диссертации в этой области, в Германии». По статистике, только чуть больше одного процента научных сотрудников, приехавших в Германию из других стран (не считая США, Великобритании и Франции), получают такие рекомендации от ведущих немецких профессоров.

Отзыв-рекомендация профессора Фолкертса и мое международное научное признание давали мне возможность получить немецкое гражданство и занять место исследователя в немецком научном институте или на кафедре истории естествознания, но, конечно, при наличии вакантного места. А с такими местами в Германии очень трудно. Например, как мне говорили, в Немецком музее на одно такое место в Исследовательском институте обычно претендуют до 800(!) человек с научными степенями и, разумеется, с хорошим знанием обычно двух-трех иностранных языков.

После защиты диссертации я написал с Г.В. Быковым несколько монографий. Беседы с Наумом Иосифовичем Родным в 1970-е гг. и с Игорем Сергеевичем Дмитриевым в 1980-е гг. обогатили мои представления о возможностях исторического анализа учения о химическом процессе. Работы Юрия Ивановича Соловьева отчетливо показали мне важность работы с архивными источниками. И, безусловно, мне очень помогло в проведении исследований по истории химических процессов тесное общение с учеными из Института химической физики (теперь он носит имя академика Н.Н. Семенова): академиком Н.М. Эмануэлем, его заместителем, профессором Г.Е. Байковым, академиком А.Е. Шиловым; профессорами: В.Л. Азатыном и Э. Пурмалем. Они помогли усовершенствовать мои знания особенностей химической кинетики и учения о цепных реакциях. Я полемизировал с ними также о важном влиянии истории химии на развитие химии. Они считали, как большинство химиков в мире, что современная химия возникла после того, как они окончили университеты. К сожалению, такая точка зрения бытует среди химиков и до сих пор. К счастью, в Германии существуют кафедры по истории науки, где есть и профессора по истории химии, а при Немецком химическом обществе – Группа по истории химии (около 300 членов), из них профессионально занимаются не более 20 человек, а остальные просто интересуются историей химии.

Я пришел в ИИЕТ, когда директором был Б.М. Кедров, а покинул уже после смерти Н.Д. Устинова. С.Р. Микулинский уже умер, и было «междоцарствие». В.М. Орел еще не стал директором института. Я хочу коротко остановиться на причинах отставки и преждевременной смерти С.Р. Микулинского. По моему мнению, он был прекрасным директором и

старался развивать научную деятельность института. В конце 1980-х гг. ему не давало работать резко оживившееся во времена «ельцинского курса» управление наукой со стороны московских райкомов партии, а также некоторые сотрудники, не интересовавшиеся научной работой, а стремившиеся удержаться в институте и попасть в его руководство за счет интриг, нелепого критиканства и пустословия, что и привело Микулинского к отставке и вскоре к смерти. Сейчас большинство этих сотрудников числит себя заслуженными «шестидесятниками», а на самом деле они были рьяными помощниками «великих ученых» из райкомов партии «ельцинского разлива». Слава Богу, что в конце концов директором ИИЕТ стал В.М. Орел, он смог уберечь институт от развала.

Меня как то спрашивали, «откуда берутся интересные научные идеи?». Идеи берутся из воздуха. Знаете, как говорят французы? «Ум, как деньги: если он есть, то есть, а если нет, то нет». То же самое и идеи: если ты способен их генерировать, то они появляются. Понятное дело, не каждую секунду. Надо читать оригинальные источники, сопоставлять проанализированные работы, делать обобщения и тогда... вдруг что-то происходит, и ты видишь оригинальное решение проблемы. Ну а если не видишь, то, как говорил Остап Бендер, «нужно переквалифицироваться в управдомы».

Приведу конкретный пример. Несколько лет назад генеральный директор Немецкого музея профессор Вольф-Петер Фельхаммер, известный специалист по химии металлорганических соединений, предложил мне в качестве плановой темы (в Германии тоже есть такое понятие) историю химии металлорганических соединений. «Но я не занимался этой проблемой. Я же вам подарил опубликованную недавно в США книгу по истории химической кинетики и цепных реакций», – ответил я. «Спасибо, – сказал господин Фельхаммер, – из этой книги я отчетливо понял, что вы хороший историк химии, а в конкретном материале по развитию этой области химии я вам помогу разобраться. Другой плановой темы я для вас не вижу».

Как вы понимаете, если генеральный директор не видит для меня другой плановой темы, то ничего другого он не станет финансировать. А без этого не будет никаких условий для проведения исследований. Пришлось заняться неожиданной для меня исследовательской темой. Я нашел довольно много литературы по истории проблемы: отдельные монографии и статьи, опубликованные как на Западе, так и в СССР, проанализировал их, увидел, что это не историко-химические исследования, а в лучшем случае более или менее обширные обзоры литературы без глубоких выводов, без сопоставлений и, как потом выяснилось, с грубыми ошибками в анализе развития этой химии в России в XIX–XX вв. Материала оказалось так много, что неизбежно встал вопрос о хронологическом ограничении исследования. Я решил, что верхним пределом в моем исследовании будут работы знаменитого французского химика Виктора Гриньяра (1871–1935), который получил в 1912 г. Нобелевскую премию по химии за создание оптимального способа синтеза многочисленных органических веществ на основе реакций магнийорганических соединений. Гриньяр впервые экспериментально показал, что химия металлорганических соединений – важная самостоятельная область органической химии. Я начал

систематическое исследование этого вопроса на основе анализа многочисленных оригинальных источников и неожиданно для себя обнаружил, что первым, кто предсказал важную роль металлорганических соединений в органической химии, был Д.И. Менделеев и его учебник «Органическая химия» 1861 г. Для меня было особенно интересно, что он написал этот учебник так же, как я свою монографию о Германе Коппе, чтобы заработать деньги в связи с тяжелым материальным положением. Вскоре А.М. Бутлеров в своем классическом учебнике по органической химии (1862–1864 гг., немецкие издание – 1867 г.) высоко оценил эту книгу Менделеева, хотя он предчувствовал, что она так никогда и не будет издана за рубежом. Бутлеров считал этот учебник предтечей своего классического курса органической химии. Внимательно вчитываясь в учебник Бутлерова, я обнаружил там основополагающую главу под названием: «Металлорганические соединения», в которой впервые в истории систематически изложены основы этой области органической химии. И никто до меня из всех исследователей истории химии металлорганических соединений и специалистов по творчеству Бутлерова и Менделеева, не говоря уже о многих других историках химии, не увидели этого открытия, сделанного в трудах русской школы (в основном Бутлерова и его учеников). Почему? Я уже сказал ранее. Таким образом, я проанализировал основные этапы создания российской научной школы в химии металл-органических соединений от XIX в. до начала второго десятилетия XX в. на основе систематического изучения трудов российских ученых: Д.И. Менделеева – А.М. Бутлерова – Зайцева с учениками (Е.Е. Вагнера, С.Н. Реформатского, И.И. Канонникова и др.) – А.Е. Арбузова, П.П. Шорыгина и т.д. Вот так возникла идея моей «самой свежей» историко-научной монографии по созданию основ химии металлорганических соединений.

Вот как возникают идеи. А переписка известных фактов из одной книги в другую – здесь никого не интересует, поскольку профессионально историей науки здесь занимаются только крупные специалисты. Без интересной идеи нет научной работы.

Что касается различий между советской и российской историей науки и историей науки в Германии, то, не касаясь уровня и удобств жизни, Германия, по моему мнению, страна «бедно-богатая» и очень рациональная. Бедна она природными ископаемыми: есть каменный уголь, немного, бурый уголь, почти нет нефти и газа и многих других полезных ископаемых. Но почему же она богатая? Благодаря своему экспорту, где она составляет серьезную конкуренцию США и до сих пор держит второе место в мире. Промышленность и экономика Германии достаточно быстро реагируют на изменения ситуации на мировом рынке. Помните пословицу: «Наши недостатки – продолжение наших достоинств»? Эта пословица, к сожалению, оказалась применима к новой истории Германии. Несомненные достоинства немецкого народа (прекрасно организованная система исполнения распоряжений центрального правительства на местах, уважение к закону и выборной власти) стали страшными недостатками, которые помогли установлению и укреплению бесчеловечного гитлеровского режима. Централизация власти превратила большинство немцев, в том числе и ученых, в «винтики» – квалифицированных исполнителей. Те же, кто не хотел ими стать и не смог, часто это были еврейские ученые, преследовавшиеся при

нацизме, должны были эмигрировать в Англию или США. Послевоенная история Германии и демократизация немецкого общества частично изменили менталитет немцев, но следы прежнего еще заметны даже среди нынешнего поколения ученых. В значительной мере благодаря уехавшим в США германским ученым, американская наука сделала мощный рывок и теперь находится на первом месте в мире. В Германии же основные Нобелевские премии последних лет присуждены за работы, выполненные в соавторстве с коллегами из США или Англии. Только сейчас Германия собирается перестраивать систему своего высшего образования на принципах воспитания высокообразованных людей – «генераторов идей», а не только высокообразованных исполнителей. Средний уровень высшего образования в Германии до сих пор остается высоким: он и сейчас является образцом для многих европейских стран, не говоря про страны других континентов. Но с каждым годом все сильнее в Германии недостает денег на высшее образование и проведение научных исследований. Поэтому научные институты в Германии, особенно в нашей области, очень маленькие. Мне кажется, что профессионалов в области истории науки и техники в стране не больше, чем в ИИЕТ и его Петербургском филиале. Средний такой институт в Германии (в большинстве случаев это кафедры вузов) имеет одного–двух профессоров, одного–двух ассистентов и секретаря. Зарплата профессора здесь достаточно высока, у него не очень большая учебная нагрузка (примерно 2 лекции и немногим больше семинаров в неделю), а остальное время посвящается научной работе. Научное сообщество здесь небольшое и потому внимательно следит за работой своих членов. Обмануть специалистов невозможно: либо есть у тебя авторитет среди коллег, либо нет; либо ты публикуешь достойные работы, либо доступ к публикации тебе закрыт. Стать профессором здесь очень сложно, почетно и денежно. Никто никого здесь работать не заставляет, но многие работают не только в рабочих кабинетах, но и после формального окончания рабочего дня, а также и в каникулы, и в праздники, которых в Баварии, например, около двух недель в году.

Сейчас возникла тенденция объединять подобные институты региона в научные центры. Первый из них создан в Мюнхене более пяти лет тому назад. Он объединяет подразделения по истории науки и техники трех университетов Мюнхена и Немецкого музея: в Ученом совете этого центра сотрудничают более пяти профессоров. Но в других городах Германии существуют маленькие учебные и исследовательские институты по два–три профессора или доцента, они одновременно и преподают, и проводят исследования, получая деньги из бюджета вуза. Эти институты (преимущественно кафедры) работают десятилетиями. Здесь невозможно, чтобы сотрудникам не платили деньги, ибо они заранее заложены в бюджет вуза. Некоторые естественнонаучные музеи также имеют исследовательские отделы, где работают специалисты по истории науки и техники, но научных сотрудников у них очень мало. Например, в Немецком музее работают примерно 320 человек, а количество штатных научных сотрудников Института истории науки и техники музея составляет в среднем три–пять человек (плюс два технических сотрудника). Исследователь, конечно, может получить грант с неплохой зарплатой на три года для выполнения научной темы от различных фондов, но получают его максимум треть подав-

ших исследователей (это люди, защитившие диссертацию после аспирантуры, с хорошим знанием одного, чаще двух иностранных языков). Ожидать решения о получении гранта нужно в среднем полгода. Качество выполненных исследований по гранту проверяется очень строго крупными специалистами; в случае отрицательного отзыва руководитель работы (который по закону не получает материального вознаграждения за свою деятельность) лишается надолго возможности представлять любые проекты на грант и оказывается в очень неудобном положении перед коллегами, а получавший все это время заработную плату исследователь, не справившийся с темой, может навсегда забыть о дальнейшей научной работе в Германии. Даже при хорошем выполнении этой работы гарантия получения исследователем вскоре нового гранта невелика; поэтому конкурсы на замещение штатных научных должностей в Германии составляют сотни претендентов на место.

На всю Германию существует лишь один «очень большой» – по немецким масштабам – Институт истории науки и техники при Обществе имени Макса Планка (цели, задачи и структура этого Общества напоминают Российскую академию наук) в Берлине. В этом институте работают постоянно около 20 научных сотрудников. Вся деятельность в нем проходит на английском языке.

Что касается меня, то, во-первых, я получил постоянное место далеко не сразу: восемь лет я работал исследователем в Немецком музее по договорам и лишь последние годы стал штатным научным сотрудником. Во-вторых, моя научная работа оказалась интересной для коллег и членов Ученого совета Мюнхенского научного центра истории науки и техники: не каждый его сотрудник с 1993 г. опубликовал большую монографию в США, более 20 статей в научных журналах разных стран, сделал более десяти научных докладов на германских и международных научных конференциях и конгрессах, был награжден премией и медалью «Дружбы Велера и Либиха» за обнаружение более десяти ранее неизвестных писем русских химиков к Ю. Либиху и научные комментарии к ним. Кроме того, я написал и подготовил к печати в Германии две монографии на немецком языке. Об одной из них – по истории химии металлорганических соединений – я уже говорил; другая – это совместная монография с профессором Бригиттой Хоппе о влиянии выдающегося немецкого химика Юстуса Либиха на создание научной химии в России. Так что по мере сил я стремлюсь укреплять своими исследованиями историю и современное состояние немецко-российских научных связей. Результаты моих работ высоко оценены германскими коллегами и руководством Мюнхенского научного центра истории науки и техники, о чем мне неоднократно сообщалось официально и неофициально.

При изучении истории науки в Германии большое внимание уделяется исследованию влияния трудов философов и естествоиспытателей средневековья и Возрождения на формирование направлений научного естествознания (особое внимание при этом, естественно, обращено на творчество немецких ученых), детально изучаются отдельные аспекты творчества известных немецких естествоиспытателей XIX в. и их роль в создании научных школ, исследуется и публикуется их переписка на основе рукописных архивных источников.

В Германии основная научная работа по истории науки, как я уже говорил, сосредоточена в университетах и сочетается с преподаванием этого университетского курса студентам. Много исследований проводится по грантам на 2–3 года. Получить эти гранты нелегко, и получает их далеко не каждый. Если молодой ученый не получил штатного места на кафедре после защиты кандидатской (которая в Германии называется докторской) диссертации, то чаще всего он вынужден уйти из науки либо попытаться продолжить исследования в другой стране (чаще всего в США).

Я сообщил здесь лишь очень кратко о состоянии истории науки в Германии. Не описал научные журналы, научные общества (более десятка) по разным областям истории науки и техники, годовые съезды с вручением медалей и премий за лучшие научные работы, музеи с их исследовательскими отделами и т.д. Но общий вывод таков: история науки в Германии переживает сейчас далеко не лучшие времена.

Что касается ИИЕТ АН СССР, то за более чем двадцать лет работы в Институте я стал исследователем и смог успешно работать среди европейских историков науки. Во-вторых, психологически. Ю.И. Соловьев так мешал мне работать, что тем самым он подготовил меня к очень непростой борьбе за получение «места под солнцем» в немецкой научной среде. В-третьих, в ИИЕТ работали, а многие работают и сейчас, талантливые и порядочные люди, среди которых мне особенно хотелось бы отметить А.В. Постникова, С.С. Демидова, В.С. Кирсанова, А.А. Печенкина, С.С. Илизарова, Н.А. Фигуровского, А.В. Ахутина, Вл.П. Визгина, М.М. Рожанскую, И.Д. Рожанского, А.Б. Кожевникова, Ю.С. Воронкова, И.А. Апокина, М.Ю. Шевченко, Д.А. Баюка, Е. Славутина, И.С. Дровеникова, З.К. Соколовскую, В.С. Кухарчука, И.В. Лерман и, конечно же, двух директоров института: С.Р. Микулинского – он до последнего боролся за сохранение ИИЕТ как ведущей научной организации; В.М. Орла – он сумел вывести институт из «болота», в которое его завели безответственные люди, прорвавшиеся к руководству в конце 1980-х–начале 1990-х гг., во времена «райкомовской московской науки» «большого партдемократа» Бориса Ельцина, бывшего тогда первым секретарем МК КПСС. В то время в ИИЕТ были, конечно, и бездельники, и сутяжники, и сплетники, и доносчики, но хороших людей было гораздо больше. Так что, вспоминая свою работу в институте, я могу сказать только одно: «Спасибо ИИЕТ!».

Публикуется в выдержках по: Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 163–171.

1964 год

ВИЗГИН
Владимир Павлович

История была такая. Я окончил Энергетический институт (МЭИ) по специальности «Техника высоких напряжений». Я хотел заниматься физикой и делал диплом в Институте ядерной физики Сибирского отделения, который в то время находился на территории Курчатовского института (Института атомной энергии). Диплом был по экспериментальной физике. Но в это время я женился на сокурснице, испанке, дочери испанского коммуниста. Когда в МЭИ началось распределение, на меня из этого института (ИЯФ) не пришла заявка. Я пытался выяснить причину, но мне это не удалось. Я считался хорошим дипломником, все было вроде ничего. Вскоре все прояснилось. Декан факультета вызвал меня и сказал: «Вы хотите узнать, почему Вас не взяли в ИЯФ и не возь-

мут в другие подобные институты?» И стал при мне звонить в разные институты и «ящики» – в Зеленограде, в Троицке, еще в какие-то, я сейчас не помню, подмосковные физико-технические центры, где нужны были специалисты по технике высоких напряжений. Вот он звонит в один из них и спрашивает: «Вы просили специалиста по технике высоких напряжений? Есть такой, толковый, но у него одно обстоятельство» (и поясняет, что я женат на испанке). И я слышу ответ в трубке: «Тогда лучше не надо». Это был 1960-й год. Я понял, что та сфера деятельности, которая меня влекла, ядерная физика, для меня закрыта. И я пошел в отраслевой институт (Всесоюзный НИИ электроэнергетики), и там работал несколько лет довольно успешно, делая карьеру инженера-исследователя, но мне стало скучновато. Я поступил на инженерный поток мехмата МГУ и начал углубляться в математическую и теоретическую физику, пытаюсь, в частности, применить вариационные методы к физике плазмы. Вскоре мой интерес распространился на вариационные принципы вообще. И тут я узнал, что большим специалистом по вариационным принципам является Лев Соломонович Полак. И я, не думая об истории физики, поехал к Полаку и сказал: «Хочу заниматься вариационными принципами». Он ответил: «Сейчас я Вас к себе в аспирантуру не могу взять (а он работал в Институте нефтехимического синтеза АН СССР), а вот, если хотите, я могу рекомендовать Вас в аспирантуру Института истории естествознания и техники, и Вас возьмут. Вы там будете заниматься, чем хотите, например, вариационными принципами, ходить ко мне на семинары и т.п. У Вас будет 3 года, что сделаете, то сделаете». Он меня не настраивал на то, чтобы заниматься историей физики. Ну, я согласился, легко поступил в аспирантуру. И вот тут я помню, например, как меня принимали в аспирантуру. Это и был один из первых дней, может быть, и самый первый, когда я попал в Институт. Это было здание на Лубянке. Я помню маленькую комнату, где у меня принимали экзамены Борис Григорьевич Кузнецов и Адольф Павлович Юшкевич (тогда это был какой-то единый Сектор истории физико-математических наук, руководила им Ольга Александровна Лежнева, которую я тоже видел тогда относительно молодой), был, кажется, и Борис Абрамович Розенфельд. И вот они у меня принимали экзамен. В основном спрашивал Б.Г. Кузнецов, даже помню вопросы, которые он задавал. Я относился к истории науки как к временному делу, которым готов заняться ради более важных вещей, которые меня интересовали. Отвечал я уверенно, даже спорил с Борисом Григорьевичем, например, о принципе Маха в общей теории относительности. Экзаменаторы ко мне отнеслись очень хорошо, решили, что я подхожу. Я написал, кстати говоря, очень приличный реферат, который был почти стостраничным (Полак даже говорил, что это почти готовая диссертация на тему «Вариационные принципы в электродинамике»). Я не горел желанием заниматься историей науки. Может быть, стоит сказать, чем это все закончилось. Примерно года полтора, а может быть, даже целых два я и не помышлял еще оставаться в ИИЕТе и заниматься историей физики. Тему, с одобрения Полака, я выбрал на стыке вариационных принципов и принципов симметрии, но проблемы истории я не копал глубоко. Ходил к Полаку на семинар, занимался вариационными принципами в физике плазмы и думал, что, во всяком случае, Полак возьмет меня к себе. Но в какой-то момент отдел ас-

пирантуры стал интересоваться ходом моей диссертационной работы. Мне пришлось более серьезно вникнуть в работу, и историко-научный поиск меня по-настоящему увлек. Мне удалось найти новые интересные аналоги фундаментальной ныне взаимосвязи симметрии с законами сохранения. В последний диссертационный год я сделал рывок и почувствовал вкус к историко-научным исследованиям. Я написал довольно большую работу; мне казалось (и Полак так считал), что она содержит новые результаты. И когда я окончил аспирантуру, Полак мне сказал: «Вот пришла новая вычислительная машина, мы хотим Вас взять. Вы будете заниматься ею». А я терпеть не мог вычислительные машины. У меня уже появился интерес к истории науки, и я предпочел ее вычислительной машине. Я сделал выбор, Полак не возражал. Через полгода я успешно защитил диссертацию, все еще думая о том, что параллельно с историей физики я буду заниматься и самой физикой. Б.А. Розенфельд говорил мне, что это вполне возможно, и сам такую параллельную работу осуществлял. Действительно, я какое-то время занимался тем и другим, но все-таки постепенно дрейфуя в сторону истории физики. В конце концов, я стал профессиональным историком физики. На меня большое впечатление произвела когорта институтских историков физико-математических наук: Б.Г. Кузнецов, А.П. Юшкевич, Б.А. Розенфельд, несколько позже И.Б. Погребысский. Важным было общение с Ольгой Александровной Лежневой. Я.Г. Дорфман пришел в Институт, если я не ошибаюсь, несколько позже, кажется, уже после того, как я закончил аспирантуру. Учась в аспирантуре, я не так часто бывал в Институте. Особенно первые два года, полагая, что история науки для меня – дело временное. Решающую роль в том, что я стал историком науки, сыграл Полак. Всю дальнейшую жизнь я был по работе связан со Львом Соломоновичем. Он был ответственным редактором всех моих книг, и я всегда читал его как своего учителя. Также на меня оказал большое влияние, прежде всего, И.Б. Погребысский, который поразила меня математической, гуманитарной и языковой культурой. Я с благодарностью вспоминаю А.П. Юшкевича и Б.А. Розенфельда, А.Т. Григорьяна, которые весьма хорошо ко мне относились. Яков Григорьевич Дорфман появился несколько позже. Довольно рано, например, я познакомился с Павлом Степановичем Кудрявцевым, который мне очень нравился. Мне казалось, что при некоторой провинциальности (он работал в Тамбовском пединституте, где создал школу историков физики), он был глубоким и интересным историком науки.

Я знал, что Полак был репрессирован, но он был очень сдержанный человек. Видимо, в нем глубоко сидела «лагерная осторожность». Я, конечно, знал кое-что, но всего ужаса, о котором я узнал уже потом от Полака и из его воспоминаний, я представить не мог. Я вспоминаю и других людей, с которыми я общался в аспирантские годы. Об О.А. Лежневой я уже говорил. Заметной и колоритной фигурой был Анатолий Николаевич Вяльцев, который поражал оригинальностью мышления и работоспособностью. Мы часто спорили с ним, особенно по проблемам взаимосвязи физики и математики, интерпретации теории относительности и т.д. В результате в наших отношениях нередко возникали конфликтные ситуации. Припоминаю Льва Анатольевича Глебова, небезынересного историка физики. Он неоднократно терял рукописи по своим плановым темам. Заслу-

живает добрых слов Ашот Тигранович Григорьян, руководитель сектора, многим оказавший поддержку в трудных ситуациях. В некоторых трудных и важных делах он помог и мне. Хочу сказать несколько добрых слов и о Семене Романовиче Микулинском. Должен сказать, что в аспирантский и последующий (ранний) период я почти не соприкасался с ним непосредственно. Но потом – неоднократно. В целом считаю, что Семен Романович – крупный историк науки, человек, преданный истории науки, внесший в наше дело значительный вклад. Я припоминаю, мы после работы рубились в шахматы, «блицевали», иногда допоздна, а Семен Романович уходил домой даже позже нас. Он читал, редактировал, в общем, работал и работал.

На этом, я думаю, я и остановлюсь, вспоминая о своем вхождении в историко-научное сообщество.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 137–140.

1965 год

КУЗНЕЦОВА
Наталия Ивановна

Я хорошо помню день моего зачисления в ИИЕТ: 25 марта 1965 года отмечено в моей трудовой книжке. Долгие годы я с теплотой на душе вспоминала эту дату как один из тех дней, которые определили мою судьбу. Дважды по различным обстоятельствам, увольнялась, уходила в другие просторы надолго, трижды – возвращалась. Счет 3:2 в пользу ИИЕТ.

Как всегда, всё начиналось со случайности. Еще в школе я поняла, что хочу учиться на философском факультете. Что это будет МГУ, даже не обсуждалось, поскольку папа, который закончил физфак МГУ в 1935 году, был самым страстным патриотом Московского университета. Правда, в 1964 г., когда я отправилась со своим «аттестатом зрелости» в приемную комиссию философско-

го факультета, обнаружилось, что школьников на дневное отделение не принимают. Необходимо было иметь два года «пролетарского стажа». «Ах, так, – подумала я с юношеской запальчивостью, – тогда буду поступать на заочное, а не на вечернее, там более свободный режим». На заочное отделение конкурс составлял десять человек на место, а на вечернее – два. Это понятно: на заочное поступали абитуриенты со всего Союза, а на вечернее – москвичи и жители ближнего Подмосковья. Даже не задумавшись о таких сложностях, я успешно сдала экзамены. Надо было устроиться на какую-то работу, которая могла приносить интеллектуальную пользу. Я тогда уже работала помощницей медсестры в «кишечном кабинете» (моя первая запись в трудовой книжке), секретарем-машинисткой в школе. В ИИЕТ чуть позже помог устроиться папа, сама я плохо представляла, в чем состоит работа историка науки.

Оформили меня как «библиотекаря», зарплату получала как сотрудница ФБОН. Тогда ФБОН располагалась на улице Фрунзе, в старинном особнячке, и я бывала там регулярно, когда получала зарплату. Она была самой скромной, меньше тогдашней стипендии аспиранта – 64 рубля. Мне нравилось исполнять то, что поставили мне в обязанность: я была назначена литературным редактором выпускаемого тогда реферативного журнала по истории науки, а также должна была к сроку отвозить подготовленную рукопись для издания (ротапринтом). Рефераты делали очень квалифицированные сотрудники, отбирали и переводили замечательную зарубежную литературу. Именно тогда я познакомилась с именами и ключевыми идеями работ самых авторитетных историков науки Запада – Кангилема, Башляра, Томаса Куна, Сартона, Бернала и других. Помню имена двух превосходных переводчиков, тогда еще молодых людей – Алексей Зверев (английский), Валерий Большаков (французский). Алеша Зверев стал очень крупным специалистом в английской филологии, литературным критиком, культурологом, профессором. В РГГУ несколько лет проходили большие конференции в память о нем. Валера еще долго работал в ИИЕТ, судьбы его не знаю.

ИИЕТ располагался в небольшом трехэтажном здании на Малой Лубянке на третьем этаже. Кругом – здания, в которых работали сотрудники Комитета Госбезопасности. Что это значит, понимали все сотрудники, включая и меня, юную особу. Но у нас – оазис. По рукам уже ходили издания самиздата, в «Новом мире» опубликован «Один день Ивана Денисовича», тихо обсуждался скандал с Нобелевской премией, которую должен был получить Борис Пастернак за «Доктора Живаго». Роман во всем объеме многим удалось прочитать только в 1970-е годы, но стихи из романа уже знали. У меня не было сомнений, хотя открыто об этом не говорили, что абсолютно все сотрудники ИИЕТа, что называется, – дети «оттепели», нет никаких мировоззренческих противоречий. На общих праздниках – Новый год, День Победы, Женский день, когда почти все собирались за столами с нехитрыми закусками, могли прозвучать в качестве тоста стихи Пастернака, Есенина или Заболоцкого, молодых опальных поэтов, цитата из Салтыкова-Щедрина или Солженицына и т.п. Никогда ничего тривиального!

Помещение Института на Малой Лубянке было маленьким, если не сказать – крохотным. В приемной комнатке библиотеки могло поместить-

ся не более двух–трех посетителей. Но какое богатство! Сами библиотекари – настоящие книгоманы. Было видно, что работники библиотеки заворожены тем богатством, которое им было доверено хранить и сохранять, обеспечивая читателей аккуратной библиографической информацией. Как я любила просто так, почти бесцельно рыскать по этим ящичкам и перебирать карточки! Сам Институт поразил не только людьми, но и огромными, под потолок книжными шкапами: таинственно блестели стекла, в ряд стояли старинные книги, многие переплетены, чтобы не разваливались. Меня, книжницу по натуре, это завораживало, как и царившая вокруг интеллектуальная атмосфера. Люди, меня окружавшие, – все, как один, чем-то нестандартные, это было видно в старомодной манере держаться, способе говорить, шутить... Будто нет совсем советского «новодела». Будто в дореволюционную эпоху попала: многие закончили гимназии, знали латынь и греческий, парочку европейских языков, знали фундаментальную науку не понаслышке, при этом еще – недавние фронтовики. Были здесь и «сидельцы». Ко мне, вчерашней школьнице, да еще с девичьей косой наперевес, относились очень тепло и по-дружески, я словно стала «сыном полка». И мне очень захотелось таким необыкновенным людям понравиться! Можно сказать, что любовь к истории науки началась во мне с чувства благоговения перед такими людьми, которые меня окружали.

Переезд Института в Старопанский переулок многие воспринимали недружелюбно: чудилось, что нас, сотрудников, будут слишком разделять обретенные площади. Впрочем, вскоре оказалось, что в новом помещении так же тесновато и так же уютно. Но старые московские переулки, в которых нам теперь предстояло жить, оказались далеки от Госбезопасности, мы переселились в другое урбанистическое пространство и вдыхали исторически другой столичный воздух. Теперь мы словно попали под покровительство Старой площади, что было тогда благом. ИИЕТ расцветал.

Как результат – я не перешла учиться на дневное отделение, так и осталась на заочном, и сквозной собственной темой стала философская рефлексия методологических проблем историко-научных исследований. Это означало стать специалистом в сфере эпистемологии и философии науки. «Наука в ее истории (методологические проблемы)» – предмет моей кандидатской диссертации. В ИИЕТе группировались выдающиеся философы того времени, было у кого учиться. Целый ряд социальных факторов способствовали тому, что сюда на работу попадали совершенно нетривиально мыслящие люди. Когда я пришла, в Институте работали А.С. Арсеньев, В.С. Библер, Б.С. Грязнов, имена каждого из них вошли в энциклопедию. В эпоху гонения на «подписантов» ИИЕТ обогатился такими потрясающими философскими кадрами, как П.П. Гайденко, А.П. Огурцов, И.С. Алексеев, Э.Г. Юдин, М.К. Мамардашвили и др. Это говорило о многом. ИИЕТ явно стал неформальным лидером свободного философского мышления советского периода в развитии отечественной философии послевоенного времени.

Мне удалось в ИИЕТе наблюдать формирование новых исследовательских программ, смену философских представлений о том, что такое наука и как ее изучать, и то, как осваивались скандальные идеи, высказанные за «железным занавесом». Хочу отметить главные тренды в развитии нетрадиционных направлений и проектов: во-первых, на базе истори-

ко-научных исследований формировалось новое направление – «наука о науке», науковедение. ИИЕТ был здесь своего рода «идейной площадкой», инкубатором новых концепций. Во-вторых, в 70-е годы стало заметно, что в новейших историко-научных исследованиях проходят процессы, с одной стороны, «историзации» и, с другой, – «философизации». Что я имею в виду? Как ни странно, история науки и техники долгое время была в стороне от сообщества гражданских историков и не разделяла тех норм, которые весьма строго соблюдались в авторитетной науке, именуемой «история», идущей от Античности. Во второй половине XX века философия науки стала новой отраслью традиционной философии, при этом объявила, что все ее результаты должны базироваться на историко-научном материале. Манифест И. Лакатоса провозгласил: «История науки без философии науки слепа, философия науки без истории науки пуста». В философии науки, обращенной к науке в ее истории, появились такие понятия, теперь хорошо известные, как «научная революция» и «парадигма» Томаса Куна, «неявное знание» Майкла Полани, «научно-исследовательская программа» Имре Лакатоса, акторно-сетевая теория Бруно Латура и т.д. ИИЕТ улавливал эти идеи, более или менее успешно следуя в фарватере главных концептуальных поисков.

Думаю, самое полезное, что мне лично удалось сделать для Института – это работа в журнале «Вопросы истории естествознания и техники». Десять лет в должности зам. главного редактора (1992–2002). 40 выпусков ИИЕТ сделаны нашей журнальной командой с глубочайшей любовью, тщательностью, изобретательностью. Мы пробовали новые жанры для публикаций, рыскали по конференциям в поисках новых имен, старались всячески расширить список «наших авторов», чтобы журнал не был просто органом ИИЕТ, был замечен не только в России, но и за рубежом. Редакция была настоящим институтским клубом (помещение позволяло), куда стекались разнообразные новости и происшествия, где наши авторы могли беседовать о научных и философских проблемах, где мы «выращивали» автора или нам приносили «сногшибательный» материал, который наши редакторы должны были довести до ума. Мы даже подружились с телевизионщиками, которые делали популярную передачу «Очевидное–невероятное», потом «Гении и злодеи», постоянно их консультировали, обменивались журналистскими находками. Энергия тех дней незабываема.

Мои заметки коротки, это беглые и субъективные зарисовки. История Института заслуживает настоящей исследовательской работы. ИИЕТ уникален во многих отношениях. Хотелось бы представить не только социальную, но и когнитивную его историю, философски проанализировать специфику историко-научного познания.

1965 год

ЯРОШЕВСКИЙ
Михаил Григорьевич

Обычно у людей моей возрастной категории спрашивают, как вы росли, кто оказал на вас влияние, какие отметки вы получали в разных классах, когда у вас была первая влюбленность... Я бы хотел вернуться к прошлому, а потом уже перейти к будущему. Я хотел бы объяснить, каким же образом психология как область исследования обрела свою судьбу. Я касаюсь этого в двух книгах, недавно вышедших. В Ленинграде в 1991 г. вышел первый том «Репрессированной науки», второй появился в 1994 году. Итак, почему я, историк психологии, западной и в России, начал собирать свидетельства о тех событиях и решил их хотя бы какими-то фрагментами воспроизвести. Я просил наших научных работников проинтервьюировать тех, кто был жертвами репрессий и, тем не

менее, остался в живых. Сейчас термин «репрессированная наука» стал общепринятым. Этот замысел родился еще до того, как начало действовать Общество «Мемориал», хотя я некоторое участие в нем принимал, был знаком с теми, кто участвовал в его создании. Для меня было большим счастьем, что, принимая участие в некоторых заседаниях Мемориала, мог находиться рядом с такими людьми, как Алесь Адамович, Георгий Бакланов, один раз даже видел А.Д. Сахарова. Может, это несколько нескромно, но вспомню свое выступление на Общем собрании Академии наук СССР, когда обсуждалось исключение Сахарова. Президиум Академии наук забаллотировал кандидатуру Сахарова, это вызвало волнение среди общественности, и было созвано Общее собрание. Случилось так, что помимо членов Академии (а я членом ее никогда не был, и потому в собраниях ни до, ни после участия не принимал), были выдвинуты кандидатуры от институтов. И мне очень повезло. Президент Марчук, когда к нему поступила записка от человека, имя которого ничего не говорило, решил предоставить мне слово. И я взошел на трибуну: буквально рядом сидел Андрей Дмитриевич. И я совершенно экспромтом, не готовясь, произнес пламенную речь – возможно, одно из лучших выступлений в моей жизни. Во всяком случае, она была встречена громом аплодисментов, и многие потом подходили ко мне и благодарили.

Когда я начал заниматься науковедением и стал исследовать науку как систему, я захотел понять, что же произошло с нашим научным сообществом. Поэтому, когда я предложил этот термин «репрессированная наука», то предполагалось изначально, что в нем будет рассказано о судьбах ученых, претерпевших несчастья в те жестокие репрессивные времена. Но я понимал «репрессированную науку» несколько иначе, о чем сказано в интервью, которое брали у меня после первого симпозиума в Петербурге (по материалам которого вышел первый том «Репрессированной науки»). Выступая на этом симпозиуме, я сказал, что под «репрессированной наукой» я понимаю общую деформацию научного сообщества под влиянием тоталитаризма, когда наука была разрушена, идеологизирована, жертвами чего оказались многие ученые. Хотелось бы, чтобы «репрессированная наука» интерпретировалась именно в этом смысле, как то, что произошло с сообществом, а не только с персоналиями. Речь идет о политике, которая применялась к изданию научных трудов, расстановке кадров, и т.д. Надеюсь, нам удалось представить и максимально выпукло изобразить то, что произошло в нашей науке за эти десятилетия. Психология наша была в определенном смысле репрессирована, начиная с Реактологической дискуссии 1931 года. Это была целая система, глубоко продуманная Сталиным, который был дальновиден в своих злодейских замыслах, определенная политика укрепления имперскости, формирования нового менталитета. Отрабатывалось это первоначально на более тесно связанных с идеологией вещах: первым, на мой взгляд, были постановления «О меньшевистствующем идеализме», «О механицизме», потом это перешло на психологию и даже естественные науки. Психологи быстро стали искать, кто больше идеалист, кто механицист. Психология, конечно, пострадала, в том числе «культурничество» – так называли школу Выготского, Лурии, – пострадал замечательный зоопсихолог Боровский...

Мой любимый герой – это Иван Михайлович Сеченов. Сеченов в какой-то степени был жертвой репрессированной науки, одиозной с точки зрения власти фигурой. Его «Рефлексы головного мозга» запрещались, хотя их все знали и конспектировали, включая Станиславского. Иван Михайлович ушел очень далеко вперед в понимании поведения – его идея обратных связей намного опередила эпоху и осталась никем не замеченной. Сеченов был и отец отечественной физиологии, и психологии, и науки о поведении. Я твердо стою на том, что каждая из этих дисциплин имеет свой категориальный строй. И категории науки о поведении одним из первых сформулировал Сеченов.

К Выготскому я обратился очень поздно и скорее смотрел на него глазами Леонтьева, Лурии, тех, кто считал себя частью его «культурно-исторической школы». Мне очень повезло, и я оказался одним из издателей шеститомника Выготского. Нельзя не отметить огромную заслугу А.Р. Лурии в том, что шеститомник вышел. Он регулярно будил меня звонком около 8 часов утра, с вопросом, как развивается работа. Началось с того, что первый том Выготского мне прислали на рецензию из издательства «Педагогика», и я написал разгромную рецензию. И тогда довольно замкнутый круг лиц, кто считал себя единоличными знатоками Выготского, пригласили меня к этой работе. Я был фактическим редактором первого тома, хотя на титуле стоит фамилия Лурии – это дань его роли в издании. До этого с Г.С. Гургенидзе, с которым мы очень дружили, мы написали одну статью о Выготском. Я прочел неопубликованный текст Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» – о том, что психология распадается, что спасет ее практика, замысел общей психологии как науки... В то время я уже написал книгу «Психология в XX столетии», и мне показалось, что то, что Выготский называет «общей психологией», это совокупность ее категорий. Но у него никакого ответа я не нашел и стал смотреть его другие работы, потом вернулся к раннему Выготскому и нашел у него своеобразную науку о поведении. В результате я пришел к убеждению, что никакого деятельностного подхода у Выготского не было, у него было культурное развитие ребенка. Еще одно обстоятельство: он ни одной своей методики не изобрел, хотя проверял другие методики. У него было исследование, чрезвычайно тонкое и интересное, того, как соотносится мышление и эмоциональная сфера, включавшая анализ Декарта и Спинозы. Но это исследование он не закончил, как не закончил почти ничего. Почему? Ему жизни не хватило или те линии, которые он наметил и которые продолжила его школа, окончились тупиком? У Выготского я выделил две исследовательские программы: первая – знаковое опосредование, роль знака в действии, и вторая программа – по развитию мышления.

Костяк научного предмета психологии образуют такие категории, которых нет в других науках. Извлечь этот каркас позволяет вековой научный опыт психологии, ее развитие на протяжении эпох. Психология развивалась за счет *взаимодействия категорий*.

Когда я заинтересовался *науковедением*, то искал аспект, которым буду заниматься (науковедение мне не принадлежит). Науковедение междисциплинарно, является комплексом дисциплин, комбинацией подходов, включая логику науки, социологию, психологию. Когда я задумался над

моделью науковедения, какой она стала у нас, то понял, что должна быть какая-то другая логика, не та, которая считается традиционной [для развития научной дисциплины]. Я пришел к убеждению, что это логика разработки самого предмета, это не теория среднего уровня, а что-то другое. Если говорить о социологии и психологии, то это науки исторические, условия меняются, происходит смена течений и парадигм. И логика, хотя и должна, как логика, оставаться инвариантной, как логика *науки* – развивается. Науку творит ученый, со своей определенной психологией. А психология Гельвеция или психология Сеченова различна, это люди, жившие в разные эпохи, разные люди. В науке многое [подчиняется законам и] не зависит от личности ученого. А вот что зависит от ученого, в чем проявляется его личность? Я попытался найти психологические закономерности развития науки и ввел некоторые интегрально-психологические понятия – такие, как *оппонентный круг*. Уберите из «оппонентного круга» содержание знания – ничего не останется; уберите из него людей, которые участвуют в этом оппонентном круге – ничего не останется. Некоторые другие понятия: *идеогенеза*, на которое напал, когда изучал творчество Сеченова, каждый ученый проходит определенные этапы развития. Эйнштейн сказал, что потому смог создать теорию относительности, что до мельчайших деталей знал классическую физику. Для того, чтобы выйти на следующий уровень, надо пройти и освоить какие-то определенные круги. У Сеченова очень интересно это получилось. Он лично прошел путь, которые прошли другие исследователи психики. Так же Павлов – чтобы понять, что прошлые теории никуда не ведут, он должен был сам этот путь пройти, пройти через то, чего достигала до него наука в целом. Итак, что такое идеогенез, это логическое понятие? Да, так как его можно вписать в логику науки в целом. Социальное? Да, в каком-то смысле тоже. Наконец, я ввел понятие *надсознательное*, с которым долго уже вожусь.

Итак, я стал заниматься одной частью науковедения – *исторической психологией науки*. Но эта историческая психология науки – она никак не может быть чистой психологией, поскольку мы мыслим здесь системой.

Теперь о том, что я назвал «наукой о поведении». Мне кажется, я показал, что именно в России и почему возникла потребность в особой области знания, которая не может быть ни физиологией, ни психологией, которая должна быть чем-то третьим, и по отношению к которой и психология, и физиология выступают как ее проекция. Психология и физиология складывались веками и вырабатывали каждая свои категории, но эти понятия можно рассматривать как проекции глубинного слоя [новой науки]. Это, например, понятие торможения. Сеченов открыл центр торможения, раздражая мозг лягушки, что дало начало огромным спорам о торможении, центрах его и пр., спорам, важным для физиологии. Но само понятие *торможения*, как и понятие *сигнала* или понятие *саморегуляции* – не физиологическое, оно стоит «за», или «над» всем этим, оно – «надсознательное». Наука о поведении продолжается и у И.П. Павлова, и у Л.С. Выготского, и у Н.А. Бернштейна, именно потому путь этот можно назвать «русским».

Историк науки изучает труд ее людей. Его задача – средствами науки с ее критериями общезначимости и проверяемости знания воссоздать кар-

тины былой жизни в лаборатории мысли. Мы жадно ловим сведения о тайнах рождения нового слова в поэзии или открытия в науке. Откуда это чудо? Какие силы человеческого духа творят то, чего прежде не было?

Совсем иной представляется работа историка. Ведь он имеет дело с уже совершившимся, с остывшими текстами, с чужими созданиями. В поэзии или физике автор открытия и рассказчик о нем – одно лицо. Отсюда и двойной интерес: к тому, что сделано, и к тому, как и кем сделано. Историк же не «делает» событие, а информирует о нем. Поэтому именно оно поглощает внимание читателя, а не оставшаяся «за кадром» работа по историческому дознанию. О том, что и это дознание – творчество со всеми его перипетиями: кропотливым перебором фактов и внезапным озарением, заблуждениями и счастливой находкой, говорят рассказы о своей работе историков гуманитарных наук (академиком И.Ю. Крачковского, Н.М. Дружинина). У историков естествознания таких книг пока нет.

Тысячи публикаций посвящены методологии историко-научного познания. Они написаны преимущественно философами. О «технологической», рабочей, черновой стороне этого познания почти ничего неизвестно, хотя всем понятно, что, сколь значительной бы ни была ее зависимость от методологических предписаний, они так же мало исчерпывают ее своеобразие, как философия науки – деятельность химика.

Важным источником сведений об этом своеобразии служит реконструкция историком движений собственной мысли, рефлексия о своем труде. Такой самоотчет небесполезен для тех, кто интересуется и овладевает непростым умением вчитываться в прошлое науки, в ее великую и загадочную летопись.

У каждого историка науки есть излюбленные сюжеты и персонажи. Для автора этих строк главный герой – И.М. Сеченов, а один из захватывающих сюжетов – проблема центрального торможения, открытого Сеченовым в тесной, неудобной парижской лаборатории Клода Бернара в ноябре 1862 г. У лягушки срезался передний мозг и область таламуса раздражалась кристалликом поваренной соли. И тогда ее лапка переставала реагировать на раствор кислоты. Рефлекс угнетался, вновь появляясь, когда Сеченов прекращал раздражать открытые им тормозные центры (названные впоследствии его именем). Этот простенький с виду опыт имел воистину неисчислимые последствия для развития мировой физиологии и психологии. Опираясь на него, Сеченов преобразовал нейрофизиологию (которая в те времена ничего не знала о динамике возбуждения и торможения в нервных центрах) и заложил первые камни в фундамент объективной психологии (торможение объясняло механизм волевого и умственного действия). Опираясь на него, Сеченов создал знаменитые «Рефлексы головного мозга», сделавшие его в России властителем дум молодого поколения и на десятилетия крамольным лицом для власть предержащих.

О Сеченове написано множество статей, диссертаций, монографий. Но его творчество, как и творчество любой великой фигуры, по-прежнему служит источником новой информации, значимой для историка. Все зависит от вопросов, с которыми мы обращаемся к прошлому. Меняются вопросы, взгляды, и в «облученном» ими старинном тексте начинают светиться грани, о которых прежде никто не подозревал. Общепризнано, что важнейшей задачей историка науки является раскрытие закономерностей

ее развития, что главный интерес для него представляют драматические коллизии рождения и гибели идей. Но за «драмой идей» всегда скрыта «драма людей» – конкретных персонажей, из связей которых соткана живая плоть исторического процесса.

Одной из основных тенденций современных исследований науки является стремление к сближению логического анализа науки с социально-психологическим. Это отражает запросы времени, когда на любую рефлекссию о науке (в том числе историческую) возлагают надежды, связанные с поиском средств интенсификации духовного производства, субъектами которого служат конкретные индивиды и их группы, влияющие друг на друга и изменяющие тем самым свое исследовательское поведение.

Нужно ли напоминать, насколько важен для историка вопрос об этих влияниях, без которых бы «распалась связь времен»? Одна из форм связи, которая представляет особый интерес при изучении столь актуальной ныне проблемы «Личность и коллектив в науке», – это консолидация учителя (руководителя) и учеников в группу, приобретающую свойства органичной системы. История говорит о «взрывах творчества» в глубинах такого рода небольших, но сплоченных групп. Их можно было бы назвать школами –исследовательскими коллективами. Что же является их системообразующим началом? Поиск ответа на этот вопрос привел к понятию об исследовательской программе как факторе организации научной деятельности. Программа может быть индивидуальной, управляющей движением мыслей одного исследователя. Становясь программой коллектива, она сплачивает его, превращая в творческую целостность – особый субъект научного познания.

К существенно осложняющим работу историка моментам относится еще одно обстоятельство. Он не может прямо погрузиться в пласты прошлого, минуя отделяющие его от этих пластов представления об исходном событии, накопившиеся в научном сообществе. Эти представления образуют не прошедшие критической проверки предания, сквозь толщу которых приходится пробиваться к исторической реальности. К числу преданий и относится мнение о безоблачности отношений между Сеченовым и Введенским как дружно шествующих друг за другом корифеях. За этим в свою очередь скрыта концепция, известная под именем кумулятивистской, – предполагается, что здание науки вырастает по типу кладки одного кирпича на другой, а не в противоборстве умов, не в пламени противоречий и конфликтов.

На примере одного из эпизодов в развитии нашей физиологии того периода, когда она утвердилась на переднем крае мировой науки, мы могли убедиться, что работа историка по реконструкции этого развития не ограничивается «наложением» одного текста на другой с тем, чтобы, сравнив их, зафиксировать общее и различное в творчестве двух лидеров сменивших друг друга поколений исследователей, отнеся общее за счет преемственности в движении идей, а различное – к сфере приращения знаний.

Работа историка как в отношении текстов, так и «затекстовых» событий предполагает многое иное. Она требует выявить взаимосвязь *предметно-логических оснований* научного труда с его *социально-психологическими* (отношения типа кооперации, конфликта, ролевого поведения, диалога и рефлексивной оценки участниками коммуникативного процесса по-

зиций друг друга) и *индивидуально-психологическими* основаниями (уникальность творческой личности, ее способности воспринять «зов будущего науки» и убедить других в неиллюзорности услышанного). Этот принцип «трехаспектности» изучения науки как формы деятельности позволяет дать «объемную» картину роста знания.

Важные находки ждут историка, когда ему удастся проникнуть сквозь публикационные пласты науки в недра скрытого за ними прямого общения ее людей. О происходящем за этими пластами говорят, в частности, материалы международных конгрессов. Они позволяют сравнить доминирующие темы и фигуры на уровне публикационной активности с темами, которые представлены учеными на суд сообщества по мотивам значимости с надеждой на непосредственную оценочную реакцию со стороны членов этого сообщества, на диалог с ними. Сопоставление основного массива печатной продукции по психологии с программой ее первых конгрессов сразу же фиксирует резкое различие этих двух планов.

«Господин Факт» (как почтительно говорил И.П. Павлов) в качестве вестника природы вещей служит высшим авторитетом для ее испытателей. Поэтому со знакомства с современной эмпирически контролируемой информацией, касающейся, например, торможения как процесса в нервной ткани, начинается работа историка физиологии. За ней следует изучение «стратиграфии» знания – вскрытие пластов научных представлений о феномене (в нашем случае о функции нервных центров), в которых запечатлелось движение мысли. Это движение оживает благодаря усилиям историка, позволяющим узнать, в каких образах являлась «равнодушная природа» людям науки в чреде поколений. Стремясь же выяснить, какими глазами эти люди воспринимали земные и небесные объекты, он неотвратимо сталкивается с другой задачей – проследить и запечатлеть, какими глазами они воспринимали друг друга, какие отношения – от эпохи к эпохе – между ними завязывались, ибо эти отношения – такой же неотъемлемый фактор движения науки, как и сила разума и опыта.

Текст подготовлен путем контаминации по: 1. Интервью с М.Г. Ярошевским, проведенному И.Е. Сироткиной 30 апреля 1995 г.; 2. Ярошевский М.Г. В поисках исторической истины // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 1. С. 71–82.

1966 год

ЛЮБИНА
Галина Ивановна

Я попала в ИИЕТ, на первый взгляд, совершенно случайно. Но когда я оборачиваюсь назад, мне кажется, что какая-то счастливая звезда вела меня в этот Институт.

После окончания в 1959 г. истфака МГУ я получила распределение в Институт всеобщей истории Академии наук. На собеседовании замдиректора Института задал мне каверзный вопрос: «А что вы будете делать, если мы вам откажем?» Я простодушно ответила: «Буду искать работу в другом месте». Так оно и случилось – мне отказали под предлогом, что нужны специалисты по Новейшей истории, тогда как в университете я занималась Новой историей. После некоторых скитаний я устроилась на временную работу в Историко-дипломатическое управление МИДа, так стыдливо назывался архив министерства. Кончался фи-

нансовый год, и министерству нужно было срочно пристроить неистраченные деньги. Я оказалась в компании бойких, веселых девиц, выпускниц ИНЯЗа. Почти все они снимались в массовках на Мосфильме, кажется, в фильме «Аэлита», и появлялись на Серпуховке, где находилось ИДУ, со страшными синяками. По ходу действия они исполняли танец «марсианских дев» и, согласно мизансцене, должны были с размаху падать на колени. Смеха и веселья по этому и другим поводам было много, сочинили даже шуточный гимн, исполнявшийся на мотив «Гаудеамуса» с припевом: «Спи спокойно, Бибилов, твой архив в порядке» (Бибилов, насколько я помню, был каким-то крупным чиновником российского МИДа давних времен). Мы описывали архивы российских консульств конца XVIII – начала XIX в. По большей части это были скучные дела, касавшиеся имущественных интересов российских подданных за рубежом. Иногда среди них попадались довольно забавные истории, и мы их читали вслух. Наш начальник появлялся у нас только когда принимал работу, и мы иногда злоупотребляли этим обстоятельством. В ИДУ я приобрела некоторый опыт работы с архивными документами. Главное, меня перестало бросать в дрожь при виде груды пухлых дел, да еще на французском языке. Я поняла, что при должном подходе все эти препятствия преодолимы.

Затем я работала в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (нынче ИНИОН) еще в старом здании на ул. Фрунзе (теперь Знаменке), наискосок от Пашкова дома. В ту пору это был настоящий заповедник культуры. Здесь работало еще много людей дооктябрьской выучки и воспитания, моя подружка шуточно называла их «обломками Империи». Это была публика исключительно чуткая ко всему новому и талантливому в литературе и искусстве. А талантов тогда было много. Тогда начинали Булат Окуджава, Новелла Матвеева, Юна Мориц, Илья Глазунов и еще многие, их я слышала на вечерах в ФБОНе. Из рук в руки передавались зарубежные издания «Доктора Живаго», томики стихов О. Мандельштама с великолепными комментариями, ранние рассказы Солженицына, самиздатовская литература. Горячо обсуждались концерты квартета Рудольфа Баршая, камерного ансамбля «Мадригал», недавно созданного Андреем Волконским – камерная музыка только-только стала допускаться в концертные залы. Многие из тогдашних сотрудников библиотеки, как я вскоре поняла, попали туда из нежелания или неумения плясать под общую дудку, для некоторых библиотека стала местом ссылки. Там они обретали некоторую независимость и свободу самовыражения. Многие были настоящими энтузиастами и тонкими знатоками библиотечного дела. Общение с этими людьми оставило неизгладимый след в моей жизни, за это я бесконечно благодарна ФБОНу.

В библиотеке я прошла путь от библиотекаря до старшего библиографа и даже младшего научного сотрудника. В последние годы в ФБОН я работала в секторе «Науковедения». Мы составляли «Бюллетени» новых поступлений отечественной и зарубежной литературы по нашей тематике. Работа велась вручную, на нынешний взгляд, совершенно допотопным способом. Поскольку мы были связаны с ежедневными поступлениями и необходимостью ежемесячно выпускать бюллетени, эта работа всегда держала нас в напряжении, всегда висела угроза не управиться в заданный срок. Лично за мной часто тянулся «хвост» нерасставленных каталожных

карточек, иногда они мне даже снились. Что касается «производственной дисциплины», порядки в ту пору были строгие: задержался на 10–15 минут – пиши объяснительную записку и изволь отработать.

И вот в одну из таких отработок, когда сотрудники сектора разошлись, а моя начальница, которая почти ежедневно задерживалась на работе по причине вечно подпирающих сроков, куда-то ушла, я осталась одна в комнате. Дверь скрипнула, и в комнату вошел, как мне показалось на первый взгляд, солидного вида мужчина. Про себя я была даже немного раздосадована: «Как же, рабочий день закончился, а тут ходят некоторые!» Это был Юлиан Михайлович Шейнин. Ему нужно было найти какую-то книгу по интересующей его теме. Я показала ему наши картотеки, помогла найти искомое. Он расспросил меня, чем я занимаюсь, что окончила, что знаю, что умею. Тогда же он предложил мне сделать реферат французской статьи, он выпускал сборник по экономике науки. Я с радостью согласилась. Этот сборник вышел, и я получила первый свой гонорар. Шейнин рассказал мне о намерении создать в Институте мировой экономики и международных отношений сектор организации науки и спросил меня, не хотела бы я там поработать. Я, разумеется, с радостью согласилась. Мне было интересно испробовать себя в новом деле. Юлиан Михайлович взял мои координаты... и пропал почти на год. Я уже стала забывать о нашей встрече. По правде, я не очень-то рассчитывала на успех. По прошлому опыту я знала, что в академические институты «с улицы» не берут, а за мной еще тянулось малопочтенное, как многим казалось, библиотечное прошлое.

Вдруг, где-то весной 1966 г. Шейнин объявился и срочно вызвал меня на ковер вместе с Милой Шумиловой, тогдашней аспиранткой ИМЭМО, нашей будущей сотрудницей. Он представил нас администрации ИМЭМО, вот куда бы меня точно не приняли, именно из-за моей прошлой библиотечной карьеры. Но все сложилось к лучшему для меня. У Шейнина что-то не заладилось в ИМЭМО, но уже очень скоро он договорился с С.Р. Микулинским о создании сектора организации науки в ИИЕТ. Семен Романович вынашивал тогда мысль о создании в Институте большого отдела науковедения, который и был в скором времени организован. Помню, как я и Мила Шумилова вместе с Микулинским прогуливались по Старосадскому переулку, обсуждая вопросы нашего будущего сотрудничества. Моя кандидатура не вызвала возражений у Семена Романовича. Это казалось мне баснословной удачей. При прежних моих попытках устройства на работу от меня требовали знания испанского, греческого, скандинавских языков, патентного дела и еще Бог знает чего. А тут удовлетволялись моими скромными данными и поверили в меня! Это меня окрылило. Потом я была представлена Бонифатию Михайловичу Кедрову. Бонифатий Михайлович поинтересовался моим прошлым и задал мне такой вопрос: «Вы гражданский историк, гуманитарий, не боязно ли вам поступать в наш Институт? Ведь придется поработать над своим естественнонаучным образованием». Я храбро ответила «нет», в ту пору все препятствия казались преодолимыми. Бонифатий Михайлович размышлял, какую бы ставку мне определить. Решил, что для начала хватит 105 р., чтобы в будущем был стимул для роста. Так я стала сотрудницей Института. Первое время я по старой привычке ежедневно ходила в Ин-

ститут, конспектировала литературу в актовом зале, и лишь позднее вошла во вкус «академической свободы».

Мое появление в Институте совпало с переездом из Старосадского переулка в Старопанский, с одной стороны Лубянской площади мы переселились на другую, еще ближе к Кремлю. Это было радостное событие. Институт получил удобное, сравнительно просторное помещение. О выгодах местоположения я не говорю, мы пользовались ими все сорок лет обитания Института на этом месте. Помню, как мы упаковывали книги библиотеки, заворачивали их в крафтовую бумагу, перевязывали бечевкой. Затем цепочка сотрудников выстраивалась на лестнице, и книги передавались из рук в руки. На Старосадском переулке их спускали вниз, на Старопанском – поднимали наверх. Работа шла дружно, обустроились на новом месте быстро, очень скоро открылась библиотека, имевшая вначале даже комнату для читателей.

Наша группа «Проблемы организации науки» состояла сначала из трех человек. У Юлиана Михайловича очень быстро отрастала борода – темная щетинка на подбородке и щеках; с легкой руки, кажется, А.Н. Шамина, нас прозвали «Синяя Борода и девочки». Но в таком составе мы существовали недолго. Скоро к нам присоединились Евгений Алексеевич Беляев, Майя Семеновна Бастракова, Нина Сергеевна Пышкова, Саша Пилипенко, Сергей Георгиевич Кара-Мурза, немного позднее пришли Павел Александрович Недотко и Георгий Георгиевич Дюмонтон и уже много позже Галина Евгеньевна Павлова. У нас не было «старших товарищей». Сектор формировался на новом месте, мы были сравнительно молоды, каждый имел уже какой-то жизненный опыт, но науковедением никто из нас до того всерьез не занимался. Всех нас объединил Ю.М. Шейнин.

Юлиан Михайлович был удивительно светлый, тонкий человек, талантливый, энциклопедически образованный. Уже после смерти Ю.М. Шейнина его жена, Галина Николаевна, показывала нам целые тетради его юношеских сонетов. Он был ненамного старше меня, всего на каких-нибудь 5 лет, а казался уже умудренным жизнью человеком по обширности знаний и манере поведения, несколько отстраненной от повседневной суеты и мелочных обид. Я никогда не видела его раздраженным, на кого-то обиженным, даже в худшую пору его жизни. Его невозможно было представить интригующим против кого-то или заискивающим перед кем-то. Он смотрел на мир не благодушно, но благосклонно, с легкой иронией. Он находил удовольствие в игре чистого разума. Мне признавались некоторые знакомые, что именно его книжка «Интегральный интеллект» обратила их к проблемам организации науки. Но эта же отстраненность от мира, внутренняя свобода и независимость раздражала некоторых людей, казалась им высокомерной. На самом деле Юлиан Михайлович никогда не демонстрировал своего превосходства, оно проявлялось само собой в его ироничной беседе, в образной и исключительно правильной русской речи, в доброжелательном и открытом отношении к людям. Этот тон доброжелательности к коллегам Ю.М. Шейнин задал нашему сектору. У нас с самого начала сложились дружеские, добрые отношения. В руководстве сектором Ю.М. Шейнин опирался на принцип, что «наука – самоорганизующаяся система». Никакого давления, никакого стояния над душой с его стороны мы не испытывали. Он никогда не преследовал личной коры-

сти в общении с людьми. Ни о какой эксплуатации с его стороны не могло быть и речи – его ум парил в таких высоких эмпиреях, что нам до него было не дотянуться. На нас, правда, часто сыпались задания от всяких директивных органов, здесь уж нам приходилось потрудиться. Но и тут большую часть бремени Ю.М. Шейнин брал на себя.

На первых порах нам приходилось много заниматься самообразованием. На секторских занятиях мы разбирали книги Винера, Прайса, Куна, Поппера. В этом деле нам очень помог общепитетутский методологический семинар, о котором уже много говорили. На нем выступали корифеи нашей науки, старейшие сотрудники Института: А.П. Юшкевич, Я.Г. Дорфман, Н.А. Фигуровский, Л.Я. Бляхер, Б.Г. Кузнецов, С.В. Шухардин, В.И. Кузнецов и, конечно, сам Б.М. Кедров. Очень сильным был недавно созданный отдел науковедения. Здесь блистали философы И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский. Психологию науки представлял М.Г. Ярошевский. Для меня особенно поучительными показались занятия с нами, начинающими исследователями, старожилов Института. Они показывали нам приемы своей работы: рабочие записи, библиографические картотеки, планы исследований, оформление рукописей для публикации и проч. Меня, в прошлом библиотечного работника, соблазнил способ конспектирования на карточках, дающий возможность систематизировать материал, а затем быстро отыскивать его. Теперь все это кажется далеким прошлым, молодежь предпочитает копировать все подряд. В плане образования полезным оказалось участие в «Трудах молодых сотрудников ИИЕТ». Редактором одного из сборников был В.Н. Сокольский, он очень дотошно читал наши опусы, приходилось не раз переделывать тезисы доклада.

Мы начинали свой путь в Институте с большим энтузиазмом, будущее казалось лучезарным. Нас объединила первая большая общая работа, монография «Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах». Как всегда, Юлиан Михайлович не стеснял свободы нашего творчества, все главы оказались разными в зависимости от полноты материала и авторских пристрастий. Но в целом книжка удалась, она содержала достаточную для своего времени информацию. Дальше каждый из нас занялся своей индивидуальной темой. У нас появились аспиранты: серьезный и вдумчивый Слава Давидюк из Ленинграда, сейчас он доктор, профессор, преподает экономику и менеджмент в Петербурге. Зина Мульченко, немного экстравагантная аспирантка и соавтор В.В. Налимова, появилась у нас, а затем куда-то исчезла с нашего горизонта. Шейнинский период истории сектора завершился почти одновременным появлением 7 индивидуальных монографий. Дальше уже начиналась другая история.

Оборачиваясь на прошлое, я понимаю, что мне крупно повезло. Я еще застала золотую пору истории Института, условия для работы в моем случае всегда были идеальными. Я благодарна судьбе, что попала сюда, в наш Институт.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 57–63.

1967 год

БЛАУБЕРГ
Игорь Викторович

Десять лет назад на мероприятии, проводившемся тогда в Институте истории естествознания и техники, я делал доклад об особенностях методологической деятельности Эрика Григорьевича Юдина. Это был 1980 г., и в то время нельзя было сказать о многом, о чем можно сказать сегодня. Прежде всего, я хочу прочесть документ, полученный матерью Эрика Григорьевича из Верховного Суда СССР.

Справка

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 18 июля 1989 года приговор Томского областного суда от 22 марта 1957 года и все последующие судебные решения в отношении Юдина Эрика Григорьевича, 1930 года рождения, отменены, и дело

производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Юдин Э.Г. по настоящему делу реабилитирован.

По материалам данного дела Юдин Э.Г. до ареста 30 декабря 1956 года работал старшим преподавателем философии Томского государственного педагогического института.

Секретарь Пленума,
член Верховного Суда СССР
Р.К. Бризе

Надо сказать, что это обстоятельство – то, что Эрик Григорьевич Юдин в свое время стал жертвой политических репрессий, было известно многим окружающим его, во всяком случае – всем его близким друзьям. Очень интересно, что оно не оказало непосредственного негативного воздействия на его жизнь, на его деятельность, но, конечно, мешало ему, главным образом, в научной карьере (он, например, ни разу не был за рубежом). Если же говорить о каких-то конкретных фактах, то я вспоминаю лишь один. При представлении его на звание старшего научного сотрудника по специальности «История науки и техники», бдительный помощник вице-президента Академии наук Петра Николаевича Федосеева счел необходимым сообщить об этом факте, и кандидатура Эрика Григорьевича была снята с обсуждения.

С другой стороны, нельзя было, конечно, предполагать, что это обстоятельство не оказало какого-то влияния на все, что было связано с развитием научной деятельности Эрика Григорьевича и нашего, тогда еще небольшого, коллектива.

И вот я хочу повести речь о двух эпизодах из истории развития системных исследований в нашей стране, связанных с деятельностью нашей группы и Эрика Григорьевича.

При этом я хотел бы оговориться: я буду, может быть, говорить чаще о себе, чем о других, и это понятно – мне это известнее. Но все, что мы делали, все предпринятые нами шаги, конечно, согласовывались внутри нас, тогда уже группы, получившей название БСЮ, с легкой руки одесских шутников, «Блауберг – Садовский – Юдин», – и, конечно, вся дальнейшая деятельность, не только тактическая, но и научно-стратегическая, проходила под непосредственным руководством Эрика Григорьевича Юдина, прошедшего большую жизненную школу, которую нам, к счастью, не пришлось пройти.

Итак, речь будет идти о проблеме отношений системного подхода и философии и о двух эпизодах из истории этих отношений.

Однако начало истории не имело никакого отношения к проблеме системных исследований. Примерно в конце 1964 г. или начале 1965 г. на редколлегии «Вопросов философии» обсуждалась рецензия Александра Петровича Шептулина на собрание сочинений Тодора Павлова в нескольких томах. Сочинения эти недавно появились, рецензия составляла примерно полтора печатных листа и представляла собой набор достаточно известных вещей, что, видимо, было связано и с текстом самого собрания сочинений. Я, будучи тогда молодым ответственным секретарем и членом редколлегии «Вопросов философии», выступил против такого объема ре-

цензии и настаивал на том, что рецензия должна быть не больше чем на пол-листа, при этом обязательное условие – выделение тех новых моментов, которые содержатся в данном собрании трудов. Редколлегия приняла это решение, по-моему, примерно в таком объеме и вышла рецензия, и на этом вроде бы все и закончилось.

В 1965 г., в июле, по дороге в Международный дом журналистов в Варне я встретился в Софии с двумя болгарскими коллегами – Крystю Горановым и Азарей Поликаровым, и они в разговоре в Софийском доме журналистов сообщили мне, что в Институте философии Болгарской академии наук, директором которого, естественно, был Тодор Павлов, он выяснял у своего окружения, кто такой советский философ Блауберг, который высказал такое непочтительное мнение о его работах и рецензии на них. Они дали понять, что это проблема не только информационно лично-го порядка.

После, уже в Москве, я слышал, что эта проблема обсуждалась и в других кругах – среди наших сотрудников в Болгарии, связанных, скорее, с некоторой политической, чем научной деятельностью, где пытались выяснить характеристики на меня. По счастью, человек, который эти характеристики давал, оказался моим давнишним знакомым по работе в комсомоле, и все, вроде бы, было благополучно и на этом закончилось. Это был 1965 г. И поэтому, действительно, громом среди ясного неба была для меня публикация в журнале «Коммунист», № 15, октябрь 1969 г., письма в редакцию Тодора Павлова под названием «Марксистско-ленинская философия и системно-структурный анализ».

Что говорилось в этой публикации? Цитирую: «Одной из важных задач, стоящих перед марксистско-ленинской философией, является исследование природы и сущности тех многообразных методических средств и приемов, которыми постоянно обогащается современная наука, в частности системно-структурного анализа. Вместе с тем нельзя не видеть, что при решении этого вопроса подчас допускаются серьезные ошибки философского характера, о чем свидетельствуют, например, некоторые выступления на Всесоюзной конференции, посвященной методологическим вопросам системно-структурного исследования, организованной философским факультетом МГУ (см. «Вестник Московского университета», философия, 1969, № 3). Так, И.В. Блауберг в своем выступлении утверждал, что возникновение системно-структурных представлений есть якобы переход к новому научному мировоззрению, требующему нового подхода к традиционным проблемам. Следует со всей решительностью и определенностью заявить, что такая позиция глубоко чужда принципам диалектического и исторического материализма, основана на неправомерной абсолютизации роли системно-структурного анализа в познании. Марксизм-ленинизм не отрицает, что макротела и микротела, Вселенная и нейтрино, вещество и антивещество, пространство и время, общество и человек, организм и сознание и т.д. имеют свою структуру, и требует исследования структур и структурных закономерностей. Это, безусловно, верно. Но столь же верно и то, что изучение структур и структурных закономерностей составляет задачу частных, специальных наук. Философская же наука занимается отношением бытия и сознания, общественного бытия и общественного сознания. Установление того факта, что бесструктурного бы-

тия и бесструктурного сознания не существует, не может, естественно, повлечь за собой пересмотр коренных мировоззренческих выводов, сделанных диалектическим и историческим материализмом на основе философского обобщения всей истории познания и социальной практики. Несомненно, что философские исследования можно и нужно конкретизировать при помощи частно-научных, специально-научных исследований, но это не означает, что марксистско-ленинское научное мировоззрение можно и нужно заменить каким-то «новым» мировоззрением на основе «системно-структурного подхода» к традиционным проблемам. Системно-структурный подход, понятно, необходим в частно-научных исследованиях, в языковедении, геологии, социологии, математике, кибернетике, бионике, физике и т. д., но он не может упразднить или подменить собой необходимость философских исследований бытия и сознания в свете основного или главного вопроса философии, а в связи с этим и научного ленинского определения философского понятия материи».

Я сейчас не хочу заниматься анализом содержательной стороны высказывания Тодора Павлова. Это его известная концепция об отношениях философии и частных наук, устаревшая, видимо, уже и в то время. Меня интересует другая сторона дела: как этот материал появился в «Коммунисте»?

Насколько можно восстановить события, материал был получен непосредственно в секретариате М. А. Суслова, оттуда быстро был направлен в «Коммунист», там готовился тоже почти мгновенно, при этом подготовкой занимался Андрей Филиппович Полторацкий, у которого в то время, видимо, чувство партийности и классовости сильно превалировало над общечеловеческими и религиозными соображениями. Он даже не сообщил нам об этом событии, хотя был с нами достаточно близко связан, и вот мы «попали», стали перед фактом. Нужно еще добавить, что буквально на следующий день после того, как был опубликован этот материал, мы должны были своей «командой» лететь на очередной системный семинар в Одессу.

И здесь возникла проблема: как тут быть, как реагировать, что делать? Надо сказать, что большую роль сыграли два человека. Во-первых, Семён Романович Микулинский, который в те времена нас достаточно основательно поддерживал, он был членом редколлегии ежегодника «Системные исследования» с 1969 г. по 1972 г., а в то время был и заместителем директора Института истории естествознания и техники, естественно, человеком, заинтересованным в том, чтобы на институт не пало какое-то темное пятно. Мы с ним срочно поехали к Всеволоду Петровичу Кузьмину, который в то время работал в секторе философии ЦК КПСС. Его предложение было определенным и категоричным: нужно немедленно писать письмо на имя заведующего отделом науки ЦК КПСС. Немедленно!

И вот, собирая одной рукой чемодан для поездки в Одессу, я писал это письмо. В нем говорилось: «Целиком разделяя критическую направленность выступления академика Тодора Павлова против попыток заменить марксистско-ленинское мировоззрение системно-структурным подходом, я должен со всей определенностью заявить, что не могу считать себя в какой бы то ни было мере причастным к этим попыткам. Безусловно, попытки отождествить системный подход с философским мировоззрением или, более того, противопоставить системные исследования и диалектиче-

ский материализм способны принести лишь вред как нашему мировоззрению, так и развитию системных исследований. Именно эта мысль была одним из основных тезисов моего выступления на указанной конференции. А тот факт, что это выступление получило в обзоре столь неверное освещение, я могу объяснить лишь тем, что при подготовке обзора были нарушены элементарные правила публикации материалов подобного рода. Выступления на конференции не стенографировались и не представлялись в письменном виде, были предварительно опубликованы лишь тезисы докладов. Очевидно, авторы обзора не должны были полагаться на собственное восприятие и понимание содержания выступлений, а обязаны были завизировать у выступавших содержание их выступлений, тем более, что им приписывались столь ответственные высказывания. Но это не было сделано. Во всяком случае, о существовании этого обзора я впервые узнал из письма академика Тодора Павлова в журнале «Коммунист». Следует добавить, что обзор этой же конференции за подписью тех же авторов был опубликован значительно раньше в журнале «Философские науки», 1968, № 5, а там смысл моего выступления передан совсем по-иному. Что же касается моего понимания отношения философии диалектического материализма и системного подхода, то оно состоит в следующем: системный подход, системные исследования, общая теория систем – эти термины в науке еще окончательно не устоялись – представляет собой общенаучное направление, подобное кибернетике, теории информации и т.п., которое в его настоящем виде вызвано к жизни развитием современной науки и техники и которое имеет своей задачей разработку специальных средств исследования и проектирования сложно организованных объектов – систем. Как и кибернетика, системный подход не может претендовать на статус философского мировоззрения, хотя, разумеется, полученные с его помощью позитивные научные результаты могут способствовать обогащению и дальнейшему развитию как научного мировоззрения в целом, так и его философской сердцевины. С другой стороны, существо системного подхода, пути его разработки, его место в современном научном знании могут получить адекватную оценку и с позиций диалектического материализма, и на основе использования тех принципов исследования сложных систем, которые были сформулированы классиками марксизма. Эта точка зрения была выражена в ряде работ по проблемам системных исследований, в написании которых я принимал участие, в частности, в брошюре «Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности», М.: Знание, 1969, одним из авторов которой я являюсь. Полностью присоединяясь к призыву академика Тодора Павлова углубить анализ теоретических проблем системно-структурного исследования с позиций марксистско-ленинской методологии, я в то же время вынужден констатировать, что в части, касающейся оценки моего выступления, письмо академика Тодора Павлова основано на досадном недоразумении, вызванном недостаточно ответственным подходом авторов обзора к его подготовке. Именно это недоразумение и побудило меня обратиться к Вам с этим письмом».

Оставив это письмо для отправки в ЦК, я утром улетел в Одессу. Там уже было известно о тексте в «Коммунисте», и, конечно, это было предметом многочисленных обсуждений, тем более, что трудно было заранее предвидеть возможные последствия этого дела не только для нас, но и для

системных исследований в широком смысле слова. Я сейчас не помню подробности этих обсуждений, могу лишь сказать, что они, видимо, прева-лировали над официальной темой системного семинара.

Возвратившись в Москву, я довольно скоро узнал, что вопрос о письме Годора Павлова и моем ответе разбирался в отделе науки ЦК и никаких претензий ко мне не было, то есть вопрос был закрыт. Об этом я скоро получил и официальное извещение, правда, в своеобразной форме. В чем состояло это официальное извещение?

В Институте истории естествознания и техники, в коридоре, наш тогдашний куратор из отдела науки ЦК Николай Васильевич Марков отвел меня в сторону и сообщил об этом, т.е. не было не только каких-то письменных сообщений, но даже публичных, даже в присутствии хотя бы одного свидетеля. Тем не менее, я мог быть удовлетворен.

Ясно, что такой конфиденциальный ответ на фоне публикации в «Коммунисте», который в том номере имел тираж 730 тыс. экземпляров, не мог не подвигнуть кого-то из «заинтересованных» людей к тому, чтобы все-таки воспользоваться этой ситуацией и перед всей страной высечь человека, виновного в умалении нашей философии. Ну, и такой человек, конечно, нашелся.

В начале 1970 г. я получил из вузовской среды известие о том, что зам. министра высшего образования по общественным наукам Николай Иванович Мохов в своих поездках по стране и инструктивных докладах перед преподавателями общественных наук (видимо, это было в начале второго семестра), в общем, широко пользуется этим текстом, и фамилия Блауберга звучит по всей стране. Пользуясь опытом борьбы с отделом науки, мы с Вадимом Садовским и Эриком Юдиным решили, что здесь тоже очень важно применить метод быстрого реагирования, и я отправился в министерство. С помощью Владимира Тиграновича Калтахчяна, который тогда был начальником управления преподавания общественных наук, довольно быстро я попал на прием к Мохову. Там был какой-то деятель из ЦК ВЛКСМ, перед которым зам. министра должен был вести себя соответственно; когда я изложил ему суть дела, он сказал, что, действительно, выступал с этим текстом, опираясь на «Коммунист», это вполне понятно. Я ответил, что это я понимаю, но, однако, произошло недоразумение, о чем в тех или иных формах известно. «Ну, откуда же известно?» – спросил он. Я сказал, что, во-первых, об этом было написано в журнале «Вестник Московского университета», серия философия, но этот журнал не вызвал у него никакого пиетета. Следующий ход был таким: я сказал, что предполагается публикация в «Вопросах философии» нашей с Э.Г. Юдиным статьи, где этот вопрос специально рассматривается, что и будет некоторым официальным обоснованием для дезавуирования этого текста.

Мы, действительно, в то время готовили статью «Философские проблемы исследования систем и структур», которая была опубликована в пятом номере «Вопросов философии» за 1970 г., и мы договорились с редакцией, что в ней будет сделана следующая сноска: «В этой связи мы бы хотели воспользоваться случаем, чтобы рассеять недоразумение, возникшее в результате неверного изложения позиции одного из нас в обзоре конференции по методологическим проблемам системно-структурных исследований, опубликованном в журнале “Вестник Московского университета”,

серия философия, 1969, № 3. Текст обзора дает возможность сделать вывод о том, что мы якобы противопоставляем системный подход диалектике, хотя это совершенно не соответствует нашим взглядам и содержанию опубликованных нами работ».

Это заявление также не произвело впечатления на зам. министра, он сказал, что «Вопросы философии» публикуют разные материалы – и правильные, и неправильные, и на них ссылаются как-то не очень основательно в такой большой союзной преподавательской аудитории. Тогда у меня остался последний ход. Оглядевшись по сторонам, я сказал, что вопрос обсуждался на заседании отдела науки ЦК КПСС, и Сергей Павлович заявил, что ко мне нет претензий, что это недоразумение. Тут Николай Иванович уже несколько привстал, сказав, что об этом он, к сожалению, не знал, это важная информация, и ему нужно сделать какие-то выводы, но они могут быть только такие, что больше он мою фамилию в этом контексте упоминать не будет; но, конечно, и извиняться или каким-то образом дезавуировать сказанное до этого он вряд ли будет. На этом мы с ним и договорились, и вопрос как будто бы был закрыт.

Не считая индивидуальных всплесков, эта проблема действительно всерьез не поднималась до конца 1975 г. Я начну несколько с другой стороны. Будущий исследователь истории советской философии XX в., возможно, обратит внимание на некоторые загадочные обстоятельства: в 1977 г. в целом ряде публикаций появились сообщения об обсуждении ежегодника «Системные исследования», причем шести номеров – с 1969 г. по 1974 г. Надо сказать, что такого обсуждения не было ни до, ни после, хотя сегодня мы уже имеем двадцать выпусков ежегодника. Опубликованы эти материалы были в № 3 «Вопросов философии» 1977 г., в сборнике «Вопросы истории естествознания и техники», в предисловии к ежегоднику «Системные исследования» 1976 г. В общем-то, все это сопровождалось достаточно положительной оценкой ежегодника, смущало лишь то, что недостатки во всех этих текстах формулировались достаточно единообразно, как будто бы подсказанные, допустим, одним человеком. Но подчеркиваю, что, действительно, оценка была положительной, и даже было не очень понятно, почему нужна такая массовидная публикация этого обсуждения.

Во всех текстах было сказано, что на расширенном заседании Ученого совета Института истории естествознания и техники Академии наук СССР в мае 1976 г. происходило обсуждение работы ежегодника «Системные исследования», содержания шести его выпусков, и были намечены меры дальнейшего улучшения издания. Вот, собственно, и все.

Но что же стояло за этим обсуждением? И здесь мы переходим ко второму факту из истории системных исследований, связанному именно с этим мероприятием. Середина 70-х гг. была периодом разгула идеологической дубинки в лице тогдашнего секретаря горкома партии по идеологии Владимира Николаевича Ягодкина. Расправившись в силу своего понимания – о компетентности я не говорю, ею там и не пахло – с такими академическими институтами, как Институт истории СССР, Институт экономики, ЦЭМИ, Институт философии, с журналом «Вопросы философии», он решил взяться за ежегодник «Системные исследования».

Это нашло свое выражение в том, что примерно летом 1975 г. Семен Романович Микулинский, тогда уже директор Института истории естество-

вознания и техники, сообщил мне, что он был на даче у Ягодкина. Там, естественно, шла беседа об институте, о судьбах науки, такие беседы проходят всегда, и, между прочим, Ягодкин спросил: «Вот у вас системники, как вы с ними?». Семен Романович ответил: «Да, они у нас есть, мы их критикуем». Ягодкин ответил: «Критикуете? Это хорошо».

Эта беседа не получила, видимо, непосредственного продолжения, но «запала в душу», по крайней мере, одному из участников, и стали, похоже, продумываться какие-то организационные мероприятия. Во всяком случае, уже ближе к концу года мне было сообщено, что предполагается беседа в отделе, вернее, в секторе философии ЦК партии, которым тогда заведовал Н.П. Пилипенко, и что я должен быть к этому готов.

Но этому предшествовали драматические события. 5 января 1976 г. умер Эрик Григорьевич Юдин, и все наши дела показались мелкими дрязгами и отошли на второй план...

Однако жизнь в институте шла своим чередом, интрига раскручивалась, как ей положено, и Микулинский в начале января сообщил мне, что 14 января в секторе философии ЦК будет обсуждение ежегодника, куда приглашают и меня... Сказано было как-то мимоходом, без какой-то предварительной договоренности, и для всех, кто знал Микулинского и его отношения с этим партийным органом, было ясно, что там все уже предрешиено и мое появление – это, скорее, чистая формальность.

Кульминация всего этого действия имела место, по-видимому, 13 января, когда было девять дней со дня смерти Эрика, у него на квартире на проспекте Вернадского. В разгар этого вечера, а точнее, уже к концу его В.Н. Кузьмин, на которого, видимо, подействовала обстановка (а он не был на похоронах), сказал мне по секрету: «Я хочу проверить тебя на умение держать язык за зубами. Ягодкина снимают, но об этом не должен никто знать». И вот с этой информацией на следующий день утром я явился в ЦК КПСС, там уже были сотрудники сектора философии, а также Микулинский, Федоров, Шухардин. Видимо, все обсуждалось заранее, мне вручили некий текст без подписи, сказали, чтобы я отошел с ним ознакомиться и с его учетом рассказал о работе ежегодника.

Сидя в «предбаннике», на фоне прогуливающихся невдалеке Георгия Лукича Смирнова, Виктора Григорьевича Афанасьева, Ричарда Ивановича Косолапова, я начал изучать этот текст. Текст был ужасный. Название его: «Справка о ежегоднике «Системные исследования», издаваемом Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР, Москва, «Наука», т. 1–6, 1969–1974 гг.». В восемнадцатистраничном объеме этой справки всего две–три фразы дают позитивную оценку ежегодника. Звучат они так: «Особенно интересны те статьи, в которых применяется системный подход к анализу проблематики частных наук – биологии, географии, этнографии и др.». Заметим вскользь, что ни одной статьи по этнографии в ежегоднике опубликовано не было. «Каждый последующий выпуск «Системных исследований» в этом отношении может рассматриваться как шаг вперед» (с. 3).

Вот и вся позитивная часть. Далее – анализ недостатков. Выводы, которые суммарно могут быть представлены в следующем виде.

1. «В ряде статей ежегодника делается попытка противопоставить системные методы диалектике, подменить диалектику этими методами». Вспоминается текст Тодора Павлова.

2. «Многие статьи отличаются схоластичностью, нарочито подчеркиваемым уходом в сферу формальной логики, отходом от диалектико-материалистических методов исследования».

3. «Редколлегия ежегодника занимает ошибочные позиции в вопросе о публикации и оценке немарксистских авторов прошлого и настоящего». Как выясняется, самый главный автор прошлого – это А.А. Богданов.

4. «Материал ежегодника не связан с задачами, которые вытекают из сегодняшней практики социального, культурного и научно-технического развития социализма в нашей стране и братских странах социалистического содружества».

5. «Ежегодник стоит в стороне от идеологической борьбы против буржуазной идеологии и ревизионизма. Более того, в статьях ряда авторов – М.К. Петрова, Б.Г. Юдина, А.И. Каценелинбойгена (обратите внимание на перечень – *И.Б.*) допущены политические ошибки».

6. «В ежегоднике выступает одна и та же узкая группа авторов. Складывается впечатление, – говорится в «Справке», – что в «Системных исследованиях» сложилась замкнутая группа людей, занимающихся пересказами теорий Богданова, Берталанфи и др. и отнюдь не склонных к разработке и использованию методологии и мировоззрения диалектического и исторического материализма» (последняя, восемнадцатая страница).

Легко представить, каково было бы мне, если бы информацию о Ягодкине я не получил за день до этого обсуждения. Но сейчас, признаюсь, меня больше всего интересовал вопрос, кто же автор (или авторы) этого текста. Довольно быстро я его идентифицировал, и пару часов спустя в институте мою догадку подтвердил Илья Семенович Тимофеев. Это был не кто иной, как Лев Николаевич Суворов. Тогда многое стало на свои места, это можно было понять и по отношению к Богданову, и по отношению к формальной логике, и по ряду других вещей.

После этого я был приглашен на обсуждение, оно было в принципе скомкано, сказано было, чтобы этот материал не брать за оценку, а его учитывать, и что после обсуждения нужно пойти в институт и там, так сказать, дождавшись возвращения наших товарищей, договориться о дальнейшей деятельности. Не успел я прийти в институт, уже был звонок «оттуда», чтобы не принимать во внимание этот текст, рассматривать его всего лишь как справочный материал. То есть фейерверка не получилось. Я думаю, можно вполне определенно сказать, что политическая смерть Владимира Николаевича Ягодкина и его присных в лице того же Суворова наступила именно в тот день, когда они решили обсуждать ежегодник «Системные исследования». Однако машина была запущена, никакого другого текста в секторе философии ЦК не было, видимо, обсуждение ежегодника было запланировано, и так оно и пошло. Оно было запланировано на май, в мае оно и состоялось.

Теперь на минутку представим себе, что агония еще не наступила и первоначальная цель обсуждения была достигнута. Очевидно, что здесь наиболее яркий пример должны были представить политические обвинения в адрес ежегодника, поскольку они по определению считались «неот-

бойными». Рассмотрим два примера. Первый касался статьи Каценелинбойгена, который в своей статье в ежегоднике, посвященной проблеме ценностей, писал: «По-видимому, нельзя отрицать тот факт, что «в открытом море нельзя без кормчего», но вряд ли допустимо те условия, которые порождают способ управления кораблем в открытом море, считать всеобщими для социально-экономической системы и пытаться на этом основании унифицировать механизмы его функционирования».

Комментарий авторов справки: «Каценелинбойген переходит к важнейшему вопросу марксизма, вопросу авторитета и централизованного управления общественными явлениями: и эта цитата показывает, что лежит под спудом нарочито усложненных и абстрактных рассуждений этой статьи».

Очевидно, здесь авторы (или автор) справки «подставились», поскольку широко известно, что тезис «в открытом море нельзя без кормчего» является одним из главных лозунгов маоистской пропаганды, призванным обосновать необходимость культа личности Мао Цзэдуна. Я писал в ответ на эту справку, что совершенно непонятно, как люди, выступающие от имени марксизма-ленинизма, смогли увидеть в этом тезисе адекватное выражение марксистского понимания авторитета или централизованного управления общественными явлениями.

Второй пример еще более показателен. Две страницы в тексте Суворова уделены статье Бориса Григорьевича Юдина «Процессы самоорганизации в малых группах». Главное, что вменяется в вину автору статьи, – это использование терминов формальной и неформальной организации, в чем усматривается проявление буржуазной идеологии. Недостаточное понимание сути различия формальной и неформальной организации в малых группах приводит к тому, что в качестве примера формальной организации в малой группе в «Справке» называется партия и другие массовые организации, а также государство. Это, естественно, не имеет никакого отношения к проблематике малых групп. Точно так же не имеет никакого отношения к неформальной организации и шайка расхитителей, фигурирующая в «Справке» в качестве примера.

Думаю, что нет необходимости сегодня говорить о возможности разработки понятия неформальной организации. Во всяком случае, и по поводу этой статьи, и по поводу обвинений, которые касались статьи Петрова и были столь же неосновательными, мы имели возможность дать общий вывод: обвинение в том, что в ряде статей ежегодника допущены политические ошибки, фальсификация вопроса о роли партии и ее научного мировоззрения в развитии социалистического общества, следует категорически отметить как совершенно необоснованное и клеветническое. Это правильный вывод, но представьте себе, что эти обвинения произносятся с трибуны какого-то большого форума, чему часто мы были свидетелями. Думаю, что с такой нашей оценкой нас бы, конечно, близко к этой трибуне не допустили.

Общая же оценка текста Суворова звучала в моей объяснительной записке на сорока двух страницах следующим образом: «В «Справке» о ежегоднике «Системные исследования» не дана объективная картина положения дел с этим изданием. Авторы «Справки» подошли к оценке ежегодника явно тенденциозно и прибегли к приему передержек, неточного

цитирования, бездоказательных и необоснованных обвинений, что несовместимо с принятыми в нашей стране Нормами научной критики. Содержание «Справки» фактически зачеркивает все, что сделано ежегодником, взявшим на себя сложную и трудную задачу содействовать развитию в нашей стране нового направления научных исследований. Сопоставление «Справки» с материалами ежегодника и другими публикациями сотрудников сектора системного исследования науки заставляет сделать вывод, что позиция авторов «Справки» продиктована не интересами дела, а узкогрупповыми соображениями. В связи с этим хочется еще раз напомнить, о чем недавно говорилось в редакционной статье газеты «Правда», озаглавленной «Высокий долг советских философов»: «С коммунистической научной этикой несовместимы хотя бы малейшие претензии на чью бы то ни было монополию и проявления групповщины, чем бы они ни оправдывались. Подчас необоснованно хлесткие оценки поисковых научных работ, ведущие к замораживанию мысли и удобные лишь для некомпетентных лиц, так же, как идейно-методологическая бесхребетность, размывание принципов, ведущих к теоретическим и политическим ошибкам, равно неприемлемы среди философов-марксистов, находятся в очевидном противоречии с их партийным и профессиональным долгом» («Правда», 19 сентября 1975 года). Характер «Справки» подтверждает справедливость этих слов».

Это оценка, которой не стыдно и сегодня. Но и она носила кулуарный характер и не вышла практически за пределы института. А между тем текст Суворова и какие-то дополнения стали достаточно широко распространяться по идеологическим учреждениям Москвы, в институтах Академии наук и дошли, в конце концов, до Леонида Федоровича Ильичева. Он в это время занимался объединением двух своих прежних работ – «Строительство коммунизма и общественные науки» и «Методологические проблемы науки» в общий текст под названием «Философия и научный прогресс», который вышел в свет в 1977 г. В этой книге нашли отражение некоторые отзвуки суворовских писаний, плюс к тому появились, видимо, какие-то новые доброхоты. Здесь были два момента, обращенные против Блауберга, Садовского и Юдина. Первый вопрос был связан с отношением методологии и теории, и у Ильичева было сказано, что в работе Блауберга и Юдина «Становление и сущность системного подхода» утверждается, что методология оторвана от теории и что процесс построения теории – чисто умозрительное движение. Приходится заметить, что, если бы у нас была такая формулировка, она заслуживала бы самой серьезной критики. Однако в книге Блауберга и Юдина сказано так: «Вместе с тем это – не чисто умозрительное движение. Формирование предмета исследования невозможно без формирования адекватного ему предметного содержания» (С. 82). То есть несерьезность по отношению к тексту, возможность некорректного цитирования объединяет Суворова и Ильичева.

И второй вопрос, который также в свое время поднимался в «Справке» Суворова. Я об этом не говорил, имея в виду возможность рассмотреть это теперь. Речь идет о проблемах статуса системного подхода и общей теории систем и проблеме метатеории. У Ильичева написано: «Хотят авторы этого или нет, но, поднимая значение системных методов до «метатеории», они, по сути дела, противопоставляют системный подход методоло-

гии диалектического материализма... Можно понять, когда на позициях фетишизации теории систем стоит Бергаланфи, утверждая, что созданная им теория «систем» будет знаменовать собой «революционный переворот научной методологии», «рождение нового стиля мышления» и даже «новое мировоззрение и новую философию», но трудно понять, когда подобную точку зрения высказывают советские философы» (С. 117–118).

И вот Вадим Николаевич Садовский, как специалист по этому вопросу, отвечал ему так: «Весьма трудно понять смысл выражения «поднимая значение системных методов до «метатеории» (где к тому же этот термин почему-то взят в кавычки)».

Действительно, в работах Садовского и, в частности, в его монографии «Основания общей теории систем» (М.: Наука, 1974) на основе анализа различных вариантов общесистемных концепций, существующих в советской и зарубежной литературе, был сделан вывод о неплодотворности и противоречивости трактовки общей теории систем как общей (обобщенной) научно-технической теории, из которой можно было бы вывести особенности отдельных классов систем, и была предложена концепция общей теории систем как метатеории относительно специализированных... теорий систем и различных системных концепций и разработок. Метатеория понимается здесь как характеристика такого типа анализа, который направлен на исследование не объектов как таковых, а знаний об этих объектах («в этом смысле в качестве мета-теоретических дисциплин выступают, например, теория науки, методология науки и т.п.»). Эта теория включает два аспекта: синтаксический и семантический. «Мы полагаем, — заключал Вадим Николаевич, — что после этого по необходимости странного объяснения любой непредубежденный читатель согласится с тем, что выражение «поднять значение системных методов до «метатеории» не содержит никакого рационального смысла — а тем самым и выдвинутое на этом основании обвинение в противопоставлении системного подхода диалектическому материализму».

Свою позицию мы с Вадимом Николаевичем Садовским изложили в письме в редакцию «Вопросов философии», но факт оставался фактом. Книга Ильичева вышла, на нее готовилась рецензия Т.И. Ойзермана, и как-то нужно было выходить из положения и рецензенту, и редакции. И вот здесь проявил себя совершенно бесподобным диалектиком Бонифатий Михайлович Кедров. Он нашел такой способ, что все три стороны были удовлетворены: и автор книги, и рецензент, и критикуемые в книге авторы-системники. Как это выглядело в тексте? Отмечалось, что очень важно, что в книге Ильичева идет речь о системно-структурном подходе, что он выступает против его универсализации и в то же время говорит о его важности. И дальше, «правильно критикуя Л. Бергаланфи и других теоретиков, выдающих системный анализ «за новое мировоззрение и новую философию», автору книги следовало бы, на наш взгляд, отметить исследование советских философов (И.В. Блауберга, Д.М. Гвишиани, В.И. Кремянского, В.П. Кузьмина, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина), стремящихся с позиций марксизма-ленинизма разрабатывать теорию систем. Их научные результаты были отмечены философской общественностью». Итак, получалось — вроде бы и упоминаний об этих философах в книге нет. Благо, работа Ильичева была такого сорта, которую вряд ли кто-то

специально бы стал читать, да еще и перечитывать. И все это осталось как некоторый курьез, на который я хочу обратить внимание.

В заключение следовало бы обобщить все сказанное. Та двухактная история борьбы идеологически-партийного аппарата против развития методологической проблематики системных исследований, о которой я говорил, имела свой карьеристский, личностный, связанный со сведением счетов и т.д. подспудный смысл и отнюдь не диктовалась чисто научными, пусть даже отработанными идеологическими соображениями типа борьбы «за чистоту», или «за широту», или «за полноту» марксизма.

Конечно, вряд ли можно было ожидать от инициаторов этой кампании чего-либо иного, учитывая характер их карьеры, уровень профессиональной компетенции, тип используемых подручных (доносчики, они же «эксперты», как правило, анонимные).

Но мне хотелось бы закончить свое выступление на оптимистической ноте. Оглядываясь сейчас назад, нельзя не признать, что возникшая опасность заставила всех нас – и здесь невозможно переоценить быстроту реагирования Эрика Григорьевича Юдина, его умение просчитать ситуацию на несколько шагов вперед, способность быстро и безошибочно найти точки допустимых компромиссов, – заставила всех нас сформулировать основные принципы советской концепции системных исследований, уровни методологического анализа, отношения системного подхода и диалектики, понимания общей теории систем как метатеории и т.п., короче говоря, тех проблем, которые (часто вопреки, а не по воле первоначальных «инициаторов») практически оказались в центре проводившихся научных обсуждений.

И в этом я вижу своеобразную апологию диалектики: «не было бы счастья, да несчастье помогло». И здесь вполне уместно привести маленькую выдержку из фельетона Ефима Смолина «Светлое будущее» («Юность». 1990. № 1. С. 95), где описывается гипотетическая картина грядущего изобилия у нас к двухтысячному году: «У нас потрясающий товарообмен и дружба со всеми странами. Израиль прислал тонну апельсинов в обмен на членов общества “Память”. Их расселили в лесу как лесных санитаров. Как говорится, на то и “Память” в лесу, чтобы еврей не дремал...». Я думаю, одна из функций аппарата здесь хорошо описана, причем не только в переносной, но и в прямой форме.

Публикуется по: Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. Кн. II. 60–80-е гг. М., 1998. С. 152–170.

1967 год

ГЕОРГИЕВСКИЙ
Александр Борисович

**В нужное время
и в нужном месте**

Казалось бы, отвлеченное название моей заметки полностью отражает факт создания сектора истории эволюционных учений в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР в 1967 году. Два обстоятельства обусловили данное событие, в котором удачно совместились назревшая его объективная необходимость и субъективная возможность в лице достойных научных кадров.

Для отечественных эволюционных исследований 1960-е годы были ответственным переломным моментом освобождения от господства в академической и прикладной науках идеологии так называемой «лысенковщины». Согласно надуманным утверждениям, в толковании законов биоло-

гической эволюции Ч. Дарвин прав, поскольку его признали классики марксизма, генетика является буржуазной дисциплиной, и ей нет места в советской науке. Полностью соответствует истине подлинно диалектическая концепция прямого приспособления и наследования приобретенных признаков, она очевидна на адаптивных модификациях растений и животных, подтверждается практикой яровизации.

Идейная и политическая поддержка руководством страны совершенно антинаучных взглядов обеспечили прочное основание для извращенного развития биологической науки и философских вопросов естествознания, преподавания студентам и старшеклассникам, позорное посмешище для мировой общественности. На августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) была продемонстрирована средневековая догма под видом передовой советской генетики, с множеством жертв среди инакомыслящих. Осторожный в принятии решений И. Сталин убедил себя в правильности ламаркистского учения о прямом приспособлении, кажущемся самоочевидным, к тому же подкрепленным обещаниями в скорейших сроках поднять урожайность сельскохозяйственных культур. Библиотеки высших учебных заведений были завалены учебниками и учебными пособиями лысенкоистов Дворянкина, Лебедева, Презента.

Объективный процесс развития науки, в том числе в отдельных странах, неизбежно устраняет препятствия на своем пути. Лженаука в образе лысенковщины была очевидной. Несовместимая с наукой и враждебная деятельность встречала оппозицию со стороны известных генетиков, биологов-эволюционистов, передовых ученых и писателей. В известном «Письме трехсот», подписанном деятелями науки и общественности, приводилась убедительная аргументация несостоятельности претензий на передовую «советскую биологию». Среди оппонентов были академик В.Н. Сукачев, профессор К.М. Завадский, многие известные и рядовые, обиженные и оскорбленные генетики, представители других наук, но волна возмущений разбивалась о прочную позицию противников, с идеологической поддержкой властей.

Заместитель директора Института истории естествознания и техники АН в Москве Семен Романович Микулинский, биолог и философ по образованию, занимавшийся историей общей биологии, был осведомлен о положении отраслей этой науки в Советском Союзе. Он принял правильное решение о создании в Институте специализированного сектора, сотрудники которого сосредоточились бы на исследовании отечественной и мировой эволюционной теории и тем самым внесли вклад в историю данной науки.

Второе удачное решение проблемы заключалось в выборе руководителя сектора. В Ленинградском отделении ИИЕТ существовала небольшая группа историков биологии во главе с известным исследователем Б. Райковым. После кончины профессора Райкова вставал вопрос о подходящей замене, при его решении удачно и совместились необходимость создания полноценного сектора истории эволюционной биологии и наличие крупного специалиста Кирилла Михайловича Завадского, проживавшего в Ленинграде.

1967 год

ДАВИДЮК
Станислав
Филиппович

Вероятно, многие из нас с годами отмечают, что прожитая жизнь имела какое-то предназначение. В то же время, начиная свою научную деятельность, мы часто убеждаемся, что встреча с умными, порядочными людьми во многом определяет наши судьбы. Первая моя встреча с Юлианом Михайловичем Шейниным, который стал моим научным руководителем в аспирантуре, произошла в ИМЭМО АН СССР в 1965 г. Нас, нескольких студентов-дипломников кафедры зарубежной экономики Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ЛГУ), прислали на стажировку в ведущий московский институт. Ориентировочно мы предполагали изучение определенной научной темы для написания дипломной работы. Понят-

но, что мы не имели достаточно знаний и, тем более, исследовательского опыта. Хотя надо отдать должное, часть из нас, зная иностранные языки, добивалась разрешения на работу с периодической печатью зарубежных стран в спецхране университета, регулярно следила за новыми публикациями, включая грифованные издания, выставляемые в общедоступной университетской библиотеке. Поэтому возможность работать непосредственно с иностранными источниками и специализированными обзорами позволяла заинтересованным студентам глубже понимать основные социально-политические процессы и экономическую обстановку, в том числе и в собственной стране.

Двое из нашей группы стажеров были направлены в редакцию периодического журнала, чуть позже один ушел из редакции (неинтересная работа) и попал к Ю.М. Шейнину. Мне же работа нравилась, потому что к этому времени, обучаясь на экономическом факультете, я успешно закончил двухгодичные специализированные курсы редактирования при филологическом факультете, прошел стажировку в Лениздате и даже был приглашен туда на постоянную работу. Узнав от приятеля об интересной работе под руководством Ю.М. Шейнина, пришел на одну из их встреч и, естественно, в общении, отвечая на его вопросы, рассказал о своем жизненном пути после школы: профессионально-техническое училище, три года работы на заводе, двухгодичный университет марксизма-ленинизма и дневное отделение экономического факультета ЛГУ. В результате Шейнин согласился дополнительно взять к себе еще одного стажера. Подобные стажировки крайне полезны для отбора перспективной молодежи, ИИЕТ АН СССР также использовал эту практику. К тому времени Ю.М. Шейнин, перейдя в ИИЕТ АН СССР, организовал сектор по новому направлению «науковедение» и привлек в него достаточно много перспективной молодежи (Г.И. Любину, Л.Н. Шумилову, З.М. Мульченко). Юлиан Михайлович прислал мне письмо, в котором пригласил поступить в аспирантуру ИИЕТ АН СССР при условии, что предварительно проработаю литературу, список которой был им приложен. Сам я после окончания вуза уже работал преподавателем в Санитарно-гигиеническом медицинском институте им. И.И. Мечникова. В 1966 г. С.Р. Микулинский и Ю.М. Шейнин приехали в Ленинград и провели экзаменационные собеседования со всеми кандидатами в аспирантуру института. Задержка по результатам моего экзамена была вызвана отсутствием необходимых свободных мест для проживания в московском общежитии. В конце 1966 г. пришло официальное уведомление о зачислении меня в очную аспирантуру, и с января 1967 г. был уже в Москве. Моего конкурента, который еще не приступал к сдаче кандидатских экзаменов, Юлиан Михайлович тоже не забыл, он позднее поступил в заочную аспирантуру. Порядочность и обязательность, которые он при этом проявил, несомненно, вызывали к нему уважение и доверие.

Научная работа в секторе проводилась в соответствии с тематическим планом работ и публикаций. Исходной основой для сотрудников и меня, в качестве аспиранта, стала специализация на изучение организации науки по отдельным высокоразвитым странам (Франция, Германия, Великобритания). Исследование американского опыта осуществлял сам Ю.М. Шейнин. При этом существенное значение имело хорошее знание соответствующей литературы.

ющих иностранных языков. Мне был выдан текст доклада по организации науки в Англии, сделанный английским специалистом, который следовало перевести, подготовив обзор для сектора. В докладе была масса специальных терминов и принятых сокращений, которые в обычных англо-русских словарях отсутствовали. Для ускорения обратился к Шейнину с просьбой, нельзя ли обойтись без подобных мелочей или у кого-то узнать эти особенности. В результате он ответил: «Вы когда-нибудь видели, как учат собачек плавать? Их бросают в воду и ждут, если щенок не утонет, и пытаются выплыть, то сам научится плавать». Пришлось идти в библиотеку АН СССР и копаться в словарях, чтобы «не утонуть», а на перевод доклада ушло полтора месяца. Трудно однозначно оценить такой метод обучения, но он вполне приемлем для воспитания самостоятельности и настойчивости у молодого научного работника. В моем случае он точно был продуктивен, «по мелочам» к своему научному руководителю в дальнейшем уже не обращался. Хорошо помню позднее разговор с Шейниным в связи со статьей С.Г. Кара-Мурзы в коллективном сборнике сектора по организации науки, где каждый из нас представлял материал по «своей стране». Сам написал статью по «Лондонскому Королевскому обществу», Сергей, химик по образованию, подготовил очень специфичный материал, предлагая методы химического анализа активно использовать в науковедении. Мне, как ответственному за редактирование сборника, казалось, что представленный С.Г. Кара-Мурзой материал не совсем подходит для тематики данной монографии, о чем я открыто и высказался. После короткой дискуссии было принято решение оставить статью в сборнике. Ю.М. Шейнин понимал полезность научного дискутирования, приветствовал его, но требовал обоснованную аргументацию. Следует отметить, что Шейнин сумел создать хорошую рабочую атмосферу, в нашем коллективе существовали дружелюбные взаимоотношения между сотрудниками. На еженедельных заседаниях часто возникали споры, которые вполне естественны по поводу новой научной тематики, он как руководитель даже поощрял их.

Итоговые публикации сектора тщательно редактировались самим руководителем, его рекомендации несомненно помогали в работе над текстами. Кроме того, к работе над публикациями Шейнин обязательно привлекал экспертов, хорошо знающих обсуждаемый материал. Помню свою содержательную беседу с работником посольства в Англии по моей главе в коллективной монографии. Он высоко оценил мою историографию, но высказал серьезные и крайне полезные замечания по вопросам текущей политики и современной организации науки. Информацию, полученную мной при этом, тогда невозможно было получить из источников в открытой печати. Такая экспертиза заставляла глубже изучать оригинальные материалы и потом вызывала интерес к публикациям. Молодым ученым предоставленная возможность общения с профессионалами подобного уровня позволяла оперативно получать ответы на множество вопросов, возникающих при работе, за что мы все были очень благодарны своему руководителю. Участие в публикациях сектора отнимало много времени и сил, зато после трех лет аспирантуры при защите моей кандидатской диссертации в списке работ были приведены статьи и главы, опубликованные в академических изданиях, в том числе одна даже в Большой Советской Энциклопедии (3-е издание).

Последняя встреча с Юлианом Михайловичем произошла в 1973 году, он был болен. Привез ему свой автореферат кандидатской диссертации по экономике, которую защитил в Ленинграде с указанием его научного руководства. Мы обменялись подарочными книгами, знал, что у него большая библиотека и он очень интересовался литературой, в том числе по архитектуре. Меня тогда поразила его осведомленность о современных зарубежных экономических публикациях, в частности о книге Джона Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества», только что изданной в СССР. Юлиан Михайлович, будучи начитанным человеком, несомненно, оказал определенное влияние на формирование моих интересов на весь период самостоятельной научной и педагогической деятельности.

Вернувшись в Ленинград после аспирантуры, я пытался трудоустроиться, меня интересовала исследовательская деятельность. Удалось только через три месяца во вновь созданном Ленинградском отделе экономики научных исследований и опытно-конструкторских работ Всесоюзного НИИ проблем организации и управления при ГКНТ СССР (ЛОЭНИОР при ВНИИ ПОУ). Тематика была связана с различными проблемами экономики науки, в том числе и с внедрением новых методов хозяйственного стимулирования и управления в научно-исследовательских учреждениях (времена «косыгинской реформы»). Наша задача заключалась в конкретной проработке методов стимулирования и хозяйственного расчета на базе крупного отраслевого института – ЦНИИ технологии судостроения. Параллельно с исследовательской работой занимался написанием второго варианта кандидатской диссертации, но по экономике, с использованием материала, собранного ранее по истории науки в период аспирантуры. К этому времени появились первые статистические сборники по финансированию и кадрам науки в Великобритании. В результате диссертация по теме «Структура исследовательских кадров Великобритании и тенденции ее изменений» была одобрена ведущей организацией – Московским авиационным институтом и в 1973 г. успешно защищена в Ленинградском финансово-экономическом институте им. Н.А. Вознесенского по специальности «экономика труда». Тесная работа с администрацией ведущего института судостроения привела к тому, что в 1974 г. перешел туда на постоянную работу. Через несколько лет свою научную деятельность продолжал в Северо-Западном филиале Центрального экономического НИИ Госплана РСФСР (СЗФ ЦЭНИИ), где включился в исследования по анализу экономического развития регионов Северо-Запада страны, а с 1986 г. в разработку «Региональной комплексной программы научно-технического прогресса (РКП НТП) по областям Северо-Запада России до 2020 года». За 16 лет работы пришлось участвовать в организации исследований, проводить личные изыскания по тематике зарубежного опыта в сфере организации науки. К этому времени накопилось достаточно много материала, чтобы проанализировать советский опыт регионального планирования и оценить первые результаты внедрения приватизации в экономику, научную сферу и систему образования. В результате была написана книга и подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук по теме «Экономическое регулирование научно-технической деятельности в промышленности», которую защитил в ЛГУ в 1992 г. Поскольку много лет занимался исследованием проблем управления и организации

науки, а также с учетом имеющегося опыта считал, что сложившуюся российскую систему управления промышленностью и наукой следует в основном сохранить, в ней было достаточно много позитивного, что подтверждали успехи науки СССР, страна до сих пор успешно использует научные достижения тех лет. При этом, несомненно, следовало изменить механизм взаимодействия учреждений и организаций различных сфер на основе позитивного опыта зарубежных стран.

Политические и социально-экономические события 90-х годов сопровождалась массовой демобилизацией военнослужащих, которых требовалось адаптировать к работе в гражданской сфере экономики. Лично для меня все эти изменения привели к переходу в учебный центр Министерства Обороны «Перспектива», где приходилось много преподавать самому, наукой заниматься было некогда. Далее продолжил работу в Санкт-Петербургском Государственном электротехническом университете (ЛЭТИ). Это был тяжелый период для вуза, так как востребованность новых инженеров резко сократилась. Правда, в вузе продолжил активно заниматься научно-исследовательской работой по тематике «науковедение и экономика науки», стал принимать активное участие в научно-технических конференциях и симпозиумах, появились новые публикации. Позднее получил приглашение в Санкт-Петербургский университет сервиса и экономики, где работал до периода очередной реорганизации городской системы высшего образования.

В заключение, вспоминая свои годы учебы в аспирантуре института, работы в секторе Ю.М. Шейнина, где была создана благоприятная творческая атмосфера для молодых исследователей, хотел бы высказать искреннюю благодарность нашему научному руководителю, который на начальном этапе моей карьеры помог выбрать тематику научной работы, привить вкус к исследовательской деятельности, познакомил с целым рядом интересных специалистов. Помимо этого, благодарен также ему и за рекомендательное письмо, которое помогло после аспирантуры устройству на интересную работу. Память о нем останется постоянно в сердцах его воспитанников.

1967 год

КУГЕЛЬ
Самуил Аронович

В Ленинградское отделение ИИЕТ АН СССР я перешел из Ленинградского финансово-экономического института им. Вознесенского в конце 1967 г. В 1960-х гг. в Ленинграде был создан общественный Институт социальных исследований (директор – профессор В.П. Рожин). Отделом социальных проблем науки руководил профессор Ю.С. Мелещенко. Я был его заместителем, но поскольку Ю.С. Мелещенко был занят подготовкой своей докторской диссертации, то отделом по существу руководил я. Ю.С. Мелещенко моя работа понравилась, судя по тому, что, став заведующим ЛО ИИЕТ, он пригласил меня на работу, обещая создать Сектор социологических проблем науки. Он свое обещание вскоре выполнил. С тех пор моя научная жизнь связана с ИИЕТом.

При поддержке чл.-корр. С.Р. Микулинского и Ю.С. Мелещенко я собрал коллектив, в котором были незаурядные личности: П.Б. Шелищ – сейчас уже в третий раз депутат Госдумы, недавно скончавшийся Н.К. Серов, Э.М. Сидорова и др. Началась активная работа по социологии науки: исследовательская, научно-организационная и отчасти педагогическая.

Особенно меня привлекали вопросы организации науки, структуры и мобильности научных кадров, индивидуальное и коллективное в научной деятельности, международная миграция научных кадров, ориентация студентов на научную деятельность, особенности деятельности аспирантов.

Было проведено несколько международных исследований. С начала 1990-х гг. наши исследования поддерживали Миннауки, РГНФ, РФФИ и некоторые международные фонды. Были проведены исследования во всех крупных академических естественнонаучных и гуманитарных институтах. В 1990-х исследовательский интерес был направлен на научную элиту, на основе исследования которой написаны книги, снят видеофильм, проведены семинары.

Но вернемся к началу 1970-х гг. В этот период основными направлениями моих исследований являлись: структура и динамика научных кадров; профессиональная мобильность в науке; интеллектуальная элита Ленинграда–Санкт-Петербурга; эффективность научной деятельности; состояние и процессы в академической и отраслевой науках.

Первая крупная научная акция – участие во Всесоюзном социологическом исследовании по организации академической науки и эффективности деятельности ученых академических учреждений. Объект исследования: академические учреждения АН СССР и союзных республик. Организаторы исследования – ИИЕТ и Институт философии АН СССР. Руководил исследованием С.Р. Микулинский, ведущими участниками были В.Ж. Келле, С.А. Кугель, Э.М. Мирский, участвовала также группа математиков из Экономико-математического института. Выборку составляли в Москве, там же проводилась обработка первичной социологической информации. Я организовал социологический опрос в Ленинграде в рамках общей выборки. Было опрошено больше респондентов, чем требовалось по выборке, поэтому некоторая часть массива осталась в моем секторе.

Генеральная совокупность – 25093 респондентов; регионы – Центр, Кольский п-ов, Прибалтика, Урал, Поволжье, Сибирь (Новосибирск, Академгородок), Сибирь (периферия), Средняя Азия, Кавказ. Выборочная совокупность: Центр – 43.3%, Кольский п-ов – 5.6%, Прибалтика – 4.7%, Урал – 9.9%, Поволжье – 6.8%, Сибирь 1 – 10.8%, Сибирь 2 – 8.6%, Средняя Азия и Кавказ – 11.6%. Задачи исследования были определены следующим образом: выявление условий труда и продуктивности деятельности ученого в зависимости от региона, отрасли науки и ряда демографических параметров.

Далее я хотел бы представить результаты исследования, которые и сегодня кажутся мне заслуживающими внимания и характеризующими научную деятельность.

Научная деятельность включает как официальные действия и официальные контакты, определяемые формальными служебными обязанностями, институционально закрепленными ролями, указаниями от начальства и т.п., так и неофициальную сторону. Неофициальная сфера научной

деятельности предполагает личную инициативу научных работников по установлению тех или иных связей внутри своей профессиональной среды, по осуществлению тех или иных научных проектов. Очевидно, что подобные неформальные действия, в силу личной заинтересованности их участников, несут огромный творческий потенциал. Поэтому для развития науки неформальная сторона научной жизни имеет большое значение, и, следовательно, она должна быть основательно изучена социологией науки.

Исходя из этих соображений, мы предложили большой блок вопросов, позволяющих всесторонне изучить неформальную деятельность научных работников. Вот некоторые из наиболее интересных результатов, полученных в исследовании.

На вопрос «Какую долю своего творческого времени Вы затрачиваете на поддержание неформальных научных связей?» почти половина опрошенных ответили, что тратят около десятой части своего времени (752 респондента, что составляет 50,1%). Также достаточно много, 27% из числа опрошенных (406 человек), затрачивали около четверти времени на неформальное общение. Интересно, что третий по частоте выбора результат, составивший 12,5%, — «практически никакого времени не затрачиваю». Так ответили 188 человек из числа опрошенных. Меньше всего респондентов тратят почти все свое время на неформальные связи — 4 человека, что составляет 0,2%. В ответах на данный вопрос легко проследить следующую закономерность: чем меньше в варианте ответа доля времени, тратящегося на неформальные связи, тем чаще респонденты останавливались на этом варианте. Причем процент выбранных вариантов от максимального до минимального времени, тратящегося на неформальные связи, возрастает в геометрической прогрессии (0,2%—1%—6,8%—27%—50% — соответственно, — все — $3/4$ — $1/2$ — $1/4$ — $1/10$ времени). Отсюда видно, что неформальные связи имели не очень широкое распространение в среде научных работников. Сейчас, по моему мнению, количество неформальных контактов возросло.

В 1979 г. вышли 2 книги о научных кадрах: «Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР» (М.: Наука) под редакцией Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, С.А. Кугеля; «Научные кадры Ленинграда» (Л.: Наука) под редакцией С.А. Кугеля, Б.Э. Лебина, Ю.С. Мелещенко. Проведено исследование научной этики, результаты которого тоже были опубликованы.

Я проработал в ЛО ИИЕТ до 1977 г., когда мой сектор был передан в ИСЭП АН СССР. Как мне известно, С.Р. Микулинский хотел сохранить сектор в составе ИИЕТа, однако в ЦК КПСС секретарь Обкома заявил, что сектор нужен в Ленинграде, в ИСЭПе.

Так закончился мой первый период работы в ИИЕТе, оставивший мне самые яркие впечатления. Там я познакомился со многими интересными людьми: академиком Б.М. Кедровым, членом-корреспондентом С.Р. Микулинским, профессорами В.И. Кузнецовым, М.Г. Ярошевским и др. Там я налаживал сотрудничество со странами СЭВ, посетил Болгарию, Чехословакию, ГДР. Наиболее тесное сотрудничество было с чехословацкими учеными, совместно с ними мы подготовили и издали книгу о научных кадрах в странах СЭВ.

В 1989 г. я вернулся в ЛО ИИЕТ РАН и в 1995 г. возглавил Центр социолого-наукоедческих исследований уже в СПбФ ИИЕТ РАН.

Ежегодно Центром проводились и проводятся по сей день исследования по основным социологическим проблемам науки и образования (трансформация академической науки, адаптация ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям, профессиональная и социальная мобильность российских ученых, миграция научных кадров, научные школы, ориентация студентов на научную деятельность, вклад ученых России и Санкт-Петербурга в мировую науку, повседневность Санкт-Петербургского научного сообщества и т.п.). В Центре социолого-наукоедческих исследований СПбФ ИИЕТ размещается архив социолого-наукоедческих данных. Архив насчитывает более 10 тысяч анкет, а также многочисленные материалы информационно-справочного и аналитического характера по различным проблемам социологии науки (отчеты, корреляционные таблицы, справочные издания, заказные данные ведомственной статистики, обзоры литературы). Надеюсь, что эти материалы будут обработаны будущими поколениями социологов науки.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 173–176.

1967 год

МУЗРУКОВА
Елена Борисовна

Мой приход в историю науки произошел благодаря Регине Семеновне Карпинской, известному методологу и философу. Она окончила в 1950 г. философский факультет МГУ, а в 1963 г. – биологический факультет МГУ. Я с ней была очень дружна, мы рядом снимали дачу возле Барвихи. Она мне как-то сказала: «Лена, есть такой прекрасный Институт истории естествознания и техники. Я знакома с заместителем директора института Семеном Романовичем Микулинским, я поговорю с ним, и он тебя возьмет». И вот я пришла на прием к Семену Романовичу, он говорил со мной довольно-таки сухо. Но под меня выделили единицу из Президиума Академии наук, затем эту единицу забрали под другого сотрудника. Тогда мой папа позвонил вице-президенту АН СССР М.Д. Мил-

лионщикову, они были дружны, и таким образом штатную единицу под меня институт получил. В институте работала знакомая моего мужа, которая посоветовала ни в коем случае не идти в сектор истории биологии – куда угодно, только не туда. Тогда я подумала: «Зачем мне идти в другие сектора, если я окончила биофак. Я пойду в сектор истории биологии». Свой первый день работы в институте я помню очень хорошо. Делал доклад Борис Григорьевич Кузнецов в зале. Я сидела, внимательно слушала, но не понимала ничего. Когда я пришла в сектор, там Эдуард Николаевич Мирзоян делал доклад о Северцове. Потом подошла ко мне Вера Николаевна Гутина и спросила: «А что Вы пришли сюда? Что Вас толкнуло в историю биологии?» Я совершенно спокойно ответила: «Рождение ребенка...». Меня очень доброжелательно встретила Нора Андреевна Григорьян. Она сказала мне: «Деточка, все у Вас будет хорошо». По-дружески ко мне отнеслась Лариса Васильевна Чеснова. В этот же день я подошла к заведующему сектором, Леониду Яковлевичу Бляхеру, и сказала: «Я буду у Вас работать». На что он строго ответил: «Сначала покажете мне свою дипломную работу». Я ему принесла работу, он ее два дня читал, листал, после чего сказал: «Ничего. Мне понравилось». Вот так я начала работать в секторе истории биологии.

Леонид Яковлевич где-то был замкнутый, но и одновременно очень веселый и открытый человек. Он очень разбирался в людях. С Леонидом Яковлевичем мы быстро решили, чем я буду заниматься. Он предложил мне тему кандидатской диссертации «Цитологические модусы эмбриогенеза». Защищала я ее в 1973 г. Я немного отложила сроки защиты, так как в 1973 г. я родила еще близнецов – Олю и Иру. Мне пришлось также до защиты сдать кандидатский минимум по английскому языку, философии, истории науки и техники, а также по марксизму-ленинизму. Защита диссертации проходила в принципе спокойно. Ко мне только придирался Абба Евсеевич Гайсинович. То даты не те указала, то не те данные. Перед этим, в 1972 г., у него защитилась аспирантка Т.И. Глушакова. Тема ее диссертации «Учение об индивидуальности хромосом в его историческом развитии». После нападок Гайсиновича на трибуну поднялся Леонид Яковлевич и сказал: «В отличие от Вас, Абба Евсеевич, я не вожу пером по бумаге работ своих диссертантов. Все, что она сделала, она сделала сама. И я очень горд, что она разобралась в такой сложной теме».

Раньше в диссертациях обязательно должны были обсуждаться биологические проблемы, требовался анализ идей прошлого для решения актуальных задач современной науки. В 1979 г. я опубликовала монографию «Формирование представлений о причинах индивидуального развития», где проанализировала четыре периода развития цитоэмбриологических исследований: 1) период, предшествовавший цитологическому анализу явлений эмбрионального развития (1840-е – 1860-е гг.); 2) формирование цитологии и эмбриологии (1870-е гг. – 1900 г.); 3) развитие цитоэмбриологии на основе синтеза с генетическими и биохимическими исследованиями (1900 г. – конец 1920-х гг.); 4) исследование молекулярных механизмов развития и решение проблемы клеточной дифференцировки (с конца 1920-х гг. до конца 1970-х гг.).

Кроме истории науки, я постоянно ходила на семинары сектора философии естествознания Института философии АН СССР. Меня многие

считали аспиранткой Р.С. Карпинской, так как я с ней очень близко общалась. В этом институте было очень интересно. Я стала понимать методологию своего историко-научного исследования.

Если выделять хронологические этапы в научной деятельности, то в 1960-е годы я занималась историей цитоэмбриологии. В 1970-е – 1980-е гг. я сконцентрировалась на анализе работ выдающихся цитологов прошлого. Я очень долго работала над монографией «Роль цитологии в формировании и развитии общебиологических проблем», которая вышла в 1988 г. Мне приходилось заниматься в архивах, в библиотеках, очень много читать работы зарубежных ученых. В процессе работы над этой книгой я сформировала для себя отношение к Т. Моргану, сильно увлеклась этим гениальным исследователем. Я стала читать работы Моргана и была поражена многообразием его научных интересов: эмбриология, генетика, биохимия, эволюционная теория. Он более двадцати лет специализировался в области экспериментальной эмбриологии, а затем стал одним из создателей хромосомной теории наследственности, основателем американской школы генетики. Изучение его наследия дало мне уникальную возможность проанализировать состояние и взаимодействие эмбриологии, цитологии и генетики на протяжении первой трети XX столетия. В конце 1980-х гг. я начала писать докторскую диссертацию «Научная программа школы Т.Х. Моргана в контексте развития биологии XX века», в 1993 г. я ее защитила. Подзаголовок «научная программа» в названии работы был не случаен, так как концепция научных программ И. Лакатоса позволяла реконструировать динамику роста знания как процесса решения конкретных научных проблем.

Вообще идею исследовательской программы предложил Поппер еще в 1930-х гг., а его ученик И. Лакатос разработал собственную концепцию, которую взяли на вооружение многие историки науки.

В 1991 г. я с Ларисой Васильевной Чесновой поехала на Неаполитанскую станцию, там меня поразила библиотека, можно было свободно брать работы Г. Дриша, Т. Моргана и других известных исследователей. Там я очень много материала собрала для будущей своей диссертации. Несколько месяцев мы работали в этой библиотеке. После защиты докторской диссертации я работала в проблемной группе социальной истории биологии, которой руководил Вадим Иванович Назаров. Я писала о Ф.Г. Добржанском, К. Бэре, В. Ру, А. Вейсмани. В 1990-е гг. мы занимались также интересным делом – собирали архив устной истории. Я брала интервью у Н.П. Дубинина, А.А. Малиновского, А.А. Нейфаха и других крупных биологов. Во время этих бесед всплывали какие-то совершенно необычные факты, о которых мы не знали. Этой работой руководил Михаил Григорьевич Ярошевский. С нами выезжала видеогруппа, которая обеспечивала запись наших бесед. В эти же годы я переводила неизвестные письма Ч. Дарвина В.О. Ковалевскому.

В начале 2000-х я решила создать собственный центр. Я пошла к Владимиру Михайловичу Орлу и попросила у него хоть какую-то комнатку для нас, чтобы там можно было сидеть и заниматься. Орел пошел мне навстречу. Мы получили комнату и стали интересно работать. У нас было много семинаров, заседаний, защит диссертаций.

В 2000-е гг. я совместно с Ларисой Васильевной Чесновой работала над биографией В.Н. Беклемишева. До нас его биографию никто не писал. Я прониклась его работой «Методология систематики», где он определил методологический базис как общих, так и частных иерархических систем. Новаторскими явились и Беклемишевский подход к понятию индивидуальности, и его трактовка морфопротекса. Методология биологического познания Беклемишева не потеряла своего значения и в настоящее время. В конце 2000-х я переехала со своим вторым мужем Владимиром Георгиевичем Стрекозовым в Санкт-Петербург, у меня появилось много времени, чтобы глубоко изучить научное наследие Беклемишева. В 2009 г. вышла наша книга «Пророк XX века», в которой были рассмотрены неизвестные аспекты научной деятельности этого выдающегося биолога. Все фотографии к книге подбирала Лариса Васильевна, она была очень энергичным человеком.

До настоящего времени ряд идей Беклемишева остаются востребованными. В первую очередь, это понятие индивидуальности в трактовке В.Н. Беклемишева. Дриш ввел эту категорию для того, чтобы объяснить процесс восстановления целого «в его цельности», т.е. в естественно протекающем процессе. Беклемишев считал, что применение Дришем понятия индивидуальности ограничено прагматическими целями. Беклемишев был против понятия индивидуальности в узком смысле, как обособленного организма в своей телесной оболочке, считая такое понятие относительным. Критерием индивидуальности для ученого был не способ образования обособленности, а динамическая согласованность частей объекта, или, по его выражению, «функциональная гармония частей». Беклемишев определял организм как многоуровневую систему, в которой взаимодействие частей обеспечивает ритмическое повторение определенного цикла изменений. Именно эта динамическая составляющая, присущая всему живому, и обеспечивает, по Беклемишеву, его специфику.

Беклемишев выделил три типа морфопротекса: 1. Организмы, замкнутые в течение всего жизненного цикла. К таким организмам он отнес бактерий. 2. Организмы, открытые в определенное время для определенных компонентов. Это большинство организмов во время полового оплодотворения. 3. Организмы, открытые в течение большей части своего жизненного цикла. К ним были отнесены ресничные черви, или турбеллярии. По мнению Беклемишева, три типа морфопротекса представляют собой три типа комбинирования частей. Причем чем свободнее комбинируются части, тем слабее индивидуальность целого. Со временем учеными были изучены животные, открытые в течение большей части своей жизни, в частности представители типов погонофор и вестиментифер.

Представления Беклемишева о структуре наземных сообществ, которые он высказал в начале 1930-х гг., логически вытекали из его трактовки сущности индивидуальности. Это был оригинальный подход к решению проблемы индивидуальности в биологии. Основными терминами при обосновании сути индивидуальности для Беклемишева стали – организация и процесс. Он писал, что всякий организм есть в сущности морфопротекс и характеризуется он определенными стадиями в изменении всех свойств и определенными взаимоотношениями этих изменений во времени. Ритмичность и замкнутость – это характерные черты морфопротекса. Чем более

замкнут морфопроецесс, тем более он независим от внешней среды, а следовательно, более индивидуален. Критерием индивидуальности для Беклемишева был не способ образования обособленности и самостоятельность частей, а только устойчивость морфопроецесса. В настоящее время уже на уровне синергетических взаимодействий особый интерес представляют многоуровневые связи. Процессы, возникающие при межуровневых взаимодействиях, имеют вид развернутых во времени и пространстве клеточных преобразований. Такое представление соответствует Беклемишевскому понятию динамической согласованности, или функциональной гармонии частей. Таким образом, его идеи, когда-то не признанные научным сообществом, стали будущим биологии.

Я как-то высказалась, что преклоняюсь перед методологией Моргана. Дело в том, что Морган предложил методологию редуционизма, к которой еще не была готова биология начала XX в. Но перепутье предоставляет выбор идущему, и Морган свой выбор сделал. Он предложил механическую модель строения хромосомы, в которой гены располагались линейно и представляли собой индивидуализированные образования. Они могли меняться во время мейоза. Это явление кроссинговера. В то время представления о генах были очень бедны, поэтому механическая модель строения хромосомы как рабочая гипотеза вполне устраивала Моргана. Склонность его к механицизму усиливалась благодаря резко отрицательному отношению к метафизике. Борясь с метафизикой, Морган сознательно придавал своим материалистическим воззрениям механистическую форму, поскольку материализм и механицизм были для него тождественными понятиями. Такое механистическое мышление в биологии было сродни физике. Сам Морган понимал, что механицизм не может объяснить все явления природы, но механистический подход дает очень многое для науки. Не случайно идеи Моргана о том, что свойства живых существ являются следствием их химического состава и строения, подготовили почву для исследования жизни на молекулярном уровне и зарождения новых научных дисциплин.

Возвращаясь к работе в ИИЕТ: сначала я работала под руководством Бонифатия Михайловича Кедрова. Потом в 1974 г. его сменил на этом посту Семен Романович Микулинский. Он был тяжелый человек, но у меня с ним были хорошие отношения. Работать с ним было интересно, мы участвовали в различных коллективных проектах, издавали фундаментальные работы. Как только закончилась эпоха застоя и началась перестройка, атмосфера в институте стала нездоровой. Я в подробностях не знаю, с чем это было связано, но на Микулинского стали писать клеветы в различные инстанции. Когда его сняли с поста директора, пришел Вячеслав Семенович Степин, затем Николай Дмитриевич Устинов, его сменил Борис Игоревич Козлов. Все изменилось в лучшую сторону, когда пришел Владимир Михайлович Орел. Он сумел сгладить все шероховатости и сориентировать работу института в нужном направлении. Наш институт стал опять уважаемым учреждением. Он был очень грамотный и мудрый организатор, сказался его многолетний опыт работы в комсомоле. После него в институте все изменилось не в лучшую сторону, о чем я даже не хочу говорить.

Если вспоминать о коллегах из сектора истории биологии, то я очень дружила Наташей Рубайловой. Она очень рано умерла, ей даже пятидесяти лет не было. Она была очень симпатичная и доброжелательная женщина. Прекрасно знала английский. Мы с ней были младшими научными сотрудниками, поэтому нас обязывали быть на работе с 10:00 до 17:00. С ней мы ходили в Славянский базар. Потом в институт пришла Таня Курсанова. Мы с ней тоже подружились. И сохранили наши приятельские отношения до сегодняшнего дня. Нам с ней выделили стол в самом конце сектора у входной двери. Нора Андреевна Григорьян была необычным человеком. Она любила людей, была очень доброжелательна. Была готова прийти на помощь в трудную минуту. Вадим Иванович Назаров был энциклопедически образованным человеком, знал французский язык. Он переписывался со многими крупными учеными Франции. В 1990 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию «Развитие неदारвиновских концепций эволюции». Я очень дружна с коллегами из Санкт-Петербургского филиала нашего института. Яша Галл защищал кандидатскую диссертацию после меня, мы вместе оформляли документы в ВАК. Я дружила с Мишей Конашевым. Ну и конечно с Эдиком Колчинским. Колчинский был человеком необыкновенной энергии и прекрасным организатором. Мы достаточно часто ездили в Питер, они приезжали к нам.

Семь лет я проработала экспертом в РФФИ. Меня туда «сосватал» Гурштейн Александр Аронович, известный историк астрономии. Я спросила: «А что я там буду делать?». На что он ответил: «Вы там будете не одна, там будет академик Раушенбах Борис Викторович, и он будет Вами руководить». Самое главное, что Раушенбаха я там ни разу не видела. Мы там заседали под председательством академика Бонгард-Левина Григория Максимовича. Работать там было интересно. Мы получали кипу проектов и проводили их экспертную оценку. А потом наши экспертизы обсуждались на заседаниях. Меня очень ругали историки из университета, почему эти историки науки получают гранты, а мы хорошие работы вынуждены отбрасывать. Я всегда отстаивала наших исследователей и убеждала, что их проекты достойны финансирования. Я очень многим помогла, честно. Мне всегда хотелось быть полезной людям. Чем могла, я помогала. Я не считаю, что я выдающийся человек, просто я с симпатией отношусь к людям, и в моей биографии нет ничего особенного.

Я могу гордиться своими учениками. Многие из них стали не просто учеными, но и организаторами науки. Первый мой защитившийся аспирант – Олег Петрович Белозеров – в настоящее время руководит отделом истории биологических и химических наук. Его кандидатская диссертация была посвящена изучению генетических основ индивидуального развития в СССР. Недавно он защитил докторскую диссертацию. Затем под моим руководством защитил кандидатскую диссертацию Роман Алексеевич Фандо. Его диссертация была посвящена отечественным научным школам в генетике 1930–1940-х гг. Сейчас он заместитель директора по науке ИИЕТ РАН. В некотором роде определяет научную политику института. Очень способная и трудолюбивая моя ученица – Мария Александровна Помелова. Она защищала диссертацию по истории отечественной экспериментальной эмбриологии первой половины XX в. Сейчас она также работает в нашем институте. Я всегда старалась помочь своим аспиран-

там, вплоть до того, что приносила им книги и статьи, необходимые для работы. Когда работаешь с молодежью, то самой не приходится стоять на месте, нужно постоянно что-то читать, интересоваться, выходить за рамки своего исследовательского поля. Общение с учениками всегда стимулирует к движению вперед. Это я впитала от своего учителя Леонида Яковлевича Бляхера и старалась передать своим ученикам. Надеюсь, что мне это удалось.

Публикуется по: Историко-биологические исследования. 2021. Том 13. № 1. С. 126 –132.

1967 год

РАБИНОВИЧ
Вадим Львович

В августе, 21 числа, 1968 г. наши танки вошли в Чехословакию обездушить (=удушить) Пражскую весну, хотя календарно дело шло к осени. А я возьми, да и напиши аккурат в том же августе и в том же году, почти того же дня стихотворение «Ночные гости», которое начиналось так:

Вламывались в дом чужой,
Как в своем располагались...
И далее – крещендо...

Больше того: на институтском вечере в честь Седьмого ноября я по просьбе коллег прочитать что-нибудь из новенького прочитал это стихотворение. Товарищеский ужин со спиртным был в самом разгаре. Все, обомлев, а некоторые и остолбенев, проглотили по аршину, а заместитель директора С.Р. Микулинский (директором тогда был Б.М. Кедров) заглотил свой аршин совсем глубоко, не

зная, что и делать. Он покрылся испариной и пошел пятнами. Сомнений насчет ночных гостей – кто они такие, зачем пришли и откуда – не оставалось. Воцарилась тишина. Насколько помнится – гробовая... (Кажется, один залпугавший аплодисмент все же раздался). Хотелось со страху исчезнуть.

Но... встал Б.М. и сказал, катастрофически снизив пафос моего отчаянного героизма: «А стихотворение-то злободневное. Как раз сейчас исполняется ровно тридцать лет гитлеровской оккупации Чехословакии. Сильное стихотворение. Давайте поаплодируем Вадиму Львовичу. Вот ведь они какие – немецко-фашистские захватчики». Шквал аплодисментов. (Замечу: двадцать лет спустя стихотворение «Ночные гости» было напечатано в моей книге стихотворений «Фиолетовый грач», в издательстве «Советский писатель»).

Празднование продолжилось. Б.М. был доволен выходом из положения. Когда вечер окончился, Б.М. и я вышли из Института и пошли от Старопанского переулка до метро «Октябрьская». Прощаясь, он мне доверительно сказал: «А Вы, Вадим Львович, все-таки наивный какой-то...» Я благодарно кивнул...

Прошло еще лет десять–двенадцать. Наивности поубавилось. Но, к счастью, все же не до конца. Конец 1970-х – начало 80-х годов. Тогдашний директор ИИЕТ, С.Р. Микулинский, в приступе тоскливой ко мне нелюбви решил меня вышвырнуть из Института. (За что, почему и в подробностях – когда-нибудь в другой раз). Сейчас только кое-что из этой леденящей душу истории.

Как бы то ни было, он решил меня выгнать.

Как это было тогда заведено, прицепились ко мне за то, что с плановой темой я не уложился в срок: превысил объем, а надо (в моем случае), чтобы точь-в-точь было.

Моим прямым начальником тогда был Илья Семенович Тимофеев – известный специалист по переходу количества в качество и обратно. И вот Б.М. вступает в переписку с Микулинским С.Р. и Тимофеевым И.С. Эта переписка сохранилась для истории в личном архиве Б.М. Перескажу – близко к тексту – лишь самую суть.

Б.М. пишет С.Р. о том, что он стар и болен, ходит плохо, видит слабо, пишет с трудом и что ему, по уставу АН СССР, полагается помощник, который помог бы ему подготовить для серии «Классики науки» книгу Роберта Бойля «Химик-скептик», издание коего задумал еще С.И. Вавилов в бытность свою Президентом АН, а сейчас поддерживает председатель этой серии П.Л. Капица. И таким помощником мог бы стать В.Л. Рабинович – химик по образованию, к.х.н., знающий латынь и алхимию (он – автор книги «Алхимия как феномен средневековой культуры»), к тому же еще и член Союза писателей...

С.Р. Микулинский и И.С. Тимофеев (каждый в отдельности) пишут Б.М. Кедрову, что они бы и рады, да вот незадача: В.Л. Рабинович не выполнил в срок плановую тему, да и характер у него сложный. Мы лучше дадим такого-то или такую-то (имярек). А В.Л.Р. пусть пройдет досрочную аттестацию...

В ответ на сие Б.М. пишет о том, что он вовсе не настаивает на кандидатуре В.Л.Р., но ему нужен помощник, который бы знал латынь, был бы

химиком (к.х.н.) и написал бы книгу об алхимии и к тому же был бы писателем. При этом совсем не обязательно, чтобы он был непременно Рабиновичем. А кандидатуры, которые ему любезно предлагает С.Р., этими особенностями в полном объеме не обладают. При этом повторяет, что он стар и плохо видит и что ему нужен, согласно Уставу АН, личный помощник.

Далее Б.М., получив очередной отказ и не меняя просительной тональности, находит новый поворот в этой эпистолярной.

Б.М. Кедров в письме С.Р. Микулинскому, как мне сейчас вспоминается, сообщает о том, что он не получил от него положительного ответа, и поэтому вынужден обратиться к Президенту АН (а может быть, и к Общему собранию) с письмом, в котором он расскажет, что он, старый больной академик, плохо видит и что ему нужен помощник, на что по уставу он имеет право... (Далее – по тексту).

Привожу фрагменты из этой переписки (воспроизвожу их по рукописи и авторизованной машинописи).

«...За последнее время за рубежом вышло много работ о Бойле и его «Химике-скептике». Сейчас я лишен возможности прочесть эту литературу, так как вот уже три года тяжело болею нарушением мозгового кровообращения (спазмы сосудов головного мозга), а за последние месяцы быстро прогрессирует слепота (левый глаз вообще не видит, правый потерял зрение более чем на 50%, читаю с трудом через очки и лупу).

Мне срочно и дозарезу нужен научный помощник специально для работы над Бойлем: он безусловно должен удовлетворять следующим условиям: 1) быть химиком и историком химии; 2) хорошо знать средневековую алхимию; 3) знать английский язык; 4) быть хотя немного знакомым с латынью; 5) интересоваться работой над Бойлем и желать выполнять эту работу.

Таким специалистом является Рабинович. Я другого не знаю не только в нашем Институте, но и в АН СССР вообще. Если Вы знаете, в чем я сильно сомневаюсь, то назовите мне его».

Далее он пишет: «Напомню Вам, что в системе АН существует неписанное правило, что если академик в своей творческой научной работе нуждается в специальном помощнике, тем более временном, то руководство любого академического института идет ему навстречу, а я ведь единственный академик в ИИЕТ, к тому же работаю сам лично, а не присваиваю себе труды других, да к тому же сам тяжело болею. Полагаю, имею основания просить себе одного научного помощника (первый раз за 20 лет работы в Институте!), так как считаю издание Бойля своим научным и гражданским долгом.

Меня не интересует... личное отношение Рабиновича с кем бы то ни было (о чем мне писал И.С. Тимофеев). Меня интересует только работа, а из опыта двухлетнего сотрудничества с Рабиновичем я убедился в том, что в работе над Бойлем он может оказать неоценимую помощь.

Твердо надеюсь, что Вы как директор Института поставите интересы дела, истории науки и всего Института выше каких-либо посторонних соображений и удовлетворите мою просьбу, не прибегая больше к каким-либо предложениям формального характера...

Надеюсь, что на этом наша переписка закончится Вашим положительным решением (январь 1983 г.)». Но С.Р. положительного ответа не дал.

Нетрудно также догадаться, что первым слушателем этих текстов был я. Автор (Б.М.) и его первый слушатель (т.е. я) залиvisto смеялись. Адресату, скорее всего, было не до смеха. Можно только вообразить, какие злые слезы навораживались на глаза бедного Семена Романовича.

Для общественности же все началось с пометы на полях ксерокопии верстки «круглого стола» на тему: «Культура, история, современность», проведенного журналом «Вопросы философии» в 1977 г. Ксерокопия предназначалась сектору философии Отдела науки ЦК КПСС, а помета принадлежала перу цековского консультанта той поры (этику по специальности). Злополучная помета аккуратно пришлась на мое выступление, в коем речь шла об алхимии как феномене культуры. А реплика пронизательного этика из ЦК была такой: «И это в год 60-летия Октября?!» Для С.Р. Микулинского этого было вполне достаточно, чтобы начать угождать высокой инстанции мощным комплексом мероприятий: расширенным партбюро (без меня), расширенной дирекцией (здесь и далее – со мной), расширенным Ученым советом, расширенным коллективом... Казалось, ширше уже некуда. Я не повинился. Но не потому, что был так уж смел. А потому, что никак не мог взять в толк, что означает «Это в год 60-летия», чем ввел в идеологическое бешенство директора. Бонифатий Михайлович, хлопнув дверью, брезгливо покинул эту публичную порку. Но, покидая, сказал: «Мерзко, когда директор, член-корреспондент, сводит счеты со своим младшим (тогда я был именно таким) сотрудником». В.Н. Садовский присоединился к Б.М., что было тогда тоже вполне героично. И так – далее... Аж до 1982 г. К этому времени С.Р. Микулинский включил в травлю все общественные службы Института – от партбюро и месткома до МОПРа и Красного Полумесяца. Участвовали в отлове и отстреле и просто, так сказать, физические лица (в том числе и те, кто ходит сейчас в христороливых гуманистках или же их респектабельных ученых мужьях).

Чем бы все это кончилось, сказать трудно. Может быть, чем-нибудь сосудисто-недостаточным?.. Если бы не замечательный и добрый Б.М.

Просто выгнать на улицу было все-таки трудно. Евреев хоть и не брали на работу, но зато и не увольняли. Именно в эти годы ходил такой горький анекдот. У армянского радио спрашивают: чем отличается еврей от сиониста? – Еврей – это тот, кто уже работает. А сионист – который еще только хочет устроиться на работу. И Кедров придумал: передать меня со ставкой (к тому времени уже старшего) в Научный совет к И.Т. Фролову. (Лишь теперь понимаю – как холопа какого: от Семена Романовича к Ивану Тимофеевичу...) Зато был спасен, за что спасибо им всем.

И ангелы на небесах над Маргаритою из «Фауста»: «Спасена, спасена...»

Пуще всех обрадовался Семен Романович. Но, оказывается, на акт передачи меня необходимо было согласие Отдела науки того же ЦК КПСС. Во исполнение и во избежание работник ЦК КПСС в разговоре по телефону с Б.М. Кедровым сказал: ЦК не будет возражать, если в результате этой передачи останутся довольны все: С.Р. Микулинский, Б.М. Кедров, И.Т. Фролов и ... В.Л. Рабинович.

Вот, оказывается, чем занимался Отдел науки ЦК КПСС – мною, бедным беспартийным евреем. Так завершился мой путь – от «мании» преследования к «мании» величия.

Недолго поломавшись (больше для вида), я согласился. Н.И. Кузнецова, для скорости взяв такси, отвезла мою штатную единицу от С.Р. Микулинского – через П.Н. Федосеева – к Б.С. Украинцеву для И.Т. Фролова. Б.М. ликовал. С тех пор я там (или здесь?). А мог бы и не взять меня Иван Тимофеевич. Наверное, пропал бы я тогда. Но... взял. За одно только это И.Т. Фролову и Б.М. Кедрову мое благодарствование. Всею памятью...

Веселый он был человек. Пирушки, домашние научные семинары, наминавшие «капустники», сумерничания за чаем, праздники и юбилеи... Лучший тамадолог АН СССР, но и практикующий тамада, блистательно не пьянеющий острослов, убийственный экспромтщик и так – далее. До последнего часа. Добрый, душевный, легкий...

Публикуется по: Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2005. С. 691–695.

1967 год

РОЖАНСКАЯ
Мариам Михайловна

Я попала в сектор не случайно. Это был долгий путь. Сначала истфак, потом мехмат. Потом я преподавала математику. Потом меня «изловил» мой бывший шеф, археолог Сергей Павлович Толстов и предложил: «Вот, ты математикой занимаешься и в ней, наверное, немного понимаешь... Есть такая книга, «Канон Масуда» ал-Бируни. Я был в Индии, и мне ее поднесли. Это самая основная, фундаментальная его вещь. Она издана по индийским рукописям, на русский она не была переведена, и никто ее по-настоящему не изучал. Ты бы взяла и попробовала, занялась переводом». Я попробовала. С чего я начала пробовать? Я решила, что пойду в Университет, в кабинет истории математики, там есть Софья Александровна Яновская. Она как-то, по моему, была главным историком

математики. Я ее разыскала, она меня отвела на семинар по истории математики, где руководителями были Адольф Павлович Юшкевич и Борис Абрамович Розенфельд: «Вот два человека, которые занимаются тем, что Вас интересует». Я пришла, Бориса Абрамовича не было, он был в больнице. Но Адольф Павлович сказал: «Да, конечно, этим стоит заняться. Вот мы как раз начали сейчас исследования по арабской математике. Давайте, когда Борис Абрамович выйдет недели через две, – приступайте».

Я ушла домой, почитала немножко литературу. Работала я тогда еще в Институте этнографии. И – звонок от Бориса Абрамовича. Он говорит: «Здравствуйте, это вы собираетесь заняться Канонем Масуда?» Я говорю: «Да, меня это интересует». – «Все, – говорит, – приходите. Значит, мы с Вами за этот год переведем, потом издадим...». Я говорю: «У меня с арабским-то не очень, потому что я когда-то на истфаке занималась этим. Но сколько лет прошло, мне нужно поднимать язык». Но у Бориса Абрамовича было особое отношение к этому, он говорил: «Чего там поднимать, берите текст, поднимайте, и там по ходу дела разберетесь в языке». В общем, он никак не мог понять, что у меня было другое представление о том, как надо заниматься языком, особенно в историческом разрезе. Это шло от школы И.Ю. Крачковского. Я понимала, что надо сесть за Коран и коранические тексты. Для начала так, как диктует преподавание в Ленинграде, на отделении арабистики. В общем, с этим делом я попала на обучение к ученице Крачковского. А Борис Абрамович тут же ей позвонил и сказал: «Что вы там копаетесь, какие традиции? Переводите Коран и коранические тексты? Надо сразу текст переводить основной!» Она тоже очень удивилась. Потом дело дошло до того, что с этими вещами, наверное, следовало бы переходить в наш Институт, потому что было задумано издание многотомной истории математики и многотомной истории механики. Вот Адольф Павлович Юшкевич тогда мне предложил сразу переходить в Институт, но я к этому времени уже сдала минимумы им же, Адольфу Павловичу и Ашоту Тиграновичу Григорьяну. Я пошла в Институт, прямо к Ашоту Тиграновичу, и сказала ему: «Все ничего, но у меня есть один минус – 5-й пункт в анкете. Смотрите, вы столкнетесь с трудностями». Он говорит: «Что вы меня пугаете, обратите внимание на мой сектор. Кто у нас главный человек? Адольф Павлович Юшкевич, Борис Григорьевич Кузнецов» (у них очень интересно было: два брата-близнеца: один – Кузнецов, а другой – Шапиро).

В общем, конечно, сектор был совершенно замечательный. Когда я пришла в сектор, это был объединенный Сектор истории математики и механики. В нем были Василий Павлович Зубов, Борис Григорьевич Кузнецов, Адольф Павлович Юшкевич, Иосиф Бенедиктович Погребысский, Леонид Ефимович Майстров.

Я немного расскажу про Семена Романовича. Дело в том, что, когда он ушел из Института, мы с ним оказались жильцами одного дома в Черемушках. И иногда у нас по вечерам были совместные прогулки. Он рассказывал об истории науки и о многом другом. Мне очень интересно было его слушать, ведь Семен Романович учился в ИФЛИ. Я ему говорю однажды: «Вот бы интересно было, чтобы вы рассказали, с какими людьми вы учились: о Когане, Кульчицком, Самойлове и других». Он ответил: «Они были очень нестандартные, интересные люди. Нам, то есть комсо-

мольскому бюро, с ними было тяжело работать». При этом он был на все руки мастер, не только ученый, но и столяр, и плотник.

В секторе были совершенно замечательные люди. Мне, конечно, очень повезло, потому что это редкое везение – встретить такое соцветие ученых. Они не просто ученые, они сами по себе были очень яркие люди. Иосиф Бенедиктович Погребысский, например. Он редактировал историю механики, особенно первую часть, писал обо всем, он был эрудирован не только как математик, механик, но и как гуманитарий – такой, каких поискать надо. Про него рассказывали даже такую вещь: в конце войны, в Берлине, он попал на постой к одному профессору-филологу, немцу. Он его поразил: прочел ему наизусть на немецком отрывки из второй части Фауста. Тот сказал: «Майн Гот, у нас ни один немец не может этого сделать».

В.П. Зубов... он называл журнал, в котором мы расписывались, проходя на работу, «корифейник»... Ашот Тигранович был прекрасный организатор, его очень уважали за границей. Они все оставили настолько яркий след в истории науки вообще, и в истории механики в частности, и были очень широко образованы.

Больше сорока лет я работаю в Институте истории естествознания и техники, а самой историей науки занимаюсь уже около пятидесяти лет. Это в известной степени оправдывает мое нынешнее стремление к воспоминаниям и размышлениям о сущности и специфике предмета истории науки вообще и истории физико-математических наук в эпоху Средневековья, чем я преимущественно занимаюсь, в частности.

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, у меня возникает ощущение, что все было заранее предопределено, что мной руководила какая-то особая сила, которая через многие препоны вела и привела меня к истории науки. И все мои действия в процессе этого движения к истории науки, к кругу проблем, составлявших и продолжающих составлять предмет моих занятий, как и вся моя, говоря возвышенно, научная биография – вовсе не цепь случайностей, как может показаться на первый взгляд. Эта самая «сила» не давала мне сбиться с пути.

Что же это за «сила», где и в чем ее источник? Иногда мне казалось, что для правильного понимания ее природы лучше всего воспользоваться аристотелевскими представлениями о «естественном» и «насильственном» стремлениях как источнике движения тела в «земной» механике. Одно из них «естественное», присуще самому телу, другое, «насильственное», задает ему некоторый импульс извне. Совокупность этих стремлений и движет тело. Относительно «естественного» стремления все понятно. Это – моя собственная устремленность к цели. «Насильственное» стремление задается источником извне. И это, очевидно, мои учителя и коллеги, которые задавали цель и поддерживали мое стремление к ней. Все попытки, вольные и невольные, отклониться от этого пути кончались непременно возвращением к нему.

Наибольшее «насильственное» стремление мне придавали поначалу школьные учителя, а потом профессор Сергей Павлович Толстов (1907–1976), о котором надо сказать особо.

Начну с того, что в юности я совсем не собиралась быть историком науки, тем более историком математики, механики и астрономии. В 1950 г. я окончила исторический факультет МГУ по специальности этнография и

археология. Руководителем моим был упомянутый выше Сергей Павлович Толстов, замечательный историк и этнограф, великий археолог, руководитель легендарной Хорезмской экспедиции. Я познакомилась с ним в 1943 г., будучи школьницей (училась вместе с его дочерью Ладой), часто бывала в его доме, вместе с Ладой слушала его замечательно интересные рассказы о работе Хорезмской экспедиции еще в довоенные годы, о проблемах среднеазиатской археологии и перспективах полевых работ после окончания войны. Сам он, участник народного ополчения и обороны Москвы, вернулся к науке и преподаванию в университете после тяжелого ранения (его даже считали погибшим и однажды почтили его память вставанием на заседании эвакуированной в Ташкент АН СССР).

Общение с Сергеем Павловичем привело меня на исторический факультет, и я считала, что этнография и археология Средней Азии под его руководством и есть мое будущее. После окончания университета я была рекомендована в аспирантуру Института этнографии АН СССР, отлично сдала вступительные экзамены, но не была принята по не зависящим от меня причинам (пятый пункт плюс привходящие обстоятельства). Кроме меня в аспирантуру института с отличными оценками и тоже по не зависящим от него причинам не был принят еще один человек – мой большой друг, замечательный ученый, дешифровавший письменность майя, Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999), работы которого вскоре получили всемирную известность. (С тех пор я всем говорю, что могу гордиться тем, что не была принята в аспирантуру вместе с ним). Это было начало 50-х гг., время «борьбы с космополитизмом», дела «врачей-вредителей», «сталинского языкознания» и т.п. С.П. Толстов мне помочь не мог.

После неудачи с аспирантурой я безуспешно пыталась найти работу историка, в том числе учителя истории. Однако для работы на столь «идеологической» должности требовалось решение райкома партии, которое мне, естественно, никто не дал. О других местах работы по истории не могло быть и речи. Надо было менять профессию. Я поступила на механико-математический факультет МГУ. Одновременно я преподавала в школе математику, предмет не «идеологический». Потому должность учителя математики (а их в школах не хватало) оказалась доступной для таких, как я. Учась на мехмате, я начала работать в области аналитической механики под руководством профессора, ныне академика Валентина Витальевича Румянцева. Дипломная работа по теории устойчивости движения была опубликована в «Вестнике МГУ». По окончании я начала преподавать математику в вузе.

Долгое время мне даже не хотелось вспоминать об истории. О том, чтобы в этой области работать, не хотелось и думать, и вообще не хотелось заниматься наукой.

И вдруг все изменилось. Впоследствии я узнала, что это совсем было не «вдруг». Все время после окончания истфака, почти десять лет, С.П. Толстов был в курсе моей жизни и работы, знал об учебе на мехмате и, как только появилась возможность, предложил мне, учитывая мое математическое образование, заняться историей науки на средневековом Востоке. А в частности и в особенности творчеством великого хорезмийца, астронома и математика и вообще энциклопедиста Абу Райхана ал-Бируни (X–XI вв.). Основным объектом моего изучения должен был стать его

труд «Канон Мас'уда», изданный в Хайдарабаде (Индия) и раздобытый С.П. Толстовым с большим трудом во время его научного путешествия в Индию. Он считал и, пожалуй, не без основания, что «чистому» историку такое исследование не под силу.

Конечно, С.П. Толстов стал для меня и до конца моей жизни останется как бы той «внешней силой», которая повела и продолжает вести меня по пути истории науки.

Колебалась я недолго, и в конце 1959 г. началась моя работа в области истории физико-математических наук. Точнее, по истории естественных наук на средневековом Востоке, в Античности и в средневековой Европе, а также в эпоху Возрождения и в эпоху предистории классического естествознания в Европе. Эта работа продолжается и по сию пору.

В ней в полной мере пригодились оба моих образования, историческое и математическое. Ведь материал, с которым я имею дело, это в основном арабские и реже латинские рукописи физико-математического содержания. Такая работа может быть плодотворной при одном условии: кроме языка, необходимо досконально знать и сам предмет, и исторический фон.

Такое исследование требует труда специалистов, работающих на стыке дисциплин. Иначе филолог не поймет историка, и тем более математика, а исследование может оказаться скоплением ошибок и недоразумений, что случалось не раз в истории науки. Например, первые успешные переводы и исследования арабских математических рукописей в Западной Европе были сделаны математиком Ф. Вепке (1826–1864) и физиком Э. Видеманом (1852–1928). Именно благодаря работе таких специалистов в истории физико-математических наук на средневековом Востоке были получены интереснейшие результаты, позволившие рассматривать эту историю как самостоятельную научную дисциплину.

Обстоятельства моей частной жизни сложились так, что я оказалась одним из немногих специалистов подобного рода.

Специфика моей работы в том, что исследование иногда напоминает детективное: оно бывает связано с поиском и сравнением данных из многих рукописей и других источников, вплоть до археологических и этнографических. В нем есть загадка и ее разрешение, поиск и находка.

В моей работе, которая и строится по принципу «задача – поиск – находка – решение» можно найти не один увлекательный «эпизод из истории».

(...)

Время от времени каждый человек задумывается о том, что такое счастье. По-моему, необходимая составляющая счастья – это возможность испытывать радость или хотя бы удовлетворение от своей работы, а также получать хоть в небольшой степени признание окружающих. Хотя я лишена, мне кажется, тщеславия и амбиций, однако, как сказал поэт, «хочется и успеха, но на хорошем поприще». Насчет поприща мне, безусловно, очень повезло. Ведь большая часть моей сознательной жизни связана с историей науки, а это – любимое дело.

Что же мне сказать в заключение? Чего хотелось, к чему я стремилась, что успела, что в итоге получилось? И как я сама оценила бы сделанное?

И об этом сказано:

Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.
Но если бы я мог сначала
Жизнь эту вымолить у Бога,
Хотелось бы, чтоб снова стало
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.

«Победа» – это громко сказано. Следует всегда трезво оценивать свои возможности и сделанное тобой. И мои «победы» – это всего лишь маленькие шажки в процессе ликвидации «белых пятен» в науке, и это приносит удовлетворение. Когда они «одержаны», испытываешь радость и гордость, а об «упущенных победах» сожалеть не надо.

Пусть их одержит кто-то другой, которому принесут пользу мои результаты, и «упущенные победы» перейдут в разряд «одержанных». И это будет в какой-то мере способствовать устранению очередных «белых пятен».

Текст подготовлен путем контаминации по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 40–42 и Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 2. С. 181–184, 204.

1968 год

БАСТРАКОВА
Майя Семеновна

Я пришла в ИИЕТ осенью 1968 г., для меня это был совершенно закономерный и логичный шаг. До того я около 14 лет проработала в Архиве Академии наук, сначала занималась разбором и описанием личных фондов ученых, затем – публикацией документов об их жизни и деятельности, преимущественно их трудов. Эта работа дала мне очень много: я на практике поняла, что такое документальные источники, научилась ценить их и работать с ними, узнала многое такое, чего никогда не узнала бы из книг, а главное – я почувствовала интерес к истории науки и «заболела» ею.

Очень рано началось мое сотрудничество с профессиональными историками науки. Первым из них был Б.Е. Райков. Я готовила к изданию научное описание рукописного наследия И.И. Мечни-

кова, хранящегося в Архиве, а Райков должен был его редактировать. Он запомнился мне как очень умный, много знавший, жесткий и неуступчивый человек. Однако с ним можно было спорить, и он умел прислушиваться к мнению собеседника, даже к доводам такой еще совсем «зеленой» девчонки, какой я тогда была. Моя работа с ним началась со столкновения. Он счел неприемлемой предложенную мной схему расположения материала и предложил свою, которую со своей стороны я, «правоверный» историк-архивист, недавно окончивший институт и еще помнивший, чему там учили, сочла совершенно неприемлемой, так как она, на мой взгляд, противоречила правилам археографии. Я ему об этом сразу же прямо заявила. «Ну, знаете, – сказал он, – если Вы будете настаивать на своем, я сниму свою подпись». Я ответила, что если он будет настаивать на своем, то подпись придется снять мне. Он посмотрел на меня и сказал: «Что же, это звучит серьезно. Давайте работать». И мы начали работать. Во второй половине 1960-х гг. я вместе с сотрудниками Ленинградского отделения ИИЕТ: Л.В. Жигаловой, В.Н. Макеевой, Г.Е. Павловой и Е.В. Соболевой, работавшими под руководством А.В. Кольцова, готовила к печати сборник документов «Организация науки в первые годы советской власти». В ходе работы над сборником мне пришлось изучать материалы, которые содержали информацию о воззрениях ученых на проблемы, связанные с социальной жизнью науки и ее организацией. Эта тема заинтересовала меня. Ю.М. Шейнин, возглавлявший в ИИЕТ Сектор истории и теории организации науки, предложил мне принять участие в книге «Организация научной деятельности» (1968), и я написала для нее статью «Организационные тенденции отечественной науки в конце XIX – начале XX в.». Насколько мне помнится, это была первая книга из серии «Науковедение. Проблемы и исследования», ставшей в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. одной из «визитных карточек» нашего Института. Примерно в середине 1960-х гг. директор Архива Академии наук Б.В. Левшин договорился с руководством ИИЕТ о совместном издании философских работ В.И. Вернадского и трудов по истории науки, многие из которых до тех пор еще оставались в рукописях. Архив брал на себя археографическую подготовку текстов и частично их комментирование. Эту работу Б.В. Левшин поручил мне. Вместе со мной работала хранитель Мемориального кабинета-музея В.И. Вернадского при ГЕОХИ Валентина Сергеевна Неаполитанская. В молодости Валентина Сергеевна была личным секретарем Вернадского. Она хорошо разбиралась в его материалах, была прекрасно знакома с его манерой работы и почерком, зачастую весьма неразборчивым, была умным, интеллигентным, много знавшим человеком, и ее сотрудничество оказалось неоценимым. На заключительном этапе работы С.Р. Микулинский для сверки и технической правки текстов откомандировал в Архив двух своих молодых сотрудниц: Наташу Кузнецову и Галю Фирсову. Н.И. Кузнецова, выполнив временное задание своего патрона, отошла от этой работы, хотя, как оказалось впоследствии, навсегда сохранила интерес к идеям Вернадского. Что касается Г.А. Фирсовой, то вплоть до конца 1990-х гг. она принимала активное участие в подготовке к изданию его трудов.

Летом 1968 г. мы передали в ИИЕТ 3 папки, содержавшие философские труды В.И. Вернадского, включая работу «Научная мысль как пла-

нетное явление», труды по всеобщей истории науки и общим проблемам ее развития, труды по истории науки в России. Тексты были полностью подготовлены археографически, снабжены общеисторическими комментариями и примечаниями, касавшимися обстоятельств, связанных с написанием каждой из работ. Сотрудникам ИИЕТ предстояло прокомментировать специфические философские и естественнонаучные проблемы и термины, упоминавшиеся в текстах, и осуществить научное редактирование всего издания. К сожалению, эти труды Вернадского увидели свет лишь много лет спустя. Таким образом, к осени 1968 г. я уже достаточно тесно сотрудничала с Институтом, и когда Ю.М. Шейнин и С.Р. Микулинский предложили мне перейти туда на работу, я согласилась.

Мои первые шаги на новом месте были связаны с Сектором истории и теории организации наук. Вместе со мной там работали О.А. Александровская, Е.А. Беляев, Г.И. Любина, Л.Н. Шумилова, позднее сюда пришли Г.Г. Дюментон, Г.Е. Павлова, И.В. Шульгина. О совместной работе с ними я до сих пор вспоминаю с удовольствием и благодарностью. Я особенно благодарна судьбе за встречу и совместную работу с Ю.М. Шейниным. Это был талантливый, неординарно и творчески мыслящий человек, незаурядный ученый и руководитель, умевший улавливать новые идеи и тенденции научной жизни, развивать их, формулировать нестандартные исследовательские проблемы и организовывать их разработку. Под его руководством наш сектор стал одним из первых, а может быть, и первым научным центром, где исследовались проблемы научной политики в дореволюционной России и в СССР, в странах Европы и в США, вопросы социальной истории науки и ее организации. У колыбели этого еще нового тогда научного направления стоял Ю.М. Шейнин. Он сумел привлечь к его разработке специалистов в разных областях знания: историков, социологов, экономистов и др., работавших не только в стенах нашего Института, но и в других учреждениях, даже в других городах, и организовать комплексное коллективное исследование. Мы, сотрудники Юлиана Михайловича, ценили его не только как талантливого ученого и организатора, но и как интеллигентного и глубоко порядочного человека, наделенного большой душевной щедростью, умного и доброжелательного. В нашем Секторе царил атмосфера творческой свободы, дружелюбия и тепла, мы помогали друг другу, жили и работали по принципу «один за всех и все за одного». Душой нашего коллектива был Ю.М. Шейнин.

Хочу сказать еще об одном неординарном человеке, с которым мне довелось работать, о Семене Романовиче Микулинском. Он почти сразу же включил меня в свою «обойму» и часто загружал заданиями, как правило, срочными: подготовкой исторических справок, аналитических записок, «рыбы» для выступлений высоких чинов из Президиума Академии наук и т.п. Это был талантливый ученый и руководитель, настоящий «трудоголик» и прирожденный лидер, много сделавший для ИИЕТ. Он умел всецело отдаваться работе, не жалея ни времени, ни сил, ни здоровья. Семен Романович остался в моей памяти как справедливый, но требовательный и жесткий руководитель, не лишенный, как мне казалось, диктаторских наклонностей. Когда того требовало дело, он не щадил не только себя, но подчас и сотрудников. Спорить с ним было невозможно. Во всяком случае, мне это никогда не удавалось, — он меня просто подавлял. Вспомина-

ется один характерный случай. Я сломала руку и сидела дома на больничном. Микулинский позвонил мне и сказал, что необходимо срочно составить какую-то очередную историко-аналитическую записку, уже не помню, на какую именно тему. Я радостно ответила, что сломала правую руку и не могу писать. Он немного подумал и спросил, есть ли у меня пишущая машинка. Я с удовольствием ответила, что машинки у меня нет. «Вот что мы сделаем, – сказал он, – я распоряжусь, Вам привезут машинку и Вы сможете потихоньку печатать левой рукой». Я растерялась и ничего не сумела возразить. На следующий день мне действительно доставили машинку, я что-то сочиняла, с трудом печатала одним пальцем левой руки, а в правой отдавалась боль. Сейчас это вспоминается как забавный эпизод, а тогда мне было не до смеха, работать с С.Р. Микулинским нередко было трудно, но всегда интересно. Он был безусловно незаурядным человеком, одаренным талантами не только ученого и администратора, но и другими, возможно, многими. Как-то раз, когда Семен Романович был не здоров, я привезла ему домой какие-то материалы, с которыми мы с ним должны были работать. Его супруга Нина Витальевна показывала мне тогда разнообразные поделки из дерева, которые, по ее словам, он изготовил собственными руками. Они были выполнены с большой фантазией, выглядели очень изящными и оригинальными.

Несколько слов о Бонифатии Михайловиче Кедрове. Годы, когда он был директором ИИЕТ, вспоминаются как лучшие и самые яркие в жизни всего нашего научного коллектива. Он внес в работу Института свежую философскую струю, которая существенно расширила горизонты исследований: началось изучение методологии науки, логики ее развития, психологии научного творчества и других нестандартных проблем. Я всегда с удовольствием буду вспоминать интереснейшие философские семинары, работавшие под его руководством. Слушать выступления ученых, следить за их дискуссиями было настоящим интеллектуальным наслаждением, пожалуй, самыми интересными были выступления самого Кедрова. Его рассуждения о сложных философских и науковедческих вопросах всегда были такими логичными, он излагал свои мысли так ясно и просто, что все было понятно даже такому неискушенному в философии человеку, как я. В 1970-х гг. Б.М. Кедров взял на себя ответственность за издание философских трудов В.И. Вернадского, очень неординарных, до сих пор спорных, некоторые положения которых шли вразрез с положениями официальной идеологии того времени. Чтобы сделать их достоянием культурного мира, Бонифатий Михайлович проявил немалую смелость, настойчивость и изобретательность. Все те, кто интересовался и интересуется идейным наследием Вернадского, и те, кому в будущем еще предстоит познакомиться с ним, всегда будут с благодарностью вспоминать о Бонифатии Михайловиче Кедрове.

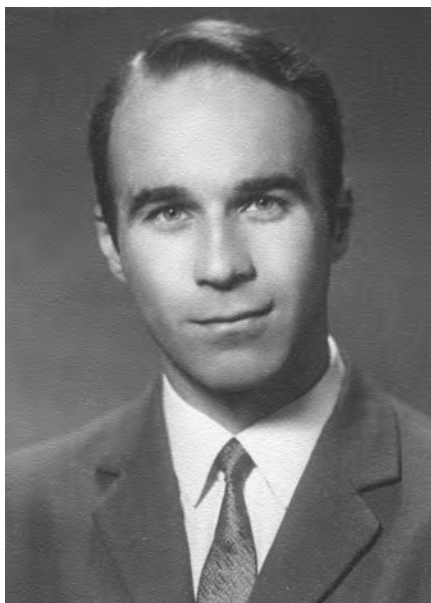
Хочу упомянуть еще об одном замечательном человеке, с которым судьба свела меня в нашем Институте. Я говорю о Галине Евгеньевне Павловой. Мне довелось много лет проработать с ней бок о бок. У нас оказались смежные темы и сложились общие научные интересы. Она была серьезным и талантливым исследователем. В моей памяти, как и в памяти всех ее коллег, она останется не только как крупный ученый, но и как доб-

рый, отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь. С ней было интересно работать, приятно общаться и большой честью – дружить.

Светлую память о себе оставила Галина Александровна Фирсова. Много лет мы вместе готовили к публикации рукописное наследие В.И. Вернадского. На ее долю выпала сложная и трудоемкая работа: проверка цитат, которыми изобиловали работы этого ученого, и его огромного ссылочного аппарата, нередко неточного и запутанного. Она успешно справлялась со всеми трудностями и сложностями. Отличительными чертами Г.А. Фирсовой были: четкость в работе, исключительная добросовестность и ответственность за порученное дело. Галина Александровна навсегда запомнилась мне как товарищ по работе, на которого можно было полностью положиться, а главное – как удивительно славный, дружелюбный и теплый человек.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 51–56.

1968 год

НАЗАРОВ
Вадим Иванович

В нашем Институте я не случайно, а по осознанному стремлению и призванию. В ом далеком 1968 году, когда меня зачислили в его штат, я был накануне окончания заочной аспирантуры МГУ, в котором до того учился. Меня, можно сказать, со школы увлекали проблемы эволюции и то, как шло ее осознание. С дарвинизмом все было ясно, а вот с ламаркизмом – полная загадка, белое пятно. Поэтому по согласованию со своим научным руководителем А.А. Пармоновым я намеренно избрал темой диссертации ситуацию с эволюционной теорией на родине Ламарка после всемирной победы дарвинизма. Значит, это история науки. Работая над ней, я одновременно открывал для себя все новые и новые книги в этой области, появлявшиеся в продаже под грифом Института истории

естествознания и техники. Так я узнал, что существует Институт, где сотрудники могут всецело отдать свое время любимому делу, и я стал им завидовать. Вот мне бы туда попасть!

Это стремление и привело меня в здание на Малой Лубянке в Сектор истории биологии, которым тогда заведовал профессор Л.Я. Бляхер. Уже первая встреча с этим замечательным человеком окрылила меня, и я рассказал ему о своих интересах, о мечте работать в этом Институте, потом выступил перед сектором с докладом о своей диссертации. Вскоре после этого меня пригласил в свой кабинет С.Р. Микулинский, бывший в то время зам. директора академика Б.М. Кедрова. Благодаря своему чутью и опыту он сразу угадал искренность моего влечения к истории науки и сказал, что возьмет меня пока, до прохождения по конкурсу на младшего сотрудника, на должность старшего научно-технического. Я был несказанно счастлив. Казалось, сама судьба благоволила ко мне. Очень скоро он определил и мои обязанности – быть ответственным секретарем редколлегии готовившего коллективного труда «История биологии» (мировой) и работать с авторами. Тут же он передал мне на редактирование несколько глав из будущей книги. Помню, с каким энтузиазмом я принялся за работу.

Как-то тот же Микулинский представил меня самому Кедрову, введя в его кабинет. Я хорошо запомнил чувство особого удовлетворения и гордости, когда ощутил свою руку в широкой и сильной руке прославленного ученого и по-отчески заботливого и непререкаемо авторитетного руководителя. И тогда же Кедров сказал: «Ну вот, Вы пока поработаете младшим сотрудником, а там скоро мы Вас сделаем старшим».

Кедров был, несмотря на свой статус и высокое положение, удивительно прост и доступен. Входя в помещение Института, он первым приветствовал любого встречавшегося ему на пути сотрудника, а мужчинам жал руки. Через год он пришел на банкет, организованный мною по случаю защиты кандидатской, и за столом говорил в честь меня похвальное слово в стихах, соответственно переиначив «Песнь о вещем Олеге» Пушкина. И, конечно, продолжал много шутить и рассказывать разные забавные истории. Да, такая простота и непосредственность даются только большим людям.

В это время когорту маститых и наиболее уважаемых сотрудников старшего поколения составляли такие крупные ученые, как А.П. Юшкевич, М.Г. Ярошевский, Б.Г. Кузнецов, А.Т. Григорьян, Н.А. Фигуровский, И.А. Федосеев, на которых старалась равняться наша молодежь. Они часто выступали с докладами, руководили научными заседаниями, семинарами, приглашали с лекциями и докладами известных ученых из других учреждений.

Научная жизнь была в Институте ключом, и в присутственные дни редко бывало так, чтобы где-нибудь не проходило заседание. Частенько горячие обсуждения и споры выплескивались из комнат в коридор, вовлекая в себя других сотрудников. Все это было очень интересно и заразительно.

В нашей богатой библиотеке можно было быстро и без всяких затруднений взять нужную книгу или журнал и посмотреть их тут же, «не отходя от кассы».

Уже вскоре после моего зачисления в Институт Микулинский командировал меня в филиал нашего Института в Ленинграде для снятия вопро-

сов по главам ленинградских авторов «Истории биологии». Первым, с кем я встретился по прибытии в Ленинград, был профессор К.М. Завадский, заведовавший Сектором истории и теории эволюционного учения. Он принял меня в своей квартире на Васильевском острове и долго расспрашивал об А.А. Парамонове и теме моей диссертации. Завадский сразу поразила меня своей эрудицией, огромной целеустремленностью, умением привлечь к коллективной теме большой штат сотрудников. Мы быстро сняли все вопросы по его главе, и речь пошла о театре, художественных выставках, кино и даже о прошедшем футбольном матче, он был страстным любителем футбола. С тех пор у нас завязалась теплая переписка.

Затем мой путь лежал к К.В. Манойленко и И.И. Канаеву, а вечером ко мне в гостиницу приехал поработать философ М.Т. Ермоленко из ЛГУ. За несколько дней пребывания в Ленинграде я сблизился с Я.М. Галлом, Э.И. Колчинским и А.Б. Георгиевским, тогда еще совсем молодыми, но подававшими надежды сотрудниками Завадского. Позднее мы разошлись во взглядах, но это не помешало нам остаться друзьями.

Я органически врос в Институт, сроднился с его коллективом. Мне казалось, что я давно-давно в нем работаю, и не мыслил себя в другом учреждении. Институт тогда находился на подъеме. Неуклонно расширялись его штаты, одна за другой выходили капитальные мировые сводки по разным отраслям знания, год от года рос общий листаж издаваемых трудов, Президиум Академии регулярно спускал нам специальные задания, поручал подготовку материалов к юбилейным датам в истории науки, «Советская энциклопедия» и энциклопедии других стран заказывали нашим сотрудникам статьи об отдельных науках и знаменитых ученых. Атмосферу подъема, рождавшую энтузиазм, ощущали, вероятно, все. Она заражала даже наших коллег из других научных учреждений, с которыми мы сотрудничали или просто дружили. Хорошо работаете, когда чувствуешь, что твой труд и знания нужны людям, нужны науке и стране в целом.

Нам, биологам, очень повезло, что нами руководил ученый такого масштаба, как Л.Я. Бляхер. Он долгие годы находился в одной комнате вместе с нами, и мы всегда могли обратиться к нему с вопросом, за советом, поделиться своими маленькими открытиями, удачами и трудностями. Он всегда внимательно выслушает, поделится своими соображениями, проявит сердечное участие, иногда пожурит кого-нибудь или утихомирит слишком разбушевавшиеся страсти. Он всегда был и оставался для нас, уже вполне самостоятельных исследователей, высшим наставником, беспристрастным судьей и примером для подражания. Многие из нас, когда его не стало, еще долго говорили: «А вот Леонид Яковлевич сказал бы и сделал то-то и то-то».

Весь штат Института готовился тогда к предстоявшему через год 13-му Международному конгрессу по истории науки и техники. Окончательно определялись докладчики на пленарное и секционные заседания, уточнялись списки приглашаемых иностранных ученых, потребность в гостиничных номерах, решалось, кто из сотрудников кого из них будет встречать и сопровождать. Мне, как активно владевшему французским, выпала честь быть переводчиком при академике Кангилеме и его жене.

Помню, как я с высокими гостями ехал на машине из аэропорта до гостиницы «Украина», ехали какими-то кривыми улицами и переулками с

убогими домиками, и я никак не мог дожидаться, когда же, наконец, начнется цивилизованная часть города. Недоумевали, как мне казалось, и мои пассажиры. Наконец-то открылось внушительное здание «Украины», и я облегченно вздохнул.

Пленарное заседание открылось в Актовом зале МГУ на Ленинских горах. Собралось очень много народа, зал буквально был забит до отказа. Выступали звезды мировой истории науки и весь «генералитет» нашего Института. Зрелище и впечатление были внушительными.

Во время конгресса мне довелось сдружиться на почве общих интересов к эволюционной генетике с сотрудником Ф.Г. Добржанского швейцарцем Эрнстом Бозигером, переводчиком доклада которого я уже был. Тонкий наблюдатель и экспериментатор, он привлек меня своей убежденностью в возможности и желательности объединения ламаркизма с дарвинизмом. Увы, уже вскоре после конгресса он погиб при загадочных обстоятельствах.

Весьма памятна мне длительная редакционная работа в возобновленной все тем же Микулинским серии «Историко-биологические исследования», ответственным секретарем редколлегии которой я длительное время состоял. Эта работа познакомила меня со многими учеными и просто интересными людьми из разных уголков страны. Здесь очень пригодился опыт подготовки «Истории биологии». Благодаря тому, что на мне лежала обязанность сдачи выпусков в академическое издательство «Наука» и их сопровождение до выхода в свет, я основательно познакомился со многими редакторами этого большого издательства, и мы понимали друг друга с полуслова. Потом я издавал у них собственные монографии. К сожалению, со смертью Микулинского серия прекратила свое существование.

Еще одна памятная мне обязанность – опять-таки секретарство в Ученом совете по защите диссертаций – способствовала тому, что я хорошо знал требования ВАК к диссертациям и мог их предъявлять к нашим аспирантам и соискателям. За 22 года через мои руки прошло около 30 кандидатских и ряд докторских диссертаций, чем я всегда гордился. Благодаря постоянной работе совета выросла наша молодая смена, продолжавшая трудиться в Институте в самые тяжелые времена. Будем надеяться, что такие времена никогда больше не повторятся!

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 192–196.

1968 год

ПЕЧЕНКИН
Александр
Александрович

Я начал работать в ИИЕТ в 1968 году после окончания аспирантуры в Институте философии АН РАН (тогда АН СССР). Меня устроил на работу в ИИЕТ Н.Ф. Овчинников, который дружил с Б.М. Кедровым, который был тогда директором ИИЕТ. Моя карьера в ИИЕТ началась с работы в секторе общих проблем (так он тогда назывался), возглавляемом Н.И. Родным. Первой исследовательской темой была тема «Философия операционализма американского физика П. Бриджмена».

Затем я долгое время работал в секторе истории физики, возглавляемом Я.Г. Дорфманом. В составе этого сектора была исследовательская группа по методологии физики, возглавляемая Н.Ф. Овчинниковым, который

перешел в ИИЕТ из Института философии. Одновременно я учился на вечернем отделении механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Затем я опять оказался в секторе общих проблем, возглавляемом уже Б.М. Кедровым. Кедров вернулся в ИИЕТ после кратковременного директорства в Институте философии.

Туда перевели нас всех (Н.Ф. Овчинникова, И.С. Алексеева и меня). Затем этот сектор был расширен за счет прихода П.П. Гайденко и А.П. Оурцова, которые были уволены из Института философии, так как были «подписантами». Там же оказались В.П. Гайденко, Б.Г. Юдин и ряд других.

Когда Кедров умер, сектор остался без заведующего. Де факто сектором руководил Б.Г. Юдин, который был учеником И.Т. Фролова, члена ЦК КПСС. Директор института С.Р. Микулинский, однако, назначил меня заведующим сектором (1986 г.).

Затем было всякое. Приход на должность директора В.С. Степина из Минска, Степин был тоже ставленником Фролова. Затем Степин ушел на повышение. Он стал директором Института философии. Директором института стал Н.Д. Устинов. Устинов меня назначил заместителем директора. Вторым замом (по общим вопросам) был В.М. Орел.

Потом я ушел с должности зам. директора и уехал на один год в США в Гарвардский университет. До этого я был на стажировке в Кембриджском университете (Англия). После Гарварда я стажировался полгода в Deutsches Museum (Германия) и т.д. Важным (для меня) проектом был проект по истории Страсбургского университета, который окончили и в котором начали свою карьеру два крупных представителя советской науки Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси.

В промежутках между заграничными командировками я заведовал сектором в ИИЕТе, сектором, который перешел ко мне после кончины Кедрова.

1969 год

БЕЛЯНОВА
Людмила Сергеевна

Я поступила на работу в Институт истории естествознания и техники АН СССР 24 ноября 1969 г. В то время Институтом руководил академик Бонифатий Михайлович Кедров. В моей памяти он остался ученым с мировым именем и интеллигентным руководителем.

Первым местом моей работы в Институте был сектор истории химии, заведующим которого являлся профессор Кузнецов Владимир Иванович. Должность моя называлась научно-технический сотрудник. Благодаря этой должности я научилась печатать на пишущей машинке, что мне очень пригодилось в дальнейшем. Внутри сектора существовала Проблемная группа по истории биохимии, руководителем которой был Шамин Алексей Николаевич. Он

много внимания уделял молодым сотрудникам, которые, занимаясь научной работой, защищали диссертации. В то время я училась на вечернем отделении Московского государственного историко-архивного института. Когда пришло время защищать диплом, А.Н. Шамин предложил тему «История Института биохимии им. А.Н. Баха по документальным материалам». Тема оказалась очень интересной, и я с успехом защитила диплом.

Самые яркие впечатления остались у меня от работы с Семеном Романовичем Микулинским. В студенческие годы ушедший добровольцем на фронт, в послевоенные годы он достиг больших успехов, возглавив институт. Мне он запомнился как руководитель высокого уровня как с научной точки зрения, так и в человеческих отношениях. Без преувеличения можно сказать, что в те годы Институт имел высокое международное значение. На стажировку приезжали ученые из разных стран: из ГДР, Болгарии, Вьетнама, Индии и других стран. Приезжали ученые и из США. Мне запомнился конгресс по истории науки, который проходил в Москве. Он был организован на высоком научном уровне, а так как я была в группе регистрации участников конгресса, то я знала отношение зарубежных ученых к Институту.

В 1985 г. я была назначена на должность начальника отдела кадров и Первого отдела Института. В этой должности мне пришлось много общаться с Президиумом Академии наук, что было очень интересно. В кадровой работе мне много помогал Семен Романович Микулинский. В 1989 г. я принимала участие в работе Международного конгресса по истории науки в ФРГ. От нашего Института с докладами выступали З.К. Соколовская, Е.З. Мирская, Викт.П. Визгин.

В последние годы работы в Институте я перешла в группу истории авиации и космонавтики, которой руководил Виктор Николаевич Сокольский. 2 февраля 2002 года он скончался.

В июле 2002 года я уволилась по собственному желанию в связи с тем, что руководство Институтом в то время было слабым и Институт уже не был таким, в котором я работала раньше.

1969 год

ВОЛКОВ
Владимир Акимович

В Институт я поступил 18 марта 1969 г., избранный по конкурсу на должность младшего научного сотрудника Сектора истории химических наук.

Впервые об Институте я услышал еще первокурсником, студентом Московского историко-архивного института, от своей наставницы, профессора-медиевиста Фаины Абрамовны Коган-Бернштейн. Как-то в разговоре она упомянула своего пасынка – сотрудника Института, историка математики Адольфа Павловича Юшкевича. Разумеется, тогда я пропустил ее слова мимо ушей, поскольку был поглощен собственными делами – готовил свою первую научную работу «Гиппократ и судьба его русских переводов» (кстати, отмеченную вторым местом на конкурсе студенческих работ Москвы). По сути, эта работа стала проло-

гом моих будущих историко-научных изысканий, однако тогда я об этом еще не подозревал.

После окончания института я преподавал и занимал административные должности в московских профтехучилищах, а с 1965 г. работал старшим инженером в Госкомитете по профтехобразованию при Совете Министров РСФСР – выполнял рутинную и малоинтересную, но неплохо оплачиваемую работу. В Комитете царила жесткая дисциплина, опоздания на одну–две минуты строго наказывались. При этом половину рабочего дня можно было проводить в «курилке», и это никого не беспокоило – лишь бы тебя видели «на работе». Такая обстановка меня очень тяготила, и я подумывал о поиске более увлекательных занятий. Чтобы как-то разнообразить свою жизнь, я, уже имея высшее гуманитарное образование, поступил на вечернее отделение Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева – в «Менделеевку», которую окончил со званием инженера-технолога, специализировался на кафедре химической технологии пластических масс. Позднее все это мне очень помогло в моих занятиях историей химии.

Впервые в ИИЕТ я оказался весной 1967 г. – совершенно случайно. Госкомитет, где я работал, находился на Колхозной площади, а жил я в районе проспекта Вернадского. После работы я обычно шел по Сретенке до станции метро «Дзержинская» и оттуда добирался до дома «самым быстрым транспортом». В тот памятный для меня весенний день по пути домой я случайно забрел в тихий дворик в Малом Лубянском переулке и на обветшавшей стене дома увидел табличку: «Институт истории естествознания и техники». Из любопытства я поднялся на второй этаж и был поражен царившей там тишиной и безлюдьем – лишь стрекот пишущей машинки доносился из-за какой-то двери. Открыв дверь с табличкой «Отдел кадров», я обнаружил первого живого человека – довольно симпатичную, слегка полноватую женщину, которая назвалась Таирой Фаттаховной Бедретдиновой. Мы разговорились. Таира Фаттаховна вкратце рассказала мне об Институте, добавив, как бы между прочим, что «поступить сюда практически невозможно, не имея хороших связей». Немного обескураженный этим сообщением (хотя и не собирался предлагать своих услуг), я отправился бродить по этому странному помещению. Заглянув в дверь с табличкой «Сектор истории химических наук», я увидел большую комнату, а в ней – сидящих за одним из столов двух интеллигентного вида мужчин средних лет. Одним из них, как оказалось, был Георгий Владимирович Быков, другим – Владимир Иванович Кузнецов. Я представился им как «человек с улицы, проходивший с улыбкой мимо», и завязался разговор.

Оказалось, что у нас много общих знакомых по Менделеевке, где Владимир Иванович, как выяснилось, состоял по совместительству профессором и один–два раза в неделю читал по вечерам лекции по истории химии для преподавателей химии нехимических вузов. Признаюсь, меня приятно удивила патриархальная обстановка и доброжелательность встретивших меня людей. Мне любезно предложили приходить на заседания сектора и, при желании, подготовить статью по истории русско-немецких научных связей в области химии в XVIII–XIX вв. (Этой интересной темой я заниматься, впрочем, не стал из-за слабого знания немецкого языка).

С тех пор я начал посещать лекции Владимира Ивановича в Менделеевке, которые, надо сказать, он читал артистически. Его энциклопедическая осведомленность в химии не подавляла слушателей, а, наоборот, заставляла задавать все новые и новые вопросы; он обстоятельно отвечал, иллюстрируя свои ответы формулами и схемами, которые быстро набрасывал на доске. После лекции мы вдвоем шли к станции метро «Новослободская» и разъезжались по домам.

Приближался 50-летний юбилей Менделеевки. Владимир Иванович, входивший в состав юбилейного комитета, привлек меня к сбору материалов по истории института, познакомил с ректором Н.М. Жаворонковым и известным историком отечественной химической промышленности П.М. Лукьяновым, а также со своими учениками, работавшими в МХТИ. С одним из них, Л.С. Солодкиным, я подготовил и опубликовал несколько журнальных статей о профессоре Г.С. Петрове – выдающемся химикотехнологе, создавшем первую отечественную пластмассу «Карболит» и наладившем ее производство в 1912 г. в Орехово-Зуеве, разработавшем состав универсального клея под названием «БФ», теплоизоляционных материалов и других полезных изобретений; Петров организовал и много лет возглавлял в Менделеевке кафедру химической технологии пластмасс. Собранные материалы позднее вошли в нашу книгу о Петрове в научно-биографической серии, она увидела свет в 1971 г.

При каждой возможности я приходил в Институт на заседания сектора, хотя, признаюсь, на фоне строгой дисциплины в моем учреждении секторские порядки немного раздражали. Заседания начинались, как правило, с опозданием на 30–40 минут, после доклада разворачивались долгие прения, причем каждый из присутствующих считал своим долгом «отметиться», как по теме, так и без. После двух–трехчасовых «бдений» я, как ошпаренный, мчался на работу. Постепенно мой интерес к посещениям сектора угас, и я сказал об этом Владимиру Ивановичу.

Через несколько месяцев, в конце 1968 г., он позвонил мне домой и сказал, что Госкомитет по науке и технике выделил Институту несколько штатных единиц научных сотрудников для выполнения темы с длинным названием: «Разработка рациональных основ построения сети химических научных учреждений в области высокомолекулярных соединений», что руководство этой работой возложено на него, и он хотел бы видеть меня своим помощником в ранге младшего научного сотрудника. Признаюсь, я вначале растерялся, мне вдруг стало жаль бросать хорошо оплачиваемую работу, своих товарищей. Но тут же я понял, что на новом месте я выигрываю свободное время, которого мне так не хватало для профессиональных занятий любимым делом – историко-архивными изысканиями. И я согласился.

При выполнении этой работы мне очень пригодились мои знания историка-архивиста и инженера-химика, так как пришлось работать с документальными материалами центральных, областных и институтских архивов, беседовать с руководителями институтов и научных подразделений, с научными сотрудниками, проводить анонимное анкетирование (вопросы были разработаны группой С.А. Кугеля в нашем Ленинградском отделении). Итогом этой работы стал отчет, составленный В.И. Кузнецовым, А.М. Цукерманом и мной. Кроме того, я подготовил монографию «Взаи-

модействие химии и химической промышленности (синтетический каучук, химические волокна, пластические массы)» объемом в 15 а.л., которую, к сожалению, издать не удалось.

В процессе этой работы я познакомился и подружился со многими интересными людьми – талантливыми химиками В.Л. Карповым, З.А. Роговиным, К.И. Сакодынским, а с нашим работодателем – зампредела Комитета по науке и технике Сергеем Михайловичем Тихомировым (в 1958 г. он, будучи министром химической промышленности СССР, вместе с академиком Н.Н. Семеновым написал Н.С. Хрущеву записку о необходимости ускоренного развития химической промышленности, после чего состоялся знаменитый пленум ЦК КПСС) я подготовил и издал несколько совместных работ. Последняя наша совместная работа вышла в свет уже после его смерти – это была обширная глава «Промышленность тяжелого органического синтеза» в юбилейном двухтомнике «Развитие химической промышленности в СССР. 1917–1980», выпущенном издательством «Наука» в 1984 г.

Очень памятные события первых лет моей работы в ИИЕТ – субботники. Без всякого принуждения собирались все. Женщины мыли окна, молодежь переносила тяжести или разбирала содержимое шкафов, пожилые сотрудники правили рукописи. Всем этим делом руководил Николай Константинович Ламан. Талантливый он был организатор. Ярким завершением субботника была коллективная трапеза в конференц-зале. Из зала выносили стулья, пол застилали газетами, публика рассаживалась прямо на полу – и начинался пир. Никогда не забуду, как несравненная Ольга Игоревна Павлова потчевала всех удивительно вкусными пирожками собственного приготовления!

В 1973 г. изменился мой должностной статус: в связи с назначением заместителем директора Института по научной работе В.И. Кузнецов предложил мне, тогда уже кандидату наук, занять место Ученого секретаря. Работать приходилось в тесном контакте с директором Института Семеном Романовичем Микулинским. Он был человеком сложной судьбы и очень непростого характера, но надо отдать ему должное – он жил делами Института и всегда отстаивал его интересы. Помню многочасовые заседания узкой дирекции (директор, замы и ученый секретарь) с участием приглашенных лиц, на которых обсуждались самые разнообразные вопросы – о создании в Институте новых научных подразделений, о приобретении новой оргтехники, о проведении совместных с другими организациями научных исследований... Ученым секретарем я проработал до августа 1978 г.

А в один из августовских дней 1978 г. мне неожиданно позвонил Бонифатий Михайлович Кедров: «Владимир Акимович, у меня к вам предложение-просьба. Я почти ослеп, не могу самостоятельно передвигаться, мне стало трудно работать. А вы молодой, энергичный, подвижный, за время своего ученого секретарства со всеми перезнакомились... Не могли бы вы перейти работать ко мне?» Я согласился. И вот так я стал старшим научным сотрудником в секторе Б.М. Кедрова под странным названием – «История науки и логика». Несколько лет я был у Бонифатия Михайловича кем-то вроде порученца: каждый день приходил к нему, организовывал у него на дому встречи с нужными ему людьми, ездил с его поручениями в Президиум АН и пр. Иногда происходили забавные случаи. Как-то раз

Бонифатий Михайлович попросил меня поехать на Новодевичье кладбище, отыскать там могилу первого марксистского философа Горина-Галкина и переписать его эпитафию. Дело было в марте. На кладбище меня пропустили по институтскому пропуску (!). И вот я брожу, ноги мокрые, хожу-хожу, а темнеет рано, я проклиная все на свете... Все обошел – не могу найти. Присел отдохнуть на что-то твердое, оказалось – могильная плита, я снег смахнул – «Горин-Галкин»! А эпитафия – «Первому советскому философу-марксисту Горину-Галкину благодарная Родина»...

Бонифатий Михайлович был удивительный человек. Работа была для него жизнью, а жизнь – работой. Однажды поздней осенью я приехал к нему, вхожу в комнату, а его нет. Спрашиваю у его жены, Эрики Яковлевны, она говорит – он на балконе. Смотрю, Бонифатий Михайлович сидит в шубе, меховой шапке и что-то пишет на коленях. Тогда он уже практически ничего не видел. И ему давали лист картона с прорезями, в которых он писал карандашом. Так и работал до самого последнего дня.

Разумеется, я был не только «порученцем» Бонифатия Михайловича, но занимался и собственными делами. Мне пришла в голову мысль подготовить биографический словарь «Химики», включавший в себя сведения о выдающихся химиках как прошлого, так и современности. В.И. Кузнецов эту идею одобрил и согласился стать ответственным редактором. Я взял на себя обязанности координатора издания и, конечно, одного из авторов. В соавторы пригласил Е.В. Вонского – заведующего редакцией химии БСЭ и Г.И. Кузнецову, жену В.И. Кузнецова, заведующую отделом одного из химических НИИ. Работа шла скоро и успешно, поскольку мы использовали свои наработки. Вдобавок я разослал ныне здравствующим советским и зарубежным химикам тексты их уже написанных биографий на предмет исправлений и дополнений. Результат этой акции превзошел все наши ожидания. Практически несколько сотен запрошенных нами ученых вернули нам наши тексты завизированными, часто с добавлениями, а некоторые – с фотографиями.

Справочник «Химики» объемом 54 а.л., включивший более 1200 персоналий, был сдан в набор в киевское издательство «Наукова думка» 10 июня 1981 г., однако свет увидел только в 1984 г. со значительными купюрами из-за цензурных ограничений. Словарь получил прекрасную отечественную и зарубежную прессу, а в 1991 г. издательство «Высшая школа» выпустила второе издание под названием «Выдающиеся химики мира» тиражом 100 000 экземпляров.

В Институте, в нашем секторе всегда была замечательная обстановка, дружелюбная, почти домашняя. Но каждый год с наступлением весны мною овладевала «охота к перемене мест», мне не хватало воздуха. И на время отпуска я уезжал работать «в поле». Несколько сезонов был рабочим в Хорезмской экспедиции – копал караван-сарай, дворцы, могильники. Строил промышленные теплицы под Воркутой. Чтобы заработать несколько дополнительных дней к отпуску, патрулировал улицы в качестве «дружинника» – было в советское время такое слово. Теперь уже не то. В последние годы я полюбил проводить свой отпуск в маленьком эстонском городке Хаапсалу...

Время летит незаметно. Работу над серией биографических словарей российской профессуры я задумал очень давно, еще в 1970-е годы. При-

знаюсь, в истории науки меня всегда привлекала не столько история идей, сколько история людей. Мне казалось важным и очень интересным, как бы следуя учению русского философа Н. Федорова, «воскресить», вернуть из небытия представителей славного сословия – российской научной интеллигенции. Хотелось вспомнить всех поименно, и не только крупных ученых, имена которых хорошо известны, но и никому не знакомых, давно забытых профессоров, преподавателей провинциальных вузов – ведь все они работали на отечественную культуру. Работа предстояла огромная, одному справиться с ней было не под силу, нужны были единомышленники. Случилось так, что еще в годы сотрудничества с Б.М. Кедровым я познакомился с Мариной Владимировной Куликовой – она помогала Бонифатию Михайловичу как литературный редактор. Биолог по образованию, редактор по профессии, она заинтересовалась моими планами. И вот в конце 1980-х гг., на свой страх и риск, мы начали собирать материалы для будущих словарей. Работали в библиотеках, архивах – побывали за эти годы во многих городах: в Питере, в Казани, Харькове, Киеве, Одессе, даже в Праге, где хранятся архивные документы многих профессоров-эмигрантов. Работа в архивах была для нас главной – на основании подлинных документов мы уточняли многие факты в биографиях наших героев, с мельчайшими подробностями восстанавливали этапы их карьеры, разыскивали названия их студенческих и диссертационных работ и др. (Вообще архивные изыскания – мое любимое занятие, это моя прямая специальность. Я всегда считал себя не столько историком науки в строгом смысле этого слова, сколько историком-архивистом). В первое время мы работали в рамках бывшего «Кедровского» сектора, в начале 1990-х выделились вдвоем в проблемную группу под названием «Российская профессура»; позднее к нам присоединился третий сотрудник – Виктор Семенович Логинов, который занялся профессорами-гуманитариями...

Мне в жизни повезло. Я всегда любил Институт и людей, в нем работающих. У меня было два учителя и близких мне человека – Владимир Иванович Кузнецов и Бонифатий Михайлович Кедров. Владимир Иванович в последние годы жизни страдал остеопорозом и по этой причине вынужден был работать дома. Я постоянно держал его в курсе всех институтских событий, привозил ему зарплату, мы часами разговаривали. Умер он стремительно: сломал шейку бедра, потом началось воспаление легких. В последний раз я уходил от него поздно вечером, за несколько часов до кончины...

В Институте у меня много друзей-ровесников. К несчастью, с каждым годом их становится все меньше. У нас работали замечательные специалисты-историки науки, я всегда буду помнить имена С.В. Шухардина, А.П. Юшкевича, Т.Д. Ильиной, А.М. Цукермана, М.Г. Ярошевского, И.С. Алексеева, Н.К. Ламана, В.С. Кирсанова и многих других.

Мне посчастливилось много лет проработать в этом удивительном учреждении – нашем Институте, в окружении ярких людей, а главное – занимаясь любимым делом.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 141–148.

1969 год

ИВАНОВ
Борис Ильич

Я пришел на работу в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР 16 сентября 1969 г. по приглашению зав. Отделением Ю.С. Мелещенко и был утвержден на должность младшего научного сотрудника в формируемую им проблемную группу методологических и социальных проблем техники и технических наук. Я знал, что директором ИИЕТ АН СССР является академик Бонифатий Михайлович Кедров, но лично смог познакомиться с ним в 1971 г., когда ЛО ИИЕТ АН СССР проводил Всесоюзную конференцию «Взаимосвязь естественных и общественных наук».

В декабре 1971 г., когда я был назначен ученым секретарем ЛО ИИЕТ АН СССР, я встретился с Б.М. Кедровым. Тогда же при представлении меня Б.М. Кедро-

ву я узнал от него, что его заместителем в ИИЕТ АН СССР является член-корреспондент АН СССР Семен Романович Микулинский. Познакомиться же лично с С.Р. Микулинским смог в мае 1972 г., когда после безвременной кончины Ю.С. Мелешенко 9 мая 1972 г. С.Р. Микулинский приехал в Ленинград на его похороны.

Мои общения с С.Р. Микулинским продолжались с мая 1972 по 1974 год, когда он был зам. директора ИИЕТ АН СССР, и с 1974 по 1986 год, когда он стал директором ИИЕТ АН СССР. Основными поводами для общения с С.Р. Микулинским были мои приезды в Москву, в ИИЕТ АН СССР, когда я обсуждал с ним как ученый секретарь ЛО ИИЕТ АН СССР вопросы деятельности нашей организации. Темы для обсуждения были различными. Это и отчеты о деятельности ЛО ИИЕТ АН СССР, и утверждение рукописей Отделения к печати (в те годы это была прерогатива ИИЕТ АН СССР), и участие в заседаниях Ученого совета ИИЕТ АН СССР, и вопросы организации и проведения научных конференций, и деятельность Ленинградского отделения Советского национального комитета по истории и философии науки и техники и другие вопросы. Мои общения с Семеном Романовичем всегда проходили четко и по-деловому, и я получал исчерпывающие ответы на все обсуждаемые проблемы. При этом Семен Романович обсуждал со мной не только вопросы ЛО ИИЕТ АН СССР, но и знакомил с основными направлениями деятельности ИИЕТ АН СССР в Москве, давал характеристику постановлений партии и правительства по вопросам науки, а также деятельности Президиума АН СССР и рассматривал другие важные для деятельности ИИЕТ АН СССР и ЛО ИИЕТ АН СССР вопросы.

Семен Романович очень благожелательно относился ко мне, и эта доброжелательная атмосфера наших бесед запомнилась мне на всю жизнь. Я с большой ответственностью относился к нашим встречам и беседам с ним и старался всегда тщательно к ним подготовиться. Я старался просматривать как его собственные публикации, так и работы, выходявшие под его редакцией. При этом я нередко, возвращаясь поздним поездом из Москвы в Ленинград и потому задерживаясь допоздна в Институте, видел, с какой тщательностью Семен Романович работал над рукописями трудов, где он был ответственным редактором, оставаясь часто до позднего вечера на работе. А как он помогал ряду сотрудников своего Института готовить к печати рукописи их монографий, иногда значительно перерабатывая и редактируя их. Так было, например, с рукописью монографии В.Л. Рабиновича «Алхимия как феномен средневековой культуры», по которой С.Р. Микулинский провел огромную редакционную работу.

Имея философское образование, С.Р. Микулинский проводил большую работу по отделу комплексного изучения развития науки (науковедения). Он руководил этим отделом, в состав которого входили: сектор «История науки и логики» (заведующий академик Б.М. Кедров), сектор общей истории естествознания и методологии историко-научных исследований (заведующий доктор философских наук И.С. Тимофеев), проблемная группа по социологии науки (руководитель доктор философских наук В.Ж. Келле), сектор проблем научного творчества (заведующий доктор психологических наук, профессор М.Г. Ярошевский), сектор истории и теории организации научной деятельности (заведующий кандидат эконо-

мических наук В.И. Масленников), сектор истории международных связей (заведующий кандидат исторических наук С.Г. Корнеев). При этом сектор «История науки и логики», проблемная группа по социологии науки и сектор истории международных связей были созданы, когда директором ИИЕТ АН СССР был С.Р. Микулинский, а остальные, созданные, когда директором был Б.М. Кедров, получили новое мощное развитие, когда директором ИИЕТ АН СССР стал С.Р. Микулинский. И здесь ярко проявился талант С.Р. Микулинского как организатора науки. Но Семен Романович был и крупным ученым. Окончив философский факультет МГУ и одновременно обучаясь на биологическом факультете, Семен Романович удачно соединял в себе способности и талант историка биологии и специалиста в области науковедения. Уже первые монографии С.Р. Микулинского: «К.Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира» и «Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX века» выявили в нем талант историка науки.

А образцом классического труда обобщающего характера, вышедшего под редакцией С.Р. Микулинского, могла служить работа «История биологии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С древнейших времен до начала XX века».

Кратко оценив значение Семена Романовича как ученого и организатора науки, я должен сказать о нем как гражданине, с четко выраженной позицией, сформированной еще в довоенные годы и характеризующей его отношение к своему Отечеству, к властным структурам, Президиуму АН СССР. Эта его позиция особенно ярко проявилась в 1970-е годы, когда ему пришлось провести большую работу, требующую определенного гражданского мужества, связанную с судьбой Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР. Это был качественно новый этап в развитии историко-научных исследований в ЛО ИИЕТ АН СССР, связанный с переходом к подготовке фундаментальных трудов по истории крупных отраслей знаний, по развитию науки в России и других странах, к исследованиям Ленинграда как крупного научного центра, к подготовке и публикации большого массива архивного материала, освещающего переломные моменты в истории науки. Хронологически это совпало с существенными изменениями в кадровом составе ЛО ИИЕТ АН СССР, связанном с приходом в него таких крупных ученых, как К.М. Завадский, С.А. Кугель и Ю.С. Мелешенко, принадлежавших к поколению, выросшему при советской власти. Они привели с собой своих учеников и создали в ЛО ИИЕТ новые структурные подразделения, основали крупные научные школы мирового значения. В январе 1967 г. ЛО ИИЕТ возглавил доктор философских наук, профессор Юрий Сергеевич Мелешенко – крупный философ техники и великолепный организатор науки. Помимо руководства ЛО ИИЕТ, Ю.С. Мелешенко создал и возглавил проблемную группу методологических и социальных проблем техники и технических наук, которая развила бурную деятельность, подготовив ряд замечательных трудов, один из которых «Специфика технических наук» был переведен на немецкий язык и получил широкий общественный резонанс. Но Юрий Сергеевич Мелешенко решил не останавливаться на достигнутом и в начале 1970-х гг. поднял вопрос о реорганизации ЛО ИИЕТ АН СССР в Институт научно-технической революции, который должен был заниматься не только историей

науки и техники, но и одновременно социальными и методологическими проблемами. Институт предполагалось сформировать путем присоединения к ЛО ИИЕТ секторов московских институтов, входивших в состав Отделения философии и права, а также с включением в него институтов Отделения экономики АН СССР.

Проектируемый Институт должен был превратиться в некий придаток Ленинградского обкома КПСС под названием Институт социально-экономических проблем (ИСЭП). Предложение было поддержано Секцией общественных наук АН СССР, а также Отделом науки ЦК КПСС и Ленинградским обкомом КПСС.

В декабре 1971 г. в Ленинград приехали вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев и заместитель заведующего Отделом науки и вузов ЦК КПСС Е.М. Чехарин. Они созвали в кабинете уполномоченного Президиума АН СССР по г. Ленинграду Б.Е. Быховского совещание, на котором присутствовали представители всех учреждений, которые предполагалось включить в ИСЭП. На совещании присутствовали также заведующие секторами ЛО ИИЕТ АН СССР. Отметив значение ИСЭП, Федосеев и Чехарин предложили приступить к его организации. И хотя с резким возражением выступил К.М. Завадский, указав на нецелесообразность механического включения ЛО ИИЕТ в состав ИСЭП, подчеркнув, что только два подразделения ЛО ИИЕТ: сектор социологических проблем науки и группа методологических и социальных проблем техники и технических наук подходят по тематике к структуре ИСЭП, а руководимый им сектор истории и теории эволюционного учения и другие сектора не вписываются в рамки ИСЭП.

Более того, близится 250-летний юбилей АН СССР и ликвидация ЛО ИИЕТ приведет как к свертыванию работ по истории Академии наук, так и к прекращению работ в области истории и теории эволюционного учения. Позицию К.М. Завадского поддержал только его ученик, доктор философских наук А.С. Мамзин. Подводя итоги совещания, П.Н. Федосеев не согласился с их аргументами.

После внезапной кончины Ю.С. Мелешенко в мае 1972 г. на некоторое время эти планы были забыты. Большинство же сотрудников ЛО ИИЕТ, научные интересы которых не вписывались в рамки тематики ИСЭП, были обеспокоены предстоящей реорганизацией и через общественные организации ЛО ИИЕТ неоднократно обращались в московскую дирекцию Института, а также в партийные органы Ленинграда с ходатайством о сохранении ЛО ИИЕТ, что позволило затянуть решение вопроса о создании ИСЭП на несколько лет. Однако в конце 1974 г., когда заведующим ЛО ИИЕТ был доктор медицинских наук, профессор Н.А. Толоконцев, эти идеи вновь возродились из-за поддержки проекта создания ИСЭП первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романовым, незадолго до этого ставшим кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Он добился соответствующего решения Секретариата ЦК КПСС и, несмотря на яростное сопротивление многих видных ученых-академиков (математиков и экономистов), которые предвидели гибель многих направлений исследований в ИСЭП, в марте 1975 г. Президиум АН СССР принял постановление по данному вопросу – ЛО ИИЕТ упразднили, а его штат передали в ИСЭП.

Однако, в конечном счете только два подразделения ЛО ИИЕТ АН СССР были переданы в ИСЭП. Это сектор социологических проблем науки и группа методологических и социальных проблем техники и технических наук. Сектор истории и теории эволюционной теории был передан в Ботанический институт АН СССР.

Директору ИИЕТ АН СССР С.Р. Микулинскому удалось добиться временного сохранения сектора истории Академии наук и сектора-музея М.В. Ломоносова в качестве ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР. Необходимость сохранения секторов ИИЕТ АН СССР в Ленинграде аргументировалась важностью проведения на должном уровне 250-летнего юбилея АН СССР.

Нет никакого сомнения в том, что то, что С.Р. Микулинскому удалось сохранить два структурных подразделения ЛО ИИЕТ АН СССР в качестве ленинградских секторов московского Института истории естествознания и техники АН СССР, является воистину судьбоносным событием как в истории науки в целом, так и в возросшем позднее ЛО ИИЕТ АН СССР в том варианте исполнения вначале как Ленинградский отдел ИИЕТ АН СССР, а позднее – как Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук.

И событие это должно быть размещено если не на скрижалях советской истории науки в нашей стране, то уж точно на скрижалях истории науки в Ленинграде, а позднее и в Санкт-Петербурге.

Лично же для меня это событие тоже имеет особое значение. Дело в том, что при ликвидации ЛО ИИЕТ АН СССР и сохранении временно лишь двух подразделений в качестве ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР, я не мог уже занимать должность ученого секретаря ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР, а тематически вел научную работу как сотрудник группы методологических и социальных проблем техники и технических наук и вместе с этой группой должен был войти в структуру ИСЭП. И Семен Романович своим приказом перевел меня с должности ученого секретаря ЛО ИИЕТ АН СССР на должность старшего научного сотрудника сектора истории Академии наук СССР, тем самым сохранив меня в структуре ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР, одновременно поручив мне негласно выступать в роли руководителя ленинградских секторов ИИЕТ РАН, занимая эту должность с 1975 по 1977 гг. И неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая судьба в ИСЭП, и вообще в науке, где уже вскоре после создания ИСЭП оба бывших структурных подразделения ЛО ИИЕТ АН СССР: сектор социологических проблем науки и группа методологических и социальных проблем техники и технических наук в ИСЭП были ликвидированы, а их бывшие сотрудники были переориентированы на занятия другой тематикой в рамках новых структурных подразделений.

Назову еще два события в моей жизни, связанные с именем Семена Романовича Микулинского. Это, во-первых, награждения по его инициативе в 1978 г. Дипломом Ученого совета ИИЕТ АН СССР и премией на конкурсе научных работ за книгу «Становление и развитие технических наук», написанную мною совместно с В.В. Чешевым, и, во-вторых, его согласие стать научным руководителем моей диссертации на соискание уче-

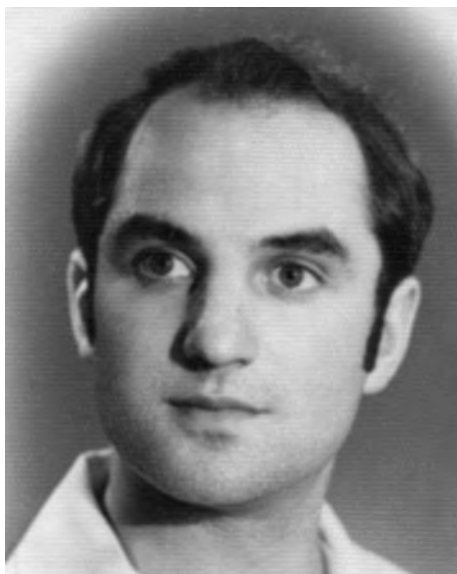
ной степени кандидата философских наук по теме «Социально-философский анализ становления технических наук», которую он не только прочитал, но и сделал ряд ценных замечаний. И это было сделано в 1986 г., который связан с трудным этапом жизни Семена Романовича, завершившимся в том же году его уходом из ИИЕТ АН СССР и переходом его на другую работу в Архив Российской академии наук.

И это, не считая помощи и поддержки, которую он постоянно оказывал мне в моей научно-организационной деятельности ученого секретаря ЛО ИИЕТ АН СССР.

Отмечу лишь еще одну важную черту его характера, связанную с его любовью к литературе. Часто, во время наших встреч в ИИЕТ в Москве, он знакомил меня с различными новинками литературы, давая краткую характеристику тех или иных литературных произведений. На одной из наших встреч показал мне только что вышедший небольшой сборник стихов Владимира Семеновича Высоцкого, которого Семен Романович очень ценил и давал мне почитать из этого сборника наиболее интересные стихи Высоцкого.

Публикуется по: История науки: источники, памятники, наследие: Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: Материалы науч. конф. Москва, 19–20 октября 2016 г. М., 2016. С. 303–308.

1969 год

РАБКИН
Яков Миронович

Предыстория

Вырос я в Ленинграде, на Моховой улице. Старший брат с малых лет меня «в Летний сад гулять водил». И прочел мне там и, конечно, дома массу интересных книг, причём не только детских. Воспитанная в романтическом духе мама часто брала меня в театр, особенно на балет. Заинтересовавшись фотографией и все более открытым миром (я был в первом классе, когда умер Сталин), я записался во Дворце пионеров в кружки фотографии и английского языка.

После седьмого класса папа, человек весьма практичный, один из проектировщиков теплоснабжения в Ленинграде, определил меня в Химико-механический техникум. В то же время я продолжал посещать занятия английским

во Дворце пионеров, где в рамках Клуба интернациональной дружбы мы принимали группы туристов из США, Англии и Канады. Это давало возможность говорить по-английски и узнавать об англоязычном мире. А туристов впечатляли не только наши познания в языке, но и то, что совершенно бесплатно мы занимались в роскошных, некогда княжеских залах Аничкова дворца.

Шло время, наступил 1962 год, я получил аттестат зрелости. В мире, особенно в Африке, создавались новые государства, и я подал заявление в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на специальность «филология суахили». Все устные экзамены я сдал на отлично, но в сочинение прокрасалась описка: я написал «не было» слитно. На суахили конкурс был двадцать человек на место, и мне предложили на выбор пользовавшиеся меньшим спросом на Восточном факультете специальности.

Так я оказался на отделении истории Турции, где прослушал вместе со студентами истфака полный курс исторических дисциплин. Нас интенсивно обучали турецкому языку, а в начале второго курса нам стали преподавать французский, ибо, как нам объяснили, лучшие словари османского турецкого языка (т.е. использовавшего до реформ Ататюрка арабскую графику) – французские. Для истории Турции мне это всё не пригодилось, но судьба распорядилась так, что именно на французском без малого полвека довелось преподавать в Монреале. Турецким же после десятилетий, казалось бы, полного забвения я теперь нередко пользуюсь в семье: старшая дочь вышла замуж за уроженца Турции, чьи родители говорят по-турецки куда лучше, чем по-английски.

На втором курсе Восточного факультета мне в руки попала книга Чарльза Сноу «Две культуры и научная революция». Автор – физик, писатель и некоторое время министр науки – был обеспокоен отчужденностью мира гуманитарных наук от естественных. Причем отчуждение это не обоюдное, ибо гуманитарии куда более невежественны в вопросах естествознания, чем физики, химики и биологи в литературе и музыке.

Книга произвела на меня сильное впечатление. Настолько, что хотя учился я на Восточном с интересом и хорошо, решил перейти на Химический. Для этого мне пришлось долго убеждать руководство химфака дать мне возможность сдать экстерном экзамены за первый курс. Благодаря приобретенным в техникуме знаниям мне это удалось, и я официально перешел на второй курс химфака. В то же время я продолжал посещать серьезные занятия английским на Восточном, а потом добавил к этому курс итальянского на Филологическом. Прозанимавшись французским всего год, устроился на лето гидом-переводчиком в «Интурист», где, до поры до времени скрывая, что знаю английский, работал с франкоязычными группами и таким образом довел язык до кондиции.

В конце третьего курса на химфаке объявили набор на участие в обмене студентами с кубинским Университетом Ориенте. Склонный к приключениям и с ранних лет интересующийся внешним миром, я подал заявление. К моему удивлению, оказался в списке зачисленных, и в сентябре 1966 г. я уже летел на огромном Ту-114 на Кубу. Там меня обучили сначала испанскому, а потом – физическим методам в химии. Знание французского и знакомство с итальянским позволило мне это сделать довольно

быстро. А спустя пятнадцать лет я женился на сефардской еврейке из Мексики, так что этот язык мне пришлось использовать более трех десятилетий в повседневной жизни. В жизни научной я также сохранял интерес к Латинской Америке, писал по-испански статьи для научных журналов, читал лекции в Аргентине, Колумбии, Мексике и даже организовал международный семинар по наукометрии в Коста-Рике.

Вернувшись в Ленинград, я продолжил занятия на химфаке, сделал дипломную работу по применению рефрактометрии под руководством проф. Бориса Вениаминовича Иоффе и получил диплом по органической химии. Дальше мне виделась аспирантура. Отправился в Москву, поговорил с преподавателями и аспирантами Химико-технологического института им. Д.И. Менделеева и решил подавать туда документы. Для их подготовки вернулся в Ленинград и об этом своем решении я сразу сообщил по телефону профессору Иоффе. Борис Вениаминович, минуту помолчав, предложил встретиться и поговорить.

Он встретил меня в своем скромном, забитом книгами узком кабинете на Химическом факультете ЛГУ и без предисловия приступил к делу: «Конечно, вы способны защитить диссертацию по химии, но ведь ваши интересы куда более разнообразны. Почему бы не заняться историей науки, где вы могли бы применить и свои языки, и знание истории?» Примерно в то же время эту мысль подал мне мой приятель физик Володя Ганин.

Аспирантура

Об истории науки как специальности я в начале лета 1969 г. услышал впервые. Пришлось поспрашивать, почитать, и, в конце концов, я решил поехать в единственный в стране институт, где тогда существовала аспирантура такого профиля. Хотя у Института истории естествознания и техники имеется филиал в Ленинграде, я хотел сменить обстановку и обратился в головной институт в Москве. Во время беседы с весьма дружелюбным заместителем директора Семеном Романовичем Микулинским, на которого произвели впечатление языки и опыт учебы на Кубе, я узнал, что, если поступлю в аспирантуру, диссертацию мне предложат делать по истории химии в США. Как потом выяснилось, тема эта была спущена в ИИЕТ из ГКНТ, Государственного комитета по научно-техническому развитию, в мандат которого входило изучение науки и научной политики развитых стран.

Все это мне показалось интересным еще и потому, что, как я надеялся, открывало возможность поездки в Америку. Я подал документы в аспирантуру, для поступления в которую надо было сдать вступительные экзамены по истории Коммунистической партии (КПСС) и иностранному языку. Сдавать экзамены можно было в любом филиале АН СССР и я, естественно, решил сдавать в Ленинграде. Первым был экзамен по иностранному языку. Тогда кафедра иностранных языков располагалась в непосредственном соседстве с Институтом истории естествознания, во флигеле за классическим белоколонным зданием Академии на берегу Невы.

В день экзамена я пришел пораньше и бодро осведомился у двух сидевших у входа на кафедру благородного вида пожилых дам, где сдают экзамен по английскому языку. «Сегодня у нас принимают французский,

молодой человек», – с холодноватым укором ответила одна из них. «Ладно, тогда буду сдавать французский», – сказал я и увидел на лицах своих собеседниц смешанное выражение недоверия и восхищения. Они явно принадлежали к старой интеллигенции, в среде которой знание нескольких языков некогда никого не удивляло. Но за полвека после революции они от этого, похоже, отвыкли. Так что вступительный экзамен я сдал по французскому языку.

Экзамен по истории КПСС проходил в просторном амфитеатре. Мы заходили по очереди, тянули билет и шли наверх готовиться. В то же время сидевшая внизу у доски комиссия выслушивала и экзаменовала тех, кто пришел раньше. До нас доходили лишь отзвуки, но слов слышно не было. Вдруг раздался плач, внизу забежали и вывели плачущую женщину в коридор. Потом заходили какие-то люди, оживлённо беседовали с членами комиссии и удалялись. Следующей была моя очередь.

Я складно рассказал о революции 1905 г. и готов был ответить на дополнительные вопросы по теме, но тут один из членов комиссии, мужчина средних лет, внимательно посмотрел на меня своими пронизательными голубыми глазами и, расслабившись, как бы невзначай спросил, что я думаю о вводе советских войск в Чехословакию без малого годом раньше. Игру эту я сразу понял, посмотрел в его бездонные очи и спокойно пересказал, что пишет об этом газета «Правда». Одобрительно улыбаясь, он дослушал меня до конца и поздравил с успешной сдачей экзамена. В коридоре мне сказали, что как раз до меня поступающей в аспирантуру талантливой лингвистке задали тот же вопрос. Только, в отличие от меня, она, не понимая, что ей расставили сети, искренне поделилась своим весьма критическим мнением. Таким образом, экзамен она провалила, а заходившие в аудиторию люди были видными языковедами, пытавшимися уговорить членов комиссии сменить гнев на милость и не «заваливать» многообещающего ученого. Не знаю, удалось ли им это. Но такого рода игры мне были глубоко противны, и нежелание лицемерить «для пользы дела» было одной из причин решения уехать.

После эмиграции я к этим играм не только не возвращался, но сохранил нетерпимость к политической цензуре, которая, как я узнал уже после отъезда, существует и за пределами родной страны и иногда даже более эффективна, чем ее более откровенный и неуклюжий доморощенный вариант. Несмотря на негласную цензуру и давление общественности, продолжаю высказывать свою точку зрения, даже если она подчас вызывает негодование и споры. Например, мои работы по критике сионизма обрушили на меня шквал гнева и возмущения со стороны некоторых болельщиков Израиля, а на своем автоответчике я несколько раз обнаружил угрозы жизни. Впрочем, мой университет, в отличие от многих других в С. Америке, принципиально защищает академические свободы, так что особого героизма моя позиция не требует.

Вопрос об академических свободах не потерял для меня значения и после эмиграции. Свобода и независимость – весьма хрупкие ценности, а любой человек, в том числе ученый, всегда подвержен соблазну самоцензуры и соглашательства. Свободное общество должно создавать ученому благоприятные условия работы и оберегать его от цензуры со стороны го-

сударства и, что не менее опасно, влиятельных деловых кругов. Именно эта защищенность обязывает его задавать необычные и даже неудобные вопросы, искать не принятые в обществе связи между явлениями и социальными группами, другими словами, думать, говорить и писать независимо. В этом я вижу свое назначение преподавателя, ученого и гражданина.

Впрочем, советское двоемыслие научило меня понимать собеседника и говорить с ним на его языке, пользоваться его понятиями для внедрения нового для него толкования и понимания действительности, истории и пр. Это мне сослужило добрую службу не только в преподавательской работе, но и в выступлениях по радио и телевидению, когда приходилось быстро и деликатно расправляться с расхожими мнениями и штампами в вопросах журналистов.

В Москве моим научным руководителем стал Владимир Иванович Кузнецов, историк химии, в прошлом военный, осуществлявший после войны демонтаж и отправку в СССР химических предприятий из советской зоны оккупации в Германии. Мягкий и приятный в общении человек, он давал мне советы методического свойства, а знания по истории американской нефтехимии я черпал в библиотеках сам. При этом я много и на разных языках читал работы по науковедению, общей истории и социологии науки, стараясь восполнить отсутствие формальной подготовки в областях, на пересечении которых оказалось мое исследование.

Так я познакомился с принятыми на Западе методами социально-экономического и политического анализа науки. Тем самым я оказался вне «интерналистской» истории научных идей и концепций, которой занимались многие мои коллеги в СССР. Поскольку обязательного учебного курса как такового у меня не было, я заходил на проводившиеся в институте лекции и семинары по своему усмотрению, впитывая влияние редкого сосредоточения интересных и широко образованных людей.

Полная методологическая свобода позволила мне посвятить целую главу в своей диссертации роли научной аппаратуры в развитии химии. Эту тему я позже развил, как оказалось, одним из первых, показав на примере инфракрасной спектроскопии, сколь активную роль играет аппаратура в ориентации научных исследований. Я пришел к выводу о том, что применение научной аппаратуры при капитализме отражает не только (и даже не столько) потребности ученых, сколько интересы производящих эту аппаратуру фирм. Показано это было на послевоенной истории инфракрасных спектрометров, которые вошли в обиход химических лабораторий в результате направленного на ученых маркетинга (летние школы, дар оборудования университетским лабораториям и пр.). С тех пор аппаратура стала несравненно более дорогой, и такой подход к ее истории сегодня потерял свою новизну и используется довольно широко. Таким образом, была выявлена еще одна сторона влияния промышленности на науку. Думаю, именно поэтому мою статью в журнале *Isis* перепечатали спустя много лет в сборнике работ о революционной роли аппаратуры в развитии химии (*From Classical to Modern Chemistry: the Instrumental Revolution, 2002*).

В ходе работы над диссертацией я вышел на историю Владимира Ипатьева, царского генерала и крупного химика-органика. Он сделал вы-

дающий вклад в развитие химии нефти в США, хотя в Америку он попал в начале 1930-х гг., решив не возвращаться в СССР, когда ему было за шестьдесят. Много лет спустя мне довелось прикоснуться к хранившимся тогда в пригороде Чикаго личным вещам и документам Ипатьева, к его паспорту и рукописи его воспоминаний. А в конце прошлого века меня попросили написать его краткую биографию для American National Biography, так что знакомство с этими материалами мне пригодилось. Мой научный руководитель, автор научной биографии Ипатьева, смог опубликовать книгу о выдающемся «невозвращенце» лишь в 1992 г. после того, как она пролежала в ящике долгие годы.

В аспирантуре приходилось целыми днями читать по-английски и, чтобы не потерять навыки родного языка, перед сном погружался в прозу Бунина или Паустовского. Машинистка, печатавшая позже мою диссертацию, сказала мне, что ей было интересно. Несколько ненаучную легкость стиля заметили и коллеги в институте, приписав ее – не без осуждения – влиянию американских источников. Каковы бы ни были ее истоки, эту стилистическую особенность я стараюсь не терять, хотя пишу большей частью по-английски и по-французски.

Что же касается надежды на поездку в США во время работы над диссертацией, она обернулась несбыточной мечтой. Несмотря на запрос моего научного руководителя – и к тому же парторга института – меня не пустили даже на семинар по истории американской экономики в московский Институт США и Канады, т.е. в одну из структур АН СССР, в которую входил и наш ИИЕТ. Помнится, когда я поделился с Владимиром Ивановичем своим разочарованием, он заметил, что потеря невелика, ибо в Институте США сотрудникам вообще трудно писать: они всё норовят держать ручку как пистолет, и он показал это мне на пальцах. Действительно, тогда в этом сравнительно новом институте работало немало бывших разведчиков.

Конгресс по истории науки

С осени 1970 г. дирекция ИИЕТ довольно часто отвлекала меня от работы над диссертацией просьбами помочь вести переписку с зарубежными учеными. Институту была поручена организация международного конгресса по истории науки, и мое знание языков послужило большим подспорьем для оргкомитета. Помогал я с удовольствием и интересом: для меня это было прекрасной возможностью познакомиться с видными историками науки и науковедения. Моя научная работа вбирала в себя как раз элементы обеих дисциплин. Поэтому многих ученых я уже знал по их статьям и книгам.

Особенно интересовали меня исследования Дерека де Солла Прайса (Derek DeSollaPrice) из Йельского университета в США, и я очень надеялся познакомиться с ним лично. Однако говорить об этом напрямую в советских условиях было небезопасно: это могло принести больше вреда, чем пользы (или, как теперь говорят, было контрпродуктивно). По мере того, как приближался день открытия конгресса, у меня прибавлялось работы по переписке, но при этом я постоянно просил членов оргкомитета, в том числе и дирекцию института, оставить меня в покое во время самого конгресса.

Эта тактика сработала. За два дня до открытия меня вызвал зам. директора Микулинский и попросил сопровождать проф. Прайса, заметив, что речь идёт не просто о крупном ученом, а об активном участнике разработки научной политики США. Его книга «Малая наука, большая наука» была уже хорошо известна в СССР. Он не раз участвовал в слушаниях комиссий американского Конгресса, и ему полагалось сопровождающее лицо, знакомое с его деятельностью. Поэтому выбор пал на меня. Однако, по-видимому, учитывая мою беспартийность и «неправильную» национальность, ко мне приставили «переводчика», в функции которого, как я понял, входила в основном слежка. Английский он знал хуже меня, что делало его основную функцию очевидной и для Прайса. Неудивительно, что лекцию Прайса в здании Московского университета на Ленинских горах переводил я, а не мой «коллега».

Прайс был человеком общительным и представил меня своим друзьям из разных стран. Среди них оказались канадцы (историк биологии Камиль Лимож (Camille Limoges) и Брижит Шрёдер (Brigitte Schröder Gudehus), специалист по международным связям в науке), а также французы: Жан-Жак Саломон (Jean Jacques Salomon), автор фундаментального труда о науке и политике и глава отдела в Организации экономического сотрудничества и развития в Париже, его жена Клер (Claire Salomon Bayet) и их друг Рошди Рашед (Roshdi Rashed). Клер тогда работала над историей биологии во Франции, а Рошди уже был известен как историк математики, впоследствии внесший серьёзный вклад в изучение арабской средневековой науки.

Все мы говорили по-французски, что сразу создало обстановку соучастия и даже сообщничества. Я им показывал Москву, а поскольку вокруг никого из советских не было («переводчик» по-французски не понимал и с нами не ходил), я откровенно им признался, что решил уехать из СССР, но не знал, как это сделать. Прайсу же я открылся во время прогулки вдоль Москвы-реки, на которую мы вышли вдвоем якобы для того, чтобы купить марки. Он справедливо рассчитал, что наш «переводчик» не откажет себе в возможности остаться в номере и просмотреть его бумаги и книги. Мое признание гости не забыли, и когда я, закончив диссертацию, покинул, наконец, пределы Советского Союза, завязанные в Москве контакты помогли мне быстрее сориентироваться в западном научном мире. Более того, именно Прайс тогда посоветовал мне сначала защититься, а потом уже подавать на отъезд, совет, который оказался мудрым и предусмотрительным.

Возвращаясь, собственно, к конгрессу, который состоялся летом 1971 г., особенно живо вспоминаю заседания международного совета по изучению научной политики (International council for science policy studies). Я участвовал в его работе как референт-переводчик, но нередко именно мне из-за моего многоязычия приходилось практически председательствовать. Как известно, совет сыграл важную роль в развитии науковедения, выпустил ряд публикаций, способствовавших выработке общего концептуального языка. Хотя со времени входа советских войск в Чехословакию прошло едва три года, отношение к советским ученым было уважительным и открытым.

Более того, за два года до историков науки в Москве в 1970 г. собрался международный конгресс историков. Конгресс состоялся меньше, чем через год после входа советских танков в Прагу, но его не отменили или, как теперь говорят, не «забанили»: на конгресс приехало более трех тысяч историков со всего мира. Одной из причин, полагаю, был тот факт, что марксизм продолжал считаться плодотворным методом познания, причем такое отношение проявляли и ученые, политически далекие от идей социализма. Другой причиной было уважение к СССР, как воплощению нового способа организации общества.

В беседах со своими новыми западными знакомыми, историками науки и науковедами, я заметил, что немалое впечатление на них произвел вступительный доклад Б.М. Кедрова. Он предложил многоплановую структуру знания, опираясь на несколько триад, и этот подход сочетал в себе историю и философию. Для советских гуманитариев, считавшихся «бойцами идеологического фронта», справедливо ощущавшими оторванность от остального мира, 1970-е гг. озаменовали начало мирового признания.

Прощание с ИИЕТом

Продолжая работать над диссертацией, я не оставлял мысль об отъезде за границу. Осуществил я ее летом 1973 г. Приехав поздней весной в Москву, я зашел попрощаться в институт, где провел три увлекательных и важных для всей оставшейся жизни года. Выбрал я для прощания не только один из присутственных дней, но и день полочки, так что все коллеги были в сборе. Институт располагался тогда в Старопанском переулке, в стратегическом месте, на полпути от Кремля к Старой площади, где трудился ЦК КПСС. Институт состоял из одного изогнутого в букву «П» коридора, вдоль которого передвигались или беседовали стоя научные сотрудники. Собственно работой занимался в стенах института в основном административный персонал, а исследовательская работа протекала в библиотеках и домашних кабинетах. Впрочем, неформальное общение тоже часть – и немаловажная – научной деятельности. Когда на кафедре истории в Монреале мне его стало не хватать, я не раз вспоминал об интеллектуальном обогащении, которое принесли мне аспирантские годы.

В институте меня встретили тепло, стали расспрашивать о планах на будущее, а некоторые и о процессе подачи документов на отъезд. Старшие коллеги тоже пожелали мне успеха, а один из них, историк химии Георгий Владимирович Быков, громогласно с другого конца коридора сказал: «Ясно, что вы поступаете правильно, но надо подумать, чем вы там будете заниматься». И пригласил меня к себе домой, где за водкой и обильной закуской мы допоздна обсуждали научные планы. Мой научный руководитель В.И. Кузнецов был менее экспансивным. Он по-человечески пожалел, что уезжаю, а как парторг еще и поблагодарил меня за то, что я его не подвел. Ведь он предлагал мне в последний год аспирантуры вступить в партию с тем, чтобы, как он выразился, «нейтрализовать пятый пункт», т.е. мое еврейское происхождение. Я подо всякими предложениями от этого отказывался (мой беспартийный папа, кстати, был категорически против) и тем не подвел Владимира Ивановича под мона-

стырь: эмиграцию свежеепечённого члена партии парторгу наверняка поставили бы в вину.

Спустя всего несколько месяцев после отъезда, работая тогда в Иерусалиме советником по трудоустройству ученых-иммигрантов, я связался со встреченными в Москве коллегами, и они помогли мне сориентироваться в западном научном мире. На работу по специальности я особенно не рассчитывал, но, к своему удивлению, получил два приглашения – из США и Канады. Я выбрал Монреаль, привлёкший меня тем, что это – большой космополитический город, где присутствуют английская, французская и многие другие культуры. Полученное на родине, и в частности, в ИИЕТе, образование продолжает служить мне вот уже более полувека, заложив основы моей научной и преподавательской работы.

1969 год

ХАРИТОНОВА
Алла Николаевна

В ИИЕТ АН СССР я пришла осенью 1969 г. после окончания средней школы. Сейчас могу сказать, что это был счастливый факт моей биографии. Институт находился в Старопанском переулке в здании 1870 г. постройки. На работу меня принимали директор института акад. Б.М. Кедров и ученый секретарь А.Б. Паплаускас. Первые годы я работала в секторе истории физики в качестве научно-технического сотрудника. В обязанности входила подготовка к печати рукописи 2-томной монографии Я.Г. Дорфмана «Всемирная история физики», работу над которой он не прекращал даже во время тяжелой болезни. Перепечатывая на машинке текст рукописи, я начала понимать, что такое история науки, о которой раньше ничего не знала. Исследования по истории физики, как и

по истории других наук, всегда задумываются не только как изложение фактов, но и анализ развития основных проблем, представляющих интерес для специалистов, их влияние на развитие техники, связь с развитием общественных отношений.

Под руководством Якова Григорьевича Дорфмана я работала около пяти лет. До знакомства с ним знала, что он являлся одним из известных советских физиков, учеником А.Ф. Иоффе, специалистом по атомному магнетизму. Встреча с Яковом Григорьевичем состоялась в институте в комнате № 1. Когда он – пожилой худощавый и скромно одетый мужчина вошел в комнату, я не сразу поняла, что это и был тот самый профессор, под начальством которого мне предстояло трудиться. Затем состоялось знакомство с замечательными людьми – историками физики О.А. Лежневой, В.П. Визгиным, А.В. Ахутиным, О.В. Кузнецовой и И.Д. Рожанским. Вспоминается, как однажды придя в дом к Ивану Дмитриевичу на ул. Дмитрия Ульянова, я была поражена количеством книг в его домашней библиотеке, многочисленные стеллажи которой занимали отдельную комнату.

Хочу отметить, что Я.Г. Дорфмана отличала добросовестность и высокая требовательность к себе и к сотрудникам. Ко мне он относился с большим вниманием, чуткостью и заботой. Именно отношению к делу и честному выполнению своих обязанностей я научилась у Якова Григорьевича и считаю его своим первым учителем. Нужно сказать, что в секторе всегда существовала особая доброжелательная атмосфера между сотрудниками и их лидером. Вспоминаются научные семинары по истории физики, секретарем которых долгие годы, вплоть до своего ухода из института, являлась Е.И. Погребысская. В них принимали участие Б.М. Болотовский, Д.Д. Иваненко, Л.С. Полак, Б.М. Понтекорво, В.Л. Гинзбург, П.С. Кудрявцев и др. После кончины Дорфмана в 1974 г. сектором руководил Г.М. Идлис.

В 1975 г. я окончила пединститут по специальности биология и химия. Меня вызвал С.Р. Микулинский и спросил, чем бы я хотела заниматься дальше. Согласно моему желанию, была переведена в сектор истории химии в проблемную группу «История учения о периодичности», которой руководил Д.Н. Трифонов. В секторе химии в то время работали замечательные специалисты: Н.А. Фигуровский, Г.В. Быков, В.И. Кузнецов, А.Н. Шамин, В.А. Крицман, В.Л. Рабинович, В.А. Волков. Теплые отношения сложились с Ю.И. Соловьевым, когда он заведовал отделом аспирантуры, а я была секретарем, с З.И. Шептуновой, Н.В. Федоренко.

Д.Н. Трифонов активно сотрудничал с Музеем-Архивом Д.И. Менделеева в Ленинграде и занимался исследованием истории и теории периодической системы элементов. Все сотрудники группы в той или иной мере занимались изучением открытия элементов, и я также приняла участие в исследованиях по этой тематике. Началась работа в библиотеках и архивах, переписка с зарубежными музеями, где хранилась переписка химиков об открытии новых элементов. Я поняла, что такое оригинальные первоисточники и архивные документы, под руководством Д.Н. Трифонова приобрела опыт работы с ними. Сотрудники группы: В.П. Мельников, А.Н. Вяльцев, А.Н. Кривомазов, Ю.И. Лисневский, Г.А. Хакимбаева всегда помогали советами. К В.П. Мельникову было особое отношение. Он

был замечательным человеком, много знал, был принципиален, честен и добр к людям. В коллективе царила спокойная творческая обстановка. Д.Н. Трифонов предоставлял коллегам свободу в выборе темы исследований, поощрял инициативы, в то же время требовал конкретных результатов. Нас объединяла совместная коллективная работа по подготовке к изданию обобщающего многотомного труда по «Всемирной истории химии», по истории открытия законов радиоактивных сдвигов и явления изотопии у радиоактивных элементов, специфике и методам открытия химических элементов. Важное место в работе занимали публикации в серии «Пособие для учителей». Принимали участие в общеинститутских проектах, посвященных 50-летию СССР, Энциклопедии по истории науки. Совместную интересную работу с Трифоновым, Мельниковым и Кривомазовым вспоминаю с благодарностью и удовольствием.

С большой теплотой вспоминается традиция проведения праздничных вечеров и творческих встреч с известными артистами и поэтами, проведения новогодних утренников для детей сотрудников. К сожалению, сейчас эти традиции уходят.

1969 год

ХАРТАНОВИЧ
Маргарита Федоровна

В стенах Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР я оказалась в апреле 1969 года, попала случайно, пришла на собеседование вместо своей приятельницы и, тем самым, резко изменила свою судьбу, так как работала тогда в Ленинградском конструкторском бюро и училась на вечернем отделении философского факультета Ленинградского государственного университета.

В Сектор социальных проблем развития науки требовалась лаборантка. Заведовал сектором доктор философских наук Самуил Аронович Кугель. Он немного поговорил со мной, и мы отправились на беседу к директору доктору философских наук Юрию Сергеевичу Мелешенко. Вопрос о поступлении меня на работу был

быстро решен, однако напоследок Юрий Сергеевич сказал: «Если Вас будут обижать – обращайтесь прямо ко мне». Я, конечно, по этому поводу не обращалась к директору, хотя возможность была.

В секторе я занималась декодированием материалов опросов, составляла по этим материалам различные таблицы, работала в Статистическом управлении Москвы, и даже участвовала непосредственно в самих опросах. В 1970 г. приняла участие в обширной программе по опросу сотрудников химических академических институтов в Москве. В 1971 г. я участвовала в подготовке и проведении Международного кеплеровского конгресса, уже будучи студенткой исторического факультета ЛГУ.

Следует отметить, что обстановка среди молодежи ЛО ИИЕТа была благоприятная, дружная, веселая. Мы вместе путешествовали, готовили различные вечера, выпускали стенгазеты и т.д. Хорошие отношения у нас сохранились и поныне, только нас становилось все меньше.

Летом 1971 г. я решила по совету уважаемых товарищей поступать на исторический факультет, так как не видела особых перспектив обучения на философском факультете. В результате я поступила на кафедру истории СССР дореволюционного периода дневного отделения Исторического факультета, хотя и не рассчитывала на такой успех. На прощание Юрий Сергеевич, во-первых, был удивлен моим поступлением (15 человек на место), а во-вторых, сказал: «Вы наверно не захотите возвращаться по окончании факультета в наш институт, но мы вас будем ждать». Сказал и через год скончался.

Годы учебы пролетели незаметно, и когда встал вопрос о распределении, то я получила предложение работать в физико-математической школе при ЛГУ, где я проходила педагогическую практику, и в ЛО ИИЕТ. Я выбрала последнее учреждение, которое переживало сложные времена. ЛО ИИЕТ был расформирован. Сектор истории и теории эволюционного учения был переведен в Ботанический институт АН СССР. Социологи перешли в ИСЭП. В составе ленинградских секторов московского Института истории естествознания и техники остался сектор истории Академии наук и научных учреждений, в который я и поступила в 1977 г. Сектором руководил доктор исторических наук Анатолий Васильевич Кольцов. Я очень благодарна Анатолию Васильевичу за помощь, поддержку тематики моей кандидатской диссертации «История Петербургской Археографической комиссии XIX в.». В 1984 г. я защитила на Историческом факультете диссертацию, а в 2003 г. там же и докторскую диссертацию «Императорская Академия наук во второй четверти XIX века».

В 1999 г. вышла в свет моя монография «Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в.»; Серия сборников «Деятели русской науки XIX–XX веков»; II и III тома «Летописи Российской Академии наук» и многие другие публикации.

В 2010 году я перешла на работу заведующей отделом истории Кунсткамеры и Музея М.В. Ломоносова. Совместно с М.В. Хартанович подготовила и выпустила «Летопись Кунсткамеры 1714–1836 гг.».

Благодаря пройденной школе работы в ЛО ИИЕТ я приобрела уверенность в исследовательском труде, научный багаж, опыт работы с историческими источниками.

1969 год

ШУЛЬГИНА
Ирина Викторовна

Я приступила к работе в ИИЕТ в 1969 г. Мое первое незабываемое впечатление – это атмосфера необыкновенной свободы, проявлявшейся в выборе тем исследований, в открытости обсуждения их результатов, в возможности свободного посещения разных научных мероприятий и просто в общении между собой сотрудников и т.п.

До ИИЕТ я работала в системе ВПК; сначала это был научный центр Саров (или Арзамас-16, куда я попала по распределению после окончания института), затем НИИ электронной промышленности. Там функции и поведение сотрудников были строго регламентированы различными положениями и инструкциями, нарушение которых могло рассматриваться как разглашение государственных секретов. В обеих науч-

ных организациях я занималась проблемами управления и организации НИР.

1960-е годы в СССР характеризовались особенно бурным развитием сети научно-исследовательских учреждений и организаций. Так, за 1950–1965 гг. их количество выросло в 5 раз. Многократно увеличилась и численность персонала в сфере научных исследований. Как теперь представляется, это было связано с верой в возможности советской науки. Запуск первого спутника, первого космонавта, многие другие научные открытия и достижения (как и попытки введения экономических методов в управление наукой – хозрасчет) вызвали всплеск прикладных науковедческих исследований в стране. В научных организациях стали создаваться специальные отделы по анализу эффективности НИР с привлечением к обсуждению на семинарах результатов исследований различных специалистов. На одном из таких семинаров я познакомилась с Ю.М. Шейниным, и он пригласил меня на работу в руководившийся им сектор истории и теории организации науки, входивший в состав отдела науковедения ИИЕТ. В то время там работали Е.А. Беляев, М.С. Бастракова, Г.И. Любина, Н.С. Пышкова, Л. Шумилова, Г.Г. Дюментон, позднее из Ленинграда в сектор перешла и Г.Е. Павлова. По разносторонности научных интересов, открытости, доброжелательности и интеллигентности это был необыкновенный коллектив. Конечно, общий тон задавал сам Юлиан Михайлович. Широта его взглядов, интерес к происходящим в стране и мире изменениям в области организации и управления наукой привлекал на семинары по науковедению специалистов самого разного профиля. Науковедческие исследования в ИИЕТ в то время осуществлялись и другими секторами. Я до сих пор помню философские семинары, проходившие в ИИЕТ. Яркие выступления и доклады Мамардашвили, И. Блауберга, братьев Юдиных, Б. Грязнова, Г. Гачева и др. Видимо, их доклады были отголосками того периода, когда дала свои плоды оттепель, заложенная Н.С. Хрущевым. Науковедческая тематика всячески поддерживалась руководством Института. Довольно быстро к ним подключили и меня. По заданию С.Р. Микулинского мне была поручена научно-методическая разработка положений о планировании экономических показателей для бюджетных научных институтов и хозрасчетных научных организаций Академии наук. Работа должна была проводиться совместно с планово-финансовым управлением Президиума АН СССР. Помню мои опасения, что я не справлюсь с такой работой. Не могу не упомянуть, что имела место и некоторая корпоративная оппозиция со стороны сотрудников управления. Однако помог опыт аналитической работы в системе ВПК, поскольку именно там уже с 50-х годов в модифицированном виде применялись западные методы обоснования экономических показателей научных исследований, которые стали использоваться в гражданских отраслях СССР значительно позднее. Уже в 1974 г. эти научно-методические разработки, выполненные совместно с планово-финансовым управлением Президиума АН, были закончены и внедрены в практику работы институтов АН СССР. Они использовались в учреждениях АН вплоть до распада СССР и перехода страны на рыночный путь развития.

Важным этапом моей начальной деятельности в ИИЕТ была защита кандидатской диссертации по специальности экономика научных исследо-

ваний и разработок. Защита состоялась в Киеве, в Центре науковедения Г.М. Доброва. Тогда только там был Ученый совет по науковедению. Руководителем диссертации был С.Р. Микулинский (конечно, только номинально). Затем были монографии и публикации в серии сборников «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов» (Ленинград), ежегодных годичных конференциях ИИЕТ и др.

С уходом из Института Ю.М. Шейнина направленность сектора резко изменилась. Вновь назначенный руководитель сектора – В.И. Масленников был ориентирован на исследования, связанные с научно-техническим прогрессом, что определялось новыми партийными установками. Главной задачей сектора теперь стала подготовка аналитических записок по заданиям ЦК КПСС. Но это уже совсем другая история.

Вместе с тем у меня остались и забавные воспоминания о том, как вдруг начальник отдела кадров (Т.Ф. Бедретдинова) начинала «поднимать» трудовую дисциплину, «отлавливая» у табельной доски в 14 часов по вторникам и четвергам опоздавших на 10–15 минут. Можно было прийти раньше или позже, и это не имело никакого значения, но опоздание на 10 минут было серьезным проступком. Помню, как возмущались все, рассматривая такой метод контроля как наступление на личную свободу. Мне же это казалось забавным, тем более в условиях редкой по тем временам возможности работать над тем, чем хочешь, сколько хочешь и когда хочешь заниматься.

1970 год

ШЛЕЕВА
Марина
Владимировна

Начало моей работы в ИИЕТ АН СССР пришлось на время сразу после переезда института в Старопанский переулок. В 1966 г. меня приняли на временную работу в библиотеку, вместо ушедшей в декретный отпуск сотрудницы. Сам переезд я не застала, но разборку книг библиотеки хорошо помню. Секторальные комнаты были уже приведены в порядок, но стеллажей в отведенных библиотеке комнатах еще не было, часть книг лежала в стопках на полу, а часть надо было перевозить из других помещений. Это было поручено мне. Те, кто работал на Старопанском, возможно, помнят тележку для перевозки тяжестей – небольшую, низкую, плохо управляемую платформочку на четырех колесах с длинной ручкой-палкой. Я была юным, аб-

солютно легкомысленным созданием, только что окончившим школу (школа № 165 на улице Правды, недалеко от Белорусского вокзала) и поступившим на вечернее отделение исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Поэтому ничего лучше не придумала, как в одну сторону возить книги по довольно длинному коридору, а в другую – кататься на тележке как на самокате, отталкиваясь ногой от пола.

Когда закончилась моя временная работа в библиотеке, то мне предложили поработать курьером при дирекции. Это был 1968 год, и с ним у меня связаны два воспоминания. Следует напомнить, что дирекция располагалась в центре помещения института и состояла из приемной, кабинетов директора, зам. директора по науке и ученого секретаря. В приемной стояли три телефона, и секретарь соединяла с нужным абонентом. Первое воспоминание связано с событиями в Чехословакии. Позвонили из какой-то газеты и попросили передать директору института, академику Бонифатию Михайловичу Кедрову, что нужно подписать письмо в поддержку введения войск. Когда Бонифатий Михайлович пришел в институт, то он попросил секретаря Зою Ивановну Упеник отвечать, что директора нет и не будет. Второе воспоминание связано с избранием заместителя директора Семёна Романовича Микулинского членом-корреспондентом АН СССР. Он был первым ученым, избранным в академию по специальности история науки. Была очень напряженная и нервная обстановка, какие-то звонки и переговоры. Семён Романович и ученый секретарь Альгирдас Болеславович Паплаускас, заметно возбужденные, постоянно заходили друг к другу, с кем-то перезванивались. Результат стал известен на следующий день.

Несмотря на то, что я выросла в семье, можно сказать, академической, так как мой папа работал в Институте искусствоведения Академии художеств, а мама в Институте археологии, я совершенно не представляла себе, что такое научно-исследовательский институт, и ИИЕТ в частности. Осознание значимости работы в нем и огромного научного авторитета многих его сотрудников пришло несколько позднее.

В 1968 г. в институте по инициативе С.Р. Микулинского была создана группа по подготовке Энциклопедии истории естествознания, которую со стороны БСЭ возглавлял очень опытный редактор-энциклопедист Рафаил Яковлевич Штейнман, а в институте – Игорь Васильевич Круть. Группа просуществовала всего несколько лет, собрала материал полностью для первого тома и частично для второго (материалы должны быть в архиве ИИЕТ). К сожалению, довольно быстро не стало Р.Я. Штейнмана (по моим представлениям того времени, человека очень преклонных лет), а он был автором идеи и принципов написания статей. Потом руководителем стал Евгений Владимирович Вонский, одновременно в БСЭ и в группе энциклопедии, один из трех авторов справочника «Выдающиеся химики мира», участник подготовки нескольких энциклопедических изданий по химии. Следует обязательно упомянуть моих дорогих сотоварищей по группе – Виолу Гайденко и Оксану Симоненко. Первая из них, хотя была ненамного старше, однако была нашим наставником, объясняя непонятное в философии и истории науки. Мне она помогала при написании дипломной работы, объясняя замечания научного руководителя. С Оксаной меня связали дружеские отношения несколько позднее.

После того, как меня приняли на постоянную работу в группу энциклопедии в качестве научно-технического сотрудника, я значительно ближе познакомилась с сотрудниками института. В 1960–1970 гг. ИИЕТ сконцентрировал цвет историко-научного сообщества, и не только. Одно перечисление имен тех, кто произвел на меня самое сильное впечатление в первые годы работы, показывает уровень ученых, работавших в институте, и истории науки этого периода: Яков Григорьевич Дорфман, заведующий сектором физики, крупный физик (см. статью в БСЭ), Леонид Яковлевич Бляхер, заведующий сектором истории биологических наук, известный эмбриолог и выдающийся историк науки, Борис Абрамович Розенфельд, блестящий геометр и специалист по арабской математике, Адольф Павлович Юшкевич, крупнейший отечественный историк математики, Федор Андреевич Медведев, один из ведущих в мире специалистов по истории теории функций и множеств, Иосиф Бенедиктович Погребысский, математик, механик, историк науки, один из тех, кто стоял у истоков отечественной кибернетики, человек огромной эрудиции, владевший десятью иностранными языками, Кузнецов Борис Григорьевич (БГ – как его звали в институте), в 1930-е гг. специалист в области электроэнергетики, возглавлявший ряд важных проектов в этой области, чрезвычайно разносторонний историк науки и историк физики Нового и Новейшего времени, замечательный, добрейший Наум Иосифович Родный, классик науковедения, рано ушедший чудесный человек Борис Семенович Грязнов, известнейший философ и методолог науки, Николай Александрович Фигуровский, профессор химического факультета Московского университета, химик и историк химии, представительный и величественный, еще один историк химии Георгий Владимирович Быков, пользовавшийся большим авторитетом не только среди отечественных ученых, но и в международном научном сообществе, интеллигентнейший историк техники Всеволод Иосифович Остольский, руководитель сектора истории техники Андрей Александрович Чеканов, как мне казалось, немного чудаковатый человек, а на самом деле очень хороший специалист. Эти сотрудники запомнились мне не только потому, что некоторые из них очень тепло относились ко мне, и не потому, что каждый из них был своего рода центром научной и организационной работы в своей области, и к ним приходилось обращаться для решения различных проблем, связанных с деятельностью группы, но еще и потому, что все они имели необычную, впечатляющую внешность, выделявшую их из общего ряда, что прочно запечатлелось в моей памяти.

Надо сказать, что в присутственные дни, когда секторальные комнаты и коридоры института наполнялись сотрудниками, возникала атмосфера приподнятости, неординарности, даже праздничности. И очень красивые и нарядные сотрудницы самого разного возраста. Это было очень яркое время в жизни института. Постоянно шло обсуждение каких-то, далеко не всегда мне понятных научных проблем, дружеские, а иногда и не очень, споры и дискуссии, привлекавшие не только сотрудников, но и тех, кто работал в смежных областях. Довольно большой и очень уютный конференц-зал всегда был полон. Нередким было то, что желающие послушать выступления стояли в проходах и в дверях. Это был период проникновения в стены института идей таких ученых, как М.М. Бахтин с его карнавальной культурой и А.Я. Гуревич, автор очень популярной в институте

книги «Категории средневековой культуры», их бурное обсуждение. Мы с большим энтузиазмом, с легкой руки Вадима Рабиновича, посещали культурологические лекции в Литературном музее на Петровке, а затем продолжали обсуждение где-нибудь за ужином.

Многие годы в институте проходили специальные конференции для младших научных сотрудников и аспирантов, среди которых проводились еще и конкурсы на лучшую работу, и это были довольно многочисленные конференции. Веянием времени были занятия для комсомольцев. Помню одно из них, на котором Коля Гаврюшин рассказывал нам о творчестве знаменитого режиссера Евреинова. Было много выездных конференций, например, школа в Обнинске, конференции в академическом Доме отдыха в Звенигороде, часто проходившие в теплое время года. Вечерние посиделки и прогулки в лесу создавали атмосферу приятельства и способствовали укреплению дружески-научных контактов. После одной из школ была выпущена юмористическая стенгазета «На вербалочке». Там были фотографии и карикатуры, но кто был их автором, к сожалению, не помню. А вот тексты написал Вадим Рабинович. Он был большим мастером игры в слова. Так, фамилию Дорфман он переделал в Коридорфмана, для своего заклятого друга Крицмана он придумал несколько мемов – крицманова соната, крицтоматия, крицтомания, крицманиана и т.п., и получил в отместку не буду писать что, но достаточно обидное (не пишу, потому, что с большой любовью вспоминаю Вадима).

Поскольку в институте было довольно много молодых сотрудников, то можно было выбрать круг тех, кто был тебе интересен. В первые годы я была дружна с Таней Ивановой, очень симпатичным секретарем академика Б.М. Кедрова, и с ее однокурсницами, также сотрудницами института – Галей Фирсовой, Светой Дорошенко, а также с Лерой Арутюнян и Валей Нестояновой, и конечно, фантастической Асей Львовной Черняк (о ней нужно вспоминать отдельно). Затем появился еще один круг друзей, объединявшихся вокруг сектора истории психологии. Мы собирались у кого-нибудь дома, устраивали загородные поездки в лес, оставались на работе и после ее окончания. Одно время началось увлечение настольными играми, например, калахом. Устраивались театрализованные новогодние вечера, для которых писали сценарии, в основном Володя Умрихин и его будущая жена Оля Борисовская. Так, был вечер, на котором показывались пародии на наиболее популярные телепрограммы. Я играла в «Спокойной ночи, малыши» Бабу-ягу и пародировала ведущую «Музыкального киоска» Элеонору Беляеву. Наряду с этим устраивались замечательные праздничные вечера, на которые приглашались молодые, начинающие музыканты и артисты. Помню Миронова с Голубкиной, молодых Филипенко и Марка Розовского, Евгению Симонову, совсем, совсем юную Казарновскую. Полагаю, что здесь большую роль играл Саша Кривомазов. А какие замечательные поэтические вечера устраивал незабвенный Вадим Рабинович: Вознесенский, Евтушенко, Винокуров, Тарковский, Чухонцев.

Невозможно не вспомнить сотрудников, с которыми меня связывали приятельские и дружеские отношения разного уровня в силу возраста и научного статуса. Владимир Семенович Кирсанов, человек одаренный во всем, редкостно образованный и талантливый ученый, прекрасно рисовавший и писавший замечательные стихи. И при этом он был потрясающим

мастером, мог починить все, от мебели до очень сложных часовых механизмов. Был очень отзывчив на проблемы друзей, а благодаря своим манерам и элегантности восхищал многих сотрудниц. Алексей Николаевич Шамин, человек, вызывавший по отношению к себе далеко не однозначные чувства. Но мое к нему отношение никогда не было отрицательным. Для меня он был занимательным собеседником, готовым всегда поделиться своими знаниями и опытом работы. Борис Белов, почти мой ровесник, способный ученый, с не очень удачно сложившейся, по разным причинам, научной судьбой. С ним связано одно воспоминание (легкий штрих в картину взаимоотношений в институте в 60–70-е гг. прошлого столетия), а именно то, как мы вместе с Гаврюшиным и Александром Ильичом Володарским совершенно серьезно принимали участие в сватовстве Бори.

Многое можно вспомнить из моей жизни в институте и в последующие годы. В 1978 г. меня перевели в Проблемную группу по изучению памятников науки и техники – маленькую, но очень активную и оппозиционно настроенную по отношению к дирекции. Ею руководил Леонид Ефимович Майстров, а мэнэсами (так называли младших научных сотрудников) были Петя Боярский (теперь Петр Владимирович, известный историк освоения Арктики), Коля Гаврюшин (Николай Константинович, его уже нет с нами, крупный историк религиозной философии), а затем еще и Алеша Пентковский (Алексей Мстиславович), человек извилистой научной судьбы – от химии к истории химии, затем богословие и обучение в Ватикане, затем работа зам. директора ИИЕТ по хозяйству, неудачная работа директором музея в Абрамцево, в настоящее время профессор Московской духовной академии. Но все это совсем другая история...

1971 год

ВИЗГИН
Виктор Павлович

Первого февраля 1971 г. я был зачислен младшим научным сотрудником Института в сектор истории химии, которым тогда руководил Владимир Иванович Кузнецов. С ним я уже был хорошо знаком, потому что он был моим главным официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации «Философский анализ проблемы химической эволюции». Его открытая и доброжелательная манера общения уже тогда привлекла меня к нему. Моя диссертация интересовала его как философствующего историка химии крупного масштаба. Витавшая в научно-философских кругах идея возможности спонтанного усложнения химических систем, напрямую связанная с исследованиями процессов химической эволюции вещества в природе и в экспериментальных условиях,

имела в глазах В.И. Кузнецова значение и для понимания процесса эволюции химических знаний в истории. Именно В.И. Кузнецов помог мне в конкретной реализации моего перехода из МГУ в ИИЕТ.

Об этом сюжете я уже написал в сборнике, посвященном памяти В.И. Кузнецова (*Химия как amor Dei // История науки в философском контексте*. СПб., 2007. С. 9–48. Второе издание этой работы см. в кн.: *Визгин В.П. Наука в ее истории: взгляд философа*. М., 2020. С. 607–634). Поэтому обращу внимание на другие известные и менее известные фигуры, тоже содействовавшие моему переходу из Московского университета, где я преподавал философию после окончания химфака МГУ и философской аспирантуры. Анатолий Валерианович Ахутин, с которым мы вместе учились на химическом факультете, тесно сблизившись в своих интересах к философии, перешел с химфака в ИИЕТ раньше меня. На химическом факультете в 1947 г. была создана кафедра истории химических наук. Заведующим ее был назначен Н.А. Фигуровский, занимавшийся физической химией, человек действительно «фигурный» во многих отношениях с интересной богатой биографией. Родом он происходил, помнится, из духовного звания. Человек яркий, талантливый, многое в своей жизни повидавший и поэтому удивительный рассказчик. Николай Александрович был крупной фигурой в химической науке (известны весы Фигуровского для количественного седиментационного анализа). Кстати, несколько лет он был директором ИИЕТ. Времени постоянно руководить кафедрой истории химических наук, в 1955 г. преобразованной в кабинет истории химии, у него просто не было. Поэтому хозяйкой там была очень энергичная, добрая и милая женщина. Звали ее Тамара Александровна. Фамилия ее сейчас выпала из памяти. Вот все эти люди – Н.А. Фигуровский, его заместитель по кабинету истории химии и, главное, А.В. Ахутин, бывший в то время аспирантом, специализировавшимся у Фигуровского и Тамары Александровны и занимавшимся под их руководством исследованием процессов кристаллизации – помогли мне определиться с решением уйти из МГУ и поступить на работу в ИИЕТ.

Мой друг А.В. Ахутин мечтал, как и я, о научной исследовательской работе в области философии. Поэтому после защиты кандидатской диссертации по химии он решил перейти на работу в ИИЕТ, когда директором там был как раз его шеф Н.А. Фигуровский. Его пример был мною усвоен. И я уже не сомневался в своем решении перейти в ИИЕТ, поняв, что возможности для углубленных занятий философией в связи с историей науки в ИИЕТ у меня действительно будут.

Однако преградой – и серьезной – на пути этого плана оказалась позиция заведующего кафедрой естественных факультетов МГУ, профессора С.Т. Мелюхина, которого, кстати, много лет спустя коллектив ИИЕТ отвергнет в качестве кандидата на должность его директора. Дело в том, что в его глазах я был нужным ему перспективным сотрудником руководимой им кафедры, специально подготовленным для преподавания философии будущим химикам. Человек явно способный, самоуверенный и амбициозный, Серафим Тимофеевич отчески брал меня под руку и на все просьбы об увольнении из МГУ отрезал: «Вам у нас на кафедре будет лучше во всех отношениях. Здесь вы сможете расти и в научном плане и успешно продвигаться в университетской карьере». Но я понимал, что рутина педа-

гогической работы, долгих и регулярных заседаний кафедры не давала, по моему мнению, достаточно возможности для достижения более высокого уровня своего гуманитарного образования, для повышения, в частности, лингвистической подготовки, без чего, как мне казалось, трудно развивать собственное творчество в науке и философии. Нужно было свободно владеть иностранными языками. А химфак дал только знание научного английского языка. Мне же хотелось двигаться вперед, а не ограничиваться только преподаванием марксистской философии. Я стремился к серьезному овладению современной западной философией. Кстати, уровень преподавателей кафедры, где я работал, в этом отношении, в моих глазах, был низким. За очень редкими исключениями. Но С.Т. Мелюхин категорически отвергал все мои обращения об увольнении. Мол, учите студентов и сами учитесь! И вот тогда пришлось обратиться к университетскому юристу и, получив у него консультацию, я подал по нужной форме официальное заявление об уходе с кафедры философии естественных факультетов МГУ. Ректор И.Г. Петровский не мог его не подписать. В результате я уволился из университета и вскоре при содействии и по рекомендации В.И. Кузнецова был зачислен в штат сотрудников ИИЕТ в должности м.н.с. в сектор истории химии.

Помню первые дни на новом месте в секторе истории химии. Сотрудники сектора сидели за своими столами и все чем-то своим занимались. Обратил внимание, что одна аспирантка или молодая сотрудница читала с огромным словарем японскую научную книгу. Она изучала японский язык для чтения химической литературы. Япония, пояснила она мне, существенно продвинулась в химических исследованиях. Лингвистический настрой оказался созвучным именно 1971 году, моему первому году в стенах института. Ведь это был год XIII Международного конгресса по истории науки, который, кстати, впервые должен был пройти у нас, в Москве в августе. Институт готовился к этому большому событию. Нас, молодых сотрудников, распределили по разным направлениям подготовки к конгрессу и определили функции при содействии в его работе. Отголоски этого события можно найти в стихах, которые тогда у меня интенсивно возникали и продолжали вспыхивать во все время почти двадцатилетней работы в институте (80 лет Институт истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники». М., 2012. С. 280–286).

История науки и роль в ней ИИЕТ благодаря работе конгресса в первый год моего пребывания в нем открылись мне в лучах международного признания нашей историко-научной институции. Советских историков науки слушали с вниманием. Они были на первых ролях в сонме звезд мировой истории науки, некоторые из которых залетели к нам в тот памятный год. Мне запомнился блистательный Б.Г. Кузнецов, обвораживающий французских историков, и замечательно мудрый и тонкий А.П. Юшкевич. После конгресса у директора Б.М. Кедрова, недавно сменившего на этом посту Н.А. Фигуровского, возникла мысль о необходимости поднять уровень знания иностранных языков среди историков науки, особенно молодых. Я прислушался к этому призыву, отвечавшему и моим собственным стремлениям. Дирекция оперативно и, как показало время, результативно организовала бесплатные курсы иностранных языков. Набирали на них с

нулевым знанием языка. Мне и моим товарищам по институту повезло – учителем французского в нашей группе стал коренной парижанин Зураб Чавчавадзе, потомок известных грузинских князей с удивительной биографией. Английского и средней руки немецкого мне было мало уже только потому, что много интересных работ по античной науке, к занятиям которой я вскоре перешел, существовало именно на французском и итальянском языках. Быстро научившись с таким великолепным учителем, использовавшим игровой интерактивный метод Лозанова-Шехтера, свободно читать по-французски, я довольно быстро существенно продвинулся в своих историко-научных и одновременно философских занятиях аристотелевской наукой, касавшейся принципиальных проблем того, что можно, не без доли условности, назвать античной химией.

Скажу теперь о самом главном впечатлении, вынесенном мною из долгих лет научной работы в ИИЕТ. 1970–1980-е годы я считаю годами нашего успешного «штурм-унд-дранга» в истории и философии науки. Залогом успеха коллектива тогдашнего ИИЕТ было удивительное единение всех его сотрудников, от дирекции до технических сотрудников, вокруг одной общей цели – науки и ее познания. Познания всяческого – исторического и философского, познания самих научных дисциплин, претерпевающих рост и переформатирование своих связей, познания их развития в целом и его оснований, отсылающих к социальным структурам, философским предпосылкам и культурным традициям в их исторической динамике. Наука в те годы была вообще неоспоримой общественной ценностью. Вопрос об истине определял все искания в науке и вокруг нее. Критика научного отношения к миру, конечно, существовала и тогда. Но все равно, авторитет науки и занятий ее проблемами, в том числе философско-методологическими и историческими, был необычайно высок, и всеми признавался. Поэтому внутри коллектива ИИЕТ всегда был скрепляющий его в эффективное интеллектуальное единство «общий знаменатель», по которому можно было сверять свои суждения в самых острых спорах и дискуссиях, которых у нас было много. Чего только стоила традиция регулярных научных семинаров по методологии истории науки в Звенигороде. Об этом уже немало написано, в том числе и мною (Последний Звенигород: рациональность под прицелом // Эпистемология и философия науки. 2005. № 4. С. 118–143).

Закончу тем, что назову тех ученых старшего поколения, работать и дружить с которыми оказалось самым настоящим счастьем и поучительным уроком, думается, не только для одного меня. Это В.И. Кузнецов, И.Д. Рожанский, П.П. Гайденко, Г.Д. Гачев, В.Ж. Келле, М.К. Мамардашвили, Н.С. Злобин, Б.С. Грязнов, В.С. Библер, А.П. Огурцов, Б.А. Старостин, В.С. Кирсанов, А.М. Цукерман... Хочется продолжать этот список дальше и дальше. Вспоминаю с любовью наших библиотекарей, сотрудников отдела научной информации, замечательно внимательных и чутких к нам, алчных до книг и журналов – Надю Гофман и Аллу Полекутину. Да разве всех назовешь, с кем прекрасно и плодотворно провел молодые годы своей жизни!

1971 год

ГАВРЮШИН
Николай
Константинович

Даже и в мыслях у меня не было становиться историком науки. И вообще, до 1968 г. я не имел понятия, что такая область интеллектуальных интересов существует. Я был студентом филологического факультета МГУ, закончил третий курс, написал курсовую работу о лирическом «Я» поэтессы Мирры Лохвицкой и о проблемах художественного творчества. И в дальнейшем собирался заниматься именно поэзией Серебряного века. Но в 1968 г. я узнал, что такой институт есть. Один из историков космонавтики, который приходился мне родственником, привел меня к Виктору Николаевичу Сокольскому. И для меня было почти шоком, что существует Институт истории естествознания и техники, в нем много комнат, в каждой из которых работа-

ют специалисты по самым разным направлениям. Причем хочу сразу подчеркнуть, что общение с Сокольским и в тот момент, и в последующее время для меня имело просто судьбоносное значение. Собственно, перед тем как привести меня в институт, муж моей двоюродной сестры сказал, что познакомит меня с одним из великих людей современности. Мне всегда казалось, что великие люди жили давно, а вокруг нас великих в принципе быть не может. И вот он меня приводит к Сокольскому... Так, на вид не очень великий, с усиками, достаточно подвижный, симпатичный. Он предлагает мне временную работу в институте – помогать ему в подготовке сборника по истории авиации и космонавтики. Я сверял переводы, раскладывал фотографии и про себя начал думать, что если у меня не получится заниматься тем, чем я хочу и что начал делать в университете, надо иметь какой-то запасной аэродром, т.е. заниматься проблемами научного творчества на материале, скажем, истории космонавтики в связи с художественной литературой.

А дальше получилось так, что через некоторое время я поступил работать, еще будучи студентом, в ЦНИИМАШ, там общался с группой по истории космонавтики, которую возглавлял Юрий Васильевич Бирюков. И он начал меня настраивать на то, чтобы я занимался разработкой научного наследия Циолковского. В 1971 г. пришлось мне из ЦНИИМАШ уходить, и я вновь пришел к Сокольскому.

В институте у меня конкретизировалось взаимодействие научного и художественного творчества, и такую тему диссертации я и поставил: «Художественное творчество и развитие науки», в скобках – «становление идеи освоения космоса» (Москва, 1973). Да, мне казалось, что тема интересная и она должна вообще вызвать какую-то реакцию, в том числе в институте. Большого внимания не заметил. Я защитил диссертацию и сделал целый ряд докладов на Чтениях Циолковского, на заседаниях секции истории космонавтики. Вот таким образом я поначалу в какой-то степени осуществлял сопряжение своих интересов в области теории творчества и интересов института.

Кто такой Циолковский с его идеями? Разве это не космизм? И надо сказать, что в ЦНИИМАШ уже говорили о русских космистах, в частности, о Н.Ф. Федорове и его отношениях с Циолковским, так что какой-то импульс и оттуда был, и регулярные посещения Калуги, Чтений Циолковского. В 1971 г. я сделал в Калуге доклад об истории русского космизма.

Каждое исследование всегда расширяет ваше интеллектуальное поле. Вот одна из моих первых статей, «Универсальность творческой личности» (1974). Она была посвящена трем ученым, жившим примерно в одно время, – это Марен Мерсенн, Афанасий Кирхер и Иоганн Кеплер с его «Сном». У Кирхера есть идея космического полета, у Мерсенна разрабатывалась тема создания искусственного языка для беседы с «лунатиками». Я попытался посмотреть пошире на эти три личности и выявить некую парадигму, которая позволяет им сравнительно легко переходить из одной сферы знания в другую. Я, в принципе, с удовольствием бы занимался этим и дальше, но так складывались обстоятельства, что приходилось свои интересы соотносить еще и со многими другими задачами, которые есть и в институте, и в жизни, и т.д.

В ЦНИИМАШ был очень интересный отдел общих проблем космонавтики. В этом отделе работали, по-моему, два философа, два писателя-фантаста, три художника. Туда интегрировалась группа Генриха Ивановича Морозова, которая занималась системами жизнеобеспечения. Потом туда же влился Юрий Васильевич Бирюков, который пришел из королёвской фирмы со своей группой историков космонавтики. И я оказался в этом отделе. Сначала у меня были задачи, определенные сотрудничеством с философом Аркадием Дмитриевичем Урсулом. В какой-то мере он сыграл роль в моей диссертации, в частности, потому что был на кафедре философии в Педагогическом институте.

В чем отличается русский космизм от космизма западного? Начнем с того, что космизм – словечко такое новообразованное. Мы его активно употребляли в 1970-е гг., но сказать, что оно было в ходу, скажем, в 1930-е гг. или в начале XX в., нельзя. Я с большим изумлением сам откопал среди американских мыслителей XIX в. философа, которого звали Джон Фиск. Его космизм – это было иное название некоего пантеизма, т.е. у него в голове не было и мысли об общении с инопланетными цивилизациями. Мы на эту тему много беседовали с Александром Павловичем Огурцовым. И он позднее об этом вспоминал. У нас космизм расширился до таких пределов, что туда и Макс Шелер попадал, и чуть ли не вся кабалистика, и возникало ощущение, что мы слишком широко пошли. В эпоху начала космической эры ожидалось, что с космизмом будет связываться некая техническая деятельность прежде всего и какое-то ее идеологическое обоснование, связанное с освоением космоса. А мне и Огурцову и многим в то время казалось очень важным дистанцироваться от марксистских парадигм, которые требовали в той или иной степени классового анализа идей, и открыть для себя поле, относительно свободное от возможных идеологических интервенций. Поэтому мы немножко этот космизм расширяли. Для Запада вообще не стояло ни той, ни другой проблемы. И если у Фиска этот термин работает, то, в принципе, на Западе он не употребителен был, по крайней мере раньше.

Я думаю, что это наше изобретение. Уже в 1990-е гг. я начал «каяться» и написал маленькую заметку в ВИЕТ под названием «А был ли русский космизм?». Я там честно сказал, что мы некоторым образом ретроспективно «создавали» этот космизм, подтягивали туда людей, подходящих хотя бы формально. Но чтобы космизм был таким движением, как, например, русский символизм в поэзии, этого сказать нельзя. Собрать вместе и Вернадского, и Чижевского без некоторого насилия над их идейными программами трудно. Что сказал бы сам Вернадский, если бы его с Николаем Федоровичем Федоровым объединили? Флоренский пытался общаться с Вернадским по темам, близким к космизму, он ему в письме предлагал ноосферу заменить на пневмосферу – но ответа не последовало.

В конце 1960-х–начале 1970-х гг. уже была большая уфологическая литература, на Западе выходил, по-моему, не один журнал, в частности, *Flying Saucer* («Летающая тарелка»), и в ЦНИИМАШе, в спецбиблиотеке, его можно было свободно взять, так же, как и некоторые секретные наши отчеты. Довольно быстро я убедился в том, что на протяжении почти двух десятков лет во *Flying Saucer* эксплуатируются одни и те же сюжеты. Но были свидетельства людей, которых якобы забирали с собой ино-

планетяне, например, книжки Джорджа Адамски. Эрих фон Денникен писал тогда о «палеоконтактах», Александр Горбовский эту тему поднимал. В начале 1970-х гг. нас попросили на заседании секции истории авиации и космонавтики СНОИФЕТ поставить доклад Зайцева, публициста, писавшего о контактах с инопланетянами. Сокольский пошел нам с Бирюковым навстречу, при секции истории авиации и космонавтики учредили даже подсекцию под такого рода доклады. Мне накануне Виктор Николаевич сказал: «Я буду сидеть в последнем ряду, все на вас. Но учтите, что я очень боюсь, чем это дело кончится». Вечером начала собираться публика и, честно скажу, у меня сердце екнуло. Потому что в зале на Старопанском люди стояли вплоть до стола президиума. И даже по вопросам, по реакции было понятно, что не все адекватные. Мы опасались, что слухи по Москве разнесутся. По существу, это была почти запретная тема. В какой-то момент Бирюков, который вел заседание, растерялся. Сокольский мне говорит: «Идите в президиум, берите все в свои руки». И мне пришлось вести заседание в жестком режиме. На этом мы с внеземными цивилизациями закончили. Но мы в рамках секции еще давали возможность выступить некоторым исследователям, непрямо связанным с уфологией. Например, Н.Ф. Гончаров, В.С. Морозов, В.А. Макаров – такие были ребята, которые разрабатывали теорию «Земля – большой кристалл».

Два эпизода коротких с Аркадием Александровичем Космодемьянским. Он был человек совершенно замечательный, любитель поэзии, судьба его очень интересная. Все-таки генеральский мундир-то ему якобы пожаловал сам... Сталин.

Аркадий Александрович действительно занимался серьезно Циолковским. Одна из моих первых статей по истории науки называлась «Циолковский и атомистика». Я все собрал, что можно было, не только у самого Циолковского в архиве, но и контекст, помимо книжки В.П. Зубова проштудировал К. Ласвица «Историю атомистики». Сделанный доклад предназначался для «Трудов» Чтений Циолковского. Тут Аркадий Александрович схватился за голову. «Понимаете, – говорит, – я всю жизнь положил на то, чтобы Циолковского возвести на пьедестал, а вы начинаете ворошить самые слабые его работы. Я его формулу движения ракеты смотрел по рукописям. У него там ошибки в вычислениях! Я же не мог его в таком виде представить! Я все пересчитал, и так мы все опубликовали». То есть Аркадий Александрович все пересчитал, поэтому в опубликованных трудах Циолковского все правильно. Я спрашиваю: «А как же наука? Наука должна раскрывать то, что достоверно?» – «Ну, знаете, я атомной физикой не занимаюсь. Давайте пошлем на отзыв в МГУ на кафедру теоретической и экспериментальной физики профессору Соколову». Ответа долго не было, затем пришел: «Ну, в общем, ничего сказать не можем». Тогда дали на отзыв своим. А.Н. Вяльцев прочитал, сделал толковые замечания философского порядка, предложил туда Н.В. Бугаева вставить с его аритмологией. И в конце концов эту статью напечатали. А второй эпизод такой. Уже к 1976 г. решили собрать заседание, посвященное русскому космизму. Все опять опасались, как там контролирующие органы отнесутся. Большая группа сотрудников института участвовала. Были И.И. Мочалов, А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин, правда, без доклада, В.К. Кузаков был, Светлана Семенова (супруга Гачева) со своим Николаем Федоровым, В.Л. Рабинович с Нико-

лаем Заболоцким, заседание, которое неофициально мы называли «Циолковский и русский космизм». Двое ведущих было: я и Космодемьянский. Он в погонах, это была наша идейная защита.

Для меня обсуждение вопросов, связанных с отношениями науки и религии, на протяжении длительного времени менялось; и если в начале 1970-х гг. я искал чего-то такого, похожего на синтез натурфилософии и религиозной метафизики, то в дальнейшем постепенно у меня складывалось ощущение, что надо несколько эти темы развести. В конце 1980-х гг. Мира Михайловна Рожанская пригласила меня в сектор истории физики для доклада о естественнонаучных представлениях Древней Руси. В течение часа я убеждал физиков в том, что на Руси были и физика, и логика, и космогония, и космология. Атмосфера очень была доброжелательная, а в конце Мира Михайловна сказала: «А может быть, то, что вы рассказали, не обязательно называть наукой, может быть, это что-то было другое?» И я подумал, что да, в этом тоже есть резон. Сейчас я бы очень серьезно усилил эти сомнения, но это связано с тем, что я несколько по-другому стал смотреть на религию. Если в начале 1970-х гг. для меня религия была неким синкретическим мировоззрением, которое соединяет в себе как нравственные посылы, идеалы, так и видение космоса и видение того, что трансцендентно в какой-то степени космосу, то в дальнейшем я стал ощущать, что надо несколько дистанцировать эту самую науку от религии. Дело в том, что в определенный период, например, в эпоху Василия Великого, действительно христианским сообществом осуществлена была рецепция наиболее выдающихся достижений науки того времени и, собственно, на этой основе части аристотелевской философии и аристотелевской физики стали основой средневекового мировоззрения. Но в дальнейшем те конфликты, которые мы знаем, которые являются хрестоматийными, особенно в том же XVII в., довольно остро поставили вопрос, насколько принципиальна для той же христианской веры космология – Птолемева она или Коперникова? И вот у меня сложилось ощущение и даже убеждение, что в какой-то степени напрасна была попытка связывать именно христианское мировоззрение с той или иной эпохой научного развития.

Дело в том, что есть вещи, которые осуществляются помимо заранее положенной задачи или идеи. Я просто ощущаю, что дух христианства, который пришел в определенный исторический момент к человечеству, и его самоосуществление в формах преимущественно греко-римской цивилизации находятся в некотором конфликте. Я говорю о том, к чему я постепенно стал приходить. И до меня люди приходили, но я не сразу мог это оценить.

Мы не можем доказать, что мир сотворен. Был такой чудак по имени Иммануил Кант. Он в свое время нарисовал некие границы: куда можно влезать, куда нельзя. Может быть, он в чем-то был и неправ, но он по крайней мере методологически поставил вопросы, а здесь, как мне кажется, с неким интеллектуальным азартом люди начинают выходить за пределы своих инструментов – ланцетов, осциллографов и т.д. – и говорить о тех вещах, о которых инструментальным языком говорить нельзя.

Публикуется в выдержках по: Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 2. С. 376–383.

1971 год

ГВОЗДЕЦКИЙ
Владимир
Леонидович

Впервые я переступил порог института 50 лет назад, в октябре 1971 г. Это не было случайностью. Заявивший о себе с детства интерес к техническому прошлому Отечества постоянно подпитывался энергетической проблематикой, поскольку отец – Леонид Андреевич Гвоздецкий – был одним из руководителей уральской энергетики, и атмосфера в семье была наполнена разговорами об энергостроительстве.

После учебы в Уфимском авиационном институте (УАИ) в связи с переводом отца в Москву на должность начальника Главвостокэнерго Минэнерго СССР у меня открылась возможность вернуться к юношеским увлечениям миром электричества, но уже на уровне высшего технического образования. Я вторично стал сту-

дентом втуза, поступив в Московский энергетический институт (МЭИ) на теплоэнергетический факультет по специальности «Тепловые электрические станции».

В процессе обучения постепенно сформировался устойчивый интерес к истории энергетики. Этому способствовала профильная кафедра МЭИ и общение с преподававшими на ней выдающимися учеными Л.Д. Белькиным, И.Я. Конфедератовым и Я.А. Шнейбергом. Наиболее тесное взаимодействие сложилось с Иваном Яковлевичем – профессиональным историком теплоэнергетики, что коррелировалось с дисциплинарным профилем моей будущей специальности.

После окончания МЭИ историей энергетики удалось заняться не сразу: сначала я работал в Институте горючих ископаемых (ИГИ), Всесоюзном теплотехническом институте (ВТИ) и на ТЭЦ-23 Мосэнерго. Это позволило приобрести необходимый производственный опыт и инженерную квалификацию по планированию, строительству, эксплуатации и ремонту энергетических объектов и энергосистем. Вместе с тем, интерес к становлению и развитию энергетики не ослабевал, воцарилась своего рода «творческая раздвоенность», необходимо было делать выбор между историей и сегодняшним днем. Тяга к минувшему победила, и я поступил в аспирантуру Института истории естествознания и техники.

В институте я был причислен к сектору истории техники, возглавляемому А.А. Чекановым. Научным руководителем диссертационного исследования согласился стать И.Я. Конфедератов, активно сотрудничавший с институтом. Первое время ушло на знакомство с новым местом работы. Скоро я понял, насколько лживы были измышления о том, что ИИЕТ это синекура, «тихая заводь для избранных», «элитарный теремок для околонучной аристократии». При этом разносчики слухов не брезговали намекать на пикантное прошлое дореволюционного здания в Старопанском переулке, где размещался институт. Витавшие в воздухе инсинуации не могли, однако, принизить масштабы и значимость деятельности института. Высокий уровень большинства трудов и профессионализм их авторов отвечали высоким международным стандартам.

Одним из главных направлений деятельности руководства института была работа с молодыми учеными. Директор института академик Б.М. Кедров не переставал напоминать о важности преемственности и выращивания новых кадров. Когда я пришел в институт, его коллектив был много моложе, чем сейчас. Сегодняшний эффект старения особенно заметен среди историков техники: большинству исследователей около 70-ти лет или больше. В 1970-е гг. примерно половину «техников» составляли мои ровесники. В костяк «клуба молодых побегов» входили С.С. Адасинский, Б.Л. Белов, Н.К. Гаврюшин, В.Л. Гвоздецкий, В.А. Гуриков, С.С. Илизаров, В.П. Михайлов, И.А. Петропавловская, А.В. Пилипенко, Г.М. Салахутдинов, О.Д. Симоненко, Н.Л. Чичерова, М.В. Шлеева.

Работа аспирантов и молодых ученых велась в тесном контакте со старшими коллегами. Тепло вспоминаю Л.Г. Давыдову, Н.К. Ламана, Л.Е. Майстрову, В.И. Остольского, О.И. Павлову, В.М. Родионову, З.К. Соколовскую, С.А. Соколову, В.Н. Сокольского. По мере взросления ряды молодых редели: кто-то сменил место и профиль работы, кого-то не стало. Из «семидесятников» сегодня в институте работают четверо:

В.Л. Гвоздецкий, С.С. Илизаров, А.В. Пилипенко, М.В. Шлеева. Говоря о наиболее близких ровесниках из других отделов, назову П.В. Боярско-го, С.С. Демидова, А.Н. Кривомазова, В.К. Кузакова, В.П. Мельникова, С.Д. Хайтуна. Испытываю неизменное уважение к сотрудникам первой величины, и в прошлом, и в настоящее время составлявшим «критическую массу» прочности ИИЕТ: Ю.М. Батурину, В.П. Визгину, Б.Г. Кузнецову, В.И. Кузнецову, С.Р. Микулинскому, В.М. Орлу, А.С. Федорову, С.В. Шухардину – ярким, крупным личностям. Из десяти руководителей института, при которых я работал, лишь от двух остался негативный осадок. Степин, очень недолго проработав директором, при переводе на должность руководителя Института философии увел с собой когорту сильных специалистов в области науковедения и философии науки. Щербинин в должности директора умудрился довести численность Отдела истории техники с 26 до 9 человек, чем полностью оголил ряд важных дисциплинарных направлений. Особо тяжелым для Отдела стало изгнание О.Д. Симоненко и Н.К. Гаврюшина.

Как и в любом коллективе, межличностные отношения складывались по-разному. Существовали сотрудники, испытывавшие друг к другу неприязнь, профессиональную ревность, чувство высокомерия и другие, не красившие их эмоции. Одну из таких пар составляли А.А. Кузин и И.Я. Конфедератов. Иван Яковлевич относился к Кузину, как к начетчику и формалисту, а Александр Авраимович полагал, что Конфедератов – мечтатель, кабинетный создатель иллюзорных моделей развития, не подкрепленных архивно. Их взаимная неприязнь осложнила финал моей работы над диссертацией. На предзащите Кузин, бывший секретарем диссертационного совета, в отсутствие заболевших Ивана Яковлевича и Семена Викторовича добился принятия решения о доработке исследования и повторном его рассмотрении. Лишь вмешательство С.В. Шухардина исправило ситуацию, которая завершилась успешной защитой работы. Однако ее широта и многопрофильность состава диссертационного совета стали основанием для принятия ВАКом решения о повторном рассмотрении исследования на более специализированном форуме ученых. Вторичная защита состоялась в МЭИ на Ученом совете по общим проблемам энергетического развития. После завершения заседания председатель Совета академик М.А. Стырикович, подводя итоги голосования, произнес: «На что мы тратили время? Ведь это больше, чем кандидатская», – и тепло поздравил меня. Было приятно, но ощущение досадно потраченных сил и времени и нелепости затянувшейся истории сохранилось.

Моя защита – одно из свидетельств трудностей, периодически обрушивавшихся на историю техники в силу ее дисциплинарного дуализма. И всякий раз, как только сгущались тучи над обоснованностью существования историко-технического знания в качестве самодостаточного сегмента науки, на помощь приходили академические авторитеты. И.И. Артоболевский, А.А. Благоднаров, А.Ю. Ишлинский, Б.В. Раушенбах и другие всемирно известные ученые были надежной броней, защищавшей историю техники и технических знаний от конъюнктурных и малограмотных чиновничьих нападок, грозивших непоправимыми оргвыводами.

Шло время и вместе с ним менялись формат и содержание историко-технического контента. Мой приход в институт совпал с переходным пе-

риодом в истории дисциплинарной матрицы. Эпоха детально выписанных, архивно богатых, идеологически выверенных фактографических трудов уходила в прошлое, а вместе с ней и ее главные творцы: Л.Д. Белькинд, В.В. Данилевский, В.Ф. Миткевич, А.А. Радциг, М.А. Шателен и другие. Заметим, что все они принадлежали к энергетическому сообществу.

Наступало время обобщений, теоретизации, умозрительных моделей, усиления социальных акцентов и изучения истории технических наук. Главным идеологом новых доминант являлся И.Я. Конфедератов, и это не могло не сказаться на формировании моих исследовательских приоритетов. Они постепенно расширялись и вбирали в себя такие сегменты знаний как научно-техническая революция, социально-философские аспекты природы техники, учение о техносфере, технологические угрозы и экологические проблемы цивилизации, музееведение и памятники индустриального наследия. Нельзя не отметить, что в 1980-х – 1990-х гг. неизбежная ротация кадров подарила Отделу истории техники и технических наук эффективных и ярких исследователей Г.Н. Алексева, В.П. Борисова, Е.Н. Будрейко и легендарных «корабелов» Е.А. Шитикова, В.Н. Краснова и В.В. Балабина. Их высокая исследовательская результативность внесла значительный вклад в развитие историко-технических знаний.

Моя творческая активность не снизилась и после избрания в мае 1995 г. руководителем Отдела истории техники и технических наук, инициированного пришедшим к руководству институтом Владимиром Михайловичем Орлом. Всего мною опубликовано более 200 трудов, из которых четыре индивидуальных и 12 коллективных монографий.

В течение более чем 25-летнего руководства Отделом я неизменно следовал принципам традиционализма и взвешенного консерватизма. Проводимая линия предполагала твердое и постоянное обеспечение трудовой и исследовательской дисциплины при поддержании климата доброжелательности в повседневной работе подразделения. Кажется, получилось: не было резонансных провалов, кадровых ошибок, исследовательских оплошностей. Однако по прошествии четверти века управления Отделом мне стала совершенно ясна важность поддержания баланса между служением общему делу и личными интересами. Перекос в пользу первого неизменно подведет к рефлексивно-ассоциативному восприятию высказанного Ф. Ницше афоризма: «Чем шире твои объятия, тем легче тебя распять».

Трудно сказать, что нас ждет дальше. Очевидно, что институт находится в одной упряжке со всей отечественной наукой. Стремительное развитие событий последних лет свидетельствует о непредсказуемости грядущего. Это тревожит и одновременно рождает слепую надежду на лучшее.

1971 год

ОВЧИННИКОВ
Николай Федорович

Я перешел в ИИЕТ из Института философии в январе 1971 года. Была целая история. Я вел семинар, который проходил у нас дома, в столовой; за большим столом раз в две недели собирались молодые физики, математики, обсуждали разные вопросы. И среди них был Дима Михеев, аспирант-физик из МГУ. Он вдруг осенью 1970 года решил уехать на Запад, и его задержали в аэропорту, как потом объявили, с чужим иностранным паспортом, а может быть, это была инсценировка. В общем, его арестовали и посадили. [Михеев Дмитрий Федорович (1941 г.р.) – аспирант физического факультета МГУ. Автор работ «Как оболванить народ» и «Империя лжи», которые распространял среди своих знакомых. Перепечатывал и распространял самиздат. 2 октября 1970 г. был задержан в

аэропорту с паспортом и авиабилетом на имя швейцарского гражданина преподавателя биологии Франсуа де Перрего, который хотел помочь Михееву покинуть СССР по просьбе швейцарского «Восточного института». В августе 1971 г. Михеев был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей, освобожден досрочно, эмигрировал в 1977 г. в США. Ф. де Перрего был осужден на 3 года, также освобожден досрочно. На процессе присутствовал А.Д. Сахаров; и этот, и другие аналогичные случаи привели к его первому обращению в Верховный Совет СССР о свободе выбора страны проживания. (См.: Хроника текущих событий. Вып. 16 и 21; *Сахаров А.Д.* Воспоминания. Ч. 2. Гл. 7)]. У него дома нашли дневник, в котором он восторженно писал обо мне. После этого и у нас прошел обыск, нашли какой-то самиздат, естественно. Бердяева и Авторханова они, к счастью, не нашли. Потом меня дважды вызывали в Лефортово и допрашивали по пять часов. А моя супруга, Майя, оба раза сидела на улице перед железными воротами и ждала меня. На допросах мне задавали вопросы про наш семинар, про Михеева, про найденный самиздат. Они на меня орали, говорили: «Да Вы знаете, кто такой Солженицын?» Солженицына они что-то схватили, по-моему, «Крохотки» это были. А я им и ответил, как думал: «Солженицын – великий русский писатель». 1970-й год! «Как?!» – крик. А я им спокойно говорю: «Ну, как же – Вернадского тоже считали врагом советской власти». А как раз тогда выпустили труды В.И. Вернадского, и я тоже принимал в этом участие. «А вот сейчас, – говорю им, – мы его издаем».

Не знаю, чем бы это все закончилось, но тогда меня спас Бонифатий Михайлович Кедров, директор Института истории естествознания и техники. Он помог перейти из Института философии в ИИЕТ. Когда случилась вся эта история с Михеевым, Бонифатий Михайлович именем своего отца и брата проник в КГБ, где ему дали дело Михеева. Ему надо было разобраться, что я действительно не виноват – только при этом условии он бы меня спасал. Ну, он посмотрел, что дело дутое, что на самом деле ничего нет. Кедров ходил в разные инстанции, в ЦК, и меня защитил. И вот решение ЦК было оставить меня на работе в Институте у Кедрова. Так я попал в ИИЕТ, в отдел Н. Родного.

В ИИЕТ я пришел уже доктором наук. В основном, я продолжал то направление, которое уже у меня сформировалось, когда я работал в Институте философии. Это, прежде всего, развитие концепции методологических принципов физики. Я возглавил группу по изучению методологических принципов физики, в которую вошли два моих аспиранта – Игорь Алексеев, талантливый, но опальный философ и историк физики из Новосибирска, который перешел вместе со мной в ИИЕТ из Института философии, и Александр Печенкин. В ИИЕТе родился сборник «Методологические принципы физики», в котором я написал главу, посвященную принципам сохранения. Остальные главы написали И.С. Алексеев, А.А. Печенкин, Б.М. Кедров и другие. Еще один мой большой научный интерес – это работы английского философа Карла Поппера...

Вспоминая о Бонифатии Михайловиче Кедрове, надо сказать, что он и раньше мне помог, когда работал в Институте философии, а я еще был аспирантом и писал диссертацию о понятиях массы и энергии в современной физике. И вот, прихожу я однажды в сектор философии естествозна-

ния, разговариваю с заведующим сектором Иваном Васильевичем Кузнецовым (кстати, в комнате было столов пять или шесть, и каждый стол занимал определенный сектор – не было такого роскошества, чтобы много было помещений, все было скромно). Вдруг входит человек – такой высокий, стройный, молодой, красивый. И рассказывает, что директор Института философии (а директором тогда был Г.Ф. Александров) предложил изменить тему одному из аспирантов (а речь шла обо мне) с анализа понятий массы и энергии на более актуальную: про великого русского ученого Ломоносова. Тогда как раз начиналась кампания борьбы за «приоритет русской науки». «Но я, – говорит он, – тему этого аспиранта отстоял». Тут Иван Васильевич и представил его: «Бонифатий Михайлович Кедров». Так я с ним и познакомился. Кедрову, как я потом понял, была важна моя тема в связи с его книгой о Менделееве.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 197–199.

1971 год

ПИЛИПЕНКО
Александр
Владимирович

Я пришел в ИИЕТ в 1971 году для поступления в очную аспирантуру. До этого три года работал в оборонном предприятии после окончания учебы в Московском авиационном институте на факультете радиоэлектроники летательных аппаратов. О существовании ИИЕТ узнал случайно из небольшой статьи в журнале «Наука и жизнь». Институт привлек мое внимание наличием Сектора организации науки. Эта тематика интересовала меня на фоне большой дезорганизованности, царившей в том оборонном предприятии, где я работал.

Мои первые впечатления в ИИЕТ – аспирант предоставлен сам себе. Ответов на организационные вопросы получить трудно. Руководитель был внешний, из МАИ. Библиотека тогда в Инсти-

туте работала, но главным моим местом учебы стала ГБЛ и отчасти ГПНТБ и ИНИОН. ГПНТБ в то время была привлекательна наличием зарубежных журналов. Благодаря этому жизнь там бурлила, вся инженерная Москва была там. В последние годы, к сожалению, в ГПНТБ зарубежных журналов нет и там тишина.

Готовиться к аспирантуре я начал заранее. Для сдачи кандидатского минимума по философии поступил на философский курс при МГК КПСС. Его окончание засчитывалось как сдача кандидатского минимума. То была интересная страница российской истории. Занимались на семинарах, посещали лекции видных ученых в большом зале Политехнического музея. Не могу сказать, что вся эта учеба никак не повлияла на аспирантуру. Видимо, все же повлияла, по крайней мере – на сам факт поступления.

Для прихода в ИИЕТ был и еще мотив. В той статье в журнале «Наука и жизнь» присутствовали фотографии ученых. Из тех фото запомнились Ю.М. Шейнин и М.Г. Ярошевский. Они мне показались людьми высоко интеллектуальными, большими учеными. Впоследствии все подтвердилось. И названные ученые, и еще те, которых узнал вживую, в частности, В.И. Кузнецов, Б.М. Кедров, Б.Г. Кузнецов, создавали впечатление об ИИЕТ как о подлинно академическом институте. Больше всего мне нравилось сидеть на семинарах и слушать выступления ведущих ученых.

Из тех ученых, кто был наиболее близок мне по учебным делам, запомнился В.М. Родионов. Он занимался историей радиотехники. Но дал также в одной из статей наиболее ясную характеристику истории техники в целом как науки. Основной его труд о развитии радиопередающих устройств впоследствии стал блестящим образцом историко-технического исследования. В нем были даны не только факты, но и причины сменяемости одной технологии на другую. Тем самым Владимир Михайлович заложил, возможно, не придавая этому большого обобщающего значения, важнейшую характеристику значимости истории техники как научной дисциплины, ее оправдание. Рецензии на книгу дали четыре крупнейших специалиста в данной области.

На начальном этапе аспирантуры запомнились две существенные руководящие идеи, исходившие от сотрудников. Во-первых, – для выбора темы сначала изучать литературу возможно более широкого дисциплинарного охвата, постепенно сужаясь. Во-вторых, – начинать с конца, то есть формулировать предполагаемые выводы, приступая к написанию текста диссертации.

Тема моей диссертации была посвящена истории радиоэлектроники в связи с формами организации научно-технических разработок. После завершения аспирантуры я остался работать в секторе Организации науки в полном соответствии с моими исходными устремлениями. Однако впоследствии стало приходить понимание, что в науке сильны тенденции к самоорганизации. Привнести в нее что-либо со стороны сложно. Можно лишь изучать. Мои исследования по организации науки завершились изданием книги о пропорциях в науке (1988 г.) с точки зрения соотношения фундаментальных и прикладных работ. Но еще в 1987 году решением дирекции меня перевели в сектор истории научно-технической революции руководителем. Так началась моя трансформация от тематики по организации науки в сторону истории техники. На этом стыке появилась книга

об инновационной активности российских предприятий (2003 г.). В ней пришлось отвечать на общие вопросы об инноватике в централизованной и децентрализованной системе управления производством. И для себя, и для сообщества.

В качестве катализатора названной трансформации послужило мое вынужденное участие (середина 1990-х) в подготовке празднования 100-летия изобретения радио. Тогда велась нешуточная борьба, и не за рубежом, а в нашей стране (!), по вопросу о том, кому в конечном итоге отдать пальму первенства – А.С. Попову или Г. Маркони. Отголоски этой борьбы появлялись долго и после 1995 года. Надо сказать, что с научной точки зрения от всей этой борьбы была определенная польза. Благодаря ей находились ответы на вопросы, позволявшие расставить все точки над *i*. Так появилась книга о приоритетах в изобретательстве (2007 г.).

В двухтысячных та упомянутая моя трансформация, можно сказать, завершилась погружением в область высоких технологий. Область необъятная. Сузить ее до разумных пределов удалось благодаря иллюстрации развития высоких технологий на примере становления успешных российских компаний (книга 2011 г.). 1990-е были, конечно, разрушительными, но они были и созидательными. Именно в то время в стране начали стремительно развиваться высокотехнологичные компании нового поколения, способные конкурировать на мировом уровне.

Второе десятилетие нового столетия в мире проходило под знаком развития возобновляемой энергетики, вызванным изменениями климата. Одна из ее областей – фотоэлектрическая энергетика (ФЭ) – высокотехнологичная в своей основе. Наименее разработанной областью ФЭ была техника аккумулирования электроэнергии. И по долгу работы, и в связи с личным интересом мне следовало откликнуться. Так появилась книга на данную тему 2014 года. В части генерирования электроэнергии средствами ФЭ развитие в мире шло бурными темпами. Каждый год собирались конференции по 5 тысяч участников. Мне, естественно, также нужно было изложить свой взгляд на все процессы – книга 2017 года. По вузовскому образованию материал был мне относительно близкий, но новый, разбираться было тяжело. Психологически помогала марка Института.

Имеется в виду – Института в целом. Внутренняя политика в стране в 1990-х на разных отделах Института отражалась по-разному. На истории техники падение поддержки со стороны директивных органов началось, по свидетельству старожилов, уже в начале 1970-х. С начала 1990-х ролевая функция истории техники радикально изменилась. Рассчитывать на поддержку и интерес стало возможным только со стороны инженерной среды. Но для этого нужно было перестраиваться. Обострение изменений климата последних лет к этому обязывает.

1971 год

ПОТЕМКИН
Владимир
Константинович

Я родился в ссылке, в семье репрессированных в городе Кокчетаве Каз. ССР, учился в Ленинграде в 35 и 38 школах на Васильевском острове, служил в армии артиллеристом 3 года под г. Мурманском, работал линотипистом в Типографии № 1 издательства «Наука», закончил исторический факультет Ленинградского университета. Дипломная работа была посвящена «Группе помощи заключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в 1907–1917 гг.».

С 1968 по 1971 гг. я работал в научном отделе Государственной инспекции охраны памятников ГЛАВ АПУ Ленгорисполкома. В феврале 1971 г. мне позвонил отец и сообщил, что со мной хотят поговорить по поводу работы в Ле-

нинградском отделении ИИЕТ АН СССР. Отец, Константин Иванович Кочергин (в 1932–1936 гг. был заместителем, затем начальником Комитета по делам литературы и издательств Леноблгорлита), в то время работал старшим научным редактором в ЛО Издательства АН СССР и редактировал труды сотрудников сектора «История Академии наук и научных учреждений» Института. Я встретился с заведующим этого сектора Анатолием Васильевичем Кольцовым и ученым секретарем Валентиной Ивановной Макеевой. Мне предложили работать, и я согласился. Представили руководителю ЛО ИИЕТ Юрию Сергеевичу Мелешенко.

Сначала я занимался научно-вспомогательной работой по подготовке статей сотрудников сектора для сборников «Наука и техника. Вопросы истории и теории» и «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов». Затем в должности м.н.с. изучал историю и деятельность первых в Ленинграде производственных и научно-производственных объединений и комплексов (на примере ЛОМО, «Светлана», НПО «Позитрон» и «Электроаппарат», ВНИИ ТВЧ, ЛИВТ), используя публикации в газетах, журналах, книгах, посещал сами эти учреждения; общался со многими учеными и руководителями, в том числе с директором ВНИИ ТВЧ В.В. Вологдиным, с преподавателями ЛГУ Л.С. Бляхманом и Ф.Ф. Рыбаковым, академиком М.П. Костенко и др. О результатах своих работ я докладывал на конференциях Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники (СНОИФЕТ) и «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов». Тексты докладов публиковались в сборниках «Наука и техника (вопросы истории и теории)», «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», а также мои небольшие заметки выходили в газете «Ленинградская правда». В 1976 г. мне предложили заниматься еще более трудной темой – историей и деятельностью НИИ электротехнической промышленности.

Руководителем, вдохновителем и учителем все эти годы был для меня Анатолий Васильевич Кольцов – один из крупнейших историков Академии наук! Был он очень скромным, внимательным и заботливым. Моим местом работы была самая большая дальняя комната в конце коридора с четырьмя большими окнами с видом на Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и на Институт акушерства им. Д.О. Отто. В двух соседних небольших кабинетах работали ученые 3 секторов во главе с К.М. Завадским, С.А. Кугелем и О.М. Волосевичем. Наш сектор был как небольшая семья. Отношение у меня к сотрудникам и руководителю сектора и других секторов было как к родным. Дружил и до сих пор дружу с тогдашними аспирантом Евгением Борисовичем Поповым, московским сотрудником ИИЕТ Александром Николаевичем Кривомазовым и особенно с аспирантом Вячеславом Степановичем Гуменюком. В ИИЕТ я чаще всего общался с ученым секретарем В.А. Волковым.

Запоминающаяся встреча состоялась с директором ИИЕТ академиком Бонифатием Михайловичем Кедровым в Москве в здании Президиума АН СССР. Анатолий Васильевич и Валентина Николаевна представляли рукописи очередного тома «Истории Академии наук СССР» в Президиуме Академии наук. После ознакомления Бонифатий Михайлович пригласил нас на обед в ресторан напротив здания Президиума Академии.

В 1974–1975 гг. сотрудники ЛО ИИЕТ участвовали в подготовке и проведении 250-летнего юбилея Академии наук СССР. В Елагином дворце была организована грандиозная выставка по истории Академии и о достижениях ее ленинградских учреждений. Мне было поручено работать в Оргкомитете, в котором работали ставшие со временем выдающимися учеными Михаил Павлович Ирошников и Евгений Викторович Анисимов. Во время празднования я сопровождал делегацию высокопоставленных гостей из Москвы во главе с академиками Мстиславом Всеволодовичем Келдышем и и.о. президента АН СССР Владимиром Александровичем Котельниковым из главного здания Академии наук в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

С 18 по 24 августа в 1971 г. мне посчастливилось быть участником XIII Международного конгресса по истории науки в Москве. Особенно запомнился показ впервые в СССР уникального часового фильма о полете американцев на Луну. Вспоминаю, как в августе 1976 г. я попал в больницу и меня навесил сотрудник института Борис Игоревич Козлов. В последующие годы Б.И. Козлов возглавлял ИИЕТ. В 1976 г. в наше отделение приезжал директор ИИЕТ Семен Романович Микулинский, меня вызывали к нему на аудиенцию, он расспрашивал о моей работе и планах. Занимался я и общественной работой – возглавлял отделения обществ «Красный Крест» и «Спасение на водах», по моей инициативе было создано отделение «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры». Как-то на одном из празднований Нового года у елки перед детьми сотрудников выступал в роли Деда Мороза.

В начале 1990-х гг. мой научный руководитель по дипломной работе и друг Юрий Давидович Марголис предложил мне работать секретарем Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Для этого было необходимо получить одобрение у Президента Общества академика Юрия Ивановича Полянского. И в связи с этим мы с Ю.Д. Марголисом побывали дома у Юрия Ивановича, который одобрил мое назначение. Подписывал мое заявление о приеме на работу декан биолого-почвенного факультета ЛГУ академик РАН С.Г. Инге-Вечтомов. Кабинет с богатейшей библиотекой Общества находился на территории исторического факультета ЛГУ, и это меня вдохновило написать статью «Уставы С.-Петербургского общества естествоиспытателей» и опубликовать в «Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей» (1993. Т. 91, № 1, совместно с историком и журналистом С.С. Дервянко). Работая в Обществе, я как-то встретился с бывшим коллегой и будущим заведующим ЛО ИИЕТ Э.И. Колчинским, который предложил создать секцию (ЧЕГО?) по истории эволюционной биологии, и секция была создана. Сопредседателями секции были избраны Ю.И. Полянский и Э.И. Колчинский.

С 1988 г. я работал журналистом и занимался правозащитной деятельностью, продолжаю изучать историю Санкт-Петербурга, выступать на международных конференциях, писать статьи и книги. Но связь с ЛО ИИЕТ у меня не закончилась и продолжается. Я неоднократно в последние годы бывал в СПбФ ИИЕТ и ко мне сердечно относились, особенно директора Эдуард Израилевич Колчинский и Надежда Алексеевна Ащеулова. В 2021 г. меня пригласили на круглый стол памяти Э.И. Колчинского (16 сентября) и научные чтения «Традиции и новые подходы в изуче-

нии истории Академии наук (к 100-летию со дня рождения историка науки Ю.Х. Копелевич)» (23 ноября); я выступил с краткими воспоминаниями. У меня бережно хранятся труды ученых сектора «Истории Академии наук и научных учреждений» с благодарственными автографами моему отцу К.И. Кочергину от А.В. Кольцова, В.Н. Макеевой, Е.В. Соболевой, Г.Е. Павловой. О жизни, работе отца и о репрессиях против моей семьи можно прочесть в статье «В.К. Потемкин. Константин Иванович Кочергин – заместитель и главный цензор Ленинграда в 1932–1936 гг. (годы жизни 1901–1996)» (в кн.: «История книги и цензуры в России». СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015).

Я рад, что работал в ЛО ИИЕТ. В связи с подготовкой этого текста я специально прочел книгу «Я пришел в ИИЕТ» (2008 г.). Каждое воспоминание читал с большим удовольствием, в каждой статье узнал много нового, интересного и даже захватывающего.

1972 год

ДЕМИДОВ
Сергей Сергеевич

Мое знакомство с Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР – так он именовался в советском прошлом – началось задолго до посещения самого Института: на семинаре по истории математики моего родного Механико-математического факультета (в дальнейшем просто мехмата) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (в дальнейшем просто университета или МГУ). Я, в ту пору (а шел тогда 1964 год) студент пятого курса, трудившийся над дипломной работой на кафедре дифференциальных уравнений. Тематику дифференциальных уравнений я избрал под влиянием моего отца: будучи сам инженером, плохо владеющим математикой, он видел меня также инженером, но хоро-

шо ею владеющим. Я же, как всегда, плыл по течению, хотя и с любопытством оглядывался по сторонам. Так что история математики, курс которой нам читал тогда К.А. Рыбников, естественно, оказавшись в зоне моего внимания, вызвала у меня большой интерес (историю я обожал с детства!). Так, совершенно естественным образом, началось мое вхождение в историю математики. Моим научным руководителем был только что защитивший кандидатскую диссертацию ученик Ольги Арсеньевны Олейник (1925–2001) незабвенный Станислав Николаевич Кружков (1936–1997), впоследствии получивший широкую известность в математическом мире. Как раз в те годы я заинтересовался историей математики и начал посещать заседания знаменитого семинара мехмата по этой дисциплине. Этим старейшим в стране семинаром (он был основан еще в 1933 году!) руководили тогда выдающиеся историки математики – Софья Александровна Яновская (1896–1968), Адольф Павлович Юшкевич (1906–1993), Константин Алексеевич Рыбников (1913–2004) и Изабелла Григорьевна Башмакова (1921–2005). Семинар объединял всех работавших в Москве специалистов по истории математики. Его ядро составляли сотрудники мехмата и ИИЕТ’а. Из институтских кроме самого Юшкевича семинар регулярно посещали И.Б. Погребысский (1908–1971), Б.А. Розенфельд (1917–2008), Л.Е. Майстров (1920–1982), Ф.А. Медведев (1923–1993), А.И. Володарский (1929–2012), Э.И. Березкина (р.1931) и А.Б. Папласкас (1931–19??). В те же годы на семинар часто заглядывал аспирант Института Вл.П. Визгин (р.1936).

Семинар собирался, как и сегодня, по понедельникам, но на час раньше – в 18.00 (в лихие перестроечные времена начало перенесли на час раньше, чтобы участники могли пораньше вернуться домой – московские улицы к ночи становились опасными) в аудитории 16-08 (рядом с кабинетом истории математики и механики) Главного здания МГУ. Тон на семинаре задавал Юшкевич. Импозантный, в тщательно отутюженном сером костюме и хорошем галстуке, он всегда очень внимательно слушал докладчика, изредка перебивая его вопросами и замечаниями, уточняющими сказанное, а зачастую и выявляющими его смысл, если таковой, конечно, в сказанном присутствовал. По окончании он всегда требовал от выступавшего резюмировать доложенное по возможности коротко и ясно. Если докладчику это оказывалось не под силу, то он делал это в своем заключительном слове сам, проявляя удивительную разносторонность и эрудицию. Этих его финальных замечаний все с нетерпением ждали и зачастую именно они становились тем сухим остатком, который оставался в сознании слушателей от произнесенного доклада. (Однажды Светлана Сергеевна Петрова выразила ему по этому поводу восхищение – по любому из прослушанных докладов он оказывался в состоянии не только задать очень точный вопрос (и зачастую не один), но и дать совет – в каком направлении следовало бы еще поработать, чтобы полнее раскрыть поставленный выступавшим вопрос. При этом, как правило, оказывалось, что он знает литературу обсуждаемого вопроса лучше самого докладчика. Адольф Павлович, улыбнувшись, пояснил, что к каждому докладу на семинаре он, собираясь в университет, обязательно готовился – обдумывал сюжет, проглядывал имевшуюся в его распоряжении литературу). Основ-

ная дискуссия разворачивалась между руководителями семинара, к ней присоединялись названные выше лица, а также наиболее компетентные в рассматриваемом докладчиком вопросе слушатели – назовем некоторых: И.Н. Веселовский (1892–1977), Н.И. Симонов (1910–1979), И.А. Тюлина (1922–2020), Р.А. Симонов (р. в 1929). Достаточно пробежать глазами список приведенных имен известных специалистов (а к ним нужно добавить еще многие и многие), чтобы представить себе глубину разворачивавшихся дискуссий. Трудно отыскать хотя бы одного заметного советского историка математики, который не выступил бы хотя бы раз на этом семинаре – ведущие ленинградские историки (Е.М. Полищук (1914–1987), И.Г. Мельников (1916–1979), Е.П. Ожигова (1923–1994)), специалисты из различных учебных заведений России (Б.Л. Лаптев (1905–1989), Н.Ф. Канунов (1912–???) , М.Б. Налбандян (1931–???) и др.), Украины (А.Н. Боголюбов (1911–2004), В.А. Добровольский (1919–2015), Ю.М. Гайдук (1914–???) , Ю.А. Белый (1925–???) , С.Н. Киро (1926–???) , И.И. Маркуш (1931–???) и др.), из Белоруссии (Н.Д. Беспмятных (1910–???) , А.А. Гусак (1927–2012) и др.), республик Закавказья (Г.Б. Петросян (1902–1997), А.М. Еганян, Г.Д. Мамедбейли и др.), Средней Азии (Ф.Д. Крамар (1911–???) , Г.П. Матвиевская (р. 1930), А.К. Кубесов (1932–2008) и др.), Прибалтики (И.М. Рабинович (1911–1977), Л.Э. Рейзинь (р. в 1924), Л.Л. Кульвекас (1928–1995), Ю.Г. Лумисте (1929–2017) и др.). Приезжавшие в Москву ученые из других стран, как правило, выступали на этом семинаре. Из числа таких докладчиков память сохранила имена Р. Татона (Франция), Р. Кука и Ч. Форда из США, Г. Вуссинга (ГДР), Л. Новы и Я. Фолты из Чехословакии. Что касается диссертаций по истории математики и механики, защищавшихся в СССР, то практически все они обсуждались на семинаре, тем более что почти все такие защиты проводились в ИИЕТ и такое обсуждение становилось предзащитой. Этот семинар стал неофициальным органом Советской школы – ведущей историко-математической школы второй половины XX столетия.

Когда в январе 1965 года я поступил в аспирантуру в кабинет истории математики и механики МГУ, моим руководителем был К.А. Рыбников. А когда весной 1966 года он уехал в длительную командировку во Францию (в 1966–1969 гг. он возглавил департамент высшего образования ЮНЕСКО), то научное руководство взял на себя А.П. Юшкевич. Так что на автореферате моей диссертации значилось два руководителя – Юшкевич и Рыбников (именно в таком порядке). К тому времени я уже был младшим научным сотрудником кабинета и, естественно, свое «обучение» в аспирантуре я продолжил заочно.

Так случилось, что в 1966 г. в Москве проходил очередной Международный математический конгресс. Председателями 15 секции («История математики и вопросы преподавания математики») были А.И. Маркушевич и А.П. Юшкевич, секретарями – Э.И. Березкина и В.Г. Ашкинузе. Заместителем Эльвиры Ивановны был назначен автор этих строк. Так что в период подготовки и проведения конгресса я оказался в самой гуще события и активно сотрудничал с коллегами из ИИЕТ. В начале 1960-х один или два раза мне довелось посетить здание Института на Малой Лубянке.

Память сохранила только ощущение страшной тесноты тамошних помещений. А уже через два года в Старопанском я защищал кандидатскую диссертацию. Моими оппонентами выступали Иосиф Бенедиктович Погребысский и руководитель моей дипломной в университете С.Н. Кружков. Вторым диссертантом в тот день была Н.Г. Хайретдинова.

В августе 1968 г. в Париже начал свою работу XII Международный конгресс по истории науки, в котором приняла участие большая советская делегация, значительную часть которой составляли московские ученые. Ее главой был тогдашний директор ИИЕТ академик Б.М. Кедров. Институтские составляли ее основу. Это были (называю только тех, кого помню) А.Т. Григорьян, Б.Г. Кузнецов, А.П. Юшкевич, И.Б. Погребысский, С.В. Шухардин, Н.А. Фигуровский, С.Я. Плоткин, Л.Е. Майстров, Ф.А. Медведев, В.Н. Сокольский, Л.В. Чеснова, В.Н. Садовский. Из университетских помню И.Г. Башмакову, Д.Д. Иваненко и Б.И. Спасско-го. Я оказался в этом почтенном собрании по случаю – был удостоен только что учрежденной премии Международной Академии истории науки для молодых ученых. Конкурсной темой была объявлена история аксиоматического метода. Принять участие в конкурсе меня надоумил мой научный руководитель – Юшкевич. Именно на этом конгрессе я ближе познакомился с Майстровым и Медведевым: нас поселили вместе в одном номере гостиницы.

А когда в 1971 г. в Москве собрался следующий XIII Конгресс, я уже активно участвовал в его организации в качестве ученого секретаря симпозиума по античной математике, которым руководила И.Г. Башмакова. Конечно, этот конгресс еще сильнее сблизил меня с ИИЕТ. Так что не было ничего удивительного в том, что в следующем 1972 г. я оказался старшим научным сотрудником проблемной группы истории математики этого Института, которую возглавлял Юшкевич. Само заседание Ученого совета, на котором происходило голосование по кандидатурам моей, а также В.С. Кирсанова (1936–2007), с которым впоследствии мы стали друзьями. помню слабо. Но зато совершенно отчетливо – первый день моей работы в Институте. Федор Андреевич Медведев, Леонид Ефимович Майстров и Альгирдас Болеславович Паплаускас взяли показать мне все те места в окрестностях Института, где было возможно перекусить. Был преодолен значительный маршрут (аж до различных кафетериев на улице Кирова (ныне Мясницкой), прежде чем мы остановились в одной из многочисленных забегаловок на улице 25-летия Октября (ныне Никольской), где стоя и перекусили какой-то нехитрой снедью советского общепита.

Центром занятий Леонида Ефимовича в то время была история теории вероятностей. Уже вышла его книга «Теория вероятностей. Исторический очерк» (М., 1967), переведенная впоследствии на английский язык, и он рассчитывал сделать в этом направлении докторскую диссертацию, которую, к сожалению, защитить ему так и не удалось. Еще впереди были его труды по истории вычислительной техники, в частности, о вычислениях на абаке, публикации о научных инструментах. Федор Андреевич был сосредоточен тогда на проблемах, связанных с развитием понятия интеграла, рассматриваемого им в широком историческом и философском контек-

стах. Уже увидела свет его монография «Развитие теории множеств в XIX веке» (М., 1965), написанная на основе его кандидатской диссертации, и он готовил к печати свою следующую книгу «Развитие понятия интеграла» (М., 1974). Уже зрели планы его «Очерков истории теории функций действительного переменного» (М., 1975), в английском варианте появившихся лишь в 1991 г., и «Французской школы теории функций и множеств на рубеже XIX–XX вв.» (М., 1976). И вряд ли он еще представлял тогда, во что выльется его интерес к аксиоме произвольного выбора. Выдающийся историк математики, он держался очень скромно. Выбритая голова, очки с толстыми линзами, темно-серый костюм (могло бы показаться, что он проходил в нем всю свою жизнь), ортопедическая обувь (одна нога у него была короче другой и он ходил прихрамывая) – его облик не менялся с годами, равно как и его вкусы. Третий мой спутник – Альгирдас Болеславович – автор уже получившей известность монографии «Тригонометрические ряды от Эйлера до Лебега» (М., 1966), написанной по материалам защищенной в 1962 г. кандидатской диссертации. Полный сил и энергии, молодой многообещающий ученый, к тому же – ученый секретарь Института. Перед ним, казалось бы, открывалась широкая и ясная дорога, пойти по которой ему, увы, было не суждено. Тяжелая болезнь (эпилепсия), отягощенная начинавшимся алкоголизмом, медленно, но верно свела его в могилу. Он быстро потерял свой административный пост, с немалым трудом написал еще несколько неплохих работ по истории теории рядов (которая, по его и его учителя А.П. Юшкевича намерениям, должна была составить тему его докторской диссертации), опубликованных в «Историко-математических исследованиях», и на этом завершил свою так успешно начатую карьеру. О чем мы тогда говорили – не помню. Не в этом суть. Меня ввели в Институт – выразили дружеское сочувствие и приобщили к своему братству.

А Институт в ту пору сосредоточивал свои силы на подготовке энциклопедии по истории естествознания. Моей главной обязанностью – нового старшего научного сотрудника – стала работа над подготовкой для этого проекта историко-математических материалов (участие в разработке словника, подбор авторов и взаимодействие с ними и т.д.). Бесконечные заседания в институте и редакции Большой Советской Энциклопедии, переговоры с авторами и пр. Надо всей этой деятельностью царил Бонифатий Михайлович, всегда сопровождаемый свитой. Душой проекта (по крайней мере в моем тогдашнем восприятии) выступал сотрудник БСЭ Рафаил Яковлевич Штейнман – очаровательный старик, превосходно ориентировавшийся в вопросах истории и философии физики, исключительный энтузиаст своего дела. И уже вырисовывался контур первого тома и складывался корпус основных материалов томов последующих, когда его не стало. И вся так активно развивавшаяся деятельность остановилась. Проект «схлопнулся», а все уже подготовленные материалы, заключенные в разного рода папки, заняли свое место, а затем и растворились в институтских архивах. Какое-то время обсуждался план издать некоторые из них – а среди них были действительно превосходные статьи, – но идея эта просуществовала недолго. Как и многое в нашей жизни, она благополучно умерла. Размышляя сегодня над судьбой так

счастливого начавшегося проекта, я, уже умудренный опытом, начал отчетливо осознавать, что главной причиной смерти этого проекта была даже не смерть Рафаила Яковлевича, как полагали тогда многие, а целая цепочка разных обстоятельств, одним из главных из которых был уход из Института в Институт философии Б.М. Кедрова и воцарение С.Р. Микулинского, основные интересы которого лежали совершенно в иной сфере – в науковедении, на рельсы которого Институт и был тогда перемещен. Но это уже совсем иная история с другими главными действующими лицами и новыми приоритетами.

1972 год

ДЮМЕНТОН
Георгий Георгиевич

Я пришел в этот Институт вполне сознательно и целеустремленно. Дело в том, что в конце 60-х и в начале 70-х годов после празднования столетия основателя Советского Союза, будем так уже говорить, на кафедрах общественных наук, особенно философских, были «холодные ветры». Я работал на кафедре философии Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Эта кафедра нами считалась самой лучшей в Москве, потому что там были действительно собраны люди, которые в философии и в истории философии сыграли большую роль. Во всяком случае, если кто-то когда-то видел «серые лошади», это такие тома истории философии с серыми обложками, так профессор нашей кафедры Бернард Имануилович Быковский был их главным автором и

редактором. Вениамин Моисеевич Богуславский был одним из корифеев истории западной философии. Короче говоря, у нас был очень шикарный набор философов, в том числе философия естествознания была представлена Львом Борисовичем Баженовым. К сожалению, они все уже умерли.

Нам было очень хорошо, но к нам пришел новый ректор. Патологический антисемит, который три раза пытался защитить докторскую в МГУ, и на третий раз он всё-таки её защитил, но будучи уже генеральным секретарем партийной организации МГУ. И началась жуткая компания. Мы боролись, но мы проиграли. Перед тем, как он пришел, нас отметили как одну из лучших кафедр Москвы. Нас тогда упомянули в отчетах комиссии и наградили. Но новый ректор сказал: «А нам не нужна кафедра, которая публикует какие-то работы. Вы должны учить философии студентов». Мы это тоже хорошо делали. Короче говоря, мы должны были все уйти, потому что заведующего нашей кафедры, фронтовика, Генриха Ильича Эзрина, ректор запирали три раза в своем кабинете с требованием: «Напиши заявление об уходе». На третий раз он не выдержал и подписал, и мы рассыпались. Куда?

Где-то, наверное, в 1968–69 году, точно не помню, мы были в ИИЕТ. Был еще жив Родный. Нам интересно было, поскольку я и мой коллега, профессор А.И. Ракитов, мы читали спецкурсы на ведущих факультетах Плехановского института. Он читал курс теории научного познания, а я читал курс социологии для наших студентов. Но через год это кончилось. Решили, что этого не нужно. Мы начали искать какие-то пути, чтобы все-таки заниматься наукой, нас это очень интересовало, и мы встретила довольно благоприятное отношение к нашей проблематике со стороны, как раз, Родного, Микулинского и Кедрова. Прошел год, когда уже начали всех наших изгонять с кафедры. Я пришел как раз к Кедрову, тем более что меня рекомендовали люди, которых я давно знал. Это системники – Игорь Блауберг, Эрик Юдин, Вадим Садовский, потом пришел и Эдик Мирский. Это был вообще, я говорю чистую правду, мозговой трест Семена Романовича. Все, так сказать, теоретические положения, стратегию развития они действительно вместе обсуждали. Это было так. Это была опора Микулинского с точки зрения теории, не истории, а именно методологии и теории научного познания. И, короче говоря, меня очень легко приняли, Бонифатий Михайлович Кедров очень по-доброму меня встретил, что меня, надо сказать, воодушевило, поскольку он был очень интересный человек, действительно всем понятный настоящий философ, смело мыслящий, таких у нас было очень мало. Поэтому все, в общем, было радужно.

Тогда я познакомился с Юлианом Михайловичем Шейниным. Он сумел подключить мои интересы, как нового своего сотрудника, к общей программе сектора. Поэтому все отнеслись к этому очень радостно, доброжелательно, это также воодушевляло. Более того, он был очень остроумный человек, что, по-моему, стало одной из причин расхождения с Семеном Романовичем, но не важно. Важно, что он был очень независимый, и шутки у него были независимые... И очень часто он мог предвидеть некоторые явления, которые происходили в мировой науке.

Ещё очень существенно, что вообще в институте было много интересных людей. Очень быстро я узнал о Григории Моисеевиче Идлисе с его

идеальной моделью института, которая меня очень привлекала как социолога науки, поскольку я как раз в этот момент начал активно заниматься социологией науки. Но, дорогие коллеги-историки, я хочу вам сказать, и это не просто признание, а констатация глубокого факта – все работали тогда за зарплату от 105 до 400 рублей (а сейчас по сравнительной значимости на уровне дворника), но вы свободно приходите в библиотеку, берете книгу, даже если она ДСП. Вы берете ее, читаете, берете оттуда информацию, и она вам не сопротивляется. Она вам не говорит: «Мне некогда, я сегодня пойду к другому». Она вам этого не говорит, она вам не сопротивляется, и вы берете все, что можете взять с помощью своего разума, своей любознательности. А вот когда социолог приходит к ученому, который занят своей работой – он тоже трудоголик, работающий как проклятый – он так на тебя посмотрит... И по мнению одного нашего великого ученого, он вам если не скажет, то подумает: «Есть науки естественные, а есть науки противоестественные». И вот это отношение оно все-таки чувствуется, что все-таки все эти социологи, эти историки, они подвержены влиянию идеологии, их заставляют... Короче говоря, это очень трудно добываемая информация. Социология, кроме того, очень дорогая, одному трудно много сделать, поэтому продвинуться в своей работе я мог, только получив какой-то хоздоговор. На хоздоговорах я обследовал в начале 6 академических институтов. Я пришел с этим материалом в ИИЕТ. Но на втором этапе, кстати, когда по заданию Семена Романовича писались записки насчет организации Академии, я две записки написал. И что вы думаете, ни Велихов, ни Овчинников не решились организовать у себя опросы. Только Энгельгард и еще Турпаев, директора двух институтов из моих шести ранее обследованных, меня поддержали, причем даже материально. В определенный момент это счастье кончилось вообще, в принципе. Я не хочу оценивать со своей точки зрения, насколько хороши были для меня директора ИИЕТ. С Семеном Романовичем у нас произошло организационное расхождение... Ну, произошло и произошло, поддержки моему исследованию я от него не получил, напротив, жесткое противодействие. Потом были еще директора, которым было вообще все это безразлично. Очень хорошо относился ко мне в принципе Владимир Михайлович Орел. Он ждал от меня этапных результатов. Я ему предлагал различные варианты. Но поддержать социологию в наших условиях – это ж нужно найти где-то немалые деньги, когда на своих историков не хватает. Где можно было найти эти деньги? Трудно очень.

Только когда гранты появились, вот тут мне повезло. Я получил грант на 3 года. Но, к сожалению, это было 10 лет назад, и через год я его потерял по очень простой причине: кому-то это не понравилось... Кому – дело историческое, но, во всяком случае, я потерял этот грант. Вопреки законам грантодатель передал мою тему другому социологу, ранее такими опросами не занимавшемуся. Ну, ладно, что было, то было. Но прошло 10 лет, произошла ротация экспертов и я получил в 2007 году грант опять на 3 года. И я думаю, что конец моей жизни я всё-таки посвящу моему мониторингу и закончу это дело. И я думаю, что для нашего института, это тоже будет соответствующий его профилю вклад. Кроме того, я, конечно, мог уйти, но меня привлекало и привлекает атмосфера института, большое количество интересных людей.

Когда я получил очень значимый, хотя все же в определенной степени неожиданный для меня результат, я вдруг узнал, что Григорий Моисеевич тоже этим серьезно занимался. Я об этом просто не знал, но у нас с ним, в конечном счете, оказалась едина концепция совпадающей цикличности пиков солнечной активности с пиками цикличности получения существенных научных результатов. Это я насчет первой статьи, которую у Григория Моисеевича тормозили опубликовать относительно цикличности получения научных результатов. А у меня была фиксирована цикличность активности ученых в завязывании личных научных связей... Больше и меньше. Она тоже оказалась такая же. Активность ученого предшествует получению результата. Чем большее количество людей завязывается на какую-то проблему, тем быстрее и вероятнее получится результат. Следовательно, здесь социальный процесс индивидуальный и внутри сети связей предшествует получению результата, совпадая с циклами солнечной активности. Это очень интересная вещь. Кстати, как и в случае с первой публикацией Григория Моисеевича, моя попытка в 1987 году в моей книжке высказать предположение о возможном совпадении цикличности развития сетей личных научных связей с цикличностью солнечной активности (1970 и 1980) встретила жесткое сопротивление официального редактора книжки Л.С. Чибисенкова. В тексте был оставлен только вывод о необходимости смелее искать причины роста и распада связей в сферах внеученых, социальных и природных факторов...

В Институте всегда можно получить знания, которые ты не мог по профессии получить, или времени у тебя не хватало. Можно всегда получить, потому что существует познавательная доброжелательность. И в этом отношении мне существенно помогли в свое время системники, как раз когда никто не мог мне помочь, когда я написал книжку по двум этапам и, к сожалению, Семен Романович ее на 5 лет задержал. Но это уж ладно, дело прошлое, но обработать на ЭВМ массу исходных данных мне помогли именно системники в своем Институте системных исследований. То есть люди, которые неожиданно для них, никто не знал, что Семен Романович вынесет этот сектор из ИИЕТ, но его, к сожалению, он вынес. Однако я сохранил и до сих пор сохраняю связи с системниками, с теми, которые продолжают ещё работать. Поэтому из ИИЕТ я, если меня не уволят, не уйду.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 67–71.

1972 год

ИДЛИС
Григорий Моисеевич

Я пришел в ИИЕТ в 1972 г., перейдя из Астрофизического института АН КазССР, где за 20 лет прошел путь от аспиранта и старшего научного сотрудника до заведующего созданным мною Отделом звездной динамики, замдиректора и с 1964 г. директора института, защитив в свое время в Москве (в ГАИШ при МГУ) кандидатскую диссертацию (1955 г.) и – по совокупности работ – докторскую диссертацию (1964 г.), став уже профессором по специальности астрофизика (1969 г.) и Заслуженным деятелем науки Казахской ССР (1971 г.).

Кстати, первой моей работой, попавшей в поле зрения одного из сотрудников ИИЕТ (Ф.А. Медведева), была статья «Анализ и расширение теорем о среднем значении интеграла» (Сборник научных работ студентов КазГУ.

Вып. 1. Алма-Ата: Казгосиздат, 1951. С. 3–12), выполненная мною, еще студентом III курса физико-математического факультета КазГУ, 60 лет тому назад (в 1948 г.). С того времени и вплоть до одновременного окончания с отличием обоих отделений – физического и математического – этого факультета (и распределения учителем в школу) я был Сталинским стипендиатом.

Этот переход не был случайным. Во-первых, выросли дети и поступили в московские вузы: дочь – в МГУ (на математическое отделение механико-математического факультета), а сын – в Зеленоградский институт электронной техники. И жена настаивала на нашем переезде из Алма-Аты в Москву. Во-вторых, после того, как моему научному руководителю академику В.Г. Фесенкову, выдвинувшему меня на свой пост директора АФИ и перешедшему в научные консультанты, стало трудно регулярно приезжать из Москвы в Алма-Ату, мне без его постоянной непосредственной поддержки работать директором этого института в АН КазССР становилось с каждым годом все сложнее. Наконец, в-третьих, окончив в свое время физическое и математическое отделения физико-математического факультета КазГУ одновременно по двум специальностям как физик-теоретик и математик, я разработал надлежащий математический подход к научно-организационной работе, опубликовал в 1970 г. монографию «Математическая теория научной организации труда (НОТ) и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов (НИИ)», которую разослал директорам всех институтов АН Казахской ССР и АН СССР. Она лежала на столе президента АН СССР академика М.В. Келдыша. И, когда я обратился к нему с просьбой о своем переходе, пока я еще достаточно молод, с научно-организационной работы на чисто научно-исследовательскую работу в один из московских институтов АН СССР, он положительно отнесся к этому. В итоге мне разрешили московскую прописку со вступлением в ЖСК и переход на работу в ИИЕТ.

Правда, член-корреспондент АН СССР И.С. Шкловский, перешедший с группой своих сотрудников из ГАИШ в Институт космических исследований и хорошо знавший меня еще с 1950-х годов (когда он – как и член-корреспондент АН СССР П.П. Паренаго – был официальным оппонентом по моей кандидатской диссертации, а его ученики проходили практику в АФИ АН КазССР), узнав о разрешении мне перейти на работу в Москву, спросил меня, знаю ли я анекдот «Что такое чудо-юдо?» («Чудо-юдо – когда еврей находит в Москве работу») и, стремясь усилить астрофизическую научно-исследовательскую направленность деятельности ИКИ наряду с необходимыми чисто инженерными разработками, организовал со своей стороны непосредственное обращение директора ИКИ академика Г.И. Петрова, председателя Астрономического совета АН СССР члена-корреспондента Э.Р. Мустеля и академика Я.Б. Зельдовича к президенту АН СССР академику М.В. Келдышу с ходатайством о назначении меня заместителем директора ИКИ по научной работе. Но тот, воздев руки к небу, ответил, что это уж невозможно...

Оно и к лучшему, так как я, действительно, сам по себе никогда не стремился к административной деятельности и в свое время вынужден был на нее согласиться только по просьбе моего научного руководителя академика В.Г. Фесенкова (1879–1972).

В отличие от меня, моя жена А.А. Зильберберг (моя сокурсница по математическому отделению физико-математического факультета КазГУ, кандидат физико-математических наук, доцент, ученица академика А.Д. Александрова) уже после нашего переезда из Алма-Аты в Москву на самом деле долгое время никак не могла решить здесь проблему «Чудаюда», пока, наконец, прошла по конкурсу доцентом на кафедру математики МИСИ.

Придя в ИИЕТ, я рассчитывал, прежде всего, продолжить свои исследования по науковедению или, точнее, по родственной точному естествознанию настоящей аксиоматической науке о науке в духе моей монографии «Математическая теория НОТ и оптимальной структуры НИИ», которая в Москве в Библиотеке имени В.И. Ленина была выставлена в открытый доступ и зачитывалась многими читателями до буквально замусоленного состояния, а в Киеве еще в 1971 г. обсуждалась на заседании Всесоюзного семинара Г.М. Доброва по науковедению, после чего в соответствующем выпуске «Науковедения и информатики» в 1973 г. были опубликованы тезисы моего доклада на этом семинаре и специальная рецензия Л.А. Хурсина (Науковедение и информатика. Вып. 8. 1973. Киев: Наукова думка, 1973. С. 100–104), в которой он, в частности, заметил:

«Известно, что процесс математизации любой науки делится на три не четко разграниченных этапа:

- накопление исходных фактов, формирование системы измерителей и количественный анализ статистических данных;
- построение частных математических моделей отдельных объектов и процессов;
- построение математических теорий.

В настоящее время науковедение в целом находится на первом этапе своей математизации. Переход ко второму этапу характеризуется все более широким использованием языка математики для выражения идей, концепций и поиском различных математических средств для описания конкретных науковедческих объектов и процессов. За последние годы появилось значительное количество работ, содержащих математические модели отдельных объектов и процессов науки. Среди этих работ особое место занимает книга Г.М. Идлеса «Математическая теория научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов» (издательство «Наука», Алма-Ата, 1970), свидетельствующая о том, что в отдельных вопросах науковедение вплотную подошло к третьему этапу своей математизации. Г.М. Идлис разрабатывает теорию оптимальных структур НИИ и решает целый ряд конкретных задач, представляющих несомненный теоретический и практический интерес. Разработанная им теория фактически является аксиоматической... Теория Г.М. Идлеса выводит решение проблемы научной организации труда научных сотрудников из области бесплодных разговоров в область научных их решений, хотя, как и любая другая математическая теория, она и не решает все без исключения проблемы».

Правда, беседа со мною, Л.А. Хурсин усомнился, что С.Р. Микулинский в ИИЕТ поддержит мои самостоятельные работы в этой области. И оказался прав: я начал работать старшим научным сотрудником в секторе истории физики.

Однако и это оказалось к лучшему. Обращение к истории физики и всего естествознания привело меня, в конце концов, к Возможным Началам Всего (ВНВ), к взаимосвязанным единообразным дедуктивно определяемым по необходимой математической теории периодическим – циклически замыкающимся – системам фундаментальных структурных элементов материи на всех четырех возможных последовательных и, в свою очередь, циклически замыкающихся уровнях ее самоорганизации: физическом, химическом, биологическом и психологическом (ментальном). В результате в 2007 г. удалось выпустить второе, дополненное издание моей «Математической теории научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов».

В 1967 г., еще до своего перехода в ИИЕТ и каких бы то ни было мыслей об этом, будучи в Сухуми на организованном при участии ИИЕТ Всесоюзном совещании по количественным методам в социологии со своим докладом «Естественная (теоретическая) градация типичных специалистов по относительной квалификации и математически ожидаемый статистический закон их распределения», я обратил внимание на отмеченные в одном из докладов «случайные» локальные всплески публикаций по физике, следующие друг за другом через 11 лет (то есть как раз через средний период солнечной активности), и в следующем 1968 г. подготовил обстоятельную статью о закономерной корреляции всплесков творческой и солнечной активности, опубликованную, однако, после длительных проволочек, не без противодействия со стороны С.Р. Микулинского, только в 1979 г. – как раз через очередные 11 лет – в издании МГУ.

Все это получило особенно существенное развитие в моей последней монографии «Космический – солнечный – пульс Жизни и Разума: Все мое время... (Концепции современного естествознания)» (Москва, 2008).

В связи с болезнью и кончиной Я.Г. Дорфмана я, по просьбе Якова Григорьевича, унаследовал заведование сектором истории физики.

Затем после эмиграции И.М. Дунской в ФРГ и А.Е. Каплана в США С.Р. Микулинский поставил передо мной вопрос о необходимости укрепления сектора. Я предложил ему пригласить на заведование сектором истории физики моего учителя с университетских лет академика А.Д. Александрова, намеревавшегося вернуться из Новосибирска в Ленинград, но еще не договорившегося там о своем новом месте работы. Вместо этого мне было предложено слияние сектора истории физики с каким-либо другим институтским подразделением. Я, оставаясь старшим научным сотрудником, предпочел слияние с сектором истории механики А.Т. Григорьяна, который возглавил объединенный сектор истории физики и механики. Но когда скончались А.Т. Григорьян и А.П. Юшкевич, возглавлявший сектор истории математики, был создан, в конце концов, отдел истории физико-математических наук, и меня, ставшего к тому времени уже главным научным сотрудником, избрали руководителем этого отдела.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 46–50.

1972 год

ФЕДОРЕНКО
Нина Владимировна

Я начинала учиться в Московском институте тонкой химической технологии. Там был такой профессор В.В. Лебединский, специалист по комплексным соединениям, особенно по соединениям родия. В 1944 г. он нам читал первую лекцию по неорганической химии, которая была посвящена комплексным соединениям, и случилось так, что я именно с этой темой связала, по сути, всю жизнь. Я поступила в аспирантуру в ИОНХ АН СССР, а начинала преподавать в Экономико-статистическом институте. Попала в него совершенно случайно: пришла на консультацию к профессору С.В. Львову, а ему в это время позвонили из Экономико-статистического института (там только начинали готовить специалистов по работе с вычислительной тех-

ником) и сказали, что у них вводится полугодичный курс химии; его спросили, нет ли у него кого-нибудь на примете из преподавателей. Он думал-думал и предложил мне. А я была человеком очень зажатым, стеснительным, и только потому, что хотела в себе это побороть, я согласилась.

Было очень трудно, так как когда я начинала работать, то первый год в институт студенты приходили из отдельных мужских и женских школ, и они первый раз встречались на первом курсе вместе. И это было что-то невообразимое! Один студент во время лабораторных занятий ухитрился повиснуть на проводах. Веселились таким образом... А я думала: «Господи, оборвется сейчас, и его убьет и всех тут поубивает...». У нас была комната в препараторской, где готовили лекционные опыты. Дверь в ней была обита цинковым листом. И когда я прочитывала первый час лекции и выходила во время перерыва к этой двери, прижималась к ней спиной и думала: «Господи, за что казнюсь? За что казнюсь? Когда это кончится?» Ну, потом это кончилось, я привыкла.

В ИОНХе АН СССР, где я окончила аспирантуру, была Лаборатория анализа платиновых металлов – единственная лаборатория, которая целенаправленно занималась анализом платиновых металлов. Но наш руководитель вскоре умер, и долгое время коллектив, который был целиком женский, коллегиально управлял лабораторией. Мы брали на себя большую работу, выполняли ее и тем и держались, что имели определенное направление, знали, что и как делать, и поэтому получали Правительственные задания по работе для Норильского комбината. У них постоянно менялось сырье, технологические цепочки и нужно было их проверять путем анализа. Сырье также постоянно менялось. Пособий в мировой литературе никаких не было, ни иностранных, ни русских. Все доступные материалы были в виде рассказов, пухлых рукописных тетрадок самих сотрудников с переписанными методиками, какими-то советами, которые друг другу передавали от поколения к поколению. И тогда мы решили написать в память о своем руководителе книгу «Анализ платиновых металлов». Мы ее написали, она стала первой такой книгой в мире (потом только в Канаде написали подобную по тематике работу). Но на освещение «истории платиновых металлов» там не было ни времени, ни листов. А материал по истории изучения платиновых металлов постепенно собирался, и я стала думать, где же мне его опубликовать? Когда я в 1972 г. пришла в Институт истории естествознания и техники, в сектор к Юрию Ивановичу Соловьеву, он согласился с тем, что написать историю исследования платиновых металлов нужно. Фигуровский долго со мной обсуждал этот вопрос и сказал: «Пишите, потому что Вы знаете сам предмет». Я писала-писала, а потом даже испугалась – потому что одно дело, когда ты описываешь химические процессы, а другое дело – история, которую надо понять и охватить. Но работа закончилась благополучно. Следующая книжка у меня была уже по комплексным (координационным) соединениям – это необычные соединения металлов, где проявляется большая валентность, чем может проявить сам металл в обычных соединениях. Теперь этому находят разные объяснения, по этому вопросу есть много литературы.

Институт истории естествознания и техники я узнала сначала с не очень хорошей стороны. У нас в ИОНХе проходили заседания Химичес-

кого отделения, и Б.М. Кедров у нас часто делал доклады. Мой профессор говорил: «Ну, на него можете не ходить, ничего нового он не скажет». И когда Кедров начинал читать лекции, – народ бежал из аудитории. Потому что мы были люди конкретные, экспериментаторы. А потом, когда я уже сама начала преподавать, то попала на лекции Владимира Ивановича Кузнецова в Менделеевском институте на курсах повышения квалификации. Они были очень хорошие. Я удивилась, как это человек проник и в историю, и саму химию знает, потому что у нас всегда было такое мнение: мы занимаемся экспериментом, а тот, кто занимается историей, в нем ничего не понимает. Но это, в общем-то, не так, это был, конечно, снобизм.

Первое впечатление от ИИЕТ, когда я пришла сюда работать, было очень сильным, потому что Сектор химии был тогда большой. Профессоров было человека три-четыре. Все люди были с именами. Институт тогда уже издал многотомный труд по истории химии с древнейших времен, под редакцией Погодина. Он до сих пор ценится. Причем там можно было найти прежние названия всех химических продуктов, все было переведено на современный химический язык. Я знаю, что этим трудом пользовались многие профессора в институте, читавшие нам лекции по химическим производствам. Я о нем тогда и узнала. А еще был Фигуровский, который держал в руках всю химию XVIII–XX веков. Химия XX в., можно сказать, создавалась у него на глазах. Он был очень интересной личностью, закончил семинарию, знал и греческий, и латинский, и по-немецки читал, и всю литературу знал; и всегда, если ты попадал в какой-то тупик и нужно было разрешить какой-то вопрос, можно было пойти и спросить у Фигуровского. И его ответам можно было верить.

Мы часто собирались, обменивались мнениями; тогда много книг выходило, все писали. Например, у Соловьева было более 30 книг! И если ты начинал писать какую-нибудь биографическую работу, он всегда говорил: «Вы подождите, разберитесь, что это был за человек, высокий он был, низкий, полноватый, стройный? Обратите внимание, какое детство у него было. И только потом, когда Вы полюбите его, вот тогда про него и пишите». Он, конечно, всех своих героев любил, всех, про кого писал. Потом, Быков у нас был – он же знал не просто всю историю органической химии, а весь органический синтез. Очень интересный был человек, но жесткий. Вяльцев был очень хороший человек и своеобразный, но он был очень зажатый, вел записи, стенографировал, и разобраться в его записях было невозможно. Он со студенческих лет дружил с академиком Логуновым, они были сокурсниками.

Институт тогда находился в центре Москвы, и сотрудники шли на работу из Политехнической или Ленинской библиотеки. Тогда материалы там были более доступны, чем сейчас, и когда я начинала писать историю изучения платиновых металлов в России, мне, начинающему работнику, заказывали книги в библиотеке Конгресса в Америке. Через 20–30 дней приходила книга, и ты мог с ней работать целый месяц и ксерокопировать.

Если задуматься вопросом – где работать сложнее – в химии или в истории химии, то в принципе везде сложно, если, конечно, работать хорошо. Химия, – она просто очень тяжелая. Ведь платиновые металлы не так просто растворить. Это называется «вскрытие пробы». Пока ты пробу

вскроешь, пока приведешь металлы в раствор. Их ведь шесть, и они все имеют сходные свойства... Нужно знать все тонкости, чтобы их разделить, и чтобы один не мешал определять другой. Это довольно трудно. Анализ идет, по меньшей мере, 24 дня. А если ты его загробил? Если тебе что-то в эту емкость упало? Или кто-то чего-то брызнул? Это сложно и трудно. А в истории химии интересно. Если бы я теперь выбирала специальность, я бы с самого начала выбрала историю химии.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 208–211.

1972 год

ХАЙТУН
Сергей Давидович

Я начал заниматься проблемами науковедения, когда поступил на работу в ИИЕТ, в сектор «Проблем научного творчества», образованный в 1968 году и возглавляемый М.Г. Ярошевским. Мы с Михаилом Григорьевичем были знакомы семьями по Душанбе, взяв меня к себе в сектор, он, в основном, и учил меня культуре работы в науке. Наш сектор занимался психологией научного творчества, хотя собственно психологов, кроме самого М.Г., было поначалу мало (помню Я.А. Пономарева).

Я пришел в ИИЕТ 11 февраля 1972 года. Чем я занимался? Поскольку я изучал энтропию, то в этом направлении я и начал свои исследования: стал «обсчитывать» научные тексты на уровне слов, по ним строить распределения и вычислять энтропию этих

распределений. Для начала я должен был понять, распределение чего именно строить. Если строить распределение просто слов, то тогда будет много «мусора», т.к. в научном тексте научные слова занимают относительно небольшую долю, а основную массу составляют слова общего пользования типа «пришел», «взял», предлоги, артикли. Тогда я стал анализировать «научный сленг». Поскольку я по образованию физик, мне исходно было понятно, что подсчет должен носить воспроизводимый характер, т.е. нужно, чтобы мой подсчет совпадал с подсчетом другого исследователя. А если распознавать слова научного сленга и не-сленга «вручную», то возникает произвол. Я стал искать выход и обнаружил, что уже давно создаются частотные словари русского (а также немецкого, английского и т.д.) языка и даже есть «Частотный словарь общенаучной лексики». Я обычно использовал в качестве базового «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э.А. Штейнфельдта. Учитываются в данном научном тексте первые 500 слов базового словаря (или 1000 или 2000 – в зависимости от объема этой выборки изменяется «глубина сленгирования»), а остальные – не принимаются во внимание. Берем, скажем, статью А. Эйнштейна, выбрасываем из нее те слова, которые не попали в выбранные нами 500 слов, и уже оставшиеся слова анализируем на частотность. У меня была идея, что по степени корреляции сленговых распределений двух авторов можно судить, как сильно они связаны предметно. Мой сленговый метод явился разновидностью метода контент-анализа на уровне слов, но только, в отличие от остальных авторов, я добавил воспроизводимость. Так у меня родился сленговый метод анализа научных текстов, и я занимался им несколько лет.

Я пытался осмыслить, что же я делаю в науковедении, и к какому его разделу это относится (когда работаешь в науке, не всегда сразу понимаешь, чем ты занимаешься). Неожиданно для себя я осознал, что это – наукометрия. Чтобы ввести свой метод в анналы науки (т.е. быть услышанным), я решил сделать обзорную книгу о наукометрии и в нее вставить в качестве главы сленговый метод. Эта книга – «Наукометрия: Состояние и перспективы» вышла в 1983 году. Надо сказать, что в 1969 году вышла первая монография по наукометрии – В.В. Налимова и З.М. Мульченко. Они в ней определяли наукометрию, на мой взгляд, еще не совсем аккуратно. Они ведь были первыми, а первопроходцам труднее. В своей книге я предложил новое определение наукометрии. Для меня это дисциплина, осуществляющая количественный анализ научной деятельности с использованием воспроизводимых индикаторов. Ключевым является слово «воспроизводимых», потому что есть еще психологическое и социологическое измерение, которые не являются воспроизводимыми. А здесь все индикаторы – число ссылок, число публикаций, число сленговых слов – все воспроизводимы, иначе количественный анализ лишен смысла, и тогда возможно только качественное измерение, которое широко распространено в психологии и социологии. Это мое определение наукометрии нельзя считать общепризнанным. Так, до сих пор мне попадаются работы, где указывается, что данное мною определение наукометрии – это оригинальное определение С.Д. Хайтуна, но отнюдь не общепринятое.

Так вот, работая с обзором работ по наукометрии для своей книги, я совершенно неожиданно обнаружил негауссовость распределений. Все-

го – любых наукометрических индикаторов: ссылок, числа публикаций, слов сленга. Я увидел, что в области больших значений переменных все эти распределения имеют вид распределения Ципфа¹⁵⁰, а это уже – новый закон и не только в науке, но и во всех других областях человеческой деятельности. Так мне посчастливилось открыть феномен «негауссовости» научной деятельности и шире – социальных явлений. Я написал об этом книгу «Проблемы количественного анализа науки», которая вышла в 1989 году и стала второй наукометрической монографией. Её до сих пор читают и на неё ссылаются. Впрочем, поскольку в ней, по сути, анализируются все методы количественного анализа науки, ее нельзя назвать только наукометрической. Так корыстные интересы популяризации сленгового метода вывели меня на гораздо более существенные результаты, что часто бывает в науке: делаешь одно, а получаешь другое – неожиданное для себя.

Науковедение для меня – это дисциплина, изучающая науку как научную деятельность и социальный институт. Науку как знание изучают другие дисциплины, например, история и философия науки. Философию науки обычно относят к науковедению, хотя философия – это, строго говоря, – не наука. Если следовать К. Марксу, то наука начинается тогда, когда в ней есть математика, и тогда ведущими являются наукометрия, математическое моделирование и принятие решений. Но я с Марксом не очень согласен: я считаю, что науковедение – это, прежде всего, – социология науки и наукометрия, такой вот «костяк». Некоторые называют еще и экономикой науки. Я лично считаю, что наукометрия является ведущей, однако отдаю должное и социологии науки.

Потом я пошел на обобщение. Дело в том, что наукометрия занимается только измерением науки. А математическое исследование любого социального объекта включает три уровня: измерение, математическое моделирование и принятие решений. Измерение дает нам значения индикаторов, а надо же еще установить зависимости между ними. Это уже есть математическое моделирование – установление на основе измерения функциональных или вероятностных зависимостей, связывающих индикаторы. Следующий уровень – на базе математического моделирования идет принятие решений. Все это в теории, конечно. Это изложено в моей книге «Проблемы количественного анализа науки», о которой уже шла речь.

Но, когда я был на приеме у академика А.Г. Аганбегяна – главного экономиста страны того времени, – я убедился, что эти исследования никому не нужны. Речь у нас конкретно шла об экономике. Однако методы, по идее, одинаковы: надо учитывать негауссовый характер не только экономики, но любых социальных явлений. Если этого не делать, то практически вся использованная нами количественная математика (бывает еще, как я уже говорил, качественное измерение) идет «коту под хвост», потому что на негауссовых генеральных совокупностях существенен объем исследуемой выборки, а выборки у разных исследователей имеют разные объемы, из-за чего результаты измерения на таких совокупностях «плавают». По реакции Аганбегяна я понял, что он это не воспринимает, и вообще это никому в стране не нужно.

При использовании математики в социальной области не учитывалось и многое другое: например, я понял, что в социальной области перемен-

ные часто оказываются неаддитивными, и тогда с ними нельзя работать как с количественными переменными, а именно так с ними работают, и получается полная «ерунда». И я ушел из науковедения, потому что я вышел на такие важные выводы, которые пока применения не имеют, а изучать науку на примитивном уровне я не мог.

Науковедение связано с личностью С.Р. Микулинского. Вообще в науке много зависит от личности: возникает такой «пузырь» вокруг личности ученого – научный и организационный «пузырь» – под него выделяются деньги. Вот вокруг Микулинского и складывались науковедческие исследования, не стало Микулинского – «лопнул пузырь»... В мире развивается не науковедение, а в основном социология науки и наукометрия. Работы есть, но на Западе их гораздо больше. В Киеве центр Г.М. Добрава, который несколько иначе подходил к науковедению, чем Микулинский. В Москве науковедением занимались еще во ВИНТИ – работали в области наукометрии, публиковались в международном журнале «Scientometrics».

У науковедения, мне кажется, перспективы «так себе», без него можно жить: это – «пузырь», потому что, как мне кажется, не очень-то продуктивно так изучать науку: между историком науки и социологом науки все-таки мало общего. А у социологии науки и наукометрии, на мой взгляд, хорошие перспективы. Впрочем, возможно, это во мне говорят пристрастия бывшего «наукометриста».

Но главное в том, что нет лидера, который мог бы возглавить направление – сформулировать ключевые проблемы и организовать людей для их решения, объединить исследования.

1972 год

ШЕЛИЦ
Петр Борисович

В начале 1968 г. я после окончания Ленинградского политехнического института был распределен в ЦНИИ материалов – один из старейших и крупнейших головных институтов оборонной промышленности. Первый год, признаюсь, руководители заданиями меня не перегружали, и я много читал на работе – сначала научную литературу по специальности, потом все больше книги о науке. Три из них легли в фундамент моего науковедческого образования: «Лекции по логике науки» Анатолия Ильича Ракитова, «Научный поиск» Евгения Семеновича Жарикова и «Наукометрия» Василия Васильевича Налимова и Зинаиды Михайловны Мультченко. Последняя, изданная в серии «Физико-математическая библиотечка инженера», произвела на меня особенно сильное впечатление.

чатление, побудив смотреть на науку как на объект измерения. Через год–полтора мне предложили поучиться в университете марксизма-ленинизма, где только что открылся новый факультет – социологии и социальной психологии, я записался на него и не пожалел: лекции нам читали очень сильные социологи, философы, психологи. С благодарностью вспоминаю Веру Васильевну Водзинскую, Альберта Васильевича Баранова, Анатолия Леонидовича Свенцицкого. То, что я там слышал, было настолько увлекательным и вызывало столько новых идей, что решил создать в своем институте совет молодых специалистов, чтобы получить право от его имени изучать положение и перспективы молодежи в коллективе, в том числе и путем социологических опросов. Вскоре меня ввели в состав совета молодых ученых при обкоме комсомола, поручив заниматься социологическими исследованиями уже в масштабе города. К тому времени я, став секретарем комитета комсомола института, организовал школу комсомольского актива, занятия в которой проводили, наряду с политическими обозревателями и спортивными комментаторами, социологи и психологи. И эта, абсолютно не знакомая мне прежде сфера настолько захватила мое сознание, что появилось страстное желание заниматься ею профессионально. Я поделился им с Павлом Рогановым, зав. отдела научной молодежи обкома комсомола, и Павел познакомил меня с Владимиром Николаевичем Орловым, старшим научным сотрудником сектора социологии науки Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР. Он и привел меня осенью 1971 г. на второй этаж здания Академии наук на Таможенном переулке и познакомил со своим шефом Самуилом Ароновичем Кугелем, открыв таким образом новый этап моей жизни.

Буквально при второй или третьей встрече я попросил Самуила Ароновича взять меня в свой сектор, и он воспринял мою просьбу вполне благосклонно. В секторе имелась вакансия эмэнэса, и вскоре на нее «под меня» был объявлен конкурс. Однако оказалось, что мне совсем не просто покинуть родной «почтовый ящик». Для участия в конкурсе нужна была характеристика с места работы, и когда я, без проблем подписав ее у председателя профкома и секретаря парткома, пришел за подписью к директору, он неожиданно мне в этом отказал. Надо пояснить, что директор наш Федор Андрианович Куприянов, Герой соц. труда и друг молодости многолетнего руководителя Военно-промышленной комиссии при Совете министров СССР секретаря ЦК КПСС Дмитрия Федоровича Устинова был, как и подавляющее большинство легендарных деятелей советской оборонки, руководителем авторитарным, и сотрудников, которых ценил (а я, полагаю, относился к таким), считал чем-то вроде части вверенного ему государством имущества, которое надо максимально эффективно использовать в производственном процессе. Когда я объяснил ему свой уход тем, что ощутил призвание к социологии, он предложил мне доработать очередной «комсомольский» год и перейти на хорошую должность в отдел экономики и научной организации труда. Я не решился спорить, но объяснил ситуацию С.А. Кугелю, заверив его, что рано или поздно решу проблему с характеристикой, и попросил по возможности «поддержать» для меня вакансию. И хотя на уже объявленный конкурс поступило несколько заявлений, Самуил Аронович отверг всех претендентов и конкурс был

признан не состоявшимся. Повторно он был объявлен через несколько месяцев, когда я, дождавшись ухода моего директора в отпуск, тут же написал характеристику у зама, не посвящая его в предысторию вопроса. До сих пор помню непонимание и обиду в глазах глубоко мною почитаемого Федора Андриановича, когда пришел прощаться в последний день работы в ЦНИИМ. Но я не знал за собой вины и с легким сердцем спешил в новую жизнь, которая представлялась мне, в духе упомянутых выше столь полюбившихся книг, сплошным счастливым научным поиском.

Реальность меня не разочаровала. Конечно, в ней хватало и иных достаточно сильных впечатлений и чувств, естественных для активного 26-летнего мужчины, не обремененного своей семьей и сильной привязанностью. И все же самой интересной частью моей тогдашней жизни была умственная работа по поиску правильной формулировки исследовательских задач. В ЛО ИИЕТ условия для этого были если не идеальные, то чрезвычайно благоприятные. Во-первых, здесь чтити академические традиции, позволяя до трех дней в неделю работать в библиотеке или дома и насыщая «присутственные» дни семинарами, которые оказали неоценимое влияние на мое умственное развитие. Во-вторых, здесь сложился уникальный состав специалистов – носителей научных языков, в которых мое ухо пыталось уловить и соединить элементы, необходимые для метаязыка описания науки. В-третьих, глубинный демократизм и либерализм С.А. Кугеля стимулировал творческие потенции в его сотрудниках. Под началом Самуила Ароновича я проработал свыше трех лет в ЛО ИИЕТ и после этого еще около двух лет в ИСЭП (куда мы перешли не по своей воле) и до сих пор считаю этого замечательного человека и ученого своим учителем и старшим товарищем. Его пример – яркое подтверждение важности позитивного отношения к жизни и творческой активности для долголетия.

Мой первый рабочий день в ЛО ИИЕТ пришелся на 12 мая 1972 года и был омрачен смертью в этот день заведующего Отделением Юрия Сергеевича Мелещенко. Вскоре на это место был назначен Николай Александрович Толоконцев, доктор медицинских наук, до этого служивший главным эпидемиологом Балтийского флота. Конечно, назначение это было чисто аппаратным, тем не менее, новый заведующий быстро завоевал признание коллектива добрым и веселым нравом, отсутствием претензий на научное лидерство и живым интересом к экологии, которая прибавила еще одну линию к весьма разнообразному спектру научных направлений Отделения.

Здесь стоит пояснить, какое значение имели для меня разные линии этого спектра. Основной, конечно, была линия социологическая, центральной темой которой являлась структура научных кадров СССР и ее динамика. Хотя социология изучает именно социальные структуры (и в этой области С.А. Кугель был к тому времени весьма авторитетен) и профессиональная принадлежность, квалификация и возраст работающих в сфере науки людей, безусловно, являются их социальными признаками, эта тема показалась мне скорее статистической, нежели социологической. До тех пор, пока не вник в обнаруженный Кугелем феномен массовой профессиональной мобильности советских научных работников, который заставил меня едва ли не впервые усомниться в превосходстве тотального планирования над рыночной стихией. Действительно, почему в условиях

планового хозяйства люди, подготовленные к работе в одной области, зачастую оказываются совсем в других? Что это: проявление бесхозяйственности или – страшно подумать – рыночной природы исследовательской деятельности? И что за непланный спрос порождает предложение непрофильных специалистов в фундаментальных областях?

Тогда я не видел «социологического» ответа на эти вопросы и потому всматривался в другие линии лоииетовского спектра. Ближайшей «физически» оказалась история и теория эволюционного учения. Сектор с таким названием, возглавляемый Кириллом Михайловичем Завадским, был отделен от нашего сектора лишь высокими старинными книжными шкафами. Эти шкафы не позволяли нам постоянно видеть друг друга, но никоим образом не мешали слышать все, что говорилось за ними. И я жадно ловил неизвестные выражения, пытаюсь понять их смысл и приложить его к тому, что мучило меня – к эволюции науки. Помогала курилка, где сходу «заговорились» на интересные мне темы мои ровесники «из-за шкафов» Яков Галл и Эдуард Колчинский. Возможность консультироваться с ними и К.М. Завадским побудила выбрать предметом для задуманного мной социолого-наукометрического исследования биологию (хотя по базовой специальности мне была ближе физика) и помогла отобрать источники измеряемой информации. Это исследование, опубликованное в международном журнале «Scientometrics» и, много позднее, в «Вопросах истории естествознания и техники», очень продвинуло меня в понимании закономерностей структурной эволюции науки.

С удовольствием участвовал я и в семинарах по методологии технических наук и изучения технического прогресса, организаторами которых были Олег Михайлович Волосевич, Борис Ильич Иванов и Игорь Григорьевич Васильев. Там я убедился, что деятельность познавательная (исследования) и деятельность конструктивная (разработки) имеют столь разную природу, что изучать их как единое целое стоит только для узкого круга задач. Однажды на этом семинаре я услышал доклад профессора – историка техники из Японии, который поразил меня утверждением, что японцы первыми построят социализм, потому что они опередили другие страны по доле в ВВП нематериальной продукции, прежде всего информации, которая не должна быть предметом частного присвоения, поскольку может принадлежать одновременно неограниченному кругу лиц. Я тогда сильно задумался и решил, что он прав, и что именно таков «светлый путь всего человечества».

К сожалению, лишь под конец моей работы в ЛО ИИЕТ я познакомился с интереснейшими публикациями старейшего сотрудника сектора истории Академии наук Юдифи Ефимовны Копелевич по истории зарубежных научных академий. Они помогли мне намного выше оценить роль научной коммуникации и стратификации ученых в развитии знания.

Вспоминаю те годы как время чрезвычайно интенсивной работы. По обязанности приходилось много заниматься редактированием и технической подготовкой рукописей к печати. С 1973 г. через мои руки проходили все сборники «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» и некоторые другие сборники, за которые отвечал С.А. Кугель. Работа с рукописью коллективной монографии «Структура и динамика научных кадров СССР», уже написанной ко времени моего прихода в Отделение, но

требовавшей серьезной редакции, позволила мне близко познакомиться с ее ответственным редактором Семеном Романовичем Микулинским, который был тогда замдиректора, а вскоре стал директором ИИЕТ. Работать с этим талантливейшим трудоголиком было нелегко, но очень интересно. По многу недель живя в ведомственной гостинице Академии наук (что противоречило тогдашним правилам, но гостиница подчинялась мужу сотрудницы ИИЕТ и для нас делали исключение), я днем готовил предложения по редактированию очередного раздела, а после окончания рабочего дня, зачастую совсем поздно, их рассматривал Семен Романович. Когда книга вышла, она получила высокую оценку разного руководства, на которую, по-видимому, была обречена как первое справочно-аналитическое издание на тему, охватывавшую в то время около миллиона наиболее квалифицированных трудящихся страны. Естественно, участвовал и в текущих социологических исследованиях, которые проводил сектор, в том числе в «полевой» работе. О диссертации я тогда не думал, но Кугель предложил поступить в заочную аспиранту ИИЕТ и потребовалось указать тему будущей диссертации. Из разных вариантов мы с Самуилом Ароновичем выбрали социологические аспекты формирования новых научных направлений, которые хорошо увязывались с ключевой темой сектора – профессиональной мобильностью научных работников. Выбранная тема побудила меня провести серию интервью с основоположниками новых научных направлений, ездить на научные конференции и опрашивать их участников. Из наиболее ярких и, в то же время, доступных мне для изучения я выбрал голографию. Ее советский основоположник сотрудник ГОИ Юрий Николаевич Денисюк открыл основу голографии абсолютно независимо от гражданина Великобритании Дэниса Габора и до его публикации, вскоре удостоенной Нобелевской премии, однако открытие Денисюка было с недоверием воспринято научным истеблишментом. Юрий Николаевич позволил мне проинтервьюировать его и помог получить доступ на научные конференции, где я опрашивал его коллег. В результате я написал первую в СССР (а может быть и не только в СССР) работу по истории голографии, где постарался соединить в рамках ранее выработанной периодизации нового направления традиционное историко-научное описание последовательности научных достижений с социально-организационными обстоятельствами этих достижений.

Судьба свела меня тогда и с крупным ученым-энергетиком членом-корреспондентом АН СССР Михаилом Владимировичем Костенко. Его как профессора очень волновало, почему студенты в столь разной степени усваивают один и тот же учебный материал. В беседах с ним и размышляя о своих школьных и институтских годах, я пришел к убеждению, что эффективность обучения прямо зависит от мотивации учащегося – его интереса к конкретному учебному материалу, и пробудить такой интерес значительно проще, излагая ему не системно упорядоченное знание из учебника, а историю его зарождения, признания «невидимым колледжем» и имплементации в культуру научного сообщества на фоне судеб ключевых участников этого процесса. Если бы удалось создать такую социологическую историю наук, думаю, она могла бы вытеснить традиционные учебники. Может быть это предсказывал же Маркс, говоря, что все науки сольются в одну – науку истории?

Тогда же вместе с математиком из Ленинградского университета Николаем Васильевичем Ховановым мы проанализировали несколько десятков библиографий выдающихся советских ученых, оценивая закономерности динамики их научных интересов, обсуждали значение негауссовых распределений для описания разных параметров науки и других сфер общественной жизни. В общем, это было замечательное время, и мне очень хочется верить, что нынешняя молодежь ЛО ИИЕТ будет так же вспоминать о времени нынешнем.

1973 год

ГУМЕНЮК
Вячеслав Степанович

Мое поступление 5 декабря 1973 года (за два дня до даты моего рождения) в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук СССР с точки зрения логики обычного человека является совершеннейшей случайностью, поскольку ни один из важнейших жизненных факторов (место проживания, семейное положение, образование, наследственность, жизненный опыт и ряд других) не способствовали реализации такого случая. Однако ретроспективный взгляд на прожитые 75 лет говорит о том, что трехлетние годы учебы в аспирантуре были одним из многочисленных предопределенных эпизодов моей индивидуальной судьбы.

Родился я сразу после войны в офицерской семье в сибирском городе Омске. Постоянно играя в

войну, мы, мальчишки, основное время проводили на берегу Иртыша – полноводного тогда притока могучей Оби. Однако уже с малых лет я еще любил «копаться в земле», как говорит мой старший брат Александр – в противоположность мне типовой технарь. Для меня было живой сказкой и великим чудом наблюдать за прорастанием размоченного зерна кукурузы. Часами, не отрывая глаз, я следил за местом, где из земли должен был появиться росток. Уже в те детские годы я понимал, что это чудо невозможно было бы без самой тесной связи почвы, солнца, воздуха, влаги и семени. Мечтал стать биологом или археологом.

Однако после успешно законченной школы поступил вслед за братом в Омский политехнический институт. В институте я в отличие от подавляющего большинства студентов упорно штудировал основы марксистско-ленинской философии, безуспешно пытаюсь найти в доступной тогда литературе ответы на возникающие в голове сложные вопросы: как появилось живое, чем отличается живое от неживого, что есть человек, и куда ведет его технологический прогресс.

Интерес к колебательным процессам возник у меня довольно скоро, когда после окончания института и получения диплома инженера-электрика я по распределению пошел работать в Специальное конструкторское бюро «Промышленной автоматики», где принимал участие в конструировании больших систем управления автомобильным транспортом. В какой-то момент я обратил внимание на то, что «жизнь» не только моего шкафа с многочисленными электронными схемами, но и шкафов других специалистов нашей лаборатории зависит от главного элемента, своеобразного сердца единой системы – кварцевого генератора стабильных импульсов. Эти импульсы после различных преобразований подобно крови в организме поступают в различные блоки системы управления, которые выдают определенные команды согласно разработанному алгоритму. Замеченная связь между человеческим сердцем и «сердцем» техническим покорила меня и толкнула на изучение биологической, физиологической, медицинской и космической литературы, где говорилось о повторяемости, ритмичности и периодичности процессов.

Увлеченный разнообразием и распространенностью этих процессов, задумался о научной работе и стал искать будущего научного руководителя. Нашел, прочитав в журнале «Вопросы философии» № 7, 1970 год статью Никиты Константиновича Серова «О диахронической структуре процессов». Следуя установленным в то время правилам, написал заявление в Отдел кадров АН СССР о предоставлении мне места в аспирантуре ЛО ИИЕТ АН СССР, где работал старшим научным сотрудником мой будущий шеф. В полученном ответе был отказ «в связи с отсутствием необходимого образования». Перевелся на работу в свой институт на кафедру философии и научного коммунизма. Теперь уже институт направил письмо с просьбой о предоставлении места в искомой аспирантуре. Но год прошел, а ответа нет. Отпрашиваюсь на кафедре, у ректора и лечу в Москву. В Отделе кадров на Ленинском проспекте попадаю к приветливой женщине, которая, смущаясь, сообщает, что знает меня косвенно по полученным документам, но, к сожалению, ответ опять будет отрицательным, поскольку мест в аспирантуре ограниченное число, и иногородние не в приоритете, так как для них нужно общежитие, да и вообще «своих хватает». По-

нимая, что шанс держится на волоске, говорю примерно такие слова: «А Вас совесть не будет мучить, если окажется, что Вы перекрыли дорогу в науке новому Ломоносову?». Работница кадров смеется, а я с жаром рассказываю ей о природных ритмах. Дама продолжает улыбаться, увязывая какие-то папки с документами, и, закончив, говорит, что как раз сейчас занята завершением дел по формированию ежегодной аспирантуры в институтах системы Академии наук, и по этому случаю у них сегодня назначен небольшой корпоратив, поэтому «руководство в хорошем настроении. Попробую поговорить». Уходит и через несколько минут довольная приносит подписанное направление со словами: «Бегом на Ленинградский железнодорожный вокзал и по приезде в Ленинград в течение трех дней должен сдать все вступительные экзамены, приходя хоть домой к экзаменаторам, поскольку организованный процесс по их сдаче уже закончился». Приезжаю в город утром и погружаюсь в новый и почему-то ставший сразу родным мир. Иду в первый раз по Невскому, мимо Зимнего дворца, через мост на Васильевский остров и вот он, мой институт, рядом со зданиями Академии наук и Кунсткамеры. Захожу в приемную ученого секретаря, спрашиваю, где найти Серова. Приветливая дама (начинаю чувствовать, что появившаяся в Москве волна добра и тепла несет меня дальше) отвечает, что «все на ежегодной конференции в Михайловском дворце. Это назад через мост и рядом с Зимним». Бегом туда, открываю парадную дверь и сердце замирает: мраморные скульптуры, наборный паркет, дубовая обивка потолка. Захожу в актовый зал. Тишина, кто-то выступает. Жду окончания речи. Дождавшись, встаю с последнего ряда и громко на весь зал говорю: «Серов! На выход!». Довольно быстро приходит Он. Мой новый, ученый отец! Крепко сбитый, с короткой взъерошенной стрижкой, насколько выпуклыми глазами и сдержанной, почти одними губами, усмешкой и выдохом: «Хе».

С первых же минут общения я полюбил этого человека, хотя уже перед входом в зал чувствовал, что он должен быть именно таким, потому что теплая волна судьбы в душе продолжала жить.

Серов предложил мне встретиться на следующий день и уже при встрече порекомендовал проработать многолетние дневники не так давно умершего биолога-энтомолога и сторонника номогенеза Александра Александровича Любищева. Я пошел на квартиру этого замечательного ученого-энциклопедиста и стал читать его работы и изучать дневники. Меня буквально поразила его громадная работоспособность. Ученый несколько десятков лет составлял планы своей работы на каждый день, месяц и год и затем составлял отчеты об их выполнении. И вот что интересно. Имея громадный опыт планирования разнообразной умственной работы, ученый тем не менее часто отступал от плана то в сторону увеличения временных затрат на те или иные дела, то в сторону их уменьшения. Как бы некоторая внешняя неведомая сила влияла на его волю. Меня также серьезно заинтересовали резко противоположные официальным представления ученого об эволюции живых организмов.

Знакомство с Любищевым вдохновило меня на ведение собственного дневника, но с существенным отличием от дневника Александра Александровича. К сожалению, ученый не отмечал, в какое время суток он выполнял ту или иную работу. А это делало невозможным изучать интересую-

ющую меня динамику умственной работоспособности в течение суток и ее изменение в зависимости от сезона года, а также на протяжении нескольких лет. Я решил жить 3–4 года (как получится) по так называемому «свободному графику», вставая с постели, работая и ложась спать лишь по внутреннему побуждению. При этом отмечая в небольших по размеру дневниках начало и окончание той или иной деятельности в течение суток с точностью до 5 минут. Серов поддержал мое намерение, дав ряд полезных рекомендаций по организации этой работы. А пока мой дневник будет наполняться, предложил провести социологический опрос научных работников системы АН СССР для выявления сезонных колебаний умственной работоспособности и изменений суточной работоспособности в течение года. При этом существенно помог с разработкой опросного листа. Я начал ездить по городам и институтам Северо-Западного региона страны, где собрал первичную информацию от 500 респондентов. Неоценимую помощь Серов оказал при написании мной 3-х научных статей. Анализ полученных анкет показал следующее. Чаще других сезонов благоприятствуют умственной работе осень и зима (именно в эти месяцы обычно появляются новые идеи), реже – теплые месяцы. Женщины при этом чувствуют влияние сезонов на работу лучше мужчин. Продуктивность научной работы в течение жизни то возрастает, то затухает, хотя размах колебаний с возрастом постепенно снижается. Наиболее интересные для меня данные состояли в том, что ученые, как правило, отмечали более или менее сильное изменение своей суточной динамики умственной работоспособности в течение года. А целый ряд опрошенных отметили полную смену утреннего подъема работоспособности весной-летом на вечерний-ночной осенью-зимой.

Именно этот последний результат был не только подтвержден после завершения анализа моих дневниковых записей, продолжавшихся 4 года, но и позволил построить достаточно детальные помесечные графики суточной работоспособности умственного труда. Оказалось, что я, отказавшись от жизни по декретному времени, довольно быстро попал под влияние природного задатчика суточного ритма – Солнца. Сезонная волна изменения восхода и захода Солнца невольно заставляла меня к середине зимы становиться «совой» (по существующей терминологии) с максимумом работоспособности около часа–двух ночи и засыпанием в 4–5 утра, а к началу лета – «жаворонком», когда основной объем умственной деятельности совершался в первой половине дня до обеда.

Главное, что я вынес из аспирантуры – это понимание, что умственная деятельность человека достаточно жестко привязана к таким значимым природным факторам, как вращение Земли вокруг своей оси и вращение Земли вокруг Солнца. Также я заметил, что попытки работать в неблагоприятное время не дают желаемого результата.

Эти выводы как никогда актуальны сегодня в условиях продолжающейся эпидемии коронавируса, когда у многих появилась возможность работать удаленно с компьютером, подбирая благоприятный для себя режим деятельности.

ЛО ИИЕТ еще мне запомнился маленьким книжным академическим магазинчиком, расположенном в одном с ним здании, куда я всякий раз забегал и где с большой радостью купил «Труды по теории эволюции» академика Льва Семеновича Берга, прочитанные взахлеб за

двое суток, в том числе и его знаменитый «Номогенез или Эволюция на основе закономерностей».

Также большой удачей считаю встречу с уникальным художником, жестким осенним и ночным ритмиком Е. Андреем, с которым удалось пообщаться и работу которого наблюдал в Институте В.М. Бехтерева. Парень начинал рисовать практически в один и тот же день каждой осенью, причем во сне, сидя на кровати. Когда его рука с карандашом переставала рисовать (в это время сюжет рисунка обычно завершался), Андрей падал на кровать и засыпал нормальным сном, а утром с удивлением обнаруживал очередную картину. Однажды я его спросил, что он видит во сне, когда рисует. Ответ поразил: «Я слышу музыку». Другая уникальная способность этого художника состояла в том, что, возможно, ему удалось реализовать мечту многих живописцев – создать на картине зримую иллюзию движения, используя для этого манеру создания карандашной мозаики. Сильнейшее впечатление на меня произвел его «Рисунок нищие», написанный им в пятилетнем возрасте, на котором изображены два совершенно одинаковых нищих, бросающих в шляпу один другому мелкую монету. Я тогда подумал: «Такое мальчик не мог придумать сам. Он только зафиксировал появившийся в его голове образ». Необычный человек продемонстрировал (правда, без особой охоты) способность не только запоминать все увиденное и услышанное, но и воспроизводить все в точности подобно магнитофонной записи, причем за всех действующих в тот или иной момент лиц.

С большой теплотой и благодарностью вспоминаю перенесшего в детстве блокаду города моего дорогого и, к сожалению, рано умершего Никиту Серова, мягкого, доброго и интеллигентного человека.

До сих пор дружу с бывшим сотрудником ЛО ИИЕТ Володей Потемкиным. Неоднократно встречался в Москве на разных конференциях с учившимся в одно время со мной в аспирантуре Петром Шелищем. Также бережно храню память о бывшей аспирантке Наташе Кочетовой, учившейся в одно время со мной.

В последние годы пишу большую работу о предопределенности всех процессов в природе и обществе.

С огромной благодарностью к организаторам выпуска юбилейного сборника воспоминаний всех, кто жил вместе с институтом.

1973 год

КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ
Аркадий Александрович

Осенью 1922 года я поступил в Пестяковскую школу 2-й ступени (Ивановская область), которую закончил в 1926 г. После окончания школы пытался держать конкурсные экзамены в Ивановский политехнический институт, но увы, неудачно. По тригонометрии получил неудовлетворительную оценку. В августе 1926 г. поступил на работу в Пестяковский политпросвет в качестве инструктора по ликбезу и одновременно начал самостоятельную подготовку по физике и математике, руководствуясь программами конкурсных экзаменов в вузы. Эти самостоятельные занятия откристаллизовали мое призвание к изучению физико-математических дисциплин; я тщательно и весьма подробно изучил курсы средней математики (Киселева, Давыдова, Пенионжкевича, Рыбкина и др.), ознакомился с началами высшего

анализа и аналитической геометрии и решил поступать в Московский университет.

В 1927 году я выдержал вступительные конкурсные экзамены в Московский университет и был принят студентом физико-математического факультета. Избрав своей специальностью теоретическую и экспериментальную аэромеханику, учился на механическом отделении факультета. Из профессоров и преподавателей, которые оказали значительное влияние на формирование моего мировоззрения и научного стиля, следует отметить О.Н. Цубербиллер (аналитическая геометрия), И.Б. Жегалкина (курс анализа), Н.Н. Бухгольца (курс теоретической механики), А.П. Минакова (механика), А.И. Некрасова (гидроаэромеханика) и Д.С. Лейбензона (гидравлика, теория упругости). Прикладным вопросам аэродинамики и теории полета аэропланов меня обучали инженеры ЦАГИ А.Н. Журавченко и К.К. Баулин.

В январе 1931 года досрочно окончил механико-математический факультет по специальности «Аэромеханика» и был рекомендован кафедрой механики и общественными организациями факультета в число аспирантов Научно-исследовательского института математики и механики при МГУ. В это время на факультет был приглашен в качестве руководителя специальности аэромеханика проф. В.В. Голубев, с которым была тесно связана моя последующая научная деятельность. Года пребывания в аспирантуре были решающими для определения будущей профессии. Я много занимался изучением классических работ по механике, истории философии, истории науки; работал 2 дня в декаду инженером ЦАГИ и с августа 1932 г. начал преподавание механики в Московском университете. После длительных размышлений решил избрать профессию научного работника по механике и преподавателя Университета. Однако интерес к инженерной деятельности сохранил до настоящего времени.

В 1934 г. окончил аспирантуру Института математики и механики при МГУ и защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. Тема диссертации была посвящена вопросам теории ламинарного трения. В те дни проблемы сопротивления трения, развития теории ламинарного и турбулентного пограничного слоя были актуальнейшими проблемами аэродинамики, и мой руководитель В.В. Голубев много и плодотворно работал в этом направлении. Рекомендации В.В. Голубева несомненно сказались в выборе темы, так как в ЦАГИ я усиленно занимался вопросами технической аэродинамики и думал писать кандидатскую диссертацию по развитию методов аэродинамического расчета самолетов.

После защиты кандидатской диссертации в июне 1934 г. я был утвержден доцентом кафедры теоретической механики МГУ и начал вести большую преподавательскую работу. В Московском университете вел практические занятия по курсу теоретической механики и начал чтение специального курса по теории лобового сопротивления. Кроме того, дал согласие вести общий курс теоретической механики в Педагогическом институте им. К. Либкнехта. Преподавание шло успешно, хотя и отнимало колоссальное количество времени на подготовку. В 1936 г. я был утвержден старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института механики МГУ и назначен заведующим аэродинамической лабораторией отделения механики при Московском университете.

Научная работа после окончания аспирантуры продолжалась и в Университете, и в ЦАГИ. Основным вопросом моих научных занятий была теория вихревого сопротивления и особенно проблема определения циркуляции вихрей, образующихся в кильватерной зоне за плохообтекаемыми телами. Большая часть моих научных работ до 1939 года была посвящена различным задачам теории вихревого сопротивления. Технические аспекты теории лобового сопротивления я рассмотрел в ряде статей, опубликованных в журнале «Техника воздушного флота».

16 марта 1939 г. защитил диссертацию на степень доктора физико-математических наук на заседании Ученого совета механико-математического факультета Московского университета. Тема диссертации была посвящена, главным образом, развитию теории вихревого сопротивления. В работе были указаны методы определения циркуляции свободных вихрей и разработан метод подсчета вихревого сопротивления плохообтекаемых тел как в ламинарной, так и в турбулентной областях течения.

Я был молод в те дни и, вероятно, для назидания учащейся молодежи тридцатых годов мою диссертацию рецензировали не три (как положено по закону), а четыре официальных оппонента, академик Н.Е. Кочин, члены-корреспонденты В.В. Голубев и Л.Н. Сретенский и профессор ЦАГИ К.К. Федяевский. На публичной защите развернулась острая дискуссия. Некоторые ученые и инженеры ЦАГИ выступили с критическими замечаниями «о неполноте и сложности предлагаемого теоретического решения», но большинство присутствующих механиков и члены Ученого совета факультета решительно меня поддержали, и защита прошла успешно. Продолжалась она почти шесть часов. После защиты, единственный раз в жизни, мой учитель В.В. Голубев тепло, красиво и остроумно похвалил меня и за работу, и за защиту.

В сентябре 1939 г. Высшей аттестационной комиссией мне была присвоена ученая степень доктора физико-математических наук и ученое звание профессора механики.

С октября 1939 г. я начал заниматься теорией реактивного движения. Несколько позднее был привлечен к выполнению специального задания ракетного института НИИ-3. Первые научные результаты по экстремальным задачам и уравнениям типа Лагранжа и Гамильтона в теории движения тел переменной массы были получены мною в 1940–41 учебном году и представлены в виде закрытых отчетов НИИ-3. Эти исследования определили главное направление моей дальнейшей научной деятельности и в настоящее время проблемы динамики тел переменной массы занимают меня больше, чем аэродинамические проблемы.

В годы Отечественной войны много работал по развитию и созданию строго обоснованной теории движения ракет. Результаты этих исследований частично опубликованы, после окончания войны, в изданиях Военно-воздушной академии, Московского университета и Академии наук СССР. Мною были впервые в нашей стране прочитаны следующие специальные курсы: «Механика тел переменной массы» (в Университете и Академии имени Жуковского в 1943–44 гг.), «Ракетодинамика» (в МГУ для слушателей Высших инженерных курсов в 1948–49 гг.), «Динамика космического полета» для группы космонавтов в 1964–65 гг. В настоящее время активно работаю над созданием большой книги «Основы космонав-

тики», первая часть которой вышла в свет в 1964 г. под названием «Динамика космического полета».

Начиная с 1942 г. в силу внутренних побуждений систематически занимаюсь вопросами истории науки. Мною написаны очерки по истории механики в России и большое число статей с характеристиками трудов выдающихся русских механиков. Особенно важное значение я придаю работам И.В. Мещерского и К.Э. Циолковского, заложившим основы новой науки – механики тел переменной массы. Значение работ этих исследователей для ракетной техники огромно, но, к сожалению, еще мало осознано в мировой науке.

Я люблю преподавание. С 1932 года я прочел более 18 различных курсов по механике и математике. За последние десять лет я подготовил и прочитал три новых курса «Динамика аэроплана» и «Динамика космического полета» и «Методика преподавания механики». Общение с научной молодежью есть неистребимая потребность моей духовной жизни. С 1966 года читал в МВТУ им. Баумана краткий курс методики преподавания теоретической механики в высшей школе. Я придаю весьма большое значение педагогическим работам моего учителя А.П. Минакова, который заложил основы методики преподавания механики в высшей школе. Большинство моих работ за последние 10 лет посвящены проблемам научно-технического творчества и пропаганде педагогических воззрений А.П. Минакова. С весны 1974 г. начал читать курс «Основы космонавтики».

После защиты докторской диссертации я получил право руководить аспирантами. Из моих учеников, успешно защитивших кандидатские диссертации, я бы хотел отметить В.В. Петкевича, Н.Н. Никитина, О.В. Голубеву, А.И. Зенкина, И.Ф. Верещагина, В.И. Пятакова. Всего из моих аспирантов защитили кандидатские диссертации 23 человека. Г.Г. Абдрашитов, Д.Е. Охоцимский, Т.М. Энеев, А.А. Егоров, А.М. Файнзильбер, В.А. Сапа, В.В. Белецкий и Л.М. Воробьев защитили диссертации на степень доктора наук по механике и ракетодинамике.

Многие из моих учеников оказались серьезными, глубокими и оригинальными исследователями, способными ставить и решать актуальные проблемы современной механики. В какой-то мере научные успехи моих воспитанников оправдывают и мое пребывание на планете Земля.

В 1949 году был удостоен Правительственной премии за теоретические работы по ракетодинамике. В феврале 1953 года за выполнение специального задания Правительства был удостоен Государственной премии второй степени. В 1956 и 1957 гг. за выполнение специальных заданий Правительства награжден орденами Ленина. В 1961 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мною опубликовано более 120 научных работ и учебников по аэромеханике, механике тел нерешенной массы, динамике аэропланов, ракетодинамике, истории науки, вопросам преподавания в высшей школе и проблемам научно-технического творчества.

В 1925 году вступил в ряды Ленинского комсомола. Был членом Волостного комитета комсомола в с. Пестяки (Ивановская область). В Университете ряд лет работал студенческим представителем в деканате и занимался организацией производственной практики для студентов механиков. Работал пропагандистом в комсомольских группах Университета, а также на заводах № 1, Динамо и др. В 1939 г. парторганизацией Москов-

ского университета был принят в кандидаты, а в октябре 1940 г. принят в члены ВКП(б). С 1943 г. по 1948 г. был членом партийного комитета Московского университета (три состава). В 1944 г. принимал активное участие в организации научного студенческого общества в Университете и был председателем этого общества в первые два года его существования.

В 1939 г. был избран депутатом Московского городского совета. В 1947 и 1950 гг. избирался второй и третий раз. В 1946 г. сессией Верховного Совета СССР был избран народным заседателем Верховного Суда СССР. С 1945 г. по 1948 г. состоял членом пленума Краснопресненского райкома ВКП(б).

В январе – феврале 1945 г. был членом Советской делегации на мировой профсоюзной конференции в Лондоне (Англия), положившей начало Всемирной Федерации профсоюзов. Тогда же я ознакомился с постановкой университетского образования в английских университетах (Кембридж, Оксфорд, Лондон).

В мае 1947 г. был назначен начальником научно-технического отдела Комитета № 2 при Совете Министров СССР, где работал до 15 сентября 1949 г., т.е. до ликвидации Комитета. 15 сентября 1949 г. приказом Министра вооруженных сил СССР № 01428 призван в кадры Советской Армии и назначен заместителем начальника 4-го управления Министерства вооруженных сил СССР по научно-технической части. 21 ноября 1949 г. приказом № 01783 мне было присвоено воинское звание инженер-полковника ВВС.

В ноябре 1949 г. был избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук и членом бюро 4-го отделения этой Академии.

В августе 1950 г. был назначен заместителем председателя Научно-технического совета при Специальном Комитете Совета Министров СССР. В феврале 1951 г. был переведен в Третье главное управление при Совете Министров СССР на должность заместителя председателя Научно-технического совета и члена коллегии ТГУ. С IV.1955 г. по IV.1958 г. был членом Специального Комитета Совета Министров СССР.

С 1958 г. по январь 1973 г. работал заместителем председателя Научно-технического совета Комиссии Президиума Совета Министров СССР. В январе 1973 г. переведен на работу в Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР, где и работаю старшим научным сотрудником сектора истории авиации и космонавтики. Приказом по Министерству обороны я оставлен в кадрах Советской Армии. Постановлением Совета Министров СССР от 29 апреля 1970 г. № 925 мне присвоено воинское звание генерал-майора инженерно-технической службы.

В течение девятнадцати лет являюсь членом Комиссии по рассмотрению работ, представляемых на соискание Ленинских (ранее Сталинских) и Государственных премий. С 1959 года являюсь членом Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР по физико-математическим наукам. Член национальных комитетов по механике и истории естествознания и техники. В августе 1971 г. избран членом-корреспондентом Международной академии по истории науки.

Публикуется по: А.А. Космодемьянский. Автобиография. 23 февраля 1974 г., (архивный документ).

1975–1986 гг.

Институт истории
естествознания и техники

1975 год

АЛЛАХВЕРДЯН
Александр Георгиевич

В 1975 году, по целевому направлению Армянской академии наук, я поступил в очную аспирантуру ИИЕТ АН СССР. Моим научным руководителем был М.Г. Ярошевский, руководитель сектора психологических проблем научного творчества, доктор психологических наук, профессор, почетный академик Академии педагогических наук СССР (ныне – Российская академия образования). М.Г. Ярошевский внес большой вклад в развитие отечественной психологии, прежде всего, в области истории, теории и методологии психологической науки.

В секторе психологических проблем научного творчества разрабатывался ряд научных направлений, из которых наиболее мне близким оказалось направление «Социальная психология науки», в рамках которого мною за-

щищена диссертация на степень кандидата психологических наук «Стиль руководства как детерминанта деятельности малой научной группы» (МГУ им. М.В. Ломоносова) по специальности «социальная психология» (19.00.05).

Благодаря тесным научным контактам М.Г. Ярошевского и Г.М. Андреевой (профессора, заведующей кафедрой социальной психологии МГУ), ряд выпускников университета (Е.А. Володарская, М.А. Иванов, Е.Н. Емельянов, Г.Ю. Мошкова, И.Е. Сироткина, А.В. Юревич) составили «молодежное ядро» сектора психологических проблем научного творчества, а со временем и его кадровое большинство. Результаты социально-психологических исследований сотрудников сектора нашли отражение в ряде монографий, в частности: «Проблемы руководства научным коллективом. Под ред. М.Г. Ярошевского» (1982), П.Г. Белкин, Е.Н. Емельянов, М.А. Иванов «Социальная психология научного коллектива» (1987), А.Г. Аллахвердян, Г.Ю. Мошкова, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский «Психология науки» (1998) и др.

С середины 1960-х годов в ИИЕТ, наряду с историей науки и историей техники, начало развиваться новое направление исследований – науковедение как комплексное направление исследований социальных проблем науки. В разные годы весомый вклад в развитие науковедения внесли такие сотрудники института как И.В. Блауберг, Б.Г. Юдин, В.П. Карцев, В.Ж. Келле, Е.З. Мирская, С.Г. Кара-Мурза, В.И. Масленников, А.В. Юревич и др.

Важно отметить изначально неоднозначное отношение историков науки и техники к формированию науковедения, объектом которого является не прошлое, а настоящее науки, то, что обозначается термином «современная наука». Примечательно, что инициаторами этого нового направления исследований в Советской России были не социологи, не психологи, а историки науки (С.Р. Микулинский, Н.И. Родный. Наука как предмет специального исследования (к формированию «науки о науке» – науковедения) // Вопросы философии (1966). Она стала определенным вектором развития науковедческих исследований в Советской России (в те же годы в Советской Украине инициаторами развития науковедения стали специалисты в области экономики науки, лидером которых являлся Г.М. Добров). Первоначально отношение историков науки к науковедению как к «чужеродному» направлению исследований в ИИЕТ, на мой взгляд, носило не столько эмоционально-психологический, сколько предметно-корпоративный характер, объяснимый по ряду причин: 1) с момента основания института его научные сотрудники традиционно занимались, как правило, историко-научными и историко-техническими исследованиями, непосредственно не связанными с проблематикой «современной науки»; 2) «непонимание друг друга» основывалось на том, что историки науки и науковеды в своей научной деятельности исходили из разных теоретических конструкций и методов исследований: история науки изучает эволюцию и структуру научного знания, теории, методы, гипотезы исследования, а науковедение изучает социальные параметры современной науки (кадровый состав, финансирование, публикационная активность, материально-техническая база науки и т.д.); 3) в те годы за науковедением, как новым междисциплинарным направлением исследований, просматривался некий, я бы сказал, «экспансионистский настрой» по отношению к другим дисциплинам, изучающим науку. В частности, это выражалось в настойчи-

вых попытках некоторых науковедов включить в состав науковедения все дисциплины, объектом исследования которых была наука, включая и историю науки. Этот вопрос стал предметом активных методологических дискуссий в 1960–1970-х гг., в которых активное участие принимала и Е.З. Мирская: «Когда-то по этому вопросу была прямо-таки битва. С.Р. Микулинский настаивал на том, что науковедение – некая высшая целостность, а всё остальное – его подчиненные части: социология науки, психология науки и даже история науки. Эта точка зрения не могла стать всеобщей» – отмечала Е.З. Мирская (Н.Л. Гиндилис, 2011). Все эти причины, взятые в совокупности, негативно сказывались на первоначальных отношениях историков науки и науковедов. Однако на более поздних этапах развития ИИЕТ взаимоотношения историков науки и науковедов претерпели эволюцию и трансформировались в более конструктивные отношения как в предметно-когнитивном, так в социально-организационном аспектах.

В советские годы, «в партийных верхах» порою критиковали ИИЕТ за абстрактно-теоретический характер историко-научных исследований, не имеющих непосредственного практического значения. Со стороны науковедчески ориентированных исследователей явно прослеживалась тенденция ввести в исследования науки количественные показатели, с помощью которых можно было бы объективизировать информацию о научно-техническом развитии. Получила развитие наукометрия, занимающаяся поиском измеримых показателей развития науки и созданием методов их корректного измерения с последующей интерпретацией результатов. С.Р. Микулинский хорошо «чувствовал» веяние нового времени и осознавал потенциальную прикладную значимость науковедения. Благодаря позиции С.Р. Микулинского положение науковедов в ИИЕТ существенно упрочилось после формирования в 1970-х гг. отдела науковедения, состоявшего из самостоятельных секторов по психологии науки, социологии науки, системным исследованиям науки, насчитывающего порядка четырех десятков научных сотрудников. Добившись от Президиума АН СССР разрешения на формирование отдела науковедения, С.Р. Микулинский сам и возглавил его, всячески способствуя сближению позиций и взаимодействию историков науки и науковедов. Это выразилось, в частности, в создании уникальной, на мой взгляд, серии монографий под рубрикой «Науковедение: проблемы и исследования» (период 1968–1977 гг.), авторами которых стали не только науковеды, но и многие историки науки. В этой серии вышли, в частности, следующие работы: «Организация научной деятельности» (1968), «Очерки истории и теории развития науки» (1969), «Научное творчество» (1969), «Научное открытие и его восприятие» (1971), «Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах» (1972), «Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки, 1917–1922» (1973), «Социально-психологические проблемы науки» (1973), «Человек науки» (1974), «Социологические проблемы науки» (1974), «Школы в науке» (1977). И после ухода С.Р. Микулинского из ИИЕТ в перестроечные годы взаимоотношения историков науки и науковедов оставались стабильно доверительными. Настолько, что историки науки, доверились науковедам в управлении институтом (Орлу В.М.), Санкт-Петербургским филиалом (Ащеуловой Н.А.) в непростые годы постсоветского кризисного периода.

О важности связи науковедения и истории науки, в своих работах С.Р. Микулинский отмечал неоднократно, в частности, в обобщающей коллективной монографии «Основы науковедения». Из всех наук, – отмечал С.Р. Микулинский, – наиболее близка по своему предмету и целям к науковедению история науки, но она не может быть всецело отнесена к науковедению как комплексному направлению исследований науки, хотя бы уже потому, что история науки, прежде всего, должна отразить, и на самом деле отражает, развитие предметного содержания конкретных наук, эволюцию научных идей, теорий, методик и т.п., что выходит далеко за рамки предмета и задач науковедения. «В сущности, как бы далеко ни простирались прагматические цели истории науки, – отмечал С.Р. Микулинский, – все ее исследования главным образом отвечают на вопросы, что и как было достигнуто. Науковедение же должно отвечать на вопрос, *что есть и как должно быть*» (1985). Это высказывание С.Р. Микулинского, по существу, свидетельствует о пересмотре его собственной позиции (1966) включения истории науки в состав науковедения как комплексного направления исследования науки. И хотя наука является для историков науки и науковедов общим исследовательским объектом, тем не менее, между ними есть вполне определенные различия в теоретических подходах и эмпирических методах изучения этого объекта.

В постсоветской России определенный спад в организации и уровне науковедческих исследований во многом был связан, – отмечала Е.З. Мирская, – с отсутствием «лидера, которым был С.Р. Микулинский. Он был не только лидером направления, но и директором, который мог это направление поддерживать, а это очень важно.., все держалось на энтузиазме С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского» (Н.Л. Гиндилис, 2011).

В 1998 г., в связи с болезнью и необходимостью получения адекватной и стабильной медицинской помощи, М.Г. Ярошевский был вынужден переехать в США на постоянное место жительства. Сектор возглавил А.В. Юревич, на базе сектора позднее был создан Центр науковедения, куда вошли и некоторые исследователи из других подразделений ИИЕТ. С 2004 г., в связи с переходом А.В. Юревича на работу в Институт психологии РАН, ряд сотрудников Центра науковедения покинули институт. На высвободившиеся науковедческие ставки были приняты научные сотрудники, пополнившие состав историко-научных отделов. В период с 2004 по сентябрь 2021 гг. Центр науковедения, возглавляемый А.Г. Аллахвердяном, был преобразован в Центр истории организации науки и науковедения (ЦИОНН), дополнительным исследовательским объектом которого стала социально-историческая проблематика советской науки.

В настоящее время в ЦИОНН работает всего 5 научных сотрудников (для сравнения: в 1970-х годах в отделе науковедения работало около 40 научных сотрудников). Такое положение в ЦИОНН и других подразделениях института сложилось ввиду, в том числе, порочной кадровой политики бывшего директора ИИЕТ Д.Ю. Щербинина. Кадровый дефицит, прежде всего, молодых исследователей, является основным барьером на пути развертывания актуальных науковедческих исследований. В то же время науковедение было и остается, согласно уставу института, одним из основных направлений исследований в ИИЕТ.

1975 год

ИЛИЗАРОВ
Симон Семенович

В конце 1974 г. после возвращения из армии я ждал места научного сотрудника сектора археологии ВНИИ документоведения и архивного дела, в котором работал после получения диплома историка-архивиста. В это время в ИИЕТ, о котором я ранее практически ничего не знал, образовалась вакансия заведующего Научным архивом. Александр Авраамиевич Кузин – старший научный сотрудник ИИЕТ, одновременно заведовавший кафедрой научно-технических и кинофотофоноархивов Московского государственного историко-архивного института, предложил это место своей сотруднице – тогдашней моей жене. Возможность научной работы ее не привлекала. В январе 1975 г. А.А. Кузин ввел меня в ИИЕТ, который я уже никогда не покидал.

В Институте первым, с кем пришлось познакомиться, был заведующий сектором истории Современной НТР Семен Викторович Шухардин (1917–1980) – человек яркий и самобытный, признанный лидер историков техники. В тот же день он познакомил меня с Ученым секретарем Владимиром Акимовичем Волковым (1936–2012) и затем представил директору Института Семену Романовичу Микулинскому (1919–1991).

Я оказался зачислен старшим научно-техническим сотрудником сектора истории СНТР с исполнением обязанностей заведующего Научным архивом института. Примерно через месяц из Президиума АН СССР за подписью вице-президента П.Н. Федосеева пришло разрешение на мое оформление и.о. м.н.с.

Архивная служба, признаться, не очень занимала, но зато архив, который находился отдельно от института в цокольном помещении жилого дома на Маросейке, давал определенную свободу. Это позволяло уделять часть времени на подготовку диссертации по русской историографии XVIII в., как тогда казалось, совершенно далекой от тематики ИИЕТ. К тому же архив располагался в пяти минутах от Публичной исторической библиотеки. С другой стороны, документы, сосредоточенные в архиве, открыли возможность прикоснуться к истории института. Тогда там хранились текущая делопроизводственная документация, фонды ИИЕ, КИТ ОТН АН СССР, Комиссии по истории химии и др. Так в поле моего зрения попал фонд С.Л. Соболя, в котором, кстати говоря, я впервые прикоснулся к автографу «врага народа» Н.И. Бухарина. В макулатурных бухгалтерских документах встретилось письмо дочери Х.И. Гарбера – философа и историка техники, сотрудника ИИНТ, убитого в 1937 г. Пока я пребывал в архиве, удалось пополнить его разной степени полноты фондами историков науки Г.В. Быкова, И.Н. Веселовского, Н.А. Фигуровского, Я.М. Дорфмана, частично Л.Е. Майстрова и др. Этот опыт первоначального знакомства с внутренней/документальной историей ИИЕТ оказался чрезвычайно полезен и важен; именно это позволило мне перейти к изучению историографических сюжетов. Конечно, приход в ИИЕТ оказался сопряжен с довольно сложным периодом адаптации, с поиском своего места. Каких-либо наставников, советчиков в поиске индивидуальных исследовательских тем не было, и до прихода в институт я ни с кем не был знаком, если не считать нескольких случайных встреч с Б.А. Старостиным в доме у одного моего родственника. Как оказалось, историко-архивное образование достаточно универсальное, и, при желании, приобретенные в Историко-архивном институте знания могли найти применение в разных сферах и областях деятельности.

Присутствие в архиве чередовалось с необходимостью регулярно бывать в секторе, то есть в основном здании в Старопанском переулке. Помнится, что, когда готовился первый том «Техника в ее историческом развитии», С.В. Шухардин дал мне на вычитку верстку. Среди нескольких неточностей я заметил грубую смысловую ошибку про историю техники в Римской империи с III в. до новой эры. С.В. Шухардин был доброжелательным человеком в принципе и ко мне относился так же. Впрочем, моя первая попытка включиться в научную деятельность института потерпела неудачу. Готовилась последняя большая науковедческая конференция

«Роль дискуссий в развитии естествознания». Мне эта тема была близка, поскольку я внимательно изучал материалы и обстоятельства первых в русской исторической науке весьма острых дискуссий между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым (1749–1750) и – М.М. Щербатовым и И.Н. Болтиным (1789–1794). Отчетливо помню, как по мере чтения подготовленного мною текста – заявки на эту конференцию, лицо Шухардина все более мрачнело, и потом прозвучавшая фраза «Я думаю, что наши ломоносоведы вас не поймут...» навсегда закрыла путь этой работы к печатному станку. Правда, моя первая публикация в ИИЕТ в «Вопросах истории естествознания и техники» (тогда это был продолжающийся сборник) прошла относительно легко. Статья называлась «Вопросы топонимики в трудах В.Н. Татищева», как я потом узнал, она была поддержана зав. сектором истории геолого-географических наук И.А. Федосеевым, но все равно посылалась на внешнее рецензирование к крупнейшему топонимоведу Э.М. Мурзаеву. Не обошлось без характерных цензурных идиотизмов. Запрещено было давать перевод имени Анна с указанием, что, как считал Татищев, на древнееврейском это означает «Благодать» (так им была названа в честь правящей русской императрицы гора с богатейшими запасами магнитного железняка), а также упоминание этнонима «татары» – общего в XVIII в. наименования сибирских аборигенов.

Среди внутриИИЕТовских каналов коммуникаций немалое значение имела лестничная площадка, на которой собирались курильщики. Именно там состоялось мое знакомство со многими сотрудниками, например, с бывшим в 1956–1962 гг. директором института Н.А. Фигуровским. У него дома, как я потом увидел, на каждой полке его книжных стеллажей лежала пачка сигарет «Опал». Общаться с Николаем Александровичем было легко, несмотря на разницу в возрасте, положении, физиологии; он был физически крупным (заглазно коллеги его звали «Фигура»), высоким, и говорить с ним мне приходилось задирая голову, да к тому времени он уже был глуховат. На мое предложение о передаче своих бумаг в архив Института Н.А. Фигуровский с легкостью согласился. В связи с перевозкой бумаг в Архив я несколько раз бывал у него дома. Эти встречи были весьма поучительны, а кроме того за умеренную сумму он мне уступил несколько чрезвычайно ценных для меня книг В.П. Зубова, Т.И. Райнова и др. После смерти, произошедшей в 1986 г., я посещал его дочь – Елену Николаевну, которая передала для публикации рукопись мемуаров своего отца, к сожалению, неполную. Этот чрезвычайно интересный и ценный исторический источник мне удалось издать в 2009 г.

Среди значимых событий, повлиявших на возможность включения в научные работы института, явилось открытие в 1977 г. тематики, связанной с изучением памятников науки и техники. Если не ошибаюсь, мои публикации о формировании в России начиная с XVIII в. музеев истории науки и техники, об опытах в этой области С.Л. Соболя, о Музее, собранном при ИИИТ и т.д. были первыми. В 1979 г. в Звенигороде прошла заметная научная конференция «Охрана памятников науки и техники». В том же году решением РИСО АН СССР был учрежден ежегодник «Памятники науки и техники» и утверждена его редколлегия, в которую я был включен как ученый секретарь. Также по инициативе руководства ин-

ститута я оказался подключен к подготовке брошюры об ИИЕТ к очередному Международному конгрессу. Мне была дана определенная самостоятельность, при том, что вся работа проводилась под руководством И.А. Федосеева. Примерно половину книги занимала библиография трудов сотрудников ИИЕТ, которую готовила О.А. Лежнева. В результате в 1981 г. была издана первая полноформатная справочная книга об институте, впоследствии несколько раз выходявшая со значительными дополнениями и изменениями.

Защита в 1981 г. в академическом Институте истории СССР кандидатской диссертации позволила в большей степени погружаться в проблематику ИИЕТ, хотя освобождение от отягощавшей зав. архивной обязанности далось не сразу и с трудом. Как-то в связи с моей жалобой на трудности совмещения и проч. С.Р. Микулинский ответил, что если я смогу при необходимости найти в архиве оперативно тот или иной документ, то все остальное не важно, и это его ответственность. Вскоре состоялась моя первая зарубежная командировка. Очевидно, что тогдашнее руководство присматривалось ко мне. Несколько раз мне пришлось на время отпуска Ученого секретаря исполнять его обязанности, что мне совсем не показалось заманчивым. Примерно в 1984 г. на предложение директора стать Ученым секретарем ИИЕТ я, не сознавая резкости, ответил, что я не смогу заменить уходящего с этой должности человека.

Трудными выдались годы середины 1980-х. Было очевидно, что творилась грандиозная несправедливость в отношении С.Р. Микулинского. По прошествии многих лет мне до сих пор не хватает точных слов, которыми можно адекватно охарактеризовать С.Р. Микулинского как руководителя. Зная историю ИИЕТ от начала и до сего дня, совершенно очевидно, что он был наилучший среди всех директоров и как научный лидер, и как выдающийся организатор, видевший широчайшие горизонты развития истории науки и возглавляемого им института. Именно он, сначала как заместитель Б.М. Кедрова, а затем с 1974 г. как директор инициировал новые направления и, соответственно, создание новых структурных подразделений: сектора – общей истории естествознания и методологии историко-научных исследований, проблем научного творчества, социологии науки, истории и теории организации научной деятельности и др.; на завершающем этапе он создал структуру по изучению проблем историографии и источниковедения истории науки и техники. С.Р. Микулинский основал журнал «Вопросы истории естествознания и техники», нашел, наверное, единственно верное решение разработки всеобщей истории науки в виде «Библиотеки всемирной истории естествознания» и т.д. и т.п. Мы до сих пор, но в усеченном виде, проживаем тот потенциал, который был заложен в ту эпоху. Но работать с ним, как отмечают практически все, было не просто. Возможно, причиной этому был темперамент, усиленный тягчайшими испытаниями, выпавшими на его долю. Допустимо предположить, что его опыт и знания, его интеллект и прочие качества, опережавшие порог восприятия большинства сотрудников, выливались в обоюдное раздражение. При этом сам С.Р. Микулинский мог слышать собеседника. Из моего опыта: где-то в 1982 г. приведший меня в ИИЕТ А.А. Кузин создал каким-то образом странную ситуацию, грозившую мне увольнени-

ем из Института. Я сам чувствовал что-то неладное, но благодаря помощи тогдашнего Ученого секретаря Ю.А. Зиневича, обрисовавшего ситуацию и подсказавшего удобный момент, пришел к директору и с ним объяснился, и он услышал.

С.Р. Микулинский, понимая, что ИИЕТ для него утрачен, пытался в последний момент оставить за собой журнал. Он находился на излечении в академической ЦКБ на ул. Фотиевой. Я был туда приглашен, и прямо в палате его супруга Нина Витальевна под диктовку напечатала на портативной машинке письмо к П.Н. Федосееву с просьбой о назначении меня Ученым секретарем редколлегии журнала. У меня не хватило мужества отказать уважаемому, оскорбленному и нездоровому человеку, но невыразимое чувство обреченности приводило не просто в душевное смятение, а вызывало неизбывную тоску. Мысль о том, что придется покинуть Институт, была невыносима. Вскоре ситуация разрешилась. Журнал остался при Институте, а вот археографическая серия «Научное наследство» вместе с С.Р. Микулинским перешла в Архив Академии наук. И это жаль, поскольку серия была рождена в Институте еще усилиями академика В.Л. Комарова и Т.И. Райнова.

Одна из причин личной трагедии С.Р. Микулинского и, соответственно губительных последствий для ИИЕТ – порочная система несменяемости руководителей. Максимально два четырех–пяти летних срока на административных постах – единственное (но не на 100% результативное) средство преодоления застоев и кризисов.

Я думаю, что и тогда, и даже сейчас никто не осознал степени катастрофы, постигшей отечественную историю науки. Решающий удар по проекту «Институт истории естествознания и техники» был нанесен В.С. Степиным, который увел за собой в Институт философии значительную интеллектуальную часть ИИЕТ.

В середине 1993 г. после затяжного управленческого кризиса Институт возглавил В.М. Орел, и его усилиями наступила определенная стабилизация. В этот период мне с коллегами удалось реализовать несколько значительных проектов: «Москва в истории науки и техники», «Устная история науки», «Архив истории науки и техники», «Отдел науки ЦК ВКП(б) / КПСС» и др., которые вылились в многочисленные публикации. По инициативе В.М. Орла был открыт Диссертационный совет по специальности «История науки и техники» (на исторические науки). Удалось открыть и переоткрыть несколько серийных изданий, участвовать в масштабных юбилейных проектах к 275-летию РАН, 300-летию Г.Ф. Миллера, 300-летию М.В. Ломоносова, 850-летию Москвы, причем с руководством города тогда наладились творческие отношения, которые позволили многие работы выполнять и публиковать без привлечения бюджетных средств Института. Несмотря на тяжелейшие финансовые ограничения, в годы директорства В.М. Орла шел приток в аспирантуру, и даже в первый и последний раз в истории ИИЕТ привлекались студенты в качестве стажеров-исследователей с выплатой им заработной платы. Умиротворение и творческая свобода в ИИЕТ позволяла мне, начиная с 1993 г., преподавать в РГГУ и на протяжении ряда лет руководить кафедрой истории науки, научно-технических и аудиовизуальных архивов. Со-

бытия этого периода подробнее мною изложены в сборнике, посвященном памяти В.М. Орла (М., 2016).

Я здесь сознательно не пишу о своих замечательных коллегам по ИИЕТ. Все они, как старшего поколения, так и современники, были и остаются, в абсолютном большинстве, моими близкими друзьями. Благодаря им и особенности ИИЕТ как небывалого места для жизни и творчества, я без труда преодолевал довольно многочисленные искушения перехода в другие учреждения.

1975 год

КЕЛЛЕ
Владислав Жанович

Возникновение каждого нового научного направления представляет собой событие, мимо которого история науки пройти не может. Таким событием явилось формирование в СССР в 1960–70-е гг. социологии науки на стыке науковедения и социологии. Я был свидетелем и непосредственным участником этого процесса, и, хотя он с большими или меньшими подробностями описывался в нашей литературе, мне бы хотелось представить читателю свое видение этой темы и вспомнить людей, чей труд помог новому направлению встать на ноги.

В 1920-е гг. социальные аспекты развития науки привлекали к себе внимание философов, экономистов, историков науки и даже естествоиспытателей. Проблемы влияния общества на науку (например, известный доклад

Б.М. Гессена о социальных корнях ньютоновской механики на Лондонской конференции по истории науки) и науки на общество (например, работы С.Г. Струмилина об экономической эффективности образования и науки) были предметом конкретных исследований и обсуждений, освещались в журналах и книгах. В период сталинизма это направление, как и многие другие, было задушено, журналы закрыты, дискуссии прекращены. С корнем вырывалось все, что было связано с конкретными эмпирическими исследованиями советской действительности, ибо их результаты могли вступить в противоречие с теми идеологическими штампами, которые предписывалось воспринимать как выражение реальности. Методологические положения марксизма в отношении науки как социального явления воспроизводились в философской литературе, но вне связи с конкретными исследованиями они превращались в идеологические заклинания. Философия социальным анализом науки не занималась, ограничиваясь общими гносеологическими проблемами, критикой идеализма и защитой материалистической теории познания.

Эта ситуация оставалась неизменной почти четверть века – до второй половины 50-х гг.

Критика сталинизма и хрущевская оттепель привели в движение общественные науки. Они стали постепенно выходить из прежнего замороженного состояния. Росло и новое поколение, не знавшее сталинского террора, имевшее большие возможности для получения хорошего образования, знакомства с западной, в том числе социологической, литературой. Появились первые социологические исследования. В Институте философии АН СССР был создан социологический сектор, – правда, сперва под кодовым названием «Сектор новых форм труда и быта». Были легализованы сами термины «социология», «социальная психология». Их перестали однозначно связывать лишь с «буржуазной общественной наукой». Сфера допустимого в рамках официальной идеологии значительно расширилась, но тяжелая доля по-прежнему доставалась тем, кто позволял себе выходить за эти рамки. Еретиков не лишали жизни, как при Сталине, но ломали ее основательно. За «идеологической чистотой» следили не только те, кому это было положено по должности, но и бдительные борцы за марксизм из среды преподавателей и научных сотрудников, которые «ставили в известность» руководство о допущенных кем-то «отклонениях» и требовали принятия к виновникам строгих мер. Этот слой людей был социальной опорой догматизма и застоя. Всякое продвижение вперед в общественных науках, особенно в областях, близких к политике и идеологии, было трудным и требовало подчас гражданского мужества. Без учета этих обстоятельств нельзя понять, почему так много препятствий было нагромождено на пути развития социологии в нашей стране, так медленно и болезненно происходила ее институционализация, на два десятилетия задержано развитие социологического образования. Социологию в стране возрождали специалисты, пришедшие в нее из других областей знания, – историки, экономисты, философы, правоведаы, математики, инженеры. Нам повезло в том отношении, что интерес к конкретной социологии привлек талантливых людей, ставших научными лидерами формировавшегося социологического научного сообщества. При этом им пришлось преодолевать сопротивление догматически настроенных руководителей, стояв-

ших у руля общественных наук и стремившихся подчинить себе также и нарождающуюся область знания, и первоначально создававших ее имидж на всемирных социологических конгрессах, в которых советские делегации начали участвовать с 1956 г.

Романтическим периодом советской социологии была вторая половина 60-х гг., когда в стране уже проводились, иногда на хорошем профессиональном уровне, конкретные социологические исследования. Появились социологические лаборатории, подразделения, группы. На рубеже 60–70-х гг. в Москве был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР, а в Ленинграде – Институт комплексных социальных исследований. Развернула свою работу Советская социологическая ассоциация (ССА). Начал выходить журнал «Социологические исследования». Устанавливались международные научные связи. Социологи были полны энтузиазма и надежд на будущее. Признанными центрами социологии в стране стали Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск. Но власти, вынужденно отпуская вожжи, продолжали с подозрением относиться к социологии, ибо она не насаждалась сверху, что было привычно, а развивалась по инициативе снизу и потому таила в себе угрозу стать идеологически неконтролируемым средством осмысления реальности, т.к. у начальства не было полной ясности в отношении ее идейно-теоретических оснований. Однако, как говорится, «процесс пошел», и остановить его было уже невозможно.

С развитием социологии пробуждался интерес к социальным исследованиям науки, анализу взаимоотношений науки и общества, науки и производства. Побудительным мотивом здесь в первую очередь были потребности времени, возрастающая роль науки в развитии производительных сил, научно-техническая революция, значение которой для признанной тогда коммунистической перспективы советского общества нужно было всесторонне обосновать. В Советской России научная деятельность была престижным занятием. Это определялось не только практическими нуждами обороны и народного хозяйства, но и идеологией, согласно которой новое общество создается на научной основе. Поэтому можно было полагать, что социальные исследования науки не встретят серьезного сопротивления.

Что касается их идейных предпосылок, то здесь дело обстояло сложнее. Отечественные исследования в этой области были почти на 30 лет прерваны, а то, что делалось в 20-е гг. в России, было малодоступно, ибо почти вся литература этих лет оставалась закрытой. Поэтому влияние отечественной традиции было в общем несильным. Социология науки, развивавшаяся в рамках структурно-функциональной парадигмы Г. Парсонса и Р. Мертона, служила преимущественно объектом критики, хотя, конечно, работы основателей этой школы изучались и определенное влияние оказывали. Но и на Западе тогда конкретные социологические исследования науки еще только начинались. В фундаментальной работе Г. Беккера и А. Боскова социология науки лишь упоминается, а в сборнике «Социология сегодня», хотя и есть специальная глава о социологии науки, но ее автор Б. Барбер пишет, что это направление находится в состоянии застоя.

На этом фоне отчетливо выделились те импульсы к развитию исследования науки в СССР, которые исходили от Дж. Бернала и Д. Прайса.

Дж. Бернал в 1939 г. издал книгу «Социальная функция науки», фактически положившую начало формированию на Западе направления, названного «наука о науке». В 1966 г. появился русский перевод сборника «Наука о науке», посвященного 25-летию юбилею этой книги, включавший статьи ряда видных ученых, в том числе самого Дж. Бернала, П.Л. Капицы, Дж. Нидама, Д. Прайса и др. Этот сборник сыграл значительную роль в стимулировании социальных исследований науки. Он показал советским читателям, какое важное значение ряд выдающихся ученых нашего времени придают такого рода исследованиям. Привлекла внимание также идея Прайса о развитии науки как естественном процессе, подчиняющемся количественным закономерностям и изучаемом естественнонаучными методами.

В том же 1966 г. состоялся советско-польский симпозиум по проблемам комплексного изучения развития науки, на котором развернулась оживленная дискуссия о существовании и названии этого нового направления. Из многих возможных вариантов – наука о науке, наукология, наукознание, науковедение – был принят именно последний. Симпозиум собрал большие научные силы. В нем приняли участие Б.М. Кедров, С.Р. Микулинский, П.В. Копнин, Г.М. Добров, А.А. Зворыкин, М.Г. Ярошевский, Н.И. Родный, М.М. Карпов, Г.А. Лахтин и др. Польскую сторону представляли И. Малецкий, Е. Ольшевский, Б. Валентинович, Я. Качмарек и др. Сотрудничество с польскими учеными помогло определиться новому направлению исследований в нашей стране и в этом смысле было весьма плодотворным. В Польше, в отличие от России, социальное исследование науки уже институционализировалось как особое научное направление под названием наукознания. Здесь оно опиралось на достаточно давнюю традицию, идущую еще от Ф. Знанецкого и М. и С. Оссовских. И в дальнейшем сотрудничество с польскими науковедами и историками науки было довольно интенсивным – вплоть до конца 80-х гг., когда связи были прерваны, да и ушли многие из старшего поколения, кто их поддерживал.

Не в последнюю очередь предпочтение, отданное термину «науковедение», объясняется тем, что он уже встречался в российской научной литературе 20-х гг. Автор этого термина М.А. Боричевский писал: «Теоретик науки должен прежде всего отмежеваться от двусмысленной терминологии ходячей школьной «науки». Он поступит правильно, если изберет для своей науки особое название. Самым подходящим, как нам кажется, было бы такое: теория науки или науковедение». Представляет интерес и высказывание М.А. Боричевского по вопросу о том, что собою, по его мнению, должна представлять теория науки: «С одной стороны, это – изучение внутренней природы науки, общая теория научного познания. С другой, это – исследование общественного назначения науки, ее отношение к другим видам общественного творчества, то, что можно было бы назвать социологией».

Таким образом, М.А. Боричевский рассматривал науковедение как единую и целостную науку.

Для участников симпозиума было очевидно, что такой единой теории науки пока не существует. Вопрос заключался в том, как определить границы науковедения, его современное состояние и перспективы. По первым двум вопросам выявились такие основные позиции. С.Р. Микулин-

ский и Н.И. Родный считали, что науковедение представляет собой комплексную науку о взаимодействии различных аспектов изучаемого предмета и синтезирующую знания о нем. П.В. Копнин вообще отрицал возможность существования такой комплексной науки. Для него науковедение – просто совокупность знаний о науке из различных изучающих ее дисциплин. Г.М. Добров связывал науковедение с разработкой информационного подхода к науке. В дальнейшем он несколько изменил свою позицию и стал рассматривать науковедение как объединяющее название для комплекса дисциплин. Сформулированная Боричевским задача создания единой теории науки в новых условиях фактически определилась как сверхзадача, хотя и была выражена наивно-оптимистическая надежда на достаточно быстрое ее решение.

На симпозиуме и в дальнейшем обсуждении выдвигались различные варианты построения теории науки. Многие полагали, что она должна быть философской и строиться на основе теории познания. П.В. Копнин в качестве основы единой теории науки предлагал использовать логику науки, Б.М. Кедров – историю науки, С.Р. Микулинский – сумму науковедческих дисциплин, И.А. Майзель – социологию науки, Г.М. Добров выделял «общее науковедение» как теорию науки. Словом, вопрос так и не был решен, остались различные точки зрения. Сейчас все эти споры выглядят, может быть, несколько схоластическими, ибо разные трактовки самого науковедения выделили лишь различные аспекты изучения науки. Науковедение как единая теория науки и как комплексная наука не состоялось. Но я все-таки думаю, что дискуссии сыграли определенную роль в осмыслении круга проблем, возникающих в рамках социально-когнитивного анализа науки.

Непосредственно же от науковедческих дисциплин ожидали рекомендаций для совершенствования форм организации, планирования научной деятельности, повышения ее эффективности, – т.е. решения практических задач.

В итоговых документах симпозиума была развернута широкая программа развития науковедения в нашей стране не только в плане выявления актуальных проблем для исследования, но и в организационном. В частности, были поставлены вопросы о создании реферативного журнала и переводе иностранной литературы по науковедению, подготовке кадров, развитии международного сотрудничества и т.п.

Я выступал на этом симпозиуме с сообщением о предмете социологии науки. К сожалению, материалы симпозиума изданы не были, но сохранились тезисы, и по ним можно воспроизвести содержание выступления. Я констатировал, сославшись на авторитетное высказывание Н. Каплана, что на Западе еще «не существует разработанной и приемлемой концепции, которая определила бы границы социологии науки и главные объекты ее изучения». Сам Н. Каплан выделяет четыре группы вопросов, которыми фактически занимаются социологи, исследующие науку: природа науки, природа ученых, организация науки, взаимоотношения науки и общества. В советской литературе этот вопрос также не получил еще должной разработки, хотя о месте и роли науки в обществе, о ее взаимоотношении с различными общественными явлениями написано немало. Из этого сопоставления видно, что оформление социологии науки в качестве са-

мостоятельной дисциплины на Западе и у нас происходило практически в одном временном интервале, но в первом случае – в рамках социологии, в другом – на стыке социологии и науковедения. Относительно предмета социологии науки в моих тезисах говорится: «Исследование специфики науки как социального института, ее социальных функций, взаимодействия науки и общества, их взаимного влияния является предметом социологического исследования науки. Но социологическая проблематика изучения науки этим не исчерпывается... Изучение системы отношений в науке, которые складываются между людьми в процессе их научной деятельности от зарождения научной идеи до ее внедрения в практику, теоретический анализ форм организации научной деятельности также относится к социологическим проблемам науки». И, наконец, существует круг проблем, связанных с «местом человека в системе отношений, которые складываются в науке, и местом и ролью ученого в обществе». Так представлялись в то время контуры предмета социологии науки.

О социологии науки упомянул в своих тезисах Г.М. Добров. Он отметил, что разработка проблематики этого формирующегося направления существенна для создания научных основ государственной политики в науке. Об исследовании социологических проблем организации научного труда ставил вопрос А.И. Щербаков, работавший тогда в Новосибирске. Он представил примерную программу этих исследований. Таким образом, на симпозиуме шел разговор о социологии науки, и она рассматривалась как одна из дисциплин науковедческого комплекса. М.Г. Ярошевский справедливо утверждал, что науковедение возникает на стыке различных самостоятельных дисциплин и объединяет их в той мере, в какой они делают своим предметом науку, формируя тем самым новый синтез понятий и методов, придавая им специфическую направленность. Так что рамки науковедения открывают перед этого рода дисциплинами как бы новые исследовательские горизонты.

Но вопрос о месте социологии науки в системе науковедения остался нерешенным, что было связано с различной трактовкой самого науковедения.

Вскоре после советско-польского симпозиума в 1966 г. в Киеве вышла уже упомянутая нами книга Г.М. Доброва «Наука о науке», в которой в центре внимания находилось использование количественных методов анализа науки, рассматриваемой как информационная система, для решения практических задач прогнозирования, планирования и управления в сфере науки. Он считал, что если история естествознания и техники изучает прошлое, то науковедение – настоящее и будущее научно-технического прогресса. Теория науки должна быть построена на базе информатики, логики и истории науки.

А.А. Зворыкин выдвинул концепцию соотношения науковедения и социологии науки, обратную той, которая была принята на симпозиуме: «Считаем необходимым включить в социологию науки, понимаемую в широком смысле слова, и науковедение, одновременно подчеркивая специфику этого направления». Расширяя приведенную выше схему Н. Каплана, он предлагает следующее построение проблематики социологии науки: 1. Природа науки. 2. Методика исследований по социологии науки. 3. Место ученого в обществе. 4. Личность ученого. 5. Организация науки. 6. Влияние науки на общество. 7. Влияние общества на науку. 8. Наукове-

дение. 9. Прогнозирование науки. 10. Изучение сравнительного потенциала науки. Социология науки, по его мнению, должна заняться разработкой социальных проблем науки и ее перспектив. И это задача государственного значения. Исходя из этой установки, он предложил широкую программу мер, необходимых для развития социологии науки.

В 1968 г. появились две книги под одним и тем же названием: «Социология науки». Одна написана Г.Н. Волковым, другая – группой авторов из Ростова-на-Дону. По Волкову, социология науки занимается преимущественно отношением науки и общества. Во всяком случае, эта тема его интересует прежде всего. Ростовские авторы (М.М. Карпов, М.К. Петров, А.В. Потемкин, Э.М. Мирский, Е.З. Мирская и др.) попытались соединить анализ науки как социального института с когнитивным аспектом науки, характеристиками познавательной деятельности (познание как функция общества, проблемы научного творчества и т.д.). В работе не проводится разграничения между наукой о науке, науковедением и социологией науки. Наука о науке рассматривается как новое течение социологической мысли, социология науки включает в себя проблематику науки о науке.

Все названные работы, хотя в них и даны самые разнообразные трактовки социологии науки, были объединены общим стремлением поддержать новое нарождающееся направление. Они сыграли положительную роль в становлении, утверждении и популяризации науковедения и социологии науки. Общий же перечень публикаций по этой проблематике за 1960–1979 гг. занимает 113 страниц.

Таким образом, к началу 70-х гг. определились основные точки зрения советских ученых на науковедение, социологию науки и их соотношение. Конечно, в дальнейшем эти взгляды эволюционировали, уточнялись, систематизировались, выдвигались новые аргументы в защиту той или иной позиции, но их общая панорама в основном сохранялась в том виде, как она сложилась во второй половине 60-х гг.

Западными исследователями науки термин «наука о науке», в общем, принят не был. Ныне можно сказать, что западным аналогом науковедения является направление, именуемое «социальные исследования науки» (*Social Studies of Science*). Видимо, под влиянием этого обстоятельства и у нас в последние годы термин «науковедение» многие начинают воспринимать как несколько архаичный. Но я полагаю, что это касается только термина, а не содержания, которое им обозначается. Оно вполне современно и весьма актуально, поскольку происходящие в нашем обществе изменения столь отчетливо и болезненно проявились в сфере науки, что поставили перед науковедением массу новых проблем.

Формирование социологии науки, естественно, сопровождалось постановкой и решением организационных задач, появлением творческих коллективов, установлением научных контактов и т.д. Этот организационный аспект также представляет исторический интерес, ибо показывает, в какой мере судьба нового направления зависит не только от условий, но и от людей, их энтузиазма, заинтересованности, настойчивости, способностей.

Значительный вклад в становление у нас социологии науки внес коллектив кафедры философии естественных факультетов Ростовского государственного университета. Ее заведующий М.М. Карпов еще в 1961 г.

опубликовал работу о роли науки в развитии общества и поддерживал интерес к этой проблематике у привлекаемой на кафедру научной молодежи. На этой кафедре работал М.К. Петров – талантливейший человек трагической судьбы. Именно он перевел работу «Наука о науке», которая была издана под редакцией М.М. Карпова и А.В. Потемкина. На кафедре были подготовлены уже упоминавшаяся «Социология науки», серия сборников по проблемам научного творчества, диссертации по проблематике социологии науки, социальной детерминации научного познания и т.д. Неформальным научным лидером коллектива был М.К. Петров. Но в 1970 г. он был лишен права преподавания (и – фактически – печатания) в университете. Это было большой потерей не только для данного коллектива.

Следует сказать здесь и о созданном Г.М. Добровым в 1965 г. в АН Украины Центре исследования научно-технического потенциала и истории науки. Благодаря исключительной энергии и организаторскому таланту Г.М. Доброва – и руководителя и научного лидера коллектива – центр быстро завоевал своей продуктивной работой авторитет, вышел на международную арену, подключившись, в частности, к социологической программе ЮНЕСКО по изучению эффективности научных групп. С 1969 г. он начал издавать журнал «Науковедение и информатика». Первоначальная информационная трактовка науковедения не помешала Г.М. Доброву постепенно усиливать в исследовании науки социальную составляющую. Проблематика социологии науки присутствовала в программах симпозиумов и конференций, которые проводились в Киеве. Ныне это Центр им. Г.М. Доброва, им руководит А. Малицкий, который продолжает традиции основателя. Но – для нас это уже зарубежное научное подразделение.

В Москве столь же энергичного лидера социология науки нашла в лице А.А. Зворыкина. Круг его научных интересов был весьма широк: история техники, наука и общество, культура, личность. Не случайно одно время он работал заместителем главного редактора Большой Советской Энциклопедии. В течение многих лет он руководил группой, работавшей над пятитомным трудом по истории научного и культурного развития человечества, который готовился под эгидой ЮНЕСКО специалистами многих стран. В 1968 г. эта группа, хотя и в усеченном виде, перешла во вновь организованный Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Пополнив ее, А.А. Зворыкин в 1969–1970 гг. сформировал сектор (отдел) социологии науки и направил его усилия на разработку проблем методологии социологических исследований науки, организации и управления в науке, социального планирования, повышения эффективности научной деятельности, объединяя вокруг своего сектора практических работников, связанных с организацией прикладной науки. Об этом свидетельствует и продукция сектора. Сектор также многое сделал для подготовки аспирантов по проблемам социологии науки. Вокруг А.А. Зворыкина всегда была молодежь.

«Лебединой песней» коллектива стал подготовленный и проведенный им в 1982 г. Всесоюзный симпозиум «Социально-экономические проблемы повышения эффективности науки», собравший большое количество участников. В том же году сектор был ликвидирован, оставшиеся сотрудники раскассированы по другим подразделениям института. Ссылались

при этом на возраст заведующего (в 1981 г. А.А. Зворыкину исполнилось 80 лет). Фактически же тогдашнее руководство института не было заинтересовано в развитии этого направления, неправомерно считая его более науковедческим, чем социологическим. Лишь в годы перестройки возобновились социологические опросы по проблемам научной деятельности (В.А. Мансуров, Д.Д. Райкова), но специального подразделения по социологии науки в Институте социологии пока не создано.

Если ИСИ избавился от социологии науки, то в ИИЕТе на рубеже 70–80-х гг. сектор с таким названием только еще формировался в рамках отдела науковедения. Становление этого отдела в институте приходится на вторую половину 60-х – начало 70-х гг. Теоретической основой его формирования послужила уже упоминавшаяся программная статья С.Р. Микулинского и Н.И. Родного, опубликованная в 1966 г. Несколько позже в том же 1966 г. С.Р. Микулинский выступил с докладом «О науковедении как общей теории развития науки», в котором его концепция науковедения предстала уже в отшлифованном прошедшими дискуссиями виде.

В течение нескольких лет он сумел создать сильный в научном отношении коллектив. На работу в институте были приглашены Ю.М. Шейнин (организация науки), М.Г. Ярошевский (психология научного творчества), группа системных исследований науки (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.С. Библер, В.Н. Садовский, Э.М. Мирский). Логикой научного познания занимались Б.М. Кедров, Н.И. Родной. В отделе работали «опальные» философы П.П. Гайденко, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов и «сосланный» в ИИЕТ историк П.В. Волобуев. Можно и еще назвать имена талантливых сотрудников высочайшей квалификации. Многообразие специальностей действительно позволяло осуществлять комплексное исследование науки. При этом состав отдела обусловил его ориентацию на решение именно теоретических, а не прикладных проблем науковедения.

К проблематике социологии науки институт обращался задолго до организации соответствующего сектора. Так, социологические исследования проводил Г.Г. Дюментон. Но отчасти это обращение было стимулировано и мною.

Подобно тому, как в языковых вузах различают основной и второй языки, социология науки стала для меня, наряду с основной специальностью, как бы «вторым языком». В 1969 г. я организовал в Институте философии АН СССР, где работал, группу по социологии науки и договорился с С.Р. Микулинским о проведении совместного конкретного исследования проблем деятельности академических научных коллективов. В течение 1970–1973 гг. такое исследование было проведено. На каком-то этапе в него включились социологи из ЛО ИИЕТ под руководством С.А. Кугеля. Полученные данные были отражены в ряде публикаций. Результатом нашей совместной работы был также вышедший в серии «Науковедение» сборник по социальным аспектам развития науки. В 1975 г., впад в немилость в Институте философии, я перешел в ИИЕТ, где спустя четыре года мне было разрешено сформировать сперва группу, а затем сектор социологических проблем науки. Социология науки стала одним из признанных направлений работы отдела науковедения.

Активная работа в области социологии науки на рубеже 60–70-х гг. развернулась в Ленинграде. Результатом ее стали известные среди специалистов работы И.И. Леймана, И.А. Майзеля, а также некоторых других авторов. Тогда же С.А. Кугель начал свои исследования структуры и мобильности научных кадров. Он возглавил сектор социологии науки ЛО ИИЕТ, который вскоре, однако, был передан в Институт социально-экономических проблем. Но и там он просуществовал недолго и был руководством института ликвидирован. Сохранение же самого направления в Ленинграде во многом обязано незаурядной энергии, настойчивости и преданности делу С.А. Кугеля. Он проводил социологические исследования, «доставая» заказы на них и получая необходимые средства, вел работу городского методологического семинара секции социологии науки ЛО СНОИЕТ и ССА. На нем выступали видные ученые – представители различных отраслей знаний. С 1969 г. в Ленинграде начали проводиться всесоюзные конференции на тему: «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов». В течение 10 лет было опубликовано семь одноименных сборников по материалам этих конференций. В них определенное место занимала и социологическая проблематика. Организация этих конференций и публикаций по ним стала возможна благодаря усилиям в первую очередь С.Р. Микулинского и С.А. Кугеля. Как видно, и здесь институционализация социологии науки натолкнулась на подчас совершенно неоправданные трудности, которые окончательно так и не были преодолены.

Такова общая картина становления социологии науки в СССР. Я ни слова не сказал о Новосибирске, Томске, Минске и других городах, где так или иначе занимались изучением социальных аспектов развития науки. Но все-таки из сказанного следует, что социология науки в СССР, а теперь уже в России не получила широкого развития, в отличие от Запада, где в 70–80-е гг. социальные исследования науки стали одной из самых быстро развивающихся отраслей социологии и успели пережить за это время существенные изменения, смену парадигм, обросли различными ассоциациями, журналами и т.п. Научная активность в этой области до сих пор там достаточно велика. У России же силы здесь незначительны. Однако общественная потребность в развитии социологии науки в стране существует, ибо она занимается исследованием тех социальных проблем, от решения которых зависит будущее российской науки.

Публикуется по: Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 41–48.

1975 год

КУРСАНОВА
Татьяна Андреевна

Я окончила кафедру молекулярной биологии биологического факультета МГУ. Проработав два года в Межфакультетской лаборатории биоорганической химии (совр. – НИИ Физико-химической биологии им. А.Н. Белозерского МГУ), я поняла, что не хочу всю жизнь заниматься экспериментальными науками. История и филология были мне интереснее всегда. Знакомство с сотрудником ИИЕТа, Алексеем Николаевичем Шаминам, двоюродным братом моего научного руководителя в МГУ, его рассказы о своей работе в институте, помогли мне понять, что, получив биологическое образование, можно заниматься научно-исследовательской работой не обязательно в лаборатории. История биологии представляет собой неисчерпаемое исследовательское пространство.

Работа в этой сфере позволяла совместить биологические и гуманитарные интересы.

И вот в сентябре 1975 г. я переступила порог Института истории естествознания и техники. Директором института был в то время Семен Романович Микулинский. Побеседовав со мной, он направил меня в Сектор истории биологии, посоветовав в работе консультироваться с А.Н. Шаминым, как и я, биохимиком по первоначальному образованию. Сектор истории биологии был одним из сильнейших на то время в институте. Мой приход в институт совпал с изменением в руководстве сектора. Леонид Яковлевич Бляхер, выдающийся отечественный биолог и историк науки, возглавлявший сектор истории биологии с 1955 г., передал руководство сотруднику сектора, доктору биологических наук Эдуарду Николаевичу Мирзояну, оставаясь научным консультантом. Леонид Яковлевич был учеником М.М. Завадовского, специалистом в области эмбриогенеза, автором работ по истории становления отечественной эмбриологии и морфологии животных. Благодаря Леониду Яковлевичу исторический анализ стал методом оценки прошлого в биологии. Благодаря ему специалисты стали с уважением относиться к истории науки, помогавшей им в работе. В течение двадцати лет своего руководства ему удалось создать школу отечественных историков биологии, а наш сектор стал центром историко-биологических исследований в нашей стране. Сотрудники, которые встретили меня в 1975 г., были историками биологии, пришедшими в науку в 1955 г.

Леонид Яковлевич строго следил за качеством работ сотрудников. В секторе работы сотрудников, так называемые плановые темы, проходили строгий контроль. Сотрудник докладывал на заседании сектора о выбранной на определенный срок теме. Затем утвержденная и часто подкорректированная тема утверждалась на Ученом совете института. Объем и сроки завершения должны были соблюдаться. В процессе работы сотрудник регулярно докладывал на заседании сектора о результатах исследований, причем не формально. С его работой, представляемой в виде машинописных листов, знакомились коллеги и вносили свои замечания. На каждое замечание от сотрудника требовалось обоснованное объяснение. Леонид Яковлевич требовал достоверного и объективного использования литературных источников, а также хорошего литературного языка. Эти правила сохранялись и при Эдуарде Николаевиче. Благодаря заведенным правилам статьи и монографии сотрудников сектора были полноценными исследованиями по выбранной теме. Современная направленность историко-биологических исследований носит уже не когнитивный, а скорее социокультурный характер. Однако если необходимо получить достоверные сведения по истории той или иной проблемы, мы смело можем обратиться к монографиям сотрудников сектора истории биологии и получить исчерпывающий ответ.

Сотрудники сектора сами выбирали исследовательское поле в соответствии со своим образованием и интересами. В 1975 г. в секторе были представлены: микробиология (Вера Николаевна Гутина), физиология растений (Евгения Михайловна Сенченкова), эволюционная биология и экология (Эдуард Николаевич Мирзоян, Вадим Иванович Назаров), паразитология, почвенная экология (Лариса Васильевна Чеснова), физиология (Н.А. Григорьян), эмбриология и генетика (Е.Б. Музрукова), биохимия

(А.Н. Шамин). Все они впоследствии защитили докторские диссертации по истории биологии. Ни в одном другом секторе не было столько сотрудников с докторскими степенями. Увы, их уже нет с нами. Но остались книги, ими написанные.

Мы не были замкнутым коллективом. Каждый сотрудник поддерживал научные контакты с представителями своей дисциплины, которые работали в академических институтах и Университете. Часто это были академики и чл.-корреспонденты. К истории биологии все относились с уважением и поддержкой, готовые рукописи проходили проверку у асов в данной области. Сотрудники интересовались не только тем, что происходит в секторе. Заседания в других секторах активно посещались. Особенно это было заметно по конференциям аспирантов и молодых специалистов. Мы старались прослушать как можно больше докладов на «чужих» секциях. Вместе с тем, как это часто бывает в коллективе, состоящем сплошь из сильных личностей с преобладанием женщин, климат в секторе нельзя было назвать безоблачным. Иногда случались шумные разборки. Леонид Яковлевич напоминал регулярно, что можно не пить чай вместе, но на работе надо вести себя терпимее. На научный процесс это не влияло и замечания по рукописям были в основном справедливыми. Позднее я догадалась, что это было некое соревнование за внимание Эдуарда Николаевича, красивого, обаятельного и умнейшего человека. Впрочем, он никому этого внимания не оказывал и относился ко всем равно. Областью научных интересов Эдуарда Николаевича были история эволюционной и теоретической биологии, история экологии и биосферологии, история генетики и селекции. Он жил наукой! Как заведующий, Эдуард Николаевич был чрезвычайно внимательным к интересам своих сотрудников. Он внимательно прочитывал все, что должно было быть опубликовано ими. Прекрасный стилист, он вносил ценные поправки. Деликатно рекомендовал внести нужные, по его мнению, изменения.

Меня в секторе вначале встретили прохладно и настороженно. Предложение Мирзояна занять стул около любого сотрудника не было услышано. И вдруг от самого неудобного стола, неудобно расположенного около двери, постоянно его задевающей, поднялась красивая и приветливая девушка с синими глазами, и предложила поселиться рядом с ней. Это была Елена Борисовна Музрукова, ученица Леонида Яковлевича. Не только красавица, кандидат наук и первоклассный специалист в области истории эмбриологии и генетики, но и мама трех дочерей. Человек с энциклопедическими знаниями по истории биологии, философии, культурологии. По-моему, не было вопроса по истории биологии, на который она не могла ответить. Мы стали лучшими подругами, и наша дружба продолжалась 45 лет, до самой кончины Елены Борисовны в 2021 году.

Нора Андреевна Григорьян стала нашей старшей подругой. Она была редкой в нашем институте «self made woman». Из семьи неграмотных рабочих из Нагорного Карабаха, она окончила Московский медицинский институт, стала кандидатом, затем доктором наук и признанным специалистом в истории отечественной физиологии и медицины, автором более чем 300 работ. Она также была мамой трех детей. Все материальные тяготы и семейные проблемы она несла сама. Нора Андреевна владела абсо-

лютно литературным и грамотным русским языком. Она была доброжелательным, соболезнующим и очень порядочным человеком.

Лариса Васильевна Чеснова, впоследствии доктор биологических наук, была специалистом по экологии, зоологии, паразитологии и эволюционному учению. Ее работы высоко ценились в научном сообществе. Она поддерживала постоянные контакты с ведущими учеными: Л.А. Зенкевичем, М.С. Гиляровым, Ю.И. Полянским, М.Д. Сониным, М.Г. Ярошевским. С одной стороны, это пиарило нашу специальность, а с другой поддерживало нас на современном уровне знаний. «Сами пишем и сами читаем» – тогда это было не про нас. Жизнь этой красивой и умной женщины не была легкой. Она рано лишилась матери, долгое время ухаживала за тяжело больным отцом, одновременно на нее легли заботы о неизлечимо болеющем муже и сыне подростке. Работа и общение с коллегами, пусть не всегда мирное, давали ей силы и интерес к жизни. Живой ум и острый язык часто создавали ей проблемы, но, по сути, она была добрым и понимающим человеком, готовым всегда помочь. Вера Николаевна Гутина посвятила свои исследования истории микробиологии, в частности Луи Пастеру. Она была абсолютно одинокой и заполняла жизнь научной работой. Видимо, она ждала этого от коллег, что часто создавало ей проблемы в общении.

Вадим Иванович Назаров – эволюционист, критик синтетической теории эволюции. Он характеризовал себя как «эволюциониста-антидарвиниста» и пропагандировал один из вариантов «теории разумного замысла». Любил и прекрасно знал классическую музыку и литературу, свободно говорил по-французски, собирал антиквариат. Поскольку антидарвинизм не популяризировался в СССР в те годы, вклад Вадима Ивановича и оригинальность его работ не были в должной степени оценены. Меня глубоко растрогало и удивило, когда через год после поступления в институт, я лежала в роддоме на Новом Арбате, Лариса Васильевна и Вадим Иванович пришли под окна клиники и, стараясь перекричать Калининский проспект, интересовались моим здоровьем, давали советы по восстановлению здоровья.

И, наконец, мой первый наставник Алексей Николаевич Шамин. Он уже был автором прекрасных монографий по истории химии белка, развитию химии аминокислот, исторического очерка о биокатализе и биокатализаторах. Справедливо полагая, что международная наука представлена в истории биологии недостаточно широко, он задумал создать серию работ по истории биохимии в отдельных странах, Германии, Франции, Англии, США. С этой целью были приняты несколько аспирантов и были защищены кандидатские диссертации. Я занялась истоками биологической химии во Франции. Но дальше Великой французской революции, Фуркруа и Лавуазье, мы не пошли. Он привлек к работе, на добровольных началах, сотрудников из МГУ. Однако эта затея не была им полностью реализована.

Таков был сектор истории биологии в 70-е гг., первые годы моей работы в области истории науки. Надо сказать, что этот хронологический интервал соответствует решительной победе современной биологии в нашей стране. Лысенкоизм опровергался и критиковался, генетика стала самой модной и интересной наукой, оказалось, что кроме Дарвина есть и другие эволюционисты, да и Дарвина можно интерпретировать по-разному. Мо-

лекулярная биология получила официальное признание и поддержку, провозглашалась основой для познания жизни. Эта идея поддерживалась и вкладывалась в студенческие умы не только биохимиками и молекулярными биологами, но и философами. Редукционизм во взглядах на основы жизненных процессов преобладал. Нам, студентам, казалось, что изучение молекулярных механизмов объясняет все. Наши университетские, биофаковские преподаватели вздохнули свободно с ниспровержением лысенкоизма, и появилась другая крайность. Кафедра дарвинизма, испортившая себе репутацию тесным сотрудничеством и поддержкой реакционных сил в биологии, была негласно объявлена на многих кафедрах не стоящей внимания. Так, нам, студентам, разрешали игнорировать посещение соответствующих лекций, зачет не отменили, но он был формальным. На нем мы гордо утверждали, что только ген и его химические превращения двигают и объясняют эволюцию. С такими взглядами и антидарвиновским настроением я пришла в ИИЕТ. Мои же старшие коллеги учились как раз в годы биологической реакции, в первой половине 50-х. Но среди них не было ни одного сторонника Лысенко! Они не были молекулярными биологами, но они были широко образованными специалистами в своей области. Хорошее знание эволюции по Дарвину и уважительное отношение к теоретической биологии только расширяло возможности в работе. Их взгляды, реализованные в публикациях и докладах, постепенно меняли мое мировоззрение. Именно мои коллеги дополнили и улучшили мое биологическое образование. Спасибо моему сектору истории биологии.

1976 год

АПОКИН
Игорь Алексеевич

При распределении [в Московском государственном историко-архивном институте – С.И.] мне выпала работа в Казахстане, а поскольку это не совпадало с моими намерениями, не выдали диплом. Меня это не озаботило – в сентябре 1958-го года я поступил на курсы английского языка. Но в начале следующего года серьезно заболел отец (слава богу, всё кончилось благополучно), и примерно в то же время канцелярия Института предложила мне забрать диплом. Элементарное чувство ответственности сказало мне: надо поступать на работу. Я и поступил – переводчиком в НИИ, где проектировали системы управления для атомных подводных лодок (Центральный Морской НИИ, в дальнейшем дважды менявший название и ведомствен-

ную подчиненность). Это повлекло за собой цепочку событий, обозначивших внешнюю канву моей жизни. Я продолжал заниматься стихами и считал это более интересным, чем все остальное. До поры до времени я по-прежнему никому их не показывал, за единственным исключением – девушке, в которую был тогда влюблен и, кстати, до сих пор поддерживаю добрые отношения. Изменилось отношение к стихам – в школе я не придавал им значения, а теперь хотел достичь уровня поэтов, о которых Бродский впоследствии (в нобелевской лекции) сказал, что быть лучше них на бумаге невозможно.

Чтобы без ошибок переводить технические тексты, нужно было разбираться в их содержании и лучше знать английский язык. В сентябре 1959-го я поступил, а через два года закончил двухгодичный (для имеющих высшее образование) вечерний факультет совершенствования Иняза, а для понимания, переводимого прочитал учебники по основам вычислительной техники (компьютеры обеспечивали работу управляющих систем). Но к тому времени, когда я, наверное, достиг поставленных целей, переводческая работа мне смертельно надоела. Инженерные, конструкторские и технологические разработки, которые велись в институте, представлялись мне несравненно более интересными, и сама собой появилась новая цель – принять в них участие. Я выбрал одно из тогдашних направлений исследований – память на тонких магнитных пленках.

Я решил сменить специальность. Кое-что мне удалось. Издательство «Энергия» опубликовало две небольшие по объему мои книги по этим вопросам – в 1964 и 1966 гг., а ЦМНИИ с грифом «для служебного пользования» – три аналитических обзора. Начальство оценило мои заслуги, и через пять лет, после того как меня приняли на должность переводчика (в штатном расписании она предшествовала должности техника, затем шли старший техник, инженер и т.д.), меня повысили до ведущего инженера, а спустя еще три года – до начальника лаборатории (в терминологии режимного НИИ это соответствовало должности заведующего сектором в академическом институте).

Но история и будущее всегда интересовали меня больше, чем сиюминутная реальность. Меня интересовали причины исторических событий. Роль случайности. Тенденции, формирующие облик будущего. Например, компьютеры заинтересовали меня как феномен исключительно быстрой эволюции с возможными результатами – интеллектуальными роботами и искусственным разумом. Я бы назвал это «общими вопросами исторического развития». Профессионально заниматься подобными или близкими проблемами можно было только в академических институтах.

Я поступил в заочную аспирантуру Института истории естествознания и техники. Мои первые впечатления связаны с поступлением в аспирантуру и докладом на аспирантской конференции о периодах развития электронной вычислительной техники. До меня выступал Л.Е. Майстров, который буквально разгромил доклад аспиранта из Киева, посвященный периодизации развития вычислительной техники, начиная с древнейших времен. После конференции Майстров подошел ко мне и предложил написать завершающие главы (по теме «ЭВМ») его книги «Развитие вычислительных машин». Я, разумеется, согласился.

В 1971 г. Я защитил диссертацию «Развитие универсальных электронных цифровых вычислительных машин», содержание которой вошло в книгу Майстрова (теперь уже нашу совместную работу). В это время я, очевидно, мог подавать заявления на конкурсы, объявляемые ИИЕТ. Но из Института США мне было сделано многообещающее предложение о зачислении в этот институт на должность старшего научного сотрудника и работе по ответственной и засекреченной теме. Тема была рассчитана на три года, но ее содержание, как выяснилось в дальнейшем, не представляло для меня особого интереса: Информационно-поисковая система для ЦК КПСС. Кроме того, нравственные качества сотрудников института (разумеется, далеко не всех) были заметно ниже, чем у научных сотрудников ИИЕТ, а также инженеров и конструкторов крупного почтового ящика, где я работал. Их заветные желания были связаны с зарубежной работой, вокруг чего плелись подковерные интриги. Телефоны прослушивались, а процент нештатных и штатных сотрудников КГБ был высок.

Поэтому, завершив тему в Институте США и получив заслуженную премию, я подал документы на конкурс, объявленный ИИЕТ в начале 1976 г. Поскольку за два года до этого книга Апокина–Майстрова вышла из печати и получила всеобщее одобрение, я успешно прошел конкурс.

Я был принят в Отдел истории техники, впечатления о сотрудниках которого были, в основном, благоприятными. Особенно высоко я ценил человеческие качества, стиль руководства и вклад в науку С.В. Шухардина.

В ИИЕТ я работаю вот уже 29 лет в двух областях: 1. история (и частично перспективы) кибернетики, информатики и компьютеров; 2. проблемы и закономерности научно-технического развития, т.е. прогресса и регресса.

Наиболее ценный результат исторического исследования – создание «объемной» картины прошлого. Надеюсь, что мне это удавалось – в книгах и статьях. В особенности, в книгах «Развитие вычислительных машин» (1974), «Кибернетика и научно-технический прогресс» (1982) и «История вычислительной техники» (1990), две из них совместно со специалистом по доэлектронным машинам и научным приборам Л.Е. Майстровым. Правда, двух книг я недосчитался. Когда в 90-е годы до сверхминимума было сокращено финансирование академической науки, их рукописи вернулись из издательства с письмами типа: «поскольку институт не оплатил выполненную издательством “Наука” работу...». Конечно, можно было самому искать спонсоров и гранты в России и за границей, но это не отвечало моему характеру. Многие сотрудники института занялись сталинскими репрессиями, философско-идеологической цензурой результатов исследований в общественных, а одно время и в естественных науках и т.п. (на эти темы легче получать гранты). Но меня это не интересовало.

Короткие, итоговые за год, статьи Институт продолжал публиковать. Ряд статей был связан с грантом на изучение циклов результативности научных исследований, где мне предложили участвовать. Инициатором крупной работы по истории вычислительной техники в России (от русских счетов до суперкомпьютеров – Computing in Russia) выступила Германия, где она и была опубликована в 2001 г. А поскольку научно-техническое развитие непосредственно связано с экономикой, меня заинтересо-

вали российские реформы второй половины XX века. Итогом явилась книга «Реформы в России», пожалуй, наиболее интересная для широкого круга читателей моя публикация (2003 г.).

Таким образом, «внешняя канва» моей жизни совпадала со сменой моих интересов.

Текст подготовлен путем контаминации по: 1. «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 16; 2. Апокин И.А. Автопортрет 21. М., 2005. С. 26–32.

1976 год

ПОПОВА
Татьяна Евгеньевна

В ИИЕТ я поступила в результате забавного стечения обстоятельств. Последние годы я работала во ВНИИ биосинтеза белковых веществ по прикладной биотехнологии. Работа была очень интересная, но вредная для здоровья. К тому же, после того, как я поработала в АН ГДР на оборудовании, которое было там, и ознакомилась по литературным источникам с техническим оснащением, имеющимся в капиталистических странах (высокая степень компьютеризации, автоматизации и т.д.), мне показалось унизительным тратить время на работу на допотопном отечественном оборудовании с грубой ручной регулировкой параметров. К тому же, мне хотелось проанализировать проблемы отрасли и привлечь к ним внимание. В связи со всем перечисленным я подумыва-

ла о смене работы. Как раз в это время я встретила в Ессентуках знакомого моего мужа – С.В. Шухардина, с которым они много лет не виделись. С.В. Шухардин мне интересно рассказал о своей работе, а я ему – о новом направлении – биотехнологии. Семен Викторович был интуитивным, умным человеком и сразу почувствовал значимость этого направления. Он предложил мне сделать доклад по становлению биотехнологии на научной конференции в ИИЕТ РАН. Доклад ему понравился, и он пригласил меня поступить в возглавляемый им Сектор научно-технической революции. С конца 1976 г. я работаю в ИИЕТ.

На жизни Института этого периода сказывалось то, что он считался идеологическим. Это давление особенно чувствовалось в Секторе научно-технической революции. Оно сказывалось на выборе тематики – проводилось большое количество работ по марксистскому толкованию различных проблем, по изучению преимуществ социалистической системы и т.д. Эти работы были далеки от реальности – в то время отставание СССР по ряду ключевых направлений было очевидно всем компетентным специалистам. Мешал работе ограниченный доступ к мировой науке.

Но в целом, работа в Институте была интересной. Раннее воспоминание связано с посещением заседания в Отделе науковедов. Когда я первый раз прослушала их доклады, я многого не поняла, и они мне показались очень мудрыми. Я записала эти выступления, и когда пришла домой, то взяла англо-русский словарь и тщательно перевела все термины. После этого перечитала текст, стало все понятно и ничего сложного не оказалось.

Для работы Сектора научно-технической революции и многих других отделов Института было характерно проведение острых дискуссий по проблемам развития науки и техники. На ученых советах, методологических семинарах при обсуждении научных проблем сталкивались различные взгляды, концепции. С одной стороны, это способствовало созданию живой творческой атмосферы, с другой – дискуссии иногда выливались в серьезные конфликты, что приводило к уходу из Института ряда толковых сотрудников. В Секторе научно-технической революции негативные тенденции обострились после ухода из жизни С.В. Шухардина. Это коснулось и меня.

В конце 1979 г. я написала книгу о развитии биотехнологии в мире. На рукопись был получен положительный отзыв крупного специалиста по биотехнологии, проректора МИХМ, лауреата Государственной премии, профессора П.И. Николаева, а также другие положительные отзывы специалистов. С.В. Шухардин взял работу для рецензирования, но он уже был болен и в 1980 г. скончался.

В отличие от С.В. Шухардина, который понимал, что наступает время наукоемких высоких технологий, остальные сотрудники сектора и его новое руководство не воспринимали биотехнологию как важнейшую составляющую прогресса. Они придавали значение лишь традиционным техническим наукам, писали о технической революции.

Рукопись книги не была утверждена к печати. Я написала вторую плановую работу о развитии биотехнологии в СССР. Ее посылали на отзывы ведущим академикам, работавшим в этой области. Несмотря на то, что все отзывы были положительны, рукопись книги очень долго не утверждали к печати.

Дальнейшее развитие показало, что С.В. Шухардин был прав. Мир вступил в постиндустриальную эру, и определяющими стали высокие технологии, в том числе и биотехнологии.

Необходимо отметить, что в Секторе научно-технической революции проводились серьезные работы по истории и перспективам развития отдельных отраслей техники. В 1979 г. под редакцией С.В. Шухардина, Н.К. Ламана и А.С. Федорова была издана капитальная классическая работа «Техника в ее историческом развитии». Был подготовлен следующий том, который, к сожалению, не был опубликован. Регулярно издавались сборники по различным аспектам научно-технической революции. Например, в 1978 г. вышел сборник «Научно-техническая революция как исторический процесс. Анализ социально-экономических предпосылок и перспектив НТР», в 1980 г. был опубликован сборник «Научно-техническая революция. Перспективы при социализме». Сотрудники сектора принимали участие в написании статей для этих сборников.

После перехода в Сектор истории техники условия работы для меня стали благоприятными. В секторе была и сейчас сохраняется дружественная, спокойная, творческая обстановка. Работы сотрудников в Секторе, а также и на заседаниях отдела обсуждались требовательно, но благожелательно. Моя первая книга вышла лишь в 1988 г., когда я уже работала в Секторе истории техники. Несмотря на очень большую задержку с публикацией этой книги, работа оказалась пионерской, и на нее были опубликованы хорошие отзывы в академических журналах.

В Отделе истории техники начали уделять большое внимание развитию высоких наукоемких технологий, их влиянию на жизнь людей, экосистему, обороноспособность страны. Так, А.В. Пилипенко руководит работой над проблемой, посвященной анализу состояния и развития новейших технологий в России. Другие сотрудники отдела также подключены к этой тематике.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 200–202.

1976 год

РОДНОЙ
Александр Нимиевич

Я пришел в ИИЕТ в 1976 году довольно неожиданно. После смерти в 1972 г. моего отца, Н.И. Родного, заведовавшего Сектором логики развития науки в ИИЕТ, его сослуживцы каждую годовщину приходили к нам домой. В очередной такой приход в 1975 году директор института Семен Романович Микулинский, расспросив о моих планах на жизнь, неожиданно предложил прийти на работу в ИИЕТ в Сектор истории химии. Мне это предложение понравилось. К этому времени я после защиты диплома «Экономико-математическая модель развития отрасли антибиотиков» на факультете химической промышленности Института управления уже год проработал инженером в ЦПТБ АСУ Мед-пром, где занимался довольно рутинной процедурой, собирая и об-

рабатывая информацию на ЭВМ для Министерства медицинской промышленности. Причем, обработка данных на машине была примерно такой же, какую делали министерские сотрудники вручную, т.е. складывали и умножали. Они продолжали осуществлять эти операции и после появления ЭВМ, сопоставляя свои ручные цифры с нашими машинными.

Я смутно представлял себе, чем буду заниматься в ИИЕТ, но хотелось попасть в академический институт, где были два присутственных дня в неделю, свобода выбора рабочих тем и интересные люди. Некоторых из них я знал, так как они бывали у нас дома, а иногда отец брал меня с собой к ним в гости. Для меня «главным» из этого круга людей стал Бонифатий Михайлович Кедров, с которым отец подружился еще в 30-е годы; их связывала совместная деятельность в Академии наук и МГУ. В 1937 г. отец был репрессирован, а после возвращения из Воркутинского ГУЛАГа в Москву Кедров поручился за него при восстановлении в партии, и, будучи директором ИИЕТ, в 1964 г. взял к себе на работу. Ну и, конечно, остались в памяти беседы отца с сотрудниками его сектора Людмилой Артемьевной Марковой, Пиамой Павловной и Викторией Павловной Гайденко, Владимиром Соломоновичем Библером, Борисом Семеновичем Грязновым и Анатолием Сергеевичем Арсеньевым.

Решением Ученого совета института меня провели по конкурсу младшим научным сотрудником без какого-либо участия с моей стороны. Я даже не знаю аргументации в пользу моего зачисления на должность, так как никаких научных трудов кроме дипломной работы у меня не было. Гипотетически допускаю, что на Ученом совете могла прозвучать только ссылка на хорошую «наследственность». К отцу люди относились тепло и уважительно. Это я почувствовал сразу, как только пришел в ИИЕТ. При личных встречах мне говорили, что отец порядочный человек, талантливый ученый и хороший оратор. Но лично запомнилась по-настоящему только одна из таких встреч с Татьяной Дмитриевной Ильиной. Когда я услышал от нее уже хорошо мне известные эпитеты по отношению к отцу, я задал ей вопрос: «А было ли еще какое-то человеческое качество отца кроме уже тех, что я слышал?». И она ответила – «смелость». Это было для меня важно, хотя и не неожиданно.

Еще до формального прихода в институт у меня состоялась беседа с заместителем директора ИИЕТ Владимиром Ивановичем Кузнецовым, который был очень любезен со мной. Мне показалось, что при желании я мог бы взять любую тему, связанную с химией. Я попросил дать время подумать над конкретной формулировкой своей будущей темы, связанной с историей химической технологии, что более всего соответствовало моей вузовской подготовке. Через два дня, встретившись с Владимиром Ивановичем, я довольно самонадеянно заявил, что хочу заниматься методологией и изучить процесс становления химической технологии как самостоятельной науки. Карт-бланш был получен, и я, довольный, влился в ряды сотрудников Сектора истории химии, встреченный там радушно сначала заведующим – Юрием Ивановичем Соловьевым, соавтором отца по книге о Нобелевском лауреате Вильгельме Оствальде, а затем благожелательно остальными членами коллектива. В дальнейшем наиболее тесные контакты у меня возникли с аспирантом Александром Михайловичем Смолеговским, человеком энциклопедических знаний и хорошего чувства юмора,

ставшим крупным специалистом в области истории кристаллохимии. Нас помимо «производственной» тематики объединяла еще любовь к спорту. Я даже одно время от комсомольской организации возглавлял спортивную комиссию. Помню единственное коллективное мероприятие для «комсомольского зачета», когда я организовал легкую пробежку в районе метро Профсоюзная в составе 4-х человек из Сектора психологии научного творчества.

Однако самым «большим спортом» в нашем институте были шахматы, где можно было не только самозабвенно играть до закрытия охраной дверей на ночь, но и общаться с интересными людьми: Василием Петровичем Борисовым, Владимиром Павловичем Визгиным, Николаем Константиновичем Гаврюшиным, Федором Андреевичем Медведевым, Павлом Васильевичем Смирновым и Ариэлем Моисеевичем Цукерманом. Запомнилось, как наша институтская команда по шахматам приняла участие в «Академиаде» (соревнование среди институтов Академии наук). Выступили достойно, но какое место заняли, точно не назову.

Еще один забавный эпизод, связанный с шахматами, всплывает в памяти. К нам в Сектор истории химии приехал польский профессор Стефан Замецкий для работы в архивах, а меня назначили его сопровождающим для решения трудовых и бытовых проблем. По какой-то причине в посещении архивов ему было отказано, и визитеру не оставалось ничего другого, как только работать в нашей институтской библиотеке. Благо, что она могла удовлетворить самые взыскательные вкусы читателей, и где Замецкий трудился полных три дня из семи, имевшихся у него в распоряжении. Видя, как я увлечен шахматами, он присоединился к нашей компании, часами наблюдая за баталиями. Было заметно, что атмосфера «шахматного клуба» ему нравилась, и он с удовольствием отдавался игре. Испорченное настроение из-за отказа посетить архивы для работы прошло, что способствовало дружескому общению не только с шахматистами, но и с другими сотрудниками института.

Если «большой спорт» в ИИЕТ представляли шахматы, то любительский – настольный теннис. Баталии проходили после завершения рабочего дня в актовом зале, когда сдвигались ряды кресел, и раскладывался стол для пинг-понга. Наиболее страстным и умелым был Виктор Николаевич Сокольский. Только лет через десять – пятнадцать я узнал, что среди сотрудников есть кандидат в мастера спорта Александр Георгиевич Аллахвердян, с которым мне впоследствии удалось немного поиграть, не претендуя на выигрыш.

Но вернемся от спорта к производственной деятельности. После взятия мной «методологической» темы исследования, я погрузился в изучение «широчайшего» спектра источников без определенной системы и навыков работы с историко-научной литературой. Читал все подряд, что мне попадалось в библиотеках, начиная с химико-технологической и кончая философско-методологической литературой. Среди авторов появились фавориты: В.В. Кафаров (кибернетика химико-технологических процессов), П.М. Лукьянов (история химической промышленности России), Л. Габер (история химической промышленности в Европе и США), Б.М. Кедров (классификация наук), Ю.М. Шейнин (эволюция организа-

ционных форм в науке) и, в первую очередь, В.И. Кузнецов (методологические проблемы развития химии).

Не имея руководителя, я пустился в свободное плавание, радуясь возможности узнавать новое не только из литературы, но и участвуя в работе семинаров, конференций и т.д. Особенно запомнились выступления сотрудников института Г.В. Быкова, В.И. Кузнецова, Б.М. Кедрова, А.В. Ахутина, М.Г. Ярошевского, Г.Д. Гачева и других. Однако ни с кем постоянных контактов по теме исследования у меня не было. Я не обращался за советом и поддержкой, полагая, что сам смогу осилить «эту дорогу», тем более, не видя, кто именно может мне конкретно помочь, за исключением Кузнецова. Но Владимир Иванович был далеко на административных вершинах, а просить его уделить мне внимание что-то мешало.

После трех лет интересной самостоятельной работы я родил хилый плод планового исследования «Эволюция взаимоотношений химии и химической промышленности», который был оценен «по достоинству» – серьезными критическими замечаниями. После этого меня можно было спокойно увольнять из института, как сотрудника, не соответствующего занимаемой должности. Но, по-видимому, С.Р. Микулинский меня спас, создав специальную комиссию по рассмотрению результатов моей работы во главе с И.А. Федосеевым. Эта комиссия дала мне шанс продолжить исследования.

И тут начинается новая глава моей трудовой деятельности, когда «я пришел в ИИЕТ». Осознав зыбкий фундамент своих методологических изысканий, я решил заняться «эмпирикой» – изучением истории конкретных химических технологий неорганических веществ основной химической промышленности. При этом я поставил задачу не только проследить, как создавались и развивались эти технологии, но и изучить эволюцию организационных форм (институций), которые позволяли осуществлять инновационные процессы, связанные с химией. Результатом такого исследования стала моя диссертация «Формирование научной инфраструктуры химического производства в конце XVIII в. – 20-х гг. XX в.», защищенная в 1988 г.

В дальнейшем было много увлекательной работы не только в области истории химии, но и в направлениях, связанных с историей и социологией науки в целом и ее различных дисциплин, а уникальность нашего института позволяла ставить и решать самые для меня интересные проблемы.

1977 год

КАРПЕЕВ
Энгель Петрович

Судьба – вещь загадочная и непредсказуемая. Она неожиданно возникла передо мной в 1977 году на этот раз в облике моего давнего знакомого Бориса Игоревича Козлова. Он спросил, не хотел бы я занять освободившуюся после смерти В.Л. Ченакала должность заведующего Музеем М.В. Ломоносова (музей тогда был в составе ИИЕТ, а Борис Игоревич работал в той части Института, что находилась в Ленинграде). Его вопрос поверг меня в изумление. Ведь я по образованию, по опыту работы и защищенной диссертации был морским инженером, а не гуманитарием или историком. Но Борис меня убедил, уверяя, что мне будет столь же интересно изучать историю русской науки, основателем которой был Ломоносов.

Вероятно, Борис Игоревич рекомендовал меня директору Института С.Р. Микулинскому, который вскоре пригласил меня в Москву для первого знакомства. При встрече я все время думал, что он не согласится принять меня на работу с моим «прошлым», а он, как я понял из его вопросов, опасался, что занятия историей науки покажутся мне неинтересными, и я вскоре уйду с этой работы. Итогом беседы было предложение директора подать заявление о приеме на работу.

Вторая встреча произошла в Ленинграде, куда С.Р. Микулинский приехал с работником ЦК КПСС, вначале говорил работник ЦК о том, что, заведя музеем, я должен тактично перейти от безудержного восхваления Ломоносова к объективной его оценке, чтобы не отталкивать нашу научно-техническую интеллигенцию, которая не воспринимает ряда неграмотных преувеличений научных заслуг Ломоносова. Потом шел общий разговор, содержания которого я уже не помню, в конце которого Семён Романович попросил к заявлению приложить характеристику с места моей работы. Мне не хотелось прежде времени ставить мое руководство в известность, что я собираюсь уйти оттуда. Семён Романович легко согласился оформить меня в Институте без такой характеристики, и мне стало понятно, что этот человек умеет принимать решения, не всегда согласовывая их с вышестоящими чиновниками. Это мне сразу понравилось!

Менее, чем через полгода моей работы в Музее, директор по телефону сказал мне, что он хочет восстановить Ленинградский отдел Института, поскольку в него возвращается из Биологического института АН СССР сектор истории и теории эволюционного учения, и он попросил меня приехать в Москву и обсудить детали этой реформации. Я появился в его кабинете, совершенно недоумевая, почему это надо обсуждать со мной. Оказалось, что те из работавших в Ленинграде, кому он предлагал заведовать Отделом, категорически отказались, и директор почему-то решил временно, пока он не найдет более подходящего учёного, поручить мне заведовать Отделом. Я даже не попытался отказываться, помня, что он взял меня на работу, как говорится, «с улицы». Но до сих пор для меня остается загадкой, почему предложение было сделано мне, ещё ничем не успевшему себя проявить. По всей вероятности, он решился на такой шаг, обладая интуитивной способностью чувствовать людей и не менее важным для начальника умением разумно рисковать. Я подумал, что так мог поступить только неординарный человек, и такое мнение не изменилось у меня во все время работы с Семёном Романовичем и последующих встреч с ним. По моей просьбе мы четко определили мои обязанности и те ситуации, в которых я мог поступать по своему усмотрению и те, в которых я должен согласовывать с ним. Меня приятно удивляло, что этот принцип он сохранял без каких-либо исключений все время, пока он оставался директором Института.

Со временем оказалось, что я заведовал Отделом не временно, как шла речь о моем назначении, а все время его директорства. Когда я напоминал о подыскании кандидатуры на заведование Отделом, то у Семёна Романовича портилось настроение, и он некоторое время заметно злился на меня. Но это было в первые три года моей работы, а потом я прекратил такие попытки и смирился со своей участью, которая была нелегкой, поскольку я оставался одновременно заведующим Музеем М.В. Ломоносо-

ва. А там происходили затопления из прорвавшейся батареи водяного отопления и потом во время ремонта по вине рабочих ещё и пожар. Всё это и многое другое требовало моего времени и обычного в Академии невероятно трудного добывания денег на эти работы. Решения всех этих проблем ложились полностью на меня. Микулинский в эти дела никогда не вмешивался.

Теперь расскажу, как началась моя работа во вновь созданном Ленинградском отделе института. В нем к перечисленным выше научным подразделениям добавился сектор истории и теории эволюционного учения. Сектор истории АН и научных учреждений возглавлял прекрасный ученый, давно работавший по этой тематике, доктор исторических наук Анатолий Васильевич Кольцов. Сведения о нем приведены в брошюре в серии, посвященной историкам науки и техники и изданной в 2008 г., поэтому я добавлю лишь несколько штрихов к портрету этого ученого. Анатолий Васильевич был скромнейшим человеком, он тяготился любой административной работой и все свои недюжинные способности направлял на научную работу, главными темами которой были история создания Академии наук и история академической науки в советское время. К числу его способностей, которые я назвал недюжинными, отнес бы очень важное для историка свойство – великолепную память. К нему можно было обратиться с любым вопросом по упомянутой тематике и получить совершенно четкий и верный ответ. А длительная работа в области истории академической науки наделила его таким опытом, не воспользоваться которым было бы настоящей глупостью, и я в течение всей своей деятельности в качестве руководителя Отдела всегда советовался с ним и, по возможности, следовал его советам.

Другой сотрудницей Сектора, к которой я с самого начала почувствовал искреннюю симпатию и уважение, была Юдифь Ефимовна Копелевич. Я намеренно оставляю таким ее отчество, поскольку привык к нему и не хотел бы изменять своей привычке. Она прошла всю Отечественную войну, работая в госпиталях, в том числе и полевых, а затем уже в академическом институте проявила свои способности в немецком и особенно латинском языках. Это помогло ей в работе с архивными документами XVIII века и дало возможность стать ученым достаточно широкого профиля. Ее книга «Основание Петербургской академии наук» стала основным, если не единственным классическим источником для всех пишущих о начальном периоде истории АН. Я обязан Юдифи Ефимовне в первую очередь тем, что она очень доброжелательно, но настойчиво говорила мне о моих промахах и ошибках, неизбежных для человека, попавшего в другую интеллектуальную среду и не имеющего опыта руководства академическим коллективом. Ощущая свое незнание латинского языка, я попросил Юдифь Ефимовну познакомить меня и всех других желающих с его основами, и два года мы по средам учились у нее. Попутно мы переводили на русский (опубликованные только на латинском) протоколы заседаний Академии наук начального периода. И я очень жалею, что эта работа так и осталась неоконченной. В этом виноват и я, поскольку «дневи довлет злоба его», другие заботы отвлекли от этой темы.

Продолжая рассказ о Ю.Е. Копелевич, мне хочется отметить ее активное сотрудничество со Швейцарским обществом естествоиспытателей в из-

дании Полного собрания сочинений Леонарда Эйлера. В этой работе принимала участие и единственная в Отделе историк математики Е.П. Ожегова. Исследовательница Диофантовых уравнений, она была автором книг о математиках А.Н. Коркине, Е.И. Золотареве и Шарле Эрмите. Внешне непримечательная, но хороший специалист и трудяга, она вместе с Копелевич взялась за сложную работу по созданию справочника о западноевропейских и американских академиях наук. Они списались почти со всеми академиями и, получив объемный материал, создали очень нужную книгу. Помогая им в этой работе, я узнавал много нового для себя и втягивался в профессию историка науки. Так, читая рукопись еще одного сотрудника сектора, возглавляемого А.В. Кольцовым, Н.Г. Суховой, которая специализировалась на истории географии и готовила монографию о Карле Риттере, я открыл для себя, что география является не только описательной наукой, но имеет и теорию. Надо сказать, что таких открытий за время работы во главе Отдела было немало, что делало эту работу не столько обременительной, сколько очень интересной.

Другой заметной сотрудницей этого сектора была Н.И. Невская. Она по-женски была «влюблена» в своего героя – академика и первого в России ученого астронома Жозефа Николая Делиля, и в начальный период моей работы в Отделе заканчивала работу над монографией «Петербургская астрономическая школа XVIII века». Когда мы на совете Отдела решали вопрос об издании этой книги, я не увидел в ней ничего «крамольного», и книга вышла в свет. Позже я расскажу, какие события последовали после этого, а здесь отмечу, что классическая работа Нины Ивановны до сих пор остается, пожалуй, единственным источником по начальному периоду истории отечественной астрономии.

В.Н. Макеева, одна из старейших научных работников Сектора, принимала участие в подготовке «Истории Академии наук» и, насколько я помню, изучала естественно-научные работы декабристов, сосланных в Сибирь, и в частности – рукопись Г.С. Батенькова «Гусиное озеро». Но ее важнейшей и наиболее известной работой была книга «История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова». Валентина Николаевна долгое время была секретарем партийной организации Отдела. В этой своей ипостаси она блюла установку на национальную чистоту его кадров, переходя иной раз за пределы здравого смысла. Так, она сообщила мне, что новая лаборантка Кузнецкая Ольга Борисовна явно скрывает свое, скажем так, нерусское происхождение, ибо у нее подозрительное отчество. Правда, в середине 1980-х годов В.Н. Макеева ушла на пенсию.

Еще один сотрудник Сектора – Е.В. Соболева, специалист по организации науки в России XIX века, отличалась «активной жизненной позицией». Она входила во все подробности жизни Отдела и сообщала их в своей интерпретации напрямую в Москву в Институт. Мне поэтому часто приходилось объяснять директору истинное положение вещей.

К.Г. Большакова по заданию Дирекции института в то время собирала сведения о памятниках научной деятельности, которые еще сохранялись в нашем городе, но эта работа, естественно, была не под силу одному человеку, и она потихоньку заглохла. Меня вообще удивляло многообразие научной тематики Сектора, да к тому же и само планирование научной работы, когда каждый исследователь сам предлагал тему и она, как прави-

ло, утверждалась в качестве плановой. Мне, привыкшему к тому, что в рамках общей перспективной темы исследований намечались темы работ сотрудников, это казалось не совсем правильным, но, считая, что я все-таки временный руководитель Отдела, я не решался менять сложившуюся в Институте практику. К тому же любая из тем сотрудников в принципе отвечала общему направлению изучения истории науки и техники.

Был еще один сотрудник в Секторе, не стану называть его фамилию, который интересовался, якобы в научном смысле, местами старых разработок золота в Сибири. Он даже съездил в Сибирь за свой счет и, по всей вероятности, сумел узнать, что золотодобытчики как бы «снимали пенки» с месторождения. Вскоре после возвращения из своей поездки он попросил командировку в Польшу, но я косвенным образом знал, что оттуда он хочет эмигрировать в США, поэтому командировку мне посоветовали не разрешать, но не указывать мотивов решения. Это вызвало возмущение в Секторе, и на меня в очередной раз пошла жалоба в Москву. Однако пока разбирались с нею, сотрудник сумел оформить выезд в США, и вскоре, не предупредив меня, улетел в Америку. Я пишу об этих событиях только для того, чтобы показать, в каких условиях в то время приходилось работать.

Была еще одна сторона работы, заключавшаяся в том, что в Отдел направлялись люди, освобождаемые с других мест работы или назначаемые по просьбам академиков. Например, в Секторе оказался бывший сотрудник Ленинградского управления Академии наук Б.Д. Лебин, которого потребовалось удалить из ЛАХУ. В состав Сектора позднее был назначен А. Вассоевич, за которого просил его родственник – член Академии наук.

А.В. Кольцов в течение долгого времени руководил обязательным в то время методологическим семинаром Отдела, и, надо сказать, семинар очень часто бывал по-настоящему интересным. На нем рассматривались те достижения науки, которые были интересны для всех его участников. Вспоминается, что мы на этом семинаре обсуждали книгу И.Р. Пригожина «Порядок из хаоса» или, например, вводимое тогда французской «Школой анналов» понятие ментальности. Очень информативными были выступления сотрудников Сектора истории и теории эволюционного учения, которые знакомили слушателей с некоторыми общенаучными вопросами их тематики.

С работой Кирилла Михайловича Завадского «К проблеме прогресса живых и технических систем» (1970) я познакомился задолго до работы в институте. Я с большим интересом прочел ее и узнал совершенно неожиданную для себя идею об эволюции в технике, которая привела к появлению совершенно не имеющих аналогов в природе технических устройств, таких как, например, современный самолет. Придя в Отдел, я узнал, что Кирилл Михайлович, к сожалению, вскоре умерший, в свое время сформировал и возглавил Сектор истории и теории эволюционного учения. Он был блестящим ученым, который, по мнению А.Б. Георгиевского, внес «выдающийся вклад в познание истории мировой и отечественной эволюционной мысли, показал главные направления развития дарвинизма, критически глубоко проанализировал другие эволюционные концепции».

Другим выдающимся ученым, который вошел в состав этого Сектора (в Ленинградском отделении ИИЕТ он работал с 1957 г.), был биолог-ге-

нетик, историк европейской науки Иван Иванович Канаев (1893–1984). Сразу же после перехода в ИИЕТ он выпустил в свет в своем переводе избранные труды Гёте по естествознанию. Позднее написал книги о К.Л. Бюффоне (1966), о Фрэнсисе Гальтоне (1972) и о Жорже Кювье (1976). Последние годы он болел и работал дома и после выхода на пенсию вскоре умер.

Александр Борисович Георгиевский уже при мне перебрался из Новгорода в Ленинград и в 1980 году был избран заведующим Сектором истории и теории эволюционного учения. Ученик Завадского, специалист по проблемам эволюционной адаптации, он также уделял внимание пропаганде эволюционного учения и в 1985 году издал книгу «Дарвинизм». Александр Борисович – человек не менее скромный, чем А.В. Кольцов, и так же, как и тот, не любивший административной работы, руководил сектором «очень скромно», однако в нем работали ученые высокого уровня, и этот стиль руководства не отражался на качестве исследований. Среди сотрудников сектора выделялся Даниил Владимирович Лебедев. Он прошел всю Отечественную войну и отличался прямоотой отношений и независимостью взглядов, чем не раз помогал мне в моей работе. Не имея ученых степеней, он был Ученым секретарем Комиссии АН СССР по изучению научного наследия Н.И. Вавилова и автором книги «Очерки по истории ботанической историографии в XIX – начале XX в.» (1986). Даниил Владимирович хорошо чувствовал современные веяния и в свое время предложил мне идею создания Ломоносовской энциклопедии, за что я ему остаюсь и ныне благодарным. Если я не ошибаюсь, он же первым высказал мысль о создании Летописи истории Академии наук.

Ксения Викторовна Манойленко посвятила свою научную деятельность исследованиям в области истории ботаники и развития эволюционных аспектов физиологии растений. Ее классическими трудами стали «Развитие эволюционного направления в физиологии растений» (1974), «Эволюционные аспекты проблемы засухоустойчивости растений» (1983). Она создала целый ряд биографий отечественных ученых, работавших в этих научных направлениях. Мне она представлялась очень миролюбивым человеком, обладающим не только большими знаниями, но и прекрасными нравственными свойствами.

В этом секторе работала также Татьяна Аркадьевна Лукина, автор книги «Мария Сибилла Мериан» (1980) и биографических произведений об А.П. Протасове и И.И. Лепехине – двух русских академиков XVIII века. Она не очень вписывалась в тематику сектора и вскоре ушла на пенсию. Другая сотрудница – Л.Н. Хахина, автор книги «Проблема симбиогенеза» (1979), принадлежала к числу учениц К.М. Завадского. Она отличалась живостью характера и была активной участницей жизни Отдела.

У Я.М. Галла научные интересы связаны с эволюционной биологией. Он занимался изучением творчества Ч. Дарвина, Дж. Хаксли, Г.Ф. Гаузе, В.И. Вернадского, Н.К. Кольцова, И.И. Шмальгаузена и др. Вместе с академиком А.Л. Тахтаджяном он готовил к новому изданию «Происхождение видов» Ч. Дарвина.

Самым молодым сотрудником сектора был С.А. Орлов. Я сейчас не могу вспомнить ничего о его научных интересах, скажу только, что он после В.Н. Макеевой стал секретарем партийной организации Отдела и мы с

ним, в частности, должны были обеспечивать требуемую норму выхода сотрудников Отдела на праздничные демонстрации.

И, как говорится, «на сладкое» я припас Эдуарда Израилевича Колчинского. Он был самым верным учеником К.М. Завадского и, как мне представляется, самым талантливым. Невероятно трудоспособный и целеустремленный, он был основной фигурой Сектора и руководителем профсоюзной организации Отдела. Честно говоря, я не припомню каких-либо конфликтов с ним в этой его ипостаси. Мы, как правило, находили общий язык, несмотря на то, что Эдуард Израилевич обладал повышенной эмоциональностью и был достаточно неуступчив. Что же касается его научной деятельности, то в ней заметно проявлялась его способность широко, я бы сказал философски, смотреть на исследуемые проблемы, что выделяло и выделяет его ныне. Широкой была и область его научных интересов, к которым относились проблемы детерминации органической эволюции, эволюции факторов и причин эволюции органического мира, эволюции биосферы, истории развития эволюционной теории в России и многие другие. Одновременно с научной работой Э.И. Колчинский долгое время преподавал в Санкт-Петербургском государственном университете. Все эти стороны своей деятельности он сохранил и поныне в должности директора филиала Института.

В 1954 году, то есть почти сразу же после создания Ленинградского отделения Института, в нем стал работать Алексей Петрович Мандрыка. Именно им было положено начало тому направлению, которым вскорости занялась группа истории технических наук. В 1975 году вышла в свет его фундаментальная монография «Взаимодействие механики и техники (1970–1990)». Алексей Петрович мне показался совершенно феноменальным человеком, когда я узнал, что он слепой продолжал активную научную деятельность. До своей кончины он сумел создать еще две книги – «Аэродинамические лаборатории Петербурга» (1980) и «Очерки развития технических наук. Механический цикл» (1984).

Группу возглавил Б.И. Козлов, в ней работал еще и Я.Г. Неуймин. Позднее в нее вошли специалисты по истории античной науки Л.Я. Жмудь и истории кораблестроения И.Ф. Цветков. Назову основные работы группы того времени – «Модели в науке и технике» Я.Г. Неуймина и «Возникновение и развитие технических наук: опыт историко-теоретического исследования» Б.И. Козлова. Научная деятельность двух других членов группы в полной мере развернулась уже после моего ухода с поста заведующего Отделом. В 1984 году по просьбе тогда вице-президента АН СССР академика А.Л. Яншина в группе появился новый научный сотрудник А.И. Мелуа, занимавшийся некоторыми проблемами космонавтики. В 1985 году он, к сожалению, не без моего содействия, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную корректировке с помощью авиации географических карт, полученных с космических станций. Впоследствии он продолжал работать в области истории космонавтики.

Около двух лет в составе этой группы работал видный советский социолог Владимир Александрович Ядов, который позже, в 1988 году, был избран директором Института социологии АН СССР. Другим социологом в Отделе был специалист в области социологии науки С.А. Кугель. Он работал совершенно автономно от всех других подразделений отдела. Не

могу не сказать, что руководить таким разнообразным по тематике научным учреждением было очень трудно. Поэтому я даже не пытался освоить азы социологии. Хотя во время работы в Отделе всячески пытался познакомиться хотя бы с философией науки и читал труды Т. Куна и И. Лакатоса и знакомился с идеями К.Р. Поппера.

При мне Ученым секретарем Отдела достаточно долго был Борис Ильич Иванов. В ЛО ИИЕТ он работал с 1969 года и за это время подготовил в соавторстве два научных издания (Специфика технических наук. 1974; Становление и развитие технических наук. 1977), став специалистом по истории технических наук. Он был незаменим при организации и проведении организуемых Отделом ежегодных научных конференций Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники. Эти конференции концентрировали вокруг секторов Отдела многих ученых, работающих в других научных организациях или даже любителей. Одним из них, например, был очень энергичный автор научных биографий – Грант Константинович Цверава. Он жил в Бокситогорске, но активно сотрудничал с Сектором истории.

Но, естественно, основное внимание уделял изучению биографии и научного наследия М.В. Ломоносова, Мемориальным музеем которого взялся руководить. В это время сотрудницы музея работали над подготовкой к изданию 11-го дополнительного тома Полного собрания сочинений Ломоносова, завершеного в 1959 году. Я стал помогать им в этой работе, но, к сожалению, в это время помещения музея подверглись наводнению и пожару. Однажды ночью в зале четвертого этажа Кунсткамеры (музей располагался в башне этого здания на третьем, четвертом и пятом этажах) в батарее парового отопления откололся кусок чугуна, довольно большого размера, и горячая вода полилась вниз в зал, где располагалась экспозиция, посвященная жизни Ломоносова. Помещение не только залило водой, но и наполнило паром, от чего пострадали многие экспонаты и покоробился паркетный пол. Но этого мало. Когда заканчивался ремонт паркетного пола и работала циклевочная машина, искра от нее ночью вызвала пожар, который заметили только рано утром, приехавшая пожарная команда залила при этом зал, и восстановление началось снова. Не нужно описывать, сколько времени и сил ушло на восстановление экспозиций музея.

Надо сказать, что музей требовал постоянного внимания и заботы. Когда в коллекционной мебели появились древесные жучки, потребовались новые усилия по их уничтожению. Пострадавшую мебель нужно было везти в фумигационную камеру и, как водится у нас, *доставать* фумигационный газ. Постоянную заботу вызывали ежегодные стирки оконных маркиз, покрытие пола лаком, уход за коллекционными люстрами, а буквально головную боль – сохранение и реставрация Большого Готторпского глобуса, помещенного в послевоенное время в пятом этаже башни Кунсткамеры. Это помещение совершенно не годилось для хранения такого сложного и старого экспоната. Через щелястые рамы в него в дождливые дни лилась вода, размывая красочный слой, а температура и влажность в зале менялись с такой амплитудой, которая самым негативным образом отражалась на глобусе. На влажных стенах отслаивалась и разрушалась штукатурка. В одну очень дождливую осень я обратился за помощью в райком партии, где секретарь райкома мне посоветовал как-ни-

будь выйти из положения, ибо у него текут крыши многих домов Васильевского острова. Мне пришлось нанять фиктивную лаборантку (уж и не упомяну по чьему совету, сам бы я до этого не додумался), а выписываемую ей зарплату пустить на бетонирование пола шестого этажа, где скапливалась дождевая вода и откуда текла на глобус. Тут же из Отдела последовало сообщение в контрольно-ревизионное управление о нарушении мною финансовой и административной дисциплины. На разбирательстве этого события в партбюро Отдела я сказал, что спасал национальное достояние и готов понести любое наказание, – оно ничто по сравнению с тем, чего я добился. Выговор без занесения в личное дело райком партии не утвердил. Тем временем в музее проводились ежегодные Ломоносовские заседания, а через некоторое время еще и постоянно действующий семинар по истории отечественной культуры и науки. Со всеми этими делами и хлопотами помогали мне справляться сотрудники музея И.В. Бренева, А.Н. Калинин, Т.М. Моисеева и немного позднее Э. Ринкон-Поса. За это время мы подготовили к изданию еще два тома традиционных «Сборников статей и материалов. Ломоносов». Вместе с Н.В. Соколовой и Р.Б. Горюдиной подготовили и сумели издать иллюстрированный набор планшетов, который позволял создавать в школах и учреждениях небольшую выставку, посвященную Ломоносову (этот альбом был издан большим тиражом, который раскупили в несколько дней). Но самым большим событием этого периода было празднование 275-летия со дня рождения М.В. Ломоносова в 1986 году.

В один из частых приездов в Москву, сперва на заседания Дирекции, а позднее еще и как член Учёного совета Института, мне пришлось приехать к Микулинскому домой. Я уже не помню, по какому делу, но осталась в памяти его квартира. Она, вопреки моему ожиданию, была более чем скромно обставлена, а гордостью хозяина был сработанный его руками стол на кухне.

В то время, во всяком случае, в Ленинграде, все, кто имел возможность, обставляли квартиры, как мне тогда казалось, «в буржуазном стиле». Забегая вперед, скажу, что и в новой квартире, на одну комнату большей, чем на Ленинградском шоссе, всё было столь же скромно, и в кухне стоял тот же стол.

Были и два других эпизода, в которых проявились несколько иные черты Семена Романовича. Первый произошел на Ученом совете, где должны были утвердить к печати представленную Ленинградским отделом книгу Н.И. Невской «Петербургская астрономическая школа XVIII века». Совершенно справедливо главным её героем был академик Жозеф Никола Делиль. Автор поместила его портрет, обрамленный портретами других астрономов, в том числе и Ломоносова. Получилось что-то вроде иконы с клеймами: икона в центре большая, а окружающие её клейма маленькие. Безвкусно, но я ничего страшного в этом не увидел. Увидела и обвинила Невскую в принижении нашего Ломоносова перед иностранным учёным приверженная Ломоносову сотрудница Института. Семён Романович решительно поддержал её выступление и резко потребовал, чтобы я впредь не допускал таких промахов. Потом коллеги мне разъяснили, что эта сотрудница – жена чрезвычайно влиятельного чиновника Академии и что ссориться с ним, как тогда говорили, «чревато»! Я

понял, что во имя благополучия Института директор должен был именно так выступить, и ни он, ни я впоследствии не касались этой темы, словно её и не было.

Второй почти подобный эпизод произошел позднее. Дело в том, что на один из семинаров «Наука и культура России XVIII в.» я пригласил из Института истории РАН профессора И.П. Шаскольского прочитать доклад о том, кем же были варяги. Он, на основе результатов археологических раскопок варяжских могильников, доказал, что они не варяги-русь, как считал Ломоносов, а явные скандинавы. Об этом стало известно академику Рыбакову, он тогда был председателем музейного совета при Президиуме АН СССР. Борис Александрович упрекнул Микулинского в том, что заведующий Музеем Ломоносова проводит мероприятия, развенчивающие национального гения.

Ничего не подозревая, я приехал на Учёный совет, но предварительно встретился по административным делам с директором. Разговор шел в обычном доброжелательном тоне, и ничто не предвещало достаточно разгромного его выступления на заседании Учёного совета. В первый момент я растерялся, считая незаслуженным сделанное в очень неприятной тональности выступление директора. Ведь при нём же представитель ЦК КПСС нацеливал меня на восстановление истинных заслуг Ломоносова. Но потом решил, что, как и в предыдущем случае, у него имелась причина для такого выступления, и больше об этом мы ни разу не говорили. Несомненно, решил я, Семёну Романовичу виднее, что надо делать, чтобы авторитет Института не был поколеблен. Он воспринимал Институт, как часть самого себя, и, по-видимому, не всегда был справедлив. Вместе с тем в годы его правления наш Институт, думаю, переживал свою акмеистическую фазу. Нам выделяли громадное количество печатных листов (если память мне не изменяет, 760 листов в год), а Семён Романович тщательно следил за качеством этой печатной продукции. В Институте тогда работали очень авторитетные учёные, такие как историк математики А.П. Юшкевич, историк физики, философ Б.Г. Кузнецов, академик Б.М. Кедров и ряд других, более молодых, но не менее талантливых сотрудников. Их книги формировали в научной среде высокую оценку работы Института.

Микулинский искренне придерживался курса партии и не прощал тем, кто, по его мнению, этого курса не разделял. В одном из наших разговоров у него прорвалось очень эмоциональное высказывание о работавшем тогда в Институте философе М.К. Мамардашвили. Микулинский называл его философские взгляды неприемлемо странными, что означало – не соответствующими нашей официальной философии. В результате Мамардашвили ушел из Института.

Общаясь с директором, я узнавал о таких философах науки, как Томас Кун, Карл Поппер, Имре Лакатос. Естественно, я принялся читать их книги; особенно внимательно первого из них. Это чтение действительно вызвало у меня интерес к философии науки.

Однажды Семён Романович приехал на какую-то конференцию в Ленинград и жил здесь почти неделю. Я заметил, что у него в нашем городе нет близких людей, и решил организовать ему «культурную программу». Выяснилось, что он никогда не был в Кронштадте, который в то время был закрытым городом, и предложил съездить туда. Он с радостью согла-

сился, и мы провели в нем целый день, а в его конце возвратились в Ленинград морем на Метеоре. Пристань, к которой пришвартовался наш быстходный кораблик, находилась прямо напротив Второй линии Васильевского острова, и я предложил посмотреть место, где находилась Химическая лаборатория Ломоносова. Микулинский согласился, и мы пешком за 10 минут дошли до дома 49 Второй линии и посмотрели пустой двор. И тут Семён Романович неожиданно загорелся идеей воссоздать эту Лабораторию, которая стала бы единственным памятником науки, сохранившимся в нашей стране с середины XVIII века. Как говорится, «лиха беда начало». Развивая этот замысел, Микулинский неожиданно для меня заговорил о том, что надо бы отметить 275-летний юбилей со дня рождения Ломоносова. Он сказал, что неизвестно, что будет через 25 лет, и будут ли отмечать 300-летие в 2011 году, оказавшись провидцем: празднование было очень невыразительным, а руководство Кунсткамеры, как бы именно к юбилею, захотело ликвидировать находившийся в этом здании Музей Ломоносова. С трудом удалось его отстоять. Но вернемся к тому времени.

Микулинский согласовал проведение этого мероприятия с партийными и государственными инстанциями, и началась подготовка к Юбилею. Обязанности были распределены так: он готовил празднование в Москве, а в Ленинграде поручил мне целую программу действий. Надо было оформить передачу Академии наук участка (и двух домов на нем), где находилась Химическая лаборатория. Произвести раскопки её фундамента и договориться с ГИПРОНИИ о подготовке проектных документов для воссоздания здания. Не стану перечислять всех других дел, связанных с Юбилеем. Их оказалось очень много, но Микулинский полностью положился на меня, а я его только ставил в известность о ходе дел. Но вот для организации празднования в Архангельске мы поехали вдвоем. В этой поездке проявились еще незнакомые мне черты личности Семёна Романовича. Правда, я уже знал, с каким интересом он знакомится со всем новым для него. Это проявилось в Кронштадте, проявилось и в Архангельске, где он был тоже в первый раз.

В нескольких километрах вверх по течению Сев. Двины стараниями председательницы Областного совета по культуре был создан в малом масштабе городок, в который свезли массу деревянных построек, сохранившихся с конца восемнадцатого века в разных концах Архангельской области, причем постройки расположили так, чтобы они сохранили стиль и колорит своих прежних местонахождений. Городок получил название Малые Корелы.

Надо было видеть Семена Романовича, который не мог пропустить ни одной из крестьянских усадеб и даже самой маленькой церквушки. Поскольку я там много раз бывал раньше, то исполнял роль его экскурсовода. Приходилось отвечать на бесконечные его вопросы по организации жизни архангелогородских крестьян (до революции эта губерния именовалась Архангелогородской).

Новым для меня было общение Микулинского с первым секретарем партийной организации Архангельска и области и с главой её государственной администрации. Я удивлялся свободе его поведения во время встреч с ними, а позднее, когда он брал меня с собой на деловые встречи с высоким начальством в ЦК КПСС, я ни разу не наблюдал, чтобы он пере-

ходил на заискивающий тон разговора (прежний мой опыт говорил о другом). Очень уважительно он общался и с работниками Ломоносовского дома, который создали к Юбилею. И это повышало мое отношение к директору, как человеку. Впрочем, я был свидетелем и таких случаев, когда он, невзлюбя, заслуженно или нет, кого-то из своих сотрудников (я наблюдал это на примере С.Г. Кара-Мурзы, который мне нравился и как человек, и как учёный), просто переставал их замечать.

Но вернемся к 275-летнему юбилею. Была проведена на одном энтузиазме, то есть бесплатно, раскопка фундамента здания Лаборатории, а ГИПРОНИИ – разработал всю проектную документацию, но денег у Академии на воссоздание Лаборатории не нашлось (!) и прекрасная идея Семёна Романовича была надолго, надеюсь не навсегда, забыта.

Всё остальное в Москве, Ленинграде и Архангельске прошло очень достойно. В Москве в Большом театре в Президиуме торжественного заседания присутствовали члены ЦК КПСС во главе с М.С. Горбачёвым и Совета Министров. В Президиум был приглашен и директор ИИЕТА! Это я к тому, чтобы показать, как высоко ценился тогда наш Институт.

После завершения юбилейных мероприятий и перехода в 1987 году Семёна Романовича на работу в Архив АН, наши отношения с ним стали несколько ближе и теплее. Когда мне доводилось быть в Москве, я навещал его и видел, что это ему было приятно. Однажды я остался ночевать на его даче и вечером мы отправились с ним в прогулку по посёлку. Как обычно, разговоры были самыми разнообразными, но в этот раз мы говорили о том, что, может быть, стоило разделить руководство института на директора и научного руководителя. Семён Романович как-то неуверенно пожалел о том, что он мог бы больше заниматься наукой, если бы он был научным руководителем, однако, зная его не один год, я подумал, что его натура не вынесла бы такого разделения функций. Микулинский не был кабинетным учёным. Я не знаю, каким образом можно измерять масштаб человека, но всем нутром чувствовал, что масштаб его личности требовал значительно большего объёма деятельности. Он, например, много времени и сил уделял работе в международных объединениях историков науки, хотя его последователи на этом посту спокойно обходились без этой нагрузки.

Последний раз я виделся с Семёном Романовичем, когда он уже был серьезно болен. Несмотря на это, он посидел за столом, но я сократил визит до предела. По дороге в Ленинград я думал о нём. К тем чертам, которые описаны выше, я добавил бы, что Семёну Романовичу было не чуждо ничто человеческое. Он любил жизнь, был очень деятельным и пытавшимся скрывать свою эмоциональность директором.

Мне он нравился!

После ухода С.Р. Микулинского с поста директора ИИЕТ в 1987 году директором стал В.С. Степин. К этому времени и я стал уставать от руководства Отделом, а поскольку с новым директором мы не нашли взаимопонимания, я отказался от этой должности и остался только заведующим музеем. Но это уже другая история.

Текст подготовлен путем контаминации по: 1. Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 35–43; История науки: источники, памятники, наследие: Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: Материалы науч. конф. Москва, 19–20 октября 2016 г. М., 2016. С. 309–313.

1981 год

КУРТИК
Геннадий Евсеевич

После окончания МАИ в 1974 г. и службы в армии я работал в должности радиоинженера в ЦНИИГАиК. Моим основным инструментом был паяльник. Я занимался электронными схемами в приборах, относящихся к аэрофотосъемке. Среди наших семейных знакомых была молодая женщина, замечательный поэт по имени Ольга Рожанская. Она познакомила меня со своей матерью Миррой Михайловной Рожанской, историком науки, и та некоторое время спустя предложила мне поступить в аспирантуру в ИИЕТ АН в сектор истории механики. Этот сектор (а может быть, группу, сейчас уже в точности не помню) возглавлял доктор физико-математических наук А.Т. Григорьян.

Идея понравилась мне своей дикостью. Для того чтобы поступить в аспирантуру, я должен был

освоить в кратчайший срок теоретическую механику в объеме университетского курса, а желательно глубже, и написать текст, немаленький по объему, который свидетельствовал бы о моей квалификации. Это казалось невыполнимым.

Решающее значение в принятии решения сыграл мой друг математик, будущий священник Александр Геронимус, который сказал, что институт этот очень хороший, и он сам хотел бы в нем работать. Я приступил к занятиям. Еженедельно я приезжал к М.М. Рожанской и сдавал ей очередной раздел из университетского курса механики по Н.Н. Бухгольцу.

В то же время я познакомился с В.С. Кирсановым, историком механики и физики, сотрудником того же сектора, у него на квартире во 2-м Обыденском переулке. Он обратил мое внимание на более современные книги по теоретической механике, в частности посоветовал прочитать «Механику» Ландау–Лифшица и «Классическую механику» Г. Голдстейна, что я и сделал с течением времени.

В.С. Кирсанов спросил меня, чем я хочу заниматься. Я честно признался, что механика меня не особо интересует, но мне хотелось бы заниматься историей астрономии. Что-то во мне внушало доверие, и Владимир Семенович предложил мне для поступления в аспирантуру изучить историю кинематико-геометрического моделирования движений небесных светил в античности и средневековье.

Проводниками в историю античной астрономии и механики и вообще истории науки стали для меня книги Н.И. Идельсона «Этюды по истории небесной механики» и И.Н. Веселовского «Очерки по истории теоретической механики». Огромное впечатление произвела на меня книга М.М. Рожанской «Механика на средневековом Востоке», написанная по материалам ее кандидатской диссертации. Я измусолил ее от первой до последней страницы. Дополнительными важными источниками по истории науки и культуры вообще были для меня книга О. Нейгебауэра «Точные науки в древности» и книга Б.Л. ван дер Вардена «Пробуждающаяся наука».

Все указанные труды помогли мне написать требуемый текст, который я представил при поступлении в заочную аспирантуру ИИЕТ АН СССР. Этот текст имел несомненное историко-астрономическое содержание и при этом вполне соответствовал интересам сектора истории механики. Знания, которые я продемонстрировал на приемной комиссии, оказались достаточными для поступления в заочную аспирантуру (1977). Так я пришел в ИИЕТ АН ...

На этом можно было бы и закончить, но мне хочется рассказать немного о первых моих впечатлениях, связанных с ИИЕТ. Первое впечатление, поразившее меня, носило достаточно поверхностный характер, но было точным – я почувствовал, что место это очень живое. В присутственные дни в Институте бывало много народа, как сотрудников, так и гостей из других научных учреждений. Число пожилых и молодых сотрудников было приблизительно одинаковым. В коридорах иногда слышалась английская или немецкая речь. В.С. Кирсанов свободно говорил по-немецки, а со временем выучил английский на очень высоком уровне. Институт был общемосковским культурным центром. В нем действовало несколько семинаров, на которые приходили выдающиеся московские ученые из МГУ и других физических и математических институтов, но также и специали-

сты других направлений. Тесные связи поддерживались с Институтом философии РАН. На Ученых советах разного профиля регулярно проводились защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Важнейшей частью ИИЕТ была библиотека, содержащая огромное собрание книг по различным областям истории науки. Многие приходили в ИИЕТ, чтобы поработать в ней. Она содержала издания, которые нельзя было найти ни в каких других московских библиотеках. Она считалась частью библиотеки ИНИОН, но включала также книги, завещанные учеными, историками науки, которые они собирали всю жизнь. На стенде новейших поступлений выставлялись книги и только что вышедшие журналы на английском и других языках по истории науки. Существовал и библиотечный абонемент, позволявший заказывать книги из Библиотеки им. Ленина и, что особенно важно, книги и журналы из хранилища в Химках. Это было очень удобно.

Для меня особый интерес представляли контакты с историками механики, физики и математики. Особенно близкие отношения сложились с сотрудниками сектора истории математики, поскольку в нем культивировался интерес к античной и средневековой науке. Возглавлял его Адольф Павлович Юшкевич, выдающийся ученый, историк математики, его правой рукой был С.С. Демидов. Я старался не пропускать доклады А.П. Юшкевича, он демонстрировал поразительную строгость мышления и культуру речи, которую нечасто можно встретить даже в нашем нерядовом учреждении. Добиться положительной оценки своей работы А.П. Юшкевичем было непросто.

В секторе истории математики был заведен строгий порядок: если ты пришел в институт, ты должен не слоняться по коридорам, а сидеть и работать. И хотя помещение было тесным, историки математики в присутственное время напряженно работали, так что неудобно было их отвлекать. А отвлекать иногда приходилось, потому что возникали вопросы, которые решить могли только здесь.

Среди сотрудников сектора особые симпатии у меня вызывал Борис Абрамович Розенфельд – математик, историк математики и арабист. Мы с ним сразу же подружились. Он был романтиком по своей натуре и почувствовал во мне родственную душу. Он специализировался в области истории математики стран ислама, но к нему можно было обратиться по любому вопросу, связанному с историей математики. Можно было прийти с арабским текстом и попросить перевести его, и Борис Абрамович сходу его переводил. Со своей стороны, он обращался ко мне с вопросами, касающимися истории астрономии. И когда пришла пора писать текст диссертации, в которой обширная глава была посвящена средневековой астрономии стран ислама, я пришел к нему и попросил критически оценить ее, и он согласился, хотя обычно отклонял такого рода просьбы.

Контакты с историками физики первоначально носили эпизодический характер, но они стали более тесными после того, как группу по истории механики и сектор истории физики объединили в одно подразделение – сектор истории физики, механики и астрономии. Мы оказались в одном помещении. Интересы историков физики в основном сосредоточивались на современной физике, как российской, так и зарубежной. Эта область была от меня далека, но я регулярно посещал физические семинары, на

которых становился свидетелем горячих дискуссий, которые там возникали по разным вопросам истории физики. Разговор и спор настоящих ученых – это воистину замечательное зрелище. Особенности симпатии у меня вызвали Вл.П. Визгин, И.С. Алексеев, Н.В. Вдовиченко и Г.М. Идлис. В дискуссиях нередко принимал участие и В.С. Кирсанов, однако его главным интересом была эпоха Возрождения – Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон. В 1987 г. появилась его книга «Научная революция XVII века», блестяще написанная.

В ИИЕТ существовал еще один сектор, сотрудники которого вызывали у меня чувства, напоминающие влюбленность. Его название в точности я не помню. В нем работали философы и рассматривались философские вопросы истории естествознания. Интерес научного сообщества доперестроечной Москвы к нашему институту во многом определялся этим сектором. Среди работ его сотрудников особое значение для меня имели книги И.Д. Рожанского, П.П. Гайденко и А.В. Ахутина, которые я изучал с великим тщанием. Слушая их доклады, я нередко убеждался в их интеллектуальном превосходстве, но не испытывал зависти, а наоборот, радость от того, что имею возможность общаться с такими учеными. В 1988 г. В.С. Степин увел из нашего института почти всех философов, чем нанес ему непоправимый ущерб.

После увольнения Алины Иосифовны Еремеевой в 1967 г. в ИИЕТ практически не осталось сотрудников, занимавшихся историей астрономии. Отдельные публикации все же появлялись, их авторами были Л.Е. Майстров, Н.И. Невская, Б.А. Розенфельд и М.М. Рожанская. Ситуация изменилась с появлением Александра Ароновича Гурштейна (1981), профессионального астронома, поставившего целью возродить изучение истории астрономии в ИИЕТ. Ему удалось с течением времени создать группу историков науки, занимавшихся историей астрономии. Помимо меня в нее вошли М.Ю. Шевченко, В.В. Темный и И.В. Завидонов, но это событие уже гораздо более позднего времени.

В этом очерке упомянуто несколько имен ученых, человеческое или научное общение с которыми оказало особое влияние на мою судьбу как молодого ученого. Но было много и другого общения. Я не упоминаю больше никого из сотрудников института только из-за краткости очерка.

1977 год

ЛЕРМАН
Ирина Васильевна

В Академии наук я работаю с 1961 года. Сначала – в Комитете научно-технической терминологии, который существовал при Отделении технических наук АН СССР. Располагался он на улице Грибоедова, дом 4, в Институте машиноведения, директором которого был академик Благонравов. В этом здании находилось очень много академических учреждений, с которыми наш комитет был связан: РИСО, библиотека Отделения технических наук АН СССР и др. А потом, примерно в 1965–1967 гг., этот институт перешел в двойное подчинение Академии наук и Министерства среднего машиностроения. И все здание полностью перешло к Институту машиноведения, а эти маленькие академические учреждения начали оттуда выселять. Наш Комитет обслуживал Совет водного хозяй-

ства, который находился в том же здании. Когда Совет переехал, Комитет прикрепили на хозяйственное обслуживание и обслуживание бухгалтерии к Институту истории естествознания и техники АН СССР. Так в 1974 г. я узнала про ИИЕТ. Я в то время уже почувствовала академическую атмосферу. К нам приходили академик Артоболевский, член-корреспондент Сифоров... Контакты с интересными людьми оставляют яркие впечатления...

Я была в должности старшего научно-технического сотрудника. В Комитете всего работало 8 человек. Работая с Институтом истории естествознания и техники, я познакомилась с Музруковой, Семеном Викторовичем Шухардиным и другими. А потом, летом 1977 г., Семен Романович Микулинский, директор ИИЕТ, предложил мне работать в дирекции Института. Я начала работать помощником Ученого секретаря Ю.А. Зиневица. В те годы я оканчивала редакторские курсы в Полиграфическом институте. Работа заключалась в подготовке рукописей к печати, вычитывании текстов, корректуре, составлении планов научно-исследовательских работ и отчетов и пр. При С.Р. Микулинском были заместители – Ю.С. Воронков и доктор экономических наук В.А. Жамин. До работы в Институте Жамин был зав. кафедрой экономики МГУ, очень славный человек. Работать с ним было очень приятно, так как он был очень корректным, но он недолго был в этой должности и года через два ушел. После Микулинского я работала с исполняющим обязанности директора В.И. Кузнецовым, потом с Б.И. Козловым, это был очень интересный человек, с Николаем Дмитриевичем Устиновым... в общем, при всех директорах я была помощником в организационной работе, вела протоколы заседаний дирекции, а позже – и заседаний Ученого совета. И при всех директорах продолжалась активная научная работа в Институте. С утра каждый понедельник проводились пятиминутки. Каждую неделю – заседание дирекции. Мне очень нравилось, что на заседаниях Ученого совета велась стенограмма. Ученые советы продолжались иногда с 15 до 23 часов. Очень многолюдными были заседания Пленумов Национального комитета, в них принимали участие около ста человек, приезжали со всех республик: из Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении... Это было незабываемо.

Работы было очень много, и она была разнообразной, живой, дирекция работала с утра до вечера. У нашего Института была очень активная работа с иностранцами, сотрудничество со странами СЭВ. К нам приезжали из Болгарии, Чехословакии, Венгрии. Обсуждали большие работы «Социализм и наука», «Основы науковедения», которые мы выпускали совместно со странами СЭВ. Был очень широкий план изданий. Рукописи были большие, по 400–500 страниц.

Наш Институт курировало Отделение философии и права. При том, что активно велась работа с иностранцами, такой единицы как зав. международным отделом не было. При мне возглавлял эту работу сначала Валерий Васильевич Синюков, в дополнение к своей научной работе осуществлял контакты с Управлением внешних сношений. Потом этим занимался Полтавец, потом его сделали Ученым секретарем Международного отдела. И через несколько лет выделили отдел и посадили там в качестве переводчицы научного сотрудника Марину Калишенко.

У нас было очень дружно, и в коллективе дирекции никогда не было никаких шероховатостей. Столкновения характеров были в Институте, а дирекция как-то умела такие конфликты гасить. Единственное, когда убрали Семена Романовича, это был очень тяжелый период, было много стрессовых ситуаций, комиссии, проверки... это было очень тяжело пережить. И второй очень тяжелый был момент, когда боролись с Чечулиным.

С.Р. Микулинский произвел на меня сильное впечатление. Это был очень сильный человек, очень строгий и требовательный, но он ценил преданных людей. Уважал людей, которые владели иностранными языками.

К сожалению, очень недолго я общалась с Шухардиным. Когда меня взяли в штат ИИЕТ, он уже болел и вскоре умер. Я имела с ним контакты, когда работала еще в Комитете, оформляла сотрудников за границу, а он в ИИЕТ был секретарем партийной организации. Это был очень мягкий, интеллигентный, очень внимательный человек; по-моему, он никому никогда не отказывал в помощи.

Ламан – это чудо! Он удивительным образом мог почувствовать, если у человека что-то случилось. Ведь всякое в жизни бывает, придешь на работу в плохом настроении, расстроенная..., а он заходил и сразу чувствовал это, и моментально снимал груз, тяжесть, он умел поддержать человека в тяжелую минуту и снять напряжение. И не только по отношению ко мне. Это было его качество. Он очень часто приходил к нам в дирекцию, любил с нами поговорить, расспросить, рассказать что-то. Когда он занимался историей железных дорог, работая в архиве, познакомился там с Э. Радзинским, который тогда как раз работал над книгой о Николае II. Тот подарил потом Ламану эту книгу, а он дал мне почитать, приносил нам дневники Николая II... В общем, контакт был не только «технический», но были и беседы о литературе, воспоминания..., он очень много знал об истории улиц Москвы.

Очень-очень любила я Виктора Николаевича Сокольского. Это был чудесный человек. Он тоже был не очень простой, спорщик. Мы несколько раз спорили, и он всегда побеждал. И он тоже очень сердечно к нам относился, любил приходить, что-то рассказывать. И на меня произвело впечатление, когда умер академик Раушенбах, который тоже хорошо нас знал и часто приходил: в дирекцию пришел Сокольский, встал напротив моего стола, и у меня возникло такое ощущение, что он «осиротел». И он молчал. И мы молчали. А ему просто хотелось постоять с нами...

Очень интересно было общаться с Ашотом Тиграновичем Григорьяном. Он необыкновенно много знал. С.Г. Корнеев был замечательный рассказчик. Быкова я запомнила, он такой яркий был человек. Очень тесное общение у меня было с Михаилом Григорьевичем Ярошевским, я много печатала на машинке его работы. У него был замечательный сектор, в котором он воспитал очень хороших ученых: Сироткину, Емельянова, Юревича, Володарскую, Умрихина – они все на моих глазах пришли в Институт и поступали в аспирантуру. Михаил Григорьевич очень любил и ценил Сироткину. Он принимал активное участие в жизни своих учеников, и всегда его первая реакция была – помочь. Если что-то случилось, он моментально отзывался, несмотря на безумную занятость.

Михайлова запомнила, он работал у Сокольского. Придет, бывало, в дирекцию, спросит у меня: «Директор на месте?», я отвечаю: «Его сегод-

ня не будет». А Михайлов: «Спасибо за плохие новости». А писал он замечательно, он писал о космических катастрофах на испытаниях.

Воронков – интересный человек, с чувством достоинства, спокойный, вежливый. Когда он был зам. директора – приходил в Институт каждый день. С.Р. Микулинский всех заставлял работать как следует.

Несколько слов хочу сказать о В.М. Орле как о директоре Института. Обладая незаурядным организаторским даром, Владимир Михайлович с большим уважением и почтением относился к ветеранам Института и проявлял о них искреннюю заботу.

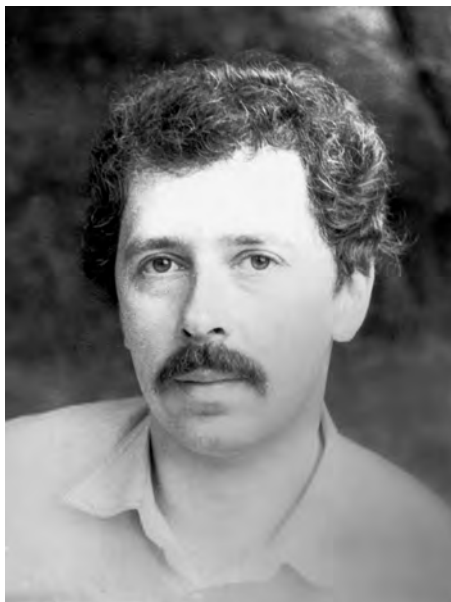
Вот сейчас, я считаю, какой-то спад. Мне жалко, что рассыпается Институт. И какой-то другой стиль появился в работе... В присутственные дни жизнь в Институте бурлила, в коридорах шли обсуждения какой-то новой книги, недавно вышедшей статьи, кто-то где-то выступил, кто-то что-то напечатал... И все это обсуждали. А какие были научные семинары в каждом секторе! А какая была аспирантура?! Чтобы поступить в нее, был конкурс. Знаете, о чем я сейчас очень горюю? У нас была в Институте блестящая библиотека! И вот сейчас лишит Институт такой библиотеки – это просто катастрофа, просто нельзя это делать.

К нам в дирекцию многие часто заходили просто пообщаться, им нравилась царившая там доброжелательная атмосфера. Мы, конечно, старались им чем-то помочь и понимали, что наш долг – быть помощниками научным сотрудникам.

Я счастлива, что работаю в этом Институте, и хотела бы поработать тут еще немножко.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 103–106.

1977 год

СОБОЛЕВ
Дмитрий Алексеевич

Впервые я пришел в ИИЕТ в 1977 г., чтобы узнать о возможности поступления в аспирантуру. В то время я был молодым инженером Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского. О существовании Института истории естествознания и техники мне рассказал мой коллега Виктор Беляев. Я давно увлекался историей авиации и решил попытаться счастья.

В коридоре института, расположенного в самом центре Москвы, стояли длинные шкафы с книгами. Видя полки с фолиантами, я немного оробел, ведь я нахожусь в Академии наук!

Меня встретил руководитель Сектора истории авиации и космонавтики Виктор Николаевич Сокольский – энергичный мужчина лет пятидесяти с усиками как у

Чарли Чаплина. Он расспросил меня, объяснил, чем отличается научная публикация от обычной статьи.

В том же году я поступил в очную аспирантуру Института, а три года спустя, защитив диссертацию, стал младшим научным сотрудником Сектора истории авиации и космонавтики. В то время я был единственным штатным сотрудником – историком авиации, другие занимались историей космонавтики.

Ещё в мою бытность в аспирантуре Сокольский начал активно привлекать меня к работе сектора. А её было много. Там готовили аспирантов, ежемесячно проводились заседания Секции истории авиации и космонавтики, насчитывающей около ста членов, ежегодно издавались 1–2 сборника научных докладов «Из истории авиации и космонавтики». Кроме этого, сектор организовывал ежегодные Научные чтения памяти К.Э. Циолковского и Ф.А. Цандера, позднее появились ещё Королёвские и Юрьевские чтения.

Мне поручили участвовать в подготовке заседаний Секции истории авиации и космонавтики (вскоре я стал ее ученым секретарем), редактировать сборники докладов.

Из-за большого объема работы в секторе Сокольского был особый режим, это было своего рода «государство в государстве». Если в других подразделениях сотрудники должны были приходить на полдня по вторникам и четвергам, то я первые десять лет бывал в институте трижды в неделю – по понедельникам, средам и пятницам, с 10 до 18.45. Первую половину дня я мог работать на себя в институтской библиотеке, а после обеда занимался делами института. И все же это был рай по сравнению с ЦАГИ, где каждый день надо являться в 7.30 утра!

Сокольский же проводил на работе каждый день, часто задерживался допоздна, встречался с ветеранами космонавтики и авиации. Среди посетителей были выдающиеся летчики-испытатели М.М. Громов, М.Л. Галлай, основоположники советской ракетной техники Меркулов, А.В. Палло, дочь Сергея Королева Наталья.

Сокольский научил меня редактировать научные статьи, работать с источниками, правильно формулировать выводы. Это очень пригодилось мне в будущем.

Запомнились слова Виктора Николаевича о том, что определять уровень новизны исторической работы надо не с первых страниц, а с конца, со списка источников – чем больше среди них неопубликованных документов, тем выше этот уровень. И ещё одно его парадоксальное высказывание: «Ни одно благое деяние не остается безнаказанным». Потом мне не раз приходилось вспоминать эти слова...

Институт был расположен так удобно, что до библиотеки им. В.И. Ленина, Российской государственной научно-технической библиотеки и библиотеки Политехнического музея можно было добраться за 15–20 минут. Это позволяло мне, отметившись в институте, поработать в одной из этих библиотек, а к трем часам вернуться в свой сектор для выполнения своих служебных обязанностей.

Библиотека ИИЕТ была небольшой, но имела очень ценные издания. Я помню объемистый труд американского профессора Самюэля Ленгли с

описанием его аэродинамических исследований и постройки самолета, опубликованный в 1904 г., полную подборку журнала «Вестник воздухоплавания» за 1909–1913 годы.

Первые годы моей работы в ИИЕТ были, наверное, самым счастливым периодом в моей жизни. Я был молод, полон идей и сил для их воплощения, мог заниматься тем, что мне интересно.

1977 год

ЮДИН
Борис Григорьевич

И до Бонифатия Михайловича у нас появлялись интересные содержательные исследования, с одной стороны, по истории науки и, с другой (хотя и в меньшей мере), – по философии естествознания. Но в первую очередь Кедров заложил традицию такого философского анализа науки, который опирался на основательное и тщательное изучение историко-научного материала. Важней при этом иметь в виду, насколько непреклонно и мужественно он противостоял попыткам идеологического шельмования естественнонаучных теорий и концепций, сколько сделал он для защиты многих и многих из числа тех естествовников и философов, которые попадали в идеологические жернова.

Если говорить несколько более конкретно, Бонифатий Ми-

хайлович заложил – не только в отечественной, но и в мировой философии науки – методологические основы того подхода, который ныне столь популярен. Я имею в виду то, что называют case studies, или ситуационным подходом, когда объектом пристального и всестороннего, междисциплинарного исследования становится конкретный эпизод из истории науки. В полной мере это воплотилось, скажем, в цикле работ, посвященных открытию Д.И. Менделеевым периодического закона. В них Кедров выступил и как химик, и как философ, и как специалист по психологии научного творчества. (Кстати, стоит заметить, что Кедров стал одним из основоположников исследований психологии научного творчества в нашей стране).

(...) Лично мне довелось сотрудничать с Бонифатием Михайловичем по такой проблематике, как взаимодействие и взаимосвязь общественных, естественных и технических наук. Он много занимался классификацией наук – это была одна из наиболее основательно проработанных им областей исследования. Возможно, главная цель, которую он преследовал в своих работах по классификации наук, заключалась в том, чтобы построить основания для прогнозирования развития науки в будущем и выявления наиболее перспективных ее направлений. Наряду с этим его живо интересовало и возникновение новых, междисциплинарных областей знания, как тогда говорилось, «на стыках наук».

Здесь следует напомнить о том, что в те времена каждые пять лет происходил очередной съезд КПСС, на котором, помимо всего прочего, принимался пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Но материалы съездов, помимо плановых заданий, содержали и какие-то положения установочного, идеологического характера. Выражаясь несколько циничным языком социологии науки, это – культурный ресурс, который можно (а нередко даже и нужно) было использовать для обоснования тематики и продвижения результатов проводимых исследований. Впрочем, некоторые использовали этот ресурс и в кровожадных целях, с тем, чтобы опорочить своих идеологических оппонентов и конкурентов в борьбе за доступ к финансированию и прочим ресурсам, необходимым для занятий наукой.

Так вот, на нескольких съездах в 70-е и 80-е годы среди установочных положений фигурировало и такое, которое требовало усилить (или, может быть, укрепить) то ли взаимодействие, то ли взаимосвязь общественных, естественных и технических наук. Не могу ничего сказать о том, каким образом это положение попало в партийные документы и что именно намеревалась партия извлечь из усиления этого взаимодействия. Но вот Бонифатию Михайловичу пришла в голову удачная мысль о том, что, опираясь (а точнее, время от времени ссылаясь) на эту установку, можно проводить вполне содержательные исследования по тенденциям развития современной науки. В связи с этим он и решил сделать проблематику взаимодействия наук одним из направлений работы возглавлявшегося им сектора «История науки и логика» Института истории естествознания и техники АН СССР, так что впоследствии на эту тему мы подготовили и опубликовали несколько книг.

В то время работал я в редакции журнала «Вопросы философии», и шел разговор о моем переходе в ИИЕТ. Однако ситуация у меня была не-

простая, так как незадолго до этого на меня в очередной раз наехал идеологический каток. Бывший тогда директором ИИЕТа С.Р. Микулинский хотел меня взять в Институт – об этом у нас были разговоры, но при этом он думал о своеобразном использовании моей идеологической «инвалидности». В те времена такой ход был достаточно распространенным – идеологически ущербному сотруднику, получившему место, полагалось чувствовать себя благодетельствованным и в обмен выполнять, хотя бы частично, роль «негра», готовящего материалы по заказам вышестоящего начальства. Подобная роль была уготована и мне.

Однако в ситуацию вмешался Бонифатий Михайлович. Как-то он приехал на Волхонку, в редакцию журнала, в день, когда из редакторов был один только я. Без всяких обиняков он предложил мне место старшего научного сотрудника в своем секторе с тем, чтобы я вел тему о взаимосвязи наук. В таких ситуациях, надо сказать, он действовал с напором урагана, так что максимум через пятнадцать минут мы уже ехали в его машине в Старопанский переулок, в ИИЕТ. Разумеется, я ему рассказал о планах на мой счет С.Р. Микулинского.

В те времена – а это был 1977 г. – даже по центру Москвы проехать можно было достаточно быстро, и вскоре мы уже входили в ИИЕТ. Безо всякого промедления, едва ли не бегом, мы с Кедровым проследовали в кабинет Микулинского. Для него предложение Кедрова о моем переходе на таких условиях оказалось неприятным сюрпризом, поэтому меня попросили на несколько минут выйти в коридор с тем, чтобы начальники договорились между собой.

Эти несколько минут затянулись часа на полтора, в течение которых в коридор время от времени доносились весьма эмоциональные выкрики то одного, то другого из собеседников – разговор шел на повышенных тонах. Как бы то ни было, в конечном счете меня пригласили на оглашение вердикта. Войдя в кабинет, я обратил внимание на разгоряченные лица обоих. Резюме (его объявлял Бонифатий Михайлович) было таким: я перехожу на работу в его сектор. Однако тут же Семен Романович заметил, что при этом время от времени я буду получать задания и от него. На что Бонифатий Михайлович ответил: да, согласованное решение именно таково, но, к огорчению Семена Романовича, продолжил он, каждое такое задание я буду получать только с одобрения Бонифатия Михайловича.

На таких условиях я и начал работать под руководством Б.М. Кедрова – вплоть до самой его смерти, – занимаясь проблематикой философии науки. Надо сказать, мне не так уж редко доводилось получать задания от дирекции, точнее – от самого С.Р. Микулинского. А поскольку Кедров в то время, увы, довольно часто болел, порой эти задания просто невозможно было согласовать с ним.

И вот однажды случилось такое: мне вдруг передали приказание от Бонифатия Михайловича немедленно приехать к нему домой. Войдя в квартиру, уже с порога я был огорошен весьма жестким разнесом с его стороны. Не сразу мне удалось понять, в чем же состояло мое преступление. Как оказалось, Бонифатию Михайловичу стало известно о том, что я выполняю задание, полученное мною от директора, при этом не поставив в известность его, моего непосредственного начальника. И опять-таки, напор Бонифатия Михайловича был столь яростным, что я не мог вставить

хоть полслова в свое оправдание (я не помню, в чем именно состояло полученное мною задание, помню только, что ни в нем самом, ни в том, как я его получил, не было ничего крамольного). Лишь вмешательство супруги Бонифатия Михайловича, Эрики Яковлевны, которая через какое-то время пришла мне на помощь, позволило приостановить поношения в мой адрес, а мне – выступить с объяснениями, которые почти сразу же были сочтены приемлемыми.

Вообще же следует заметить, что Бонифатий Михайлович обладал какой-то нечеловеческой работоспособностью. Им было написано такое огромное множество книг и статей, что люди, не знавшие его близко, считали, будто на него работает целая команда «негров». Нет, это было не так, я знаю, что все его публикации были написаны им самим. Если не единственным, то редчайшим исключением была одна рецензия в журнале «Вопросы философии» за подписью Б.М. Кедрова, которую написал я по поручению главного редактора журнала И.Т. Фролова – было это в 1973 г.

А однажды мне довелось увидеть Бонифатия Михайловича, что называется, в деле. Мы возвращались с ним из командировки в Чувашию, в Чебоксары. Естественно, гостеприимные хозяева не скупилась на угощение, так что, когда мы сели в поезд, то были не такими уж свежими. И вот, чуть только поезд отъехал, как он сел и с невероятной скоростью стал писать текст. Так что работал он в любых возможных и даже не возможных условиях.

Публикуется по: Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2005. С. 475–478.

1978 год

КОЛЧИНСКИЙ Эдуард Израилевич

Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР, куда я был прикомандирован [в 1969 г. — *С.И.*] как аспирант Института истории АН ЭССР, было создано в сентябре 1953 г. Ранее в Ленинграде существовала Комиссия по истории знаний, созданная и возглавлявшаяся В.И. Вернадским. Ее председателем в 1929 г. стал Н.И. Бухарин, только что выведенный И.В. Сталиным из состава Политбюро ЦК ВКП(б) как один из лидеров правой оппозиции. В 1932 г. Бухарин преобразовал Комиссию в Институт истории науки и техники, который и возглавил. В годы Большого террора Н.И. Бухарина расстреляли, как и большую часть сотрудников Института, а само учреждение 5 марта 1938 г. было закрыто. Быстрое возрождение академического уч-

реждения в Ленинграде после смерти Сталина объяснимо тем, что заместителем директора Института в Москве была В.А. Голубцова, жена Г.М. Маленкова – тогдашнего председателя Совета Министров СССР.

К моменту моего поступления в аспирантуру многие могучие покровители ЛО ИИЕТ, авторитетные члены АН СССР (А.Ф. Иоффе, Т.П. Кравец, В.И. Смирнов и др.) уже ушли из жизни, но Отделение традиционно занимало видное место в академическом сообществе, организуя юбилейные мероприятия по случаю важнейших событий в истории науки и техники, издавая научное и эпистолярное наследие крупных ученых, координируя исследования в рамках Ленинградского отделения Советского национального комитета по философии и истории науки и техники. Среди тех, кто закладывал эти традиции, я не застал в живых руководителя группы историков биологии Бориса Евгеньевича Райкова (на базе этой группы К.М. Завадский создал свой сектор истории и теории эволюционного учения) и заведующего сектором истории Академии наук Анатолия Васильевича Предтеченского. Но память о них была жива, как бы воздействуя на этос и быт ЛО ИИЕТ.

Основные черты ЛО ИИЕТ как научного сообщества формировались во время хрущевской «оттепели» и популярности шестидесятников. Именно в эти годы шла кристаллизация основных научных исследований и выработка структуры. В момент моего поступления в аспирантуру ЛО ИИЕТ возглавлял знакомый мне лекциями по философии техники профессор Ю.С. Мелешенко, а ученым секретарем была обаятельная женщина, видный ломоносововед Г.Е. Павлова.

Среди подразделений ЛО ИИЕТ наиболее популярным тогда был Музей М.В. Ломоносова, официально считавшегося «великим ученым» и «великим сыном великого русского народа», основателем чуть ли не всех наук. Музей М.В. Ломоносова был не только центром разработки научного наследия ученого, но и культовым местом, посещаемым многочисленными экскурсантами из разных концов СССР и зарубежными делегациями. Но постепенно в обществе, пережившем борьбу с космополитизмом, стал нарастать скептицизм к пропагандируемому образу Ломоносова как гениального ученого, опередившего на столетия своих современников. По традиции, установленной С.И. Вавиловым, в Музее два раза в год, в день рождения и смерти Ломоносова, устраивали торжественные заседания с научными докладами, которые посещали все меньше и меньше участников. Для придания массового характера мероприятиям, имевшим еще и идеологическое значение, приглашали также молодых сотрудников из других подразделений. Сам Ломоносов интересовал меня не сильно, но при реконструкции обстановки зала заседаний академической Конференции использовали мебель XVIII в., в том числе кресла якобы из Петербургской Академии наук, и было волнительно посидеть в кресле, возможно, согретом когда-то теплом самого Ломоносова и других выдающихся российских ученых. Под влиянием докладов мой скептицизм к М.В. Ломоносову несколько снизился. Впоследствии мне пришлось водить экскурсии по Музею, с пафосом рассказывать о его жизни и деятельности и даже активно участвовать в подготовке и издании второго, дополненного и исправленного, Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова.

Сектор истории Академии с 1966 г. возглавлял А.В. Кольцов. Его уникальные организаторские и личностные качества раскрылись в работе над двумя томами «Истории АН СССР». Несмотря на все сложности, а порою и трагические ситуации, эта работа дала ему огромный жизненный опыт, познакомила со многими крупными учеными; с воспоминаниями о встречах с некоторыми из них впоследствии А.В. Кольцов любил выступать на юбилейных конференциях и Ученых советах ЛО ИИЕТ. Наряду с сотрудниками ЛО ИИЕТ авторами ряда статей были также историки из других академических и неакадемических учреждений – профессора и преподаватели вузов Ленинграда и Москвы, что позволило создать вокруг ЛО ИИЕТ большой актив высококвалифицированных авторов. Был подготовлен и передан в издательство третий том. Но умер главный редактор первых двух томов, вице-президент АН СССР К.В. Островитянов, а без подписи его или другого крупного академического руководителя издательство «Наука» не желало приступать к редактированию книги. После многократных обсуждений, доработок и переработок по советам рецензентов рукопись не получила одобрения в ЦК КПСС. Недобрую роль в ее судьбе сыграл ряд академиков, которые основное внимание уделяли тому, чтобы больше места в третьем томе уделялось их собственным заслугам и трудам сотрудников их институтов, учителей, друзей и т.д.

В 1974–1975 гг. мы все были мобилизованы на подготовку выставки по истории АН СССР в Елагином дворце, посвященной ее 250-летию юбилею. Выставка была великолепной. Ее посетили десятки тысяч ленинградцев, которые тогда любили науку и гордились тем, что их город был местом, где создана Императорская Академия наук.

В те годы в секторе истории АН СССР работал слаженный ансамбль высококвалифицированных специалистов, чья научная карьера всецело связана с ЛО ИИЕТ. Это прежде всего сам А.В. Кольцов, а также Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невская, Е.П. Ожигова, Е.В. Соболева, Н.Г. Сухова. Их труды к тому времени стали визитными карточками ЛО ИИЕТ и укрепили его положение как одного из ведущих историко-научных центров в мировой науке. Вместе с ними успешно трудились и представители старшего поколения Т.Н. Кладо и М.Г. Новлянская. В целом контингент там был постарше, чем в других секторах, в среднем около 50 лет. В секторе царил идеальная трудовая и исполнительская дисциплина, а сам Кольцов пользовался непререкаемым авторитетом. Вся работа строилась на новых документах, и большую часть рабочего времени сотрудники сектора проводили в архивах. Нам, молодым сотрудникам из сектора истории и теории эволюционного учения, тогда казалось, что они занимаются какими-то мелочами, частными историческими сюжетами, какие-то бумажки ищут, затем их переписывают, исправляют знаки препинания, готовят к изданиям письма, дневники. В то время как мы, мол, работаем на переднем крае науки, с нами академики и члены-корреспонденты сотрудничают, мы поддерживаем контакты с крупными биологами-эволюционистами разных стран. Подлинную и непреходящую ценность труда историков я понял значительно позднее.

Мой приход в ЛО ИИЕТ состоялся во время перестройки его планов. Ставилась задача создавать фундаментальные труды по истории крупных отраслей знания, по развитию науки в России и других странах, по иссле-

дованию Ленинграда как крупного научного центра, по изучению важных или острых дискуссионных проблем с учетом их значения для современной науки. Существенно усилилось внимание к новейшей истории науки, социальным ее аспектам, разработке логико-теоретических проблем научного и технического знания, к истории организации науки и ее взаимоотношений с властью и обществом. Новые тенденции особенно ярко проявились в трудах, где история и методология тесно смыкались друг с другом с целью обогащения методологии историко-научных исследований. Историю науки изучали во всем многообразии ее функционирования как социальной практики, со всеми ее когнитивными, социально-культурными, институциональными и психологическими аспектами. Возрастали требования к глубокому анализу внутренней логики развития проблем в конкретном социально-культурном контексте в рамках определенной теории науки.

Эти тенденции особенно ярко проявились в трудах Кирилла Михайловича Завадского, Самуила Ароновича Кугеля и Юрия Сергеевича Мелещенко, которые в ЛО ИИЕТ основали научные школы мирового значения. За дисциплиной, особенно лаборантов и младших научных сотрудников без степени, следили строго. Младшим, а ими становились не раньше 30–35 лет, полагался один неприсутственный день, а после защиты два – для работы в библиотеке и архивах. И только старшим научным сотрудникам, которыми становились в 40–50 лет, разрешали три библиотечных дня. Контролировать их уже не надо было, для них ежедневное хождение в библиотеку и архив стало второй натурой. И в каждый неприсутственный день их можно было встретить там. Собственно, для творческой научной работы оставались только вечера и выходные дни.

Насколько эффективно используется свободное время, проверялось легко: беседами заведующего с сотрудниками, докладами на секторах, ежегодными отчетами на дирекции в присутствии всего сектора, где сразу становилось ясно, «кто есть кто», а самое главное, публикациями. Для сотрудников нашего сектора особенно ответственными были доклады на общегородских семинарах по эволюционной теории. Здесь складывалась научная репутация научного сотрудника в рамках национального сообщества эволюционистов.

Научные планы были очень напряженны. Все сотрудники независимо от степени и должности к концу года должны были представлять главы будущих монографий, а не какие-то отчеты, складываемые на полки. Готовая монография соответственным образом рецензировалась и утверждалась к печати. Работа в стол была невозможна, плановая тема должна была быть представлена в опубликованных статьях и книгах. Завершающая тема обязательно заслушивалась и утверждалась на Ученом совете. Обсуждение шло без всяких скидок на те или иные «объективные» причины. Книги рецензировались жестко и строго, так как рецензент мог иметь неприятности от необъективной оценки. Каждый понимал, что отвечает своей научной репутацией за оценки. Поэтому халтуру не пропускали.

Обязательно в работе должна была быть отражена новейшая научная литература, особенно иностранная. Для этого регулярно ходили на выставку новых поступлений литературы в Библиотеке Академии наук СССР, которая еженедельно обновлялась, а постоянно получаемые журналы и книги измерялись тысячами единиц. Плагиат, компиляция в прин-

ципе были невозможны. Сотрудники, не понимавшие это, быстро уходили. От любой самой незначительной публикации требовалось что-нибудь новое. Люди старались остаться, так как работать в Академии наук было престижно. Устроиться на работу было практически невозможно. Некоторые десятилетиями сотрудничали на общественных началах, ожидая свой шанс, но далеко не все добивались приема на работу. Поэтому в ЛО ИИЕТ оставались только те, кто оказывался не просто способен к научной деятельности, но и был, как правило, трудоголиком. В этих условиях сачковать было невозможно, на совместительство времени не оставалось, а те, кто не выдерживал требуемого темпа и качества работ, быстро уходили. Ни связи, ни степени, ни даже прежние заслуги в конечном счете не играли роли.

Помимо плановой научной работы, сотрудники ЛО ИИЕТ много делали для координации историко-научных исследований, организуя специальные конференции и симпозиумы. С 1958 г. проводились годовые конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории естествознания и техники (СНОИЕТ, позднее СНОИФЕТ: к истории добавили философию). Традиционно конференции проходили в Доме ученых им. М. Горького, в бывшем дворце вел. кн. Владимира. Парадные интерьеры Белого и Дубового залов создавали атмосферу торжественного праздника. До 1976 г. это объединение возглавлял директор ВНИИ электромашиностроения академик Михаил Полиектович Костенко, а затем, до 1990 г., директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский. Сборники материалов этих конференций «Наука и техника. Вопросы истории и теории» к тому времени приобрели популярность в нашей стране и за рубежом.

Особой активности парторганизации я не помню, что объясняется тем, что коммунистами в основном были приличные и достойные люди, не просто специалисты в своей области, но общепризнанные в мире ученые. Как правило, они же, например, А.В. Кольцов и Ю.Х. Копелевич, и возглавляли парторганизацию. Даже если секретарь партбюро не соответствовал этим строгим требованиям, он помнил, кто его избрал, и слушал прежде всего мнение авторитетных ученых. Доводилось и в открытую возражать представителям райкома и горкома. Конечно, это надо было делать осторожно и аргументированно. Линию партии в целом никто не мог ставить под сомнение, а вот действия представителей вышестоящих партийных органов могли оспариваться. К партийной организации в ЛО ИИЕТ относились так же, как русский крестьянин к церкви: мол, надо ходить на службу и причащаться, чтобы вреда не было, но пользы от нее никогда не жди. Какую-то общественную работу в профкоме, комсомоле, конечно, надо было исполнять, но за ее счет рассчитывать на карьеру в Отделении было нельзя. Ценили прежде всего научные труды. Хотя и были люди, которые провели здесь десятки лет, занимаясь преимущественно партийной и профсоюзной деятельностью. Они всерьез относились к ежегодным выборам в профком, кого-то проваливали, кого-то проталкивали, часто не спрашивая его согласия. Так, в мое отсутствие меня внесли в список для голосования, чтобы завалить неудобного кандидата. Несмотря на запоздалые протесты, меня избрали в профком, и пришлось год работать культоргом.

Иногда нас посылали на овощную базу для переборки полугнилых овощей, пару раз – в совхоз, что не казалось таким уж ужасным. Наоборот, молодежи было приятно пообщаться вне работы. Одной из первых моих нагрузок в ЛО ИИЕТ была сдача норм ГТО. Мы ходили на стадионы, тренировались, прыгали, плавали, бегали, а нам ставили зачеты и печати. Трудно усмотреть что-то плохое в занятии спортом в нерабочее время. Изредка практиковались совместные походы в кино, в музеи, на выставки. Но обычно делали это с удовольствием, так как профком вел туда, куда обычно самому попасть было невозможно, например, на сокровища Тутанхамона или в Золотую кладовую Эрмитажа. Особенно ценились билеты в Большой драматический театр им. М. Горького. Благодаря этой форме культурной работы порой удавалось попасть на какой-то нашумевший спектакль или фильм, например, «Покаяние». Часто были экскурсии по городу, пригородам Ленинграда, на Карельский перешеек. Популярны были автобусные экскурсии в Прибалтику, Новгород, Псков и другие туристические мекки той эпохи.

Два раза в год устраивались общеинститутские торжества – на 8-е Марта и 7-е Ноября, почему были выбраны эти даты, я не знаю, но к тому времени это уже было традицией. Средств на эти корпоративы никто не выделял, шли деньги сотрудников. В день Октябрьской революции все сводилось к нескольким трафаретным тостам, после которых старшее поколение исчезало, а молодежь – а их было не меньше половины – предавалась веселью, песням и танцам до упада, а порой легкому флирту, полезному, как известно, для здоровья. К 8-му же Марта все готовилось заранее, женщины пекли всякую вкуснятину, иногда выпускали стенгазету, а мужчины сочиняли вирши, рассказы, частушки, а то и целые романсы. Причем никто не был забыт, никто не был обижен. Все с юмором и со вкусом. Несколько раз мы выезжали отмечать 8 Марта на дачи, за город, и каждый раз от этих вылазок оставались прекрасные впечатления. Наверно, мы понимали, что хоть раз в году наш долг вести себя так, чтобы женщины забывали о прозе жизни и чувствовали себя дамами.

Коллектив спланировался не только и не столько совместным отдыхом и развлечениями, сколько важными научными мероприятиями, поручаемыми нам сверху. Одним из них стал Кеплеровский симпозиум, проведенный в рамках Международного конгресса в Москве в августе 1971 г. Приехали около 300 человек, которых надо было встретить, разместить в гостиницу, доставить к месту заседания, накормить, показать достопримечательности города, обеспечить программу для дам, не говоря уж о научной стороне дела. Меня прикрепили к транспортной комиссии, которая заседала несколько месяцев, но, когда дошло до дела, выяснилось, что все время возникают проблемы даже с организацией работы прикрепленных машин. Их было много, когда они были не нужны, и они начисто отсутствовали, когда были позарез необходимы. Просчет был очевиден, академические сотрудники не знали, что шоферов надо заинтересовать работать хорошо, и все будет в порядке. Вопрос решился просто. Составили примитивный внутренний график дежурств машин и автобусов, находящихся в нашем распоряжении. По графику было предусмотрено периодически отпускать шоферов покалымить, и все наладилось. Оказалось, что машин даже больше, чем требовалось. И все время были резервные машины и ав-

тобусы, выходявшие на связь каждые 20–30 минут и готовые все бросить по первому зову и мчаться расшивать узкие места. Шоферы были довольны, Ю.С. Мелещенко – тоже. Так что в академической среде, оторванной от реалий жизни, оказалось не сложно проявить себя организатором. (...)

Далеко не все просто и гладко было в академической деятельности Отделения. Власти историю науки рассматривали как сферу идеологических интересов, надеясь на ее помощь и при разработке научной политики. Темы сотрудников ЛО ИИЕТ порой вызывали обвинения в аполитичности или политической близорукости. Были затруднены контакты и сотрудничество с зарубежными партнерами. Основные зарубежные журналы и книги по истории науки были доступны, но закрыты были фонды в архивах, содержащие материалы о некоторых важнейших событиях в истории науки после 1917 г. Негласно было запрещено писать о многих из них, как, например, об «академическом деле» или об Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Еще не все репрессированные ученые были восстановлены в составе Академии наук, хотя многих из них реабилитировали во времена Н.С. Хрущева. Публикации о последних днях их жизни разного рода официальные и неофициальные цензоры пытались запретить. Доминировала странная для истории установка: «Не надо ворошить прошлое». Ее ныне сменила кампания против «фальсификации» истории. Ее суть состоит в нехитрой мысли: в нашей истории все было замечательно, а тот, кто указывает на зверства властей, – фальсификатор и антипатриот, отрабатывающий деньги Госдепа США. В итоге братоубийственная Гражданская война превращается в Великую русскую революцию, товарищ Сталин – в опытного менеджера, ГУЛАГ – в кузницу Великой Победы 1945 г., а Л.П. Берия – в отца атомной промышленности.

Публикуется по: Колчинский Э.И. Так вспоминается. СПб., 2014. С. 201–206.

1978 год

КРИВОШЕЙНА
Галина Геннадьевна

Впервые я пришла в институт ранней весной 1978 года. Вернее, даже не в институт, а на конференцию, проходившую в Политехническом музее. В то время я оканчивала Биологический факультет Московского университета и всерьез задумалась о своей дальнейшей судьбе. Сомнений в том, что я хочу заниматься наукой у меня не было – значит, надо поступать в аспирантуру. Люди моего поколения помнят, что тогда выпускников вузов в обязательном порядке распределяли на работу, и человек далеко не всегда оказывался в том месте, где он действительно хотел бы работать. Избежать принудительного распределения и поступить в аспирантуру можно было лишь при наличии диплома с отличием и соответствующей рекомендации. И то, и другое у меня, к счастью, имелось.

Вопрос был в другом – какой институт выбрать. В университете я специализировалась в области энтомологии. Моя дипломная работа была посвящена феромонам насекомых, изучение которых в Советском Союзе в то время только начинало развиваться и сулило много интересного. Но пока я писала курсовую, а потом дипломную работу, я неожиданно для самой себя поняла, что история науки меня привлекает больше, чем экспериментальные исследования в лаборатории. В принципе, знание истории своей дисциплины для энтомологов – дело обычное. Даже в современных публикациях по таксономии помимо ссылок на результаты последних метагеномных исследований можно найти упоминания классических трудов К. Линнея, И.Х. Фабрициуса, П.С. Палласа и многих других натуралистов XVIII–XIX вв. Однако, когда я рассказала о своем новом увлечении научному руководителю дипломной работы и некоторым однокурсникам, они отнеслись к нему скептически. И тому были причины.

Историю биологии нам читали на пятом курсе, когда все активно занимались дипломными проектами и не всегда регулярно посещали лекции. Читал этот курс Петр Владимирович Матёкин – профессор Московского университета, хорошо известный в ИИЕТ: он долгие годы тесно сотрудничал с институтом и был членом защитного совета. Курс был оригинальный, авторский и достаточно сложный. Сдать его с первого раза было невероятным везением. Многие приходили к Матёкину по три–четыре раза. Поэтому история биологии, как и история науки в целом, никаких приятных эмоций у моих однокурсников не вызывала. Стоит также добавить, что в то время историю науки у нас в стране не воспринимали как самостоятельную научную дисциплину. Собственно, с таким отношением можно столкнуться и сейчас. Считается, что только специалист в данной области может написать ее полноценную историю. И хотя мы знаем множество примеров обратного, до конца победить скептиков так и не удастся.

Негативная реакция окружающих меня не остановила. Я знала, что в Москве существует Институт истории естествознания и техники, но для начала решила разузнать о нем побольше. Кто-то из знакомых вспомнил, что в этом институте работает выпускница нашей кафедры Лариса Васильевна Чеснова. Я с ней лично знакома не была, но в гости все-таки напросилась. Лариса Васильевна встретила меня очень радушно. Мы с ней долго разговаривали, и она мне многое рассказала об институте, а напоследок посоветовала посетить институтскую конференцию, которая на днях должна была состояться в Политехническом музее. Правда, предупредила, что на конференции будут методологи, которые постараются в пух и прах разгромить историков. Хотя перспектива встречи со страшными методологами была немного пугающей (тогда я понятия не имела, кто это такие), на конференцию я все-таки пришла и не пожалела об этом.

В Политехническом музее на расставленных в зале перед трибуной стульях сидело много людей. Я вглядывалась в их лица и пыталась угадать, кто же из них историк, а кто методолог. Задача была непростой, и расстановку сил я поняла, только когда разгорелась дискуссия по первому докладу (кто его делал, я уже не помню). Все доклады мне показались очень интересными, но больше всего почему-то мне запомнилось выступление Норы Андреевны Григорьян. Может, из-а ее эмоциональных ответов на вопросы оппонентов, многие из которых, как я поняла, были доста-

точно каверзными. Проведя почти целый день на конференции, я для себя окончательно решила, что хочу заниматься историей науки и буду подавать документы в аспирантуру ИИЕТ.

Вспомнила я об этой конференции и поняла, чего мне не хватает сейчас в институте – тех самых дискуссий, которые происходили на заседаниях в институте и на ежегодно организуемых школах. Иногда даже казалось, что это не обсуждение научной проблемы, а своеобразное театрализованное представление с заранее распределенными ролями. Но, в любом случае, это было очень интересно и заставляло задуматься об общих для всех историков науки вопросах. Например, о том, когда возникла наука, чем и как должна заниматься история науки, каковы ее общие проблемы и методологические основания, и о многом другом. Сейчас этих общих тем становится все меньше, а настигшая нас узкая специализация зачастую препятствует нахождению общего языка и разрушает связи внутри истории науки как единой дисциплины.

Но вернемся к моей истории. Среди документов, которые требовались от потенциальных аспирантов, помимо красного диплома, рекомендации в аспирантуру и реферата (я в качестве такового представила литобзор к моей дипломной работе) требовалась еще официальная бумага от института, что последний согласен допустить меня к экзаменам в аспирантуру. Подписать ее должен был директор ИИЕТ Семен Романович Микулинский. Когда я разговаривала с Л.В. Чесновой, она мне объяснила, что получить этот документ будет очень сложно, так как в институте существует негласное правило не брать в аспирантуру выпускников вузов. Люди, желавшие заниматься историей науки или техники сначала должны были в течение нескольких лет сотрудничать с институтом и лишь после этого им предлагали (или не предлагали) поступить в аспирантуру. В принципе, такой подход казался вполне разумным, так как в те годы студенты практически не получали подготовки в области истории науки, так что к претендентам надо было сначала присмотреться, чтобы оценить их возможности.

Самое интересное, что искомый документ мне удалось получить всего за несколько дней. Можно списать это на везение и счастливое стечение звезд, но предполагаю, что Семен Романович уже тогда задумывался о том, чтобы эту политику изменить и привлечь в институт больше молодежи. Впоследствии, исполняя в течение многих лет должность секретаря оргкомитета ежегодных научных конференций аспирантов и молодых специалистов, я видела, что он тщательно изучал программы этих конференций, помечая в них доклады студентов, и обязательно заходил послушать их. А через год–другой имена этих студентов появлялись в списке аспирантов института.

Здесь хотелось бы сказать несколько слов о Микулинском как директоре ИИЕТ. Нельзя отрицать, что его стиль руководства отличался определенной долей авторитарности. Она проявлялась и в научной политике института, и во взаимоотношениях с сотрудниками. Я понимаю, что многих это могло раздражать, но лично с этой стороной характера Микулинского ни разу не сталкивалась. Более важным мне кажется то, что он по-настоящему любил институт, знал, чем занимаются научные сотрудники, будь то старшие или младшие, и был готов с каждым обсуждать его исследования на достаточно высоком профессиональном уровне. Мне даже

представляется (не знаю, может быть, я не права), что он был именно тем стержнем, который объединял ИИЕТ, а его увольнение положило начало процессам атомизации исследовательского коллектива института.

Итак, имея все необходимые документы на руках, в августе я пришла с ними в отдел кадров ИИЕТ (институт тогда располагался в Старопанском переулке). Там царил Таира Фатаховна Бедретдинова, женщина внешне суровая и жесткая. Чувство легкого испуга, которое я испытала при первом общении с ней (я думаю, в этом я была не одинока), у меня так до конца и не прошло, хотя позже я обнаружила, что человек она разумный и справедливый. А потом был сентябрь, вступительные экзамены в аспирантуру, которые закончились в начале октября, и почти два месяца ожидания и волнений – примут или нет? Делать было почти нечего, так как в университетскую библиотеку меня уже не пускали, а в Ленинку тогда можно было записаться только при наличии аспирантского удостоверения. И я проводила время в библиотеке ВАСХНИЛ, читая все, до чего у меня не дошли руки при подготовке диплома.

Наконец, все решилось – с 1 декабря 1978 г меня зачислили в аспирантуру сектора истории биологии, и я уже на официальных основаниях появилась в ИИЕТ. Моим руководителем был назначен Алексей Николаевич Шамин, возглавлявший тогда неформальную группу истории биохимии (официально эта группа была создана несколько позже). Несмотря на то, что впоследствии у меня с Шаминым возникли серьезные разногласия, я ему многим обязана. К руководству аспирантами он подходил очень ответственно, и много времени и сил уделял их профессиональной подготовке. Для меня общение с Алексеем Николаевичем было гораздо более интересным и познавательным, чем лекции, которые в то время читали в институте для аспирантов. Их программа была, по-видимому, не совсем продумана, и они не носили систематического характера (говорят, что позже ситуация изменилась в лучшую сторону). Так что у меня в голове от них мало что осталось. Разве что стойкая нелюбовь к М. Хайдеггеру и Э. Гуссерлю и предубеждение против исследований организации науки. Правда, последнее мне удалось довольно быстро преодолеть.

Шамин был человеком увлекающимся. Он легко подхватывал новые идеи и подходы, которые появлялись в истории и социологии науки, и делился с нами этой информацией на заседаниях группы. Но рассказами дело не ограничивалось. Мы должны были внимательно изучить источники, на которые он ссылался, и использовать почерпнутые оттуда методологические принципы в своих работах. Он также снабжал нас последними зарубежными изданиями в области истории биохимии и молекулярной биологии и требовал подробно их конспектировать. Конечно, мы ворчали и сопротивлялись, но теперь я понимаю, насколько это было полезно для нашего профессионального развития как историков науки. Кроме того, у Шамина были широкие научные связи, и ему часто поступали предложения написать статью для западных или авторитетных отечественных изданий. Сам он этого делать то ли не хотел, то ли ему просто не хватало времени, так что основная черновая работа поручалась кому-либо из аспирантов. Дальше он проходил по тексту «рукою мастера», и статья отправлялась в редакцию. Таким образом аспиранты учились писать статьи и получали публикации в престижных изданиях. У меня с ним, например, в на-

чале 1980-х гг. вышла совместная работа в журнале «Archives internationales d'histoire des sciences» и статья на полный подвал в газете «Правда».

Если говорить об институте конца 1970-х – начала 1980-х гг. в целом, то больше всего меня поражало обилие среди сотрудников прекрасных специалистов в самых разных областях знания, от философии, социологии и психологии до математики, физики и химии, таких как В.Ж. Келле, М.Г. Ярошевский, А.П. Юшкевич, Ф.А. Медведев, Б.А. Розенфельд, Г.В. Быков, Л.Я. Бляхер. Перечислить всех здесь не хватит места, так что я называю лишь некоторых. Они были настоящими профессионалами, и слушать их выступления на Ученом совете, на различных конференциях или просто беседовать с ними было очень интересно и познавательно. Это с одной стороны. А с другой – они служили не только образцом для подражания, но и неиссякаемым источником полезной информации. Напомню, что интернета тогда не было, и, чтобы найти биографические сведения о каком-то не очень известном ученом или уточнить редко упоминающийся научный факт, приходилось перерывать горы книг, журналов, энциклопедий и справочных изданий. Эта трудоемкая и пыльная работа могла отнять неделю и не увенчаться успехом. Но был и другой, гораздо менее трудозатратный путь (я им часто пользовалась) – обратиться к Л.Я. Бляхеру, если вопрос был связан с биологией, к Г.В. Быкову, если речь шла о химии, или к А.П. Юшкевичу, если дело касалось математики. Адольф Павлович, когда его спрашивали о каком-нибудь давно забытом математике, обычно задумывался не более, чем на три-пять секунд и потом – как кролика из шляпы – доставал из своей памяти не только биографические сведения, которые до этого я не смогла найти ни в одном справочнике, но и одну–две смешные истории из жизни этого ученого. Это действительно напоминало магическое действие. По-моему, обычные люди на такое не способны.

А еще в институте была замечательная библиотека, которой нам теперь очень не хватает. Печально, что люди, в последние два десятилетия стоявшие во главе института, так безразлично отнеслись к ее судьбе. А ведь эта библиотека была не только хранилищем ценных книг. Она привлекала зарубежных исследователей и помогала институту налаживать широкие международные контакты. В последние годы я встречала некоторых из тех, кто в свое время посещал наш институт, и они очень переживали о судьбе библиотеки. Остается только надеяться, что нынешнее руководство института сможет ее нам вернуть.

Что касается состояния и перспектив развития истории науки, то боюсь, что моя оценка весьма пессимистична. Мне кажется, что российская история науки все более и более замыкается в себе и превращается в локальную историю, своеобразное краеведение науки, интересное только местным жителям и редким заезжим туристам. Она уже с трудом вписывается в общемировые тенденции. Историки науки на наших глазах проигрывают историкам культуры, которые, хотя и не всегда разбираются в научных фактах, вписывают их в нарратив, понятный широкому западному читателю. Надеюсь все же, что я не права.

1978 год

МОЧАЛОВ
Инар Иванович

Что касается Семена Романовича Микулинского и Бонифатия Михайловича Кедрова, то это были люди очень неординарные, очень самостоятельно мыслящие, несмотря на перипетии личной жизни, судьбы... Яркой фигурой был, конечно, Бонифатий Михайлович. Он был как бы стихийным провозвестником будущих изменений в нашей стране. Это проявлялось в его репликах, в его поведении, в его отношении к жизни, к сотрудникам. В частности, я вспоминаю, что как-то однажды на партийном собрании кто-то бросает вопрос «с подначкой»: «Когда же мы все-таки придем к коммунизму, который нам обещает партийная программа?». Бонифатий Михайлович, он сидит в зале, ментально откликается репликой: «Когда в реках у нас перестанетдохнуть рыба, а в прудах появит-

ся зеркальный карп, вот это, пожалуй, будет означать, что мы к коммунизму пришли». Помню такой случай, это было на Ученом совете, а Бонифатий Михайлович должен был его вести. Но его нет. Совет не начинается. Он приходит такой взмыленный, очень взволнованный, быстро проходит в президиум и обращается к участникам: «Знаете, я сейчас посмотрел совершенно потрясающий фильм – «Гараж». Я вам всем очень советую его посмотреть, если кто не видел, обязательно посмотрите. Это провозвестник того, что, в общем-то, мы подошли к какой-то черте, что дальше так продолжаться не может; партия должна очень серьезно сейчас задуматься над тем, что происходит в стране. Если этого не будет сделано, и не будут внесены какие-то коррективы, в общем, не известно, к какой черте мы можем подойти». Это было сказано совершенно открыто и без всяких оглядок на кого бы то ни было. Вообще он был человек чрезвычайной смелости, хотя, конечно, и определенной осторожности; без осторожности жить в тех условиях было просто невозможно.

Что касается Семена Романовича Микулинского, то это был трудоголик от Бога. Это было в нем природой заложено от рождения, очевидно. Я помню, как мы все сидели и работали над текстами Вернадского с Галей Фирсовой, – ну буквально «до посинения». Звонят ей из дома родители, – что, мол, случилось, куда ты делась; мне тоже звонят. Семен Романович: «Ну, давайте, давайте двигаться дальше, метро еще работает, давайте еще посидим». Курил при этом непрерывно. Мы с Галей уходили из Института буквально обалдевшие, шатаясь, доходили до ближайшей остановки метро и разъезжались. Он оставался в кабинете и продолжал работать; там же, как стало известно, нередко и ночевал. Нина Витальевна, его жена, водила машину и привозила его домой где-то уже под утро. Человек трудился совершенно самозабвенно, забывая о своем собственном здоровье. Вряд ли можно было следовать его примеру, – это очень тяжело. Действительно, нужно иметь особый настрой, чтобы так работать, как работал он. Конечно, на его менталитете, как сейчас модно говорить, сказались вся его жизнь, очень тяжелая. Понимаете, редко кто, оказавшись на его месте, стал бы принципиально иным человеком. Нет, вот эта обстановка, эта среда, эта история, она сформировала именно эту личность, личность очень крупную, – несомненно, очень крупную.

Но когда мы стали работать над текстами Вернадского и стали уже готовить их к публикации, здесь его тяжелое прошлое давало о себе знать. На стадии подготовки, вообще говоря, каких-то значительных разногласий у нас не было. Когда еще не было содержательного анализа текстов и их отбора, все было более или менее нормально, особых проблем не возникало. Но когда мы подходили вплотную к публикации текстов В.И. Вернадского и, особенно, своих работ о нем, тогда трения стали возникать. Они приняли со временем достаточно острый характер: просто мы расходились, расходились, не найдя точек соприкосновения. Так было, например, с моей книжкой «В.И. Вернадский – человек и мыслитель». Семен Романович взялся быть ответственным редактором, он эту задачу выполнил. У меня нет абсолютно никаких претензий к нему. Но вот доходит его редаKTуpa до главы о религиозности Вернадского. Мне заявляется буквально открытым текстом: о какой религиозности вообще можно вести речь, – ведь это советский ученый, материалист и все такое прочее. «Вы-

бросить, выбросить – и дело с концом». Компромисс не был найден, и, скорее всего, тогда он не был возможен. Глава была выброшена.

Пиком стала биография В.И. Вернадского, над которой я работал очень долго и где, в общем, было много труда положено. Семен Романович меня все время поддерживал на плаву, он поддерживал и поощрял все мои архивные изыскания. Во многом я обязан его поддержке, что в эти архивы окупился. Но когда дело дошло до так называемого культа личности, до борьбы Вернадского с беззакониями, о чем явственно говорили архивные документы, на которые я текстуально ссылался, посылая ему, как ответственному редактору (он с большой охотой за это взялся), частями разделы биографии, – здесь коса окончательно нашла на камень. Произошло это примерно на 1200-й странице машинописного текста (отдельные части биографии Вернадского я ему посылал регулярно из Казани). И вот однажды он мне звонит по телефону, просто злой страшно, голос дрожит от гнева: «Что Вы все пишете «культ личности», да «культ личности», что Вернадский протестовал, писал всякие записки и т.д. К чему Вы сейчас об этом говорите, когда партия поставила крест на этом, и к этому мы уже никогда не придем. К чему ворошить прошлое? Я Вам дал согласие быть ответственным редактором Вашей книги, так вот, я это согласие беру обратно, забудьте об этом, я никогда ответственным редактором Вашей книги не буду». Ну, я понял, что спорить бесполезно. А получилось так, что в Москве был проездом Юрий Андреевич Жданов, зашел к нам, он был другом нашего Института, и Зинаида Кузьминична, воспользовавшись случаем, сагитировала его быть ответственным редактором книги о Вернадском.

Ну и последнее... На заседании Комиссии по разработке научного наследия В.И. Вернадского обсуждается вопрос о крамольных параграфах книги Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Это последние параграфы, где он расчехловил буквально диалектический материализм и его отношение к естествознанию и науке. Встал вопрос – что делать? Это единая книга, цельная, это не какие-то наброски, это отработанные параграфы, над которыми Вернадский работал довольно долгое время. Обсуждается вопрос на Комиссии. А.Л. Яншин, председатель Комиссии, против публикации. С.Р. Микулинский его поддерживает, хотя началась уже эпоха гласности, перестройка и все прочее; так сказать, уже форточки были открыты, бояться уже нечего. Нечего бояться, – за это не посадят, не привлекут к партийной ответственности, и все такое прочее. Возникли очень резкие разногласия. Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов – категорически за публикацию. Естественно, я их поддерживаю. А.Л. Яншин бросает реплику: «Ну, хорошо, ладно, раз Вы настаиваете, что это все-таки должно быть опубликовано – ну и публикуйте...». – «Где же?» – «Ну, публикуйте в журнале, вот наш журнал, – там и публикуйте». Я: «Хорошо, опубликуем» (признаюсь, к этому моменту «дискуссии» я основательно разошелся и плохо владел собой). Это было сделано. Был тогда главным редактором ВИЕТа Борис Григорьевич Юдин. «Крамольные» параграфы были напечатаны. Публикация сопровождалась письмом, подписанным Н.Ф. Овчинниковым, А.П. Огурцовым, кажется, М.С. Бастраковой и мною (автором письма был А.П. Огурцов, кажется, вместе с Н.Ф. Овчинниковым). После этого наши отношения с Семеном Романовичем пол-

ностью разладились. Потому что можно идти, пятясь назад до какого-то предела, но когда уже стало свободно дышать и, понимаете, затыкать самому себе ноздри или рот затыкать, ну, это уже глупо, это уже просто глупо. И вот тогда мы с Семеном Романовичем очень серьезно разошлись, и наши отношения были сильно испорчены.

Тем не менее, подводя итог, должен сказать: вот такие люди, как Бонифатий Михайлович, Семен Романович, как Наум Иосифович Родный, они в нашей жизни и в моей жизни сыграли колоссальную роль. От Наума Иосифовича Родного я получал полную поддержку. Не помню исключений из этого правила. Видимо, оказалось то, что этот человек был иного психического склада, оказался более закаленным и гораздо смелее вел себя.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 107–110.

1978 год

ПАРХОМЕНКО
Арсений Аркадьевич

Я хочу сказать, что поскольку наш Институт, слава Богу, до сих пор именуется Институтом истории естествознания и техники, то вполне естественно, что изучение истории техники должно быть на равных правах с изучением истории естествознания. Но был период в истории Института (это я знаю не на личном опыте, а изучая целый ряд документов), когда наш академический Институт мог потерять свое привычное для нас, традиционное наименование — Институт истории естествознания и техники. Такое было вполне возможно. Исследования в области истории техники могли быть изъяты из сферы научной деятельности, и в результате мог остаться институт, скажем, под названием НИИ истории науки. Но не был исключен и другой, значительно худший вариант — изъятие нашего

Института из структуры Академии наук и передача его (в весьма сокращенном виде) в какое-либо отраслевое министерство или в госкомитет. Такое, повторю, было вполне возможно.

В связи с этим я хочу сказать добрые слова о замечательном ученом и человеке – об академике Анатолии Аркадьевиче Благонравове, который сыграл большую роль не только в становлении и развитии науки в нашей стране, но в определенном смысле – и в спасении науки в трудные для нее годы. Достаточно сказать, что он одно время был вице-президентом Академии наук, был академиком-секретарем Отделения технических наук и в буквальном смысле спасал целый ряд институтов в очень неприятный для науки период начала 1960-х годов.

Что это был за период? Если мы вспомним, в это время из состава Академии наук СССР были насильственным образом изгнаны более 30 научно-исследовательских институтов, которые занимались конкретными научно-техническими разработками, связанными с промышленностью, с производственными структурами, с важными научными и проектными исследованиями. Эти институты были переданы различным отраслевым министерствам и государственным комитетам. Нависла опасность в этот период и над нашим Институтом. Я тогда еще не работал в ИИЕТ, но часто бывал в Институте, знал многих сотрудников, защитил здесь кандидатскую диссертацию. Так вот, человек, о котором я вспоминаю, – Анатолий Аркадьевич Благонравов сыграл в истории ИИЕТ большую роль. Достаточно вспомнить, что, будучи академиком-секретарем Отделения технических наук, будучи директором академического Института машиноведения, он более 11 лет – с 1964 года и до конца своих дней в 1975 году – возглавлял Объединенный диссертационный совет в нашем Институте, приезжал сюда постоянно на все заседания совета. В этом совете защитили диссертации многие из тех, кто и сейчас работает в Институте и работал раньше; они в то время защищали диссертации – и кандидатские, и докторские. В отношении докторских я могу напомнить о Владимире Петровиче Карцеве, который долгое время работал в нашем Институте, заведовал одним из отделов, затем стал директором международного издательства «Мир»; он докторскую диссертацию защищал здесь. Я еще не работал в Институте, но тоже защищал кандидатскую в ИИЕТ, причем в совете, председателем которого был А.А. Благонравов.

Возвращаясь к тому печальному для академической науки периоду, можно вспомнить о драматизме сложившейся ситуации. Когда нависла опасность над целым рядом институтов, которые были изъяты из Академии и переданы в отраслевые министерства (и в нашем Институте тоже должны были происходить какие-то весьма неприятные структурные преобразования), Анатолий Аркадьевич Благонравов защитил Институт и в Президиуме Академии наук, и даже в высших партийных инстанциях. Поскольку он сам был человеком весьма авторитетным – он был Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и нескольких государственных премий, он мог отстаивать ту точку зрения, которую считал разумной и обоснованной. Я знаю об этом потому, что мне уже в 70-е годы приходилось неоднократно общаться с Анатолием Аркадьевичем (я был в числе авторов книги об академике Благонравове, которую мы подготовили вместе с академиком К.В. Фроловым и доктором наук М.К. Усковым).

Так вот, Анатолий Аркадьевич рассказывал, какое было тяжелое положение в академической науке в начале 60-х, особенно в 1961–1963 годы. Все ученые советы, связанные с техническими и другими прикладными науками в нашем Институте, были по решению руководства ВАК ликвидированы. Удалось тогда с большим трудом отстоять новую принципиальную позицию, которая потом благоприятно отразилась на научных структурах нашего Института. Был создан Объединенный ученый совет по общим проблемам истории техники. Этот совет возглавил А.А. Благонравов, будучи директором другого института. В состав совета вошел целый ряд видных деятелей науки и техники; в нем были даже такие представители академической науки, как академик Мишин и академик Волобуев (который, как вы знаете, был раньше директором Института российской истории, но в связи с тем, что там происходили определенные катаклизмы, был вынужден уйти из своего института и в течение ряда лет, будучи академиком, был старшим научным сотрудником у нас, в ИИЕТ). В общем, времена были трудные...

Я могу вспомнить и рассказать о том, что, к сожалению, ушли из жизни замечательные люди, которые очень много сделали для истории науки и техники и непосредственно для нашего Института. Например, у нас в Институте были такие люди, которые много сделали для истории прикладных наук, для истории техники, для отечественной науки в целом. В частности, это – Семен Викторович Шухардин, это Андрей Александрович Чеканов. Долгие годы Шухардин возглавлял сектор истории научно-технической революции, и даже отдел одно время возглавлял. Чеканов тоже несколько лет руководил сектором истории техники.

Еще замечательный человек в нашем Институте, совершенно уникальный, необыкновенный человек – это заместитель директора Александр Сергеевич Федоров. Это был действительно уникальный человек. Мне довелось немало общаться с ним, мы даже книгу с Александром Сергеевичем написали, связанную с Великой Отечественной войной (она называлась «Сражающаяся наука» и была издана в 1990 году). Чем был уникален Федоров? Интереснейшей историей своей жизни, о которой он мог вспоминать и рассказывать. Даже изучая его биографию, поражаешься. Этот человек в послевоенные годы возглавлял Государственный комитет кинематографии СССР, то есть он практически руководил всем киноискусством в нашей стране; это было после Великой Отечественной войны. Проявил он себя и в научной журналистике, ряд лет был главным редактором известных журналов – «Наука и жизнь» и «Техника – молодежи». Потом, по стечению обстоятельств, о которых сложно говорить (там целый ряд моментов), он оказался в нашем Институте. Он был человеком очень представительным, который хорошо знал многих видных деятелей в высших кругах руководства страны, был близко знаком со многими известными учеными.

В нашем Институте Александр Сергеевич был в должности заместителя директора по науке при таких руководителях, как академик Б.М. Кедров, член-корреспондент С.Р. Микулинский и даже некоторое время при Н.Д. Устинове. Он знал все, что происходит в Институте, во всем детально разбирался, умел предотвращать разные конфликты, находить взаимопонимание с людьми.

Почему сейчас я вспомнил о том, что он в свое время возглавлял Государственный комитет кинематографии? Дело в том, что в то время создавались такие замечательные фильмы, как «Весна», «Летят журавли», «Кубанские казаки», «Судьба человека». Он прекрасно знал таких наших Народных артистов, как Любовь Орлова, Леонид Утесов, Марина Ладынина... (Он и меня, уже в 1980-е годы, познакомил на одном вечере в Доме отдыха кинематографистов с Леонидом Осиповичем Утесовым – это было удивительное такое знакомство). Александр Сергеевич знал многих выдающихся актеров, операторов, режиссеров нашего кино. И когда он начинал рассказывать об этом, можно было слушать бесконечно... Что весьма показательно – будучи долгие годы в составе дирекции нашего Института, он пользовался большим научным авторитетом, хотя, если вспомнить, он докторскую диссертацию не защищал. Он был кандидатом технических наук, но при всех директорах Института пользовался неизменным авторитетом. Видимо, сказывался положительный опыт работы в высоких государственных структурах.

Он рассказывал, например, о том, как после Отечественной войны в очень сложных условиях создавался знаменитый фильм «Весна» и целый ряд других фильмов. Да, это было как раз под его руководством в то трудное время. Вот удивительно, что в нашем Институте могли быть такие люди – интересные и в полном смысле уникальные люди.

Возвращаясь к памяти об Анатолии Аркадьевиче Благонравове, следует сказать, что в те 11 лет, когда он руководил в нашем Институте Объединенным ученым советом по общим проблемам истории техники, он очень много сделал для того, чтобы воспитать целую плеяду молодых кандидатов наук – так сказать, раскрыть им путь в науку. Поскольку он был директором авторитетного научного Института машиноведения, он прекрасно знал многих директоров других академических институтов и даже после защиты диссертации, если к нему обращались с просьбой в отношении определения места работы, он мог не просто указать, куда желательно направиться тому или иному человеку, защитившему кандидатскую диссертацию, – он мог даже переговорить в соответствующих организациях, чтобы этого человека действительно приняли на работу.

Что еще важно, о чем можно вспомнить? Мне довелось близко познакомиться с Анатолием Аркадьевичем уже в последние годы его жизни, то есть в 1970-е годы. Это, в частности, было связано с тем, что мы с Семеном Викторовичем Шухардиным подготовили для третьего издания Большой Советской Энциклопедии большую аналитическую статью «Техника». Она была опубликована в 25-м томе БСЭ. Поскольку в этой статье затрагивались сложные теоретические и методологические проблемы, она во время подготовки вызвала целый ряд вопросов у ряда видных специалистов; ее также обсуждали в академическом Отделении технических наук. Потом ее визировали академик Артоболевский, сам Анатолий Аркадьевич Благонравов и академик Петров; только после этого статья могла быть помещена в Большой Советской Энциклопедии.

Так вот, в наших беседах (напомню – это было в 1970-е годы) Анатолий Аркадьевич рассказывал о сложных ситуациях, возникавших в отечественной науке, в частности – в самой Академии наук. Когда он вспоминал о первой половине 1960-х годов (период так называемых «академичес-

ких реформ»), он с сожалением говорил о том, какие трудности перенесла наша Академия наук, при этом многое он связывал с личностными проблемами и взаимоотношениями. Анатолий Аркадьевич Благонравов, вспоминая начало 1960-х годов, говорил о некоторых странных ситуациях, связанных с действиями президента Академии наук Мстислава Всеволодовича Келдыша. Предпринятые в Академии преобразования были, по мнению Благонравова, связаны с субъективными воззрениями Келдыша. И не только с воззрениями, но с его субъективным отношением к некоторым сферам науки. Анатолий Аркадьевич приводил ряд примеров. Так, в свое время Келдыш, будучи членом-корреспондентом Академии, баллотировался в первый раз на выборах в действительные члены Академии по Отделению технических наук. И его при тайном голосовании забаллотировали. Потом, уже на следующих выборах, его избрали академиком по Отделению физико-математических наук. Как считал А.А. Благонравов и наши авторитетные историки науки Шухардин и Чеканов, эти выборные эпизоды отложили большой, весьма неприятный отпечаток на М.В. Келдыша. Став впоследствии президентом Академии наук и будучи очень близок с руководителем страны Никитой Сергеевичем Хрущевым, Келдыш всегда мог воздействовать на него и проводить те или иные преобразования в Академии наук СССР. И некоторые из этих преобразований были, к сожалению, весьма негативными – особенно изъятие из состава Академии наук 32 академических институтов (в основном научно-технического профиля) и передача их в различные отраслевые министерства и госкомитеты. Большой реорганизации подверглось и все академическое Отделение технических наук (восстанавливать все его структуры пришлось уже впоследствии, в 1980-е годы).

Как полагал Анатолий Аркадьевич Благонравов, такие негативные действия были вызваны не столько объективными соображениями, сколько именно личностным подходом Келдыша, который в свое время был забаллотирован в Отделении технических наук при выборах академиков. Конечно, это личностные впечатления и восприятия, сейчас весьма трудно судить об этом. Мы, историки науки, обычно ищем какие-то объективные основания, объективные предпосылки тех или иных действий и обстоятельств. И нам, конечно, трудно ссылаться на те или иные личностные и субъективные подходы, на взаимоотношения тех или иных людей, которые руководят наукой. Но, к сожалению, в реальной жизни это так – люди есть люди, и кроме, так сказать, государственного подхода, общественно важного и значимого подхода, есть и какие-то личностные подходы, личностные отношения и взаимоотношения...

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 76–82.

1979 год

МЕДВЕДЕВА
Алла Константиновна

У меня очень сложный был приход в Институт. В 1978 г. мы переехали с семьей из Харькова в Москву, переехали потому, что мужу была предложена очень хорошая работа, дочь перевелась из ХГУ в МГУ, а я как бы хвостиком за ними последовала, потому что для меня это было главное, хотя в Харькове я оставила очень для меня интересную работу, я преподавала в Авиационном институте, мне нравилось, но, тем не менее, я пожертвовала своей карьерой. И вот, после переезда начались мои муки, потому что мне всегда хотелось быть социально востребованной, только семейные дела меня полностью не загружали. И вот я начала искать эту социальную востребованность: первое, что я сделала, это устроилась на почасовую работу в Гидромелиоративном институте, но я встретилась с

таким контингентом студентов, которым, чтобы меня слушали, мне нужно было кричать, чего там, в Авиационном институте, не было. Я была поражена. Это были люди, которых присылали учиться из наших азиатских республик, их это мало интересовало. Я там не продержалась долго, потому что мне это не нравилось. А потом случилось так, что в контакте с Борисом Викторовичем Раушенбахом было обнаружено, что создана Комиссия РАН по разработке научного наследия пионеров освоения космического пространства, которую он возглавлял. Это был 1979 г., и Борису Викторовичу нужен был ученый секретарь – человек, который помогал бы ему работать. И случилось так, что после разговора с Виктором Николаевичем Сокольским меня взяли в ИИЕТ, я была зачислена временно на два месяца, это был сентябрь 1979 г. Я проработала два месяца под началом Виктора Николаевича Сокольского (всем известно – это был очень трудный человек в общении), но по некоторым признакам я поняла, что мои деловые качества его очень устраивают. И вот началась «кутерьма» с моим устройством в Комиссию в качестве Ученого секретаря. Б.В. Раушенбах обращался к Велихову, потому что эта комиссия была при отделении механики и процессов управления, а это отделение входило в секцию Велихова. Была долгая переписка, и наконец было принято решение отдать ставку – штатную единицу в Институт, который был не в пределах Москвы, а в Московской области. Это был Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН (ИЗМИРАН). Меня туда зачислили в 1980 г. в качестве старшего инженера, но с учетом того, что я выполняю функцию Ученого секретаря Комиссии РАН по разработке научного наследия пионеров освоения космического пространства. В ИЗМИРАНе я продержалась до 1990 г., десять лет. Это Подольск, я туда ездила за зарплатой, но потом началось следующее: людей из этого института посылали на картошку, в общем, начались профсоюзные дела, народ стал возмущаться, как это так и тому подобное. Тогда Виктор Николаевич затеял переписку с Велиховым по поводу того, что прошло столько лет, работаю я в ИИЕТ, хожу на работу в ИИЕТ, а числюсь там, это неудобно. Писались всякие хвалебные письма обо мне, что я делаю Бог знает какую большую и важную работу и т.д., и тому подобное. И закончилось это тем, что в 1990 г. я была переведена официально в ИИЕТ на должность научного сотрудника. С 1990 года как бы начинается нормальное существование в ИИЕТ, но просидевши 10 лет как бы инкогнито, я себя чувствовала второстепенным человеком и т.д. В общем, эти 10 лет, конечно, сыграли свою негативную роль. А работать рядом с Виктором Николаевичем и Борисом Викторовичем Раушенбахом я приспособилась, и мне это очень понравилось. Я чувствовала, что я могу применить свои знания и навыки для выполнения тех задач, которые ставились перед Комиссией. Закалка, которую я получила в Харьковском авиационном институте, мне очень пригодилась. Короче говоря, мне было здесь по себе. Но единственным неудобством было то, что Виктор Николаевич всех своих сотрудников держал в «коротких штанишках», применить все свои возможности, развернуться полностью, было невозможно, наткнулась на препятствия. Но, тем не менее, нарабатывался опыт, приобретались связи; более того, мой муж, всю жизнь проработавший в ракетно-космической технике, помогал мне, я использовала его связи до самых его последних дней и, в общем,

кое-что получалось. А когда Виктор Николаевич ушел из жизни, то всему этому была «зеленая улица», она и теперь такая. У меня колоссальные возможности. Я в контакте с очень многими специалистами ракетно-космической отрасли и использую эти контакты. Комиссии нашей поручено ежегодное проведение Чтений по космонавтике, посвященных памяти академика С.П. Королева и других отечественных ученых – пионеров освоения космического пространства. Так вот, в этом году я уже готовлю 33-и Чтения. Будут работать 20 секций, охватывая проблематику почти всех направлений ракетно-космической отрасли. Мы уже забрались и в медицину, и в социальные проблемы, у нас есть секция «Космонавтика и устойчивое развитие общества», «Космонавтика и культура», то есть это настолько стало широко, что превратилось во всероссийскую трибуну, с которой объявляются новые разработки сегодняшнего дня, история и перспективные направления. Особое место занимает проблема, связанная с исследованием научного творчества пионеров освоения космического пространства, и вопросы разработки научного наследия основоположников космонавтики. И мне очень жаль, что Чтения, проходя ежегодно, могли бы быть основой для создания историографии космонавтики, но после всех событий 1990-х годов, когда мы уже не можем публиковаться, мы как бы замкнулись на том, что публикуются тезисы докладов, я их размещаю в Интернет, и вот этим мы ограничиваемся, а вообще можно было бы этот материал использовать для создания настоящей историографии космонавтики, потому что накапливается столько фактического материала, что если бы специалисты анализировали как следует, то это было бы во благо. Это записывают люди из центра документации, там все это есть...

Я закончила Харьковский инженерно-строительный институт, и в то время, когда я его заканчивала, у меня родился ребенок, был некоторый перерыв, а потом было очень трудно устроиться на работу, и ценой больших усилий я попала на кафедру теоретической механики – практически математики. Потом я закончила аспирантуру и подготовила диссертацию, она у меня и сейчас лежит в переплете, но у меня родилась внучка, и я переключилась на нее. Более того, дочь моя, закончивши мехмат МГУ с красным дипломом и школу с золотой медалью, в это время готовила свою диссертацию. Так что мои дела отошли в сторону, я занялась внучкой и дала возможность дочери защититься. Я не жалею...

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 182–184.

1979 год

СОКОЛОВА
Ольга Александровна

Осенью 1979 г. я сдавала экзамены в аспирантуру Института в Сектор истории геолого-географических наук. У меня уже было сдано 2 кандидатских экзамена: по диалектическому и историческому материализму и иностранному языку (английский). Попала я в Институт неслучайно. Мой будущий научный руководитель диссертации И.А. Резанов был однокурсником моей мамы в Геологоразведочном институте им. С. Орджоникидзе, другая сотрудница Сектора М.М. Романова работала с моей мамой в экспедиции. Так что я немного была знакома с Институтом. На геологическом факультете МГУ у нас был курс «История геологии», который читал Д.И. Гордеев. Успешно сдав вступительные экзамены, я была зачислена в аспирантуру.

Мой научный руководитель – Игорь Александрович Резанов пришел в этот институт в 1978 г. Известен как один из авторитетных защитников теории геосинклиналей как альтернативы теории тектоники плит, был популяризатором геологии, автором многочисленных научных и научно-популярных книг: «История взаимодействия наук о Земле», «Жизнь и космические катастрофы», «История взорвавшейся планеты» и др.

После приема в аспирантуру встал вопрос о теме моей диссертации. И.А. Резанов отправил меня в командировку в Киев к академику АН УССР А.С. Поварённых на консультацию. Там я познакомилась с В.И. Оноприенко, который и сформулировал тему моей работы, с тех пор мы с ним поддерживаем добрые отношения.

Что меня приятно удивило в Институте, так это какая-то теплая, домашняя атмосфера. Эти коридоры с книжными шкафами до потолка, конференц-зал с большим столом с зеленым сукном, люстры и книги, книги в шкафах по всем стенам. Сам Сектор истории геолого-географических наук занимал небольшой кабинет № 21, где не у каждого сотрудника был свой стол. Окна кабинета выходили на Кремль. На широких подоконниках, кроме цветов, В.К. Рахилин выращивал помидоры. Сотрудники Сектора, как мне тогда показалось, были взрослыми и даже пожилыми людьми. По вторникам и четвергам (по присутственным дням) после 14 часов проходили заседания Сектора, где сотрудники отчитывались о своей работе, заканчивалось все дружным чаепитием. Наиболее теплые отношения у меня сложились с Валентиной Михайловной Курлыковой – старшим лаборантом-исследователем сектора, она была хозяйкой сектора, была в курсе всех дел.

Что меня еще удивило, так это такое свободное посещение, сотрудники писали на листочках, что они работают в библиотеках, архивах и т.д. Заведующий Сектором их визировал, и все передавалось в Отдел кадров. И еще, в присутственные дни к 14 часам можно было наблюдать, как от метро «Площадь революции», «Площадь Ногина» и «Дзержинская» спешили сотрудники, чтобы не опоздать и успеть перевесить свой номерок на доске, а рядом стояла заведующая отделом кадров Т.Ф. Бедретдинова и следила, чтобы никто не перевесил чей-нибудь номерок.

В Институте кипела научная, партийная и профсоюзная жизнь. Проходили заседания Ученого совета Института, защиты, семинары, собрания. Каждый год для детей и внуков сотрудников устраивалась елка с театральным представлением, подарками. Организовывались экскурсии, походы в музеи, посещение выставок.

В январе 1983 г. меня зачислили на должность младшего научного сотрудника в Сектор истории геолого-географических наук, в ноябре 1986 г. была переведена на должность научного сотрудника. В апреле 1984 г. я защитила диссертацию «Развитие химической минералогии в России (середина XVIII – начало XX века)» на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Как-то вечером, в конце апреля 1984 г., раздался телефонный звонок – звонил С.Р. Микулинский с поздравлением об утверждении ВАКом меня кандидатом наук, это было так неожиданно и очень приятно.

В Институте меня сразу привлекли к партийной и общественной работе. Я стала принимать партийные взносы, вести протоколы партийных со-

браний. Позже участвовала в агитколлективе по выборам. Дважды выезжала в Зарайский район в колхоз. Была ответственной за подписку на газеты и журналы сотрудников Института. Так я знакомилась с учеными. Была назначена Ученым секретарем секции «История наук о Земле» Советского национального объединения историков и философов науки и техники. Дважды в год проходили Пленумы СНОИФЕТА, приезжали ученые из союзных республик и российских городов.

Еще одной общественной нагрузкой стала работа в отделе аспирантуры в качестве секретаря (руководитель А.Н. Шамин). Было много аспирантов (до 26): и очных, и заочных, оформляла протоколы, организовывала сдачу вступительных и кандидатских экзаменов, аттестацию, поддерживала связь с Отделом кадров Президиума РАН и пр. Многие бывшие аспиранты работают в нашем Институте и сейчас.

Ученым секретарем я стала при директоре чл.-корр. АН СССР Н.Д. Устинове. Постановлением Отделения философии и права от 14 июня 1989 г. (протокол № 6) в соответствии с поданным И.С. Дровениковым заявлением он был освобожден от обязанностей ученого секретаря Института, ему объявлена благодарность за большую и добросовестную работу на этом посту, и я была назначена на должность ученого секретаря Института, где и тружусь в настоящее время.

1980 год

ОРЕЛ
Владимир
Михайлович

Мое появление в Институте оказалось довольно случайно, но я благодарен судьбе за то, что она привела меня в ИИЕТ. Произошло это следующим образом.

Моя предыдущая работа была в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС. В 1978 г. по инициативе секретаря ЦК М.А. Суслова было принято решение о создании в Академии общественных наук Основного отделения для подготовки кадрового резерва. Я был направлен на учебу. Вместе со мной учились Г.А. Зюганов, И.К. Полозков и др. Но когда через два года она была завершена, оказалось, что руководство партии передумало обновлять кадровый состав, и встал вопрос о трудоустройстве выпускников. Учитывая, что я имел степень кандидата наук и имел опыт работы в Отделе нау-

ки, было решено направить меня в распоряжение Академии наук. Такое постановление подписал Л.И. Брежнев.

Меня передали в распоряжение вице-президента академика Е.П. Велихова, который в свою очередь предложил мне заняться вопросами пропаганды достижений советской науки. Но, поскольку в аппарате Президиума такая штатная единица не была предусмотрена, было решено выделить для этого дополнительную ставку заместителя директора одного из гуманитарных институтов. Выбор пал на ИИЕТ как институт, где наиболее полно были представлены основные направления естественных и технических наук. Я принял это предложение с одним непременным условием, что в Институте буду иметь свой участок работы.

Юридически я пришел на работу в ИИЕТ 1 августа 1980-го года, фактически – с ноября. Семен Романович встретил, как любой директор на его месте, без радости и очень долго уклонялся от того, чтобы поставить визу на этом Постановлении. Три месяца я не получал зарплату, до тех пор, пока, наконец, у него не кончились все отпуска, больничные и т.д. И наконец было назначено свидание. Первый, кого я увидел в Институте, когда в первый раз пришел сюда, конечно, была Лариса Евгеньевна. Она показала мне пальцем на кресло, сказала: «Садись, жди», хотя я точно пришел в то время, когда мне назначено было. Я просидел сорок минут. За это время в кабинет директора никто не вошел, и никто не вышел. Через сорок минут она обо мне доложила, и я зашел.

Мое первое впечатление было, что это человек проницательный, язвительный, несдержанный и нервный. Поразила обстановка в кабинете: густой пеленой стоял табачный дым, письменный стол был завален горой папок с рукописями.

До прихода в Институт я о С.Р. Микулинском ничего не знал, абсолютно. Произвел на меня впечатление человека острого ума, потому что буквально просекал всякое слово там, задавал острые вопросы, после чего он сказал: «Ну, разговаривать нам не о чем, до свидания». Это было там минут десять. Где сидеть, где работать, какие у меня функции по Институту – об этом ничего. Потом я узнаю, что было заседание Дирекции; меня не пригласили. Я к нему зашел, говорю: «Семен Романович, я хотел бы объясниться. Все-таки я хочу участвовать в работе Института, и это было мое условие». Когда бывала такая двойственность, то таких людей называли подснежниками. Я сказал, что я подснежником никогда не буду, дайте мне какое-то задание, работу, я буду работать и т.д. и т.п. Таким образом, я попал на первую узкую Дирекцию.

Затем состоялось официальное представление коллективу, в ходе которого мне пришлось ответить на многочисленные вопросы, некоторые из них носили явно недоброжелательный характер. Первым сотрудником Института, с которым у меня состоялось знакомство, был Александр Сергеевич Федоров, который к этому времени покинул пост заместителя директора Института и работал заведующим сектором истории техники. Причем, знакомство состоялось по его инициативе. Он оказался человеком с очень интересной и богатой на события биографией и замечательным рассказчиком. Примерно через месяц после нашего знакомства он неожиданно пригласил меня к себе домой в гости. При этом подчеркнул, чтобы я обязательно был с супругой. Это был не рабочий день, кажется,

суббота. Когда мы к нему приехали, то оказалось, что здесь уже были И.А. Федосеев, А.Т. Григорьян, В.И. Кузнецов и С.Я. Плоткин.

Состоялось неформальное знакомство, в ходе которого мне пришлось рассказать свою биографию и ответить на многие вопросы. В дальнейшем у меня сложились с ними со всеми дружеские отношения. Они очень помогли мне войти в работу Института, были моими советниками и консультантами во многих делах и ситуациях.

Особое чувство благодарности и уважения я испытываю к Владимиру Ивановичу Кузнецову – большому ученому и замечательному человеку.

Первое практическое дело, в котором я принял участие, было обсуждение на Дирекции, а затем и на Ученом совете вопроса о создании при Институте Музея истории науки. На обсуждение был выставлен планшет, на котором было изображено здание, при этом не было указано, по какому адресу в Москве планируется построить это здание, есть ли какие решения о выделении участка для строительства, внесено ли это строительство в какие-либо планы и т.д.

Поскольку я имел достаточный опыт решения вопросов строительства различных зданий и сооружений, я понимал, что это только идея, которую еще предстоит осуществлять. Но дальнейшее обсуждение показало, что у Института нет никаких коллекций или экспонатов для такого музея, тем более что предлагалось проследить историю развития науки с античных времен до наших дней. Отвечая на мои наивные вопросы, Семен Романович сказал, что он мне отдельно все объяснит. Через несколько дней после этого заседания он пригласил меня: «Владимир Михайлович, – сказал он, – Вы человек новый и не понимаете нашей специфики. Это не музей в материальном понимании. Я прекрасно понимаю, что мы его никогда не построим. Нам никто никогда не даст денег. У нас нет никаких экспонатов, но нам надо коллектив объединять вокруг какой-то идеи. Вот Институт выдвигает идею Музея истории науки. Будем обсуждать идею музея, будем обсуждать экспозиции. Затем будем говорить о том, кто нам отказал, и что негодяй такой-то там, наверху, отказал, понимаете?».

Я понял логику таких действий и рассуждений. Если официально проводится политика сплочения страны вокруг заведомо утопической идеи строительства коммунизма и обсуждают, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», почему нельзя перенести этот прием на небольшой коллектив и попытаться объединить его вокруг другой по масштабу, но тоже нереальной идеи?

Однако, используя другую идею «инициатива наказуема», Семен Романович поручил мне кураторство группы «Памятники науки и техники». Сотрудниками этой группы Н.К. Гаврюшиным, П.В. Боярским и М.В. Шлеевой был подготовлен большой и содержательный обзор по музеям истории науки и техники в различных странах, который был представлен в Дирекцию и Ученый совет Института. С 1981 г. стал выходить ежегодник «Памятники науки и техники», в котором был раздел, посвященный научно-техническим музеям. Со временем идея создания при Институте Музея истории науки сошла на нет. Хотя я уверен, что такой музей нашей стране нужен.

Второй раз с таким же пониманием я столкнулся в иной ситуации. Когда я пришел на работу, часть нашего третьего этажа была занята другим учреждением – проектным институтом из сферы легкой промышлен-

ности. Они занимали также пятый этаж. Я узнал, что им дают новое помещение. Я был хорошо знаком с куратором этого Министерства; он мой земляк, из Харькова. Я к нему пришел и говорю: «Слушай, вы там освобождаете помещения по Старопанскому переулку?». – «Да. Для них построили отдельное здание и т.д.». Я говорю: «Вы нам отдаете этот “аппендикс”, давайте и пятый этаж». Он в ответ: «Да, пожалуйста. Давай, на мое имя пиши письмо за подписью директора Института и все». Значит, я радостный вбегаю к Семену Романовичу и говорю: «Семен Романович, мы можем получить пятый этаж». Он так смотрит на меня и говорит: «А зачем?». Я говорю: «Что значит, зачем. Мы же расширяемся, давайте сделаем там читальный зал, библиотека у нас там будет расположена и т.д.». – «Вот, – говорит, – Владимир Михайлович, Вы еще не вошли в понимание жизни Института. Дело в том, что мы живем тесно. И я всем объясняю, наши сотрудники не могут каждый день ходить на работу. У них нет места. А если мы возьмем этот пятый этаж, что я буду объяснять. Я же знаю наших сотрудников. Они все равно, хоть пятый, хоть десятый этаж, ходить не будут, вот, а это помещение будет пустовать». И таким образом моя идея, мое желание помочь институту на этом закончилось. Пятый этаж заняли другие.

Хочу также затронуть еще одну страницу в биографии нашего Института. В 1986 г. состоялся первый съезд КПСС при М.С. Горбачеве, на котором были приняты решения, вошедшие в историю под названием «Перестройка». Была объявлена война всему консервативному, бюрократическому, застойному. Райкомам партии были даны большие права в ликвидации всего, что, по их мнению, мешало развитию общества и демократии.

Территориально Институт находился в Бауманском районе. Под влиянием процессов, которые бурно развивались в первые годы перестройки, в партийные органы стали поступать письма и заявления, сигнализирующие о неблагополучии в этих коллективах.

Дело в том, что в управлении Институту Семен Романович (я потом хорошо разобрался во всем этом деле) опирался на группу надежных сотрудников своих, и другие сотрудники были этим не довольны. Это первое. Второе, в его стиле был все-таки большой отпечаток его очень сложной биографии житейской. Это человек большой воли, потому что не каждый мог бы выдержать два концлагеря, один немецкий, второй советский концлагерь. Это не могло не сказаться на его характере. Он старался все через себя пропустить. Меня поражало, тоже в первый раз, когда я пришел, заваленный стол, там отдельно стоял стол с рукописями книг. Огромное количество. Я ему, тогда мы уже так сошлись поближе, я ему говорю: «Семен Романович, что это у Вас тут лежит все?». Он говорит: «Это рукописи». Я говорю: «И что, Вы все читаете?». Он поднял палец и мне сказал: «Ни одна книга из Института не выйдет, пока я не прочту рукопись». И, действительно, он этому следовал. И, прежде всего, он, конечно, не хотел допустить каких-то идеологических вещей, которые могли бы пойти ему и Институту в минус. Это, конечно, сдерживало. Ну, были другие мотивы... .

В Бауманский райком партии поступило несколько писем из нашего Института. Авторы этих писем критиковали положение дел в Институте. Первый секретарь Бауманского райкома Николаев пригласил Семена Романовича на беседу. Однако, ссылаясь на то, что все дела Института он

решает в Отделе науки ЦК, Микулинский отказался от встречи. Я считал это ошибкой и пытался его уговорить сходить в райком, но он стоял на своем. У райкома разыграли амбиции, и он прислал в Институт большую, человек 30, комиссию, состоявшую в основном из работников вузов. Комиссия составила очень тенденциозную справку о деятельности Института. Семен Романович с комиссией не стал встречаться и со справкой не пожелал знакомиться. Институту тогда покровительствовали член ЦК КПСС, вице-президент Академии наук П.Н. Федосеев и член ЦК КПСС А.Г. Егоров, который был академиком-секретарем Отделения философии. Но в той конкретной ситуации их голоса, их власти было уже недостаточно. Вопрос об Институте был вынесен на бюро райкома партии. Я считаю, что это один из самых тяжелых эпизодов в истории нашего Института. Пожалуй, второй после закрытия бухаринского Института истории науки и техники в Ленинграде. По этой истории у нас много публикаций, а конфликт 1986 года пока не изучен.

От Института на бюро райкома присутствовал Ю.С. Воронков, исполнявший в то время обязанности директора Института, и я. Решение бюро было жестким. В первом пункте решения предлагалось укрепить руководство Институтами, что на партийном языке означало снятие с работы директора Института.

Но Президиум АН СССР принял другое решение. С.Р. Микулинскому была объявлена благодарность за работу на посту директора Института и в соответствии с его заявлением он был освобожден от этой должности и переведен на работу в Архив Академии. С коллективом он не попрощался, все его бумаги увезли к нему домой. К сожалению, после этого у нас, я имею в виду у Института, с Семеном Романовичем контактов не было. Я очень об этом жалею. Когда было 80 лет С.Р. Микулинскому, и я тогда был директором, я пытался организовать научную конференцию его памяти, но не нашлось, к сожалению, достаточно сотрудников, которые изъявили желание сделать о нем сообщения или доклады. Но он остается в истории нашего Института как человек, который много сделал.

Вместе мы проработали до его ухода из Института в 1986 г. Уже в ходе нашей работы, наших непростых взаимоотношений, а тем более сейчас я понимаю, что С.Р. Микулинский прежде всего был патриотом Института, большим тружеником. Он очень много сделал для повышения научного авторитета Института, для его развития. К сожалению, объективной оценки его вклада в развитие историко-научных и науковедческих направлений пока еще не сделано.

После ухода из Института Семена Романовича Микулинского начался период конфликтов и разборок. Можно сказать, что это было время «смуты». Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Я действительно очень много получил в Институте и очень рад, что так судьба повернулась. Я смог общаться и работать с замечательными людьми и с замечательными учеными.

Публикуется по расшифровке записи выступления В.М. Орла на Круглом столе, проходившем в ИИЕТ РАН 23 апреля 2008 г., а также по: «Я пришел в ИИЕТ»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 32–36.

1980 год

ПОСТНИКОВ
Алексей
Владимирович

Я пришел в Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР не совсем обычным путём. Активно занимаясь в это время проблемами истории формирования русско-китайской границы по отдельным заданиям Министерства иностранных дел СССР, я, по ходатайству министерства, получил из Президиума Академии наук СССР персональную ставку в Институте истории естествознания и техники для целенаправленных исследований по этой проблеме. Директор Института, член-корреспондент АН СССР Семён Романович Микулинский не скрывал от меня своего откровенного нежелания видеть меня в числе сотрудников своего коллектива. Лишь значительно позже я узнал, что это противодействие, по-видимому, объяснялось

тем, что ИИЕТ иногда использовался как «место ссылки» для сотрудников центрального аппарата ЦК КПСС, из которых отнюдь не все становились результативными историками науки и техники. В моём случае, Семен Романович не мог знать, что стремящийся к нему на работу беспартийный кандидат наук уже имел к тому времени довольно много историко-географических исследований, не предназначенных для публикации. Не сумев от меня «отбиться», С.Р. Микулинский поручил мне испытательную работу: за два месяца подготовить к печати со всеми необходимыми комментариями и пояснениями 150-страничную главу по истории географии в России из готовившегося тогда институтом сборника избранных трудов по истории науки Владимира Ивановича Вернадского. Точно в срок я представил Семену Романовичу свои комментарии и рекомендации по тексту, превышавшие по объёму рассмотренную мною главу В.И. Вернадского. Семен Романович Микулинский отличался потрясающей трудоспособностью, одной из граней которой было то, что он лично читал практически все работы, которые готовились к изданию в ИИЕТ. Естественно, что он прочитал рукопись, выполненную мною по его заданию, полностью её одобрил, и таким образом это стало моим первым трудом, выпущенным в свет под грифом ИИЕТ. После этого у Семена Романовича не возникало сомнений по поводу целесообразности моего труда в ИИЕТ. Не могу не заметить, что член-корреспондент АН СССР Семен Романович Микулинский, будучи выдающимся историком биологии и настоящим научным лидером нашего института, не очень удачно выбрал себе заместителей, которые объединившись с парткомом, сместили его с поста директора. При обсуждении этого вопроса в райкоме КПСС не было принято во внимание то, что многие сотрудники Института не были согласны с таким решением, о чем они заявили в официальном письме, которое в частности подписал и я.

Следует заметить, что с работами Института я был знаком задолго до этого, а с некоторыми его сотрудниками у меня даже наладились творческие связи, и прежде всего это касается Василия Алексеевича Есакова, дружеской поддержкой которого я пользовался всю жизнь. Мне всегда были очень близки богатые традиции ИИЕТ в области источниковедения не в последнюю очередь и потому, что моё развитие как историка началось в Секторе исторической географии и картографии Института истории СССР АН СССР, в коллективе которого преобладали выпускники Московского историко-архивного института. Уже тогда я понял, насколько значительную роль в исторических и историко-научных исследованиях в географии играют источники о былых состояниях природы и общества, среди которых на особом месте – старые карты. Мой интерес к таким источникам нашел полную поддержку историков наук о Земле, а также историков-источниковедов ИИЕТ, которые на базе использования этих источников успешно исследуют развитие идей и методов различных наук. Буквально с первых дней пребывания в Институте я понял, насколько обогащает его творческую жизнь разнообразие представленных в нём специалистов и направлений исследований, выражающееся, в частности, в процессе проведения ученых и диссертационных советов, семинаров и конференций, многие из заседаний которых в полной записи могут являться ценными трудами по соответствующим разделам науки и техники.

Уникальным направлением деятельности нашего Отдела истории наук о Земле стали организованные по моей инициативе историко-географические экспедиции по изучению внутренних водных путей России. Сама идея проведения таких экспедиций появилась у меня в процессе проведения полевых исследований для восстановления на современной местности линии государственной границы, установленной официальными договорами Российской империи с Цинским Китаем. Экспедиции по изучению внутренних водных путей России проводились нами по трассам основных каналов, соединявших Москву с Санкт-Петербургом (Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская системы), Северо-Двинской шлюзованной системы (канала принца Вюртембергского); Белозерского, Онежского и Ладожского обводных каналов, Волховского водного пути, на Великий Новгород, Августовского канала, а также некоторых искусственных водных систем, сооружение которых не было завершено, но маршруты которых представляют собой несомненный интерес для будущего научно-туристического освоения. Из незавершенных водных путей наиболее детально нами было изучено Лаче-Кубенское водное соединение, включая реку Онегу, обеспечивавшее трудный порожистый путь паломникам из Каргополя к Белому морю и святыням Соловецкого монастыря.

Воднотранспортные системы этого монастыря были исследованы нами особенно детально в течение ряда экспедиций и рекогносцировочных поездок. К некоторым из наших экспедиций привлекались зарубежные ученые, а одна (на теплоходе «Святитель Николай») была целиком международной. Помимо историко-научных задач (выявление на местности остатков гидротехнических сооружений, осуществление творческих контактов и заключение договоров о сотрудничестве с местными краеведческими музеями, а также разработки предложений по организации историко-ландшафтных заповедников или заказников) мы занимались изучением современного состояния этих водоемов, их загрязнений и возможностей оздоровления экологической ситуации этих регионов. Самые детальные историко-научные исследования нами проведены во время трёх экспедиций на Соловецком архипелаге, главным объектом исследований которых была система каналов, которой в течение 400 лет монахи соединили многочисленные озера Большого Соловецкого острова в единую регулируемую систему водоснабжения и судоходства, обеспечивавшую многогранную хозяйственную деятельность обитатели. В результате этих исследований с участием Кафедры физической географии и ландшафтоведения под руководством члена-корреспондента РАН Кирилла Николаевича Дьяконова с привлечением данных дистанционного зондирования был сделан фундаментальный вывод о том, что влияние канальной системы за время её существования привело к положительному изменению ландшафтов от лесотундры (на период прибытия первых монахов) к современному северному и среднетаёжному ландшафту. Экспедиционные исследования Отдела истории наук о Земле были отмечены наградой Русского географического общества «Хрустальный компас».

1980 год

ЧАЙКОВСКИЙ Юрий Викторович

Пришел в ИИЕТ я в начале 1978 г. с докладом о раннем творчестве Ч. Дарвина, на семинар по истории биологии (рук. Э.Н. Мирзоян). Меня приятно удивила заинтересованность слушавших – прежде всего, В.Н. Гутиной и Л.В. Чесновой, но и других тоже. В то время я работал в лаборатории математической генетики Института генетики промышленных микроорганизмов Главмикробиопрома, очередное сокращение штатов явно вело к закрытию лаборатории, и друзья советовали мне попытать счастья в ИИЕТ.

К счастью, крамольная подоплека доклада (богословская, а не биологическая направленность первых эволюционных построений Дарвина) то ли не была замечена, то ли обойдена слушавшими, доклад был принят благосклонно, и бюрократическая ма-

шина медленно завертелась. Философ и историк химии Б.М. Кедров согласился принять меня в свой сектор по рекомендации философа Р.С. Карпинской (Институт философии, где я тоже докладывал) и методолога Н.И. Кузнецовой, а им меня рекомендовали палеоботаник С.В. Мейен (Геологический институт) и математик-философ Ю.А. Шрейдер (ВИНИТИ). Наоборот, директор ИИЕТ С.Р. Микулинский, историк биологии, был против (поэтому сектор истории биологии как вариант не рассматривался), но Б.М. Кедров через Отдел науки ЦК КПСС настоял, и 28 февраля 1980 г. я был зачислен в ИИЕТ, где проработал 37 лет (с апреля 2000 г. – усилиями нового заведующего сектором А.А. Печенкина стал ведущим научным сотрудником; тогда же я перешел в сектор истории математики, руководимый С.С. Демидовым).

Будучи добротным историком не только химии, но и науки вообще, Б.М. Кедров, узнав тематику моих прежних занятий, предложил мне тему, казалось бы, странную: становление статистики. То был единственный в моей жизни случай, когда начальник дал мне полезную для меня тему. Оказалось, например, что философской базой дарвинизма, после падения в середине XIX в. авторитета богословия, стала популярная тогда статистика населения, но не биология, – факт, к середине XX в. совсем забытый.

Его осознание во многом определило мои дальнейшие научные построения, поскольку познавательные корни различных дисциплин оказались общими.

Из сотрудников ИИЕТ ранее знакомы мне были двое – химик В.А. Крицман, мой одноклассник, и биолог Э.Н. Мирзоян, с кем мы встречались на эволюционных семинарах. Оба успешно работали в привычном для историков науки стиле, который С.В. Мейен, мой наставник, называл «реферативным журналом за прошлые времена». Сам Мейен тоже написал в этом стиле несколько кратких биографий, отчего полагал его дилетантизмом, серьезной же историей науки полагал другое: выявление упомянутых корней, а через них – забытых или отвергнутых альтернатив развития науки. Данной установке его обучил А.А. Любищев, но сами они продвинулись по этому пути мало. И Мейен был рад моему упомянутому выше первому результату, который как раз реализовал эту установку. (Он, как и Кедров, интуитивно чувствовал его, а теперь получил обоснование).

В сентябре 1985 г. Б.М. Кедров умер, тогда же началось «ускорение», вскоре перешедшее в «перестройку», всем нам стало не до науки, затем наступил распад издательств. Так что мой единственный труд по истории статистики (изложение первого раздела плановой темы) был напечатан усилиями Печенкина лишь через 9 лет в сб. *Метафизика и идеология в истории естествознания* (М., 1994). Перепечатан в сборнике моих работ: *Историк науки...* (М., 2020. Т. 1).

Остальные основные результаты изложены в 18-ти моих книгах:

Элементы эволюционной диатропики (М., 1990);

О природе случайности (М., 2001; 2-е изд., испр. и доп., 2004);

Эволюция. Книга для изучающих и преподающих биологию (М., 2003);

Наука о развитии жизни. Опыт теории эволюции (М., 2006);

Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни (М., 2008);

Зигзаги эволюции. Развитие жизни и иммунитет (М., 2010);

Диатропика, эволюция и систематика. К юбилею Мейена. Сб. статей (М., 2010);

Лекции о доплатоновом знании (М., 2012);

В круге знания. Статьи для энциклопедий (М., 2014);

Мысы Ледовитого напоминают. Исторические очерки и повесть (М., 2015);

Заключительные мысли (М., 2018);

Эволюция как идея (М., 2017);

Автопоэз. Опыт пособия тем, кто хочет понять эволюцию (М., 2018);

У Арктики долгая память. Заметки из российской истории, арктической и не только (М., 2019);

Взгляд из Арктики на историю России (М., 2020);

Историк науки в вихре событий. Том 1. Мысли о природе и обществе (М., 2020);

То же. Т. 2. Эволюцию надо понять сегодня (М., 2021);

Иваны Васильевичи, государи Арктики (М., 2021).

«Шапку» ИИЕТ несут только первые три книги: после неудачи (из-за протеста СПб филиала ИИЕТ) с четвертой, более я получить ее не пробовал.

Из-за противодействия того же Филиала пришлось отказывать просьбам Л.В. Чесновой и других (настойчивым, но любезным) подать к защите докторскую диссертацию – тратить остаток жизни на склоки было бы неразумно. Отсутствие докторской степени сказалось лишь раз: в 1995 г. один институт отказал в продлении договора на чтение курса истории науки («мы и докторов едва можем оплачивать»). Это было чувствительно, так как в ИИЕТ зарплату платили тогда ничтожную и с перебоями, зато я почти всегда был избавлен от участия в бесчисленных коллегиях и советах.

Направление моих работ было примерно одним и тем же: противоречия в выводах какой-либо теории побуждали меня к поиску ее познавательных основ, каковых не оказывалось. Их заменяли ссылки на авторитет трудов предшественников, давно никем не читанных, тогда как в тех трудах были лишь декларации или заявки на будущее. Тем самым, обоснование нынешней научной дисциплины – дело историка науки. Его же дело указывать возможные альтернативы развития.

Нескоро открылось мне, почему Кедров назвал свой сектор «История науки и логика»: логического обоснования у дисциплин обычно нет, его должна дать история науки, притом не «реферативный журнал», а осмысление давней проблематики, в том числе той, что отвергнута большинством и часто даже ошельмована как лженаука. Исследовать надо прежде всего само научное явление, а затем уже литературу о нем, иначе погрязнешь в описании мнений, а они часто искажают смысл явления, вплоть до прямой его фальсификации. Так произошло с Дарвином, который всю жизнь писал, что Господь сотворил классы животных, подверженные изменчивости, а объявлен основателем эволюционизма.

Приведу еще поразительный пример, приведу в силу его краткости. Все пишут, и у нас, и на Западе, про «невидимую направляющую руку рынка», якобы описанную у Адама Смита. Но у него ничего этого нет: он отдельно и подробно описал рыночную сделку как уравнивающую процедуру, а в совсем другом месте – «невидимую направляющую руку», ему самому не вполне понятную, и никак не увязал ее с рынком. В нынешних терминах:

он первый понял системный характер экономики, отделив его от обычного в его время статистического рыночного понимания, оказавшегося в наши дни тупиком познания и развития. Сей научный подвиг он свершил за двести лет до нынешней теории систем, а та его даже не заметила.

Итак, надо исследовать явление, а не принятые мнения о нем. Так (т.е. без оглядки на общепринятое и не боясь обвинений в ненаучности) до моего появления в ИИЕТ работали, *насколько знаю*, только физик-методолог С.Д. Хайтун и геологи И.А. Резанов и, отчасти, И.В. Круть. Много позже к ним присоединились, сами того не ведая, антрополог М.С. Козлова и историк авиации Е.Л. Желтова. Перед всеми ними мысленно склоняюсь.

Мне на этом пути удалось показать отсутствие обоснования у идеи демократии в Афинах, у теории вероятностей, у дарвинизма, у нынешней (торговой) политэкономии, у истории освоения Арктики и пр., и предложить свои варианты обоснований. К сожалению, откликов не последовало, но трудно и ожидать их при развале науки.

В начале работы в ИИЕТ меня поразило, что тут можно получить справку чуть ли не по любому научному вопросу – этого уже лет двадцать нет и в помине. Данным свойством широко пользовался Отдел науки ЦК, пересылая письма со всего Союза по самым разным темам, а самые непонятные доставались, как мне казалось, сектору Кедрова. Он на работу не ходил, текучку разгребал философ Б.Г. Юдин, он и раздавал эти письма сотрудникам. Давая первое письмо мне, он разъяснил: отвечать следует округло, чтобы даже скандалист не мог обвинить отвечавшего; главное – ни в коем случае нельзя оставлять письмо без ответа, ибо сопроводилки имеют гриф «Контроль ЦК». Стараясь, как мог, я все же дважды не смог ничего придумать и не ответил.

Одно письмо помню: пенсионер предлагал немедленно всем начать сливать повсюду все отходы вместе, тогда «кислоты нейтрализуются щелочами и пр.», получится безвредная масса, годная для заполнения пустот, и главные экологические проблемы отпадут. Попытку мою ответить (что смешение отходов уже привело в одной из префектур Японии к появлению сильного канцерогена) Юдин пресек: автор, видимо, скандалист, и вступать с ним в спор опасно для института. Письмо было мной спрятано (не спрося Юдина, хотя с ним были дружеские отношения), и никто о нем никогда не вспомнил. То был урок, как можно жить под зонтом ЦК.

Единственная тема, по какой не было возможности получить никакой справки, была моя специальность – биоэволюция. Вокруг царил дремучий дарвинизм столетней давности, и мне пришлось публикации по сущности раннего дарвинизма камуфлировать.

Лишь в начале нулевых годов В.И. Назаров решился издать книгу «Эволюция не по Дарвину» (2005), и ее, в отличие от моих работ, обсуждали. В основном, дружелюбно. Позже Э.И. Колчинский даже сделал доклад (Нацизм и эволюционная теория // Годичная научная конференция ИИЕТ, 2006, с. 664–666), где показал, что Гитлер исповедовал примерно тот самый «Новый синтез» дарвинизма, что после войны и воцарилась. Обо всем таком нынче, через 15 лет, и вспомнить странно.

В 2016 г. на выборах директора ИИЕТ я голосовал за Д.Ю. Щербинина (сочтя К.В. Иванова мечтателем), что было глупо.

1981 год

ЕЛИНА
Ольга Юрьевна

Я пришла в ИИЕТ в 1981 году практически со студенческой скамьи. К окончанию Биофака МГУ появилось ощущение: происходит какая-то «мутация» в направлении гуманитария, теряю интерес к экспериментальной биохимии – моей специализации. Симптомы проявлялись и раньше: на первом курсе увлеченно готовила доклад по истории Московского университета; четвертый запомнила только благодаря написанию необычного для семинара по историческому материализму реферата на тему философии акмеизма. К защите диплома гуманитарные гены окончательно победили, и я ушла из престижного Молекулярного корпуса, куда меня распределили на стажировку. Были мысли пойти на Истфак, но родители вспомнили про своего однокурсника Алексея Николаевича Ша-

мина, давно занимавшегося историей биохимии в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Тогда я впервые узнала о существовании профессии «историк науки». Это был компромисс между полученным образованием и гуманитарной сферой; я решила поступать в аспирантуру ИИЕТ. Для сдачи экзамена пришлось срочно осваивать неведомую ранее дисциплину, в рамках «ликбеза» изучать двухтомник «Истории естествознания», кучу других книг для написания вступительного реферата.

Первые впечатления от Института: переулочек с дивным названием, высокие пролеты лестницы – и открывался мир уходящих в потолок шкафов с тисненными корешками уражей, особым книжным запахом и скрипом паркета под ногами прогуливающих по длинным коридорам и что-то непрерывно обсуждающих сотрудников. Многих я быстро узнала: аспирантам предлагался полный курс лекций по всем направлениям, от историографии и науковедения до философии и методологии науки. Незабываемыми оказались лекции Наталии Ивановны Кузнецовой, в увлекательный стиль и манеру чтения которой я сразу же влюбилась. Поразил Владимир Семёнович Кирсанов, показавший мировое развитие физики на фоне событийного ряда российской истории: там – Леонардо да Винчи с равновесием жидкостей в сообщающихся сосудах, а у нас – Судебник Ивана III, первый свод законов Российского государства.

Мой научный руководитель А.Н. Шамин выбора темы не оставил: началась работа над диссертацией по истории биохимии в Германии, мировой колыбели этой науки. Пришлось выучить немецкий язык и купить проездной билет на подмосковный транспорт: все необходимые журналы и книги (половина – с готическим шрифтом, моим главным кошмаром) оказались в Химках, дополнительном хранилище Ленинской библиотеки (сегодня РГБ). Отдохновением стала доступная аспирантам институтская библиотека с огромным тематическим фондом – «сердце» ИИЕТ, которое, надеюсь, снова забьется. В целом было интересно и полезно погрузиться в мир «Германии туманной», откуда Россия получала «учености плоды». Но все четыре года сопровождало ощущение, что готовлю блюдо из продуктов, вкуса которых не представляю: по великим немецким университетам, где вершилась судьба биохимии, могла путешествовать лишь мысленно (о стажировке в Германии, разумеется, речи не шло: даже для заведующих отделами ИИЕТ заграничные командировки тогда были редкостью, что уж говорить про аспирантов...). Позже, изучая материалы в российских и зарубежных архивах, стала понимать: чтобы полностью освоить историко-научную профессию, важно иметь возможность погрузиться во всё многообразие связанных с ней источников и объектов, начиная с метафизического «гения места» и кончая тем, что сухо называют документами личного происхождения. Например, заглянуть в черновики, переписку, дневники ученого, которые говорят о нём не меньше, чем научные публикации.

Защита диссертации по «несъедобной» теме и сложные отношения с руководителем научили самостоятельности в работе и выборе научного пути. В Институте для этого всегда была масса возможностей. Я кардинально поменяла тему: после биохимии в далекой Германии переключилась на Россию и все то, что связано с научным сельским хозяйством – от агрономических экспериментов в частных садах до организации государственных опытных станций и биографий ведущих ученых. Эта область

оказалась столь же многоплановой и увлекательной, сколь и мало изученной; сюжетов такое количество, что и для большого коллектива хватило бы на долгие годы; про бездонные архивные фонды и говорить не приходится. Заведующие, с которыми довелось работать – Александр Михайлович Смолеговский и особенно Эдуард Николаевич Мирзоян, с пониманием относились к интересующему меня проекту. Важной вдохновляющей частью моей институтской жизни в тот период стало участие в деятельности своего рода «невидимого колледжа» – группы аспирантов и молодых сотрудников, объединенных общим интересом к социальной истории науки и проведением ежегодных конференций в этой области. Со многими, ныне разбросанными по разным институциям и странам, дружу по сей день.

Выход базового двухтомника «От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII в. – 20-е годы XX в.», ряда биографических и социально-исторических публикаций, защита диссертации с присуждением докторской степени по истории вдохновили на дальнейшие перемены. Я обратилась к Симону Семёновичу Илизарову с просьбой принять меня в Отдел историографии и источниковедения истории науки и техники. Здесь удалось найти коллектив единомышленников и новых друзей, открыть возможности для дальнейшего профессионального развития, заполнения пробелов в историческом образовании. Продолжаю учиться у моих замечательных коллег умению выявлять глубинные истоки и скрытые сюжеты истории нашей профессии, видеть в историографии увлекательный предмет и мощное подспорье в работе, находить, казалось бы, навсегда утраченные исторические источники, возвращая имена и воссоздавая биографии выдающихся деятелей науки и культуры.

1981 год

КЛАВДИЕВА
Мария Михайловна

Я пришла в ИИЕТ в конце 1981 г. Тогда я работала в ЦНИЛ 4ГУ МЗ СССР, и моя работа заключалась в том, чтобы колоть опиатные пептиды мышкам и наблюдать за тем, как менялось их поведение, а также в сборе и анализе соответствующей литературы. Мне всегда нравилось «копаться» в научной литературе, еще со 2-го курса учебы на биофаке МГУ, когда я написала обзор об истории открытия и исследованиях цАМФ. Об ИИЕТ я узнала случайно от моей однокурсницы Г.Г. Кривошеиной, меня заинтересовало, что есть такой институт, занимающийся историей науки, и я пришла в Старопанский переулок поговорить с ее научным руководителем А.Н. Шаминым о возможности поступления в заочную аспирантуру. Он предложил мне написать реферат об опиат-

ных пептидах, а там посмотрим... Тема была очень интересной для меня, и я погрузилась в нее с головой. Когда А.Н. прочитал готовую работу, мне было предложено сдать вступительные экзамены в аспирантуру. Мне повезло, и вместо заочной я оказалась в очной аспирантуре и сразу начала заниматься своей бесконечно увлекательной темой – историей исследования нейропептидов, которая тогда была новой, очень «горячей» и актуальной (двоим ученым, первыми определившим химическую структуру трех нейропептидов, в 1977 г. присудили Нобелевскую премию за открытия, «связанные с секрецией пептидных гормонов мозга»). Эта работа стала для меня настоящим приключением, «одиночной экспедицией в джунгли», конечным результатом которой стала не только защита диссертации, но также впоследствии – совершенно неожиданное для меня приглашение от одного из главных фигурантов моей диссертации, замечательного голландского ученого Дэвида Де Вида (одного из номинантов на ту самую Нобелевскую премию) перевести мою работу на английский язык и, возможно, добавить к ней что-нибудь, пользуясь богатыми возможностями Утрехтского университета. Аспирантура особенно запомнилась мне прекрасно анахроничной, академичной, почти кинематографичной (как из довоенного фильма о советских ученых) обстановкой в Институте в Старопанском переулке и развеселыми школами молодых ученых в Гурзуфе и Бургасе (Болгария). После защиты кандидатской диссертации в 1987 г. моим научным руководителем стал Сергей Георгиевич Кара-Мурза, прививший мне интерес к науковедению и наукометрии. Я помню замечательную обстановку в нашем секторе и настоящий энтузиазм, с которым мы все работали, особенно приятно и весело было работать с Сергеем Шапошником. Я увлеченно занималась библиометрическими исследованиями, придумывала простые методы картирования и анализа современной науки с помощью изданий Science Citation Index. Помню, мы даже участвовали в подготовке «Стратегии науки» на ближайшие 10 и, мне кажется, даже 20 лет, а также в мозговых штурмах в Министерстве науки. Появились первые научные проекты, у меня их было даже несколько. К сожалению, по моему субъективному мнению, «монетизация» и вытекающая из нее конкуренция испортила атмосферу в нашем секторе. В 1992 г. в ИИЕТ приехал заведующий кафедрой динамики науки в Амстердамском университете Стюарт Блюм, и он неожиданно пригласил меня приехать к нему и провести библиометрические исследования в той области, которая его интересовала – методы получения изображения в медицине и биологии. В Амстердаме он познакомил меня с профессором Де Видом, экс-президентом Голландской академии наук, который заинтересовался моей историей исследований нейропептидов и на следующий год пригласил меня к себе в Утрехт. Так в конце 80-х – начале 90-х мне посчастливилось работать с двумя яркими учеными и замечательными научными руководителями – С.Г. Кара-Мурзой и Д. Де Видом. Кто еще тогда производил на меня самое большое впечатление как ученый и человек? Елена Зиновьевна Мирская и Наталья Ивановна Кузнецова, еще, конечно же, Юрий Викторович Чайковский и Александр Александрович Печенкин. После возвращения из Голландии я со всем пылом погрузилась в библиометрический анализ новых научных направлений, особенно в картирование науки. Эта работа завершилась подготовкой книги, деньги на издание которой выделил

ИИЕТ совместно с Центром анализа науки (тогда предполагалось даже, что это станет основой моей докторской диссертации), однако, хотя тираж и был напечатан, но он так и не был шит по неизвестным мне причинам, хотя я и просила администрацию ИИЕТ о помощи в общении с типографией. Затем мне было отказано и в публикации моей книги о нейропептидах на русском языке, несмотря на то, что я получила больше 400 просьб прислать оттиски на английском языке от исследователей из разных стран, а также раздавала эти оттиски многим российским ученым. После этого мой научный энтузиазм поутих, и я большей частью занималась переводами (я выступаю в качестве переводчика с 15 лет и переводы всегда были очень важной частью моей работы).

Все изменилось, когда – опять-таки волею судеб и независимо от меня – я оказалась сотрудником Симона Семеновича Илизарова и вновь попала в совершенно особую научную среду и дружескую атмосферу, но это уже совершенно другая, современная история. Так вышло, что свои старые научные работы я делала сама, без реального научного руководства, и фактически выступала как самоучка, хотя в этом мне очень помогало мое естественнонаучное образование на биофаке, подготовившее меня к ведению активного научного поиска. Теперь же я впервые очень пожалела, что не училась историческим и источниковедческим дисциплинам! И еще: не могу не упомянуть замечательных, душевных людей, которых я всегда считала душой нашего института – Ольгу Александровну Соколову и Ирину Васильевну Лерман.

1981 год

УЛЬЯНКИНА
Татьяна Ивановна

До Института истории естествознания и техники АН СССР я преподавала на медико-биологическом факультете 2-го Московского ордена Ленина государственного медицинского института им. Н.И. Пирогова; здесь же в июне 1974 г. была аттестована на должность старшего научного сотрудника Отдела по изучению молекулярных механизмов наркоманий ЦНИЛа этого института. Однако в 1980 г. из-за ухудшения здоровья была вынуждена распрощаться с экспериментальной работой. Тогда мой коллега, известный генетик, профессор Александр Александрович Малиновский посоветовал мне перейти на работу в ИИЕТ АН СССР, где он работал по совместительству. Там же работали и другие выпускники мединститута, с которыми я позже имела возможность познакомиться.

ся: Леонид Яковлевич Бляхер, Юрий Алексеевич Зиневич, Василий Васильевич Бабков.

А.А. Малиновский быстро договорился о встрече с заведующим проблемной группой по истории биохимии и биоорганической химии, доктором химических наук Алексеем Николаевичем Шаминам, и мы обсудили тему моих будущих исследований по истории иммунологии. Однако тот потребовал согласования моей кандидатуры с заведующим кафедрой иммунологии 2-го мединститута, академиком АМН СССР Р.В. Петровым. Несмотря на неловкость просьбы, она была им выполнена.

К сентябрю 1981 г. я оформила официальный переход в ИИЕТ с сохранением научной ставки старшего научного сотрудника. Особая демократичная атмосфера института, его традиции и культура не могли не imponировать. Здесь работало много талантливых ученых: Б.М. Кедров, М.Г. Ярошевский, Н.А. Фигуровский, Б.Г. Кузнецов, Н.Ф. Овчинников, Д.Н. Трифонов, Г.В. Быков, В.П. Визгин, И.И. Мочалов, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, В.Ж. Келле и др. Тепло ко мне относился директор института, доктор биологических наук, чл.-корр. АН СССР Семен Романович Микулинский. Человек строгий и требовательный, преданный работе, не жалевший ни времени, ни сил для процветания института. Рукопись моей статьи по научным школам в иммунологии Микулинский сразу же отослал на экспертизу в Ленинград академику Е.М. Крепсу – директору Института эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова. Об этом я узнала только когда пришел ответ, который я храню как почетную грамоту.

Что касается А.Н. Шамина, я не раз пожалела о том, что попала в его группу. Хороший профессионал, но как руководитель он был слишком амбициозным и беспринципным. Практически «с порога» Алексей Николаевич пытался уговорить меня отдать свою ставку одной из его сотрудниц, занимавшей должность младшего научного сотрудника. Мой отказ надолго испортил наши отношения. Шамин жаловался, что «исписался», «устал» от биохимии, и что я должна его выручить – надо повременить с работой по истории иммунологии и срочно сесть писать обзор по истории биохимии в СССР, который будет опубликован за рубежом. Обзор (объемом 2,0 а. л.) я написала, однако его концы «канули в лету». Позже выяснилось, что это был хитроумный и уже отработанный на других сотрудниках «ход Шамина», позволявший ему издавать труды без упоминания соавторов.

Спустя какое-то время, А.Н. Шамин потребовал показать ему всю международную переписку – в противном случае угрожал снять меня с аттестации. Его нечистоплотный выпад демонстрировал мое полное юридическое бесправие. С.Р. Микулинский в жесткой форме посоветовал мне уйти в другое подразделение: «Вы пришли в институт, а не к Шамину, и имеете право перейти в любой отдел или группу. А что касается международной переписки, то в исключительных случаях только директор института может поинтересоваться ею». Я перешла в сектор истории биологии (зав. – проф. Э.Н. Мирзоян), а через год – в сектор комплексных исследований истории, структуры и динамики научно-технического прогресса, который создал и возглавил чл.-корр. АН СССР Николай Дмитриевич Устинов.

Первые два года работы в ИИЕТ я занималась самообразованием, включая институтский методологический семинар, на заседаниях которого шли острые дискуссии по проблемам развития естествознания. Научная критика была нормой, при этом – никакого чинопочитания, никакой возрастной дистанции, что очень радовало!

Условия работы в институте были идеальны, учитывая свободное расписание, богатую научную библиотеку с абонементом, прекрасное расположение Института в районе исторического центра Москвы. Областью моих интересов была когнитивная и социальная история иммунологии в России и СССР, включая судьбы иммунологических школ в период сталинских репрессий. Много времени уходило на неформальное общение с родственниками репрессированных ученых. Свои работы я публиковала параллельно в журналах «Иммунология» и «Вопросы истории естествознания и техники», реже – в сборнике «Историко-биологические исследования».

Я посещала также лекции и семинары академика Г.И. Абелева в Институте канцерогенеза и МГУ, была постоянным участником теоретического семинара «Современные проблемы иммунологии» в Государственном комитете СССР по науке и технике, где впервые озвучила свой доклад «О репрессиях в иммунологии в 20–30-е гг. XX века в СССР».

Постоянно я получала официальные приглашения на иммунологические конгрессы, школы, симпозиумы, проходившие в СССР и за рубежом. Одним из первых было приглашение во Францию, на Международный colloquium, посвященный истории и 100-летию юбилею Института Пастера, с докладом «Институт Пастера и зарождение иммунологии в России». Поездка в Париж была настоящим подарком судьбы, она серьезно расширила кругозор и мою научную программу. Я была счастлива посетить Пастеровский институт – богатейший центр европейской и мировой иммунологии, вирусологии, бактериологии, молекулярной биологии, познакомиться с его учеными, в том числе с Нобелевскими лауреатами. Общение с профессиональными историками иммунологии из Франции, Германии, Великобритании, США позволило мне регулярно выступать на вок-шопах. Первым был VII-й Международный иммунологический конгресс в Западном Берлине (29.07 – 6.08.1989), где я выступила с докладом «Иммунология в Советской России».

В сентябре 1990 г. меня пригласили участвовать в работе X Международного конгресса Европейской федерации иммунологических обществ (Эдинбург, Великобритания, 7–14.09.1990). Вслед за тем, по приглашению директора Института истории медицины университета Джонса Хопкинса (г. Балтимор, штат Мэриленд) – проф. Gert Brieger – я три месяца (октябрь 1990 – январь 1991) работала в США: читала лекции в университетах Бостона, Баффоло, Балтимора, Вашингтона, Национальном институте здоровья в Бетезде, смогла завершить составление библиографии для рукописи книги «Зарождение иммунологии».

Сейчас меня восхищает, что тогда в 80-х и 90-х гг. XX века в институтах Академии наук СССР существовала прекрасно отлаженная система научных зарубежных командировок. Дирекция ИИЕТ никогда не возражала против моего участия в зарубежных поездках, за что я тоже благодарна.

Со временем изменилась тема моих исследований. В 1991–1992 гг. я стала одним из организаторов и докладчиком Круглых столов Первого и Второго конгрессов соотечественников «Творческое наследие соотечественников – российских ученых и инженеров за рубежом – достояние национальной и мировой культуры», на которых я представляла не только наш институт, но и «Национальный фонд содействия ЮНЕСКО–Москва», где по совместительству работала как советник по научным программам.

Вместе с коллегами по ИИЕТ (Е.З. Мирская, А.В. Юревич, А.Г. Аллахвердян, В.П. Борисов и др.) я принимала участие в Международном совещании «Утечка умов в условиях современной России: внутренние и международные аспекты» (Ватутинки, 17–18.02.1992), организованном ЮНЕСКО. В 1993 г. был опубликован наш первый коллективный сборник «Русские ученые и инженеры в эмиграции».

В 1992 г. я получила приглашение от проф. Мирко Грмека (Париж, Франция) на VIII Международную научную школу «От иммунитета до клеточной и молекулярной иммунологии» (о. Иския, Италия, 1992) с докладом: «Иммунология в Советской России. Репрессии 20–30-х гг.».

В 1994 году в издательстве «Наука» была опубликована моя монография «Зарождение иммунологии», удостоенная Почетного диплома Российской академии наук I степени. Теоретические положения, разработанные в этой книге, были квалифицированы «как крупное достижение в развитии иммунологии и истории науки».

В 1995 г. я стала ученым секретарем оргкомитета и докладчиком Международного симпозиума «Клеточная биологии и иммунология», посвященном 150-летию со дня рождения И.И. Мечникова. Симпозиум стал одним из крупнейших научных событий в международной жизни РАН, в его работе приняли участие многие выдающиеся ученые из разных стран мира и ИИЕТ. Летом 1995 г. я стала участником IX Международного конгресса иммунологов в Сан-Франциско, с докладом «Сергей Иванович Метальников – основатель психонейроиммунологии».

1995 год ЮНЕСКО объявил «Годом Пастера» и организовал проведение ряда международных симпозиумов в разных странах мира. Московский симпозиум «Научное наследие Луи Пастера и современность», посвященный 100-летию смерти Луи Пастера, проходил в Президиуме РАН. Помимо «звезд» мировой величины: директора Института Пастера в Париже, проф. М. Шварца и президента Французской Академии наук русского происхождения, академика М. Грюнберг-Монаго, на нем выступили и сотрудники ИИЕТа.

В декабре 1994 – январе 1995 гг. по приглашению проф. Ч.А. Пастернака (директора Оксфордского Международного биомедицинского центра, Великобритания), я посетила Лондон, Оксфорд и Лидс с целью проведения исследований по теме: «Русская научная эмиграция в Великобритании в XX веке». К этому времени я практически уже полностью перешла в новую область исследований: «Научное наследие российских ученых-эмигрантов т.н. первой волны».

В 1996 г. по приглашению академика Г.И. Абелева я приняла участие в III Летней Британской школе по иммунологии имени Джона Хэмфри «Клеточные и молекулярные аспекты иммунологии» (Пушино, 1996), с докладом «От Ильи Мечникова до Льва Зильбера». По окончании ее,

профессор Р.Ж.А. Саpел, пригласил меня выступить с лекцией на Международной научной конференции Утрехтского университета (Утрехт, Нидерланды, 16 января 1997).

28 мая 1997 г. в Институте иммунологии Минздрава России, на заседании диссертационного совета Д 074.09.01 состоялась защита моей диссертации «Зарождение иммунологии» на соискание ученой степени доктора биологических наук по двум специальностям: аллергология и иммунология (14.00.36) и история науки и техники (07.00.10).

Особенно плодотворным было время работы в секторе социологии науки Отдела методологических и социальных проблем развития науки ИИЕТ, руководимого доктором социологии Е.З. Мирской. Елена Зиновьевна неизменно приветствовала мое сотрудничество с другими научными институтами и организациями: с 2009 г. я по совместительству работала в Отделе музейного и архивного хранения Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына; 10 лет я проработала помощником депутата председателя Комиссии по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы РФ V и VI созывов (на общественных началах).

Подводя итог своей многолетней работе в ИИЕТ (более 40 лет), скажу, что всегда любила и гордилась своим институтом. Все эти годы я шла своей собственной дорогой, но неизменно ощущала поддержку коллег и руководства института, что обеспечивало мою научную независимость.

1983 год

ВАССОЕВИЧ
Андрей Леонидович

С конца 70-х – начала 80-х годов XX века меня не покидала мечта стать научным сотрудником Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. В ту пору мои научные интересы, как выпускника Восточного факультета ЛГУ им. А.А. Жданова, были преимущественно сфокусированы на изучении нефтяной терминологии древней Месопотамии, Ирана и Античного мира в целом. Именно нефти и нефтезаменителям на Ближнем и Среднем Востоке в древности и раннем средневековье хотел я посвятить обширное исследование в самом ближайшем будущем.

Однако для того, чтобы эти мои мечтания смогли воплотиться в реальность, потребовалось ещё нескольких лет. За эти годы меня по крайней мере один раз охватило такое глубочайшее отчаяние, которое я позднее назвал «науч-

ной клинической смертью». Это произошло 23-го июля 1982 года, когда в глухой деревне на окраине Ленинградской области я вдруг примирился с невозможностью когда-либо профессионально заниматься научной работой. Но именно в этот тягостный день тётушка моей мамы прислала нам телеграмму:

«ЗВОНИЛ КОЗЛОВ[...] СВЯЖИСЬ НИМ ТОЛЬКО ДОМАШНЕМУ ТЕЛЕФОНУ 232-07-17 БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН КОНКУРС МЕСТА ИНСТИТУТЕ = ЛЮСЯ».

На следующий день я поехал в Алёховщину, где говорил по междугородному телефону с Б.И. Козловым (1931–2010), который сказал мне: «Наш директор распорядился, чтобы провели Ваше избрание на должность младшего научного сотрудника». И тут я понял, что для меня в научном отношении открывается надежда на нечто лучшее, при том в стенах Ленинградского отдела Института истории естествознания и техники АН СССР.

Согласно известной русской пословице, «обещанного три года ждут». Мне же с конца 70-х пришлось ждать более трех лет, прежде чем 21 декабря 1982 г. около 22 часов нам позвонил член-корреспондент АН СССР В.В. Тихомиров (1915–1994) и сообщил о том, что только что на заседании Ученого совета Института истории естествознания и техники в Москве я избран младшим научным сотрудником. Все 27 членов Ученого совета за меня проголосовали и это тоже был очень добрый предновогодний знак.

Сев за пишущую машинку, я напечатал благодарственное письмо директору института, члену-корреспонденту АН СССР С.Р. Микулинскому (1919–1991):

«Глубокоуважаемый Семен Романович!

Только что В.В. Тихомиров сообщил, что я избран младшим научным сотрудником Института истории естествознания и техники. В связи с этим хочу выразить Вам свою глубочайшую признательность за Ваше доброе и деятельное участие.

Разрешите поздравить Вас с наступающим Новым годом и пожелать Вам здоровья, счастья и больших творческих успехов.

С искренней благодарностью и уважением
А. Вассоевич».

А где-то дней через десять уже перед самым Новым годом меня попросили занести свою трудовую книжку в Ленинградский отдел Института истории естествознания и техники. Таким образом первым днем моей работы в ЛО ИИЕТ можно считать 2 января 1983 года.

Впрочем, ещё до моего зачисления Семен Романович Микулинский направил мне на официальном бланке института пространное и весьма содержательное письмо.

«АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Москва, К-12, Старопанский пер., 1/5
Тел. 228-13-07
28 декабря 1982 г.
А.Л. Вассоевичу

Глубокоуважаемый Андрей Леонидович!

Рад сообщить Вам, что Ученый совет Института 21.12 избрал Вас м.л.н.сотрудником. Поздравляю Вас с исполнением Вашего давнего желания и со своей стороны хочу пожелать Вам благополучия и больших творческих успехов. Надеюсь, что Вы приложите все силы, чтобы внести весомый вклад в дело, которым занимается коллектив Института. Хочу ещё сказать Вам: много времени и усилий коллектив Института затратил на то, чтобы создать в нём здоровую, творческую атмосферу, подлинно товарищеские отношения сотрудников между собой, предполагающие чуткость и в то же время принципиальность, заботу каждого об успехе дела, которому мы служим. Важно, чтобы Вы не забывали об этом и берегли ту атмосферу, которая сложилась в коллективе.

Для зачисления на работу Вам надо подать новое заявление в дирекцию через Э.П. Карпеева с указанием даты, когда Вы можете приступить к работе. Ему же передайте трудовую книжку. После получения этих документов от Э.П. Карпеева с ходатайством Отдела, Вы будете зачислены.

О вашей работе. Мы давно об этом договорились. Вы будете готовить сб. важнейших древних источников, относящихся к истории естествознания и техники с комментариями. Ближайший сборник будет посвящен египетским текстам и древнемесопотамским источникам. Составьте конкретный план работы со сроками выполнения перевода и подготовки комментариев. Отбор источников постарайтесь проконсультировать со всеми специалистами. По мере подготовки переводов продумайте, кого из специалистов необходимо будет привлечь к комментированию в тех случаях, когда Вы будете затрудняться составить их по специальным естественнонаучным или текстологическим вопросам.

Вопрос о переводе Естественной истории Плиния требует ещё обсуждения. Самое ли это важное? Кроме того, объём таков, что он потребует Ваших усилий на многие годы. Наконец, надо предварительно решить вопрос о возможности издания. Передал ли Вам А.В. Ахутин свои предложения /совместно с Вик.П. Визгиным/? Если нет, я вышлю Вам их. Пожалуйста, внимательно обдумайте предложения 1, 2, 3, 6, 8. Просмотрите эти источники и литературу о них.

И так, вместе с Вашим заявлением ждём конкретный /со сроками/ план подготовки первого сборника по древнеегипетским и месопотамским источникам.

Всего самого лучшего Вам в Новом году.
Директор Института
чл.-корр. АН СССР С.Р. Микулинский
28.12.82 г.

Это письмо почта доставила из Москвы 3 января 1983 года, то есть именно в конце того памятного дня, когда я начал свою работу в Ленинградском отделе Института истории естествознания и техники. По решению руководства я обрел свое рабочее место в секторе истории Академии наук, которым заведовал Анатолий Васильевич Кольцов. Мне был выделен отдельный стол, над которым была привинчена к стене книжная полка.

Если знаток истории АН Анатолий Васильевич Кольцов (1927–2001) стал моим непосредственным начальником, то общее руководство ЛО ИИЕТ АН СССР осуществлял Энгель Петрович Карпеев (1925–2016). Это был исключительно милый человек, который позднее находил даже время, чтобы подучить меня некоторым правилам житейской мудрости. «Всякая инициатива наказуема», – говорил мне заведующий Ленинградским отделом ИИЕТ. Учитывая же, что данному наставлению Энгеля Петровича я внимал во времена правления Константина Устиновича Черненко, сомневаться в справедливости слов капитана первого ранга не приходилось. Говорил Энгель Петрович мне и о том, что у нас любое громкое дело проходит пять этапов: шумиха, неразбериха, поиски виновных, наказание невиновных и поощрение непричастных.

В последующие годы работы в системе АН СССР (особенно в период т.н. «перестройки») я не раз убеждался в обоснованности такого обобщения.

Мои начальники А.В. Кольцов и Э.П. Карпеев были хорошо осведомлены о том, какого рода исследований в области истории древневосточной науки ждет от меня директор московского Института, член-корреспондент АН СССР Семен Романович Микулинский. Будучи специалистом в области истории биологии, Семен Романович, естественно, интересовался проблемой возникновения ещё в глубокой древности неких зачатков медико-биологического знания. Именно поэтому в качестве плановой темы мне предложили заняться переводом древнеегипетских медицинских текстов. Из них наибольший интерес представлял хирургический папирус Эдвина Смита, датирующийся по палеографическим данным 1550-ми годами до н.э. На русский язык этот древний папирус ещё переведен не был, поэтому я обретал возможность осуществить в ЛО ИИЕТ АН СССР достаточно серьезную египтологическую работу, опубликованную в 1995 г. в сборнике «Архив истории науки и техники». Увы, разрушительные процессы, вызванные к жизни политикой «катастрофы» (ироническое определение Александра Зиновьева), не только лишили С.Р. Микулинского должности директора ИИЕТ АН СССР, но даже и мне помешали завершить до конца начатое исследование в области египетской медицины. Хирургический папирус Эдвина Смита порождал в Москве слишком сильные ассоциации с кругом научных интересов низвергнутого директора, которые были признаны не актуальными. Впрочем, даже в непростых «перестроечных» условиях новые руководители Института истории естествознания и техники АН СССР (В.С. Степин и Н.Д. Устинов) отнеслись ко мне с сочувствием. В итоге я получил возможность стать докторантом Института философии АН СССР.

1983 год

ГОРОХОВСКАЯ
Елена Анатольевна

Моя научная жизнь в ИИЕТ РАН началась в декабре 1983 г., когда я поступила в аспирантуру в сектор «История науки и логика» (в настоящее время это Отдел методологических и междисциплинарных проблем развития науки и техники). По своему образованию и начальному этапу работу я была биологом. Но меня всегда интересовали гуманитарные науки, и я хотела объединить свою любовь к биологии и гуманитарные интересы. ИИЕТ предоставил мне такую возможность. С самого начала я была счастлива, что общаюсь с такими выдающимися учеными нашего сектора, как Наталья Ивановна Кузнецова, Борис Григорьевич Юдин, Александр Павлович Огурцов, Юрий Викторович Чайковский, Николай Федорович Овчинников, Владимир Акимович Волков, Александр Александрович

вич Печенкин. Я многому у них научилась, они задавали для меня высокую планку работы в нашей области. Рядом с нашим сектором располагался сектор методологических проблем истории науки. Среди его сотрудников были также крупные исследователи, достаточно назвать Пиаму Павловну Гайденко, Ивана Дмитриевича Рожанского, Анатолия Валериановича Ахутина. Тематика обоих секторов была близка, и между сотрудниками обоих секторов происходило активное и плодотворное научное общение, которое оказывало на меня большое влияние.

Наш сектор возглавлял академик Бонифатий Михайлович Кедров, который согласился быть моим официальным научным руководителем. По причине весьма солидного возраста, большой загруженности делами и не самого лучшего состояния здоровья он не мог уделять мне много времени. Но те немногочисленные личные встречи с Кедровым произвели на меня сильное впечатление. Он был неординарной личностью и кладезем знаний в самых разных областях науки и культуры и ценнейших воспоминаний об истории нашей страны. Поразительный момент: притом, что работы Б.М. Кедрова представляли собой образец марксистско-ленинского подхода к философии и истории науки, он говорил мне, что я должна держаться подальше от этого подхода. И вообще, в ИИЕТе даже в те советские годы от нас, аспирантов и молодых ученых, не требовали вставлять соответствующие идеологические пассажи в наши работы. А нашей научной базой не только в связи с нашими собственными интересами, но и благодаря рекомендациям старших коллег уже тогда были наряду с отечественными западные труды по методологии и философии науки.

Моим неформальным руководителем стала Н.И. Кузнецова. Главной проблемой моего профессионального становления как историка науки была необходимость переориентироваться с чистого биолога, кем я была ранее, на исследователя в области истории науки как гуманитарной дисциплины, имеющей свои собственные исследовательские вопросы, отличные от тех, которыми занимаются собственно биологи. Большую помощь в этом мне оказал семинар, который Наталья Ивановна организовала для аспирантов нашего института. На этом семинаре мы обсуждали и свою собственную работу, и труды выдающихся историков и философов науки. Каждое заседание этого семинара представляло собой кропотливую аналитическую работу. Участники семинара могли перебивать докладчика в любом месте, задавая вопросы и выдвигая свои собственные соображения, поэтому каждый доклад и его обсуждение часто занимало не одно заседание. На этих семинарах обсуждались и важнейшие вопросы изучения истории вообще, что также помогало понять особенности истории науки как гуманитарной дисциплины. У меня сформировался антимодернистский подход к историко-научным исследованиям, а в моем изучении истории этологии я соединила чистую историю науки и философскую модель ее развития, разработанную Т. Куном. В 1986 г. я стала сотрудником нашего сектора, и мое дальнейшее становление как исследователя продолжилось во многом благодаря взаимодействию с профессионалами, которых я назвала, и многими другими.

Научные дискуссии на заседаниях сектора, а также неформальные научные беседы с моими коллегами были для меня вдохновляющими и поучительными. Я также много почерпнула из общения с сотрудниками сек-

тора истории биологии Эдуардом Николаевичем Мирзояном и Норавард Андреевной Григорьян. Большое значение для меня имела междисциплинарная обстановка в нашем секторе и в институте в целом. Среди сотрудников нашего сектора были ученые с изначальной научной подготовкой и в соответствии с ней с историко-научными интересами в таких разных сферах науки, как физика, химия, биология, а также в различных гуманитарных дисциплинах. В результате я училась понимать смысл историко-научных исследований в самых разных областях и общие проблемы истории науки, включая ее философско-методологические аспекты и социокультурные подходы.

Моей профессиональной подготовке также способствовали многочисленные общеинститутские семинары того времени, на которых делали интереснейшие доклады, помимо сотрудников ИИЕТа, и другие известные ученые из гуманитарной сферы и естественных наук. В качестве примера можно назвать доклады Сергея Сергеевича Аверинцева, Владимира Соломоновича Библера, Василия Васильевича Налимова, Гарри Израйлевича Абелева. Благодаря такой исследовательской атмосфере в нашем институте постоянно расширялся мой общекультурный кругозор, без которого, на мой взгляд, нельзя заниматься историей науки на по-настоящему серьезном уровне.

1983 год

ЖЕЛТОВА
Елена Леонидовна

Мои первые впечатления об ИИЕТ связаны с Виктором Николаевичем Сокольским, возглавлявшим Сектор истории авиации и космонавтики. Хорошо помню нашу первую встречу. Это был 1976 год, я училась в МАИ, на третьем курсе, и по совету знакомого моих родителей пошла в Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), чтобы выяснить, есть ли у меня возможность заняться историей авиации после окончания института – у меня были очевидные гуманитарные наклонности. В коридоре ИИЕТа я спросила, с кем можно поговорить, и меня направили в Сектор истории авиации и космонавтики к Виктору Николаевичу Сокольскому. Виктор Николаевич принял меня, усадил напротив своего стола.

Беседовал Виктор Николаевич со мной уважительно и любез-

но, подробно рассказывал о возможностях поступления в аспирантуру. Я слушала его неторопливую, ясную, литературную речь, без привычных для студентки МАИ штампов и канцеляризов, и спросила: «Простите, Виктор Николаевич, а какой вуз закончили Вы?». Мне представлялось, что Сокольский закончил, по крайней мере, истфак МГУ. «Московский авиационный институт», – ответил он и улыбнулся, заметив, сколь искренне я удивлена. Его ответ решил мою судьбу. В 1982 году я пришла к Сокольскому, а еще через год (в 1983 году) была зачислена в аспирантуру ИИЕТ РАН.

Сектор истории авиации и космонавтики в 1980-е годы был самым продуктивным в ИИЕТ по выпуску кандидатов наук. Сокольский, помимо множества других своих обязанностей и инициатив, очень правильно ориентировал аспирантов. Это действительно была школа по подготовке уникальных научных кадров. И это было не так уж просто. К Сокольскому приходили люди с сугубо техническим образованием и мышлением, выходцы из, как их тогда называли, «режимных» вузов, недавние сотрудники «режимных» предприятий. И Виктор Николаевич формировал из них историков науки и техники.

Школа Сокольского начиналась еще до поступления в аспирантуру, с написания реферата по будущей теме диссертации. Я и сейчас прекрасно помню наставления Сокольского. Прежде всего необходимо было выбрать объект исследования, история которого не изучена, убедиться, что по выбранной теме достаточно открытых, то есть незасекреченных, источников. Далее нужно было ознакомиться со всей исторической литературой, близкой выбранной теме. Затем – провести периодизацию развития выбранного объекта, выявить его (развития) ранее неизвестные закономерности, указать на их связь с развитием фундаментальных направлений в науке и технике. Следовало отыскивать и ранее не введенные в научный оборот исторические факты, продемонстрировать, как повлияли на темпы развития исследуемого объекта важные исторические события, например, войны. Сегодня я понимаю, что эти напутствия Сокольского точно соответствовали требованиям ВАК к диссертациям по специальности «История науки и техники» на соискание степени кандидата технических наук.

Однако этим подготовка аспирантов к защите у Сокольского не ограничивалась. Виктор Николаевич предоставлял аспирантам прекрасную возможность для публикации научных результатов. Он возглавлял работу секции «Истории авиации и космонавтики» Советского национального объединения историков естествознания и техники (СНОИЕТ) АН СССР, заседания которой проходили в конференц-зале ИИЕТ практически каждые две недели. Аспиранты могли выступать с докладами на заседаниях Секции, а потом печатать статьи по этим выступлениям в регулярно выходящем сборнике «Из истории авиации и космонавтики» СНОИЕТ. Сокольский собственноручно редактировал все тексты сборника, а с каждым аспирантом отдельно разбирал его работу, объясняя, почему внес ту или иную поправку. Но при этом он предоставлял аспирантам полную свободу в выборе тем, в реализации научных интересов. Сокольский, например, прекрасно понимал, что меня интересует история науки в широком смысле, и не мешал мне развиваться в этом направлении.

Я стала регулярно посещать Методологический семинар для аспирантов и молодых специалистов ИИЕТ, который блестяще организовала и вела известный российский философ и историк науки Наталья Ивановна Кузнецова. Семинар Н.И. Кузнецовой я считаю главной школой становления меня в качестве историка науки и техники.

В 1980-е годы я с огромным интересом посещала и общеинститутский философско-методологический семинар. Помню, какое сильнейшее интеллектуальное впечатление на меня производили доклады философа Виктора Павловича Визгина, социолога Андрея Андреевича Игнатъева, историка науки Анатолия Валерьяновича Ахутина. Я была счастлива, что учусь в аспирантуре ИИЕТ, где работали и куда приглашались для научных докладов виднейшие российские философы и историки науки.

Уже в аспирантуре Виктор Николаевич привлек меня, неплохо знавшую английский язык, к организации Международных симпозиумов по истории космонавтики. Это была грандиозная деятельность, начинавшаяся с письма в Президиум Академии наук (за подписью акад. Бориса Викторовича Раушенбаха) с просьбой разрешить провести Международный симпозиум в связи с той или иной вехой в истории отечественной космонавтики и пригласить на симпозиум таких-то иностранных гостей. Международные симпозиумы по истории космонавтики были весьма представительными научными событиями и проводились в самых престижных залах Москвы, например, в Колонном зале Дома Союзов или в большом зале Центрального Дома Ученых. Сокольский подключил меня к приглашению и сопровождению иностранных гостей, среди которых были зарубежные космонавты, члены Международной академии астронавтики, потомки пионеров ракетно-космической техники, историки астронавтики и сотрудники исторических отделов космических агентств из разных стран.

В 1988 году я защитила кандидатскую диссертацию, и Сокольский оставил меня у себя в Секторе в должности младшего научного сотрудника. А в 1989 году я получила приглашение на стажировку в Национальный Аэрокосмический музей в Вашингтоне (США) на целый год.

Это не было тогда обычным делом – отправить сотрудника в заграничную командировку на год. Я пришла к Сокольскому. Не говоря ни слова, он помог мне составить заявление на имя директора ИИЕТ, которым тогда был Николай Дмитриевич Устинов, пошел со мной вместе к нему в кабинет, и Устинов поставил положительную резолюцию на мое заявление.

В сентябре 1989 года я улетела в США и проработала там целый год в качестве исследователя. Материалы, которые мною были тогда собраны, легли в основу курса лекций об истории представлений о полете от античности до начала XX века. В 1992–1994 гг. я успешно читала этот курс лекций и в России, и в Пенсильванском Государственном университете США, в рамках широко известной теперь, а тогда только появившейся в американских университетах, междисциплинарной программы «Наука–техника–общество». Полагаю, что в эти годы я окончательно сформировалась как исследователь, который рассматривает развитие техники в многообразном взаимодействии с социальными и культурными явлениями общества.

И когда в конце 1996 г. я вернулась из США со стажировки по программе Фулбрайта, то поняла, что отдалилась от тематики Сектора исто-

рии авиации и космонавтики, и решила перейти в Сектор теоретико-методологических проблем истории естествознания. Я поделилась своим намерением с Виктором Николаевичем Сокольским.

– Да, Лена, вы правильно решили, – ответил он с грустью.

В новой, «перестроечной», фазе развития нашей страны Сокольский уже не был уверен в будущем своего сектора. Мне тоже стало грустно, но я написала заявление о переходе. Сокольский подписал и, минуя заведующего Отделом истории техники, пошел прямо к директору. Меня перевели в Сектор методологии. Я благодарна Александру Александровичу Печенкину, который был тогда заведующим этого сектора и поддержал мой переход. В этом подразделении ИИЕТ я работаю до сих пор и считаю, что мне, когда-то обыкновенной студентке МАИ, невероятно повезло с тем, что я оказалась среди научных сотрудников ИИЕТ.

1983 год

ЛИТИЧЕВСКИЙ
Георгий Семенович

Я поступил в аспирантуру ИИЕТ (заочное отделение) осенью 1983 года. До этого, окончив в 1979 году исторический факультет МГУ, я успел сменить несколько мест работы. К тому же я вёл «двойную жизнь», сочетая работу по специальности с деятельностью в области изобразительного искусства, участвуя в выставках и в жизни художественного «андеграунда». Но и работа по специальности отличалась некоторой двойственностью. В 1979–1982 гг. я работал в Институте археологии АН СССР и ежегодно почти полгода проводил на раскопках. В то же время меня очень привлекала работа с текстами, перевод и комментирование. В 1981 г. я вошёл в группу по переводу «Естественной истории» Плиния Старшего, которую организовала О.В. Смыка, мой университетский препода-

ватель латыни и древнегреческого. В дальнейшем это и привело меня в ИИЕТ. Работа археологом была по-своему интересна и увлекательна, к тому же меня ценили как способного рисовальщика, так как находки нужно было не только фотографировать, но и зарисовывать. Однако эта работа требовала полной самоотдачи, а мои интересы были слишком разноплановые. Если труд археолога ещё как-то можно было сочетать с художественной деятельностью, то для работы с текстами, подолгу вдали от библиотек, это едва годилось. Когда летом 1982 г. я уволился из Института археологии и устроился экскурсоводом в Музей-заповедник «Коломенское», я уже знал о существовании ИИЕТ. Хотя и работа в музее была приятной, и коллектив был прекрасным, я понимал, что это временное место работы. Попытка устроиться редактором в издательство «Художественная литература» окончилась неудачей. Один семестр я был почасовиком, преподавателем латинского языка в Педагогическом институте им. Крупской на вечернем отделении. Здесь моим главным мотивом было желание улучшить свою латынь, следуя правилу – лучше всего изучаешь то, чему сам обучаешь. Днём я водил экскурсии, а вечером проводил занятия со студентами. В выходные дни и в свободные вечера переводил Плиния, попутно занимаясь художественной деятельностью.

Тогда же я задумался о возвращении в академическую среду, а именно о поступлении в аспирантуру ИИЕТ. Поделившись своими соображениями с моим университетским другом искусствоведом В.А. Мизиано, я получил от его мамы, историка К.Ф. Мизиано совет связаться с П.В. Волобуевым. Она же дала мне номер телефона, я позвонил, и через несколько дней П.В. Волобуев с супругой приехали ко мне в Коломенское, где я для них провёл индивидуальную экскурсию в расширенном формате. Мы обошли все здания музея, всю основную территорию, сходили за овраг в деревню Дьяково, провели замечательные два часа, или больше, в обсуждении самых разнообразных исторических тем. Поведал я и о своём желании попасть в ИИЕТ. Павел Васильевич посоветовал мне связаться с А.Н. Шаминым. Алексей Николаевич пригласил меня к себе домой, его заинтересовало то, что я работаю с латынью, он рассказал мне о своём увлечении инкунабулами и рекомендовал мне подготовить доклад для участия в конференции аспирантов и молодых исследователей в ИИЕТ.

Слушая других докладчиков, я понимал, что попал в совершенно для меня новый мир, где принят язык научной коммуникации, мне практически в тот момент недоступный. Свой доклад о Плинии я сделал, пользуясь самой обычной, характерной для гуманитариев, терминологией. Тем более неожиданно приятной была положительная реакция на мой доклад Ю.В. Чайковского, и его слова одобрения, которые он мне высказал в перерыве между докладами, подействовали на меня очень ободряюще. Всю весну и лето я читал книги по истории науки и по античной философии, а осенью 1983 г. я поступил в аспирантуру ИИЕТ на заочное отделение. В январе 1984 г. я уволился из ГМЗ «Коломенское» и поступил на работу в библиотеку ИНИОН, редактором в отдел литературы по науковедению. В мои обязанности входило просматривать, не обязательно вчитываясь, поступающие в библиотеку книги по истории и теории науки на романских языках, и писать на них короткие аннотации на карточках для библиотечного каталога. В ИИЕТ мой научный руководитель И.Д. Рожанский спро-

сил меня во время нашей очередной встречи, в чём заключается моя работа в ИНИОН, и, узнав, какой рутинной работой я занимаюсь, воскликнул: «Но это же скучно!». Однако должен сознаться, что и в ИНИОН мне нравилось. Там тоже был чудесный коллектив, и мне было по-своему интересно и даже полезно, пусть всего лишь пролистывая книжку за книжкой, приобщаться к непривычному науковедческому «дискурсу». Впрочем, это продолжалось не долго. Уже в конце мая 1984 года меня зачислили в аспирантуру ИИЕТ «с отрывом от производства».

Условия для исследовательской работы и для творчества были просто идеальные – всего два присутственных дня в неделю, всё остальное время можно проводить в библиотеке или дома. В самом же институте интеллектуальная жизнь просто кипела. Множество интересных докладов и на заседаниях моего собственного историографического сектора, и у наших соседей методологов и науковедов. В большом конференц-зале бесконечные конференции, семинары, лекции. В ИИЕТ мне посчастливилось слушать В.В. Налимова, С.С. Аверинцева, Г.С. Кнабе. С последним мне удалось даже немного пообщаться. Мне очень нравилась его книга о Таците, и я рассказал немного о своей работе с моим римским автором. Для меня было важно, что такой видный специалист по истории Древнего Рима поддерживал мой курс на выявление оригинальности автора, которого традиционно было принято считать всего лишь компилятором.

Неформального общения, как на научные, так и на общекультурные темы, было тоже очень много. Прежде всего, с другими аспирантами и молодыми сотрудниками – Сергеем Шапошником, Алексеем Кожевниковым, Ириной Сироткиной, Кириллом Россияновым. Я не афишировал, но и не скрывал того, что параллельно с научной занимаюсь также художественной деятельностью. В институте многие учёные были также писателями и поэтами, и в целом отношение к новым веяниям в культуре было положительное. В комнате наших соседей висело авангардистское полотно художника Николы Овчинникова, сына Н.Ф. Овчинникова. Однажды я видел Николу в институте, но познакомились мы в другом месте, в мастерской наших общих знакомых. От него же в 1986 г. я узнал о том, что готовится большая выставка, к участию в которой допустят так называемых художников-авангардистов. Я отнёс свои работы на худсовет, и они были приняты и оказались в экспозиции 17 Молодёжной выставки в зале МОСХ на Кузнецком мосту. На них обратили внимание, и после этого моя «двойная жизнь» вышла на новый уровень. Уже не я себя предлагал, как художника, а меня стали звать на разные художественные мероприятия. Типичная ситуация того времени – в феврале 1987 г. я еду в Ленинград по приглашению историка античной науки Л.Я. Жмудя, выступаю там на конференции, потом, через два дня возвращаюсь в Москву. И уже в день возвращения, вечером тащу свои художественные произведения в Дом Медика, где в связи с выступлением арт-рок-группы «Среднерусская возвышенность» в фойе устраивается выставка молодых художников. В этот период я уже м.н.с. и принят на работу в сектор историографии и источниковедения истории естествознания и техники, так как в 1986 г. мой срок в аспирантуре завершился. Я прошёл предзащиту кандидатской диссертации, но так её и не защитил. Тем не менее, в Институте на меня возлагали надежды, что мои исследования будут продолжены.

Довольно долго мне легко удавалось сочетать работу в институте с художественной активностью. Я даже пытался найти формы синтеза своих занятий. В 1988 г. я создал серию портретов учёных в духе постмодернизма, но при этом достаточно реалистических и узнаваемых, выставлял их порознь на разных выставках, а затем и всю серию на выставке во Дворце молодёжи на Фрунзенской. В 1989 г. часть из них уехала на выставку в Англию. А потом начались и мои собственные поездки за границу, так как в связи с Перестройкой в Западной Европе и США был повышенный интерес к советскому неофициальному искусству. Я стал подолгу, целыми месяцами отсутствовать в Москве. Для этих продолжительных поездок я отпрашивался в Институте и брал отпуск за свой счёт. Заведующий сектором Е.А. Беляев очень терпимо относился к моим отлучкам и даже более того, по его просьбе, приезжая из заграницы, я по традиции сектора делал доклад о своей поездке и сопровождал его показом слайдов.

В 1988 г. я познакомился в ИИЕТ со стажёром из Италии Алессандро Монджили. Выяснилось, что его двоюродный брат – известный итальянский художник комиксист. Я тоже рисовал комиксы. Алессандро взял у меня интервью, перевёл один мой комикс на итальянский язык, и всё это было опубликовано в миланском журнале комиксов «TIC» в 1989 г. Незадолго до этого я дебютировал и как художественный критик. В рижском журнале «Кино» была опубликована моя рецензия на фильм «Асса», в которой содержались даже научно-философские реминисценции, и этот мой дебют приветствовала Н.И. Кузнецова.

В начале 90-х годов мой друг, уже упоминавшийся искусствовед Виктор Мизиано, уволившись из ГМИИ им. Пушкина, занялся созданием периодического издания по современному искусству. Он предложил мне работу в будущем «Художественном журнале». В расчёте на это в феврале 1992 г. я подал заявление на увольнение по собственному желанию из ИИЕТ. На самом деле это стало последней записью в моей Трудовой книжке. В 1993 г. я вступил в Союз художников и одновременно вошёл в состав редколлегии журнала ХЖ, но не стал штатным сотрудником, по сей день оставаясь постоянным автором журнала как художественный критик и художник. Однако мои отношения с ИИЕТ на этом не прекратились. В 1995 г. вышел первый выпуск «Архива истории науки и техники», в котором был помещён мой перевод IX книги «Естественной истории» Плиния Старшего и моя статья о римском учёном. В связи с этим я приезжал несколько раз в институт и встречался с Е.А. Беляевым. Те восемь лет, что я провёл в ИИЕТ, дали колоссальный заряд для моего дальнейшего интеллектуального и даже художественного развития, за что я бесконечно благодарен институту и его сотрудникам.

1984 год

КРИВОНОСОВ
Юрий Иванович

В Институт истории естествознания и техники я пришел в 1984 году. До этого я довольно долго работал в Центральном НИИ Черной металлургии (ЦНИИчермет), – руководил большим Научно-ведческим отделом, в составе которого было четыре лаборатории.

Отдел занимался различными вопросами организации научных исследований в области черной металлургии, располагавшей развитой системой научных и проектно-конструкторских организаций, включавшей более тридцати НИИ и семнадцать проектных институтов.

В начале 1982 года я был приглашен на работу во вновь созданный Научный центр черной металлургии Индии в качестве советника дирекции (г. Ранги, штат Бихар). Мне пришлось объездить

все металлургические заводы Индии, в том числе строившиеся с помощью нашей страны.

По возвращении на родину передо мной встал вопрос перехода на новую работу, т.к. отдел мой был уже существенно трансформирован и изменил направленность своих исследований.

Следует отметить, что еще до поездки в Индию, в работе отдела мы постоянно взаимодействовали и ИИЕТ – его науковедческим крылом: сектором Ю.М. Шейнина, а затем В.И. Масленикова, а также сектором М.Г. Ярошевского.

Мой переход в ИИЕТ занял более полугодя, так как С.Р. Микулинский очень тщательно подходил к приему новых сотрудников. Естественно, что я хотел перейти в науковедческое подразделение. Существенную помощь мне оказывал М.Г. Ярошевский, много умных советов дала И.В. Шульгина.

Когда вопрос был в принципе уже решен, выяснилось, что в это же время в ИИЕТ переходил Г.А. Лахтин. Семен Романович пригласил меня и сказал, что он находится в затруднительном положении, так как в Институте считают, будто он отдает предпочтение науковедческому направлению, и он не может принять сразу двух сотрудников в сектор В.И. Масленикова. Поэтому он может взять меня в сектор Истории техники. Мне пришлось согласиться. В секторе Истории техники мне предложили сделать доклад о предполагаемых направлениях моих исследований. Мой доклад получил одобрение.

В секторе я познакомился с очень интересными людьми. Заведовал сектором в то время Александр Сергеевич Федоров – блестящий рассказчик, знавший тысячи интереснейших историй из разных областей жизни. Позднее, когда мы познакомились ближе, я много раз доказывал ему, что он должен написать свои воспоминания, но он всегда отнекивался. Интереснейшими собеседниками в секторе были С.Я. Плоткин, В.М. Родионов и Н.К. Ламан – в присутственные дни у нас постоянно возникали импровизированные «семинары» на различные темы. С самого начала моей работы я ощущал дружескую поддержку сотрудников сектора, включая еще молодых тогда В.Л. Гвоздецкого, О.Д. Симоненко и других.

В первые месяцы моей работы в Институте произошло событие, о котором я никогда никому раньше не рассказывал, и которое вызвало у меня много недоуменных вопросов о взаимоотношениях в руководстве Института в то время. Уже потом многим стало ясно, что, к сожалению, Семен Романович не всегда правильно оценивал людей из своего окружения и не смог предвидеть их поведение в экстремальных ситуациях. Так он не смог спрогнозировать, что в самые драматичные для Института девяностые годы после нескольких лет «директорской чехарды» именно В.М. Орел станет успешным руководителем Института, сохранит и разовьет лучшие традиции в организации научной деятельности, как и С.Р. Микулинский, сделает Институт главной своей целью и заботой. Не раскусил он и своего ближайшего помощника С.Г. Кара-Мурзу, которого всячески продвигал и поддерживал и который предал и его и Институт в стычке с чиновниками партаппарата.

Однако вернемся в год 1984. Я еще только несколько месяцев работаю в Институте, еще ничего толком не знаю, выбираю направление своей соб-

ственной работы. В то время курировал сектор Истории техники заместитель директора Ю.С. Воронков. Но как раз меня пригласил другой замдиректора – В.М. Орел. Я сейчас уже не помню точно, какой вопрос мы обсуждали. Вероятно, речь шла об участии в работе, которую хотел организовать Владимир Михайлович. Но уже на следующий день меня вызывают к Семену Романовичу, и он мне говорит: «Вы вчера были у Орла. Он у нас в Институте человек временный, хотя и хочет задержаться. Вам не следует принимать его поручений».

Я был ошарашен таким поворотом дела и понял, что есть люди, которые следят и наушничают, и что в дирекции нет единства. В дальнейшем ни разговор у В.М. Орла, ни разговор с С.Р. Микулинским продолжения не имели, но неприятный осадок у меня остался.

Быстро пробежали годы моей работы в ИИЕТ – вот уже прошло почти четверть века. Сколько было встреч с интересными людьми, сколько нового я узнал не только о чисто профессиональных проблемах. Когда мы покидали наше «родное гнездо» на Старопанском, я сделал кинозарисовку о наших уютных комнатах. Вероятно, эту пленку стоит передать в архив нашего Института, который в новое время, на новом месте обрел себе уже третье новое и пространное имя: «Учреждение российской академии наук Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН».

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 43–45.

1985 год

БАЛАБИН
Владимир Васильевич

Прежде всего хочу рассказать, как я стал штатным сотрудником Проблемной группы истории кораблестроения нашего Института. Сразу же замечу, что перед этим на протяжении сорока с лишним лет флотской жизни я, как любознательный читатель, всегда интересовался военно-морской исторической литературой. И даже брал с собой в море книги и журналы на эту тему, когда проходил службу инженером-механиком на подводных лодках в далекой Советской гавани Тихоокеанского флота. Но чтобы когда-нибудь самому профессионально заняться исследованием истории флота и кораблестроения, да еще в таком уникальном академическом институте как наш, мне ни разу не приходило в голову. Тем не менее, это произошло. Но все по порядку.

В 1983 г., пройдя путь от «матроса Наркомпроса» (так в народе любовно называли юных учеников Ленинградской военно-морской спецшколы Наркомата просвещения) до начальника одного из ведущих отделов Главного управления кораблестроения ВМФ, я в звании капитана I ранга вышел в отставку по возрасту. Или, как говорится, на заслуженный отдых. Но пенсионером я тогда себя еще не считал, да и бездельничать был не приучен. Поэтому на первых порах, особо не раздумывая, устроился на хорошо мне знакомую, но довольно скучную и рутинную работу инженером военного представительства в выпускавшем технику для флота предприятии «Гидромаш», благо оно находилось недалеко от дома. Но при этом надеялся со временем подыскать более живую творческую работу по душе. И вот как-то в начале 1985 г. позвонил хорошо меня знавший контр-адмирал в отставке А.К. Усыскин, под началом которого я служил в Главном управлении кораблестроения ВМФ. Он сообщил, что по инициативе и решению «крестного отца» атомного подводного флота, Президента АН СССР А.П. Александрова, который, кстати, меня знал, Институту истории естествознания и техники (ИИЕТ) выделяется 10 штатных единиц целевым назначением для проведения исследований в области истории кораблестроения. А далее Александр Кузьмич поинтересовался, не хотел бы я поработать историком кораблестроения. При этом адмирал считал, что, имея ученую степень кандидата технических наук, большой опыт флотской службы, а также полученные в Высшем Военно-морском инженерном училище и Военно-Морской Академии хорошие знания, я вполне смогу освоить новую для себя профессию. Неожиданное предложение было, конечно, весьма заманчиво, но с ходу принять его я не решился и попросил день-два на обдумывание. Прислушавшись к мнению мудрого адмирала и посоветовавшись с товарищами, работавшими тогда в системе АН СССР, я согласился перейти на новую для себя работу. И, по-моему, в начале марта мы с адмиралом поехали на «смотрины» к директору ИИЕТ Семену Романовичу Микулинскому по его приглашению. По дороге Александр Кузьмич предупредил меня, что Семен Романович, с которым он был знаком, весьма сложный и суровый по характеру человек, и беседа с ним может быть довольно трудной. «Но я буду с Вами», – успокоил меня А.К. Усыскин.

Привыкшие к флотской пунктуальности, в точно назначенное время мы появились в приемной, но С.Р. Микулинский был занят. И только через, помнится, минут 20 секретарь впустила нас в директорский кабинет. Поздоровавшись и оцупав меня пристальным изучающим взглядом, Семен Романович, не теряя времени, приступил к деловому разговору. Как я потом понял, он уже имел обо мне некоторое представление со слов А.К. Усыскина. Но, видимо, хотел воочию и более подробно разобраться, что же я за человек и буду ли полезен Институту как научный сотрудник. Поэтому вопросов задавалось очень много. Например, где и когда проходил флотскую службу, какое получил образование, на какую тему защитил кандидатскую диссертацию, каков круг моих интересов и т.д. Семена Романовича особенно интересовало, занимался ли я раньше историко-научной работой.

Я доложил, что за исключением двух статей в журнале «Морской сборник», одна из которых посвящена истории разработки первых в

СССР кораблестроительных программ, а вторая – истории создания топливных элементов для подводных лодок, похвастаться мне больше нечем. Да и эти-то статьи в силу моей засекреченности были опубликованы под вымышленной фамилией Володьковский, придуманной редактором («Володьковский» созвучна моему имени Володя). С.Р. Микулинский только ухмыльнулся и рассказал, как на днях к нему на прием приходила женщина, доктор технических наук, профессор, изъявившая желание работать в Институте над проблемами, кажется, он сказал, истории авиации. Но после того, как Семен Романович перечислил все сложности и трудности творческой работы в ИИЕТ, она отказалась от своего намерения. Здесь вступил в разговор А.К. Усыскин, сказав, что этот пример ко мне не имеет ни малейшего отношения.

Наша беседа затянулась почти на полтора часа, после чего я вышел из кабинета, а А.К. Усыскин оставался там еще минут 10. О чем он разговаривал с директором, мне неизвестно. Но когда мы возвращались из Института, Александр Кузьмич сказал, что, по его мнению, у С.Р. Микулинского сложилось обо мне благоприятное впечатление, причем не последнюю роль сыграло участие в Великой Отечественной войне. Кроме того, А.К. Усыскин сообщил, что руководить группой истории кораблестроения предварительно согласился кандидат технических наук, вице-адмирал в отставке Шитиков Евгений Александрович. Я был этому очень рад, поскольку хорошо его знал, как опытного моряка, эрудированного специалиста, большой души человека и прекрасного товарища.

В апреле 1985 г. Евгений Александрович был избран по конкурсу и утвержден Ученым советом в должности старшего научного сотрудника ИИЕТ. В августе к нему присоединился и я, после утверждения Ученым советом в такой же должности. По этому случаю директор Института С.Р. Микулинский, секретарь партбюро С.Г. Кара-Мурза и председатель профкома В.С. Кухарчук официально в письменном виде поздравили меня с назначением и пожелали творческих успехов. Для меня это был приятный сюрприз, а с другой стороны – аванс на будущее.

Кроме нас двоих, в состав группы вошел в должности лаборанта зять контр-адмирала А.К. Усыскина журналист С.А. Гудков. Имея университетское образование и опыт работы в различных издательствах, он мог бы и нам быть полезен. Однако, как вскоре выяснилось, работой он себя не утруждал, к порученным делам относился халатно, и толку от него не было. Поэтому при всем нашем уважении к А.К. Усыскину его зятя пришлось, в конце концов, уволить по «сокращению штатов».

В декабре наша группа пополнилась еще одним опытным моряком, много лет успешно занимавшимся исследованиями истории военно-морского флота, кандидатом военно-морских наук капитаном I ранга в отставке В.Н. Красновым, которого мы с Е.А. Шитиковым знали по совместной службе. На этом руководство Института посчитало формирование Проблемной группы истории кораблестроения завершенным, и мы приступили к текущей работе. Из семи оставшихся три ставки были переданы в Ленинградский филиал для создания там группы истории кораблестроения, а вот судьба оставшихся трех мне неизвестна. Не исключаю, что они растворились в общем штатном «котле» Института и таким образом мы вне-

сли свою посильную лепту в усиление других подразделений ИИЕТ. Но это лишь мое предположение.

Продолжая рассказ о начале работы нашей группы, нужно отметить, что освоиться на новом и в какой-то мере непривычном для нас месте нам охотно помогли многие авторитетные институтские коллеги, в том числе Александр Сергеевич Федоров, Николай Константинович Ламан, Юрий Сергеевич Воронков, Ашот Тигранович Григорьян, Владимир Степанович Кухарчук и др.

Несмотря на большую занятость по службе, постоянно уделял значительное внимание нашей группе Владимир Михайлович Орел. Помимо добрых советов, он систематически снабжал нас свежими интересными информационными материалами по исторической военно-морской тематике. Лично мне всестороннюю профессиональную помощь, особенно по вопросам методологии, всегда оказывала Лидия Ивановна Уварова, за что я ей очень благодарен.

К сожалению, раньше не имел ни малейшего представления о нашем Институте. А посему, приступив к работе, я, впрочем, как и мои коллеги, внимательно присматривался к заведенным в Институте порядкам, ознакомился с некоторыми организационными документами, с тематикой научных исследований и т.д.

Прежде всего, я бы отметил очень широкий и разнопрофильный круг историко-научных и историко-технических исследований, проводимых в ИИЕТ, что заметно и выгодно отличает его от других академических институтов, в том числе и по количеству ежегодно публикуемых трудов.

Также обратил внимание на определенную свободу и демократизм в выборе и обсуждении тематики исследований, индивидуальный ненавязчивый самоконтроль за выполнением плановых работ, построенный на доверии и рассчитанный на добросовестность каждого исполнителя.

Приятной неожиданностью стали всего два обязательных присутственных дня в неделю, что свидетельствовало опять-таки о доверии руководства к сотрудникам. Кстати, С.Р. Микулинский предупредил нас, моряков, чтобы мы особо не распространялись об этом «демократическом завоевании» и уж тем более не злоупотребляли им.

Я был тогда несколько удивлен, узнав, что среди историков техники в Институте всего лишь, если мне не изменяет память, один доктор наук.

К этому следует еще добавить: на проходивших тогда совещаниях, заседаниях Ученого совета больше говорили об истории науки, а об истории техники часто даже упоминать забывали. Видя наше недоумение, А.С. Федоров признавал, что да, есть такой «грех», но мы с ним настойчиво боремся и своими делами доказываем равноправие истории науки и истории техники. По-моему, на сегодняшний день этот «грех» изжит. Вот таковы в общих чертах мои первые, в общем, отрадные впечатления о нашем Институте.

Первоначально мы отдавали предпочтение разработке коллективных трудов. В частности, первым из них стала завершенная в 1987 г. монография «Методологические аспекты истории кораблестроения», которая на конкурсе научных работ ИИЕТ была отмечена дипломом II степени. Очень важным событием явилось издание в 1990 г. тематического сборника «Очерки истории отечественного кораблестроения». Важным потому, что на предложение принять участие в нашем сборнике впервые откликну-

лись крупные ученые-кораблестроители флота и промышленности, а ответственным редактором сборника согласился быть академик контр-адмирал Н.С. Соломенко, написавший вступительную статью. В дальнейшем мы опубликовали несколько коллективных научных статей, выпустили тематический сборник и монографию, вызвавшие живой интерес среди специалистов флота, судостроительной промышленности и широкого круга читателей. У нас со многими НИИ, КБ и вузами флота и промышленности установились деловые контакты, которые год от года крепили и расширялись.

В 1995 г. Е.А. Шитиков, в течение 10-ти лет успешно возглавлявший Проблемную группу истории кораблестроения, попросил освободить его от руководства в связи с ухудшением здоровья. Занять его место коллеги вежливо предложили мне, но, поблагодарив за доверие, я отказался. Во-первых, потому, что по натуре я человек не тщеславный, но самое главное, потому, что возглавить группу должен более опытный в вопросах истории, практичный и энергичный Владимир Никитич Краснов. На том и порешили. И, как показало время, мы не ошиблись: возглавляя в течение почти 14-ти лет Проблемную группу истории кораблестроения, Владимир Никитич и его подчиненные заслужили авторитет и уважение коллектива, а также флотских ученых и специалистов промышленности.

В марте 1998 г. Институт и нашу группу постигло несчастье – скоропостижно скончался вице-адмирал Е.А. Шитиков. Активный участник создания и проведения испытаний атомного оружия, Евгений Александрович в последнее время усиленно трудился над большой монографией на эту тему, но, к сожалению, не успел ее завершить. С той поры мы с В.Н. Красновым работали «дуэтом», выпуская как совместную, так и индивидуальную научную продукцию. Так, в частности, несколько моих статей были опубликованы в журналах «Морской сборник», «Судостроение», «Вопросы истории естествознания и техники». Причем выяснилось, что некоторые из них стали известны за рубежом, о чем я узнал в конце 1999 г., когда в Москву приезжал видный японский ученый, доктор Ичикава Хироси. Как выяснилось, он использовал материал одной из моих статей в своей историко-научной монографии «Процветание и упадок великой научно-технической державы – Советского Союза». В связи с этим при встрече в нашем Институте он подарил мне свою книгу с дарственной надписью: «Уважаемому Владимиру Васильевичу Балабину в знак памяти о встрече в Москве и благодарности». Так что труды нашего Института доплывают и до далекой Японии и находят практическое применение в исследованиях японских ученых.

В 2005 г. в свет вышла моя монография «Эволюция подводных лодок в России и за рубежом», в издании которой большую помощь оказал известный ученый, вице-адмирал, академик РАН Саркисов Ашот Аракелович, поддерживающий с нашим Институтом деловые контакты. По его же инициативе в 2006 г. эта монография была выпущена дополнительным тиражом для участников научной конференции «100 лет подводному флоту России», организованной РАН, ВМФ и Федеральными агентствами промышленности и атомной энергии. Ашот Аракелович Саркисов расценил этот факт, как достойный вклад нашего Института в мероприятия РАН, посвященные 100-летию юбилею отечественного подводного флота.

Подчеркну, человек, прошедший, скажем, суровую флотскую школу, приученный к уставной дисциплине, но не лишенный инициативы, а также привыкший к исполнительности, персональной ответственности за порученное дело и т. д., при хорошем общетеоретическом и специальном образовании может быстрее освоить новую для себя профессию при переходе на гражданскую жизнь после увольнения из Вооруженных Сил. Как, например, это случилось со мной. Если же говорить о трудностях, то ведь они неизбежны и в какой-то степени стимулируют творческий процесс. Задача состоит лишь в том, как их преодолеть со знаком «плюс». Пройдя через «частокол» подобных ситуаций, хочу от всей души поблагодарить своих коллег по Институту за помощь и дружескую поддержку в отыскании этого самого «плюса», за их чувство локтя. Кстати, отечественный Военно-Морской Флот всегда этим славился.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 122–128.

1985 год

ЖМУДЬ
Леонид Яковлевич

Я попал в ЛО ИИЕТ по счастливой случайности, хотя историей науки активно интересовался еще в студенческие годы на истфаке; мой диплом был посвящен науке в пифагорейской школе. На третьем курсе я прочел незадолго до этого вышедшую книгу московского поэта и культурфилософа В.Я. Рабиновича «Алхимия как феномен средневековой культуры» (1979). Книга сразу получила известность, а у меня вызвала острое желание написать на нее критическую рецензию. О публикации рецензии в научной печати речь, разумеется, не шла, но ленинградский поэт и журналист Виктор Кривулин, мой тогдашний приятель, напечатал ее в издаваемом им самиздатском журнале «37». Чтобы подчеркнуть, что моя критика носит сугубо научный характер, я подписал рецензию псевдо-

нимом «Б. Розенфельд», совершенно не догадываясь о существовании Б.А. Розенфельда, выдающегося историка математики и коллеги В.Я. Рабиновича по ИИЕТу. Тираж журнала составлял 14 экземпляров, не удивительно поэтому, что о моей рецензии и тем более о моем авторстве знали в основном мои знакомые и знакомые моих знакомых.

Окончив в 1982 г. университет, я попал по распределению в обычную восьмилетку, где и работал учителем истории, продолжая заниматься своими пифагорейцами. К 1985 г. колесики судьбы сделали очередной оборот: через студентку классического отделения Лену Козлову журнал с рецензией попал в руки ее отца, Бориса Игоревича Козлова, который попросил привести меня к нему. Борис Игоревич, бывший морской офицер, подкупал своей энергией и дружелюбием. В ЛО ИИЕТ он заведовал группой истории техники и технических наук и при первой же встрече сказал, что способные и образованные молодые люди ему нужны. Летом того же года я сдал на отлично экзамены в аспирантуру в Москве, и хотя два имевшихся аспирантских места были предназначены двум другим претендентам, для меня выбили третье.

Моим научным руководителем был Иван Дмитриевич Рожанский, достойнейший человек, физик, ставший историком античной науки, автор многих серьезных книг в этой области. Но поскольку он был в Москве, а я в Ленинграде и работал по давно уже избранной мною научно-пифагорейской теме, наши контакты ограничивались моими приездами в Москву, во время которых он читал написанные мною главы и делал очень деликатные замечания. В Москве, кроме Рожанского, многие тогда писали об античной науке – Пиима Павловна Гайденко, Анатолий Валерианович Ахутин, Виктор Павлович Визгин, Евгений Иосифович Славутин и другие (позже все они ушли из института), в то время как в Ленинграде этой темой, кроме меня, занимался только мой сверстник Сергей Юрьевич Трохачев. Моим реальным руководителем был мой университетский наставник, профессор филологического факультета Александр Иосифович Зайцев. Довольно быстро моя вольная аспирантская жизнь закончилась: Б.И. Козлов предложил мне перейти на должность старшего лаборанта, соблазняя стабильностью и перспективами роста. Так началась моя карьера в институте, с ежедневного появления к 9.15 утра. В 1987 г. я защитил кандидатскую диссертацию «Научные занятия в раннепифагорейской школе» и написал на ее основе (опять-таки, с подачи Б.И. Козлова) свою первую книгу «Пифагор и его школа», которая несколько лет лежала в ЛО издательства «Наука», пока не вышла в 1990 г. в научно-популярной серии немислимым сейчас тиражом в 50 тыс. экземпляров. Кто были эти 50 тыс. читателей? Я представлял себе, как чабаны или бахчеводы читают у костра о Пифагоре...

В группе истории техники, кроме Б.И. Козлова, работали еще два отставных морских офицера, знакомых Козлова и Ангеля Петровича Карпеева, тогдашнего заведующего ЛО ИИЕТ, который, выйдя в запас, стал специалистом по Ломоносову. Ярослав Григорьевич Неуймин, с которым я очень подружился, писал о моделях в науке и технике, а незадолго до этого поступивший в группу Игорь Федорович Цветков был уже автором двух работ по истории военно-морского флота и в дальнейшем успешно продолжил эту тему, написав еще множество книг. Борис Ильич Иванов,

ученый секретарь института, впоследствии ставший заведующим сектором истории техники и технических наук и в течение многих лет моим непосредственным начальником, занимался историей электротехники. Еще одним сотрудником группы была моя хорошая знакомая по университету, филолог-классик Екатерина Юрьевна Басаргина. После нескольких статей по античной науке она решила сменить тематику исследований и перешла в сектор истории Академии наук, где выросла в блестящего специалиста, автора лучшей, на мой взгляд, истории академии на рубеже XIX–XX вв. Вскоре к нашей группе присоединился Дмитрий Юрьевич Гузевич, инженер-мостостроитель по образованию и историк науки по призванию, и Аркадий Иванович Мелуа, инженер-строитель, кандидат технических наук, выбравший темой своих занятий историю космоантропологии – науки, которой, на мой взгляд, еще не существовало, да и сейчас не существует. Но для Аркадия Ивановича это не было препятствием, он вообще тогда практически никаких препятствий не встречал. В 1987 г. он занял место заведующего ЛО, а в 1989 г. организовал Международный фонд истории науки, в состав которого вошла институтская молодежь, а я неожиданно для себя оказался его вице-президентом, к счастью, без каких-либо полномочий. В этом качестве я с некоторой оторопью осматривал знаменитый ледокол «Красин», внезапно оказавшийся на балансе фонда вместе со всей командой. В 1995 г. перипетии с «Красиным» сыграли важную роль в закате академической карьеры А.И. Мелуа.

В ЛО ИИЕТ тогда работало вдвое больше сотрудников, чем сейчас, среди них было много интересных людей, например, Владимир Александрович Ядов, который в 1988 г. возглавил Институт социологии РАН в Москве, или биолог Даниил Владимирович Лебедев, давний борец против лысенковщины. От них можно было много узнать об истории советской науки, которую тогда только начинали изучать всерьез. Молодые историки биологии Даниил Александрович Александров и Николай Леонидович Кременцов в 1989 г. напечатали в ВИЕТ целую программу исследований по социальной истории советской науки; последовавшие многочисленные книги Кременцова, русские и английские, во многом были ее реализацией.

Б.И. Козлов задумал общую историю технических наук от античности до наших дней, для которой я написал первую главу, включавшую античность, средние века и эпоху Возрождения (в 1995 г., в мое отсутствие в институте, ее напечатали отдельной брошюрой). К сожалению, из этого плана ничего не вышло: Я.Г. Неуймин умер в 1988 г., И.Ф. Цветков в общем проекте участвовать не хотел, занимаясь историей флота, на А.И. Мелуа в этом плане никто и не рассчитывал. В 1990 г. Борис Игоревич переехал в Москву, где на короткое время стал директором ИИЕТа, я тогда же уехал на два года в Германию по стипендии фонда А. фон Гумбольдта. В 1991 г. Д.Ю. Гузевич с Ириной Давидовной Гузевич, женой и своим постоянным соавтором, переселились в Париж, где продолжают с большим успехом заниматься историей российской науки; через несколько лет в Германию неожиданно для всех уехал И.Ф. Цветков, так что сектор истории техники Б.И. Иванову пришлось создавать практически заново.

В первые годы работы в ИИЕТе я был довольно тесно связан с московскими коллегами, мне нравилось приезжать на Старопанский переулок, где научная жизнь была ключом. Иван Дмитриевич Рожанский ру-

ководил московским семинаром по истории античной науки и философии, в котором участвовали ученые из разных институтов и вузов. Я прочел на нем доклад о том, что основная доктрина пифагорейцев, «всё есть число», на самом деле не принадлежит Пифагору или кому-либо из его последователей. В 1989 г. он стал моей первой зарубежной публикацией. В историко-математическом семинаре Адольфа Павловича Юшкевича я прочел два доклада: «Раннегреческая математика и Восток» и «Пифагор как математик», опубликованные в «Историко-математических исследованиях». Если в университете я знакомился с историей античной науки самостоятельно, руководясь лишь советами А.И. Зайцева (он как раз писал книгу «Греческий культурный переворот VIII–V вв. до н.э.»), то общение с профессиональными историками науки значительно расширило мои горизонты и придало уверенности в собственных силах.

В 1988 и 1990 гг. я организовал две конференции по античной науке; в них участвовали не только ленинградцы, но и москвичи, например, историк механики Мариам Михайловна Рожанская, историк астрономии Геннадий Евсеевич Куртик, молодой филолог-классик и историк астрономии Андрей Александрович Россиус и другие. Благодаря обширным связям А.И. Мелуа материалы первой конференции были напечатаны отдельным сборником. Поскольку своего копирайта у филиала еще не было, то его дала Главная астрономическая обсерватория, на обложке книги стояла большая эмблема Международного фонда истории науки, а сама книга почему-то набиралась в типографии «Детская книга», с которой мне пришлось вплотную познакомиться. Молодые наборщицы, естественно, не знали греческих букв, и я, сидя рядом с одной из них в зале с грохочущими типографскими машинами, объяснял, какую букву куда ставить. Опыт издания сборника мне очень пригодился, когда я позже занимался изданием учебников по латыни и греческому для организованной нами в 1989 г. классической гимназии: нужно быть готовым самостоятельно пройти всю цепочку от поиска денег на книгу до самого последнего звена – того человека с ведром типографской краски, который должен вовремя нанести ее на барабан.

1985 год

КОЖЕВНИКОВ
Алексей Борисович

К 1980 г. исторического времени как бы не существовало, все вокруг выглядело полностью устоявшимся и стабильным. И жизнь тоже казалась в целом запрограммированной – диплом, НИИ – и до пенсии. Правда, начали умирать вожди в ритме абсурда, по крайней мере, одни кремлевские похороны по высшему разряду в год. Участь на третьем курсе физфака МГУ, я больше времени проводил в своей бывшей школе № 91, ведя матклассы. Там было интереснее интеллектуально, а на факультете продолжать решать задачки и выпрашивать у одногруппниц конспекты прогулянных лекций становилось все скучнее. Несколько раз порывался уйти на исторический или философский, ходил на лекции, но перевестись на другой факуль-

тет было нельзя, только бросить и поступать в университет заново, на что я, к счастью, не отважился.

Персональный кризис разрешился в 1982 г. несколькими изменившими жизнь решениями: женился, нашел настоящего научного руководителя, и еще узнал, что существует ИИЕТ. По совету одного, практически незнакомого взрослого физика, записался на спецкурс к Я.Б. Зельдовичу, который читал, попеременно, релятивистскую астрофизику и космологию. Я.Б. уже было под 70, он приходил на лекции в водолажке, по-юношески присаживался на край стола и рассказывал про взрывающуюся Вселенную и что никто не знает, что существовало до начала времени. Его увлеченность наукой была настолько заразительной, что встретить я такой пример среди факультетских преподавателей хотя бы на год раньше, наверное не ушел бы из физики. После нескольких занятий набрался наглости и попросил задачу, решив которую был официально принят в дипломники.

Параллельно, через организацию Дня Физика, я познакомился с Ю.В. Гапоновым из физической оперы «Архимед». Сама опера и ее коллектив из поколения студентов-шестидесятников на физфак не допускались и считались нон грата, но юмористический праздник факультетской самодеятельности деканат все же разрешил возродить, хоть и с необходимыми цензурными предосторожностями. В частности, записка, которую я повесил в день карнавала, что на кафедре Истории КПСС имеется в продаже дефицитная книга Я.И. Перельмана «Занимательная история партии», провисела на доске объявлений, наверное, минут десять, и была быстро обнаружена и сорвана бдительными представителями комсомольского комитета.

От Гапонова я услышал, что есть такой институт, ИИЕТ, где работал его бывший однокурсник Ю.И. Лисневский, который в итоге и привел меня на Старопанский, 1/5, на третий этаж прямо в сектор истории физики и механики, и подвел, можно сказать за ручку, к И.С. Алексееву, тоже бывшему Архимедовцу, и В.П. Визгину. Так я обнаружил, что есть дисциплина история науки и что даже, как оказалось, на моем физфаке тоже существует кафедра, а точнее сонный и дремучий кабинет истории физики, где можно защитить диплом. Неисповедимы окольные тропинки бюрократических правил. Перевестись на другой факультет МГУ не разрешали, но зато оказалось, что можно без проблем закончить физфак с дипломом физика, при этом написав его по истории науки.

В космологии тоже начинались интересные события, сейчас называемые теорией инфляции. В Москву приехал с докладом парализованный Стивен Хокинг, обсуждались важные работы А.А. Старобинского. Правда, трудоемкие вычисления в общей теории относительности увлекательными не назовешь, и под непосредственным присмотром ученика Зельдовича Л.П. Грищука я выводил формулы флуктуаций метрики в ранней Вселенной. Но произошел несчастный случай, в библиотеке факультета у меня украли сумку со стипендией и документами – а еще в ней были записи трех месяцев многоэтажных вычислений, которые только начинали складываться в потенциально красивый результат. Быстро и интуитивно восстановить их было невозможно – только воспроизведя заново все долгие и кропотливые шаги математических операций, и, возможно, посчитав это знаком судьбы, я решил поменять тему дипломной работы на историческую.

В ИИЕТе я пристал к Визгину с настоятельной просьбой предложить задачу для исследования. Владимир Павлович сначала немного призадумался – до этого он дипломниками и аспирантами не занимался – а через неделю принес в сектор тетрадку со списком из примерно 50 интересных проблем по истории физики. Одна из них – попытки в XIX веке объяснить всеобщую гравитацию с помощью электромагнитного взаимодействия – и стала темой моего диплома о теориях гравитации Мосотти, Фарадея и Максвелла.

Физики на факультете относились к историческому кабинету, а особенно к его заведующему Б.И. Спасскому с высокомерным презрением. Но я там числился скорее формально, а сам все больше времени проводил в ИИЕТе, а также в Ленинке и ГПНТБ. Было удивительно, что какому-то студенту, которых в ту пору записывали в главные научные библиотеки лишь на время диплома, и то со скрипом, приносили и выдавали на руки ветхие научные фолианты, такие как трактат Дж. Пристли по истории электричества и прижизненное собрание сочинений Максвелла. Само прикосновение к оригинальным изданиям классических трудов XVIII–XIX вв. по первому разу даже вызывало почтительный трепет. Может быть, потому, что в дипломной работе использовал редкие первоисточники и описывал теории, как правило, неизвестные авторам современных учебников, во время защиты в январе 1984 г. дипломная работа неожиданно понравилась заведующему кафедрой общей физики, широко образованному ученому, а также дипломату, А.Н. Матвееву, и впоследствии стала основой моей первой статьи, опубликованной в университетском сборнике.

Я долгое время не знал, как признаться Зельдовичу в своей измене физике, но когда случайно встретил его в вестибюле факультета, он воспринял мой уход в историю науки с чувством легкого юмора, сказав, ну приходите лет через десять, тогда и посмотрим, кто был прав. К сожалению, в следующий и последний раз я увидел его на похоронах – он умер внезапно в 1987 г. Тогда же, во время прощальной церемонии, я в первый и последний раз непосредственно увидел и услышал А.Д. Сахарова, которому Горбачев разрешил вернуться из ссылки в Москву. Но это было уже в перестройку.

А в 1984 г., после окончания университета, я стал регулярно приходить в ИИЕТ и готовиться к сдаче экзаменов в аспирантуру, на которую тогда выделяли, кажется, два места в год. Но за полгода ожидания произошло маленькое чудо – или непонятная мне бюрократическая рокировка – и заведующий сектором А.Т. Григорьян, человек с огромными и старыми связями в коридорах власти, сумел каким-то образом получить дополнительную ставку младшего научного сотрудника. На эту заветную и престижную, мало кому доступную даже с кандидатской степенью должность меня и зачислили с 1985 г. с возможностью быть соискателем, то есть писать диссертацию без непосредственного обучения в аспирантуре.

По меркам застойного времени это было из ряда вон выходящим – в аспирантуру ИИЕТ тогда обычно поступали не раньше чем после трех лет работы в ящике по распределению, а новые сотрудники, если появлялась ставка, зачислялись из заслуженных ученых с уже состоявшейся естественнонаучной карьерой, часто предпенсионного возраста. Стать мнс-ом без степени всего через год после защиты диплома было настолько непри-

лично, что и защитившись, после пяти лет работы, я все еще продолжал оставаться самым младшим по возрасту из «молодых» ученых института. А средний возраст его научных сотрудников и сам приближался к пенсионному, о чем я узнал уже в разгар перестройки, когда институтское и академическое начальство озаботилось проблемой омоложения кадров и наконец-то стали иногда оставлять на работу аспирантов непосредственно после защиты ими кандидатских диссертаций.

При этом приходиться в институт было необычайно интересно. С точки зрения неоперившегося мнс-а, он немного напоминал НИИЧАВО, но больше – Ноев ковчег. В нем собрались как минимум по паре представители любых и всяческих дисциплин, образований и научных профессий, кроме, возможно, древнейшей. И практически на любой вопрос по любой проблеме можно было найти собеседника и получить компетентный комментарий и совет. Также сохранились представители и осколки разных мировоззрений и жизненных путей. Были свои сталинисты и демократические коммунисты, диссиденты-западники и славянофилы, воинствующие атеисты и религиозники, диалектические марксисты, логические позитивисты, вьедливые источниковеды, собиратели древних памятников, меньшевистствующие идеалисты, а также теологи и мистики. Были приходящие бездомные уфологи, дневавшие и возможно ночевавшие в институте с мешком записанных на клочках бумаги документальных свидетельств о посещении Земли разумными инопланетянами. Философы утверждали в предисловии, что развивают марксистский подход к истории науки, а затем переворачивали страницу и начинали обсуждать, как и все остальные, Куна и Поппера, Лакатоса и Фейерабенда. Было и официальное начальство, которое временами можно было увидеть в коридоре, и которое занималось тем, чем нужно. Выступало на собраниях и Ученом совете с длиннейшими речами и печатало в официальном институтском журнале правильные статьи правильных авторов, особенно по правильным юбилейным поводам.

Под этой крышкой кипела довольно бурная интеллектуальная жизнь, с центром в курилке на лестничной площадке, мимо которой поднимались на работу и задерживались поговорить и обменяться сплетнями сотрудники разных секторов. Сам я не курил, но привычка держать в руке сигарету, за компанию, во время серьезного научного трепа, сохранилась на долгие годы. Многие аспекты этих обсуждений, по канонам позднесоветского времени, не могли предназначаться для печати. Поэтому в академической культуре доминировал вербальный дискурс, важные идеи нужно было услышать и рассказать, может быть, сделать доклад на семинаре, а вот процедура последующего дауншифтинга, превращения их в написанные, а тем более печатные тексты, проходила уже намного медленнее и скучнее.

Для меня главным мотивирующим фактором был тот, что любой новый вопрос, найденную статью или соображение я всегда мог сразу, придя в институт, обсудить с искренне заинтересованными старшими коллегами, и услышать от них их собственные вопросы и критические соображения. Уже намного позже я понял, что возможность такого полного включения в интеллектуальную среду выпадает нечасто, и далеко не многим аспирантам так везет в начале их профессионального становления. Главными мои-

ми учителями в этом смысле стали, в секторе, Алексеев и Визгин, а среди философов, А.В. Ахутин и Н.И. Кузнецова, которая организовала неофициальный методологический семинар, кружок для аспирантов моего, как потом оказалось, последнего советского поколения.

На этой же лестничной площадке Визгин познакомил меня с И.Ю. Кобзаревым, ставшим моим научным руководителем. Физик-теоретик из ИТЭФа, Кобзарев интересовался гуманитарными и историческими проблемами и приходил в ИИЕТ на заседания диссертационного совета. Во время перекура мы выбрали и тему кандидатского исследования. История квантовой механики к тому времени уже была изучена довольно подробно, а вот квантовой электродинамики и теории поля еще нет. В 1985 г. я организовал в институте небольшую конференцию памяти П.А.М. Дирака и в процессе подготовки обнаружилось, что в СССР сохранились богатые архивные материалы, его переписка с П.Л. Капицей, И.Е. Таммом и В.А. Фоком. Помню, как я ехал зимой в трамвае, прижимая к груди портфель с бесценными оригиналами, письмами Дирака Тамму, которые семья Нобелевского лауреата дала на изучение и опубликование совершенно незнакомому им диссертанту. Заниматься такой историей науки становилось жутко интересно, а из переписки выяснялись неожиданные детали, например, что в СССР много лет не признавались научные степени, но отсутствие диссертаций и защит не помешало вырастить целое поколение великих ученых. Так пробуждался интерес к неофициальной истории советской науки, о которой тогда еще можно было писать только в рамках утвержденных канонов.

Как самого младшего из мнс-ов, меня регулярно посылали мальчиком на побегушках на любые официальные и скучные мероприятия. Но случались и занимательные сюжеты, как, например, коллективная поездка в колхоз «на морковку», после которой в институте состоялась выставка корнеплодов порнографического содержания. Или подвал ИНИОН с развалами книг XVII–XVIII вв., вывезенными из Германии в 1945 г. и с тех пор неразобранными, из которых мы отбирали экземпляры, полезные для библиотеки ИИЕТ. Или очередной съезд КПСС во время которого я, как самый крайний, получил задание отвечать на письма сумасшедших инженеров против теории относительности Эйнштейна. Любой гражданин СССР имел право написать на имя главного съезда партии письмо по любой волнующей его проблеме, и такие письма не могли остаться без официального отклика. Из ЦК КПСС, письма пересылались в соответствующие организации для составления компетентных ответов. Те, в которых критиковалась теория относительности, попадали, естественно, в ИИЕТ, а в нем сами понимаете кому, самому низшему по рангу научному сотруднику, приходилось формулировать по возможности вежливые и обтекаемые возражения.

И после избрания Горбачева продолжались регулярные похороны вождей, а так как ИИЕТ располагался в двух шагах от Кремля, даже во время нерабочего траурного дня в нем должен был на всякий случай кто-то присутствовать. Так я познакомился с куратором нашего института от КГБ, который зашел с обходом проверить, на месте ли единственный скучающий дежурный, кем был назначен, конечно, я. Молодой спортивного и даже интеллигентного вида человек, с которым мы мило поболтали

за историю и который попросил сделать вид, что я с ним совершенно незнаком, если вдруг придется случайно столкнуться в присутственный для сотрудников день в тесном коридоре института.

Но ветры перестройки уже начинали ощущаться. Весной 1987 г. «Огонек» напечатал стихи Гумилева, и возникали вопросы, может быть, и нам тоже можно писать на ранее запретные темы? Старший коллега, А.П. Огурцов, умудренный позднесоветским опытом, был пессимистичен. Поскольку главным политическим событием года должно было стать торжественное празднование 70-летнего юбилея революции, на серьезные послабления надеяться не стоило. Но при этом он добавил, как бы невзначай, что неплохо бы заняться историей Харьковского физтеха, который сильно пострадал в годы сталинских репрессий. Несмотря на юбилей, Политбюро назначило комиссию по реабилитации бывших жертв террора, решения которой были еще очень скромными, но главной строчкой в каждом объявлении результатов раз в несколько месяцев была последняя: «комиссия продолжает работу». И в том же году перестройка пришла и в сам ИИЕТ. Но это уже другая история.

1985 год

КРАСНОВ
Владимир Никитич

Прибыл в Институт в октябре 1985 года после увольнения с военной службы по возрасту, в звании капитана 1-го ранга. Прослужил в Военно-морском флоте с 1941 по 1985 гг. Еще во время службы на тральщиках и подводных лодках я одновременно увлекался исторической журналистикой. Выступал в печати (журналах и газетах) со статьями по историко-флотской тематике. Защитил в 1974 г. кандидатскую диссертацию, стал кандидатом военно-морских наук. До прихода в ИИЕТ вышли в свет пять моих книг. Из них две переведены на латышский и немецкий языки. С этими книгами, после конкурса на замещение вакантной должности младшего научного сотрудника, я предстал перед директором ИИЕТ членом-корреспондентом АН СССР С.Р. Микулинским. Эти книги и моя форма мор-

ского офицера, в которую я был одет, видимо, и послужили в какой-то степени основанием для решения директора принять меня в Институт на должность младшего научного сотрудника в Проблемную группу истории кораблестроения. В то время эту группу возглавлял вице-адмирал Е.А. Шитиков.

Что было мною подмечено (замечено) в Институте?

1. Режим работы с двумя обязательно присутственными днями (остальные дни – работа в архивах и библиотеках, взаимодействующих учреждений) способствовала оптимально творческой деятельности сотрудников Института по исследованию и освещению в печати историко-научной и историко-технической тематики.

2. Вызывали сомнения слишком большой процент исследований и работ в области науковедения в ущерб титульному направлению Института по истории естествознания и техники (может быть, это сугубо личное мнение, и даже ошибочное; да и директор был ученым в области науковедения).

3. Понравился наш Институтский толстый журнал «Вопросы истории естествознания и техники».

4. Хорошо и благодарно оценил я сотрудников Отдела истории техники, возглавляемого в то время А.С. Федоровым, и руководителей групп В.Л. Гвоздецкого, Н.М. Ламан, В.Н. Сокольского, которые много помогли мне включиться в работу и давали советы по оптимальным и наиболее продуктивным вариантам исследований по историко-технической тематике с акцентом на военно-техническое направление.

5. Понравилась библиотека, разносторонняя и обширная.

6. В Институте было достаточное количество машинисток (лаборантов-исследователей, почти в каждой группе), чего нет в настоящее время. Мы бедствуем в части машинописных и компьютерных работ.

7. Плохо было с размещением. В частности, наша группа корабелов работала в комнате Отдела кадров, потом в подвале в районе Покровских ворот и, наконец, в комнате 16 основного помещения Института.

8. Вызывало удивление и сожаление о каких-то противодействующих группах сотрудников, что особенно бросалось в глаза на всяких собраниях, – профсоюзных, партийных и общеинститутских.

Слава Богу, сейчас этого, кажется, не стало?

9. Понравился регулярный выпуск Научно-биографической литературы (НБЛ), где главная заслуга принадлежит доктору исторических наук З.К. Соколовской (а последние годы – и В.М. Орлу).

10. Следует усилить внимание руководства и общественности Института к новому пополнению. Знать его потенциал и помогать плодотворному внедрению в работу.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 171–172.

1985 год

МИХЕЕВ
Вадим Ростиславович

Я потомственный авиационный инженер, в третьем поколении. Со школьных времен готовился поступать в МАИ. Учил математику и физику. К гуманитарным предметам всерьез не относился, хотя к истории всегда испытывал слабость. Но относился к этому предмету не как к будущей профессии, а как к коллекции забавных фактов, не имеющих практической ценности.

В 1980 г. я закончил вертолетную кафедру МАИ и, как отличник, имел право выбирать место будущей службы. Выбрал бригаду перспективного проектирования отдела общих видов ОКБ им. М.Л. Миля. Она считалась «элитным» подразделением, определяла все направления будущего развития вертолетостроения. Сотрудники бригады просчитывали и прорисовывали бес-

численное множество всевозможных идей и проектов, подчас самых фантастичных и сумасшедших. Почти 90% всех разработок бригады оказывалось, в конце концов, в мусорной корзине. Однако только в бригаде перспективного проектирования конструктору предоставляется истинная свобода творчества.

Приступая к проработке какой-либо новой идеи, я был вынужден собирать и внимательно изучать все, что было сделано в этой области до меня. Таким образом, я пытался по максимуму упростить себе задачу, использовать чужой опыт, не повторять сделанных ошибок и найти подтверждение собственных прикидочных расчетов в отчетах об испытаниях летательных аппаратов, многие из которых были построены и опробованы еще до моего рождения. Очень скоро я убедился в истинности утверждения «новое – давно забытое старое».

Придя к какому-то, как мне (и не только мне) казалось, «гениальному» конструкторскому решению или изобретению, я через некоторое время с разочарованием обнаруживал, что, оказывается, не я первый. Аналогичные решения приходили в голову моим коллегам за много лет до этого. Просто на более ранних этапах развития реализовать «гениальное» решение было практически невозможно и оно, не реализованное, растворялось в анналах профессии. Однако на новом уровне развития науки и техники «гениальное» решение оказывалось вовсе не тупиковым, а вполне перспективным для реализации. Так я на собственном опыте убедился в практической ценности изучения истории той отрасли техники, в которой работаю.

Про ИИЕТ я впервые услышал тоже в ОКБ им. Миля, но, к сожалению, в негативной форме. Один из моих сослуживцев с возмущением посетовал, что его институтский однокашник отыскал «лавочку», в которой защитил диплом кандидата технических (!) наук, «побегав с магнитофоном по пенсионерам». В ОКБ к защите диссертаций относились с пиететом. Их защита не возбранялась, но и не поощрялась. Считалось, что аспирант «кропает диссер» в ущерб прямым служебным обязанностям. Написание диссертации занимало у инженера-заочника лет десять–пятнадцать. Далеко не все завершали свои потуги благополучной защитой. Защищались в МАИ или в ЦАГИ. Поэтому сообщение о наличии какого-то еще упрощенного способа стать элитой науки вызвало всеобщее осуждение.

Я, как и все сотрудники бригады, тоже записался в аспирантуру МАИ. Тему мне определили весьма тяготящую: «Расчет собственных частот колебаний фюзеляжа вертолета многовинтовой схемы». Она соответствовала одному из направлений моей деятельности, но не единственному. Было у меня еще несколько направлений исследований, значительно более «живых», но они считались на вертолетной кафедре «не диссертабельными». Одним словом, я отдавал себе отчет, что стать «катеэном» мне в ближайшем будущем не светит.

Судьба изменилась неожиданным образом. В 1982 г. меня вызвал Генеральный конструктор и, вместо очередного конструкторского задания, велел ехать домой к историку советского вертолетостроения А.М. Изаксону помогать писать новую книгу: «Вы к истории не безразличны, вот и побегайте для старика, а то он сам уже с постели не встает». Живой классик,

действительно, оказался совсем плох, но заданий мне надавал на долгую перспективу. В первую очередь он послал меня в ИИЕТ к В.Н. Сокольскому за книжками. Так состоялось мое реальное знакомство и с ИИЕТом, и с Виктором Николаевичем.

О Сокольском можно вспоминать бесконечно. Мне редко встречались в жизни люди столь же мудрые, благородные и... терпимые. Недаром тогда говорили: «Сокольский – это пол-ИИЕТа». Я не встречал человека, сказавшего о нем что-либо дурное. Только восторженное восхищение и искреннее уважение. Знали Виктора Николаевича буквально пол-Москвы. Знавших его я потом встречал в самых неожиданных местах. И все рассказывали о нем только хорошее и что-то новое, достойное и ранее мне неизвестное. То же скажу и относительно себя. Именно Виктору Николаевичу я обязан не только своей научной карьерой историка авиации, но и новым восприятием окружающей меня жизни.

Наши встречи с В.Н. Сокольским участились. В беседах с ним я обнаружил, что история не только свод забавных анекдотов, но и вполне объективная наука, позволяющая обдумать весь накопленный в профессии опыт, отсистематизировать, «разложить по полочкам» те сведения, которые я насобирал из чужих отчетов, и собственные мысли про их перспективность.

Потряс меня и поход в Архив – Военно-исторический в Лефортово. Это было вторым заданием Изаксона. Сначала я отнесся к нему скептически. Что там еще можно найти? Все уже до меня давно отыскали. Оказалось, нет. И Изаксон в архивах никогда не был, и другие популяризаторы вертолетостроения в них не работали. С первого же похода на меня буквально посыпались проекты вертолетов, о которых ни я, ни классик никогда не слыхали. Восхитила меня и высокая профессиональная квалификация, и общая культура чиновников того времени, напроць опровергавшая вбитую советской пропагандой догму о их косности и коррумпированности. Одним словом, я «потонул» в архивном богатстве.

Сотрудничество с А.М. Изаконом продолжалось недолго. Классик скончался. «Работа не должна пропасть, Ваш долг продолжить исследования Александра Михайловича», – высокопарно напутствовал меня Генеральный конструктор. Но, «жалует царь, да не жалует псарь». Услышав про это, мой непосредственный начальник – комбриг возмутился: «какая еще история, дел по горло...». Стала очевидной неизбежность ухода в очную аспирантуру... в ИИЕТ.

На вертолетной кафедре, неожиданно, с пониманием отнеслись к моей измене. Оказывается, они давно сотрудничали с ИИЕТом, с большим уважением относились к В.Н. Сокольскому, а один из профессоров проходил там предзащиту. К началу 1985 г. я стал аспирантом ИИЕТ. Тему мне определили: «Анализ развития схем винтокрылых летательных аппаратов». На заводе отнеслись по-разному. Кто позавидовал, кто удивился, а начальник отдела напутствовал: «Ты там с голода помрешь» и предложил остаться на полставки.

Получив свободу, я с упоением нырнул в ИИЕТовские будни. После пяти лет заводского «орднунга»: режима, плановой дисциплины, текучки заданий и жесткости отношений, мне показалось, что я попал в Рай. Я ди-

скутировал с научными сотрудниками, посещал аспирантские семинары и заседания отдела истории техники, «балдел» в архивах и библиотеках.

Многому меня научила аспирантская учеба и научные семинары ИИЕТ. Сначала многое мне казалось догматизмом и демагогией, но потом я впитал основы научно-исследовательской работы: систему поиска и приоритизации сведений, работы с первоисточниками, синтеза собранных материалов, методов анализа, индукции и дедукции, аппроксимации и экстраполяции, и других методов построения и обоснования перспективы на основе ретроспективного исследования. Умения отличать субъект от объекта, цели от задач, правила построения научного отчета, грамотного написания введения и логичного изложения выводов, освоенные в ИИЕТе, до сих пор помогают мне в исследованиях по перспективам вертолетной техники.

Но самое яркое впечатление произвели проводимые В.Н. Сокольским грандиозные международные мероприятия по истории авиации и космонавтики. Он не давал забыть ни отечественным, ни иностранным чиновникам, кто первым полетел в космос и построил «Илья Муромец». В ИИЕТ съезжались ученые и конструкторы с мировыми именами, космонавты, летчики, музейщики. Я познакомился с академиками Мишиным, Фроловым, Раушенбахом, Генеральным конструктором Цзядуном, астронавтом Армстронгом, космонавтами Бодри и Мендесом, летчиком-испытателем Галлаем, вице-президентом Sikorsky Aircraft С.И. Сикорским и многими, многими другими великими людьми авиации и космонавтики. Все они приходили к Сокольскому и бродили по коридорам ИИЕТ рядом с сотрудниками и аспирантами института.

Сокольский широко привлекал нас, аспирантов, к организации мероприятий, к тому, что в ИИЕТовских отчетах именовалось «научно-организационной работой». Именно Сокольскому я признателен за навыки подобного рода деятельности, которые весьмагодились мне при подготовке и проведении Европейских вертолетных форумов, Форумов Российского вертолетного общества и т.п.

Год аспирантуры пролетел пулей, и я почувствовал, что «закопался». Закопались и другие мои соученики-аспиранты. Единственно, кто четко двигался к намеченной цели – защите, была наша староста Е.Л. Желтова. Ее хладнокровный и предельно прагматичный подход к диссертации оказал на меня организующее влияние. Я безжалостно сократил все свои архивные изыскания. Предыстория, как таковая, заняла у меня в диссертации не более 3% объема. Всю остальную часть занял анализ мирового вертолетостроения за последние 30–40 лет. Благодаря этому моя диссертация не вызвала раздражения у оппонентов-специалистов. Они читали анализ в привычном им стиле технического отчета и не ерничали по поводу «аэродромической машины» Ломоносова.

Два оставшихся года напряженного труда позволили мне сдать черновик диссертации ровно в срок. Полгода ушло на ее чистовое оформление и прохождение обязательных этапов предзащиты. Головным предприятием мне, естественно, назначили МВЗ им. М.Л. Миля, в то время ведущий в мире разработчик вертолетной техники. Но в ОКБ этого завода я трудился до ухода в аспирантуру, и там далеко не все одобряли мою «измену». Отзыв они обусловили прохождением мною в ОКБ предзащиты. Продол-

жалась эта предзащита полдня. Коллеги «оторвались по полной», но зато самой защиты я после этого уже не боялся.

Было у меня около 50 плакатов. Почти по каждому пришлось отвечать на вопросы. Коллеги-вертолетчики, в большинстве своем, остались довольны, даже те, кто не скрывал своего скептического отношения к ИИЕТ, к тому, чем институт занимается и ко мне лично. Один из них мне даже сказал: «все, о чем ты рассказал, мы и раньше знали, но ты все это собрал, разложил и устаканил». В том, что все «устаканил», я быстро убедился. Оппонентский экземпляр диссертации Генеральный конструктор установил у себя в кабинете на книжной полке, приклеив на корешок надпись крупными буквами «МИХЕЕВ». Как мне рассказали, если не диссертацией, то ее справочными приложениями (таблицы и графики) Генеральный пользовался все время.

Главным оппонентом диссертации у меня был Б.Г. Сокоиков, главный конструктор ОКБ им. Н.И. Камова. Натянутые отношения между конкурентами, фирмами Миля и Камова, давно известны. Я был «милевец», поэтому пришлось поволноваться. Но все обошлось. Все замечания были по делу, а мой однофамилец Генеральный конструктор ОКБ им. Н.И. Камова даже отметил в отзыве необходимость переиздания диссертации как монографии, что я и сделал после защиты.

В итоге, я защитил диссертацию и несмотря на все предубеждения сохранил хорошие отношения с большинством коллег-вертолетчиков.

Когда срок аспирантуры в 1988 г. истек, В.Н. Сокольский предложил мне не возвращаться на МВЗ, а остаться в ИИЕТ. Оценив ситуацию, я «выбрал свободу», а в ОКБ восстановился совместителем. С тех пор я сидел на двух стульях: в ИИЕТ и на МВЗ им. М.Л. Миля. Работа в ОКБ позволила мне не деградировать как специалисту, быть постоянно в курсе дел и получать необходимую консультацию в случае собственной недостаточной компетентности.

В бригаду перспективного проектирования ОКБ меня не вернули из-за отсутствия соответствующего допуска к секретности, и первое время я трудился в бригаде технической информации, а когда в 1991 г. начали формировать отдел маркетинговых исследований, перешел в него. Когда завод в 1999 г. обанкротили, меня назначили пресс-секретарем защищать честь фирмы на фоне профессионально некомпетентных «эффективных менеджеров», возглавивших его и менявшихся каждые полгода.

В правильности выбора я лишний раз, к сожалению, убедился в 1995 г., когда на заводе перестали платить зарплату. Не будь у меня ИИЕТовской зарплаты, пришлось бы увольняться из ОКБ, как поступило большинство моих соратников.

Сразу после того, как ВАК утвердил мою защиту, В.Н. Сокольский произвел меня в старшие научные сотрудники (в 2000 г. в ведущие научные сотрудники). Вскоре последовали зарубежные стажировки: Польша, Швеция, Франция, США... В Польшу я поработал на вертолетостроительном производстве PZL, в Великобритании – на Westland GKN, в Бельгии – в НИИ им. Кармана, а в США на крупнейшем в мире вертолетостроительном предприятии Sikorsky Aircraft. Произошло это только благодаря моей службе в ИИЕТ. Будь я конструктором МВЗ им. Миля, меня бы, наверное, даже на PZL не пустили. Американцы прекрасно знали, кто

я по специальности, но официальное мое положение историка техники и биографа Сикорского не позволяло им ввести какие-либо ограничения на мои перемещения. Пребывание за рубежом позволило мне повысить свою квалификацию не только как историка техники, но и как авиационного инженера. Спасибо ИИЕТ!

К сожалению, мое сотрудничество с ИИЕТ закончилось в 2006 г. Разница в зарплате институтской и заводской стала различаться не в разы, а на порядок. Семью надо было содержать. На МВЗ мне поставили ультиматум – выбирай. Мои попытки договориться с А.В. Постниковым и В.П. Борисовым, оставить меня хотя бы почетным сотрудником, не увенчались успехом. Пришлось уйти.

И последнее. Вертолетчиков принято делить на «производителей» и «эксплуатантов». Первые разрабатывают и серийно строят вертолетную технику, вторые – на ней летают, выполняют авиаработы. Отношения между ними складываются не всегда гладко. Я среди тех немногих, у кого с эксплуатантом всегда хорошие отношения. «Виноват» в этом все тот же ИИЕТ. Благодаря работе в институте мне удалось издать множество книг про авиаторов, вертолетостроителей и эксплуатантов авиатехники. Они получили известность и хорошую оценку не только в ОКБ, на заводах, в НИИ и учебных заведениях, но и в авиакомпаниях, полках и отрядах. Способствуют известности и телевизионные передачи, в которых я временами участвую, рассказываю об истории авиационной техники. Поэтому в командировке, когда протокол встречи в авиаотряде не предусматривает особой откровенности, мне обычно делают исключение. В отличие от многих моих коллег- «производителей», меня еще ни разу не «послали».

В 2021 г. новый директор ИИЕТ РАН Роман Алексеевич Фандо восстановил меня ассоциированным научным сотрудником института. Большое ему спасибо!

1985 год

ШИРОКОВА
Вера Александровна

Зачислена в аспирантуру Института 30 декабря 1985 года...

В 1980 году окончила МГУ имени М.В. Ломоносова (географический факультет, кафедра гидрологии суши), получила специальность – гидролог (специализация – гидрохимик)!!! С 1980 по 1984 год работала инженером-гидрохимиком в Лаборатории по изучению водохранилищ географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Красновидово Московской области). В те времена москвичей распределяли по месту жительства – в городе Москве; но я на третьем курсе во время производственной практики, проходившей в Якутии, после увиденного японского гидрохимического оборудования (ионоселективные электроды, кондуктометры и т.д.) решила распределиться только в гидрогеологическую пар-

тию «Якутскгеологии»!!! Получила распределение... Вызывали на кафедру – спрашивали: «Здорова ли, москвичка!?». Ситуация летом 1980 года по отношению к русским в Якутске сильно изменилась, о чем можно было узнать только из «вражеского» вещания! Но моих родителей (доброжелательно!) предупредили – и всё! – пришлось отказаться от заветной «современной гидрохимии»!!!

Диплом писала по гидрохимии на основе данных Лаборатории по изучению водохранилищ, расположенной на берегу Можайского водохранилища. Там встретила моего будущего мужа Широкова С.Р., аспиранта Института океанологии АН СССР, который вместе с заведующим красновидовской лаборатории А.С. Немальцевым и «распределили» меня в Красновидово.

Работая в красновидовской лаборатории, будучи соискателем на кафедре гидрологии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сдала кандидатские экзамены – думала защищать кандидатскую диссертацию по гидрологии и гидрохимии на географическом факультете МГУ. Участвовала в «балансовом годе» – сбор и обработка гидрохимических данных на Можайском водохранилище...

В 1982 году родился сын. Много болел... Пришлось оставить Красновидово, лабораторию, «балансовый год» – переехать домой в Москву. Муж в это время уже защитил кандидатскую диссертацию и тоже покинул Красновидово, – перешел на работу в Институт общей и неорганической химии (ИОНХ), где в качестве общественной нагрузки его назначили секретарем Оргкомитета по празднованию 150-летия со дня рождения Д.И. Менделеева – проведение торжественного заседания в Москве, XII (юбилейного) Менделеевского съезда в Ленинграде. К этому юбилею издавалось множество материалов, в работе над которыми принимали участие сотрудники ИИЕТ АН СССР Д.Н. Трифонов и И.А. Тугаринов. От них-то и узнала про ИИЕТ АН СССР и что есть такой ведущий историк гидрологии И.А. Федосеев. И нечего сидеть дома, надо заниматься любимой ВОДОЙ, правда, в несколько другом ракурсе.

Осенью того же года пришла знакомиться с Иваном Андреевичем, – спросил: «Почему решила заниматься историей науки?». Ответила, думаю, не очень внятно, что-то про практику и теорию... Но уже был написан автореферат по истории гидрохимии (так, как представлял практик-гидрохимик себе историю науки!).

К этому времени уже были сданы кандидатские по философии и иностранному языку, оставалось сдать спецпредмет – историю географии!! Готовилась в Ленинке. И, хотя историю географических открытий на первом курсе МГУ нам читали, предмет история науки и техники для меня был новым. Волновалась очень! В этот год был конкурс в аспирантуру, и была очень убедительная многочисленная комиссия (в кабинете замдиректора на Старопанском)! У Ивана Андреевича я была первая и последняя ученица! Не знаю, что и как решалось – но меня приняли!

Иван Андреевич относился ко мне слегка с недоверием, как практику, девушке и т.д. Позже, на предзащите, всегда спокойный и уравновешенный И.А. Федосеев «яростно» меня защищал, точнее, оригинальное деление развития гидрохимии на этапы. В.В. Синюков был не согласен с такими критериями периодизации, задавал много вопросов. И.А. Федосеев

вышел к моим плакатам и сам стал отвечать! И я его не подвела – через три года по окончании аспирантуры защитилась! До последних его дней мы дружили... Вот такой акrostих «Сон в цветущем саду» Иван Андреевич написал (см.: из личного архива И.А. Федосеева):

Сон в цветущем саду

Ветром улетают дни за днями.
Есть среди них и дни особых встреч.
Радужными вспыхивающих снами,
Есть среди них и дни особых встреч,
Если их как дар в душе беречь.

Шелест листьев спорит с тишиною
И плывет сирени аромат.

Радость овладела нынче мною.

Отчего же и чему я рад?

Кто-то снился, но не знаю имени.

Образ мил, но не ясны черты.

Вопросил бы кто глазами синими:

«**О**бо мне ль у Вас слова красивые?» –

«**Й**ес, – сказал бы, – угадала ты»...

19.05.91.

Во время учёбы в аспирантуре выполняла разную научно-организационную работу под кураторством О.А. Соколовой, знакомилась при этом с сотрудниками сектора истории геолого-географических наук. В секторе в 1987–88 годах были существенные разногласия: в 1988 году И.А. Федосеев уже не был руководителем сектора, его место занял И.В. Круть. Перед моим выходом на защиту «тучи сгустились», но по инициативе и настоянию Ольги Андреевны Александровской, которая впоследствии стала для меня жизненным примером, авторитетным учителем, – человеком, с которым интересно и легко работать, путешествовать, разговаривать..., – на защиту меня выпустили!

После защиты кандидатской диссертации стала сотрудником сектора. В феврале 1989 года зачислена на должность младшего научного сотрудника сектора; и, пройдя все соответствующие научные должности, в ноябре 2005 г. стала исполняющей обязанности, а в ноябре 2006 г. – заведующей отделом истории наук о Земле. В 2005 г. защитила докторскую диссертацию по истории гидрохимии... .

Работала и работаю с замечательными людьми и преданными своей профессии учеными – настоящими географами и геологами, романтиками, путешественниками – Игорем Александровичем Резановым, Валентином Константиновичем Рахилиным, Василием Алексеевичем Есаковым, Алексеем Владимировичем Постниковым, Валерианом Афанасьевичем Снытко, Ибрагимом Ахмедовичем Керимовым; молодыми надежными соратниками и сподвижниками – Ольгой Сергеевной Романовой, Ириной Николаевной Сократовой, Надеждой Николаевной Щербининой, Надеждой Андреевной Озеровой, Верой Михайловной Савенковой, Алексеем Владимировичем Собисевичем, Натальей Михайловной Эрман!!!

Никогда не изменяла полученной в МГУ имени М.В. Ломоносова специальности гидролога!! А вместе с профессией историка науки и техники (историка географии, гидрологии, гидрохимии, геоэкологии), словами Ольги Андреевны, – приобретено «научное расширение сознания»! Может быть, поэтому у меня есть ученики не только по специальности «история науки и техники», но и по специальности «геоэкология».

Есть научные и научно-популярные монографии и статьи, преподаю в Государственном университете по землеустройству такие предметы как экологическое водопользование, учение о гидросфере, гидрология, геоэкология, гидрологические и климатические ресурсы и т.д.; в Российском государственном университете – историю климата, историю воды, историю почвы. И понятно, что междисциплинарность (взаимодействие знаний самой специальности и её истории) определяет многогранность и широту лекционного материала.

И, конечно, моя особая гордость – Комплексная экспедиция по изучению исторических водных путей (КЭИВП), организованная и продуктивно функционирующая в ИИЕТ с 2003 года! Это и междисциплинарность, и ретроспективный подход в научных геолого-географических исследованиях!

1986 год

ЛОЗОВСКАЯ
Наталия Марковна

Об ИИЕТе я впервые услышала в 1985-м или 86-м году от своего давнего университетского товарища, Жоры Литичевского. Он как раз поступил туда в аспирантуру, и впечатления у него были самые благоприятные. Он занимался тогда Плинием Старшим, переводил одну из книг «Естественной истории». А я в свое время написала курсовую про Плиния Старшего, к которой даже прилагался перевод 5-й книги, про географию. Так что была возможная точка соприкосновения, хотя опыта ни в каких науках, кроме гуманитарных, у меня после истфака МГУ, кафедры древней истории, не было, и представление об истории науки было весьма туманное. Но уже во время этого первого разговора об ИИЕТе стало ясно, что место очень занятное и необычное. По-

мимо возможности заниматься интересными вещами, привлекало то, что там, по словам Жоры, собралось много людей достойных и самостоятельно мыслящих. Да и при поступлении в аспирантуру к пятому пункту там, вроде бы, относились с большей терпимостью, чем в остальных гуманитарных институтах.

При первом же знакомстве ИИЕТ мне очень пришелся по душе, и меня там приняли с интересом. Вопрос был в том, какой сектор мог бы меня приютить. Поначалу разговор был с Наталией Ивановной Кузнецовой о секторе методологии, так, кажется, он тогда назывался. И предполагалось, что руководителем будет Николай Федорович Овчинников, но, к сожалению, не получилось. То ли было очевидно, что подготовки для методологии у меня нет, то ли по каким-то там внутренним обстоятельствам, но оказалось, что надо поступать в группу по источниковедению, к Евгению Алексеевичу Беляеву, а руководителем моим намечался Александр Авраамиевич Кузин. Оставалось, конечно, сдать экзамены, в том числе по специальности, и, чуть ли не самое главное, по истории КПСС. Однако звезды расположились самым счастливым образом, и в аспирантуру меня приняли, и тему утвердили.

Поскольку античность была уже достойно представлена в ИИЕТе, да и Плинием Старшим занимался Жора Литичевский, мне посоветовали переключиться на Средние века. Стараясь для начала держаться поближе во времени к тому, с чем я была больше знакома, я выбрала раннее средневековье, так называемое Каролингское возрождение. И надо сказать, это был замечательный совет. Даже когда я только начала вникать в тему и толком не знала, куда это приведет, было видно, какой там непочатый край работы. Огромное количество источников, неизданных и совсем неизвестных рукописей, собранных в мировых библиотеках, да и к тому же устойчивое представление даже среди историков, не говоря уж о просто читающей публике, о раннем средневековье как о «темных веках» вообще, а в науке в особенности (что, конечно же, требовало опровержения). Словом, было где развернуться и с документальной, и с методологической точки зрения, и вопросы, задаваемые тогда, меня продолжали занимать и позже, уже после аспирантуры и переезда в Америку.

Три года в ИИЕТе я вспоминаю с теплотой и благодарностью. Что-то там было особенное в воздухе, чувство открытого горизонта, восприимчивости к новым идеям, как отечественным, так и идущим из-за рубежа. Было также редкое по тем временам отсутствие зажатости и оглядки в разговорах и поведении. Тогда в институте собралось не просто много талантливых ученых, но и людей, чьи взгляды на окружающую действительность во многом совпадали и высказывались открыто в секторах и коридорах. Все это создавало совершенно особую атмосферу интеллектуальной свободы, в прочих известных мне гуманитарных академических институтах я такого не встречала. Такая свобода радовала и отчасти пугала, особенно потому, что все области знания, которыми занимался институт, да и выбранная мною тема диссертации, были для меня совершенно неизведанной территорией.

Мне надо было сильно пополнить недостаток знаний и по Средним векам, и по истории и философии науки. С историей средневековья было проще, основные методы тут в общем те же, что и при изучении античност-

ти. Но вот история и особенно философия науки – тут иная специфика, способ мышления, принципы исследования, язык. И методологический семинар Н.И. Кузнецовой открывал путь к этому новому для меня миру. Наташа уже к тому времени опубликовала книгу «Наука в ее истории» и ряд статей, посвященных методологическим проблемам истории науки, и эти работы помогали даже не специалисту понять процесс формирования и способ мышления этой сравнительно новой для тогдашней советской науки дисциплины.

В семинаре она собрала группу молодых, активных и талантливых людей с очень разными интересами, от истории физики в XX-м веке (Алексей Кожевников) до древней китайской математики (Алексей Волков), оба авторы многих оригинальных работ, и сейчас продолжают развивать каждый свое направление, обучают новое поколение историков науки в разных частях света. Таланты ИИЕТовской молодежи не ограничивались наукой. Уже упоминавшийся Георгий Литичевский, ныне в основном известный как оригинальный и независимый художник, тогда не только занимался Плинием, но и рисовал неподражаемые комиксы. Кипучую умственную энергию всей этой разнообразной публики умело направляла Наташа Кузнецова. Объединяющей идеей была методология в широком понимании, обсуждались идеи маститых ученых и доклады младшего поколения, разговоры продолжались за чаем. Для того времени необычно было видеть, что теории Куна, Лакатоса и других историков и философов науки не только были известны в институте, но и активно обсуждались, развивались и критиковались, причем не обязательно с марксистской точки зрения. Существовали и отечественные оригинальные концепции, такие как теория социальных эстафет М.А. Розова, чьи выступления в ИИЕТе и лекции в МГУ поражали виртуозным выстраиванием аргументов, эрудицией и остроумием.

Семинар был центром и средоточием моей жизни в ИИЕТе. Научные изыскания – дело одинокое, и, особенно когда только начинаешь, общение с коллегами и чувство принадлежности к научному сообществу очень поддерживает. Неформальные разговоры и особенно доклады на семинарах помогали организации мыслей и оттачивали умение рассказать о своей работе так, чтобы не только узкие специалисты поняли смысл и значение твоих штудий. На семинаре требовалось в первую очередь изложить главную идею сообщения, а уж потом рассказывать суть в деталях, причем для начала идея подвергалась подробному разбору, с критикой и вопросами, которые могли увести совершенно за пределы темы. Так же подробно обсуждалась основная часть, и поэтому полутора-двух часов одного семинара не хватало и продолжение переносилось на следующий раз. Помимо радости общения, это был бесценный профессиональный опыт: обмен мыслями с людьми знающими, заинтересованными, умеющими быстро реагировать и мгновенно формулировать только зарождающиеся идеи.

Кроме интеллектуальной поддержки, коллеги также помогали в практических вещах. Тогда как раз входили в обиход копировальные машины, и библиотеки принимали заказы на ксероксы, но за один раз можно было заказать только 20 страниц и заказов принималось очень ограниченное количество. А мне надо было хотя бы текст основного источника, не говоря уж о прочем. И вот, встав ни свет ни заря, Сережа Шапошник пришел со

мной в библиотеку, кажется, это была Историческая, и мы заказали 40 страниц. И так несколько дней подряд, пока библиотека ИИЕТ не пришла на помощь с копированием. Библиотека вообще была замечательная, там даже имелись заграничные журналы вроде «*Studi Medievali*», не всегда доступные даже в крупных московских библиотеках.

Опыт тех лет в ИИЕТе был для меня важен во многих отношениях. Надеюсь, что институт и сейчас полон энергии, его научное сообщество так же свободно развивается и так же поддерживает молодых сотрудников и аспирантов.

1986–1993 гг.

Институт истории
естествознания и техники

1986 год

СИРОТКИНА
Ирина Евгеньевна

Окончив факультет психологии Московского государственного университета, в 1986 г. я поступила по конкурсу в аспирантуру ИИЕТ. Моим руководителем стал доктор психологических наук Михаил Григорьевич Ярошевский (22.08.1915–21.03.2001). В то время сектор, который он возглавлял, назывался «Проблем научного творчества» (позднее сектор несколько раз переименовывался и назывался «Психологии научного творчества», «Социальной психологии науки», а после ухода М.Г. Ярошевского стал именоваться «Центром науковедения» и, наконец, «Центром истории организации науки и науковедения»).

Михаил Григорьевич был человеком старого, ныне ушедшего поколения – при всей своей трез-

ности и практичности, он всю жизнь оставался идеалистом в науке. О своих современниках он писал:

«Многим они казались мечтателями с притуплённым чувством реальности. В действительности они прозревали новую, пронизанную активностью человеческого духа, наукоёмкую реальность – движение к ноосфере. Их отличали универсализм (порой – космоизм), «планетарность» мышления, сопряженность «физического» (естественнонаучного) и «лирического» (поэтического), верность «хладным цифрам» и тревожному биению человеческих сердец. Сплав гуманизма с верой в мощь науки стал для них «магическим кристаллом», сквозь который виделось грядущее величие страны, призванной повести за собой человечество. Это были, говоря словами Блока, дети «страшных лет России», энергия которых сублимировалась в мощные взрывы научного творчества, в силу чего в 20-е гг. в русской науке занялась пора возрождения» (*Ярошевский М.Г.* Сталинизм и судьбы советской науки // *Репрессированная наука* / под ред. М.Г. Ярошевского. Л., 1991).

Этот идеализм сохранился в нем несмотря на катастрофы, которые затронули его лично. 9 февраля 1938 г. 23-летний аспирант Института психологии Михаил Ярошевский по доносу был арестован органами НКВД как, якобы, один из членов террористической организации. Оказавшись в тюрьме, он читал сокамерникам лекции по философии и психологии, рассказывал, в том числе, о Сократе. (Когда я гораздо позднее разговаривала с Михаилом Григорьевичем, создавалось впечатление, что он лично был знаком не только со знаменитым психологом Л.С. Выготским, о котором много писал, но и с самим Сократом). Через долгие 15 месяцев М.Г. Ярошевского освободили, не выдав никаких документов о причинах заключения, и лишь в 1991 году он был реабилитирован органами прокуратуры СССР. По не совсем случайному совпадению, в том же 1991 г. под редакцией М.Г. Ярошевского в Ленинградском отделении издательства «Наука» вышел сборник научных трудов «Репрессированная наука», из которого и взята эта цитата.

В ИИЕТ Михаил Григорьевич пришел во время Оттепели, в 1965 г., когда в институте было принято решение, кроме истории науки, развивать новую дисциплину – *науковедение*. Сам термин «науковедение» появился в 1920-х годах, когда встал вопрос о государственном планировании в области науки. Науковедение изучает науку как социальный институт, с точки зрения ее организации и управления. В узко-практическом смысле науковедение выясняет условия продуктивной работы ученых, в широком смысле – это попытка глубже понять феномен науки путем привлечения к ее исследованию разнообразных социальных дисциплин. В своем развитии эта дисциплина испытала несколько подъемов: первый – в конце 1920-х – начале 1930-х годов – был инициирован Н.И. Бухариным, создававшим образ новой социалистической науки, которую он понимал как ресурс, подобный природным ресурсам. В эти годы сотрудники Академии наук подготовили ряд статистических и организационных обзоров научного персонала и институтов СССР, замечательных по своей детальности и глубине анализа. В 1960-х годах в ИИЕТ была предпринята серьезная попытка возродить науковедение, и возглавляемый М.Г. Ярошевским сектор стал в этом деле опорным, наряду с сектором социологии науки.

В условиях радикальных социально-экономических преобразований 1990-х гг. интерес к науковедению вновь оживился. После ухода М.Г. Ярошевского сектор возглавил д.психол.н. А.В. Юревич, он же позднее инициировал создание в 2001 году Центра науковедения. Затем Центром науковедения руководили Н.Н. Семенова, И.Е. Сироткина и А.Г. Аллахвердян. Главными темами стали постсоветская трансформация отечественной науки, негативные последствия системного кризиса для науки, динамика кадров, проблема «утечки умов», а также позитивные аспекты грантового финансирования, международного сотрудничества и электронных телекоммуникаций. В конце 1990-х – 2000-х годах в Центре науковедения работали также Н.С. Агамова, Н.Л. Гиндилис, Г.Г. Дюментон, И.В. Шульгина, Е.А. Володарская и другие.

Кроме науковедения, направлениями работы сектора на рубеже веков были история и теория психологии, психология научного творчества и социальная история науки. С началом Перестройки М.Г. Ярошевский отредактировал и, впервые после долгого перерыва, издал работы Зигмунда Фрейда (1986), которые до этого можно было читать только в спецхране Ленинской библиотеки. Тогда же, в 1980-е годы, он способствовал изданию работ Л.С. Выготского и вернул из забвения многие другие имена репрессированных советских ученых. Михаил Григорьевич не мыслил свою жизнь без российской науки и когда, не по своей воле, покинул страну, прожил совсем мало. В одном из последних писем на родину, уже тяжело больным, он призывал не слишком обольщаться произошедшей тогда сменой власти. Не ожидая ничего хорошего ни от какой из властей, он, подобно вольтеровскому Кандиду, призывал при любых обстоятельствах возделывать свой сад. Помню, как в 1993 году, когда вокруг российской демократии собрались тучи, Михаил Григорьевич говорил, что главное – это заниматься своей наукой, идеями: тучи пройдут, а идеи останутся. Одна из коллективных монографий, которую он издал, называлась «Человек науки». М.Г. Ярошевский тоже был им – Человеком науки.

Что касается социальной истории науки, то пионерами этого подхода признаны отечественные историки, и прежде всего физик, философ и историк науки Б.М. Гессен (1889–1936). Его доклад «Социально-экономические корни механики Ньютона» на II Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 году послужил важным стимулом в развитии экстерналистского подхода к написанию истории науки. Однако в результате репрессий против историков, социальная история науки в нашей стране долгое время оставалась белым пятном (за некоторыми счастливыми исключениями: работы Ю.Х. Копелевич о создании Петербургской Академии наук, Н.И. Невской о школах в астрономии и др.). После перестройки, когда стали доступными многие архивные материалы, появилась возможность рассказать о трагических страницах истории советской науки. В 1987–1988 годах журнал «Вопросы истории естествознания и техники» организовал ряд дискуссий «за круглым столом» с целью воссоздать достоверную картину тех событий прошлого, которая прежде замалчивалась. За этим последовала лавина публикаций о репрессиях в биологии, кибернетике, физике, психологии и других науках. К началу 1990-х годов историки науки призвали от изображения событий советского прошлого в черно-белых тонах и деления ученых на «героев» и «злоде-

ев» перейти к анализу причин случившегося. За отдельными статьями последовали сборники – уже упомянутая «Репрессированная наука» (второй том, также под ред. М.Г. Ярошевского, вышел в 1994 г.), выпуски «Философских исследований» на тему «Наука и власть» (1993), «Наука и кризисы» (2003), в которых большое участие приняли сотрудники ИИЕТ, и многие другие публикации.

С этого времени социальная история науки заняла прочное место рядом с классическим для истории науки направлением – историей идей. С самого начала моя собственная научная работа связана с этим подходом: первая моя статья, опубликованная в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» в 1991 году, посвящена истории Центрального института труда (ЦИТ, 1921–1940) как социальной утопии. И тридцать лет спустя я работаю над направлением, название которому дал директор ЦИТа, поэт, революционер и культуртрегер Алексей Капитонович Гастев, придумавший термин «двигательная культура». По моему мнению, «двигательная культура» имеет все шансы стать и новой категорией, и новым объектом науки. Наука изучала движения давно: математика и механика формулировали законы динамики, анатомия и физиология анализировали двигательный аппарат человека и животных. Но на рубеже XIX и XX веков появились новые методы фиксации и анализа движений, включая фото- и киносъемку, сложились новые дисциплины на стыке физических и биологических наук – такие, как биомеханика, физиология труда и физиология движений, кинезиология. Каждая со своей стороны, они исследовали движение как физический процесс: биомеханика – строение и функционирование двигательного аппарата, физиология труда – мышечное утомление, физиология движений – координацию и регуляцию движений со стороны нервной системы, кинезиология – применение законов движения в терапии и реабилитации. Весь этот набор знаний и технологий и призвана изучать история двигательной культуры – дисциплина на стыке антропологии с историей науки и техники.

1983 год

РОССИЯНОВ
Кирилл Олегович

Мое знакомство с ИИЕТ состоялось в конце 1970-х годов, за несколько лет до поступления в аспирантуру. Знакомство началось со здания в Старопанском переулке, на втором этаже которого располагался институт: помню длинный, изгибающийся под прямым углом коридор, заполненный в присутственные дни сотрудниками, общающимися друг с другом, перемещающимися из одного сектора в другой, из сектора в дирекцию, из дирекции в машбюро, — неостановимое, но, увы, не вечное движение. При входе в коридор взгляд упирался в размещенный в его изгибе лозунг — мысленно приблизившись, понимаю, что лозунг читаем, но по давности прошедших лет не могу этого сделать. Что-то из «классиков марксизма-ленинизма» — о важном значении истории науки.

Впрочем, от других гуманитарных наук историю естествознания отличала в СССР высокая степень идеологической нейтральности. Помню, как удивлена была моя знакомая, работавшая в академическом Институте философии, узнав, что в диссертациях у нас можно не цитировать ни К. Маркса, ни Ф. Энгельса, ни В.И. Ленина. Догадываюсь, что для многих сотрудников институт был своеобразным «убежищем», позволявшим чувствовать себя непричастным к опостылевшим, скомпрометировавшим себя догмам. Своего рода символом отдаления от официальной идеологии мне тогда представлялось присутствие в институте историка математики Адольфа Павловича Юшкевича, а также генетика, теоретика биологии Александра Александровича Малиновского – сыновей П.С. Юшкевича и А.А. Богданова, ожесточенно в свое время критиковавшихся Лениным за философские взгляды.

По левую сторону коридора, его не доходившего до изгиба «колена», располагался Сектор истории биологии. Вошедший оказывался перед сидевшим за письменным столом в неизменно строгом темном костюме заведующим Эдуардом Николаевичем Мирзояном – историком биологии и эволюционистом, под руководством которого я работал в 1983–1987 гг. над кандидатской диссертацией, пользуясь советами и неизменной поддержкой Эдуарда Николаевича. Тема диссертации – «Формирование вирусологии как науки» – укладывалась в общий паттерн дисциплинарной истории науки, характерный в то время не только для сектора, но и, пожалуй, всего Отдела истории естествознания. Сотрудницы и сотрудники сектора – Лариса Васильевна Чеснова, Нора Андреевна Григорьян, Вадим Иванович Назаров, Вера Николаевна Гутина, Елена Борисовна Музрукова, Василий Васильевич Бабков, Ксения Борисовна Соколова, Евгения Михайловна Сенченкова, Татьяна Андреевна Курсанова – все они не только прекрасно знали свою отрасль биологического знания, но и внутренне, как мне казалось, с ней сроднились.

В секторе также продолжал в начале 1980-х годов работать учитель старшего поколения сотрудников Леонид Яковлевич Бляхер – автор фундаментальных трудов, насильственно «вытесненный» из науки в историю науки событиями 1948 года. Его краткие замечания по поводу тех или иных обсуждавшихся в секторе проблем отличались меткостью, впервые заставив меня задуматься над сложностями, которые неминуемо возникали перед тем, кто стремился к интеграции истории отдельных дисциплин – сложении их в единую картину развивающегося научного знания. На роль подобного интегрирующего начала претендовала философия, она же – методология научного знания, представленная в нашем институте сотрудниками Отдела науковедения, большое влияние на которых оказало постпозитивистское понимание науки, сложившееся на Западе благодаря работам Р. Поппера и его последователей, в частности, И. Лакатоса и Т. Куна. Помню чрезвычайно скептическое отношение Л.Я. Бляхера к Куну, его незадолго до этого появившейся на русском языке книге «Структура научных революций». Термину «нормальная наука», используемому Куном для характеристики науки в «межреволюционный» период, Бляхер адресовал презрительное замечание: «А что, бывает наука – ненормальная?» За этой кажущейся мелкой, словесной придиришкой скрывалась на самом деле серьезная проблема: описание науки в терминах «па-

радиgm», «фальсифицируемости», «исследовательских программ» упустило нечто важное в развитии тех дисциплин, для которых появление новых фактов, экспериментальных методов, форм организации исследований значило не меньше, если не больше, чем эволюция собственно теоретического знания.

Подобным разочарованием во многом объяснялся успех т.н. «социального конструктивизма» у историков науки в англо-американских странах в начале 1980-х годов. У нас в стране толчок развитию социальной истории науки дала почти десятилетием позднее перестройка, открывшая возможность писать об испытаниях, идеологических гонениях и репрессиях, через которые прошла отечественная наука. Мои собственные работы в этой области начались с публикации новых, недоступных ранее документов, связанных с развитием отечественной биологии, затем – продолжились исследованием феномена т.н. «мичуринской биологии», позволяющего лучше понять важные особенности «большой науки» XX века. Интерес к истории генетики зародился благодаря сотрудничеству в конце 1980-х годов с Абой Евсеевичем Гайсиновичем, чьи труды относятся к числу наиболее, на мой взгляд, значительных работ в области истории науки; к сожалению, после увольнения из нашего института в 1948 году А.Е. Гайсинович так никогда не смог в него вернуться. В дальнейшем мое внимание неизменно привлекала тесная связь «внешних», социальных обстоятельств развития науки и ее содержания, проявившаяся, в частности, в истории неожиданных, этически спорных экспериментов, которые проводились в отечественной биологической науке в 1920-е годы. Подобную связь мне удалось проследить и в исследовании, посвященном биологии XIX века – открытию И.И. Мечниковым клеток-фагоцитов и иммунной системы.

С течением времени мои интересы все больше и больше смещались в сторону истории научных идей, в развитии которых, в особенности, если речь идет о науках о жизни, своеобразно преломляются социальные, политические, культурные противоречия и конфликты. Социальный же конструктивизм и антропология науки представляются мне теперь излишне сосредоточенными на социальном, если угодно, успехе – анализе достижений и научных дискуссий, оставшихся в коллективной памяти ученых и историков науки, – в ущерб забытым, многое обещавшим и захватывающе интересным начинаниям, не получившим развития в силу абсолютно не зависевших от ученых обстоятельств.

Оглядываясь назад, после теперь уже многих лет работы в институте, хочу сказать о глубокой благодарности моим учителям – Эдуарду Николаевичу Мирзояну и Абе Евсеевичу Гайсиновичу, старшим коллегам – в особенности, Ларисе Васильевне Чесновой, умевшей самые сложные ситуации увидеть в неожиданном, примирявшем с ними свете, всем тем, с кем приходилось работать, обсуждать проблемы профессии, да и просто «научного быта», непостижимо менявшейся жизни.

1987 год

СМАГИНА
Галина Ивановна

После окончания в 1978 году исторического факультета Ленинградского государственного университета, где под руководством профессора, виднейшего специалиста по истории древнерусской государственности Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987) сформировался мой интерес к отечественной истории образования и культуре XVIII века, я стала соискателем кафедры истории СССР и начала усиленно заниматься историей школьной реформы Екатерины II. В это время я начала посещать Семинар по истории науки и культуры XVIII века при Музее М.В. Ломоносова, который входил в состав Ленинградского отделения (с 1991 г. – Санкт-Петербургского филиала) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова АН СССР (РАН). Заведующим ЛО ИИЕТ и

Музеем М.В. Ломоносова был кандидат технических наук и специалист в области истории русской культуры и ломоносоведения Энгель Петрович Карпеев (1925–2016). Именно на заседании Семинара я была представлена доктору исторических наук, историку науки и техники, автору бесценной до сих пор монографии «Химическая лаборатория М.В. Ломоносова» (Л., 1962) и научных биографий всех крупнейших химиков и минералогов XVIII века Науму Михайловичу Раскину (1906–1986). Н.М. Раскин оказал громадное влияние на формирование моего интереса к истории науки и истории Петербургской Академии наук.

В мае 1987 года по рекомендации Н.М. Раскина и после нескольких докладов на Семинаре Э.П. Карпеев принял меня в качестве лаборанта в ЛО ИИЕТ. Мне очень повезло, меня определили в сектор Истории Академии наук и научных учреждений и я начала работать с крупнейшими и ведущими историками Петербургской Академии наук и историками отечественной науки и техники: с доктором исторических наук Анатолием Васильевичем Кольцовым (1927–2000), который 35 лет возглавлял сектор Истории Академии наук, кандидатом филологических наук Юдифь Хаимовной Копелевич (1921–2009), доктором философских наук Ниной Ивановной Невской (1931–2006) и другими сотрудниками сектора и известнейшими и признанными историками науки.

Так начался мой почти 35-летний срок службы в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

1987 год

СТЕПИН
Вячеслав Семенович

В 1970-е гг. сложилось довольно многочисленное сообщество философов и методологов науки. Мы читали работы друг друга, обсуждали доклады, дискутировали, обменивались книгами, статьями и даже рукописями. Были коммуникации, было настоящее сообщество. И туда входили разные люди: логики, методологи, историки науки. Наиболее известные из них приглашались на семинары Института философии АН СССР и звенигородские симпозиумы, которые проводил Институт истории естествознания и техники АН СССР. Выступать с докладами на этих семинарах было честью. Туда не всех допускали. Я гордился тем, что меня приглашали в качестве докладчика. Дискуссии были весьма жесткими. Помню, на семинаре в Институте философии АН СССР я выступил

с докладом об операциях построения теоретических моделей. Рассуждения я сопровождал диаграммами, на которых показывал, как осуществляется «челночное движение» от теории к эмпирии в процессе конструктивного обоснования моделей. С критическими замечаниями выступил Э.М. Чудинов, тогда уже доктор наук, заведующий кафедрой философии знаменитого Физтеха. Его замечания сводились примерно к следующему. В философии науки мы привыкли использовать язык математической логики. Как этот язык применить к Вашим картинкам и как применить логический аппарат к Вашим рассуждениям – неясно. На мою защиту встал В.А. Смирнов, уже тогда, пожалуй, самый авторитетный из наших логиков. Он высказался довольно резко: за картинками, которыми Степин иллюстрировал процессы конструирования абстрактных теоретических объектов, скрыта особая логика, которая для формального выражения требует разработки новых средств. Здесь доминирует не гипотетико-дедуктивный подход, основанный на оперировании высказываниями, а генетически-конструктивный, основанный на мысленных экспериментах с абстрактными объектами «как конкретно-наличными».

После окончания семинара мы втроем еще долго беседовали на все эти темы. Надо отдать должное Э. Чудинову: он не только довольно быстро разобрался в сути предлагаемой мною концепции, но и тут же посоветовал соотнести ее с недавно вышедшими работами Штегмюллера. В дальнейшем мы не раз встречались с ним в неформальной обстановке, обсуждали излюбленную Чудиновым тему эквивалентных описаний. Он был потом оппонентом моей докторской и дал ей весьма лестную оценку.

Особо хочу отметить знаменитые «звенигородские вербалки» – семинары по методологии и истории науки. Их организатором и мотором был Борис Семёнович Грязнов. Мои доклады на этих семинарах активно обсуждались, и эти обсуждения часто стимулировали новую постановку задач. Но не менее впечатляющими были заключительные вечера после окончания семинаров, с ночными бдениями, шутками, с поэтическими комментариями Вадима Рабиновича, известного своими работами по истории алхимии, обладавшего немалым поэтическим даром (он сейчас не только известный философ и историк науки, но и не менее известный поэт). Сочиненные им шутливые поэмы на тему «звенигородских вербалок» и стенгазета с иллюстрирующими его стихи карикатурами были своеобразной изюминкой звенигородских вечеров. Кончалось всё чтением стихов Пастернака, Цветаевой, Бродского, песнями под гитару. Хорошие были времена!

А дискуссии мы вели, как сейчас сказали бы, почти в режиме «нон-стоп». Помню, как после одного из семинаров в Ленинграде я летел в Минск, а Михаил Александрович Розов – в Новосибирск. В аэропорту мы затеяли дискуссию по проблеме механизмов трансляции абстрактных объектов из одной области знания в другую. Мы так увлеклись, что я забыл о предстоящей «трансляции» меня в Минск и чуть не опоздал на самолет.

В Новосибирске была интересная школа методологов – М.А. Розов и И.С. Алексеев были ее лидерами. Игорь Алексеев переехал потом в Москву. Он рано ушел из жизни, а сделал много, развивая деятельностную парадигму.

Хотел бы специально отметить, что в рамках сообщества философов науки 1970–1980-х гг. функционировало несколько оригинальных школ и

сообществ, которые тесно взаимодействовали. Была школа Ленинградских (Санкт-Петербургских) философов (В.П. Бранский, А.С. Кармин, М.С. Козлова), сообщество киевских философов (М.В. Попович, С.Б. Крымский, П.С. Дышлевский и др.), несколько московских школ (философы и логики Института философии; философы и историки науки Института истории естествознания и техники АН СССР, школа Г.П. Щедровицкого). Была и минская методологическая школа.

(...) Для меня стал переломным 1987 г. В это время тяжело заболела моя мама, у нее был рак, и она от этого заболевания умерла в том же году. В это же время мне стали предлагать переехать в Москву. Звонил И.Т. Фролов, тогда он был редактором журнала «Коммунист», а затем стал помощником генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. С Иваном Тимофеевичем Фроловым я познакомился еще в начале 80-х. Он был тогда в относительной опале, ушел с поста заместителя директора Института системных исследований АН СССР и возглавлял Совет по философским и социальным проблемам науки и техники при Президиуме Академии. Судя по всему, он с одобрением относился к моим работам, хотя я в основном опирался на материалы истории и философии физики, а он был известным специалистом по философии биологии и глобальным проблемам (о которых он первым из наших философов стал серьезно писать). Перестройка изменила его статус, как, впрочем, впоследствии и мой. И.Т. Фролов, а затем и вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев, предложили перейти на работу в Академию наук директором института – Институту истории естествознания и техники нужен был директор.

С.Р. Микулинский уже работал в то время в Архиве истории, науки и ушел из института. Там была довольно напряженная атмосфера, Бауманский райком сильно вмешивался в их деятельность. В это время, в 1987 г., в Москве начался процесс демократизации, который всколыхнул многие оппозиционные слои и, естественно, проник и в академические институты. На должность директора ИИЕТА решили пригласить меня. Я долго отказывался, прежде всего по той причине, что умирала мама, и я не хотел уезжать; кроме того, я просто не хотел покидать Минск, оставлять работу на кафедре в Университете. В 1986 г. я баллотировался второй раз в члены-корреспонденты Белорусской академии наук. В первый раз, в 1980 г., хотя моя кандидатура была одобрена в ЦК, вытащили мою историю с диссидентством, заявили, что меня нельзя выбирать, и я не добрал один голос. Во второй раз у меня уже был орден, и в два раза больше работ – шесть монографий в том числе. И я не добрал уже шесть голосов. Помню последний разговор с мамой, когда она еще могла сидеть; мы вышли в коридор больницы, сели и долго говорили о жизни, и она мне сказала: «Езжай-ка ты в Москву, они тебе все равно здесь ходу не дадут и в члены-корреспонденты не выберут». А я ей говорю: «Ну и ладно, мам, я профессор». Она возразила: «Дело не в том, я же тебя знаю, ты же эти булабочные уколы переживать будешь, а они здесь не кончатся». На мои слова, что в Москве будут свои проблемы, она мне ответила: «Не скажи, в Москве таких мелких уколов будет намного меньше, там ты не будешь белой вороной, там у тебя есть и друзья, и коллеги – известные ученые». После ее смерти мне снова позвонили И.Т. Фролов и П.Н. Федосеев и сказали, что коль скоро несчастье произошло, то меня ничего не должно удерживать от приезда в Москву. Я приехал 15 апреля сюда на переговоры, и вдруг не-

ожиданно П.Н. Федосеев отвел меня к А.Г. Егорову, который тогда руководил Отделением философии и права, а Егоров отвел меня сразу в ИИЕТ. Оказалось, что они уже провели общее собрание и избрали меня директором заочно. Когда я вошел в зал Ученого совета, меня встретили аплодисментами. Я там тоже очень многих знал: я же участвовал в Звенигородских семинарах и во многих их конференциях. Оказалось, что ко времени моего приезда уже состоялось решение Президиума о том, чтобы удовлетворить просьбу, идущую снизу, и меня рекомендовать директором. Мне дали два дня на поездку в Минск, чтобы я сдал кафедральные дела. Сказали, что сначала я поживу в гостинице, а потом будет решаться вопрос о служебной квартире. Вот таким образом я попал в ИИЕТ и стал директором. С этого момента и начинается моя московская жизнь. Я еще продолжал свою работу по философии науки, но меня уже больше тянуло к анализу культуры, к социальной философии.

В 1988 г. состоялось решение о переводе меня в Институт философии, которое было принято, как мы понимаем, не только Президиумом Академии, но и секретариатом ЦК. Два или три месяца я был директором двух институтов. Мне говорили, что я пошел по стопам Б.М. Кедрова, который в свое время тоже был директором двух институтов. Потом я беседовал в секретариате ЦК с Александром Николаевичем Яковлевым и попросил, чтобы мне разрешили перейти не только самому, а вместе с группой сотрудников, выходцев из Института философии. Это были П.П. Гайденко, А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин и другие. А.Н. Яковлев спросил у меня, сколько всего таких людей будет. Я ответил, что человек двенадцать. И он мне сказал: «Ну, тогда и берите их в Институт философии, ему это совсем не помешает». Вот так и осуществился этот переход. Со мной перешел сектор П.П. Гайденко. Потом в Институте философии был организован центр наук о человеке, который со временем превратился в Институт человека. Вот так началась моя институтская жизнь. Прошло уже пятнадцать лет, а прошли они так быстро, что я их даже не заметил. Здесь очень интересная работа, хороший коллектив. Хотя я тоже долго не хотел переходить из ИИЕТа в ИФАН. Я только наладил дела в ИИЕТе, вдобавок была и такая установка, что Институт философии все-таки идеологический, он будет вечно под контролем ЦК, а история естествознания и техники – это специальность на все времена. Так зачем мне менять хорошее на непонятное? Но в Президиуме Академии мне напрямую сказали, что вопрос решен и тут даже разговаривать не о чем – переводим Вас на новую работу. Я потом подумал, чего я упираюсь? Я же работал с этим институтом, у меня здесь восемнадцать статей в коллективных сборниках вышло. Я подготовил здесь докторскую. У меня были дружеские отношения с очень многими сотрудниками. Когда в 1984 г. отмечали мой юбилей по случаю пятидесятилетия, то приехали из Института философии В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Р.С. Карпинская. Они привезли поздравления, грамоты, участвовали в банкете, веселый банкет был. И я подумал: зачем мне сопротивляться переходу, там же почти все свои. Я перешел в Институт философии и, конечно же, не жалею, работа здесь интересная.

Публикуется по: Как это было: воспоминания и размышления. М., 2010. С. 45–46, 97–99.

1988 год

БАЮК
Дмитрий
Александрович

Я пришел в ИИЕТ в качестве аспиранта 1 декабря 1988 г., а покинул его 1 ноября 2019 г. Прошло более 30 лет. Это было счастливое время для меня. В том, что все так сложилось, большая заслуга знаменитого механика, профессора МГУ, Григория Исааковича Баренблатта.

История такова. Окончив кафедру физики высоких энергий физического факультета МГУ в 1983 г., я вдруг ясно осознал, что заниматься физикой я больше не хочу совсем. По распределению я пошел работать в Институт прикладной математики, где мне надо было рассчитывать защиту атомных реакторов на машинах БЭСМ-6, но эта задача интересовала меня так же мало, как и задачи квантовой хромодинамики, которым я посвятил два последних

курса физфака. Что делать, было непонятно. Пять лет прошли в сомнениях и колебаниях. Я занимался музыкой, подумывал о профессиональной карьере музыканта. А потом стал увлекаться журналистикой, и этот путь показался мне более перспективным...

С Григорием Исааковичем мы познакомились благодаря его дочери, моему близкому другу, Вере Григорьевне Кочиной. Сейчас нашей дружбе уже несколько десятилетий, а тогда она только-только начиналась. Как ни странно, непосредственным поводом для нашего знакомства с папой Веры стал дедушка моей будущей жены – Иван Павлович Бардин. Он умер незадолго до рождения внучки и в воспоминаниях родственников, за исключением разве что бабушки – его вдовы Лидии Валентиновны, рисовался как человек, мягко говоря, скверный. Григорий Исаакович был знаком с ним лично и очень хотел сделать портрет покойного академика немного более для нас привлекательным. Так что наши долгие беседы начинались именно с обсуждений личных качеств академика Бардина, академического мира вообще, семьи и окружения самого Григория Исааковича. Свое детство он провел у дедушки, Вениамина Федоровича Кагана, знаменитого математика и создателя кафедры дифференциальной геометрии на мехмате, поскольку папа Григория Исааковича Исаак Григорьевич Баренблатт работал в Лечсанупре Кремля и в любой момент мог быть арестован. Потом тематика наших бесед стала расширяться. Узнав о моем увлечении журналистикой, Григорий Исаакович познакомил меня со своей родственницей Розой, работавшей в «Пионерской правде». Ее ожидало повышение, и ей требовались новые сотрудники. Я некоторое время писал туда небольшие заметки и вел рубрику «Турнир смекалистых». А потом, узнав, что я также увлекся историей физики, Григорий Исаакович предложил мне подумать об аспирантуре ИИЕТ.

Какие-то варианты карьеры, связанной с профессиональными занятиями историей физики, к этому времени уже приходили мне в голову. И я даже ходил разговаривать с Борисом Ивановичем Спасским, возглавлявшим в 1970–80-е годы кабинет истории физики на физфаке. Борис Иванович тогда мне прямо сказал, что в аспиранты меня не возьмет по двум причинам. Во-первых, потому что не доживет до моей защиты, и эти слова оказались в каком-то смысле пророческими: он умер в 1990-м, а я защитился только в 1992-м. Во-вторых, тема, с которой я к нему пришел, ему очень мало знакома, а разобраться в ней достаточным для научного руководства образом ему уже не удастся в силу возраста и в силу причины, которую он только что упомянул. Но тем не менее он посоветовал мне поговорить с Александром Викторовичем Московским, человеком до того мне не знакомым, и я должен признать, что тот наш разговор сильно на меня повлиял.

Первое, что мне сказал Московский, это – «хлеб историка науки очень черствый, к этому надо быть готовым». Второе – «проблема кабинета истории физики на физфаке в том, что за все время истории его существования тут не было ни одной защиты». Тогда в нашем разговоре впервые прозвучало слово «ИИЕТ», и поэтому, когда тема всплыла в разговоре с Григорием Исааковичем, я был к такому разговору уже отчасти подготовлен.

Но у меня был также и другой источник информации. В ИПМ со мной работала девушка примерно моего возраста по имени Аня Сокольская. Она славилась скверным характером и отвратительными выходками.

Утомленное тем и другим руководство института искало повод от нее отделаться, но к проблеме подходило ответственно, чтобы выведение Ани за штат не вызвало нового потока анонимок и жалоб (главным образом, именно Анина любовь писать жалобы в высшие инстанции послужила причиной разногласий) и судебных исков. В некий момент возникла мысль заманить ее идеей истории вычислительной физики, и будущий директор ИПМ (с 2009 по 2015 годы) Борис Николаевич Четверушкин предложил совместное руководство ее будущей диссертацией по этой теме, если только эта диссертация будет писаться где-то в другом месте. В конце концов, Аня поступила в аспирантуру к Владимиру Павловичу Визгину в ИИЕТ, а Четверушкин, довольно потирая руки, тему совместного научно-го руководства потихоньку придал забвению.

Наши отношения с Аней в то время были еще вполне приличными и даже могли бы показаться дружескими (со временем они сильно испортились, а потом и вовсе прекратились), и благодаря этому атмосфера в ИИЕТ и тонкости поступления туда в аспирантуру мне были неплохо знакомы.

Так что идея моего поступления в аспирантуру ИИЕТ оказалась довольно хорошо подготовленной (правда, некоторые мои друзья в ИПМ всячески меня отговаривали на том основании, что здравомыслящий человек не может по своей воле отправляться туда, где ему грозит встреча с Аней Сокольской), и Григорий Исаакович предложил мне подумать о возможном будущем научном руководителе. Собственно, предложение это больше напоминало директиву, поскольку на выбор мне предлагалось всего две кандидатуры: Ашот Тигранович Григорьян и Владимир Семенович Кирсанов. Очень быстро выяснилось, что эти две кандидатуры в действительности никакого выбора не подразумевают: моим официальным научным руководителем (макрошефом) в итоге стал Ашот Тигранович, а научным консультантом (микрошефом) – Владимир Семенович.

Вскоре предоставился удобный повод для нашего личного знакомства с Владимиром Семеновичем – 300-летие ньютоновских «Начал», с большим размахом отмечавшееся в 1987 году в Институте проблем механики. Состав выступающих там был по-настоящему звездным: в частности, очень ярко выступили К.А. Трусделл и В.И. Арнольд. Владимир Семенович рассказывал об одной из главных своих исследовательских удач: о находке неизвестного аннотированного экземпляра «Начал» в России. Как я потом узнал, об этой находке Владимир Семенович уже сообщал ранее в своих публикациях, но тут был дополнительный повод ее обсудить и выслушать комплименты корифеев.

На этой конференции я был в компании Григория Исааковича и некоторых его коллег и родственников, в частности Розы из «Пионерской правды». К этому времени уже стало известно, что планировавшегося повышения у нее не состоялось, и новое место в редакции, на которое я рассчитывал, не образовалось. Так что мое намерение идти по академическому пути никого не задевало, и я никого не подводил.

Владимир Семенович пригласил меня к себе домой, где и состоялась наша первая содержательная беседа. Он мне прямо сказал, что если бы не Григорий Исаакович, брать себе нового аспиранта он бы не стал, но раз уж так дело повернулось, то, мол, давайте обсуждать тему будущей диссертации.

Я развернул ту же самую перспективу, о которой говорил до того Спасскому. Меня тогда очень интересовала эпоха романтизма в музыке и литературе середины XIX века. Я был уверен, что этот важный поворот в эстетике должен был найти какое-то отражение и в науке, хотя в тот момент мне еще было не вполне понятно, какой именно. Но я предполагал, что начать поиск следовало с неустойчивостей и импровизаций: как в романтической музыке, так и в литературе того периода мы находим отклонение от классических канонов, предписывавших довольно строгое развитие темы. Романтизм позволяет довольно свободное тематическое развитие, когда следующий шаг не предсказуем и часто кажется не логичным. Я думал, что мы сможем найти некоторые параллели в выборе объекта научного исследования в творчестве ученых того времени и до некоторой степени был в этом поддержан.

Владимир Семенович дал мне сборник материалов конференции «Наука и искусство: общие знаменатели», в которой меня больше всего заинтересовала статья Рома Харрэ (совсем недавно, уже перед самой его смертью, мне случилось увидеть его воочию и даже поговорить с ним во время его последнего посещения Москвы в 2017 году) о культурных инвариантах, подразумеваемых понятием «дух времени», и исторических явлениях, в которых эти инварианты могут проявляться.

Однако уже во время нашей следующей встречи Владимир Семенович мне сказал, что, поразмыслив, пришел к выводу: XIX веком мы заниматься не будем. Он мне рассказал о работах Иоганна Кеплера (к своему стыду, я тогда совсем ничего о них не знал) и о роли музыкальных пропорций в его космологии. Тема меня захватила, я стал учить немецкий и латынь, читать немногочисленные доступные русские переводы его работ. Шел уже 1988 год, приближались экзамены в аспирантуру, но тема будущего реферата не вырисовывалась.

Нужная идея возникла у Владимира Семеновича. Как-то вечером он мне неожиданно позвонил и сказал, что Кеплера надо на время отложить – у него есть более плодотворная идея, которая быстрее приведет меня к нужной цели и содержательному тексту. Новый план строился вокруг фигуры Галилео Галилея и включал в себя три ступени. Во-первых, академическая карьера Галилея началась с его выступления во Флорентийской академии с двумя лекциями о топо-хронографии дантеского путешествия по загробному миру. Эти лекции были прочитаны в 1588–1589 годах, то есть мое поступление в аспирантуру приходилось аккурат на их 400-летие. Как вскоре выяснилось, в то же самое время бывший одноклассник Владимира Семеновича, довольно известный полимат и блестящий переводчик Юлий Александрович Данилов, как раз переводил эти лекции на русский язык. Немного позже они уже были даже включены в планы издательства «Наука» на 1990 год, и мы с Юлием Александровичем переговаривались о совместном написании предисловия и комментариев, но финансовые катаклизмы того времени отменили издательству «Наука» большую часть планов. Русский перевод двух лекций так и остался не изданным, а после смерти Данилова в 2003 году пропала и их рукопись.

Вторая ступень касалась связи научных исследований Галилео Галилея по математике и механике с исследованиями в области музыкальной теории его отца, Винченцо Галилея. О большом значении музыкальной те-

ории и экспериментальной проверке музыковедческих выводов в практике Винченцо Галилея для развития научных методов Галилео писал Стиллман Дрейк, на работы которого я опирался при написании диссертации.

Наконец, третья ступень включала в себя построения Галилеем новой науки о движении в реконструкции аспирантки Трусделла Винифред Уайзен. Начинать мне следовало, естественно, с конца, и темой моего реферата стал разбор реконструкции Уайзен. Работа оказалась сложной, шла тяжело и медленно, но к сроку я успел. Мне также предстояло сдать вступительные экзамены – специальность, английский и основы марксизма-ленинизма (ОМЛ). Я совсем не помню, как проходила подготовка к ОМЛ и как строился экзамен. Вместо вступительного экзамена по английскому я решил сдать сразу кандидатский минимум, что основательно развязало мне руки, и уже будучи аспирантом, я мог посещать занятия в группе немецкого языка; это потом мне сильно помогло во время работы в Германии. А экзамен по специальности у нас проходил в доброжелательной и даже семейной обстановке в кабинете Ашота Тиграновича. Экзамен принимали Александр Ааронович Гурштейн и Владимир Семенович Кирсанов. Претендентов было трое: Инта Радецкая, Константин Томилин и я. Александр Аронович, сославшись на безграничность истории науки, предложил каждому из нас самостоятельно выбрать сюжет, который был бы нам достаточно хорошо знаком, чтобы его можно было обсудить с экзаменатором. У нас с Костей сюжеты были наготове, а у Инты такой поворот вызвал крайнее замешательство, всем стало ясно, что какого-то своего поля исследования у нее пока нет. Но в итоге все закончилось хорошо, и мы все трое стали аспирантами сектора истории физики, механики и астрономии ИИЕТ.

За то время, что прошло между подачей моих документов и зачислением меня в аспирантуру, в жизни ИИЕТ произошло много перемен. В.В. Степин, который был директором института в момент подачи заявления, ушел в Институт философии, а с ним ушла и заметная часть сотрудников ИИЕТ. Новым директором стал Н.Д. Устинов, известный в определенных кругах как «Никодим» (сокращение имени и отчества – Николай Дмитриевич). Никодим был сыном некогда всесильного министра обороны и директором сверхсекретного КБ по созданию лазерного оружия. После смерти всесильного маршала и начала Перестройки, невежество Никодима в том, что касается лазеров, стало объектом многочисленных насмешек, и ему постарались подыскать такое место работы, где о его невежестве еще не прослышали и где, при должной скромности, он мог бы его некоторое время скрывать. Вместе с ним в институте появились и некоторые странные и, вероятно, столь же невежественные личности. Впрочем, на посту директора ИИЕТ Никодим смог проявить нужную скромность, ее же проявили и появившиеся с ним люди. В некоторой степени, возможно, именно этот момент обозначил начало плавного регресса всего института, но его плавность предопределила еще несколько десятилетий его существования, полного всевозможных катаклизмов, но все же довольно плодотворного.

1988 год

ВОЛОДАРСКАЯ
Елена Александровна

90-летний ИИЕТ – хороший повод подвести некоторые итоги и оглянуться назад, чтобы с уверенностью сказать, что мой приход в психологию науки и науковедение стал закономерным результатом, на первый взгляд, случайных встреч со значимыми и очень уважаемыми мной людьми. Этих людей я считаю своими учителями. Под этим словом я понимаю не просто преподавателей или коллег, а тех людей, которые повлияли на мое профессиональное становление, указали мне горизонты движения, нормы исследовательского поиска и отношения к профессии.

Я горжусь тем, что работаю в нашем институте всю жизнь. Некоторые коллеги не понимают меня. Как можно оставаться на одном рабочем месте? Не скучно ли? Могу с уверенностью сказать,

что мне с самого первого дня и до настоящего времени интересно и не скучно. Институт – живой организм. Все время развивается, все время движется. Именно эта динамика идей и отношений коллег не дает застаиваться, мотивирует сотрудников на постоянный творческий поиск, желание продолжать исследования. Ведь чем больше нового узнаешь, тем больше открывается горизонтов того, что еще хотелось бы узнать.

Моя рабочая биография началась в стенах Сектора психологии научного творчества отдела науковедения Института истории естествознания и техники тогда АН СССР 1 августа 1988 года. В моей трудовой книжке написано, что я работаю там и по настоящее время, только много раз переименовывался наш сектор, модифицировалась структура Института и состав работников, менялись мои должности. К вопросу о постоянстве моего служебного положения – при оформлении загранпаспорта я столкнулась с удивлением и, отчасти, непониманием со стороны молодой сотрудницы паспортного стола, когда она прочитала справку с места работы с указанием сроков пребывания на службе. На ее лице я прочитала немой вопрос: «Зачем так долго сидеть на одном месте?» А мне до сих пор увлекательно и любопытно, меня окружают близкие мне по духу люди, с которыми мы действительно не один «пуд соли съели». Вероятно, действует и семейная ценность, которую мне исподволь передал мой папа Володарский Александр Ильич: «Институт – главная работа, остальные возможные подработки – только дополнение». Он сам подобным образом выстроил свою жизнь, у меня получается также.

Я пришла в ИИЕТ сразу после окончания факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Кафедра социальной психологии, на которой я специализировалась, поддерживала давние тесные связи с этим Сектором. Сотрудники читали студентам спецкурсы, например, М.А. Иванов по психологии научного творчества и В.В. Умрихин по истории психологии. В начале работы мне было не совсем просто перейти с ними от отношений «преподаватель–студент» к отношениям «коллега–коллега».

У нас в Секторе психологии науки царила творческая атмосфера. Там я встретила с моим Учителем в профессии – Михаилом Григорьевичем Ярошевским. Именно он, говоря его же словами, «открыл мне врата науки, только пройдя сквозь которые и можно стать человеком науки». Он увлек меня социальной психологией ученого и научного коллектива. У меня на глазах рождалась эта междисциплинарная область на границе социальной психологии и науковедения. Михаил Григорьевич поставил передо мной планку результативности, не дотянуть до которой было просто невозможно из этических соображений. Причем научное воспитание и образование своих сотрудников М.Г. Ярошевский осуществлял как бы невзначай, не ультимативно, уважительно, но он был требователен, прежде всего, к себе. И мы, покоренные уникальностью и масштабом его личности, обаянием, веселым нравом, тянулись за ним, строя собственные научные биографии.

Я здесь говорю во множественном числе, так как думаю, что все его сотрудники и коллеги воспринимали Михаила Григорьевича так же, как и я. Лучше сказать, что окружающие меня в Секторе психологии науки люди воспринимали учителя именно так и передали мне это отношение. Главное, что мы все были искренни – и в отношениях с учителем – руково-

дителем, и между собой. У нас, действительно, была очень сильная команда. Многие перешли на другую работу, но до сих пор, встречая друг друга, я ощущаю тот общий дух, то единство ценностей и отношения к науке, впитанное нами в долгих дружеских творческих дискуссиях, в которых проходили наши общие заседания, и через которые и осуществлялось, в частности, мое становление.

Михаил Григорьевич собрал вокруг себя очень интересных сотрудников. Речь не только о профессиональной компетентности, но и, как сейчас говорят, корпоративной культуре. Никогда не было конфликтов, ссор. Все тянулись друг к другу. Банкет после защит диссертаций проходил у коллег дома, сотрудники сидели за одним столом с родственниками. Мы знали о семейных ситуациях друг друга. Но никогда это не сопровождалось праздным любопытством или сплетнями. Именно Михаил Григорьевич создал эти правила, строго следовал им сам и требовал от нас. Мы все часто бывали в его ломе. Михаил Григорьевич никогда не подчеркивал разницу в статусах, разговаривал просто, на равных. Обязательно встречала его супруга А.И. Липкина, которая всех нас хорошо знала и всегда радушно угощала.

Примером наших отношений в Секторе психологии науки стала помощь моей коллеги в поиске зарубежных контактов. Середина 90-х годов XX века для отечественной науки двойственна. С одной стороны, это наметившийся значительный спад государственного интереса, уход ученых, снижение зарплат. С другой стороны, появившиеся колоссальные возможности для зарубежных стажировок, поездок на научные мероприятия, интереса к нам со стороны зарубежных научных партнеров. Многие сотрудники нашего института поехали в зарубежные научные центры. Причем, они не таили свои контакты, а приехав, делились литературой, информацией, адресами. Все это живо обсуждалось и приветствовалось.

По одной из таких программ я попала во Францию в лабораторию Парижского университета, где занимались науковедением, психологией науки. Именно коллега по сектору подсказала мне почтовый адрес и имя руководителя этой лаборатории. Узнав, что я поеду на стажировку, мне звонили другие коллеги, уже побывавшие на подобной программе, чтобы поделиться личным опытом, связями. Прошло уже столько лет... Но я помню их руку помощи, бескорыстно протянутую именно тогда, когда мне это было важно. Для меня это не красивые слова. Это реальность моей собственной научной биографии в ИИЕТ.

Стажировка длилась полгода. Я несколько раз звонила Михаилу Григорьевичу, советовалась с ним по научным вопросам. Он по телефону подробно расспрашивал о том, что у меня происходит, давал исследовательские задания, чтобы по возвращении я могла быть полезна нашему коллективу. У меня не было ощущения оторванности от секторских дел. Это, действительно, дорогого стоит.

Наш институт – это не только история идей, но и история людей. С удовольствием назову коллег, с которыми я работала в разное время, продолжаю работать сейчас и которые, каждый по-своему, повлияли на меня: Г.Ю. Мошкова, Е.Н. Емельянов, А.В. Юревич, И.Е. Сироткина, Е.С. Бойко, М.А. Иванов, В.В. Умрихин, Н.Н. Семенова, Н.Л. Гинди-

лис, Ю.С. Линкова, С.Б. Шапошник, Н.С. Агамова, А.Г. Аллахвердян, К.О. Россиянов, В.А. Малахов.

Уникальность нашего института состоит в том, что несмотря на разные социальные ситуации, в которых оказывался ИИЕТ, у меня никогда не исчезало желание идти дальше. А это ли не самое важное достижение научного учреждения, когда результативность исследовательской деятельности и удовлетворенность этими результатами у работника перекликаются и не дают застаиваться, создают источник продолжающегося исследовательского поиска и профессиональной самореализации.

С уверенностью могу сказать, что наш Центр истории организации науки и науковедения, как бы он ни переименовывался на разных этапах функционирования ИИЕТ, для меня – это не только сообщество блестящих ученых, преданных делу научного исследования, но и группа друзей, помогающих и поддерживающих друг друга, искренне радующихся общим успехам, оптимистов и романтиков, до сих пор верящих, что можно перевернуть мир, если найти точку опоры. Для нас такой отправной точкой стал наш ИИЕТ.

Виват, Институт! Новых планов, свершений, побед!!! Я – навсегда твой поклонник.

1988 год

ГОЛУБОВСКИЙ
Михаил Давидович

Родился в Ленинграде и учился в 232-й школе (бывшая 2-я Санкт-Петербургская гимназия). В 1963 г. окончил кафедру генетики биолого-почвенного факультета ЛГУ. Затем в период с 1963 по 1987 гг. работал в лаборатории генетики популяций Института цитологии и генетики РАН в Академгородке (Новосибирск). В 1980 г. защитил докторскую диссертацию «Мутационный процесс и нестабильность генов в природных популяциях дрозофил». С 2002 г. проживаю в США (Беркли).

Направление исследований в СПбФ ИИЕТ. Основная тема: История генетики и ее взаимодействие с теорией эволюции. Начиная с доклада на XIV Международном Генетическом конгрессе (Москва, 1978), и затем ведя исследования в рамках СПбФ ИИЕТ, выдвинул и обосновал концепцию,

что инсерционный мутагенез в природе – важный механизм возникновения наследственных изменений. Активация мобильных элементов, насыщающих геном, приводит в природных популяциях к всплескам мутаций и высокой геномной нестабильности. Эта концепция получила подтверждения и инициировала многие исследования на стыке популяционной и молекулярной генетики растений и животных. Она во многом изменила сложившиеся в теории эволюции представления о том, как возникают и распространяются наследственные изменения.

Была выдвинута обобщенная концепция организации генома. Ее суть – подразделение ДНК-носителей у видов высших организмов на две полуавтономные подсистемы – облигатные и факультативные элементы. Первые включают жизненно важные гены. Факультативные ДНК/РНК-носители могут варьировать в числе и клеточной топографии, составляя до 80% ДНК генома. Вариации факультативной ДНК, в отличие от мутаций, могут носить неканонический, массовый и упорядоченный характер.

Эта концепция была развита в монографии «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб., 2000). Основные ее положения вошли в ряд книг по теории эволюции. Впервые было проанализировано, как с начала 1970-х гг. происходил переход от постулатов классической генетики к неканоническим положениям молекулярной «мобильной» генетики. Важность данного историко-научного анализа была отмечена в ряде рецензий. Авторитетный историк биологии заключил: «Книга известного генетика и историка науки М.Д. Голубовского является заметным явлением в истории биологии» (Е.Б. Музрукова. ВИЕТ. № 2. 2000). Другой рецензент, эволюционист и эколог, отметил, что эта книга об «основных концепциях генетики и устройствах генома, читается с громадным интересом и заставляет думать» (А. М. Гиляров. Природа. № 4. 2002).

И еще – из отзыва академика, директора Института медгенетики (Томск) В.П. Пузырева: «Книга М.Д. Голубовского представляет собой незаурядный труд, особенно своевременный в нынешнее время, которое в генетике и биологии обозначено как “постгеномная эра”. Действительно, впечатляющие успехи в расшифровке геномов живых систем, включая геном человека, очевидные успехи в приложении достижений геномики для нужд практической жизни опасно сочетаются с геноманией, “генетическим детерминизмом”, претендующими на объяснение всей сложности структурно-функциональной организации живого. От этого соблазна остерегают талантливые и глубокие размышления известного генетика и историка науки М.Д. Голубовского, автора рецензируемой книги. В этом смысле она безусловно представляет интерес прежде всего для профессионалов, специалистов в области генетики и биологии. Но книга, в которой есть подзаголовок к названию “научно-исторический очерк”, обращена и к просто образованным читателям, для которых история науки – это часть общечеловеческой культуры» (Вестник ВОГИС. № 2. 2002).

В истории науки, и в истории генетики XX века особенно, наблюдался феномен задержки, непризнания ряда важных открытий и явлений. Эта странность привлекла мое внимание. Я пришел к выводу, что задержка в 20–25 лет (лаг-период) в признании важных экспериментальных и концептуальных новаций – вовсе не случайность. Но скорее инвариант в истории науки. Причина лаг-периода состоит в самой сути научного творче-

ства и в трудности трансляции новых необычных результатов в научный мир. Научное открытие включает не только рациональный компонент, но и подсознательный, личностный. Целостные свойства сложных биологических систем не могут быть познаны лишь детальным изучением их отдельных элементов. В каждом акте познания есть страстный вклад познающей личности («синдром Пигмалиона»). Это не добавка, а неотвратимый элемент познания. Неявное (имплицитное) знание трудно вербализовать. Оно существует как предвидение, предчувствие, в форме персональных символов или образов. На их основе происходит постижение целостной картины явления или процесса.

Поэты давно провидели трудность вербализации творческого акта: *«Мысль изреченная есть ложь»* (Ф. Тютчев). Ложь в смысле неполноты вербализации своего внутреннего видения. Оно нередко открывается как прозрение или откровение. Концепция личностного знания (М. Полани) позволила мне истолковать парадоксы с задержкой в признании законов Менделя и, спустя 100 лет, сходный лаг-период около 25 лет в признании существования мобильных элементов, открытых Барбарой Мак Клинтон в начале 1950-х.

Важное место в моих исследованиях занимал анализ творческого наследия и публикация работ биолога-эволюциониста и философа Александра Александровича Любищева (1890–1972). Я составил, редактировал и написал предисловие к книге Любищева «В защиту науки» (СПб.: Наука, 1991), изданной под эгидой СПбФ ИИЕТ. Коллективная монография «Репрессивная наука» (Л., 1991. Т.1.) включает мои материалы: «Любищев против лысенковщины: история и уроки противостояния. Письма и документы». В 2008 г. в рамках С.-Петербургского научного центра вышел составленный мной сборник статей Любищева «Расцвет и упадок цивилизаций» с моим предисловием.

Отмечу здесь, что по моей инициативе и при поддержке дирекции СПбФ ИИЕТ РАН в 1995 г. была впервые издана книга известного генетика В.П. Эфроимсона «Генетика этики и эстетики». Во время работы в СПбФ ИИЕТ РАН я опубликовал научно-биографические статьи о творчестве известных российских биологов-эволюционистов и генетиков: Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, А.А. Любищева, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Ф.Г. Добржанского, В.Я. Александрова, С.М. Гершензона, В.П. Эфроимсона, В.С. Кирпичникова, Р.Л. Берг, Э.С. Никоро, Р.Б. Хесина, Ж.А. Медведева, Н.Н. Воронцова, Ю.А. Лабаса. А также о выдающемся ученом, работавшем в Академгородке, математике Алексее Андреевиче Ляпунове. Опубликованы множество рецензий и научно-популярных статей. В их числе историко-биологическая статья «Библия и ген», которая опиралась на мои исследования и новации в области репродуктивной генетики человека (Премия журнала «Звезда» за 2003 год).

Впечатления об институте и коллегах. В новосибирском Академгородке я работал в большом Институте цитологии и генетики. Там было около 12 лабораторий, число научных сотрудников и лаборантов сотрудников достигало более 250 человек. По контрасту, весь коллектив нашего питерского филиала умещался в двух комнатах и зале для семинаров. Возникло приятное ощущение одной большой семьи, где, кроме нашего историко-биологического сектора, были знатоки в самых разных областях исто-

рии науки и техники: античность, история математики и астрономии, географии, инженерии, социологии культуры. На каждом семинаре филиала я узнавал что-то новое.

Хорошо помню свой первый семинар в филиале в 1987 г. В развитие идей академика В.И. Вернадского я сделал доклад «Пульсация талантности в истории русской литературы». Вел семинар заведующий сектором истории Академии наук Анатолий Васильевич Кольцов (1927–2000), до тонкостей знавший историю российской академии и судьбы академиков. Милейший и излучающий доброжелательность человек. Он одобрил доклад.

В нашем секторе мои интересы более всего совпадали с интересами ярких историков теории эволюции Я.М. Галла и Э.И. Колчинского. Между нами многое «рождало споры и к размышлению влекло». Приятно вспомнить, что издание моей монографии стало возможным в трудный для всей российской науки период конца 1990-х гг. по инициативе Э.И. Колчинского (в те годы директора СПбФ ИИЕТ РАН). Причем, несмотря на явные различия наших взглядов на теорию эволюции и роли ряда биологов в ее развитии.

Об изучении истории науки. Для меня важность истории науки и ее методологии выражают две максимы А.А. Любищева:

1. «Прошлое науки не кладбище с могильными плитами, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых были незакончены не из-за порочности замысла, а из-за несвоевременного рождения проекта или из-за чрезмерной самоуверенности строителей».

2. «Каждый период смотрит свысока на предыдущий и высказывает против него то, что впоследствии будет сказано о нем самом. Слишком соблазнительно уверовать в правоту сегодняшних научных концепций, в то, что наконец-то здание науки стоит на безупречном фундаменте и нуждается лишь в планомерной достройке».

1988 год

ГУЗЕВИЧ
Дмитрий Юрьевич

Основное внимание автор постарался уделить описанию любопытных событий, а не анализу исследований – последнее сделают и без него. И эти оценки будут достаточно объективны, быть может, иногда с использованием превосходных степеней. А вот взаимоотношениям сотрудников в силу их субъективности, в литературе, как правило, будет уделяться меньше внимания, и это всегда потеря для истории.

Началось все в 1983 г. с ЛО СНОИФЕТ (Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии науки и техники). Я тогда работал над диссертацией по истории мостостроения, и мой консультант, проф. ЛИИЖТа М.И. Воронин, посоветовал мне для установления контактов обратиться в это объединение, одним из руководителей которого он являлся.

Секретариат Ленинградского отделения СНОИФЕТ находился в дирекции ЛО ИИЕТ, на Васильевском острове. Встретили меня Борис Ильич Иванов, занимавший посты ученого секретаря и ЛО СНОИФЕТ, и ЛО ИИЕТ, и заведующий Ленинградским отделением института Энгель Петрович Карпеев. В дальнейшем нас связывали теплые, а с Борисом Ильичем и дружеские отношения. В 80-е гг. он мне помог опубликовать несколько статей в изданиях ИИЕТ и СНОИФЕТ, писал отношения в архивы, Что касается Э.П. Карпеева, то он считал, что находится на своем посту временно и советовал иметь дело с Борисом Игоревичем Козловым. Что я и сделал.

Весной 1986 г. Б.И. Иванов и Б.И. Козлов организовали в ЛО ИИЕТ заседание, на котором мы с И.Д. Гузевич представили рукопись нашей книги, посвященной П.Д. Базену. Формально это, если не ошибаюсь, было совместное заседание Секции по истории техники ЛО СНОИФЕТ и Группы по истории и теории технических наук, которой руководил Б.И. Козлов.

Осенью 1987 г. на ежегодной конференции ЛО СНОИФЕТ я сделал доклад о значении истории науки и техники для современного инженерного образования. Доклад так понравился Б.И. Козлову, что он взял курс на мой переход в руководимую им группу.

К глубокому сожалению, возможность представилась слишком быстро, ибо место освободилось в связи с кончиной блестящего исследователя и очень хорошего человека – Я.Г. Неуймина, который также сыграл определенную роль в становлении меня как исследователя. Неуймин закончил, но не успел защитить докторскую диссертацию по истории моделирования. Где сейчас ее текст? Его вдова, Н.К. Неуймина, работала в журнале «Звезда», и помню, как мы с ней обсуждали возможности публикации текста диссертации, хотя бы на множительной технике, и передаче экземпляров в центральные библиотеки.

7 января 1988 г. в моей квартире раздался звонок: Б.И. Козлов просил срочно прибыть в институт и принести все необходимые документы. В этот день у моей жены, Ирины, была важная встреча, и я взял отгул, чтобы посидеть с трехмесячным сыном. Уложив его в коляску, помчался пешком под сильным снегопадом с Пушкинской ул. (ок. Московского вокзала) на стрелку Васильевского острова. Ну, а 15 января я был принят в ЛО ИИЕТ на должность старшего лаборанта.

Б.И. Козлов оказался не только оригинальным исследователем, завершившим разработку концепции истории становления технических наук как единого целого, но и прекрасным педагогом. Я считаю его одним из двух главных своих учителей, и кончина Бориса Игоревича в августе 2010 г. стала для меня большим личным горем. Его памяти я посвятил книгу, над которой тогда работал, о захоронениях Франсуа Лефорта и Патрика Гордона (второй учитель – Андрей Львович Пунин, ушедший из жизни осенью 2020 г. от ковида).

Когда Б.И. Козлов брал меня в институт, он имел совершенно определенную цель, Дело в том, что в 1985 г. институтом была принята плановая работа по созданию «Очерков истории технических наук». Завершить ее предполагалось в 1990 г. Однако за это время ушли из жизни двое из трех главных исполнителей: А.П. Мандрыка, – удивительный слепой исследо-

ватель (мне посчастливилось знать его), автор фундаментальной истории баллистики и создатель концепции технических наук механического цикла, и Я.Г. Неуймин. А вскоре и сам Б.И. Козлов покинул группу (которая к тому времени стала Сектором истории и теории технических наук и инженерной деятельности) и перебрался в Москву. Вся нагрузка легла на двух молодых исследователей – «античника» Л.Я. Жмудя (пришедшего на место А.П. Мандрыки) и меня, а зав. сектором стал Б.И. Иванов, принявший на себя общую организацию работы. В создании отчета принимали участие еще несколько исследователей. Их очерки охватывали конец XIX – начало XX в. и были разделены дисциплинарно (так, например, Б.И. Иванов писал об электротехнике, И.Ф. Цветков – о кораблестроении).

Моя часть охватила период с XVI в. (логика исследования привела к 1520-м гг.) до электротехнической революции (1870-е), т.е. в 350 лет. Фактически, сложилось так, что я должен был написать свой текст за весну 1990 г.

Я набрал книг и полностью погрузился в работу. Выходил из дома только для того, чтобы набрать в библиотеке ЛО ИИЕТ новую литературу. И за три месяца написал текст в 25 а.л. Издан он был позже, в виде трех брошюр по 7,5–8,5 а.л. каждая, в 1996–2001 гг. Недавно их перечитывал. И мне за них не стыдно.

Впрочем, история имела продолжение. В 2003 г. в Мемориальной библиотеке кн. Г.В. Голицына на презентации нашей книги «Великое посольство» присутствовал Б.И. Иванов. Он подошел ко мне и спросил, можно ли воспользоваться старым отчетом 1990 г. для публикации другого проекта – очерков истории технических наук в Петербурге, вырезав из него все лишнее. Принципиальных возражений у меня не было, но я поставил условие, что должен видеть тексты перед их публикацией. В какой-то момент они ко мне пришли с требованием ничего не менять, ибо времени уже не оставалось. В этой ситуации пришлось просто отказаться от одной из глав (по инженерным корпусам в XVIII–XIX вв.), ибо она оказалась «заредактированной». В 2009 г. СПбФ ИИЕТ выпустил книгу «Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге», где из 15 глав пять были выкроены из моего отчета 1990 г.

Прошло еще несколько лет, и за дружеским ужином в августе 2010 г. Л.Я. Жмудь задал мне сакраментальный вопрос: «Слушай, что за чушь ты написал? Какое отношение к техническим наукам в Петербурге имеют XVI и XVII века или развитие науки в Голландии?». Оказывается, это именно Леониду Яковлевичу было поручено выкраивать из отчета 1990 г. все, что касается Петербурга. Пришлось объяснить ситуацию.

Вообще, в 1987–1988 гг. в ЛО ИИЕТ пришла целая группа «молодых» исследователей («молодых» – относительно, ибо всем было уже за 30. Просто в истории науки и техники, по вполне объективным причинам, активная исследовательская деятельность начинается позже, чем в других гуманитарных дисциплинах). Из этой группы я оказался наиболее дружен с Леонидом Жмудем и Николаем Кременцовым. Позднее мы все вошли в совет Международного фонда истории науки, но об этом расскажет И.Д. Гузевич. Среди других «молодых» исследователей я был в хорошем контакте с С.Ю. Трохачевым, Е.Ю. Басаргиной, М.Б. Конашевым, Д.А. Александровым. Сейчас эти связи почти все оборвались. С кем – по

дальности проживания, ну а с кем – из-за политических разногласий. Так уж случилось, что либералы нас часто считают «путинистами», а «путинисты» и «патриоты» – либералами. Просто на каждый вопрос стараемся иметь свою, продуманную и обоснованную точку зрения, опирающуюся как на наш двойной опыт жизни в СССР/России и Европе, так и на 35-летний опыт изучения империй и постимперских пространств. И то, что со стороны кажется действием чей-то злой воли, в действительности – очевидные и вполне предсказуемые результаты структурных перестроек на постимперской территории. А воля, когда злая, когда – дурная, лишь накладывается на объективные процессы.

Несколько слов о старейших сотрудниках ЛО ИИЕТ, которых мы еще застали. Речь идет о Е.П. Ожиговой, Ю.Х. Копелевич и Н.И. Невской. Книги двух первых – редкий пример точнейшего, безошибочного изложения фактов, ну, а Невская была человеком более увлекающимся. Ожигова помогала нам при редактировании математических глав книги о П.Д. Базене. Но на момент моего прихода в ЛО ИИЕТ ее уже не было в живых. А с Ю.Х. Копелевич и Н.И. Невской у меня были достаточно тесные контакты. Мы до сих пор пользуемся подаренными ими оттками их работ, а монография Копелевич о создании Академии наук и Невской – о Петербургской астрономической школе долго являлись моими настольными книгами. Когда я пришел в институт, еще живы были воспоминания о том идеологическом разгроме, который был устроен Невской из-за ее книги. По счастью, это было только в Москве, а в ЛО ИИЕТ подобного позора не допустили. Как мог, я поддерживал Нину Ивановну, а в декабре 1995 г. мы сумели пригласить ее в Париж на конференцию.

Самое сильное впечатление от той эпохи оставил пожар БАН в ночь с воскресенья на понедельник 14/15 февраля 1988 г. Утром я пришел в институт, и тут по секторам передали просьбу к молодым сотрудникам академических институтов: «К БАНу на помощь!». Но понедельник – день неприсутственный, и людей с утра было мало. Допускаю, что и я пришел, потому что мне позвонили домой, просто детали уже стерлись из памяти. От помещения ЛО ИИЕТ до здания БАН – несколько минут ходьбы, в пределах прямой видимости. Когда я подошел, еще работали пожарные. Они закончили, и тогда добровольцев впустили внутрь. В тот момент нас было всего 6 человек – первая группа, вошедшая в этот уже остывший ад. Я никого из них не знал. Впереди шли два электрика – во тьме тянули провода для освещения. Сразу родилась ассоциация – Ленинградский Чернобыль. Потом я участвовал в работах неоднократно – в ручной разборке «кучи» (она же – «гора») обуглившейся бумаги во внутреннем дворе в безуспешных попытках спасти то, что еще можно было спасти, а также в сушке книг. Размер бедствия открывался постепенно, но то первое впечатление от стен из черных обуглившихся останков (именно так!) книг с узкими проходами между ними и тусклым, только что установленным освещением, осталось на всю жизнь. Почти по Галичу: «И пронзительный запах гари будет жить еще сотни лет». Сказано по другому поводу, но от книг он такой же пронзительный.

Расскажу еще несколько случаев, связанных с моим пребыванием в ИИЕТ.

Летом 1989 г. зав. сектором Истории Академии наук, А.В. Кольцов, попросил нас с Ириной Давидовной выступить на торжественном заседании, посвященном 200-летию Великой французской революции. Мы занимались политехниками в России, а Парижская Политехническая школа – детище этой революции. Так что рассказ о ней вписывался в эту тематику. Мы согласились, не ожидая подвоха, и подготовили вполне соответствующий поводу литературный рассказ, основанный на массе источников, в том числе и труднодоступных – из спецхрана Публички. Издания эти находились в спецхране, ибо содержали информацию о формировании интеллектуальной элиты французской армии. Никаких компьютерных презентаций в ту эпоху не существовало, и мы принесли с собой книги, иллюстрации, фотографии. Во время заседания Е.В. Соболева, безучастно сидевшая за своим столом в углу и, видимо, не очень вникавшая в то, что происходило в центральной части зала, на нашем рассказе вдруг оживилась, пересела к центральному столу и начала агрессивно выступать против сообщения. Решила ли она, что идет какая-то предзащита или апробация темы, я не знаю, но мы были в некотором замешательстве. Опыта, чтобы противостоять столь недоброжелательному напору, у нас еще не хватало. Кольцов молчал, забыв сказать, что это не научный доклад, а популярный рассказ на торжественном заседании, подготовленный по его личной просьбе. В это время комната сектора Истории Академии наук, где проходило заседание, вдруг заполнилась (оказалось, что кто-то прошелся по коридору и сообщил, что у «академиков» бьют Гузевичей). Ввиду того, что выступление Е.В. Соболевой содержало многочисленные фактологические ошибки или нелепые претензии (например, почему мы в советских хранилищах не изучали архивы Парижской Политехнической школы), я в тот же вечер подготовил подробный письменный ответ по всем позициям, со ссылками на источники, распечатал и распространил среди сотрудников ЛО ИИЕТ. Вряд ли это улучшило отношение к нам многоуважаемой Елены Владимировны. В дальнейшем отчуждение лишь увеличивалось, и спустя много лет В.М. Орел, тогда уже директор института, спрашивал в конфиденциальном разговоре, за что Соболева меня так не любит. Историю 1989 г., я не упомянул, но сказал, что был свидетелем ее неудачного выступления на Международном конгрессе по истории науки в Сарагосе в сентябре 1993 г., когда она не смогла сделать доклад на одном из языков конгресса, шел пофразный перевод, удлинивший сообщение вне допустимых норм. Это вызвало негативную реакцию в зале, и насмешливая информация циркулировала в кулуарах. Но была еще ситуация на том же конгрессе, вызвавшая шок у некоторых членов российской делегации и приклеившая к нам ярлык предателей Родины. Дело в том, что, будучи сотрудниками ИИЕТ, мы в Сарагосу приехали из Франции и автоматически попали в списки французской, а не российской делегации (впрочем, на последующих конгрессах было точно так же, но это уже никого не удивляло), да еще привезли с собой 11-летнего сына, оплатив его участие как сопровождающего лица. Он на приемах сидел в углу, читал Дюма и важно принимал разносимое шампанское. Ну, а что касается Е.В. Соболевой, то на конгрессе в Пекине в 2005 г. мы с ней общались уже вполне дружелюбно. Возраст имеет свои преимущества.

Что касается В.М. Орла, то от него как от директора я всегда видел теплое отношение и помощь, впрочем, как и от директора Ленинградского отделения (затем Петербургского филиала) А.И. Мелуа.

Вторая история связана с моей защитой, которая должна была состояться 30 декабря 1990 г. Я мотался между Ленинградом и Москвой. Уже был отпечатан и разослан автореферат. Но, когда я приехал собственно на защиту, мне буквально накануне сообщили, что ее не будет, ибо Н.Д. Устинов, тогдашний директор ИИЕТ, отменил заседание Ученого совета: к нему в кабинет зашел кто-то, после чего и появилось это решение. Все бы ничего, но на следующий день, 31 декабря, полномочия этого совета прекращались, а по моей специальности защищаться более было негде. Хотели взять к себе архитекторы, но моя работа, хотя и касалась строительства, все-таки была по истории инженерной, а не архитектурной деятельности.

Со временем выяснилось, что человеком, который зашел к Н.Д. Устинову, был многоуважаемый Николай Константинович Ламан. Он оказался возмущен, что одну из предзащит я прошел не у него, в Секторе истории техники, а в Секторе истории технических наук и инженерной деятельности (что разрешалось правилами). Естественно, после этого состоялась предзащита в секторе у Н.К. Ламана, во время которой мне запомнился вопрос Г.М. Щербо: почему у меня так много опубликованных работ? Надо быть скромнее.

Ученый совет «ожил» весной 1993 г. На первом же заседании, благодаря В.П. Борисову, который повел себя в этой ситуации очень достойно, диссертация была принята к защите, а на следующем заседании, в июне 1993 г., успешно прошла сама защита («всухую»: 21 голос «за» из 21 участника заседания). Надо сказать, что в тексте диссертации не было изменено ни одной запятой – я ее просто не открывал с декабря 1990 г. Первым из членов Совета с поздравлениями ко мне подошел Н.К. Ламан.

Ну, и в заключение:

Как я ушел из ИИЕТ

3 сентября 1991 г., отстояв в ночь штурма (с 21 на 22 августа) у Белого дома, а затем выступив на Конгрессе соотечественников, мы улетели из Москвы во Францию, где я получил стипендию Дидро. Ввиду того, что в СССР мне в 1990 г. так и не дали возможности защищаться, я записался в докторантуру по истории техники Парижского университета (Paris-VIII). Записалась и Ирина Давидовна, у которой были проблемы с аспирантурой в СССР.

Связь с ИИЕТ мы не теряли: посылали отчеты, получали различные гранты, соответствующая часть которых шла Петербургскому филиалу; когда приезжали – участвовали в собраниях и конференциях. Помню два смешных случая. Один произошел в конце 90-х, когда на каком-то отчетном собрании, среди прочих сотрудников, совершенно случайно оказались приехавшие в Россию Н.Л. Кременцов, Л.Я. Жмудь и я. И вдруг по итогам получилось, что совокупная деятельность нас троих, «зарубежных», оказалась вполне сопоставимой с таковой же всего филиала.

А вторая история связана с 350-летием Гаспара Монжа в мае 1996 г. В Петербургском филиале проходят юбилейные торжества, на которых просят выступить и меня. И я вместо ожидаемых дифирамбов рассказываю,

как Монж весной 1793 г., только что потеряв пост морского министра, встретил на улице своего бывшего ученика по Мезьеру, инженера Этьена Сенонера, одного из крупнейших экономистов эпохи. Человек крайне язвительный, Сенонер посмеялся над Монжем, а тот не нашел ничего лучшего, как написать донос в Комитет общественного спасения, благо Сенонер принадлежал к аристократии. Насмешник оказался в тюрьме и лишь чудом не угодил под нож гильотины (по-видимому, был спасен своим приятелем Маратом); в 1804 г. оказался в России и в 1809 г. получил чин генерал-майора, став первым директором Института Корпуса инженеров путей сообщения, инспектором которого являлся А. Бетанкур. В общем, испортил я праздник...

Однако времена менялись. При директоре филиала Э.И. Колчинском ситуация становилась все тяжелее и тяжелее. Его явно раздражало наше положение, и отношения сильно напряглись. К тому же этот человек позволял себе кричать на сотрудников. Я видел, как при этих криках сжимался доктор наук профессор Борис Ильич Иванов – человек мягкий, не способный ответить на хамство. Я же в принципе никому не позволял повышать на себя голос. Решающий конфликт произошел в ноябре 2000 г., когда я приехал в Петербург на короткий срок и предоставил отчет. Э.И. Колчинский запретил мне возвращаться во Францию, заявив, что уволит за несоблюдение трудовой дисциплины, кричал в обычной своей манере и в целом позволил вести себя, скажем так, не совсем корректно. Я предельно вежливо сообщил многоуважаемому Эдуарду Израилевичу адрес для утреннего моциона, пришел в сектор, написал заявление об уходе по собственному желанию и отдал своему иерархическому шефу – Б.И. Иванову с просьбой передать директору, если тот начнет меня увольнять. Так и получилось. И, более того, имело продолжение.

Эдуард Израилевич был страшно раздосадован тем, что меня не удалось уволить по статье, как он хотел, и стал препятствовать моим публикациям в ВИЕТ. А когда несмотря на его усилия, почти что со скандалом, в 2003 г. вышла моя статья по теории школ как форм деятельности (на тот момент ставшая едва ли не самой цитируемой), из Петербургского филиала пришло разгневанное письмо о ненужности этой публикации. Я мог бы рассказать еще несколько историй из этой войны (одна из них ненароком задела даже Н.И. Невскую), но, наверное, хватит. Время прошло, а с ним и обиды. Колчинский ушел из жизни.

ИИЕТ после ИИЕТ'а

С моим уходом из института связи отнюдь не прервались. Возникли довольно тесные профессиональные и дружеские контакты с С.С. Демидовым – человеком, который когда-то, в 1985 г., писал суровую рецензию на наш отклик на статью Ю.М. Гайдука в ВИЕТ о Габриэле Ламе. Из московских сотрудников подружился также с В.С. Кирсановым (к сожалению, довольно быстро ушедшим из жизни) и Д.А. Баюком; на международных форумах (в первую очередь, ИСОНТЕС) всегда с удовольствием встречались с В.П. Борисовым; в самой Москве – с Б.И. Козловым (который ушел из ИИЕТ, но я обязательно приезжал к нему домой) и З.К. Соколовской (нашим ангелом-хранителем в 80-е гг.). Года три назад вдруг возникли сюжеты для совместной работы с Катей Басаргиной.

Но, пожалуй, самая удивительная метаморфоза произошла в наших отношениях с Г.И. Смагиной. Мы оба с ней пришли в ЛО ИИЕТ в течение одного года. Сидели в соседних кабинетах. Но симпатий явно не возникло – за несколько лет, прошедших до моего отъезда во Францию, мы не сказали друг другу ни слова. Впервые перебросились двумя фразами уже после моего ухода из института, осенью 2003 г., на приеме, данном французским консулом в Мраморном дворце, куда неожиданно попали все участники конференции, проходившей в Инженерном замке. Потом появилось уважение к работоспособности друг друга. Можно было в три часа ночи отправить по электронной почте вопрос и тут же получить ответ. Ну, а затем возникло понимание высокого профессионализма. Когда проектируешь небольшой коллоквиум, то подбираешь докладчиков на заданные сюжеты, что не всегда легко. Требуются профессионалы, которые в рамках своих компетенций готовы осветить необходимый сюжет. Галина Ивановна безотказно и идеально вписывалась в сценарии коллоквиумов во Франции, Португалии, Испании, Германии.

В настоящее время международную активность остановил ковид, и есть глубокое сомнение, что в дальнейшем все вернется на круги своя. Однако память остается. И в ней большое место занимает ИИЕТ и благодарность за те уроки, которые он мне дал.

1988 год

КОНАШЕВ
Михаил Борисович

На 4-м курсе философского факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ЛГУ), когда нужно было выбрать специализацию и как следствие ту область научной и образовательной деятельности, в которой потом предстояло работать, по нескольким причинам, в том числе политико-идеологическим, я остановил свой выбор на спецкурсе «Философские проблемы биологии», руководителем которого в 1967–1970 гг. был биолог, профессор, доктор биологических наук, К.М. Завадский. В рамках спецкурса студентам читался ряд лекций, призванных передать им основы биологических знаний и современных проблем и достижений основных биологических наук. Лекции по генетике читал Э.И. Колчинский, а по теории эволюции и ее истории Я.М. Галл.

С 1968 г. за специализацию ответственными были также ученики К.М. Завадского и преподаватели философского факультета ЛГУ, А.С. Мамзин и А.А. Корольков. Помощь оказывал также еще один ученик и преподаватель того же факультета, А.П. Мозелов. В то время распространенной и полезной, по мнению ученых и по оценке ряда историков и философов, занимавшихся исследованием советской науки, была практика совмещения учеными работы в научных институтах РАН и в вузах, прежде всего, в университетах, принимавшая в разные годы разные формы. В частности, всемирно известный протозоолог Ю.И. Полянский, с 1957 г. заведующий лабораторией цитологии одноклеточных организмов в Институте цитологии АН СССР, с 1955 г. заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных ЛГУ и читал лекции на биологическом факультете, а К.М. Завадский, заведующий сектором истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР в 1967–1975 гг., созданным им в 1967 г., ранее преподавал и заведовал кафедрой дарвинизма на биофаке ЛГУ. При этом, как правило, такие ученые думали о потребностях и перспективах развития той научной области, в которой работали, и о развитии отечественной, тогда советской науки в целом. Поэтому они в меру своих возможностей активно старались находить и отбирать заинтересованных и проявивших себя студентов, которые хотели попробовать себя в этой же области и давали надежду на то, что в будущем они станут новыми хорошими специалистами.

С этой целью, помимо других мер, задумывались и создавались специализации, на которых читались лекции учеными из институтов РАН и, если это было нужно, с других факультетов того же университета. В ходе чтения лекций и на семинарских занятиях студенты приглядывались к лекторам, а лектора к студентам. В итоге, выбрав специализацию «Философские проблемы биологии», я стал ходить на ежемесячный общегородской семинар по истории и теории эволюционного учения, задуманный и организованный К.М. Завадским и проводившийся в 1967–1977 гг. под его руководством, и даже сделал доклад на одном из заседаний, проходившем в конференц-зале ЛО ИИЕТ, который существует и поныне, о генетике и эволюционисте Ф.Г. Добржанском.

Несколько слов об этом заседании семинара, которое наглядно и точно характеризует сектор и его руководителя. Зал был полон, буквально ни одного свободного места. Одна из возможных тому причин заключалась в том, что Добржанский не только числился в «невозвращенцах», поскольку не вернулся к установленному сроку из командировки в США, куда он в декабре 1927 г. в качестве стипендиата фонда Рокфеллера отправился на стажировку в лабораторию Т.Х. Моргана, и не только был одним из основателей «синтетической теории эволюции» (СТЭ), т.е. продолжения и развития теории биологической эволюции Ч. Дарвина, причем первым среди них, но и самым главным среди зарубежных генетиков критиков лысенкоизма и одновременно тем, кто более всего постоянно всячески помогал советским генетикам, в том числе восстанавливать генетику в СССР. А тогда борьба с лысенкоистами и за признание и развитие СТЭ еще далеко не закончилась, и в этой борьбе К.М. Завадский и руководимый им сектор были на передней линии. Таким образом, тема заседания была безусловно острой, а то обстоятельство, что с докладом выступал студент, вероятно, лишь придавала заседанию особую пикантность.

Докладу предшествовала своего рода репетиция – выступление на заседании сектора, которое оказалось не очень удачным. Все обсуждения на заседаниях сектора проходили в дружеской, товарищеской, но требовательной обстановке. Поблажек и скидок не делалось никому. Заведующий сектором подводил итоги и по этим итогам ставил очередные текущие и долговременные задачи и раздавал, если было необходимо, рабочие задания. Так было и в этот раз. Прозвучало даже предложение отменить заседание семинара, но К.М. Завадский сказал примерно такую фразу: «Если провалится, скажем, что докладчик все-таки еще студент. А если все пройдет нормально, скажем: вот видите, еще студент, а такой доклад сделал». К счастью, в конце семинара К.М. Завадскому не пришлось говорить первое.

На заседаниях сектора и каждодневно в секторе свободно обсуждались последние научные и другие новости. Все были в этом отношении равноправны и охотно высказывались. Тому способствовало, наверное, то обстоятельство, что одним из принципов Завадского был такой: когда в сектор требовалось взять человека, и предлагали кого-то, он всегда спрашивал, какой это человек, честный ли, хороший ли именно как человек.

В ноябре 1977 г. Завадский скончался от инфаркта, но и 11 лет спустя, когда в сентябре 1988 г. меня, поступившего в очную аспирантуру к Завадскому, переведенного в заочную, ее закончившего и защитившего кандидатскую диссертацию в ИИЕТ в 1985 г., взяли, наконец, на работу в ЛО ИИЕТ, обстановка в секторе была такая же. Во многом благодаря А.Б. Георгиевскому, философу и историку биологии, зав. кафедрой ботаники и дарвинизма Новгородского педагогического института, входившего в научную школу Завадского. В результате обсуждения в секторе и среди друзей сектора тех, кто мог бы стать заведующим сектором после Завадского, остановились именно на его кандидатуре, и одним из главных аргументов в его пользу был как раз тот, что Георгиевский, помимо нужных для заведующего качеств и прочих достоинств, был еще и хорошим человеком. При нем все традиции и товарищеская, но в то же время требовательная атмосфера в секторе сохранялись долгие годы, включая постсоветские времена, несмотря на возникшие в эти времена новые отрицательные обстоятельства и аспекты научной жизни и общей обстановки в стране, или, если прибегнуть к биологическим терминам, неблагоприятной и постоянно ухудшающейся, деградирующей окружающей среды. Разумеется, как и в любом человеческом коллективе, не все и не всегда было идеально, имели место и определенные, выражаясь современным политическим языком, «терки». Но без всякого преувеличения, с поправкой на эти естественные и неизбежные негативные моменты, в целом сектор представлял собой не только слаженный, четко и результативно в научном отношении работающий механизм, но и дружный еще по-советски человеческий коллектив.

Один из наиболее негативных для существования и развития сектора моментов возник как раз тогда, на завершающей и разрушительной для Советского Союза стадии его эволюции, и обусловлен он был этим разрушением. В конце 1980-х гг. в сектор пришли новые молодые и подающие надежды исследователи: Н.Л. Кременцов, окончивший биологический факультет Ростовского государственного университета в 1978 г. и аспи-

рантуру ЛО ИИЕТ в 1988 г., и А.В. Козулина, окончившая философский факультет ЛГУ в 1978 г. и аспирантуру ЛГУ в 1981 г. Оба выбрали эмиграцию за границу, в США. В США А.В. Козулина после непростого периода «встраивания» в американскую жизнь стала юристом и вышла замуж. Насколько можно судить со стороны, непростым был и период адаптации там Н.Л. Кременцова, какое-то время числившегося сотрудником СПбФ ИИЕТ, но фактически, так сказать, переходившего с одного американского гранта на другой и, в конце концов, женившегося и перебравшегося в Канаду, где он преподает в Университете Торонто, оставаясь историком науки.

1988 год

НАЗАРОВ
Анатолий Георгиевич

Могу сказать, что для меня приход в Институт истории естествознания и техники, наверное, совсем не случаен. На каком-то уровне своего развития, причем не в молодом возрасте, а где-то после тридцати, когда я был уже зрелым кандидатом наук и приближался к докторскому уровню, почувствовал интерес, скорее, устойчивую тягу к историческим исследованиям в своей области естествознания, экологической. Это проявилось и в выборе темы докторской диссертации: «историко-экологические аспекты биогеохимической цикличности». Речь шла о большом круговороте веществ, с выделением исторических периодов и эпох, попытками анализа этапов научной мысли. Первым, кто меня подтолкнул к историческим исследованиям, был член-корреспондент Академии наук Виктор Абрамович Ков-

да, знаменитый почвовед, президент Международного союза почвоведов. Он часто говорил, просматривая какую-нибудь из очередных моих работ: «Толя, знаете (я был его заместителем по отделу эколого-биосферных проблем в академическом Институте почвоведения и агрохимии, проработал с ним восемнадцать лет), всегда нужно смотреть исторически». И я стал, действительно, вглядываться в историческую канву исследований, сопоставлять хронологию событий, до этого у меня такого не было. А вторым человеком, которого я, конечно, буду помнить всю оставшуюся жизнь, и кто окончательно определил мою «историческую судьбу», был академик Александр Леонидович Яншин. С ним мне повезло встретиться и поддерживать знакомство с 1963 года, вскоре после окончания института. Об этом у меня подробно написано в посвященной ему большой статье в сборнике его памяти (2005). В середине 1980-х гг., когда А.Л. Яншин был вице-президентом Академии наук СССР, он организовал в Академии наук Комиссию, деятельность которой была направлена против переброски рек. Сам Яншин считал идею переброски северных и европейских рек на юг пагубной и в корне вредной для страны. При нем организовалась группа единомышленников из научной «молодежи» (в возрасте между 30–40 годами!), я как раз защитил в 1984 году в разгар работы этой Комиссии докторскую диссертацию, и он пригласил меня Ученым секретарем. Мы работали в его кабинете, он много рассказывал, блестяще знал историю, особенно историю Киевской Руси. В эти же годы встречались мы и со Святославом Николаевичем Рерихом, вот в таком я находился «историческом окружении». А.Л. Яншин сначала поручил мне разобраться с вопросом истории переброски рек, и я вгрызался в эту проблему с большим эмоциональным воодушевлением, особенно когда увидел в архивах, что это такое, и что возникла идея переброски не сегодня, что корни лежат в двадцатых–тридцатых годах минувшего века, что с ней связаны искалеченные судьбы, лагеря ГУЛАГа... Когда я передал стопку страниц в кабинете Яншину, он бегло их просмотрел, аккуратно сложил, немного помолчал, потом предложил: «Давайте прогуляемся?» Мы молча прошли по аллеям Нескучного сада, сели на лавочку, он снова перелистал, вчитываясь, мои листы. Состоялся разговор один на один, определивший мою дальнейшую судьбу: «Толя, вот что я Вам скажу, мы не можем сейчас это публиковать, но придет время, – это был 1985 год, – придет время обязательно, Вам нужно это продолжать».

По совету и ходатайству А.Л. Яншина и по приглашению Ученого секретаря ИИЕТ Тугаринова, И.И. Мочалова и перешедшего в Институт вице-адмирала Е.А. Шитикова, с которым был знаком по радиационным делам на Новой Земле, я решил перевестись в ИИЕТ. Но удалось лишь спустя три года, в 1988-м, после того как проработал директором Института биологических проблем Севера на Востоке. Первые мои впечатления в нашем Институте были от людей, которых я знал с 1970-х гг. по совместной работе в Комиссии по научному наследию В.И. Вернадского. Я хорошо знал Инара Ивановича Мочалова, младшего Тугаринова (в молодости я встречался с его отцом), Майю Семеновну Бастракову, немного Геннадия Аксенова. Для меня особенно близким духовно был Инар Иванович, такой нравственно чистый, душевно богатый и чрезвычайно талантливый человек. И я все у него допытывался: что такое история науки, с чего начинать историко-научное исследование? Но прошло еще несколько лет,

прежде чем я понял, чем же отличается ИИЕТ: сначала интуитивно, неосознанно, потом более явственно для себя узрел, как ущербно для исследования, если не брать историческую линию, не уметь выделить эпохи, этапы, периоды, как многое теряется. Особенно остро почувствовал на своей бывшей судьбе, на Чернобыльской, и на испытаниях ядерного оружия, в которых мне раньше приходилось принимать участие. Столько всего там было наработано, а мы исторические уроки из них не извлекли, как и из катастрофы в Кыштыме, которая в 1957 году произошла на Урале. И когда грянул Чернобыль и мы туда поехали (я не сразу, в 1987 г., еще был директором на Востоке, не отпустили), стало ясно – мы начинаем с чистого листа, причем начинаем очень тяжело. Я видел, как гибли люди, видел, что ничего не усвоено из того исторического прошлого, что нужно усвоить. И, наверное, именно тогда для меня, участника событий, история науки стала наполняться человеческим, личностным содержанием. Я понял, что огромный научный потенциал и мощный духовный заряд, которые накоплены в истории науки, пока еще удел избранных или интуитивно это чувствующих не-историков науки, и не востребованы обществом как руководство к действию. Тогда я стал глубже вчитываться в труды В.И. Вернадского, Сергея Ивановича Вавилова, приступил к изучению Бэра. Я понял, что эти гиганты, гениальные естествоиспытатели, они историю науки восприняли как некую основную методологию своей работы. Без этого они не могли. Я прочел массу интересных высказываний Вернадского о том, что история науки – это как бы венец настоящего ученого, что к этому нужно идти, это нужно развивать в себе. Вот такое первое впечатление.

Второе, уже более приземленное впечатление... Знаете, мне понравился вот такой, может быть, немножко расхлябанный Институт, внешне мне он показался именно таким. Мне, человеку с детства военному (в 1949–1955 гг. был воспитанником Рижского и Ленинградского военно-морских училищ, позже был также тесно связан с радиационными подразделениями армии и флота), привыкшему к жесткой дисциплине, сначала трудно было что-то понять. Боже мой, думаю, как они вообще работают, это что такое? И в то же время я увидел, что и в такой немыслимой обстановке люди работают. Вот вроде бы их нет, и тот не ходит, и того нет. Смотрю, откуда ни возмись, книги серьезные появляются, статьи... Меня это просто поражало. Я долго не мог избавиться от укоренившегося комплекса обязательности. Приходил в Институт не только в присутственные дни, вторник и четверг, но и в понедельник, среду и пятницу, нередко прихватывал и субботу. Потом постепенно, по Чехову, каплю за каплей, «выдавливал из себя раба». В этом мне помог Владимир Михайлович Орел, директор ИИЕТ, выезжавший с нами в экспедицию в Калмыкию. Он как-то сумел убедить, что «совершенно не обязательно маячить ежедневно, и Вы можете сделать больше». И это простая мысль, сказал он. И ощущение от ИИЕТ мне стало еще ближе, потому что я понял, что это другой тип творческой деятельности. Что если быть ответственным, оставаясь обязательным, по крайней мере, для себя, то можно сделать очень много. Я словно увидел других людей, и мне страшно понравилась такая свободная демократическая обстановка, это совпало с годами обновления России. Я увидел что-то другое, чем то, к чему я привык. Мне это было близко по моему типу личности и воспитания. Я стал ходить в библиотеки в «свободные» дни и начал осваивать историю науки, как мне казалось, по-настоящему.

Кроме Вернадского, я увлекся тогда работами Бэра, Леонида Яковлевича Бляхера, И.И. Канаева, читал сборники Института 50-х гг., работы сотрудников ИИЕТ. Не все принимал. И меня это все, конечно, захватило. Стал для себя искать, что такое история науки, в чем ее сердцевина. Я, помню, замучил Инара Ивановича, все спрашивал: «Что Вы считаете главным?» Он как-то растерянно отвечал: «Может, надо брать общие условия науки». Я начал понимать, что чувство историзма, если оно есть, у каждого человека свое, и должно органически вызревать изнутри. Возможно, это сродни невысказанному, что, собственно, и формирует талантливую, яркую личность. Мне еще помогло в ИИЕТ общение со стажерами и аспирантами. Вы помните, у меня был ряд учеников из молодежи. Многие молодые ребята не понимали, что такое история науки, почему этим нужно заниматься. Я с ними работал и сам учился, сам приобретал свое видение истории науки.

Еще впечатления? Отношения с Дирекцией Института. Особенно отмечаю период директорства Владимира Михайловича Орла. Я считаю, что Алексей Владимирович Постников как ученый, безусловно, очень ответственный, скрупулезный, знающий, но ему трудно иногда перестроиться на эту административную, рутинную работу. Это совершенно естественно, сам был директором и знаю, как трудно жертвовать ради блага института собственными исследованиями. Что мне еще нравится? Пожалуй, самое яркое впечатление от ИИЕТ сохраняется до сих пор. Институт такой многослойный, многофункциональный, междисциплинарный, куда интересно приходиться. Я забредаю то в «космос», то к математикам, то к техникам, поскольку имел дело с ядерным оружием, просто интересно было, как и что. Семинары прекрасные были, а у В.П. Визгина – и сегодня. Экологический центр, которым руковожу, связан со всеми отделами и центрами ИИЕТ. Когда в отделе «Архив истории науки и техники» мы работали с Ольгой Вальковой над концепцией Чернобыльского архива, мне все было интересно – и Иконотека, и «Отечественные архивы». Какая же это громадная область знаний! Мне кажется, любого, и меня в частности, такое знание заставляет быть более документально точным. В истории науки надо доказывать. Вот мои основные впечатления, далеко не все, от ИИЕТ как учреждения, где я просто могу душевно отдохнуть в процессе общения и обогащаться. Я работаю в настоящее время еще заместителем председателя Общественного Совета Росатома. Это ответственная должность. Но в Росатоме совсем не принято критиковать. У нас же это норма. Совершенно другие срезы общественного и корпоративного сознания.

Я здесь почувствовал вот что. У меня есть какие-то заслуги, орденские знаки отличия, я член Президиума и академик РАЕН, председатель Чернобыльского комитета и ряда других «престижных» организаций, один из трех первых докторов наук по экологии. Но здесь я как бы стыжусь всего этого, то есть стыжусь в самом простом человеческом смысле. В Институте ты словно голый король, ты должен показать, кто же ты есть на самом деле, показать интеллектом, умом, воспитанием, культурой, а не прошлыми заслугами и чинопочитанием. Больше всего в ИИЕТ мне нравится общая обстановка культуры. Раньше я занимался историей и теорией музыки, некоторое время искусствоведением, и с рядом сотрудников, не буду называть, мы ходим на концерты, в консерваторию, в зал Чайковского, на конкурсы Чайковского, Рахманинова, которые летом бывают, и я чувств-

вую какое-то духовное родство с коллегами по науке и по восприятию культуры. Это состояние души просто удивительно. Не афишируя такие походы, никто не кичится своим уровнем образованности, общей культуры, хотя в ИИЕТ есть очень культурные люди, игравшие в симфоническом оркестре, имеющие очень хороший опыт литературного и редакционного образования. Обстановка культурной среды не дает человеку выходить из того, что и есть сущность человека. Он остается самим собой. Что мне не нравится? Не нравится, что есть группа людей, для которых необязательность стала уже нормой жизни. Отсюда ослабленная научная деятельность. Если человек не приходит, не общается с коллегами, простите меня, как он тогда сможет оценить свою работу? В науке нельзя не общаться. Как говорил Вернадский, надо жить наукой, если вы занимаетесь наукой, а это значит общаться, активно участвовать на научных форумах, публиковаться, и многое другое. Но я думаю, что такое встречается в любом академическом учреждении. Я раньше не понимал основополагающей роли истории науки как научной методологии. А сейчас я горжусь, всем доказываю ее значение, с кем доводится общаться. Сейчас я чувствую, что достигнутый уровень в истории науки, без ложной скромности, высок и позволяет обозревать целые области знания. В общении с коллегами мы можем определить, академический или не академический это ученый, качество и уровень его мышления. Отсутствие исторического мышления сразу же видно. Это не обогащает человека.

Мне кажется, что мы многое теряем в Институте, что полученное историко-научное знание не передаем, не пропагандируем в обществе. Его надо двигать дальше. Я взялся за составление общеинститутской программы популяризации и пропаганды академических знаний без всяких претензий, совершенно добровольно. Я понял, что мне надо самому это пройти, я должен понять, как наука должна входить в общественное сознание, есть ли востребованность. И я увидел, какая есть востребованность на историю науки, что это *terra incognita* для огромных масс общества.

Раньше не надо было убеждать ни Комарова, ни Вернадского, ни С.И. Вавилова, ни других академиков в значении истории науки. А сейчас это стало нормой, что нужно убеждать, что нужна история науки. Я думаю, что возникшая коллизия с гражданской историей, куда, дескать, должна войти история науки, не от большого ума, не от большого интеллекта. Это типично конъюнктурное, обывательское отношение, оно не несет за собой каких-либо положительных ярких черт. Историк науки должен, конечно, быть историком. Но быть историком науки и гражданским историком – это все-таки разные вещи. Мне лично нравится сама идея науковедения, науки о науке. Если ее серьезно развивать, будет очень интересно. Вообще мне многое нравится. Я горжусь, что здесь, в Институте, мое постоянное место научной работы, несмотря на ряд предложений, которыми нас, экологов, атакуют со всех сторон. Я глубоко убежден не только в теоретическом, но и в прикладном значении истории науки. Надеюсь и верю, что наш опыт будет использован в будущем развитии и атомной энергетики, и других отраслей практики.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 185–191.

1988 год

ПОНОМАРЕВА
Валентина
Леонидовна

Я пришла в Институт в 1988 г. и не волею случая, а сделала свой выбор вполне осознанно, только не со студенческой скамьи, а после увольнения из Армии.

Дело в том, что с 1962 по 1988 годы я была кадровым офицером ВВС, служила в Центре подготовки космонавтов. До 1969 г. была в Отряде космонавтов, готовилась к космическим полетам – сначала к первому женскому полету, когда полетела Терешкова, в 1965 г. к полету на корабле «Восход», который не состоялся, а потом просто готовилась.

В 1969 г. женская группа космонавтов была расформирована «за невозможностью использовать», а мы, четверо оставшихся на Земле, продолжили свою службу в Центре, который в 1969 г. был

преобразован в научно-исследовательскую организацию. В 1988 г. я была уволена из Армии по возрасту.

Традиционно военные пенсионеры Центра оставались работать там же, что называется, за своим столом. Мне же хотелось чего-то иного... Жизнь в гарнизоне все же несколько замкнутая, хоть это и Звездный городок, и круг общения в общем-то ограничен. А мне хотелось на волю, «в широкий мир».

После расформирования группы я работала в научном отделе. Сотрудники Центра, несмотря на закрытость тематики, участвовали в научной жизни, выступали с докладами на различных научных мероприятиях. Вот и я однажды поехала с докладом на Чтения Циолковского в Калугу, и это было поворотным пунктом в моей жизни. Я познакомилась с Виктором Николаевичем Сокольским и Софьей Аркадьевной Соколовой, и они предложили мне войти в состав Оргкомитета Чтений. Не знаю, правда, какие у них были соображения, да я об этом и не задумывалась. И согласилась.

Я аккуратно приезжала в Институт на заседания Оргкомитета, и в какой-то момент вдруг поразились, насколько расширился у меня круг общения. На заседания приходило очень много людей, собирался полный наш зал на Старопанском.

По диплому о высшем образовании я инженер-механик, специализация – ракетные двигатели. А сюда приходили люди, которые и разрабатывали эти ракетные двигатели, их имена я знала по учебникам, по которым училась в институте. В нашем институтском музее стояли препарированные двигатели. А к нам приходил, например, Л.С. Душкин, конструктор одного из них. Это меня поражало.

В связи с этим вспоминается один давний случай. Когда уже после отчисления из отряда я работала над диссертацией, руководителем у меня был Г.Г. Бебенин, один из первых разработчиков систем управления космических аппаратов. И книжки его по этой тематике тоже были одними из первых. Как-то я пригласила его в гости и сказала об этом своей невестке Наташе. Она очень удивилась: «Как, придет Бебенин? Он же корифей!» Я сказала – ну и что, он все равно придет. «А мы, – говорит она, – по его учебнику учились. Я думала, его давно уже нет». Вот и у меня было примерно такое же чувство.

От общения с этими людьми мир для меня как бы раздвинулся вширь. У людей, приходивших на заседания Оргкомитета, были разные взгляды, разные позиции, все это обсуждалось, возникали споры, и это было чрезвычайно интересно. По происхождению я технарь, и сознание у меня тогда было сугубо технарское. А тут вдруг оказалось, что космонавтика – это не только научные и научно-технические достижения и победы в соревновании с американцами (побед, правда, тогда уже не было). Оказалось, что космонавтика (в широком понимании) требует гуманитарного (философского, социального, культурного) осмысления. Все это, увы, было для меня ново. На Чтениях в Калуге я посещала все заседания философской секции, из-за чего почти что не попадала на свою, «Механика космического полета». И мое технарское сознание стало давать трещины.

Так продолжалось несколько лет, а когда пришел срок выхода на пенсию, у меня не было вопроса – куда податься? Пошла проситься в Инсти-

тут. В это время (напомню, что это был 1988 год) с «клетками» в Институте было, наверное, не так просто, но обстоятельства сложились для меня благоприятно. К тому же за это время я успела подружиться с калужским Музеем истории космонавтики, и директор музея И.С. Короченцев похоронил за меня перед Виктором Николаевичем Сокольским. А Сокольский, как известно, умел добиваться желаемого.

Под начало Сокольского я и попала, в группу истории авиации и космонавтики, которая была тогда единая. Наша группа, кроме текущей научной работы, проводила три ежегодных научных мероприятия: Чтения Циолковского в Калуге, Королевские чтения в Москве и Гагаринские в г. Гагарин Смоленской области. Раз в два года проводился Московский международный симпозиум по истории авиации и космонавтики и, кроме того, различные конференции по поводу знаменательных дат и событий. Все это нужно было готовить, а потом издавать материалы. Виктор Николаевич всем этим дирижировал. Я оказалась у него в подручных в части проведения Гагаринских чтений и 12-го и 13-го Международных симпозиумов. Я думала, что моя деятельность этим и ограничится – работы было достаточно много, – но он сказал, что я должна вести и исследовательскую работу. Меня это, честно сказать, испугало – какой я историк! Но пережить не посмела. У нас состоялся подробный разговор, он старался выяснить, что я знаю, что мне интересно. Сказал, что почитать, чтобы «дообразоваться». Так я стала заниматься историей пилотируемой космонавтики, можно сказать, с его подачи, и очень этим увлеклась. Первое время он внимательно читал то, что я сочиняла, критиковал и направлял. Тогда мы составляли план-проспекты на весь срок работы, он относился к этому очень придирчиво, и мне приходилось неоднократно их исправлять и переставлять. Так что хоть немного и я приобщилась к его школе.

Вообще он был человек, трудный для общения, все это, наверное, знают. Каждое предложение он начинал со слова «нет». Но я как-то нашла с ним общий язык.

Как раз в это время (по-моему, это было начало 1990-х) мы начали осваивать персональные компьютеры. В то время доклады нам приносили большей частью в машинописном виде, а иногда даже и в рукописи. Надо было все это набирать. Я училась на ходу. Когда мы составляли программы заседаний или другие какие-нибудь важные документы, Виктор Николаевич сидел рядом, и дело у нас происходило так: если ему казалось, что я что-то не так делаю, он порывался ткнуть пальцем в клавиатуру. Я его по руке стукну, он руку уберет. Потом перестал, но иногда ему было трудно удержаться от «физического» вмешательства.

Я приходила на работу каждый день, как и он, и мы торчали в Институте до девяти часов вечера. Дел хватало. Однажды после телефонного звонка сказал, что отлучится ненадолго, а вернувшись, принес книжку Примакова с автографом «Дорогому Витеньке» и т.д. Конечно, я удивилась ужасно: Примаков тогда был председателем Правительства. Виктор Николаевич объяснил, что они были друзьями детства – росли в соседних дворах в Тбилиси. Через столько лет сохранить дружеские – да и вообще хоть какие-то отношения при таком несходстве судеб – это, наверное, что-то значит! Так простенько – сходил в Правительство, повидался с председателем, получил подарок...

Удивительно – при таком тесном общении в течение многих лет я ничего о нем не узнала, совсем ничего. После его кончины, разбирая его бумаги и книги, мы нашли множество книг с теплыми и уважительными автографами от весьма известных людей. Он никогда этим не хвастался, и мне показал книгу Примакова только потому, что спросила: «Что это Вы принесли?».

Конечно, он был и педант, и зануда, что мы с Ириной Васильевной ему и говорили, и ссорились мы с ним, и ругались, но у меня было к нему очень теплое отношение и остались добрые воспоминания.

Когда у нас начался переезд, я забрала домой его письменный стол – огромный двухтумбовый стол с шестью ящиками. Он всегда был завален даже не горами, а целыми горными хребтами бумаг, и, что удивительно, Виктор Николаевич запросто в этих завалах ориентировался. А теперь этот стол стоит у меня дома, и я за ним работаю.

И еще один дорогой мне человек – Ирина Васильевна Баландина. У меня как-то сразу образовалась с ней очень большая и теплая дружба. В группе у нас она была хозяйкой. Она была незаменимым человеком при организации наших многочисленных научных «тусовок», и в том числе Национального пленума историков, да и в повседневных делах мы никак не могли без нее обходиться. Она знала, где что лежит, кому нужно позвонить, где найти телефон, что и как сделать. Когда она окончательно ушла на пенсию, у нас возникли большие трудности. И до сих пор я сожалею об ее уходе.

Осталось сказать, что я не устаю благодарить судьбу за то, что я здесь, в Институте истории естествознания и техники. Приход сюда после Армии позволил мне обрести не то, что вторую молодость, но какие-то дополнительные жизненные силы и энергию. Иначе бы я зачахла, это точно.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 88–92.

1988 год

ТОМИЛИН
Константин
Александрович

Впервые побывал в ИИЕТ АН СССР я еще в 1970-е годы. С начала 1970-х гг. в ИИЕТ АН СССР работал мой отец – философ Александр Павлович Огурцов, и он несколько раз приводил меня в ИИЕТ, еще когда я учился в школе, на некоторые культурные мероприятия. Так, я был на спектакле по пьесе Людмилы Петрушевской, который прошел прямо в конференц-зале ИИЕТ.

С некоторыми сотрудниками ИИЕТ я познакомился на юбилее дома у отца – помню, что историк алхимии и поэт В.Л. Рабинович читал стихи, в которых обыгрывал характерные выражения отца (типа «стоп, секунду!»).

В 1985 г. я окончил факультет кибернетики Московского инженерно-физического института (МИФИ) и поступил на работу в

Институт радиотехники и электроники АН СССР (ИРЭ АН СССР). В систему Академии наук я попал до некоторой степени случайно, вопреки общей практике распределения выпускников МИФИ в разные прикладные институты, занимающиеся оборонной тематикой. Это произошло благодаря получению за несколько месяцев до окончания МИФИ выговора с занесением в учетную комсомольскую карточку «за политическую близорукость, отход от классовых позиций...» (на последних курсах обучения я оказался участником неформального антивоенного и экологического движения, опиравшегося на идеи ноосферы В.И. Вернадского).

ИРЭ АН СССР располагалось в историческом здании Физического института Московского университета, в котором работали такие выдающиеся ученые как П.Н. Лебедев, Н.А. Умов, Л.И. Мандельштам, И.Е. Тамм. В ИРЭ я занимался математической обработкой результатов физических измерений в области миллиметрового излучения, но основные научные интересы были направлены на изучение основ теоретической физики. Поскольку школа и институт дали мне хорошую математическую подготовку, мне пришло в голову несколько идей – так я догадался, что использование гиперболических функций значительно упрощает уравнения специальной теории относительности. Когда я рассказал об этой идее отцу, он посоветовал прийти в ИИЕТ и проконсультироваться с историком физики Вл.П. Визгиным. Консультация состоялась на курительной площадке, располагавшейся ниже третьего этажа, занимаемого ИИЕТ, которая играла важную роль как место коммуникации между историками разных специализаций – своеобразная «зона обмена». Вл.П. Визгин объяснил мне, что эти идеи давно известны и впервые были предложены еще В. Варичаком в 1910 г. Увы, на нашем факультете физика преподавалась с инженерным уклоном и геометрическую интерпретацию специальной теории относительности как геометрию Лобачевского для пространства скоростей студенты не знали (сейчас недостатки образования компенсирует такой мощный ресурс как википедия, но в то время еще не было интернета). Разговор с Вл.П. Визгиным инициировал мой интерес к истории физики, прежде всего к оригинальным текстам выдающихся ученых, и я стал регулярно ходить по букинистическим магазинам и пополнять свою библиотеку трудами ученых из серии «Классики науки» и др.

Другой моей идеей была пространственная форма расположения химических элементов в виде пирамиды, которая имела преимущества перед традиционной плоскостной формой в том, что в ней не было пустых мест и «лишних» групп элементов. С подачи отца я выступил с сообщением на эту тему на заседании по истории химии в рамках институтской конференции, но до публикации дело не дошло. Оказалось, что в ИИЕТ была защищена совершенно выдающаяся диссертация, в которой было собрано более 600 различных форм «таблицы Менделеева», в том числе и пространственные формы. С этой диссертацией удалось познакомиться в библиотеке ИИЕТ, и я обнаружил в ней формы, близкие к моей.

Отец также инициировал мою работу с архивными источниками в ЦГАОР (ныне – Государственный Архив РФ) – по изучению подготовительных материалов Всесоюзного совещания физиков 1949 г., готовившегося по образцу сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой была разгромлена генетика, но отмененного в последний момент, как считается, благодаря

участию физиков в создании атомного оружия. В годы перестройки в ИИЕТ прошли две конференции по теме «Наука и власть» и отец собирал тексты для сборника на эту тему в известной перестроечной серии «Иного не дано». Предполагалось, что для сборника напишет предисловие А.Д. Сахаров, однако он скоропостижно умер, а вскоре наступил развал страны и издательских структур. Сборник удалось издать только в 1994 г. в виде двух номеров журнала «Философские исследования». Статью на основе добытых архивных материалов мне помогал написать отец, что стало для меня образцом работы с архивными источниками.

Еще одной идеей, которая меня привлекала, было использование фундаментальных постоянных в качестве основных эталонов. В этом случае удавалось избавиться от произвола в выборе единиц измерения. Вопреки мнению ряда крупных ученых, в том числе Нобелевских лауреатов, я отстаивал возможность построения системы единиц на основе одновременного выбора в качестве эталонов всех трех постоянных – скорости света, постоянной Планка и элементарного заряда. Кроме того, как выяснилось, такая система уже предлагалась еще в 1949 г. немецким метрологом У. Штилле, но была полностью забыта. Это еще больше усилило мой интерес к истории физики. Однако в русскоязычных журналах мне в то время опубликовать это не удалось (в 1999 г. вышли англоязычные публикации). В 2019 г., как известно, наконец, состоялась реформа метрологии, основанная на выборе именно этих трех постоянных, а также постоянной Больцмана в качестве эталонов.

Интерес к фундаментальным постоянным привел к тому, что в 1988 году я поступил в заочную аспирантуру ИИЕТ АН СССР. В качестве реферата при поступлении написал обзор истории естественных систем единиц, основанных на выборе фундаментальных постоянных в качестве эталонов, и затем сдал экзамен по истории физики, который принимал В.С. Кирсанов. Научным руководителем был Г.Е. Горелик, незадолго до этого перешедший в ИИЕТ из Издательства МГУ, но затем эмигрировавший в США.

Интересно, что, когда я обсуждал свои научные интересы и поступление в аспирантуру ИИЕТ с одним из заведующих лабораторий ИРЭ, он спросил меня: «А Вы знаете, что это за институт?», и посмотрел на меня с неподдельным ужасом. Я ответил, что знаю. Как оказалось, в ИИЕТ из ИРЭ еще в брежневские времена был «сослан» физик А. Каплан, не поддержавший на собрании ввод танков в Чехословакию в 1968 г., поэтому ИИЕТ воспринимался в ИРЭ и других институтах как «место ссылки». У меня же сложилось совершенно другое представление об ИИЕТ – как институте, где работают выдающиеся, уникальные ученые. К этому времени Каплан уже эмигрировал, но позже приезжал в Россию и триумфально выступал в ИРЭ. Получилось, что я, перейдя из ИРЭ в ИИЕТ, пошел по стопам Каплана.

Предполагалось, что в аспирантуре я буду разрабатывать тему истории трех постоянных c , G , h , поскольку, как считалось, именно эти три постоянные определяют наиболее общую cGh -теорию, частными случаями которой являются общая теория относительности и квантовая теория. История скорости света и постоянной Планка в значительной степени уже была исследована другими историками и их фундаментальный статус не вызывал сомнения. Совершенно другая ситуация была с гравитационной постоян-

ной, ее появление в физике было неизвестно. Иногда она приписывалась Ньютону вместе с законом всемирного тяготения, однако в реальности он ее не вводил. Также и ее фундаментальный статус вызывал большие сомнения, существовали теории, где она зависела от времени. Поэтому я направил усилия прежде всего на выяснение истории гравитационной постоянной. После длительных поисков по оригинальной литературе удалось обнаружить ее наличие только в трактате по механике С.Д. Пуассона (1809), второй том которого был как раз в обширной библиотеке ИИЕТ, а первый – в библиотеке МГУ. Этот результат и сейчас сохраняет значение – более раннего появления этой постоянной до сих пор не выявлено.

С 1992 г. начались проблемы с финансированием на основной работе в ИРЭ и приходилось зарабатывать сборкой домов в Подмосковье и ближайших областях. Вернуться к историко-научной работе удалось с 1994 г. благодаря годовому гранту РФФИ по истории фундаментальных постоянных. Незадолго до этого я присутствовал на заседании Ученого совета ИРЭ РАН, на котором два заведующих лабораторий возмущались, что их гранты РФФИ были израсходованы бухгалтерией без их согласия, на что бухгалтер отвечала, что деньги пошли на зарплату сотрудникам их же лабораторий (позже такой практике был поставлен барьер регламентом РФФИ). Чтобы не попасть в аналогичную ситуацию, я перевел финансирование через ИИЕТ РАН, соответственно налоговые отчисления оставались в ИИЕТ. По окончании гранта, благодаря поддержке И.В. Лапиной и В.М. Орла, я был взят по контракту в Отдел аспирантуры на должность старшего научного сотрудника. В это время началась компьютеризация ИИЕТ и мои знания компьютерной техники оказались востребованы в ИИЕТ, меня же интересовала история науки, прежде всего история физики.

Через несколько лет я перешел в Отдел истории физико-математических наук, и в декабре 2003 г. защитил диссертацию по истории фундаментальных постоянных, а в 2006 г. издал при поддержке РФФИ книгу «Фундаментальные постоянные в историческом и методологическом аспектах».

Важным направлением с 1999 г. было инициирование совместно с отделом электронной библиотеки по социальной истории отечественной науки. Большое количество ценных исследований по теме «наука и власть» было опубликовано с конца 1980-х и в 1990-е годы в различных труднодоступных сборниках и журналах, и их оцифровка давала им «вторую жизнь». В рамках этой библиотеки собиралась и база данных репрессированных ученых, иницирующим импульсом для которой стала работа Ф.Ф. Перченка по репрессиям членов АН СССР. (Библиотека зарегистрирована как государственный информационный ресурс и свободно доступна на сайте ИИЕТ РАН).

С 2005 г. в составе группы сотрудников принимал участие в подготовке к изданию дневников Президента АН СССР академика С.И. Вавилова. С 2013 г. основные научные интересы связаны с историей и методологией электродинамики, прежде всего историей различных форм систем уравнений классической электродинамики, которые предполагаю издать в качестве монографии.

1989 год

ГОРЕЛИК
Геннадий Ефимович

**Как физик превратился
в историка науки**

Если бы мне – студенту физфака МГУ в поздние 60-ые – сказали, что профессией моей станет история науки, я бы ни за что не поверил. Университетский курс истории физики был очень скучным. Допотопные приборы вытаскивают из подвалов и, вытерев пыль, разглядывают с усердием, достойным лучшего применения. Да, с помощью этих штук когда-то добыли крупинцы научного знания, о которых в тогдашних журналах выдвигали несусветные гипотезы, пока не выяснилось, что же на самом деле. Добыли, выяснили, и хорошо. Давно проехали. Нас, физиков-теоретиков, ждут новые загадки Вселенной!

Меня лично больше всего манили загадки теории гравитации, которую никак не удавалось

скрестить с квантовой теорией. Изучая уже сделанное в теории гравитации на кафедре теорфизики, к окончанию физфака я успел даже сказать пару «новых слов науки», опубликованных в «Вестнике Московского университета». Темой моей дипломной работы была так называемая «скалярно-тензорная теория гравитации» (она же «теория Бранса–Дикке») – обобщение теории гравитации Эйнштейна и, по мнению тогдашних солидных вроде бы физиков, ее конкурент. В это обобщение я лично не верил, но верил в конкуренцию, и считал полезным – в виде дипломной работы – взглянуть на теорию Эйнштейна со стороны. К успешной защите диплома добавились сплошные «отл» в оценочной ведомости, что привело к красному «диплому с отличием» и к направлению во «внутреннюю аспирантуру», т.е. на родную кафедру теорфизики моей альма-матери.

Я уже думал, чем займусь в аспирантуре, когда кто-то из однокурсников спросил, видел ли я доску объявлений возле деканата. Подошел и увидел небольшой список фамилий выпускников, которым надлежало явиться в райвоенкомат для прохождения службы в Советской Армии. Два года – вынь да положь. Я решил, что это недоразумение – у меня же направление во внутреннюю аспирантуру?! Почему из пяти сотен выпускников физфака, в небольшую группу военно-избранных включили и меня, круглого отличника и почти что аспиранта?! Мне объяснили, что распоряжение пришло сверху, приказ Министра обороны, и ... ничего не поделаешь. Явившись в военкомат, поинтересовался, как проходит процесс избрания, и там сказали, что список избранных составляет альма-матерь. Или мачеха?

Два года я, лейтенант-двухгодичник, охранял небо над Москвой от натовских ястребов. И служба совсем не казалась бы мне мёдом, если б я не взял с собой научную тему для размышлений – проблему размерности пространства.

Эту проблему я обнаружил еще студентом. Простейшее количественное свойство наблюдаемого физического мира – его трехмерность – физический факт математического характера. И самые обычные для физика вопросы относительно этого факта звучали очень странно, а вслух и вовсе не звучали. В каких опытах и с какой точностью измерена размерность? Может ли быть, что размерность пространства в масштабах элементарных частиц отличается от 3 или просто теряет смысл? И на каком теоретическом языке такие возможности описуемы? Размышлять об этих высоких и глубоких материях можно было без отрыва от армейской службы. До того я прочитал уже всё, что было внятного написано на эту тему. Физический текст был лишь один – статья Пауля (Павла Сигизмундовича) Эренфеста аж 1917 года. Математических текстов было гораздо больше, но я, прослушав курс «Теория размерности» на мехмате и сдав зачет, понял, что для физики вся та красивая математика совершенно непригодна.

Отслужив, я первым делом явился на физфак, помня о направлении во внутреннюю аспирантуру. Увы, мне объяснили, что поезд ушел. Стучался в разные научные двери – не открыли. Лишь через пару месяцев, по благу, удалось поступить на работу в Издательство МГУ – редактировать книги по физике и математике. В свободное от работы время тоску разгонял теорфизическими размышлениями.

Два события открыли для меня историю науки, как нечто, заслуживающее внимания.

Во-первых, друг-однополчанин подарил мне на день рождения 4-томник Эйнштейна. Я начал читать и зачитался. Идеино-научное и лично-человеческое сплеталось в одну увлекательную и загадочную историю, и то была история науки.

Во-вторых, уже умудренный научно-поэтической прозой Эйнштейна, по долгу службы редактировал я очередной выпуск сборника «История и методология естественных наук», задавал вопросы составителю, предлагал исправления-уточнения. А после редактирования, составитель – Церен Санжиевич Сарангов – неожиданно предложил мне написать статью для их сборника. И заодно, расспросив и сочувственно выслушав, сообщил, что есть такой Институт истории естествознания и техники, куда можно попробовать поступить в аспирантуру.

Это был совершенно неожиданный поворот. Поразмыслив, я сообразил, что понятие размерности пространства имело долгую историю, начиная с Аристотеля и Канта, да и статья Эренфеста была уже в далеком прошлом, и что как следует познакомиться с этой историей мне следовало бы так и так. Почему бы не попробовать?

Попробовал – походил на семинары, познакомился с сотрудниками. Понравилась дружелюбная атмосфера и уровень обсуждений. Сдал экзамены в заочную аспирантуру на отлично, но... не прошел по конкурсу. О чем получил справку, чтобы оправдать предоставленный мне по закону отпуск:

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Москва, К-12, Старопанский пер., 1/5 Тел. 228-13-07
13 . ноября 1967 г. № 14203/А

С п р а в к а

Дана ГОРЕЛИКУ Геннадию Ефимовичу в том, что он
сдал вступительные экзамены в аспирантуру на отлично,
Не прошел по конкурсу.

Ученый секретарь Института Б.А.Волков

Зав. 4446

Как мне вполголоса объяснили, в конкурсе неявно участвовала моя «инвалидность пятой группы» – опасение, что я брошу Родину и уеду на Ближний Восток (или Дальний Запад), а администрации ИИЕТа потом отдувайся...?!

Возможно, я бы и уехал, если бы не доброжелательная атмосфера в Секторе истории физики. Особенно важным для меня было внимание Владимира Павловича Визгина, его квалификация в области моих интересов и готовность обсуждать мои проблемы – и научные и личные. Он же мне сказал о возможности писать диссертацию в качестве «соискателя»; за таких институт уже не отвечал по всей строгости неписанных советских законов. И я воспользовался этой возможностью.

Назвал я диссертацию длинновато, но точно: «Взаимодействие физики и математики при формировании современных представлений о размерности пространства». Глядя издалека, трудно заподозрить какой-либо драматизм в этом сюжете. Но драматизм был – и внутренний, и внешний. Он дополнял спокойную работу над историческим материалом. Успешность этой работы более всего обязана Владимиру Павловичу, который внимательно читал написанные главы и своими вопросами, замечаниями и советами стал фактически моим научным руководителем вместо того, кто значился формально. С его помощью я постепенно изживал свое теорфизическое высокомерие и овладевал ремеслом историка, дотошно вдумываясь в подробности жизни науки.

А что же драматизм? Внешний драматизм начался с двух благожелателей, которые сказали мне, что тему я выбрал плохую.

Один – историк математики – предлагал стать моим научным руководителем, желая, похоже, войти в историю физики, если я «офизичу» какую-нибудь геометрию из его обширного арсенала. Я вежливо отказался, сказав, что уже начал писать. Тогда он предложил почитать написанное. Я дал ему главу, и через неделю он вернул ее вместе с машинописным отзывом (?), на котором его подпись была заверена печатью (!). Отзыв был отрицательный и... бессодержательный. Но при этом Геометр весело и дружелюбно повторил свое предложение дать мне отличную тему и стать моим руководителем. Я в ответ молча улыбнулся.

Другой мой благожелатель, пожилой историк физики, много и добротнo поработавший, честно не понимал, как можно писать диссертацию на такую бедную тему, как трехмерность пространства. И предлагал мне взять тему солидную – об экспериментальной проверке теории относительности, обещая снабдить необходимым материалом. Я с вежливым упорством пытался объяснить мой замысел, но не преуспел. Тогда он предложил поговорить с Борисом Григорьевичем Кузнецовым, знаменитым (для меня) историком науки, которого мой Благожелатель безмерно уважал. Книги Б.Г., конечно же, я читал, но лично с ним не был знаком, а хотел бы. Благожелатель подвел меня к нему в коридоре и представил: «Вот, Борис Григорьевич, молодой человек, который хочет писать диссертацию о размерности пространства. Я ему объясняю, что это – не тема для серьезной диссертации, но он...». Б.Г. с любопытством взглянул на меня и прервал Благожелателя: «Почему же? Очень интересная тема!» И тут же пригласил меня домой – поговорить. С этого началось мое знакомство с автором очень интересной биографии Эйнштейна и многих других книг. Не раз я бывал у него, испытывая огромное удовольствие от общения с ним (сдобренного вкусным ликером). В устной форме он мне нравился даже больше, чем в письменной. Не знал я, что буду ему обязан и другими драматическими вмешательствами в мою жизнь.

Одно произошло на защите моей диссертации – 14 июня 1979 г. Стенограмма защиты сохранилась, и я только что освежил в памяти незабываемое. Необычным в церемонии было то, что после отзывов двух моих официальных оппонентов прозвучал отзыв третьего – самодеятельного, что было вполне законным, хоть и весьма редким явлением. Этот третий оппонент, крупный мужчина с внушительным голосом, бывал на семинарах и даже, согласно стенограмме, «*пытался оказать на него [то бишь диссертанта] влияние, чтобы научно-материалистический уровень соответствовал необходимым требованиям*», хотя я этого не помню. Огромный отзыв, озвученный погромным голосом, сводился к тому, что «*философские воззрения и морально-патриотические качества тов. Горелика Г.Е. страдают существенными изъянами*». А в подписи значилось «*Доцент, кандидат физико-математических наук, ветеран социалистического труда, нештатный научный сотрудник ИИЕиТ АН СССР*». Как мне сообщили ветераны ИИЕТА, мой оппонент социалистически ветеранил в органах цензуры, в последний год жизни т. Сталина защитил физико-патриотическую диссертацию и поэтому знал, что цензурно, а что нет.

Уже на основании вышеизложенного нельзя признать научный уровень диссертации тов. Горелика Г.Е. удовлетворительным – он не отвечает современным требованиям ВАК СССР. Вместе с этим диссертация не содержит той научной новизны, которая характеризовала бы должествующие творческие способности диссертанта. Таким образом, члены Совета имеет полные основания для отклонения диссертации тов. Горелика Г.Е.

15 августа
1979 г.
Москва

Доцент, кандидат физико-математических наук, ветеран социалистического труда, нештатный научный сотрудник ИИЕиТ АН СССР

А. Сердюков

А. Сердюков
Подпись А. Сердюкова
Удостоверено: ИИЕиТ АН СССР. 14.06.79 г.

После ветерана-цензора первым выступил Б.Г. и сообщил свое мнение: «*Это диссертация очень высокого научного уровня, и я буду очень рад, если в дальнейшем на нашем Ученом Совете диссертации, которые мы будем обсуждать, будут такого же высокого уровня*». Последовали не менее позитивные оценки, которые я – из скромности – цитировать не буду. Возможно, без отрицательного отзыва ветерана соцтруда я и не услышал бы столько хорошего. И, быть может, голосование Ученого совета было бы не столь единодушным: ни одного голоса против.

Вскоре Б.Г. предложил мне написать книгу в научно-популярной серии. И моя первая книга «Почему пространство трехмерно?» вышла в издательстве «Наука».

Осталось рассказать о внутреннем драматизме моего диссертационного сюжета. Настолько внутреннем, что он приоткрылся лишь после защиты, когда я, наконец, смог спокойно полистать вышедший в том году, к 100-ле-

тию Эйнштейна, сборник важнейших работ в теории гравитации. Особых открытий я не ожидал, считая, что представляю себе историческую ситуацию, но было любопытно осмотреть всю историю в одном переплете. Дошел до статьи М.П. Бронштейна «Квантование гравитационных волн», опубликованной в 1936 г. Я слышал об этой статье еще студентом, но то, **что** я слышал, мне казалось, не имело отношения к моему сюжету. Там явно имелось в виду лишь слабое гравитационное поле, а меня-то интересовал предел применимости существующих представлений в случае очень сильной и очень квантовой гравитации. Я знал, что автор погиб в «37-ом», но и это не побудило искать в старых журналах его старую статью.

Когда же статья сама, можно сказать, попала в мои руки, уже первые ее страницы – своим слогом – вызвали предчувствие чего-то необычного. Необычное началось на шестой странице – анализ основных понятий в случае очень сильной и очень квантовой гравитации. И завершился анализ фразой:

«Устранение связанных с этим логических противоречий требует радикальной перестройки теории, ... а может быть, и отказа от обычных представлений о пространстве и времени и замены их какими-то гораздо более глубокими и лишенными наглядности понятиями. Wer's nicht glaubt, bezahlt einen Taler».

Рассказывая В.П. Визгину и В.С. Кирсанову о неожиданной и загадочной находке, я узнал, что вдова Бронштейна, Лидия Чуковская, живет в Москве. И В.С. Кирсанов, отец которого был известным поэтом, нашел ее телефон в справочнике Союза писателей (из которого она была исключена за несколько лет до того).

Я позвонил, и она пригласила прийти. Цель у меня была простая – увидеть докторскую диссертацию ее покойного мужа. Увы, после обыска в августе 37-го, никаких его бумаг не осталось. Осталась лишь ее память. И она начала рассказывать о нем, о том, как он совмещал свою физику, совершенно недоступную для нее, и работу над книгой «Солнечное вещество» для любознательных читателей от 12 лет. Она была редактором этой и двух других его научно-художественных книг.

Ее рассказы превратили меня из физика в историка. Захотелось узнать о Матвее Бронштейне всё, что только можно, чтобы лучше понять его. До того я считал свои расследования прошлого науки чем-то вроде временного увлечения на досуге, полезного для продвижения физики в будущее. И публиковал статьи, претендующие на такие продвижения, наряду со статьями по истории науки. Однако личность физика-теоретика и писателя-практика, которому история предоставила лишь тридцать лет жизни и которого мне нестерпимо хотелось воскресить, требовала полной самоотдачи. И я согласился.

Лидия Корнеевна лично знала еще двух замечательных физиков. Лев Ландау был близким другом Матвея Бронштейна, а с Андреем Сахаровым она подружилась в защите прав человека. Ее рассказы стали для меня живой водой, которая сращивала и одушевляла архивно-документальные факты и воспоминания других очевидцев.

В 1990 году вышла моя (совместно с В.Я. Френкелем) книга о Матвее Бронштейне, в 2000-ом книга об Андрее Сахарове и в 2008-м – о Льве Ландау. И тема, которой я занимаюсь последнее десятилетие, – загадка

изобретения современной физики в XVII веке – выросла из этих историко-биографических исследований.

По всему по этому, глядя вглубь моей личной истории, я с благодарностью думаю о сотрудниках ИИЕТа, из-за которых в перестроечно-гласном 1989 году я с радостью пришел в Институт через 15 лет после моего первого посещения. Пришел на временно-контрактное положение, которое вскоре заменилось обычным постоянным. Думаю также и о том, как советская власть помогла мне найти дело жизни.

1989 год

ГУЗЕВИЧ
Ирина Давидовна

В моей научной судьбе много общего с тем, что рассказал Дмитрий – мы работаем вместе, и подавляющее число наших публикаций – под двумя именами. Поэтому остановлюсь на том, что не попало в его рассказ.

Для меня стал очень тяжелым переезд в 1981 г. из Москвы в Ленинград, где я оказалась в довольно сильной изоляции. Рождение ребенка замкнуло меня на три года в кругу семьи. Возникло то, что я назвала «социальной спячкой». Из нее надо было выходить.

Однажды летом 1983 г. Дмитрий приехал на дачу в Малеевку, где мы снимали комнату, и привез книги о французских инженерах, работавших в России: «Почитай». К зиме я уже вошла в курс дела. И вот в декабре 1983 г., прогуливаясь вечером с коляской по Невскому проспекту, мы с Дмитрием

обсуждали наше будущее. Я в свое время закончила в Москве Институт иностранных языков им. Мориса Тореза по специальности «французский язык и цивилизация». Но ни на работу по специальности, ни в аспирантуру меня не брали – в первой половине 80-х гг. «инвалидность 5-й группы» была еще серьезным препятствием в трудоустройстве. И мы с Дмитрием решили объединить наши усилия – мое знание французского языка, и его – инженерного дела, и действовать самостоятельно, не обращая внимания на внешние помехи. Так история русско-французских инженерных связей на четверть века оказалась основной темой наших исследований.

Ну, а началом нашего сотрудничества стала совместная работа над биографией французского политехника Пьера Доминика Базена. Одним из путей для публикации была серия «Научные биографии», секретариат которой находился в Москве, в ИИЕТ. Пришлось туда поехать к ученому секретарю серии, З.К. Соколовской. Собственно, это и был мой первый приход в ИИЕТ. На несколько лет Зинаида Кузьминична стала нашим добрым ангелом-хранителем. Благодаря ей я, тогда нигде не работавшая, получала отношения в архивы. Подаренные ею книги стоят у нас на полке. При первом нашем визите она объяснила, что приоритет на книгу о Базене – у А.Е. Шнейдера, который уже подавал заявку, но ему отказали. Однако «право первой ночи» все равно за ним. И предложила с ним связаться.

Александр Еремеевич оказался старым битым историком-архивистом. Основной его темой была пушкинистика, в рамках которой он вышел и на Базена. Однако был уверен, что разрешения на публикацию биографии иностранца в России авторами-евреями получено не будет. К его удивлению, таковое было дано (не без усилий со стороны З.К. Соколовской). Он радовался: «Шнейдеру не разрешили писать о Базене, а Гузевичам и Шнейдеру – можно».

С тех пор почти пять лет наша семья жила с Базеном. Однажды наш 6-летний сын, придя к бабушке, через некоторое время возмутился: «О чем вы здесь с дедушкой говорите?» – «А о чем мы должны говорить?» – «Ну, про Базенов всяких».

В 1986 г. в ЛО ИИЕТ, при помощи его ученого секретаря, Б.И. Иванова была устроена презентация рукописи нашей книги о П.Д. Базене. Меня тогда поразил Б.И. Козлов: то, над пониманием чего мы бились уже несколько лет, он, не зная конкретного материала, но прослушав внимательно наши доклады, с легкостью «объяснил на пальцах», чем сильно помог дальнейшей работе. Дело в том, что Базен как инженер-политехник оказался представителем первого «научного» поколения, обученного принципиально новым математизированным подходам, и, одновременно, последнего «универсального» поколения, представители которого были в состоянии заниматься практически любой областью техники и технических наук. И чтобы это осмыслить, требовались знания по истории развития технических наук как единой системы, которой как раз и обладал Борис Игоревич.

Рукопись была сдана в срок, в 1989 г. Однако «чистые листы» были готовы лишь в середине декабря 1991 г. Через две недели развалился Советский Союз, и встало издательство «Наука». Нам был передан лишь экземпляр чистых листов с годом выхода «1992». Мы их распечатали тиражом в 30 экз. и передали в библиотеки и лицам, помогавшим в работе.

Нормальным тиражом (с тех же пленок) книга вышла в 1995 г., благодаря спонсорской помощи парижского Дома наук о человеке.

Сдав в 1989 г. рукопись, мы тут же подали заявку на следующую книгу – о Ф.П. Деволанте. Благодаря З.К. Соколовской она была принята уже без всяких помех. Да и времена наступили другие. Но именно биографию Деволанта мы и не смогли написать, ибо для этого надо было работать в российских архивах, а мы осенью 1991 г. уехали во Францию. Когда окончательно стало ясно, что книга не состоится, мы подготовили и опубликовали два обширных эссе о двух великих голландцах, служивших в России – Ф.П. Деволанте и П.К. ван Сухтелену, изложив в них все, что нами было собрано об этих персонажах. Пусть те, кто в будущем возьмется за эту работу, будут иметь задел.

В начале 1989 г. при ЛО ИИЕТ по инициативе А.И. Мелуа был организован Международный фонд истории науки (МФИН). Я к этому времени уже успела побывать во Франции – ездила по командировке Союза писателей вместе с писателем А.Ф. Полянским. Мы собирали материалы для книги о Морисе Торезе в серии «Пламенные революционеры» в Политиздате. Правда, когда материал был собран и обработан, стало понятно, что ни о каком пламенном революционере речи быть не может.

Но это будет позже, а в 1988 г. поездка во Францию была удивительна. Б.И. Иванов, узнав о готовящемся путешествии, по просьбе Е.В. Соболевой из Сектора истории Академии наук, попросил меня привезти материалы по Городку науки и промышленности – принципиально новому типу научного интерактивного музея. Тогда в ЛО ИИЕТ обсуждался проект Музея истории техники (даже обследовалось здание для него около Спаса-на-Крови), и Соболеву, похоже, прочили в его директора. В рамках этой же программы происходила музеефикация ледокола «Красин», отслужившего свой срок и переданного на баланс МФИН. Помню, как мы составляли первые описи находившихся на нем научных инструментов и консультировались по этому поводу в Центральном военно-морском музее.

Из Франции я привезла довольно много материалов, которыми так и не удалось воспользоваться: музей, в конечном счете, создан не был, хотя были большие надежды. По-видимому, учитывая мой опыт, А.И. Мелуа в мае 1989 г. пригласил меня стать секретарем совета МФИН (пост довольно быстро вырос в «ученого секретаря», в должности которого я проработала до июня 1992 г.). Денег не платили, но у меня появился профессиональный статус и отметка в трудовой книжке. Так я официально пришла в пара-институтскую структуру. В совет МФИН входили сотрудники ЛО ИИЕТ – его президент, А.И. Мелуа, Л.Я. Жмудь, Н.Л. Кременцов, Д.Ю. Гузевич, С.А. Калядина и еще несколько человек, которых я знала уже меньше. А со всеми перечисленными находилась в теплых, дружественных отношениях. Все они позднее приезжали в Париж, и мы довольно тесно и интересно общались.

У МФИН в конце 80-х – начале 90-х гг. было удивительное свойство: в то трудное время шатаний и разброда он позволял эффективно работать с иностранными коллегами, приглашать их в Россию, запускать какие-то проекты, нам самим решать административные проблемы при зарубежных поездках. Это была безусловная заслуга А.И. Мелуа.

Но всему бывает конец. Ситуация в стране продолжала ухудшаться. Безопасность семьи оказалась под угрозой. Нам подкладывали толовые шашки под дверь, писали записки с требованием убраться в Израиль. Мы уже несколько лет жили на маневренном фонде с крысами, а наш расселенный дом (знаменитый дом 10 по Пушкинской улице) и не думали начинать ремонтировать. Дмитрию не дали защищаться, а наша книга о Базене катастрофически задерживалась выходом, хотя давно была отредактирована.

Меж тем Дмитрий получил стипендию Дидро Дома наук о человеке в Париже. Мне тоже дали к ней небольшую надбавку. И мы стали готовиться к поездке.

Лететь предстояло из Москвы, а билеты из Ленинграда на поезд датировались... 19 августа 1991 г. Отстояв в Москве в ночь штурма у Белого дома, 3 сентября улетели во Францию. В Париже мне предложили записаться на диссертацию, что я и сделала.

Через год, когда мы возвратились в Россию, директором института был Б.И. Козлов, который предложил мне интересный контракт на 5 лет: я должна была стать представителем ИИЕТ во Франции. Так, в июле 1992 г. я на шесть лет стала сотрудником института. Денег не платили, но опять-таки, был академический статус, и шел трудовой стаж.

Я, как и Дмитрий, писала отчеты для Петербургского филиала. Мы подавали заявки на гранты и выигрывали их. Нам и по ним умудрялись ничего не платить, но филиал свои отчисления получал.

Однако самым важным своим делом по этому контракту считаю помощь сотрудникам ИИЕТ (позднее этот список стал пополняться и другими российскими исследователями) в посещении Франции – по длительным стипендиям, по краткосрочным грантам, для участия в конференциях. Причем помощь могла выражаться по-разному: представление кандидатур; поиски французских исследователей, которые давали согласие на приглашение (обязательная процедура для получения гранта в фонде Дидро); отзывы на проекты; характеристики кандидатов; помощь на месте с жильем, с контактами, с выступлениями.

Мне это удавалось делать благодаря нескольким возможностям. В-первых, Соня Кольпар – секретарь фонда Дидро – стала нашим достаточно близким другом и доверяла нашим оценкам. Иногда сама запрашивала наше мнение, иногда просила помочь в критических ситуациях. Так, проект хорошего историка архитектуры С.Б. Горбатенко (одного из тех, кто к ИИЕТ отношения не имел) попал на рецензию к искусствоведу, в свое время приехавшему из России, автору книги о Леблоне. Она в Горбатенко увидела конкурента и дала отрицательный отзыв на проект. Пришлось писать контррецензию.

Во-вторых, в 90-е гг. мы оба с Дмитрием были ассоциированными членами Центра по изучению истории науки и техники (CRHST) при Городке науки и промышленности «Ла Виллет» (том самом, в который я впервые попала еще в 1988 г., выполняя просьбу Б.И. Иванова и Е.В. Соболевой – все в жизни взаимосвязано). CRHST ежегодно распределял 24 месяца «пост руж» – престижных грантов CNRS. Обычно отбирали ежегодно по 8 кандидатов, давая каждому по три месяца, и мы имели право предлагать кандидатов.

Ну, и, наконец, в случае необходимости, мы имели возможность действовать разовые бюджеты, отпускаясь на различные коллоквиумы и конференции, в организации которых мы участвовали.

По самым скромным подсчетам, нам в 90-е гг. удалось организовать или помочь в организации от 30 до 40 визитов (к 2020 г., когда все путешествия оказались оборваны ковидными ограничениями, эта сумма утроилась). В основном, речь идет о Франции, хотя были и другие страны. Здесь учитывается, что часть исследователей приезжала по нескольку раз. Всех сотрудников ИИЕТ, пожалуй, уже и не вспомню, но некоторых назову: Л.Я. Жмудь, Б.И. Иванов, С.А. Калядина, Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев, Н.Л. Кременцов, В.А. Крицман (приезжал уже из Германии), Н. Лебедева, А.И. Мелуа, Н.И. Невская, С.А. Орлов, позднее – Г.И. Смагина. Несмотря на подготовленное приглашение, так и не смог приехать Б.И. Козлов.

О нескольких визитерах расскажу чуть подробнее. Николай Кременцов в 90-е гг. приезжал несколько раз и в первые свои визиты останавливался у нас. В эти ранние годы жажда общения и обмена информацией была огромной. Перед нами всеми открылся гигантский мир, и надо было себя как-то в нем позиционировать. Помню, как в один из приездов Николая, в 1994 г., мы просидели втроем за столом и проговорили ... 17 часов.

Особо надо сказать про историка химии Виктора Крицмана – большого, шумного, не всегда тактичного, но очень доброго человека. У него напроць отсутствовало чувство зависти: любил хвастаться, жадно расспрашивал об успехах других и ... столь же шумно и искренне им радовался. Редкое свойство. Есть строки Александра Галича: «Знать бы загодя, кого сторониться, а кому была улыбка причастьем». Господь нас миловал, дав прощальные свидания со многими, кто вскоре ушел из жизни. В последний раз Крицманы были у нас в феврале 2011 г. Сидели у камина, что-то пили, разговаривали, строили планы. В марте Виктора не стало. Его вдова, Нина, приезжала потом неоднократно. Сейчас нет уже и ее.

Как я ушла из ИИЕТ и последующие контакты

Во второй половине 90-х гг., когда сменилась администрация, все уже давно забыли, как и на каких условиях меня нанимал Б.И. Козлов, а сам контракт потеряли. И в мае 1998 г. захотели уволить за отсутствие на рабочем месте, хотя никто не знал, где оно. Европейский представитель для института уже, по-видимому, перестал быть актуальным. Пришлось прислать копию моего экземпляра контракта. В результате дождалась его окончания и просто не продлили. Мое формальное сотрудничество с ИИЕТ завершилось в июле 1998 г., а через 6 месяцев я, выиграв национальный конкурс, получила постоянный пост во Франции, в Школе высших социальных исследований (EHESS). Точно такая же ситуация была у Дмитрия в 2001 г., когда через 10 месяцев после вынужденного ухода из ИИЕТ он получил по конкурсу такой же пост и в той же школе. Интересно, эти события, – изгнания из ИИЕТ и поступления в EHESS, – как-то связаны и обуславливали друг друга либо нет?

Однако контакты с сотрудниками ИИЕТ не прервались. Были даже совместные проекты с Б.И. Козловым, Д.А. Баюком, Г.И. Смагиной и, – выделю особо, – с С.С. Демидовым. Очень хотела пригласить последнего в совет по защите абилитасьон, которая у меня проходила в декабре

2018 г. К сожалению, резкие бюджетные ограничения не позволили этому случиться.

Ну, а самый последний «привет» от уже не существующего МФИН пришел в ноябре 2021 г. В конце октября 2021 г. мы выступали в Калининграде и ознакомились с экспозициями Музея Мирового океана. Выяснилось, что в Петербурге у них есть филиал – стоящий на приколе ледокол «Красин». После отъезда во Францию в 1991 г. мы не следили за судьбой этого корабля, хотя попадавшиеся газетные публикации показывали, что она не была простой. И то, что он, наконец, оказался в надежных руках, нас порадовало. Приехав в Петербург, мы занялись разбором вещей и архивов в квартире Дмитрия, готовя ее к продаже. И вдруг среди прочих бумаг обнаружили папку протоколов заседаний совета МФИН, которые я вела более 30 лет назад. И почти в каждом было хотя бы несколько строк о «Красине». Мы связались с сотрудниками музея (оказалось, что об этом периоде истории корабля они ничего не знают) и с радостью передали им эту папку.

Хорошее завершение истории.

1989 год

ПУСТИЛЬНИК
Симона Наумовна

Я пришла в ИИЕТ в 1989-м году, сначала – в заочную аспирантуру, а в конце 1989-го начала работать. Пришла я в ИИЕТ не случайно, хотя путь мой был достаточно извилист. Начну с того, что я училась в литературно-исторической школе при филфаке МГУ. Моя мама была литературоведом, и, конечно, дальнейшее гуманитарное образование представлялось мне чем-то само собой разумеющимся.

В десятом классе я совершенно неожиданно увлеклась генетикой и решила поступать на биофак. Но уже во время учебы я стала чувствовать, что экспериментальная биология меня мало привлекает, а поработав после окончания в Институте генетики Академии наук и на химфаке МГУ, окончательно поняла, что вид пробирок никакого энтузиазма,

положенного истинному биологу-экспериментатору, у меня не вызывает и вызывать не будет.

Хотелось заниматься какими-то «общими концепциями» и изысканиями. Я увлеклась журналистикой, закончила школу научной журналистики, стала публиковаться в интересной тогда газете «Московский комсомолец», журналах «Химия и жизнь», «Наука и жизнь» и т.п. Но профессия журналиста меня тоже не привлекала, казалась поверхностной, тянуло к более глубоким исследованиям. Я стала думать, что делать дальше.

Про ИИЕТ я тогда ничего не знала. Решила планомерно опрашивать всех знакомых и родственников. Моя мама тоже подключилась, у нее был широкий круг знакомств. Повезло ей – кто-то из знакомых рассказал, что есть такой единственный в стране Институт истории естествознания и техники, сразу предупредив, что в него почти невозможно попасть.

Название мне понравилось. И я с трепетом отправилась в ИИЕТ, в Старопанский переулок. Конечно, будучи биологом, в сектор истории биологии, к заведующему сектором Эдуарду Николаевичу Мирзояну. Эдуард Николаевич принял меня благосклонно и посоветовал посетить их семинар, который начинался через полчаса. Посетив оный, я поняла, что вот то, что мне нужно, и вернулась к Эдуарду Николаевичу. Он меня принял еще более благосклонно и посоветовал ходить на их семинары и «доказать» свою нужность сектору.

Но как доказывать? Интуитивно понимая, что доказывать – и безрезультатно – можно до пенсии, я решила попробовать поступить в заочную аспирантуру, рассудив, что в очную без связей шансов попасть мало. (Действительно, большинство аспирантов-очников, как оказалось, были детьми и родственниками работающих в ИИЕТе, Президиуме Академии наук, МГУ и т.д. маститых и заслуженных).

Придя снова к Эдуарду Николаевичу, я с порога объявила, что хочу поступать к ним в аспирантуру – и тем временем буду «доказывать» ... «Замечательно», – сказал он, и дальше колесики закрутились. Сдала экзамены в аспирантуру сравнительно легко. Но по пути еще пришлось решать проблему с английским. В школе и университете я изучала немецкий, а сдавать и ориентироваться надо было на английский. Как-то я за два летних месяца самостоятельно (денег на репетитора не было – и времени в запасе, чтобы ходить на курсы, тоже не было) его освоила на уровне, достаточном для сдачи вступительного экзамена – так мне хотелось попасть в ИИЕТ! Хотя потом мне пришлось достаточно трудно, в нашей аспирантской языковой группе, где народ был после языковых школ. Родители мои, сами говоря свободно на нескольких языках, а отец – даже на японском, по-видимому, считали, что языки учатся сами по себе...

Сдав экзамены, надо было выбрать тему. Эдуард Николаевич спросил – а какую же тему я выбираю? Я предложила совершенно невозможную и необъятную для аспиранта тему – биологическое время, которую Эдуард Николаевич так же благосклонно принял.

Но очень быстро я поняла, что тема никуда не годится. После долгих поисков и раздумий остановилась на Александре Богданове, еще недавно запрещенном, и его малоизученной «Тектологии». Но Эдуарду Николаевичу идея смены темы совершенно не понравилась. И тем более Богданов с его «Тектологией». «Тогда берите Людвиг фон Берталанфи...». И

сколько я ни просила и ни убеждала, объясняя, что общая теория систем Бергаланфи прекрасно исследована, а «Тектология» – нет, и к тому же Богданов наш, наша история науки, Эдуард Николаевич был непреклонен. Тогда идите в другой сектор или в Институт системных исследований к Садовскому. В глазах его стыло тогда мне непонятное выражение, которое я расшифровала значительно позже. Это нам, молодым, казалось, что свобода уже ждет нас «радостно у входа». А современники хрущевской оттепели еще не были уверены, что ждет у входа, да и у выхода...

На этом, наверно, мой ИИЕТовский этап и закончился бы. Но вмешалась судьба в лице присутствовавшей при разговоре Ларисы Васильевны Чесновой. Сказав: «Сейчас пойдем в сектор игрушек», она провела меня через актовый зал – как оказалось, там были секторы, о которых я ничего не знала. Привела в сектор «История науки и логика», тогда им заведовал Александр Александрович Печенкин, и познакомила с Юрием Викторовичем Чайковским, который весьма заинтересовался «моей» «Тектологией». Так я поменяла сектор, тему и научного руководителя.

В разговоре с Юрием Викторовичем очень быстро родилось изумляющее меня до сих пор великолепное название будущей диссертации: «Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем», по которой я и защитилась через несколько лет. Забегая вперед, скажу, что возникла дилемма, защищаться ли мне по философии или по биологии. Не чувствуя себя философом, выбрала все-таки биологию. А это значило идти к Эдуарду Николаевичу с просьбой быть главным оппонентом. Конечно, я волновалась. Но Эдуард Николаевич дал прекрасный и интересный отзыв. Еще помнится, что Юрий Викторович прямо перед моей защитой опубликовал что-то очень антидарвинистское и испортил отношения с дарвинистским ядром сектора биологии. И соответственно с членами Ученого совета на моей защите. Забыв, что его аспирантка вот-вот защищается! Но счетов никто сводить не стал, черных шаров не кидал, проголосовали единогласно «за». Попросили зачитать отзыв на диссертацию сына Богданова – биолога Александра Александровича Малиновского. Диссертация стала первой в России, да и в мире анализом «Тектологии» с точки зрения профессионального историка науки.

Совмещать работу и учебу в аспирантуре было нелегко. Опять вмешалась судьба. Мне повезло – буквально через несколько месяцев, в конце 1989-го, прямо перед Новым годом меня взяли в сектор на освободившуюся декретную ставку (которая потом видоизменилась в какую-то другую ставку). Перед оформлением Печенкин меня грозно спросил, помимо прочих вопросов, не пишу ли я анонимки. Это был последний вопрос. Я очень удивилась самому вопросу, но смогла убедить, что нет – не пишу.

Отчетливо помню первый день работы в ИИЕТе перед Новым, 1990 годом – началом моего настоящего ИИЕТа – и новой эпохи в стране. Сразу поразила замечательная и теплая атмосфера. Александр Александрович меня представил за чаем как последнее приобретение сектора. Помню, что шел разговор о том, что Ленина, наконец, надо вынести из Мавзолея. Встретили меня очень тепло, я как-то очень быстро со всеми перезнакомилась и почувствовала, что я – дома.

Как я упоминала, сектор наш называли сектором игрушек. Называли так потому, что раньше там был главк фабрики игрушек. Потом та часть

тоже перешла к ИИЕТу, а название осталось. Но был и намек, что занимаются там «игрушками». То ли дело главные секторы, изучавшие историю науки серьезно, от царя Гороха до наших дней. В главной части и потолки были повыше, и по стенам были портреты титанов науки. А там – так, игрушки. Что у меня сразу вызвало ассоциацию с «Игрой в бисер» Гессе...

Помню, что, когда в актовом зале были собрания – нам приходилось идти в обходную, по-моему, через четвертый этаж, чтобы попасть в главную часть Института. Там был не только наш сектор, сейчас уже не помню, относились ли все секторы к игрушкам или только наш. Через несколько лет игрушечную часть толи сдали, то ли продали, нас уплотнили – мы переехали в главную часть...

Мне название нашего сектора «История науки и логика» очень нравилось. Соответствовало моим диссертационным раздумьям о феномене «Тектологии» и логике ее появления – именно на русской почве. Работа над диссертацией шла очень быстро и плодотворно. Я думаю, что тут сыграло роль то, что я одновременно и училась как аспирант, и работала в секторе. То есть общалась с учеными, о которых еще недавно только читала или читала их труды. Сектор у нас был междисциплинарный, было удивительно, что на любой вопрос, который у меня возникал, кто-то из сектора мог тут же ответить или говорил – а вот об этом стоит порасспрашивать такого-то. Вот он как раз навстречу идет... Александр Александрович Печенкин привлекал меня к вычитыванию своих трудов, что тоже помогало в понимании методологии науки. У него была феноменальная память, он мог часами диктовать без остановки главу за главой, практически без ошибок, нашей машинистке Тане Гавриловой, а я и его помощница Лера еле успевали вычитывать, бегая то и дело в библиотеку. Под конец дня стол был уставлен штабелями с книгами. И, конечно, я очень и очень многим обязана замечательным беседам и обсуждениям с моим научным руководителем Юрием Викторовичем Чайковским, который учил меня видеть и анализировать взаимовлияние научных идей в истории науки.

После защиты диссертации я организовала в ИИЕТе конференцию по Богданову, и меня пригласили на конференцию по Богданову в Англию, где мое выступление о «Тектологии» вызвало большой интерес – и привело к совместному российско-британскому проекту по «Тектологии» и постдоку в Англии. Но это уже другая история.

Мои годы в ИИЕТе были незабываемым и счастливым временем. ИИЕТ и интеллектуальное общение с умнейшими людьми России сформировали меня как личность – и я благодарна и всегда буду благодарна судьбе за этот подарок.

1989 год

СЕМЕНОВ
Николай Михайлович

Я родился и вырос в подмосковном городке авиаторов Монино считанные годы спустя после открытия там небезызвестного, до сих пор успешно функционирующего и пополняемого Музея Военно-Воздушных Сил (ВВС). Все мои родные были так или иначе связаны с освоением атмосферы, а кое-кто – уже и космоса, охотно тот музей посещали, и я, едва научившись ходить, часто и не без удовольствия составлял им компанию.

Ещё одной достопримечательностью посёлка была железнодорожная станция Монино, до коренной модернизации 1970 года завершавшая собой тупиковую ветку местного значения и потому – сохранявшая довольно-таки архаичный облик 1930-х годов. Паровозы там я, правда, уже не застал, но – упрощив, по малолет-

ству, кого-нибудь из родных меня туда отвести, подолгу с интересом наблюдал, как стрелочники вручную готовили маршрут очередному поезду, а дежурный по поезду открывал-закрывал шлагбаум при помощи опять-таки ручной лебёдки.

Наконец, Монино первых лет моей жизни относилось не к Щёлковскому, как сейчас, но – к Ногинскому району Московской области, центр которого – город Ногинск (в 1781–1929 годах – Богородск) на протяжении 1924–2010 годов эксплуатировал такую диковинку, как собственная трамвайная линия. Её проложили в трудном начале 1920-х годов однопутной, с несчастными разъездами, контактной сетью на деревянных столбах-опорах и старенькими вагонами, отслужившими своё в несравненно более оживлённой Москве. Ни дать, ни взять, – готовый заповедник технической истории, который я также обожал посещать, напрашиваясь с близкими «в район»!

В 1970 г., наученный родными читать ещё за два года до школы, я заметил в монинском киоске «Союзпечати» необычайно красочный журнал «Техника–молодёжи»: как сейчас помню, с огромным изображением курантов Спасской башни Московского Кремля на обе, переднюю и заднюю, стороны обложки! Родные охотно соглашались сперва его мне покупать, а затем и оформить подписку. Несколько позже я узнал: как раз тогда, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, именно издававшаяся под эгидой ЦК ВЛКСМ «Техника–молодёжи» первой из общесоюзных журналов перешла на всецело цветную печать. Неудивительно, что на протяжении 1971–1973 годов именно в этом журнале видный отечественный конструктор и историк автомобиля Юрий Аронович Долматовский, брат несравненно более известного поэта Евгения Долматовского, опубликовал цикл статей «Наш автомобильный музей», сам же его и проиллюстрировал. Остаётся лишь недоумевать, почему столь замечательное, доходчивое даже для первоклассника произведение не переиздали затем самостоятельной книжкой, которая явно не залежалась бы на прилавках магазинов! Одновременно с «Нашим автомобильным музеем» в журнале появились и продолжающиеся до настоящего времени «Исторические серии «ТМ»: каждый год посвящался какому-то одному виду техники; в каждом номере была статья о каком-нибудь одном выдающемся образце, проиллюстрированная чертежом общего вида в трёх проекциях. Из «Исторической серии «ТМ» 1974 года я впервые узнал о многообразии почти исчезнувших к тому времени отечественных паровозов. Автору той серии статей – Олегу Владимировичу Курихину – довелось много позже, в 2008 г., закончить свой творческий и, к сожалению, жизненный путь именно старшим научным сотрудником ИИЕТ РАН. Году так в 1976-м поведала «Техника–молодёжи» о существовании и развитии в далёкой Великобритании такой науки, как промышленная археология, а всего через два года – о создании Секции научно-технических памятников уже и при нашем, созданном в 1966 г. Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Стремительно близившаяся тогда московская Олимпиада-80 явно ускорила перенос зарубежного опыта на сугубо отечественную почву.

Получив, как было принято в СССР, к окончанию школы-десятилетки «серпасто-молоткастый» паспорт, а с ним – известную самостоятель-

ность, я не замедлил начать поиски означенной секции ВООПИК, и довольно-таки быстро нашёл её при Московском городском отделении ВООПИК, как раз надолго переехавшем в небезызвестный знатокам истории и литературы «Дом Телешева» на Покровском бульваре, 18. Возглавлял ту секцию, одновременно с Проблемной группой ИИЕТ тогда ещё АН СССР «Памятники науки и техники», старший научный сотрудник нашего института, кандидат философских наук Николай Константинович Гаврюшин (1945–2018). Впрочем, означенные памятники составляли лишь часть поистине энциклопедического круга его интересов. В целом, Николай Константинович столь глубоко изучал всё диалектическое взаимодействие традиционно лишь противопоставлявшихся в СССР науки и религии, что его приглашали читать отдельные лекции, а затем – и целые курсы в Московскую духовную академию, на кладбище которой в Сергиевом Посаде он и обрёл ныне свой вечный покой. Даже внешностью, с сугубо русской окладистой бородой, и образом жизни благодетельного главы многодетного семейства этот выдающийся человек напоминал, скорее, одного из немногих ещё на излёте советской поры православных священнослужителей.

Вскоре же после знакомства со мной, 11 мая 1981 г., Николай Константинович пригласил меня навеститься в ИИЕТ АН СССР, до 2005 г. размещавшийся в самом центре Москвы: по Старопанскому переулку, 1/5. Моё знакомство со столицей СССР и России ещё ограничивалось тогда нечастыми школьными экскурсиями, обходившими далеко стороной «старорежимно-купеческий» и, что греха таить, порядком запущенный в XX веке Китай-Город. Тем более интригующей вышла прогулка с колоритным моим наставником сперва по узеньким, будто коридоры, старинным переулкам мимо всё ещё обезглавленных храмов, а затем, после краткого подъёма, напротив, во вполне современном лифте, – бесконечным, словно переулок, коридором, пол которого устилала ковровая дорожка, а по обе стороны – сплошными рядами тянулись застеклённые шкафы с внушительными фолиантами собственной институтской библиотеки. Из углового помещения секретариата со старинными часами открывался панорамный вид на Гостиный Двор и – благополучно высившуюся над Зарядьем «стеклянную» махину гостиницу «Россия». Довольно обширный зал заседаний, трибуна из которого и поныне сохраняется в ИИЕТ, освещали довольно старомодные люстры, к которым от выключателей тянулась ещё более старомодная открытая проводка на роликах-изоляторах... Не обошлось и без примет извечного советского дефицита: в одной из комнат сотрудникам института как раз раздавали продуктовые наборы; Николай Константинович, с любезнейшим извинением прервав нашу беседу, также поспешил наполнить заботливо принесенный рюкзак некими крупами!

Почувствовав мою нарастающую заинтересованность в делах института, Николай Константинович посоветовал вернуться туда уже с дипломом о высшем образовании, в меру сил продолжая контакты с ним и с ВООПИК. Задача оказалась непростой, но вполне посильной и даже увлекательной, принимая во внимание резко ужесточённые во времена управлявшего нашей страной на протяжении 1982–1984 годов Юрия Владимировича Андропова требования к исполнению Почётной обязанности перед Родиной в форме прохождения воинской службы. Окончив инсти-

тут лишь в июне «перестроечного» 1989 года, я уже 1 июля вышел на работу в Проблемную группу ИИЕТ «Памятники науки и техники», для начала – заменив как раз получившую декретный отпуск Марину Владимировну Шлееву, что и до сих пор трудится в институте. Первыми моими коллегами и наставниками стали, помимо неизменно любезного самого Николая Константиновича, дочь болгарского коминтерновца Валентина Петровна Нестоянова и Алексей Мстиславович Пентковский, сменивший, было, на рубеже XXI века учёную стезю на практическое руководство Государственным музеем-заповедником «Абрамцево» в Подмоскowie, да, к сожалению, как сообщалось, не принятый тем коллективом...

Размещались мы тогда в обширной квартире на первом этаже дореволюционного «доходного дома» (он мелькает на секунду в одном из первых кадров до сих пор популярной ностальгической кинокомедии «Покровские ворота» режиссёра Михаила Козакова) по улице Богдана Хмельницкого, которую окрестные жители продолжали упорно именовать Маросейкой, и обратное переименование не заставило себя долго ждать. Из оргтехники всего-то три с небольшим десятилетия назад академический /! / институт располагал всего лишь старыми добрыми телефонами со шнурами и дисками номеронабирателей, да громадными и тяжеленными, в едва ли не бронированных корпусах, пишущими машинками «Ятрань»: отдельно с русским и латинским шрифтами, узкими и широкими (под «альбомный» формат таблиц и т.п.) каретками. Зато – через лестничную площадку того же подъезда на Маросейке находилась такая диковина 1980-х, как собственные ксерокопировальные аппараты Института. С ними мастерски управлялась Галина Ивановна Малышева, любезно избавлявшая, если только позволяли неизменно многочисленные заказы других подразделений, от печатания нескольких экземпляров текста через дико пачкавшую пальцы копировальную бумагу. Разумеется, часто приходилось ходить оттуда в основное здание ИИЕТ на Старопанском и обратно, но для нас, «работников умственного труда», это была совсем неплохая физкультура заодно с любованием хорошо сохранившейся как раз на том направлении московской стариной. К примеру, на месте одного из нынешних «Макдоналдсов» размещалось кафе «Подворье», названное так в память о давшем века назад колоритное имя Маросейке «Малороссийском Подворье», а используя современные термины – Торговом представительстве Украины.

С долгожданным разрешением к концу 1980-х индивидуальной трудовой деятельности, через двор от окон той нашей квартиры устроил собственную полуподвальную студию звукозаписи до сих пор популярный композитор и певец Юрий Антонов, к которому тогда скромно приходил пешком один из будущих «королей романса»: Александр Малинин... Гораздо же менее романтичной особенностью оказалось прохождение прямо под нами паропровода высокого давления к замыкавшему двор корпусу, судя по видимому через окна (вход туда был из другого двора) – небольшой швейной фабрики. Первый прорыв той трубы привёл в негодность и вынул заделанный... собственный погреб (ещё колоритная деталь квартиры первого этажа!), где хранились бумага, копирка и прочие «расходные материалы»; покрылись неустранимой без специалистов-реставраторов ржавчиной уникальные весы и другие приборы, собранные в той квартире

первым в нашем институте исследователем научно-технических памятников: покинувшим мир в 1982 г. Леонидом Ефимовичем Майстровым, которого Н.К. Гаврюшин неизменно вспоминал среди главных своих наставников... С наступлением затем года 1990-го, во всех магазинах, сплошной цепью тянувшихся по обе стороны Маросейки, остались, независимо от вывесок и официальной специализации, лишь... полиэтиленовые пакеты с издевательскими надписями: «Спасибо за покупку!» Собравшись поутру, мы выбирали дежурного к телефону и разбегались в поисках хоть чего-нибудь: не колбасы, так батареек ко всё более проникавшей в быт разнообразной технике... И лишь некая кондитерская фабрика продолжала исправно снабжать роскошными, ещё совсем недорогими тогда, бисквитно-кремовыми тортами красивый фирменный магазин в самом начале улицы Чернышевского (Покровки) у Армянского переулка. Набегавшись, и сложив обретенные-таки продуктовые трофеи в, по счастью, имевшийся «казённый» холодильник, мы скидывались на очередное чудо кондитерского искусства, заменявшее нам обед. Учёные беседы враз становились много веселее!

Ну а 18 мая 1996 года – почти ровно через 15 лет после первого моего знакомства с ИИЕТ, трубу рвануло уже серьёзно, надолго сделав помещение непригодным для дальнейшего пребывания. Нас перевели в основное здание Института, а паропровод – вынесли из подвала под открытое небо. Давно уж нету ни его, ни фабрики... .

1989 год

ЧЕСНОВ
Василий Михайлович

В 1984 г. окончил радиотехнический факультет Московского энергетического института (эти названия уже стали историей – сегодня следовало бы сказать «... окончил Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова (ИРЭ) Национального исследовательского университета “МЭИ”») и был принят на работу в качестве инженера в Особое конструкторское бюро МЭИ (ныне ФГУП ОКБ МЭИ входит в состав Корпорации АО «Российские космические системы»). ОКБ МЭИ было самостоятельной организацией, не входившей в состав учебного института, и возглавлял его в те годы академик А.Ф. Богомоллов.

ОКБ МЭИ участвовало в работах по развитию ракетной техники, комплексов траекторных и телеметрических измерений, в создании систем, обеспечивавших

полет Ю.А. Гагарина, в разработке комплекса для передачи телевизионной информации о выходе А.А. Леонова в открытый космос. А.Ф. Богомолов входил в «совет главных» – неформальный совет по развитию ракетной отрасли СССР под руководством С.П. Королёва, который объединял главных конструкторов основных предприятий, участвовавших в ракетно-космической программе 1940-х – 1950-х годов.

Следуя традициям, заложенным ещё в конце 1940-х гг. основателем конструкторского бюро деканом радиотехнического факультета академиком В.А. Котельниковым, А.Ф. Богомолов, будучи заведующим кафедрой Радиотехнических приборов, смело привлекал к решению самых ответственных задач студентов и выпускников факультета. В их число попал и я. Конструкторская группа, возглавляемая опытным инженером и преподавателем Ю.И. Лукашенко, состояла из выпускников–«погодков» и занималась не только разработкой бортовых космических радиолокационных систем, но и должна была принимать участие в учебном процессе.

Молодёжному коллективу предстояло разработать аппаратную часть космического радиолокатора с синтезированной апертурой антенны для исследования земной поверхности. Тема, в рамках которой был подготовлен дипломный проект «Предварительный цифровой фильтр бортового радиолокатора с синтезированной апертурой антенны», была малоосвоенной и пришлось «поднимать» историю вопроса, изучая в основном иностранные источники. Попутно изучались и аналогичные самолётные системы в сравнении с оптическими комплексами съёмки. Постепенно выстраивалась эволюционная цепочка систем дистанционного зондирования Земли: от первых фотографий Парижа, сделанных в 1858 г. Н. Турнашом из корзины воздушного шара, до современных многофункциональных космических аппаратов.

Таким образом, находясь в окружении персонифицированной истории отечественной космонавтики в лице старшего поколения на фоне развёрнутой картины становления радиометодов исследования планеты с орбиты, очевидно было попробовать более профессионально начать изучение вопроса. Тем более, что в силу семейных обстоятельств, как сын историка биологии я понимал, что представляет собой работа в области истории науки, и имел достаточно информации об ИИЕТ АН СССР.

Конструкторская работа успешно продолжалась, но после долгой беседы с заведующим сектором Истории авиации и космонавтики В.Н. Сокольским стало ясно, что надо начинать «творить» не только с помощью паяльника и осциллографа, но и пером. Не могу с благодарностью не вспомнить В.П. Михайлова и Г.М. Салахутдинова, наставлявших меня «на путь истинный» при подготовке первых выступлений на заседаниях секции «История авиации и космонавтики» Советского национального объединения историков естествознания и техники, регулярно проходивших во второй половине 1980-х гг. в стенах ИИЕТ.

Изучение специальных и историко-научных источников во время экспедиций на просторах мирового океана на борту научно-исследовательских судов Института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР (совместные исследования по изучению радиоотражающих свойств морской поверхности) способствовало окончательному формированию темы возможной диссертационной работы «Развитие радиотехнических систем исследования поверхности планет с борта космических аппаратов».

Тема и соответствующий реферат были одобрены в ИИЕТ, и в 1989 г. я был зачислен в заочную (в ОКБ МЭИ не был ещё доведён «до ума» бортовой радиолокатор) аспирантуру Института. Руководить диссертационным исследованием согласился академик А.Ф. Богомолов.

В 1992 г. был сделан решительный шаг с должности ведущего инженера-конструктора в очную аспирантуру ИИЕТ, по окончании которой в том же 1992 г. был зачислен на должность научного сотрудника. Работа в рамках исторического проекта Европейского космического агентства под руководством профессора Дж. Крига во Флоренции отсрочила защиту диссертации на год. В 1993 г. уже кандидат технических наук (специальность 07.00.10 – история науки и техники) начал трудиться в качестве старшего научного сотрудника в секторе истории научной политики (где была «единица», как говаривали в те годы, туда и зачислили) под руководством В.М. Орла. «Космическая» ориентация исследований сохранилась, необходимо было лишь несколько сместить акценты, тесная связь с сектором В.Н. Сокольского не прерывалась.

Работы в области научной политики заинтересовали профессора П. Бизоньо, директора Института по изучению научных исследований и документации Национального совета по научным исследованиям. По его приглашению в 1994–1995 гг. на основании материалов Института, библиотеки римского университета «Сапиенца» и фонда Маркони в Болонье был проанализирован вклад ученых различных стран в становление и эволюцию радиосвязи, выявлены политические и личностные мотивы не утихающей по сегодняшний день полемики о приоритете в изобретении радио.

Ещё одна область научных интересов сформировалась благодаря «его величеству» случаю. В здании ИИЕТ на Старопанском сектор истории научной политики располагался по соседству с коллегами, занимавшимися историей наук о Земле и весной 2005 г. готовившими экспедицию по изучению памятников гидротехники на Соловецком архипелаге. Для достижения всех намеченных целей коллективу был необходим неплохо физически подготовленный и технически грамотный достаточно молодой учёный. Так Соловки стали моим первым ристалищем в области изучения исторических водных путей. Вплоть до 2014 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований было приведено ещё девять полноценных полевых кампаний, определивших новое научное направление в работе ИИЕТ – Комплексная экспедиция по изучению исторических водных путей. По итогам работ были опубликованы три монографии, а Российское географическое общество в 2016 г. отметило экспедицию премией «Хрустальный компас» в области национальной географии, экологии, сохранения и популяризации природного и историко-культурного наследия России. К сожалению, сложившаяся финансовая ситуация не позволяет в прежнем объёме проводить исследования, но коллектив сотрудников во главе с В.А. Широковой продолжает по своей инициативе проводить полевые работы.

Таким образом, должность ведущего научного сотрудника в отделе истории наук о Земле позволила связать «космическую» и «земную» составляющие историко-научного анализа в единую историю формирования концептуальных основ и методов дистанционного зондирования Земли.

Космическое дистанционное зондирование представляет собой инструмент и метод изучения географических объектов с помощью съемки с борта космического аппарата, в результате которой регистрируется отраженное естественное солнечное или искусственное излучение, или же собственное излучение Земли. Космическая техника позволила революционизировать многие отрасли науки и создать новые. Космические исследования, в частности, дистанционное зондирование Земли, неразрывно связаны с прогрессом обеспечивающей их космической техники. Таким образом, прогресс геоисследований из космоса определяется как собственно развитием научной и приборной составляющей эксперимента, так и совершенствованием его платформы – космического аппарата.

«Космическую» составляющую науки следует рассматривать как часть общей научной деятельности, имеющей свою специфику и в сфере технического обеспечения, и в области обработки информации. Причем последняя с развитием вычислительной техники начинает играть основополагающую роль.

Космические аппараты, проводящие комплексные наблюдения в интересах целого спектра «земных» наук – географии, картографии, геологии, метеорологии, океанологии и др., образуют особый кластер орбитальных средств. Наиболее широко полученные с их помощью результаты используются для изучения природных ресурсов, картографирования и решения задач метеорологии.

Постепенно снижается роль аналоговых снимков и традиционных технологий обработки. Основным анализирующим устройством однозначно является компьютерная система и программное обеспечение. Данные космических снимков могут быть использованы и при проведении исследований по истории географии и картографии. Особую роль средства дистанционного зондирования из космоса как система наблюдения с возможностью глобального охвата территорий играет в изучении гидросферы и водных артерий.

Новые возможности, предоставленные космонавтикой, расширяют границы познания отдельных наук, и не вполне корректно отрывать их от основополагающих дисциплин. Терминологические образования такие как, например, «космическая геология» или «космическая метеорология», не отделяют их от собственно геологии и метеорологии. Так и переход от использования мерной цепи к лазерному дальномеру и системам космического геопозиционирования не изменил сути картографирования в географических исследованиях.

В 2011 г. решением бюро Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН назначен учёным секретарём Комиссии РАН по разработке научного наследия К.Э. Циолковского. Участие в качестве ответственного секретаря в подготовке и проведении ежегодных Научных чтений памяти К.Э. Циолковского в Калуге позволяет постоянно оставаться в курсе самого широкого спектра исследований в области космонавтики.

Результаты моих научно-исторических исследований представлены более чем в ста научных публикациях по проблемам истории науки и космической техники, по изучению Земли и планет с борта космических аппаратов, по научной политике, по истории старинных водных путей Европейской части России.

1989 год

ЮСУПОВА
Татьяна Ивановна

Я пришла в ИИЕТ, в его Ленинградское отделение, в октябре 1989 г. совершенно случайно. Инженер по образованию (закончила в 1980 г. Ленинградский институт точной механики и оптики), я работала в одном из научно-исследовательских институтов Ленинграда. Поводом изменить профессиональную деятельность стала информация о создании Музея истории науки в ЛО ИИЕТ. Довольно наивно я полагала, что, участвуя в этом проекте, смогу реализовать свое юношеское увлечение историей научных идей и открытий в физике.

Меня приняли на должность старшего лаборанта в группу методологии биосферных исследований, которую возглавлял директор ЛО/СПб Филиала А.И. Медуа. Название группы мне показалось весьма странным, не корре-

лирующим с музейной работой. Тем не менее, именно сотрудники этой группы занимались разными оргвопросами, связанными с будущим музеем. И не только. Мы были задействованы в подготовке многих научных мероприятий, организуемых тогда ЛО/СПб Филиалом ИИЕТ.

Ветер перестроечных перемен в стране всколыхнул и академическое сообщество. Директор Филиала развернул целый ряд инициатив, призванных расширить тематику его исследований, приблизить деятельность учреждения к текущим социально-культурным запросам страны и города. В целом эти инициативы отражали особенности перестроечного периода в работе многих гуманитарных институтов, с характерными для этого времени амбициозными планами, с не всегда ясным пониманием возможностей и путей их воплощения. Среди проектов А.И. Мелуа особо значимыми были: изучение Нобелевского движения, музеефикация ледокола «Красин» и создание Музея истории науки и техники. Осуществлять их планировалось при поддержке Президиума АН совместно с Международным фондом истории науки, одним из учредителей которого был А.И. Мелуа, и с привлечением городских структур. Так, предполагалось, что город выделит для музея здание и позволит музеефицировать несколько квартир известных ученых, которые будут филиалами Музея истории науки. А Президиум Академии наук выделит дополнительные штатные единицы для создания музейной группы в Филиале.

История организации Музея истории науки в 1988–1990 гг. подробно рассмотрена в посвященной этому вопросу статье (*Юсупова Т.И.* О создании Музея истории науки и техники в Ленинграде в 1988–1990 гг. // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2). Отмечу только, что идею музея реализовать так и не удалось. Из большого проекта в Филиале осталась лишь квартира путешественника П.К. Козлова, превращением которой в мемориальный музей стала заниматься наша группа. Надо сказать, что ее состав был весьма разнородным и по образованию, и по возрасту, и по мотивациям. В основном – случайно пришедшие в Филиал люди, которые часто менялись.

Проблем с музеем было очень много. Квартира была в ужасном состоянии, представляла собой, практически, склад вещей и коробок, заполненных книгами и бумагами. Срочно требовался ремонт, установка охранной сигнализации, разработка концепции экспозиции, закупка специального оборудования, описание музейных коллекций. Поначалу никто из нас, кроме возглавившей музей С.А. Калядиной, не имел ни опыта музейной работы, ни опыта историко-научных исследований. Чуть позже в состав группы вошла бывший хранитель Музея Военно-Морского Флота О.Н. Кузнецова. Благодаря ей описание и учет музейных фондов сдвинулся с мертвой точки и начал приобретать систематический характер. Но и ее пребывание в Филиале оказалось весьма недолгим.

Как оказалось, период политического и экономического кризиса – не самое лучшее время для создания музея: денег не было даже на зарплату сотрудникам Филиала, не говоря уже о музее. Череда неразрешимых проблем – от хозяйственных до правовых (прежде всего, оформление аренды помещения) следовали одна за другой с регулярным постоянством и росли как снежный ком. Решать их в отсутствие целевого финансирования было практически невозможно.

В конце 1996 г. я поняла дальнейшую бесперспективность моей работы в музее и приняла решение уволиться из ИИЕТ. Но в этот момент новый директор Филиала Э.И. Колчинский предложил мне стать ученым секретарем, поскольку К.Г. Большакова, проработавшая на этой должности более 12 лет, собиралась ее оставить. Это предложение стало абсолютно неожиданным для меня – с Э.И. Колчинским мы были практически незнакомы и у меня на тот момент не было ни одной научной публикации, даже тезисов! Как выяснилось позже, мою кандидатуру предложила Г.И. Смагина (я помогала ей пару раз в проведении конференций), которую поддержал заместитель директора Филиала М.И. Микешин – по проблемам музея мы общались в основном с ним. Я рискнула и 1 апреля 1997 г. началась 15-летняя история моего ученого секретарства в Филиале. Именно с этого дня я отсчитываю и свой опыт научной работы.

Реализовать себя как исследователь я смогла только благодаря необыкновенной творческой атмосфере, которая при Э.И. Колчинском вновь стала доминировать в Филиале. Многие проекты обсуждались у него в кабинете. По многолетней филиальной традиции в директорском кабинете находился также стол ученого секретаря и для меня проходившие дискуссии стали своеобразным историко-научным «университетом». Полученные таким образом знания помогли мне сориентироваться в нашем историко-научном поле и начать собственную исследовательскую работу, которую поддержал Э.И. Колчинский. Большую помощь в овладении новой специальностью мне оказали А.В. Кольцов, Г.И. Смагина и И.С. Дмитриев, который тесно сотрудничал с Филиалом, и многие-многие другие сотрудники ИИЕТ.

Период конца 1990-х – начала 2000-х гг. был, пожалуй, один из самых продуктивных в истории Филиала. Наступившая относительная экономическая стабилизация в стране, еще не задрушенные академические свободы, открытость границ, присутствующий интерес западных ученых к институту способствовали развитию новых направлений и форм его деятельности, широким международным связям и проектам. Сотрудники начали активно участвовать в грантовых программах российских и зарубежных фондов, благодаря которым резко возросла публикационная активность и появилась возможность зарубежных командировок.

К концу 1990-х гг. в Филиале сложился плодотворно работающий коллектив, состоящий из представителей трех поколений, тесно связанных не только тематикой исследований, но и на личностном уровне. Его ядром были «патриархи» петербургской школы истории науки: А.В. Кольцов (1927–2000), Ю.Х. Копелевич (1921–2009), Н.И. Невская (1931–2006), Е.В. Соболева (1933–2006), К.В. Манойленко (1921–2018), Н.Г. Сухова. Очень активно работали представители тогда среднего поколения (А.Б. Георгиевский, Я.М. Галл, М.И. Микешин, Г.И. Смагина, М.Ф. Хартанович и др.).

Пришедшие в Филиал молодые исследователи (А.В. Бекасова, Ю.А. Лайус, А.Б. Кузнецова, В.А. Куприянов, М.В. Лоскутова, А.А. Федотова и др.) находились в тесной связи со старшим поколением, но в то же время очень быстро смогли овладеть современными объяснительными моделями и методами исследований и встроиться в международные историко-научные сети. В этом была большая заслуга тогда тоже молодого

Д.А. Александрова. У него были широкие зарубежные связи, опыт работы на Западе, и он активно делился своими знаниями с коллегами. Еще в 1989 г. Д.А. Александров вместе с другим сотрудником Филиала Н.Л. Кременцовым опубликовали в ВИЕТ одну из первых в России работ в жанре социальной истории науки, которая способствовала значительному продвижению этого метода среди отечественных историков науки (*Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4*). Д.А. Александров также первый начал проводить в Филиале методологические семинары на английском языке. Благодаря ему наша библиотека пополнилась большим количеством зарубежной историко-научной литературы, которую он привозил из своих поездок.

Конечно, были и трудности, и проблемы, и сложности, и ссоры. Филиал покидали перспективные сотрудники – им нужно было развиваться, а Филиал не всегда мог предоставить такую возможность. Сегодня, по прошествии почти тридцати лет, могу сказать, что в эти годы в Филиале всегда была творческая атмосфера – по моему мнению, самое главное условие развития научного учреждения. Ее создавали неравнодушные, ответственные, преданные истории науки и Филиалу люди.

Вот в такой интересный период истории Филиала я стала его ученым секретарем и через очень короткое время работы в этой должности поняла, что история науки – это именно то, чем мне хотелось бы заниматься и именно здесь, в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН. Все мои скромные успехи – только благодаря поддержке и душевной и интеллектуальной щедрости его сотрудников.

1990 год

БЕЛОЗЕРОВА
Лариса Петровна

Все в жизни происходит не случайно. И мой приход в ИИЕТ как бы был предопределен. Я очень дружила с заведующей редакцией ВИЕТ М.М. Королевой и часто заходила к ней на Старопанский переулок. Несколько раз она давала мне подработку – сделать для журнала переводы статей китайских ученых на английском языке.

Доброжелательная атмосфера, царившая в Институте, очень мне импонировала. И в один прекрасный день, именно прекрасный, как я теперь считаю, я узнала, что в Институте в отделе международных связей открылась вакансия на должность лаборанта. И несмотря на то, что раньше я работала переводчиком в Австрии в Международной организации ООН по промышленному развитию, после встречи и собеседова-

ния с директором Н.Д. Устиновым и его замом В.М. Орлом, и недолгих раздумий, я решила на эту работу. Приступить надо было через неделю, 2 января 1990 г., тогда не было таких длинных новогодних каникул. Пришла я в институт с четкой для себя установкой, что я член администрации и призвана создавать условия для установления связей научных сотрудников с международным сообществом в сфере истории науки и техники. Заведующим отделом был в то время В.К. Полтавец, он не владел иностранными языками, и мой приход его радовал, но, как оказалось, и по другой причине. Он вскоре он уволился и рекомендовал меня на его место. Но я отказалась, побоявшись ответственности и не совсем еще вникнув в круг своих обязанностей. Ненадолго на эту должность пришла Марина Калишенко, но ей показалась неинтересной эта работа, и тогда Н.Д. Устинов и В.М. Орел убедили меня, что я самая подходящая кандидатура на пост помощника директора по международным научным связям, и мне пришлось с ними согласиться. К этому моменту я уже знала много об особенностях и структуре ИИЕТ.

Мне посчастливилось работать с такими талантливыми историками науки, известными в международном сообществе, как А.П. Юшкевич, А.Т. Григорян, И.И. Мочалов, С.С. Демидов, С.С. Илизаров, В.С. Кирсанов, В.П. Визгин, А.В. Постников и др.

Тепло и дружески меня встретили Ученый секретарь ИИЕТ О.А. Соколова и секретарь директора И.В. Лерман. Они помогали мне все время моей работы в институте.

Очень помогал мне в работе заместитель директора В.М. Орел, у него были тесные и обширные связи с Президиумом РАН, а в то время помощники директоров по международным связям находились в прямом контакте с Управлением внешних связей (УВС) Президиума РАН. В этом Управлении хранились заграничные паспорта научных сотрудников, там же было получать разрешения на выезд сотрудника (так называемая выездная виза) за рубеж для участия в международных научных мероприятиях или для стажировки за границей. В этом же Управлении получались и въездные визы. Это было время, когда Президиум РАН выделял финансовые средства на осуществление международных связей, в том числе на прием иностранных ученых.

Мои знания английского очень помогали мне вести переписку и переговоры с иностранными коллегами. Связи были обширные с учеными США, Франции, Италии, Канады, Германии, Китая, Японии и др. В год институт принимал около 30–40 ученых и столько же наших ученых отправлялись за рубеж для участия в конференциях, конгрессах, для чтения лекций.

Первым значительным мероприятием, организованным мной в институте, был российско-японский симпозиум в 1992 г. На его проведение Международный отдел ИИЕТ получил грант РФФИ.

Такие были времена. По материалам этого симпозиума была издана брошюра на русском и японском языках. Связь с японским обществом содействовала развитию науки длится и по сей день.

Самым крупным событием в начале моей работы в ИИЕТ был Конгресс Международного Союза истории и философии науки (МСИФН) в Испании, в Сарагосе, в 1993 г. Членом этого союза являлся и является

Российский национальный комитет по истории и философии науки, оплате членского взноса за него и поныне осуществляет Российская академия наук. Для участия в Конгрессе удалось направить 20 наших ученых.

Но это уже другая страница в истории международных отношений Института, когда после 1992 г. прекратилось финансирование со стороны РАН и с каждым годом все сложнее было поддерживать научные связи. Однако начался новый этап персональных личностных отношений наших ученых, известных в международном сообществе историков науки и техники, которые получали оплачиваемые принимающей стороной приглашения на конференции, на выступления с секционными и пленарными докладами. Теперь не надо было получать в УВС выездные визы, а въездные визы можно получать непосредственно в Консульствах приглашающих стран. Однако, к сожалению, совсем прекратилось финансирование приема иностранных ученых.

Тем не менее, поскольку у института сохранились и упрочились научные связи, было подписано много двухсторонних Соглашений и договоров о сотрудничестве Института истории естествознания и техники РАН с научными зарубежными учреждениями, а именно с: Институтом истории естественных наук Китайской академии наук, Институтом науки, техники и общества Университета Цинхуа КНР, научно-исследовательской группой Японского общества содействия развитию науки, с Центром исследований научного потенциала и истории науки им. Диброва Украины, Французским центром научных исследований, Центром мониторинга миграции научных кадров Института социологии НАН Белоруси и многими другими. В составлении и подписании этих договоров я принимала самое активное участие.

Мой уход на пенсию в августе 2021 г. был вынужденным из-за перенесенной мной болезни и личной трагедии, смерти моей дочки и мужа.

Это очень грустно, но 30 лет работы в ИИЕТ остались самыми теплыми воспоминаниями в моей жизни.

1990 год

БОРИСОВ
Василий Петрович

Я пришел в ИИЕТ в 1990 году, будучи уже знакомым с этим институтом на протяжении четверти века. После окончания в 1961 г. МВТУ им. Н.Э. Баумана я, по распределению, начал работу конструктором на предприятии п/я 3661. Задачей, поставленной вскоре перед молодым специалистом на этом предприятии, стало создание вакуумной камеры для испытания объектов, предназначенных для работы в верхних слоях и за пределами земной атмосферы.

Постигая премудрости конструкторского ремесла, я одновременно читал много литературы; особенный интерес у меня вызвало историческое развитие научных представлений о вакууме. Я узнал, что философские споры о том, может ли существовать пустота, или вакуум, велись со вре-

мен Демокрита и Аристотеля, а опыты с «пустым» пространством в XVII–XVIII вв. привели к большим научным открытиям. Все это увлекло меня настолько, что, узнав об Институте истории естествознания и техники, я решил после двух лет работы в КБ поступить в дневную аспирантуру этого института.

Моим научным руководителем в аспирантуре стал заведующий Сектором истории современной научно-технической революции С.В. Шухардин. Семен Викторович произвел на меня впечатление широтой своей научной и научно-общественной деятельности, и при этом готовностью всегда помочь обратившемуся к нему сотруднику. Незадолго до моего поступления в аспирантуру вышла из печати его книга «Основы истории техники. Опыт разработки теоретических и методологических проблем» (М., 1961). Эта книга, так же как беседы с Семеном Викторовичем, оказали существенное влияние на мои работы, выполненные в аспирантуре.

Замечательной традицией, строго соблюдавшейся в ИИЕТ в то время, было ежегодное проведение Конференций аспирантов и младших научных сотрудников. Для аспирантов это было хорошей школой, поскольку на заслушивание и обсуждение докладов приходили многие сотрудники, включая директора института Б.М. Кедрова. Спустя десятки лет я вспоминаю такие конференции 1964–66 гг. с чувством благодарности к ученым, принявшим участие в обсуждении моих научных сообщений. Разговор на интересующую тебя тему мог быть продолжен и по окончании заседаний. Запомнилось общение с учеными, имевшими большой научный и жизненный опыт – В.М. Родионовым, Л.Д. Белькиным, А.А. Чекановым и др.

Свою кандидатскую диссертацию, посвященную взаимосвязи теории и практики в развитии техники получения вакуума, я защитил в 1966 г., на третий год пребывания в аспирантуре. Вторым диссертантом, защищавшимся на том же заседании Совета, был Лев Смирнов, сотрудник отдела истории техники Института истории АН УССР. С Львом Смирновым мы подружились; приятно было познакомиться и с его научным руководителем – основателем украинской школы науковедения Г.М. Добровым.

После защиты и окончания аспирантского срока пришлось решать: где работать дальше. С.В. Шухардин вместе с руководством института предлагали продолжить работу в ИИЕТ, уже в качестве научного сотрудника. Но было и другое предложение – от НИИ вакуумной техники (этот институт выступал в роли оппонировавшей организации на моей защите): перейти на работу научным сотрудником в этот институт. Я прежде только однажды побывал в НИИ вакуумной техники, но многое знал о нем как о лидере в развитии ряда актуальных направлений науки и техники. И я подумал, что, работая в этом институте, я получу возможность заниматься, с одной стороны, вопросами, близкими к теме диссертации, а с другой – работой, тесно связанной с решением важных для страны научно-технических проблем.

В 1967 г. я перешел в НИИ вакуумной техники (с 1982 г. – им. С.А. Векшинского) и проработал в нем более двадцати лет, занимая должности ст. научного сотрудника, начальника лаборатории, начальника отдела. Опыт работы в НИИВТ значительно расширил мои знания в области науки и техники вакуума, влияния на ее развитие со стороны микроэлектроники, ядерной

техники и других сфер применения. Занимаясь решением вопросов, связанных с моей непосредственной работой в НИИВТ, я не порывал связи с ИИЕТ. Посещал заседания сектора С.В. Шухардина, семинары по истории радиотехники и электроники, которые проводил В.М. Родионов. В начале 1970-х гг. вместе с С.В. Шухардиным и И.В. Бестужевым-Лада мы организовали также проведение в ИИЕТ ряда семинаров по прогнозированию развития науки и техники.

Начиная с первых дней работы в НИИ вакуумной техники, мне неоднократно пришлось общаться с директором этого института академиком АН СССР С.А. Векшинским. Выдающийся ученый, внесший большой вклад в становление отечественной электронной промышленности и развитие вакуумной техники, он, тем не менее, не раз сталкивался в жизни с непредвиденными трудностями. Награжденный одним из первых в стране в 1931 году орденом Трудового Красного Знамени за вклад в производственные успехи завода «Светлана», он, спустя семь лет, оказался в тюрьме «Кресты» по обвинению во «вредительстве» на этом же заводе. В послевоенный период С.А. Векшинским были выполнены важные работы в рамках атомного проекта и советской космической программы.

В 1974 г. С.А. Векшинский ушел из жизни, и мне захотелось написать о нем книгу. В НИИВТ имелись различные материалы, содержащие сведения о его деятельности в послевоенный период. Помимо этого, потребовалась работа в архивах других предприятий, поездки в Ленинград и Керчь. Предисловие для книги написал академик Г.Н. Флеров. Работа над книгой продолжалась несколько лет, после чего я появился с рукописью перед ученым секретарем серии «Научно-биографическая литература» З.К. Соколовской в знакомом здании на Старопанском переулке.

Книга «Сергей Аркадьевич Векшинский» вышла в издательстве «Наука» в 1988 году. Еще до ее выхода в свет, у меня возник интерес к жизни и деятельности еще одного большого ученого и изобретателя – В.К. Зворыкина; С.А. Векшинский встречался с ним во время служебных поездок в США в 1933 и 1935 гг. Владимир Зворыкин, работая в США на фирме RCA, внес основополагающий вклад в создание системы электронного телевидения, после чего в зарубежной прессе его стали именовать «отцом телевидения». У нас в стране о работах Зворыкина знали только специалисты. На описание в широкой прессе успешной научной деятельности тех, кто эмигрировал из страны после Октябрьской революции, долгое время существовал неофициальный запрет.

К концу 1988 года я собрал немало сведений о жизни и деятельности В.К. Зворыкина. В 1989 году исполнялось сто лет со дня рождения ученого и изобретателя, появившегося на свет в российском городе Муроме и ушедшего из жизни в американском Принстоне (1982). Я считал, что наша страна не должна оставить без внимания юбилейную дату для памяти о ставшем известным во всем мире соотечественнике.

Директором ИИЕТ в это время являлся член-корреспондент АН СССР Н.Д. Устинов, сам прошедший большой путь в области радиоэлектроники. Я пришел к нему на прием и сказал, что готов принять активное участие в подготовке празднования 100-летия со дня рождения изобретателя электронного телевидения В.К. Зворыкина, если ИИЕТ возьмется за организацию такого мероприятия. Н.Д. Устинов, хорошо знавший о

В.К. Зворыкине и его работах, принял мое предложение с большим интересом. Договорились, что он проведет необходимые согласования по линии Академии, а я наведаюсь в Муром «прощупать почву», готовятся ли праздновать юбилей выдающегося изобретателя на его родине.

В Муроме, куда я отправился, взяв небольшой отпуск на работе, все обернулось как нельзя лучше. Город уже начал подготовку к юбилею своего знаменитого земляка. Планировалось установить мемориальную доску на доме, где родился В.К. Зворыкин, организовать памятное торжественное заседание и др. Мое предложение провести в Муроме юбилейную научно-техническую конференцию с участием ведущих специалистов в области телевидения было встречено с большим одобрением.

Намеченные планы земляки В.К. Зворыкина выполнили с большой ответственностью. 24–25 июля 1989 г. в Муроме прошли юбилейные мероприятия, в том числе научная конференция с участием членов-корреспондентов АН СССР Н.Д. Устинова и В.Д. Наливкина, профессоров М.И. Кривошеева, С.В. Новаковского, И.И. Цуккермана и др., открытие мемориальной доски на доме Зворыкиных и др.

После поездки в Муром мы с Н.Д. Устиновым написали статью о В.К. Зворыкине, которая была опубликована в 4-м номере журнала «Вопросы истории естествознания и техники» за 1989 г. После окончания работы над статьей Устинов предложил мне перейти на работу в ИИЕТ. Я поблагодарил Николая Дмитриевича, но ответил, что буду продолжать работать в НИИ вакуумной техники.

Но, как сказал поэт, нам не дано предугадать! Не прошло и года после того разговора с Н.Д. Устиновым, как социально-экономические эксперименты реформаторов поставили многие предприятия электронной промышленности на грань развала. В новых условиях НИИВТ ожидало значительное уменьшение бюджетного финансирования. Не дожидаясь болезненного процесса сокращения численности моего отдела, я решил вернуться к предложению Устинова и перешел на работу в ИИЕТ с 20 декабря 1990-го года.

С самим Устиновым после перехода в ИИЕТ мне пришлось общаться нечасто. Возможно, причиной этого было неважное к тому времени состояние его здоровья. Из коротких разговоров с Николаем Дмитриевичем я понял, что к тому же он был очень огорчен выступлением сотрудников института против его решения о переезде из Старопанского переулка в здание Президиума РАН на Ленинском проспекте.

После перехода в ИИЕТ, развитие радиотехники и электроники продолжало оставаться основополагающим направлением в моей работе. Я написал большой раздел для коллективного сборника «Современная радиоэлектроника», подготовкой которого занимался В.М. Родионов. После ухода из жизни Владимира Михайловича я выполнил редактирование и подготовку к печати этого сборника (издан в 1993 г.).

Довел до издания я и то, что занимало меня, начиная со времени поступления в аспирантуру ИИЕТ, – написание истории развития представлений о вакууме и совершенствовании техники получения вакуума со времен Аристотеля и Демокрита и до наших дней. Книга: В.П. Борисов «Вакуум: от натурфилософии до диффузионного насоса» была издана в 2001 г.

Логическим завершением периода сбора и изучения материалов о жизни и деятельности «русского американца» Владимира Зворыкина, начавшегося с поездки в г. Муром, продолжившегося посещением принстонских, петербургских и московских предприятий и архивов, стало написание книги «Владимир Козьмич Зворыкин». Книга вышла из печати в изд-вах «Наука» (2004 г.) и «Молодая гвардия», серия ЖЗЛ (2013 г.). Эта работа, помимо прочего, ввела меня в большую тему «Русское зарубежье». Заинтересовавшись деятельностью и судьбами других русских эмигрантов, я написал в дальнейшем по этой теме более тридцати статей для научных журналов и сборников.

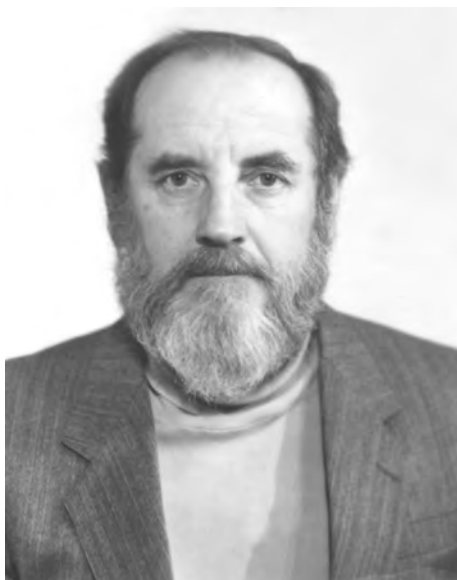
Опыт историка техники пригодился мне, когда в 1990-х гг. у руководителей электронной промышленности возникла мысль написать коллективный труд «Очерки истории российской электроники». Я вошел в состав авторов и редакционный совет; к написанию статей были привлечены более ста ведущих специалистов электронной промышленности. В 2009 г. издательство «Техносфера» выпустило три тома коллективного труда, посвященных наиболее значимым событиям в истории российской электроники, работам творцов и создателей отечественной электронной промышленности.

Теперь, по прошествии многих лет, проведенных в тесной связи с Институтом истории естествознания и техники и коллективом его сотрудников, я не могу не поблагодарить судьбу за эти годы в моей жизни. Мы писали о разном, но было общее, что вело нас в жизни – это дух творчества, верность научной истине, чувство товарищества.

Спасибо вам, друзья!

1990 год

ТЕМНЫЙ
Владимир
Владимирович

В декабре 1990-го г. я был переведен на работу в наш Институт из академического Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. Этому предшествовали почти 40 лет работы в области экспериментальных физических исследований космического пространства. Это направление я выбрал еще на четвертом курсе физфака МГУ на кафедре космических лучей отделения ядерной физики НИИЯФ в 1958-м г. Все произошло сразу после запусков первых советских искусственных спутников Земли (ИСЗ). В лаборатории Л.В. Курносовой в ФИАНе за полтора года я подготовил дипломную работу – работающий макет детектора солнечных нейтронов. Этот прибор предполагалось установить на 4-м советском ИСЗ. Одна-

ко его запуск не состоялся. После 7-месячного перерыва я начал работать в академическом Институте физики атмосферы (ИФА) в отделе профессора В.И. Красовского. Деятельность этого выдающегося исследователя верхней атмосферы мы изложили в посвященной ему монографии. Под руководством этого человека уникальной научной прозорливости, потрясающей работоспособности и огромного жизненного опыта нам удалось за полтора года (1960–1962) подготовить 2 геофизических эксперимента для ИСЗ КОСМОС-3 и КОСМОС-5. Через 2 года были выполнены еще 2 эксперимента на высокоапогейных ИСЗ ЭЛЕКТРОН-1 и ЭЛЕКТРОН-3. По результатам этих экспериментов в 1966-м г. я защитил кандидатскую диссертацию. Созданный В.И. Красовским работоспособный научный коллектив стал ядром геофизического отдела в созданном по инициативе М.В. Келдыша академическом Институте космических исследований (ИКИ). В качестве заведующего этим отделом рассматривался профессор В.И. Красовский. Однако это назначение не состоялось, и нам пришлось продолжать начатые в ИФА исследования в образованной лаборатории полярных сияний. В условиях организационно-производственных неурядиц 1967–1970-х годов (здание ИКИ еще строилось), намного более трудных, чем те, с которыми столкнулся наш Институт в 2006–2008 гг., нам удалось подготовить и выполнить в 1968-м и в 1970-м гг. эксперименты на двух приполярных ИСЗ КОСМОС-261 и КОСМОС-348, полностью укомплектованных научной аппаратурой нашей лаборатории. Успех первого эксперимента позволил созданному совету ИНТЕРКОСМОС (под руководством академика Б.Н. Петрова) включить результаты ИСЗ КОСМОС-261 в программу сотрудничества с соцстранами. В 1971–1972 гг. наша лаборатория ИКИ вместе с лабораторией CESR из Тулузы подготовила и провела первый совместный научный эксперимент АРКАД на советском ИСЗ ОРЕОЛ. С 1972-го года я переключился на исследования дальнего геокосмоса и межпланетного пространства на высокоапогейных ИСЗ ПРОГНОЗ. Первые два аппарата этой серии позволили нам исследовать уникальное явление – приход к орбите Земли горячей плазмы солнечного ветра за межпланетными ударными волнами от гигантских солнечных вспышек августа 1972-го г. Объединив материалы двух лабораторий ИКИ, трех отечественных институтов и приборов CESR, мы получили результаты, не только сравнимые с американскими с нескольких ИСЗ, но даже более полные. Публикации в научных журналах США и Англии подтвердили это. Через пару лет наш доклад с этими результатами был представлен на Чтениях, посвященных II десятилетию космической эры, и опубликован в сборнике ИИЕТ. При его подготовке к печати я познакомился с доброжелательным редактором – З.К. Соколовской. Кто бы мог тогда подумать, что через 2 десятилетия нам придется работать в одном институте?

Наша работа в течение первых 6 лет существования ИКИ протекала на энтузиазме первооткрывателей в абсолютно новой области исследований. Работа не была легкой: на промышленных фирмах–изготовителях нашей аппаратуры, в ракетных конструкторских бюро и на заводах, полигонах, наземных пунктах приема информации и ее обработки. Либерально-благожелательное отношение к нашей работе первого директора ИКИ академика Г.И. Петрова давало возможность преодолевать все эти труд-

ности. Все изменилось с приходом нового директора ИКИ академика Р.З. Сагдеева. Зная его как известного специалиста по распространению ударных волн в плазме, мы подготовили для него материалы с ИСЗ ПРОГНОЗ-1 и -2. К нашему удивлению, никакого интереса он к ним не проявил. Поэтому в течение нескольких последующих лет нам пришлось вести самостоятельно анализ плазменных явлений от августовских вспышек 1972-го г. и продолжать эксперименты на ИСЗ Прогноз-3, -6, -7, -9 и других, получивших названия ИНТЕРШОК и ИНТЕРБОЛ. В ИКИ стали устраниваться от работы его основатели и сложившиеся специалисты. Потерял свою должность заместитель директора, доктор физико-математических наук Г.А. Скуридин – один из основателей института. Были изгнаны из ИКИ: доктор технических наук Ю.К. Ходарев – ответственный за техническую подготовку экспериментов; профессор, доктор физико-математических наук, генерал-лейтенант Г.С. Нариманов – организатор серии ИСЗ ПРОГНОЗ; заведующий нашим отделом профессор Л.Л. Ваньян и многие другие. Доходило до абсурда. Мой коллега в ИКИ, выпускник физфака МГУ, занимавший должность младшего сотрудника, представил Ученому совету ИКИ серьезную докторскую диссертацию. Через несколько дней он не был аттестован в этой должности (м.н.с.)! Вместо них из других городов стали приниматься на работу теоретики в области физики плазмы, не имевшие никакого опыта в области космических исследований. Результат не замедлил сказаться. Они стали интересоваться только теми результатами экспериментов, которые могли лечь в канву развиваемых ими математических аппаратов. Прошли времена, изображенные в фильме «9 дней одного года», где теоретик прилетает в Новосибирск помочь разобраться экспериментатору в наблюдавшемся непонятном явлении. Теперь явление должно было соответствовать (или нет) разработанной теории. Ушел в небытие принцип, которому нас учил профессор Красовский: «ваша задача – получить результат, а умников объяснить его найдется море». Стала подавляться любая критика даже на научных семинарах. Мне было достаточно усомниться в успехе предлагаемого директором ИКИ проекта эксперимента АРАКС по распространению электронного пучка от ракеты из Южного полушария к Северному вдоль полярной геомагнитной силовой линии, как я почувствовал ограничения в возможностях работы. Мой прогноз подтвердился. Статья с итогами этого эксперимента, опубликованная в английском журнале Nature, заканчивалась фразой: «этот эксперимент поставил больше вопросов, чем дал ответов».

В американской программе космических исследований также присутствовал приток специалистов по физике плазмы. Они не только предлагали конструктивные теории для объяснения открываемых явлений, но и проводили квалифицированные эксперименты. AGU (Американский Геофизический Союз) 2 раза в год заслушивает сотни докладов по космической тематике, оценивает новизну и достоверность представленных результатов и рекомендует их в печать. Ничего подобного не существует в нашей стране. Узкие интересы отдельных научных институтов не дают возможности вести углубленные расширенные исследования новых обнаруженных природных явлений силами объединенных научных коллективов. Мы безнадежно отстали в изучении космоса еще при советской власти, а при нынешнем отношении ко всей науке – и от Англии, Германии, Фран-

ции, Японии. Скоро отстанем и от Китая. 25 лет назад, еще в стенах ИКИ, я пытался вести сам разработки новых прототипов бортовых научных приборов для ИСЗ и межпланетных космических аппаратов. Что-то мне удалось сделать с такими же энтузиастами из других научных институтов. Но все попытки довести приборы до промышленного образца, пригодного для установки на космический аппарат, наталкивались на стену начальственного безразличия. Издания переводных сборников с достижениями американских исследователей космоса не встретили там же никакого отклика. В итоге я был изгнан из ИКИ с нарушением и этических, и формальных норм. Проведя 8 месяцев без работы, я добился в 1982-м г. назначения на работу в Институт земного магнетизма (ИЗМИРАН), где директором в то время был академик В.В. Мигулин, известный многим. В ИЗМИРАНе была возможность продолжить мои прежние исследования. Что-то в должности старшего научного сотрудника за 7 лет удалось сделать, даже подготовить плановый научный эксперимент с болгарскими коллегами. В 1990-м г. директором стал В.Н. Ораевский – человек из команды Сагдеева. Он сразу дал мне 10 дней на трудоустройство в другом институте. Задача была практически неразрешимой, если бы не помощь А.А. Гурштейна, ранее меня изгнанного Сагдеевым из ИКИ. По неподтвержденным отзывам, его – старшего научного сотрудника! – сделали ответственным «стрелочником» за провал отечественной программы пилотируемого полета на Луну. Благодаря его советам и одобрению директора ИИЕТ Н.Д. Устинова я 20 декабря 1990 г. был переведен из ИЗМИРАНа в должности старшего научного сотрудника. Найти «место под Солнцем» в нашем институте гуманитарно-естественного профиля мне было непросто. Заинтересовать коллег – историков астрономии, физики и механики своими знаниями в области экспериментальной космической физики, в которой они никогда не работали, требовало навыков популяризатора. Еще вместе с А.А. Гурштейном я выбрал направление истории развития космической физики за несколько десятилетий ее существования. Срок, конечно, слишком малый для историка науки, но по произошедшим в этой области событиям и ее прогрессу представлявшийся достаточным для анализа. Деловые контакты с группой В.Н. Сокольского дали возможность организовать в рамках проводимых им конференций Секцию истории космических исследований. На нескольких заседаниях этой секции удалось заслушать выступления многих сложившихся специалистов из различных научных организаций, работающих и ныне в этой области. Не связанные рамками корпоративных интересов, они часто излагали свои представления о развитии области своих исследований. Тезисы всех докладов публиковались. Один раз удалось опубликовать полностью и наиболее интересные доклады. В научно-популярных журналах «Природа» и «Земля и Вселенная» я опубликовал статьи об истории открытия радиационных поясов Земли и комментарии к интервью Гурштейна, которое ему дал патриарх американских космических исследований Джеймс Ван Аллен. В сборнике «Историко-астрономические исследования» (ИАИ) вышли две мои обзорные статьи по развитию космической физики за первые 7 лет ее существования. Там же я инициировал публикацию истории отечественных магнитометрических измерений на первых ИСЗ и лунных ракетах ведущего научного сотрудника ИЗМИРАНа Е.Г. Ерошенко. Сотрудники ИКИ подго-

товили в ИАИ мемориальную статью о В.Г. Истомине – своем научном руководителе масс-спектрометрических экспериментов на первых ИСЗ и зондах к Венере. Он также стал неугоден команде Сагдеева из-за своей, как было ему заявлено, «избыточной квалификации». Его результаты с III ИСЗ, на несколько лет опередившие американские, в 1960-м году были удостоены Ленинской премии. В непростые 1990-е гг. мне удалось получить аспиранта – выпускника кафедры астрономии физфака МГУ И.В. Завидонова, вовлечь в область своих научных интересов и успешно довести до защиты кандидатской диссертации. К сожалению, материальные условия не позволили ему остаться в ИИЕТ. Инициированные мной доклады на семинарах отдела истории физико-математических наук и группы истории астрономии бывших коллег-экспериментаторов давали возможность сотрудникам отдела ознакомиться с историями: последствий Чернобыльской катастрофы (М.Ю. Орлов – Обнинск, Гидрометслужба), развития исследований полярных сияний с ИСЗ (Ю.И. Гальперин – ИКИ), первых ионосферных исследований на ИСЗ (К.И. Грингауз – ИКИ), развития теоретических представлений об электромагнитных явлениях в космической плазме (А.П. Кропоткин – НИИЯФ МГУ), развития гелиобиологии (Т.К. Бреус – ИКИ). Блестящий доклад о своем научном руководителе – создателе Новосибирского института ядерной физики А.М. Будкере – сделал член-корреспондент РАН И.Н. Мешков (ОИЯИ, Дубна). Будучи выпускником отделения ядерной физики НИИЯФ МГУ и участником эксперимента на ИСЗ КОСМОС-5 по изучению последствий американского термоядерного взрыва в космосе, я инициировал доклад в Дубне и ряд публикаций по истории так и не установленных до сих пор границ загрязнения околоземного космического пространства его радиоактивными продуктами. Не осуществилось мое желание организовать постоянно действующий семинар наподобие семинара по истории советского атомного проекта. Диаметральный поворот вектора направлений космических исследований, произошедший в ИКИ с приходом туда Сагдеева, не дает возможности сделать это. Пришедшее нам на смену следующее поколение начинает отсчет истории исследований космоса с этого времени. Жаль, что оно не использует наш накопленный опыт. Возможно, поэтому и не видно за последние годы сколь-нибудь значимых открытий. В 1960-е годы все обстояло иначе, ибо научная этика была другой.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 116–121.

1991 год

ГЕРОВИЧ
Вячеслав
Александрович

Интересовался я историей с детства, но заботливые родители, понимая, что для еврейского мальчика, поступающего в институт в 1980 году, лучше бы интересоваться чем-то более инженерным, мягко подтолкнули меня к изучению математики. В результате я оказался на специальности «прикладная математика» Института нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина, известного в народе как «Керосинка».

Получив в 1985 г. «красный» диплом, я попал в Центральную геофизическую экспедицию (большой вычислительный центр в Москве), где недолгие занятия программированием убедили меня (и мое начальство) в том, что это не мое дело, и мне поручили интервьюирование геофизиков с

целью выявления их знаний для последующей формализации и создания компьютерной экспертной системы. Я занялся «инженерией знаний», модным тогда подходом в области искусственного интеллекта.

От инженерии знаний я вскоре перешел к изучению эпистемологии, а затем и философии науки, и направил свои стопы на кафедру философии естественных факультетов МГУ. Кафедра как раз получила первые персональные ЭВМ, и не зная, что с ними делать, мне предложили придумать разумное приложение этих машин к философии. Я «изобрел» гипертекст с перекрестными ссылками (не зная, разумеется, что эта концепция уже давно разработана в США) и написал обучающий гипертекст по аналитической философии, впрочем, так и оставшийся на бумаге.

В МГУ я стал соискателем и начал слушать лекции для аспирантов, в том числе увлекательнейший курс М.А. Розова по его теории научного знания и «социальных эстафет». Михаил Александрович – блестящий лектор, оригинальный мыслитель и невероятно харизматичный человек – открыл для меня целый мир философии и истории науки, наполненный загадками и ждущий творческого подхода. Он порекомендовал мне обратиться к Н.И. Кузнецовой, которая, в свою очередь, посоветовала поступать в аспирантуру в ИИЕТ, куда меня приняли летом 1988 г.

Особой структуры для обучения аспирантов в институте не было; предполагалось, что мы как-то впитаем дух исследований из академической атмосферы. Единственный регулярный семинар для аспирантов вела острая на ум и язык Наталия Ивановна, и веселый, азартный, ниспровергательский дух этого семинара помнится мне до сих пор. Новые социологические и антропологические подходы к исследованию науки вызывали живой интерес и желание самому сделать какую-нибудь нетривиальную работу.

Моим «домом» внутри ИИЕТ стал бывший «кедровский» сектор философии науки, носивший почему-то расплывчатое наименование «сектор теоретико-методологических проблем истории естествознания», и моим научным руководителем стал А.А. Печенкин. Александр Александрович, серьезный и вдумчивый ученый, чутко относившийся к интересам своих учеников, предоставил мне свободу в выборе темы. Памятуя о своих былых занятиях «инженерией знаний», я решил заняться философскими проблемами искусственного интеллекта (ИИ), а также выяснить, какая модель развития науки наиболее применима к данной области. Пришлось вплотную изучить историю развития ИИ в США. С изумлением я обнаружил, что ученые, занимавшиеся ИИ, легко меняли свою риторику в зависимости от аудитории и результатов своих проектов: если система ИИ работала плохо, она говорили, что целью ИИ является не создание эффективных систем, а познание механизмов мышления; если же их работы критиковали специалисты по психологии мышления, они возражали, что ИИ не обязан копировать человеческий разум. С этого времени у меня возник интерес к изучению научной риторики, или дискурсивных стратегий ученых.

Шла перестройка, вся страна бурлила, бурлила и жизнь в ИИЕТ. Открывались «белые пятна», выходили прежде запретные книги, возвращались имена, в том числе репрессированных ученых. Благодаря усилиям младшего поколения историков и социологов науки – А.Б. Кожевникова и

С.Б. Шапошника в Москве, Д.А. Александрова и Н.Л. Кременцова в Санкт-Петербурге – стали разрабатываться интересные методологические вопросы социальной истории советской науки. От бинарной модели противостояния хорошей науки и плохой власти они стали переходить к анализу социально-политической деятельности внутри советского научного сообщества, анализировать столкновение групповых интересов ученых, обнаруживать влияние социума на уровне концептуального языка науки. Хотя в те годы я еще не занимался историей советской науки, эти оживленные дискуссии оказали большое воздействие на мое понимание динамики научного сообщества и отразились в моих более поздних работах.

В ИИЕТ нередко стали приезжать зарубежные ученые, в частности, Лорен Грэхэм (Loren Graham) и Дуглас Винер (Douglas Weiner). Грэхэм попросил меня помочь ему с работой в архивах, и я окунулся в архивные исследования, результаты которых вошли позднее в его книгу «Призрак казненного инженера». С тех пор я полюбил архивную работу, и мои интересы начали сдвигаться от философии к истории науки.

Осенью 1991 г. Грэхэм организовал поездку группы молодых научных сотрудников и аспирантов ИИЕТ по американским университетам. Мы посетили ведущие центры исследований по истории науки и увидели активную академическую жизнь, познакомились с огромным многообразием тем и подходов, ощутили искренний интерес американцев к советской науке на волне перестроечного интереса к СССР. После окончания официальной части поездки я проехал по нескольким университетам в Калифорнии, рассказывая о переменах в СССР в битком набитых залах.

В декабре 1991 г. я был принят на работу в ИИЕТ, а в январе защитил диссертацию по философии науки «Динамика исследовательских программ в области искусственного интеллекта». Затем я включился в большой проект нашего сектора по истории и философии синергетики, где изучал связи синергетики с кибернетикой и искусственным интеллектом. Моя работа все дальше отходила от философии в сторону истории науки.

Вскоре меня приняли в докторантуру МПТ по истории и социальным исследованиям науки и техники. В сентябре 1992 г. я уехал учиться в США, совершив одновременно переход от русского языка к английскому, от философии к истории науки, и от занятий американской наукой к изучению науки российской. По иронии судьбы, объект моего исследовательского интереса всегда оказывался от меня по другую сторону океана.

Обучение в докторантуре МПТ протекало гораздо интенсивнее, чем неторопливые разговоры в домашней обстановке ИИЕТ. Я сдал 19 учебных предметов в широком спектре – от методов антропологии до феминистской истории, а также читал лекции и вел семинарские занятия для различных студенческих курсов по истории науки. Из моих курсовых работ возникли первые статьи, в том числе две публикации, посвященные развитию исследований по истории науки в СССР, в том числе деятельности ИИЕТ – «Restructuring of the History of Technology and Science in the USSR: Changes in the Discourse» в журнале «Technology and Culture» (1996) и «Writing History in the Present Tense: Cold War-Era Discursive Strategies of Soviet Historians of Science and Technology» в сборнике «Universities and Empire: Money and Politics in the Social Sciences During the Cold War» (1998).

Несколько курсовых работ были посвящены истории советских исследований по кибернетике, искусственному интеллекту и вычислительной технике; постепенно из них сложилась тематика моей докторской диссертации, «Speaking Cybernetically: The Soviet Remaking of an American Science», защищенной в 1999 г. В ней советская кибернетика рассматривалась не просто как интеллектуальное течение, а как социальное движение за радикальные реформы в советской науке и обществе. Энтузиасты кибернетики видели в машинных моделях универсальный способ решения проблем, а в языке кибернетики – язык объективности и истины. Работа прослеживала историю советской кибернетики – от вызова, брошенного ей сталинской науке с ее «новоязом», до призвания кибернетики «на службу коммунизму», а затем и превращения ее в новую официальную догму, направленную на сохранение status quo, а не на реформы. На основе диссертации вышла книга «From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics» (2002) и несколько статей, в том числе на русском языке – в журналах «Вопросы истории естествознания и техники» (ВИЕТ) и «Неприкосновенный запас».

После окончания докторантуры я работал в Дибнеровском институте истории науки и техники над проектом по истории бортового компьютера космического корабля «Аполлон». Проект включал сбор документов, интервью с ветеранами и организацию обсуждения в формате онлайн-форума. Начатый в 1999 г., проект несколько опередил свое время; социальные сети и онлайн-дискуссии еще не вошли в моду и не стали привычными, но первый опыт такого способа изучения истории науки и техники заслуживал критического анализа. Я рассказал о нем на LXV пленуме Российского национального комитета по истории и философии науки и техники в ИИЕТ в мае 2002 г.

Вскоре тематика моих исследований расширилась, включив историю бортовой вычислительной техники в советской космонавтике, затем добавились вопросы взаимодействия человека и автоматики, а эта тема оказалась тесно завязана на вопросы социального взаимодействия космонавтов и инженеров, соотношение их роли и влияния в советской космической программе, а также более общие вопросы пропагандистской функции космонавтов, имиджа космонавтики в советском обществе и социальных механизмов формирования и переписывания космической мифологии. Я регулярно приезжал в Москву для работы в архивах и музеях и интервью с космонавтами и инженерами. Одним из наиболее интересных было интервью с В.Л. Пономаревой, ведущим кандидатом на первый женский космический полет, оказавшейся лишь дублером В.В. Терешковой, а впоследствии ставшей прекрасным историком и руководителем группы истории космонавтики в ИИЕТ. Интервью с Валентиной Леонидовной вышло в ВИЕТ, а также вошло в мою книгу интервью «Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space» (2014). На основе собранных материалов я написал монографию «Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity» (2015) и серию статей.

После завершения «космического» проекта я вернулся к математическим истокам своего образования и начал преподавать историю математики на математическом факультете MIT, а также занялся социальной исто-

рией советской математики. Проведя более 90 устных интервью, я начал реконструировать социальные механизмы, с помощью которых советское математическое сообщество в 1960–80-е гг. преодолевало политические и административные барьеры, возводившиеся на пути одаренных молодых ученых из числа «нежелательных элементов». Я назвал систему таких неформальных механизмов «параллельной социальной инфраструктурой» советской математики. Этой теме посвящено несколько статей, в том числе на русском языке в журнале «Логос».

В сентябре 2020 г. вместе с А.Б. Кожевниковым мы создали профессиональную группу историков российской науки в Фейсбуке и начали вести онлайн-коллоквиум CHORUS: Colloquium for the History Of Russian Science, где регулярно выступают с докладами историки из России, Европы, Америки и Азии. В 2004 г. я опубликовал в ВИЕТ свой перевод статьи американского историка Питера Галисона (Peter Galison) «Зона обмена». Хочется надеяться, что виртуальное пространство станет именно такой «зоной обмена» идеями, поможет преодолеть барьеры в распространении знания и приведет к созданию единого глобального научного сообщества историков российской науки.

1993 год

АЛЕКСЕЕВ
Константин Игоревич

Впервые я пришел в ИИЕТ в январе 1986 г. – мне было 16 лет, я учился в выпускном десятом классе, готовился поступать на факультет психологии МГУ, а в Москву приехал на школьные каникулы. В ИИЕТе тогда работал мой отец, Игорь Серафимович Алексеев (1935–1988), и я пришел встретиться с ним. Меня привела Наталия Ивановна Кузнецова. Сейчас уже трудно сказать, какие были мои первые впечатления, – каких-то особых воспоминаний не осталось, или же они растворились в последующих... Но они были положительные – в отличие от первых впечатлений от Института психологии РАН. Который расположен в здании бывшей гостиницы, посреди подобных корпусов гостиниц, и их архитектура отталкивающая!.. Интерьеры ИП РАН в 1990-х тоже

были мрачно-казенными – и мне потребовались годы, чтобы преодолеть эти впечатавшиеся в память ощущения, и отделить в конце концов форму от содержания. А антураж ИИЕТ мне всегда нравился – и расположение в самом центре (в Старопанском переулке), и почти замкнутый по квадрату коридор, и маленькие комнатки секторов, и конференц-зал с книжными шкафами и люстрами, и даже скрип-хруст паркета...

В конце 1987 г. (или в начале 1988 г.) я пришел в ИИЕТ уже вместе с отцом – на доклад Владимира Петровича Зинченко; тогда я уже учился на первом курсе факультета психологии МГУ. Помню, что просто сидел и слушал – а отец постоянно записывал за докладчиком. (После смерти отца я обнаружил запись этого доклада в его архиве – и взял себе на память. Теперь она лежит где-то в моих бумагах...) Из самого доклада запомнил только название теории – «теория действий» («Которую развивал мой учитель Александр Владимирович Запорожец», – сказал В.П. Зинченко). В то время как на первом курсе мы штудировали другую теорию – «теорию деятельности» А.Н. Леонтьева, и действия в ней были одним из уровней анализа деятельности. Такое противопоставление на уровне слов запомнилось («теория действий» – «теория деятельности») – но и только, подробности я уже и тогда не смог воспроизвести. Много позже я узнал, что полное название теории А.В. Запорожца – «теория перцептивных действий», и она используется для анализа и объяснения процессов восприятия.

На работу в ИИЕТ меня тоже привела Н.И. Кузнецова – было это в сентябре 1993 г. Я уже окончил факультет психологии МГУ, и был там же в аспирантуре. А Наталия Ивановна была тогда заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории естествознания и техники» – и им в редакцию нужен был наборщик текстов на компьютере, для дальнейшей компьютерной верстки. Компьютеры тогда были редкостью, авторы приносили в журнал статьи, напечатанные на пишущей машинке, и их надо было набирать заново уже на компьютере (программ распознавания текстов тогда тоже не было). Компьютеры тогда были – двести восемьдесят шестые, набор и верстка велись в программах для DOS (набор – в Word для DOS, верстка – в программе Ventura). Так я стал «компьютерным мальчиком» в редакции – надо было как-то зарабатывать на жизнь. Тогда я и столкнулся впервые с работами по истории науки и техники – и это было интересно, я с удовольствием читал набираемые статьи. В редакции была совершенно особая атмосфера – все делали одно дело, и чувствовали свою сопричастность к изданию журнала. Люди, которые работали просто так, без сопричастности, в редакции не задерживались. Была текучка с редакторами – но в конце концов редакторами стали сотрудники ИИЕТ, Марина Владимировна Куликова и Галина Александровна Фирсова. Особенно актуальной была сопричастность и солидарность в последние две недели перед сдачей очередного номера в печать (это происходило по пятнадцатым числам в феврале, мае, августе и ноябре). Это было время самой напряженной работы – сплошь и рядом до десяти часов вечера, когда Институт закрывался, и по выходным тоже (для сотрудников редакции оформляли разрешение на работу в выходные дни – «в связи с производственной необходимостью»). Это было и время нахождения забавных ошибок – например, «франко-советская экспедиция 1913 г.». Или шутка из статьи по истории измерения, которая в русском переводе превратилась во фрей-

дистскую: «Если так пойдёт и дальше, то мы будем варить себе яйца по хронометру» (естественно, статья ушла в печать без слова «себе»). Этот ляп обнаружил наш редактор международного отдела Антон Юрьевич Стручков, человек с потрясающим чувством языка и стиля. Без подобных ошибок и баек не обходится ни одна редакция, и конечно же у нас тоже была своя коллекция.

Наборщиком я проработал год – а в сентябре 1994 г. уже пересел в кресло верстальщика; тогда наш верстальщик, Алексей Юрьевич Марцинкевич, ушел работать в коммерческое издательство – хотя и потом приходил в редакцию и с теплотой вспоминал свое время работы в ней. Пришлось опытным путем осваивать процесс верстки – и вроде первый блин (ВИЕТ № 4 1994) не получился комом. Вскоре появились и новые компьютеры – триста восемьдесят шестые, и Вентура уже была для Windows 3.1, хотя тексты по-прежнему набирались в Word для DOS. Благодаря освоению верстки я смог подготовить оригинал-макет книги избранных работ отца – там так и было написано: «Оригинал-макет подготовлен на электронном оборудовании Института истории естествознания и техники РАН». Книга вышла в конце 1995 г.

«Компьютерным мальчиком» в редакции я проработал до 2002 г. – хотя уже в 1995 г. после окончания аспирантуры поступил на работу в Институт психологии РАН, научным сотрудником, а в 1998 г. защитил там кандидатскую диссертацию. Но в Институте психологии была совсем другая атмосфера, несопоставимая с атмосферой в редакции. И читать статьи в ВИЕТ было интереснее, чем статьи в психологических журналах, и авторы, приходившие в редакцию, были яркими и колоритными людьми. К тому же проблема заработка оставалась актуальной для всех девяностых годов – а зарплата верстальщика (официально должность называлась «редактор информационного отдела») была сопоставима с зарплатой доктора наук. Постепенно улучшалась и техника – компьютеры становились всё более мощными, и их можно было обновлять благодаря грантам Российского гуманитарного научного фонда. Также по грантам РГНФ для редакции приобретались и большие мониторы – последний был просто огромным, как телевизор. В какой-то момент отпала необходимость в наборщике – компьютеры были уже практически у всех, и авторы сами набирали на компьютере свои статьи. И еще в начале 2000-х гг. я верстал дружественный журнал «Науковедение» – редакция которого тоже находилась в ИИЕТе, а заместитель главного редактора Нина Николаевна Семенова до этого была ответственным секретарем ВИЕТа.

Одно время я был также и научным сотрудником ИИЕТ – эта идея тоже принадлежала Н.И. Кузнецовой, заняться историей психологии, с применением теории социальных эстафет М.А. Розова. Хотя сектор тогда назывался уже – социальной психологии науки, и входил в Центр науковедения. В Институте психологии РАН меня не поняли – все-таки это главный институт страны в области психологии, и просто так оттуда не уходят. Заведующая лабораторией достаточно продолжительное время не подписывала мое заявление, а директор ИП РАН Андрей Владимирович Брушлинский даже пригласил меня для беседы. Я обозначил свою позицию – работать на стыке психологии и философии науки, и не последним аргументом было то, что в ИИЕТе работал мой отец. «Теперь я Вас пони-

маю», – сказал Андрей Владимирович в конце беседы, и мой переход в ИИЕТ состоялся в начале 2000 г. Однако с историей психологии не задалось – и в 2003 г. я переместился преподавать психологию в Российский государственный гуманитарный университет, сначала на полставки и оставаясь пока в ИИЕТе, а через год перешел на полную ставку и окончательно ушел из ИИЕТа.

Оглядываясь назад, я всегда с теплотой вспоминаю ИИЕТ и то время, когда я там был. Атмосфера в редакции ВИЕТ осталась для меня образцом солидарности, сопричастности общему делу. И я с удовольствием и интересом читал практически все статьи, которые публиковались в то время в ВИЕТе. Хотя история науки и техники осталась в стороне от моих научных интересов, которые связаны всё-таки с психологией, но она всегда имела для меня ценностную нагруженность – и наука, и техника являются для меня ценностью самой по себе, как символ преодоления. Ведь человек – это преодоление.

1994–2004 гг.

Институт истории
естествознания и техники

1994 год

БЕЛОЗЕРОВ
Олег Петрович

Мой приход в Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН был в чем-то случайным, а в чем-то глубоко закономерным.

Я рано, будучи еще подростком, осознал, что хочу заниматься наукой и только ей, и в то время для меня было самоочевидным, что «заниматься наукой» значит «заниматься естественными науками». К классу восьмому я определился и с конкретной наукой (биологией), и с вузом, покорить который мечтал (Московский университет). Мечта, к счастью, осуществилась, и в 1987 г., после окончания школы, я стал студентом биологического факультета МГУ.

Уже в то время я смутно чувствовал, что мне больше хочется заниматься теоретической наукой, нежели экспериментальной. Тогда я, конечно, не думал в таких тер-

минах, но мне хотелось быть таким «натурфилософом» и, сидя в кабинете, умозрительно открывать новые законы природы «на кончике пера». Следствием этого ощущения был выбор при распределении по кафедрам кафедры биофизики как более «теоретической», хотя экспериментальные направления на ней тоже были представлены.

«Влечение к теоретичности» нашло и другое выражение – я чувствовал, что меня все более и более привлекают гуманитарные науки, по которым я в школе учился тоже хорошо (я окончил ее с серебряной медалью), но какого-то особого влечения не испытывал. В последние пять лет существования СССР, на которые пришлось мое обучение в университете, многие цензурные ограничения были сняты, стала издаваться зарубежная философская литература, кое-что из нее я покупал, а что-то читал в любимейшем читальном зале отделения библиотеки МГУ в 1-м Гуманитарном корпусе университета, которая обслуживала гуманитарные факультеты. Кроме того, занятия по философии на биофаке вела симпатичная преподавательница (ее имени я, к сожалению, не помню), которая читала уже не марксистско-ленинскую, а просто философию, и все это казалось очень увлекательным. Я даже стал задумываться о том, нельзя ли мне погрузиться в философию более глубоко: на третьем или четвертом курсе я пошел в учебную часть философского факультета и спросил, нельзя ли мне учиться на этом факультете параллельно с биофаком. Мне ответили, что вы можете прослушать интересующие вас курсы и сдать экзамены по ним, но диплома философского факультета не получите, а курсы будут отражены во вкладыше к диплому. Тогда я решил, что раз диплома не будет, то овчинка выделки не стоит, хотя позднее понял, что, наверное, зря упустил этот шанс: знания не теряют своей ценности от отсутствия диплома, да и пройденные курсы, возможно, имели бы определенный формальный вес.

Годы в университете шли, «порыв к гуманитарности» оформлялся все более отчетливо, одновременно становилось понятным, что для занятий теоретическими вопросами биофизики мне не хватает ни физико-математического образования, ни способностей, ни, в общем, желаний, и, окончивая в 1992 г. университет, находясь на распутье, я принял первое поступившее предложение работать в лаборатории Р.М. Давыдова в Институте химической физики им. Н.Н. Семенова РАН. Взяли меня на должность инженера, но нужно было вести научную работу. К биологии она отношения не имела – моей темой было изучение закономерностей протекания химических реакций в обратных мицеллах.

В этой лаборатории я провел два года. На дворе стояли 1990-е гг., в институте ощущался упадок. Руководитель лаборатории большую часть времени проводил в Стокгольме, где работал параллельно с ИХФ, нормального руководства не было, приходящие аспиранты рассматривали лабораторию как пересадочную станцию на пути к американской аспирантуре, научные сотрудники тоже либо стремились в Америку, либо, например, учили бухгалтерское дело с намерением распрощаться с наукой. «Физические» условия работы тоже были так себе – лаборатория находилась в не очень новом здании между ул. Косыгина и Ленинским проспектом, где занимала две комнаты в полуподвале и одну в подвале. Отопление включали поздно, в комнатах осенью было холодно, в подвале периодически прорывало канализацию, и к экспериментальной установке, кото-

рая находилась как раз в подвальной комнате, тогда нужно было идти, переходя по камушкам поток нечистот. К тому же порученная мне тема большого интереса не вызывала.

В общем, было понятно, что место работы нужно менять, и тут вмешался счастливый случай. От своей подруги и однокурсницы Александры Бабариной я узнал, что другой наш однокурсник, Евгений Голоцван, собирается поступать в аспирантуру в какой-то необычный институт, который занимается историей науки. «Вот он, мой шанс войти в царство гуманитарных наук», – сразу подумал я. Узнав в телефонной справочной адрес института, я прибыл в Старопанский переулок, и, идя по коридору института, сразу наткнулся на дверь с табличкой «Сектор истории биологических наук». Войдя в комнату, я увидел за столом рядом с дверью симпатичную приветливую женщину, Елену Борисовну Музрукову, как я узнал позже. Я осведомился у нее, нельзя ли устроиться на работу в институт. На что она (и, возможно, вместе с главой сектора Эдуардом Николаевичем Мирзояном, не помню, был ли я представлен ему в тот момент) сказала, что напрямую устроиться в институт нельзя, но можно поступить в аспирантуру. Меня направили в отдел аспирантуры к Ирине Васильевне Лапиной, которая описала процедуру поступления. Вступительные испытания были пройдены успешно, и вместе с Евгением Голоцваном и Ольгой Вальковой в 1994 г. я стал аспирантом ИИЕТа. Как оказалось, еще один мой однокурсник, Леонид Шабад, еще раньше поступил в аспирантуру института, так что наш курс биофака МГУ оказался плодovit на потенциальных историков науки (хотя, как потом оказалось, из нас троих защитился в ИИЕТе только я).

Институт того времени запомнился полным жизни и людей. В секторе истории биологических наук в то время работали, кроме Эдуарда Николаевича и Елены Борисовны, Татьяна Андреевна Курсанова, Нора Андреевна Григорьян, Лариса Васильевна Чеснова, Вадим Иванович Назаров, Вера Николаевна Гутина, Марианна Сергеевна Козлова, Ксения Борисовна Соколова, Кирилл Олегович Россиянов, Александр Евгеньевич Седов, которые радушно приняли меня в свой коллектив. Еще была аспирантка Елена Станиславовна Измайлова, которая в срок защитилась в 1995 г. и стала, таким образом, примером «правильного» прохождения аспирантуры, без задержек с защитой.

Аспирантские занятия были очень интересными и весьма насыщенными, Наталия Ивановна Кузнецова читала лекции по философии и истории науки, которые были, по сути, введением в специальность, свои курсы по истории науки предлагали Владимир Семенович Кирсанов и Юрий Викторович Чайковский, Ольга Борисовна Федорова преподавала латынь и древнегреческий язык, интересными были и занятия кандидатского минимума по философии и английскому языку – последние проходили в импозантном холле Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН на Поварской.

Такое, наверное, бывает нечасто, но была и определенная книга, которая на первом году аспирантуры произвела на меня особенное впечатление и стала образцом для подражания в моих ранних историко-научных студиях. Это был труд американского исследователя Филипа Поли «Контролируя жизнь: Жак Лёб и инженерный идеал в биологии» (New

York; Oxford: Oxford University Press, 1987), на которую я случайно наткнулся в библиотеке. Эта работа пробудила у меня интерес к фигуре известного биолога конца XIX – начала XX в. Лёба, результатом чего стало появление моей первой научной публикации, вышедшей в сборнике тезисов годичной конференции ИИЕТ за 1996 г., хотя это было, в общем, отклонение от темы диссертации.

Научным руководителем моей диссертационной работы стала Е.Б. Музрукова, которую я так счастливо встретил в свой первый приход в ИИЕТ. Она тогда только недавно защитила докторскую диссертацию (в 1993 г.), я был ее первым аспирантом, и я рад, что, по ее выраженному позднее мнению, первый блин вышел не комом. В выборе темы диссертации меня никто не ограничивал, но широкая тема, которой занимались и Елена Борисовна, и в значительной степени Эдуард Николаевич – история биологии развития – меня очень заинтересовала и стала стержнем научной деятельности на все последующие годы.

Елена Борисовна была прекрасным научным руководителем, как опять же она сама говорила, у нее был сильно развит материнский инстинкт, который распространялся и на аспирантов, а мне она, например, давала не только советы, книги или иные материалы для работы, но и устраивала подработки, позволявшие пополнить скудный аспирантский бюджет.

В 1995 г. состоялся мой первый приход в редакцию журнала «Вопросы истории естествознания и техники»; тогда в качестве наборщика я проработал несколько месяцев. Главным редактором в то время был Борис Игоревич Козлов, текущее руководство осуществляла Н.И. Кузнецова. В редакции было многолюдно и оживленно, и царила атмосфера научного творчества, несмотря на то, что издательский процесс имеет в общем-то утилитарную цель сохранить мысль в бумажном виде.

Второй мой приход в редакцию состоялся в конце 2001 г., когда Наталия Ивановна предложила мне стать редактором информационного отдела. Я согласился, и с тех пор журнал является очень важной частью моей жизни, по сути, многие ее аспекты приходится подстраивать под график выхода номеров. Команда журнала в то время включала главного редактора Владимира Михайловича Орла, зам. главного редактора Дмитрия Александровича Баюка, научных редакторов Марину Владимировну Куликову и Галину Александровну Фирсову и заведующую редакцией Людмилу Николаевну Дроздову, с которой мы потом проработали вместе много лет и с которой у меня сложились особенно теплые и доверительные отношения. Пройдя в табели о рангах журнала должности редактора информационного отдела и ответственного секретаря, я постепенно достиг поста зам. главного редактора, на котором и пребываю в настоящее время.

После защиты в 1998 г. кандидатской диссертации «Изучение в СССР генетических основ индивидуального развития: 1920-е – 1940-е гг.» я занялся изучением научной деятельности одного из ведущих советских биологов 1920–1940-х гг. Михаила Михайловича Завадовского. Он был одним из героев моей кандидатской диссертации и привлек мое внимание своим бойцовским характером и широтой научных интересов, когда же я углубился в изучение его научной биографии, то понял, что и важнейшие аспекты его научной деятельности практически не исследованы, в частно-

сти, создание им нового научного направления – динамики развития организма. Плоды двадцатилетнего изучения научной деятельности Завадовского нашли выражение в виде докторской диссертации «Становление и развитие научной дисциплины в социально-политическом контексте: М.М. Завадовский и динамика развития организма», защищенной в 2019 г.

Иногда у меня возникает желание поразмышлять, как бы я построил свою жизнь и научную карьеру, уже обладая накопленными на сегодняшний день знаниями и опытом, если бы появилась чудесная возможность начать все заново? И я понимаю, что радикально ничего не хотел бы изменить. Биофак был прекрасной школой во всех отношениях, только сейчас я выбрал бы другую кафедру, не биофизику, и постарался бы все-таки получить еще и гуманитарное образование – идея, не реализованная в свое время. Но ИИЕТ в качестве последующего места работы – выбор практически идеальный, мало где возможны настолько междисциплинарные исследования, объединяющие проблематику и естественных, и гуманитарных наук и обеспечивающие широчайший выбор тем. И я благодарен судьбе за счастливый случай, который много лет назад открыл мне сам факт существования такого необычного и замечательного учреждения.

1994 год

ВАЛЬКОВА
Ольга Александровна

Меня зачислили в аспирантуру ИИЕТ 30 октября 1994 г. Попала я туда в общем-то совершенно случайно. История очень простая и не оригинальная. В 1988–1994 гг. я училась на факультете архивного дела Московского историко-архивного института. Своим научным руководителем, у которого занималась с 3 курса и в итоге писала диплом, я выбрала Евгения Михайловича Добрушкина, молодого доктора наук, недавно тогда занявшего должность заведующего кафедрой археографии. Он был умным, эрудированным, обаятельным человеком, обладавшим несомненным лекторским даром; много и охотно работал со студентами-дипломниками. Я хотела поступать в аспирантуру, с детства мечтая о работе профессионального историка. Казалось бы, мои академические успе-

хи должны были предоставить мне такую возможность. К сожалению, ситуация в институте складывалась таким образом, что Добрушкин не имел возможности взять себе аспиранта. Узнав об этом, несмотря на желание учиться дальше, я не стала предпринимать никаких усилий, чтобы найти какое-то другое место в аспирантуре, да и моя финансовая ситуация к этому не располагала: мне надо было самой себя содержать и помогать другим членам семьи. Так что очень буднично я получила свой красный диплом и устроилась на работу по объявлению в какую-то коммерческую фирму, отложив в сторону детские и юношеские мечты об исторической науке и решив, что, наверно, не суждено. Но я ошиблась.

Офис фирмы, в которую я поступила, находился недалеко от станции метро Арбатская. И вот где-то в конце весны 1994 г. (дипломы мой курс получил в апреле), возвращаясь с работы, на платформе станции Арбатская я совершенно неожиданно столкнулась с Евгением Михайловичем. Это было удивительно само по себе: кто бывал на этой станции, хорошо знает, как трудно там встретить даже того, с кем о встрече договаривались специально, особенно в вечерний час пик. Добрушкин очень обрадовался нашей встрече: объяснил, что хотел связаться со мной, но не мог найти телефон. Спросил, хочу ли я все еще поступать в аспирантуру? Если да, то его другу нужен аспирант. Институт, в котором друг работает, расположен в соседнем переулке с нашим Историко-архивным, и я могу сходить туда поговорить. Разумеется, я сказала «да». Не уверена, что спросила название института. Скорее всего нет, потому что, передав мне необходимую информацию, Евгений Михайлович сказал примерно следующее: «Вы только не обращайтесь внимание на вывеску, не пугайтесь, это исторический институт», – что, как выяснилось впоследствии, было не совсем правдой... Хорошо помню, как, подойдя первый раз к солидной и тяжелой двери в Институт, располагавшейся тогда в Старопанском переулке, я прочла вывеску: Институт истории естествознания и техники. Я никогда о таком не слышала, история науки и тем более техники не особо меня привлекали, как и сами наука и техника, но я вспомнила предупреждение Добрушкина, подумала и решила, что «такая мелочь» меня не остановит. В институте я встретилась с моим будущим руководителем, который в тот момент нуждался в аспиранте, Симоном Семеновичем Илизаровым. Он расспрашивал меня о моих интересах в области истории, о том, почему я хочу учиться в аспирантуре и что изучать. Помню, что сказала ему: любая историческая тема будет для меня интересной. И это утверждение было совершенно искренним тогда и остается таковым и сейчас. Дальше последовали вступительные экзамены, показавшийся мне темноватым и тесноватым, заполненный высоченными книжными шкафами коридор института, и зачисление.

Впоследствии я узнала, что только что назначенный тогда директор ИИЕТ В.М. Орел был обеспокоен средним возрастом сотрудников ИИЕТ и предпринял меры для привлечения в институт молодежи. С осени 1994 г., когда в очную аспирантуру приняли трех человек (кроме меня Олега Белозерова и Женю Голоцвана), набор аспирантов ежегодно увеличивался. В некоторые годы число вновь принятых достигало 12 человек. Отдел аспирантуры, который возглавляла в то время Н.И. Кузнецова, организовал занятия для аспирантов. Нам читали систематические курсы

лекций сама Кузнецова по философии науки, В.С. Кирсанов по истории науки, для чтения отдельных лекций привлекались также и другие сотрудники ИИЕТ. Кузнецова вела интересный и шумный методологический семинар; проводились занятия по латинскому и греческому языкам, которыми руководила Ольга Федорова. Все это позволило аспирантам достаточно быстро познакомиться друг с другом. Несмотря на разнообразную и интересную программу занятий, в годы обучения в аспирантуре мое общение в институте ограничивалось в основном моим научным руководителем, сотрудниками отдела аспирантуры и коллегами-аспирантами. Жить на стипендию было невозможно, неизбежно приходилось работать где-то на стороне, а в те годы работ с частичной формой занятости еще почти не существовало. Совмещать же регулярное посещение занятий с работой в офисе было чрезвычайно сложно. Я в тот момент работала в небольшом рекламном агентстве, и мне каким-то образом удавалось выкраивать время для посещения занятий, но для полноценной научной работы и написания диссертации возможности, конечно, не существовало. Наверно, в конце второго года аспирантуры, подчиняясь необходимости представить для отчета хоть какой-то текст, я взяла на работе отпуск на две недели, и провела их безвылазно в библиотеке. За это время я написала больше, чем за предыдущие два года. Хорошо помню, как меня охватило острое чувство ностальгии по привычному уже и любимому занятию, и как я приняла в тот момент окончательное решение: каковы бы ни были условия, я стану продолжать заниматься именно научной работой. Примерно в это время многие мои подруги, также поступившие в аспирантуры самых разных институтов и вузов, бросили их, объясняя это как невозможностью продолжения жизни в полной нищете, так и не очень приятной обстановкой в академических учреждениях. В ИИЕТе я тогда ничего подобного не замечала, видимо из-за моей небольшой вовлеченности в жизнь института.

По-настоящему знакомиться с институтом и его сотрудниками я начала после того, как по завершении обучения в аспирантуре меня приняли на работу в штат института, несмотря на отсутствие диссертации. Это также позволило мне бросить подработки и заняться непосредственно написанием этой самой диссертации, которую я смогла защитить только в 2000 г. Так и началась моя настоящая работа в ИИЕТ. Надо сказать, что В.М. Орел старался всячески поддерживать привлеченную им в институт молодежь и несколько заведующих отделами его в этом активно поддерживали, в том числе С.С. Илизаров, Е.Б. Музрукова, В.А. Широкова. Молодым сотрудникам оплачивали проездные билеты; институт оплачивал нам подписку на профессиональный журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Многим из тогдашних аспирантов приходилось сдавать дополнительные кандидатские экзамены по специальности в других учреждениях, а они в то время все стали платными, причем очень недешевыми. Институт их оплачивал, так же как компенсировал расходы на печать авторефератов диссертаций, переплетные работы. В.М. Орел также старался вовлекать молодых в институтскую жизнь. Мы участвовали в организованных им Годичных конференциях ИИЕТ; при В.М. Орле было введено правило предоставлять аспиранту последнего года обучения возможность выступления на пленарном заседании Годичной конференции и

это правило строго исполнялось. Хорошо помню свое выступление в этом качестве – наверно, мое первое публичное выступление в ИИЕТ. Вместе с С.С. Илизаровым мы серьезно готовились к нему. Илизаров смотрел и внимательно редактировал написанный мной текст. В день выступления наш достаточно большой зал в Старопанском переулке, заполненный антикварной мебелью, был переполнен. Помню теплый, золотой свет наших люстр, нашу массивную кафедру, из-за которой меня почти не видно, море незнакомых еще лиц, абсолютную тишину в зале.

В те годы в ИИЕТе работал Совет молодых ученых. Его председатель, которым в бытность мою аспиранткой был Алексей Каримов, и которым позже выбрали меня, входил в состав Ученого совета ИИЕТ, различных комиссий и оргкомитетов, таких как комиссия по премированию, оргкомитет Годичной конференции. Нас привлекали к работе в качестве секретарей аттестационных и конкурсных комиссий. В.М. Орел настаивал, чтобы молодые ученые были в курсе происходящего в институте и желательно во всем участвовали. Когда Алеша Каримов трагически погиб, институт учредил премию его памяти для молодых ученых. В 1998 г. институт при поддержке американских коллег организовал для группы своих молодых ученых продолжительную поездку в США, позволившую нам посетить различные университеты и библиотеки, выступить на международной конференции, попутешествовать по стране, познакомиться со своими ровесниками-коллегами с другой стороны океана. Эта поездка мгновенно и навсегда расширила границы нашего мира.

Надо сказать, что старшие коллеги встретили молодое поколение, пришедшее в ИИЕТ в 1990-е гг., приветливо. Никто из них никогда не отказывал в совете, консультации, просто беседе. Во всяком случае именно таков мой личный опыт. С большим удовлетворением я вспоминаю общение с Б.А. Старостиным, А.И. Володарским, Г.М. Идлисом, В.Н. Сокольским, В.В. Синюковым, М.М. Рожанской, З.К. Соколовской, Н.А. Григорьян, Э.Н. Мирзояном. Среди тех корифеев, кто все еще с нами, нельзя не назвать И.И. Мочалова, М.С. Бастракову, Г.И. Любину. Все они обладали потрясающей эрудицией, все были увлечены своей работой и относились к ней очень серьезно. Каждый из них оказал влияние на формирование молодого поколения историков науки. Сейчас, по прошествии 25 с лишним лет, я искренне рада тому, что благодаря усилиям В.М. Орла, поддержанным ведущими сотрудниками института, удалось избежать разрыва времен и поколений, сохранить традиции преемственности в институте, несмотря на очень непростое время, которое мы все переживали, и зачастую непростые отношения, складывавшиеся в коллективе, что неизбежно, когда в одном месте сосредоточено много ярких, неординарных личностей.

Одной из наиболее очевидных проблем, с которой мне пришлось столкнуться в начале моей работы в ИИЕТ, было неожиданное для меня открытие того, что история науки в нашей стране в тот период времени не была, по существу, исторической дисциплиной. Среди историков науки преобладали люди, не имевшие исторической подготовки, не знавшие ничего о методах и приемах исторического исследования и, главное, не считавшие необходимым об этом знать. Это приводило, случалось, к малоквалифицированным, с точки зрения классических историков, работам, и в

итоге к некоторому презрению со стороны историков в целом к истории науки как таковой. В свою очередь, люди, имевшие историческую подготовку, в ИИЕТ находились в меньшинстве и на вторых ролях, если можно так сказать, к ним относились с некоторым пренебрежением из-за отсутствия технической или естественнонаучной базовой подготовки. Это фундаментальное противоречие, эта необходимость для историка науки владеть двумя профессиями: естественнонаучной или технической и исторической приводило, случалось, к некоторому напряжению среди коллег, поскольку историки-то понимали, что им необходимо приобретать вторую специальность, а вот то, что всем остальным это тоже требуется, объяснить было совсем не просто. Именно поэтому почти в самом начале моей работы в институте я предложила и на протяжении нескольких лет читала курс источниковедения и методов исторического исследования всем аспирантам, молодым, а иногда и не только молодым сотрудникам ИИЕТ. История науки всегда будет предъявлять высочайшие требования к своим специалистам, но понимание задач этой дисциплины за последние десятилетия сильно расширилось: история науки как история идей сегодня сосуществует достаточно мирно с историей науки как историей людей, хотя полностью разорвать эти две стороны одной медали, разумеется, невозможно. И произошло это на глазах моего поколения и при нашем активном участии.

1994 год

КОЗЛОВА
Марианна Сергеевна

В 1984 г. я окончила биолого-химический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Научным руководителем моей дипломной работы, посвященной происхождению человека, был сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ, кандидат биологических наук Виталий Михайлович Харитонов. Не являясь выпускницей кафедры антропологии, я не могла рассчитывать на соответствующее распределение после получения диплома, и стала искать другие возможности. От знакомого историографа Гавриила Эзровича Фельдмана я услышала об Институте истории естествознания и техники, став аспирантом или соискателем которого, можно будет выбрать для диссертации любую тему, в соответствии со своими научными интересами.

Осенью 1986 г. я, младший научный сотрудник Отдела научно-технической информации ВНИИбиотехнологии, впервые переступила порог ИИЕТ. Сектором истории биологических наук тогда заведовал Эдуард Николаевич Мирзоян. Между нами состоялся долгий обстоятельный разговор, в ходе которого выяснилось отсутствие у меня четких представлений о предмете историко-научных исследований. Мирзояна это не удивило, ведь историю естествознания студентам специально не преподавали, и он тут же попытался восполнить, хотя бы частично, пробел в моем образовании. Так я узнала, что история науки бывает когнитивной (история идей) и социальной. Поняв, что меня больше привлекает когнитивный аспект, Эдуард Николаевич сразу сформулировал тему моей будущей диссертации. Сам он изучал развитие эволюционных направлений в биологических науках (кроме антропологии), однако в сферу его интересов входила проблема факторов эволюции человека. Я оказалась подходящей кандидатурой для проведения такого исследования, поскольку защитила дипломную работу по антропогенезу, историей которого в ИИЕТ никто не занимался.

Осознав, что вторгаюсь в незнакомую мне область, я решила отложить оформление соискательства на год. Для начала мне требовался определенный библиографический задел, а времени на все не хватало из-за выполнения должностных обязанностей по месту основной работы. Эдуард Николаевич не возражал, увидев в моем решении серьезный подход к делу. Он информировал меня о новых литературных источниках, одалживал книги из личной библиотеки. Все это позволяло мне рациональнее расходовать время при подготовке к предстоявшему в Секторе докладу.

В декабре 1987 г. тема моей диссертации «Развитие представлений о роли биологических факторов в антропогенезе (от Ч. Дарвина до наших дней)» была утверждена на заседании Ученого совета ИИЕТ. Научным руководителем утвердили антрополога, академика АН СССР Валерия Павловича Алексеева, научным консультантом – доктора биологических наук Э. Н. Мирзояна. Эдуард Николаевич придерживался точки зрения, что кандидатские диссертации, особенно по когнитивной истории естествознания, должны выполняться под руководством ведущих специалистов из профильных научных учреждений.

Общение с академиком Алексеевым углубило мое понимание особенностей развития теории антропогенеза в нашей стране и в мире, способствовало формированию критического отношения к устоявшимся парадигмам в эволюционной биологии и антропологии. Я считала его своим учителем, после В.М. Харитоновой, к которому, в отличие от Валерия Павловича, могла обратиться за консультацией в любое время.

Кандидатскую диссертацию я защитила в ИИЕТ 3 января 1992 г. – уже после смерти В.П. Алексеева. Члены диссертационного совета долго не могли вникнуть в тему, несмотря на возможность предварительно ознакомиться с текстом работы и мой доклад. Все закончилось благополучно во многом благодаря Э.Н. Мирзояну, который доходчиво объяснил им, что задачей диссертанта было исследование истории не всей эволюционной антропологии, а только одной проблемы.

Работа над диссертацией показала мне, с какими непредвиденными обстоятельствами может столкнуться историк науки в лице живых свидетелей прошлого из-за их субъективного восприятия событий и предан-

ности своим учителям. Так, изучив ситуацию, сложившуюся в антропологической науке после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., я обнаружила, что из публикаций по антропогенезу исчезло всякое упоминание о естественном отборе. Кроме того, не могла не отметить, что роль отбора в процессе становления человека перестала упоминаться даже теми авторами, у которых уже имелись публикации по этому вопросу. Примером послужил учебник Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина «Основы антропологии» (1955), что возмутило моего рецензента В.З. Юровскую. Будучи ученицей Рогинского, она утверждала, что двурушником Яков Яковлевич никогда не был. Объективное отражение в диссертации реалий той эпохи задало ее чувства.

Получив ученую степень кандидата биологических наук, я продолжила заниматься теорией антропогенеза в историческом аспекте, публиковалась в научных журналах и сборниках материалов конференций. Э.Н. Мирзоян оказывал мне поддержку во всех начинаниях, оценив мое рвение. Заинтересованный в развитии нового направления, отсутствующего в планах НИР, Эдуард Николаевич постарался, чтобы я оказалась в его Секторе. В 1994 г. меня оформили научным сотрудником по контракту, а в 1995 г. зачислили в штат института.

Нельзя сказать, что я пришла в незнакомый коллектив, хотя прежде появлялась в Секторе истории биологических наук нечасто, по мере необходимости. Тогда там работали очень сильные исследователи. Эдуард Николаевич Мирзоян при первой же встрече произвел на меня впечатление незаурядного ученого, и я не ошиблась. Он умел не только ставить сложные задачи, но и заинтересовывать ими других. Недаром Лариса Васильевна Чеснова, подарившая ему в знак признательности свою книгу «Эволюционная концепция в паразитологии» (1978), сделала на ней необычную дарственную надпись: «Внешне природа и ее явления выглядят очень сложно. Но есть во всем этом внутренние простые и ясные закономерности. Их поиск, или даже поиск того, как другие находят или открывают эти закономерности, дает неповторимое удовлетворение». Вера Николаевна Гутина открыла новое направление исследований, защитив докторскую диссертацию «Идея эволюции в микробиологии: история и теория» (1992). Правда, потом она призналась Э.Н. Мирзояну, что без него сочла бы выделение эволюционного направления в микробиологии весьма проблематичным. Занимавшийся историей эволюционной мысли Вадим Иванович Назаров открыто высказывал свое мнение в печати и беседах с коллегами. Докторскую диссертацию он защитил на тему: «Развитие недарвиновских концепций эволюции» (1990). В 2005 г. вышла его книга «Эволюция не по Дарвину», неоднозначно встреченная научным сообществом из-за «антидарвинистской» позиции автора.

Все они были неординарными личностями. К сожалению, оценить их по достоинству мешала царившая в Секторе атмосфера. Отношения между сотрудниками были, мягко говоря, не самыми теплыми, к чему я не привыкла, работая в других коллективах. Поделившись своими впечатлениями с Э.Н. Мирзояном, услышала: «Откажешь им в характере?». Осталось только пожалеть плечами.

В 1980–1990-х гг. ИИЕТ еще находился в самом центре Москвы, в Старопанском переулке. И хотя институт занимал целый этаж большого

здания, внутренние помещения казались мне тесными. В Секторе истории биологических наук для меня сразу нашелся свободный стол. Небольшая комната была заставлена старой мебелью, и сотрудники, собиравшиеся вместе в присутственные дни, перемещаясь, постоянно натыкались друг на друга. Большинство Секторов выглядело непрезентабельно, но тогда трудно было представить, что может быть и хуже. Не хочется углубляться в грустную эпопею, связанную с переселениями института, который за время своего существования переживал и взлеты, и падения.

Институт – это, конечно, не стены, а прежде всего люди. Однако с этим также возникли проблемы. В 1990-е гг., когда в стране началась перестройка экономики и всего общества, прервалась связь времен. Молодежь шла в академические НИИ неохотно, особенно в ИИЕТ, не видя для себя перспективы. Наука должна постоянно омолаживаться, разница между поколениями ученых составляет в среднем пятнадцать лет. Таким образом, у нынешних малочисленных аспирантов фактически не оказалось учителей. Престиж истории науки упал. Помнится, В.Н. Гутина привела к нам двоих подававших надежды студентов-дипломников из РГГУ, где читала лекции. Студенты сделали доклады на Годичной научной конференции ИИЕТ, но публиковаться в сборнике отказались, по-видимому, решив, что смогут пристроить своиopusы в более престижные периодические издания. К идее поступления в нашу аспирантуру, к чему их склоняла Вера Николаевна, молодые люди отнеслись с пренебрежением. Откровенно дали понять, что на этом поприще не может быть достойного будущего.

Воспоминания живых и давно ушедших коллег свидетельствуют о том, за счет чего был достигнут успех. У истоков ИИЕТ стояли выдающиеся ученые, убежденные, что прежде чем прийти в историю науки, желательно что-нибудь сделать в самой науке. Сотрудники института, занимаясь своими плановыми темами, активно поддерживали связь с профильными НИИ и университетскими кафедрами, участвовали в научных и научно-практических конференциях. Ученые с энциклопедическим складом ума всегда интересовались историей, во всяком случае, собственных направлений. Обмен достижениями между историками естествознания и лабораторными исследователями расширял кругозор, помогая в работе. ИИЕТ пользовался большей популярностью в те годы, когда в издательстве «Наука» выходили капитальные труды его сотрудников: коллективные монографии, диссертации в виде книг. Это способствовало росту молодых специалистов. Специфика истории науки оказывала влияние на публикационную активность и характер печатной продукции института. В приоритете были монографические издания.

В наш век узкой специализации разобраться с закономерностями и перспективами развития естественных наук проще историку, чем экспериментатору, который вынужден ограничиваться четко очерченным кругом задач. Мои представления о работе историка биологии всегда совпадали с представлениями Э.Н. Мирзояна, у которого я училась, постепенно овладевая профессией. Он считал, что теория не всегда рождается в результате полевых или экспериментальных исследований, что теоретический синтез может быть продолжением историко-научного анализа. В частности, нельзя подходить к построению современной теории эволюции без знания эволюционных учений прошлого – для эволюционного синтеза XXI века не-

обходим их объективный анализ. Кроме Эдуарда Николаевича, в ИИЕТ работали другие видные историки естествознания, известные также как теоретики в области эволюционизма: биологического (Ю.В. Чайковский) и универсального (С.Д. Хайтун). Благодаря таким ученым история науки, приобретая прикладной характер, выходит на новый уровень, и ее значение возрастает. Но это уже отдельная тема.

1995 год

АКСЕНОВ
Геннадий Петрович

Историей науки я начал заниматься задолго до прихода в ИИЕТ. Однажды, а именно в конце 1970-х гг., я заинтересовался проблемой времени и пространства в науке и философии и неизбежно вышел на труды Владимира Ивановича Вернадского.

В начале 80-х гг. его имя было в научном мире у всех на слуху. В период «оттепели» в науке возродилось его учение о биосфере, насильственно похороненное советской цензурой. И так сложилось, что Вернадский для научной общности неожиданно превратился в некотором роде в знамя скрытой оппозиции. Критиковать напрямую идеологию марксизма еще было опасно, зато экологические проблемы, как бы общие у нас со всем миром, приобрели антиправительственный оттенок. Ученые с фактами в руках пред-

сказывали пагубные последствия наиболее одиозных проектов советских руководителей по «переделке природы», по грандиозным «стройкам коммунизма» и особенно «повороту северных рек на юг». Под эгидой Вернадского стихийно складывалось самосознание образованного общества.

На одном из собраний в Доме ученых я услышал, что в Институте истории естествознания и техники пройдет семинар, посвященный Пьеру Тейяру де Шардену. Поскольку я уже читал его «Феномен человека» и размышлял о ноосфере, то пошел в Старопанский переулок и выступил в прениях. Так я попал в круг людей, которые занимались Вернадским.

В то время в институтах Академии наук еще работали ученые, знавшие или заставшие Вернадского, например, сын нашего известного философа П.А. Флоренского, бывший сотрудник Биогеохимической лаборатории Академии наук (БИОГЕЛ), один из создателей сравнительной планетологии Кирилл Павлович Флоренский (1915–1982). Особенно я сблизился с хранителем Кабинета-музея Вернадского В.С. Неаполитанской (1907–1999). В 1944 г. она была принята в БИОГЕЛ самим Вернадским, а потом служила в выросшем из лаборатории Институте геохимии и аналитической химии АН (ГЕОХИ). Несмотря на возраст, Валентина Сергеевна была горячим, даже страстным собирателем «вернадских сил». Я много сотрудничал с ней, пользовался фондами Кабинета-музея. Вместе мы выпустили большой альбом «В.И. Вернадский» в серии издательства «Планета», напечатали немало писем из архива ученого. В кружок исследователей творчества Вернадского тогда уже входили сотрудники ИИЕТ РАН Инар Иванович Мочалов и Майя Семеновна Бастракова, издатель дневников Вернадского Владислав Павлович Волков (1934–2012), почвовед, ученик Н.В. Тимофеева-Ресовского Анатолий Никифорович Тюрюканов (1931–2001) и другие ученые и философы. Валентина Сергеевна собирала нас или в Кабинете-музее, или у себя дома на Новой Басманной.

Большую роль в моей судьбе сыграло знакомство с одним из главных последователей Вернадского, выдающимся ученым и подлинным русским интеллигентом, академиком Борисом Сергеевичем Соколовым (1914–2013). В течение пяти лет я работал под его руководством в качестве ученого секретаря Комиссии по связям с прессой Оргкомитета 27-й сессии Международного геологического конгресса (Москва, 1984). Формально я состоял в штате Института литосферы АН (ИЛСАН), директором которого был вице-президент Академии наук Александр Леонидович Яншин (1911–1999), который, кстати, и возглавлял научное сопротивление повороту северных рек. Кроме того, он стал председателем созданной тогда Комиссии по разработке научного наследия В.И. Вернадского и Комиссии АН по биосфере. В рамках этих учреждений я с согласия А.Л. Яншина организовал на базе ИЛСАНа постоянный семинар по проблемам биосферы и ноосферы, который собирался раз в месяц даже и после моего ухода из института.

Однажды ученый секретарь ИЛСАНа Наталья Кузьминична Власова (1936–2013) вручила мне две толстые тетради архивных выписок из дневников Вернадского. Она рассказала, что их полуподпольно сделал ее отец, геохимик член-корреспондент АН Кузьма Алексеевич Власов (1905–1964). То был бесценный дар, потому что в те годы дневники Вернадского исследователям не выдавались. И когда я их начал читать, то сразу по-

нял – почему? Из записей вставал образ совсем другого Вернадского, не официального, не советского академика. В дневниках открытым текстом говорилось о существовании советского строя, о терроре, о государственной бестолковщине времен Сталина.

Свою первую статью об ученом «Постигая В.И. Вернадского» я опубликовал в «Вестнике Академии наук СССР» (1983, № 9), затем в других академических журналах: «Наука в СССР» (издавался на четырех языках), «Природа», «Вопросы философии». Публикация в последнем – «О научном одиночестве Вернадского» – была переведена на английский и французский и напечатана в журнале Женевского университета «Russian Studies in Philosophy» (1995, т. 34, № 1). Кроме того, я работал над сборниками по юбилейным конференциям Вернадского в Академии наук в 1983 и 1988 гг.; опубликовал материалы для его биографии в серии ЖЗЛ «Прометей» № 15 («Молодая гвардия», 1988, научный редактор И.И. Мочалов), большую книгу «Открытия и судьбы: Владимир Вернадский» («Современник», 1993, ответственный редактор академик А.Л. Яншин). В этом сборнике я напечатал проверенные по оригиналам некоторые выдержки из двух доставшихся мне тетрадок.

Таким образом, к моменту прихода в ИИЕТ я уже был автором не менее 20 научных статей в сборниках и рецензируемых журналах, в том числе в нашем «ВИЕТ» («Живое вещество от Бюффона до Вернадского», 1988). Опубликовал брошюру «Личность есть величайшая, драгоценнейшая ценность» («Знание», 1991) и полноценную биографию «Вернадский» («Соратник», 1993), которая впоследствии неоднократно издавалась в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия». В те годы я параллельно работал в журнале «Открытая политика», примыкавшем к партии Е.Т. Гайдара, и организовал там постоянно действовавший семинар по истории и практике российского либерализма. Из статей в этом журнале ставилась моя книга «Крылья орла. Очерки российской свободы» (2001, переиздание 2020).

Вот почему к 1995 году передо мной вырос очередной жизненный выбор: история науки или политика с публицистикой. И я обратился к И.И. Мочалову, с которым мы много сотрудничали по различным проектам, с просьбой порекомендовать меня руководству ИИЕТ. Что он и сделал. После беседы с заведующим Отделом наук о Земле Алексеем Владимировичем Постниковым я был принят сначала на контрактную должность инженера, а затем с присвоением научного звания зачислен в штат. В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию «Учение В.И. Вернадского о живом веществе и его значение для теоретической географии».

ИИЕТ конца прошлого века был очень заметным научным учреждением благодаря наступившей свободе мысли. И по научной известности своих сотрудников, и по удачному расположению в центре Москвы он был центром притяжения для всех, кто занимался историей науки в Академии и в вузах. Немало способствовала консолидации творческих сил в нашей области научная политика тогдашнего директора Института Владимира Михайловича Орла (1931–2014).

Я пришел в отдел с традициями, созданными людьми с солидными именами. Прежде всего, надо сказать о докторе философских наук Мочалове, которому я останусь навсегда благодарен за годы дружбы и сотруд-

ничества на общей платформе. Он был автором фундаментальной научной биографии Вернадского («Наука», 1982), которая по обилию введенных в оборот документов приближалась к собранию источников о жизни ученого. Недостатки книги относились не к автору, а к эпохе цензурных ограничений, закрытости архивных документов, которые нельзя было публиковать, зато все достоинства значительно перевешивали умолчания. Кроме того, Инар Иванович своей деятельностью и общественной позицией немало способствовал восстановлению имени Вернадского.

Такую же заслугу можно отнести бывшему сотруднику отдела, который в штате уже не работал, но духовной связи с институтом не терял, к известному писателю, путешественнику и историку географии Игорю Михайловичу Забелину (1927–1986). Я, правда, лично с ним не был знаком, общался только по телефону, когда писал рецензию на его книгу «Мудрость географии».

В отделе работали заметные историки науки: геолог с теоретическим складом ума Игорь Васильевич Круть (1930–1996), известный популяризатор науки Игорь Александрович Резанов (1927–2006), который, кстати, Вернадского не читал, считал натурфилософом и эту неприязнь переносил и на меня. Но это ничуть не мешало мне, и я пользовался общением с ним, несмотря на отрицательный уклон. Дело в том, что он развивал астрономическую идею о Фаэтоне, разрушенной планете, из которой образовался пояс астероидов. Несмотря на чрезвычайную уязвимость идеи, она вводила геологические и геохимические факты в астрономию, в которой к планетам все еще относились как к точкам небесной механики. Кроме того, его было интересно слушать, как каждого увлеченного своим душевным делом ученого. Резанов был прямым человеком, начальство для него не было автоматически научным авторитетом.

Много дало мне знакомство с глубоким исследователем истории советской биологии Василием Васильевичем Бабковым (1946–2006), который тоже занимался Вернадским. Не случайно его жена, выдающийся режиссер документального кино Елена Саканян (1944–2003), сняла фильмы о Н.В. Тимофееве-Ресовском (трилогия «Зубр») и о биосфере Вернадского, вызвавшие тогда большой общественный резонанс.

В отделе проводилось множество научных заседаний. Да и во всем институте веяла атмосфера истины и научного поиска. Присутственные дни превращались в праздники общения. Лично я обсуждал конкретные проблемы истории науки со многими сотрудниками других отделов. Прежде всего, с Майей Семеновной Бахраковой, которая хорошо знала архив Вернадского и его историографию. С ней, Инаром Ивановичем и Галиной Александровной Фирсовой (1943–2008) мы составляли два тома произведений Вернадского «О науке». Вопросы истории научной революции XVII в. я обсуждал со знатоком эпохи Ньютона и человеком большой культуры Владимиром Семеновичем Кирсановым (1937–2007). Глубокие темы мы развивали с Верой Николаевной Гутиной (1932–2003), автором работ о Луи Пастере. С ней мы ходили на выставки по истории науки и искусства. Наше тесное духовное сближение прервала ее смерть.

Особо надо сказать об Илье Семеновиче Тимофееве (1923–2014), как и о нашем замечательном *Никфёде* – Николае Федоровиче Овчинникове (1915–2010). С ними не только я, но и все мы общались на почве методо-

логии науки. Николай Федорович был автором известной книги «Методологические принципы в истории научной мысли» (1997), а Илья Семенович – главным действующим лицом постоянного семинара по методологии и философии науки. С ними обоими связана крупнейшая проблема не только научного свойства, но и организационная, имеющая отношение к исторической судьбе ИИЕТА.

Дело в том, что за несколько лет до меня (1987) из института был исключен и целиком переведен в Институт философии РАН Сектор истории и логики науки. С моей точки зрения, то была решающая ошибка тогдашнего директора В.С. Степина (1934–2018) и руководства Академии. Во-первых, потому, что отдел перевести можно, но отделить философию науки от истории науки по существу – нельзя. Возникновение общеинститутского методологического семинара как раз о том и свидетельствовало. История науки без философии науки глупеет, превращается в чисто эмпирическую дисциплину, которая описывает «случаи». Зато философия науки без истории ее превращается в оторванное от почвы философствование, в плавание в общих категориях и понятиях. Быть историком науки не так просто, как кажется на первый взгляд, т.е. химику легко овладеть историей химии, например. Надо еще обладать общей историей, культурой знания, гносеологией и научной эпистемологией, а также элементами культурной антропологии и психологии. Наука создается живой человеческой личностью и прежде чем стать общим безликим знанием, принадлежит конкретному человеку. Истина на определенном этапе формирования – это не что, а кто. И этого «Кто» история науки тоже обязана изучать как можно глубже.

Конечно, каждый исследователь, в конце концов, если стремится к обобщениям, к пониманию смысла и связи истории идей, то невольно обращается к философии своего предмета. Хорошо еще, что ушедшие тогда еще общались с оставшимися на общих площадках. Я лично много времени провел в беседах с Георгием Дмитриевичем Гачевым (1929–2008), с Александром Павловичем Огурцовым (1936–2014) и его вдовой, ныне здравствующей Светланой Сергеевной Неретиной у них в Институте философии.

Отсутствие специального отдела по философии, логике и эпистемологии науки разрушало как раз связи сотрудников на общей платформе, их объединение, которое усиливало бы институт в целом, повышало бы его вес в общем пуле науки. Каждый копает свою отдельную траншею, не видя горизонта.

А во-вторых, разделение истории и философии науки сказалось при перестройке кафедр марксизма-ленинизма во всей стране. Аспиранты должны были сдавать теперь кандидатский экзамен по истории и философии своей дисциплины. И вот Академия наук отдала методическое руководство процессом Институту философии, в то время как головным институтом, конечно, должен был стать ИИЕТ. С тех пор его значение неуклонно снижается. На этом фоне начали закрываться кафедры истории науки в вузах, как, например, в РГГУ, созданная основателем университета Ю.Н. Афанасьевым.

Получается, что ликвидация общей истории науки продолжается, она естественно тает как в самом институте, так и по всей стране. Идет процесс

снижения теоретического уровня истории науки, она неизбежно превращается в примитивную описательную науку внутри каждой дисциплины. Она нежелательна для Министерства, которому подчиняется Институт, и как это ни печально, и для Академии наук, поскольку невыгодна по идеологическим соображениям руководителям страны. Поскольку официальная историография стремится отделить страну от общей единой цивилизации и сосредоточивается на ее как бы «особом пути», общая история науки – лишняя, более того, опасная для власти дисциплина.

Наука сама по себе, как я с высоты своего теперешнего опыта понимаю, является важнейшей базой мировой цивилизации. Культур – множество, цивилизация едина для всех, никаких «особых» нет. И в этом смысле наука как профессиональная деятельность со своей рациональностью, своей инфраструктурой и с научным образованием подрастающих поколений в XII в. стала основой европейской городской революции. Соответственно, история науки с тех пор развивает самосознание цивилизованных наций. Она дает им квалифицированное исследование всего пути человечества по овладению знаниями и всем материальным миром. Я много думал об этом, что, в конце концов, вылилось в монографию «Глубинная история человека: от христианства до ноосферы» (URSS, 2014).

Без своего осознания терпят ущерб особенно все общественные дисциплины, поскольку история заложена в их фундаментах. Пренебрежение ею аналогично известному казусу с кибернетикой и генетикой. Обозревая историю ИИЕТ, могу сказать, что факты его закрытия в 1938 г. и открытия потом с другим названием, как и ликвидация кафедр истории науки, не являются случайными. В этом смысле будущее института тревожно и ненадежно. Его вполне могут закрыть с распределением сотрудников по соответствующим учреждениям Академии и вузов.

Пока же, думая о 90-летию ИИЕТ, я счастлив, что застал его в лучшие времена, хотя и на их излете. Счастлив, что духовно и душевно общался с теми, кто был его разумом и научной совестью.

1995 год

АНДРЕЕВ
Александр Иванович

В жизни каждого человека есть годы наиболее важные, продуктивные или даже судьбоносные с точки зрения карьерного роста, реализации своего внутреннего потенциала, своих скрытых талантов и возможностей. Для меня – это время сотрудничества с Ленинградским отделением Фонда Культуры (1988 – начало 1990-х) и годы работы в Мемориальном Музее-квартире П.К. Козлова (подразделение СПбФ ИИЕТ РАН) с конца 1994 г. по 2017 г. В Фонде Культуры я, филолог по образованию, начал серьёзно заниматься историей с востоковедным уклоном, и история вскоре стала моей второй специальностью. Я обследовал и изучал петербургский некрополь, а также занимался генеалогией. Под руководством одного из со-

трудников Фонда А.В. Кобака составлял родословные старых петербуржцев (по просьбе их родственников).

В 1990 г. в Фонде я познакомился с Владимиром Андреевичем Росовым, историком-рериховедом. В то время он возглавлял небольшую группу рериховцев и издавал журнал «Рериховский вестник», в котором я опубликовал в 1991 г. одну из своих ранних статей – о буддийском храме в Петербурге. В 1994 г. В.А. Росов перешёл работать в Музей-квартиру П.К. Козлова, и я последовал за ним. В Музее Росов создал Группу по истории изучения Центральной Азии, и таким образом, я стал заниматься историей российских и зарубежных географических путешествий в этот обширный регион в XIX – начале XX века, изучать биографии путешественников, прежде всего П.К. Козлова и Н.М. Пржевальского.

Строго говоря, я занимался тремя тесно связанными друг с другом темами – 1) история буддизма в России (в Бурятии и Калмыкии); 2) история политических, религиозных и культурных связей России с Тибетом (откуда, собственно говоря, буддизм и пришёл на территорию России); 3) история российских научных экспедиций в буддийские страны – Монголию и Тибет. Моё увлечение историей имело сильный востоковедный уклон. После окончания Ленинградского государственного университета в 1972 г. я изучал восточные языки – санскрит, под руководством В.Г. Эрмана, и тибетский – в Блумингтонском университете США (в 1983 г.). Надо сказать, что Восток вошёл в мою жизнь довольно рано – будучи студентом ЛГУ, я был отправлен на стажировку в Индию, где провёл целый год.

И вот в конце 1994 г. я оказался в стенах Музей-квартиры П.К. Козлова. В ИИЕТ меня зачислили научным сотрудником. Вместе со мной в Музей на должность главного хранителя пришёл О.В. Альбедиль. Среди сотрудников «первой волны» в музее трудились Т.И. Юсупова (она занималась описью мемориальной библиотеки), Татьяна Ставицкая и М.Н. Кожевникова, которая создала и возглавила в 1992 г. «Общество Друзей Тибета» (ОДТ) – Тибетский информационный центр. Сама М.Н. Кожевникова поначалу работала в музее на общественных началах, но затем была зачислена в штат ИИЕТ. Общество Друзей Тибета размещалось в отдельной комнате, второй после рабочего кабинета П.К. Козлова.

Музей П.К. Козлова возник в конце 1989 г. при Ленинградском отделении ИИЕТ РАН. Первым директором музея была С.А. Калядина, учёная-химик, работавшая ранее в Музее М.В. Ломоносова. Сменив С.А. Калядину на этом посту, Росов стал создателем музейной экспозиции, не существовавшей прежде. Надо сказать, что Музеем в ту пору являлся лишь рабочий кабинет Козлова. Две комнаты были заполнены ломаной мебелью и неразобранными вещами.

В комнате Тибетского центра были выставлены собранные по крохам тибетские экспонаты, карты, книги о Тибете. «Друзья Тибета» сделали раму-подставку для монастырского гонга из коллекции Козлова, обшили тканью тибетские иконы, сшили занавеси, расписали двери в тибетском стиле. Многие тибетские вещи передал музею тибетолог А.А. Терентьев (муж М.Н. Кожевниковой), в том числе коллекцию тибетских книг-ксилографов – более 300 ед., аккуратно завернутых в шелковые и парчовые

ткани. В октябре 1993 г. ОДТ организовало фестиваль «Неделя Тибета», и в его программу вошло празднование 130-летнего юбилея П.К. Козлова.

Впервые я побывал в музее в 1993 г., сидел в рабочей комнате за «тумбовым» столом, читая экспедиционный дневник П.К. Козлова. Став сотрудником Музея, я продолжил исследовательскую работу, которой с увлечением занимался в Фонде Культуры. Более всего меня интересовали темы, мало изученные или совсем неизученные, как-то постройка буддийского храма в Старой Деревне, или отправка чичеринским Наркоминделом трёх секретных экспедиций в Тибет в 1920-е годы. Чтобы добыть необходимую информацию, раскрыть те или иные «тайны истории», я отправлялся в архивы. Работал в петербургских и московских архивах, в том числе в труднодоступном для исследователей Архиве Президента РФ, о чём вспоминаю сегодня с гордостью.

Научного руководителя у меня не было, но я постоянно консультировался с учёными из Института Востоковедения (Е.И. Кычанов, В.Я. Васильков, Е.А. Торчинов, В.А. Успенский) и таким образом расширял свои историко-востоковедные познания. В 1997 г., при содействии В.А. Росова, состоялась публикация моей второй книги «От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-й половине XX века». (Моя первая книга, под названием «Буддийская святыня Петрограда», была опубликована в 1992 г. в Улан-Удэ).

Вершина моих научных достижений приходится на 2005–2006 годы. В 2005 г. я защитил докторскую диссертацию, а в 2006 г. увидела свет моя главная книга: «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России». В 2005 г. я получил высшую награду за свои исторические исследования – Орден Грифона, который мне торжественно вручили в резиденции Ордена в Лондоне. Год спустя я был удостоен почётного звания «Заслуженного работника культуры Республики Бурятия».

Теперь немного расскажу о Музее. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. велось создание строго научной музейной экспозиции. Когда квартира П.К. Козлова обрела музейный вид, в ней стали проводиться различные культурно-просветительные мероприятия, во многом благодаря инициативе М.Н. Кожевниковой, – семинары по культуре Тибета и так называемые «Пятницы у П.К. Козлова» – лекции, посвящённые истории исследований Центральной Азии. Музей стали посещать учёные и музейные работники Петербурга, представители творческой интеллигенции, музыканты и художники. Театральный декоратор из Мурманска Сергей Панчешный в 1995–1996 гг. подарил Тибетскому центру изготовленные им маски буддийских божеств, которые ныне украшают стены Тибетской комнаты.

Характерная особенность Музея того времени, когда его возглавлял В.А. Росов, – это царивший в нём рериховский дух. В стенах музея долгое время размещалась издательская группа «Рериховского Вестника» (Е.В. Алексеева и В.С. Дмитриев). У музея был рериховский спонсор, издательский дом «Агни» в Самаре, выделявший средства на содержание музея.

Вспоминаю с большой теплотой коллектив сотрудников музея тех лет (2-я половина 1990-х): О.В. Альбедиль, М.Н. Кожевникова, Т.И. Юсупова, Т.Ю. Гнатюк, Т. Ставицкая, Л.Н. Патрушева. И, конечно, руководи-

теля музейной группы, неутомимого рериховеда В.А. Росова. О.В. Альбедиль был главным хранителем Музея (1995–2017). М.Н. Кожевникова занималась описанием обширного тибетского фонда. Татьяна Ставицкая, студентка-вечерница истфака СПбГУ и активная правозащитница, разбира- рала и описывала музейный архив. На её место в 1998 г. пришла Т.Ю. Гнатюк. Обе они, Ставицкая и Гнатюк, особенно увлекались лич- ностью Елизаветы Владимировны Козловой, орнитолога и путешествен- ницы, супруги П.К. Козлова. Жили мы дружной музейной семьёй, хотя нередко между нами возникали споры по поводу создававшейся на наших глазах и при нашем непосредственном участии музейной экспозиции.

Официальное открытие музея состоялось 4 декабря 2002 г. К этой дате М.Н. Кожевниковой была создана первая временная фотовыставка «Забайкалье времён экспедиций П.К. Козлова», составленная из архив- ных фотографий начала XX века. А в январе 2003 г. музей неожиданно покинул В.А. Росов. Его место пришлось занять мне (по просьбе директо- ра ИИЕТ Э.И. Колчинского), хотя мне не хотелось совмещать мою науч- но-исследовательскую работу и администраторские функции. В открыв- шемся Музее стали регулярно устраиваться временные выставки, привле- кавшие посетителей, в том числе иностранных.

Помимо чисто музейной работы – обслуживания посетителей, хране- ния и пополнения фондов, сотрудники Музея-квартиры П.К. Козлова за- нимались плановой научно-исследовательской работой, а также участво- вали в различных научных и издательских проектах, в том числе между- народных. В 2003 г. был опубликован полный текст дневников Монго- ло-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1923–1926), под редакцией Т.И. Юсуповой, в результате чего в научный оборот был введён огромный и ценнейший материал.

Заслуживают упоминания ещё две книги, авторами которых, кроме меня, были сотрудницы музея Т.Ю. Гнатюк и М.Н. Кожевникова. Это сборник материалов, посвящённых 115-летию со дня рождения Е.В. Козло- вой «Среди людей и птиц. Орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975)» (2007) и «Российские экспедиции в Центральную Азию: Ор- ганизация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг.» (2013).

1995 год

КУЗЬМИН
Андрей Валентинович

Впервые переступил порог Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН в конце зимы 1995 года. Случилось это благодаря Инессе Михайловне Калининой, с которой мы были коллегами по семинару в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга МГУ. После долгих бесед со мной Инесса Михайловна заключила: «Вам необходимо познакомиться с Александром Ароновичем Гурштейном».

И вот, предварительно договорившись, мы встретились в метро Китай-Город (в переходе «у головы»), и вместе, дойдя по уютным улицам и переулкам до угла Старопанского и Богоявленского, поднялись на второй этаж в кабинет Александра Ароновича, тогда заместителя директора ИИЕТ

им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Достаточно оживлённо восприняв мой визит, проговорив со мной около сорока минут, Александр Аронович заключил: «Вы – мой аспирант».

Через неделю, в стенах своего дома, Александр Аронович познакомил меня с внештатным сотрудником нашего Института Сергеем Викторовичем Житомирским. Сергей Викторович был тончайшим знатоком античного научного знания, учеником и продолжателем связанных с историей античного знания идей Ивана Николаевича Веселовского. Сергей Викторович чрезвычайно заинтересовался моим ещё только планируемым исследованием и на всём протяжении подготовки диссертации приглашал меня к себе для обсуждения очередной идеи или только что написанного мной фрагмента текста.

В завершающем году XX века состоялась защита кандидатской диссертации, среди гостей которой, несколько неожиданно я был очень рад увидеть своего первого учителя астрономии Константина Алексеевича Порцевского. С именем Константина Алексеевича связан Золотой век Московского планетария. Моими оппонентами были главный научный сотрудник Отдела изучения Галактики и переменных звёзд ГАИШ им. П.К. Штернберга Юрий Николаевич Ефремов и руководитель Отдела астрономии журнала «Земля и Вселенная» Валентин Антонович Юревич. Авторами отзыва ведущей организации (Института астрономии РАН) были ведущий научный сотрудник Отдела нестационарных звёзд и звёздной спектроскопии ИНАСАН и Отдела изучения Галактики и переменных звёзд ГАИШ Николай Николаевич Самусь и ведущий научный сотрудник Отдела исследования Солнечной системы ИНАСАН Анатолий Михайлович Микиша.

За две недели до защиты я передал Александру Ароновичу (только что прилетевшему всего на один месяц из США), на один вечер переплетённый экземпляр диссертации и отзывы, на первом из которых под решительным «УТВЕРЖДАЮ» красовалась подпись академика Александра Алексеевича Боярчука. На следующий день, возвращая мне это собрание, Александр Аронович произнёс: «Да! С таким текстом и с такими отзывами жить можно!».

Особый восторг Александра Ароновича вызвал также протокол кандидатского экзамена по «общенаучной дисциплине астрономия», сданного мной в ГАИШе комиссии, председателем и неременным и грозным участником которой был профессор МГУ, крупнейший в СССР специалист по морской гравиметрии, участник нескольких подводных и кругосветных морских походов Валерий Леонтьевич Пантелеев. Александра Ароновича особенно радовало то, что я смог пройти этот этап абсолютно самостоятельно (Александр Аронович в период подготовки и сдачи этого экзамена пребывал в США). Он приводил примеры из прошлого, когда этот рубеж становился для кого-то из соискателей ИИЕТ практически непреодолимой преградой, для взятия которой требовались его личная поддержка и участие, в совокупности с неординарным поиском иных, менее «страшных», чем ГАИШ, мест.

С первого января 2001 г. я был принят на должность научного сотрудника Отдела истории физико-математических наук в группу истории аст-

рономии ИИЕТ, которые тогда возглавлял Григорий Моисеевич Идлис. На протяжении подготовки диссертации Григорий Моисеевич постоянно оказывал мне всестороннюю поддержку и был первым читателем и рецензентом моих текстов. С 2006 г. благодаря Григорию Моисеевичу я преподавал курсы «Истории науки» и «Концепции современного естествознания» в Историко-архивном институте РГГУ, вплоть до внезапного закрытия нашей кафедры истории науки, в 2014 г.

1995 год

РЫНДИН
Сергей Иванович

Я пришёл в ИИЕТ в 1995 году, когда он ещё находился в здании на Старопанском переулке, д. 1/5. Меня, молодого инженера-системотехника, выпускника кафедры «Вычислительные машины, комплексы, системы и сети» факультета автоматики и вычислительной техники Московского энергетического института, привёл в Институт Александр Александрович Печёнкин, который читал тогда в МЭИ курс истории и философии науки. Он, верно в шутку, заметив мои скромные достижения и детский интерес в изучении этой дисциплины, предложил возможность продолжить обучение таким вот образом.

Первым, что очень расположило меня к ИИЕТ, были лёгкость и непринужденность общения, открытость людей, работавших здесь, в особенности тог-

дашнего Директора, Владимира Михайловича Орла, – без экивоков, подчас просто идя вдоль заставленного полками с книгами коридора, мы обсуждали казавшиеся мне тогда очень серьёзными вопросы с непостижимо дальними сроками разрешения и планирования; ну, а из того, что очень запомнилось – моя неудачная попытка пошутить, поставив запятую в полном названии Института в одном из отчётов.

Случилось так, что, выдержав экзамены и поступив в аспирантуру, я практически сразу одновременно начал работать системным администратором в только что созданном Центре компьютерных телекоммуникаций, который располагался в то время в кабинете № 31. В этой комнате находились серверы ИИЕТ, каналобразующее оборудование и рабочие места других сотрудников Центра: Сергея Борисовича Шапошника, руководителя, Алексея Энверовича Каримова и Ирины Алексеевны Мерзляковой.

Хочу отметить также большую помощь во внедрении информационных технологий, что оказали, преподав мне уроки профессионализма, Михаил Лев, Николай Глазков, Евгений Голоцван и Александр Сорокин.

1996 год

АЛЬБЕДИЛЬ
Олег Владимирович

4 апреля 1996 года в Музее-квартире П.К. Козлова состоялось первое собрание только что созданной в структуре СПбФ ИИЕТ Проблемной группы по истории исследований Центральной Азии. У Группы были две задачи: создать Музей и изыскать спонсорские средства на его создание и содержание. Забегая вперед, скажу, что обе цели были достигнуты. А в тот день руководитель В.А. Росов представил «старым» (уже несколько лет проработавшим) сотрудникам новых: А.И. Андреева и автора этих строк, а также свою «издательскую группу»: Елену Алексееву, Валерия Дмитриева и Антона Малыгина (некоторое время был соискателем в ИИЕТ). Эта «Редакция» около десяти лет работала в помещении Музея, не являясь сотрудниками Института.

Это был мой первый рабочий день в Музее, но впервые я побывал в квартире № 32 ещё в 1965 году, когда вместе с другом мы пришли (по предварительной договорённости, разумеется), чтобы сфотографировать легендарную статуэтку Будды, подаренную П.К. Козлову 13-м Далай-ламой. Нас очень душевно принимали Елизавета Владимировна Козлова и Ирина Александровна Четыркина (после кончины Козловой она была фактически хранителем будущего Музея). Мог ли я, тогда девятнадцатилетний студент Восточного факультета, представить, что через много лет эта квартира станет на двадцать один год моим местом работы и как бы вторым домом?

Но вернёмся в тот апрельский день 96-го. Осмотрев квартиру, я, честно говоря, пришёл в ужас. Никакого Музея не было. Запустение и невероятный беспорядок. В том не было вины первых сотрудников, они сделали всё, что смогли: опись музейных предметов, каталог библиотеки, ТЭП – тематико-экспозиционный план, даже косметический ремонт. Дело осталось за малым – создать Музей.

Через несколько месяцев Росову удалось найти спонсора. Им стал Центр духовной культуры города Самары (Рериховский). Шесть лет они оплачивали все счета Музея (охрана, коммуналка), по нашему проекту сделали и смонтировали семь витрин, а мы (Росов с «Редакцией», Андреев и я) выполняли для Самары издательские проекты. Кроме того, они финансировали солидные ежегодники Музея «Ариаварта» (вышло пять выпусков).

Но появился ещё один важный спонсор. В 1997 г. Музей посетил академик А.В. Розанов, бывший о ту пору заместителем главы Музейного совета РАН. С тех пор и вплоть до 2013 г. Музей ежегодно получал небольшой грант, что позволило нам создать экспозицию, а затем осуществлять какую-то музейную деятельность.

И ещё одно существенное обстоятельство. Летом 1997 г. Татьяна Ивановна Юсупова заняла должность Учёного секретаря Филиала, до этого проработав в Музее с момента его создания. Мы получили «ангела хранителя». Без её постоянной помощи, поддержки, участия и заступничества Музей бы не состоялся.

Вообще же у Музея было много друзей, помощников и активных благожелателей, начиная с РГО, Эрмитажа и ИВРАНа, общественных организаций, таких как: «Общество друзей Тибета», Бурятская община Санкт-Петербурга, Институт-музей семьи Рерихов и др., не говоря уже о многочисленных энтузиастах, путешественниках, исследователях. Не могу здесь не упомянуть внучку П.К. Козлова О.Н. Обольсину.

Наконец, к весне 2002 года экспозиция, после долгих перипетий, споров, переделок и пополнений (Эрмитаж дал на временное хранение десятков вещей, а глава издательства «Нартанг» А.А. Терентьев разместил свою уникальную коллекцию ксилографов) была завершена. Можно было открывать Музей, но тут произошла авария. Из-за стройки на верхнем этаже случилась протечка в Кабинете (в главной, мемориальной части экспозиции), а точнее Потоп. Потолок, паркет, обои пострадали катастрофически. Многие экспонаты были повреждены... Дальним отголоском этого события стала авария августа 2021.

Но, преодолев все препятствия, сделав ремонт и открыв парадный ход, 5 декабря 2002 г. мы устроили торжественную презентацию Музея, пригласив многих почётных гостей. Экспозиция была развёрнута в четырёх залах, плюс зал временных выставок. Музей перестал быть «Золушкой» для Филиала. С этих пор наши счета оплачивались Институтом.

Началась обычная повседневная жизнь музея: отдельные посетители, экскурсии, временные выставки (с 2002 по 2015 гг. было проведено 26 выставок), сотрудники принимали участие в съёмках документальных фильмов о русских путешественниках и о самом Музее (2 фильма) и т.п. Научные сотрудники Группы защищали диссертации (2 докторских и 2 кандидатских), публиковали статьи и монографии, участвовали в конференциях, ездили в зарубежные командировки. А единственный собственно музейный работник – автор этих строк – помимо хранительской работы, был и экскурсоводом, и смотрителем, и куратором выставок, и монтажником, такелажником, и электриком (в музее более 50 ламп и прожекторов!) и т.п.

В декабре 2015 г. в Музей был назначен новый директор (формально такой должности не было, был руководитель группы) В.В. Лебедева. Ей не удалось найти общий язык с коллегами и в течение следующего года с небольшим все прежние сотрудники (все четверо), проработавшие двадцать и более лет, покинули Музей. Характерно, что, развалив стабильный коллектив, она сама через полтора года со скандалом ушла.

С 2017 г. я ушёл на пенсию, но поддерживаю с Музеем тесные связи. К сожалению, за эти пять лет там сменилось слишком много людей. Состав полностью поменялся по крайней мере дважды.

С болью в сердце недавно узнал о катастрофической аварии в Музее в августе 2021 года. Видимо, там необходим капитальный ремонт. Музей П.К. Козлова закрыт.

1998 год

АЩЕУЛОВА
Надежда Алексеевна

Больше 20 лет моя судьба неразрывно связана с уникальным академическим учреждением Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, в котором работали и по сей день трудятся выдающиеся ученые, незаурядные, талантливые и яркие личности. И порой встреча и совместное творчество с ними определяет твою дальнейшую судьбу... Так случилось и со мной в 1997 году. Один из основоположников социологии науки и науковедения в СССР, профессор Исаак Александрович Майзель после прочтенной лекции подошел ко мне и сказал: *«Надежда, на днях открывается X сессия Международной школы социологии науки и техники, программа очень интересная, не хотите ли познакомиться с ведущими социологами, науковед-*

дами?». Я была очень рада данному приглашению и с большой благодарностью и энтузиазмом приняла его. Помню, как первый раз очутилась в здании Академии наук XVIII века с уникальной мозаикой М.В. Ломоносова «Полтавская баталия», как поднималась по красивейшей старинной лестнице в Малый конференц-зал СПбНЦ РАН с портретами известных ученых, как сразу окунулась в потрясающую интеллектуальную среду. Часть докладов была представлена на английском языке, и мне совсем не составило труда (после небольшой стажировки в США) активно включиться в работу, задать несколько вопросов докладчикам. В перерыв ко мне подошел руководитель Международной школы социологии науки и техники, Заслуженный деятель науки РФ, профессор Самуил Аронович Кугель, познакомился, в свойственной ему задорной манере спросил про знание иностранных языков и сразу пригласил посетить Центр социолого-научно-исследовательских исследований. Так со студенческой скамьи я оказалась в академическом мире Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. В тот момент для меня было необыкновенно интересно и чрезвычайно важно участвовать в проведении социолого-научно-исследовательских исследований, быть на переднем крае социологической науки, на практике познавать профессию. У Центра социолого-научно-исследовательских исследований был уже накопленный опыт проведения значимых исследований по проблемам реформирования, трансформации российской науки и адаптации ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям таких как: «Изучение общественного мнения о науке» (1990), «Миграция ученых» (1993), «Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга» (1993–1994), «Разработка мероприятий для усиления ориентации молодежи на научно-техническую деятельность и создание для нее благоприятных условий» (1995). В 1998 году я уже сама активно принимала участие в проекте «Реформирование высшей школы: государственные и негосударственные вузы» (1998), а спустя год в исследовании «Трансформация академической науки» (1999–2001). Именно в нашей организации, в ИИЕТ РАН социолого-научно-исследовательские исследования всегда отличались комплексностью подходов к изучению, методы применялись (как бы мы сейчас отметили) междисциплинарные: исторические, социологические, психологические, библиометрические. В Санкт-Петербурге, в городе, где исторически сложился целый кластер учреждений академической, вузовской и отраслевой науки, изучать становление и развитие науки было безумно интересно, порой даже очень увлекательно. К тому же, Центр социолого-научно-исследовательских исследований СПбФ ИИЕТ РАН получал весомую грантовую поддержку российских фондов, Правительства Санкт-Петербурга, зарубежных научных организаций. Финансовые возможности помогали привлекать специалистов к проектам из разных областей наук, приглашать зарубежных коллег на различные мероприятия, самим участвовать в семинарах, конференциях, конгрессах ведущих международных профессиональных обществ по всему миру.

28 июля 1998 г. я была официально зачислена старшим лаборантом в СПбФ ИИЕТ РАН. В то время и произошла моя встреча с директором Филиала профессором Э.И. Колчинским, которая впоследствии сильно повлияла на мою дальнейшую академическую судьбу. Эдуард Израилевич Колчинский обладал характером твердым, строгим, но в то же время,

имея живой, пылкий темперамент, часто шутил, рассказывал множество интереснейших фактов, знакомил меня с коллегами, привлекал к организационной и исследовательской деятельности. Надо отметить, что все сотрудники Санкт-Петербургского филиала встретили меня доброжелательно. Ученый секретарь СПбФ ИИЕТ РАН Татьяна Ивановна Юсупова дарила много позитивного общения, всегда интересовалась научной работой, деятельностью Центра. Старшее поколение ученых (Я.М. Галл, А.Б. Георгиевский, Б.И. Иванов, К.В. Манойленко, Н.Г. Сухова) являлось для меня эталоном культуры, нравственности, учености – настоящей интеллектуальной элитой Санкт-Петербурга. Хотелось каждый день прибегать в СПбФ ИИЕТ РАН, трудиться на берегах красавицы Невы, выступать на сессиях Международной школы социологии науки и техники в Малом конференц-зале СПбНЦ РАН. Хотя, конечно, большую часть своего рабочего времени я все-таки проводила в стенах социологической лаборатории С.А. Кугеля на Невском проспекте, д. 6, где и творили науку сотрудники Центра социолого-научоведческих исследований. Душой, интеллектуальной музой нашего центра была Валентина Михайловна Ломовицкая. С ней связаны долгие годы плодотворной совместной работы, поездки в Венгрию, Индию, КНР, издание международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», журнала «Социологии науки и технологий».

Активная деятельность Международной школы социологии науки и техники помогла расширить сеть профессиональных контактов, и удалось сразу познакомиться с московскими социологами, историками науки, науковедом, которых я знала только по печатным работам. На ежегодных сессиях Школы постоянно звучали интереснейшие доклады известных российских ученых. Приезжали в Санкт-Петербург Г.Г. Дюментон, В.Ж. Келле, И.С. Кон, Е.З. Мирская, Э.М. Мирский, А.Н. Родный, Р.В. Рывкина, А.Е. Седов, А.В. Юревич, В.А. Ядов, незаурядно всегда выступал по актуальной социолого-научоведческой тематике директор нашего учреждения В.М. Орел.

Самуил Аронович Кугель открыл мне двери и в международное социолого-научоведческое сообщество. В то время он был членом правления 23 Исследовательского комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, приглашал специалистов для чтения лекций в Санкт-Петербург по линии Школы, сам участвовал в конгрессах, мероприятиях Международной социологической ассоциации. С 1999 г. совместно с Самуилом Ароновичем, и чуть позже самостоятельно, я начала выступать с докладами на международных конференциях и конгрессах Международной и Европейской социологических ассоциаций (Амстердам, 1999; Глазго, 2007; Барселона, 2008), 4S/EASST конференциях Европейской ассоциации изучения науки и технологий (Вена, 2000). В 2007 г. стала преемницей Самуила Ароновича на посту руководителя Центра социолого-научоведческих исследований, в 2010 г. была избрана в члены правления 23 Исследовательского комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, а в 2014 г. стала его Президентом.

Самуил Аронович Кугель был успешным в своей профессиональной области, любил свою работу и эту любовь прививал своим ученикам.

Помню, как он мне, юной социологине, цитировал французского физика, лауреата Нобелевской премии по химии Ирен Жолио-Кюри: «В любой профессии любовь к ней является одним из условий успеха, но это особенно справедливо для научно-исследовательской работы». С любовью я открывала тогда, в конце 1990-х годов, для себя многогранность научной деятельности, с любовью и с большой благодарностью за доверие, которое оказал мне Герой России, космонавт, член-корреспондент РАН Ю.М. Батулин, возглавила в 2015 г. СПбФ ИИЕТ РАН, с любовью отношусь к науке и сейчас, помня заветы своих учителей и стараясь поддерживать славные традиции ИИЕТ РАН.

1999 год

КРИЧЕВСКИЙ
Сергей Владимирович

«Первое пришествие»

Предыстория и история. В 1990 г. я служил в Отряде космонавтов НИИ ЦПК им. Ю.А. Гагарина Военно-Воздушных Сил Министерства обороны СССР, в должности «кандидат в космонавты-испытатели» проходил общекосмическую подготовку, готовился к полету в космос на корабле «Союз» и орбитальном комплексе «Мир». В сентябре впервые участвовал в работе Научных чтений памяти К.Э. Циолковского в Калуге. Затем инициировал в ЦПК им. Ю.А. Гагарина и Оргкомитете Чтений создание новой Секции 9 «К.Э. Циолковский и проблемы профессиональной деятельности космонавтов». Заседания Оргкомитета Чтений происходили в ИИЕТ РАН, в центре Москвы, в историческом здании на Старопанском переулке.

Впервые оказался в ИИЕТ на заседании Оргкомитета Чтений в 1991-м. Мое первое впечатление: классический, «старинный» академический институт, с красивыми лицами множества научных сотрудников, где буквально все пахло наукой и знаниями, витал дух научной открытости и свободы. А здание было устаревшим, многие кабинеты маленькие, с высокими потолками, но плохой вентиляцией. И большой конференц-зал с огромным количеством книг в старых шкафах почти до потолка, в «президиуме» знаменитый стол, покрытый зеленым сукном в середине.

Задолго до этого познакомился с сотрудниками института. Прежде всего с В.Л. Пономаревой – бывшим космонавтом-испытателем Отряда космонавтов, старшим научным сотрудником ИИЕТ. Затем, на Чтениях Циолковского в Калуге, с В.Н. Сокольским (1924–2002), руководителем научного направления «История авиации и космонавтики», и С.А. Соколовой (1921–2011), ученым секретарем Комиссии РАН по разработке научного наследия К.Э. Циолковского, они были и в Оргкомитете Чтений. До сентября 1998 г. сотрудничал с ИИЕТ в русле Чтений и по исследованиям аэрокосмической техники и деятельности. Мой первый текст в ИИЕТ вышел в сборнике «Аэрокосмическая деятельность и общество» 25 лет назад, в 1996-м.

В июне 1998 г. я ушел из Отряда космонавтов и уволился из Вооруженных сил. Возникла идея начать работать в ИИЕТ РАН. Она появилась при общении с В.Л. Пономаревой, за что ей сердечно благодарен! Затем Валентина Леонидовна пригласила меня приехать в институт и, по предварительной договоренности с директором ИИЕТ В.М. Орлом (1931–2014), привела к нему в кабинет и предложила ему решить вопрос моего трудоустройства. Причем, это было после очередных Научных Чтений Циолковского, в конце сентября 1998 г., и в разгар тяжелого экономического кризиса в России. В процессе беседы с Владимиром Михайловичем я предложил идею нового научного направления «Экологическая история техники» как тему НИР, он ее воспринял, одобрил и сказал, что надо это разработать и оформить как проект, чтобы начать его с Нового года. Это я довольно быстро сделал и в итоге с начала 1999 г. стал работать по договору старшим научным сотрудником Отдела истории техники ИИЕТ РАН (по совместительству) и занимался этой темой. А конечной целью было написание за 3 года фундаментальной монографии по новому научному направлению. Моя первая публикация по новой теме появилась в Сборнике Годичной конференции ИИЕТ РАН в 1999-м.

Меня с юности влекла АН СССР, читал ее издания, посещал лекции еще учась в школе в Благовещенске. Затем взаимодействовал со многими коллегами из АН СССР и РАН. Но мой путь в науку был через образование и квалификацию военного летчика-инженера, профессию, практику летчика-истребителя, исследования, испытания военной аэрокосмической техники. В 1982–1986 гг. «без отрыва от производства» полетов на самолетах-истребителях МиГ-23 и Су-27 в авиации ПВО, учился в заочной адъюнктуре ВВИА им. Н.Е. Жуковского в Москве, в 1987 г. защитил диссертацию к.т.н. в области безопасности полетов, систем управления и эксплуатации летательных аппаратов. В Отряде космонавтов начал делать докторскую диссертацию в 1992-м. В 1993–1994 гг. получил 2-е высшее

образование, экологическое, в русле идеи создания международного отряда космонавтов-экологов под эгидой ООН (не реализованной).

Еще в 1993-м заинтересовался проблемой экологической безопасности космической техники и деятельности. В 1997-м в соавторстве с М.Н. Власовым сделал первый в мире аналитический обзор «Экологическая опасность космической деятельности». Из-за кризиса в стране, отсутствия денег книга вышла в «Науке» только в начале 1999 г.

Все вышеизложенное важно, поскольку явилось подготовкой и основой для научной работы в ИИЕТ, успешного сотрудничества с коллегами. Оказалось, что тогда в ИИЕТ В.П. Михайлов (1937–2005) исследовал историю загрязнений окружающей среды (ОС) ракетно-космической техникой (РКТ), подготовил и опубликовал в 1999 г. две историко-технические книги по этой теме, первые в стране и мире.

Сначала я работал в Отделе истории техники, им руководил В.Л. Гвоздецкий. После создания в 2001 г. Экологического центра под руководством А.Г. Назарова, перешел в него. Там активно общался и сотрудничал с коллегами, особенно с В.П. Михайловым. Очень жаль, что в 2005-м Владимир Павлович тяжело заболел и ушел из жизни, надорвавшись при оформлении текста докторской диссертации по завершеному пионерскому исследованию истории загрязнений ОС РКТ (текст не опубликован).

В срок завершив НИР по экологической истории техники, я оформил краткий отчет. Представил рукопись монографии «Экологическая история техники» в конце 2002 г. Из-за ситуации в стране и институте с финансированием изданий она была опубликована ИИЕТ РАН только в 2007 г.

Работал по Договорам до начала 2003 г. по совместительству, затем по 2006-й научным сотрудником на общественных началах. Основным местом работы с 2003-го была РАГС при Президенте РФ. Но связей с ИИЕТ не прерывал, общался, сотрудничал, в том числе с Экологическим центром, многими коллегами, регулярно участвовал в Годичных конференциях с докладами, публиковал тексты в сборниках.

«Второе пришествие»

Официально произошло в январе 2013 г., когда ушел из РАНХиГС при Президенте РФ (но остался совмещать пол-ставки профессора до сентября 2015 г.) и начал работать в ИИЕТ. Причем, в качестве штатного сотрудника, на полную ставку, и институт стал основным местом работы. Здесь я выражаю особую благодарность Юрию Михайловичу Батурину, он был директором и к нему я обращался с желанием перейти в институт с 2011 г. Наконец это случилось. Пройдя в апреле 2013-го конкурс на должность ведущего научного сотрудника Экологического центра, инициировал НИР по экологическим аспектам новейшей истории технологий, техники, деятельности, проблемам экологизации в парадигме «зеленого» развития, в развитие направления «экологическая история техники», созданного еще в «первое пришествие».

Но после катастрофической реформы РАН 2013 г. произошел ряд негативных внешних и внутренних трансформаций. К сожалению, в 2015-м в ИИЕТ ликвидирован Экологический центр. Перешел в Проблемную группу истории космонавтики Отдела истории техники и технических

наук (ОИТН), но после очередной трансформации в 2016-м не стало и «космической» группы. В апреле 2018-го прошел конкурс на главного научного сотрудника ОИТН, инициировал новую НИР по новейшей истории экологичных (чистых, «зеленых») аэрокосмических идей, технологий, проектов и процесса их экологизации. Основные материалы исследований 2013–2018 гг. опубликованы в монографии «Экологические аспекты новейшей истории техники» (2018). После вынужденной трансформации, ускоренного завершения НИР в 2018-м продолжал в 2019–2021 гг. исследования по новой НИР, посвященной истории техники, по моим направлениям: экологичность технологий, освоение космоса человеком и др.

Об истории науки и техники как области исследований и профессии

В современный постнеклассический период развития науки, в том числе истории науки и техники, в XXI-м веке, в условиях глобализации, информатизации, цифровизации происходит быстрый синтез старых и новых методов, подходов, технологий познания, наук, знаний.

ИИЕТ должен сохранить и эффективно использовать уникальный опыт и традиции. Они синтетичны и эмерджентны: под единой «крышей» происходят фундаментальные исследования истории по широкому спектру естественных и технических наук. Необходимо гармоничное и сбалансированное сочетание «узкого» дисциплинарного подхода с проблемным, междисциплинарным и др. подходами. С использованием новых информационных технологий, включая Internet, дистант, big data, базы данных и знаний, технику, принципиально новые рабочие места.

Профессия историка науки и техники требует от исследователя высоких знаний в конкретной области науки и техники, знаний современных и перспективных методов и технологий научных исследований, опыта их применения. Необходимы: новые квалификационные требования к профессии, формализация знаний и опыта для подготовки историков науки и техники, и для эффективной поддержки профессиональной деятельности (в том числе в виде компьютерной базы знаний). Очень важны научная среда и общение внутри института и с коллегами в России и за ее пределами, передача духа, знаний и опыта исследований. Институту для выживания и развития нужны новые и молодые мозги, аспиранты, соискатели, подготовка научных кадров, прежде всего на его базе. И организовать работу так, чтобы опытные исследователи смогли реализовать потенциал: успеть создать, опубликовать труды и подготовить научную смену.

В 2021 году замыкается большой цикл моей судьбы в пространстве–времени. После теории и практики в авиации и космонавтике, полетов, исследований, испытаний аэрокосмической техники я пришел в институт, работал в нем (1999–2006), затем вне него стал доктором наук в области философии науки и техники (2009) и профессором (2012). После этого вернулся в институт как в родной дом. С ним связан 30 лет, с 1991-го, когда побывал впервые. А ИИЕТ сейчас недалеко от того места в Москве, где я «вошел» в науку ~ 40 лет назад... .

Мой путь и опыт показывают: необходимо активно привлекать, вовлекать в сотрудничество и «обращать» профессионалов науки и техники – живых «носителей» истории – в историков.

1999 год

ФАНДО
Роман Алексеевич

Выбор профессии – ответственное и непростое дело, хотя в моем случае решение стать историком науки возникло неожиданно быстро. На доске объявлений на первом этаже Биологического факультета МГУ я увидел информацию о приёме в аспирантуру Института истории естествознания и техники Российской академии наук. К этому времени у меня были сданы на «отлично» кандидатские экзамены по философии, английскому языку и энтомологии, но заниматься исключительно биологической проблематикой мне уже расхотелось.

Приехав ранним июньским утром 1999 г. в ИИЕТ РАН, я встретил там только двух сотрудников – Евгения Голоцвана и Ирину Васильевну Лерман. Евгений был очень доброжелателен, рассказал немного про институт и его науч-

ные направления. Сам он был выпускником биофака МГУ, писал работу по истории биологических станций, много чего интересного посоветовал мне прочесть. Ирина Васильевна тоже была очень приветлива. С воодушевлением она стала рассказывать мне о том, какой это прекрасный институт и какие здесь талантливые учёные работают.

До сдачи вступительного экзамена по истории науки меня познакомили с Эдуардом Николаевичем Мирзояном, заведующим сектором истории биологии. Я пришел на встречу, мы долго беседовали на различные темы, в том числе о том, чем я хочу заниматься. В конце разговора Мирзоян подытожил: «Я достаточно пожилой человек, поэтому быть Вашим научным руководителем не смогу, но попрошу, чтобы Вас опекал мой преемник Вадим Иванович Назаров». «Преемник» оказался на два года моложе своего «начальника». Я договорился с Назаровым о встрече в секторе. Вадим Иванович в тот период работал над историей появления и развития недарвиновских идей в эволюции, поэтому очень подробно расспрашивал меня о моём отношении к теории естественного отбора, который, на его взгляд, не приводил к существенным эволюционным сдвигам и образованию новых систематических групп. Признаться, я впервые встретил такого ярого антидарвиниста, но понял, что за этим стоит не слепая вера, а глубокий анализ огромного массива работ по эволюционной проблематике. Мы сошлись на том, что я буду заниматься биографией и научным наследием академика Н.П. Дубинина, поэтому должен подготовить на эту тему реферат. Почему-то Вадим Иванович решил, что Дубинин скрывал свое дворянское происхождение и, вдобавок, нанес несокрушимый удар дарвинизму открытием генетико-автоматических процессов, обеспечивающих неадаптивные изменения генетической структуры популяций.

Я подготовил реферат. Никакого намека на антидарвинизм в работах Дубинина я не увидел. Более того, не имея опыта работы с различными видами источников, для реферата я взял «вторичные» источники, где давалось описание лишь нескольких работ моего героя. Сейчас я бы совершенно по-иному подошел к реферату по предложенной теме, другими были бы и структура, и содержание, и источники, и язык изложения материала, но в то время я был уверен, что мой труд выполнен просто идеально. Я передал свой реферат Вадиму Ивановичу, а потом даже не удосужился перезвонить ему, чтобы узнать, как оценена моя работа. Назаров был принципиальным человеком, за что я его очень уважаю и ценю, поэтому написал нелицеприятное заключение на представленную работу.

Все лето я готовился к поступлению в аспирантуру, а когда пришел на экзамен, то даже не подозревал, что мой реферат может оказаться камнем преткновения для того, чтобы попасть в Институт. Оказалось, что на два бюджетных места в аспирантуру поступали два Романа, я и Роман Артеменко, таким образом, мы не были друг другу конкурентами. Члены приемной комиссии очень пристально смотрели на меня и задавали много вопросов, наверное, чтобы понять, сможет ли человек со «слабым» рефератом в дальнейшем подготовить квалификационную работу в виде диссертации. С особым пристрастием меня экзаменовали Н.И. Кузнецова, С.С. Илизаров и Э.Н. Мирзоян, которые сыграли в дальнейшем огромную роль в моем профессиональном становлении. Комиссия была благосклонна ко мне. За каждый из трех вопросов я получил по пять баллов, но с учётом отзыва на реферат, в итоге за экзамен мне поставили «хорошо».

После того как экзамены остались позади, я приехал сдать необходимые документы для оформления личного дела. Ираида Васильевна Лапина, сотрудник отдела аспирантуры, долго расспрашивала меня обо всём, а потом подытожила: «Я в тебе не ошиблась. Тему твоего исследования нужно изменить и научного руководителя взять другого». Я был обескуражен, разве я могу так запросто выбрать нового руководителя? Ираида Васильевна, которая не занималась профессионально историей биологии, буквально за пару минут рассказала о всех возможных кандидатах в руководители, причем иногда характеристики были крайне лаконичными, но очень понятными. Например, «Он очень умный, но помогать тебе не будет», или «От него ты сойдешь с ума». Самые лестные эпитеты она произнесла в отношении Елены Борисовны Музруковой: «Умная, интеллигентная, доброжелательная, аспирант ее защитился только недавно». И вот, не видя своего будущего руководителя, я понял, что, если я попаду к Музруковой, то мне будет хотя бы интересно с ней работать и общаться. Ираида Васильевна обещала похлопотать за меня, и в случае согласия Елены Борисовны, мне нужно было придумать, как изменить тему своего исследования, чтобы я однозначно попал «по адресу».

Встреча с Еленой Борисовной состоялась буквально через неделю. Она принесла мне оттиски статей Лорена Грэхэма и Марка Адамса, попросила прочитать к следующей нашей встрече сборники по науковедению, изданные при участии М.Г. Ярошевского, а также несколько книг по истории генетики. Буквально за полчаса мы сформулировали тему моего исследования, причем эта тема не менялась на всем протяжении моей работы над диссертацией. Тему нужно было официально утвердить сначала в секторе, а затем на Ученом совете Института. В один из дней, прямо перед заседанием сектора, я подошел к Э.Н. Мирзояну и сообщил ему, что тему моего реферата о Дубинине я хочу расширить – планирую рассмотреть научную школу этого ученого, а также изучить преемственность научных идей в истории отечественной генетики. Эдуард Николаевич задумался, выдержал паузу, после чего сказал: «История отечественной генетики уже подробно изучена российскими и зарубежными исследователями, будет ли Ваша работа диссертательна? Попробуйте обсудить Вашу тему с Еленой Борисовной Музруковой, она как раз занималась научной школой Томаса Моргана». Елена Борисовна находилась в этот момент в секторе, включилась в наш разговор и согласилась, по просьбе Мирзояна, взяться за руководство моей диссертацией.

Работа над диссертацией «закипела». Елена Борисовна для меня была образцом настоящего учёного, она прекрасно разбиралась в различных биологических вопросах, обладала великолепными энциклопедическими знаниями, любила то, чем занималась, была очень доброжелательным и порядочным человеком. Работая в архивах и библиотеках, я приобретал бесценный опыт историко-научного поиска. Чтение мыслей выдающихся ученых, общение со старшими коллегами, участие в работе аспирантских семинаров и в заседаниях сектора в значительной степени обогащало меня интеллектуально. Я с азартом приступил к изучению многочисленных документов по теме диссертации, которые хранились в различных архивах. Мне казалось, что я должен просто «перерыть» все возможные архивные фонды, чтобы мое исследование было наиболее полным и репрезентатив-

ным. Кроме того, большой пласт источников был сосредоточен в частных архивах: пришлось встречаться с родственниками «отцов-основателей» генетических научных школ, с их непосредственными учениками, музейщиками, коллекционерами документов.

Мой руководитель неустанно повторяла, что главное для диссертации – это текст, над которым я должен работать ежедневно. Елена Борисовна была прекрасным редактором, она тщательно вычитывала мои статьи, тезисы докладов и, конечно, текст диссертационной работы. Раз в месяц я приносил ей материалы, которые иногда перечеркивались красной ручкой, а иногда на страницах появлялись надписи: «Хорошо», «Этого нигде ранее не было», «Мне нравится, но эту мысль нужно усилить». Надолго я запомнил совет Елены Борисовны: «Пишите статьи только в солидные академические журналы». Уже на второй год учебы в аспирантуре я отправил одну статью в «Вестник Московского университета. Серия биологическая», а вторую отдал в наш журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Работа с редакторами над текстами статей также стала для меня неоценимым профессиональным опытом.

Большое значение в моем научном становлении безусловно сыграла научная среда, в которой мне приходилось вращаться. Неоценимый опыт я получил на годичных конференциях Института, конференциях молодых историков науки и техники, которые стали регулярно проходить в Киеве, мероприятиях, посвященных юбилейным датам в жизни учёных и научных организаций. Мне посчастливилось застать среди институтских историков биологии настоящих «тружеников науки», среди них: Елена Борисовна Музрукова, Вадим Иванович Назаров, Норавард Андреевна Григорьян, Лариса Васильевна Чеснова, Александр Евгеньевич Седов, Эдуард Израилевич Колчинский, Вера Николаевна Гутина, Василий Васильевич Бабков, их уже нет с нами, но их стремление к поиску научной истины, искренняя любовь к своей профессии, благодарное отношение к собственным учителям и неподдельное желание помочь молодым начинающим исследователям оставили в моей памяти неизгладимый след и помогают выбирать в жизни нужные ориентиры и принимать правильные решения. И сейчас, когда я не просто занимаюсь научным исследованием, но и руковожу единственным в стране фундаментальным институтом в области истории науки и техники, я понимаю, насколько важно сохранить традиции, которые были заложены еще дореволюционной наукой, бережно сохранены нашими предшественниками и переданы современному поколению учёных ИИЕТ РАН.

1999 год

ЧЕРКАЗЬЯНОВА
Ирина Васильевна

Мой приход в институт был довольно неожиданным, но теперь, анализируя все, что этому предшествовало, думается, что была и скрытая закономерность в этом событии. В декабре 1998 г. после защиты кандидатской диссертации я окончательно переехала из Омска в Петербург, закончились челночные поездки в Сибирь по делам аспирантуры и диссертации. 27 декабря позвонила Галина Ивановна Смагина, с которой мы были знакомы несколько лет через семинар «Немцы в России», и пригласила на собеседование в институт. Одновременно попросила помочь в поисках материала о Немецком обществе Петербурга в дореволюционных газетах для выставки «История немцев Санкт-Петербурга». 29 декабря состоялась встреча с директором Эдуардом Израилевичем Колчин-

ским. Решение о приеме меня в сектор истории Академии наук на должность старшего научного сотрудника по 12 разряду было принято сразу. 12 января 1999 г. был первый официальный день работы в Институте, меня представили заведующему сектором Анатолию Васильевичу Кольцову. К тому времени уже было некоторое ощущение причастности к институту, поскольку все предыдущие дни помогала Галине Ивановне с подбором материала к выставке, которая открылась в феврале 1999 г. в здании лютеранской церкви св. Петра и Павла.

90-е годы были тяжелым временем для всех, особенно это ощущалось в научной среде. Ученые уходили из науки, лучшие умы уезжали из России, защита диссертаций становилась редким явлением. В 1998 г. в стране случился тяжелейший экономический кризис – 17 августа был объявлен технический дефолт. Каждый выживал как мог, но при этом люди ходили на работу, занимались исследованиями, академические институты не закрывались. Одна из первых дневниковых записей о том времени: «9 февраля [1999 г]. Присутственный день, заседание Ученого совета и... зарплата. Институт ее давно не видел».

На первых порах многое привлекало внимание, порой удивляло. Сотрудники ходили на работу дважды в неделю (хотя чаще бывали лишь по вторникам), что обозначалось старомодным словом «присутствие». Мое идеалистическое представление об «институте» диссонировало с помещениями в институте: узкий темный коридор, несколько больших комнат, рядом Кафедра иностранных языков с постоянным движением аспирантов и соискателей – без этой кафедры им не быть кандидатами наук. В то время помещения института еще не были отгорожены дверью, поэтому часто возникало ощущение какого-то хаоса. Но дело, в конце концов, не в том, сколько помещений занимает институт и какова площадь рабочих кабинетов. Главным были люди. Заседания Ученого совета проходили открыто, на них присутствовали все сотрудники, хотя казалось, что ареопаг должен был быть недосыгаем.

Конец 90-х – начало 2000-тысячных – время активного освоения интернета, электронной почты, мобильных телефонов и прочих новшеств цивилизации. Запомнилось одно из заседаний сектора. Анатолий Васильевич на полном серьезе обратился к нам с вопросом: «Кто знает, что такое файл?» Знали уже все, трудности были у самого Анатолия Васильевича. Поэтому Алена Кузнецова, наш математик и историк астрономии, деликатно стала объяснять суть дела. Недостаток финансирования науки не позволял стремительно оснастить сектора компьютерами, принтерами, сканерами. Денег хватало лишь на зарплату. Поэтому часто ходили в приемную, чтобы сделать лишь очень важную ксерокопию.

Первые годы собственной исследовательской темы у меня не было, т.к. всецело была задействована в подготовке и проведении академического семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи» и работой над текущими сборниками по итогам этих конференций. Семинар был основан в апреле 1990 г. Учредителями стали академические учреждения: Кафедра иностранных языков РАН, Библиотека Академии наук, СПб филиал ИИЕТ РАН, позднее присоединились Кунсткамера и Институт лингвистических исследований РАН. Вплоть до своей смерти в 1997 г. семинаром руководила германист Л.В. Славгородская. В 1998 г.

сразу вышли три сборника материалов конференций за все предыдущие годы. К этому времени центр тяжести в проведении семинара переместился в СПбФ ИИЕТ РАН, а руководство семинаром перешло к Г.И. Смагиной. В рамках работы над «немецкой» темой позже состоялись мои научные командировки в Йену (1999), Дрезден (2001).

К 275-летию Академии наук была приурочена фундаментальная работа сектора по составлению «Летописи Российской Академии наук» в четырех томах. Первый том (1724–1802) вышел в 2000 г. За работой составителей этого тома наблюдала с особым интересом, ведь над ним трудились такие корифеи как Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невская. Тексты требовали переводов с латыни, немецкого и французского языков, поэтому привлекались знатоки этих языков. Переводами с латыни помогала Е.Ю. Басаргина.

Сложно шла работа над четвертым томом, состав ответственных за разделы менялся, сроки завершения переносились. Осенью 2000 г. ушел из жизни руководитель сектора А.В. Кольцов, раздел Анатолия Васильевича (1928–1934) достался мне. Далек от совершенства был и дореволюционный раздел, требовалась тщательная проверка. Ошибки, опечатки, пропуски – все недочеты всплыли в период работы над общим именованным указателем, работа над ним заставляла возвращаться к хронологии, исправлять и дополнять основной текст. Как победная реплика сохранилась запись в дневнике за 11 апреля 2005 г.: «Закончила именной указатель!!!» Работа над «Летописью» была дополнением к основной моей теме, в тот период это была история попечителей учебных округов Российской империи. Одновременно на мне было руководство аспирантурой филиала.

С начала 2000-х годов все чаще и настойчивее звучали требования сверху о том, чтобы темы сотрудников соответствовали профилю института, менялась система финансирования научных исследований, ужесточались требования к оформлению и использованию средств грантов и отчетности по ним. В этой связи изменился, например, статус семинара «Немцы в России», но он сохранился. Дирекция филиала, разумеется, не могла менять общих правил, но старалась щадяще относиться к сотрудникам, искали компромиссы по вопросам изменения тем, хотя всем и доставалось на общих заседаниях от вспылчивого директора. В сентябре 2007 г. на Ученом совете обсуждался вопрос о введении ПРНД (показатель результативности научной деятельности). Что это такое, еще толком никто не знал, но всем дали четко понять, что зарплата будет зависеть от этого показателя. Это было лишь начало, дальнейшая формализация научной деятельности не заставила себя ждать.

Особое внимание всегда уделялось сотрудникам старшего поколения, их старались окружить заботой, помогали им. С большим почтением вспоминались предшественники, у которых учились нынешние сотрудники. С уходом из института и из жизни старейших работников института с большой заботой стали относиться к тем из них, кто еще был с нами. Кира Георгиевна Большакова, Ксения Викторовна Манойленко, Наталия Георгиевна Сухова. Скромнейшим человеком была Кира Георгиевна. Многие годы спустя мы узнали, что она читала арабские тексты. Жизнь заставила – Кира Георгиевна помогала в работе своему супругу, известному востоковеду. Рассказала она об этом без тени самолюбования, как само собой разумеющееся дело. Всегда восхищала деликатность Ксении Викторовны,

ее неподдельный интерес к, казалось бы, далеким от нее темам, о которых она тебя расспрашивала, иногда давала советы. Удивляла преданность к истории географии Н.Г. Суховой, ее неизменная любовь к своим героям. Она одна из немногих «стариков» упорно осваивала компьютер, порой происходили комические сцены. «Исчезала» иконка какого-то файла с рабочего стола компьютера, начиналась паника – погибла вся работа! Мы бросались на помощь, еще не понимая, чем можно тут помочь. Иконка, к всеобщему ликованию, обнаруживалась в другой части рабочего стола.

Активную работу вел профком во главе с Е.Ю. Басаргиной, особенно интересной была организация различных походов в научно-исторические музеи, поездки, связанные с именами деятелей науки. Среди них посещение усадьбы первого директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А.Н. Оленина в Приютино, осмотр могил ученых на Смоленском лютеранском кладбище, поход в музей Горного института и ВСЕГЕИ. В июле 2004 г. небольшая группа сотрудников побывала в Череповце, Устюжне (родина академика П.В. Никитина), Ферапонтово. 29 июля в череповецком Доме знаний состоялась выездная сессия «Кольцовских чтений». Были прочитаны доклады по истории науки, на заседании приглашена однокашница Анатолия Васильевича Зоя Сергеевна Хортова, выпускница Вологодского пединститута.

Юбилей – хороший повод оглянуться назад. Вспомнился и день 28 ноября 2003 г., когда отмечалось 50-летие Петербургского филиала института. На торжественное заседание, которое проходило в Малом зале Научного центра, приехал директор ИИЕТ В.М. Орел, пришли гости из других академических институтов. Сотрудников награждали за их вклад в развитие истории науки. Потом была неформальная часть праздника. Вряд ли кто-то мыслил о себе в тот момент в высоких категориях, но было ощущение сопричастности к большому делу: вот она, Лента времени, а вот здесь – ты.

История науки, как никакая другая отрасль знаний, учит простой истине: у любого исследователя были и есть свои учителя и предшественники, критически относись к заявлениям о том, что что-то сделано «впервые».

2000 год

РОМАНОВА
Ольга Сергеевна

В 1999 г. окончила Биолого-географический факультет Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова (сейчас Северо-Восточный Федеральный университет) по специальности «География». Вообще не хотела быть географом, это решение пришло внезапно, любила географию в школе и любила шить, вязать. География манила духом дальних странствий. Легко поступила, получив необходимое количество баллов по результатам двух вступительных экзаменов. Учиться было интересно, особенно запомнилась дальняя межзональная практика летом 1996 г., когда мы всей группой проехали по маршруту Якутск – Иркутск – Хабаровск – Владивосток – Китай (Суйфунхэ-Харбин). На третьем курсе пришла пора определиться со специа-

лизацией, тогда доцент кафедры географии, к.г.н., заведующая лабораторией картографии Лазебник Ольга Анатольевна предложила под ее руководством специализироваться на картографии. Она же познакомила меня с работами по истории картографии Алексея Владимировича Постникова и зародила интерес к старым картам. В 1996 гг. факультеты естественного профиля ЯГУ уже переехали в отдельный новый корпус, построенный югославскими строителями, с современным оборудованием, новыми компьютерами. На кафедре картографии создавалась лаборатория Электронных картографических систем, велась активная работа по составлению регионального географического атласа «Республика Саха (Якутия)». Вовлечение в научную работу лаборатории, работа в качестве лаборанта помогла мне неплохо освоить компьютер. Дипломная работа моя была по истории картографирования Якутии. В 1999 г. на базе Якутского государственного университета проходила Международная конференция по истории картографии «Интеркарто-5. ГИС для устойчивого развития территорий». Студенты кафедры, в том числе и я, принимали самое активное участие в подготовке и проведении конференции, я тогда даже выступила с секционным докладом «Роль и возможности геоинформационных технологий для сопоставления разновременных карт». Помню, отдельно была организована небольшая выставка старинных карт Якутии из фондов местного архива, с большинством этих карт я была знакома, потому что при подготовке дипломного исследования знакомилась с фондами архива, особенно с фондом Якутской областной чертежной. В общем-то, по окончании университета я была уже трудоустроена на кафедре географии в качестве лаборанта, велась речь о продолжении образования в ИИЕТ РАН, или, в крайнем случае, соискательстве. Собственно, что есть такой Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, куда можно поступить в аспирантуру и где есть диссертационный совет по специальности 07.00.10 – история науки и техники (географические науки), я узнала от Лазебник О.А. и от заведующего кафедрой географии ЯГУ в то время – доктора философских наук Григория Николаевича Максимова. К слову, Григорий Николаевич защищал кандидатскую диссертацию в ИИЕТ РАН под руководством В.А. Есакова. Ольга Анатольевна Лазебник лично побывала в ИИЕТ РАН, познакомилась с А.В. Постниковым и спросила про возможность моего обучения в аспирантуре ИИЕТ РАН и дальнейшей защиты диссертации.

Я себе очень смутно представляла, как вообще можно осуществить заочное обучение в аспирантуре или соискательство по такой теме, как история картографирования Якутии, когда все архивные материалы сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге. Казалось, что это вообще не достижимо, где Якутск, а где Москва. Финансирование науки и высшей школы было мизерным. Самыми популярными специальностями были экономист и юрист. На зарплату лаборанта кафедры нельзя было просуществовать. С сентября 1999 по июнь 2000 г. я ушла с кафедры географии ЯГУ зарабатывать преподаванием экономической географии тем самым будущим экономистам в Якутский филиал Академии труда и социальных отношений, где обучение платное. Тогда у руководства встал вопрос о моей дальнейшей перспективе в прикреплении в качестве соискателя в Москве и защи-

ты диссертации, для коммерческого вуза было очень важно иметь определенный процент остепененных преподавателей. В феврале 2000 г. меня командировали в Москву для прикрепления в качестве соискателя. Конечно, я сразу направилась в ИИЕТ РАН, тем более уже некоторые договоренности имелись. Надо сказать, что я после нашей студенческой практики никуда не ездила, а тут Москва. Погода в начале февраля 2000 г. в Москве после якутских морозов показалась просто тропиками – 0 +1°C, пышные хлопья снега. ИИЕТ тогда располагался на Старопанском переулке, в самом сердце столицы. Познакомилась с А.В. Постниковым, занимавшим пост заместителя директора института, он меня познакомил с В.А. Широковой, которая была в то время ученым секретарем диссертационного совета, еще с некоторыми сотрудниками Отдела истории наук о Земле ИИЕТ РАН. Все это было как-то волнительно и не очень понятно: как организована работа в вузе – понятно, а как организована работа в институтах РАН – тогда было совсем не понятно. Помню ощущение, что попала в совершенно другой мир. Было обсуждение моей темы для соискательства, тему утвердили, выписку подготовили. Предстояло сдать кандидатские экзамены и как-то работать над диссертацией. А.В. Постников рекомендовал поступать в аспирантуру очно. Решиться на такой шаг было очень непросто и нужна была определенная смелость. В июне 2000 г. я сдала кандидатский экзамен по философии в Якутске, а осенью уехала в Москву для того, чтобы пройти испытания для поступления в очную аспирантуру ИИЕТ РАН. В тот год небывалое количество аспирантов пришло в ИИЕТ – аж 9! Зачислили всех. Не все окончили аспирантуру, низкие стипендии, подработки не давали возможности всецело отдаваться учебе и подготовке диссертационного исследования. Мне повезло, я получила место в общежитии для аспирантов и стажеров РАН на ул. Островитянова, в районе Коньково, быт был налажен. Спасибо заведующей аспирантурой И.В. Лапиной. В судьбе аспирантов ИИЕТ она принимала посильное участие. Дальнейшая моя жизнь и работа после поступления в аспирантуру была связана с ИИЕТом. Мои навыки работы на компьютере оченьгодились, я подрабатывала лаборантом в Отделе истории наук о Земле, занималась оформлением годовичных отчетов, выполняла техническую работу в диссертационном совете, год проработала секретарем-референтом директора института В.М. Орла, тогда я познакомилась практически со всеми сотрудниками института. Мне посчастливилось общаться с такими корифеями истории науки как В.К. Рахилин, И.А. Резанов, В.А. Есаков. Мои учителя – А.В. Постников, В.А. Широкова, О.А. Александровская. Ольга Андреевна Александровская буквально вытолкнула меня на защиту, за что я ей очень благодарна. Тогда, когда мне казалось, что диссертация еще недостаточно хорошо сделана. Совершенству нет предела – это я усвоила еще в университете в лаборатории картографии ЯГУ. Защищались мы в марте 2005 г. вместе с Ладой Лекай, тоже аспиранткой А.В. Постникова. В 2007 г. получила субсидию от РАН по программе «Жилище» для молодых ученых на приобретение жилья, чему была несказанно рада. С 2003 по 2020 год моя научная деятельность была связана с Отделом истории наук о Земле. С 2006 по 2020 гг. ответственная работа в диссертационном совете в качестве ученого секретаря позволила полу-

чить новые знания, навыки и умения. Навсегда запомнится работа над альбомом к 300-летию юбилею М.В. Ломоносова в соавторстве с О.А. Александровской, В.А. Широковой и Н.А. Озеровой, участие в Комплексной экспедиции по изучению исторических водных путей, работа с Валерианом Афанасьевичем Снытко над статьями и презентациями. В настоящее время работаю в Отделении наук о Земле РАН с Сократовой Ириной Николаевной.

2000 год

РОСТОВСКАЯ
Наталья
Александровна

Я впервые пришла в ИИЕТ накануне Нового 2000-го года, когда весь мир был занят проблемой миллениума. Мне было не до этого – я была безработной.

Накануне мне позвонила Галина Николаевна Муратова, моя институтская подруга и многолетняя коллега по работе во Всесоюзной, затем Российской книжной палате. И в приказном порядке велела немедленно звонить в Институт истории естествознания и техники РАН, Симону Семеновичу Илизарову. Супруг Гали, А.Л. Муратов, работал тогда в дирекции Московской Комиссии по книгоизданию, возглавлявшейся тогда С.О. Шмидтом, а его заместителем был С.С. Илизаров. От Алексея Леонидовича Муратова мы узнали, что в ИИЕТ срочно требуется библиограф. Естествен-

но, я тут же созвонилась с Симоном Семеновичем, и он назначил мне встречу для собеседования.

Когда вместе с Людмилой Залмановной Гендель, моей будущей наставницей и сотрудницей, я вступила под своды Храма Истории Науки и Техники в Старопанском переулке, и мы поднялись по роскошной лестнице с кованными перилами на второй этаж, затем вступили в темноватый коридор, мои ноздри книжника сразу уловили этот ни с чем не сравнимый аромат множества книг – тогда практически в каждом отделе были обширные книжные собрания. В Дирекции первыми, с кем познакомила меня Л.З. Гендель, были Три Грации института, они же верные хранительницы этого очага до самых последних дней пребывания в доме в Старопанском: Ольга Александровна Соколова, Ученый секретарь института, Екатерина Константиновна Комарова, секретарь Директора, и Ирина Васильевна Лерман, референт, знавшая и помнившая все обо всех. Директором Института тогда был незабвенный Владимир Михайлович Орел.

Наконец, мы пришли в Информационно-аналитический центр «Архив науки и техники» (так он тогда назывался), и я предстала перед своим будущим руководителем Симоном Семеновичем Илизаровым, который с первой встречи поразил меня двумя своими качествами, высоко ценимыми мною во все последующие годы совместной работы: своей несомненной благорасположенностью к собеседнику, которого он видит впервые, и одновременно быстрым, пронизательным взглядом живых темных глаз, которым он, казалось, сразу схватывал суть человека, оказавшегося перед ним. После короткого собеседования Симон Семенович отвел меня к Владимиру Михайловичу, который благосклонно отнесся к моей кандидатуре, и сразу после Нового года я была зачислена приказом в штат Института в должности библиографа.

Я не была новичком в профессии. К тому времени мой стаж работы по специальности составлял более 30 лет, из которых 23 года я проработала редактором-составителем «Летописи изоизданий» Книжной палаты. За этот период неоднократно менялись стандарты библиографического описания, в разработке некоторых я участвовала как представитель Книжной палаты. Однако, когда мои старшие коллеги в ИИЕТ – Л.З. Гендель, А.И. Полекутина – стали знакомить меня с особенностями описания научных изданий, принятыми в Институте, стало ясно, что они позволяют не только более точно и подробно классифицировать издания по различным отраслям науки и техники, но и выделять в особую группу интервью с учеными и раздел «Персоналии», который приобрел особую ценность после ужасного пожара ИНИОНа, в котором погибла уникальнейшая картотека сведений об ученых, любовно создававшаяся с 1930-х годов; наша, разумеется, ни в коей мере не может возместить эту потерю, и все же в ней содержится много полезной информации.

На первых порах большую помощь в работе мне оказали также работники Библиотеки ИИЕТ; затем я обросла штатом сотрудников – были приняты на работу вместо ушедших Л.З. Гендель и А.И. Полекутиной мои давние коллеги: И.И. Ковалева и Н.Н. Забабурина, и мы снова стали полноценной библиографической группой в Институте.

Однажды Людмила Залмановна привела меня в 13-ю комнату – Отдел методологических проблем истории науки и техники, руководимый тогда

А.А. Печенкиным, и там я обрела новых друзей. В отделе всегда было многолюдно, тепло, шумно, вкусно (каждый входящий получал чашку чая или кофе и сладости) – и очень интересно. Конечно, я тихо сидела в уголке и старалась уловить суть совершенно новых для меня понятий, диспутов и дискуссий, то и дело вспыхивавших за столом. Иногда там кипели нешуточные страсти. Обычно генератором идей, а также фактором, часто провоцировавшим обсуждение спорных вопросов, был Сергей Давыдович Хайтун – человек необыкновенной доброты и – отчаянный спорщик. Оппонировали ему, как правило, А.Н. Родный и Г.Г. Кривошеина, часто М.В. Шлеева; А.А. Печенкин сидел за своим столом, слушал и качал головой. В этих столкновениях мнений не было ничего формального, это была своего рода разминка для ума, которая, однако, принесла свои плоды – парадоксальным образом все книги С.Д. Хайтуна так или иначе развивают идеи, начало которых прослеживается в тех памятных дискуссиях.

Так постепенно шло мое вращение в коллектив, но все же в отношении сотрудников к библиографам чувствовалась определенная сдержанность. И вдруг все изменилось. Весной 2003-го года, после очередной Годичной конференции, я предложила Ольге Александровне Вальковой, назначенной в тот год секретарем редакционной коллегии по подготовке сборника материалов конференции, свое участие в этой работе в качестве корректора. Это был поворотный момент в моей жизни в Институте, и с тех пор и по сей день я наслаждаюсь возможностью посылно участвовать в общем деле, каким, несомненно, являются сборники материалов Годичных конференций.

Тогда чтение этих 4–5-ти страниц сжатого текста помогло мне по-настоящему познакомиться со всеми сотрудниками Института: в процессе чтения, иногда по двум–трем ключевым фразам, отчетливо проступает не только содержательная суть изложенной научной проблемы, но и в определенной мере психологический портрет исследователя, его личности, его мировоззрения. Затем в процессе снятия вопросов по тексту и личного общения с автором это представление проходит своеобразную корректировку, обогащая восприятием более конкретных черт живой человеческой личности. Так возникли многие дружеские контакты, освещающие работу эмпатией и теплом живого общения в течение двух десятилетий. И, прослеживая, как развивается та или иная тематика исследований с годами, я с радостью отмечаю то новое и интересное, что появляется в последующих публикациях наших авторов. Разумеется, о формально выполненных работах речи нет.

Высоко ценя сборники научных конференций Института, хотя они и не входят в рейтинги престижных мировых средств научной информации, я мечтаю о том, чтобы отобрать наиболее интересные публикации из этих сборников и выпустить их отдельным изданием, которое наглядно свидетельствовало бы об огромном творческом потенциале ИИЕТ.

Со временем Симон Семенович Илизаров стал доверять мне работу с фундаментальными изданиями Отдела, и мне посчастливилось принять посылное участие в подготовке к изданию таких шедевров книжного искусства, как «Путеводитель по древностям Московским...» (и здесь нельзя не вспомнить блистательную работу Марии Владимировны Мокровой по созданию великолепного иллюстративного ряда в этой книге-альбоме); «Географический лексикон Российского государства» – уникальное издание; сборник статей «Новое о Ломоносове»; все три книги по праву заняли

достойное место в золотом фонде изданий ИИЕТ. Особо хочется упомянуть биобиблиографический словарь «Российские историки науки и техники: Сотрудники ИИЕТ РАН», содержащий сведения о сотрудниках Института и их основных трудах по состоянию на первое полугодие 2014 года и вплоть до настоящего времени активно используемый в качестве справочного издания. Нельзя не вспомнить также публикации трудов историков науки и техники и серийные издания «Архив науки и техники», выпуски серии «Российские историки науки и техники», содержащие статьи и библиографию трудов ученых – наших современников и предшественников. Все перечисленные издания были инициированы С.С. Илизаровым, и его перу принадлежит львиная доля текстовых материалов в них, а также работа в качестве автора-составителя.

Вообще мне очень повезло двадцать лет работать с замечательными людьми не только нашего Отдела, но и всего Института. Я горжусь и восхищаюсь своим дорогим руководителем и другом Симоном Семеновичем Илизаровым, умеющим не только сплотить в своем отделе созвездие ярких, творческих, высокопрофессиональных ученых, но и постоянно находящим молодых перспективных соискателей, многие из которых под его руководством выходят затем на защиту диссертаций и продолжают активную исследовательскую деятельность. И я счастлива работать рядом с такими корифеями исторической науки, как И.И. Мочалов, Вл.П. Визгин, А.В. Постников, В.А. Широкова, В.Л. Гвоздецкий, Е.М. Сенченкова, Б.Н. Кантемиров; рядом с Героем России, дважды совершившим подвиг полета в космос, мыслителем, автором интереснейших книг Ю.М. Батуриным. И, конечно, никогда не забываю об ушедших от нас – негнибаемой Н.А. Григорьян; бессменном вдохновителе и редакторе 750 книг серии «Научно-биографическая литература», величайшей труженице и прекрасной женщине З.К. Соколовской; замечательном фотографе, «золотом глазе России» А.Э. Марове; бескомпромиссном исследователе Л.В. Чесновой и ее замечательной коллеге Е.Б. Музруковой; о своем интересном собеседнике И.С. Тимофееве; о недавно ушедшем В.А. Снытко, потрясающем ученом и человеке; об оставшейся до последней возможности на посту служения Институту И.В. Лерман и, к сожалению, многих других...

Наконец, об очень личном. В трудное для меня время, когда ушла из жизни моя мама, три самые близкие мне женщины – О.А. Соколова, З.К. Соколовская, И.В. Лерман – сделали все, чтобы смягчить удар судьбы, и наша сердечная дружба годами была для меня опорой и поддержкой. Так же и теперь, когда я сама оказалась в беде, я постоянно чувствую заботу и поддержку Института благодаря нашему новому Директору Р.А. Фандо, С.С. Илизарову, Е.В. Милиной, М.В. Шлеевой и другим своим дорогим сотрудникам и друзьям.

Больше всего я люблю людей Института – своих коллег, учителей, друзей, с которыми связана миллионом невидимых, но крепчайших нитей совместного труда. О каждом из них хотелось бы написать отдельно; когда думаешь о них, перед мысленным взором возникают их книги – отражение их творческого пути. Вспоминаются навсегда врезавшиеся в память какие-то яркие эпизоды, осветившие не известные до этого черты личности моих дорогих коллег... Но, начав вспоминать, понимаешь, что остановиться невозможно, что, следуя регламенту, надо волевым усилием где-то

поставить точку. Естественно, за двадцать лет много было и такого, о чем вспоминать не хотелось бы совсем; в частности, о потере дома в Старопанском переулке, о переездах, особенно последнем, когда в Дирекции лежала гора первоклассных книг, предназначенных «к утилизации», о директорстве Щербинина. Но это другая история. Главное – ИИЕТ жив, живет и будет жить яркой, насыщенной творческой жизнью, и нам еще предстоит быть участниками и свидетелями его расцвета.

2001 год

КУРИХИН
Олег Владимирович

Мой приход в ИИЕТ для меня был неизбежным. Дело в том, что 29 августа 1945 года, когда меня мама привела в начальную школу № 4 подмосковного города Кунцево, чтобы записать в первый класс, она указала мне вдаль, туда, где был огромный завод № 65, ныне Кунцевский механический завод. Там виднелось зеленое трехэтажное здание. Мама сказала: «До войны в этом здании была академия наук, и твой папа в ней учился». Тогда в этом здании был Учебно-консультативный пункт Промакадемии им. И.В. Сталина. Ее перед войной закрыли. Отец ушел на войну и погиб на Пулковских высотах 12 сентября при обороне Ленинграда. Уезжая в мае 1941 года на курсы повышения квалификации партийных работников, с которых во время войны его призвали на военную службу в возрасте 37 лет, отец очень жалел

о том, что не успел закончить Промакадемию. Мама сказала мне: «Ты, сынок, должен пойти по пути отца, выучиться и обязательно поступить в академию наук». Я, чтобы успокоить маму, ответил: «Да, да, мама». Тогда мне хотелось быстрее убежать от нее, но, чтобы не огорчать ее, я ей пообещал выполнить ее волю.

Шли годы, я закончил 7 классов и учился на территории завода № 65 в Кунцевском радиомеханическом техникуме, был активным радиолюбителем, посещал гимнастическую секцию, играл на аккордеоне в самодеятельном эстрадном оркестре, который сам же создал. Однажды в начале 1956 г. нас пригласили в здание бывшей академии, где располагался УКП вечернего отделения МВТУ им. Баумана. Там впервые я увидел студийный магнитофон, на который записали исполнение мелодий нашего оркестра. Тогда я подумал: «Какое счастье, что попал в здание, в котором учился мой отец и ходил по этим коридорам». Признаюсь, я взгрустнул.

Жизнь продолжалась, и со мной происходило множество событий. Спустя почти 50 лет, когда я работал в Политехническом музее, и мне довелось познакомиться с вашим Институтом, он еще был для меня чужим. Я попал, предположительно, на пленарное заседание Годичной научной конференции 1995 г., которое мне показалось скучным, неинтересным и непонятным, особенно выступления по социологии. Мои мысли путались: «Институт истории техники, а говорят о какой-то социологии». Это сразу отдалило меня от ИИЕТ. Про себя я думал о том, что в «нем» недостает инженеров, историков техники, увлеченных «технарей», и прочее в том же духе.

В 1996 г. в Нижнем Тагиле, на Международной конференции «История техники и музейное дело» я познакомился с В.Л. Гвоздецким. Он произвел на меня очень хорошее впечатление знатока истории отечественной энергетики, и мы сразу подружились. Еще там он говорил мне: «Олег, приходи к нам. У нас проблема с кадрами по истории техники». После командировки я пришел. И что же увидел? В комнате № 8 сидело множество скучных и неприветливых людей, они пререкались, говорили о какой-то ерунде. Это показалось мне чем-то нехорошим. Я не слышал в их словах ничего интересного в сравнении с тем, о чем говорили в Политехническом музее и редакциях научно-популярных журналов, особенно в «Технике – молодежи», в которую я с 1966 г. писал научно-популярные статьи. И я решил забыть ИИЕТ навсегда. Но осуществить этот замысел мне было не суждено.

Началось активное научное сотрудничество Политехнического музея с ИИЕТ. В музее начал работать Вадим Михеев. Он рассказал, что техническую профессию выбрал благодаря мне, задолго до нашего знакомства. В 1974 г. еще школьником, посещая музыкальную школу, которая ему не нравилась, он у друзей увидел журнал «Техника – молодежи», а там в каждом номере за 1974 год в Исторической серии «Отечественные паровозы» печаталась статья, автором которой был я. Школьник Михеев купил все журналы «Техника – молодежи» за 1974 год, увлекся чтением о русских паровозах и сгоряча даже решил после школы поступить в МИИТ. Он забросил музыку. Стал упорней учиться, мечтая о МИИТе, но отец уговорил сына изменить выбор профессии и поступить в МАИ. Со временем Михеев превратился в известного историка авиации, но не забыл о судьбоносной для него моей исторической серии и часть своего творческого потенциала посвятил истории русских паровозов.

В.Р. Михеев подготавливал в Политехническом музее юбилейные торжества, посвященные Игорю Сикорскому. Работа предстояла огромная, и он пригласил помощников. Одним из них был Г.М. Салахутдинов. Михеева и его команду зачислили в штат сектора «Памятники науки и техники», которым руководил я. Салахутдинов сразу зарекомендовал себя хулиганом всего отечественного: истории, истории техники, Циолковского, научное творчество которого в Политехническом музее изучали и восхищались, оно было в почете у музейных сотрудников. Мои предложения Салахутдинову умерить нигилистический пыл не нашли отклика в его поступках. И я, пользуясь своими полномочиями, уволил его по своему собственному желанию. Дирекция музея одобрила мое мнение и поддержала мое решение. История с Салахутдиновым отталкивала меня от ИИЕТ, а сотрудничество с Михеевым – притягивало. Вадим Ростиславович открылся мне серьезным историком техники, автором интересных монографий, личностью, лучшим чертам которой можно подражать, словом, он внес в мое сознание симпатии к ИИЕТ.

Дальнейшее оказалось вполне оптимистичным. В Политехническом музее меня назначили ответственным за научные связи с ИИЕТ. Вскоре я познакомился с директором Института Владимиром Михайловичем Орлом и Ученым секретарем Ольгой Александровной Соколовой. Они произвели на меня неизгладимо приятное впечатление. Выполнение своих обязанностей (участие в организации совместных научных конференций, посещение в ИИЕТ научных тематических семинаров и пр.), но особенно личные контакты с этими и другими людьми – В.Л. Гвоздецким, О.Д. Симоненко, позволили мне спокойно посмотреть на ИИЕТ, без излишней идеализации. Я рассудил: в ИИЕТ, как и любой организации, лично мне достаточно несколько приятных людей в ближайшем окружении. Остальные сотрудники – это естественное наполнение коллектива, чаще всего непонятные, с большинством из которых мне не суждено сблизиться. Но со временем, в процессе трудовой деятельности появятся коллеги, общение с которыми сложится в русле выполнения общих задач. Так бывало со мной и раньше, когда я работал в других организациях.

По делам я стал чаще общаться с В.Л. Гвоздецким, дал согласие на переход к нему, но еще долго размышлял. Наконец, мое решение созрело, и я решил превратить его в свой маленький праздник.

В конце XX века были в моде всяческие торжества с ожиданием нового тысячелетия, эдакого фестиваля «Миллениум». Для себя я решил начать трудовую деятельность в ИИЕТ с первого рабочего дня 2001 года. Своевременно подал заявление о поступлении и осуществил свой замысел.

Не все у меня получалось удачно. Я совершил немало ошибок в планировании работы с архивами в сложном переходном периоде моей Родины. Пока работал в одних архивах – другие уничтожали, разворовывали и распродавали в частные руки. Это усложнило, замедлило и даже обеднило выполнение моих творческих замыслов. Но постепенно я освоился в ИИЕТ, и теперь эта научная организация стала в моем мироощущении «моей». Теперь мне дороги успехи Института и огорчают неудачи. В коллективе я рассмотрел и узнал много замечательных людей, дружбой и даже простыми добрыми отношениями с которыми я очень дорожу.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 72–75.

2001 год

ЩЕГЛОВ
Дмитрий Алексеевич

Я пришёл в ИИЕТ 20 лет назад в самом конце 2001 г., поступив в аспирантуру после окончания исторического факультета СПбГУ (кафедра истории Древней Греции и Рима), а по завершении аспирантуры стал сотрудником сектора истории техники и инженерной деятельности. Выбор ИИЕТа был для меня в некотором смысле неожиданным, поскольку из трёх доступных вариантов трудоустройства в научной сфере я предпочёл наименее очевидный. Другие два – это родная кафедра в СПбГУ и ИИМК, которые были мне уже хорошо знакомы, однако СПбГУ означал бы постоянное преподавание, ИИМК – постоянные раскопки, а на тот момент ни то, ни другое меня не увлекало. Главной же причиной стало осознание того, что раз уж общий выбор уже сделан в пользу изучения

истории, то наиболее интересной темой в этой области будет не социально-политическая история, которой всегда отдавали предпочтение в СПбГУ, и не остатки материальной культуры, а история тех людей, которые в свою эпоху были бы мне наиболее близки по духу и по роду деятельности, т.е. интеллектуальная история или история науки. В ИИЕТ я пришёл во многом именно потому, что для меня это было нечто новое, неизвестное и несущее в себе вызов.

Общие ощущения от захватывающих дух перспектив научной карьеры в России начала двухтысячных удачно определил мой сверстник, коллега из СПбГУ, как «предложение бежать марафон с отрезанными ногами» (при том, что у западных товарищей в аналогичной ситуации, как минимум, ноги присутствуют в полном комплекте). Сейчас уже трудно представить, до какой степени в первой половине нулевых плохо обстояли дела с доступом даже к самой необходимой научной литературе. Почти каждую зарубежную публикацию, каковы бы требовались постоянно десятками и сотнями, без чего никакая научная работа не возможна в принципе, приходилось с трудом добывать окольными путями, и в этом институт не мог помочь ничем.

Общие представления о реалиях жизни научного сотрудника и, в частности, о специфике профессии «историка науки и техники», были у меня, как оказалось на момент окончания университета, крайне смутными, даже несмотря на давние и прочные связи с академической средой. Выяснилось, что после пяти лет, проведённых в университете, даже при том, что по меркам университета их итоги были вполне успешными, я остался совершенно не готов к реалиям самостоятельной жизни аспиранта и сотрудника НИИ, как с чисто научной, так и с материальной точки зрения, что стало причиной длительной дезориентации. Отчасти это отражает общеизвестное свойство нашего университетского образования, которое готовит к чему угодно, но только не к реальной жизни. Для адаптации катастрофически не хватало ни (реально полезных на практике) знаний, ни умений, ни социальных связей, и для восполнения этих пробелов институт вновь не мог предложить почти ничего.

Общую атмосферу, которую я застал в СПбФ ИИЕТ, к сожалению, едва ли можно назвать творческой, поддерживающей или стимулирующей. Были, разумеется, отдельные учёные, существовавшие каждый сам по себе, но не было научной среды общения, разделяющей общие интересы, ценности и стремления – того, что по идее является ключевым условием для работы исследователя и существования самой науки. Сектор истории техники, по крайней мере, о котором после 18 лет систематических наблюдений я могу судить вполне компетентно, никогда в принципе не был способен ни к какой совместной деятельности, кроме сугубо формальной – такой, как проведение очередной годичной конференции или составление ежегодного отчёта. Наряду с учёными, действительно имевшими мировую известность, работали странные люди, которых язык не повернулся бы назвать словом «учёный» и чьё присутствие в научно-исследовательском институте представляло собой явное недоразумение. Правда, это несколько не мешало им оставаться в филиале годами и десятилетиями и считаться незаменимыми сотрудниками. Нельзя сказать, что процент таких людей был значителен, однако в ситуации, когда весь коллектив не-

многочислен, их влияние на общую атмосферу становится критическим. Назначенный мне научный руководитель оказался человеком неприятным и токсичным.

Пожалуй, лучшее, что можно сказать о влиянии старших коллег по филиалу на мою работу (цитата) – «мне не мешали» (самостоятельно заниматься тем, что я считал необходимым). Говоря точнее, до того, чем я занимаюсь и занимаюсь ли вообще хоть чем-то, просто никому не было дела. Также, во всяком случае, в нулевые годы я никогда не наблюдал того, чтобы в филиале как бы то ни было специально взаимодействовали бы с «молодёжью» с тем, чтобы способствовать её интеграции в научную среду и профессиональному развитию. Возможно, кому-то другому повезло больше, но лично я такого не застал. В этом отношении контраст с ситуацией и атмосферой в других схожих НИИ был, по крайней мере, на первый взгляд, разителен, печален и не в пользу ИИЕТА. Так же показательно, возможно, то, что, вопреки частым декларациям об особой открытости филиала для молодых кадров, я, например, почти до 41 года оставался самым младшим сотрудником сектора, среднеарифметический возраст которого составлял к тому моменту 65 лет. Иными словами, за неполные 18 лет с 2001 по 2019 г. в секторе не появилось ни одного более молодого сотрудника, а те несколько сотрудников постарше, которые всё же приходили, по разным причинам надолго не задерживались. При всём уважении к старшим коллегам, такую демографическую ситуацию трудно назвать здоровой.

Счастливым исключением на этом фоне были научные школы молодых учёных, которые проводились по инициативе московской дирекции ИИЕТ в 2013–16 гг. и каждый раз радовали неформальной дружеской атмосферой и заинтересованностью участников. Также хочется отдельно выразить признательность Эдуарду Израилевичу Колчинскому, который, вопреки своему известному темпераменту, запомнился исключительно тёплым дружелюбным отношением, и Наталье Георгиевне Суховой, без чьих неизменно ценных и глубоких замечаний никакая научная работа в филиале не могла бы состояться.

Настоящая научная жизнь всегда проходила вне стен филиала и вне рамок официальных мероприятий и формальной отчётности. В огромной степени тем, каким я являюсь сегодня, я обязан поддержке со стороны Вадима Юрьевича Зуева (тогда ещё работавшего в Эрмитаже), общению с Любовью Игоревной Грацианской (ИКВА РГГУ), ведущим специалистом по Страбону, а также с Игорем Васильевичем Пьянковым (Университет Великого Новгорода), чьи исследования по истории Средней Азии в древности и по античной географии всегда отличались проницательностью и нетривиальностью, но, к сожалению, в силу языкового барьера не получили должного признания за пределами нашей страны. Особое, даже, можно не бояться пафосных выражений, судьбоносное значение имело для меня знакомство с моим научным руководителем Александром Васильевичем Подосиновым (ИВИ РАН), человеком широкой души, неизменно заражающим своим энтузиазмом и жизнелюбием, не только ярким исследователем античной географической традиции, но и своего рода магнитом, собирающим вокруг себя людей и вдохновляющим на совместное творчество.

2001 год

ЩЕРБИНИНА Надежда Николаевна

В 1999 году на конференции по орнитологии в г. Тамбове я познакомилась с замечательным человеком, выдающимся ученым, экологом, зоологом, биогеографом, историком науки, доктором географических наук Рахилиным Валентином Константиновичем. Он стал моим научным руководителем при написании дипломной работы в институте, а затем научным руководителем при написании диссертационной работы в аспирантуре Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

В 2001 году Институт еще находился по адресу Старопанский переулок, дом 1 – в самом центре города, рядом с Кремлем и Красной площадью. В самом здании было уютно, красиво в сталинском стиле. Особенно запомнились люстры в кабинетах и в актовом зале с канделябрами. Богатая

библиотека, где были собраны книги XVIII–XIX веков. Сам интерьер говорил о том, что в этом Институте занимаются изучением истории науки и техники. Учиться в аспирантуре, в самом сердце столицы – мечта каждого провинциального студента. И моя мечта осуществилась. Меня переполняли чувства гордости и высокой ответственности. Была определена тема моей диссертации «Природные ресурсы в России в XVIII веке», по которой началась плодотворная работа. В 2003 г. Валентина Константиновича не стало, но за три года он научил меня очень многому, познакомил с известными людьми, я узнала, как работать с архивными документами и другими источниками, как правильно излагать мысли на бумаге и писать научные статьи. Он старался успеть передать свой опыт, свои знания, научить всему, что знал и умел сам. Валентин Константинович оберегал и опекал, поддерживал во всех начинаниях. Я очень ему благодарна за то, что пригласил меня в Москву, за то, что проложил мне дорогу в мир истории науки и техники.

Вторым моим научным руководителем стал географ и историк науки, доктор географических наук Александровская Ольга Андреевна. Отдельная моя благодарность ей за то, что переняла эстафету Валентина Константиновича и не бросила меня с тем накопленным материалом, который уже был собран за два с половиной года. Она помогла расширить и раскрыть тему моей диссертации в совершенно ином видении. Именно с ее подачи тема диссертации стала звучать иначе – «Представления о природных ресурсах в России: XVIII век». Было такое чувство, что она вместе со мной пытается понять и разобраться в этих «Представлениях...». Своим азартом и интересом к этой теме она вселяла в меня надежду и уверенность в завтрашнем дне. Именно благодаря стараниям Ольги Андреевны я довела эту работу до конца и в 2005 г. вышла на защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности – история науки и техники.

Отдельные слова благодарности хочу сказать доктору географических наук, профессору, заведующей Отделом истории наук о Земле ИИЕТ РАН, моему наставнику и учителю Широковой Вере Александровне. С первых дней нашего знакомства я чувствовала поддержку и заботу с ее стороны. Она помогала мне адаптироваться в совершенно новой для меня в то время научной среде, научила общаться с кругом профессоров, докторов, кандидатов и доцентов, она поменяла мои взгляды на жизнь в целом. Бывают учителя на один час, на несколько лет, а Вера Александровна – мой Учитель на всю жизнь.

Я бесконечно благодарна Отделу науки о Земле за душевную теплоту, заботу и добро. Это была моя вторая семья. Многих уже нет с нами, но память о них будет жить еще долгие годы в моем сердце.

Оглядываясь назад, я понимаю, что ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН и замечательные люди, которые работали и работают здесь, дали мне дорогу в жизнь.

2002 год

АЛЬ-ХАМЗА
Махмуд Хамо

Я хотел бы начать с рассказа одной истории, которая привела меня к изучению истории математики. Будучи аспирантом на факультете физико-математических и естественных наук Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (ныне РУДН) в 1984 г., я случайно встретился с арабистом В.М. Борисовым, автором русско-арабского словаря. Когда он узнал, что я математик, то спросил меня: «Знаешь ли ты аль-Хорезми (великий арабский математик средних веков)?» Однако на тот момент я, к сожалению, даже не слышал про него. И тогда Борисов ответил: «Как тебе не стыдно, будучи арабом и математиком, не знать историю арабской математики». С тех пор я начал интересоваться этой областью знания. Но через год я закончил аспирантуру и уехал из Москвы к себе на роди-

ну в Сирию. Через несколько лет сделал доклад о трактате аль-Караджи (X век) по арифметике и алгебре на конференции по истории арабской науки в Институте арабского научного наследия (ИАНН) университета Алеппо (Сирия). Затем я разработал и начал читать студентам курс истории математики. В 2002 г. я написал книгу по истории математики и опубликовал ее в университете Тайза в Йемене, где я читал лекции по анализу (математическому, действительному, комплексному и функциональному).

В 2002 г. я вернулся в Москву по семейным обстоятельствам после долгого отсутствия. Оказавшись в Москве, я начал искать место работы. Мне предложили преподавать математику в нескольких университетах, но я хотел заняться историей математики средних веков. Я сразу связался со своим однокурсником профессором В.М. Савчиным (ныне ученый секретарь РУДН) и спросил его, где можно в Москве изучать арабские рукописи по математике. Он радостно ответил: «Ты попал в точку. Надо тебе познакомиться с профессором С.С. Демидовым, и он тебе поможет». Через несколько дней я встретился с Демидовым – доброжелательным человеком и блестящим ученым, с которым мы до сих пор поддерживаем связь. В дальнейшем он очень помогал мне при устройстве на работу в Институт истории естествознания и техники РАН (ИИЕТ).

В Институте С.С. Демидов познакомил с М.М. Рожанской, известной своими трудами по истории механики на Ближнем Востоке в Средние века. Она была не только крупным специалистом по истории науки, арабистом, но и прекрасным человеком, с которым у меня сложились теплые отношения. Она проявляла ко мне большое внимание, научила меня работать с математическими рукописями, написанными на средневековом арабском языке. В первые годы для меня было очень тяжело расшифровать средневековые записи, но с помощью Миры Михайловны я преодолел эти трудности и стал свободно разбираться в древних трактатах.

Не могу не отметить помощь тогдашнего директора ИИЕТ В. Орла, который принял меня с большой теплотой и оказывал поддержку. Тогда я устроился в институт на общественных началах и несколько лет работал в таком статусе. Я также считаю своим долгом поблагодарить А.В. Постникова, директора института, с которым у меня были хорошие отношения. Я тогда переписывался с директором ИАНН профессором А. Лолалхом (специалистом по арабской архитектуре), который приглашал меня и М.М. Рожанскую на конференции в Алеппо и Александрию (2005–2008 гг.). Тогда я предложил А.В. Постникову заключить соглашение с ИАНН, и он охотно поддержал эту идею. Мы действительно ездили в Сирию и подписали соглашение о сотрудничестве, но, к сожалению, оно не было активировано.

Директор института Ю.М. Батулин был очень интересным ученым и интеллектуалом. Я ему предложил два интересных проекта о создании центра изучения арабских научных рукописей, а также организации международной научной конференции по истории арабской науки в Москве в сотрудничестве с известными институтами по истории науки, с которыми я контактировал в Алеппо, Париже, Александрии и других странах. Но, к сожалению, многие мои проекты были заморожены после 2011 года в связи с бурными событиями в Сирии. Я со всей отдачей занялся политикой, встав на стороне сирийского народа.

Некоторые знакомые говорили мне: как ты можешь выступать против сирийского режима, живя в России и работая в ИИЕТ. Я всегда отвечал, что я гражданин Сирии и России и люблю обе страны. Прекрасные годы моей молодости прошли в России, где я получил хорошее образование и стал кандидатом математических наук. Я высоко ценю русскую культуру, литературу, поэзию и музыку. Я создал семью в России: у меня русская жена, четверо прекрасных детей и пять любимых внуков, которые будут представителями смешанных культур и цивилизаций. Да и в России я прожил больше, чем в Сирии. Работая в течение 20 лет в арабских университетах, я всегда гордился теми глубокими знаниями, которые я получил в Университете дружбы народов, и отстаивал авторитет советской и российской математической школы.

Вернемся к моим первым шагам по изучению истории математики в ИИЕТ. При первой встрече с Мирой Михайловной, она предложила мне работать над известным трактатом «Мизан аль-Хикма» («Книга весов мудрости») арабского ученого в области механики, физики и гидростатики (XII век) аль-Хазини, но я предпочитал работать с математическими трактатами.

Я также хотел сказать несколько слов в адрес одной прекрасной коллеги из сектора истории математики ИИЕТ Татьяны Токаревой, одного из самых ответственных и активных сотрудников в отделе истории физико-математических наук, хорошего историка математики и доброго человека. Токарева сообщила мне, что обнаружила перевод на русский язык трактата по арабской математике, который принадлежит известному марокканскому ученому Средних веков Ибн-аль-Банне аль-Марракуши (XIII–XIV века). Эта рукопись называлась «Талхис Амал аль-Хисаб» («Краткое изложение арифметических действий»), была переведена с французского языка и опубликована в журнале «Математический сборник» под названием «О сочинении Talkhys арабского геометра Ibn Albanpa». Этот перевод был сделан по указанию крупного русского математика П.Л. Чебышева, который писал министру народного образования: «Ознакомление учителей гимназий и учеников высших классов со статьями такого рода обещают несомненную пользу, а потому я полагаю, что “Математический сборник”, как единственное у нас издание, где такие статьи печатаются, должен быть приобретен гимназическими библиотеками».

Дело в том, что нахождение этого трактата для нас был сенсацией, так как в России специалисты в области истории математики фокусировались прежде всего на восточноарабских мыслителях (из Сирии, Ирака, Египта, Ирана, Средней Азии), но никто не изучал ни одного трактата западноарабских математиков (из Марокко или Андалусии).

Как известно, на арабо-мусульманском Востоке начало расцвета науки пришлось на IX век, оказав существенное влияние на развитие науки в Андалусии в X в. В свою очередь, Марокко стало после падения Мусульманского государства в Андалусии в XII в. новым центром западноарабской мысли, оказав огромное влияние на развитие наук в Европе.

Мы искали трактат Ибн-аль-Банне аль-Марракуши в библиотеках России и нашли его в восточном отделе арабских рукописей Научной библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета под номером 757/23. Мы с Рожанской перевели этот трактат полностью на

русский язык и опубликовали в журнале «Историко-математические исследования». Одним из крупных последователей был андалусский арабский математик аль-Каласади (XV век), который комментировал этот трактат. Мы нашли арифметический трактат самого аль-Каласади «Ат-Табсира фи 'илм аль-хисаб» («Разъяснение науки арифметики») в Петербурге и перевели его с историческим обзором и математическим комментарием. Эти исследования привели нас к изучению одного из главных трудов более раннего западноарабского математика аль-Хассара (XII в.), который называется «Книга о науке губар».

Далее, я исследовал множество рукописей западноарабских математиков, таких как Ибн аль-Ясмин (XII век), Ибн Гази аль-Фаси (XV век), Ибн аль-Хаим (XVI век), Яиш аль-Умави аль-Андалуси (XIV век), Ибн Хамза аль-Магриби (XVI–XVII века) и др. Мы смогли обобщить особенности трудов арабских математиков Марокко и Андалусии и пришли к выводу, что они прибегали к использованию трех методов решения арифметических и алгебраических задач: 1) арифметический метод, 2) алгебраический (аль-Хорезми) и 3) геометрический (правило двух ложных положений перешло в физический метод чаш весов). Также мы обнаружили, что метод «чаш весов» у аль-Хассара имеет тесное отношение с практикой взвешивания (оперирует с грузами), а у Ибн аль-Банна «правило чаш весов» имеет абстрактный характер (оперирует с числами). До недавних времен историки думали, что метод «чаш весов» впервые применял Ибн аль-Банна, но мы установили, что он встречался еще в работах аль-Хассара в XII веке.

В годы работы в институте (2002–2016) я участвовал во всех ежегодных конференциях института, а также в десятках международных конференций в Сирии, Египте, Иордании, Париже, Марокко, а также Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле и др.

В 2009 г. я получил грант на проведение научной работы в Центре истории арабских и средневековых наук и философии в Париже. Там меня приняли в Международное общество истории арабской и исламской науки и философии (The International Society for the History of Arabic and Islamic Science and Philosophy).

В 2014 г. я стал советником Научно-исследовательского центра истории арабской науки им. Ибн аль-Банна (г. Рабат, Марокко), а также членом Сирийского общества истории науки и Иорданского общества истории науки. Помимо этого, я также был членом редколлегии двух международных электронных журналов на английском языке по методологии математики, науки и технологии в Анкаре, членом правления и координатором от арабского мира и России Международного союза арабоязычных писателей и востоковедов, находящегося в Лондоне.

Я имею около 70 научных работ, большая часть из них по истории и философии арабской математики Средних веков, включая восемь учебников по математике (среди них книга по истории математики). Также мной было подготовлено два словаря по математическим терминам: русско-арабский словарь и англо-арабский словарь. Недавно в Марокко опубликовали мою монографию «Математическое мышление как образец для научного познания». Скоро будет опубликована моя новая книга на арабском языке об истории изучения научных арабских рукописей в Рос-

сии, которая содержит обзор истории русско-арабских культурных и духовных связей за тысячу лет (в том числе приход ислама и христианства в Россию), а также вкратце излагается история русской арабистики за последние триста лет и особенно школы истории математики в России (речь идет о работах и биографиях крупных историков арабской науки, таких как А. Юшкевич, Б. Розенфельд, Г. Матвиевская, М. Рожанская и др.).

И, наконец, я не могу не упомянуть о моем уходе из ИИЕТ, который состоялся не по моей воле, а под воздействием со стороны администрации, связанным с моей политической позицией в отношении событий в Сирии после 2011 года. Я выступал за свободу и справедливость в Сирии на телевидении, радио и других средствах массовой информации в России и за рубежом, поскольку убежден, что настоящий ученый обязан встать на стороне своего народа в его стремлении к достижению достойной человеческой жизни.

2002 год

КАНТЕМИРОВ
Борис Николаевич

Официально я стал сотрудником нашего Института 25 апреля 2002 г. Но на общественных началах я посещал Институт с начала 1980-х годов. После окончания Военной Краснознаменной инженерной академии связи им. С.М. Буденного в Ленинграде в 1956 г., я был направлен на работу в НИИ-4 Министерства обороны (МО), где прошел путь от научного сотрудника до начальника научной лаборатории в 50-м Центральном научно-исследовательском институте космических средств МО.

НИИ-4 – это ракетный институт. На его базе создан был сначала филиал НИИ-4 по космической тематике, а затем 50-й ЦНИИКС МО. В НИИ-4, в группе Тихонравова родилась идея и была обоснована возможность запуска искусственного спутника Земли на существовавшей в те годы ракетной базе. Работая в этих институтах, я занимался во-

просами ракетно-космической техники и практической космонавтики. В конце 1970-х гг., когда я по партийной линии был привлечен к программе патриотического воспитания школьников, стал читать лекции по истории космонавтики. Мне это понравилось, а когда я уволился, то окончил еще факультет эстетики вечернего отделения Института марксизма-ленинизма. Делал это сознательно, потому что мне хотелось посмотреть на космонавтику еще и с этой стороны, со стороны живописи, скульптуры, со стороны искусства. Потом в Обществе «Знание», как лектор, я побывал во многих городах страны, где читал лекции по космонавтике в школах, на предприятиях. Постепенно у меня набирался материал. Кроме того, я общался и беседовал с людьми, с которыми ранее встречался по служебной линии. Это были Евгений Анатольевич Карпов, первый начальник Центра подготовки космонавтов, Владимир Иванович Яздовский, основоположник космической биологии и медицины, Георгий Александрович Тюлин, в прошлом – зам. начальника НИИ-4 по науке, Иван Григорьевич Борисенко, спортивный комиссар, и еще целый ряд товарищей, которые помогали мне собрать интересный материал к лекциям. Так я увлекся историей и начал работать в этом плане в рамках общественных организаций. Сначала в Центральном Доме Советской Армии, затем в Федерации космонавтики. Будучи членом Федерации космонавтики, я стал участвовать в работе Чтений Циолковского в Калуге, Гагаринских чтений в Москве, позднее – в заседаниях Секции истории космонавтики в нашем Институте. Однажды я предложил свои услуги в качестве сотрудника института В.Н. Сокольскому. Виктор Николаевич не проявил интереса, он меня записал в общественники. Я продолжал посещать заседания секции и работать в рамках исторических исследований, которыми занимался самостоятельно. Прошло довольно много времени. И я уже привык к этому. Но в 2002 г. мне предложили стать штатным сотрудником Института. Я с удовольствием принял это предложение. Мой интерес был всегда и в значительной степени связан с работами, которые проводились в нашем Институте. Я понимал, что многое еще в истории космонавтики не изучено. Уже полвека прошло со дня запуска первого в мире искусственного спутника Земли, участником работ по подготовке которого я был, а до сих пор нет научно-исторического труда, который бы фундаментально, на документах показал, как мы эту идею реализовывали.

Когда я пришел в Институт и стал штатным сотрудником, первое, о чем я задумался, – правильно ли мы ставим задачу исследования истории космонавтики, что такое космонавтика в историческом ракурсе, каковы особенности ракетно-космической техники? Ракетно-космическая техника сразу проектировалась как сложная техническая система. Для этого разрабатывалась особая методология проектирования, совершенствовалась система государственного управления созданием техники. Это должно быть показано на историческом фоне. Мы сейчас живем в мире сложных систем. Они так переплелись и так друг на друга влияют, что мы уже не можем ограничиваться восприятием нашего мира как мира предметного. Мы должны выйти, мировоззренчески выйти из мира предметного и перейти в мир сложных систем. Кроме этого, изучение ракетно-космической техники позволяет формировать космическое мировосприятие, космическое мировоззрение. На мой взгляд, это очень актуально, и это наша задача, как академического института. Важно понять, как это делать, и тогда можно создавать кооперацию, в том числе и промышленных организаций,

и военных, которые профилируют в каком-то направлении, и писать историю более объемную, более широкую. В процессе такой работы мы можем понять влияние таких факторов, как человеческий фактор, человеческие амбиции в процессе принятия ответственных решений...

Те два-три поколения людей, которые начинали все это дело, – это уникальные люди. Я только что завершил работу над научной биографией Чернышева, одного из наших пионеров ракетостроения, и просто поражаюсь, что это за люди... Некоторых из них я знал, с ними общался. Какое великое дело они делали, а ведь шли неизведанным путем, как по минному полю. И вот результат – космонавтика. Такая мощная система – космонавтика: и технику надо создавать, и кадры надо готовить, и финансы, и прочие, прочие вещи, здесь все закручено. Нужен новый методологический подход к исследованию столь сложной социо-технической системы. Вернусь к Чернышеву. Очень приятно было слушать положительные отзывы на рукопись о Чернышеве. Мне удалось найти ряд любопытных документов, показать, как принимались решения. Приведу один пример: 4 декабря 1941 г. Немцы у Москвы. Чернышев подает рапорт, что он изобрел новые взрывные устройства (о чем это – непонятно, документов найти пока не удалось). И подает рапорт по команде. 12-го числа этот рапорт с сопроводительным письмом отправляется в Главный штаб артиллерии от начальника артиллерии фронта. А уже в 20-х числах декабря, будучи в Москве, в Главном штабе артиллерии, его «поймал» начальник штаба и сказал: «Тебя уже разыскивают». Отозвали его с фронта для решения вопроса о создании подразделения для реализации этого изобретения. В начале января 1942 г. в Москве проходили заседания, на которых решено было создать лабораторию в НИИ-6 Наркомата боеприпасов. Вот как принимались решения... Есть еще целый ряд таких эпизодов.

Мои впечатления о работе в нашем Институте. Я не берусь судить о факторе человеческих взаимоотношений, поскольку я считаю, что не вправе это делать. Я погружен в свою тематику и, может быть, даже не всех сотрудников в Институте еще по именам знаю. Я не попадал в конфликтные ситуации – это первое, что я могу отметить, Бог миловал. Второе, – признаюсь Вам как на духу, я счастлив, что последние годы жизни я работаю в этом Институте, – это была моя мечта. В общем-то я счастливый человек, практическая работа была потрясающе интересная, мне довелось работать в экспедициях по выбору объектов РВСН, мне довелось работать на всех полигонах – Капустином Яре, Тюра Таме, работал я и на Семипалатинском полигоне, где испытывали нашу технику на воздействие проникающей радиации подземных атомных взрывов. Очень интересная была работа, но и опасная. Я счастлив, что работаю здесь и занимаюсь таким интересным делом. А от истории я поднялся на уровень философского понимания многих вещей в космонавтике. Когда работал в области практической космонавтики, то приходилось решать конкретные задачи, и как всегда – цейтнот. А теперь более свободно, есть возможность философствовать... Более чем полувековой опыт научно-исследовательской работы помогает (в НИИ-4 нас учили работать, понимать, что такое научно-исследовательская работа, у нас были семинары по методологии исследовательской работы, была хорошая школа), хорошее знание ракетно-космической техники как основы космической деятельности помогает справляться с работой. Надеюсь, удастся еще кое-что сделать.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 160–163.

2003 год

ЮРКИН
Игорь Николаевич

Рассказать о том, как пришел в ИИЕТ, можно, лишь уточнив содержание действия, обозначенного глаголом. Приходил в институт я минимум дважды. Впервые появился в его стенах в Старопанском переулке на десятилетие раньше, чем пришел туда в качестве сотрудника. Выберу то, что сохранила память о первых с ним встречах.

В сентябре 1990 г., неожиданно для коллег оставив институт ТулаНИИчермет, в котором занимал должность заведующего лабораторией, я перешел на работу в Тульский областной краеведческий музей. Новоиспеченный руководитель отдела истории досоветского периода, свои тогдашние знания в этой области я оценивал довольно скромно, а музейной работы не знал совершенно. Но интерес к ней и желание испытать себя в новом качестве ощущал сильнейшее.

Не прошло и двух месяцев, как я ехал на поезде на Урал, на краткосрочные курсы повышения квалификации, организованные Свердловским краеведческим музеем. По завершении занятий выкроил день, чтобы посетить Нижний Тагил. Зашел там к Николаю Александровичу Мезенину, известному мне по публикациям о Демидовых и по выпущенной в научно-популярной серии издательства «Наука» книге «Лауреаты Демидовских премий». В разговоре он упомянул о своем сотрудничестве с московским Институтом истории естествознания и техники. Сообщил адрес, назвал имена сотрудников, с которыми общался особенно тесно: металлурга по образованию, старшего научного сотрудника (в прошлом заместителя директора института по научной работе) Александра Сергеевича Федорова и заведующего сектором истории техники Николая Константиновича Ламана.

Вскоре – в середине января 1991 г. – произошла и первая встреча с ИИЕТ. Увы, единственное, что о ней можно сказать – что побывал в стенах здания, которое в Старопанском переулке он занимал. Я появился в нем в понедельник – в неприсутственный день. Никого из сектора истории техники в институте не застал. Ушел, обогатив сведения о нем исключительно именем его директора: член-корреспондент АН СССР Устинов Николай Дмитриевич. Ну и, разумеется, знанием присутственных дней – вторник и четверг (дни недели, которые остаются таковыми по сей день).

Весной этого года несколько раз звонил в ИИЕТ, в том числе – Н.К. Ламану. (Забегая вперед, замечу, что именно он стал человеком, который в наибольшей степени помог мне сблизиться с ИИЕТ). В тот год я на базе музея готовил конференцию «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства», участие в которой Института истории естествознания и техники было и уместно, и полезно. В апреле отправил в институт приглашение участвовать в ней.

Знакомство укреплялось, хотя пока еще не слишком активно. Тем не менее, в сентябре 1992 г. в Тулу, в музей, приехал гонец из института – А.Г. Маслов, сотрудник сектора истории техники. (Им руководил в то время В.П. Борисов. Ламан же возглавлял проблемную группу по истории технологии). Помимо прочего, Маслов сообщил, что библиотека при Политехническом музее, с которой историки техники из ИИЕТ поддерживали тесную связь, готова помочь тульскому музею библиографической литературой по истории техники. Действительно, некоторое время спустя благодаря посредничеству Ламана я привез оттуда почти полный комплект указателей публикаций по этой тематике.

С 7 по 10 декабря 1992 г. в Туле прошла конференция «Тульский металл...». На город, не избалованный подобными научными мероприятиями, она произвела большое впечатление. Участие в ней приняли и сотрудники ИИЕТ: свои материалы для публикации в ее изданиях предложили Н.К. Ламан, А.Г. Маслов и В.А. Гуриков.

В следующем 1993 г. я собирал сборник статей, в связи с чем общался с авторами докладов. Из сотрудников ИИЕТ расширенный текст доклада дал один Маслов. Его статья, посвященная участию В.И. Геннина в развитии Тульского оружейного завода, будучи написанной по опубликованным источникам, оказалась все же достаточно интересной.

Тем временем одновременно с намерением готовить следующую конференцию, посвященную истории тульского металла, возникло желание

отметить важную для Тулы юбилейную дату – 340-летие со дня рождения Никиты Демидова (1996). По этому поводу незадолго до конца 1993 г. у меня состоялся разговор с Ламаном, идею поддержавшим. В почетный юбилейный оргкомитет он предложил включить врио директора института Владимира Михайловича Орла, сам же был готов войти в рабочий оргкомитет. Обсуждали, кого бы еще из членов Академии можно было пригласить в него войти. Он выдавал смелые идеи – например, привлечь директора Института машиноведения Константина Васильевича Фролова, вице-президента РАН, который курировал в ней технические науки. Но к нему, вздыхал Н.К., очень трудно пробиться.

Зато обещал выяснить возможность участия в конференции Российского национального объединения историков науки и техники. Рассказывал мне, далекому от этих структур и их деятелей, о его председателе – академике Александре Леонидовиче Яншине, геологе. Сообщил, что он возглавляет редколлегию академической серии «Научные биографии», в которой его заместителем является сотрудник института Зинаида Кузьминична Соколовская (с ней, человеком, оставившим самые теплые воспоминания, мне позднее пришлось работать в одном отделе).

В 1994 г., сразу после новогодних праздников, я отправил В.М. Орлу письмо с информацией о готовящейся конференции и предложениями институту войти в число организаторов, а лично ему в оргкомитет.

Спустя пару дней разговаривал с Ламаном по телефону. Он все больше втягивался в проект: предлагал новые дополнения в список оргкомитета, подсказывал, как можно связаться с этими людьми. Выйти на академика Николая Павловича Лякишева (мы с Н.К. уже говорили о нем), директора Института металлургии и материаловедения имени А.А. Байкова, мог помочь сотрудник института Кривоносов. (Так впервые для меня прозвучало имя Юрия Ивановича, выступившего вскоре рецензентом первой моей научной монографии – об истории Тульского завода Демидовых). Ламан предложил еще одну «сильную» персону в оргкомитет – академика Иосифа Наумовича Фридляндера, металлурга. «Дотянуться» до него предлагал через связанного с институтом Федора Ивановича Квасова – тот лет двадцать назад защитил в нем кандидатскую диссертацию по истории кузнечно-штамповочного производства. Не все мечты такого рода воплощались в реальность, но то, что Ламан подобные идеи выдвигал и пытался помочь реализовать – показательно.

А вот Орел согласие на участие института в числе организаторов конференции дал, после чего в письмах потенциальным участникам я это обстоятельство неизменно подчеркивал. В ноябре я предложил ему войти в состав еще и Демидовского юбилейного оргкомитета.

Наступил 1995-й – год, предшествовавший юбилейному. Его открыла проходившая в Туле с 30 января по 3 февраля 2-я Всероссийская научная конференция «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства». В ее программу были включены доклады сотрудников ИИЕТ Н.К. Ламана (его доклад прозвучал на пленарном заседании первым), Н.Л. Чичеровой, Л.И. Уваровой, А.Н. Белоусовой.

На второй день работы конференции я переговорил с Ламаном по вопросу, затронуть который долго не решался – о возможности защитить в совете при институте докторскую диссертацию. Кандидат технических

наук, о защите докторской я долгие годы не думал. Увлечение историей промышленности, исследования в этой области (я много лет работал в архивах) поставили перед вопросом, нельзя ли их результаты защитить как докторскую работу. Надеяться на это позволяла положительная оценка этих результатов профессиональным сообществом (вниманием ИИЕТа она не исчерпывалась). Разговор с Ламаном был пробным шаром: хотелось узнать его мнение по волновавшему вопросу.

У Ламана сомнений в возможности такой защиты не было, больше того, он отнесся к разговору очень конкретно, по-деловому. Поскольку написанной диссертации на тот момент не существовало, он рассказал, что нужно для защиты по совокупности трудов – сколько опубликованных работ, какой автореферат. Сообщил, что докторского совета по специальности «История науки и техники» для защиты на технические науки в институте нет, но защиту докторских в разовом порядке разрешают и кандидатскому совету.

То, что неосуществимой идея ему не показалась, меня воодушевило. Сотни опубликованных работ у меня тогда далеко еще не было, но готовилась к изданию монография и несколько статей. Нужно было приниматься за дело. В его успешной реализации важнейшую роль предстояло сыграть ИИЕТ.

Ламан помог с первой публикацией в ВИЕТ. Это ему я передал с оказией статью о технических знаниях первых Демидовых – в журнал отнес ее он. Он брал на себя и другие хлопоты: вплоть до таких мелочей, как передать информацию о прошедшей конференции в журнал «Металлург».

В конце мая я написал заявление в Ученый совет ИИЕТ с просьбой утвердить тему моей диссертационной работы на соискание ученой степени доктора технических наук «Техника и технология металлургического производства в начальный период истории доменной металлургии Центральной России (вторая четверть XVII – первая треть XVIII вв.)». Писал, что по завершении работы хочу защищать ее в диссертационном совете ИИЕТ.

На следующий день в телефонном разговоре с Ламаном выяснил имена лиц, нужные мне в связи с диссертационными делами, в их числе была упомянута заведовавшая аспирантурой Ирина Васильевна Лапина. Говорил с ним и на следующий день, и вскоре снова. Тем временем Орел поручил новому руководителю отдела истории техники В.Л. Гвоздецкому, заведующему сектором В.П. Борисову и заведующему группой Ламану организовать обсуждение моего доклада по теме диссертации и дать представление Ученому совету. Борисов болел, выполнение распоряжения задерживалось. Впрочем, и мне нужно было подготовиться.

Наконец, 27 июня я выступил на заседании Сектора истории техники и проблемной группы истории технологии. Обсуждение проходило в доброжелательной атмосфере, носило конструктивный характер. Я слушал всех с большим вниманием – ведь это было первое обсуждение того, что для меня во многом пребывало еще в тумане. Только одно из выступлений (знаюмого мне В.А. Гурикова) выделялось скептическими нотами в оценке перспектив защиты по предложенной мной теме. Я воспринял его как эпизод рабочей дискуссии, а вот Ламан был расстроен и позже объяснял мне, какими субъективными обстоятельствами, по его мнению, могла быть обусловлена такая позиция. Среди предложений было пожелание поста-

вить тему более масштабно. По итогам обсуждения родилась формулировка «Проблемы формирования техники и технологии металлургической промышленности России (в период становления машинного производства)». Мне она понравилась и нравится до сих пор. Если бы дальнейшие события развивались по сценарию, который был запущен тем летом, я бы защищал, скорее всего, именно эту тему, два дня спустя утвержденную Ученым советом института.

Вот так я пришел в ИИЕТ, так познакомился с ним, с его сотрудниками. И хотя работа над диссертацией (она все же была написана) пошла по другому пути и защищена она была не в институтском совете, причем на доктора не технических, а исторических наук, роль института в становлении меня в качестве историка науки и техники оказалась огромной. А в сентябре 2003 г., когда я был зачислен в штат ИИЕТ в отдел «Архив науки и техники» в качестве ведущего научного сотрудника, он определил главное направление моих ученых занятий на многие годы вперед.

Но это уже другая история.

2005 – настоящее время

Институт истории
естествознания и техники

2005 год

ЕРМОЛАЕВ
Андрей Игоревич

Мой путь в ИИЕТ был долгим и многоэтапным. Хотя мой отец, известный в Казани историк, и хотел, чтобы я пошел по его стопам, я еще в школе выбрал естественные дисциплины и в результате в 1976 г. поступил на кафедру генетики Казанского государственного университета, а в 1981 г. окончил ее с отличием. Преддипломную практику и последующую стажировку я проходил на кафедре генетики Ленинградского государственного университета. Ни о какой истории я тогда не думал.

С Ленинградским отделением ИИЕТ я мог бы познакомиться еще в начале восьмидесятых годов. На одном из семинаров кафедры генетики ЛГУ доклад делал Яков Михайлович Галл, доклад мне понравился чрезвычайно, и я был восхищен личностью Якова Михайловича, но даже

мысли пройти сто метров от университета до института и познакомиться с его сотрудниками у меня не возникло.

С 1985 по 2002 год я работал в Казанском университете, ассистентом, а потом старшим преподавателем кафедры генетики. Можно назвать три события, которые последовательно «сдвигали» меня от чистой генетики к ее истории. Во-первых, мне поручили в числе прочих читать спецкурс истории генетики для пятикурсников нашей кафедры. Во-вторых, начав читать спецкурс, я очень быстро понял, что это сложно делать, не имея пособия с текстами основоположников, к которым могли бы обращаться студенты. Я пришел к заведующему кафедрой Борису Ивановичу Барабанщикову с предложением составить и издать учебно-методическое пособие «Хрестоматия по генетике». Он горячо поддержал мою инициативу, и пособие вышло в 1988 г. В-третьих, в середине 1990-х гг. в университете стало не хватать денег не только на зарплату, но и на реактивы, и скрепя сердце кафедра вынуждена была пойти на то, что для первой курсовой работы некоторые студенты получали не экспериментальную тему, а «бумажную» (до этого признавались только экспериментальные лабораторные темы, и в любом случае даже в самые сложные годы в качестве второй курсовой и дипломной никаких «описательных» работ кафедра никогда не признавала). Вот и получилось, что часть студентов стала писать под моим руководством курсовые по истории генетики. Увлечшись этой тематикой, я завязал отношения с историко-биологическим сектором Института истории естествознания и техники в Москве, стал ездить туда на конференции, а Елена Борисовна Музрукова уговорила меня написать диссертацию по истории генетики в Казани и стала моим научным руководителем. Как же я благодарен Елене Борисовне за советы, за беседы в ее квартире, и как бесконечно жаль, что коронавирусная эпидемия унесла ее жизнь, как и многие другие...

Мне не удается вспомнить, в каком году я впервые вошел в здание ИИЕТ в Старопанском переулке, это было в конце 90-х, а свой первый полноценный доклад на годичной конференции ИИЕТ я сделал в 2004 году. Весной 2005 года вышла из печати моя книга «История генетических исследований в Казанском университете», а осенью того же года состоялась защита моей диссертации на ту же тему в диссертационном совете нашего института. Здание в Старопанском уже было отключено от отопления, в комнатах работали тепловые пушки, но все равно было прохладно. Зато душевная атмосфера была горячей, первым оппонентом был уже покойный Василий Васильевич Бабков, он хвалил меня больше, чем я того заслуживал, и сразу после защиты посоветовал мне начинать писать докторскую. Чего я, каюсь, так и не сделал.

В связи с подготовкой защиты я в 2005 г. впервые пришел в Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ. С 2002 г. я жил в Санкт-Петербурге, работал в издательстве и не был связан с наукой. Надо сказать, что в годы моей работы в Казанском университете меня долго и безуспешно пытались заставить написать и защитить диссертацию. Написать ее было бы нетрудно, но мне это казалось бессмысленным, ведь читать курсы я мог и без этого. А вот уйдя из университета по причине переезда в другой город, я почему-то затосковал и решил диссертацию написать. Наверное, потому что теперь это уже не было таким простым и естественным делом.

Ввиду моего пребывания в Питере, Елена Борисовна посоветовала мне пройти предзащиту в секторе истории эволюционной биологии Санкт-Петербургского филиала и договорилась об этом с Колчинским. Так я впервые познакомился с Эдуардом Израилевичем и другими сотрудниками сектора. Колчинский спросил меня, не хотел бы я работать в ИИЕТ, и пообещал, что после защиты диссертации возьмёт меня к себе. Чуть позже это и произошло. Уже в декабре 2005 г. я был оформлен на работу в Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН.

Это было счастье – оказаться за соседними столами с людьми, которых я бесконечно уважал, – с Яковом Михайловичем Галлом, давний доклад которого я всегда вспоминал с удовольствием, с Эдуардом Израилевичем Колчинским и Михаилом Давидовичем Голубовским, чьи книги и статьи я хорошо знал. Впрочем, рабочего стола в секторе у Эдуарда Израилевича в тот период не имелось, он сидел в директорском кабинете. А Михаил Давидович вскоре перебрался в Америку, и я занял принадлежавший ему стол.

Если говорить о помещениях, то Филиал тогда не мог похвастаться размерами (сейчас усилиями Надежды Алексеевны Ащеуловой он вдвое больше). После проходной, которая была у нас общей с кафедрой иностранных языков СПбГУ, последовательно шли: канцелярия с кабинетом директора, маленький зал заседаний, библиотека, комната для сотрудников № 5, бухгалтерия и комната для сотрудников № 7 – то есть всего шесть дверей из общего коридора. Нужно, правда, помнить, что в состав филиала всегда входила квартира-музей П.К. Козлова, она расположена около Смольного, и про нее напишет кто-нибудь другой.

Светлую угловую комнату № 7 занимали два сектора – Сектор истории Академии наук и академических учреждений и Сектор истории и методологии технических наук и инженерной деятельности. Сейчас эта комната является нашим большим конференц-залом, после ремонта к ней вернулось былое величие, а в те дни вся она была заставлена шкафами и столами, завалена бумагами, и даже не казалась большой и светлой. Сидевшие в ней сотрудники несколько лет назад перемещены в освободившиеся помещения бывшей кафедры иностранных языков, а сектор истории техники после реорганизации вообще исчез, став частью совсем нового сектора социальных и когнитивных проблем науки, возглавленного прекрасным историком античности Леонидом Яковлевичем Жмудем. Тот же, ставший достоянием истории, сектор лично для меня связан с именем Бориса Ильича Иванова, добрейшего человека, всегда готового всем помочь по первой просьбе. До самой смерти в 2020 г. он бессменно руководил работой Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (будучи заместителем председателя академика С.Г. Инге-Вечтомова), а периодически исполнял и обязанности завсектором (хотя большую часть времени при мне этим сектором заведовала Диана Савельева, возглавляющая сейчас архив музея П.К. Козлова).

Комната № 5 также вмещала два сектора – Сектор истории эволюционной биологии и экологии и Центр социолого-наукоеведческих исследований. Центром руководил Самуил Аронович Кугель, но он обычно в комна-

те не сидел, и я даже сомневаюсь, что у него был здесь постоянный стол. Зато напротив себя я всегда видел его ученицу – часто улыбающуюся и, можно сказать, «светящуюся» несмотря на все трудности Надю Ащеулову – вплоть до ее перехода на должность ученого секретаря филиала в 2013 г., когда она переместилась в канцелярию. Рядом с Надеей сидела аспирантка Кира Ерохина, позже появились Валентина Михайловна Ломовицкая и Светлана Александровна Душина. Даже странно сознавать, что их уже нет в институте – Ерохина ушла из него лет через пять, Ломовицкая умерла в 2018 г., а Душина, выйдя на пенсию, решила больше не работать.

Ну, и наконец – родной мне Сектор истории биологии. Когда-то (при его первом заведующем К.М. Завадском) его именовали Сектором истории и теории эволюционного учения, в 2000-е гг. обычно называли Сектором истории эволюционной биологии и экологии, а сейчас это официально Сектор истории эволюционной теории и экологии. На нашей стене (пусть и не на двери, а внутри комнаты) до сих пор висит табличка с названием времен Кирилла Михайловича.

Поскольку часть комнаты занимали социологи, то историкам биологии приходилось тесниться. Помимо меня во второй половине 2000-х гг. там сидели уже упомянутый Я.М. Галл, милейшая и, к великому сожалению, уже покойная Ксения Викторовна Манойленко, Александр Борисович Георгиевский, Анатолий Всеволодович Полевой, Юлия Александровна Лайус, а также молодые сотрудницы Анастасия Алексеевна Федотова, Наталья Евгеньевна Берегой и Анна Александровна Самокиш. Хорошо еще, что Э.И. Колчинский, Михаил Борисович Конашев и Марина Викторовна Лоскутова имели рабочие столы в канцелярии.

Немалая часть моей жизни в ИИЕТ связана с журналом «Историко-биологические исследования», он был задуман в 2008 г., начал выходить в 2009 г. и издается до сих пор. Но историю его создания я уже описал в статьях (Вопросы истории естествознания и техники. 2018. № 4. С. 830–834; Историко-биологические исследования. 2020. № 1. С. 110–113), к ним и отсылаю читателя. В этом же журнале опубликованы составленные мной библиографии некоторых изданий сектора (Историко-биологические исследования. 2010. № 2. С. 91–113; 2013. № 4. С. 67–97). Относительно недавно, 24 января 2020 г., и журнал, и сектор понесли тяжелую утрату – умер заведующий сектором и главный редактор журнала Эдуард Израилевич Колчинский. Но его личность столь масштабна, что пытаться описать ее в короткой заметке бессмысленно, лучше сошлюсь на написанный нами некролог (Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 127–137).

Я упомянул в этой короткой статье далеко не всех, с кем я имел счастье работать, и совсем обошел вниманием пришедших в институт в 2010-х годах. Надеюсь, о них скажут другие...

2005 год

КЕССЕНИХ
Александр
Владимирович

Я появился в Институте не сразу. Сначала, в 1993 г., меня пригласил Дмитрий Александрович Баюк, сын моего старого друга и однокурсника Александра Михайловича Баюка, выступить с воспоминанием в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (ВИЕТ). Тогда я узнал, что есть ИИЕТ и есть ВИЕТ. А через 5 лет после этого ко мне обратился Юрий Владимирович Гапонов и предложил прокомментировать содержание намеченной к публикации в ВИЕТ поэмы Герцена Копылова «Евгений Стромынкин». Меня эта работа страшно увлекла. Как говорится, она вернула меня во времена молодости. Я вспомнил массу реалий, я проверял многие вещи у своих сокурсников, у старших коллег, например, у Леонида Вадимовича Лев-

шина, который тогда ведал Музеем истории физического факультета и владел этим материалом. Ну, смотрел и справочную литературу и, конечно, пользовался своими воспоминаниями, проверяя их изредка.

И вот, после этого кто-то мне посоветовал: «Ты вообще мог бы прийти сюда работать». Поскольку, сами понимаете, времена были трудные, и я тогда где-то подрабатывал на полставки по трудовому договору, надо было обратиться в Институт и предложить свое сотрудничество. И вот Вячеслав Дмитриевич Письменный, член-корреспондент Академии наук, мой старый друг по физфаку, по комсомольской работе; под его началом я и на Целину ездил, при нем я выступал и как комсомольский деятель, и как автор опер на физфаке, и вот, он звонил Владимиру Михайловичу Орлу и предлагал взять меня на работу. Владимир Михайлович меня очень любезно принял, и я, с его подачи, был представлен двум лицам в Институте. Это, во-первых, Ариель Моисеевич Цукерман, а во-вторых, Владимир Павлович Визгин. При разговоре с Визгиным присутствовал также и Григорий Моисеевич Идлис. И вот, значит, мне был оказан самый теплый прием, и взаимный интерес появился. Не прошло буквально и двух месяцев, как меня, тоже по договору, зачислили. И с тех пор, как только возможность какая-то была, меня оформляли на полгода, иногда чуть больше удавалось, иногда приходилось пропускать по несколько месяцев, но я продолжал, конечно, сотрудничать.

Главное, что меня как-то очень быстро вывели на определенную тематику, которая мне оказалась очень созвучной. Это меня тоже, конечно, поразило, потому что я всю жизнь занимался магнитным резонансом, его приложением к химической физике и физической химии. И как-то подсудно у меня всегда был интерес. Я занимался публицистикой немножко и литературной деятельностью, популярные статьи писал. И особенно большим моим коньком было исследование чужих диссертаций, то есть я только официальным оппонентом или автором отзыва головной организации был примерно в 50 случаях и по физике, и по химии. Благодаря этой деятельности я имел довольно хорошее понятие о периферийных наших научных учреждениях, куда я часто ездил оппонировать. А особенно в Казани, потому что я там защищал и кандидатскую, и докторскую диссертации. Потому, что в Московском университете мои, так сказать, шансы были очень невысоки, так как в свое время я был соучастником известного скандала 4-й комсомольской конференции 1953 г., и даже более сильные в научном отношении участники этого скандала переживали в МГУ очень тяжелые, так сказать, коллизии, было сопротивление. Кроме того, у меня есть предыстория. Я родился сам в Томске, у меня отец там работал и до, и после войны...

Короче, очень быстро меня вовлекли в конкретную работу. Первая работа, которую мне поручил Владимир Павлович Визгин, было изучение деятельности Александра Александровича Арманда на посту заведующего Научно-исследовательской секцией технической пропаганды (НИС ТП), ну, фактически зам. по научной части министра тяжелой промышленности, тогда – Григория Константиновича Орджоникидзе. И тут мне повезло, что сын Александра Александровича – мой сокурсник, Неон Александрович Арманд. Я получил доступ к семейным архивам. Мне было очень интересно работать, фактически я смог сделать всю эту работу на

основании материалов, которые доступны в библиотеках. Это были сборники, разные справочники, статьи самого Александра Александровича Арманда, сборники трудов и журнал Всесоюзного теплотехнического института (ВТИ), в котором он работал до того, как его выдвинули, и в который он вернулся после того, как его после смерти Орджоникидзе отстранили за то, что он, Арманд, «Бухаринский выкормыш», как впоследствии говорили. Бухарин его непосредственно выдвигал, лоббировал его выдвижение в Наркомат. Ну, короче, удалось написать достаточно интересную статью, и она была опубликована в ВИЕТ. А вторую статью, сначала доклад, а потом статью, мне помогли сделать все сотрудники сектора, и я был встречен очень хорошо. В данном случае эту идею мне подала Елена Иосифовна Погребысская. Вторую статью я написал про Якова Григорьевича Дорфмана, его участие в работах по магнитному резонансу и магнетохимии. Очень мало была разработана эта тема, и мне удалось, тоже на основании в основном библиотечного материала, большую статью о Дорфмане написать, о его работах в этой области. Там некоторые вещи удалось раскопать малоизвестные. В частности, я использовал беседы с бывшей сотрудницей Дорфмана О.А. Лепендиной.

Ну, «Стромынкин» с моими комментариями был опубликован уже в 1998 году. Это была первая публикация. А дальше, как говорится, пошло – поехало: участие в сборнике по истории атомного проекта, там меня поддержали мои коллеги по физфаку Гапонов и Светлана Константиновна Ковалева. Мы опубликовали статью о 4-й комсомольской студенческой конференции «Выступление на физфаке – как социальное эхо атомного проекта». И это действительно так. Как Владимир Павлович метко сформулировал эту ситуацию, ядерный щит позволил уже непосредственно осенью 1953 года с помощью стандартных комсомольских методов нанести определенный удар по прогнившей в определенном месте в определенном смысле системе на физическом факультете. И тогда же, по подсказке того же Гапонова, мне удалось сотрудничать с очень серьезным человеком, Евгением Александровичем Романовским, бывшим Ученым секретарем Института ядерной физики при МГУ. Я как раз работал в основном по материалам в библиотеке, а он мне подкидывал некоторые свои старые материалы. Мы опубликовали статью «Начальный этап подготовки физиков-ядерщиков в Московском государственном университете», дальше была работа над сборниками «Научное сообщество физиков СССР. 1950-е – 1960-е годы». Тут все наши, как говорится, наработки, весь опыт и моей работы, и работы моих коллег, моих сокурсников в основном, моих коллег по магнитному резонансу. Он нашел свое применение, и связи мои тут заиграли так, что мне удалось привлечь к участию в этом сборнике очень многих авторов. То есть в данном случае я выступал как инициатор публикаций при постановке работ уже другими исследователями. Таким образом, я как-то сам не заметил, как стал активным участником работ в Секторе истории физики и механики. Именно на основании завершения первого этапа этой деятельности Алексей Владимирович Постников принял решение зачислить меня в штат ИИЕТ в 2005 г. Там были еще и другие работы инициативные, которые были связаны с историей магнитного резонанса, с историей, так скажем, личного поэтического творчества физиков-поэтов и так далее.

Я бы хотел, чтобы не остался забытым вклад в мою судьбу Ариэля Моисеевича Цукермана. Он мне сразу сказал, что нужно писать воспоминания, поскольку это была моя конкретная специальность, о ядерном магнитном резонансе в Советском Союзе для химических исследований. Как я это формулирую – аналитическое применение ядерного магнитного резонанса (как у нас в СССР покоряли ЯМР). И я в общем, этим постоянно занимался. И он меня поддерживал очень сильно, пока был жив и пока имел очень серьезную позицию в Московском обществе им. Д.И. Менделеева. Например, он мне трижды организовывал командировку в Казань по этому направлению. Кончилось все это тем, что я написал большую статью. Она вышла сначала в виде препринта в сборниках Российской ассоциации спектроскопистов ЯМР в Казани, а потом вышла в последнем выпуске исследований по истории физики и механики. Можно сказать, тут совпали пожелания Ариэля Моисеевича и мои, потому что в то время праздновали 100-летие теоремы Лармора о движении электрических зарядов, магнитных диполей в магнитном поле и в 1995 г. праздновали 50-летие открытия ядерного магнитного резонанса. В 1996 г. можно было бы написать статью в международную энциклопедию ЯМР, которую тогда выпускали. Такое предложение было мне сделано, но я оказался не готов. И вот, я, так сказать, искупал это с помощью коллег по инициативе, в частности, Ариэля Моисеевича, и сам после 7–8-летней работы я это преодолел, этот долг выполнил и, в общем, надеюсь, что нам удастся опубликовать это и в других изданиях, в расширенном варианте. Были собраны также воспоминания очень многих коллег. Я брал интервью у тех участников, которые ставили аналитический ЯМР, развивали аналитическое применение ЯМР в Советском Союзе. Частично это нашло отражение и в наших сборниках годовых конференций, и в «Исследованиях по истории физики и механики».

Я много раз менял институты: я работал в Московском университете на физическом факультете, в Институте органической химии Академии наук, работал, стажировался и делал кандидатскую диссертацию в Физическом институте Академии наук; когда я стал кандидатом наук, некоторое время работал в Физико-химическом институте имени Карпова; потом поработал очень длительное время, 22 года, в отраслевом Институте химических реактивов и особо чистых химических веществ. Так что у меня был достаточно богатый опыт, видел я всякие институты, всякие отношения между людьми, многих корифеев видел рядом. Но могу отметить, что колоссальное впечатление на меня произвела в Институте истории естествознания и техники уникальность нашего персонального состава. Я просто даже не могу себе представить такого в каком-нибудь другом институте. У других все можно разложить по полочкам: вот физики по образованию, вот – химики. Физики – это значит МГУ, МФТИ, МИФИ. Там, допустим, химики – это Менделеевка, химфак, МХТИ. Ну, есть еще некоторые, так сказать, классы: теоретики, экспериментаторы... У нас такого невозможно сделать, то есть каждый человек настолько уникален..! Знаете, было очень трудно попасть в этот Институт, было трудно с зачислением в штат, то меня брали, то не брали, то продляли договор, то не продляли. Но когда я однажды прослушал докторскую диссертацию Владимира Семеновича Кирсанова, то решил, что буду держаться за этот Институт все-

ми зубами, потому что просто если такие люди есть, то обязательно хочется быть среди них, работать вместе с ними, соответствовать. Это один из светлых образов.

У меня очень теплые впечатления от всех сотрудников нашего сектора, и, конечно, я имею контакт и с другими сотрудниками Института. Ну, вот скажем, с Василием Петровичем Борисовым. Он меня поддержал в выступлении на научной конференции по истории приборостроения ядерного магнитного резонанса. Я поддерживаю отношения со своими томскими земляками. Однажды они мне прислали на отзыв интересную работу о биологе, знаменитом сибирском ботанике Порфирии Никитиче Крылове, который основал ботанический сад в Томске и очень широко исследовал флору Сибири. И мне навстречу очень любезно, очень охотно пошел Эдурд Николаевич Мирзоян. Он помог мне написать отзыв об этой работе. Я, конечно, много читал о П.Н. Крылове, но, не будучи специалистом, без помощи Э.Н. Мирзояна не смог бы написать такой отзыв. Этот отзыв помог автору получить одобрение не только на Ученом совете, но и в ВАКе, несмотря на то, что одна из оппонентов «взбрыкнула» и дала ему отрицательную рецензию.

Недавно я имел случай сделать небольшую совместную работу с А.М. Смолеговским: мы писали отзыв на ежегодники Черноголовского научного центра. Очень мне помогла в написании работы о Владимире Федоровиче Быстрове Наталья Ивановна Быстрова. Ну и вообще, такие случаи, когда люди помогали и поддерживали, здесь это – норма. Здесь – маленький сплоченный коллектив. Хотелось бы еще поработать, но, как говорится, «мы предполагаем, а Бог располагает». Ну и Бог или там руководство Академии наук, я уж не знаю, на кого надо кивать...

Каждый человек должен искать свое. И для меня, если бы еще здоровье было, мне кажется, что я где-то на старости лет обнаружил, что я был рожден для этой профессии, потому что я люблю фактографию. Я люблю и архивы, у меня просто нет здоровья сейчас лазить так капитально по архивам. Но я, например, с большим удовольствием выбрал и изучил те архивные документы, большинство из которых теперь опубликовано. Очень интересные материалы по атомному проекту я публиковал в ВИЕТе под названием «МГУ для ПГУ». Евгений Александрович Романовский в свое время говорил, что вот нет этих документов, поэтому неизвестно, как же создавалось Отделение строения вещества при физфаке МГУ. Документа, в котором прямо сказано, что в МГУ при физическом факультете открывается Отделение строения вещества – не найдено. Есть документы о том, что существует два-НИФИ, где готовят специалистов для Первого главного управления, для Атомного проекта. Причем, это совершенно независимая от МГУ организация. Вот в МГУ ректор Несмеянов отвечает за то-то и то-то, а в два-НИФИ директор Скобельцын отвечает за то-то, то-то и то-то. Это, конечно, потрясающе интересно – живой документ, когда знаешь его подоплеку... А когда не совсем понятно, что за этим кроется, начинаешь копать, разыскивать свидетелей. Вот это сопоставление документов со свидетельством и плюс то, что я вообще люблю schreiben, schrieb, geschrieben и имею некоторый навык в этом отношении, и успел с помощью своих коллег приспособиться к работе на компьютере, это, собственно говоря, был мой козырь. Когда я сюда пришел, – то, что я

владел компьютером, тут же применил к делу. В ИИЕТ мне помогли освоить компьютер окончательно К.А. Томилин, Н.В. Вдовиченко и, конечно, С.И. Рындин. Теперь уже у нас окончательно нет ни лаборантов, ни машинисток. Когда-то у нас была очень симпатичная женщина – Екатерина Николаева, она помогала очень много. Вот Ковнер, наш старейший сотрудник, он не владел совершенно компьютером и даже машинкой. Он все статьи давал на бумажке рукописно, и она его статьи печатала. А теперь, по-видимому, люди, которые не владеют компьютером, уже вообще не смогут, наверное, работать, потому что им просто никто не поможет.

Публикуется по: «Я пришел в ИИЕТ...»: Вспоминают ветераны. М., 2008. С. 164–170.

2005 год

КОЗМИНСКАЯ
Ольга Аркадьевна

Я пришла в ИИЕТ РАН 21.03.2005 г. В то время Институт находился по адресу: Старопанский переулок, д. 1/5. В начале рабочего дня меня представили Директору Института А.В. Постникову. Когда я шла по коридору в его кабинет, то обратила внимание на большое количество книг, которые находились в старинных шкафах до потолка вдоль всего коридора. Это были научные труды ученых ИИЕТ РАН и ученых других Институты. В первый рабочий день я познакомилась с отделом историографии и источниковедения истории науки и техники. У заведующего отделом С.С. Илизарова был день рождения. Мне очень понравилось слушать дискуссии ученых об их исследованиях. Молодые ученые отдела пришли с гитарой и в тот вечер были песни под гитару. Было

много поздравлений от коллег С.С. Илизарову. Я оказалась совершенно в новой атмосфере. В атмосфере интереса ко всему.

С самого начала я увидела, что в Институте кипит научная жизнь. Проводились собрания секторов. Повсюду: в кабинетах и даже в коридорах ученые обсуждали свои темы, идеи. Проработав в Институте недолгое время, ко мне пришло осознание, как важна история в жизни человека. Без знания истории человечество становится ограниченным.

Сейчас со дня моего прихода в Институт прошло почти 17 лет. Много всего произошло в жизни Института за этот период. Приходилось работать в разных условиях. Институт два раза переезжал. Перед первым переездом на Старопанском пер., 1/5 перерезали трубы и осень – весну 2006 года мы работали в холодном помещении без отопления. Обогревали коридоры пушками, а кабинеты обогревателями. Но это не помогало. Было очень холодно. На работу ходили каждый день, так как в то время у организаций не было электронного документооборота и цифровых подписей. Удаленной работы не могло быть. После переезда Института на ул. Обручева через некоторое время возникли проблемы с электричеством. Так как здание на ул. Обручева не было принято городом и в связи с этим невозможно было заключить договор на обслуживание здания с МОСЭНЕРГО. После долгой переписки с организациями в здании отключили электроэнергию. На время урегулирования вопроса со зданием бухгалтерия Института переехала работать на ул. Маросейка, д. 13, стр. 3. В 2016 г. Институт переехал на ул. Балтийская, д. 14. Здание нуждалось в капитальном ремонте. Многим сотрудникам приходилось работать во время ремонта.

Очень интересный период в Институте был в бытность директором чл.-корр. РАН Ю.М. Батурина с 2010–2015 гг. Появилось много новых тем и направлений. Началась серьезная популяризация научной жизни Института.

Но после окончания срока его трудового договора и принятия приказа о возрасте руководителей научных организаций Ю.М. Батурина стало невозможно избираться на следующий срок. В 2016 г. директором был избран к.т.н. Д.Ю. Щербинин. За время моей работы в Институте (с 2005 г.) это был самый наисложнейший отрезок в жизни Института. Коллектив Института вскоре понял, что личные качества Д.Ю. Щербинина не соответствуют занимаемой им должности директора научной организации. Д.Ю. Щербинин преследовал исключительно свои личные интересы. Научная и финансово-хозяйственная деятельность поддерживалась небезразличными работниками. Институт выжил благодаря трудовому коллективу, который ответственно относится к своей работе и понимает ценность организации.

Сейчас в 2022 г. директор ИИЕТ РАН – Р.А. Фандо. Прошел всего год после его избрания, но уже видно, что Институт вернулся в свой рабочий режим. За это время много сделано в научной и финансово-хозяйственной деятельности Института. Сейчас можно с уверенностью сказать, что под руководством Р.А. Фандо Институт пройдет достойный путь для научной организации.

2008 год

САМАРИН
Александр Юрьевич

Впервые я попал в здание в Старопанском переулке, в котором располагался академический Институт истории естествознания и техники, в весьма юном возрасте – мне было, наверное, лет пять. Следовательно, год был 1978. Дело в том, что в том же доме на другом этаже располагался Всесоюзный институт полиграфического машиностроения (ВНИИполиграфмаш), в котором работал мой отец Юрий Николаевич Самарин. В тот момент еще молодой научный сотрудник, а позднее доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации полиграфического производства Московского государственного университета печати. Причина моего визита на работу отца была весьма банальна – для детей сотрудников проводилась новогодняя елка. От того новогоднего

представления в памяти осталось лишь воспоминание о первом разочаровании в важнейшем для любого ребенка персонаже – Деде Морозе. Дело в том, что, проходя с папой по коридору, я увидел в приоткрытой двери одного из кабинетов невероятную картину. Дед Мороз в красной шубе и шапке, сдвинув седую бороду на подбородок, пил чай из большой кружки. Как я теперь понимаю, сотрудник, игравший роль хозяина зимнего леса, готовился к выходу на сцену. Но тогда это был шок и масса недоумений: Почему сдвинута борода? А может ли Дед Мороз пить горячий чай?... Конечно, вопросы достойные для юного историка науки. Но продолжение знакомства с ИИЕТ, пусть и опосредованного, тогда не состоялось.

И прошло около четверти века, прежде чем судьба вновь стала подводить меня к контактам с ИИЕТ. За это время я успел закончить с отличием исторический факультет Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина, переквалифицироваться в историка книги, защитить кандидатскую диссертацию, а после нее с четырехлетним перерывом и докторскую. Так я оказался в 29 лет с дипломом доктора исторических наук и проблемой трудоустройства. И тут я получил неожиданное и заманчивое предложение. Генеральный директор Академиздатцентра «Наука» РАН Владимир Иванович Васильев (1937–2021), который был председателем диссертационного совета, где проходила моя докторская защита, позвал меня организовывать Научный центр при старейшем академическом издательстве России. Он получил название Научный центр изучения истории книжной культуры. И сегодня, спустя почти два десятилетия, он продолжает свое существование в статусе самостоятельной научной структуры. А тогда, в конце 2002 г., все надо было начинать с нуля, набрать сотрудников, найти поле для научных разработок, наладить выпуск изданий, завоевать авторитет, наконец. Одним из направлений работы стало проведение научных конференций. Они проходили два–три раза в год и имели значительные масштабы (до 400 докладчиков).

Именно на этих конференциях я, выступавший как координатор их проведения, и познакомился с некоторыми сотрудниками ИИЕТ РАН. Особенно важным было знакомство с замечательным и очень общительным человеком, органично совмещавшим в своей работе историко-научную и книговедческую тематику – доктором исторических наук Зинаидой Кузьминичной Соколовской (1927–2014). Сейчас я уже точно не припомню, но думаю, что вряд ли ошибусь, что именно она привлекла к большой Международной конференции по проблемам книговедения, проходившей в апреле 2004 г., своих коллег по институту – Симона Семеновича Илизарова и Игоря Николаевича Юркина. Так началось мое общение с этими в высшей степени профессиональными историками науки, великолепными собеседниками, яркими и интересными в своих проявлениях людьми.

В конце того же, 2004 года С.С. Илизаров защищал в РГГУ свою докторскую диссертацию «Москва в науке и культуре России XVIII века». Об этом он сообщил мне в одном из наших разговоров, и я вызвался написать отзыв на автореферат. Времени до защиты оставалось мало, но я выполнил свое намерение и завез подготовленный и заверенный отзыв на Старопанский переулок, в ИИЕТ. Это было, наверное, первое после детства посещение этого здания. А еще через год с небольшим, в 2006 г. Симон Семенович пригласил меня стать членом докторского диссертацион-

ного совета Д 002.051.03 (по историческим наукам) при Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Я принял это предложение и стал бывать в Институте, когда проходили заседания диссертационного совета. Время это было для института не самым лучшим. Помню одну из первых защит, на которой я присутствовал. Она проходила при свечах и фонариках, участники заседания сидели в пальто.

В начале 2008 года моя жизнь сделала очередной крутой поворот. Я ушел из фактически созданного моими трудами Научного центра исследований истории книжной культуры при Академиздатцентре «Наука» РАН. Шаг этот был не совсем добровольным, меня к нему вынудили. На улице я не остался, а возглавил научно-исследовательский отдел редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки. В новой работе было, пожалуй, всего два минуса: перегрузка административными делами и невероятно маленькая (на тот момент) зарплата. И здесь вновь в моей жизни появился Симон Семенович Илизаров. Он предложил мне стать по совместительству ведущим научным сотрудником в возглавляемом им отделе источниковедения и историографии истории науки и техники. Я немало колебался. Конечно, в моем арсенале уже были исследования, которые можно отнести к сфере истории науки. Среди них находка неизвестного текста (ранней печатной версии первых трех листов «Древней российской истории») самого М.В. Ломоносова. Но глубоко войти в проблематику истории науки еще предстояло. В итоге, с середины 2008 г. – я сотрудник ИИЕТ РАН.

Таким образом, уже полтора десятилетия я связан с ИИЕТ и очень рад этому обстоятельству. Институт давал и продолжает давать мне очень ценное для любого ученого – атмосферу академического, научно-общения, ощущение погружения в научный творческий процесс. Благодаря работе в Институте продолжились мои работы, связанные с наследием М.В. Ломоносова, интереснейшей, но малоизученной фигурой его современника, академического переводчика Сергея Саввича Волчкова. В последние годы я с большим интересом пишу об академике, президенте АН СССР С.И. Вавилове. Надеюсь, что мне удалось раскрыть его черты как выдающегося читателя и библиофила, а также ученого-гуманитария, оставившего, в частности, любопытные следы в пушкинистике. Среди работ, выполненных в ИИЕТ – две книги в библиографической серии «Российские историки науки и техники». Первая из них посвящена моему научному руководителю, выдающемуся историку древнерусской математики Рэму Александровичу Симонову, а вторая – С.С. Илизарову. Одна из последних значимых работ – редакторская подготовка (совместно с С.С. Илизаровым) книги «О женщинах в науке и не только...» (М., 2021).

2008 год

СОБОЛЕВ
Владимир Семенович

Мои творческие взаимоотношения с СПб филиалом ИИЕТ начались еще в начале 1990-х гг., в те годы я работал в СПб филиале Архива РАН. Нами были подготовлены и вышли в свет несколько научных изданий. Тогда же был начат обширный проект совместно с немецкими коллегами: «Источники по истории Сибири и Аляски» в архивах России. Проект этот с успехом продолжается до настоящего времени.

На одном из поворотов своей биографии, в декабре 2008 г. я пришел на настоящую работу в сектор «Истории Академии наук», прошел конкурс на замещение должности ведущего научного сотрудника. Сектор возглавлялся известным историком науки Г.И. Смагиной. Сотрудники сектора основное внимание уделяли тогда выполнению плановых тем

по изучению истории Академии наук. Основные результаты этой работы публиковались в достаточно основательных секторальных сборниках статей. Одним из значительных в те годы секторальных проектов была подготовка сборника статей о жизни и деятельности президентов Академии наук, сотрудниками сектора были написаны статьи о всех президентах за дореволюционный период истории.

Активное участие сотрудники сектора приняли в подготовке 10-томного издания собрания сочинений М.В. Ломоносова, к 300-летию юбилею великого ученого. В частности, были выполнены работы по 9-му и 10-му томам собрания сочинений.

В 2015–2019 гг. ответственные и непростые обязанности заведующего сектором выполнял я. В эти годы в значительной степени ухудшилось финансовое положение нашего филиала. В связи с этим, основное внимание сотрудники сектора уделяли решению проблемы получения грантов.

С начала 2020 г. и до настоящего времени сектор возглавляет А.Ю. Скрыдлов. Сегодня главное внимание нами уделяется подготовке к празднованию 300-летия РАН.

Считаю возможным изложить одно свое соображение об истории науки, на мой взгляд, оно касается достаточно значимого вопроса. Думаю, что исследование многих аспектов нашей научной дисциплины следует проводить на четко очерченном фоне исторического развития, на основе знания основных характерных параметров и особенностей изучаемого периода истории.

Эта необходимость обусловлена тем, что практически вся деятельность в научной сфере, основные ее результаты напрямую зависят от экономических, политических, идеологических и ряда других факторов, которые преобладают (доминируют) именно на данном отрезке истории общества. Мне кажется, что при этом условии полученные и представленные результаты исследований в области истории науки приобретают большие ценность, объективность и актуальность. Таким образом, мы должны их оценивать, комментировать с учетом конкретного, упомянутого выше исторического материала. Результаты исследований в этом случае становятся более социальными и более весомыми. Данное обстоятельство является одной из основных причин возрастающего интереса научного сообщества к социальной истории науки.

Очевидно, что сегодня, в обстановке информационного взрыва, результаты нашей научной работы (т.е. статьи, книги и др.) должны быть интересны нашей аудитории, нашим читателям, должны иметь большую общественную значимость. В этой связи так же представляется важным наше умение показать связь (соотношение) нашего историко-научного материала с интересными сведениями, которые бы характеризовали, отражали главные признаки, черты конкретного исторического периода и убедительно свидетельствовали бы о том, что наука является неотъемлемой составляющей сложного и противоречивого исторического процесса и частью бытия и сознания человека.

2009 год

КУЗЬМИН
Юрий Викторович

Я родился в гарнизоне, в семье военного летчика. Одно из самых первых ярких воспоминаний – ночные полёты, их я увидел года в полтора. Поэтому интерес к авиации и её истории возник сам по себе. Первой книгой, которую я прочитал в четыре года, стал толстенный том «Вооружённые силы империалистических государств». Я и сейчас помню оттуда большие куски наизусть.

В 1976 году мой отец, Виктор Фёдорович Кузьмин, к тому времени работавший в Главном штабе ВВС, принёс посмотреть чудесную книжку: ежегодник Jane's all the world's aircraft. Через три дня он её унёс, потому что я, попросив у мамы-библиотекаря каталожные карточки, сразу начал делать каталог советских боевых самолётов. Ещё бы, такие названия (МиГ-23, Су-15, Ту-22М) я в сле-

дующий раз услышал только в 1980-х, на военной кафедре, где нам их диктовали для записи в секретную тетрадь. Так оборвалась моя первая работа по истории авиации.

Но при выборе профессии победила склонность к математике и физике. В 1979 г. я получил первый диплом на Всесоюзной олимпиаде школьников по математике в Тбилиси, в 1980 г. – второй диплом в Саратове. Поступил на физический факультет МГУ, затем защитил диссертацию в Институте ядерных исследований АН ещё СССР, и пошёл работать в ИПМ им. Келдыша.

Вскоре появился интернет. В конце 1990-х, во время паузы на работе, я за десять минут обнаружил в сети больше информации по очень симпатичному мне самолёту Grumman F-14 Tomcat, чем раньше видел за всю жизнь. Посчитав, что то, что появилось, может так же внезапно и исчезнуть (будущее показало: так оно во многом и есть), я решил перекачать всё интересное к себе. Вскоре стало ясно, что это надо как-то упорядочивать.

Так и началась моя работа над базой летательных аппаратов, которой я и занимаюсь уже больше 20-ти лет.

Следующий поворот случился в одну из суббот 2003 г. Я решил зайти в Центральный дом авиации и космонавтики. Побродил по давно знакомой экспозиции, и, уже уходя, заметил, что в актовом зале сидят несколько мужчин и разговаривают о чём-то интересном. Я спросил, можно ли мне послушать, и в результате оказался на заседании группы истории авиации, где познакомился с замечательными людьми, известными авторами: Арсеньевым, Артемьевым, Бакурским, Берне, Засыпкиным, Косминковым, Масловым, Прокловым, Серовым, Фирсовым, Юргенсоном и многими другими. Вскоре и сам сделал свой первый доклад.

Одним из самых заметных членов группы был сотрудник ИИЕТ РАН Анатолий Анатольевич Дёмин. Он и предложил мне прийти на работу в институт. Вскоре я познакомился и с Дмитрием Алексеевичем Соболевым, руководителем группы истории авиации. С его подачи 1 декабря 2004 г. я сделал в отделе истории техники доклад «Компьютерная база данных летательных аппаратов», ещё на Старопанском переулке. Помещение меня очень впечатлило, особенно старинные шкафы, заставленные книгами и папками... к сожалению, при переезде всё поменялось.

Доклад хорошо приняли, Д.А. Соболев дал мне ряд ценных советов, и я понял, что хочу работать в ИИЕТ. Но скоро сказка сказывается. Прошло ровно пять лет, заполненных разными событиями, и сотрудником ИИЕТ я стал только в декабре 2009 г. За эти пять лет направление моих работ окончательно сменилось от «перетащить к себе всё интересное, что найду про самолёты, и как-то это упорядочить» на «создать полную картину мирового самолётостроения: тип за типом, модель за моделью».

По приходе в ИИЕТ мне очень помогла Оксана Даниловна Симоненко. Образование у меня было хорошим (физфак МГУ, аспирантура ИЯИ АН СССР, Институт высших управленческих кадров Академии народного хозяйства, стажировка в Берлинской торгово-промышленной палате, факультет коммерческого права Московской академии предпринимательства, языковые курсы ЮНЕСКО и т.д.), но совсем не историческим. Она мне сразу без церемоний вручила свою книгу «История техники и технических наук. Философско-методологический анализ истории дисципли-

ны» и заявила: «Прочитаешь – поговорим». Прочитал. Сейчас книжка зачитана так, что развалилась – надо бы отнести в реставрацию. И чтение, и разговоры с Оксаной Даниловной были очень полезны для становления меня как историка. Я считаю большой потерей для института её увольнение: методологи истории встречаются куда реже, чем собственно историки, и их ценность должна определяться не только собственно их публикациями, но и воспитательным (да, взрослых людей тоже можно и полезно воспитывать) влиянием на коллег.

Полезным было и общение с Борисом Николаевичем Кантемировым, который всё развитие техники рассматривал как развитие систем с последовательным увеличением их размера и сложности. Не могу сказать, что полностью согласен с его подходом, но идеи Бориса Николаевича очень интересны и стимулируют собственные раздумья.

В отделе истории техники меня обрадовало, что люди действительно любят то, чем занимаются. Историю энергетики – руководитель отдела Владимир Леонидович Гвоздецкий, историю космонавтики – Валентина Леонидовна Пономарёва, в своё время дублёр Терешковой, можно перечислять всех сотрудников. Общение с такими людьми просто окрыляет.

Много ценных советов дал мне А.А. Дёмин. Главный из них: «Надо смотреть на самолёты». В этой коротенькой фразе смысла не меньше, чем в буддийской максиме или библейской притче. К сожалению, многие историки авиации на самолёты не смотрят. Я стараюсь смотреть.

В августе 2012 г. Анатолий Анатольевич умер. Через месяц после этого из печати вышла его книга «Эмблемы и знаки ВВС России» и четвёртый выпуск ежегодника «Легенды и мифы отечественной авиации» под его редакцией. Ежегодник «по наследству» достался мне, он выходит и до сих пор.

Вскоре сменилось руководство института, и новый директор, Юрий Михайлович Батулин, создал группу междисциплинарных исследований. Некоторое время я ей руководил, в 2016 г. мы провели очень интересную конференцию, но в 2017 г. со сменой директора всё закончилось.

Но ещё раньше, в 2014 г., благодаря Юрию Михайловичу мне удалось доложить свои результаты на самом престижном авиационно-научном форуме мира – конгрессе ICAS. Там я встретил людей, чьими книгами зачитывался много лет. И понял, что таких данных как у меня больше нет ни у кого в мире. Поездка на конгресс ICAS в 2018 г. это подтвердила.

Продолжал бы я свою работу, если бы в моей жизни не было ИИЕТ РАН? Несомненно, продолжал бы. Получил бы такие же или хотя бы сравнимые результаты? Несомненно, нет. Систематическая историческая подготовка, общение с энтузиастами (и при этом – потрясающе грамотными специалистами) истории науки и техники, возможность обсудить свои результаты с исследователями всего мира – это дал мне ИИЕТ. За что ему большое спасибо.

2009 год

САВЕНКОВА
Вера Михайловна

Впервые я оказалась в ИИЕТ РАН на Новогодней елке в 4-летнем возрасте. В зале стояла украшенная елка под потолок, было много народу, дети водили хорювод, было очень весело. Я, в то время маленькая, худенькая девочка в беленьком платьице, расшитом мишурой и снежинками, очень стеснялась читать стихотворение Деду Морозу. Очень жаль, что эта замечательная традиция проведения новогодних елок для детей и внуков сотрудников не сохранилась. До сих пор вспоминаю зал заседаний на Старопанском с откидными креслами, трибуной и высокими под самый потолок шкафами, наполненными книгами. Чуть позже я частенько проводила время в институтской библиотеке за просмотром книг «Жизнь животных» Брема и бегала по длинным коридорам через

зал заседаний, дожидаясь окончания маминого рабочего дня. Однажды мне даже удалось провести целый день в издательстве «Наука». Сначала я тихо сидела и рисовала, через несколько часов «напряженной работы» я вышла в длинный коридор с множеством дверей по периметру всего большого здания, где стояла полная тишина. Я осторожно, на цыпочках прогуливалась туда и обратно, чтобы ни в коем случае никому не помешать. Таким образом, можно сказать, я поучаствовала в издании одного из институтских сборников.

Когда я уже училась в школе на Арбате, то по вторникам и четвергам часто бывала у мамы на работе после окончания занятий. Проблемная группа по изучению памятников науки и техники, в которой она тогда работала, находилась на Маросейке в полуподвальном помещении с низкими окнами, возглавлял группу Николай Константинович Гаврюшин, добродушный, бородатый человек в очках. 20 лет спустя, будучи уже сотрудницей Института, я встретила его в коридоре – он совсем не изменился. В одной из комнат в шкафах на верхних полках стояла химическая лабораторная посуда и вычислительные приборы, которыми мне нравилось любоваться, особенно во время выполнения домашних заданий. В соседней комнате работала Валентина Петровна Нестоянова, что-то очень притягивающее было в ее голосе и манере разговора, ее можно было слушать бесконечно. Одно время она помогала мне с изучением английского языка. Еще в одной комнате находилась иконотека Института, там стояли шкафы с маленькими выдвижными ящичками, как в Ленинской библиотеке. Работала там Ольга Валентиновна Севастьянова. В детстве мне очень нравилось представлять себя библиотекарем или архивистом, поэтому ее работа казалась мне самой нужной и интересной. Через лестничную площадку находилась еще одна квартира, принадлежащая Институту, в которой стоял ксерокс, для меня в то время диковинный аппарат. Там работала Галина Ивановна Мальшева, которая поила меня чаем и разрешала иногда пользоваться ксероксом. Лет 10 назад, разбирая дома бумаги, я нашла изображения своей детской ручки, сделанные на этом ксероксе. Еще одно детское воспоминание связано с Владимиром Семеновичем Кирсановым... В школе мне очень тяжело давалась физика, и вот Владимир Семенович взялся мне помочь. Он был очень строгим учителем, я его чуть-чуть побаивалась. Мы занимались у него дома на кухне. Он, используя подручные средства, пытался мне что-то наглядно показать, и когда я не понимала, очень расстраивался: «все же предельно просто». Но, к сожалению, мои отношения с физикой так и не наладились.

Спустя много лет, в конце 2009 г. уже в сознательном возрасте я вернулась в ИИЕТ, чтобы поступить в аспирантуру. Теперь Институт находился совершенно в другом месте на ул. Обручева в довольно уютном здании, не приспособленном и не располагающем к научной работе. Это первое впечатление было сполна компенсировано радушно встретившими меня будущими коллегами из Отдела истории наук о Земле, а также заведующей аспирантурой Института – Ириной Васильевной Лапиной, которая, к слову, помнила меня еще маленькой. Про свое поступление помню только, что очень волновалась и забыла все, что знала. На помощь пришла Вера Александровна Широкова, которая стала моим руководителем, наставником, а впоследствии начальником, идейным вдохновителем и хо-

рошей подругой. К ней всегда можно обратиться по любому вопросу, и не только научному. Тема моей кандидатской диссертации «История изучения ледовых явлений на реках Европейской части России» была отчасти связана с темой дипломной работы. Приложением к диссертации послужило большое количество собранного иллюстративного материала, включая карты, схемы, графики, фотографии и особенно старые открытки конца XIX – начала XX веков. Кроме Веры Александровны Широковой, при работе над диссертацией и написанием моих первых статей мне очень помогала Ольга Андреевна Александровская, очень знающий, строгий, но в то же время отзывчивый, душевный и энергичный человек. Много времени я провела в ее огромной квартире на Арбате, приходя рано утром и уходя поздно вечером. Мы редактировали, а иногда полностью перерабатывали мои первые статьи и главы диссертации. Под чутким руководством В.А. Широковой и О.А. Александровской в 2014 г. я защитила кандидатскую диссертацию и осталась в Отделе истории наук о Земле – в дружном, неутомимом, энергичном и никогда не унывающем коллективе, в котором работаю и в настоящее время в должности старшего научного сотрудника.

В силу независящих от меня причин, мне не удалось, к сожалению, побывать в традиционных Комплексных научных экспедициях по изучению исторических водных путей России, проводимых нашим Отделом. Сколько научного материала и фотографий собрано во время их проведения, а сколько увлекательных и захватывающих историй рассказывали коллеги. На основе собранного материала изданы монографии и множество статей. Надеюсь, что мне еще удастся принять участие в будущих экспедициях...

В сферу моих интересов входит: история географии, гидрологии, а в основном, история изучения опасных гидрологических явлений на реках и озерах России, сбор и изучение поморской терминологии, связанной с ледовыми явлениями и наводнениями. Эта тема приобретает особенную актуальность в последнее время в связи с ростом числа паводков и катастрофических половодий, связанных со смещением сроков наступления ледовых явлений, резкими подъемами уровней и расходом воды, разрушительными русловыми процессами. С недавних пор я начала заниматься и историей создания Центрального географического музея в Ленинграде, уникального научного и просветительского центра, созданного усилиями выдающегося географа с широким спектром интересов – Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (третий сын П.П. Семенова-Тян-Шанского). Но этот проект постигла такая же трагическая судьба, как и не состоявшийся Музей истории науки и техники при ИИнт АН СССР.

2009 год

СМИРНОВ
Валентин Георгиевич

В середине 1990-х гг. морская общественность нашей страны активно готовилась к празднованию 300-летия создания Российского флота. В связи с этим проводились различные мероприятия. В апреле 1995 г. в Центральной военно-морской библиотеке была организована презентация новых книг, посвященных истории и развитию флота. На ней присутствовал и я, 38-летний капитан 2 ранга, начальник организационно-строевого отдела Морского колледжа, живо (как говорили до революции) интересовавшийся вопросами военно-морской истории.

В числе выступавших был и научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, капитан 1 ранга запаса И.Ф. Цветков – публикатор воспоминаний последнего морского министра Российской империи адмирала И.К. Григоровича. Я к

тому времени с интересом прочитал эту книгу с его предисловием и комментариями. Поэтому после окончания мероприятия и высказал свою благодарность Игорю Федоровичу. Он тут же ткнул в меня пальцем и спросил: кто я такой, где служу, и кто по специальности? Получив ответы, в том числе, что «я – военный инженер-гидрограф», он задал следующий вопрос: «Диссертацию писать будешь?». Я дал утвердительный ответ. Тогда Игорь Федорович обозначил и примерную тему: «Совместная деятельность Академии наук и Морского министерства в исследовании Мирового океана». «Готовь план-проспект, в июне на Ученом совете СПбФ ИИЕТ утвердим тебя в качестве соискателя», – сказал мне И.Ф. Цветков.

В мае 1995 г. я поехал в отпуск – в Приозёрский военный санаторий – с чемоданом, набитым разными научными книгами. Из своего номера в течение последующих 20 дней выходил только за тем, чтобы пробежаться на зарядку, и на приемы пищи. Все остальное время я «осваивал» литературу и сочинял план-проспект.

20 июня 1995 г. я пришел на заседание Ученого совета СПбФ ИИЕТ, предварительно показав подготовленный мной план-проспект И.Ф. Цветкову. В небольшом зале сидело около 20 человек. Когда директор филиала Э.И. Колчинский предоставил слово И.Ф. Цветкову, он твердым голосом (сугубо по-военному) охарактеризовал меня как целеустремленного и перспективного исследователя, способного подготовить диссертацию по указанной выше теме. При этом Игорь Федорович продемонстрировал и план-проспект этой диссертации. После этого состоялось голосование, в результате которого я стал соискателем ученой степени кандидата исторических наук, а И.Ф. Цветков был утвержден моим научным руководителем.

Впоследствии мне, конечно, пришлось многократно бывать в СПбФ ИИЕТ, где я познакомился с замечательными учеными – Т.И. Юсуповой, Н.Г. Суховой, А.В. Кольцовым, М.Ф. Хартанович, Ю.Х. Копелевич, Д.А. Александровым и др.

Периодически я «бывал с докладами» о проделанной работе у И.Ф. Цветкова, который сидел в одной комнате вместе с двумя бухгалтерами, – за огромным письменным столом со стопками рукописей и книг. Принцип его руководства моей научной деятельностью был по-военному прост: к такому-то числу представить текст 1-й главы, тогда-то – текст 2-й главы и т.д. Конечно, в ходе исследовательской работы в архивах и библиотеках мой первоначальный план-проспект претерпел существенные изменения.

Незаметно прошли 2,5 года. Весной 1998 г. Игорь Федорович привел меня в СПб филиал Института российской истории РАН (СПбФ ИРИ РАН), в отдел новой истории России, которым руководил А.Н. Цамутали. Алексей Николаевич, чьи предки служили в русском флоте, отнесся ко мне благожелательно. Тем не менее, текст рукописи моей диссертационной работы был подвергнут внимательному прочтению В.В. Лапиным и Л.А. Булгаковой. Затем, на заседании отдела состоялось обсуждение, после которого я все лето устранил замечания.

17 ноября 1998 г. я вместе с И.Ф. Цветковым прибыл на заседание диссертационного совета в СПбФ ИРИ РАН. Моя защита была второй – после С.И. Вахмистровой, подготовившей диссертацию о подготовке офицерских кадров для Российского флота во второй половине XVIII века. Защита и Светланы, и моя прошли успешно! Поскольку Россия в

августе 1998 г. пережила дефолт, то осень была трудным периодом – особенно для организации банкета после защиты. Но мы справились и с этой задачей...

В последующие годы мне неоднократно приходилось бывать в СПбФ ИИЕТ РАН, где я иногда выступал на конференциях. А с Н.Г. Суховой даже подружился «на ниве» географии и картографии.

В середине декабря 2002 г. я, уже будучи капитаном 1 ранга, впервые побывал в ИИЕТ РАН (в Москве), где в здании в Старопанском переулке (д. 1/5) капитан 1 ранга Б.С. Фридман (мой начальник) – защищал кандидатскую диссертацию по истории морского картографического производства в России. Кроме меня, в «группу поддержки» входили также три капитана 1 ранга в отставке – И.Ф. Цветков, Ю.Ф. Тарасюк и А.А. Хребтов. Защита прошла успешно. В ресторане на банкете была теплая дружеская атмосфера, а заместитель директора ИИЕТ, А.В. Постников красивым голосом пел казачьи песни.

Осенью 2009 г. моя 35-летняя служба в Военно-Морском Флоте уже близилась к завершению. Нужно было подумать о будущем. Мне хотелось и впоследствии заниматься наукой – историей, тем более, что весной 2009 г., «без отрыва от производства» (т.е. службы) я в ИИЕТ РАН в Москве защитил докторскую диссертацию.

... Первоначально, после беседы с директором Института д.т.н., профессором А.В. Постниковым, в Москве, в здании ИИЕТ (ул. Обручева, д. 30А) меня весной 2008 г. «прикрепили» для последующей защиты в отдел истории наук о Земле. Но впоследствии, после ознакомления с моей работой о сотрудничестве российских военных моряков и ученых в исследовании Мирового океана (эту тему я продолжал «развивать и углублять» в течение 10 лет) и ее обсуждения, которое состоялось 20 мая 2008 г., зав. отделом В.А. Широкова и ее коллеги порекомендовали мне перейти в отдел историографии и источниковедения истории науки и техники (зав. отделом – С.С. Илизаров). Такое решение и было принято. Симон Семенович отнесся ко мне очень доброжелательно.

24–25 декабря 2008 г. я ездил в ИИЕТ РАН на защиту кандидатской диссертации Е.Б. Гинак и для решения вопросов по своей защите. Через три месяца я вновь приезжал в ИИЕТ. Наконец, 15 апреля 2009 г. состоялась успешная защита. Одним из оппонентов была замечательная женщина – главный научный сотрудник ИИЕТ РАН, З.К. Соколовская-Новокшанова (1927–2014).

Поскольку я был капитаном 1 ранга и уже несколько лет служил в Управлении навигации и океанографии МО РФ (т.е. был военным чиновником), то в конце декабря 2009 г. меня вызвали в Москву, в ВАК – убедиться в том, что я – автор диссертации, а не лжеученый. Пришлось привезти в Москву несколько изданных мной к тому времени монографий. Сопровождала меня в «коридорах науки» член экспертного совета ВАК по наукам о Земле, профессор В.А. Широкова, за что я ей весьма благодарен. На заданные мне членами ВАК вопросы я ответил. Осталось ждать положительного решения Президиума ВАК (оно состоялось 29 января 2010 г.).

Еще в октябре 2009 г. я, после предварительного разговора по телефону с ученым секретарем СПбФ ИИЕТ Т.И. Юсуповой, пришел туда на бе-

седу с директором филиала Э.И. Колчинским. Он меня, конечно, помнил и пообещал подумать о возможности моего трудоустройства в филиале.

В ноябре того же 2009 г. мы с Э.И. Колчинским случайно встретились в Михайловском театре – на премьере фильма режиссера Павла Лунгина «Царь». Он весьма удивился такой встрече, очевидно, не предполагая в офицере флота «тяги к прекрасному». Через месяц Эдуард Израилевич, через посредство Т.И. Юсуповой, пригласил меня в филиал, и с 28 декабря 2009 г. я был оформлен на полставки ведущего научного сотрудника в сектор истории Академии наук и научных учреждений, которым руководила Г.И. Смагина.

В 2010–2014 гг. я и работал в этом секторе: старшим, ведущим и главным научным сотрудником, а в 2013–2014 гг. – заведовал сектором истории Академии наук. В числе основных сотрудников – моих коллег были В.С. Соболев, Г.И. Смагина, Е.Г. Пивоваров, Н.Г. Сухова, Т.И. Юсупова, Э.П. Карпеев (капитан 1 ранга в/о), Т.Ю. Феклова.

Все годы работы в СПбФ ИИЕТ я занимался исследованием жизни и деятельности академика М.А. Рыкачева (1840/1841–1919). Его личность была близка мне потому, что он был первым дипломированным специалистом-гидрографом в России: в 1864 г. лейтенант Рыкачев первым (по списку) окончил гидрографическое отделение Академического курса морских наук.

В результате пятилетней работы я опубликовал около 50 статей и докладов, посвященных М.А. Рыкачеву, а затем – две монографии о нем: «Академик М.А. Рыкачев и развитие геофизики в России» (2014, 606 с.) и «Международная деятельность академика М.А. Рыкачева» (2018, 496 с.). По моей инициативе и решению Топонимической комиссии города, губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко в 2017 г. присвоил имя академика М.А. Рыкачева безымянной площади в г. Павловске.

В период моей работы в СПбФ ИИЕТ памятна и наша общая деятельность в 2011–2012 гг. по подготовке к печати второго – дополненного и исправленного – полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, приуроченного изданием к его 300-летию. Филиалу были «нарезаны» шесть томов: 1–4 и 9–10. В СПбФ ИИЕТ РАН была создана рабочая группа во главе с Э.И. Колчинским, а я был ее секретарем. Огромная заслуга в успехе этой работы принадлежит Э.П. Карпееву (1925–2016), неутомимому исследователю и знатоку ломоносовского наследия, ранее много лет руководившему Музеем М.В. Ломоносова в Кунсткамере. Мне же, кроме общей работы по подготовке всех шести томов, довелось быть ответственным составителем 9-го тома.

Летом 2014 года между мной и Э.И. Колчинским «пробежала черная кошка». Он обвинил меня в каких-то грехах, связанных с реализацией одного из его проектов. Я с этим не согласился. Несколько дней мы общались, переписываясь по электронной почте.

Осенью я решил, что нужно что-то менять. В связи с безвременной кончиной 8 сентября 2014 г. директора РГИА А.И. Костанова я по электронной почте написал руководителю Федерального архивного агентства А.Н. Артизову письмо, в котором предложил рассмотреть свою кандидатуру для замещения вакантной должности.

В конце ноября 2014 г. мне позвонил А.Н. Артизов и пригласил на собеседование в Москву для назначения ... директором РГАВМФ. После этого моя кандидатура была утверждена на Коллегии Росархива.

О состоявшемся решении я сообщил Э.И. Колчинскому. Он был не очень рад моему скорому уходу. Но мы тут же определились с моим преемником в должности заведующего сектором: им стал Владимир Семенович Соболев, мой старший коллега, замечательный человек и ученый.

8 декабря 2014 г. я вступил в новую должность. Директором РГИА стал мой предместник – С.В. Чернявский (капитан 1 ранга в/о).

В должности директора архива мне, безусловно, помогает опыт научной работы, полученный в СПбФ ИИЕТ.

Я стараюсь следить за деятельностью своих бывших коллег. Радуюсь их успехам, поздравляю с юбилеями и огорчаюсь потерям замечательных ученых. В числе последних, к сожалению, оказался и Э.И. Колчинский, которого мы проводили в последний путь 27 января 2020 г.

2010 год

АЙМАХАНОВ Мухтар Рабатович

Байконур и ИИЕТ для меня соединились.

В моей насыщенной событиями жизни случались всякие повороты, и один из них однажды привел меня в Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, о чем я прежде никогда не думал и о чем сегодня нисколько не жалею.

Сейчас я космонавт-испытатель Отряда космонавтов Роскосмоса. Это, безусловно, достойный результат для мальчишки из поселка Джусалы Кзыл-Ординской области Казахской ССР. Но есть у этого казахского поселка одно важное качество: он находится недалеко от космодрома Байконур. Конечно же, все ребяташки с малого возраста мечтали стать космонавтами. Но из всего поселка это удалось только мне. Я думаю, потому что меня так воспитывали:

главные качества человека – трудолюбие, упорство и работоспособность. И всю свою жизнь я старался развивать их в себе – работать, работать и работать, и достигать вершины, что казались поначалу недостижимыми.

После школы я поступил в летное училище, чтобы стать летчиком, а затем – космонавтом. Однако распад СССР в 1991 году оборвал мои планы, делая мечту о космосе невозможной и недостижимой. Я жил тогда и служил в Казахстане, в то время как отряд советских космонавтов остался в Российской Федерации, в другом государстве. Я уволился из Вооруженных Сил Республики Казахстан в начале 1990-х, а уже в 1999 году правительство приняло «Постановление об отборе двух представителей для направления в Центр подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина» и последующего полета в космос. Узнав об этом, я понял, что просто не смогу не использовать такой шанс, и приняв участие в конкурсе, в 2003 году, наконец, попал в отряд космонавтов.

Мечта о космосе с каждым годом становилась все ближе, и я работал все больше, надеясь и прилагая все усилия, чтобы увидеть наш дом, Землю, со стороны. Завершив общекосмическую подготовку, в 2005 году начал подготовку в составе группы космонавтов-испытателей. К сожалению, из-за мирового финансового кризиса в 2008 г. правительство Казахстана закрыло пилотируемую космическую программу и отказалось от планов полета на МКС. Вновь судьба останавливала меня

Было два выхода: оставить детскую мечту, вернуться на Родину и стараться достичь чего-то на новом поприще, или продолжать бороться с трудностями, которые подкидывает жизнь. И я принял решение о переходе в отряд космонавтов Роскосмоса, который подразумевал под собой смену гражданства.

Это был сложный как морально, так и в бытовом плане, период, когда в ожидании зачисления в отряд я должен был работать ради обеспечения достойной жизни себе и своей семье. И именно в это время, в 2010 году, мой коллега-космонавт Ю.М. Батурин, который еще недавно был моим командиром в Отряде космонавтов, а еще и старшим товарищем, оказал мне неоценимую поддержку и предложил работу в ИИЕТ имени С.И. Вавилова РАН. Я с благодарностью согласился и был зачислен в проблемную группу истории космонавтики.

Работа в академическом институте оказалась совершенно новой для меня со всех точек зрения. Но интерес и любовь к космонавтике, которые царили в группе, дружеская помощь коллег помогли мне войти в режим исследователя, и это оказалось очень увлекательным. Начал я с того, что хорошо знал – с истории космодрома Байконур. Сохранившиеся связи с Республикой Казахстан помогли мне получить некоторые цифры и документы.

Байконур (тогда город Ленинск) я очень любил. Мы с друзьями часто ездили туда, и настолько нам нравилось там бывать, что, будучи практически завсегдатаями города, мы знали все «дырки» и способы попасть туда в обход КПП и пропускного режима. Мне Ленинск представлялся тогда городом будущего, с его чистыми, ухоженными улицами, высокими зданиями и особой атмосферой. Мне почему-то казалось, что все в городе пропитано волшебством, вызывающим какое-то необъяснимое чувство чего-то чистого, возвышенного, необычного и ни с чем не сравнимого. Чувст-

во, будто попадая в Ленинск ты становишься чем-то большим, чем просто мальчишка, пролезший в город без пропуска, будто становишься частью чего-то нового и прогрессивного, входишь в число людей, которые жили и работали в Ленинске, представляясь тебе людьми, творящими будущее, готовящими прорыв всего человечества в неведомое и неизвестное. Ты чувствуешь себя полезным, ощущаешь, будто живешь ради чего-то глобального. По крайней мере, именно таким чувствовал себя я.

Байконур для меня соединился с ИИЕТ.

Когда в 2014 году был издан справочник «Российские историки науки и техники. Сотрудники ИИЕТ РАН» и я оказался в их числе, я был очень горд, хотя тогда и не понимал, насколько причисление к отряду историков науки и техники значимо для меня. На самом деле, для меня ИИЕТ стал хорошей школой.

Прошло время. Директор ИИЕТ сменился, а новому начальнику я, видимо, не приглянулся. Сейчас продолжаю работать в Отряде космонавтов Роскосмоса, ожидаю назначения на полет и не исключаю, что через годы, над которыми никто не властен, я вновь приду в институт и попрошусь к историкам космонавтики, обладая качественно иными знаниями. И даже если в руководстве окажутся совсем другие люди, которые меня не знают, скажу: «Посмотрите справочник 2014 года. Я – свой».

2010 год

БАСКАКОВ
Дмитрий Евгеньевич

Первое знакомство с ИИЕТ РАН произошло в июле 2010 г. На тот момент временно работал фрилансером, занимался программированием, автоматизацией бухгалтерского учета и расчета заработной платы на базе программ 1С: Предприятие в бюджетных учреждениях города Видное Московской области. Мне позвонила Козминская Ольга Аркадьевна по рекомендации и попросила помочь разобраться с программой 1С и квартальной отчетностью. Также сообщила, что недавно стала главным бухгалтером в институте, который находится в городе Москве на улице Обручева. Согласившись помочь, я договорился с ней о встрече.

Мне кажется, многие москвичи запомнили 2010 год жарким летом, мощнейшим смогом в столи-

це и области от пожаров на торфяниках в Подмосковье и отставкой мэра Москвы Юрия Лужкова.

Я же запомнил 2010 год и первым знакомством с ИИЕТ РАН. Когда я приехал по адресу нахождения института, предо мной предстал «скелет» недостроенного здания, изрисованного граффити. Сложно было разобраться, что нужно было пройти за него, где находился двухэтажный корпус здания. Но на этом квест еще не закончился, при входе встретили лаем собаки, которых, как выяснилось в дальнейшем, подкармливали охранники и сотрудники института. Чтобы мне не потеряться в лабиринте здания, охранник проводил меня до бухгалтерии.

В душном от летней жары просторном кабинете на 4 рабочих места в тот день я впервые познакомился с Ольгой Аркадьевной и бухгалтером по основным средствам Евдокимовой Галиной Николаевной.

Работа программиста-бухгалтера – это как работа психолога. Выслушивая проблемы, выстраивая общую картину, я предлагаю решение и провожу обучение. В этот раз всё было так же. Сделав отчетность, я уехал.

Через некоторое время мне позвонила Ольга Аркадьевна и предложила постоянную работу. После собеседования с директором Ю.М. Батуриным, обсуждением перспектив и условий, я согласился на работу.

И с 4 августа 2010 г. началась моя деятельность в ИИЕТ РАН с должности заместителя главного бухгалтера. А уже в сентябре того же года, я отправился в командировку на проверку в Мемориальном музее-квартире П.К. Козлова Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН. В то же время получил большой опыт при проверке института Счетной палатой Российской Федерации.

С 2013 г. я занял должность бухгалтера-экономиста, в связи с необходимостью свободного времени для дальнейшего развития.

Но последние пять лет были тяжелые для института. Новое руководство перешло на темную сторону, пытаюсь поменять приоритеты научной деятельности на коммерческую. Начались гонения неугодных, увольнение, но коллектив выстоял. И при избрании нового директора была замечена сплоченность и надежда, что впереди новый положительный виток развития истории института ИИЕТ РАН.

В институт стали приходиться новые молодые ученые, в перспективе возобновление работы аспирантуры, по возможности стали происходить ремонты помещений.

Я уверен, что все вместе способны создать новый, уникальный формат продвижения истории науки и техники.

Однажды Генри Форд сказал: «Заберите у меня мои деньги, заводы, станки и фабрики, но оставьте мне моих людей – и вскоре мы создадим заводы лучше прежних».

2010 год

БАТУРИН
Юрий Михайлович

В 2007 году академик Б.Е. Черток попросил меня как космонавта передать президенту РАН Ю.С. Осипову записку, подписанную, кроме него академиком В.П. Легостаевым и членом-корреспондентом РАН Е.А. Микриным. В ней говорилось, что космическая эра насчитывает уже полвека, а академической истории космонавтики до сих пор нет. Академики просили создать в Академии наук серьезную группу истории космонавтики. Я не был членом Академии, но Юрий Сергеевич хорошо ко мне относился и принял. Я передал ему письмо и посчитал свою миссию выполненной.

Прошел год. 9 марта 2008 года на традиционных Гагаринских чтениях ко мне подошел заместитель директора ИИЕТ РАН В.В. Глушков. «Мы попытались написать письмо Ю.С. Осипову, –

сказал он, – но не было никакой реакции». Я вспомнил письмо академиков, на которое тоже не было ответа, и посчитал, что есть хороший повод напомнить о нем. «Ну, хорошо, напишите письмо, перешлите мне. Я передам его Юрию Сергеевичу», – предложил я. Письмо было подготовлено, он принес, и я передал его президенту РАН

Прошло еще полтора года. В октябре 2009 года меня пригласил Ю.С. Осипов в кабинете Юрия Сергеевича, с ним рядом сидит академик А.Д. Некипелов. Юрий Сергеевич говорит: «Вы приносили мне письма по поводу истории космонавтики. Я предлагаю вам возглавить ИИЕТ». Как обухом по голове! Я начал отнекиваться:

– Мне совершенно это не нужно. Я не собираюсь становиться директором. У меня все хорошо: я могу писать что хочу, ездить куда хочу.

– Я дам десять ставок на историю космонавтики.

Представьте, десять ставок! Царский подарок по тем временам! И действительно он их потом дал. Правда, не сразу. Я ответил, что предложение слишком неожиданное. Буду думать.

– А чтобы лучше думалось, Александр Дмитриевич, передайте Юрию Михайловичу материалы проверок института.

Мои мысли и планы с того дня полностью определялись тем, что я узнал и прочитал об институте, – довольно основательно подошел к изучению объекта: штудировал не только его славную историю, но и справки о проверках, ревизиях, служебные записки – и все было за то, чтобы держаться от института подальше.

Два месяца прошли спокойно. А в декабре меня опять пригласил Юрий Сергеевич:

– Ну, как – решились?

– После того, как ознакомился с материалами. Никогда!

– Тогда мы сейчас назначим исполняющего обязанности, – сказал Осипов. – Вы пока думайте А после Нового года выделяю ставку главного научного сотрудника персонально для вас Оформляйтесь и осматривайтесь. И начинайте работу над историей космонавтики.

Так в апреле 2010 года я стал научным сотрудником ИИЕТ Первым со мной встретился Владимир Михайлович Орел. Он как-то сразу располагал к себе. Поняв мое состояние, Орел не стал меня уговаривать, согласился с моими оценками состояния института и только предложил мне выступить на Ученом совете с докладом: «Выступите, посмотрите на нас, мы – на вас. Это же ни к чему не обязывает. Пообщаетесь с сотрудниками, глядишь, и примете верное решение». И я попался! Доклады – дело привычное, не страшное. Но это была ловушка, абсолютная ловушка.

Я уехал на научную конференцию в Мюнхен, и в это время активизировался вулкан Эйяфьядлайёкюдль. Мы утром просыпались в гостинице, шли завтракать, потом смотрели в интернете открыто ли воздушное пространство. Затем на всякий случай ехали в аэропорт. Тишина, никто не летает. Тогда мы отправлялись в какой-нибудь музей: в Большую пинакотеку, Музей современного искусства... Потом в представительство «Аэрофлота». Там нам говорили: «Зайдите через два часа, и мы вас отправим». Так проходили день за днем. Через неделю «Аэрофлоту» удалось зарегистрировать наши билеты на рейс, но из Вены. Туда мы добирались поездом Словом, я успел к назначенному для доклада дню.

Никогда я не видел, чтобы столько народу пришло послушать меня. После этого в институте я ни разу ни на одном научном докладе не видел такой огромной аудитории. Я не знал одной маленькой детали. Это не был Ученый совет! Это не был научный семинар! Это были смотрины. Я делал часовой доклад о частном вопросе истории космонавтики, а на меня смотрели испытующими глазами. Я просто чувствовал, что меня изучают со всех сторон. После доклада мне задали несколько хороших вопросов, из которых я понял, что некоторые не только меня изучали, но и слушали. Вопросы были по делу. А потом В.М. Орел поблагодарив меня, предложил как научному сотруднику остаться и побыть на продолжении заседания: «Есть организационные вопросы, пока посидите, послушайте...». Я, дурак, сел на задний ряд. Мне бы сказать: «Извините!» и убежать. Ученый совет внезапно обернулся общим собранием. Вот почему послушать про историю космонавтики собралось так много желающих, как не бывает в разделенном на специальности научном мире.

«У нас на повестке дня вопрос о кандидате в директоры института», – начал Орел. Тут кто-то из зала: «А почему о кандидате? Это выборы» (теперь-то я понимаю, что то была разыгранная комбинация). Орел без секунды промедления подхватывает: «Есть предложение поменять первый пункт повестки дня – “о кандидатах”...». И неожиданно дополнил список моей фамилией. Прошло голосование: 108 – за меня, против – 1. И все – ловушка захлопнулась! Нельзя же было сказать этим людям после такого голосования что они зря выбирали меня: «Извините, друзья, я не хочу». Владимир Михайлович разыграл безупречную комбинацию. Оставалось только мысленно поаплодировать ему. Впрочем никакой обиды на Владимира Михайловича у меня не появилось. Наоборот – восхищение тактикой мастера. Мы подружились, и он очень помогал мне.

Не знаю, согласовывал ли советник РАН В.М. Орел ходы с академиком А.Д. Некипеловым, но было ясно, что на кнопки нажимали в Президиуме РАН. История моего водружения в кресло директора ИИЕТ будто списана у Джона Кольера (есть в английской литературе термин «a Collier story» – рассказ в манере Кольера, где реальное переплетено с нереальным и сильно сдобрено иронией):

«Дьявол улыбнулся и раскланялся по-посольски:

– И вот, любезный друг, в чем у меня маленькая загвоздка. Область, каковой я имею удовольствие и честь управлять, еще в проекте была задумана с грандиозным размахом, и тем не менее, однако, ее параметры становятся в силу известных тенденций все теснее, а надзор за нею – все обременительней... Мы камень за камнем и с невероятной изобретательностью возвели систему, которая позволяет нам жить вполне сносно, но добиться этого удалось лишь хитрым маневром в чертовски опасной близости от берегов метафизики.

– Прискорбно слышать, – сказал Джордж (на самом деле я. – Ю.Б.)

– Вы подумайте о перегрузке полезной площади и бесконечных организационных проблемах... Мне единственно кто нужен, так это управляющий с железным характером.

... Они приземлились на бесплодной мрачной равнине неподалеку от черного базальтового двorca.

– Уютная коробочка! – воскликнул наш герой.

– Всего лишь простая времянка, – заметил попутчик. – Моему будущему распорядителю придется тут перемучиться, пока мы быстренько не соорудим что-нибудь получше...

Договор скрепили рукопожатием, обговорили все частности, и в тот же день Джордж (на самом деле я. – Ю.Б.) был утвержден...».

«Простая времянка» – здесь нет ни грана преувеличения.

Эта «уютная коробочка» была знакома всем, кто в те годы приезжал в ИИЕТ РАН и представляла собой пристройку к зияющему пустыми проемами стен огромному недостроенному академическому корпусу. Ни один человек, даже имея схему проезда, не нашел институт с первого раза. Водители черных лимузинов, на которых иногда приезжали большие чиновники, в том числе и ко мне – иногда помочь, а чаще, чтобы поймать на незаконной аренде или чем-то подобном, отказывались въезжать за ворота, не веря, что там может обитать что-то живое.

Я писал письма и ходил лично в самые высокие инстанции. Кто только не занимался этим вопросом – от Совета Федерации, вице-премьеров Правительства России, Счетной палаты РФ – бесполезно! Но зато я собрал и даже подготовил для публикации толстый комментированный том бюрократических отписок мэрии за минувшие годы. Когда-нибудь опубликую. Он будет ценен не только для истории Института, но и для характеристики нашего времени, да и как пособие для повышающих квалификацию чиновников.

«Уютная коробочка» – расположенное в тылу замороженной стройки здание на улице Обручева, где располагался тогда ИИЕТ РАН

Все в моей жизни кардинально поменялось. Став директором и получив обещанные президентом Академии наук десять ставок, я прежде всего укрепил группу истории космонавтики, но не отдал им все ставки, опасаясь рассуждений о том, что пришел, мол, космонавт и делает из ИИЕТ институт истории космонавтики. Часть ставок пошла на создание Центра виртуальной истории науки и техники – совершенно нового направления, на которое тоже косо поглядывали старожилы. Многие в институте ворчали: «Космонавт! Что он понимает в истории науки и техники?» Надо было доказывать свою компетентность. А способ только один: на всех (или почти на всех) конференциях ИИЕТ РАН директор должен был выступить с таким докладом, про который никто не мог бы сказать, что это не наука, и не история науки. Получалось, наверное, не все.

Сразу же я попросил председателя Счетной палаты РФ провести проверку института. И тут же получил за это нагоняй из Президиума РАН: зачем, мол, давать внешним органам лишний повод упрекать Академию в плохом ведении дел; мы и своими проверками можем справиться. Но зато сейчас в моем архиве есть большой объективный документ, подробно характеризующий состояние институтского хозяйства.

Навести порядок в финансовых делах удалось достаточно быстро. Правда, долго еще меня пытались подловить, гадая, каким же неизвестным науке способом я увожу бюджетные деньги. Как-то меня пригласили в Президиум РАН и показали (даже отдали) анонимку на меня. «Ну, вот теперь ты стал настоящим директором», – резюмировало академическое руководство.

Так странным образом я пришел в ИИЕТ.

2010 год

ДУШИНА
Светлана
Александровна

На работу в Центр социолого-наукоедческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН я поступила на должность научного сотрудника 20 мая 2010 года по рекомендации кандидата философских наук, доцента Валентины Михайловны Ломовицкой (1947–2018), с которой мы почти 15 лет проработали на кафедре философии и социологии Санкт-Петербургского государственного Морского технического университета (СПбГМТУ). В.М. Ломовицкая пришла на постоянную работу в институт двумя годами ранее, хотя до этого она не один десяток лет сотрудничала с Самуилом Ароновичем Кугелем (1914–2015), организатором и руководителем сектора по исследованию социологических проблем науки еще в Ленинградском отделении ИИЕТ. Принимала меня на

работу руководитель Центра, Надежда Алексеевна Ащеулова. Жизнь Центра складывалась из трех направлений: научно-исследовательской, издательской и организационной деятельности. Время, когда я пришла в институт, было примечательным. Центр начал издавать журнал «Социология науки и технологий», который выходил с периодичностью 4 раза в год. На момент моего появления в институте первый номер был уже в печати, а второй готовили в издательство. Подготовка к изданию ежеквартального журнала накладывала большую ответственность на научный коллектив, а сотрудников в Центре было всего четверо: Н.А. Ащеулова, С.А. Кугель, В.М. Ломовицкая и я. Постепенно стал складываться редакторский механизм работы с рукописями, авторами, издательством, обсуждались журнальные рубрики, велась информационная работа с целью привлечения интересных авторов. Неудивительно, что поначалу для каждого из нас журнальная деятельность стала приоритетной, но впоследствии ею занималась В.М. Ломовицкая, долгие годы выполнявшая роль ответственного секретаря редакции. Валентина Михайловна имела большой опыт редакторской работы, готовила к печати известные среди ученых сборники «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», издававшиеся по материалам Международной школы социологии науки и техники. Однако работа со специализированным ежеквартальным научным журналом была новой и для нее. Валентина Михайловна довела деятельность редакции до совершенства: аккуратно и оперативно отвечала авторам, выпуск номеров осуществляла строго по графику, никогда не нарушая его; четко работала с издательством. Обладая доброжелательностью и безупречным стилем научного текста, она не раз получала благодарности от авторов за редакторскую работу.

Несмотря на почтенный возраст, главный редактор С.А. Кугель всегда стремился держать руку на пульсе происходящих в Центре событий и активно следил за публикациями журнала. В.М. Ломовицкая специально распечатывала для него поступающие в редакцию рукописи, он внимательно их просматривал, порой отправлял на рецензии. С.А. Кугель никогда не терял чувства юмора и оптимизма. На вопрос: «Как Вы себя чувствуете?» он отвечал: «Хуже, чем в прошлом году, но, вероятнее всего, лучше, чем в следующем». Самуил Аронович продолжал поддерживать проведение Международной школы социологии науки и техники, он считал это своим научным долгом. Однако в отличие от девяностых, Школа стала камерным мероприятием. Тем не менее, С.А. Кугелю удавалось привлекать видных ученых из известных науковедческих центров Москвы, Новосибирска, Минска. Самуил Аронович не только собирал статьи по итогам Школы для сборника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», ставшего позже ежегодным изданием, но и находил спонсоров для публикации этих материалов.

Первая научная тема, в разработке которой я участвовала, была сформулирована руководителем Центра Н.А. Ащеуловой таким образом: «Мобильность как механизм включения страны в мировое научное сообщество». Мы сравнивали процессы академической мобильности в странах, являющихся лидерами научно-технического развития, со странами с развивающимися экономиками; изучали социально-демографические характеристики миграционных потоков в академической среде. Нами был сделан

вывод, что сама по себе «циркуляция умов» не способна сгладить научное неравенство. Для конкурентоспособной науки необходимо не только ее значительное финансирование, но и наличие особой исследовательской среды. Разрабатывая новую для себя тему, я часто обсуждала промежуточные результаты с коллегами, эти профессиональные разговоры были очень продуктивны и создавали благоприятную исследовательскую атмосферу. Итогом работы над темой стал ряд статей, опубликованных в различных научных журналах, в том числе и в «Социологии науки и технологий» (у нас было принято правило – раз в год давать исследовательскую статью в наше издание), а также монография в соавторстве с Н.А. Ащеуловой «Мобильная наука в глобальном мире» под научной редакцией В.М. Ломовицкой. На книгу была дана благоприятная в целом рецензия И.Г. Дежиной в журнале «Социологические исследования».

Продолжением проведенных исследований стала предложенная мной тема «Новые формы организации науки в России (на примере мегагрантов)». Предметом изучения являлись вновь созданные лаборатории под руководством ведущих иностранных ученых. При этом я использовала историко-сравнительный метод, который позволял сопоставить опыт мобильности исследователей XVIII века и начала нашего столетия. Обращение к истории науки оказалось продуктивным, потому что давало возможность понять, в каких случаях перемещение ученых приводило к мировым научным достижениям, а в каких оборачивалось лишь «догоняющей модернизацией». Результаты работы нашли отражение в журнальных публикациях и в коллективной монографии «Россия и Европа: пересекая границы. Научные и культурные контакты в XVI–XXI вв.» (под редакцией Г.И. Смагиной). Впоследствии, для того, чтобы разобраться в эффективности инструментов современной научной политики, я, будучи руководителем двух крупных тем, направленных на исследование карьеры молодых ученых и на изучение феномена научного лидерства, всегда стремилась опираться на историко-научный материал.

Ядром науковедческих изысканий Центра была социология науки с опорой на эмпирические исследования. Мы проводили социологические опросы в различных научно-образовательных учреждениях Санкт-Петербурга, в организации которых участвовали социологи, экономисты, философы. В этой связи хотелось бы упомянуть научного сотрудника Центра Станислава Викторовича Казакова, который предельно ответственно подходил к анализу полученных результатов. У нас установилось тесное сотрудничество и с аспиранткой кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии СПбГУ Анной Вячеславовной Камневой. Она не только оперативно и профессионально обрабатывала и анализировала полученные данные, но и стремилась дать им концептуальное объяснение в своих научных публикациях. Содействие в проведении наших исследований на базе Центра социологических и интернет-исследований Научного парка СПбГУ оказывала и Л.В. Шиповалова, которая плодотворно работала с нами в проекте по изучению научного лидерства.

Наиболее значимым результатом своей профессиональной деятельности я считаю разработку темы, направленной на изучение влияния академических социальных сетей на профессиональные практики ученых. Нам удалось выполнить междисциплинарное исследование, включившее в себя

историко-научный, философский и социологический подходы. Значимую роль в реализации проекта сыграл В.А. Куприянов. Он пришел в Центр, когда работа над темой уже началась. Имея фундаментальное гуманитарное образование и владея пятью иностранными языками, Виктор Александрович быстро освоился в социологической и науковедческой проблематике и сразу включился в работу. Им была выполнена историческая часть исследования и предложена интересная теоретическая рамка для осмысления полученных данных – концепт «открытая наука». Открытая наука рассматривалась нами как экстраполяция идей неоллиберализма на сферу организации науки. Имея необходимые эмпирические результаты, мы пришли к выводу, что академические социальные сети, предоставляя новые коммуникативные возможности, незначительно влияют на сам процесс исследований. Ученые используют их, прежде всего, как репозиторий. Вместе с тем академические сети несут в себе новую идеологию, стремящуюся реорганизовать научную коммуникацию в соответствии с интересами, обусловленными политикой «интеллектуального капитализма». Это выражается, во-первых, в том, что традиционные отношения в научном сообществе заменяются формализованными взаимодействиями, в основе которых лежат определенные числовые рейтинги, генерируемые соответствующими платформами. Во-вторых, будучи репозиторием, владельцы сетей могут свободно распоряжаться данными по собственному усмотрению, в том числе монетизировать их. Результаты работы были представлены в журнальных статьях и в монографии «Ученые в сетях открытой науки», на которую опубликована положительная рецензия Е.В. Семенова в специализированном журнале «Управление наукой: теория и практика».

В качестве заключения хотелось бы отметить, что работа в Центре была для меня интересной и творческой. Я особенно благодарна В.М. Ломовицкой, которая пригласила меня на работу в Центр и с которой всегда легко работалось. У коллег по институту я могла получить поддержку, проконсультироваться по интересовавшим меня вопросам. В этой связи я хотела бы высказать слова признательности доктору биологических наук, главному научному сотруднику Якову Михайловичу Галлу, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Татьяне Ивановне Юсуповой и доктору исторических наук, главному научному сотруднику Галине Ивановне Смагиной. В научной жизни института приоритетными являлись традиции академической свободы и высокого профессионализма, которые, как представляется, важно сохранить и в современной ситуации организационных изменений.

2007 год

ОЗЕРОВА
Надежда Андреевна

Впервые я оказалась в ИИЕТ РАН, наверное, осенью 2006 года, когда институт еще находился на Старопанском переулке. Я тогда училась на пятом курсе на Географическом факультете МПГУ имени В.И. Ленина и думала о том, чем буду заниматься после окончания университета. Многие преподаватели на факультете и руководитель моей дипломной работы Татьяна Михайловна Савцова говорили мне, что, по их мнению, у меня есть потенциал для того, чтобы заниматься научно-исследовательской работой и идти в аспирантуру. На кафедре физической географии мест не было, и мне рекомендовали пойти в Институт географии РАН. Там я успела побывать еще до визита в ИИЕТ РАН (у Николая Ивановича Коронкевича). Н.И. Коронкевич сказал мне, что в ИГ РАН в бюд-

жетную аспирантуру берут в основном физически крепких парней, а девушки вроде бы не особенно приветствуются, но я могла бы пойти в платную аспирантуру, если придумаю подходящую тему. С темой для ИГ РАН были сложности. В ходе сбора материалов для дипломной работы в течение летних сезонов 2005 и 2006 годов я провела гидрографическое обследование речки Костинки в Московской области. В связи с этим был, конечно, задел в области наблюдений за деятельностью речного бобра в бассейне малой реки, но он, как мне кажется, был не настолько серьезен, чтобы перерасти в диссертацию.

О том, что на свете есть такой институт, как ИИЕТ РАН, и что там тоже есть аспирантура, я узнала случайно, когда стала интересоваться у всех своих родственников, друзей и знакомых, где еще можно было бы продолжить заниматься исследованиями в области географии. В ИИЕТ РАН ситуация оказалась иной: из разговора с заведующей Отделом истории наук о Земле Верой Александровной Широковой мне стало известно, что в ИИЕТ РАН есть возможность учиться в аспирантуре бесплатно. К тому же для ИИЕТ РАН была большая определенность с выбором темы. Я рассказала В.А. Широковой, что, когда я, будучи в 2004–2005 гг. на третьем курсе, решила посвятить свою курсовую работу истории изучения рек Московской области, то столкнулась с тем, что каких-либо обзоров по этой теме не было вообще, за исключением книги И.П. Кравченко «Исследование реки Москвы и ее описание», изданной в далеком 1930 году. В.А. Широкова усомнилась в том, что по Московской области можно сделать работу, ведь район давно и хорошо изучен. Как и Н.И. Коронкевич, она рекомендовала мне подумать над темой моей возможной диссертации, а затем пригласила поучаствовать в Годичной конференции. Поэтому во второй раз я оказалась в ИИЕТ РАН в феврале или марте 2007 г., когда институт уже переехал на ул. Обручева, 30А. Я выступила с докладом, посвященным истории освоения гидрографической сети бассейна р. Костинки. Сотрудники института и другие участники Секции «История наук о Земле» восприняли мое выступление доброжелательно.

Я писала свои курсовые работы таким образом, что все они в конечном счете сложились в дипломную работу. Летом 2007 г. на защите выпускной квалификационной работы на тему «Особенности гидрографической сети и их влияние на геоэкологическое состояние Московской области» одна дама из МГУ им. М.В. Ломоносова, имя которой уже не вспомнить, отругала меня за то, что в разделе об истории изучения рек Московской области я не рассмотрела работы сотрудников МГУ 1970-х и 1980-х годов и еще какие-то исследования последних лет. Она считала, что я могла бы подготовить этот раздел тщательнее, хотя в то же время признала, что мне удалось проанализировать некоторые старые публикации, о которых она не слышала. Это замечание запомнилось. Я поняла, что тема, касающаяся истории изучения рек Подмосковья, имеет большой потенциал. Поэтому осенью 2007 г. я решила, что хочу заниматься этой темой. Смущала только территория, которую я рассматривала в дипломной работе, – Московская область, поскольку ее границы не совпадают с границами Московской губернии, по которой пришлось бы анализировать исторические документы. В.А. Широкову тоже не устраивала Московская область. Она предложила ограничиться бассейном Москвы-реки, что мне очень понравилось.

В 2007 г. я поступила в аспирантуру, отучилась там три года и в феврале 2011 г. под руководством В.А. Широковой защитила диссертацию «История изучения гидрографической сети бассейна р. Москвы» на соискание ученой степени кандидата географических наук (специальность 07.00.10 – история науки и техники). На работу в Отдел истории наук о Земле я поступила 1 апреля 2010 года, куда была зачислена на должность научного сотрудника. В 2011 г., после успешной защиты диссертации, я была переведена на должность старшего научного сотрудника. 26 октября 2016 г. по итогам конкурса была рекомендована на должность ведущего научного сотрудника, а в 2017 г. после прохождения по конкурсу переведена на эту должность, в которой и работаю по настоящее время.

В 2008 году В.А. Широкова предложила мне поучаствовать в Комплексной экспедиции по изучению исторических водных путей. Я согласилась и вместе с другими сотрудниками отдела (В.А. Широковой, Валерияном Афанасьевичем Снытко, Надеждой Николаевной Щербининой, Василием Михайловичем Чесновым) отправилась на реку Сухону в Вологодскую и Архангельскую области. В экспедиции я познакомилась с коллегами из МГУ – гидрологом Натальей Леонидовной Фроловой, ландшафтоведом Вячеславом Алексеевичем Низовцевым, его аспирантом Юрием Сергеевичем Галкиным, начальником турбюро «Лаче» Радиком Михайловичем Аднобаевым, его помощниками, а также с Роем Сергеевичем Широковым и Алексеем Александровичем Сазоновым. В мои обязанности входило вести дневник ландшафтных наблюдений и вместе с Ю.С. Галкиным записывать все то, что говорил В.А. Низовцев по ходу маршрута и когда мы останавливались на точках. В 2009 году маршрут экспедиции проходил по Тверской, Новгородской и Ленинградской областям (по рекам Мсте, озеру Ильмень, Ладожским каналам, Неве). Так, благодаря экспедиции, в 2009 году я впервые оказалась в Санкт-Петербурге, прибыв туда по воде на рафте. В 2010 г. вместе Игорем Николаевичем Юркиным сотрудники отдела и В.А. Низовцев участвовали в изучении верховьев Дона и помогли коллегам из Музея-заповедника Куликово поле отыскать на местности шлюзы петровского времени. В 2010 и 2011 годах вместе с экспедицией я участвовала в исследованиях Тихвинской водной системы, в 2012 году были Днепр и Западная Двина, в 2013 г. – сплав по р.Березине в Белоруссии, в 2014 году – Верхняя Волга. За это время состав экспедиции претерпел изменения. Так, с 2009 по 2012 год с нами путешествовала доцент Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Наталья Геннадьевна Дмитрук, а в 2012 году, когда мы были в Смоленске, к экспедиции присоединились Наталья Михайловна Эрман, Алексей Владимирович Собисевич и Ольга Сергеевна Романова.

Во время экспедиций у меня сложились дружеские отношения с сотрудниками отдела и коллегами из других учреждений, которые переросли в плодотворное научное сотрудничество в области изучения исторических водных путей. Я считаю, что мне очень повезло, так как я приобрела большой опыт полевых исследований, который бывает очень полезен при проведении историко-научных изысканий и в научно-организационной работе. Во многом благодаря участию в экспедициях география моих исследований не замкнулась на бассейне р.Москвы, а расширилась до всей Европейской равнины. А когда в Отдел истории наук о Земле пришел Ибра-

гим Ахмедович Керимов, она стала еще больше и включила Северный Кавказ.

За почти 15 лет, связанных с ИИЕТ РАН, опытом научно-исследовательской и научно-организационной работы со мной делились не только руководитель темы диссертации В.А. Широкова, но также сотрудники отдела В.А. Снытко, В.М. Чеснов, И.А. Керимов и Ольга Андреевна Александровская, чьи мудрые советы и наставления были уместны в любой ситуации. В годы учебы в аспирантуре были очень полезны и интересны занятия с Ольгой Александровной Вальковой по источниковедению истории науки, которые нередко по причине отсутствия света и тепла в недостроенном здании на ул. Обручева (из-за неоплаченных вовремя счетов за свет и тепло) проходили в суровой романтической обстановке – в холоде и при свечах.

Во время экспедиционных исследований я обратила внимание на то, что по берегам многих малых и средних рек распространяется опасное инвазионное растение – борщевик Сосновского. В результате историко-научных изысканий была не только восстановлена история превращения этого кавказского вида в силосную культуру и выделены этапы его распространения по территории СССР, а затем и в России, но еще вместе с коллегами из ИПЭЭ РАН и ГУЗ получен практический результат: было зарегистрировано 3 патента о разных способах борьбы с нежелательным распространением этого опасного растения. Опыт исследования борщевика Сосновского сблизил меня с коллегами-ботаниками из ГБС РАН и пробудил интерес к изучению разнообразия и изменений в исторической перспективе флоры как компонента географического ландшафта.

Я убеждена в том, что любому исследователю, занимающемуся историей науки, следует стремиться к тому, чтобы его теоретические изыскания были полезны для практики. Только в этом случае научная деятельность историка науки будет по-настоящему успешной.

2010 год

ПЧЕЛОВ
Евгений
Владимирович

Я пришёл в ИИЕТ... и не хочу отсюда уходить

В 2010 г. в моей академической жизни произошли существенные изменения. Обстоятельства сложились таким образом, что мне пришлось, не по своей воле, уйти из Института российской истории РАН, в котором я проработал почти 15 лет. И хотя я, конечно, оставался на своей родной кафедре – источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ – прекращение служения в рамках Академии наук казалось мне очень печальным... Руку помощи протянул замечательный человек, один из ярчайших представителей школы Историко-архивного института, профессор Симон Семёнович Илизов, с которым мы были, конечно,

знакомы (хотя и несколько поверхностно). Я бесконечно благодарен ему за решимость взять меня на работу в ИИЕТ РАН, в отдел источниковедения и историографии истории науки и техники, который тогда, впрочем, носил несколько иное название. И впоследствии Симон Семёнович, человек редких душевных качеств (не говорю уже здесь о его известном всем высочайшем профессионализме), оказывал мне всегда самую добрую, самую тёплую поддержку – можно без преувеличения сказать, что это редкий пример абсолютно идеального руководителя, сумевшего сплотить уникальный коллектив удивительных людей, среди которых я всегда чувствовал себя совершенно комфортно и радостно. К тому времени я уже активно занимался историей науки и, в частности, историей биологии и генетики. Поэтому моё инкорпорирование в ряды историков науки и техники произошло вполне естественно и гладко. А школа источниковедения Историко-архивного института давала такую мощную профессиональную базу, которая позволяла уверенно чувствовать себя в самых разных областях гуманитарного знания.

Придя в отдел, я, конечно, встретился с некоторыми коллегами, которых и до этого знал. Игорь Николаевич Юркин, Александр Юрьевич Самарин, не говоря уж о моей однокурснице Оле Вальковой – всё это были люди, с которыми меня связывали самые доброжелательные отношения. Но в Институте я познакомился и со многими другими прекрасными людьми, выдающимися специалистами, учёными огромного масштаба, настоящими личностями. Многим коллегам хочется сказать немало слов признательности и восхищения. Но мне кажется важным вспомнить здесь тех, кого уже нет с нами. Это были чудесные люди, яркие, неординарные, которые занимали очень важное место в плеяде историков науки. Из нашего отдела – это Зинаида Кузьминична Соколовская и Елена Соломоновна Левина.

Зинаида Кузьминична в моём представлении была абсолютной легендой. Ещё с детства я знал, собирал и читал знаменитую серию научных биографий (покупались эти книги в основном в замечательном магазине «Академкнига» на улице Вавилова, ныне, увы, прекратившем своё существование). Это было потрясающе увлекательное для меня чтение. Особенно меня интересовали учёные отдалённых эпох, где-то до начала XVII века, поэтому биографии Тихо Браге и ал-Фараби были одними из любимейших. И, конечно, я знал замечательный труд самой Зинаиды Кузьминичны – «400 биографий учёных» (у меня был именно этот вариант), представлявший огромную панораму истории мировой науки в лицах. С Зинаидой Кузьминичной (ещё до нашей личной встречи) у нас оказались общие знакомые – Раиса Николаевна Клеймёнова, чудесный человек и настоящий подвижник российской словесности, а также и Галина Павловна Матвиевская, с которой мне посчастливилось познакомиться в московском Музее В.И. Даля. Конечно, я знал, что Зинаида Кузьминична много занималась историей астрономии, а поскольку эта сфера также меня очень интересовала, встреча с Зинаидой Кузьминичной была для меня очень значима. Зинаида Кузьминична с первых же минут совершенно покорила меня. Сложно было представить себе более доброжелательного, позитивного и светлого человека. Мне кажется, что она тоже как-то душевно полюбила меня, во всяком случае я всегда ощущал её удивительную доброту и заботу. Она вообще была доброжелательна ко всем и даже критика в её устах звучала скорее похва-

лой. Зинаида Кузьминична много рассказывала мне о серии, которой отдавала все свои силы, и которая была главным делом её жизни. Она делилась воспоминаниями о прошлых делах, о судьбах авторов серии, о своей жизни и увлекательно рассказывала о своих многочисленных поездках (как известно, она была заядлой путешественницей и объехала почти весь мир). Ни о ком она не говорила плохо, разве что иногда сдержанно. И вот эта её доброта очень помогала мне. Иногда я старался уйти из Института вместе с нею, поскольку как-то опасался диких собак, в изобилии окружавших задворки руин на улице Обручева, где в то время в одном из малоприспособленных сооружений находился Институт. А она удивлялась моим страхам и говорила, что если собаки начинали лаять на неё, то она останавливалась и разговаривала с ними. Доброта побеждает всё – это мог бы быть девиз Зинаиды Кузьминичны. Щедрость тоже была одной из отличительных её свойств. Как-то я посетовал, что у меня нет её книги о Бирюни. Тогда она как раз вышла вторым изданием. Она сказала, ну что Вам покупать новую, к тому же Вам, наверно, и старая больше понравится – взяла с полки книгу, которая была у неё и была уже когда-то надписана ею кому-то. Ну это неважный человек, – вырвала эту страницу, шмуцтитул, и на титульном листе сделала новую надпись! Так, помимо бывшего у меня её Улугбека и нового Струве, оказался в моих руках и её старый Бирюни... Зинаида Кузьминична очень переживала за судьбу серии, она очень хотела, чтобы это дело не погибло, и счастье, что передала эстафету Оле Вальковой, в руках которой, будем надеяться, серия продолжит свою историю. А, значит, и память о Зинаиде Кузьминичне...

Елена Соломоновна Левина была связана с Историко-архивным институтом через своего супруга – выдающегося историка науки Владимира Дмитриевича Есакова, также выпускника МГИАИ. Она представляла собой образец классического интеллигента. Всегда собранная, изящная, с тонким, внимательным профилем, мне она напоминала даму прошлых времён. Человек высокой культуры и непростой научной судьбы (о которой она не раз упоминала), она была также человеком кристальной честности и очень широких интересов. Мы часто делились с нею новостями и впечатлениями о разных культурных событиях, художественных выставках и текущей культурной жизни. Елена Соломоновна оказалась близка мне в научном отношении, поскольку ею ведь была написана одна из первых книг, посвящённых тяжёлой истории отечественной биологии эпохи Вавилова и Тимофеева-Ресовского. Затем она воссоздала биографию Льва Зильбера – удивительного учёного и человека, который оставил очень яркий след в биологической науке. Мне кажется, что сами герои её книг были очень созвучны её личности, и она вполне соответствовала им и по своим жизненным принципам, и по человеческим качествам.

Конечно, мне очень странно делиться какими-то воспоминаниями, когда сам я провёл в ИИЕТе всего лишь какой-то десяток лет, и, наверно, взялся совсем не за своё дело. Но мне думается, что необходимо было сказать о тех людях, которые составляли очень заметную часть коллективно-го «лица» Института и которых, увы, уже нет на свете... Тем важнее никогда не забывать о них. Институт – это созвездие ярких имён, интересных судеб, интересных личностей, и очень хочется, чтобы он всегда оставался таким.

2010 год

САВИНА
Светлана Борисовна

Иногда жизнь готовит для нас неожиданные события, настоящие сюрпризы и мне, человеку совсем далекому от науки, выпал такой шанс.

В ИИЕТ РАН я пришла аномально жарким летом 2010 г. Он тогда располагался на улице Обручева, 30А. Когда мне предложили работу в академическом институте, я представляла себе большое старое здание с широкими лестницами и большими стеллажами книг, по коридорам которого не спеша ходят академики и что-то обсуждают. Идя на собеседование я, проходила мимо ИКИ РАН и была уверена, что ИИЕТ РАН выглядит именно так. Но по указанному адресу оказалась брошенная стройка, скелет недостроенного здания за большим бетонным забором. Я была удивлена и думала, что ошиблась адресом, но у

входа меня встречала главный бухгалтер Козминская О.А., ее я тоже представляла себе большой тучной женщиной в очках. Наш путь лежал через всю стройку, на территории которой еще и бегала стая из 6 собак (я потом еще год ходила с сосисками в кармане, чтоб они не лаяли). Зайдя в здание, мы шли по длинным, темным «коридорам-лабиринтам», тогда я еще подумала, что это какой-то секретный институт, раз он находится здесь. В этот же день состоялась моя встреча с директором ИИЕТ РАН Ю.М. Батуриным. Это мое первое знакомство с таким человеком, Героем Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором.

Не успела пройти испытательный срок, как к нам с проверкой пришли из Счетной палаты. Эту проверку мы прошли достойно. За эти недели мы заполнили столько таблиц, сколько не заполняли за всю свою трудовую деятельность.

За время работы в ИИЕТ РАН много чего произошло. Мы отпраздновали 80-летний юбилей ИИЕТ РАН. К нам в институт приезжали космонавты. Общение с такими людьми вызывает полный восторг. Было невероятно интересно слушать о том, как работают люди данной профессии. Нам рассказывали очень много интересных фактов, но самой интересной частью рассказа, конечно же, была та, в которой речь шла о подготовке людей данной сферы. Каждая профессия сложна по-своему и требует от кадров определенного уровня квалификации, но космонавты должны обладать навыками и умениями почти в каждой сфере нашей жизни, обладать невероятно крепким здоровьем и быть в потрясающей физической форме.

Также мне посчастливилось побывать на праздновании юбилея (80-летие) бывшего директора ИИЕТ РАН В.М. Орла и отведать знаменитого плова. Как оказалось, мы с ним родились в один день с разницей в 50 лет. В ИИЕТ РАН работают высококвалифицированные специалисты, которые с помощью знаний и навыков открывают нам – обычным людям – новые горизонты и проливают свет на недоступные ранее открытия. Они являются современными учеными, а не рассеянными профессорами, которых изображают в книгах и фильмах.

2009 год

СОБИСЕВИЧ
Алексей
Владимирович

Мой приход в Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН был связан с поступлением в Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ) в 2001 г. После зачисления на первый курс Исторического факультета по специальности История–Архивоведение я решил писать курсовую у руководителя кафедры «архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин» Александра Алексеевича Кожанова. Он преподавал «историческую географию» и искал среди студентов тех, у кого дома были персональные компьютеры. Все пять найденных А.А. Кожановым добровольцев были отправлены в отдел геоинформационных систем (ГИС). Руководитель отдела Анатолий Михайлович Шредер предложил мне разработать

систему каталогизации хранящихся у него электронных карт. В течение пяти лет я писал свои курсовые работы и, наконец, дипломное исследование в отделе ГИС. В это время мною занимались сотрудники отдела ГИС – Владимир Валентинович Непряхин и Елена Витальевна Ляля. В 2006 г. я защитил дипломную работу по теме «Банк ретроспективной картографической информации (опыт разработки и использования)». К дипломной работе прилагался CD-диск с электронной коллекцией карт из отдела ГИС с базой данных, систематизирующей эти карты по определенным мною критериям.

Перед защитой дипломной работы обсуждал с А.А. Кожановым свои планы на будущее. Мне очень хотелось продолжить научную работу: была мечта поступить в аспирантуру к Алексею Владимировичу Постникову, исследования которого использовал во время написания курсовых и дипломной работы. А.А. Кожанов меня поддерживал в намерении поступать в аспирантуру в системе Академии наук, так как в советское время сам учился в аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В конце 2005 г. я попытался воплотить этот план и написал письмо в отдел аспирантуры Института истории естествознания и техники. На мое письмо ответила заведующая отделом аспирантуры Ирина Васильевна Лапина. В это время я не мыслил свой переезд в Москву – незнакомый мне город, Санкт-Петербург я знал гораздо лучше, там, например, проходили мои учебные практики. Спрашивал у И.В. Лапиной о возможности учиться в аспирантуре Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН и в то же время писать свое исследование под руководством А.В. Постникова. Она обещала узнать о такой гипотетической возможности, но подчеркивала, что мое обучение в московской аспирантуре гораздо проще устроить с организационной точки зрения. Сомнения с переездом в Москву и нежелание расставаться с Петрозаводским государственным университетом, где я надеялся стать преподавателем, привели меня к попытке написать кандидатскую работу там. В это время у меня все еще оставалось увлечение изучением старинных карт, и я смог найти преподавателя исторического факультета, готового взяться за мое научное руководство.

В то время на историческом факультете ПетрГУ брать к себе на обучение аспирантов могли только преподаватели, находящиеся на должности профессора, либо как исключение те, кто на нее мог претендовать, высказывая намерение писать докторское исследование. Мой прежний научный руководитель А.А. Кожанов, заведующий кафедрой архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, скорей всего, не имел возможности выделить в своем графике время для написания докторской. Мне пришлось обратиться к другому преподавателю – Ирине Александровне Черняковой, которую знал по лекциям по «палеографии». Получив гранты РГНФ и РФФИ, она раньше привлекала меня и других студентов к работе по её проекту в исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии.

В 2006 г., обсуждая с ней тему моего будущего кандидатского исследования, мы решили, что я буду заниматься верификацией данных, содержащихся в старинных картах. На первом этапе моё исследование касалось информационного содержания одной из первых карт Карелии – «Ланд-карты Олонецкого уезда», составленной в 1728 г. картографом Акимом

Клешниным. Из-за того, что я не писал под руководством И.А. Черняковой дипломный проект, она решила установить мне полугодовой испытательный срок. В течение этого времени я изучал нечеткую копию карты А. Клешнина и пытался соотнести те населенные пункты, названия которых мог прочесть, с существующими в настоящее время карельскими поселениями. Большую помощь мне оказала Ольга Алексеевна Красникова, заведовавшая отделом картографических изданий Библиотеки Российской академии наук. Она позволила мне снять копии со всех карт А. Клешнина, размещенных в «Атласе Всероссийской империи И.К. Кирилова» (1734 г.). Несмотря на получение четких изображений этих карт, мое исследование довольно быстро зашло в тупик. Работа с картой проводилась в графическом редакторе, когда на современную топографическую основу в разных слоях программы Photoshop наносились данные о поселенческой структуре Карелии начала XVIII в. По мере накопления данных их становилось все труднее использовать, так как мои отметки на топографической основе не могли быть найдены с помощью поисковых запросов. В это время у меня появилась возможность поступить в Российско-Финляндский трансграничный университет, в создании которого принимал участие исторический факультет ПетрГУ. Глава моего планируемого кандидатского исследования фактически стала темой магистерской работы: «Старейшая карта территории Карелии: верификация социальной и экономической информации первой половины XVIII в.».

В течение двух лет я учился в магистратуре, какое-то время работал методистом на кафедре всеобщей истории и провел один семестр по обмену в Финляндии. Во время учебы в университете города Йёнсуу (сейчас это университет Восточной Финляндии) мне повезло оказаться на лекциях приглашенного профессора из университета Аризоны Дугласа Винера, читавшего недельный курс по советской экологической истории. Из этих лекций я узнал о роли В.В. Докучаева, Л.С. Берга, Д.Н. Анучина, Н.И. Вавилова, В.И. Вернадского и других выдающихся ученых в формировании представлений об окружающей среде. Д. Винер рассказал нам и о собственных концепциях, например, о создании «зеленого образа» советского государства и «защитной окраске» советских ученых во время сталинских репрессий. Эти лекции отложились в моей памяти и оказали очень большое влияние на мои научные интересы. Много позже, уже завершив обучение в аспирантуре ИИЕТ и став разделять взгляды на советскую экологическую историю таких ученых как Клаус Гества, Марк Элли и Лоран Кумель – позволил себе критически рассматривать ряд положений концепции Д. Винера. Сейчас я считаю Д. Винера и К. Гества, несмотря на краткое общение с ними – теми учеными, которые определили мой интерес к экологической истории.

Этот поворот в сторону от «верного пути» в ИИЕТ длился три года, и возвращение произошло очень неожиданно. В конце 2008 г. я решил осуществить свою мечту и принять участие в конференции на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Конференция проводилась в рамках междисциплинарного семинара «Культурный ландшафт», организуемого в течение многих лет Владимиром Николаевичем Калущким. По пути на эту конференцию, буквально на входе в метро перед площадью «трех вокзалов» познакомился с коллегой, которая ехала со мной в одном

поезде из Петрозаводска. Мне и ехавшей со мной студентке из ПетрГУ показалось, что стоявшая перед нами девушка со свернутым в рулон плакатом стендового доклада, скорей всего, едет из Петрозаводска на одну с нами конференцию. Как оказалось, тогда мы познакомились с ландшафтоведом Марией Семеновной Богдановой. Уже находясь вместе с ней на географическом факультете МГУ, я узнал, что она и её научный руководитель Сергей Борисович Потахин были приглашены на юбилей ИИЕТ РАН лично директором Института А.В. Постниковым. С.Б. Потахин не смог приехать, поэтому М.С. Богданова должна была посетить Институт самостоятельно и передать А.В. Постникову недавно вышедшую книгу своего руководителя с дарственной надписью. В этот день я принял приглашение М.С. Богдановой составить ей компанию в посещении ИИЕТ вместо С.Б. Потахина. Как она потом говорила: «Замена её руководителя на молодого человека, увлекающегося творчеством А.В. Постникова, была не совсем равноценна, но лучше, чем – ничего». Кроме того, она боялась одна идти к зданию Института на ул. Обручева мимо собак, о злобности которых уже знала от своего руководителя.

В Институт мы пришли уже к середине праздника, где были тепло приняты Алексеем Владимировичем. Для того чтобы произвести на него благоприятное впечатление – процитировал несколько его классических работ. Сейчас этот момент вспоминаю смутно, но потом М.С. Богданова говорила мне, что я даже указывал страницы из книг «Развитие картографии и вопросы использования старых карт» (1985 г.) и «Развитие крупномасштабной картографии в России» (1989 г.). Для меня тогда было важно сослаться на кого-то знакомого Алексею Владимировичу, поэтому сказал, что учился у Дугласа Винера и руководителя моей магистерской программы Тиммо Вихавайнена. Это вызвало у Алексея Владимировича интерес ко мне, он предложил мне пока сесть за его рабочий стол и подождать, пока он сможет меня проконсультировать.

Консультация состоялась, когда собравшиеся на празднование юбилея Института представители дирекции стали расходиться. Кратко изложил суть своих исследований, немного запинаясь от волнения. Алексей Владимирович это заметил и успокоил меня: сказал, что мне как историку просто не хватает опыта, полученного во время «полевых исследований», тогда бы я излагал свои мысли четко и по пунктам. Он сказал, что тема моих исследований сложная, но он постарается помочь: согласен стать научным консультантом, так как у меня уже был научный руководитель, и предложил защищаться в одном из институтских диссертационных советов – историческом или географическом, в зависимости от того, к какой специальности будет ближе мое исследование. Ободренный этой новостью, я вернулся в Петрозаводск, где рассказал своему научному руководителю И.А. Черняковой, что, наконец, нашелся диссертационный совет, который может рассмотреть и принять к защите мою работу. В ответ услышал, что она уже долгое время не представляла – диссертационно или нет моё исследование, но не решалась раньше об этом говорить. По ее мнению, было бы лучше просить А.В. Постникова стать моим научным руководителем, а она довела бы меня до окончания обучения в зарубежной магистратуре.

Этот период завершения обучения в магистратуре и поступления в аспирантуру ИИЕТ был для меня сложным. Поддержку мне оказал заведующий кафедрой исторической информатики МГУ Леонид Иосифович Бородкин, преподающий в моей магистратуре. Для меня важным было получить несколько советов от человека, имеющего большой жизненный опыт и которому я доверял как своему преподавателю. Во время семинара в Москве он быстро выяснил ситуацию о поступлении в московскую аспирантуру и рассказал, как там будет строиться мое обучение. Ободрил меня тем, что я, по его мнению, трудолюбив и в какой-то мере даже талантлив; Л.И. Бородкин сказал: «Не бояться трудностей, больше работать и не сворачивать со своего пути в ИИЕТ!» В тот момент для меня эти простые слова были очень важны!

В аспирантуру ИИЕТ РАН я был зачислен 30 декабря 2009 г. Немного раньше, в сентябре после вступительного экзамена по специальности я познакомился с сотрудниками своего отдела: с его руководителем Верой Александровной Широковой и Ольгой Сергеевной Романовой. Помню, что в тот день, когда я пришел в отдел – Вера Александровна сразу меня накормила: поставила передо мной чашку чая и салат из квашеной капусты, а затем приготовила бутерброды с докторской колбасой. Общение с коллегами из Отдела очень сильно отличалось от того, что было в ПетрГУ, наверное, оно во всех смыслах было более демократичным. Теперь понимаю, что такие отличия были связаны с тем, что попал в «полевой отдел», когда в экспедиции все её участники должны полагаться друг на друга.

Определенную роль в том, чтобы я в какой-то мере стал «географом», имела Комплексная экспедиция по изучению исторических водных путей, организованная В.А. Широковой. Участие в экспедиции сделало меня более дисциплинированным и ответственным, научило работать в команде. В течение нескольких лет я также помогал В.А. Широковой в проведении полевых практик со студентами Государственного университета по землеустройству. Вместе с ней и Василием Михайловичем Чесновым участвовал в экологической экспертизе реки Непрядвы, протекающей через Куликово поле. Все это помогло мне начать мыслить как географ и защитить в 2013 г. свою диссертацию. Очень благодарен за помощь в защите В.М. Чеснову, который стал моим научным консультантом. Летом 2013 г. прямо в экспедиции по реке Березине он читал рукопись моего автореферата и вместе с Верой Александровной мотивировал меня быстрее завершить свое исследование.

После защиты диссертации в поиске своей научной специализации мне очень помогла совместная работа с Валерианом Афанасьевичем Снытко, когда вместе с ним стал изучать научный вклад директора Института географии АН СССР, академика И.П. Герасимова. Это исследование обусловило мой интерес к таким научным направлениям как «конструктивная» и рекреационная география. Вместе мы изучали процесс создания в СССР системы биосферных заповедников и национальных парков. Участие в экспедиции по изучению исторических водных путей и обучение основам гидрологии у В.А. Широковой определили мой интерес к изучению истории создания Северо-Крымского и Большого Ставропольского каналов, проектированию каналов «Волга–Дон-2» и «Волга–Чограй».

Недавние мои исследования посвящены участию советских специалистов в строительстве ГЭС в Афганистане и Сирии. Надеюсь, что после завершения анализа архивных источников статьи и по этой теме увидят свет. Вместе с тем у меня сохраняется интерес и к тем сюжетам, которые начал исследовать вместе с А.В. Постниковым – это история тематического картографирования, в частности сейчас я занимаюсь историей участия советских ученых в проекте создания «Почвенной карты Мира» (FAO/UNESCO Soil Map of the World). Полагаю, что могу назвать В.А. Снытко, В.А. Широкову и А.В. Постникова в полной мере своими учителями, так как меня направляют не только их идеи, но традиции научных школ, к которым они принадлежат.

2011 год

ШАЛИМОВ
Сергей Викторович

8 сентября 2011 г. я впервые переступил порог старинного здания Музейного флигеля Академии наук на Университетской набережной, 5. У нас состоялся разговор с Эдуардом Израилевичем Колчинским в его кабинете. Он сказал мне, какой темой я дальше буду заниматься, познакомил с трудовым распорядком (через некоторое время Эдуард Израилевич признался, что это он поначалу пугал), спросил, знаю ли стоимость жилья в Санкт-Петербурге. В тот момент этот вопрос был для меня, только что приехавшего из Новосибирска, действительно актуален. Мне показали мое рабочее место в кабинете номер 5, в углу у окна. И началось! В филиале я стал участником той научной жизни, которая раньше мне была неизвестна. Буквально в первые дни моей работы приехала делегация

французских историков науки для участия в совместной российско-французской конференции «Российско-французские связи в области биологии и медицины». У меня была возможность познакомиться с зарубежными учеными. В целом, широкие международные связи филиала, выражавшиеся в регулярных визитах зарубежных коллег, а также в частых командировках сотрудников, были одной из тех важных и интересных особенностей работы, которую я сразу отметил.

Одной из моих первых командировок была поездка на II школу молодых ученых ИИЕТ, проходившую в Объединенном институте ядерных исследований в подмосковном наукограде Дубна (октябрь 2012 г.). Участие в этом мероприятии оставило самые приятные впечатления. В работе школы принимали участие ведущие физики-ядерщики – академики В.Г. Кадышевский, В.А. Матвеев; для нас была организована увлекательная экскурсионная программа, в том числе с посещением атомного реактора. К тому же сам наукоград, расположенный в лесу, на живописном берегу Волги, очень напомнил мне родной новосибирский Академгородок... Думаю, нашему институту следует возродить практику проведения выездных школ молодых ученых. Это будет способствовать закреплению молодых сотрудников в науке, повышать их интерес к научной работе, может послужить одним из путей привлечения к нам талантливых выпускников. Ведь не все же определяется лишь материальными стимулами...

Другой отличительной чертой была та поддержка и забота, которой меня с первых дней окружили коллеги, причем как старшего, так и младшего поколения. В частности, мне помогли подготовить заявку на мой первый грант РГНФ, который я потом успешно получил. Эдуард Израилевич спросил меня: «А Вы, молодой человек, в Афины собираетесь?» (речь шла о 5-й Международной конференции Европейского общества истории науки, состоявшейся в ноябре 2012 г.). Меня стали активно подключать к международной деятельности. Никогда не забуду, как на международных конференциях и конгрессах, где мне выпала честь участвовать вместе с Эдуардом Израилевичем, он всегда знакомил меня с зарубежными учеными. Э.И. Колчинский пользовался большим авторитетом в международном научном сообществе, и при этом охотно делился своими связями, стараясь «продвинуть» нашу молодежь.

Поддержка молодых сотрудников, дружелюбие, интересные научные задачи и мероприятия – вот та атмосфера, в которую я «окунулся», когда пришел в ИИЕТ. Мне бы хотелось особенно отметить уважаемых ветеранов нашего филиала – Якова Михайловича Галла и, к большому сожалению, ушедших от нас Ксению Викторовну Манойленко и Бориса Ильича Иванова. Они являли пример интеллигентности, доброты, порядочности и всегда подбадривали добрым словом.

В то время в нашей секторальной комнате («в пятерке») располагались два сектора – истории эволюционной теории и экологии и центр социолого-научковедческих исследований. Нас было много, но жили мы дружно. Вспоминаю одно из первых ответственных поручений – замена лампочек в люстрах. Наталья Васильевна Юдина, отвечавшая в филиале за хозяйственные вопросы, попросила меня, как самого молодого сотрудника сектора, помочь в этом деле. Итак, Наталья Васильевна держит лестницу, я меняю лампочки, высота более 3-х метров (высотные работы!), а

внизу компьютеры, оргтехника... Но справился! В итоге мне даже аплодировали. Попутно отмечу, что мой приход в институт совпал с проведением масштабного ремонта, что было связано с переездами сотрудников с места на место, нашим участием в некоторых хозяйственных работах. Должен отметить, что, несмотря на неизбежные в этих условиях трудности и неудобства, мы с честью прошли это испытание. Эдуард Израилевич Колчинский тогда сказал, что коллектив смог все это пережить именно благодаря помощи молодых ученых.

Конечно же, основное в деятельности любого ученого – это научная работа. Без преувеличения могу сказать, филиал предоставил мне с избытком возможности для научных исследований. В работе историка многое зависит от тематики и хронологических рамок исследования. В моем случае (я занимался социальными аспектами истории отечественной генетики во второй половине XX века) основная масса источников сосредоточена в архивах. Поэтому в первые годы я достаточно активно работал в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска. Апробировать результаты своих изысканий можно было на годичных конференциях ИИЕТ РАН и СПбФ ИИЕТ РАН, а также на крупных международных научных конференциях и конгрессах, проходивших практически ежегодно. Также я начал писать статьи в издания нашего института – журналы «Историко-биологические исследования» и «Вопросы истории естествознания и техники».

С 2013 г. меня начали привлекать к научно-организационной работе. В течение года мы вели подготовку к XXXIV Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. Осенью предстояло всерьез заняться инвентаризацией... Видимо, это была в какой-то степени проверка меня со стороны руководства филиала. Мне бы хотелось выразить глубокую признательность Надежде Алексеевне Ащеуловой, которая в то время была ученым секретарем, а ныне является директором филиала. Всю административную деятельность я начинал именно под руководством Надежды Алексеевны и поэтому очень благодарен ей за оказанную поддержку и помощь. Как однажды сказал мне Эдуард Израилевич о своей преемнице на посту директора: «Я ни разу не пожалел».

Действительно, общая ориентация филиала на поддержку молодежи проявилась и в вопросе смены руководства. Эдуард Израилевич Колчинский доверил бразды правления молодой команде. В 2014 г. он предложил мне занять пост заместителя директора филиала. Безусловно, это была большая честь для меня. Так же как и выдвижение в 2017 г. на позицию ассессора в Отделении истории науки и техники Международного союза истории и философии науки и техники. Во многом благодаря поддержке бывшего председателя Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Василия Петровича Борисова, мне выпала честь представлять российских историков науки на международной арене. Административная и международная деятельность, так же как и работа историка, обладает своей спецификой. Однако это уже совсем другая история...

2012 год

ФЕКЛОВА
Татьяна Юрьевна

Известный американский проповедник Мартин Лютер Кинг 28 августа 1963 г. у мемориала Линкольна в Вашингтоне сказал: «У меня есть мечта!»

Ещё со школы моей мечтой была научная работа в каком-нибудь институте. Причем обязательно связанном с историей. Может, это было связано с тем, что моя бабушка была учителем истории, может, потому, что любили у нас в семье рассказывать разные истории. Мне всегда казалось, что работа историка сродни работе детектива, только события отодвинуты от нас на многие десятилетия, а то и сотни лет.

В Павловске было отлично развито дополнительное образование, а занятия в краеведческом кружке позволили мне поступить в 9 классе в Малую краеведческую Академию при Дворце Твор-

чества юных. Занятия включали в себя не только изучение истории родного города, но и подготовку, и проведение экскурсий, правильное составление библиографии, написание небольшой исследовательской работы. Первая моя исследовательская работа была посвящена пребыванию Н.В. Гоголя в Павловске, где он написал повесть «Вечера на хуторе близ Диканьки». Впоследствии моя работа была принята в библиотеку Павловского дворца-музея.

Семейные обстоятельства сложились так, что родителей в конце 90-х годов пригласили в Петрозаводск, Республика Карелия, работать в Северный Научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. В этой связи поступать пришлось в Петрозаводский государственный университет на кафедру документоведения и архивоведения. Специализация, связанная с большим количеством делопроизводственных дисциплин, таких как «История и организация делопроизводства», «Документоведение», «Технология и организация делопроизводства», способствовали формированию внимания не только к содержанию исторического документа, но и к его формуляру. Данное обстоятельство в дальнейшем стало определяющим обстоятельством в моей работе.

Свою дипломную работу «Академия наук в первой половине XIX в.: кадровый состав и экспедиционная деятельность» я писала под руководством к.и.н. Т.Н. Жуковской. Именно во время написания дипломной работы впервые пришлось столкнуться со сложностями работы в архиве. В 2005 г. Российский Государственный исторический архив планировалось закрывать в связи с переездом в новое здание и в 2004 г. исследователям приходилось в 7 утра занимать очереди, чтобы успеть попасть в архив.

По окончании университета я решила вернуться в Санкт-Петербург и поступить в аспирантуру. Передо мной встал выбор между Институтом истории и СПбФ ИИЕТ РАН.

На первую встречу с моим будущим научным руководителем М.Ф. Хартанович меня привела в СПбФ ИИЕТ РАН лично Т.Н. Жуковская. Меня поразила теплота, камерность и какая-то особая научная атмосфера в институте. После этой встречи аспирантуру в любом другом институте я даже не рассматривала. После прохождения вступительных экзаменов меня включили в сектор Истории Академии наук и научных учреждений.

Первые годы приходилось подрабатывать на стороне (моим первым местом работы стала сеть быстрого питания «Чайная ложка»). Через два года я стала секретарем сектора Истории Академии наук и в этой работе мне пригодились многое из того, чему нас учили в университете (прежде всего ведение протоколов заседания).

Тема диссертационной работы плавно вытекала из университетского образования: рассмотреть экспедицию не просто как способ собирания научного материала, но как сложный организационный процесс, характеризующийся специфическим комплексом документов. Эта работа позволила расширить представления об экспедиции как о важнейшей части деятельности Академии наук в XIX в.

14.02.2013 г. приказом директора СПбФ ИИЕТ Э.И. Колчинским было начато создание архива института. Создание архива и разбор бумаг

были возложены на меня. Эта работа позволила оценить, насколько большим документальным достоянием обладает Институт не просто как собрание отдельных сотрудников, но как историческое научное учреждение.

Большим событием для меня стало получение гранта Инициатив международной стипендии Президента Китайской академии наук, по которому я 2 года работала в Институте истории естественных наук в Пекине (Китай). Это позволило значительно расширить не только личный кругозор, определив новые пункты для дальнейших исследований, но и положили начало многолетней дружбе с китайскими коллегами, увеличив «китайскую» составляющую в работе нашего Института.

Работа в Институте стала не только исполнением мечты, но и делом всей моей жизни.

2013 год

МИНИНА
Екатерина Валерьевна

На постоянную работу в ИИЕТ РАН я пришла 5 марта 2013 года, но на самом деле мои отношения с этим замечательным учреждением складывались на протяжении почти четверти века.

Впервые я пришла в институт осенью 1997 г. В ИИЕТ проходили лекции по истории и философии науки и техники для научных сотрудников Политехнического музея, где я тогда работала. В 1987 г. была принята Перспективная научная концепция развития Политехнического музея, в которой была сформулирована его основная цель – документирование истории отечественной науки, техники и производства. Именно в этот период началось сотрудничество Политехнического музея с ИИЕТ, благо и находились они тогда по соседству: музей – на Новой площади, институт – в Старо-

панском переулке. Лекцию, на которую я попала, читала Наталия Ивановна Кузнецова. Читала потрясающе! О самых сложных проблемах рассказывала доступно, приводила много примеров, говорила очень эмоционально. Как я теперь понимаю, пыталась вовлечь слушателей в диалог, но для нас, только вступавших на путь историков науки и техники, это тогда было сложно.

В 2000 г. я в качестве соискателя была прикреплена к отделу истории техники и технических наук и стала чаще бывать в Старопанском. У меня, помню, сложилось впечатление, что в ИИЕТ научные сотрудники не сидят в кабинетах, а в основном собираются группками в коридорах и постоянно что-то обсуждают, даже спорят друг с другом. До этого я училась и работала на геологическом факультете МГУ, работала в Центральном научно-исследовательском геолого-разведочном институте. Там в кабинетах сотрудников стояли микроскопы, хранились коллекции горных пород и руд, папки с картами и отчетами. А здесь... книги, книги, книги. Я часто приходила в библиотеку института. Читального зала не было, «посторонние» читатели сидели в актовом зале.

Я успешно сдала кандидатские экзамены, но работа над диссертацией продвигалась медленно. Одна из коллег предложила обратиться за консультацией к Борису Игоревичу Козлову, в то время главному научному сотруднику ИИЕТ, работавшему по совместительству в Политехническом музее. Я до сих пор храню листок, на котором Борис Игоревич сформулировал основные подходы к тому, как строится диссертация. Эта встреча, длившаяся не более часа, стала для меня одной из реперных точек в профессиональной карьере историка науки и техники. В дальнейшем мы часто виделись на музейных мероприятиях. Борис Игоревич всегда интересовался, как у меня дела, давал советы по самым разным вопросам.

В 2000 г. в ИИЕТ открылся диссертационный совет под руководством Бориса Венедиктовича Левшина, в котором принимались к защите работы по специальности 07.00.10 (история науки и техники) и 07.00.09 (историография, источниковедение и методы исторического исследования). Совет присуждал ученую степень кандидата / доктора исторических наук. Мне к этому времени стало уже понятно, что моя научная работа не вписывается в рамки совета по техническим наукам, ведь ее основная идея заключалась в рассмотрении музейных фондов как источниковой базы по истории науки и техники. Именно тогда на моем «научном пути» встретился еще один сотрудник ИИЕТ, научный руководитель моей диссертационной работы Игорь Николаевич Юркин. Работа под его руководством позволила мне достаточно быстро завершить подготовку диссертации «Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники» и в ноябре 2007 г. успешно ее защитить.

Будучи соискателем, я принимала участие в заседаниях секции историографии и источниковедения Годичной конференции и всегда обращала внимание на широту тематики звучавших на секции докладов. Именно тогда начало приходить понимание того, что историография и источниковедение – это основа основ нашей специальности. Более близкое знакомство со многими будущими коллегами по отделу и институту состоялось на предзащите. ИИЕТ тогда уже переехал на ул. Обручева. Конечно, обстановка здесь была совсем не такой, как в Старопанском. Непростой путь по

коридорам и лестницам привел меня в большое помещение, разделенное рядами шкафов на несколько «отсеков». Сделала доклад, выслушала критические замечания, которых, как принято на предзащите, было довольно много. Помню, что особенно эмоционально мою работу критиковала Галина Геннадьевна Кривошеина. Она и сегодня не дает мне расслабиться, за что я ей признательна.

5 марта 2013 года я стала сотрудником института, заняв должность старшего научного сотрудника отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, взяв на себя также обязанности секретаря диссертационного совета. Того, где я когда-то защищалась. Политехнический музей к этому времени закрылся на реконструкцию. Новая команда, возглавившая музей в 2010 г., не рассматривала изучение и популяризацию истории науки и техники как основную задачу музея. Убедить людей, пришедших в музей, что «эти железки» – памятники науки и техники, к сожалению, не получалось. Работа в ИИЕТ давала возможность продолжить заниматься историей науки и техники, но уже на другом уровне. Наконец-то продолжить многочисленные «музейные» наработки, на завершение которых не хватало времени в многогранной и многозадачной музейной жизни.

Помню, что у меня сложилось впечатление, что сотрудники воспринимают здание на Обручева как временное пристанище, как бы не обживают его. Не чувствовалось той атмосферы, которая царила в Старопанском. Но, проработав немного, я поняла, что это не так. Возможно, в этих необустроенных, часто неотапливаемых комнатах и не было так ярко запомнившихся мне внешних атрибутов, подчеркивающих творческую обстановку. Но люди были все те же, они все так же творили.

В Политехническом музее я проработала 17 лет. В ИИЕТ пришла взрослым сложившимся человеком и, конечно, переживала о том, как смогу влиться в пусть не совсем знакомый, но все-таки давно сложившийся коллектив отдела и института. Мне, привыкшей к строгому режиму работы в музее (ведь там главное действующее лицо – посетители), было вначале сложно сориентироваться в «академических порядках». Мне очень помог заведующий отделом Симон Семенович Илизаров, незабвенная Зинаида Кузьминична Соколовская и другие коллеги, которые отнеслись ко мне очень доброжелательно. Игорь Николаевич Юркин стал той ниточкой, которая связала мое прошлое в Политехническом музее и будущее в ИИЕТ.

В свой первый рабочий день я встретила Ирину Васильевну Лапину, которая, к моему удивлению, узнала во мне «соискательницу из Политехнического». И Наталию Ивановну Кузнецову, чьи лекции много лет назад немало поспособствовали пробуждению у меня интереса к истории науки и техники. И Владимира Леонидовича Гвоздецкого – постоянного участника многих мероприятий Политехнического музея.

Первое время я часто заходила к Ольге Романовой в отдел истории наук о Земле. Она всегда охотно отвечала на мои многочисленные вопросы по работе ученого секретаря диссертационного совета. Тогда в работе диссертационных советов происходили большие изменения, требовались новые виды отчетов, других документов. Если что-то оставалось не ясным, к нашему разговору подключалась Вера Александровна Широкова и

любая проблема тут же «раскладывалась по полочкам». Я сразу поняла, что этот отдел не похож на другие. Сама по образованию геолог, я к тому же выросла в геологической семье. С 10 лет мама брала меня с собой в экспедиции, а потом довелось и самой немало поездить по свету. Как бы короток ни был срок пребывания геологов, да и других «полевиков», в том или ином месте, оно становится временным домом, обустраивается, делается по возможности комфортным. И еще в экспедиции все дается коллективно, иначе просто нельзя, а иногда и опасно для жизни. Именно эту обстановку «общего дома» я почувствовала в отделе истории наук о Земле.

Через несколько месяцев мне казалось, что я работаю в ИИЕТ давным-давно. И я почувствовала то, что не воспринимала тогда, когда приходила сюда в качестве гостя. ИИЕТ – это уникальное явление, суть которого не зависит от того, в какую внешнюю оболочку его помещают и по какому адресу прописывают. Когда-то директор Политехнического музея Гурген Григорьевич Григорян сказал, что сотрудники научно-технического музея – это, как правило, люди с техническим или естественнонаучным образованием, но с менталитетом гуманитариев. Я вспомнила его слова, когда поближе познакомилась с коллегами по ИИЕТ.

Мне очень повезло, что я попала в отдел к Симону Семеновичу Илизарову. Мне кажется, что именно здесь, в общении с коллективом, состоящим из очень разных по научным интересам и бэкграунду людей, я увидела, что каждый пришел в историю науки и техники своим путем, часто по воле случая. Но каждый пришедший, как мне кажется, нашел возможность реализовать в нашей профессии то, что не было бы востребовано, если историк остался бы «гражданским» историком, а «технар» стал бы инженером даже самого высокого уровня. Профессия историка науки и техники дает возможность объединения технических, естественнонаучных и гуманитарных знаний и подходов. И если это получается, то дает удивительный результат. Пример тому – уникальный научный коллектив ИИЕТ РАН.

Я шла в ИИЕТ почти четверть века и пришла 5 марта 2013 года. И ни разу об этом не пожалела.

2013 год

ПИВОВАРОВ
Евгений Григорьевич

Я начал работать в секторе истории Академии наук и научных учреждений в декабре 2013 г. До этого 12 лет преподавал аспирантам академических институтов на кафедре иностранных языков РАН. Учебные классы располагались напротив комнат института. На втором этаже музейного флигеля. В 2016 г. кафедра была расформирована. Её помещения – переданы филиалу. Сейчас наш секторальный кабинет находится в бывшей библиотеке КИЯ. «Шестерку», в которой я постоянно вел занятия, занимает Елена Фёдоровна Синельникова, а в «учительской» находятся завхоз и компьютерщик.

В 2002 г. защитил кандидатскую (07.00.02), а в 2007 г. – докторскую (07.00.03) диссертации в СПбГУ. Первая была посвящена наследию А.В. Бабина, автора од-

ного из первых русских учебников по истории США, и, главное, человека, купившего для США знаменитое книжное собрание Г.В. Юдина. Вторая – формированию коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса.

Моим научным руководителем / консультантом был Геннадий Леонтьевич Соболев. Требовательный, строгий наставник, он, когда это становилось необходимо, защищал своего аспиранта от напастей реальных и надуманных. Другим примером для меня в эти годы стал Рафаил Шоломович Ганелин. Выдающийся историк всегда тепло относился к начинающим исследователям. Для меня очень важно, что именно он согласился быть оппонентом на кандидатской и докторской, рецензировал первую монографию, писал многочисленные рекомендации в отечественные и зарубежные фонды. Сильно помог мне освоиться в научном сообществе города мудрый Аркадий Яковлевич Лейкин.

Когда я пришёл в филиал, тему нового НИР, а потом и сам сектор возглавлял «другой» Соболев – Владимир Семёнович. Опытнейший архивный работник, организатор науки, крупный администратор в общении оказался очень простым, жизнерадостным и отзывчивым человеком. Он охотно консультирует молодых коллег, доброжелательно следит за их научной работой, делится знаниями и опытом. Ещё одно совпадение. Супруга Г.Л. Соболева, Елена Владимировна, сотрудница СПбФ ИИЕТ, оппонировала на защите докторской диссертации своего однофамильца.

С коллегами по институту я общался практически ежедневно в общих коридорах, принимал у них вступительные экзамены и кандидатские минимумы, участвовал в совместных конференциях, печатался в коллективных сборниках научных трудов. Когда мой давний товарищ Павел Ильин ушёл из сектора, Надежда Алексеевна Ащеулова, тогда учёный секретарь филиала, рекомендовала меня на его место. В тот год у меня вышла третья монография. Книга давалась крайне тяжело. Писал я её, таковы были условия гранта, всего полгода – с апреля по сентябрь. Параллельно преподавал и по поручению зав. кафедры занимался изданием учебника французского языка.

Живание в новую тему давалось трудно. Особенно угнетало требование журнальных публикаций именно по теме НИР. Полагаю, что жёсткая отчётность по количеству и, особенно, качеству статей – настоящее испытание для новых сотрудников. Реформы, которые претерпевали академические институты, рождали неуверенность в будущем, нервировали пожилых коллег, заставляли молодых задуматься о выборе карьеры. Ликвидация КИЯ, где я продолжал работать по совместительству, сильно ударила по бюджету моей семьи.

Историк науки должен хорошо владеть иностранными языками. К счастью, мой английский позволяет читать труды коллег и готовить работы для зарубежных периодических изданий. Исследователь прошлого Академии наук, однако, должен, прежде всего, знать латынь, французский и немецкий. Остаточные сведения о первых двух помогли мне освоиться с обширным материалом, в работе же с немецкими источниками мне очень помогли профессор КИЯ Борис Анатольевич Дюбо и мой соавтор – Наталия Карева из ИЛИ РАН.

Мне повезло, смена основного места работы оказалась не столь травматична, как можно было ожидать. Дело не только в «географическом» факторе. Дружный коллектив сектора – Владимир Семёнович, Галина Ивановна Смагина, Татьяна Ивановна Юсупова, Татьяна Юрьевна Феклова – замечательно, без ненужной «дедовщины» отнеслись к новобранцу. И это не было исключением из правил. Елена Фёдоровна и Андрей Юрьевич Скрыдлов, поступившие в ИИЕТ позднее, благодаря деятельному участию старших коллег быстро нашли свой путь в науке, получили возможность реализовать свои административные таланты.

Соавторство, вообще широко распространенное среди сотрудников филиала, стало для меня новой, непривычной формой научного диалога. Так, с А.Ю. Скрыдловым мы подготовили серию биографических очерков, посвященных бывшим сотрудникам Комиссии по истории Академии наук и ЛО ИИЕТ: А.И. Андрееву, Т.Н. Кладу, В.Р. Свирской-Лейкиной. С Н.В. Каревой – занимались историей рода Шванвичей, общий предок которых Мартин, один из первых профессиональных филологов незадолго до этого созданной Академии, стал автором необычайно популярной в XVIII в. грамматики немецкого языка.

Круг моих научных интересов сложился не сразу. Выделю основные этапы. В студенческие годы я занимался средневековыми латинскими источниками по ранней истории дома Тюдоров. После – изучал судьбу кириллических собраний в США. С 2014 г. основной темой моих исследований стали международные связи Академии, переводческая деятельность её сотрудников. Подобная турбулентность может вызвать и вызывает нарекания у специалистов. В своё оправдание хочу сослаться на шутку Эдуарда Израилевича Колчинского. Принимая меня на работу, он заметил, не помню дословно, поэтому передам примерный смысл, – когда я в юности трудился на железной дороге, не думал, что буду изучать Палласа.

2013 год

ПРОХОРОВ
Сергей Петрович

Я пришел в институт в августе 2013 г. Мое впечатление об институте сформировалось задолго до моего первого визита. Еще со школьных лет, ну если не со школьных, то по крайней мере с институтских лет, я был знаком с работами института, читал их. Мне нравилось, как они были изящно оформлены, каким красивым языком написаны. Листая книги, монографии, изданные институтом, чувствовалось, что ИИЕТ является одним из мировых центров, хранителей культуры. Очень часто (но неправильно) отождествляют искусство и культуру. Культура более ёмкое понятие. Наука является частью культуры. Без изучения и сохранения истории науки, памятников истории науки культура теряет важное звено.

Поэтому, когда увидел недостроенное здание, в котором «вре-

менно» был размещён институт, это не вызвало у меня каких-либо эмоций. Но очень позитивное, воодушевляющее впечатление произвели люди, сотрудники института. Чувствовалось, что традиции института, высокий уровень работ сохранился.

«Бытие определяет сознание», в этом отношении здание, в котором институт находится последние пять лет, вызывало и вызывает ощущение разгрома. Не только физического (от треснувшего фасада), но и от последствий от действия (точнее от бездействия) предыдущей администрации.

Сейчас, наконец-то, появилось ощущение перспективы. Каким я вижу будущее?

Институт истории естествознания и техники несомненно является институтом мирового уровня. На мой взгляд, первая задача – это напомнить всему миру об этом. Начинать надо с общепитетутский конференции. Она должна быть международной и престижной.

Второй шаг – публикации в международных журналах и трудах конференций. В наши дни нет проблем опубликовать статью в международном журнале. Плати и тебя публикуют. Но ценность имеют только публикации в журналах и трудах конференций, которые имеют имя и за которыми стоят крупные авторитетные международные организации.

Важно, чтобы основные результаты публиковались на английском языке. Я задавал некоторым зарубежным авторам вопрос, почему они ссылаются на работы иммигрантов, а не на работы авторов, которые остались в России. Ответ обескураживает своей простотой. Точнее, не ответ, а встречный вопрос: «А где они, работы ваших авторов? На кого ссылаться?» Не публикуясь на английском, мы отдаём нашу историю на растерзание иммигрантам и иностранным авторам, которые отслеживают публикации российских учёных. Естественно, что их оценка может быть тенденциозной.

Я также считаю, что институт должен публиковать научно-популярные статьи и книги, в том числе и для школьников (а может, и прежде всего). Сегодня, благодаря интернету каждый может написать и разместить всё, что ему вздумается. Много чуши, откровенного вранья и домыслов. Написать интересно сложно. Ещё сложнее пробиться к читателю. Интернет замусорен ссылками на фейковую информацию. Но заниматься этим надо.

Каким я представляю современного историка науки и техники? В идеале, это эрудит, который может написать интересную научную статью и столь же интересную научно-популярную, который активно участвует в научных конференциях и не чурается организационной работы.

2014 год

БАГАНОВ
Андрей Геннадьевич

– И никаких отказов не принимается! Бери паспорт – и в Отдел кадров, оформляться. Мы с Юрием Михайловичем (Батуриным, тогдашним директором ИИЕТ) решили взять тебя на работу в институт, – тон заведующей аспирантурой и докторантурой ИИЕТ Ирины (как я узнал позже – Ираиды) Васильевны Лапиной не предполагал никаких других вариантов, колебаний или отказов.

Начальник Отдела кадров Елена Юрьевна Оленикова, необыкновенно организованная и четкая женщина, с виду, может быть, даже суровая, но с серьезным, если можно так сказать, чувством юмора, все формальности уладила за полчаса.

Так 13 февраля 2014 года я был принят на работу (по совместительству) в Институт истории

естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН на должность руководителя группы популяризации науки и по связям с общественностью отдела методологических и социальных проблем развития науки.

Точное название этой своей должности я так и не смог выучить, чтобы, что называется, от зубов отскакивало. Потом и название отдела, и название моей должности пару раз менялось. Но суть оставалась неизменной: мне очень повезло – я стал заниматься тем, что меня особенно интересовало в то время, историей популяризации науки в России. И не просто ради собственного удовольствия (хотя и это тоже), а выполняя, как это ни пафосно звучит, государственные задания. В академическом институте.

Это было вступление.

Будущие события всегда отбрасывают назад свою тень. Мы, ретроспективно, при некотором напряжении фантазии, мобилизации информационных ресурсов и памяти, вполне можем уловить эту тень. А, между тем, сигналы и символы будущего своего «проникновения» в этот замечательный, какой-то по-домашнему комфортный институт я вполне мог бы рассмотреть еще почти за 20 лет до 13 февраля 2014 года. Как замечал Владимир Набоков в своем автобиографическом сочинении «Другие берега» (1954), текстура человеческой жизни есть только «развитие и повторение тайных тем в явной судьбе».

В январе 1996 года на меня, что называется, вышел тогдашний директор ИИЕТ РАН Владимир Михайлович Орел. К тому времени в «Независимой газете», где я работал научным обозревателем, начала выходить регулярная тематическая полоса «Наука», мутировавшая чуть позже в двухнедельное приложение «НГ-наука». Необыкновенно заинтересованно отнесшись ко мне, он пригласил на научно-методическую конференцию «Становление философии техники». ИИЕТ тогда располагался в Старопанском переулке 1/5, в сдержанном, неброском особняке. 200 м от Кремля! По результатам этого моего погружения в проблему, в «НГ» вышла небольшая заметка. И я очень рад, что она сохранилась в моих электронных архивах, а еще больше рад, что мне удалось отыскать ее. Не удержусь – короткий фрагмент:

«Существует иллюзия, что человек творит техносферу, следуя своим прагматическим целям; но иногда он не замечает, что делает это по законам техносферы», – так определил основную, пожалуй, тему конференции профессор Владислав Чешев (Томск). Проблема эта отнюдь не надумана и представляет не только чисто философский интерес. Как заметил доктор технических наук Борис Кудрин, «вокруг нас, фактически, существует только техносфера: даже в Антарктиде содержание тяжелых металлов уже превышает в несколько раз норму». <...> А доктор биологических наук, сотрудник ИИЕТ РАН Эдуард Мирзоян в своем выступлении как императив развития техносферы предложил использовать положение: «В тактике человеческой деятельности надо учитывать стратегию биосферы». <...> Человек сам строит техносферу (вторую природу), но одновременно попадает и в зависимость от нее. Поискам оптимальной линии поведения человечества в этих условиях и была посвящена прошедшая конференция». Вся эта проблематика меня необыкновенно заинтриговала.

Потом я стал довольно частым прилежным слушателем на различных научных мероприятиях ИИЕТ. Владимир Михайлович Орёл и его секре-

тарь Татьяна Сергеевна Костромина, что называется, привечали меня, предлагали какие-то темы для публикаций. Ненавязчиво и чрезвычайно деликатно. Но я и сам скоро осмелел и напрямую начал обращаться к сотрудникам ИИЕТ или с просьбой прокомментировать ту или иную новость, или дать интервью для «НГ».

Запомнилась беседа-интервью с доктором географических наук, ведущим научным сотрудником ИИЕТ РАН Валентином Константиновичем Рахилиным. Текст был опубликован в «НГ» 14 января 1998 года и назывался «История с птичьей географией. За присоединение к России хивинский хан просил в 1703 году трех кречетов». До сих пор храню и иногда перелистываю необычную монографию, которую подарил мне Валентин Константинович: «Орнитогеография России» (М., 1997). Занимается ли сегодня кто-то в России такими исследованиями? – бог весть.

«Тайные темы в явной судьбе» постепенно становились все более концентрированными, проявленными.

28 февраля 2012 года Институту истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН исполнялось 80 лет. Сам бог велел сделать интервью с директором, – тогда еще про него говорили «новый директор», – членом-корреспондентом РАН Юрием Батуриным. И 22 февраля это интервью вышло в «НГ» – «Неразрывность правопреемства. Кому и зачем нужна сегодня история науки и техники». Я вышел из кабинета Юрия Михайловича груженный великолепным новым десятитомным собранием трудов М.В. Ломоносова, изданным к 300-летию со дня рождения русского просветителя и подготовленным в основном сотрудниками ИИЕТ РАН. Уже тогда можно было бы сказать, что участь моя решена...

Чего только стоит знакомство и, рискну сказать, даже дружба с выдающимся историком химии Дмитрием Николаевичем Трифоновым. Больше десяти лет он был постоянным автором «НГ-науки». Его научная специализация – история периодического закона; то, как он рассказывал о ней, невозможно забыть. Опять же, очень рад, что на память о замечательном ученом у меня остались его собственные книги и книги из его личной библиотеки. А кроме того, ждет своего разбора переписка Дмитрия Николаевича с коллегами из Лос-Аламосской лаборатории (США), с известным радиохимиком из Лаборатории Кюри в Париже Моизом Хайссински (Moise Haisinsky)... Думаю, это было бы небезынтересно для истории науки.

Владимир Павлович Визгин, Симон Семенович Илизаров, Сергей Владимирович Кричевский, Лариса Петровна Белозерова, Василий Петрович Борисов, Владимир Леонидович Гвоздецкий, Елена Леонидовна Желтова, Константин Владимирович Иванов, Наталия Ивановна Кузнецова, Дмитрий Леонидович Сапрыкин, Константин Александрович Томилин... Эти и многие другие сотрудники ИИЕТ оказали мне, научному журналисту, неоценимую услугу – я попал в среду историков науки и мог только завидовать сам себе.

Или беззаветный исследователь жизни, трудов и философии Владимира Вернадского, диалектический материалист – Инар Иванович Мочалов. В справочнике «Сотрудники ИИЕТ РАН» (М., 2014) как своих учителей он указал два имени: «В.И. Вернадский, В.И. Ленин». И это не нарочитый эпатаж, Инар Иванович действительно учился по их произведениям.

Кстати, на фуршете 11 марта 2013 года, после презентации сборника «В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)» (так называемый «зеленый Вернадский») (М.; СПб., 2013) в Международном университете в Москве, Ирина Васильевна Лапина и предложила мне поехать осенью в Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ – там институт готовил школу молодых историков науки.

А 27 июня 2013 года правительство РФ решило начать реформу Российской академии наук. Об этом уже много написано. Но, в основном, публицистика. Кажется, академической истории этого странного процесса пока не создано. Копятся факты? Как говорил тот же Вернадский, «факты – вечны, гипотезы и теории – преходящи». Действительно: «Кому и зачем нужна сегодня история науки и техники»?

Как бы там ни было, осенью 2013 года, можно сказать уже в пореформенный период, в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ эта реформа РАН стала невидимым, но вполне ощутимым фоном всей школы молодых историков науки.

Видимо, как говорил герой повести Валентина Катаева «Сын полка», «глянулся я им»...

Так или иначе, 13 февраля 2014 года заведующая аспирантурой и докторантурой ИИЕТ Ирина Васильевна Лапина, тоном, который не подразумевал никаких других вариантов, сообщила мне... (См. первый абзац).

2014 год

ЗАХАРЧУК
Полина
Александровна

В 2014 году я окончила факультет истории и права Тульского государственного университета им. Л.Н. Толстого и поступила в аспирантуру Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, и это было исполнение мечты. Интерес к истории техники проснулся во мне уже на третьем курсе обучения в вузе. Технические характеристики воспринимались мною как объективные и достоверные источники, которые сложно подделать или мистифицировать. История железнодорожного транспорта интересовала меня с самого детства. Первый в жизни паровоз я увидела в четыре года. Он экспонировался в Музее развития запада в городе Саскатуне. Это было незабываемое впечатление. Уже в период школьной жизни в поселке Ар-

сеньеве Тульской области я часто ходила на железную дорогу смотреть, как проезжают товарняки. Но вскоре линию законсервировали, а здание вокзала заколотили. Было больно смотреть, как приходит в упадок архитектурный памятник начала XX в., а пути незаконно разбирают на металлолом. Хотелось спасти и сохранить это историческое наследие. В 2012 г. я написала курсовую работу, посвященную истории сооружения железнодорожной линии Данков–Смоленск на территории Тульской губернии, в результате строительства которой возникла станция Арсеньево, давшая начало моей малой родине.

Летом этого же года я отправилась на каникулы в Канаду, где продолжила исследование по истории железнодорожного транспорта. В Саскачеванском университете мне удалось заняться поиском литературы по истории железных дорог России и Канады на рубеже XIX–XX веков. Также я побывала в железнодорожных музеях и на тематических выставках. Маршрут путешествия также включал посещение Саскачеванского железнодорожного музея, основанного исторической ассоциацией Саскачеванской железной дороги. На территории под открытым небом были расположены локомотивы, вагоны, здания станций, перенесенные сюда. Экспонаты позволялось трогать руками, а так же разрешалось залезать внутрь подвижного состава, что для российских железнодорожных музеев является редкостью. По итогам моей поездки в Канаду была написана курсовая работа о развитии железных дорог в Канадской прерии на рубеже XIX–XX веков.

Моя выпускная квалификационная работа была посвящена истории строительства Великого Сибирского железнодорожного пути, в последующем получившего название Транссибирской магистрали. Тема исследования, с одной стороны, позволила привлечь накопленную мною западную историографию, а с другой – проанализировать доступные источники и литературу. На защиту ВКР пригласили главного научного сотрудника ИИЕТ РАН, доктора исторических наук Игоря Николаевича Юркина. После мероприятия он подошел ко мне и у нас с ним завязался разговор. Он предложил мне попробовать поступить в аспирантуру ИИЕТ РАН. Про этот институт, я конечно же, слышала. Но для меня это учреждение было настолько недостижимым и авторитетным, что я не могла тогда допустить и мысли о том, что могу поступить туда в аспирантуру. Я очень сильно благодарна Игорю Николаевичу. Он воспринял мое желание заниматься историей техники всерьез и поверил в меня.

Период поступления в аспирантуру ИИЕТ РАН совпал с финансовым кризисом из-за санкций и ответных контрсанкций в связи с присоединением Крыма к России и конфликтом на востоке Украины. Цены росли, стипендию аспирантам не платили с ноября по март следующего года, да и потом, в течение трех лет с ней постоянно были перебои. Мои финансовые запасы таяли на глазах: рацион питания сократился до пустых макарон. Последней точкой, после которой я поняла, что нужно искать работу с полной занятостью, стал случай, когда на зимнем сапоге сломалась молния, и мне пришлось натягивать на сапог штанину и ходить зимой с расстегнутым сапогом. В ИИЕТ РАН свободных вакансий для аспирантов не было. Поэтому пришлось искать работу на стороне. Так моя жизнь проходила по графику два через два: два дня я – детский аниматор, два дня – аспирант ИИЕТ РАН.

В сентябре 2015 года, благодаря Симону Семеновичу Илизарову, я стала младшим научным сотрудником ИИЕТ РАН. Мои коллеги стали для меня моральными и научными авторитетами, на которых очень хочу равняться и брать с них пример. За годы, проведенные в ИИЕТ, я поняла, что исследования в области истории науки и техники базируются не только на энтузиазме, но и усердной работе, самодисциплине и самоорганизации.

2014 год

СИНЕЛЬНИКОВА
Елена Федоровна

В СПбФ ИИЕТ РАН я работаю с 15 декабря 2014 г. Однако оказаться в Филиале я могла, возможно, и раньше.

В июле 2010 г., получив диплом по специальности «Историк. Преподаватель истории» Самарского государственного университета, я приехала в Санкт-Петербург поступать в аспирантуру. Мне всегда нравилась археология и, мечтая стать археологом, я во время обучения на Историческом факультете писала курсовые работы именно по этой тематике. Однако на третьем курсе меня заинтересовала история археологических исследований Самарской области в середине 1910–1920-х годов, которые проводились силами общественно-научных организаций Самары. Этим был обусловлен выбор аспирантуры в Институте истории материальной куль-

туры Российской академии наук. Но этому не суждено было сбыться. Переговорив с заведующей Отделом аспирантуры, я поняла, что без подготовки выпускника кафедры археологии (которых, к слову, в стране всего пять), вряд ли смогу сдать экзамен по специальности.

Обучение в аспирантуре вузов мною не рассматривалось. Я стала искать информацию о том, какие еще могли бы быть возможные варианты аспирантуры по исторической специальности. Очевидным был вариант аспирантуры Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, но заведующая Отделом аспирантуры находилась в отпуске, и встреча с ней откладывалась на неделю.

В это время я нашла сайт СПбФ ИИЕТ РАН. История науки, как направление исследований, мне была интересна и позволила бы продолжить изучение общественно-научных организаций. Однако, ознакомившись с перечнем экзаменационных вопросов по специальности «История науки и техники» на сайте Филиала, я поняла, что просто не успею подготовиться вовремя, так как было уже начало августа.

В аспирантуру я в итоге поступила в СПбИИ РАН. Разговор с заведующей Отделом аспирантуры Тамарой Александровной Абросимовой прошел более чем успешно, во многом благодаря наличию 16 публикаций и красного диплома, в котором были только отличные оценки. Несмотря на то, что вступительные экзамены начинались уже через две недели, мои документы были приняты. Тогда же состоялся разговор с заведующим Отделом современной истории России Александром Николаевичем Чистиковым, который стал впоследствии моим научным руководителем. После успешно сданных экзаменов я была зачислена в аспирантуру СПбИИ РАН 1 октября 2010 г.

Встал вопрос о выборе темы будущей диссертации. Месяц штудировав в библиотеках работы по истории организации науки в 1920-е гг., я определилась с темой диссертации – «Власть и научные общества Петрограда–Ленинграда в 1920-е гг.».

Первый год обучения в аспирантуре выдался непростым, занятия по английскому языку, философии науки и техники, поиски архивных материалов, работа с литературой в библиотеках, и параллельно еще работа в школе... Все это осложнялось тем, что диссертационное исследование пришлось фактически начинать с нуля, хотя историки, как правило, приходят в аспирантуру уже с наработками, и диссертация является развитием темы дипломных сочинений.

В конце первого курса аспирантуры Александр Николаевич, подводя итоги моей работы за истекший период, сказал, что пора выступить с первыми наработками на конференции, и передал мне информационное письмо Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук, главным организатором которой являлся СПбФ ИИЕТ.

В рамках конференции проводилась секция Истории Академии наук и научных учреждений, тогда возглавляемая Галиной Ивановной Смагиной. Именно в заседании этой секции я и выступила с докладом. Так я впервые оказалась в Санкт-Петербургском научном центре, а также в Зале заседаний Филиала. Однако второй этаж правого крыла Музейного флигеля был

мне знаком и раньше. Обучаясь на первом курсе аспирантуры, я ходила на занятия по английскому языку на Академическую кафедру иностранных языков, которая тогда делила с Филиалом помещения на этаже.

Тема истории научных обществ Петрограда–Ленинграда была для меня все еще новая, и я очень волновалась о том, как доклад будет воспринят профессиональными историками науки. Однако волнения оказались напрасными, принято выступление было хорошо, многие задавали вопросы, но не обошлось и без критики. Я помню, что Наталья Георгиевна Сухова сказала, что у меня получилась слишком радужная картина существования научных обществ в годы гражданской войны в Петрограде, т.к. я говорила о наличии субсидирования их деятельности, помощи органов власти в решении их хозяйственных и бытовых проблем. Наталья Георгиевна возразила, что на самом деле положение ученых в те годы было куда сложнее и трагичнее.

На следующий год я вновь принимала участие в работе секции. А выступление в 2013 г. проходило буквально накануне защиты кандидатской диссертации, которая состоялась 3 декабря. Его можно было рассматривать как генеральную репетицию, т.к. вопросов, замечаний и дискуссий после выступления было немало. В эти годы секцию возглавлял Валентин Георгиевич Смирнов. Он также был одним из тех, кто давал отзыв на автореферат моей работы.

После успешной защиты диссертации я все еще продолжала работать научным сотрудником в фондах Музея «Нарвская застава». Дело в том, что со второго курса аспирантуры я работала именно в музеях (в Детском музейном центре исторического воспитания Государственного музея политической истории России, а затем с 9 сентября 2013 г. в Музее «Нарвская застава»). И хотя в целом все виды музейных работ мне были очень интересны, после защиты диссертации хотелось продолжать научную работу по избранной историко-научной тематике. Но у каждого музея есть свои приоритетные темы, и история научных обществ города не была таковой для «Нарвской заставы». В 2014 г. я, как и прежде, практически по привычке, подала заявку на очередную Годишнюю конференцию, так как хотелось профессионального общения в историко-научном сообществе. И именно эта конференция оказалась судьбоносной.

Но сначала передо мной встал непростой выбор – отправиться на курсы по фондово-хранительской деятельности, которые организовывал Российский этнографический музей (начаться обучение должно было 24 ноября 2014 г.) или принять участие в Годишней конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники, которая была назначена на эти же даты (24–28 ноября 2014 г.).

Пойти на музейные курсы означало для меня тогда смириться с тем, что я буду фондовиком со всеми вытекающими последствиями, а участие в конференции возвращало к профессии историка науки. Возможно, так жестко вопрос и не стоял, но я воспринимала ситуацию именно как определяющую моей дальнейшей судьбы. Однако мне не пришлось делать этот выбор самой. Директор музея – Нина Александровна Дементьева – приняла решение за меня, объявив, что на курсы она меня отправлять не будет, и я могу идти на конференцию.

Так я в очередной раз выступила с докладом в уже привычной аудитории Филиала. В.Г. Смирнов попросил задержаться после заседания секции. Оказалось, что он покидал Филиал, чтобы возглавить Архив Военно-Морского Флота, а заведующим Сектором истории Академии наук и научных учреждений становился Владимир Семенович Соболев. В связи с этим событием в секторе открылась вакансия научного сотрудника, занять которую предложили мне. Сложно описать, как я была рада такому предложению и возможности работать в академическом институте.

Так сбывалась моя мечта. Здесь позволю себе отметить, что, еще будучи студенткой третьего курса и заполняя заявку на стипендию Российского Оксфордского фонда, я в графе «Где вы видите себя через пять лет после окончания университета» написала: «Я хочу работать в РАН». Поэтому при поступлении в приоритете для меня была именно аспирантура академических институтов.

После беседы с директором Филиала Эдуардом Израилевичем Колчинским я приступила к работе в Филиале. А Владимир Семенович Соболев, уже будучи заведующим сектором, познакомил меня с сотрудниками и рассказал о работе сектора.

Адаптация к работе в институте после «музейной» жизни была непростой. Режим работы, особенности взаимоотношений внутри коллектива – все отличалось даже от того, что было увидено и усвоено мною в бытность аспиранткой СПбИИ РАН.

Тогда сектор истории Академии наук и научных учреждений делил помещение нынешнего Конференц-зала Филиала с Сектором истории технических наук и инженерной деятельности. В этой огромной комнате помещалось множество столов и сотрудников, своеобразный open-space, который был мне непривычен, т.к. в музеях, где я работала, помещения для сотрудников были очень небольшими.

Сотрудники сектора – Галина Ивановна Смагина, Татьяна Ивановна Юсупова, Евгений Григорьевич Пивоваров, Татьяна Юрьевна Феклова, Наталья Георгиевна Сухова и, конечно, заведующий сектором Владимир Семенович Соболев – своим благожелательным отношением и профессиональными советами помогали осваиваться в новом для меня пространстве Филиала. Помню, как Наталья Георгиевна Сухова в первый же день позвала меня обедать в столовую Библиотеки Академии наук.

Так получилось, что моя работа в должности научного сотрудника сектора была недолгой и продлилась только полгода. Став директором Филиала, Надежда Алексеевна Ащеулова пригласила меня на должность ученого секретаря, в которой я работаю до настоящего времени.

Принимая решение перейти на административную должность, я в полной мере, вероятно, еще не осознавала весь объем обязанностей и ответственности, который с каждым годом только возрастает. Но в тот момент мне хотелось расширить свою деятельность. Я знала, что смогу совмещать административную работу с научной, так как ранее всегда удавалось сочетать науку и другие виды профессиональной деятельности.

Сейчас по прошествии ряда лет уже сложно представить, что на каком-то этапе все могло сложиться иначе. Но мне кажется, что мы не всегда сами выбираем пути, по которым идем, иногда они выбирают нас. И я благодарна тем людям, которые встречались мне на этом пути в ИИЕТ и в ИИЕТе.

2014 год

ЭРМАН
Наталья Михайловна

Мое научное сотрудничество с Отделом истории наук о Земле ИИЕТ РАН началось еще до поступления на работу в качестве научного сотрудника. В 2011 г. я приняла участие в Годичной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова. На секции истории наук о Земле проявили интерес к моему докладу, задавали вопросы, делали ценные замечания, одобряли и эта оценка стала стимулом к продолжению моей работы. Во время кофейной паузы в отделе был накрыт один большой стол, за которым собрались все сотрудники отдела, приглашенные гости, докладчики из других институтов. Это радушное отношение создавало необычайно теплую дружественную атмосферу праздника, встречи родных людей, а я почувствовала себя принятой в эту большую и дружную семью.

В такой же доброжелательной обстановке, осенью 2011 г., я сдавала в Отделе истории наук о Земле кандидатский экзамен по специальности. А в 2012 г. меня пригласили поучаствовать в Комплексной экспедиции по изучению исторических водных путей, работавшей, в частности, на реках моей Смоленщины. Комплексные экспедиционные работы позволили мне получить представление об историко-географических исследованиях как процессе познания прошлого и настоящего и стали основой для многочисленных публикаций. В экспедиции принимали участие ученые из других научных учреждений и вузов. Особую роль в методологии и методике экспедиционных работ играл ведущий научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова В.А. Низовцев, много лет сотрудничавший с Институтом. Так я познакомилась с Вячеславом Алексеевичем Низовцевым, известным ученым – географом, автором многих школьных и вузовских учебников, ведущим специалистом в области исторического ландшафтоведения, который стал моим проводником в науку, моим учителем, под руководством которого я смогла закончить работу над кандидатской диссертацией.

В феврале 2013 г. я прошла предзащиту и до 27 мая 2013 г. приходила в Отдел истории наук о Земле и работала над своей диссертацией, получая консультации от заведующей отделом Веры Александровны Широковой и секретаря диссертационного совета Ольги Сергеевны Романовой. Уже тогда я почувствовала себя научным сотрудником Отдела истории наук о Земле. После защиты кандидатской диссертации, в 2014 г. я была принята в Отдел истории наук о Земле на должность старшего научного сотрудника. Заведующая отделом Вера Александровна Широкова – как прекрасный организатор и руководитель, с первых дней работы окружила меня особой заботой и вниманием и предложила поработать с главным научным сотрудником О.А. Александровской. Так Ольга Андреевна стала моим наставником в науке и примером в жизни. От нее я получила ценнейший опыт работы по редактированию диссертаций соискателей, проведению поисковых историко-географических изысканий. Ольга Андреевна много рассказывала об истории Отдела и ее сотрудниках – основоположниках научной школы Истории географии. Тогда я поняла, что основной труд научного сотрудника заключается в непрерывном поиске истины, с его ошибками и достижениями.

2015 год

СКРЫДЛОВ
Андрей Юрьевич

Я окончил исторический факультет СПбГУ в 2010 г. и по совету моего университетского научного руководителя Леонида Владимировича Выскочкова, известного специалиста по политической истории первой половины XIX в., решил поступать в академическую аспирантуру. Тогда выбор пал на Санкт-Петербургский институт истории РАН – именно здесь в архиве хранились материалы, необходимые для продолжения работы над темой будущей диссертации. На протяжении трех лет в Отделе новой истории России мне посчастливилось работать под руководством Татьяны Васильевны Андреевой, которая оказала мне неоценимую помощь как в процессе написания диссертации, так и во вхождении в новую для меня академическую среду. Ее чуткость, открытость и готовность

поддержать сочетались со строго объективной оценкой результатов научной работы и мастерством источниковедческого анализа. В это время в отделе работали такие корифеи петербургской исторической школы как Р.Ш. Ганелин, Б.В. Ананич, А.Н. Цамутали, встречи и общение с которыми становились настоящими событиями в жизни молодого ученого. Помню, как Рафаил Шоломович участвовал в обсуждении темы моей будущей диссертации, подсказывал направления исследований и обращал мое внимание на те или иные источники. В 2013 г. в совете Института истории я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и государственная деятельность А.Д. Балашева», по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

После окончания аспирантуры устроился работать учителем истории и обществознания в гимназию № 56 Петроградского района, которая находилась по соседству от Института истории. Учебный процесс в школе шел своим чередом, текущая работа молодого учителя забирала много сил и времени, но я старался не оставлять занятий наукой. Понимал, что работа в академическом учреждении могла открыть гораздо больше перспектив, но найти вакантное место в условиях реформы РАН и реорганизации академических учреждений было непросто. Летом 2015 г. от коллег в Институте истории Татьяна Васильевна узнала, что в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ освободилась ставка научного сотрудника, и предложила мне сходить на собеседование.

Первым ученым, с которым я познакомился в Филиале, стал Владимир Семенович Соболев. Известный историк и организатор науки, за плечами которого были десятилетия руководства ведущими архивами Петербурга, тогда заведовал Сектором истории Академии наук и научных учреждений. Он приветливо встретил меня и расспросил о научных интересах, рассказал о специфике новой для меня специальности, о научной работе сектора и Филиала в целом. Собеседование прошло успешно. Владимир Семенович выдал мне увесистую стопку книг, «обязательных к прочтению». Это были как работы по истории Академии наук, так и общефилософские труды по истории науки. В ходе знакомства с литературой у меня начали формироваться первые представления о профессии историка науки. В одной из книг мне попались требования к историкам науки, которые изложил С.И. Вавилов: «Для того, чтобы ответственно работать в области истории науки, нужно прежде всего достаточно хорошо знать и понимать саму науку, история которой изучается. Вместе с тем нужны специальные исторические знания, философский кругозор, знание многих языков (в том числе древних и итальянского), умение обращаться с историческими документами...». Смогу ли я, кроме известных мне общеисторических компетенций, достаточно глубоко освоить еще одну, новую для меня науку, усовершенствовать навыки работы с источниками на иностранных языках? Такая междисциплинарность с одной стороны вызывала тревогу, а с другой – невероятный интерес.

Владимир Семенович и другие коллеги по сектору – Галина Ивановна Смагина, Татьяна Ивановна Юсупова, Евгений Григорьевич Пивоваров поддержали меня и помогли определиться с направлением будущих исследований. Занимаясь прежде историей государственных учреждений и управленческой элиты XIX в., я нашел несколько точек пересечения моих

прежних научных интересов с новой специальностью. Один из разделов моей кандидатской диссертации был посвящен истории создания Министерства полиции, в составе которого в 1810 г. было создано Статистическое отделение – первый орган административной статистики в России. Я решил использовать уже собранный материал по этой теме и углубиться в историю отечественной статистики. Так появилась первая статья об академике-статистике К.Ф. Германе, а затем – о становлении статистических исследований в Академии наук, РГО, российских университетах и т.д. В 2016 г. вышла монография о министре полиции А.Д. Балашеве, в которой был сделан акцент на его роли в развитии статистических исследований. В 2018 г. Татьяна Ивановна Юсупова убедила меня подать заявку на грант РФФИ для молодых ученых. Заявка была одобрена, и институционализация статистики в России стала ведущей темой моих исследований. Параллельно возникали совместные проекты с сотрудниками Филиала, по результатам которых вышли публикации в соавторстве с Е.Г. Пивоваровым и Н.Г. Суховой.

В 2016 г. директор Надежда Алексеевна Ащеулова поручила мне аспирантуру Филиала. Это был сложный период реформирования образовательных стандартов послевузовского образования, нормативно-правовая база деятельности аспирантуры постоянно менялась. Традиционную для академических институтов модель обучения требовалось дополнить новыми лекционными курсами. Последующие два года работы заведующим аспирантурой помогли наладить более тесный контакт со многими сотрудниками Филиала и получить базовые административные навыки. Этот опыт пригодился в дальнейшем, когда я был назначен заведующим сектором.

2016 год

РИЖИНАШВИЛИ
Александра Львовна

Я пришла в Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН, в сектор истории эволюционной теории и экологии, в качестве старшего научного сотрудника в январе 2016 г. Меня пригласил на работу Эдуард Израилевич Колчинский (1944–2020), который возглавлял сектор и был главой петербургской школы историков биологии. Научная программа Эдуарда Израилевича включала, в том числе, исследование истории фундаментальных концепций в области эволюции, как на уровне видов, так и на уровне экосистем и биосферы. Эдуард Израилевич был учеником Кирилла Михайловича Завадского – видного историка и теоретика эволюционного учения. С конца 1990-х гг. Колчинский увлекся социальными аспектами истории биологии, в частности, влиянием на науку различных об-

щественных кризисов, а также идеологии. Но он не переставал уделять внимание генезису фундаментальных теорий в биологии. Его, в том числе, сильно волновала необходимость развития в секторе истории экологии. Внимание Эдуарда Израилевича привлекли мои общебиологические работы. Кроме того, в бытность аспиранткой Санкт-Петербургского государственного университета, в 2006 г. я слушала лекции Колчинского по истории биологии, поэтому с гордостью могу сказать, что являюсь его ученицей. Когда я сдавала кандидатский минимум по философии и истории науки, Эдуард Израилевич был в числе экзаменаторов.

В нашем секторе на момент моего прихода работали известные историки биологии старшего поколения. Среди старших коллег мне хотелось бы особенно выделить Ксению Викторовну Манойленко (1929–2018), которая сразу же привлекла мое внимание своей необычайной энергией и работоспособностью. Ксения Викторовна была человеком исключительно высокой культуры, приветливой и искренне доброжелательной к окружающим. Несмотря на свой преклонный возраст, она всегда откликнулась на все новые начинания. Когда я в апреле 2016 г. организовала на базе сектора историко-экологический семинар, его постоянными посетителями, не пропустившими ни одно заседание, были Эдуард Израилевич и Ксения Викторовна. Манойленко – биолог по образованию и в начале своей карьеры в стенах Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР (так тогда назывался наш Филиал) совмещала исследования в области физиологии растений и истории ботаники. Как и Эдуард Израилевич, она полагала, что историк биологии должен в совершенстве знать саму биологию и по возможности продолжать заниматься чисто биологическими исследованиями. Я была очень рада, когда Ксения Викторовна подарила мне свою последнюю книгу – научно-биографическую монографию о А.С. Фаминцыне. Манойленко много рассказывала мне об истории нашего сектора, о том, как она работала под руководством Б.Е. Райкова. Чтобы полнее приобщить меня к этим вопросам, она познакомила меня с трудами И.И. Канаева. Ксения Викторовна по болезни вынуждена была оставить работу осенью 2017 г. И меня поразило то, что буквально накануне, когда она уже плохо себя чувствовала, К.В. прислала по электронной почте свой отчет по публикациям за год.

Эдуард Израилевич Колчинский всегда старался создать в секторе творческую и доброжелательную обстановку, которая способствовала бы развитию каждого сотрудника и его личностному и карьерному росту. Для него были категорически неприемлемыми проявления зависти, нетерпимости к чужому мнению, неуважения к личности коллеги, лености в работе, праздности, бездеятельности и безынициативности. Колчинский сам был очень добрым и порядочным человеком. Часто он скрывал свою душевную теплоту за внешней суровостью, но его искренне хорошее отношение легко угадывалось по едва промелькнувшей улыбке. Бескорыстную работу в науке, преданность ей, знания и профессионализм, Эдуард Израилевич ценил в коллегах превыше всего. Он никогда не навязывал своего мнения о том, как и чем нужно заниматься, но его указания относительно написания статей и подготовки отчетов оказывали на всех мобилизующее действие.

С первых дней работы в секторе и в Филиале я сразу почувствовала очень доброжелательное и внимательное отношение коллег. Стоит отме-

тить, что далеко не в каждом академическом институте складывается такая замечательная атмосфера... По сей день в нашем секторе работает старший научный сотрудник, кандидат биологических наук Андрей Игоревич Ермолаев. Андрей Игоревич – специалист в области истории генетики, в особенности, ее социальных аспектов. Ермолаев очень активно способствовал моей адаптации на новом рабочем месте, ведь до прихода в ИИЕТ мне была более привычна обстановка университетской кафедры... А.И. – сам в прошлом вузовский преподаватель, стал знакомить меня с местными условиями и особенностями работы. Именно Андрей Игоревич обратил мое внимание на систему Российского индекса научного цитирования, который сейчас стал одной из основных баз для оценки публикационных достижений ученых. Долгое время в нашем секторе работал кандидат биологических наук Анатолий Всеволодович Полевой, который как раз в январе 2016 г. перешел на работу в другое структурное подразделение Филиала (сейчас он – ведущий редактор). Анатолий Всеволодович всегда с готовностью отзывался на любую просьбу о помощи в том, что касается цифровых технологий. Активную роль в жизни сектора в этот же период играли сотрудники сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН – Светлана Игоревна Зенкевич и Светлана Владимировна Ретунская. Именно благодаря Светлане Игоревне и Светлане Владимировне состоялось мое знакомство со многими редкими источниками по истории науки.

Хочется вспомнить и о тех сотрудниках, которые сегодня уже не работают в Филиале. Они не занимались исследовательской деятельностью, но немало способствовали созданию комфортной и деловой обстановки для научных сотрудников. Мне вспоминается специалист по кадровой работе Елена Николаевна Фатьянова, весьма аккуратно и требовательно относившаяся к оформлению документов. Елена Николаевна была готова профессионально помочь в любых вопросах, связанных с командировками и отпусками. Начальник группы материально-технического обеспечения Виктор Кириллович Казаков придавал большое значение соблюдению правил техники безопасности на рабочем месте. Он подробно инструктировал каждого нового сотрудника и требовал неукоснительного соблюдения в этом вопросе, на первый взгляд, мелочей, но от них напрямую зависит сохранность имущества института, а подчас и здоровье людей.

Любые мои первые начинания неизменно встречали одобрение и поддержку не только со стороны Эдуарда Израилевича Колчинского, но и, конечно, со стороны дирекции Филиала – директора Надежды Алексеевны Ащеуловой и заместителя директора Сергея Викторовича Шалимова, а также ученого секретаря Елены Федоровны Синельниковой. В отношении подачи заявок на различные конкурсы грантов, премий и т.д., я всегда слышала: «нужно обязательно подавать и все получится». Так это в итоге и бывало в подавляющем большинстве случаев. Это вселяло уверенность и способствовало дальнейшей активной и плодотворной работе.

Сегодня моя работа в ИИЕТ продолжается. С января 2020 г. на меня были возложены обязанности заведующего нашим сектором. Эдуард Израилевич фактически передал мне не только формальное руководство подразделением, но и научную эстафету...

Кто же такой историк биологии и историк науки вообще сегодня? Как мне кажется, это, прежде всего, специалист, твердо стоящий на фундамен-

тальных принципах конкретной отрасли науки. Задача историка науки – систематизировать и обобщить имеющиеся материалы исследований для того, чтобы воссоздать целостную картину развития идей, концепций, теорий, во времени. А такая реконструкция может и должна служить основой для современного развития науки. И именно историко-научные данные в силу своей специфики (генезис идей) способствуют более полной интеграции науки и образования.

2018 год

ИЛЬИН
Григорий Сергеевич

Мой путь в ИИЕТ начался задолго до того, как я узнал про существование этого Института.

Я родился и вырос в заполярном городе Кировске Мурманской области под склонами суровых, но прекрасных Хибинских гор. Ещё со школьных лет меня заинтересовала история освоения этого края, увлекательно описанная академиком А.Е. Ферсманом в своих многочисленных трудах. Окончив вуз по специальности программиста, несколько лет работал не по профилю. Любовь к фотографии и видеоискусству привела сначала на региональное телевидение, а затем мне предложили должность штатного фотографа на крупном горнодобывающем предприятии. Но свободное время долгими заполярными вечерами я проводил за поиском и чтением литературы по истории изу-

чения и освоения Кольского полуострова, а каждый летний сезон отправлялся в маршруты для посещения мест, описанных в дневниках и рассказах первооткрывателей. Своеобразной вехой в становлении интереса к истории стал выход на телеэкраны Мурманской области своего десятисерийного телепроекта «Они шли на Север». Он был высоко оценён сотрудниками Кольского научного центра РАН в г. Апатиты и Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН в г. Москве. Собранный материал становилось все больше, росла и коллекция уникальных минералов и горных пород.

В 2014 году я вступил в Кольское отделение Российского минералогического общества, которое на тот момент возглавлял доктор геолого-минералогических наук Юрий Леонидович Войтеховский. Являясь также директором Геологического института Кольского научного центра РАН, он курировал издание замечательного научно-популярного журнала «Тиетта», куда я стал помещать очерки по исследованиям Хибин. А в конце 2016 г. моя жизнь круто изменилась, и вскоре я переехал жить в Москву. Именно тогда и решил попробовать свои силы в научной стезе. Юрий Леонидович, сам являясь увлечённым исследователем истории освоения Хибин, порекомендовал мне обратиться в Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Я тогда ничего не знал об ИИЕТ, не знал, с кем можно было бы пообщаться по своим вопросам. В тёплый солнечный сентябрьский день 2017 г. я просто пришёл к дверям Института и позвонил в домофон. Немного пообщавшись с кем-то из сотрудников, мне предложили подойти к Роману Алексеевичу Фандо. Тогда он работал заместителем директора. Мы встретились у него в кабинете, я рассказал о себе, показал наработки. Роман Алексеевич внимательно выслушал и сразу после разговора познакомил меня с Отделом истории наук о Земле: с заведующей Верой Александровной Широковой и другими сотрудниками. Мне сразу понравилась тёплая и душевная атмосфера в Отделе. А дальше всё произошло довольно быстро. Моё намерение писать диссертацию по истории геологического изучения Хибинского горного массива было принято. Так я познакомился и со своим будущим научным руководителем Ибрагимом Ахмедовичем Керимовым. В один из осенних дней выступил перед сотрудниками Отдела с небольшой презентацией по собранному материалу. Вскоре, на очередном Учёном совете были утверждены тема диссертации и научный руководитель. А ещё через месяц позвонил Роман Алексеевич и предложил работу в ИИЕТ. С тех пор Отдел наук о Земле стал моим новым местом работы.

Это было интересное время, когда я учился писать первые научные статьи, участвовать с докладами на конференциях. Коллеги по Отделу делились опытом, подсказывали, что и как лучше сделать. У меня появились первые публикации в журналах ВАК. За многие ценные советы я благодарен Вере Александровне и Ибрагиму Ахмедовичу. С теплом вспоминается опыт участия в Школе молодых учёных 2018 года с Алексеем Собисевичем и Полиной Захарчук. Отдельное спасибо хочется сказать Надежде Озеровой за знакомство с геологией Московской области. В то же время в Отделе появилась и переданная мной скромная коллекция минералов Кольского полуострова.

Параллельно с научной деятельностью у меня шла работа над переносом данных со старого сайта Института на новую платформу. И к концу 2018 г. у ИИЕТ появилось новое «лицо» в сети Интернет.

В середине 2019 года я вернулся в родные Хибины и устроился на работу в ФИЦ «Кольский научный центр РАН». Здесь пригодился опыт, полученный в Институте. Но работа над диссертацией продолжается, а ИИЕТ продолжает быть в моей жизни!

2018 год

КУПРИЯНОВ
Виктор
Александрович

В апреле 2018 г. после защиты на базе СПбГУ кандидатской диссертации по философии я был принят на работу в Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. На тот период в структуре петербургского филиала ИИЕТ РАН было шесть подразделений (сектор истории эволюционной теории и экологии, сектор истории Академии наук и научных учреждений, сектор истории технических наук и инженерной деятельности, музей-квартира П.К. Козлова, академическая кафедра истории и философии науки и центр социолого-наукоеведческих исследований). Я был принят на работу в центр социолого-наукоеведческих исследований (ЦСНИ) по инициативе его руководителя С.А. Душиной, со-

трудничество с которой началось несколько раньше – в 2017 г. Нужно сказать, что социолого-наукovedческие исследования активно проводились в СПбФ ИИЕТ РАН (ЛО ИИЕТ) по меньшей мере с 1968-го года, когда по инициативе С.А. Кугеля в ЛО ИИЕТ АН СССР был организован сектор социологических проблем развития науки, просуществовавший до перевода в Институт социально-экономических проблем АН СССР в начале 1970-х гг., где он вскоре был ликвидирован. В середине 1980-х гг. социолого-наукovedческая тематика возродилась в стенах института, и в 1995 г. также благодаря организационной энергии С.А. Кугеля в СПбФ ИИЕТ РАН был создан Центр социолого-наукovedческих исследований, которым с 2007 по 2013 гг. руководила Н.А. Ащеулова, а с 2013 по 2020 гг. – С.А. Душина.

Важную часть организационной работы ленинградских/петербургских социологов науки и наукovedов составляло проведение конференций по социологии науки, а также издание периодического сборника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», выходящего под эгидой СПбФ ИИЕТ РАН и по сей день. С 1992 г. ежегодник тесно связан с Международной школой социологии науки и техники, также организованной С.А. Кугелем, а с 2010 г. издается журнал «Социология науки и технологий», в котором были опубликованы исследования, проведенные мной в 2018–2019 гг. Сегодня Международная школа социологии науки и техники проводится наряду с социологической секцией годичной конференции Российского комитета по истории и философии науки, начало которой было положено также в 1960-е гг. (в то время проводилась в рамках конференций СНОИЕТ, СНОИФЕТ). С 2018 г. я активно участвую в Международной школе и теперь имею честь быть ее соорганизатором.

Приведенный исторический обзор важен для понимания характера наукovedческих исследований, которые проводились в ЦСНИ, когда я начал в нем работать. Наукovedение развивалось в ИИЕТ с 1960-х гг. в качестве междисциплинарной исследовательской области, предметом которой была наука во всем многообразии ее аспектов – психологических, социологических, экономических, философско-методологических, а роль базиса призвана была играть история науки. Как можно видеть, в Ленинграде–Петербурге наукovedение сформировалось прежде всего как социология науки, поэтому когда я поступил на работу в ЦСНИ, занимались мы именно социологическими проблемами науки, а также проблемами организации науки и научной политики. Главной темой исследований было влияние социальных академических интернет-сетей на научную деятельность. Эта тема была сформулирована в 2016–2017 гг. С.А. Душиной и работы по ней осуществлялись под ее руководством. Конечно, исследовалась прежде всего научная коммуникация – одна из традиционных наукovedческих тем. Однако наши исследования социальных сетей проводились на основе достаточно широкого понимания проблемы научной коммуникации. Соответственно, в наш исследовательский фокус попадали и такие социальные феномены как карьера ученого, лидерство в науке, конкуренция и солидарность в науке, проблемы оценки эффективности научного труда и организации науки. Теоретической базой работы над этой темой была концепция «открытой науки», которая по моей инициативе была разработана нами в качестве философской рамки для понимания исследу-

емых нами социальных процессов. Идея «открытой науки» понималась нами в качестве варианта современного экономического неоллиберализма в его проекции на организацию науки. Специфика наших исследований социальных академических интернет-сетей заключалась в их рассмотрении в контексте современной цифровой экономики и соответствующих ей форм идеологии. Идеологический базис современных интернет-сетей мы видели именно в концепции открытой науки, репрезентацией которой они и являются. Как мы показали в наших исследованиях, социальные академические интернет-сети слабо влияют на коммуникативные практики российских ученых, поскольку охватывают, по нашим данным, лишь меньшинство ученых. Однако же они несут в себе совершенно иную идею научной коммуникации. Как было показано в наших исследованиях, эмпирически существующие сообщества ученых строятся в большей степени по модели традиционных обществ («механическая солидарность» в терминологии Э. Дюркгейма), в то время как социальные сети предполагают, наоборот, индивидуализм и свободную конкуренцию. Социальные сети оказываются в таком случае выражением индивидуалистического понимания общества, которое все больше доминирует в сфере организации науки на Западе и влияет на аналогичные процессы на постсоветском пространстве.

Важной стороной работы ЦСНИ были полевые исследования. Важно отметить, что это было характерно для социологов ЛО ИИЕТ/СПбФ ИИЕТ еще в советские времена. Эмпирическую основу наших исследований в области научной коммуникации, а также научного лидерства составили именно социологические опросы, которые мы проводили в 2018–2019 гг. при участии философов, социологов и экономистов из СПбГУ и СПбПУ им. Петра Великого, среди которых хотел бы отметить профессора СПбГУ Л.В. Шиповалову, познакомившую меня с коллективом ЦСНИ. Должен сказать, что, вероятно, эта работа была для меня наиболее необычной и новой. Однако именно большая эмпирическая база, полученная по результатам опросов, позволила нам превратить отстраненные социально-философские рассуждения в конкретные социологические исследования, в чем незаменимой была роль руководителя ЦСНИ – С.А. Душиной, профессиональную поддержку которой я ощущал на протяжении всей нашей совместной работы. Итогом этого насыщенного творчеством периода работы в СПбФ ИИЕТ РАН стала монография «Ученые в сетях «открытой науки»» (авторы – Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю.), вышедшая в декабре 2019 г., в которой представлены результаты как теоретических, так и эмпирических исследований социальных академических интернет-сетей. Логическим продолжением этой темы стали исследования научного лидерства в условиях внедрения в организацию науки принципов рыночности (т. н. «академический капитализм»), о чем наш коллектив подготовил обстоятельные статьи, опубликованные в 2019–2020 гг., обсуждавшие философские аспекты научного лидерства с опорой на конкретный эмпирический материал. Как показали наши исследования, внедрение в науку принципов «академического капитализма» существенно меняет мотивационную сторону научной деятельности, провоцируя исследователя ориентироваться на не свойственные для ученого модели поведения, связанные, прежде всего, с бизнесом. В этих условиях меняется роль ученого: современная организация науки ставит исследова-

теля в положение своего рода «когнитивного предпринимателя». Важно в данном контексте подчеркнуть, что эти исследования также проводились в сотрудничестве с С.А. Душиной в атмосфере интенсивных профессиональных дискуссий и совместного творчества. Именно С.А. Душина, будучи руководителем ЦСНИ, смогла организовать эффективную профессиональную обстановку, обеспечившую нашу совместную продуктивность. Поэтому своими результатами в начальный период работы в СПбФ ИИЕТ я прежде всего обязан С.А. Душиной.

Тем не менее только лишь социологическими исследованиями моя работа в СПбФ ИИЕТ РАН не ограничивалась. Важной частью моих исследований была и остается до сих пор история научной коммуникации. В центре моего исследовательского интереса в этой области стало возникновение системы научных журналов во второй половине XVII в. Об этом уже в первые два года работы в ЦСНИ я написал ряд статей. Немало времени, работая в СПбФ ИИЕТ РАН, я посвятил и исследованиям в сфере истории организации науки. Совместно с профессором СПбГУ А.В. Малиновым мы опубликовали в 2020 г. монографию «Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности». Важной частью моей работы по этой теме стала реконструкция историко-научных взглядов В.И. Ламанского и прежде всего исследование его идей в области истории Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII в. В этом контексте уместно сказать о моем понимании истории науки. История науки для меня неотделима от обсуждения философских проблем, хотя и важно при этом понимать, что сегодня история и философия науки развиваются в большей степени независимо друг от друга, став самостоятельными исследовательскими областями, разрабатываемыми во многом отдельными друг от друга профессиональными сообществами. Однако современная история науки возникла под несомненным философским влиянием со стороны позитивизма и разных версий историзма, достигших расцвета в XIX–начале XX вв. В этом отношении мне близка идея истории науки (высказанная, кстати, еще А.С. Лаппо-Данилевским и В.И. Вернадским), которая предполагает, что история является своего рода сферой решения также и теоретико-эпистемологических проблем. Более того, думаю, что именно история науки выступает базой для философских исследований науки. Поэтому вполне согласен с известным афоризмом И. Лакатоса о том, что история науки без философии слепа, а философия науки без истории – пуста.

В заключение нужно сказать, что ИИЕТ предоставляет уникальные условия для проведения научных исследований в области истории и философии науки. В условиях современной российской науки это является скорее исключением, нежели правилом. В основе сложившегося способа организации науки в ИИЕТ лежит традиция, формирование которой связано с лидерами советской/российской истории и философии науки, что, с одной стороны, не может не служить источником вдохновения, а с другой – неизбежно заставляет поддерживать высокие стандарты профессионализма.

2018 год

ФЕДОРОВА
Анна Александровна

Впервые я оказалась в Петербургском филиале ИИЕТА в конце 2016 г. – случайно и еще не подозревая, что через несколько лет я приду туда вновь. В тот год я только поступила в аспирантуру СПбГУ и забежала в Филиал буквально на полчаса, чтобы обсудить статью, которую мы совместно с Георгием Николаенко как раз подавали в Социологию науки и технологий. Из того визита я, признаться, запомнила немного: крошечный кабинет социологов, где мои сокурсники (Екатерина Евсикова и Георгий Николаенко) ютились вчетвером с коллегами на нескольких квадратных метрах, и длинные темные коридоры.

В то время история науки представлялась мне дисциплиной скучной, метафорически пахнущей бумажной пылью и формальным старыми музейными коллекциями.

Представить себя – социального антрополога и социолога – в качестве историка мне было невероятно трудно.

Когда спустя почти два года, в марте 2018 г., Георгий и Екатерина предложили мне пройти собеседование в ИИЕТ, я долго колебалась. Решающей причиной согласия стала возможность заниматься историей физической антропологии, курс которой на моей «социальной» кафедре был неприлично коротким.

«День Икс», то есть предварительное знакомство с руководством Филиала, был назначен на 27 апреля 2018 г. В приступе сиюминутных сомнений я несколько раз спрашивала у Екатерины, чего стоит ожидать во время собеседования. Ответ Кати, до сих пор сохранившийся в нашей с ней переписке, гласил: «Не переживай. Надежда Алексеевна любит наш [социологический] факультет. Нужно только показать заинтересованность и желание работать. А если придется говорить непосредственно с Колчинским – он очень заинтересован в молодых целеустремленных сотрудниках, которые смогут привнести вклад в общее дело».

Как оказалось, напутствие пришлось очень кстати, и волноваться не стоило. Собеседование пришлось на пятницу, когда в Институте не было почти ни души: из коллег-биологов в тот день мне удалось шапочно познакомиться только с Александрой Львовной Рижинашвили и Анной Викторовной Самокиш. Кабинет, в котором расположился сектор, был весь заставлен длинными рядами разномастных столов, и очевидно поэтому показался мне излишне загроможденным. На первый взгляд он походил на читальный зал библиотеки, где старые книжные шкафы соседствовали с почти десятком компьютеров, сканерами и огромными офисными МФУ. Как бы то ни было, кабинет смотрелся отчетливо обжитым и в какой-то мере уютным, как будто на нем оставили свой след сразу несколько поколений ученых.

Мой будущий руководитель – Эдуард Израилевич Колчинский – встретил меня в малом конференц-зале, и с порога предупредил, что работы предстоит много. Кажется, ему особенно импонировала моя искренняя любовь к антропологии, поэтому решение взять меня на половину ставки младшего научного сотрудника он принял едва ли не заранее. «Только учтите, у хорошего научного сотрудника должен быть богатый супруг или состоятельные родители, иначе Вы от нас быстро сбежите!» – с наигранной суровостью пошутил Эдуард Израилевич, когда наш разговор почти подошел к концу. Как человек с отличным чувством юмора, он всегда приправлял свои шутки немалой долей правды, в чем мне удалось убедиться на протяжении следующих нескольких лет.

После майских праздников я пришла в Институт уже с кипой необходимых для трудоустройства документов, абсолютно новой трудовой книжкой и желанием поближе познакомиться с тонкостями работы в РАН. Помимо непосредственной научной работы, о которой я уже имела примерное представление, в секторе меня ждало множество организационных и технических заданий.

Первыми моими масштабными проектами стали наполнение сайта журнала «Историко-биологические исследования» и обновление научных социальных сетей Эдуарда Израилевича. И то, и другое, по его словам, составляло важную часть современной научной репрезентации, в которой

отсутствие текста статей в Интернете делает их почти незаметными для широкой аудитории потенциальных читателей. Тем летом мы, молодые сотрудники, почти все время работали дистанционно. Наши старшие коллеги находились в отпусках, да и работать за старыми, «тормозящими» компьютерами в кабинете было достаточно сложно.

Ближе к началу осени, когда сотрудники сектора начали постепенно выходить из отпусков, мне наконец удалось ближе познакомиться с ними и их основной научной работой. Казалось, что у всех научных сотрудников сектора есть своя узкая специализация, и изначально мне было сложно мысленно сложить их наработки в единую картину. В тот момент, на мой взгляд, именно Эдуард Израилевич с его широчайшим кругозором и разнообразными научными интересами объединял сектор вокруг себя. Было заметно, что он старался давать молодым сотрудникам максимальную творческую свободу, и в то же время активно призывал нас включаться в научную работу сектора и журнала, поддерживать международные контакты. Каждый раз, приветствуя в стенах Института зарубежные делегации и коллег, Эдуард Израилевич обязательно приглашал меня и других молодых сотрудников на совместные заседания и встречи, считая это незаменимым опытом международного сотрудничества.

Очень часто, обсуждая успехи молодежи с другими коллегами (Анной Викторовной, Андреем Игоревичем), Эдуард Израилевич специально ставил нас в копию писем. В какой-то мере именно эта переписка стала для меня первым уроком на историко-биологическом пути. «Прочитал текст [Федоровой Анны] об учебниках. Очень интересно. [Но] у меня лично три существенных замечания...» – писал Эдуард Израилевич, разбирая мою первую статью, поданную по его же инициативе, в сентябре 2018 г. в редколлегию ИБИ.

Замечания его относились к оформлению, поверхностному обзору литературы по теме исследования, и, самое главное – сути понимания фундаментальных биологических понятий и дисциплин. Позиция Эдуарда Израилевича на этот счет была вполне очевидно обозначена им в форме воспоминания/рекомендации: «Я помню, у кандидата на пост руководителя Экологического комитета Верховного Совета СССР спросили, что такое экология, он ответить не смог. Его все равно избрали. И теперь у нас все перепутано, а тем более у Министерства, по недоразумению названного министерством науки и образования. Тем не менее, вы должны показать, что знаете, что такое экология и соответственно отметить, что ответы и по экологии, а тем более по генетике на самом деле надо отнести к биологии».

Именно эта внутренняя необходимость придерживаться четких научных ориентиров, постоянно совершенствоваться в своей исследовательской работе, на мой взгляд, является главным признаком хорошего историка науки. Не менее существенно и желание делиться своими знаниями и открытиями (неважно, в статьях, в монографиях или в научных докладах). Без подобного научного альтруизма, без постоянных контактов с коллегами, междисциплинарного сотрудничества, невозможно двигать науку вперед. За свою недолгую пока еще карьеру в РАН я уже успела убедиться в этом на собственном опыте.

С того дня, когда я впервые пришла в ИИЕТ три с половиной года назад, многое изменилось. В начале прошлого года не стало Эдуарда Израил-

левича, который до последних дней активно работал над статьями и журналом. Под руководством Александры Львовны Рижинашвили в нашем секторе появились новые лица, все больше стало профессиональных биологов. Несмотря на пандемию, внесшую коррективы в условия нашей работы, жизнь сектора идет своим чередом, сектор успешно справляется с новыми вызовами, а значит – многолетний труд наших предшественников и учителей не канул в Лету.

2019 год

ВИНАРСКИЙ Максим Викторович

Как, когда и почему я пришел в ИИЕТ

Мой путь в стены Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН был довольно долгим и нелинейным. По своей основной научной специализации я – зоолог, занимающийся изучением систематики, биогеографии и экологии моллюсков. Ни по образованию, ни по ВАКовской номенклатуре ученых степеней и званий, ни по своему образу жизни (экспедиции, работа в лаборатории) я не мог бы, наверное, считаться «настоящим» историком. Когда четверть века тому назад я начинал свои исследования, мне представлялось, что ничего увлекательнее и важнее, чем изучение мягкотелых животных, на белом свете нет и быть не может, а потому нет ни малейшего резона тратить своё драгоценное время на что-нибудь другое.

В состав коллектива Филиала я вошел в начале 2019 года, в статусе, как принято выражаться, «сложившегося ученого», имея достаточно весомый «багаж» в виде большого числа публикаций, в основном посвященных различным аспектам зоологии беспозвоночных и экологии. Я не раз задавал сам себе вопрос, что побудило меня приобрести вторую научную «профессию» (не отказываясь при этом от первой)? Оглядываясь назад, я понимаю, что в ИИЕТ меня привела логика развития собственных зоологических исследований. Больше и охотнее всего я занимался систематикой, а систематика живых организмов – пожалуй, единственная область современного естествознания, в которой опубликованные в прошлом труды не стареют и сохраняют актуальность для нынешнего поколения исследователей. Строгие правила таксономической номенклатуры таковы, что единожды опубликованное название и научное описание вида или рода животных или растений (при условии, что его публикация соответствует определенным критериям) не может быть «отменено» или «забыто». В нашем ремесле так называемое «правило приоритета» действует с такой же неизбежностью, как правила дорожного движения на оживленном проспекте. Вот почему зоологи-систематики постоянно обращаются к трудам своих предшественников, живших в XIX и даже XVIII веке, работают с экземплярами животных, сохранившимися в фондах зоологических музеев с тех же отдаленных времен. Я бы сказал, что любой профессиональный систематик по самому роду своих занятий уже историк науки в зародыше, и нередко эта потенциальная склонность к историческим изысканиям реализовывается на практике. Вот почему среди выдающихся таксономистов было немало специалистов, внесших большой вклад в изучение истории биологии и шире – естествознания (Эрнст Майр, Эрвин Штреземан, из отечественных – Лев Семенович Берг). Кроме того, основательное знакомство с историей развития своей научной дисциплины дает понимание того, почему мы, таксономисты начала XXI века, проводим свои исследования именно так, а не иначе, почему пользуемся теми или иными исследовательскими подходами и методиками, *что* формирует наше мышление как исследователей и наш творческий стиль как авторов научных статей и монографий. В своей практике я давно привык начинать исследование любой зоологической проблемы, сколь угодно частной, с детального ознакомления с историей вопроса, поиска старинных изданий, сопоставления взглядов своих предшественников с тем, что видится мне самому. Без подобной временной разведки утрачивается и глубина проводимых исследований, и их, если можно так выразиться, «многомерность».

Вот почему из множества определений того, что такое история, мне ближе всего то, которое предложил около ста лет тому назад литературовед Борис Эйхенбаум: «*История есть особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого*». Это определение – всего лишь одно из многих возможных, и я ничуть не настаиваю на его непреложности. Оно всего лишь хорошо описывает стимул, побудивший меня однажды обратиться к истории зоологии и зоологической систематики. Но не буду скрывать и другого стимула, который низким штилем можно изложить так: история науки – это просто чертовски интересное занятие.

Подводя итог, можно сказать, что я пришел в ИИЕТ на путях познания самого себя, когда в какой-то момент времени количество прочитанно-

го, продуманного и усвоенного плавно перешло в качество, и с тем возникло желание и стремление работать в историко-биологической области. Так стихийный и первоначально, наверное, не вполне осознанный интерес оформился во вторую научную специальность, которая сейчас составляет существенную часть моих ученых занятий. В ущерб ли основному моему делу и призванию – зоологии? Не уверен. Скорее обе эти сферы выигрывают от подобного симбиоза.

Все началось с нескольких моих статей, опубликованных в журнале «Историко-биологические исследования», знакомства и тесного общения с некоторыми сотрудниками Филиала, участия в организуемых на его базе научных семинарах и конференциях. Я стал периодически бывать в старинном здании по адресу Университетская набережная, 5 (литера Б), участвовал в дискуссиях, общался с интересными мне людьми, среди которых особенно выделялась личность Эдуарда Израилевича Колчинского, труды которого по истории эволюционной биологии были мне хорошо знакомы ещё с аспирантских лет. Громкое имя «светила» с обложки представало живым человеком, сложной, своеобразной, неординарной личностью. Мне было интересно наблюдать за ним в повседневной академической жизни – за его высказываниями, жестами, повадками, выражениями лица. И, пожалуй, важнейшим мотивом, побудившим меня прийти по совместительству в сектор истории эволюционной теории и экологии, была возможность поработать с Эдуардом Израилевичем в одном коллективе. Очень жаль, что эта совместная работа продолжалась менее года...

Сотрудников Института просят рассказать о своих «первых впечатлениях» от работы в ИИЕТ. Не скрою, мои первые впечатления были весьма неоднозначные. Всё, что я здесь встретил, начиная от распорядка трудового дня и заканчивая стилем научной работы сотрудников, очень мало походило на привычные для биолога условия работы. Это совершенно другая специфика научного творчества, другая обстановка умственного труда, адаптация к которой заняла некоторое время, но дала мне очень ценный опыт и несколько расширила мои представления о том, как можно «заниматься наукой». Очень важным было и близкое знакомство с коллегами, имеющими историческое образование, которые занимаются как историей естествознания, так и тем, что на английском языке называется *environmental history* (до сих пор не могу подобрать адекватного эквивалента на русском; «экологическая история» явно не самый удачный перевод этого понятия, потому что *environment* ≠ *ecology*). Их подход к изучению рассматриваемых проблем, логика исследования, способы аргументации, стиль публикуемых ими научных статей и книг не очень близки тем, с которыми привыкли иметь дело биологи и вообще «естественники». Это совсем иной взгляд – не менее профессиональный, глубокий, заинтересованный, но *другой*. И близкое знакомство с ним тоже оказалось для меня весьма полезным, ведь всегда поучительно взглянуть на привычные вещи и понятия с совершенно другого ракурса. Я убежден, что наиболее плодотворным исследование в области истории биологии получается тогда, когда создается совместными усилиями профессиональных историков и биологов, которые будут дополнять «компетенции» (позвольте мне употребить это расхожее словечко из птичьего языка наших дней) друг друга, и тем самым непосредственная «встроенность» биолога, понимающего раз-

витие своей дисциплины изнутри, будет уравновешена или усилена не менее профессиональным, но по определению внешним, немного отстраненным, взглядом историка.

Технологический прогресс за последние 10–15 лет серьёзно изменил повседневную практику историка науки, особенно «историка идей». Нынешняя цифровая реальность такова, что большинство необходимых для нашей работы публикаций давно выложены в открытый доступ на различных онлайн-ресурсах, доступны электронные переводчики даже с самых экзотических языков, а разного рода «скопусы» и «веб-оф-сайнсы» до крайности упростили библиографический поиск. За два–три часа работы с цифровыми источниками информации можно сделать больше, чем любой историк науки до виртуальной эпохи успевал сделать за неделю. Даже архивные фонды понемногу оцифровываются, хотя и с улиточьей скоростью. Коронавирусная пандемия с её массовой миграцией работников в «дистант» ещё более углубила эту ситуацию. Наверное, сейчас вполне можно успешно изучать историю зоологии и биологической систематики, что называется, в инициативном порядке, не будучи аффилированным с ИИЕТ или другим профильным учреждением. Значит ли это, что историки науки неизбежно разойдутся по своим квартирам, чтобы в уединении кабинетов, как средневековые монахи, заниматься своим любимым делом?

Не буду оригинален, если скажу, что главная роль ИИЕТ в организации научных исследований совсем не в том, что Институт предоставляет сотрудникам рабочее место и доступ к богатой (не виртуальной) библиотеке. Для меня значение работы в Филиале состоит в чувстве вовлеченности в общее дело (пусть даже каждый из нас занимается своей узко специализированной работой, возделывая свой сад) и причастности к сообществу заинтересованных и увлеченных людей, в котором генерируются и обсуждаются новые идеи, постоянно что-то обсуждается, движется, происходит. Это и есть подлинная академическая жизнь во всей её полноте и противоречивости, где всему находится место – энтузиазму и вдохновенному творчеству, полету фантазии и черновой кропотливой работе с архивными источниками и старинными книгами, страстям и самолюбию (а как без них, ученые тоже люди), наставничеству и соперничеству... ИИЕТ представляется мне иногда своего рода микрокосмом, маленьким отражением всего нашего общества, в котором живут и работают добрые и хорошие люди, которых, как пелось в старинной песне, «у нас гораздо больше, чем людей плохих».

2019 год

МАЛАХОВ
Вадим Александрович

В ИИЕТ я пришел в 2019 г. и на тот момент уже несколько лет занимался исследованиями в области социологии и экономики науки, изучая международную академическую мобильность и научно-техническое сотрудничество. В то же время, работая напрямую на Минобрнауки России, я был вынужден заниматься хоть и актуальными, но сугубо прикладными проблемами, зачастую носящими сиюминутный характер. Поэтому, когда Александр Георгиевич Аллахвердян пригласил меня устроиться в Центр истории организации науки и науковедения ИИЕТ РАН – я с радостью согласился, поняв, что здесь смогу продолжить свои исследования, добавив им исторической глубины и придав более фундаментальный характер.

В ИИЕТ я попал в абсолютно новую для себя среду, в которой царил дух творческой свободы и взаимного уважения. Возможно, не для всех молодых исследователей идет на пользу ситуация, когда они во многом предоставлены самим себе с минимальным контролем со стороны старших коллег. В моем случае я уже имел определенный «багаж» и четкое представление о направлении исследований, которое должен развивать, поэтому предоставленная свобода только способствовала плодотворной работе.

Особенностью Центра истории организации науки и науковедения является широкий охват исследуемых проблем (социология, психология, экономика науки, социальная история науки, наукометрия) и разносторонность работающих в нем специалистов. Здесь я познакомился с такими замечательными учеными как С.Б. Шапошник, И.Е. Сироткина, Е.А. Володарская, К.О. Россиянов. Стоит отметить, что подобная мультидисциплинарность характерна не только для нашего Центра, но и для Института в целом. С первых дней моего пребывания здесь особенное впечатление на меня произвело, что в стенах ИИЕТ работают исследователи самых разных научных областей – от историков до математиков и от психологов до инженеров.

Я же продолжаю заниматься изучением трансграничной мобильности ученых и проблем международного научного сотрудничества, а также анализирую российский и зарубежный опыт управления наукой в данных областях.

2020 год

ГАВРИЛОВ-ЗИМИН
Илья Александрович

Я поступил на работу в Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН в марте 2020 года по приглашению заведующей сектором истории эволюционной теории и экологии А.Л. Рижинашвили. Моя основная специальность – биолог (зоолог, анатом, морфолог, систематик, цитогенетик), а основное место работы – Зоологический институт РАН, с которым связаны 20 лет моей исследовательской деятельности. Биологическое образование и соответствующий интеллектуальный опыт определили круг моих интересов в ИИЕТ. Это – история биологии и история натуральных (прежде всего, энтомогенных) красителей, лаков и восков. По этим направлениям мною были подготовлены ряд статей и докладов, а также совершены экспедиционные поездки в разные страны

мира для сбора природного и антропогенного материала, а также подготовки иллюстраций.

Работа в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ РАН существенно отличается от таковой в других академических институтах, с которыми у меня имеются регулярные деловые взаимоотношения. Отличие СПбФ ИИЕТ связано, прежде всего, с малочисленностью коллектива, что обуславливает очень тесное и постоянное общение сотрудников на разные темы, как друг с другом, так и с администрацией. Такое общение позволяет хорошо знать специфику творческой работы коллег и оперативно принимать те или иные организационные решения, сообразуясь с быстро меняющимися обстоятельствами. Чрезвычайно интересным и, возможно, уникальным среди всех академических институтов, свойством ИИЕТ РАН можно назвать совместную работу в одной организации и даже одном подразделении специалистов очень разного образования и профиля исследований – историков, социологов, философов, математиков, физиков, биологов, химиков и т.д. Такое разнообразие, сконцентрированное на небольшом пространстве, напоминает античные академии и старые классические университеты, фактически реконструирует те самые формы научной жизни, историю которых мы пытаемся ныне ретроспективно анализировать. Каждый научный сотрудник в такой организации представляет / курирует для своих коллег отдельную большую отрасль знаний и волей-неволей должен уметь или научиться объяснять суть «своей науки» людям, привыкшим к совершенно иным методическим подходам и принципам исследовательской работы. Выгодной отличительной чертой СПбФ ИИЕТ является также и полностью пропорциональный возрастной состав коллектива, без доминирования сотрудников старшего возраста или, наоборот, молодёжи, что создаёт определённую страховку от принятия решений сообразно «моде» и жизненным установкам, господствующим в том или ином поколении.

Несмотря на малочисленность научного коллектива, СПбФ ИИЕТ чрезвычайно активно (зачастую гораздо активнее, нежели более крупные институты) участвует в разнообразных мероприятиях городского, федерального и международного уровня, издаёт три научных журнала и многочисленные монографии, безусловно «задавая тон» в области научно-технической истории.

Говоря об общей специфике работы историка науки и техники, мне хотелось бы отметить, что она не может ограничиваться лишь перечислением тех или иных событий, произошедших в прошлом, но должна подразумевать выявление определённых закономерностей в историческом развитии явлений и общественных отношений. То есть, как и всякая другая наука, история науки и техники, на мой взгляд, подразумевает исследовательскую новизну, открытие того, что не было известно ранее или не могло быть понято в предыдущие эпохи в силу отсутствия целостной картины происходящих событий. В этой связи история науки тесно связана с теоретическими обобщениями в конкретных научных областях. Такие обобщения, выполненные на должном профессиональном уровне, представляют собой не просто компиляции или литературные обзоры, но создают идеиную базу для текущих и будущих исследований, позволяют не повторять уже пройденных ошибочных путей научного поиска.

2020 год

САВИНА
Екатерина
Александровна

Окончила в 2020 г. факультет экономики и бухгалтерского учета (по отраслям) Московского промышленно-экономического колледжа. В 2020 г. поступила в Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова на факультет дистанционного обучения по профилю финансы и кредит.

Первое знакомство с ИИЕТ РАН произошло 16 июля 2020 года, я пришла на должность бухгалтера по материалам. Институт находился на улице Балтийской, 14. Директором был Д.Ю. Щербинин.

Мое первое впечатление об институте сложно назвать хорошим: стены были с облетевшей краской, старый и скрипучий пол, не было никакого ремонта, все казалось очень темным и старым, но в кабинете бухгалтерии была хорошая атмосфера. Не было похо-

же, что это научный институт. Из сотрудников была только администрация института. Научных сотрудников в институте тогда не было, потому что они находились на дистанционной работе из-за пандемии.

Первая встреча с директором также не произвела на меня впечатления, он не был похож на директора научного института. Его срок на должности директора подходил к концу. И чем ближе было окончание его срока, тем безумнее становились его распоряжения и приказы, составлялись акты на сотрудников бухгалтерии. Постоянно необходимо было писать объяснительные. Работать было невозможно. Вскоре из-за Щербинина Дмитрия Юрьевича пришлось все время сидеть на больничном или в отпуске.

В январе 2021 года к нам пришла проверка из МИНОБРНАУКИ, состоявшая из 12 человек. Это были очень сложные три недели. Проверяющие требовали от нас очень много, но мы прошли достойно эту проверку.

17 февраля 2021 года закончились полномочия Щербинина Д.Ю. и на должность врио директора был назначен Фандо Роман Алексеевич. После этого в институт вернулась рабочая обстановка. Стали проводиться семинары, конференции у научных сотрудников, дирекции. В институт пришли новые ученые, наладились взаимоотношения между сотрудниками и сделали ремонт.

Я побывала на защите докторской диссертации, было очень интересно и познавательно.

Сейчас полным ходом идет подготовка к 90-летнему юбилею института. И в данный момент стало понятно, что я работаю в научной организации.

2021 год

ВАНИСОВА
Елена Александровна

Я пришла в ИИЕТ РАН осенью 2021 года. Это была, скорее, случайность. Сейчас я могу сказать: счастливая случайность.

Так сложилось, что про существование Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук еще несколько месяцев назад я знала очень немного. У меня не было знакомых из этого Института, не было пересечений в научной сфере.

До прихода в ИИЕТ РАН у меня уже был опыт работы в академическом институте: 3 года я работала в Институте проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова Российской академии наук сотрудником постоянно действующей экспедиции РАН по изучению животных Красной Книги Российской Федерации и других особо важных животных

фауны России. Затем я 9 лет проработала в Российском университете дружбы народов, последние годы – в должности доцента кафедры системной экологии экологического факультета. В 2021 г. экологический факультет РУДН был реорганизован в институт экологии РУДН, изменилась структура и в целом концепция подразделения. Эти изменения и подтолкнули меня к поиску нового направления для применения моих профессиональных навыков. Про ИИЕТ РАН я услышала от старшего коллеги по кафедре РУДН – профессора Никольского Александра Александровича. В этом же году он оппонировал докторскую диссертацию, защита которой проходила в ИИЕТ РАН. Со слов Александра Александровича я смогла составить некоторое предварительное представление об Институте и людях, которые там работают. Меня это привлекло.

Направление работы академического Института не было для меня чуждым. Историей науки я увлекаюсь, и еще до прихода в ИИЕТ РАН опубликовала несколько работ по истории экологии (по образованию я эколог), в том числе – на французском и английском языках. Владение французским языком, наряду с английским, я считаю одним из факторов, которые помогли мне стать сотрудником Института. С 2018 г. я являюсь иностранным членом Линнеевского общества Лиона (*Société linnéenne de Lyon, Лион, Франция*).

В отношении ИИЕТ РАН у меня не было завышенных ожиданий. При первом посещении в ноябре 2021 г. Институт мне показался необычным. Относительно небольшое старое здание на Балтийской улице, куда несколько лет назад переехал Институт, требовало ремонта. Обнадеживали положительные изменения, которые к тому времени были хорошо заметны: под руководством директора ИИЕТ РАН Романа Алексеевича Фандо ремонтные работы были уже частично проведены. Условия работы меня не смущали.

Нового человека в моем лице коллеги встретили хотя и настороженно, но доброжелательно. Коллектив ИИЕТ РАН небольшой, что производит хорошее впечатление. Люди, работающие в Институте, мне показались мотивированными, увлеченными историей науки и техники. Побывав на заседании Ученого совета, я с удовольствием обнаружила, что сотрудники Института уделяют столько внимания деталям. Меня, в частности, приятно удивил объем и тщательный анализ источников литературы по истории авиации, типам и моделям самолетов для составления определителя и подготовки соответствующей монографии.

Жизнь в ИИЕТ РАН идет по своим правилам. Немного непривычно было окунуться в атмосферу «рафинированной» истории науки и техники. Прежде у меня было представление об историках, как о людях непривычно серьезных, работающих исключительно в библиотеках и архивах, склонившись над печатными изданиями. Сейчас, после живого общения с сотрудниками Института и знакомства с некоторыми их трудами, понимаю, что это моё представление справедливо лишь отчасти. Историки науки и техники не лишены чувства юмора и внутренней свободы. Их интерес привлекают не только наука и техника, но и искусство и многое другое. Для меня было несколько неожиданным, что люди, привыкшие работать с документами и публикациями в библиотеках и архивах, могут проводить самостоятельные полевые наблюдения в экспедициях.

История естествознания и техники увлекательна. Выявлять первоисточники, прослеживать преемственность идей и развитие концепций, формирование понятийного аппарата науки, оценивать научные связи и технические достижения. Историк науки и техники должен прекрасно разбираться в сложных технических процессах и понимать суть научных явлений, историю которых он изучает. Историк науки и техники – больше, чем историк.

Я рада, что теперь, будучи научным сотрудником Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук, я официально причастна к этому благородному делу, связанному с профессией «историк науки и техники», и смогу продолжить добрые традиции Института.

2021 год

КОБЗЕВА
Юлия Андреевна

Впервые я оказалась в ИИЕТ РАН осенью 2021 года. Можно сказать, что мой путь в Институт начался еще в 2017 году, когда в выпускных классах школы я уверенно решила поступать в МГУ им. М.В. Ломоносова на Географический факультет, несмотря на то, что училась в физико-математическом классе, принимала активное участие в олимпиадных сборах по физике и математике и успешно участвовала в олимпиадах различного уровня. 1 сентября 2017 года, после успешной сдачи экзаменов, я осуществила свою мечту и поступила в МГУ на Географический факультет.

После первого года обучения на Географическом факультете и летней научно-учебной практики в «Сатино», было необходимо выбрать кафедру для дальнейшей специализации. Для меня выбор

был очевиден – Физическая география и ландшафтоведение, истокам любви к которым во многом я обязана Низовцеву Вячеславу Алексеевичу. Под его руководством я и проходила практику по ландшафтоведению в период летней практики в «Сатино». Тогда я и поняла, что ландшафтоведение и есть та самая «география», которая так привлекала меня при поступлении. Ландшафтоведение сочетает в себе множество подходов и методов, позволяет всесторонне рассмотреть выбранный объект научных исследований.

Обучение в Университете на Географическом факультете на кафедре Физической географии и ландшафтоведения принесло мне много знаний, навыков, умений и опыта. За четыре года обучения мне удалось добиться определенных академических успехов. Моя выпускная работа бакалавра была посвящена теме «Систематика островных ландшафтов Северо-Западной Пацифики для оптимизации островного природопользования». Тема островного ландшафтоведения и островного природопользования для меня была интересна еще со второго курса, потому что углубленная работа в этой области стала фундаментом для моего профессионального роста и принесла значимые для меня результаты в виде успешного участия в научных конференциях, докладах, а также публикации в журнале «Геосистемы Северо-Восточной Азии: природа, население, хозяйство территорий».

Помимо своей основной научной работы во время обучения, я интересовалась и другими направлениями, которые формируются на стыке географии, ландшафтоведения и истории. Одним из таких является направление исследования антропогенных ландшафтов. Оно включает в себя изучение антропогенного ландшафтогенеза, морфологической и временной структуры, картографирования, ретроспективных реконструкций и других исследований на стыке географии, истории, природопользования и ландшафтоведения.

Увлеченная работа в данном направлении позволила мне стать участницей гранта Российского фонда фундаментальных исследований на тему «Формирование основных типов антропогенных ландшафтов России на ранних этапах социоестественной истории». В период участия в гранте я развивала свой интерес к исследованию истории трансформации ландшафтов в результате комплексного воздействия природных и антропогенных факторов, а также связей исторических смен природопользования и существующих экологических проблем.

Именно в этот период мне крайне повезло, так как мой научный руководитель посоветовал мне развивать мои научные интересы в ИИЕТ РАН. Здесь с директором Института Р.А. Фандо и сотрудниками отдела ОИНЗ я поделилась своими целями, задачами и задумками, которые с большим интересом выслушали, и дали мне возможность приступить к их реализации.

Для своей научно-исследовательской работы я выбрала тему «Эволюция природопользования в Центральной России», основной целью которой является обобщение и анализ историко-научного материала с целью воссоздания особенностей, последовательно сменяющих друг друга, типов природопользования и разработки подходов к оптимизации современного состояния природы и природопользования в регионах Центральной России.

Мне было крайне важно и приятно уже в первые дни работы получить конструктивные замечания и детальные комментарии по тематике моей научной работы от В.А. Широковой и Н.А. Озеровой. Это еще больше пробудило во мне интерес к научной работе. В дальнейшем я планирую реализовать множество историко-природопользовательских задач, в осуществлении которых уже практически не сомневаюсь, в силу сплоченного коллектива, стимулирующего разноплановые исследования и активную научную работу.

2021 год

ЛИХАЧЕВ
Борис Олегович

Я пришел в Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН в сентябре 2021 года в должности младшего научного сотрудника Отдела истории физико-математических наук. Тогда и сейчас данным отделом заведует главный научный сотрудник Иванов Константин Владимирович, с которым мне довелось познакомиться в 2013 г. В то время я был студентом первого курса факультета математики, физики и информатики Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого и по совместительству работал лаборантом на кафедре общей и теоретической физики. Константин Владимирович в то время являлся профессором кафедры. Я участвовал в нескольких мероприятиях, проводимых Константином Владимировичем в университете, ас-

систировал ему в проведении занятий и помогал в организационной работе на кафедре. В июле 2021 года Константин Владимирович предложил мне стать аспирантом Института, и когда мы обсудили возможную тему моего исследования (календарная астрономия в России допетровского периода), я согласился. Однако уже в августе того же года у меня появилась возможность перейти работать в ИИЕТ РАН на должность младшего научного сотрудника. Тогда же я впервые встретился с Романом Алексеевичем Фандо, который на тот момент временно исполнял обязанности директора, а сейчас является избранным директором ИИЕТ РАН. После встречи у меня остались положительные эмоции и впечатления. Предлагаемые условия труда меня устроили в связи с тем, что дают возможность не только приобретения ценного научного опыта, но и развития в целом, как личностного, так и социального, духовного, физического и психологического. Данные условия создают благоприятные возможности для успешной и плодотворной трудовой и научной деятельности.

Знакомство с коллективом Отдела истории физико-математических наук происходило в несколько этапов, на первом этапе встреча произошла с научным сотрудником Андреем Валентиновичем Кузьминым. Андрей Валентинович произвёл впечатление человека, достойного цитаты Льва Николаевича Толстого: «Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях!». В дальнейшем произошло знакомство и со всем остальным коллективом отдела: Владимиром Павловичем Визгиным (главный научный сотрудник); Константином Александровичем Томилиным (старший научный сотрудник); Геннадием Евсеевичем Куртиком (ведущий научный сотрудник); Андреем Васильевичем Андреевым (ассоциированный научный сотрудник). Александра Владимировича Кессениха я, к сожалению, едва застал. Он умер в первые дни моей работы в Институте.

По моему мнению, по моим впечатлениям и наблюдениям микроклимат в ИИЕТ РАН благоприятный, это сказывается положительно не только на эмоциональном состоянии его сотрудников, но и на развитии самого Института. Я считаю, что человек достигает успеха при условии, что ему нравится то, что он делает. Именно тогда появляется творческий подход к решениям научных и жизненных задач, умение брать на себя инициативу и ответственность, ощущая поддержку коллег.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А				
Абайдулов А.Г.		61	Антонов Ю.	647
Абдрашитов Г.Г.		409	Антошко Я.Ф.	111
Абелев Г.И.	522–523,	531	Антропова В.И.	77, 102
Абросимова Т.А.		840	Анучин Д.Н.	111–112, 813
Аверинцев С.С.	531,	538	Апокин И.А.	4, 240, 437, 439–440
Аверьянова Т.М.		183	Аракелян А.А.	30
Авторханов		364	Арбузов	46
Агамова Н.С.	578,	597	Арбузов А.Е.	84–85, 90, 237
Аганбеян А.Г.		393	Арбузов Б.А.	85
Адамович А.		250	Арендс А.К.	145
Адамс М.		723	Аристотель	19, 74, 129, 358, 629, 661, 663
Адамски Д.		357	Арманд А.А.	765–766
Адасинский С.С.		360	Арманд Н.А.	765
Аднобаев Р.М.		804	Армстронг	564
Азатян В.Л.		235	Арнольд В.И.	591
Аймаханов М.Р.	788–789		Арнольд из Виллановы	63
Аксенов Г.П.	615, 695,	697, 699	Аррениус Св.А.	88, 92, 97–98
Александров А.Д.	139,	385–386	Арсеньев А.С.	247, 445, 778
Александров А.П.		544	Артеменко Р.	722
Александров В.Я.		600	Артемьев	778
Александров Г.Ф.		45, 365	Артизов А.Н.	786–787
Александров Д.А.	551, 605,	656, 672, 784	Артоболовский И.И.	197, 361, 465, 494
Александров П.С.		73, 75	Арутюнян Л.	348
Александровская О.А.	216–217,	305,	Архимед	554
	569–570,	731–732,	Арцимович Л.А.	101, 104–105
	745,	782, 805, 844	Ататюрк	329
Алексеев		59, 557	Афанасьев В.Г.	268
Алексеев В.П.		691	Афанасьев Ю.Н.	699
Алексеев Г.Н.		362	Ахутин А.В.	105, 131, 240, 338, 351, 447, 463, 527, 530, 534, 550, 557
Алексеев И.С.	247, 313,	321, 364, 463, 554, 586, 675	Ашкингузе В.Г.	375
Алексеев К.И.		675, 677	Ащеулова Н.А.	10, 371, 414, 713, 715, 762–763, 799–800, 819, 842, 847, 850, 856, 860
Алексеева Е.В.		703, 710		
Аллахвердян А.Г.	412–413,	415, 446, 523, 578, 597, 867		
Альбедиль О.В.	702–704,	710–711	Б	
Аль-Хамза М.Х.	746–747,	749	Бабарина А.	682
Аммосов М.К.		729	Бабин А.В.	827
Анаксагор		131	Бабков В.В.	521, 581, 698, 724, 761
Ананич Б.В.		846	аль-Багдади	146–147
аль-Андалуси		749	Баженов Л.Б.	380
Андреев А.В.		880	Базен П.Д.	603, 605, 635
Андреев А.И.	154–155,	162, 178, 829	Базилевская Н.А.	186–187, 202
Андреев А.И.	701–704,	710, 711	Байков Г.Е.	235
Андреев Н.Н.		103	Байрон	109
Андреева Г.А.		156	Бакланов Г.	250
Андреева Г.М.		413	Бакурский	778
Андреева М.Ф.		26	Балабин В.В.	362, 543, 545, 547
Андреева Т.В.		845–846	Баландина И.В.	622
Андрей Е.		405	Балашев А.Д.	846–847
Андропов Ю.В.		646	Банина Н.Н.	182
Анжелико Беато		109	аль-Банна	748, 749
Анисимов Е.В.		371	Барабанщиков Б.И.	761
Анри Ф.		63	Баранов А.В.	396
			Барбер Б.	424

Бардин И.П.	18–19, 47, 590	Беркл	114
Бардина Л.В.	590	Берков П.Н.	155
Баренблатт Г.И.	589–591	Берне	778
Баренблатт И.Г.	590	Бернал Дж.	246, 424–425
Бартини Р.Л.	33	Бернар К.	253
Баршай Р.	257	Бернулли	176
Басаргина Е.Ю.	551, 604, 608, 727–728	Бернштейн Н.А.	252
Баскаков Д.Е.	791	Берталанфи Л.	269, 272, 641–642
Бастракова М.С.	3, 160, 259, 303, 305, 307, 343, 414, 489, 615, 688, 696, 698	Берцелиус Я.	96–97
Баталин А.Ф.	182	Беспамятных Н.Д.	375
Батеньков Г.С.	451	Бестужев Н.	143, 152–153
Батурин Ю.М.	10, 361, 716, 719, 736, 747, 771, 779, 789, 792–797, 810, 832, 834	Бестужев-Лада И.В.	662
Батюшкова И.В.	102, 111	Бетанкур А.	608
Баулин К.К.	407	Бехтерев В.М.	405
Баумгарт К.К.	102	Бибииков	257
Бах А.Н.	315	Библер В.С.	247, 353, 430, 445, 531
Бахтин М.М.	347	Бизоньо П.	651
Башилова В.М.	87	Бирман К.-Р.	73, 75–76
Башлар С.	76	аль-Бируни	14, 148, 297, 300, 808
Башляр	246	Бирюков Ю.В.	355–357
Башмакова И.Г.	72, 75–76, 221, 374, 376	Благодеров А.А.	361, 464, 492–495
Баюк А.М.	764	Блауберг И.В.	260–263, 265–267, 269, 271–273, 343, 380, 413, 430, 521
Баюк Д.А.	240, 589, 591, 593, 608, 638, 683, 764	Блок Г.П.	155
Бабенин Г.Г.	620	Бляхер Л.Я.	6, 135, 166, 168, 171–172, 183, 186–187, 194, 204–205, 260, 286, 291, 309–310, 347, 433–434, 486, 521, 581, 617
Бедретдинова Т.Ф.	46, 317, 344, 485, 500	Бляхман Л.С.	370
Безбородов	80	Бобров Е.Г.	182
Бекасова А.В.	655	Богарова М.Д.	191
Бекжанов А.Г.	126	Богданов А.А.	54, 269, 581, 641–643
Беккер Г.	424	Богданова М.С.	814
Беклемишев В.Н.	288–289	Боголюбов А.Н.	76, 126, 144, 375
Белецкий В.В.	409	Боголюбский С.Н.	187
Белинский В.Г.	97	Богомолов А.Ф.	649–651
Белкин П.Г.	413	Богуславский В.М.	380
Белов Б.Л.	349, 360	Бодри	564
Белозеров О.П.	290, 680–681, 683, 686	Бозигер Э.	311
Белозерова Л.П.	657, 659, 834	Бойко Е.С.	596
Белозерский А.Н.	432	Бойль Р.	293–294
Белоусов С.Н.	57	Болотов А.Т.	204
Белоусова А.Н.	756	Болотовский Б.М.	338
Белый Ю.А.	375	Болтин И.Н.	418
Белькинд Л.Д.	191, 193, 360, 362, 661	Больцано	19
Бельчич Ю.В.	10	Больцман	625
Беляев В.	468	Большаков В.	246
Беляев Е.А.	160, 196, 259, 305, 343, 539, 572	Большакова К.Г.	451, 655, 727
Беляев И.И.	154	Бонгард-Левин Г.М.	290
Беляева Э.	348	Бондаревский А.	30
Белянова Л.С.	314–315	Борисенко Е.Я.	187
Бендер О.	236	Борисенко И.Г.	752
Бенкен	51	Борисов В.М.	746
Берг Л.С.	19, 45, 405, 813, 864	Борисов В.П.	362, 446, 523, 566, 607–608, 660–661, 663, 755, 757, 768, 819, 834
Берг Р.Л.	600	Борисовская О.	348
Бердышев А.П.	202	Боричевский М.А.	425
Бердяев	364	Боровский	250
Берегой Н.Е.	763	Бородин А.П.	88, 92–93
Березкина Э.И.	72, 145, 194, 220–221, 374–375	Бородкин Л.И.	815
Берия Л.П.	94, 481	Бородулин Р.Б.	171

Босков А.	424	Ванисова Е.А.	873, 875
Боярский П.В.	349, 361, 504	Вант-Гофф Я.	92, 97
Боярчук А.А.	706	Ваньян Л.Л.	667
Браге Т.	807	Вардапетян В.	171
Бранский В.П.	587	Варден Б.Л. ван дер	461
Браун Д.	168	Варичак В.	624
Брежнев Л.И.	503	Василий Великий	358
Бренева И.В.	456	Васильев А.В.	66, 74, 76
Бреус Т.К.	669	Васильев В.И.	773
Бриджмен П.	312	Васильев И.Г.	103, 398
Бризе Р.К.	262	Васильков В.Я.	703
Бродский	586	Вассоевич А.Л.	452, 525–527
Бронштейн М.П.	632	Вахмистрова С.И.	784
Бруно Джордано	114	Введенский А.И.	13, 254
Брушлинский А.В.	677–678	Вдовиченко Н.В.	10, 463, 769
Бугаев Н.В.	357	Вебрас Э.А.	101
Буданов	194	Вейгелин К.Е.	29
Будкер А.М.	669	Вейсман А.	287
Будрейко Е.А.	125	Вейц В.И.	18
Будрейко Е.Н.	362	Векшинский С.А.	661–662
Булгаков П.Г.	148	Велер	239
Булгакова Л.А.	784	Велихов Е.П.	381, 497, 503
Бунин	333	Вепке Ф.	301
Бурбаки	74	Верещагин И.Ф.	409
Буртнек Э.М.	49	Вернадская Н.Е.	28, 30
Бутлеров А.М.	43, 96, 99, 124, 237	Вернадский В.И.	3, 8, 20–22, 25–34,
Бухарин Н.И.	3, 25–26, 417, 475, 577, 766		43–45, 80, 182, 268, 304–307,
Бухгольц Н.Н.	407, 461		317, 356, 364, 453, 475, 488–489,
Быков В.В.	160		508, 601, 615–618, 624,
Быков Г.В.	6, 80, 87–88, 95–96, 98,		695–698, 813, 834–835, 858
	105, 126, 131, 137, 167, 187,	Вернет Х.	77
	222, 233–235, 317, 335, 338,	Верховский В.Н.	57
	347, 389, 417, 447, 466, 486, 521	Веселовский И.Н.	46, 80, 129, 131,
Быков К.М.	118		375, 417, 461, 706
Быковский Б.И.	379	Веселовский К.С.	104
Быстров В.Ф.	768	Веселовский О.Н.	191
Быстрова Н.И.	768	Вид де Д.	518
Быховский Б.Е.	120, 325	Видеман Э.	301
Бэлза И.Ф.	93	Визгин Вл.П.	105, 131, 240–241, 243,
Бэр К.М.	54, 61, 143, 163, 182, 287, 616–617		338, 350–351, 353, 361, 374,
Бюффон Ж.	182, 697		446, 463, 521, 534, 550,
Бюффон К.Л.	453		554–555, 557, 591, 617, 624, 630,
			632, 658, 736, 765–766, 834, 880
В		Визгин Викт.П.	213–214, 315, 527
Вавилов С.И.	93	Вилейтнер Г.	66
Вавилов Н.И.	90, 135, 181, 202,	Вилинбахов В.Б.	120, 156
	204, 453, 808, 813	Вильд Г.И.	104
Вавилов С.И.	19, 21, 26, 45–46,	Винарский М.В.	863, 865
	51–52, 56, 58, 61, 63, 66–71, 73	Винер Д.	260, 672, 813–814
	85, 87–88, 90, 103, 113, 140, 154–155,	Винокуров	348
	158, 181, 293, 326, 476, 542, 583–584,	Винтер Э.	73, 76, 172
	616, 618, 626, 680, 705–706, 713–714,	Винчи да Леонардо	29, 129, 515
	730, 744–745, 774, 788–789,	Виргинский В.С.	126
	836, 843, 846, 853, 855, 873, 879	Витт В.О.	188
Ваганов А.Г.	832–833, 835	Вихавайнен Т.	814
Вагнер Е.Е.	237	Власов К.А.	696
Валентинович Б.	425	Власов М.Н.	719
Валк С.Н.	150–151	Власова Н.К.	696
Вальден П.И.	97	Водзинский В.В.	396
Валькова О.А.	617, 682, 685, 687,	Вознесенский	348
	689, 735, 774, 805, 807–808	Вознесенский Н.А.	279, 281
Ван Л.	72	Войтеховский Ю.Л.	853
Ван-дер-Ваальс И.	97	Волгин В.П.	19, 45, 116–117, 119

Волков А.	573	Гамильтон	408
Волков В.А.	5, 316–317, 319, 321, 338, 370, 417, 529	Гамов Г.	94
Волков В.П.	696	Ганелин Р.Ш.	828, 846
Волков Г.Н.	428	Гапонов Ю.В.	554, 764, 766
Волконский А.	257	Гарбер Х.И.	39, 417
Волобуев П.В.	212, 430, 493, 537	Гартнер В.	76
Вологдин В.В.	370	Гассенди	63
Володарская Е.А.	413, 466, 578, 594–595, 597, 868	Гастев А.К.	579
Володарский А.И.	131–132, 137, 145, 219, 221, 223, 349, 374, 688	Гаузе Г.Ф.	453
Володьковский	545	Гачев Г.Д.	213, 343, 353, 357, 447, 699
Волосевич О.М.	370, 398	Гвишиани Д.М.	272, 283
Волчков С.С.	774	Гвоздецкий В.Л.	359–361, 541, 560, 719, 736, 739–740, 757, 779, 825, 834
Вольта	106	Гвоздецкий Л.А.	359
Вольф К.Ф.	50, 54–55, 61	Гельмгольц Г.	171
Вольфович С.И.	84–85, 94	Гендель Л.Э.	734
Вонский Е.В.	320, 346	Генкель П.А.	167
Воробьев Л.М.	409	Геннин В.И.	755
Воронин М.И.	602	Георгиевский А.Б.	183, 274–275, 310, 452–453, 612, 655, 715, 763
Воронков Ю.С.	196, 240, 465, 467, 506, 542, 546	Герасимов И.П.	113, 815
Воронцов Н.Н.	600	Герасимов Я.И.	84
Воронцов-Вельяминов Б.А.	132	Герасимович Б.П.	133, 135, 137–138
Вуссинг Г.	76, 375	Герман К.Ф.	847
Выборнова Е.И.	125	Герович В.А.	10, 670–671, 673
Выгодский М.Я.	65–66, 221	Геронимус А.	461
Выготский Л.С.	250–252, 577–578	Герцен	58
Высочков Л.В.	845	Гершель В.	132–133
Высоцкий В.С.	327	Гершензон С.М.	600
Вышинский	26	Гесс Г.И.	207, 643
Вюрц А.	95	Гессен Б.М.	423, 578
Вяльцев А.Н.	6, 104, 131, 208, 210, 243, 338, 357	Гества К.	813
Г			
Габер Л.	446	Гете И.В.	182, 453
Габихт В.	76	Гиббс	106
Габор Д.	399	Гиллисп Ч.	76
Гавриленко А.П.	196	Гильберт Д.	74–75, 77
Гаврилова Т.	222, 643	Гильденштедт	177
Гаврилов-Зимин И.А.	869	Гиляров М.С.	167, 435
Гаврюшин Н.К.	348–349, 354–355, 357, 360–361, 446, 504, 646–648, 781	Гинак Е.Б.	785
Гагарин Ю.А.	132, 621, 650	Гиндилис Н.Л.	414–415, 578, 597
Гайдар Е.Т.	697	Гинзбург В.Л.	20, 338
Гайденко В.П.	213, 313, 346, 445	Гиппократ	79, 316
Гайденко П.П.	247, 313, 353, 430, 463, 530, 550, 588	Гитлер	74, 513
Гайдук Ю.М.	375, 608	Глазков Н.	709
Гайсинович А.Е.	60, 167, 286, 582	Глазунов И.	257
Галилей Галилео	25, 72, 114, 463, 592–593	Глебов Л.А.	102, 105, 131, 243
Галисон П.	674	Глинка	99
Галич А.	605, 638	Глушакова Т.И.	286
Галкин Ю.С.	804	Глушков В.В.	793
Галл Я.М.	183, 310, 398, 453, 601, 610, 655, 715, 760, 762–763, 801, 818	Гнатюк Т.Ю.	703–704
Галлай М.Л.	469	Гнеденко Б.В.	74
Гальвани	106	Гнучева	178
Гальперин В.М.	17	Гоголь Н.В.	136, 182, 821
Гальперин Ю.И.	669	Голдстейн Г.	461
Гальтон Ф.	182, 453	Голицын Б.Б.	102, 104, 130
		Голицын Г.В.	604
		Голованов А.Е.	28
		Голоцван Е.	682, 686, 709, 721
		Голубев В.В.	407–408
		Голубева О.В.	409
		Голубкина	348
		Голубовский М.Д.	598–599, 601, 762

- Добровольский В.А. 375
Добрушкин Е.М. 685–686
Догель В.А. 57
Докучаев В.В. 813
Долматовский Е.А. 645
Долматовский Ю.А. 645
Домбр Ж. 76
Дорогов А.А. 194
Дорошенко С. 348
Дорфман Я.Г. 103, 105, 135,
157, 171, 243, 260, 312,
337–338, 347, 386, 417, 766
Достоевский Ф.М. 99
Дрейк С. 593
Дриш Г. 287–288
Дровеников И.С. 240, 501
Дроздова Л.Н. 683
Дружинин Н.М. 81, 253
Дубинин М.М. 85
Дубинин Н.П. 287, 722, 723
Дубровский Д.И. 588
Дузь О.А. 28, 31–32, 34
Дузь П.Д. 8, 24–25, 27, 29, 31–33, 35
Думанский А.В. 84
Дунская И.М. 105, 386
Душина С.А. 763, 798–799, 801, 855–858
Душкин Л.С. 620
Дышлевский П.С. 587
Дьедонне Ж. 74
Дьяконов К.Н. 509
Дюбо Б.А. 828
Дюгак П. 76
Дюментон Г.Г. 6, 259, 305, 343,
379, 381, 430, 578, 715
Дюзэм 21, 63
- Е**
- Евдокимов 39
Евдокимова Г.Н. 792
Евклид 146
Евреинов 348
Евсикова Е. 859–860
Евтушенко 348
Еганян А.М. 375
Егоров А.А. 409
Егоров А.Г. 506, 588
Екатерина II 583
Елагин 371
Елагина К.Ц. 125
Елина О.Ю. 514–515
Елисеев А.А. 80, 103, 116, 143, 153
Ельцин Б. 235, 240
Емельянов Е.Н. 413, 466, 596
Еремеева А.И. 8, 102, 105, 128–129,
131, 133, 135, 137
Ермолаев А.И. 760–761, 763, 850, 861
Ермолаева Н.С. 76
Ермоленко М.Т. 310
Ермоленко Н.Ф. 84
Ерохина К. 763
Ерошенко Е.Г. 668
Есаков В.А. 5, 8, 110–111, 113, 163,
194, 508, 569, 730–731
- Есаков В.Д. 111, 808
Есафов В.И. 85
Есенин С. 246
Ефремов Ю.И. 134
Ефремов Ю.Н. 706
- Ж**
- Жаворонков Н.М. 98, 318
Жамин В.А. 465
Жариков Е.С. 395
Жауиш К. 72
Жданов А.А. 171, 276, 525, 610
Жданов Ю.А. 489
Жегалкин И.Б. 407
Желтова Е.Л. 513, 532–533, 535, 564, 834
Жигалова Л.В. 304
Жидкевич С.В. 118
Жидкова А.А. 5
Житомирский С.В. 706
Жмудь Л.Я. 454, 538, 549, 551,
604, 607, 636, 638, 762
Жолио-Кюри И. 716
Жолио-Кюри Ф. 46
Жуков Г.К. 94
Жуковская Т.Н. 821
Журавченко А.Н. 407
- З**
- Забабурина Н.Н. 734
Забелин И.М. 217
Заблудовский П.В. 170
Заболоцкий Н. 246, 358
Завадовский М.М. 200, 433, 683–684
Завадовский Ю.Н. 145
Завадский К.М. 183, 275, 310, 324–325,
370, 398, 452–454, 476,
478, 610–612, 763, 848
Завидонов И.В. 463, 669
Загорский Ф.Н. 156
Зайцев 237
Зайцев А.И. 550, 552
Залкинд Ю.С. 84
Замецкий С. 446
Запорожец А.В. 676
Засыпкин 778
Захарчук П.А. 836–837, 853
Зверев А. 246
Зворыкин А.А. 26, 191, 425, 427, 429–430
Зворыкин В.К. 662–664
Зворыкинны 663
Звягинцев О.Е. 84–85
Зелинский Н.Д. 19, 43–45, 84, 88, 171
Зельдович Я.Б. 384, 554–555
Зельманов А.Л. 137
Зенкевич Л.А. 435
Зенкевич С.И. 850
Зенкин А.И. 409
Зильбер Л. 523, 808
Зильберберг А.А. 385
Зильберштейн И.С. 152–153
Зими́на Н.А. 126
Зиневич Ю.А. 420, 465, 521
Зинин Н.Н. 88, 92, 99

Зиновьев А.	528	Казакова О.В.	182
Зинченко В.П.	676	Казанская В.А.	80, 87
Злобин Н.С.	353	Казарновская	348
Знаменский П.А.	57	Казибердов А.Л.	146
Знаецкий Ф.	425	Кайданов	55
Золотарев Е.И.	451	аль-Каласади	749
Золотов Ю.А.	93	Калинин А.Н.	456
Зубов В.П.	6, 8, 46, 62–64, 72–73, 80, 83, 95, 101–102, 111, 125, 129, 142, 156, 167, 172, 187, 193–194, 212, 222, 298–299, 357, 418	Калинин М.И.	200
Зубов П.В.	83	Калинина И.М.	705
Зуев В.Ю.	53, 743	Калиостро	168
Зюганов Г.А.	502	Калищенко М.	465, 658
Зюков П.И.	102, 130	Калтахчян В.Т.	266
И			
Иван III	515	Калуцкий В.Н.	813
Иваненко Д.Д.	46, 95, 101–102, 104, 109, 129, 338, 376	Калядина С.А.	636, 638, 654, 702
Иванов Б.И.	121, 322–323, 325, 327, 398, 455, 550–551, 603–604, 608, 635–638, 715, 762, 818	Каминер Л.В.	108
Иванов К.В.	513, 834, 879–880	Камнева А.В.	800
Иванов М.А.	413, 595–596	Канаев И.И.	6, 182–183, 310, 453, 617, 849
Иванова Т.	348	Кангилем	246
Иващенко Н.П.	10	Кандинский	109
Игнатъев А.А.	534	Канонников И.И.	237
Идельсон Н.И.	67, 461	Кант И.	13, 358, 629
Идлис Г.М.	106, 338, 380, 382–383, 385, 463, 688, 707, 765	Кантемиров Б.Н.	6, 736, 751, 753, 779
Изаксон А.М.	562–563	Кантор Г.	75
Измайлов Н.А.	84, 98	Кантор М.	141
Измайлова Е.С.	682	Капунов Н.Ф.	375
Илизаров С.С.	2–3, 5, 10, 116, 196, 240, 360–361, 416–417, 419, 421, 516, 519, 658, 686–688, 722, 733–736, 770–771, 773–774, 785, 806–807, 825–826, 834, 838	Капица П.Л.	293, 425, 557
Ильин Г.С.	852–853	Каплан А.Е.	386, 625
Ильин П.	828	Каплан Н.	426–427
Ильина Т.Д.	321, 445	Каплан-Ингель Р.И.	154
Ильичев Л.Ф.	271–272	Капустинский А.Ф.	84–85, 98, 207–208
Ильф И.	168, 234	Кара-Мурза С.Г.	259, 278, 413, 459, 518, 541, 545
Имшенецкий А.А.	167	аль-Караджи	747
Инге-Вечтомов С.Г.	371, 762	Кардано	142
Инфельд Л.	16	Карева Н.В.	828–829
Иоффе А.Ф.	16, 156–158, 338, 476	Каримов А.Э.	688, 709
Иоффе Б.В.	330	Кармин А.С.	587
Ипатьев В.	332–333	Карно Л.	66
Ирошников М.П.	371	Карпеев Э.П.	448–449, 451, 453, 455, 457, 459, 527–528, 550, 584, 603, 786
Исаков И.С.	153	Карпинская Р.С.	285, 287, 511, 588
Истомин В.Г.	669	Карпинский А.	17
Ишлинский А.Ю.	361	Карпов В.Л.	319
К			
Кавальери	66	Карпов В.Ф.	19
Каверзнев А.	53–55, 60	Карпов Е.А.	752
Каган В.Ф.	74, 590	Карпов М.М.	425, 428–429
Каганович	94	Карцев В.П.	413
Кадников К.Н.	200	Кары-Ниязов Т.Н.	145
Кадышевский В.Г.	818	Кастро Ф.	132
Казаков В.К.	850	Катаев В.	835
Казаков С.В.	800	Кафаров В.В.	446
		Кафтанов С.	57, 58
		Каценелинбойген А.И.	269
		Качмарек Я.	425
		аль-Каши	72
		Квасников А.В.	27
		Квасов Ф.И.	756
		Кедров Б.М.	6, 9, 84, 126, 131, 134, 136, 156, 158–159, 167, 169, 173, 194–195, 197, 208–209, 213, 222, 235, 258, 272, 283, 289, 292–296, 306, 309, 312–314,

- 319–324, 335, 337, 346, 348,
352, 360, 364–365, 367, 370,
376–378, 380, 389, 419, 425–426,
430, 445–447, 457, 471–474,
487–488, 490, 493, 511, 513,
521, 530, 588, 661, 671
- Кедрова М. 213
Кедрова Э.Я. 169, 320, 474
Келдыш М.В. 156, 158, 371, 384, 495, 666
Келле В.Ж. 282, 323, 353, 413, 422–423,
425, 427, 429, 431, 486, 521, 715
- Кеплер И. 66, 355, 463, 592
Керимов И.А. 569, 805, 853
Кессених А.В. 764–765, 767, 769, 880
Кинг М.Л. 820
Кипарисов 38
Киплинг Р. 16
Киреев В.А. 92
Кириллин В.А. 192
Кирилов И.К. 143, 813
Киро С.Н. 375
Киров С.М. 376
Кирпичев М.В. 27
Кирпичников В.С. 600
Кирсанов В.С. 10, 240, 321, 348, 353, 376,
461, 515, 591–593, 608, 625,
632, 658, 682, 687, 698, 781
- Кирхер А. 355
Киселев А.А. 74, 141, 406
Клав де Э. 63
Клавдиева М.М. 517, 519
Кладо Т.Н. 73, 141, 163, 175, 477, 829
Клеймёнова Р.Н. 807
Клейн Ф. 74
Клер 76, 334
Клешнин А. 813
Клинток Мак Б. 600
Кнабе Г.С. 538
Кноблах Э. 76
Кнорозов Ю.В. 300
Князев Г.А. 143
Кобак А.В. 702
Кобзарев И.Ю. 557
Кобзева Ю.А. 876–877
Коблиц Э.Х. 109
Ковалев 146
Ковалева И.И. 734
Ковалева С.К. 766
Ковалевский В.О. 287
Ковальченко 212, 214
Ковда В.А. 615
Ковнер 769
Коган 298
Коган-Бернштейн Ф.А. 316
Кожанов А.А. 811–812
Кожевников А.Б. 10, 240, 538, 553,
555, 557, 573, 671, 674
Кожевникова М.Н. 702–704
Козаков М. 647
Козлов Б.И. 9, 289, 371, 448–449,
454, 465, 526, 550–551, 603–604,
608, 635, 637–638, 683, 824
- Козлов П.К. 654, 701–704,
710–712, 762, 792, 855
Козлова Е.Б. 550
Козлова Е.В. 704, 711
Козлова М.С. 513, 587, 682, 690–691, 693
Козминская О.А. 770–771, 791–792, 810
Козулина А.В. 613
Койре А. 20, 76
Колли Р.А. 101
Колмогоров А.Н. 74–75, 144
Колхас 45
Колчинский Э.И. 10, 183, 290, 310,
371, 398, 454, 475, 477, 479,
481, 513, 601, 608, 610, 638,
655, 704, 714, 724, 726, 743,
762–763, 784, 786–787, 817–819, 821,
829, 842, 848–850, 860–861, 865
- Кольер Д. 795–796
Кольман Э.Я. 6, 102, 129, 133, 142, 186
Кольпар С. 637
Кольцов А.В. 6, 8, 114–115, 117, 119, 121,
143, 156, 158, 160, 162, 176,
181, 304, 341, 370, 372, 450–453,
477, 479, 528, 584, 601, 606,
655, 726–728, 784
Кольцов Н.К. 453, 600
Комаров В.Л. 16–20, 22, 27,
43, 45, 49–50, 52, 56,
58, 61, 67, 80, 420, 618
- Комарова Е.К. 734
Комарова Н.В. 52, 56
Комарова Т.А. 80, 87–88, 351
Кон И.С. 715
Конашев М.Б. 290, 604, 610–611,
613, 638, 763
- Константинова Н.В. 183
Конфедератов И.Я. 191–193, 360–362
Конхезий В. 63
Копанев Н.П. 10
Копанева Н.П. 61
Копелевич Ю.Х. 74, 76, 118, 131,
141, 160, 163, 174–175, 177,
179, 372, 398, 450, 477, 479,
578, 584, 605, 655, 727, 784
- Коперник 129, 358, 463
Копнин П.В. 425–426
Копш Г. 237
Копылов Г. 764
Коркин А.Н. 451
Корнеев С.Г. 324, 466
Королев С.П. 469, 498, 621, 650
Королева М.М. 657
Королева Н.С. 469
Корольков А.А. 611
Коронкевич Н.И. 802–803
Короченцев И.С. 621
Косминков 778
Космодемьянский А.А. 111, 357–358,
406–407, 409–410
- Косолапов Р.И. 268
Костабель П. 76
Костанов А.И. 786
Костенко М.В. 399

Костенко М.П.	370, 479	Кузнецов Б.Г.	3, 6, 8, 15, 17, 19, 21, 23, 25–26, 42–43, 45, 47, 67, 73, 80, 95, 102, 111, 129, 131, 133, 142, 167–168, 172, 187, 212–213, 216–217, 222, 242–243, 260, 286, 298, 309, 347, 352, 361, 367, 376, 457, 521, 630–631
Костромина Т.С.	834	Кузнецов В.И.	6, 87, 167, 187, 196, 222, 260, 283, 314, 317–321, 332–333, 335, 338, 350–353, 361, 367, 389, 445, 447, 465, 504
Косыгин	681	Кузнецов И.В.	87, 96, 117, 119, 156, 186, 192, 201, 365
Котельников В.А.	371, 649–650	Кузнецова А.Б.	655, 726
Кочергин К.И.	370, 372	Кузнецова Г.И.	320
Кочегова Н.	405	Кузнецова Н.И.	245, 247, 296, 304, 511, 515, 518, 529–530, 534, 539, 557, 572–573, 671, 675–677, 682–683, 686–687, 722, 824–825, 834
Кочин Н.Е.	19, 408	Кузнецова О.В.	338
Кочина В.Г.	590	Кузнецова О.Н.	654
Коши	68	Кузьмин А.В.	705, 707, 880
Коштоянц Х.С.	6, 45, 68, 70–71, 79, 81, 85–86, 90, 111, 165–167, 172, 186	Кузьмин В.Н.	268
Кравец Т.П.	19, 67, 69–70, 91, 155, 476	Кузьмин В.П.	120–121, 264, 272
Кравченко И.П.	803	Кузьмин В.Ф.	777
Крамар Ф.Д.	375	Кузьмин Р.О.	67
Крамской	99	Кузьмин Ю.В.	777, 779
Красин	551, 639, 654	Кук Р.	375
Красникова О.А.	813	Куликова М.В.	321, 676, 683
Краснов В.Н.	362, 545, 547, 559	Куликовский П.Г.	130, 134, 137
Краснова А.А.	37	Кульвещас Л.Л.	375
Красовский В.И.	666	Кульчицкий	298
Красоткина (Лукина) Т.А.	141	Кумель Л.	813
Кратценштейн	177	Кун Т.	246, 248, 260, 455, 457, 530, 556, 573, 581
Крачковский И.Ю.	155, 219, 253, 298	Купрадзе В.Д.	19
Крашенинников С.П.	182	Куприянов В.А.	655, 801, 855, 857
Кременцов Н.Л.	551, 604, 607, 612–613, 636, 638, 656, 672	Куприянов Ф.А.	396, 397
Кремянский В.И.	272	Купцов А.И.	202
Крепс Е.М.	521	Куриной В.И.	97
Кржижановский Г.М.	15–16, 22, 26	Курихин О.В.	645, 738–739
Кривомазов А.Н.	208, 338–339, 348, 361, 370	Курлыкова В.М.	500
Кривonosов Ю.И.	540–541, 756	Курнаков Н.С.	44, 93, 98
Кривошеев М.И.	663	Курносова Л.В.	665
Кривошеина Г.Г.	482–483, 485, 517, 735, 825	Курочкин Г.Д.	112
Кривулин В.	549	Курсанова Т.А.	290, 432–433, 435, 581, 682
Криг Дж.	651	Куртик Г.Е.	460–461, 463, 552, 880
Крицман В.А.	232–233, 235, 237, 239, 338, 348, 511, 638	Кухарчук В.С.	126, 240, 545–546
Крицманы	638	Кычанов Е.И.	703
Кричевский С.В.	717, 719, 834	Кювье Ж.	182, 453
Кромби А.	73, 76	Кюри П.	44
Кропоткин А.П.	669		
Кружков С.Н.	374, 376		
Крупская Н.К.	537		
Крутков Ю.А.	105		
Круть И.В.	346, 513, 569, 698		
Крылов А.Н.	26–27, 45, 67		
Крылов П.Н.	768		
Крымский С.Б.	587		
Куат Ш.	118		
Кубесов А.К.	375		
Кугель С.А.	281–283, 318, 324, 340, 370, 396–399, 430–431, 454, 478, 714–715, 762, 798–799, 856		
Кудрин Б.	833		
Кудрявцев П.С.	101–102, 104, 243, 338		
Кузаков В.К.	160, 211, 213, 357, 361		
Кузин А.А.	196, 361, 416, 419, 572		
Кузнецкая О.Б.	451		
		Л	
		Лабас Ю.А.	600
		Лаврова Н.	100, 108
		Лавуазье А.	98, 435
		Лагранж	76, 408
		Ладыженская О.А.	141
		Ладынина М.	494
		Лазарев П.П.	104
		Лазебник О.А.	730

Лайус Ю.А.	655, 763	Лешковцев В.А.	105
Лакатос И.	248, 287, 455, 457, 556, 573, 581, 858	Либкнехт К.	407
Лам Г.	608	Либих Ю.	239
Ламан Н.К.	6, 125–126, 131, 195, 319, 321, 360, 443, 466, 541, 546, 607, 755–757	Ливанов Б.Н.	158
Ламанский В.И.	858	Лимож К.	334
Ламарк Ж.-Б.	54–55, 188, 308, 311	Линкова Ю.С.	597
Ланге Ф.-Г.	76	Линкольн	820
Ландау Л.	20, 461, 632	Линней К.	53–54, 182, 483, 874
Лапин В.В.	784	Липкина А.И.	596
Лапина И.В.	626, 682, 723, 731, 757, 781, 812, 825, 835	Лисневский Ю.И.	208, 338, 554
Лаппо-Данилевский А.С.	13, 151, 858	Литичевский Г.С.	536–537, 539, 571–573
Лаптев Б.Л.	375	Лифшиц	461
Лапшин И.И.	13	Лихачев Б.О.	879
Лассвиц К.	63, 357	Лихачев Д.С.	155, 213
Латур Б.	248	Лобачевский	75, 624
Лахтин Г.А.	425, 541	Лобашов	143
Лёб Ж.	682–683	Ловиц Т.Е.	88
Лебег	377	Логинов	31
Лебедев	275	Логинов В.С.	321
Лебедев А.А.	103	Лодыгин	106
Лебедев Д.В.	453, 551	Лозовская Н.М.	571, 573
Лебедев Д.М.	217–218	Лолалх А.	747
Лебедев П.Н.	106, 130, 624	Ломакин	51
Лебедева В.В.	712	Ломакина (Райкова) Н.	51
Лебедева Н.	638	Ломовицкая В.М.	715, 763, 798–801
Лебединский В.В.	387	Ломоносов М.В.	14, 25, 29, 44, 53, 92, 98–99, 103, 111, 117, 121, 142–143, 153–155, 158–159, 176–177, 313, 326, 341, 365, 373, 403, 413, 418, 420, 448–451, 453, 455–459, 476, 550, 567–568, 570, 583–584, 595, 702, 714, 732, 735, 774, 776, 786, 803, 813, 834, 844, 876
Лебин Б.Д.	452	Лоскутова И.П.	99
Лебин Б.Э.	283	Лоскутова М.В.	655, 763
Леблон	637	Лохвицкая М.	354
Лев М.	709	Лугинин В.Ф.	95
Леваковский Н.Ф.	182	Лужков Ю.	792
Левин М.Г.	692	Лузин Н.Н.	19, 73–74
Левин Ш.М.	115	Лукашенко Ю.И.	650
Левина Е.С.	807–808	Лукина Т.А.	163, 175, 182–183, 453
Левшин Б.В.	97, 304, 824	Лукьянов П.М.	83, 85, 91, 187, 318, 446
Левшин Л.В.	765	Лумисте Ю.Г.	375
Легостаев В.П.	793	Луначарский А.В.	91
Лежнева О.А.	3, 6, 8, 100–101, 103, 105, 107–109, 130, 222, 242–243, 338, 419	Лунгин П.	786
Лейбензон Д.С.	407	Лурья А.Р.	250–251
Лейбниц	72–73	Лурье	213
Лейкин А.Я.	828	Лысенко Т.Д.	59, 82, 94–95, 188, 200, 202, 275, 435–436, 600
Лейман И.И.	431	Львов С.В.	387
Лекай Л.	731	Любина Г.И.	5, 160, 256–257, 259, 277, 305, 343, 688
Лекторский В.А.	588	Любищев А.А.	403, 511, 600–601
Лельчук	212	Люблинская А.Д.	152
Ленин В.И.	14, 22, 56, 59, 70, 129, 131, 195–196, 200, 222, 385, 409, 469, 485, 492, 555, 568, 581, 642, 645, 690, 773, 802, 834	Лякишев П.	756
Ленц Э.Х.	104	Ляля Е.В.	812
Леонов А.А.	650	Ляпунов А.А.	600
Леонтьев А.Н.	158–159, 676		
Лепендина О.А.	766	М	
Лепехин И.И.	453	Мавродин В.В.	583
Лерман И.В.	5, 240, 464–465, 467, 519, 658, 721–722, 734, 736	аль-Магриби	749
Лефорт Ф.	603	Майзель И.А.	426, 431, 713
		Майолус Л.	63

Майр Э.	864	Медведева А.К.	496–497
Майстров Л.Е.	6, 130, 298, 349, 360, 374, 376, 417, 438–439, 463, 648	Медунин А.Е.	102, 131–132
Макаров В.А.	357	Медынский Е.Н.	56
Макеева В.Н.	156, 304, 370, 372, 451, 453	Мезенин Н.А.	755
Макешин Н.И.	196	Мезьер	608
Максвелл	555	Мейен С.В.	511
Максимов В.Ф.	101	Мейерсон Эмиль	20
Максимов Г.Н.	730	Мелещенко Ю.С.	121, 183, 197, 281–283, 322–325, 340–341, 370, 397, 476, 478, 481
Малахов В.А.	597, 867	Мелуа А.И.	454, 551–552, 607, 636, 638, 653–654
Маленков Г.М.	86, 94, 96, 112, 131, 158, 173, 476	Мельников В.П.	208, 338–339, 361
Малецкий И.	425	Мельников И.Г.	74, 141, 375
Малинин А.	647	Мелюхин С.Т.	351–352
Малинов А.В.	858	Менделеев Д.И.	29, 43–44, 84–85, 88, 99, 106, 117, 136, 208–209, 237, 317–318, 330, 338, 365, 389, 472, 568
Малиновский А.А.	287, 520–521, 581, 642	Менделеева М.Д.	88
Малицкий А.	429	Мендель	600
Малов Е.М.	125	Мендес	564
Малыгин А.	710	Мерзлякова И.А.	709
Мальшева Г.И.	647	Мериан М.С.	453
Мамардашвили М.К.	212, 247, 343, 353, 430, 457	Меркулов И.А.	469
Мамедалиев Ю.Г.	85	Меркулова Н.М.	125
Мамедбейли Г.Д.	375	Мерсенн М.	355
Мамзин А.С.	183, 325, 611	Мертон Р.	424
Мандельштам Л.И.	313, 624	Мессершмидт Д.Г.	143
Мандельштам О.	257	Мечников И.И.	304, 523, 582
Мандрыка А.П.	143, 454, 604	Мешков И.Н.	669
Манойленко К.В.	5, 61, 180–183, 310, 453, 655, 715, 727, 763, 818, 849	Мешерский И.В.	409
Мансуров В.А.	430	Мигулин В.В.	668
Марат	608	Миддендорф А.Ф.	162
Марголис Ю.Д.	371	Мизиано В.А.	537, 539
Маркелова Л.Н.	118	Мизиано К.Ф.	537
Марков А.А.	143	Микешин М.И.	655
Марков К.К.	113	Микиша А.М.	706
Марков Н.В.	266	Миклухо-Маклай Н.Н.	812
Маркова Л.А.	445	Микрин Е.А.	793
Маркович Л.	220	Микулинская Н.В.	306, 488
Маркони Г.	368, 651	Микулинский С.Р.	3, 6, 9–10, 105, 107–108, 111–112, 120–121, 133–135, 137, 156, 160, 183, 196–197, 211–214, 218, 222, 235–236, 240, 244, 258, 267–268, 275, 277, 282–283, 285, 289, 292–296, 298, 304–306, 309, 311, 313, 315, 319, 323–324, 326–327, 334, 338, 343–344, 346, 361, 371, 378, 380–382, 385–386, 394, 399, 413–415, 417, 419–420, 425–426, 430–431, 433, 444, 447, 449–450, 456–459, 465–467, 473, 484, 487–490, 493, 500, 503–508, 511, 521, 526–528, 541–542, 544–546, 559, 587
Маркс К.	195–196, 399, 581	Миллер Г.Ф.	177, 418, 420
Маркуш И.И.	375	Миллионщиков М.Д.	286
Маркушевич А.И.	74, 375	Минаков А.П.	407, 409
Маров А.Э.	736	Минина Е.В.	10, 736, 823, 825
Марр Н.Я.	38	Мирзоян Э.Н.	185, 187, 189, 194, 286, 433–434, 510–511, 516, 521,
Маргин	829		
Марцинкевич А.Ю.	677		
Марчук	250		
Масевич А.Г.	137		
Масленников В.И.	324, 344, 413, 541		
Маслов А.Г.	755, 778		
Матвеев А.Н.	555		
Матвеев Б.С.	188		
Матвеев В.А.	818		
Матвеева Н.	257		
Матвиевская Г.П.	8, 72, 131, 139, 141, 143, 145, 147, 375, 750, 807		
Матёкин П.В.	483		
Мах	21, 242		
Медведев Ж.А.	600		
Медведев Ф.А.	75–77, 102, 130–131, 136, 347, 374, 376, 383, 446, 486		

- 531, 581–582, 641–642, 682–683,
688, 691–694, 722–723, 768, 833
- Миридонова О.П. 102
- Мионов А. 348
- Мирская Е.З. 315, 413–415, 428,
518, 523–524, 715
- Мирский Э.М. 282, 380, 428, 430, 715
- Миткевич В.Ф. 26, 362
- Михайлов А.А. 133, 135
- Михайлов В.П. 360, 466–467, 650, 719
- Михайлов Г.К. 140
- Михайлович 51–53
- Михеев В.Р. 561, 563, 565, 739–740
- Михеев Л.Ф. 363–364
- Мичурин 59
- Мишин 493, 564
- Мищенко К.П. 98
- Можайский А.Ф. 27
- Мозелов А.П. 611
- Моисеева Т.М. 456
- Мокрова М.В. 5, 735
- Молотов 96
- Монджили А. 539
- Монж Г. 607–608
- Морган Т.Х. 287, 289, 611, 723
- Мориц Ю. 257
- Морозов А.С. 201–202
- Морозов В.С. 357
- Морозов Г.И. 356
- Морозов Н.А. 43–45
- Московский А.В. 590
- Мосотти 555
- Мохов Н.И. 266–267
- Мочалов И.И. 357, 487, 489, 521, 615, 617,
658, 688, 696–698, 736, 834
- Мошкова Г.Ю. 413, 596
- Музрукова Е.Б. 285, 287, 289, 291,
433–434, 465, 581, 599,
682–683, 687, 723–724,
736, 761–762
- Мульченко З.М. 260, 277, 392, 395
- Мурадели В. 93
- Муратов А.Л. 733
- Муратова Г.Н. 733
- Мурзаев Э.М. 418
- Мурзин А.М. 120, 156
- Муртазина Л.Е. 503
- Мусабеков Ю.С. 85, 87, 95
- Мустель Э.Р. 384
- Мухамедханова Р.И. 148
- Н**
- Набоков В. 833
- Надальяк П.А. 125
- Назаров А.Г. 5, 614–615, 617, 719
- Назаров В.И. 287, 290, 308–309, 311, 433,
435, 513, 581, 682, 722, 724
- Налбандян М.Б. 375
- Наливкин В.Д. 663
- Налимов В.В. 260, 392, 395, 531, 538
- Нариманов Г.С. 667
- Натали В.Ф. 56
- Неаполитанская В.С. 304, 696
- Невская Н.И. 131, 137, 451, 456,
463, 477, 578, 584, 605,
608, 638, 655, 727
- Недотко П.А. 259
- Нейгебауэр О. 461
- Нейфих А.А. 287
- Некипелов А.Д. 794–795
- Некрасов А.Д. 186
- Некрасов А.И. 407
- Нелюбов Д.Н. 182
- Немальцев А.С. 568
- Немилов В.А. 89–90
- Неницеску К. 233
- Непряхин В.В. 812
- Неретина С.С. 699
- Нернст В. 92, 97
- Несмеянов А.Н. 94–95, 188
- Нестоянова В.П. 348, 647, 781
- Неуймина Н.К. 603
- Неуймин Я.Г. 454, 550–551, 603–604
- Нечаев 56
- Нидем Дж. 72, 425
- Низовцев В.А. 804, 844, 877
- Никитин Н.Н. 409
- Никитин П.В. 728
- Николаев П.И. 442
- Николаева Е. 769
- Николаенко Г. 859–860
- Николай П. 32
- Никольс 106
- Никольский А.А. 874
- Никоро З.С. 600
- Ницше Ф. 362
- Нобель 236, 246, 399, 557, 625
- Новы Л. 77, 375
- Новаковский С.В. 663
- Новиков Н.А. 58
- Новиков П.А. 46, 80, 82, 182, 186–187
- Новлянская М.Г. 126, 143, 477
- Новокшанова З.К. см. Соколовская З.К.
- Нуждин 59
- Нумеров Б.В. 133, 135, 137
- Ньепс 91
- Ньютон 66–69, 72–73, 75,
107, 177, 463, 626
- О**
- Обольсин О.Н. 711
- Обручев В.А. 19, 43–45
- Обручев С.В. 162
- Овчинников 381
- Овчинников Н.Н. 538
- Овчинников Н.Ф. 312–313, 363, 365,
489, 521, 529, 538,
572, 698–699
- Овчинникова М. 364
- Огурцов А.П. 247, 353, 356–357, 430,
489, 529, 558, 588, 623, 699
- Ожигова Е.П. 75, 131, 140–141,
375, 451, 477, 605
- Озерова Н.А. 569, 732, 802–803,
805, 853, 878
- Ойзерман Т.И. 272

Окуджава Б.	257	Пастернак Б.	246, 586
Окунь С.Б.	152–153	Пастернак Ч.А.	523
Олейник О.А.	374	Патрушева Л.Н.	703
Оленикова Е.Ю.	832	Паустовский	333
Оленин А.Н.	728	Пекарский	176, 178
Ольшевский Е.	425	Пенионжкевич	406
Оноприенко В.И.	500	Пентковский А.М.	349, 647
Ораевский В.Н.	668	Перельман В.И.	207–208
Орбели Л.А.	45, 172, 180	Перельман Я.И.	554
Орджоникидзе Г.К.	765–766	Перфильев П.П.	103, 118, 120, 155, 182
Орел В.М.	5, 9, 119, 235–236, 240, 287, 289, 313, 361, 381, 414, 420–421, 467, 502–506, 541–542, 546, 560, 606–607, 616–617, 626, 651, 658, 683, 686–688, 697, 709, 715, 718, 728, 731, 734, 740, 747, 756–757, 765, 794–795, 810, 833	Перченко Ф.Ф.	626
Орем Н.	72	Петкевич В.В.	409
Орлов Б.П.	112–113	Петр I	95, 150, 158, 370–371
Орлов В.Н.	396	Петров А.Д.	84–85
Орлов М.Ю.	669	Петров Б.Н.	494, 666
Орлов С.А.	453, 638	Петров Г.И.	384, 666
Орлова Л.	494	Петров Г.С.	318
Осиновский А.Н.	102	Петров Е.	168, 234
Осипов Ю.С.	793–794	Петров М.К.	269, 428–429
Оссовские М. и С.	425	Петров Р.В.	521
Оствальд В.	92, 97, 445	Петровский И.Г.	67, 352
Остольский В.И.	197, 212, 347, 360	Петропавловская И.А.	360
Островитянов К.В.	117, 119, 163, 477	Петросян Г.Б.	375
Остроградский М.В.	77	Петрушевская Л.	623
Отрадных Ф.П.	117, 139	Печенкин А.А.	240, 312–313, 364, 511, 518, 530, 535, 642–643, 671, 708, 735
Отто Д.О.	370	Пештич С.Л.	152–153
Оурцова А.П.	313	Пивоваров Е.Г.	786, 827, 829, 842, 846–847
Охоцимский Д.Е.	409	Пилипенко А.В.	259, 360–361, 366–367, 443
Ошеревич Б.Я.	147	Пилипенко Н.П.	268
П			
Павел I	152	Пильщикова П.В.	108
Павлов И.П.	252, 255	Пиотровский Б.Б.	479
Павлов М.Г.	107	Пирогов Н.И.	520
Павлов Т.	262–266, 269	Письменный В.Д.	765
Павлова Г.Е.	6, 120, 126, 142, 149, 151, 153, 155–157, 159, 194, 259, 304–306, 343, 372, 476	Пифагор	550, 552
Павлова Л.Я.	108	Плаксин И.Н.	84
Павлова О.И.	125–126, 319, 360	Планк М.	97
Павловский Е.Н.	188	Платонов Г.В.	203
Паллас П.С.	50, 54–55, 61, 483, 829	Платэ А.Ф.	85
Палло А.В.	469	Плахотник А.Ф.	224–225, 227, 229, 231
Пальцев М.А.	172	Плеханов Г.В.	379, 871
Пантелеев В.Л.	706	Плиний Старший	174, 536–537, 571–573
Панченко	213	Плисецкий М.С.	60
Панчешный С.	703	Плоткин С.Я.	195, 376, 504, 541
Папалекси Н.Д.	313	Поварённых А.С.	500
Паплаускас А.Б.	77, 131, 135, 169, 337, 346, 374, 376–377	Погодин С.А.	6, 93, 95, 98, 187, 209, 222
Парамонов А.А.	308, 310	Погребысская Е.И.	130, 338, 766
Паренаго П.П.	384	Погребыцкий И.Б.	6, 130, 134, 187, 222, 243, 298–299, 347, 374, 376
Паркинсон	108	Подосинов А.В.	743
Парсонс Г.	424	Полак Л.С.	6, 104–105, 108, 130–135, 137, 142, 167, 242–243, 338
Пархоменко А.А.	491, 493, 495	Полани М.	248, 600
Пасецкий В.М.	126	Полевой А.В.	763, 850
Пастер Л.	435, 522–523, 698	Полевой В.В.	183
		Полекутина А.И.	353, 734
		Ползунов И.И.	39
		Поликарпов А.	263
		Полищук Е.М.	375
		Половцов В.В.	181
		Полозков И.К.	502
		Полтавец В.К.	658

Полтавченко Г.С.	786	Радовский М.И.	67
Полторацкий А.Ф.	264	Радциг А.А.	362
Поль Ф.	682	Райков Б.Е.	6, 8, 10, 48–49, 51, 53, 55, 57, 59, 61, 80, 82–83, 143, 155, 159, 162–163, 181–182, 186, 202, 275, 303–304, 476, 849
Поляков И.А.	59–60, 81–82, 111, 171	Райкова А.Н.	50
Полянский А.Ф.	636	Райкова Д.Д.	430
Полянский Ю.И.	167, 183, 371, 435, 611	Райнов Т.И.	8, 12–14, 45–46, 418, 420
Помелова М.А.	5, 290	Райт	27
Пономарев Я.А.	391	Райх К.	76
Пономарева В.Л.	6, 619, 621, 673, 718, 779	Ракитов А.И.	380, 395
Понтекорво Б.М.	338	Рамзин Л.К.	27
Попов А.С.	368	Раскин Н.М.	80, 91, 175, 584
Попов В.А.	33	Раушенбах Б.В.	290, 361, 466, 497, 534, 564
Попов Е.Б.	370	Рахилин В.К.	500, 569, 731, 744–745, 834
Попова Т.Е.	441, 443	Рахимов К.Р.	143
Попович М.В.	587	Рахманинов С.В.	117, 617
Поппер К.	260, 287, 364, 455, 457, 556, 581	Рашед Р.	76, 334
Порцевский К.А.	706	Резанов И.А.	499–500, 513, 569, 698, 731
Поспелов П.Н.	26	Рейзинь Л.Э.	375
Постников А.В.	240, 507, 509, 566, 569, 617, 658, 697, 730–731, 736, 747, 766, 770, 785, 812, 814, 816	Рейс Ф.	79
Потахин С.Б.	814	Рейснер Л.	19
Потемкин А.В.	428–429	Решин А.К.	33
Потемкин В.К.	369, 371–372, 405	Решин И.Е.	99, 153
Прайс Д.	107, 260, 333–334, 424–425	Рерих С.Н.	615
Предтеченский А.В.	103, 116–117, 143, 154–155, 160, 162, 182, 476	Ретунская С.В.	850
Презент	275	Реформатский С.Н.	237
Пржевальский Н.М.	112, 702	Ржонсницкий Б.Н.	118
Пригожин И.Р.	22, 452	Рижинашвили А.Л.	848–849, 851, 860, 862, 869
Примаков Е.	621–622	Ринкон-Поса Э.	456
Пристли Дж.	555	Риттер К.	451
Пробст А.Е.	18	Рихман Г.В.	156
Проклов	778	Рихтер	177
Прокофьев В.И.	192	Роганов П.	396
Прокофьев М.А.	234	Рогинский С.З.	84
Протасов А.П.	453	Рогинский Я.Я.	692
Прохоров С.П.	830–831	Роговин З.А.	319
Птолемей	129, 358	Родионов В.М.	360, 367, 541, 661–663
Пуассон С.Д.	626	Родный А.Н.	444–445, 447, 715, 735
Пузырева В.П.	599	Родный Н.И.	107, 235, 312, 347, 364, 380, 413, 425–426, 430, 444, 490
Пунин А.Л.	603	Рожанская М.М.	130, 240, 297, 299, 301, 358, 461, 463, 552, 688, 747–748, 750
Пуркерт В.	76	Рожанский И.Д.	130, 187, 213, 240, 338, 353, 463, 530, 537, 550–551
Пурмаль Э.	235	Рожин В.П.	281
Пустильник С.Н.	640–641, 643	Розанов А.В.	711
Пушкин А.С.	152, 168, 309, 372, 539, 603, 635, 637	Розентрер Б.А.	197
Пчелов Е.В.	806–807	Розенфельд Б.А.	6, 72, 76, 129–130, 146, 148, 219–223, 242–243, 298, 347, 374, 462–463, 486, 550, 750
Пышкова Н.С.	196, 259, 343	Розов М.А.	573, 586, 671, 677
Пьер из Марикура	47	Розовский М.	348
Пьянков И.В.	743	Романов Г.В.	325
Пятаков В.И.	409	Романова М.М.	499
Р		Романова О.С.	569, 729, 731, 804, 815, 825, 844
Рабинович В.Л.	292–295, 323, 338, 348, 357, 586, 623	Романович С.	258
Рабинович В.Я.	549–550		
Рабинович И.М.	375		
Рабкин Я.М.	328–329, 331, 333, 335		
Равич Г.Б.	93		
Радецкая И.	593		
Радзинский Э.	466		

Романовский В.И.	143–144	Семенова Н.Н.	578, 596, 677
Романовский Е.А.	766, 768	Семенова С.	357
Росов В.А.	702–704, 710–711	Семенов-Тянь-Шанский В.П.	782
Росситер М.	109	Семенов-Тянь-Шанский П.П.	782
Россиус А.А.	552	Семковский В.А.	27
Россиянов К.О.	538, 580–581, 597, 682, 868	Сеновер Э.	608
Ростовская Н.А.	5, 10, 733, 735, 737	Сенченкова Е.М.	8, 199, 201, 203, 205, 433, 581, 736
Ру В.	287	Сервантес	115
Рубайлова Н.Г.	125, 290	Серов Н.К.	282, 402–405, 778
Рубец К.В.	150	Сеченов И.М.	170, 172, 251–254, 521
Рубцова З.М.	183	Сидоренко	176
Рулье К.Ф.	182, 324	Сидоров Э.М.	282
Румянцев В.В.	300	Сикорский И.И.	32, 565, 740
Рыбаков Б.А.	457	Сикорский С.И.	564
Рыбаков Ф.Ф.	370	Симоненко О.Д.	346, 360–361, 541, 740, 778
Рыбкин Г.Ф.	71, 102, 406	Симонов Н.И.	375
Рыбников К.А.	221, 374–375	Симонов Р.А.	375, 774
Рыбников К.И.	102	Симонова Е.	348
Рывкина Р.В.	715	Ибн Сина	148
Рыкачев М.А.	104, 786	Синельникова Е.Ф.	10, 827, 829, 839, 841, 850
Рындин С.И.	708–709, 769	Синица Т.И.	202
Рынин Н.А.	27	Синская Е.Н.	181
С			
Савельева Д.	762	Синюков В.В.	465, 568, 688
Савенкова В.М.	569, 780–781	Сираждинов С.Х.	144–146, 148
Савина Е.А.	871	Сироткина И.Е.	255, 413, 466, 538, 576–579, 596, 868
Савина С.Б.	809	Сифоров	465
Савцова Т.М.	802	Скаткин П.Н.	202
Савчин В.М.	747	Скворцов А.В.	84
Сагдеев Р.З.	667–669	Скляренко Ю.С.	209
Садовский А.И.	101	Скобельцын	768
Садовский В.Н.	260, 262, 266, 271–272, 295, 376, 380, 430, 521, 642	Скотт В.	109, 114
Садьков А.С.	84	Скриба К.	76
Сазанова Л.В.	202	Скрыдлов А.Ю.	776, 829, 845, 847
Сазонов А.А.	804	Скуридин Г.А.	667
Сакодынский К.И.	319	Славгородская Л.В.	726
Салахутдинов Г.М.	360, 650, 740	Славутин Е.И.	240, 550
Саломон Жан-Жак	334	Смагина Г.И.	583, 609, 638, 655, 725, 727, 775, 786, 800–801, 829, 840, 842, 846
Салтыков-Щедрин	246	Смирнов В.А.	586
Самарин А.М.	86–87, 112, 117, 131, 156, 191	Смирнов В.Г.	783, 785, 787, 841–842
Самарин А.Ю.	772–773, 807	Смирнов В.И.	67, 75, 103, 140–142, 155, 175–176, 476
Самарин Ю.Н.	772	Смирнов Г.Л.	268
Самойлов	171, 298	Смирнов Л.	661
Самокиш А.В.	763, 860–861	Смирнов П.В.	446
Самусь Н.Н.	706	Смит А.	512
Сапа В.А.	409	Смит Э.	528
Сапрыкин Д.Л.	834	Смолеговский А.М.	445, 516, 768
Сарангов Ц.С.	629	Смолин Е.	273
Саркисов А.А.	547	Смолк И.	77
Сартон	246	Смык О.В.	536
Сахаров А.Д.	250, 364, 555, 625, 632	Сноу Ч.	329
Свенцицкий А.Л.	396	Снытко В.А.	569, 732, 736, 804–805, 815–816
Светлов В.И.	45	Собисевич А.В.	569, 804, 811, 813, 815, 853
Свирская-Лейкина В.Р.	829	Соболев В.С.	775, 786–787, 828–829, 842, 846
Севастьянова О.В.	781	Соболев Г.Л.	828
Северцов А.Н.	188, 286, 873	Соболев Д.А.	468–469, 778
Седов А.Е.	682, 715, 724		
Семенов Е.В.	801		
Семенов Н.М.	644–645, 647		
Семенов Н.Н.	319, 681		

Соболева Е.В.	304, 372, 451, 477, 606, 636–637, 655, 828	Стройк Д.Я.	76
Соболевский А.И.	63	Струве	808
Соболь С.Л.	6, 46, 58–60, 80, 82, 85, 91, 100, 111, 166, 171–172, 183, 186–188, 194, 203, 417–418	Струмилин С.Г.	423
Соковиков Б.Г.	565	Стручков А.Ю.	677
Соколов	357	Студицкий	59
Соколов Б.С.	696	Стырикович М.А.	361
Соколова К.Б.	581, 682	Суворов Л.Н.	269–271
Соколова Н.В.	456	Суйсет Р.	63
Соколова О.А.	499, 501, 519, 569, 658, 734, 736, 740	Сукачев В.Н.	203, 275
Соколова С.А.	112, 125–126, 360, 620, 718	Суслов М.А.	64, 502
Соколовская (Новокшанова) З.К.	5, 97, 124–125, 127, 131, 163, 176, 194, 225, 240, 315, 360, 489, 560, 608, 635–636, 662, 666, 688, 736, 756, 785, 773, 807–808, 825	Сухов	32
Сокольская А.	590–591	Сухова Н.Г.	8, 161, 163, 451, 477, 655, 715, 727–728, 743, 784–786, 841–842, 847
Сокольский В.Н.	84, 125, 194, 212, 260, 315, 354–355, 357, 360, 376, 446, 466, 468–469, 497–498, 532–535, 560, 563–565, 620–622, 650–651, 668, 688, 718, 752	Сухтелен П.К.	636
Сократ	577	Сызранцева А.И.	191
Сократова И.Н.	569, 732	Сыркин Я.К.	98
Солженицын А.	246, 257, 364, 524		
Соловьев Ю.И.	6, 8, 87–89, 91, 93, 95, 97–99, 102, 111–112, 126, 187, 208–209, 222, 233, 235, 240, 338, 388–389, 445	Т	
Солодкин Л.С.	318	Тамм И.Е.	557, 624
Соломенко Н.С.	547	Тарасюк Ю.Ф.	785
Соминский М.С.	158	Тарковский	348
Сонин М.Д.	435	Тарле Е.В.	45
Сопиков	53	Тарталья	142
Сорокин	173	Татищев В.Н.	418
Сорокин А.	709	Татон Р.	76, 375
Сосновский	805	Таушер М.	54–55
Спасский Б.И.	376, 555, 590, 592	Тахтаджян А.Л.	453
Спиноза	58, 251	Тацит	538
Сретенский Л.Н.	408	Темный В.В.	463, 665, 667, 669
Ставицкая Т.	702–704	Теофраст	74
Сталин И.В.	19, 30, 32, 34, 39, 45, 58, 75, 90–91, 94–95, 157, 275, 328, 475, 481, 631, 697, 738	Тейяр де Шарден	21–22, 696
Станиславский	251	Тепляков Г.М.	101
Старобинский А.А.	554	Терентьев	120
Старосельская-Никитина О.А.	80, 129	Терентьев А.А.	702, 711
Старосельский П.И.	95	Терентьев П.В.	182
Старостин Б.А.	353, 417, 688	Терешкова В.В.	619, 673, 779
Степанов В.В.	74, 220	Тимирязев А.К.	101
Степин В.С.	9, 214, 289, 313, 361, 420, 459, 463, 528, 585–587, 593, 699	Тимирязев К.А.	200, 203
Стогов В.В.	102	Тимофеев И.С.	214, 269, 293–294, 323, 698–699, 736
Столетовы	102	Тимофеев-Ресовский Н.В.	600, 696, 698, 808
Стоксова Н.Н.	194, 196	Тихомиров В.В.	526
Страленберг Ф.И.	143	Тихомиров Г.С.	112
Страут Е.К.	136, 213	Тихомиров М.Н.	81
Стрекозов В.Г.	288	Тихомиров С.М.	319
Строгонов Б.П.	203	Тихонравов	751
		Токарева Т.	748
		Толоконцев Н.А.	325, 397
		Толстов С.П.	297, 299–301
		Толстова Л.С.	300
		Толстой Л.Н.	99, 836, 879–880
		Томас А.	63
		Томилин К.А.	593, 623, 625, 769, 834, 880
		Топчиев А.В.	86, 158, 208
		Торез М.	636
		Торопов Н.А.	85
		Торричелли	133
		Торчинов Е.А.	703
		Трапезников	222
		Трахтенберг О.В.	101
		Трифонов Д.Н.	6, 95, 207, 209, 222, 233, 338–339, 521, 568, 834

Трохачев С.Ю.	550, 604	Фейгенсон	59
Трусделл К.А.	591, 593	Фейерабенд	556
Тугаринов И.А.	568–569, 615	Феклова Т.Ю.	786, 820–821, 829, 842
Туполев А.Н.	33	Фельдман Г.Э.	690
Турнашон Н.	650	Фельман Э.	76
Турпаев	381	Фельхаммер В.-П.	236
Турченко Я.И.	87	Ферма П.	66
ат-Туси	72	Ферман А.Е.	21, 194, 852–853
Тюлин Г.А.	752	Фесенков В.Г.	384
Тюлина И.А.	221, 375	Фигуровский Н.А.	6, 8, 10, 46, 68–71, 78–79, 81, 83, 85, 87, 90, 92–94, 96–98, 102–103, 111–112, 117–119, 131, 155–156, 160, 175, 193, 203–204, 208, 222, 240, 260, 309, 338, 347, 351–352, 376, 388–389, 417–418, 521
Тюрюканов А.Н.	696	Филипенко	348
Тютчев Ф.	600	Филиппов В.А.	194
У			
Уайзен В.	593	Финников С.П.	74
Уварова Л.И.	190–193, 195, 197, 546, 756	Фирсов	778
Удалцов И.И.	81	Фирсова Г.А.	196, 304, 307, 348, 488, 676, 683, 698
Украинцев Б.С.	296	Фиск Д.	356
Улугбек	145, 148, 808	Фиختенгольд Г.М.	74
Ульянкина Т.И.	520–521, 523	Флеров Г.Н.	662
Ульянов Д.	194, 204, 338	Флоренский П.А.	77, 356, 696
Умов Н.А.	624	Фогель К.	74
Умрихин В.В.	348, 466, 595–596	Фок В.А.	557
Упеник З.И.	126, 346	Фолкертс М.	76, 235
Урсул А.Д.	356	Фолт Я.	77, 375
Усанович М.И.	84	Форд Г.	792
Усков М.К.	492	Форд Ч.	375
Успенский В.А.	703	Фотиева	420
Устинов Д.Ф.	396	Франкфурт У.И.	102, 129
Устинов Н.Д.	9, 235, 289, 313, 465, 493, 501, 521, 528, 534, 593, 607, 658, 662–663, 668, 755	Фредерикс В.К.	105
Усыскин А.К.	544–545	Фрейд З.	578
Утесов Л.О.	494	Френкель В.Я.	632
Ушакова Н.Н.	80, 87	Френкель Я.И.	46
Ф			
Фабрициус И.Х.	483	Фридман Б.С.	785
Файнзильбер А.М.	409	Фролов И.Т.	295–296, 313, 474, 587
Фаминцын А.С.	202–203, 849	Фролов К.В.	492, 564, 756
Фандо Р.А.	2, 7, 10, 290, 566, 721, 723, 736, 771, 853, 872, 874, 877, 880	Фролов К.Д.	39
аль-Фараби	14, 807	Фролова Н.Л.	804
Фарадей	555	Фрумкин А.Н.	92, 94
Фатьянова Е.Н.	850	Фуркруа	435
Федоренко Б.В.	117, 142, 154–155, 181	Фусс П.Н.	73
Федоренко Н.В.	338, 387, 389	Х	
Федоров А.С.	6, 94, 212–213, 222, 268, 361, 443, 493–494, 503, 541, 546, 560, 755	Хазанов О.А.	10
Федоров Н.Ф.	321, 355–357	аль-Хаим	749
Федорова А.А.	859, 861	Хайдеггер М.	485
Федорова Г.В.	182	Хайретдинова Н.Г.	376
Федорова О.Б.	682, 687	Хайссински М.	834
Федосеев И.А.	3, 6, 94, 112–113, 194, 217–218, 222, 228, 309, 418–419, 447, 504, 568–569	Хайтун С.Д.	361, 391–393, 513, 694, 735
Федосеев П.Н.	262, 296, 325, 417, 420, 506, 587–588	Хайям Омар	14, 68, 72
Федотова А.А.	655, 763	Хакимбаева Г.А.	208, 338
Федчина В.Н.	111, 126	Хаксли Дж.	453
Федяевский К.К.	408	Харитонов В.М.	690–691
		Харитонов А.Н.	337, 339
		Хартанович М.В.	341
		Хартанович М.Ф.	340–341, 655, 784, 821
		аль-Хассар	749
		Хахина Л.Н.	183, 453

Хватова Т.Ю.	857	Чеснова Л.В.	165, 167, 169, 286–288, 376, 433, 435, 483–484, 510, 512, 581–582, 642, 682, 692, 724, 736
Хесин Р.Б.	600	Четвериков С.С.	600
Хинчин А.Я.	65	Четверушкин Б.Н.	591
Хмельницкий Б.	647	Четыркина И.А.	711
Хованов Н.В.	400	Чехарин Е.М.	325
Ходарев Ю.К.	667	Чехов А.П.	94
Ходош И.А.	108	Чешев В.В.	326, 833
Хокинг С.	554	Чибисенков Л.С.	382
Хольмберг А.	97	Чижевская З.А.	181
Хоппе Б.	239	Чижевский	356
аль-Хорезми	148	Чистиков А.Н.	840
Хортова З.С.	728	Чичерова Н.Л.	360, 756
Хребтов А.А.	785	Чудинов Э.М.	586
Хромов П.А.	30	Чуковская Л.К.	632
Хрущев Н.С.	94–96, 118, 120, 132–134, 194, 319, 343, 481, 495	Чухонцев	348
Худяков П.К.	196		
Хурсин Л.А.	385		
Хэмфри Д.	523		
		Ш	
		Шабад Л.	682
		Шагилян М.С.	69
		Шалимов С.В.	10, 817, 819, 850
		Шаль М.	74
		Шамин А.Н.	222, 259, 314–315, 338, 349, 432–435, 485, 501, 515, 517–518, 521, 537
		Шапошник С.Б.	518, 538, 573, 597, 672, 709, 868
		Шарбатов	146
		Шаскольский И.П.	457
		Шателен М.А.	362
		Шаумян Г.А.	192
		Шафаревич И.Р.	74
		Шафран А.Ю.	175
		Шафрановский И.И.	126
		Шахпаронов М.И.	98
		Шацкий М.П.	116
		Шванвич	829
		Шварц М.	523
		Шведов Ф.Н.	101
		Шевченко М.Ю.	240, 463
		Шейнин Ю.М.	6, 160, 195, 258–260, 276–280, 304–305, 343–344, 367, 380, 430, 446, 541
		Шейнина Г.Н.	259
		Шелер М.	356
		Шелищ П.Б.	282, 395, 397, 399, 405
		Шелищ П.	405
		Шептулин А.П.	262
		Шептунова З.И.	131, 338
		Шилов А.Е.	235
		Шилов П.А.	101
		Шиповалова Л.В.	800, 857
		Широков Р.С.	804
		Широков С.Р.	568
		Широкова В.А.	567, 569, 651, 687, 731–732, 736, 745, 781–782, 785, 803–805, 815–816, 825, 844, 878
		Ширшов П.П.	650
		Шитиков Е.А.	362, 545, 547, 560, 615
		Шкловский И.С.	384
		Шлеева М.В.	345, 347, 349, 360–361, 504, 647, 735–736
Ц			
Цамутали А.Н.	784, 846		
Цандер Ф.А.	469		
Цварава Г.К.	126, 455		
Цвет М.С.	202, 204		
Цветаева	586		
Цветков И.Ф.	454, 550–551, 604, 783–785		
Цейтен Г.Г.	66		
Цейтлин З.А.	100		
Цзядун	564		
Циолковский К.Э.	27–28, 355, 357–358, 409, 469, 620, 652, 717–718, 752		
Цицерон	141		
Цинци Ф.А.	132, 138		
Цубербиллер О.Н.	407		
Цукерман А.М.	318, 321, 353, 446, 765, 767		
Цуккерман И.И.	663		
		Ч	
Чайковский П.И.	99, 617		
Чайковский Ю.В.	510–511, 513, 518, 529, 537, 642–643, 682, 694		
Чаплин Ч.	469		
Чаплыгин С.А.	27–28, 32–33		
Чаушеску Е.	108		
Чебышев П.Л.	74, 748		
Чеканов А.А.	6, 195, 197, 212, 347, 360, 493, 495, 661		
Ченакал В.Л.	80, 143, 154, 448		
Черказьянова И.В.	725, 727		
Черненко К.У.	528		
Черниченко	34		
Чернышев	753		
Чернышевский	648		
Чернявский С.В.	787		
Черняев И.И.	93–94, 98		
Черняк А.Л.	348		
Черняк В.	213		
Чернякова И.А.	812–814		
Черток Б.Е.	793		
Чеснов В.М.	649, 651, 804–805, 815		

Шмальгаузен И.И.	188, 453
Шмидт О.Ю.	26
Шмидт С.О.	733
Шнайдер И.	76
Шнейберг Я.А.	191, 360
Шнейдер А.Е.	635
Шопен	109
Шорыгин П.П.	237
Шостаковский М.Ф.	85
Шрёдер Б.	334
Шредерс А.М.	811
Шрейдер Ю.А.	511
Штегмюллер	586
Штейнман Р.Я.	106, 346, 377–378
Штейнфельдт Э.А.	392
Штиль У.	625
Штреземан Э.	864
Шулейкин В.В.	231
Шульгина И.В.	5, 305, 342–343, 541, 578
Шуилова Л.Н.	258, 277, 305, 343
Шухардин С.В.	3, 6, 84, 106, 112, 126, 191, 195–197, 222, 224–225, 260, 268, 321, 361, 376, 417–418, 439, 442–443, 465–466, 493–495, 661–662

Щ

Щеглов В.П.	134, 135, 148
Щеглов Д.А.	741, 743
Щеглов П.В.	134
Щедровицкий Г.П.	587
Щербаков А.И.	427
Щербаков Д.И.	113, 160
Щербакова А.А.	202
Щербатов М.М.	418
Щербинин Д.Ю.	361, 415, 513, 771, 871–872
Щербинина Н.Н.	569, 744–745, 804
Щербо Г.М.	607

Э

Эдисон	106
Ээрин Г.И.	380
Эйлер Л.	53, 66, 71, 73–76, 131, 140–142, 144, 158, 163, 172, 175–177, 377, 451
Эйнштейн А.	16, 23, 25, 107, 168, 252, 392, 628–629, 632
Эйхенбаум Б.	864
Эжелёф С.	109
Экстер	31
Элли М.	813
Эльман М.Д.	125
Эмануэль Н.М.	160, 235
Энгельгард	381
Энгельман	53
Энгельс Ф.	195–196, 581

Энеев Т.М.	409
Эрани Т.	72
Эренфест П.С.	628–629
Эрман В.Г.	702
Эрман Н.М.	569, 804, 843
Эрмит Ш.	451
Эрстед	106
Эфроимсон В.П.	600

Ю

Юдин Б.Г.	269–270, 313, 343, 357, 413, 471, 473, 489, 513, 529, 588
Юдин Г.В.	828
Юдин Э.Г.	226, 247, 260–262, 266, 268, 272–273, 343, 380, 430
Юдина Н.В.	818
Юргенсон	778
Юревич А.В.	413, 415, 466, 523, 578, 596, 715
Юревич В.А.	706
Юркин И.Н.	10, 754–755, 757, 804, 807, 824–825, 837
Юровская В.З.	692
Юрьев Б.Н.	27, 32, 86, 469
Юсупова Т.И.	10, 653–655, 702–704, 711, 715, 784–786, 801, 829, 842, 846–847
Юшкевич А.П.	8, 46, 65, 67–69, 71, 73, 75, 77, 80, 95, 102, 129, 133, 142, 145–148, 167, 172, 175–177, 187, 194, 219–222, 242–243, 260, 298, 309, 316, 321, 347, 352, 374–377, 386, 457, 462, 486, 552, 581, 658, 750
Юшкевич П.С.	581

Я

Яблочков	106
Ягодкин В.Н.	267–269
Ядов В.А.	454, 551, 715
Яздовский В.И.	752
Яковицкий	52
Яковкин	49
Яковлев А.Н.	588
Яновская С.А.	66, 75, 221, 297, 374
Яновский Р.Г.	222
Яншин А.Л.	97, 126, 454, 489, 615, 696–697, 756
Янь Ли	72
Ярошевский М.Г.	6, 106–107, 167–169, 249, 251, 253, 255, 260, 283, 287, 309, 321, 323, 367, 391, 412–413, 415, 425, 427, 430, 435, 447, 466, 486, 521, 541, 576–579, 595–596, 723

АВТОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Аймаханов Мухтар Рабатович, космонавт-испытатель Отряда космонавтов Роскосмоса. В ИИЕТ с 2010 г. по 2015 г.

Аксенов Геннадий Петрович, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 1995 г.

Александровская Ольга Андреевна, пенсионер, доктор географических наук. В ИИЕТ с 1962 г. по 2021 г.

Алексеев Константин Игоревич, доцент кафедры общей психологии и психодиагностики РГГУ, кандидат психологических наук. В ИИЕТ с 1993 г. по 2004 г.

Аллахвердян Александр Георгиевич, ведущий научный сотрудник Отдела науковедения, кандидат психологических наук. В ИИЕТ с 1975 г.

Альбедиль Олег Владимирович, пенсионер. В СПбФ ИИЕТ с 1996 г. по 2017 г.

Аль-Хамза Махмуд Хамо, независимый исследователь, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 2002 г. по 2016 г.

Андреев Александр Иванович, независимый исследователь, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1995 г. по 2017 г.

Апокин Игорь Алексеевич (1936–2008), ведущий научный сотрудник Отдела – ИАЦ «Архив науки и техники», кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1976 г.

Ащеулова Надежда Алексеевна, директор СПбФ ИИЕТ, кандидат социологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1998 г.

Балабин Владимир Васильевич (1925–2020), старший научный сотрудник Проблемной группы истории кораблестроения, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1985 г. по 2010 г.

Баскаков Дмитрий Евгеньевич, бухгалтер-экономист (совместитель). В ИИЕТ с 2010 г.

Бастракова Майя Семеновна, пенсионер, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 1968 г. по 2016 г.

Батурин Юрий Михайлович, главный научный сотрудник Отдела науковедения, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, летчик-космонавт РФ. В ИИЕТ с 2010 г.

Баюк Дмитрий Александрович, ассоциированный научный сотрудник, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1988 г.

Белозеров Олег Петрович, заведующий Отделом истории биологических и химических наук, доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1994 г.

Белозерова Лариса Петровна, пенсионер. В ИИЕТ с 1990 г. по 2021 г.

Белянова Людмила Сергеевна, пенсионер. В ИИЕТ с 1969 г. по 2002 г.

Блауберг Игорь Викторович (1929–1990), доктор философских наук, заведующий Сектором системного исследования науки. В ИИЕТ с 1967 г. по 1978 г.

Борисов Василий Петрович, главный научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, доктор технических наук. В ИИЕТ с 1963 г.

Ваганов Андрей Геннадьевич, заместитель главного редактора «Независимой газеты», ответственный редактор приложения «НГ-наука». В ИИЕТ с 2014 г. по 2020 г.

Валькова Ольга Александровна, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук. В ИИЕТ с 1994 г.

Ванисова Елена Александровна, научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 2021 г.

Вассоевич Андрей Леонидович, директор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор. В СПбФ ИИЕТ с 1983 г. по 1990 г.

Визгин Виктор Павлович, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук. В ИИЕТ с 1971 г. по 1987 г.

Визгин Владимир Павлович, главный научный сотрудник Отдела истории физико-математических наук, доктор физико-математических наук. В ИИЕТ с 1964 г.

Винарский Максим Викторович, профессор, заведующий Лабораторией макроэкологии и биогеографии беспозвоночных СПбГУ, доктор биологических наук. Главный научный сотрудник (совместитель) Сектора истории эволюционной теории и экологии. В СПбФ ИИЕТ с 2019 г.

Волков Владимир Акимович (1936–2012), руководитель Проблемной группы «Российская профессура XVIII – начала XX вв.», кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 1969 г.

Володарская Елена Александровна, ведущий научный сотрудник Отдела науковедения, доктор психологических наук. В ИИЕТ с 1988 г.

Володарский Александр Ильич (1929–2012), ведущий научный сотрудник Сектора истории математики, кандидат физико-математических наук, член-корреспондент Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1962 г.

Гаврилов-Зимин Илья Александрович, ведущий научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и экологии, доктор биологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2020 г.

Гаврюшин Николай Константинович (1946–2019), старший научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат философских наук. В ИИЕТ с 1971 г. по 2016 г.

Гвоздецкий Владимир Леонидович, ведущий научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1971 г.

Георгиевский Александр Борисович, независимый исследователь, доктор философских, кандидат биологических наук, профессор. В СПбФ ИИЕТ с 1967 г. по 2017 г.

Герович Вячеслав Александрович, преподаватель (*Lecturer*) истории математики на кафедре математики Массачусетского технологического института (США), кандидат философских наук, доктор философии по истории и социальному изучению науки (PhD. in history and social study of science). В ИИЕТ с 1991 г. по 2003 г.

Гиндилис Наталья Львовна, независимый исследователь, кандидат психологических наук. В ИИЕТ с 1977 г. по 2019 г.

Голубовский Михаил Давидович, приглашённый профессор Университета Беркли (Калифорния, США), доктор биологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1988 г. по 2002 г.; с 2002 г. по настоящее время ассоциированный сотрудник.

Горелик Геннадий Ефимович, независимый исследователь (США), кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1989 г. по 1993 г.

Гороховская Елена Анатольевна, ведущий научный сотрудник Отдела науковедения, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1983 г.

Григорьян Норавард Андреевна (1928–2016), главный научный сотрудник Отдела – «Центр истории социокультурных проблем науки и техники», доктор медицинских наук. В ИИЕТ с 1955 г.

Гузевич Дмитрий Юрьевич, инженер-исследователь Центра по изучению России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований (CERCEC EHES, Paris), кандидат технических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1988 г. по 2000 г.

Гузевич Ирина Давидовна, инженер-исследователь Центра Мориса Альбракса Школы высших социальных исследований (СМН EHES, Paris), доктор (PhD) по истории техники Университета Париж-VIII; доктор-хабилитат (HDR) по истории и филологии Университета Париж-VII. В СПбФ ИИЕТ с 1989 г. по 1998 г.

Гуменюк Вячеслав Степанович, пенсионер. В аспирантуре ЛО ИИЕТ с 1973 г.

Давидюк Станислав Филиппович, пенсионер, доктор экономических наук, профессор. В аспирантуре ИИЕТ с 1967 г.

Данилевский Виктор Васильевич (1898–1960), доктор технических наук, профессор, действительный член АН УССР, дважды лауреат Сталинской премии. Старший научный сотрудник ИИИИТ с 1936 г. по 1938 г.

Демидов Сергей Сергеевич, заведующий Кабинетом истории математики и механики механико-математического факультета МГУ, доктор физико-математических наук, действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1972 г. по 2020 г.

Дузь Петр Дмитриевич (1907–1997), доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор. Старший научный сотрудник ИИИИТ с 1936 г. по 1938 г.

Душина Светлана Александровна, независимый исследователь, кандидат философских наук. В СПбФ ИИЕТ с 2010 г. по 2020 г.

Дюментон Георгий Георгиевич, независимый исследователь, кандидат философских наук. В ИИЕТ с 1972 г. по 2018 г.

Елина Ольга Юрьевна, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, член-корреспондент Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1981 г.

Еремеева Алина Иосифовна, старший научный сотрудник Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга МГУ, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1954 г. по 1967 г.

Ермолаев Андрей Игоревич, старший научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и экологии, кандидат биологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2005 г.

Есаков Василий Алексеевич (1924–2016), главный научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. В ИИЕТ с 1951 г.

Желтова Елена Леонидовна, ведущий научный сотрудник Отдела науковедения, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1983 г.

Жмудь Леонид Яковлевич, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социальных и когнитивных проблем науки, доктор философских наук, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1985 г.

Захарчук Полина Александровна, научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 2014 г.

Зубов Василий Павлович (1900–1963), старший научный сотрудник Сектора истории физико-математических наук, доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕ (ИИЕТ) с 1945 г.

Иванов Борис Ильич (1939–2020), главный научный сотрудник Сектора истории технических наук и инженерной деятельности, доктор философских наук, профессор. В СПбФ ИИЕТ с 1969 г.

Идлис Григорий Моисеевич (1928–2010), заведующий Отделом истории физико-математических наук, доктор физико-математических наук, профессор, Заслуженный деятель науки КазССР. В ИИЕТ с 1972 г.

Илизаров Симон Семенович, главный научный сотрудник, заведующий Отделом историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук, профессор. В ИИЕТ с 1975 г.

Ильин Григорий Сергеевич, научный сотрудник ФИЦ «Кольский научный центр РАН». В ИИЕТ с 2018 г. по 2019 г.

Кантемиров Борис Николаевич, независимый исследователь, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 2002 г. по 2018 г.

Карпеев Энгель Петрович (1925–2016), старший научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, кандидат технических наук. В ЛО (СПбФ) ИИЕТ с 1977 г.

Келле Владислав Жанович (1920–2010), заведующий Сектором социологических проблем науки, доктор философских наук, профессор. В ИИЕТ с 1975 г. по 1995 г.; с 1996 г. – главный научный сотрудник (совместитель).

Кессених Александр Владимирович (1932–2021), ведущий научный сотрудник Сектора истории физики и механики, доктор физико-математических наук. В ИИЕТ с 2005 г.

Клавдиева Мария Михайловна, старший научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1981 г.

Кобзева Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Отдела истории наук о Земле. В ИИЕТ с 2021 г.

Кожевников Алексей Борисович, профессор Департамента истории Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада), кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1985 г. по 2006 г.; с 2021 г. – ассоциированный научный сотрудник.

Козлова Марианна Сергеевна, старший научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1994 г.

Козминская Ольга Аркадьевна, главный бухгалтер. В ИИЕТ с 2005 г.

Колчинский Эдуард Израилевич (1944–2020), заведующий Сектором истории эволюционной теории и экологии, доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки. В СПбФ ИИЕТ с 1978 г.

Кольцов Анатолий Васильевич (1927–2000), заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений, доктор исторических наук. В ЛО ИИЕ (СПбФ ИИЕТ) с 1952 г. по 2000 г.

Конашев Михаил Борисович, главный научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и экологии, доктор философских наук, кандидат биологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1988 г.

Копелевич Юдифь Хаимовна (1921–2009), старший научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, кандидат филологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1955 г. по 2002 г.

Краснов Владимир Никитич (1924–2017), руководитель Проблемной группы истории кораблестроения, кандидат военно-морских наук. В ИИЕТ с 1985 г.

Кривоносов Юрий Иванович, независимый исследователь, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1984 г. по 2018 г.

Кривошеина Галина Геннадьевна, ведущий научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1978 г.

Крицман Виктор Абрамович (1939–2011), научный сотрудник Немецкого музея (Мюнхен, ФРГ), доктор химических наук, член-корреспондент Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1963 г. по 1991 г.

Кричевский Сергей Владимирович, главный научный сотрудник Отдела техники и технических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1999 г.

Кугель Самуил Аронович (1924–2015), главный научный сотрудник Центра социолого-наукоедческих исследований, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. В СПбФ ИИЕТ с 1967 г.

Кузаков Владимир Константинович (1935–2020), старший научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники. В ИИЕТ с 1961 г. по 2016 г.

Кузнецов Борис Григорьевич (1903–1984), старший научный сотрудник Сектора физики, механики и астрономии, доктор экономических наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки. В ИИИТ с 1936 г. В ИИЕ (ИИЕТ) с 1945 г. по 1984 г.

Кузнецова Наталия Ивановна, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор философских наук, профессор. В ИИЕТ с 1965 г.

Кузьмин Андрей Валентинович, научный сотрудник Отдела истории физико-математических наук, кандидат физико-математических наук, кандидат искусствоведения. В ИИЕТ с 1995 г.

Кузьмин Юрий Викторович, старший научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 2009 г.

Куприянов Виктор Александрович, старший научный сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки, кандидат философских наук. В СПбФ ИИЕТ с 2018 г.

Курихин Олег Владимирович (1937–2009), руководитель Проблемной группы истории отечественной техники, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 2001 г. по 2009 г.

Курсанова Татьяна Андреевна, старший научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1975 г.

Куртик Геннадий Евсеевич, ведущий научный сотрудник Отдела истории физико-математических наук, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1981 г.

Лежнева Ольга Александровна (1918–2008), старший научный сотрудник Сектора истории физики, механики и астрономии, кандидат физико-математических наук. В ИИЕ (ИИЕТ) с 1949 г. по 1996 г.

Лерман Ирина Васильевна (1934–2020), заведующая канцелярией. В ИИЕТ с 1977 г. по 2019 г.

Литичевский Георгий Семенович, художник. В ИИЕТ с 1983 г. по 1991 г.

Лихачев Борис Олегович, младший научный сотрудник Отдела физико-математических наук. В ИИЕТ с 2021 г.

Лозовская Наталия Марковна, историк науки, работает в городской библиотеке (Калифорния, США) В ИИЕТ с 1986 г. по 1989 г.

Любина Галина Ивановна, ведущий научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 1966 г.

Малахов Вадим Александрович, заведующий Отделом науковедения, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 2019 г.

Манойленко Ксения Викторовна (1929–2018), ведущий научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и биологии, доктор биологических наук. В ЛО (СПбФ) ИИЕТ с 1955 г.

Матвиевская Галина Павловна, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН Узбекистана, Заслуженный деятель науки Узбекской ССР, действительный член Международной академии истории науки. В ЛО ИИЕТ с 1954 г. по 1959 г.

Медведева Алла Константиновна (1933–2014), старший научный сотрудник Проблемной группы истории космонавтики. В ИИЕТ с 1979 г.

Минина Екатерина Валерьевна, заместитель директора по научной работе, заведующая Отделом истории техники и технических наук, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 2013 г.

Мирзоян Эдуард Николаевич (1931–2014), заведующий Отделом истории химико-биологических наук, доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1955 г.

Михеев Вадим Ростиславович, руководитель проектов перспективных разработок АО «Вертолеты России», кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1985 по 2006 г.; с 2021 г. – ассоциированный научный сотрудник.

Мочалов Инар Иванович, независимый исследователь, доктор философских наук, профессор. В ИИЕТ с 1978 г. по 2017 г.; с 2021 г. – ассоциированный научный сотрудник.

Музрукова Елена Борисовна (1944–2021), заведующая Отделом истории биологических и химических наук (2016–2017), доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1967 г. по 2017 г.

Назаров Анатолий Георгиевич, научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, доктор биологических наук, профессор. В ИИЕТ с 1988 г.

Назаров Вадим Иванович (1933–2009), главный научный сотрудник Отдела – «Центр истории социокультурных проблем науки и техники», доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1968 г.

Овчинников Николай Федорович (1915–2010), главный научный сотрудник Сектора теоретико-методологических проблем истории естествознания, доктор философских наук, профессор. В ИИЕТ с 1971 г.

Озерова Надежда Андреевна, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2007 г.

Орел Владимир Михайлович (1931–2014), советник РАН, доктор экономических наук. В ИИЕТ с 1980 г.

Павлова Галина Евгеньевна (1925–2000), ведущий научный сотрудник ИАЦ – «Архив науки и техники», кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 1954 г.

Пархоменко Арсений Аркадьевич, старший научный сотрудник Проблемной группы истории новейшей техники и технологий, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1978 г. по 2017 г.

Печенкин Александр Александрович, главный научный сотрудник (совместитель) Отдела науковедения, доктор философских наук, профессор. В ИИЕТ с 1968 г.

Пивоваров Евгений Григорьевич, ведущий научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2013 г.

Пилипенко Александр Владимирович, ведущий научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1971 г.

Плахотник Александр Филиппович (1916–?), ведущий научный сотрудник Сектора истории и методологии наук о Земле, доктор географических наук. В ИИЕТ с 1962 г. по 1999 г.

Пономарева Валентина Леонидовна, независимый исследователь, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1988 г. по 2018 г.

Попова Татьяна Евгеньевна (1930–?), старший научный сотрудник Проблемной группы истории отечественной техники, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1976 г. по 2008 г.

Постников Алексей Владимирович, главный научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1980 г.

Потемкин Владимир Константинович, заместитель директора ООО «ИСТ-К». В ЛО ИИЕТ с 1971 г. по 1977 г.

Прохоров Сергей Петрович, ведущий научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 2013 г.

Пустильник Симона Наумовна, независимый исследователь и журналист (США), кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1989 г. по 1996 г.

Пчелов Евгений Владимирович, ведущий научный сотрудник (совместитель) Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 2010 г.

Рабинович Вадим Львович (1935–2013), заведующий Сектором «Языки культур» Российского института культурологии, доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор, поэт. В ИИЕТ с 1967 г. по 1982 г.

Рабкин Яков Миронович, Заслуженный профессор истории Монреальского университета (Канада). В аспирантуре ИИЕТ с 1969 по 1972 г.

Райков Борис Евгеньевич (1880–1966), старший научный сотрудник, доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПН РСФСР, Заслуженный деятель науки РСФСР. В ИИЕ (ЛО ИИЕТ) с 1945 г.

Райнов Тимофей Иванович (1890–1958), старший научный сотрудник ИИИТ / ИИЕ, доктор исторических наук, профессор. В ИИИТ / ИИЕ в 1938; с 1945 г. по 1946 г.

Рижинашвили Александра Львовна, заведующая Сектором истории эволюционной теории и экологии, доктор биологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2016 г.

Родный Александр Нимиевич, главный научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, доктор химических наук. В ИИЕТ с 1976 г.

Рожанская Мариам Михайловна (1928–2015), главный научный сотрудник Сектора истории физики и механики, доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1967 г.

Романова Ольга Сергеевна, главный специалист Отдела наук о Земле РАН, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2000 г. по 2020 г.

Россиянов Кирилл Олегович, старший научный сотрудник Отдела науковедения, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1983 г.

Ростовская Наталья Александровна, главный библиограф. В ИИЕТ с 2000 г.

Рындин Сергей Иванович, руководитель Центра компьютерных телекоммуникаций. В ИИЕТ с 1995 г.

Савенкова Вера Михайловна, старший научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2009 г.

Савина Екатерина Александровна, бухгалтер по материалам. В ИИЕТ с 2020 г.

Савина Светлана Борисовна, заместитель главного бухгалтера. В ИИЕТ с 2010 г.

Самарин Александр Юрьевич, главный научный сотрудник (совместитель) Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры РФ. В ИИЕТ с 2008 г.

Семенов Николай Михайлович, старший научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат исторических наук. В ИИЕТ с 1989 г.

Сенченкова Евгения Михайловна, главный научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук, доктор химических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1956 г.

Синельникова Елена Федоровна, Ученый секретарь СПбФ ИИЕТ, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2014 г.

Сироткина Ирина Евгеньевна, ведущий научный сотрудник Отдела науковедения, кандидат психологических наук, доктор философии (PhD) В ИИЕТ с 1986 г.

Скрыдлов Андрей Юрьевич, заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2015 г.

Смагина Галина Ивановна, главный научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1987 г.

Смирнов Валентин Георгиевич, директор РГАВМФ, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2009 г. по 2014 г.

Собисевич Алексей Владимирович, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2009 г.

Соболев Владимир Семенович, главный научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2008 г.

Соболев Дмитрий Алексеевич, ведущий научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1977 г.

Соколова Ольга Александровна, Ученый секретарь ИИЕТ, кандидат геолого-минералогических наук. В ИИЕТ с 1979 г.

Соколовская Зинаида Кузьминична (1927–2014), главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, Ученый секретарь серии РАН «Научно-биографическая литература», доктор исторических наук, кандидат технических наук, Заслуженный работник культуры РСФСР. В ИИЕТ с 1953 г.

Соловьев Юрий Иванович (1924–2005), заведующий Отделом истории Академии наук Архива РАН, доктор химических наук, член-корреспондент Международной академии истории науки. В ИИЕТ с 1948 г. по 1989 г.

Степин Вячеслав Семенович (1934–2018), научный руководитель Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, академик РАН. В ИИЕТ с 1987 г. по 1988 г.

Сухова Наталья Георгиевна, старший научный сотрудник (ассоциированный), кандидат географических наук. В ЛО (СПбФ) ИИЕТ с 1954 г.

Темный Владимир Владимирович (1937–2021), старший научный сотрудник Проблемной группы истории астрономии, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1990 г. по 2017 г.

Томили Константин Александрович, старший научный сотрудник Отдела истории физико-математических наук, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1988 г.

Трифонов Дмитрий Николаевич (1932–2010), руководитель Проблемной группы истории фундаментальных открытий в химии, доктор химических наук. В ИИЕТ с 1958 г.

Уварова Лидия Ивановна (1922–2007), ведущий научный сотрудник ИАЦ – «Архив науки и техники», кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1955 г.

Ульянкина Татьяна Ивановна, главный научный сотрудник Отдела науковедения, доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1981 г.

Фандо Роман Алексеевич, директор ИИЕТ, доктор исторических наук, кандидат биологических наук. В ИИЕТ с 1999 г.

Федоренко Нина Владимировна (1927–2015), старший научный сотрудник Проблемной группы истории фундаментальных открытий в химии, кандидат химических наук. В ИИЕТ с 1972 г.

Федорова Анна Александровна, научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и экологии, кандидат социологических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2018 г.

Феклова Татьяна Юрьевна, старший научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2012 г.

Фигуровский Николай Александрович (1901–1986), старший научный сотрудник Сектора истории химии, доктор химических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕ (ИИЕТ) с 1948 г.

Хайтун Сергей Давыдович, независимый исследователь, кандидат физико-математических наук. В ИИЕТ с 1972 г. по 2016 г.

Харитонова Алла Николаевна, научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук. В ИИЕТ с 1969 г.

Харганович Маргарита Федоровна, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1969 г. по 2010 г.

Чайковский Юрий Викторович, независимый исследователь, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1980 г. по 2017 г.

Черказьянова Ирина Васильевна, независимый исследователь, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1999 г. по 2009 г.

Чеснов Василий Михайлович, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 1989 г.

Чеснова Лариса Васильевна (1931–2015), главный научный сотрудник Отдела «Центр истории социокультурных проблем науки и техники», доктор биологических наук. В ИИЕТ с 1954 г.

Шалимов Сергей Викторович, заместитель директора СПбФ ИИЕТ, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2011 г.

Шелищ Петр Борисович, пенсионер, депутат Государственной Думы четырёх созывов (1993–2007), представитель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в Федеральном Собрании РФ (2012–2021), председатель Союза потребителей России, кандидат философских наук. В ЛО ИИЕТ с 1972 г. по 1975 г.

Широкова Вера Александровна, заведующая Отделом истории наук о Земле, доктор географических наук, профессор. В ИИЕТ с 1985 г.

Шлеева Марина Владимировна, научный сотрудник Отдела истории техники и технических наук. В ИИЕТ с 1970 г.

Шульгина Ирина Викторовна, независимый исследователь, кандидат экономических наук. В ИИЕТ с 1969 г. по 2016 г.

Щеглов Дмитрий Алексеевич, старший научный сотрудник Сектора истории технических наук и инженерной деятельности, кандидат исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 2001 г.

Щербинина Надежда Николаевна, руководитель управления протокола компания АО «Вертолеты России», кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2001 г. по 2014 г.

Эрман Наталья Михайловна, старший научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, кандидат географических наук. В ИИЕТ с 2014 г.

Юдин Борис Григорьевич (1943–2017), заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. В ИИЕТ с 1977 г. по 1989 г.

Юркин Игорь Николаевич, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук, кандидат технических наук. В ИИЕТ с 2013 г.

Юсупова Татьяна Ивановна, главный научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений, доктор исторических наук. В СПбФ ИИЕТ с 1989 г.

Юшкевич Адольф-Андрей Павлович (1906–1993), доктор физико-математических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР действительный член Международной академии истории науки. В ИИЕ (ИИЕТ) с 1945 г.

Ярошевский Михаил Григорьевич (1915–2001), доктор педагогических наук (по психологии), профессор, почетный член Российской академии образования. В ИИЕТ с 1965 г. по 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Илизаров. Историки науки и техники вспоминают...	3
1930-е годы: Институт истории науки и техники	11
РАЙНОВ Тимофей Иванович	12
КУЗНЕЦОВ Борис Григорьевич	15
ДУЗЬ Петр Дмитриевич	24
ДАНИЛЕВСКИЙ Виктор Васильевич	36
1940-е – 1953 гг.: Институт истории естествознания	41
КУЗНЕЦОВ Борис Григорьевич	42
РАЙКОВ Борис Евгеньевич	48
ЗУБОВ Василий Павлович	62
ЮШКЕВИЧ Адольф–Андрей Павлович	65
ФИГУРОВСКИЙ Николай Александрович	78
СОЛОВЬЕВ Юрий Иванович	89
ЛЕЖНЕВА Ольга Александровна	100
ЕСАКОВ Василий Алексеевич	110
КОЛЬЦОВ Анатолий Васильевич	114
1953–1962 гг.: Институт истории естествознания и техники	123
СОКОЛОВСКАЯ Зинаида Кузьминична	124
ЕРЕМЕЕВА Алина Иосифовна	128
МАТВИЕВСКАЯ Галина Павловна	139
ПАВЛОВА Галина Евгеньевна	149
СУХОВА Наталья Георгиевна	161
ЧЕСНОВА Лариса Васильевна	165
ГРИГОРЬЯН Норавард Андреевна	170
КОПЕЛЕВИЧ Юдифь Хаимовна	174
МАНОЙЛЕНКО Ксения Викторовна	180
МИРЗОЯН Эдуард Николаевич	185
УВАРОВА Лидия Ивановна	190
СЕНЧЕНКОВА Евгения Михайловна	199
ТРИФОНОВ Дмитрий Николаевич	207
КУЗАКОВ Владимир Константинович	211
1962–1974 гг.: Институт истории естествознания и техники	215
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Ольга Андреевна	216
ВОЛОДАРСКИЙ Александр Ильич	219
ПЛАХОТНИК Александр Филиппович	224
КРИЦМАН Виктор Абрамович	232

ВИЗГИН Владимир Павлович	241
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна	245
ЯРОШЕВСКИЙ Михаил Григорьевич	249
ЛЮБИНА Галина Ивановна	256
БЛАУБЕРГ Игорь Викторович	261
ГЕОРГИЕВСКИЙ Александр Борисович	274
ДАВИДЮК Станислав Филиппович	276
КУГЕЛЬ Самуил Аронович	281
МУЗРУКОВА Елена Борисовна	285
РАБИНОВИЧ Вадим Львович	292
РОЖАНСКАЯ Мариам Михайловна	297
БАСТРАКОВА Майя Семеновна	303
НАЗАРОВ Вадим Иванович	308
ПЕЧЕНКИН Александр Александрович	312
БЕЛЯНОВА Людмила Сергеевна	314
ВОЛКОВ Владимир Акимович	316
ИВАНОВ Борис Ильич	322
РАБКИН Яков Миронович	328
ХАРИТОНОВА Алла Николаевна	337
ХАРТАНОВИЧ Маргарита Федоровна	340
ШУЛЬГИНА Ирина Викторовна	342
ШЛЕЕВА Марина Владимировна	345
ВИЗГИН Виктор Павлович	350
ГАВРЮШИН Николай Константинович	354
ГВОЗДЕЦКИЙ Владимир Леонидович	359
ОВЧИННИКОВ Николай Федорович	363
ПИЛИПЕНКО Александр Владимирович	366
ПОТЕМКИН Владимир Константинович	369
ДЕМИДОВ Сергей Сергеевич	373
ДЮМЕНТОН Георгий Георгиевич	379
ИДЛИС Григорий Моисеевич	383
ФЕДОРЕНКО Нина Владимировна	387
ХАЙТУН Сергей Давидович	391
ШЕЛИЩ Петр Борисович	395
ГУМЕНЮК Вячеслав Степанович	401
КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ Аркадий Александрович	406
1975–1986 гг.: Институт истории естествознания и техники	411
АЛЛАХВЕРДЯН Александр Георгиевич	412
ИЛИЗАРОВ Симон Семенович	416
КЕЛЛЕ Владислав Жанович	422
КУРСАНОВА Татьяна Андреевна	432
АПОКИН Игорь Алексеевич	437
ПОПОВА Татьяна Евгеньевна	441
РОДНЫЙ Александр Нимиевич	444

КАРПЕЕВ Энгель Петрович	448
КУРТИК Геннадий Евсеевич	460
ЛЕРМАН Ирина Васильевна	464
СОБОЛЕВ Дмитрий Алексеевич	468
ЮДИН Борис Григорьевич	471
КОЛЧИНСКИЙ Эдуард Израилевич	475
КРИВОШЕИНА Галина Геннадьевна	482
МОЧАЛОВ Инар Иванович	487
ПАРХОМЕНКО Арсений Аркадьевич	491
МЕДВЕДЕВА Алла Константиновна	496
СОКОЛОВА Ольга Александровна	499
ОРЕЛ Владимир Михайлович	502
ПОСТНИКОВ Алексей Владимирович	507
ЧАЙКОВСКИЙ Юрий Викторович	510
ЕЛИНА Ольга Юрьевна	514
КЛАВДИЕВА Мария Михайловна	517
УЛЬЯНКИНА Татьяна Ивановна	520
ВАССОЕВИЧ Андрей Леонидович	525
ГОРОХОВСКАЯ Елена Анатольевна	529
ЖЕЛТОВА Елена Леонидовна	532
ЛИТИЧЕВСКИЙ Георгий Семенович	536
КРИВОНОСОВ Юрий Иванович	540
БАЛАБИН Владимир Васильевич	543
ЖМУДЬ Леонид Яковлевич	549
КОЖЕВНИКОВ Алексей Борисович	553
КРАСНОВ Владимир Никитич	559
МИХЕЕВ Вадим Ростиславович	561
ШИРОКОВА Вера Александровна	567
ЛОЗОВСКАЯ Наталия Марковна	571
1986–1993 г.: Институт истории естествознания и техники	575
СИРОТКИНА Ирина Евгеньевна	576
РОССИЯНОВ Кирилл Олегович	580
СМАГИНА Галина Ивановна	583
СТЕПИН Вячеслав Семенович	585
БАЮК Дмитрий Александрович	589
ВОЛОДАРСКАЯ Елена Александровна	594
ГОЛУБОВСКИЙ Михаил Давидович	598
ГУЗЕВИЧ Дмитрий Юрьевич	602
КОНАШЕВ Михаил Борисович	610
НАЗАРОВ Анатолий Георгиевич	614
ПОНОМАРЕВА Валентина Леонидовна	619
ТОМИЛИН Константин Александрович	623
ГОРЕЛИК Геннадий Ефимович	627
ГУЗЕВИЧ Ирина Давидовна	634

ПУСТИЛЬНИК Симона Наумовна	640
СЕМЕНОВ Николай Михайлович	644
ЧЕСНОВ Василий Михайлович	649
ЮСУПОВА Татьяна Ивановна	653
БЕЛОЗЕРОВА Лариса Петровна	657
БОРИСОВ Василий Петрович	660
ТЕМНЫЙ Владимир Владимирович	665
ГЕРОВИЧ Вячеслав Александрович	670
АЛЕКСЕЕВ Константин Игоревич	675
1994–2004 г.: Институт истории естествознания и техники	679
БЕЛОЗЕРОВ Олег Петрович	680
ВАЛЬКОВА Ольга Александровна	685
КОЗЛОВА Марианна Сергеевна	690
АКСЕНОВ Геннадий Петрович	695
АНДРЕЕВ Александр Иванович	701
КУЗЬМИН Андрей Валентинович	705
РЫНДИН Сергей Иванович	708
АЛЬБЕДИЛЬ Олег Владимирович	710
АЩЕУЛОВА Надежда Алексеевна	713
КРИЧЕВСКИЙ Сергей Владимирович	717
ФАНДО Роман Алексеевич	721
ЧЕРКАЗЬЯНОВА Ирина Васильевна	725
РОМАНОВА Ольга Сергеевна	729
РОСТОВСКАЯ Наталья Александровна	733
КУРИХИН Олег Владимирович	738
ЩЕГЛОВ Дмитрий Алексеевич	741
ЩЕРБИНИНА Надежда Николаевна	744
АЛЬ-ХАМЗА Махмуд Хамо	746
КАНТЕМИРОВ Борис Николаевич	751
ЮРКИН Игорь Николаевич	754
2005 – настоящее время: Институт истории естествознания и техники	759
ЕРМОЛАЕВ Андрей Игоревич	760
КЕССЕНИХ Александр Владимирович	764
КОЗМИНСКАЯ Ольга Аркадьевна	770
САМАРИН Александр Юрьевич	772
СОБОЛЕВ Владимир Семенович	775
КУЗЬМИН Юрий Викторович	777
САВЕНКОВА Вера Михайловна	780
СМИРНОВ Валентин Георгиевич	783
АЙМАХАНОВ Мухтар Рабатович	788
БАСКАКОВ Дмитрий Евгеньевич	791
БАТУРИН Юрий Михайлович	793
ДУШИНА Светлана Александровна	798

ОЗЕРОВА Надежда Андреевна	802
ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович	806
САВИНА Светлана Борисовна	809
СОБИСЕВИЧ Алексей Владимирович	811
ШАЛИМОВ Сергей Викторович	817
ФЕКЛОВА Татьяна Юрьевна	820
МИНИНА Екатерина Валерьевна	823
ПИВОВАРОВ Евгений Григорьевич	827
ПРОХОРОВ Сергей Петрович	830
ВАГАНОВ Андрей Геннадьевич	832
ЗАХАРЧУК Полина Александровна	836
СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна	839
ЭРМАН Наталья Михайловна	843
СКРЫДЛОВ Андрей Юрьевич	845
РИЖИНАШВИЛИ Александра Львовна	848
ИЛЬИН Григорий Сергеевич	852
КУПРИЯНОВ Виктор Александрович	855
ФЕДОРОВА Анна Александровна	859
ВИНАРСКИЙ Максим Викторович	863
МАЛАХОВ Вадим Александрович	867
ГАВРИЛОВ-ЗИМИН Илья Александрович	869
САВИНА Екатерина Александровна	871
ВАНИСОВА Елена Александровна	873
КОБЗЕВА Юлия Андреевна	876
ЛИХАЧЕВ Борис Олегович	879
Именной указатель	881
Авторы воспоминаний	900

Научное издание

**Путь в профессию:
Институт истории естествознания и техники
в воспоминаниях сотрудников**

Автор идеи, составитель, редактор С.С. Илизаров

Ответственный редактор Р.А. Фандо

Редактор-корректор Н.А. Ростовская

Утверждено к печати Ученым советом Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН 19 апреля 2022 г.

Сдано в набор 21.03.2022. Подписано в печать 11.07.2022.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Уч.-изд л. 80,5. Физ.п.л. 57,5. Тираж 500. Заказ № 2075

ООО «Издательство «Янус-К».
127411, Москва, ул. Учинская, д.1

Отпечатано в ООО «Буки-Веди»,
119049, Москва, Ленинский проспект, д.4 стр 1А

